This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

P Slav 652.10

Harvard College
Library

By Exchange

97

СОВРЕМЕННИКЪ

1863

№ VII ИЮЛЬ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ КАРЛА ВУЛЬФА

(На Литейной, близъ Невскаго проспекта, домъ Зыбиной № 60)

Стр.

I. — ПОСИДѢНОКЪ И СВАДЬБА. Разсказъ Е. ЮЖАКОВА. 5

II. — ПИСЬМА О ТОСКАНСКОЙ МАРЕММѢ. ЛЕОНА БРАНДИ. 49

III. — КОНФЕТКА. Повѣсть Е. ДРІЯНСКАГО. 73

IV. — ПУШКИНЪ ВЪ ЛИЦЕѢ И ЛИЦЕЙСКІЯ ЕГО СТИХОТВОРЕНІЯ. — I. — В. П. ГАЕВСКАГО. 129

V. — КЪ НѢМЕЦКОЙ СВОБОДѢ. Стихотв. П. И. ВЕЙНБЕРГА. 178

VI. — ПИТОМКА. Разсказъ В. А. СЛѢПЦОВА. 179

VII. — БѢГУНЫ И СПАСЕННЫЕ БУРСЫ. Очеркъ четвертый. И. Г. ПОМЯЛОВСКАГО. 195

VIII. — ОСОБАЯ ГРАММАТИКА. Стихотв. Н. В. ВЕРГА. . . 248

IX. — ОБИТАТЕЛИ СЕЛА ЛЫКОВА. Разсказъ КОМОНЕВСКАГО. 249

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

X. — РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА. — СТАРЫЯ НЕДОРАЗУМѢНІЯ. (Исторія русской словесности древней и новой. Сочиненіе А. Галахова. Томъ I. (Исторія древней русской словесности. — Исторія новой до Карамзина). 1

XI. — НОВЫЯ КНИГИ: Казаки. Кавказская повѣсть графа Л. Н. Толстаго. «Русскій Вѣстникъ» № 1 (37). — Изслѣдованіе крестьянской грамотности по деревнямъ, преимущественно Тверской губерніи и частію Московской. В. Золотова. (Изъ «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія»). 54

XII. — ПОЛИТИКА. (Положеніе дѣлъ въ Сѣверной Америкѣ.— Мексиканскія дѣла). 63

СОВРЕМЕННИКЪ

СОВРЕМЕННИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ИЗДАВАЕМЫЙ

Н. А. НЕКРАСОВЫМЪ

ТОМЪ XCVII

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
ВЪ ТИПОГРАФІИ КАРЛА ВУЛЬФА
=
1863

~~Slav 30.52~~
~~Slav 30.53~~

P Slav 652.10

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ.

Санктпетербургъ, іюля 5-го дня 1863 года.

НОСИДѢНОКЪ И СВАДЬБА.

(ПОСВЯЩАЕТСЯ Н. Д. ДМИТРІЕВУ).

I.

Уже скучная осень на дворѣ. Скука смертельная вездѣ, и въ селѣ, и въ полѣ. И только дивишься, съ непривычки къ такой скукѣ, какъ это хочется жить здѣшнимъ жителямъ! На дворѣ пасмурно и осенній вѣтеръ завываетъ; и въ домѣ та же осень: ничто не веселитъ. Погода осенняя навѣваетъ грусть и скуку. Выйти и некуда, и не хочется; и дома сидѣть цѣлые дни, и притомъ въ деревнѣ, не весело. Только по вечерамъ иногда тишина сельской жизни расшевеливается посидѣнками.

Послѣ уборки хлѣба были въ два или три воскресенья веселыя улицы. Но потомъ не стало ихъ; они замѣнены посидѣнками. Я получилъ приглашеніе на посидѣнокъ. Ужь было темно, когда я отправился. Пѣсни съ посидѣнокъ далеко разносило по селу. Пѣсни пѣлись больше плясовыя, веселыя, такъ что ноги подкашиваются, когда слушаешь, особенно когда поетъ большой хоръ. При поворотѣ въ улицу я услышалъ съ обѣихъ сторонъ звуки пѣсенъ и не зналъ, куда идти. На удачу отправился на лѣво.

Передъ домомъ плясали и орали пѣсни однѣ дѣвки, ни одного парня не было.

Я подошелъ.

— Что тебѣ, баринъ, надо? спросили меня дѣвки.

— Али не туда я попалъ? спросилъ я.

— Да, знать, не туда! тутъ ты не званъ, не прошенъ! отвѣчали мнѣ.

— Меня звали на посидѣнокъ. Я услышалъ ваши пѣсни, да и пошелъ къ вамъ, я думалъ, что сюда меня звали... сказалъ я.

— То-то ты, баринъ. Слышалъ звонъ, да не знашь, откуда онъ... замѣтила дѣвка.

— Ну, такъ прощайте! извините, что обезпокоилъ васъ, сказалъ я.

— Ну, съ Богомъ! намъ незваныхъ гостей не надо, говорила мнѣ одна дѣвка.

— Да онъ що тебѣ? вѣдь онъ намъ не помѣха! Зачѣмъ его высылашь? говорила этой дѣвкѣ другая, когда я уходилъ отъ нихъ.

— Да щожь ему тутъ дѣлать-то? Мало ли, що баринъ! баринъ, такъ пусть и идеть играть ко своимъ барынямъ! а къ намъ безъ зову-то не суйся! Много ихъ! намъ и безъ него хорошо! отвѣчала она.

По голосу пѣсенъ я дошелъ до другой вечеринки. На этотъ разъ я былъ счастливѣе: меня приняли привѣтливо. Но и здѣсь я былъ сначала только зрителемъ, потому что не былъ никому знакомъ: знали только, что я живу у становаго. Потому дѣвки не охотно со мной играли. Но потомъ, когда я больше познакомился съ ними, онѣ пустили меня и въ кругъ къ себѣ. Все таки этотъ вечеръ былъ очень неудачный.

По приглашенію ихъ, я пришелъ къ нимъ въ слѣдующее воскресенье, вмѣстѣ съ писаремъ становаго.

Этотъ малый — типъ письмоводителей и писарей. Хорошо развитъ физически, съ ухарскими ухватками, гуляка, рюмки не пронесетъ мимо рта, чувствуетъ особенно пріятное ощущеніе, если ему удастся дать въ зубы мужику. Онъ изъ семинаристовъ. Этотъ господинъ всю дорогу жаловался мнѣ на становаго, что онъ потачку даетъ крестьянамъ. «У него, говорилъ онъ, не смѣй тронуть мужика пальцемъ! Ужь доставалось мнѣ отъ него за мужиковъ!» Жаловался, что становой не позволяетъ ни копѣйки брать ни съ кого, и что потому приходится жить только на 7 р. сер., что у другихъ становыхъ письмоводители получаютъ по 50 руб. сер. въ мѣсяцъ доходовъ, и что онъ, какъ получитъ чинъ,

такъ и отойдетъ отъ него, что онъ для чина и до чина только и живетъ съ такимъ становымъ. На этотъ разъ меня встрѣтили радушнѣе, чѣмъ въ первый, какъ уже знакомаго, и я сразу пустился играть съ ними.

Послѣ уборки хлѣба начинаются посидѣнки до зимы. Они устроиваются собственно одними дѣвками, безъ участія ребятъ. Дѣвки, сговорившись, выбираютъ избу для нѣсколькихъ посидѣнковъ. На посидѣнкахъ непремѣнно ужинаютъ. Каждая изъ нихъ несетъ условныя провизіонныя вещи. На первый посидѣнокъ приносятъ по извѣстному числу яицъ, готовятъ вечеромъ яичницу, угощаются сами и угощаютъ хозяевъ дома и ребятъ. Ужинъ бываетъ не раньше полночи. На второй разъ несутъ по пѣтуху (непремѣнно нужны пѣтухи, а не курицы). Въ третій пекутъ блины.

Вотъ какъ шолъ этотъ посидѣнокъ, неудачный самъ по себѣ, хотя я остался имъ очень доволенъ.

Было темно, когда я пришолъ. На улицѣ противъ дома, гдѣ устроился посидѣнокъ, сидѣлки играли вмѣстѣ съ ребятами. Правда, участіе послѣднихъ было слишкомъ пассивно: они только смотрѣли и посылали въ кругъ дѣвокъ остроты, иногда довольно острыя, но больше сальныя. Два молодца плясали съ ними, страшно топая ногами. Во время пляски или поютъ плясовую пѣсню, или играютъ на дудкѣ (въ родѣ флейты) или на заслонкѣ (которою заслоняютъ отверстіе кухонной печи). Дѣвки не пляшутъ, а стройно и плавно плывутъ, «не замутятъ воды» — говорятъ ребята. Одна за другой плывутъ онѣ, притопывая ногами, пощелкивая пальцами и хлопая въ ладоши. Когда обыкновеннымъ порядкомъ онѣ пляшутъ, т. е. плывутъ одна за другой, тогда хлопаютъ въ ладони; когда же дѣвка поворачивается назадъ и такимъ образомъ становится лицомъ къ лицу съ задней, тогда она щелкаетъ правой рукой, поднимая ее кверху въ ровень съ головой, на что задняя дѣвка отвѣчаетъ ей тѣмъ же. И тогда она пляшетъ живѣе, немного кривляясь и припрыгивая, и размахиваетъ платкомъ или просто голыми руками; но еще чаще подпершись руками, фертомъ, поворачиваетъ назадъ и продолжаетъ плыть. Совершенный контрастъ представляетъ пляска ребятъ. Въ ихъ пляскѣ выглядываетъ ухарство, размашистость и сила, но не ловкость. Мнѣ нравилась ихъ присядка, но еще больше, когда они сѣменятъ часто ногами и крѣпко ударяютъ каблуками въ землю, совершенно въ тактъ музыкѣ. Дѣвки живѣе пля-

шутъ подъ плясовую пѣсню, тогда они поютъ и пляшутъ. Когда же пляшутъ подъ гудѣніе дудки, тогда приговариваютъ разные *приговоры*, напр:

1. Кахи кахи кахикала,
полну хатку накликала;
еще бы мнѣ кахикати,
да не куды кликати.
кхи, кхи, кхи! (послѣднее говорится едва слышно).

2. Костицы болятъ,
лихой болѣсти хотятъ,
всѣ суставы говорятъ,
одинъ суставъ...

3. Охъ ты миленькой,
миловидненькой,
полюби меня хорошу,
поцалуй меня пригожу. —
А полюбишь ты меня,
выйду взамужъ за тебя:
Будемъ весело жить,
да ни объ чемъ не тужить.
Меня отецъ будетъ бранить,
меня мать будетъ корить —
да мнѣ нечего тужить,
коли ты будешь любить!
хоцъ, хоцъ, хоцъ...

4. Гуляй, гуляй, Маша,
пока воля наша —
взамужъ отдадутъ,
такой воли не дадутъ!
. . . . . .

5. Хоцъ-хоцъ трепака!
не пожалѣю башмака
за четыре пятака,
а за пятую гривну
полюби меня дѣвину!

6. Чорный глазъ,
не подзоривай насъ!

Сѣрые глаза
рѣжутъ сердце безъ ножа...

7. Передъ мальчиками
хожу пальчиками;
передъ старыми людьми
хожу бѣлыми грудьми —
ихъ — ну малина,
ихъ — ну калина!...

8. Любила я Павлушу,
любила я Петрушу,
Ванюшу полюбила —
сама себя погубила.

Любила я тульскихъ,
любила калужскихъ,
матырскихъ полюбила —
сама себя погубила!

9. Ахъ мой милый бѣлоусъ,
тебя я не боюсь;
спротивъ милаго зайду,
сама перевернусь.

10. Барыня, барыня,
сударыня барыня!
Какъ на барынѣ чепецъ,
полюбилъ ее (купецъ) писецъ;
какъ на барынѣ косычекъ,
полюбилъ ее дьячекъ;
какъ на барынѣ янтари,
ее любятъ пономари.
Какъ у нашей у барыни
. . . . . .

11. Тещина моя
доморошенная —
на ней шубочка нова,
да не ношенная.

12. Приходилъ ко мнѣ Игнатъ,
приносилъ пару ягнятъ;
приходилъ ко мнѣ Мосей,
приносилъ пару гусей.

13. Устюшкина мать
собиралась умирать —
умиратъ не глядитъ,
протянется... (затрещитъ),
стали гробъ ей тесать,
она вышла плясать
. . . . . .
. . . . . .

14. Милой ты мой,
миловидной ты мой —
не покинь меня сиротку
на чужой сторонкѣ.

15. Вышла на улицу Маша,
заиграла улица наша!
она стала плясать,
парни пѣсни играть;
она стала играть,
робята вышли плясать,
а сѣдые старики
да подмигивати,
а молодые мужики
ногой подергивати...

Когда дѣвки поютъ не плясовую пѣсню, тогда стоятъ въ кучѣ, но большею частію однѣ: рѣдко подходятъ къ нимъ ребята. Ребята составляютъ свой кружокъ, говорятъ, смѣются, или изрѣдка сами затягиваютъ пѣсни, такъ что ихъ участіе въ игрѣ очень пассивное. Во время пѣсенъ и пляски, ребята заигрываютъ съ дѣвками, хлопаютъ ихъ; другой поймаетъ дѣвку, или схватитъ ее въ охапку и отведетъ въ сторону, и тамъ наединѣ разговариваетъ съ ней, на что никто не обращаетъ вниманія. Очень часто можно видѣть до пяти и болѣе паръ, которыя часто болѣе получаса стоятъ и разговариваютъ; это не только не имѣетъ дурнаго значенія въ глазахъ народа, но вѣроятно и уважается, потому что къ этой парѣ никто не смѣетъ подходить, иначе парень засвѣтитъ фонарь на подглазицѣ. И дѣвка, нисколько не стѣсняясь, возвращается отъ своего одиночнаго разговора съ парнемъ въ кругъ своихъ подругъ.

Я своей пляской вызывалъ смѣхъ и остроты на свой счетъ.

Нѣкоторые милостиво снисходили моему неумѣнью плясать по ихнему и старались научить меня. Писарь плясалъ молодцомъ.

Одна изъ дѣвокъ сдѣлалась мальчикомъ, и еслибы у ней была спрятана хорошо коса, трудно было бы узнать въ ней дѣвку; она плясала уже совершенно не по дѣвичьи, но какъ мужчина: и въ присядку и такъ же, только слабѣе, топала ногами. Болѣе часу она потѣшала публику. Я удивлялся, гдѣ она могла выучиться такому множеству прибаутокъ, довольно острыхъ и уже черезъ край сальныхъ. Много остротъ въ этихъ прибауткахъ было пущено и на мой счетъ, и на счетъ барынь, на что, къ сожалѣнію, я не могъ отвѣчать.

Дѣвки то уходили въ избу, тамъ пѣли и плясали, то выходили на улицу и здѣсь продолжали то же. Въ избу изъ ребятъ входили только хорошо знакомые хозяину дома.

Писарь позволялъ себѣ тѣ же отношенія къ дѣвкамъ, какъ и ребята, но дѣвки не хотѣли этого.

— Ты играть играй съ нами, а не балуйся! Мы не любимъ этого, сказала ему одна.

— Ишь ты, какая фря! еще не любишь? Скажи спасибо, дура, что играютъ съ тобой!

— Ты играть играй съ нами, а не шали. Ты, значитъ, не нашего поля, мы и не любимъ, чтобъ съ нами чужіе шалили. Мы крестьянки, деревенскія дѣвки, а ты баринъ. Играй, поди съ барынями, сказали дѣвки.

Писарь надулся, хотя и польстило его самолюбію, то, что его назвали бариномъ.

Игра шла своимъ обыкновеннымъ порядкомъ. Но мой спутникъ, писарь, проникнулся вдругъ начальническимъ духомъ, вслѣдствіе пустяковъ: у него кто-то изъ ребятъ стащилъ простую дубовую палку. Это его взбѣсило: какъ! у него, писаря становаго, осмѣлились взять палку? и пошелъ ругать, на чемъ свѣтъ стоитъ, всю играющую публику. Площадною бранью разсыпался онъ и на ребятъ, и на дѣвокъ, и вошелъ въ полномъ смыслѣ въ воинственный азартъ. И случись же эта бѣда передъ тѣмъ, какъ дѣвки собирались топить печь для приготовленія блиновъ!

— Не позволю топить печь! закричалъ писарь: — вы тутъ подѣлаете пожаръ, сожжете все село.

Тутъ его стали упрашивать дѣвки, ребята и хозяинъ; посидѣнокъ разстроивался.

— Раньше-то ты вѣдь не запрещалъ, говорила одна дѣвка:— чтожь ты теперь-то запрещаешь?

— Это мое дѣло, что раньше я не запрещалъ: своей головѣ я самъ хозяинъ, отвѣчалъ онъ.

Послѣ долгаго упрашиванья, онъ сказалъ имъ:

— Подайте мнѣ мою палку, тогда можете топить.

— А. М.! Мы тебѣ завтра десять палокъ принесемъ на мѣсто одной, да еще и позабористѣе твоей-то, говорилъ ему парень.

— Нѣтъ, теперь мнѣ подайте, а то не смѣйте топить печь! сказалъ онъ грозно.—Ишь вы, не только у кого другаго—у меня осмѣлились украсть палку! воры, подлецы...

— Послушайте! вы вмѣшиваетесь не въ свое дѣло, сказалъ я ему.

— Какъ не въ свое дѣло? спросилъ онъ.

— Очень просто: это дѣло сельскаго начальства. А вы пришли сюда въ гости, и будьте гостемъ, а не распоряжайтесь въ чужомъ домѣ! иначе, чего добраго, васъ по шеѣ прогонятъ; это я вамъ говорю въ предостереженіе.

— Кто смѣетъ меня по шеѣ прогнать? запальчиво спросилъ онъ.

— Если будете такъ вести себя, то на дѣлѣ увидите, кто. И съ чего вы поднимаете шумъ? изъ такихъ пустяковъ! вѣдь это стыдно малому ребенку.

— Нѣтъ, не изъ пустяковъ: чтобъ они не смѣли воровать. Если они у начальниковъ воровать, то...

— Надобно прежде быть начальникомъ.

— Развѣ я не начальникъ?

— Какой вы начальникъ? Много найдется такихъ начальниковъ! вы писарь, и больше ничего.

— А они мужики.

— А вы развѣ баба?

Общій смѣхъ.

— Я не баба, а благородный человѣкъ.

— Благородные люди такъ не дѣлаютъ: такое нахальство прилично только пьяному мужику въ кабакѣ, который за это и отдувается часто своими боками. Въ сущности вы тотъ же мужикъ, не больше.

— Я законъ тутъ представляю.

— Въ другомъ мѣстѣ и другіе ребята вамъ этотъ законъ на бокахъ написали бы, а этотъ народъ, видно, смирный. Развѣ

по закону вы запрещаете топить печь, когда говорите: подайте палку, и тогда топите? Вы капризничаете, поднимаете носъ кверху, не имѣя даже ни малѣйшаго права требовать здѣсь, въ чужомъ домѣ, исполненія закона! Вы не власть, а такъ себѣ съ боку припека. Велика вы спица въ колесницѣ! Не учили васъ! а жаль, слѣдовало бы проучить.

Пасарь взялъ шапку въ охапку и ушелъ изъ избы. Онъ отправился на другіе посидѣники, гдѣ уже топилась печь. На улицѣ онъ раскричался: какъ смѣютъ топить печь ночью! ему указали на здоровый колъ, и онъ повернулъ оглобли назадъ. Оттуда онъ отправился къ пріятелю своему, дьячку, тамъ накушался здорово и пришелъ опять на посидѣнокъ.

— Ну, пеките блины: такъ и быть, прощаю! сказалъ онъ дѣвкамъ.

Дѣвки сказали ему: спасибо, и опять пошла пляска. Онѣ уже думали расходиться по домамъ.

Какъ онѣ вмѣстѣ съ ребятами ругали его, когда онъ былъ у дьячка!

— Зачѣмъ ты привелъ его съ собой? говорили онѣ мнѣ.

— Онъ самъ шелъ, я его не звалъ. Дорога-то широка, не укажешь ему, отвѣчалъ я.

— Вотъ ты былъ и въ то воскресенье и теперь вотъ играешь съ нами; мы отъ тебя дурнаго-то ничего не видимъ, и милости просимъ за всякое время. А онъ пришелъ, да еще чванится.

— Другой разъ мы и двери на запоръ, какъ онъ придетъ, говорилъ парень.

— А пусть только придетъ, такъ мы ему покажемъ, какъ за дѣвками бѣгать. Ишь его, разъѣхался! сказалъ другой.

— Да ну его къ чорту! Только, ребята, не пускать его на посидѣнки, сказалъ третій.

— Ужо вотъ дождется онъ чего нибудь; какъ весной этто жостили его, чертямъ тошно было.

— А что, развѣ поколотили его? спросилъ я.

— Да еще какъ! тоже сталъ съ дѣвками шалить, а потомъ разгонять, ну и отдубасили его порядкомъ, таки ничего; поди, теперь еще помнитъ.

— А не токмя що робята, у насъ и дѣвки съѣздили по ногамъ-то ему палкой, сказала дѣвка.

— Э! такъ онъ уже щипанная ворона, сказалъ я.

— Пощупали его порядкомъ. Да дождется еще: у насъ вѣдь

это недолго, живо взъерепенимъ, говоритъ парень. Онъ такой, къ примѣру, собачій сынъ, што дѣвкамъ проходу не даетъ: лѣзетъ къ нимъ, да и только!

Веселѣе прежняго стали играть дѣвки; между тѣмъ печь топилась въ избѣ. Писарь снова сталъ плясать и подъ пьяную руку началъ пошаливать съ дѣвками. Дѣвки стали гнать его вонъ изъ круга.

— Съ нашими дѣвками ты, братъ, не заигрывай! сказалъ ему парень.

Писарь опять надулся и хотѣлъ было запретить топить печь, но уже начали блины печь.

Прежде дѣвки однѣ, безъ ребятъ, ѣли блины. Меня онѣ пригласили съ собой за столъ.

— Наплясались вы здорово, наработались, сказалъ я дѣвкамъ, когда онѣ стали уписывать на обѣ щеки.

— Мы вѣдь не по вашему ѣдимъ, отвѣтила одна.

— Онѣ столько не наработаютъ, сколько съѣдятъ, замѣтилъ парень.

— Послушайте, дѣвки! отчего вы давеча писарю не позволили шалить съ собой? спросилъ я.

— Много ихъ есть! У насъ есть свои робята. А отъ него намъ, какъ отъ козла, ни шерсти, ни молока, отвѣчали мнѣ.

— Я не охочь шалить. Ну, а если бы мнѣ захотѣлось, вы не позволили бы?

— Нѣтъ. Играть играй, мы тебѣ это позволяемъ, а шалить не шали.

— Отчего же? вѣдь вы съ ребятами своими шалите?

— Робята вѣдь наши, свои, а вы чужіе. Изъ-за какой корысти-то намъ съ вами шалить?

— Это вы ребятъ-то приманиваете къ себѣ: онѣ вѣдь ваши женихи.

— Такъ не такъ оно, а вѣдь посуди-ко ты самъ: пускай-ко нашъ-то парень придетъ къ вамъ, да будетъ играть съ вашими барынями; да не токмо що поиграть, а и не подпустятъ къ себѣ близко, а шалить, такъ руки коротки! видишь ты; и мы также.

— Правда ваша! Противъ этого я ничего не могу сказать. Наши барыни не будутъ играть съ вашими ребятами, такъ и намъ нечего соваться къ вамъ, да только я не баринъ вѣдь, а петербургскій мѣщанинъ.

— Нѣтъ, дѣвка, онъ обманываетъ: онъ баринъ, говорила одна.

— Да ты играй съ нами, мы тебя не гонимъ отъ себя. Ты, хошь и баринъ, а не безчинничаешь тутъ, ну и играй! говорила снисходительно другая дѣвка:—а вонъ писарь-то безчинничаетъ, мы и играть съ нимъ не станемъ.

Когда наѣлись онѣ, то пригласили за столъ ребятъ, и стали за ними ухаживать, угощать ихъ. Всѣ дѣвки ухаживали за ребятами: та тому подноситъ блинъ, другая—другому; упрашиваютъ ихъ ѣсть, — ребята ихъ гости теперь. Какъ-то особенно ласково теперь относились онѣ къ ребятамъ, звали полуимешекъ.—«Ванюшка—милушка, кушай на здоровье! Петинька, пѣтушокъ мой!».... Въ другое время, въ другомъ мѣстѣ, не услышишь отъ нихъ такихъ нѣжностей.

Ребята не смѣялись надъ этими нѣжностями, не серьезно принимали ихъ, понимая, что они ихъ гости и что эти ласки сыплются на нихъ, какъ на дорогихъ гостей.

Послѣ ужина дѣвки стали пѣть пѣсни заунывныя. Мнѣ особенно понравились:

1.

Ужь вы, ночки мои, ночки,
ночки темныя, осеннія!
Надоѣли вы мнѣ, ночки, надоскучили!
Всѣ я ночушки, млада, просидѣла,
всѣ я думушки, млада, продумала;
одна думушка съ ума нейдетъ,
съ ума нейдетъ, съ крѣпкаго разума.
Проторилъ мнѣ милъ путь-дороженьку,
путь широкую;
проложилъ милъ худу славушку
про дѣвушку.
Я сама ли глупо, дѣвка, сдѣлала,
я сама дружка распрогнѣвала, и т. д.

2.

Ваня, Ванюшка не веселъ,
голову повѣсилъ;
самъ заплакалъ, зарыдалъ,

во весь день одинъ снопъ пожалъ,
и съ тоски, со скуки
перерѣзалъ серпомъ руки.

3.

Думала-гадала съ милымъ вѣковать;
пришло времячко—милъ покинулъ, позабылъ.

Когда которая нибудь затягивала заунывную пѣсню, то всѣ лица принимали задумчивое, грустное выраженіе. Нѣкоторыя сидѣли на лавкахъ, другія—у нихъ на колѣняхъ; остальныя стояли противъ нихъ, образуя кружокъ; большая часть подпирали рукой голову. Ребята подтягивали. Ихъ пѣсни наводили грусть на слушателя, не столько впрочемъ содержаніемъ, сколько напѣвомъ. Поразителенъ переходъ отъ веселыхъ пѣсенъ къ такимъ заунывнымъ,—отъ шутокъ, отъ рѣзвой игры къ тихой и скромной задумчивости, къ глубокой скорби: онъ какъ-то озадачиваетъ посторонняго слушателя. По общепринятому взгляду на необразованную женщину, не видѣвшій этой сцены скажетъ, что это обыкновенно въ такой женщинѣ, что ей довольно сказать: заплачь — она заплачетъ, смѣйся — она засмѣется. При видѣ этой сцены, подобный взглядъ, кажется, не могъ бы придти въ голову, по крайней мѣрѣ, мнѣ не пришелъ. Тутъ столько было грусти, тихой, неподдѣльной грусти, которая тихо тлѣетъ, какъ огонекъ подъ пепломъ, и только напоминаетъ о себѣ, что она живетъ.

Отчаянія въ голосѣ не слышно, онъ тихъ и покоенъ; это не ропотъ, а тихая жалоба на судьбу-мачиху.

Мнѣ приводилось много на своемъ вѣку слышать пѣсенъ, бывать на народныхъ играхъ. И я всегда замѣчалъ, и невольно мнѣ бросалось въ глаза, что если одинъ затянетъ заунывную пѣсню,—веселье въ сторону: и смѣхъ, и крики, и веселыя пѣсни замолкаютъ и всѣ пристаютъ къ заунывной пѣснѣ, или подтягиваютъ ей, или, свѣсивъ головы, только слушаютъ. Собираются дѣвушки или женщины, или мужчины и ребята, если не въ хороводѣ, не на праздникѣ, а такъ, случайно, отъ нечего дѣлать,—если запоютъ, то запоютъ непремѣнно заунывную пѣсню и непремѣнно всѣ отзовутся на заунывную пѣсню. Я былъ въ хороводѣ въ одной сѣверной губерніи. Немного въ сторонѣ отъ него собралась небольшая кучка дѣвокъ, бабъ и парней. Хороводъ

былъ въ полномъ ходу. Эта небольшая кучка затянула заунывную пѣсню и перетянула къ себѣ весь хороводъ.

Пьяный мужикъ или пьяная баба непремѣнно затянутъ заунывную пѣсню. Гдѣ только есть великорусскій элементъ, вездѣ вы одно и то же услышите и увидите—это обще-русская струна.

Дѣвки попросили меня снѣть имъ свою пѣсню. Я началъ лучинушку, и къ удивленію моему, всѣ стали пѣть ее. Эту пѣсню онѣ пѣли еще грустнѣе и заунывнѣе, такъ что я не могъ пѣть за ними и только слушалъ.

Послѣ этихъ пѣсенъ я ушолъ.

Я слышалъ потомъ, что дѣвки опять играли, пѣли и плясали *до бѣла свѣта*.

II.

Два мѣсяца я прожилъ у становаго. Въ это время много воды утекло въ завѣтной Болотовкѣ. Улицъ уже давно нѣтъ; были послѣ нихъ посидѣнки—и они прошли. Хлѣбушка снятъ, уродился хорошъ; всѣ веселы, довольны; работы нѣтъ спѣшной — теперь бы и веселиться, теперь бы и улицамъ быть, и посидѣнкамъ. Но теперь другое на умѣ у болотовцовъ: на сердцѣ легче и веселѣе, да есть и заботушка въ головѣ. Не вѣкъ быть на улицахъ и на посидѣнкахъ, не вѣкъ быть бобылемъ, не вѣкъ сидѣть въ дѣвкахъ.... Было время—на улицахъ ребята знакомились съ дѣвками, выбирали себѣ невѣстъ, на посидѣнкахъ сближались,— теперь надо подумать да погадать, какъ бы *скорымъ пиркомъ да и за свадебку*. Есть надъ чѣмъ поломать голову. Не ударить бы лицомъ въ грязь—надо и сапоги, и зипунъ, и полушубокъ, и шапку, и поясъ—чтобъ разлюли-малина!... Было время, заманивали, завлекали дѣвки ребятъ на улицахъ, ухаживали за ними на посидѣнкахъ—теперь надо добромъ и честью встрѣтить нежданныхъ гостей, и ждать ихъ, да поджидать, чтобы милый не краснѣлъ за свою молодушку: нужны подарки дорогимъ гостямъ, да чтобы была полна коробушка холста тонкаго. Да, говорятъ, ужь не зѣваютъ наши молодцы: три свадьбы въ Болотовкѣ затѣялось.

— Приходи къ намъ завтра днемъ, у насъ поглядѣшки будутъ, сказала мнѣ одна изъ трехъ дѣвушекъ, стоявшихъ у дома, когда я проходилъ мимо него.

— Что это такое поглядѣшки?

— Да нешто ты не знашь? спросила она.

— Гдѣжь ему знать-то? дай, оженится — узнаетъ, замѣтилъ мужикъ.

— Нешто у нихъ по нашему женятся? вмѣшалась баба.

— А-то развѣ нѣтъ. Тоже, поди, смотрятъ невѣстъ-ту, не зажмуриваются, отвѣтилъ мужикъ.— А вотъ, какъ будешь жениться-то, тогда узнашь и поглядѣшки.

— Не слухай ты его! обратилась ко мнѣ баба: — вишь ты, женихъ-отъ придетъ къ невѣстѣ-то и глядитъ на нее: по нраву ему придется, вотъ онъ и сватается, а не по нраву — ищетъ другую.

Я далъ слово быть.

Я пришолъ на поглядѣшки еще до пріѣзда жениховой партіи. Въ избѣ были только мужчины. Она была убрана, т. е. лавки и столъ вымыты, полъ выметенъ: мыть его нѣтъ возможности, потому что на немъ на полвершка грязи. Женщины были на другой половинѣ, черезъ сѣни, въ холодной клѣти, гдѣ одѣвали невѣсту вмѣстѣ съ дѣвишницами, т. е. дѣвушками, которыя шьютъ на невѣсту къ свадьбѣ и составляютъ, такъ сказать, ея придворный штатъ. Въ избѣ было дѣлать нечего; я вышелъ на улицу и вошелъ въ сосѣдній домъ, гдѣ меня считали своимъ пріятелемъ.

— Знать, на поглядѣшки пришелъ? спросилъ хозяинъ.

— На поглядѣшки. Разскажи-ка мнѣ, какъ у васъ сначала сватаются, я не знаю этого.

— Да какъ тѣ разсказать это?

— Разскажи, какъ ты сватался?

— Да какъ! Сначала посылаемъ мы свата-сходатая въ тотъ домъ, куда, знашь, мы мѣтимъ-то...

— Постой! Сходатай этотъ изъ своихъ долженъ быть, изъ родныхъ?

— Нѣтъ, чужой,—свой не годится.

— А то и сваху посылаете?

— Посылаютъ и сваху-сходатая.

— Ну вотъ, вашъ сходатай пришолъ въ избу невѣстину, дальше-то что?

— Ну вотъ, онъ пришолъ въ избу-ту, да и садится на приступокъ, то есть, гдѣ ему мѣсто-то...

— На приступокъ къ печкѣ?

— Ну да, вотъ такъ! И мужикъ показалъ мнѣ, какъ долженъ сѣсть сходатай. Онъ сѣлъ на нижній приступокъ печки, у печки было два приступка, по которымъ влѣзаютъ на печь.

— А на другое мѣсто онъ уже не долженъ садиться?

— Нѣтъ, ужь это его мѣсто. А то, понимаешь, не узнаютъ, что онъ сватъ. А онъ, какъ сѣлъ на приступокъ, да ничего не говоритъ, такъ ужь и знай, что это сватать пришолъ.

— Ну?

— Вотъ онъ сидитъ, а самъ все, знаешь, молчитъ, выжидаетъ, чтобы допросили его, что ему надо. Его и допрашиваютъ, «что ему надо? Зачѣмъ пришолъ?» Тотъ и говоритъ, что вотъ, молъ, есть у васъ, то есть, товаръ, а у меня есть купецъ. — Ну, и пойдутъ гуторить: кто да каковъ, нѣтъ ли очереди солдатской на немъ. Какъ есть согласье, знашь, такъ и скажутъ, что пріѣзжайте, молъ, посмотрите; по нраву придется вамъ нашъ товаръ, а намъ — вашъ купецъ; и дѣло, значитъ, въ шляпѣ. А какъ нѣтъ желанья, и станутъ гуторить: «что невѣстѣ ещо годы не велики, да несправны къ свадьбѣ, что погодимъ ещо съ годочекъ-то».

— Ну, они согласны: что же дальше?

— А согласны, такъ угостятъ его, да велятъ пріѣзжать смотрѣть товаръ.

— Значитъ, назначаютъ поглядѣшки?

— Нѣтъ еще. А пріѣдетъ смотрѣть только отецъ, али братъ, али дядя жениха. Вотъ ему выведутъ невѣсту; по нраву ему придется, онъ и говоритъ: когда, говоритъ, пріѣхать намъ съ женихомъ? — чтобъ, знашь, они сами другъ на дружку посмотрѣли, по нраву ли будутъ другъ дружкѣ; да отецъ невѣсты выговариваетъ невѣстѣ на подмогу цѣлковыхъ пять, или десять отъ жениха, чтобъ, знаешь, къ свадьбѣ справиться.

— Это и есть поглядѣшки-то?

— Это и поглядѣшки.

— Ну, что же на поглядѣшкахъ-то?

— Да што? — увидишь самъ.

Въ это время вбѣжала дочь хозяина. Она — въ числѣ дѣвишникъ невѣсты.

— Что, одѣли ужь невѣсту-то? спросилъ ее отецъ.

— Одѣли. Мамушка! обратилась она къ матери.

— Что ты?

Дочь подошла и что-то шепнула ей, потомъ пошла изъ избы.

— Шумни, Дуняша, какъ пріѣдетъ женихъ-отъ.

— Ну, ладно.

— Что она тебѣ шукнула? спросилъ жену старикъ.

— А тебѣ на что? у насъ есть свои бабьи дѣла.

— Ну, идти же мнѣ, а то неравно женихъ пріѣдетъ, сказалъ я вставая.

— Посиди еще! куды ты? пріѣдетъ, такъ шумнутъ, сказалъ старикъ.

— Нѣтъ ужь, пойду — лучше тамъ подожду.

Между тѣмъ стемнѣло.

Въ невѣстиной избѣ сидѣли мужики и бабы, но чужихъ никого не было — всѣ свои, т. е. изъ этого дома. Столъ былъ накрытъ, и самыя кушанья накрыты полотенцемъ. Невѣсты и ея свиты не было, онѣ сидѣли въ другой половинѣ. Почти тотчасъ по приходѣ моемъ пріѣхалъ женихъ съ своей свитой, на парѣ лошадей—и всѣ, снявъ шапки, стали креститься, когда сходатай, крестясь, перешагивалъ черезъ порогъ.

— Готовьте невѣсту, женихъ пріѣхалъ, сказалъ онъ, поклонившись на всѣ четыре стороны; и пошолъ назадъ, и опять перекрестился, перешагивая черезъ порогъ.

Зажгли свѣчку и поставили на столъ.

Немного погодя, *оповѣстили* жениха, что невѣста готова. Вошли всѣ сторонники жениха въ избу и пошли на другую сторону избы отъ дверей, а онъ — назади всѣхъ и сталъ у косяка дверей. Онъ молча стоялъ въ ожиданіи невѣсты, ни на кого не смотря. Это былъ рослый и красивый мужчина; русые волосы двумя прядями повисли съ наклоненной головы, закрывая уши и обрисовывая чистое и правильное лицо. Онъ былъ въ зипунѣ, опоясанъ краснымъ кушакомъ, шляпа съ краснымъ платкомъ въ рукахъ, на ногахъ новые сапоги. Немного погодя, отворилась дверь, и въ нее вошла цѣлая группа женщинъ; впереди шла мать невѣсты, за ней — невѣста и ея свита. Всѣ прошли къ печкѣ.

Сходатай взялъ невѣсту за руку и поставилъ на средину избы. Невѣста высокаго роста, стройная, лицо у ней чистое, не много смуглое, глаза черные, грудь высокая, словомъ, дѣвка— молодецъ, хоть куда! На головѣ былъ шелковый платокъ, — въ башмакахъ и въ бекешкѣ.

— Ну, смотрите другъ на дружку! сказалъ имъ сходатай.

— Ну, смотри теперь, Ванюша, сказалъ отецъ жениху: — смотри хорошенько! вѣдь это, Богъ дастъ, она тебѣ, то есть, жена будетъ, навѣкъ ты, значитъ, возьмешь ее. Это — не лапоть, съ ноги не сковырнешь. Смотри, да не пѣняй послѣ!

— И ты, Прасковья, смотри на него: любъ онъ тебѣ, али не любъ, чтобъ послѣ не пѣнять, говорила невѣстѣ ея мать.

— Ну, подходи, Иванъ Ларіонычъ къ ней! сказалъ жениху сходатай.

Женихъ подошолъ къ ней и посмотрѣлъ въ оба глаза, а она, бѣдняжка, потупила глаза въ землю. Сходатай взялъ свѣчку со стола и поднесъ ее къ лицу невѣсты, которая еще больше зардѣлась отъ этого—видно, что это была для нея пытка.

— Ну, зорко смотри на нее! сказалъ сходатай.—Теперь посмотри ей въ лицо, продолжалъ онъ. Женихъ подошолъ еще ближе, наклонился, посмотрѣлъ ее въ лицо, по которому струились слезы.

— Ну, теперь обойди ее! понравится ли она тебѣ съ боковъ-то, — командовалъ сходатай.

Женихъ обошолъ ее кругомъ, осмотрѣлъ со всѣхъ сторонъ.

— Ну, теперь возьми ее за руку, да посмотри руку-то, всѣ ли пальцы на рукахъ-то.

Женихъ взялъ ея руку, осмотрѣлъ ее.

— Ну, теперь проведи ее по комнатѣ, не хромая ли!

Женихъ провелъ ее по комнатѣ, не хромая ли.

— Ну, теперь пусть она взглянетъ на тебя—не косая ли!

Невѣста взглянула на него.

— Ну, теперь ступай на улицу!

И женихъ вышелъ изъ избы.

Женихъ и прежде зналъ, что ему нужно было дѣлать — ему уже говорили объ этомъ отецъ, мать и родные, но онъ самъ сконфузился, и если бы не командовалъ сходатай, онъ ограничился бы только тѣмъ, что поглядѣлъ бы на нее.

На улицѣ его спросили, по нраву ли ему невѣста, али не по нраву. А невѣсту въ избѣ мать спросила шопотомъ: любъ ли ей женихъ. Она отвѣчала: любъ.

Не прошло и пяти минутъ, какъ вышелъ женихъ изъ избы, вошелъ опять сходатай и сказалъ на ухо матери невѣсты, что жениху невѣста по нраву. Мать отвѣчала, что и невѣстѣ женихъ по нраву. Сходатай опять вышелъ изъ избы и, спустя минуту, вошли всѣ вмѣстѣ въ избу. Сходатай несъ полуштофъ водки,

отецъ жениха—четверть, а мать и сестры жениха принесли увелъ съѣстнаго: свинину холодную, жареную баранину, утокъ жареныхъ и хлѣба. Братъ жениха тотчасъ убралъ со стола всѣ блюда и хлѣбъ, поставленные невѣстиной стороной, и поставилъ на столъ свои привезенныя кушанья — холодныя жаркія и хлѣбъ.

Затѣмъ поставили жениха и невѣсту на средину избы; передъ ними разостлали бѣлый холстъ вмѣсто ковра, съ другой стороны холста, стали отецъ и мать жениха. Отецъ держалъ въ рукахъ икону.

— Ну, кладите три земные поклона! командовалъ сходатай.

Женихъ и невѣста положили три земныхъ поклона, приложились къ иконѣ и поцѣловали отца. Послѣдній затѣмъ передалъ икону женѣ, т. е. матери жениха — та же исторія. Отца и мать жениховыхъ смѣнили отецъ и мать невѣсты — та же исторія.

Потомъ сходатай далъ въ руку жениху полуштофъ водки, а невѣстѣ мать ея дала рюмку.

— Ну, теперь наливайте вина въ рюмку, командовалъ сходатай.

Невѣста подставила рюмку, женихъ налилъ въ нее.

— Ну, теперь подноси свекру! говорилъ сходатай.

Невѣста поднесла.

— Допрежь выпейте сами, покажите намъ дорожку, поздравьте другъ дружку съ началомъ дѣла, чтобъ далъ Богъ скорѣе кончить. Да одну рюмочку вмѣстѣ пейте, — отвѣтилъ свекоръ.

Невѣста подноситъ жениху рюмку водки.

— Кому ты подносишь? спросила ее мать.

— Говори: Ивану Ларивонычу, училъ сходатай.

— Ивану Ларивонычу, проговорила едва слышно невѣста.

— А ты отъ кого берешь? спросилъ жениха отецъ его.

— Говори: отъ Прасковьи Васильевны, училъ сходатай.

— Отъ Прасковьи Васильевны, проговорилъ тихо женихъ.

— Ну, теперь пей на здоровье, командовалъ сходатай: — а ты кланяйся ему, обратился онъ къ невѣстѣ.

Невѣста поклонилась. Женихъ отвѣчалъ ей тѣмъ же и выпилъ половину рюмки.

— Ну, теперь поднеси ей выпить и поклонись, командовалъ жениху сходатай.

Женихъ поднесъ и поклонился. Невѣста отвѣчала на поклонъ и выпила немного.

— Всю, всю пей, говорилъ сходатай.

Она выпила всю.

— Ну, теперь поцѣлуйте другъ дружку.

Женихъ и невѣста трижды поцѣловались.

— Не такъ! аль рукъ у васъ нѣтъ! положите правыя руки на плечи другъ дружкѣ! командовалъ сходатай, и показалъ имъ, какъ положить правыя руки на плечи другъ дружкѣ.

Они снова поцѣловались, положивъ правыя руки другъ другу на плечи.

Тогда на тарелкѣ поднесли невѣстѣ полотенца. Она подала одно жениху. Женихъ взялъ его, провелъ по своимъ губамъ взадъ и впередъ и также по невѣстинымъ и трижды поцѣловалъ ее. Все это дѣлалось по командѣ сходатая.

— Ну, теперь почестите родныхъ, говорилъ сходатай.

Женихъ наливалъ, а невѣста держала рюмку и потомъ подносила ее, по назначенію сходатая. Первому поднесла отцу жениха, оба вдругъ поклонились низко.

— Ну, давай вамъ Богъ миръ да согласіе, совѣтъ да любовь. Поздравляю васъ съ началомъ дѣла, то есть, какъ началось, такъ бы далъ Богъ и кончить... проговорилъ отецъ жениха.

— Дай-то Господи, говорили всѣ.

Отецъ поднесъ ко рту свою рюмку, попробовалъ вино и, поморщившись, отнесъ ее назадъ.

— У, какое горькое вино! проговорилъ онъ.

Но женихъ и невѣста уже видѣли, къ чему клонилось дѣло. Прежде, чѣмъ онъ сказалъ это, они поцѣловались и снова отвѣсили ему дружно низкій поклонъ. Отецъ опять поднесъ къ губамъ рюмку, отпилъ немного и опять поморщился, и опять та же исторія. Такъ пять разъ онъ заставлялъ цѣловаться, послѣ чего тѣ должны были дружно кланяться. За тѣмъ, опять по командѣ сходатая, невѣста поднесла свекру даръ — полотенце. Онъ провелъ по губамъ жениха и невѣсты: тѣ поцѣловались; потомъ по своимъ и жениховымъ и поцѣловался съ нимъ. Затѣмъ, по своимъ и невѣстинымъ; и поцѣловался съ ней.

Та же самая церемонія со всѣми. Каждый заставлялъ жениха и невѣсту цѣловаться и кланяться, minimum по три раза и такъ же принималъ даръ. Потомъ дѣло дошло и до сходатая и до меня.

Когда жениха и невѣсту поздравляли ихъ родные, дѣвушки-дѣвишницы, свита невѣсты, величали жениха и невѣсту, т. е. пѣли свадебныя, величальныя веселыя пѣсни и плясали.

Между тѣмъ, родные жениха накрывали на столъ. Когда кончилось угощеніе, поздравленіе и цѣлованіе, жениха и невѣсту увели въ другую половину, гдѣ прежде одѣвали невѣсту, и оставили ихъ тамъ наединѣ, «пускай познакомятся, познаютъ другъ дружку».

Послѣ этого женихова сторона посадила невѣстину за столъ и стали угощать. Между тѣмъ, дѣвишницы стали величать родныхъ жениха и невѣсты; въ концѣ величали и меня. За это ихъ дарили деньгами: кто давалъ имъ семишникъ, а другіе и гривну (асс.).Одна изъ нихъ принимала въ деревянную чашечку и низко кланялась, говоря: спасибо на великомъ дару! Но на дѣлѣ выходило, что не дарили, а платили дѣвишницамъ за пѣсни, и послѣднія принимали деньги не какъ подарокъ, а какъ плату; онѣ торговались, просили прибавки, упрекали, что мало даютъ, просили прибавить еще копѣечку. Я положилъ имъ 20 к. сер.

— Съ тебя бы, Е. Д., надо и поболѣ, дѣвки-то смотри, какъ тебя любятъ, пра! говорила мать невѣсты.

— Мы те еще свеличаемъ, ты намъ положи еще, говорила одна изъ дѣвишницъ.

— Дѣвки! обратился къ нимъ уже веселый отецъ жениха:— вы его поцѣлуйте, такъ онъ еще дастъ.

— Ну хошь мы те поцѣлуемъ, дай намъ еще одинъ рубль, говорила дѣвишница.

— А у тебя губа-то не дура! отвѣчалъ я.

— Эка, много хошь! Онъ самъ-то не богатой человѣкъ, онъ не помѣщикъ. А ты не давай имъ больше, будетъ съ тебя. Много ты далъ имъ, положилъ бы пятакъ и за то спасибо! Кто имъ далъ тутъ по двугривенному-то? говорила сестра невѣсты.

— Ну, дѣвки! цѣлуйте его: онъ еще придетъ, да еще принесетъ.

Я еще 20 копѣекъ далъ имъ.

— По двадцати разъ, дѣвки,вы должны поцѣловать его! говорила мать невѣсты: — ишь, какой онъ добрый! — И дѣвишницы стали цѣловать меня. Ну, конечно, были и недочеты до 20 разъ, и перечеты...

— Ты ходи къ намъ, какъ дѣвишницы-то будутъ шить у насъ! Онѣ те цѣловать будутъ, говорила мнѣ мать невѣсты.

И дѣвишницы не уступали ни въ чемъ невѣстѣ. Она точно выбирала изъ всѣхъ дѣвушекъ, лучшія на отборъ! Онѣ были одѣты по праздничному: въ красныхъ рубахахъ съ ленточками на косахъ, во «французскихъ» юбкахъ и въ башмакахъ. Сходатай поднесъ имъ не большому стакану водки. Когда онѣ кончили пѣть и плясать, одна изъ нихъ выпросила у отца женихова его лошадь и съ его позволенія всѣ поѣхали кататься по селу. Онѣ надѣли на себя шубейки, повязались большими платками. Съ пѣснями проѣхали они по всѣмъ улицамъ. Одна изъ нихъ вмѣсто музыки била въ тактъ пѣснѣ по косѣ. На свадьбахъ другой музыкальный инструментъ не употребляется.

Между тѣмъ сваты усердно угощались и изливали другъ предъ другомъ свои пріятельскія чувства, жали другъ другу руки, обнимались, цѣловались, высказывали другъ другу желанія всевозможныхъ благъ; но больше всего благожеланія сыпались на жениха и невѣсту: — «чтобъ было между ними миръ да согласіе, совѣтъ да любовь, чтобъ они жили да добра наживали, да дѣтей приживали». Отъ полноты чувствъ сваты плакали, а невѣстинъ отецъ уже самъ не понималъ, что бормоталъ, хотя слезы ручьемъ струились по лицу.

Сначала угощали жениховы сторонники невѣстиныхъ своимъ хлѣбомъ-солью, а потомъ невѣстины принесли свою хлѣбъ-соль, и стали угощать ихъ. А затѣмъ уже вмѣстѣ другъ друга угощали: сложили вмѣстѣ оба хлѣба, обѣ соли,—вали вмѣстѣ, послѣ разберемъ. Только и слышно было: «кушай, сватъ любезный, сватьюшка дорогая»... и обнимались и цѣловались. Сходатая угощали обѣ стороны. Онъ же позаботился и о помолвленной парочкѣ, отнесъ имъ и холоднаго, и жаркаго. Когда кончили угощаться, сходатай отправился за счастливой парочкой и привелъ ихъ въ избу. На нихъ никто не обратилъ вниманія, только дѣвишницы, которыя успѣли уже воротиться, начали величать ихъ, вѣроятно, имѣя въ виду не конфузить ихъ, не стѣснять. Но я не утерпѣлъ, подошелъ къ счастливой четѣ. Оба мнѣ знакомые, потому я разсчитывалъ, что если они и сконфузятся, то не много.

— Чтожь вы молчите, не разговариваете другъ съ дружкой? спросилъ я. — Оба молчатъ.

— Али не по нраву пришлись? — Отвѣта нѣтъ; только оба улыбнулись, и невѣста закрылась платкомъ.

— Ну, объ чемъ вы тамъ гуторили на единѣ-то?

— Ни объ чемъ, едва слышно проговорилъ женихъ и улыбнулся снова.

— Все будешь знать, скоро состаришься, замѣтила мнѣ стоявшая подлѣ дѣвишница.

— А що, сказать тебѣ, о чемъ они гуторили тамо? сказалъ мнѣ братъ жениха.

— Ну, скажи, отвѣчалъ я.

— Ну, Петруха, собирайся! пора домой, сказала мать жениха его брату: — и ты, Ванюшка, иди, собирайся, простись со своей-то ягодкой.

Такъ мнѣ и не сказалъ ничего братъ жениха.

Сваты и сватьи стали прощаться: обниматься и цѣловаться. Конечно, разставались со слезами и съ крѣпкими, крупно-выраженными увѣреніями стоять горой за свата.

Женихъ простился съ невѣстой.

Прежде всѣхъ вышли на дворъ дѣвишницы, за ними пошли всѣ, исключая одной невѣсты, которая одна осталась въ избѣ. На дворѣ продолжались обниманья и цѣлованья, дѣвишницы пѣли прощальныя пѣсни жениху; одна изъ нихъ ударяла молоткомъ по косѣ въ тактъ пѣснѣ.

— Сними шапку-то, Ванюшка, да кстись! сказала жениху мать его, когда поѣхали.—Въ воротахъ-то трижды перекстись, настаивала его мать.

Женихъ исполнилъ. Дѣвишницы проводили жениха съ пѣснями и съ бренчаньемъ косы за ворота и пѣли, пока онъ не скрылся изъ виду.

На другой день я встрѣтился съ женихомъ.

— Ты самъ захотѣлъ сватать Парасковью, или отецъ? спросилъ я его.

— Нѣтъ, я самъ. Отецъ-то хотѣлъ было вонъ Дуняшку сватать, что вонъ у мосту-то живетъ...

— Знаю, знаю.

— Ну, я уперся, говорю: батюшка! я не буду на другой жениться, окромя Прасковьи. Она, молъ, мнѣ по сердцу пришлась—люба, молъ. Ну, онъ сначала-то все ругался, сердился, а потомъ и далъ согласіе. Все говорилъ мнѣ, что у Прасковьи домъ бѣдный, а у Дуняшки богатый и честный (*); ну, и я-то

(*) Почетный.

ему говорилъ, что я, молъ, богатство-то самъ, Богъ дастъ, наживу, и почетъ, молъ, мнѣ будетъ, коли буду хорошо жить,— ну, и уволилъ.

— А ты прежде еще любился съ Прасковьей?

— Любиться-то не любился, а дружны были, знали другъ дружку.

— Куда же ты идешь теперь? къ невѣстѣ?

— Къ невѣстѣ? да развѣ можно къ невѣстѣ идти? у насъ не ходятъ.

— А тебѣ хочется видѣться съ ней?

— Хотца.

— Ну, я сейчасъ пойду къ нимъ и скажу ей, чтобъ она вечеромъ вышла за ворота. Хорошо?

— Она и безъ того выйдетъ, сказалъ онъ, смѣясь.

— А ты ее крѣпко любишь?

— Я вѣдь ужь давно ее люблю. Еще прошлую осень я говорилъ батюшкѣ, чтобъ послъ ее сватать, да вотъ, слава Богу, хоть теперь не ушла.

— Ну, скажи мнѣ: объ чемъ ты съ ней говорилъ наединѣ-то?

— Эка, все хошь знать!

— Куда ты, Иванъ Ларивонычъ, идешь? сказалъ ему подошедшій мужикъ.

Теперь въ чести Иванъ Ларивонычъ!

Черезъ четыре дня я пришелъ въ домъ невѣсты, по приглашенію ея родителей. Дѣвишницы уже были. Онѣ были сегодня въ бѣлыхъ тонкихъ рубахахъ и въ простыхъ полосатыхъ юбкахъ, невѣста же по будничному.

— Ну, насилу-то пришелъ! ужь мы те ждали, ждали, говорила дѣвишница.

— Что ты долго не приходилъ? спросила другая.

— Больно вамъ нужно меня! Вамъ не я, а мои денежки нужны!

— Ну, ужь и деньги... начала было третья.

— А чтожь имъ больше: дѣвки падки на деньги, подвернись хоша кто, обдерутъ не хуже цыгана, сказала мать невѣсты.

— Ну, ужь, тетушка, что и гуторить! кого мы ободрали? Вотъ, пришелъ къ намъ Е. Д., мы и рады, мы окромя денегъ и хорошимъ людямъ рады.

— Вы меня не величайте: у меня денегъ нѣту.

— Такъ за коимъ чортомъ ты пришелъ сюда? Да онъ обманываетъ, дѣвушки! Давайте, выходите! будемъ обыгрывать его, сказала первая, и всѣ вышли изъ-за стола и стали пѣть и плясать.

— Ну, дѣвки! надо цѣловать теперь его, сказала мать невѣсты, когда я положилъ за пѣсни 20 копѣекъ въ чашку, подставленную одной дѣвишницей.

Дѣвишницы молчали.

— Ну, чтожь вы? аль губы-то отсохнутъ у васъ? говорила она.

— Ну, чтожь... начала одна.

— Нѣтъ, дѣвушки, вонъ робята идутъ, увидятъ, сказала другая.

— А развѣ вы боитесь ребятъ? спросилъ я.

— А то развѣ нѣтъ! скажутъ: чужихъ цѣлуете, а насъ нѣтъ. Онѣ вѣдь не велятъ намъ играть-то съ чужими, говорила первая.

— Чтожь они вамъ сдѣлаютъ?

— Да мало ли что! не будутъ играть съ нами, пойдутъ къ чужимъ дѣвкамъ, отвѣчала та же.

— И вы, значитъ, не велите имъ играть съ чужими дѣвками?

— А то развѣ спасибо скажемъ! отвѣчала вторая:—съ нами, такъ съ нами: не хошь — дорога широкая, только къ намъ ужь не заворачивай оглобли.

— Ну, а у тебя есть сердечный дружокъ?

— А то развѣ безъ дружка живемъ!

— У нее еще махосенькой, замѣтила другая.

— А у тебя есть? спросилъ я другую.

— Чтожь онъ, дѣвки, какъ попъ, выпытываетъ у насъ! сказала, смѣясь, третья.

— У меня еще не одинъ, отвѣчала другая, смѣясь.

— Весело же вы живете.

— А то развѣ нѣтъ. Не хуже вашего, отвѣчала первая.

— Ну, а если дѣвка любится съ милымъ дружкомъ, а онъ обманетъ ее, женится на другой?

— Да съ какого родимца онъ обманетъ! отвѣчала первая.

— Ну, не обманетъ! всяко бываетъ, вмѣшалась мать не-

вѣсты:—другой живетъ живетъ, да и броситъ ее, и женится на другой.

— Ну, броситъ! броситъ, такъ не по своей волюшкѣ, отстаивала первая.

— Обманетъ, такъ до вечеру не доживетъ—сдохнетъ! замѣтила вторая.

— А чтожь тогда дѣвка? такъ въ дѣвкахъ и останется?

— Ну, вотъ останется! отвѣчала третья: — другой возьметъ.

— Значитъ, ничего, что дѣвка съ другимъ жила?

— Ишь ты! а сами-то тожь живете съ другими, такъ ничего? развѣ вы безгрѣшны? Ишь какой! Они гуляй, а дѣвкѣ нельзя. Рожна вамъ не надо ли! Вы гуляете, и мы гуляемъ, отвѣчала вторая.

— Кабы вы не гуляли, и намъ не съ кѣмъ бы гулять было, и мы бы не гуляли, добавила третья.

— У насъ это ничего! Въ дѣвкахъ-то и гулять, покамѣстъ нѣтъ ни нужды, ни заботушки. А отдадутъ за немилаго, и не поживешь въ свою волюшку. А въ дѣвкахъ, кого хошь, того и любишь, говорила мать невѣсты.

— Гуляй, дѣвки, покамѣстъ на свободѣ! сказала вторая: — по крайности есть чѣмъ будетъ помянуть дѣвичество. Хошь немножко, да поживемъ въ волюшку.

Гуляй, гуляй, Маша,
Пока воля наша:
Въ замужъ отдадутъ —
Такой воли не дадутъ!
Кхи, кхи, кхи, хоцъ, хоцъ, хоцъ!

продекламировала она, пощелкивая вверхъ поднятыми пальцами.

— А то, какъ заберетъ мужъ въ свои лапы, то поворачивайся знай! говорила первая.

— Эхъ! отчего-это, дѣвки, вѣкъ нельзя въ дѣвкахъ сидѣть? На кой его лѣшій въ замужъ дѣвки идутъ? Я бы не пошла! сказала вторая.

— Ну, не пойдешь! Отдадутъ, такъ пойдешь, сказала третья.

— Останусь въ дѣвкахъ, а за немилаго не пойду! сказала она рѣшительно и задумалась.

Любила я Ванюшу,
любила я Павлушу,
Петиньку полюбила,
сама себя погубила.

продекламировала она весело, но такъ, какъ будто у самой кошки на сердцѣ скребутъ.

— Слышь, Парасковья, что онѣ говорятъ? сказалъ я невѣстѣ.

Она засмѣялась.

— Я свово не побаиваюсь! отвѣчала она.

— Ей что! отвѣтила вторая: — она за милаго идетъ. Какого ей родимца еще надо! Ахъ, кабы мнѣ... Задала бы я трепака, не пожалѣла бы башмака.

«... Ужь ночки мои, ночки»... затянула одна; ее подхватили всѣ, къ нимъ присоединился и я.

Въ это время вошелъ мужикъ, братъ невѣсты. Когда кончили пѣсню, я спросилъ его:

— Скажи ты мнѣ, зачѣмъ женихъ на поглядѣшкахъ-то уходитъ изъ избы, когда осмотритъ невѣсту?

— Тамъ онъ скажетъ своимъ родителямъ, по нраву ли ему невѣста, отвѣчалъ онъ, смѣясь.

— Ну, а если не по нраву?

— Тогда онъ ужь и не заходитъ въ избу, а прямо въ телѣгу и домой.

— А невѣста такъ и осталась забракована?

— Такъ и осталась. Да это ничего. Ежели, теперича, невѣстѣ не по нраву пришелся женихъ, она отказываетъ ему, онъ такъ и убирается съ виномъ и снадобьемъ.

Дѣвишницы смѣялись.

— А родители что же?

— Что родители? Коли не прекословитъ сыну али дочери, такъ молчитъ; а то есть такіе, что и не спрашиваютъ, по нраву ли пришлась невѣста.

— Ну, а потомъ, какъ они, наединѣ, сидятъ на другой половинѣ, что они тамъ говорятъ?

Дѣвишницы опять засмѣялись и стали шептаться между собой.

— Да что взберутъ на умъ, то и гуторятъ. А коли они еще не познали другъ дружку, молчатъ и не смотрятъ другъ на дружку, говорилъ онъ, смѣясь: — у насъ-то вѣдь еще ничего, а вотъ въ Салтыкахъ, такъ тамъ чудно ужь больно.

— Гдѣ это, далеко ли?

— Да верстъ тридцать отсюда.

— Что же тамъ чуднаго-то?

— Да чудно ужь больно! отвѣчалъ онъ, смѣясь.

Дѣвицы бросили шитье и тоже смѣялись.

— Тамъ, вишь ты, началъ онъ: — дѣвки ходятъ въ одних рубахахъ, покамѣстъ просватаютъ ее. Хоша она тридцати лѣтъ, да не просватана, все въ рубахѣ ходитъ (смѣхъ). Вотъ, знашь, какъ съ поглядѣшекъ-то женихъ-то уѣдетъ, мать-то да отецъ-то и ходятъ за ней. У матери-то юбка въ рукахъ. А она, невѣста-то, вскочитъ на лавку, да и бѣгаетъ вокругъ стола (дѣвицы продолжаютъ смѣяться). Вотъ мать-то и гуторитъ невѣстѣ-то: «скоци, скоци, мое дитятко! скоци, скоци, мое милое!» а сама подставляетъ ей юбку-ту, чтобъ, понимаешь, она вскочила туда. И отецъ ходитъ за ней (сильный смѣхъ). Невѣста-то знай бѣгаетъ вкругъ стола-то, по лавкѣ, да сама гуторитъ: «хоцу-скоцу, хоцу-не скоцу, хоцу-скоцу, хоцу-не скоцу, (смѣхъ продолжается). А мать-то опять: «скоци, скоци, мое дитятко! скоци, скоци, мое милое!» А та все бѣгаетъ по лавкѣ-то, все бѣгаетъ, а отецъ и мать за ней, да все гуторитъ: «хоцу-скоцу, хоцу-не скоцу» (смѣхъ такъ усилился, что дѣвицы закашляли). Такъ вотъ она бѣгаетъ-бѣгаетъ, гуторитъ-гуторитъ да и вскочитъ въ юбку-ту. Тутъ ее охватятъ отецъ съ матерью, да и затянутъ ее чрезъ брюхо-то. Тоды мать-то и запоетъ: «скоцила, скоцила, мое дитятко, скоцила, скоцила, мое милое».

Въ это время вошелъ молодой парень.

— Милости просимъ, Ефимъ Созонычъ! привѣтствовали его дѣвицы.

— Ну, дѣвки, выходите, будемъ его обыгрывать! сказала вторая.

— Рожна вамъ не надо ли? вишь, ихъ родимецъ-то беретъ! богаты будете, отвѣчалъ онъ.

— Ну, а ты безъ денегъ не ходи! оставишь подъ закладъ що нибудь, говорила та же.

И всѣ вышли и стали пѣть и плясать.

Ефимъ Созонычъ далъ имъ двѣ копѣйки.

— Вишь, какой скупой! дай еще семишникъ, говорила вторая.

— Ну, будетъ съ васъ! не работу робили, не за што! Честь знайте!

— Ну, спасибо и на томъ, сказала третья.

Чрезъ недѣлю назначенъ былъ сговоръ.

До пріѣзда жениха, дѣвишницы съ посторонними дѣвушками на улицѣ пѣли пѣсни и плясали. Женихъ пріѣхалъ только къ полночи. Сходатай прискакалъ прежде съ извѣстіемъ: «се женихъ грядетъ въ полунощи». Всѣ играющіе на улицѣ вошли въ избу. Немного погодя, раздался стукъ въ окно.

— Кто тамъ? спросилъ хозяинъ.

— Пустите ночевать! послышалось съ улицы.

— Проѣзжай дальше! у насъ тѣсно, отвѣтилъ хозяинъ.

— Пустите пожалуйста, у васъ однихъ огонь-то — вездѣ ужъ потушены. Мы озябли и промокли, обогрѣться только... просились съ улицы.

Въ избѣ всѣ засмѣялись.

— Не пущай, не пущай ихъ! пускай померзнутъ, говорили хозяину со всѣхъ сторонъ.

— Нельзя, вѣдь, не пустить-то! сказалъ хозяинъ: — замерзнутъ — отвѣчать будешь.

— Ну, ино полѣзайте въ избу! сказалъ онъ стучавшимъ. — Ступай-ко, малой, отвори ворота, обратился онъ къ сыну.

Сынъ отправился со свѣчкой во дворъ отворять ворота. Въ воротахъ ему подали водки, тогда онъ впустилъ пріѣзжихъ.

Чрезъ минуту вошли въ избу пріѣзжіе, то есть женихъ съ отцомъ, братомъ и сходатаемъ. Поклонились на всѣ четыре стороны.

— Что вы за люди? допрашивалъ хозяинъ.

— Купцы, отвѣчалъ отецъ.

— Что вы покупаете?

— Надо намъ куницу, да лисицу, да красную дѣвицу, отвѣчалъ отецъ: — нѣтъ ли у васъ эвтова товару?

— Есть, какъ не быть! вотъ тебѣ и товаръ на лицо. Выбирай, предлагалъ хозяинъ.

Жениху дали въ руку свѣчку.

Невѣста сидѣла въ углу за подругами-дѣвишницами, которыя обступили ее. Женихъ, со свѣчкой въ лѣвой рукѣ, пошелъ

на дѣвишницъ и сталъ осматривать ихъ. Въ это время дѣвицины задули его свѣчку, и женихъ въ потьмахъ принужденъ отыскивать, выбирать себѣ куницу, да лисицу, да красную дѣвицу, потому что отъ него загородили свѣтъ отъ свѣчки, стоящей на столѣ. Поднялась суматоха между дѣвишницами, смѣхъ, крикъ и хихиканье, онѣ путали жениха: каждая подавала ему свою руку, выдавая себя за его невѣсту. «Нашелъ!» наконецъ сказалъ женихъ. Онъ отыскалъ свою невѣсту, выбралъ куницу и вывелъ ее на средину. Между тѣмъ родня жениха таскала съ улицы свою водку, говядину, хлѣбъ и стали накрывать на столъ. Съѣстнаго и водки привезено было въ большемъ противъ прежняго количествѣ, водки ведра три.

Послѣ этого жениху дали въ руки бутылку, а невѣстѣ — рюмку. По командѣ сходатая, женихъ налилъ водки въ рюмку. Невѣста поднесла водки отцу жениха. Тотъ отвѣчалъ: «выпейте прежь сами — покажите дорогу!» и та же исторія, что и на поглядѣнкахъ, то есть невѣста поднесла жениху; они оба въ три пріема выпили рюмку. Ихъ спросили: «отъ кого берешь? кому даешь?» Тѣ звали другъ друга по имени. Затѣмъ цаловались, словомъ, какъ на поглядѣнкахъ. Послѣ этого у нихъ взяли и бутылку съ водкой и рюмку.

Затѣмъ сестра невѣсты принесла на тарелкѣ полотенца — дары невѣсты.

— Ну, возьми, Прасковья Васильевна, полотенце и подай его Ивану Ларивонычу! командовалъ сходатай.

Невѣста взяла одно и подала жениху.

— А ты, Иванъ Ларивонычъ, возьми да оботри губы-те свои, и у Прасковьи Васильевны также, да и поцалуй ее! показывалъ сходатай.

Женихъ взялъ полотенце, обтеръ имъ свое и невѣстино лица и поцѣловалъ ее. Полотенце отъ него приняла его мать.

Между тѣмъ вся невѣстина родня, въ томъ числѣ ея отецъ и мать, сѣли за столъ. Ихъ усаживалъ братъ жениха.

Когда отъ жениха взяли полотенце, ему опять дали бутылку съ водкой, а невѣстѣ — рюмку. Онъ налилъ, и невѣста тогда поднесла рюмку свекру, и оба поклонились ему. Свекоръ попробовалъ. «Ухъ, какое горькее», сказалъ онъ—и женихъ и невѣста поцаловались и поклонились. Потомъ опять то же, и опять и опять; наконецъ онъ выпилъ всю. Невѣста приняла рюмку. Тогда сестра невѣсты подала послѣдней полотенце, а эта поднесла его

свекру. Свекоръ взялъ и провелъ имъ по губамъ жениха и невѣсты. Послѣдніе поцѣловались трижды послѣ этого. Потомъ свекоръ провелъ полотенцемъ по своимъ губамъ, и жениховымъ и поцѣловался съ нимъ; затѣмъ — опять по своимъ и невѣстинымъ и поцѣловался съ ней, послѣ того подошла къ нему его жена: онъ также провелъ по ея губамъ и своимъ, и поцѣловался съ ней. За ней подошелъ къ нему его братъ: онъ и съ нимъ исполнилъ эту церемонію. За нимъ подходили къ нему старшій сынъ, его жена и остальная родня женихова, и со всѣми онъ исполнялъ эту же церемонію. Потомъ онъ самъ подошелъ къ гостямъ, сидящимъ за столомъ, т. е. невѣстиной роднѣ, и уже самъ подходилъ къ каждому и чрезъ столъ исполнялъ эту церемонію, величая всѣхъ сватомъ или сватьей. Лицо, къ которому онъ обращался по порядку, вставало и протягивало свою голову къ нему, т. е. подставляло ему свои губы, по которымъ онъ проводилъ полотенцемъ и цѣловалъ до трехъ разъ, кладя правую руку на лѣвое его плечо. Когда онъ кончилъ эту церемонію со всѣми, тогда на его мѣсто, гдѣ онъ стоялъ, когда ему невѣста поднесла полотенце,—на это мѣсто стала его жена—свекровь невѣсты. Ей поднесли рюмку водки. Та же исторія цѣлованія жениха съ невѣстой и поклоновъ пьющему лицу. Потомъ невѣста поднесла ей даръ—полотенце, и она стала исполнять ту же церемонію, которую до поту исполнялъ ея мужъ, перешла по порядку ко всѣмъ и наконецъ къ мужу. Послѣ нея мѣсто занялъ дядя жениха—та же исторія; тамъ братъ жениха и его жена и остальная его родня. Послѣ этого женихъ и невѣста сами стали подходить къ гостямъ, сидящимъ за столомъ, и продолжалась та же исторія. Гости такъ же утирали полотенцемъ другъ друга, и цѣловались съ женихомъ и невѣстой и между собой, потомъ съ родными жениха. Они изъ-за стола не выходили—со своими исполняли эту церемонію стоя и вытянувшись, чтобъ достать одному до другаго. Окончивъ эту церемонію со своими, родня невѣстина зазывала къ себѣ, къ столу, женихову родню и исполняла церемонію. Церемонія продолжалась около часу. Женихъ и невѣста надѣлили всѣхъ даромъ — кого полотенцемъ, кого платкомъ.

Когда все это было кончено, жениха и невѣсту увели въ отдѣльную избу и оставили ихъ тамъ однихъ; тамъ для нихъ готовъ былъ столъ. Угощать гостей стали отецъ и братъ жениха, но уже не рюмками, а большими стаканами, какъ видно, съ искреннимъ желаніемъ споить гостей, родню невѣстину, до того

состоянія, которое характеристично опредѣляется въ простомъ народѣ,—до еже быти человѣку: вся трынь трава, ухомъ по землѣ и лыко не вязать, и маму не кликать...

Вскорѣ гости вознеслись на седьмое небо блаженства: уже безъ повода цаловались новые сваты и сватьи, родня женихова и невѣстина, съ крѣпкими пожеланіями и завѣреніями въ любви и преданности душой и тѣломъ, на вѣки нерушимо, въ готовности идти за свата или сватью и въ огонь, и въ воду. Кажется, между ними завязалась крѣпкая дружба и любовь еще со дня рожденія; такъ что сватъ уже и не хочетъ пить отъ свата, не поцѣловавшись съ нимъ, также и съ сватьей и сватья со сватомъ. «Ухъ, какъ горько вино-то, сватушка любезный»! И сватъ со сватомъ цѣлуются. «Какъ это заберетъ горючее-то, такъ его и водой не зальешь, дорогая сватьюшка!»—и цѣлуются со сватьей: обнимаются, цѣлуются съ крѣпкими увѣреніями и пожеланіями другъ другу всѣхъ благъ. О женихѣ и невѣстѣ уже и забыли всѣ, ни полслова! А сами держатъ стаканы неровно, и половина вина выливается изъ нихъ на столъ, на полъ, на лавку, на платье. Спиртовый запахъ разошелся по всей избѣ. На столѣ и на полу лужи вина. Немного погодя и всѣ сваты перемѣшались, женихова родня сѣла съ невѣстиною за столъ и другъ друга не найдутъ... Тамъ сватъ съ сватьей, обнявшись затянули пѣсенку, до того заунывную и печальную, что у самихъ слезы такъ и льются, такъ и льются изъ глазъ. А тутъ два свата пустились, знать, въ философію: съ глубокомысленной физіономіей и покачиваясь, то взадъ, то впередъ, то съ боку на бокъ, одинъ разсказываетъ что-то; а другой сватъ серьёзно его слушаетъ. Здѣсь три свата о чемъ-то горячо спорятъ. Одинъ особенно увлекается въ спорѣ, до того, что у него спираетъ духъ въ горлѣ, и онъ какъ бы старается проглотить его въ себя, при чемъ дѣлаетъ кислую мину; но тогда, вслѣдствіе этого перерыва рѣчи, онъ, какъ бы досказывая ее, дѣлаетъ самые отчаянные жесты и удары кулакомъ по столу. Сосѣдъ его то и дѣло хочетъ остановить потокъ рѣчи свата, но не можетъ. А третій безъ умолку говоритъ и кричитъ вмѣстѣ съ первымъ сватомъ, впрочемъ, не слушая его; размахиваетъ руками и самъ мигаетъ отъ жестовъ и ударовъ свата по столу, такъ что второй сватъ не знаетъ, кого слушать. А тамъ, наконецъ, сватьюшки четыре, обнявшись, затянули пѣсню, и горячія слезы уже выступили у двухъ изъ ретиваго; а у одной молодой вопреки напѣву и содержанію пѣсни глаза бѣ-

гаютъ, лицо горитъ, словомъ, бушуютъ страсти; а четвертая, кажется, не знаетъ, что ей дѣлать, плакать или смѣяться, пока въ раздумьи. Наконецъ, нѣкоторые сваты не выдержали напора морфея и повалились, то спитъ на свата, то спитъ за свата, то на лавку, то подъ столъ упалъ спитъ, то укатился подъ лавку. Словомъ, картина великолѣпная. А сватьи и сваты, или меньше пившіе или крѣпкіе на *питуху*, вышли изъ-за стола и стали плясать. Эта великолѣпная картина дополнилась еще слѣдующей сценой. Сватъ съ сватомъ поссорились и потаскали другъ друга.

— Вѣдь дѣвка-то твоя, сватъ, не стоитъ ново-то парня, сказалъ сватъ свату.

— Какъ не стоитъ! Моя-то дѣвка, чѣмъ не дѣвка? А твой-то, чѣмъ уродился. Твой-то еще и не стоитъ моей-то дѣвки. Да такъ ужь я отдалъ.

— Ну, не стоитъ! Самъ радъ не радъ, что сбылъ ее за ново-то малаго. Намъ ужь, сватъ, не такую бы надо невѣсту, да ужь такъ и быть!

— Да чѣмъ опозорена моя дочь? сказалъ съ запальчивостью второй сватъ. — Да ты... и замахнулся. Да ты что!... размахнулся, да и хвать его въ скулы, и пошла потасовка. Наставили фонарей сватья другъ другу, пока ихъ розняли, развели по разнымъ мѣстамъ и уложили спать.

Это не имѣло никакого вліянія на гостей, они продолжали плясать. Ужь разсвѣло, они легли спать.

Дѣвишницы пользовались блаженнымъ состояніемъ гостей: величали ихъ, а тѣ, будучи въ приливѣ великодушія, давали имъ денегъ побольше. Конечно, и дѣвишницы играли веселѣе, и онѣ выпили по стакану, а нѣкоторыя и по два.

Женихъ и невѣста не совсѣмъ заперлись въ своемъ особомъ отдѣленіи. Они по временамъ появлялись на свѣтъ Божій, показывались своимъ гостямъ. И тогда часто заставляли ихъ цаловаться, сыпались на нихъ доморощенные комплименты. Женихъ и невѣста ходили рука за руку и одинъ отъ другаго ни на минуту не отставали. Они приходили въ избу два раза, а потомъ и совсѣмъ скрылись въ своей отдѣльной избѣ до утра, взявъ съ собой одну дѣвишницу.

Гости и дѣвишницы, наконецъ, улеглись, гдѣ попало, кто куда сунулся. Но спали немного, ихъ разбудили, и снова кутежъ и обѣдъ. Подравшимся сватамъ разсказали поутру, что они подрались. Сватъ свату поклонились въ ноги, поцаловались и по-

мирились, благо, за виномъ не посылать въ кабакъ для примиренія!...

Дѣвишницы днемъ разъѣзжали по селу на женихових лошадяхъ въ красныхъ рубахахъ и повязанныя платками, съ пѣснями. Одне изъ нихъ били молоткомъ по желѣзной косѣ, подъ такъ пѣснѣ.

Женихъ все время не разставался съ невѣстой и только вечеромъ уже разстался съ ней. Тогда разъѣхались и всѣ остальные гости. Слѣдовательно, кутили цѣлые сутки.

Чрезъ недѣлю свадьба.

Чрезъ три дни я опять приходилъ въ невѣстинъ домъ; дѣвишницы все еще пили и также по праздничному были одѣты. Когда я уходилъ отъ нихъ, онѣ просили меня придти наканунѣ свадьбы, вечеромъ, потому что тогда будущій свекоръ невѣсты придетъ за рубашкой и прочимъ бѣльемъ жениху, которое онъ долженъ надѣть подъ вѣнецъ. Это былъ даръ отъ невѣсты жениху, приготовленный дѣвишницами.

Я пришелъ наканунѣ свадьбы. Свекра еще не было. Дѣвишницы одѣты были въ бекешки, съ повязанными головами и въ сапогахъ.

— Посмотри-ка, Е. Д., какую я подарю рубашку мому Ванюшкѣ! сказала мнѣ невѣста и показала приготовленный подарокъ своему суженому-ряженому. Рубаха красная, вышитая желтыми и черными нитками на плечахъ, на рукавахъ и на воротѣ.

— Хороша! Знать, ты ужь больно его любишь, сказалъ я ей, смѣясь.

— Ванюшку-то? ещо бы экого-то не любить! отвѣчала она:— а вотъ шаровары. Ишь, какіе бравые!

— Да, бравые! Исполать тебѣ!

— Вотъ ты какъ будешь жениться-то, тоды и тобѣ сошьетъ твоя-то невѣста, сказала одна изъ дѣвишницъ.

— Ну, ему не таніе сошьетъ, замѣтила другая:— а съ вычурами...

Всѣ засмѣялись.

Пріѣхалъ свекоръ, невѣста скрылась, такъ что свекоръ и не видалъ ея. Онъ принесъ съ собой узелъ съ съѣдомымъ и штофъ водки. Тотчасъ накрыли на столъ и сѣли обѣдать. Свекоръ привезъ жаркова — баранину и холодное — свинину. Свекоръ сталъ угощать невѣстину родню. Когда было съѣдено свекрово и вы-

питъ штофъ водки, невѣстина родня вышла изъ-за стола и поставила на столъ свои кушанья. Тогда они свекра посадили за столъ; настала ихъ очередь угощать. Новый штофъ водки появился, только уже въ рукахъ брата невѣсты. Свата дорогаго теперь всѣ стали упрашивать да кланяться выпушать рюмочку. Мать невѣсты поднесла свату полотенце отъ невѣсты. Сватъ положилъ своей будущей снохѣ 10 коп.

По окончаніи этихъ величаній, онѣ отправились въ другую половину и немного погодя опять вошли въ избу. Передняя несла на тарелкѣ узелъ—бѣлье, завязанное въ бѣлую скатерть: рубаха красная, подштанники, чулки и перчатки. Она поднесла его отцу жениха.

— Ну, выкупай, Ларивонъ Ѳомичъ, невѣстинъ подарочекъ своему-то сыну, сказала она ему.

Ларивонъ Ѳомичъ сталъ доставать мѣшокъ изъ-за пазухи.

— Да прежь осмотри, что тебѣ даютъ-то! сказалъ ему невѣстинъ отецъ самодовольно, дескать, лицомъ въ грязь не ударимся:—можетъ, старую юбку завязала она туда.

— Ну, что тутъ смотрѣть! пускай самъ женихъ смотритъ, говорилъ свекоръ, развязывая кожаный мѣшокъ.

— Нѣтъ, ты посмотри, что даритъ невѣста твому сыну: може, рухлядь какая! говорила дѣвица, развязывая узелъ:—увидишь, такъ побольше дашь намъ за работу-то.

— Я, вотъ вамъ гривенникъ положу, и будетъ съ васъ, говорилъ Ларивонъ Ѳомичъ, не смотря на подарокъ.

— Дешево берешь, да домой не носишь, отвѣчала дѣвишница: — за гривенникъ-то дома останется; себѣ пригодится. А коли будетъ твоя честь, положи рублевиковъ шесть, и ладно.

— Ну, такъ и быть, пятачекъ еще прибавлю, говорилъ свекоръ, бросая его въ подставленную чашку.

— Ишь, какой скупой! Ты какого родимца скупишься-то, Ларивонъ Ѳомичъ! Ты посмотри, товаръ-то какой! себѣ стоитъ дороже! вѣдь Иванъ-то Ларивонычъ вѣкъ не износитъ? говорила другая дѣвишница.

— Ну, нате еще пятакъ, да и будетъ съ васъ, не просите! отвѣчалъ онъ.

— Ну, дѣвки, да и будетъ съ васъ; какого рожна вамъ еще!.. замѣтила мать жениха.

— Ну, спасибо на великомъ дару, сказала первая дѣвиш-

ница:—ну, теперь, Ларивонъ Ѳомичъ, позволь намъ покататься на твоей лошадкѣ, просила она же.

— Ну, это можно, отвѣчалъ онъ.

И дѣвишницы съ радостію выбѣжали на улицу, сѣли на телѣгу и поѣхали, съ пѣснями и музыкой. Музыку замѣняла та же коса, о которую, какъ и прежде, били молоткомъ, въ тактъ пѣснѣ.

Съ полчаса онѣ катались по селу.

— Ну, выкушай еще, сватушка дорогой, рюмочку-ту! куда ни шла одна-то! проѣдемся еще по одной! уговаривалъ отецъ невѣсты своего свата.

— Нѣтъ, ужь ослободи, сватъ любезный! Одинова дохнуть, не въ мочь больше. Мнѣ вѣдь еще въ другомъ мѣстѣ, вонъ у кона пить надо, такъ вѣдь и до дому не доволочешь ноги-то...

— Ну! мы довеземъ, отвѣтилъ отецъ невѣсты:—вѣдь и мнѣ нужно идти къ нему.

Ларивонъ Ѳомичъ принялъ рюмку, отпилъ немного и назадъ, но, по настоянію хозяина, опять отпилъ, что привелось сдѣлать и въ третій разъ.

— Зачѣмъ же къ попу-то? спросилъ я его.

— Да оповѣстить его, что завтра свадьба, да спросить, сколько онъ возьметъ за вѣнчанье-то, отвѣчалъ Ларивонъ Ѳомичъ.

— Сколько же онъ беретъ за свадьбу?

— Кто его знаетъ! беретъ и пять цѣлковыхъ, беретъ и восемь цѣлковыхъ, беретъ и десять цѣлковыхъ, всяко беретъ только меньше пяти не беретъ, отвѣчалъ онъ.

— Какъ не беретъ? ну, а если ты больше одного или трехъ цѣлковыхъ не дашь ему, нѣтъ у тебя больше?

— Не повѣнчаетъ, ни, Боже мой! и не говори — прогонитъ отъ себя.

— Да какъ же онъ смѣетъ?

— Смѣетъ, да и только! что съ нимъ сдѣлаешь! не судиться съ нимъ...

— Ты пожалуйся на него!

— Кому? надоть въ губернію ѣхать, а свадьба наготовѣ...

— Да какъ же такъ?

— Да такъ; не вѣнчаетъ, да и только! А вѣдь все наготовѣ; исхарчишься на свадьбу-то, ну дашь ему, что требуется; а то другіе харчи надо-ть расходовать.

— Ну, а ты зачѣмъ идешь къ нему? спросилъ я отца невѣсты.

— А то какъ же безъ этого! надо добыть у него свѣдѣнье.

— За это сколько платятъ?

— Да сколько назначитъ: — дашь цѣлковый, дашь и два.

Звонъ колокольцовъ передъ вечеромъ, на другой день, далъ знать, что пріѣхалъ женихъ. Дѣвишницы стали повязывать головы большими платками и надѣли шубейки. Потомъ стали помогать одѣваться невѣстѣ. И невѣста одѣлась въ шубейку. Голова ея накрыта была кисейнымъ большимъ платкомъ.

Вошелъ дружко и оповѣстилъ о пріѣздѣ жениха.

Дружко замѣнилъ сходатая. Дѣло сходатая было свести, устроить свадьбу, а распоряжается свадьбой дружко. Сходатай даже и не бываетъ на свадьбѣ — его исторія кончена.

Когда невѣста была одѣта, отецъ ея взялъ съ божницы икону, и она, съ горькимъ рыданіемъ, стала молиться на нее. Положила три земныхъ поклона, приложилась, поцѣловала руку отца и его самого. Отецъ передалъ икону женѣ. Она также благословила дочь. Между тѣмъ невѣста горько рыдала.

Глядя на нее, плакали и мать, и сестры, и дѣвицы; наконецъ невѣста стала прощаться: пала въ ноги отцу и матери; поцаловалась съ братьями, сестрой, снохами и дѣвицами.

Когда невѣста простилась со всѣми, — поклонилась и мнѣ — ее посадили за столъ. По правую руку сѣлъ ея братъ съ палкой въ рукѣ, по лѣвую дѣвицы, за братомъ — сваха.

Между тѣмъ женихъ и его свита ждали на дворѣ, когда кончится здѣсь прощанье. Поѣздъ жениховъ состоялъ изъ 8 телѣгъ.

Вошелъ дружко съ плетью въ рукѣ, а за нимъ—поѣзжанинъ.

— Ты что за человѣкъ? обратился онъ къ брату невѣсты.

— А тебѣ что тутъ надо? Ты самъ-то что за человѣкъ? отвѣчалъ тотъ.

— Я тебѣ, братъ, и говорить не хочу, что я за человѣкъ, а просто, значитъ, погоню тебя отсюда. Пошолъ вонъ отсюда! закричалъ дружко, и ударилъ плетью по полицѣ.

— Я тебя и знать-то не хочу! кричалъ братъ невѣсты и на ударъ плетью по полицѣ отвѣчалъ ударомъ палки по лавкѣ. — Что ты, значитъ, за фря, что въ чужомъ домѣ распоряжаешься! какой у тебя есть чинъ? — и опять ударилъ палкой по лавкѣ.

— Я тебя произведу! будешь у меня въ чинѣ! отвѣчалъ дружко, ударяя плетью по полицѣ.—Какъ ты, то есть, смѣлъ залѣзать въ чужое мѣсто! Говорятъ тебѣ: убирайся вонъ!

— Ты самъ убирайся вонъ! отвѣчалъ братъ невѣсты, ударяя палкой: — я, братъ, самъ не хуже твово произведу тебя, что ты улетишь у меня отсюда. Я, братъ, на своемъ мѣстѣ, а ты откуда принолъ? — аль заблудился? Иди, братъ, своей дорогой, а къ намъ не заглядывай; вѣрно, ты шелъ къ попу, а попалъ къ попадьѣ — отваливай-ко!

— Поворачивай-ко оглобли-то самъ! ты, то есть, при какомъ чину тутъ находишься? спросилъ дружко.

— При какомъ чину? а нешто тѣ надо это знать?

— Знамо, нужно знать, что ты есть человѣкъ такой! спросилъ онъ.

— Я здѣсь при товарѣ приставленъ, продавецъ—продаю вотъ этотъ товаръ.

— Эй, братъ, не въ свои сани не садись! этотъ товаръ ужь запроданъ и задатокъ полученъ. Смотри, братъ, не вылети изъза стола-то! шалишь.

— Ну, ты не вылети изъ избы, а мы крѣпко сидимъ тутъ, отвѣчалъ сидѣвшій за столомъ.

— Такъ какъ же ты, братецъ, говоришь, что продаешь свой товаръ! а онъ ужь давно запроданъ и денежки получены?

— Не ври, братъ, не неси околесную, отвѣчалъ второй.

— Экой несговорный! Ну, что стоитъ твой товаръ? спрашивалъ мягко дружко.

— Да еще не продамъ тебѣ — самому годится.

— Ну, продай! что тутъ ты! на что тебѣ этотъ товаръ — не съ руки будетъ, говорилъ дружко.

— Губа у тебя дура! такой товаръ хошь кому съ руки! отвѣчалъ купецъ.

Въ избѣ раздался смѣхъ.

— Ну, продай! хороши деньги дамъ. Что стоитъ? упрашивалъ дружко.—Ничего не подѣлаешь! обратился дружко къ поѣзжанину: — давай, выставимъ магарычу, авось сговорчивѣе будетъ.

Поѣзжанинъ тотчасъ принесъ водки бутылку въ одной рукѣ и узелъ съ жаркимъ въ другой; положилъ на столъ, разложилъ скатерть, въ которую было завязано жаркое, и сталъ нарѣзывать его.

Дружко налилъ рюмку водки и подалъ ее брату невѣсты, ея временному хозяину. Послѣдній взялъ рюмку и поставилъ передъ собой.

— Эка бѣда! проговорилъ дружко: — ничего не подѣлаешь, раскошеливайся! какая цѣна твоему товару?

— Тысячу рублевъ, отвѣчалъ купецъ.

— Дорого, братъ, берешь — не стоитъ: возьми сто рублевъ, торговался дружко.

— Дешево берешь, да домой не носить. За эту цѣну дома останется! Самому дороже стоитъ, отвѣчалъ купецъ, самодовольно улыбаясь за ловкій отвѣтъ.

— Ну, возьми двѣсти, да выпьемъ по рюмочкѣ вмѣстѣ! торговался дружко.

— Ну, что съ тобой дѣлать, давай деньги. Ужь дешево продалъ — только вѣдь пять копѣекъ на рублишко взялъ. Ишь-ты, товаръ-то, значитъ, такой, что залежится, такъ и съ рукъ не спустишь, отвѣчалъ купецъ.

Дружко далъ ему три копѣйки.

— Мало, братъ, даешь; положи еще. Ты посмотри, товаръ-то какой! въ свѣтѣ не найдешь краше.

— Ну, на еще, сказалъ дружко и положилъ три копѣйки.

Купецъ взялъ деньги и выпилъ рюмку водки и закусилъ. Тогда дружко поднесъ рюмку водки невѣстѣ, послѣдняя поклонилась, но не приняла; онъ поднесъ ее свахѣ—сваха приняла и поставила рюмку на столъ.

— Ишь-ты! не хочетъ пить, сказалъ дружко.

— Эка ты, тетка! поднесятъ, такъ пей! Намъ бы поднесли, и не мигнула бы у насъ! сказалъ мужикъ, такой же зритель, какъ я.

— Дарма-то я и дома найду, отвѣчала она.—А онъ больно дешево покупаетъ, да домой не носитъ!

— Нечего дѣлать! надо раскошеливаться. Ишь, какіе несговорчивые! сказалъ дружко, вынимая изъ своей мошны три коп., и положилъ ихъ передъ свахой на столѣ.

Сваха выпила рюмку и закусила. Та же исторія съ дѣвицами.

И дружко вышелъ изъ избы, а поѣзжанинъ взялъ со стола жаркое.

— А остальной-то товаръ ты продаешь? спросилъ я купца.

— Нѣтъ—это не на продажу, а на домашнее обзаведенье — завѣтныя! (Смѣхъ).

— Ну, продай! Я хорошія деньги дамъ! — красныя.

— Дорого вѣдь, Е. Д., онѣ стоятъ; а дешево не отдамъ, самому годятся. Ты посмотри — товаръ-то какой. Вѣдь, то есть, любо-дорого! въ своемъ Питерѣ ты не найдешь такихъ! говорилъ онъ, указывая на дѣвишницъ.

Всѣ и дѣвишницы смѣются.

— Потому-то я и покупаю, что ужь очень хорошъ товаръ-то! Какая же цѣна ему?

— Дорого, братъ. Ты посмотри, что на лицо, то на изнанку— все едино, одна цѣна (смѣхъ), говорилъ онъ, указывая на дѣвишницъ.—Ну, такъ и быть, давай вотъ по 100 цѣлковыхъ за каждую, да такъ гуртомъ и вали всѣхъ, а на особицу, значитъ, по 200 цѣлковыхъ. А эту — вотъ въ придачу возьми, значитъ, даромъ, сказалъ онъ, указывая на сваху.

Въ это время вошелъ опять дружко.

— Ну, теперь, братъ, тебѣ не сидѣть на томъ мѣстѣ—долой, значитъ! сказалъ онъ купцу.

Всѣ сидѣвшіе за столомъ встали и, перекрестившись, вышли. Немного погодя, всталъ женихъ и поѣзжане. Дружко поставилъ жениха рядомъ съ невѣстой и повелъ ихъ за столъ. За ними сѣли свахи и поѣзжане съ другой стороны. Посидѣли они съ минуту и опять вышли изъ-за стола и стали середи избы.

Отецъ невѣсты взялъ икону, женихъ и невѣста поклонились трижды, приложились къ иконѣ и поцѣловались съ нимъ. Потомъ взяла икону мать невѣсты, и опять та же исторія. Послѣ этого дружка взялъ отъ матери невѣсты икону и сталъ рядомъ съ женихомъ и невѣстой.

— Ну, молитесь теперь Богу, сказалъ дружко.

— Ну, благословите насъ, отецъ и мать, благословите, хозяева, сказалъ дружко, когда помолились женихъ и невѣста и стали кланяться на всѣ четыре стороны.

— Богъ благословитъ!

— Дай Богъ по добру да по здорову!

— Благослови васъ Господь!

Благословляло ихъ нѣсколько голосовъ.

Крестясь, перешагнули они черезъ порогъ ихъ избы и черезъ другой изъ сѣнцовъ во дворъ. Во дворѣ опять женихъ и невѣста кланялись во всѣ четыре стороны. Женихъ подсадилъ свою невѣсту въ телѣгу съ новозкой. Я сѣлъ съ дѣвишницами, и поѣздъ двинулся съ колокольцами. Впереди ѣхалъ дружко и поѣзжа-

нинъ, за ними посаженый отецъ и женихъ, за ними невѣста со свахой, а тамъ поѣзжане и дѣвишницы всѣ съ колокольцами.

Невѣста ѣхала въ кибиткѣ, полузакрытая бѣлымъ платомъ. Это татарскимъ пахнетъ. Поѣздъ ѣхалъ шагомъ, такъ что имѣлъ довольно скучный видъ. Мнѣ припоминалась свадьба на сѣверѣ. Тамъ впереди ѣхалъ верховой дружко, за нимъ на тройкѣ женихъ, за нимъ невѣста на тройкѣ, а тамъ поѣзжане и дѣвушки на парахъ. По сторонамъ около жениха ѣхали четыре верховыхъ, всѣ дружки и непремѣнно холостые, съ красными ленточками на шляпахъ; ѣхали, по обыкновенію, скоро, такъ что вошло въ поговорку — ѣхать скоро, какъ со свадьбой.

За часъ до свадьбы просили священника обвѣнчать, онъ согласился, но подъ разными предлогами мы ровно два часа ждали его у ограды церковной.

По окончаніи вѣнчанія, молодыхъ отвели въ сторону и посадили на лавку. Здѣсь стали заплетать невѣстѣ двѣ косы, и она опять горько заплакала, слезы ручьемъ текли изъ ея глазъ, и сама она была точно въ лихорадкѣ: ее всю подергивало и трясло... Ея грудь высоко поднималась. Закрывъ глаза бѣлымъ платкомъ, она всхлипывала. Особенно тяжело ей было, когда стали надѣвать ей на голову кичку—аттрибутъ замужней женщины.

Сначала я шуткой хотѣлъ отнестись къ ея слезамъ, но потомъ мнѣ стало ее жаль, и наконецъ, я ей вполнѣ сочувствовалъ. Какъ же ей не плакать! Дѣвичья пора, волюшка, свобода дѣвичья, это золотое время прошло, невозвратно прошло. Вмѣсто одной косы съ ленточкой — эмблемы, что она одной себѣ принадлежитъ, теперь у нея двѣ косы, что она уже не полновластный себѣ господинъ. Богъ знаетъ, какая будетъ жизнь! лучше пусть мужъ дурной, чѣмъ лютая свекровь и завистливыя, злыя невѣстки и ненавистница золовка,—тогда ее ждетъ адъ! Но будь хороша, добра съ ней родня мужа, все вспомянетъ со слезами свое золотое время. Пускай мужъ раздѣлится съ отцомъ, она будетъ единственной хозяйкой въ домѣ, и тогда не разъ вздохнетъ, взгрустнетъ и поплачетъ о своей дорогой, вольной порѣ. Можетъ быть, первое время она будетъ другомъ мужу, а потомъ непремѣнно станетъ женой. Будутъ дѣти: трудъ, работа, безсонныя ночи, притѣсненіе свекрови, золовки, кулакъ мужа,—нѣтъ, некрасивая перспектива предстоитъ дѣвушкѣ при выходѣ замужъ.

Когда заплели косу невѣстѣ и надѣли кичку, дружко подошелъ и повелъ ихъ изъ церкви.

Молодой подсадилъ молодую на ту же телѣгу съ киби́ткой, а самъ сѣлъ опять отдѣльно.

Изъ церкви поѣхали по селу, проѣхали по всѣмъ улицамъ, ѣхали опять тихо съ пѣснями, и потомъ уже поѣхали въ домъ невѣсты. У воротъ дома невѣсты остановился весь поѣздъ. Дружко отправился въ избу повѣстить ея отца и мать, что пріѣхали изъ подъ вѣнца. Онъ засталъ отца и мать ея уже во дворѣ, у дверей въ сѣнцы. Они раскладывали солому по землѣ; подлѣ соломы стоялъ столикъ, покрытый скатертью, на которомъ лежалъ хлѣбъ съ солонкой и стояла икона.

— Здравствуйте, хозяинъ съ хозяюшкой! сказалъ имъ дружко, поклонившись.

— Здравствуешь, господинъ честной! отвѣчалъ ему отецъ невѣсты.

— Ну вотъ, Господь-Богъ помогъ, началъ дружко:—и мы, значитъ, произвели вашего сына въ законный бракъ; и какъ, значитъ, мы его взяли отъ васъ, такъ и приставляемъ благополучно, въ добромъ здравіи и благополучіи.

— Ну, слава Богу, слава Богу! перебивали его отецъ и мать.

— Теперича, значитъ, примите на теплую фатеру дорогихъ гостей.

— Милости просимъ, милости просимъ! отвѣчали отецъ и мать.

— А есть ли чѣмъ у васъ угостить-то дорогихъ гостей?

— Найдется, слава Богу!

— Тепла ли у васъ фатера?

— Слава Богу! не замерзнутъ.

— Есть ли гдѣ имъ отдохнуть, почивать?

— Найдется все.

— А есть гдѣ и лошадушекъ поставить?

— Слава Богу! вотъ довольно мѣста, и отецъ указалъ на дворъ.

— А сѣнца и овсеца найдется?

— Все будетъ.

— Значитъ, и попить, и поѣсть будетъ?

— Будетъ.

— Такъ ужь прикажите на дворъ въѣзжать, честной хозяинъ! заключилъ свои допросы дружко.

— Милости просимъ!

Поѣздъ въѣхалъ.

Женихъ сидѣлъ съ посаженымъ отцомъ. Прежде сошолъ съ телѣги отецъ посаженый, потомъ, крестясь, женихъ съ той же стороны, съ правой. Затѣмъ женихъ подошелъ къ телѣгѣ невѣсты, взялъ икону отъ снохи и передалъ ее дружкѣ; послѣдній поставилъ ее на столъ съ хлѣбомъ.

Прежде также сошла сваха, а потомъ женихъ снялъ невѣсту, также по правую сторону телѣги, хотя она сидѣла по лѣвую.

— Пожалуйте-ко! милости просимъ, гости дорогіе! Мы васъ съ хлѣбомъ и солью и съ честною иконой встрѣтимъ, привѣтствовалъ ихъ отецъ.

На соломѣ они сдѣлали три земныхъ поклона, и ихъ благословили иконой, потомъ хлѣбомъ, и затѣмъ свели въ домъ, крестясь при переходѣ черезъ порогъ. Въ избѣ столъ былъ покрытъ поверхъ купаньевъ скатертью. Посадили ихъ за столъ, и слов за столомъ, молодые подносили водку гостямъ, эта сцена намъ знакома: цѣлованье молодыхъ другъ друга и поклоны гостямъ. Гости говорили имъ казенныя поздравленія, приправляя ихъ собственными импровизаціями. Теперь молодые точно съ повинной головой явились передъ своими гостями, точно просили ихъ милостиваго и благосклоннаго вниманія, ихъ содѣйствія въ новой для нихъ жизни; они, какъ новички въ общественной жизни, просятъ снисхожденія и благосклонности отъ общества, въ которое вступаютъ. Во все время, какъ гость, которому поднесла молодая рюмку водки, держалъ въ рукахъ и импровизировалъ имъ поздравленіе съ остротами и пока пилъ, молодые стояли съ поникшей головой, пока гость или отдастъ рюмку молодой, или скажетъ, поморщившись и смотря въ рюмку, напримѣръ въ родѣ того:

— Гдѣ же это ты, сватушка любезный, нашелъ такое вино?

— А что, сватушка? аль горько?

— У! дюже горюче! Да что-то такое тамъ... нѣтъ ли чего? вотъ такъ и засѣло коломъ въ горлѣ, дальше и не лѣзетъ. Его не зальешь водой и не пропхнешь ничѣмъ, говорилъ пившій.

— Это ужь моя дочушка что нибудь надѣлала. Ужь я ей говорилъ: смотри, говорю, дочушка, чтобъ вино было хорошее,

сладкое да пріятное, чтобъ гости мои весело пили, да добрее на умѣ держали.

Между тѣмъ молодые уже въ другой пріемъ цѣловались. Какъ только открылъ ротъ пившій, они сразу догадались, куда дуетъ вѣтеръ, и поднявъ головы, поцѣловались, потомъ опять наклонили свои головы; но пившій продолжалъ и морщиться, и говорить о горючести вина; они опять подняли головы и опять поцѣловались и опять наклонились.

— Ну, теперь попробуй, сватушко.

— Сватъ попробовалъ. Ну, теперь немножечко получше, а все оно дюже горько... и т. д. Опять цѣлованье и опять наклоненіе головы.

Между тѣмъ дѣвишницы пѣли и плясали и опять собирали по копѣечкѣ.

Когда молодые поднесли всѣмъ гостямъ, ихъ вывели изъ-за стола и отправили въ другую избу, гдѣ была устроена постель. Туда имъ принесли обѣдъ и водку.

— Ну, теперь намъ послободнѣе безъ нихъ. сказалъ одинъ сватъ, и пошолъ гулять по столику прежній стаканъ. Скоро гости по обыкновенію забыли о молодыхъ; но и пьяные не забывали священника, продержавшаго ихъ два часа: постоянно срывался онъ съ язычка гостей! Гости пѣли пѣсни со слезами, цѣловались, обнимались, спорили... Вдругъ въ отворенныя двери избы въѣзжаетъ въ солдатской шинели и съ простымъ охотничьимъ ружьемъ братъ невѣсты.

— Хозяинъ! закричалъ онъ, фатеру очищай! На постой пришелъ!

— Ваше благородіе, служивый! смилуйтесь батюшка! у меня свадьба; мы тѣ найдемъ другую фатеру; съѣзжай пожалуйста, просилъ хозяинъ серьезно.

— Что!? Какъ ты смѣешь, мужикъ поганый, говорить мнѣ: «съѣзжай!» Я служу царю бѣлому. Долой гостей! Обѣдать мнѣ сейчасъ, и лошади овса и сѣна.

— Милости просимъ, батюшка, милости просимъ, ваше благородіе служивый. Пожалуйте покушать съ нами, погулять на нашей свадьбѣ. Вотъ красныя дѣвицы тебя повеличаютъ!

— А то-то! А вотъ мы посмотримъ, какія они есть такія, ваши-то красныя дѣвицы, сказалъ онъ.—Ну, возьми лошадь и напой, накорми ее; да чтобъ сыта была, а то зубы побью.

— Хорошо, ваше благородіе! Вамъ не угодно ли поздравить

нашихъ молодыхъ? сказалъ хозяинъ, и поднесъ ему стаканъ водки.

Мнимый солдатъ выпилъ стаканъ и пошолъ за дѣвицами ухаживать.

— Да что, ребята! вѣдь онъ одинъ, а насъ во сколько. Въ шею его! сказалъ одинъ гость, вталъ и потурилъ солдата изъ избы.

Пировали до положенія ризъ.

Первый день пировали въ домѣ невѣсты. На другой день вечеромъ свадьба переѣхала въ домъ жениха. Здѣсь еще кутили три дня. Во все это время дѣвицы и женщины катались по селу на парѣ лошадей.

Е. ЮШАНОВЪ.

ПИСЬМА О ТОСКАНСКОЙ МАРЕММѢ.

Слово Maremma равно означаетъ и болотное мѣсто, и длинную низменную полосу земли на берегу моря. Кромѣ того, въ Тосканѣ подъ общимъ именемъ Маремме извѣстна цѣлая страна, богатая и очень интересная во многихъ отношеніяхъ, идущая вдоль берега Средиземнаго моря, на югѣ отъ устьевъ Арно или отъ Ливорно до римской границы и до высшихъ точекъ западнаго склона Апеннинъ съ другой стороны. Оффиціально Маремма не признается ни провинціею ни округомъ. Тосканцы же дѣлятъ ее на три части, очень различныя одна отъ другой по характеру мѣстности и по климатическимъ условіямъ: маремма Вальтерранская, гористая и богатая минеральными произведеніями страна, лежащая по берегамъ рѣкъ Эры (составляющей сѣверную ея границу), Чечины и Эльсы почти до развалинъ Популоніи и другихъ этрусскихъ городовъ около Пьомбино; вторая, низменная или Массетанская маремма, совершенно низменная, во многихъ мѣстахъ болотная, имѣющая въ себѣ округъ города Масса Маритима и бывшее Пьомбинское княжество. Южнѣе ея идетъ Гроссетанская маремма, богатая пастбищами, славящаяся своими лошадьми и рогатымъ скотомъ.

Маремма эти для Тосканы отчасти то же, что для насъ Сибирь,— непочатая страна, богатая всякаго рода ресурсами, манящая къ себѣ спекуляторовъ, представляя имъ возможность скоро разжиться, и бѣдныхъ поселянъ, представляя имъ столь близкую для нихъ перспективу безбѣдной жизни. При этомъ конечно страна эта недолго бы осталась непочатою и дикою, если бы съ давнихъ поръ не заслужи-

ла себѣ очень нелестной репутаціи, пугающей всякаго, кто бы и готовъ былъ польститься на ея приманки.

Дѣло въ томъ, что воздухъ маремм считается губительнымъ для здоровья по причинѣ множества болотъ и другихъ климатическихъ условій, о которыхъ мнѣ придется говорить послѣ; а потому бѣдные пролетаріи, тѣснящіеся въ тосканскихъ промышленныхъ городахъ, предпочитаютъ умирать съ голоду въ Ливорно или въ Прато. Городскихъ жителей отъ переселеній въ маремму удерживаетъ еще и то, что имъ пришлось бы тамъ стать земледѣльцами, контадинами; а извѣстно, что въ Италіи сословіе это не пользуется большимъ уваженіемъ со стороны горожанъ, cittadini, гражданъ по преимуществу, какъ они сами себя величаютъ. Но признаюсь, меня постоянно удивляло, почему контадины, тѣснящіеся въ огромномъ числѣ въ Вальдикьянѣ, а въ особенности близъ Сьены, гдѣ имъ изъ половины скуднаго дохода и небольшаго участка земли приходится надрываться надъ плугомъ, помогая чахлымъ воламъ своимъ волочить его по глинистой, сухой почвѣ,—почему они не переселяются въ мареммы. Я часто говорилъ съ ними объ этомъ, они мнѣ такими ужасными красками описывали эту страну, что во мнѣ сильно разгорѣлось желаніе увидѣть ее: мнѣ она представлялась какимъ-то вулканическимъ жерломъ, чудовищно прекраснымъ, гдѣ каждый шагъ сопровожденъ опасностью, какой-то неопредѣленной опасностью.

Нѣсколько разъ, живя въ деревнѣ близъ Сьены, мнѣ приходилось узнавать, что какой нибудь изъ сосѣднихъ крестьянскихъ батраковъ (pigionali — родъ сельскихъ пролетаріевъ), разорившійся въ конецъ и преслѣдуемый кредиторами, рѣшался наконецъ бѣжать въ маремму; рѣшался онъ на это, казалось, вовсе не какъ на крайнее средство спасенія, а скорѣе, какъ на отчаянное самоубійство. Жена и дѣти обыкновенно не слѣдуютъ за несчастнымъ, а провожаютъ его отчаяннымъ ревомъ и плачемъ, какъ у насъ рекрута.

Въ Сьенѣ мнѣ неоднократно случалось видѣть марем̀мановъ, по преимуществу изъ лѣсной Гроссетанской маремм̀ы, пріѣзжавшихъ туда для продажи своихъ лѣсовъ, machia—пятно, какъ ихъ здѣсь называютъ, на корню, или срубленными. Фигуры этихъ торговцевъ были до крайности *интересны* и имѣли свой совершенно особенный характеръ, нравившійся мнѣ несравненно больше оффиціально-буржуазнаго итальянскаго типа, встрѣчающагося сплошь и рядомъ и безъ малѣйшихъ оттѣнковъ couleur locale во всѣхъ городахъ сѣверной и средней Италіи. Не таковы были тѣ рѣдкіе экземпляры марем̀мановъ, которыхъ мнѣ удавалось видѣть. Сухія до пельзя, небольшія, но стройныя фигуры ихъ напоминаютъ кавказскихъ горцевъ: ихъ бронзовыя лица

съ черными волосами и живыми черными глазами очень красивы и дышатъ отвагою и силою, протестуя противъ того неблагопріятнаго мнѣнія, которое составили здѣсь на счетъ ихъ отечества. Я замѣчалъ объ этомъ своимъ тосканскимъ пріятелямъ; они отвѣчали мнѣ, что это дескать мареммане, значитъ имъ такой именно климатъ и нуженъ, но что, не смотря на это, сами они переѣзжаютъ на лѣто (когда климатъ въ маремахъ особенно вреденъ) либо въ Ливорно, либо въ Сьену.

Маремманскіе купцы въ Сьенѣ разъѣзжаютъ верхомъ на небольшихъ, но дюжихъ и красивыхъ лошадяхъ, похожихъ очень на тѣхъ которые въ Римѣ извѣстны подъ именемъ пьомбинскихъ, но нѣсколько меньше ихъ ростомъ, съ болѣе красивою мордою, съ живыми глазами. Лошади эти возбуждаютъ зависть здѣшнихъ гиппофиловъ, а наѣздники — удивленіе городскихъ красавицъ, и вообще мареммане слывутъ за отличныхъ и лихихъ наѣздниковъ, мѣткихъ стрѣлковъ, и проч.

При этихъ своихъ лихихъ качествахъ и, вообще какъ народъ, непривычній къ общественной жизни, мареммане очень часто не прочь прибѣгнуть къ физической силѣ въ дѣлахъ тяжебныхъ и другаго рода. Они мстительны и любятъ иногда *пошалить* (какъ говорятъ у насъ въ Курской губерніи) по большимъ дорогамъ, чему очень много способствуютъ густые лѣски, покрывающіе очень большую часть гроссетанской земли. Тѣмъ не менѣе однакоже дороги въ маремахъ, не смотря на безлюдность края, гораздо безопаснѣе, чѣмъ, напримѣръ, подъ Болоньей. Случаи нападенія на дилижансы здѣсь гораздо рѣже...

Не задолго передъ моимъ путешествіемъ въ маремму случилось тамъ одно дѣйствительно странное событіе, надѣлавшее очень много шуму, въ Сьенѣ въ особенности. Я разскажу его здѣсь, потому что оно характеризуетъ, съ одной стороны, край, о которомъ я намѣренъ говорить.

Это было въ апрѣлѣ, въ самомъ началѣ весны, которая въ этомъ году наступила для Италіи очень поздно. По обыкновенію своему, я зашелъ вечеромъ въ табачную лавку къ пріятелю своему, старому сьенскому еврею, Саббатино.

Должно замѣтить здѣсь, что табачныя лавки въ маленькихъ городахъ Италіи служатъ въ родѣ кофеенъ или клубовъ. Мой пріятель, Саббатино, пользовался въ Сьенѣ довольно громкой репутаціей, потому что у него всегда можно найдти неизломанную дрянную сигарку за сольдо, что въ другихъ лавкахъ не всегда удается, потому что содержатели ихъ въ видахъ экономіи покупаютъ бракованныя, то есть изломанныя сигары изъ другихъ лавокъ, и угощаютъ ими свою публику. Кро-

мѣ того толстякъ Саббатино, добродушный острякъ и человѣкъ очень услужливый, пользуется благорасположеніемъ мѣстныхъ тузовъ. Самъ signor delegato, выходя изъ должности, не преминетъ завернуть въ лавочку моего пріятеля, посидѣть съ важнымъ видомъ на истертомъ кожаномъ диванѣ, снисходительно слушая болтовню посѣтителей, при чемъ конечно и самъ иногда сообщитъ публикѣ какую нибудь интересную новость. Однимъ словомъ, за неимѣніемъ въ Сьенѣ конторы агентства Стефани или Гавасъ, лавка Саббатино самое вѣрное мѣсто, гдѣ можно узнать политическія и всякаго рода новости, которыя здѣшняя газета, La Provincia, еще не успѣла перепечатать изъ третьегоднишнихъ флорентійскихъ журналовъ...

Въ этотъ вечеръ публика, наполнявшая маленькую лавчонку, имѣла вся какой-то мрачно-торжественный видъ, словно собралась на погребальную процессію. Красное, морщинистое лицо моего пріятеля вытянулось особенно, и онъ поминутно снималъ свою шляпу à la Cavour, чтобы обтереть измятымъ бумажнымъ платкомъ потъ, крупными каплями выступавшій на его мясистомъ лбу, — вѣрный признакъ сильнаго нравственнаго волненія... Синьоръ delegato молчалъ съ видомъ оракула, пуская густые клубы неблаговоннаго дыма изъ окурка рыжей сигары. Стройный юноша, со сверкающими глазами, въ дорожномъ костюмѣ, съ большими шпорами, стоялъ посреди довольно многочисленнаго кружка и, казалось, съ нетерпѣніемъ и не безъ досады ждалъ рѣшенія своей участи отъ делегата... «Son Maremmani... si sa...» (Маремманы,—извѣстное дѣло), проговорилъ оракулъ, стряхивая золу съ сигарнаго окурка.

Въ нѣсколько минутъ мнѣ объяснили, въ чемъ дѣло. Оно было казусное...

Очень почтенный сьенскій негоціантъ, имѣющій дѣла съ Гроссето и проведшій молодость свою въ лѣсной маремнѣ, гдѣ успѣлъ разжиться на счетъ нѣсколькихъ тамошнихъ семействъ, вздумалъ воспользоваться наступающимъ весеннимъ временемъ, чтобы навѣстить свои владѣнія близъ Орбетелло. Онъ ѣхалъ верхомъ въ сопровожденіи своего племянника и еще какого-то пріятеля. На полдорогѣ вдругъ изъ сосѣдняго лѣска показался человѣкъ съ ружьемъ. «Стой и не шевелись», закричалъ онъ, прицѣлившись въ почтеннаго негоціанта. Тотъ поблѣднѣлъ, поспѣшно остановивъ лошадь...

«Это Стоппа!» едва могъ пролепетать онъ отъ испуга.

Пріятель, не теряя времени, поворотилъ назадъ свою лошадь и всадилъ ей въ бока, на сколько могъ глубже, колоссальныя шпоры. Несчастный конь, подпрыгнувъ два, три раза, понесъ его стремглавъ по направленію къ Гроссето.

Между тѣмъ, бандитъ подошелъ къ дядѣ и племяннику, стоявшимъ

нимъ, какъ вкопанные, не смѣя даже опустить руки въ карманъ, гдѣ у каждаго было по револьверу. Послушный, какъ ребенокъ, старикъ слѣзъ съ лошади по приказанію разбойника. Тотъ вѣжливо ему поклонился.

— Наконецъ-то Богъ привелъ повидаться съ вами, сказалъ онъ ему съ ироническою улыбкою и положивъ ему руку на плечо.

— Дядя вашъ останется со мною, сказалъ онъ племяннику:—а вы поѣзжайте домой и привезите мнѣ 2000 наполеондоровъ. Тогда получите обратно вашего дядюшку. Но не вздумайте привести съ собою кого нибудь. Вы должны быть одни; я васъ жду до воскресенья.

Дѣло было въ среду около полудня. Разбойникъ увелъ съ собою старика въ лѣсъ. Племянникъ постоялъ съ минуту на мѣстѣ, какъ ошеломленный, поворотилъ, наконецъ, лошадь и поѣхалъ въ городъ.

Тѣмъ, которые могли бы подумать, что я самъ сочинилъ эту романическую à la m-me Радклиффъ исторію, я рекомендую прочесть апрѣльскіе №№ флорентійскихъ газетъ.

Юноша со шпорами, котораго я видѣлъ въ лавкѣ Саббатино, былъ племянникъ негоціанта и явился въ Сьену, чтобы собрать въ конторѣ и у родственниковъ своего дяди нужную сумму. Это было вечеромъ въ тотъ же самый четвергъ. Прибывъ въ Сьену, онъ тотчасъ же разсказалъ о случившемся делегату, который рѣшилъ послать вмѣстѣ съ молодымъ человѣкомъ отрядъ карабинеровъ на мѣсто, назначенное для свиданія съ разбойникомъ. Племянникъ возставалъ отчаянно противъ этой мѣры, говоря, что такимъ образомъ Стоппа навѣрное убьетъ старика. Делегатъ упирался на томъ, что его обязанность это сдѣлать. Наконецъ, оба они вышли изъ лавки и отправились къ префекту. Нѣсколько посѣтителей ушло вмѣстѣ съ ними. Остальные развязнѣе начали толковать и спорить о случившемся.

— И какъ это онъ очутился здѣсь? Всѣ говорили, что онъ въ Америкѣ, кричалъ одинъ.

— Да зачѣмъ Адами (негоціантъ, взятый въ плѣнъ) ѣхалъ по этой дорогѣ?...

— Да вѣдь онъ думалъ, что Стоппа въ Америкѣ...

— Стоппа возьметъ съ племянника деньги и дядю убьетъ.

— Нѣтъ, онъ этого не сдѣлаетъ. Онъ не разбойникъ. Это онъ изъ мести, а онъ честный человѣкъ.

— Хорошъ честный человѣкъ,—вмѣшался хозяинъ лавки:—изъ мести или изъ другаго, но честные люди такъ не дѣлаютъ. Да Стоппа этотъ еще ребенкомъ былъ уже порядочный пострѣлъ, я его съ пеленокъ знаю...

— Я съ нимъ былъ коротко знакомъ, когда онъ здѣсь при та-

можнѣ служилъ,—кричалъ какой-то господинъ:—онъ былъ почтенный человѣкъ.

— Да, что это за Стоппа такой, спросилъ я:—что у него, большая шайка?..

— Stoppa! Il famoso Stoppa!—кричало нѣсколько голосовъ:—вы не знаете!...

— Никакой у него шайки нѣтъ; онъ не разбойникъ, чтобы у него шайка была. Онъ вѣдь это изъ мести, per vendetta. У него съ Адами старые счеты. Вѣдь это уже 13-й. Двое бѣжали.

Я ничего не понималъ.

— Да какъ же двое здоровыхъ мужчинъ, допрашивалъ я:—вѣрхомъ, вооруженные, поддались одному, или хоть не бѣжали?

— Да какъ же имъ бѣжать или не поддаваться, когда это былъ Стоппа?..

Вотъ, что я узналъ изъ разныхъ достовѣрныхъ источниковъ объ этомъ страшномъ человѣкѣ.

Отецъ Стоппы былъ владѣтель очень значительнаго числа лѣсовъ и полей между Гроссето и Орбетелло, съ которыхъ получалъ очень порядочные доходы. Но такъ какъ самъ онъ былъ человѣкъ разгульный и вовсе не хозяинъ, то и вынужденъ былъ поручить управленіе дѣлами своими этому же самому Адами, тогда еще очень не богатому гуртовщику. Этотъ повѣренный такъ хорошо повелъ дѣла своего патрона, что тотъ на старость лѣтъ очутился нищимъ, да кромѣ же еще больнымъ и разслабленнымъ. Хотя дѣла Адами, какъ говорятъ, и до сихъ поръ велись очень нечисто и неосторожно, старику однакоже трудно было вести противъ него дѣло законнымъ порядкомъ, потому что онъ уже нѣсколько лѣтъ жилъ, разбитый параличемъ, совершенно во власти своего повѣреннаго, который допускалъ къ нему только тѣхъ, въ комъ былъ увѣренъ.

У старика былъ одинъ только сынъ, котораго воспитаніемъ онъ занимался не больше, какъ и хозяйственными своими дѣлами. Молодой Стоппа выросъ на свободѣ въ сообществѣ табунщиковъ и гуртовщиковъ; пріобрѣлъ отъ нихъ очень полезныя свѣдѣнія по части экипаціи и ружейной охоты, къ которой пристрастился съ самаго ранняго возраста. Такъ какъ въ теченіи болѣе десяти лѣтъ это было единственнымъ его занятіемъ, то онъ очень скоро достигъ замѣчательной степени совершенства въ стрѣльбѣ изъ ружья. Мнѣ очень много разсказывали о его доблестныхъ подвигахъ по этой части, но такъ какъ всѣ они болѣе или менѣе невѣроятны, а убѣдиться въ нихъ истинѣ я не могъ, то и умалчиваю о нихъ здѣсь. Вообще, какъ маремманскій охотникъ, Стоппа — великолѣпный стрѣлокъ, это я могу сказать съ достовѣрностью.

Когда дѣла отца его пошли плохо, онъ по совѣту Адами отправился въ Сьену, гдѣ нашелъ мѣсто чиновника въ таможенной конторѣ. Канцелярскія занятія ему не нравились, и такъ какъ Адами, которому необходимо было задержать своего молодаго патрона подальше отъ его владѣній, никогда не отказывалъ ему въ деньгахъ, то Стоппа продолжалъ и въ Сьенѣ свою разгульную жизнь, составивъ себѣ порядочный кружокъ изъ богатыхъ молодыхъ людей этого города, которые кутили вмѣстѣ съ нимъ, охотились, а пуще всего поклонялись его необычайнымъ способностямъ.

Скоро, однако же, Адами такъ блистательно закончилъ свое дѣло, что больному старику пришлось нищимъ убираться изъ своего дома, который вмѣстѣ съ остальными его владѣніями переходилъ къ Адами. Какъ ни плохъ былъ старикъ, но на этотъ разъ рѣшился тягаться съ своимъ повѣреннымъ, а для этого тотчасъ же написалъ сыну, чтобы онъ немедленно ѣхалъ къ нему. Узнавъ, въ чемъ дѣло, сынъ не сопротивлялся, и въ первые дни, не оставляя совершенно любимаго своего занятія охотой, принялся такъ ревностно за дѣла, что Адами смутился. Не довѣряя, и очень основательно, прокурору своего отца, подставленному, конечно, самимъ же Адами, молодой Стоппа помышлялъ уже о томъ, чтобы пригласить адвоката изъ Сьены. Это было въ началѣ осени...

Здѣсь необходимо маленькое отступленіе. Въ Италіи есть очень замѣчательный городокъ Норджіа, о существованіи котораго очень многіе изъ моихъ читателей даже и не подозрѣваютъ. Онъ лежитъ въ папскихъ владѣніяхъ, на высокой и до того неприступной скалѣ, что въ него можно войти не иначе, какъ по лѣстницѣ. Этотъ словно заколдованный замокъ населенъ вовсе не волшебными красавицами, а свиньями, отыскивающими трюфели, и Норджинами (обитателями Норджіи), ухаживающими за этими полезными животными,—людьми крова мрачнаго, а еще болѣе мрачнаго вида буками, крокмитенями для дѣтей средне-итальянскихъ провинцій, напоминающихъ и видомъ, и характеромъ тѣхъ животныхъ, съ которыми они возятся всю свою жизнь... Бываетъ однако же часть года, когда Норджіа почти исключительно населена одними четвероногими, а именно съ половины осени до начала весны. Тогда двуногіе норджины отправляются на промыселъ, берутъ съ собою мѣшки трюфелей и по нѣскольку щекъ очень разнообразной формы и величины, спускаются со своей лѣстницы и идутъ обыкновенно особнякомъ (они вообще не соціальнаго нрава) по дорогамъ къ сѣверу, востоку и западу, по всей Тосканѣ, останавливаясь въ каждой деревушкѣ, на каждой помѣщичьей виллѣ или фермѣ. Посѣщеніе ихъ вездѣ оставляетъ кровавые слѣды, ознаменовываясь смертью одного или нѣсколькихъ откормленныхъ

кабановъ, которые тотчасъ же обращаются въ ихъ рукахъ въ очень вкусныя сосиски и колбасы всѣхъ родовъ и видовъ. По пути они сбываютъ также свои трюфели.

Въ то время, когда Стоппа замышлялъ выписать адвоката изъ Сьены, во владѣніяхъ его отца у опушки одного изъ лѣсовъ нашли мертвое тѣло. Норджины, какъ я сказалъ уже, имѣютъ обыкновеніе ходить по одиночкѣ; страна здѣсь вовсе не безопасна; сами они ведутъ во время своихъ экскурсій слишкомъ невоздержную жизнь, а потому нерѣдко гибнутъ на дорогѣ жертвою ли своей склонности къ пьянству или жадности лѣсныхъ промышленниковъ, а всего чаще своихъ земляковъ, съ которыми иногда судьба приведетъ ихъ встрѣчаться въ глуши на большой дорогѣ и совершенно неожиданно.

Въ маленькой виллѣ, въ которой жилъ Адами, шелъ пиръ горою. Празднуя какое-то семейное торжество, а главное, заранѣе увѣренный въ томъ, что процессъ или не состоится, или окончится въ его пользу, онъ пригласилъ къ себѣ нѣсколькихъ пріятелей изъ Сьены, съ которыми отправился утромъ того же дня на охоту. Имъ и обязаны открытіемъ тѣла мертваго норджина.

Началось слѣдствіе... Адами совершенно неожиданно показалъ передъ слѣдователями, что убійца норджина не кто иной, какъ Стоппа, молодой его патронъ, привелъ нѣсколькихъ свидѣтелей этому и пр. Всего этого было, однако же, недостаточно, чтобы по здѣшнимъ законамъ осудить молодаго человѣка; тѣмъ не менѣе его посадили въ тюрьму до окончанія слѣдствія, такъ какъ онъ не могъ представить необходимаго поручительства.

Долго ли просидѣлъ Стоппа въ тюрьмѣ, не знаю. Времени этого было совершенно достаточно Адами, чтобы окончить въ свою пользу процессъ, а старику Стоппѣ, чтобы умереть... За недостаточностью доказательствъ виновности, сына выпустили, оставивъ въ подозрѣніи. Только онъ очутился по освобожденіи своемъ совершенно нищимъ. Многіе жители показывали противъ него, Адами довольно искусно съумѣлъ возстановить противъ него общественное мнѣніе той среды сьенскихъ жителей, на которую онъ, внезапно разбогатѣвъ, получилъ вліяніе. Аристократическіе друзья Стоппы отвернулись отъ него. При лежавшемъ на немъ подозрѣніи, онъ не могъ достать себѣ никакой должности, а слѣдовательно и никакихъ средствъ къ существованію. У него была, правда, какая-то родственница, жившая въ Чивита-Веккіи, гдѣ мужъ ея имѣлъ довольно значительный коммерческій домъ. Узнавъ о его несчастіи, она предложила ему переѣхать къ ней, но не догадалась прислать на дорогу денегъ. Въ ожиданіи ихъ, молодому человѣку пришлось бы жить въ Сьенѣ на улицѣ, еслибы одинъ изъ пріятелей его отца не предложилъ ему болѣе удобнаго по-

мѣщенія въ своемъ домикѣ, граничившемъ съ новыми владѣніями Адами... Поселившись у него, молодой человѣкъ исключительно предался своей страсти къ охотѣ... Преслѣдуя какую-то дичь, забрался онъ однажды въ лѣсокъ, котораго владѣтелемъ привыкъ считать себя, но который теперь принадлежалъ врагу его Адами. Вѣроятно забывъ это обстоятельство, Стоппа сталъ распоряжаться въ чужихъ владѣніяхъ слишкомъ по домашнему, какъ вдругъ передъ нимъ предстала старая фигура лѣсничаго. Это внезапное явленіе разсердило охотника, тѣмъ болѣе что лѣсничій этотъ служилъ прежде у его отца, а потомъ свидѣтельствовалъ противъ него въ залѣ объ убійствѣ норджина. Раздраженный еще больше дерзкими словами старика, Стоппа ударилъ его прикладомъ въ голову... Старикъ остался на мѣстѣ съ размозженной головой... Послѣ этого Стоппѣ пришлось уходить и изъ новаго своего убѣжища. У него все еще не было денегъ, и онъ пріютился у какого-то крестьянина неподалеку, въ бѣдной избушкѣ, среди болотъ и лѣса... Его искали всюду, и онъ долженъ былъ скрываться... Эта жизнь сильно не нравилась ему, и злость его противъ главнаго виновника всѣхъ его бѣдствій, Адами, и тѣхъ, которые свидѣтельствовали противъ него, усиливалась. Онъ бродилъ по лѣскамъ вдоль дороги, ведущей изъ Гроссето къ владѣніямъ Адами, ожидая встрѣтить какъ нибудь своего главнаго врага. Это ему не удавалось... Но однажды подъ вечеръ, въ субботу, Стоппа изъ обычной засады своей увидѣлъ баррогино, летѣвшій быстро по направленію къ бывшему дому его отца. Въ экипажѣ сидѣли два почтенные сьенскіе юриста, закадычные пріятели Адами, отъ души помогавшіе ему въ дѣлѣ противъ Стоппы. Они были съ ружьями, лягавая собака, высунувъ языкъ, бѣжала за баррогино, чихая отъ попадавшей ей въ носъ пыли. Пріятели собрались вѣрно поохотиться на дачѣ облагодѣтельствованнаго ими Адами и весело разговаривали между собою, погоняя маленькую сардинскую лошадку...

— Стой и не шевелись! раздался вдругъ громкій голосъ впереди ихъ... Вздрогнувъ, они оглянулись и увидѣли Стоппу, прицѣлившагося въ нихъ изъ своего двухствольнаго карабина... Оставаясь постоянно въ этомъ положеніи онъ велѣлъ имъ идти къ себѣ. Несчастные повиновались. Онъ повелъ ихъ въ лѣсъ, въ срединѣ котораго нашелъ какую-то яму. Заставивъ одного изъ своихъ плѣнниковъ покрѣпче связать руки и ноги другому, повторивъ потомъ надъ нимъ самимъ эту же операцію, онъ спустился въ яму съ помощью импровизированной лѣстницы, расширилъ ее нѣсколько внизу и побросалъ туда двухъ бѣдныхъ юриспрудентовъ.

— Сидите же тутъ, сказалъ онъ имъ уходя: пока я не достану себѣ Адами, а тогда расправлюсь съ вами по своему...

Плѣнникамъ удалось однакоже бѣжать изъ этой ямы. Они не замедлили донести о случившемся властямъ. Изъ Сьены были посланы три жандарма, подъ начальствомъ сержанта, для поимки смѣлаго разбойника.

Стоппа стоялъ на небольшомъ холмѣ въ академической позѣ, опершись на ружье. Онъ замѣтилъ жандармовъ еще издали и, казалось, ожидалъ ихъ. Когда они были отъ него на разстояніи шаговъ 200, онъ сталъ махать имъ шляпою. Сержантъ жандармовъ хотѣлъ идти дальше, но бандитъ приложился въ него изъ двухствольнаго ружья, однакоже не стрѣлялъ. Одинъ изъ жандармовъ выстрѣлилъ по немъ, но онъ успѣлъ прилечь къ землѣ. Жандармы быстро побѣжали къ нему, но не успѣли сдѣлать и нѣсколькихъ шаговъ, какъ раздался выстрѣлъ. Одинъ изъ нихъ повалился, пораженный пулею въ лобъ.

«Вотъ какъ стрѣлять надо!» закричалъ имъ Стоппа со смѣхомъ, и съ быстротою зайца побѣжалъ къ лѣсу.

Его напрасно искали нѣсколько дней сряду. Потребовали подкрѣпленія отъ войска. Дознавшись какъ-то, что Стоппа жилъ въ избѣ крестьянина у опушки лѣса, солдаты заняли эту избу, но въ теченіи нѣсколькихъ дней Стоппа не показывался. Тогда арестовали крестьянина и объявили ему, что если онъ не объявитъ властямъ, гдѣ находится убѣжище Стоппы, то будетъ самъ преданъ суду, какъ соучастникъ въ злодѣйствѣ этого послѣдняго. Крестьянинъ согласился служить проводникомъ небольшому отряду... Они зашли въ самую глушь лѣса, гдѣ нашли недостроенный еще шалашъ, пальто Стоппы и одноствольное щегольское охотничье ружье. Стоппы не было. Это было въ 1855 или 1856 году.

Съ тѣхъ поръ о Стоппѣ не было ни слуху ни духу. Говорили, что онъ уѣхалъ въ Америку, скоро совсѣмъ о немъ забыли. Адами сталъ ежегодно при наступленіи весны посѣщать свои владѣнія, между Гроссето и Орбетелло, проводилъ въ нихъ иногда по нѣскольку недѣль, смѣло бродилъ по окрестностямъ, и никто никогда его не безпокоилъ до настоящаго случая.

Конецъ этой печальной исторіи надѣлалъ здѣсь много шуму и объ ней говорили почти во всѣхъ журналахъ.

Въ назначенный день племянникъ Адами явился съ требуемой суммой на указанное мѣсто. Стоппа ждалъ его одинъ. Но такъ какъ не вся сумма была золотомъ, а были и билеты тосканскаго банка, то Стоппа, не взявъ ничего, отправилъ племянника назадъ, назначивъ новый и очень короткій срокъ. Бѣдный юноша былъ въ страшныхъ попыхахъ. Онъ съ трудомъ могъ достать и половину требуемаго золота въ Сьенѣ и Гроссето. Пришлось ѣхать въ Ливорно... Однакоже онъ поспѣлъ къ сроку. У опушки лѣса, гдѣ ждалъ его Стоппа, стояла

привязанная лошадь Адами. Стоппа взялъ деньги, отдалъ племяннику лошадь и приказалъ идти на большую дорогу и ожидать тамъ дядю. Не слушаться было нельзя. Бѣдный племянникъ прождалъ около ¼ часа въ страшномъ волненіи... Вдругъ онъ услышалъ выстрѣлъ. Угадывая, что случилось, онъ выхватилъ изъ кармана револьверъ и побѣжалъ по направленію къ выстрѣлу... Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ того мѣста, гдѣ онъ только что имѣлъ свиданіе со Стоппой, онъ увидѣлъ трупъ дяди, лежавшій на спинѣ въ растяжку и со скрещенными на жилетѣ руками. На груди его лежала круглая широкополая шляпа Стоппы...

Сначала въ Сьенѣ нѣкоторые любители романическихъ приключеній приняли было открыто сторону бандита, стараясь представить его чѣмъ-то въ родѣ Карла Моора.

— Адами отнялъ у него все, что имѣлъ онъ,—говорили они:—ему простительно прибѣгать къ такимъ рѣшительнымъ средствамъ, чтобы возвратить себѣ хоть часть потерянnаго имущества. Но понимая, что подобныя личности, чтобы возбуждать къ себѣ сочувствіе, должны обладать значительно блистательными качествами, они упирали на великодушіе Стоппы, на его честность, основываясь на томъ, что онъ, будучи въ совершенной крайности, преслѣдуемый жандармами, никогда не грабилъ и убивалъ только изъ мести. Они и не допускали мысли о томъ, что онъ убьетъ Адами, взявъ съ его племянника деньги.

Эта неожиданная развязка сильно сконфузила ихъ, и другой звѣрскій поступокъ Стоппы, открывшійся тотчасъ же послѣ этого, окончательно возбудилъ противъ него негодованіе общественнаго мнѣнія, выказавъ въ настоящемъ свѣтѣ его жестокій, мстительный и звѣрскій характеръ.

Гдѣ провелъ Стоппа нѣсколько лѣтъ, послѣ своего побѣга изъ маремны до апрѣля 1863 года, — неизвѣстно. За нѣсколько дней до разсказаннаго мною происшествія, тотъ крестьянинъ, у котораго Стоппа такъ долго укрывался прежде, садился по обыкновенію за столъ съ сыномъ, двадцатилѣтнимъ парнемъ, съ невѣсткою, женою этого сына, кормившей грудью своего перваго ребенка... Раздался стукъ въ дверь.

— Кто тамъ? спросилъ хозяинъ.

— Я, Стоппа,—не узнаешь что ли? произнесъ слишкомъ знакомый ему голосъ. Хотя крестьянинъ и побаивался нѣсколько мщенія Стоппы за то, что служилъ по неволѣ проводникомъ жандармамъ, однако же отворилъ, разсчитывая, можетъ быть, на то, что въ домѣ ихъ двое, а Стоппа страшенъ только въ лѣсу со своимъ двухстволынымъ ружь-

емъ, а можетъ быть, надѣялся на то, что Стоппа не станетъ ему мстить за прошлое, нуждаясь въ новыхъ его услугахъ.

Стоппа вошелъ весело, дружески обнялъ хозяина и сына его, полюбезничалъ съ молодой женщиной и попросилъ поужинать. Хозяинъ сѣлъ вмѣстѣ съ нимъ и со всѣмъ семействомъ, довольный отчасти тѣмъ, что гость ни слова не поминаетъ о старомъ, но не совсѣмъ еще довѣрявшій его добродушной веселости... Онъ наконецъ рѣшился заговорить объ этомъ первый. Сталъ извиняться, жаловаться на то, что его вынудили къ этому силою... Нечего и сомнѣваться, что хозяинъ Стоппы, какъ всякій итальянскій контадинъ, ненавидѣвшій городъ и все городское, а слѣдовательно и правительство и власти, вовсе не считалъ Стоппу злодѣемъ; онъ побаивался его, но отъ души былъ готовъ помочь ему во всякое время. Гость не далъ ему и докончить своего оправданія...

— Полно, братъ, объ этомъ. Мы ужинаемъ—такъ будемъ же веселы, послѣ ужина успѣемъ поговорить о многомъ. Мнѣ нужно тебѣ еще многое сказать, я и подарокъ тебѣ привезъ—видишь, не забылъ о тебѣ въ Америкѣ...

Очень довольный, хозяинъ угощалъ бандита, чѣмъ могъ. Окончивъ ужинъ, Стоппа всталъ и заперъ двери снутри на задвижку.

— Ну, теперь о старомъ, сказалъ онъ: — вотъ тебѣ подарокъ изъ Америки.

Съ этими словами вынулъ онъ револьверъ изъ кармана и совершенно неожиданно выстрѣлилъ изъ него въ хозяйскаго сына, спокойно прибиравшаго со стола остатки ужина. Старикъ остолбенѣлъ отъ ужаса и отчаянія... Молодая женщина съ ребенкомъ на рукахъ бросилась къ трупу своего мужа.

— Не все еще, погоди, спокойно отвѣчалъ Стоппа:—изъ рода доносчиковъ ничего путнаго родиться не можетъ,—и съ этими словами, прежде чѣмъ кто либо успѣлъ опомниться, онъ наповалъ убилъ ребенка въ рукахъ матери новымъ выстрѣломъ. Старикъ въ отчаяніи бросился на него, но Стоппа ударомъ табурета въ голову повалилъ его на землю и *задушилъ потомъ руками*...

Подобному звѣрству не легко вѣрится въ наше время. Тѣмъ не менѣе въ разсказѣ своемъ, я ни перемѣнилъ, ни прибавилъ ни одного слова къ тому, что изъ достовѣрныхъ источниковъ знаю объ этомъ. Я выпустилъ только нѣкоторыя изъ подробностей, которыя мнѣ кажутся еще болѣе невѣроятными и которыя я узналъ отъ лицъ, не пользующихся вполнѣ моимъ довѣріемъ...

Я никогда не видалъ Стоппу, но коротко знакомъ съ нѣсколькими изъ его пріятелей и сослуживцевъ, а также читалъ описи его примѣтамъ въ сіенской префектурѣ. Онъ маленькаго роста и очень худъ и

сухощавъ, нѣсколько прихрамываетъ; цвѣтъ лица его желтовато-блѣдный, рыжіе волосы и сѣрые глаза — съ помощью этого можете составить себѣ его портретъ. Онъ слабаго здоровья и только и беретъ своимъ умѣньемъ стрѣлять изъ ружья, хотя—какъ послѣ я узналъ—онъ въ маремманахъ не считался за первокласснаго стрѣлка...

Послѣ случая съ Адами и съ контадиномъ въ розыски за Стоппою были посланы кавалерійскіе и пѣхотные отряды, но имъ не удалось ничего узнать о немъ. По примѣру всѣхъ итальянскихъ разбойниковъ и воровъ, онъ бѣжалъ къ римской границѣ, воспользовавшись покровительствомъ реакціонерныхъ комитетовъ и, говорятъ, съ намѣреніемъ вступить на службу къ Франческо II, т. е. составить шайку и идти разбойничать въ неаполитанскія провинціи. Проектъ этотъ ему не удалось исполнить... Племянникъ Адами немедленно поспѣшилъ въ Римъ и воспользовался своимъ кредитомъ и вліяніемъ для того, чтобы исходатайствовать у папскаго правительства приказаніе арестовать Стоппу и судить, какъ убійцу. Прибавлю, что Адами одинъ изъ самыхъ богатыхъ торговцевъ стадами, лошадьми и лѣсомъ въ Тосканѣ и Романьяхъ.

Нѣсколько дней спустя, Стоппа очень спокойно въѣзжалъ въ Римъ верхомъ на лошади покойнаго Адами. Онъ остановился у трактира и отправился обѣдать. Тутъ его схватили. Онъ пробовалъ сопротивляться—но безуспѣшно. Въ подушкѣ его мула alla maremmana (въ родѣ нашихъ казачьихъ) нашли золотомъ 6,000 скудъ... Деньги эти, явно принадлежавшія племяннику и наслѣднику покойнаго Адами, возвращены ему не были. Папское правительство, вслѣдствіе ходатайства французскаго главнокомандующаго, выдало Стоппу итальянскому. Это здѣсь сочли началомъ примиренія между папою и королемъ Италіи, но такъ какъ до сихъ поръ продолженія еще не было, то перестали и думать объ этомъ началѣ. Стоппа находится теперь въ тюрьмѣ, кажется Санъ-Джиминьяно близъ Сьены, въ ожиданіи приговора.

Вотъ какія невѣроятныя дѣла дѣлаются въ маремахъ тосканскихъ. Живя напримѣръ въ Флоренціи или въ Ливорно, нельзя предполагать, чтобы такой дикій край, такое несоціабельное общество, которое порождаетъ героевъ, подобныхъ Стоппѣ, находились отъ васъ на разстояніи едва нѣсколькихъ десятковъ миль.....

2 октября—20 сентября 1862.

Иностранцу въ маремы попасть дѣло нелегкое: нужно рѣшиться на слишкомъ многія и иногда тяжелыя неудобства и лишенія. Но охота, говорятъ, пуще неволи, а во мнѣ охота видѣть эту полуфантастическую страну (такою воображалъ я себѣ ее покрайней мѣрѣ по

тѣмъ разсказамъ, которые мнѣ случалось слышать) возрастала съ каждымъ днемъ.

Сьена одинъ изъ городовъ средней Италіи, служащихъ какъ бы ключемъ для сообщеній со всею внутреннею Тосканою. Я рекомендую заѣзжать туда всѣмъ, желающимъ поближе ознакомиться съ классическимъ типомъ итальянскихъ веттуриновъ. Впрочемъ торопиться нечего: желѣзныя дороги такъ тупо развиваются въ лежащей по тремъ ея сторонамъ каменистой мѣстности, что интересное племя это вѣроятно не скоро еще переведется въ ней. И черезъ 10 лѣтъ, какъ теперь, на маленькихъ и неровныхъ площадяхъ этого городка будутъ по всей вѣроятности тревожно расхаживать маленькіе рыжіе человѣчки въ рыжихъ плащахъ стариннаго покроя, въ круглыхъ порыжѣлыхъ и до нельзя истертыхъ шляпахъ, съ большимъ количествомъ вязанныхъ шарфовъ, обмотанныхъ вокругъ горла, съ предлиннымъ бичемъ въ рукѣ. Таковъ теперь нормальный типъ веттурина; такимъ былъ онъ за 50 лѣтъ тому назадъ.... Шумно толпятся они у воротъ гостинницъ, на извощичьихъ биржахъ, за рѣшеткою станціи желѣзной дороги, пѣвучимъ голосомъ зазывая форестьеровъ, предлагая имъ свезти ихъ по видимому за очень дешевую плату въ разныя болѣе или менѣе интересныя мѣстечки и городки, лежащіе далеко отъ желѣзной дороги....

Въ Сьенѣ есть цѣлая длинная улица, вся уставленная одноколками, баррогинами, колесами, оглоблями, собранными и разобранными экипажами, съ запахомъ конюшни.... По обѣимъ сторонамъ ея тянутся харчевни въ перемежку съ кузницами. Тутъ отечество веттуриновъ; встрѣтивъ тутъ человѣка, вы навѣрное можете сказать, что онъ или только что пріѣхалъ изъ внутренней Тосканы, или собирается ѣхать туда въ самомъ скоромъ времени....

Зная по опыту, какъ дорого обойдется мнѣ пушествіе съ веттуриномъ, и твердо вознамѣрившись ѣхать не иначе, какъ въ дилижансѣ, я торопливо шелъ по только что описанной мною улицѣ, не отрывая глазъ отъ вывѣсокъ, украшавшихъ собою фасады зданій по обѣимъ ея сторонамъ... Толпы веттуриновъ съ бичами окружали меня на каждомъ шагу, едва ли не хватали меня за полы сюртука, предлагая свезти кто въ Вальтерру, кто въ Радикофани, кто въ Монтепульчіяно.... На сколько пріятно было мнѣ прогуливаться при этой обстановкѣ, предоставляю судить читателю. Скажу только, что я совершенно съ чувствомъ человѣка, укрывающагося подъ портиками отъ проливнаго дождя, вбѣжалъ наконецъ въ довольно большой и темный сарай, на дверяхъ котораго увидалъ очень красивую картинку, изображавшую дилижансъ, запряженный шестернею цугомъ и съ лаконическою надписью внизу: per Massa Marittima.... Въ сараѣ, или

въ конторѣ дилижансовъ было такъ темно, что я сперва не могъ разобрать ничего и споткнулся два, три раза о какіе-то окованные желѣзомъ предметы. Меня охватило сырой теплотою и запахомъ конюшни.... Наконецъ, въ одномъ углу я замѣтилъ очень слабое освѣщеніе....

У деревяннаго стола, на которомъ красовалась чернилица, запачканная тетрадь и сѣделка, сидѣла мрачная фигура. Тутъ же горѣлъ сальный огарокъ въ грязномъ фонарѣ и горѣлъ такъ мутно, какъ мнѣ никогда еще не удавалось видѣть. Атмосфера была до того густа, что въ ней не только горѣть, даже дышать едва было можно, — это въ оправданіе сальнаго огарка....

— Позвольте узнать, когда уходитъ дилижансъ въ Массу-Маритиму, спросилъ я у мрачной фигуры.

— Дважды 16 — 32, да 4 и пр., говорилъ онъ голосомъ, которымъ дьячекъ читаетъ псалтырь надъ покойникомъ.

Мнѣ нѣсколько разъ пришлось повторить вопросъ, пока наконецъ я добился лаконическаго отвѣта: «не знаю». За тѣмъ мой пріятный собесѣдникъ снова погрузился въ ариѳметическія занятія....

— Да развѣ не здѣсь контора массеганскихъ дилижансовъ?

— 256 да 18.... Здѣсь.... 274.....

Разговоръ довольно долго продолжался въ этомъ же тонѣ. Изъ него я узналъ только то, что одинъ Господь Богъ вѣдаетъ, когда отправится дилижансъ въ Массу.

Такъ какъ это можетъ возбудить нѣкоторое недовѣріе въ русскихъ читателяхъ, то я считаю нужнымъ объяснить имъ, на какомъ основаніи существуютъ дилижансы во внутреннихъ провинціяхъ Италіи, мало посѣщаемыхъ иностранцами....

Дилижансы здѣсь всѣ безъ исключенія принадлежатъ частнымъ антрепренерамъ, которые по контракту съ правительствомъ обязываются возить почту, т. е. письма. Дальше этого сношенія съ оффиціальными властями не простираются. Для почты обыкновенно они держатъ особую лошаденку и двухколесную таратайку, которая съ математическою точностью совершаетъ свои рейсы. Дилижансы же двигаются съ мѣста въ такихъ только случаяхъ, когда обезпечено достаточное число пассажировъ. Это однако вовсе не мѣшаетъ имъ вывѣшивать объявленія очень длинныя и краснорѣчивыя, дающія полное право публикѣ предполагать, будто правильныя сообщенія посредствомъ дилижансовъ дѣйствительно существуютъ между данными пунктами. Исключенія изъ этого правила составляютъ настоящіе мальпосты, или *курьеры*, какъ ихъ здѣсь называютъ, содержимые правительствомъ между значительными городами, пока еще не соединенными желѣзными дорогами...

Но если вамъ придется путешествовать по внутреннимъ закоулкамъ и уголкамъ Италіи, не вѣрьте сладкорѣчивымъ объявленіямъ, обѣщающимъ вамъ тѣ или другія удобства. Вы будете совершенно во власти веттуриновъ, которыя въ васъ видятъ пассажира въ самомъ тѣсномъ смыслѣ этого слова, то есть живую поклажу, тюкъ, очень неудобный для перевозки, которому не предполагается имѣть ни своей воли, ни своихъ соображеній. Итальянскій веттуринъ также неумолимъ, какъ локомотивъ. Ему не достаетъ только скорости и точности этого послѣдняго. Не думайте какими бы то ни было увѣщаніями заставить его ѣхать скорѣе или медленнѣе, чѣмъ вздумается его тощимъ кляченкамъ, остановиться въ неурочномъ мѣстѣ или не остановиться тамъ, гдѣ нѣтъ никакой необходимости останавливаться, но гдѣ лошади его привыкли останавливаться безо всякой необходимости. Помните къ тому же, что итальянскіе веттурины слишкомъ горячіе приверженцы девиза нѣмецкихъ етуденговъ: einer für alle и alle für einen. Если вы не поладили съ однимъ изъ нихъ, другіе ни за что не поладятъ съ вами. Очень интересно было бы строго-спеціально разобрать вопросъ, какимъ образомъ въ Италіи, не смотря на ея политическую подраздѣленность, развилось въ высшей степени *веттуринное единство*, о которомъ никогда не заботились никакіе патріотическіе комитеты, ни правительственные, ни народные ораторы. Я изъѣздилъ Италію по разнымъ направленіямъ, имѣлъ случай изучить до малѣйшей подробности сѣверныхъ и южныхъ веттуриновъ; единственная разница въ нихъ одни мѣстные оттѣнки въ нарѣчіи. Замѣчательно то, что веттурины никогда не говорятъ чистымъ діалектомъ своей провинціи. Тѣ, которые заботятся объ единствѣ языка въ Италіи, должны бы были начать съ уничтоженія желѣзныхъ дорогъ: я твердо убѣжденъ, что единство языка скорѣе всего сдѣлалось бы веттуринами.

Отъ Сьены къ югозападу по направленію къ Массѣ Маремманской (которую ни почему нежужно смѣшивать съ Массою Каррарскою), идетъ очень живописная холмистая мѣстность, то повышаясь, то понижаясь, образуя мягкія, волнистыя линіи на горизонтѣ. Приближаясь къ низменной Маремнѣ, холмы эти принимаютъ болѣе и болѣе угловатыя формы, низменныя долины между ними попадаются чаще и больше; вся эта цѣпь обрывается наконецъ въ видѣ уступовъ или скалъ известковоглинистаго свойства, за которыми разстилается наконецъ совершенно ровный и низменный широкій морской берегъ, поросшій мелкими и колючими кустарниками, а мѣстами густою сочною зеленою травою.

Сьенскіе холмы считаются самымъ плодороднымъ мѣстомъ во всей Тосканѣ. Поземельная собственность здѣсь цѣнится очень до-

рого и приноситъ большой доходъ. Я имѣлъ случай близко познакомиться съ состояніемъ здѣшняго сельскаго хозяйства, и хотя это и не относится прямо къ предмету моихъ писемъ, скажу о немъ здѣсь нѣсколько словъ.

Большихъ имѣній въ Тоскапѣ мало, подъ Сьеною ихъ нѣтъ и вовсе, за исключеніемъ развѣ помѣстій сенатора Джіорджино, здѣшняго Шереметева; но и тѣ раздѣлены на мелкіе участки, часто несмежные между собою... Вся буржуазія, богатая и средней руки, обитающая въ сосѣднихъ торговыхъ и промышленныхъ городахъ, спѣшитъ при первой возможности обзавестись небольшимъ помѣстьемъ неподалеку отъ Сьены. Есть нѣсколько старыхъ аристократическихъ семействъ, владѣющихъ тутъ же участками земли; но ихъ немного, и всѣ они въ послѣднее смутное для Италіи время сочли за лучшее отдѣлаться отъ поземельной собственности... Эти землевладѣльцы при распоряженіи своими имѣніями вовсе не имѣютъ въ виду сельской торговли, а только удовлетвореніе собственныхъ своихъ потребностей; отъ этого большая часть помѣстій, даже на разстояніи нѣсколькихъ десятковъ миль отъ города, имѣетъ характеръ загородныхъ дачъ или виллъ, правда, безъ особенныхъ затѣй барской фантазіи, но также и вовсе не похожихъ на помѣстья южной Италіи, гдѣ земледѣліе составляетъ одну изъ главныхъ отраслей богатства страны...

Построивъ себѣ загородный замокъ и окруживъ его маленькимъ садомъ, весьма непохожимъ на англійскіе парки, тосканскій землевладѣлецъ пользуется по своему остающимся за тѣмъ количествомъ земли и,—странная слабость всѣхъ помѣщиковъ!—заботится единственно о томъ, чтобы ему меньше приходилось покупать у другихъ. Въ этихъ видахъ разсаживаетъ онъ на 4-хъ, 5-ти принадлежащихъ ему десятинахъ пшеницу и оливы, кукурузу, горохъ, бобы, капусту, коноплю и пр., пр.; не забывайте, что самое существенное во всемъ этомъ виноградникъ и что слѣдовательно подъ него нужно оставить немалое пространство: всякій тосканскій землевладѣлецъ продаетъ непремѣнно вино и оливковое масло. Это послѣднее вывозится въ большомъ количествѣ на острова здѣшняго архипелага, а частію и за границу: Сьенское красное вино, vino delle Colline, а въ особенности сладкое Aleatico пользуется большою славою во всей Италіи...

Не могу съ точностію опредѣлить, на сколько теряютъ съ практической стороны тосканскіе землевладѣльцы отъ подобной системы хозяйства; но съ точки зрѣнія художественной, мѣстность эта выигрываетъ много. Дѣйствительно, я рѣдко видалъ такія красивыя мѣста, какъ въ сьенскихъ холмахъ; нѣтъ здѣсь, правда, никакихъ, ни природныхъ, ни искусственныхъ великолѣпій, но мягкая, волнующаяся линія горъ, затопленныхъ въ самой разнообразной раститель-

ности, и свѣтлыя стѣны виллъ и хижинъ земледѣльцевъ, вырисовывающіяся на этомъ богатомъ фонѣ, все это до нельзя привлекательно и имѣетъ какой-то граціозный веселый видъ, отражающійся и на характерѣ самыхъ жителей... Въ самомъ дѣлѣ, Сьена слываетъ самымъ веселымъ городкомъ, и слываетъ не безъ основанія...

Къ сожалѣнію, это веселье имѣетъ свою изнанку: здѣсь вы безъ малѣйшаго труда понимаете и видите въ дѣйствіи и въ лицахъ все то, что нелѣпаго развило и выработало въ Италіи ея исключительно городовое общинное устройство: города здѣсь живутъ паразитами на счетъ сельскихъ классовъ, презирая ихъ и сами ненавидимые ими въ свою очередь...

Тяжело положеніе итальянскаго земледѣльца и всего тяжеле, можетъ быть, именно въ этой веселой, цвѣтущей части Тосканы. Изнеможенные, блѣдные и худые, согнувшись въ дугу, роются они цѣлый день въ землѣ, которая словно также за одно съ горожанами признаетъ ихъ какими-то паріями и даже не оказываетъ на нихъ своего благотворнаго вліянія, благодаря которому, во всѣхъ частяхъ свѣта, земледѣльцы хоть физически здоровѣе горожанъ. Здѣсь напротивъ. Рѣшеніе этой странной загадки я нашелъ очень скоро, когда мнѣ удалось увидѣть осенью двѣ, три вспаханныя десятины земли. Дѣло въ томъ, что все это плодородіе сьенскихъ холмовъ чисто искусственное: вы не только ни гдѣ не встрѣтите здѣсь чернозему, но едва ли, перенеся съ собою наши русскіе взгляды на землю, найдете во всей провинціи клочекъ земли, стоющій быть обработаннымъ: всюду известнякъ и бѣловатая глина, рѣдкими мѣстами, и то возлѣ лѣсовъ и садовъ, попадутся вамъ полосы красноватой желѣзистой глины, удобренной слабыми процентами органическаго вещества; гораздо чаще цѣлые непроницаемые слои известковаго шпата съ природными и незатѣйливыми инкрустаціями изъ кремня, и только на нѣкоторыхъ вершинахъ высокихъ холмовъ бѣлый мраморъ, вообще очень низкаго качества, — почему его и не выламываютъ... Всѣ эти роскошные сады, нивы и цвѣтники—плодъ упорнаго труда цѣлой касты народонаселенія, которая по странной ли игрѣ случая, или по другимъ причинамъ вовсе ими не пользуется...

Однако же въ Тосканѣ нѣтъ ни крѣпостнаго права, ни черныхъ невольниковъ, отношенія между земледѣльцемъ и землевладѣльцемъ имѣютъ видъ добровольнаго соглашенія. Обыкновенно одна крестьянская семья селится на участкѣ, принадлежащемъ какому нибудь городскому купцу или аристократу и обработываетъ его изъ половины всего дохода. Законъ предоставляетъ помѣщику полное право выгнать своего контадина, когда ему вздумается, равно какъ и этому послѣднему право оставить своего помѣщика, когда пожелаетъ; разумѣется,

опредѣлено то время года, въ которое могутъ быть совершаемы подобные переходы... Однако помѣщики очень рѣдко пользуются этимъ правомъ, а крестьяне и того рѣже. Чаще всего цѣлое поколѣніе крестьянъ живетъ на одномъ и томъ же участкѣ... Впрочемъ вообще о сельской Италіи я буду имѣть случай говорить живѣе и полнѣе... Теперь боюсь, что, читая мое описаніе сьенскихъ холмовъ, вы ощущаете почти то же, что я, когда проѣзжалъ по нимъ въ душной маленькой каретѣ, нагруженной сверху до низу... Двѣ клячи тащили насъ все-какъ по каменной тряской дорогѣ. Скоро совсѣмъ смерклось, сосѣди мои дремали, ежеминутно толкали меня въ бока и безцеремонно взваливали мнѣ на колѣни и на плечи то ту, то другую часть своего тѣла... Твердая дорога глухо гудѣла подъ тяжелымъ экипажемъ. Хоры лягушекъ привѣтствовали насъ, когда мы спускались въ ложбину между двухъ пригорковъ, при чемъ сырой холодъ заставлялъ спящихъ жаться и бормотать что-то сердито себѣ подъ носъ... Порою лужа или болото въ сторонѣ отъ дороги серебромъ сверкали между темною зеленью, и на ея свѣтлой поверхности темными силуэтами вырѣзывались фантастическіе стволы деревьевъ, увитые плющемъ, виноградомъ... Веттуринъ громко зѣвалъ и сонными голосомъ покрикивалъ на лошадей, эхо торопилось повторять эти звуки, но лошади не обращали на нихъ никакого вниманія...Я все больше и больше убѣждался въ томъ, что ночь создана для того, чтобы спали всѣ кромѣ совъ и летучихъ мышей...

24 октября — 6 сентября.

На утро я проснулся вмѣстѣ съ солнцемъ и съ птицами. Нашъ экипажъ (я за одно съ извощикомъ буду называть этимъ именемъ нашъ неудобный ковчегъ) тянулся медленнымъ шагомъ въ гору; веттуринъ шелъ пѣшкомъ возлѣ лошадей, поощряя ихъ громкими возгласами, а иногда и ударами бича... Я тоже вышелъ... Было чудное весеннее утро, котораго прелести исчезли бы подъ моимъ перомъ, а потому я и не распространяюсь о немъ. Дорога, по которой мы ѣхали, шла нѣсколькими поясами вокругъ высокаго крутаго холма, поросшаго темною густою зеленью; на верху его было какое-то мрачное подобіе стараго замка... Позади себя мы оставляли всѣ прелести итальянскаго пейзажа: горки и ручейки, каменные мостики и стройные тополи, кипарисы и роскошные каштаны...

— Далеколь до Массы? спросилъ я веттурина.

— Да вотъ она, отвѣчалъ онъ мнѣ, указывая рукою на замокъ...

Когда колеса нашего экипажа задребезжали по неровной мостовой города Массы, я проклялъ общую мнѣ съ большею частью туристовъ слабость — распрашивать заранѣе всѣхъ и каждаго о мѣстѣ, которое

собираешься посѣтить. Изъ этого выходитъ, что напередъ и по слухамъ составляешь себѣ понятіе о томъ, что думаешь увидѣть, а потомъ и стараешься на фактахъ провѣрить это свое голословное представленіе; вслѣдствіе этого, если въ странѣ пробудешь не долго и если съ разу не наткнешься на факты, слишкомъ противурѣчащіе прежнимъ слухамъ, то и ломаешь всѣ ихъ безъ милосердія, изъ-за благаго намѣренія подвести ихъ, во что бы то ни стало, подъ напередъ готовое впечатлѣніе. Благодаря этой привычкѣ путешествующаго люда, мы имѣемъ очень много описаній разныхъ странъ, часто весьма милыхъ и краснорѣчивыхъ, но порою совершенно несогласныхъ съ дѣйствительностью...

Не такая участь ждала меня въ Массѣ-Маритимѣ... По тѣмъ разсказамъ о Маремме, которые мнѣ удалось слышать въ Сіенѣ, по тѣмъ экземплярамъ маремммановъ, которые мнѣ удалось видѣть, я воображалъ себѣ страну эту фантастическимъ, мрачно очаровательнымъ краемъ, гдѣ все горитъ и сохнетъ подъ палящимъ солнцемъ, гдѣ кипятъ вулканы подъ землею и чистѣйшая кровь въ венахъ жителей, гдѣ нѣтъ ничего туманнаго, сыраго, тяжелаго и проч.

Вообразите же себѣ мое удивленіе, когда, проѣзжая по улицамъ Массы, я вообразилъ себя по неволѣ, какимъ-то чудомъ, перенесеннымъ въ Орловскую губернію... Масса-Маритима несравненно больше похожа напримѣръ на Мценскъ, чѣмъ на какой бы то ни было изъ видѣнныхъ мною прежде итальянскихъ городовъ... Дома (по большей части деревянные, выкрашенные голубою, зеленою и иногда свѣтло-кирпичною краскою, съ высокими кровлями, съ деревянными ставнями снаружи, мостовая не изъ плитъ, а изъ кусочковъ битаго камня: все это вовсе не по итальянски. На одной изъ площадей колодезь съ деревяннымъ срубомъ, вмѣсто неизбѣжнаго каменнаго фонтана съ чудовищными дельфинами, поразилъ меня окончательно. Вездѣ просторъ: зданія не лѣзутъ вверхъ до нельзя, а больше въ ширину, возлѣ многихъ изъ нихъ пустыя мѣста или садики, простые, незатѣйливые, иногда огороженные деревянными заборами. И тутъ же прохаживаются высокіе стройные мужчины со свѣтло-русыми кудрями и бородками, съ веселыми сѣрыми глазками, женщины дюжія и полныя, съ роскошными формами, нѣсколько кругловатымъ лицомъ и предлинными густыми русыми косами...

Масса, какъ я говорилъ уже, построена на самой вершинѣ крутаго холма, съ трехъ сторонъ поросшаго зеленью, а съ четвертой обрывающагося въ низменную равнину, идущую до самаго моря. Это новый городъ. Весь онъ состоитъ изъ одного большаго зданія, имѣющаго видъ не то монастыря, не то замка. Въ этомъ зданіи помѣщается госпиталь и церковь. Въ немъ же живутъ всѣ служащіе и

прислуживающіе при госпиталѣ. Подъѣхать къ этому госпиталю нельзя ни въ какомъ экипажѣ и едва ли можно верхомъ: больныхъ взносятъ туда на носилкахъ по узкой дорожкѣ, дѣлающей множество изворотовъ и изгибовъ, и по которой непривычному человѣку едва ли удастся взобраться и безъ ноши. Признаюсь, меня сперва сильно поразилъ подобный выборъ мѣста подъ госпиталь, но скоро мнѣ объяснили его причину. Для большаго числа больныхъ, которые въ лѣтнее время собираются сюда изо всей низменной маремы (по большей части работниковъ съ окрестныхъ желѣзныхъ заводовъ и земледѣльцевъ), необходимъ чистый горный воздухъ. Здѣшніе доктора вообще признаютъ горный воздухъ не только лучшимъ, но едва ли и не единственнымъ лекарствомъ противъ маремманской лихорадки (изъ бывшихъ въ госпиталѣ въ Массѣ въ іюлѣ настоящаго года 130 больныхъ, 128 страдали маремманскою лихорадкою; 129-й былъ пильщикъ съ переломленною ногою). Хотя положеніе старой Массы и достаточно высоко, но такъ какъ у подножія холма, на которомъ она построена, есть нѣсколько болотъ, то и боятся ихъ вреднаго вліянія на больныхъ; кромѣ того, здѣшнія лихорадки считаются заразительными, — вслѣдствіе всего этого сочли за лучшее построить госпиталь на самой верхней точкѣ холма, мѣстѣ изолированномъ отъ старой Массы или собственнаго города, лежащаго ниже его почти на милю разстоянія...

Зачѣмъ его строили этотъ старый городъ? кто и когда? Это все такіе вопросы, на которые я не берусь дать отвѣтъ. Нѣкоторые предполагаютъ, что въ древности море доходило до самой Массы и что самый городъ этотъ имѣлъ торговое значеніе. Но если это и было когда нибудь, то уже очень давно. Мы знаемъ положительно, что почти въ самомъ началѣ среднихъ вѣковъ маремы были уже совершенно безплодны, славились своимъ дурнымъ воздухомъ и богатствомъ минеральныхъ произведеній, которыхъ однако же никто не рѣшался эксплуатировать. Пользуясь безлюдностью страны, разбойничьи шайки всевозможныхъ родовъ и видовъ, сикаріи и феодальная сволочь, рыскавшіе по всей Тосканѣ, укрывались сюда отъ преслѣдованій власти. Нѣкоторые изъ нихъ строили замки на немногихъ возвышенностяхъ, гдѣ климатъ менѣе вреденъ и откуда имъ представлялась возможность видѣть далеко кругомъ. Замковъ этихъ теперь уцѣлѣло очень немного и то больше въ горной вальтерранской Маремѣ...

Въ настоящее время Масса не имѣетъ ровно никакого торговаго или промышленнаго значенія; она не лежитъ ни на какой большой дорогѣ и держится еще только тѣмъ, что въ ней живутъ административныя власти и чиновники съ желѣзныхъ заводовъ Фоллоники (на

разстояніи 12 миль отъ Массы). Море отстоитъ отъ Массы слишкомъ на 10 миль, и почему она называется приморскою (Marittima), это тоже неизвѣстно; развѣ только въ отличіе отъ Массы Каррарской, которая, служа гаванью городку Каррарѣ и близъ лежащимъ мраморнымъ каменоломнямъ, имѣетъ гораздо больше правъ на это названіе...

Масса Маритима замѣчательна развѣ только тѣмъ, что въ ней нѣтъ никакихъ художественныхъ и археологическихъ достопримѣчательностей, а въ Италіи это большая рѣдкость. Въ ней нѣтъ никакихъ древнихъ зданій за исключеніемъ сѣраго каменнаго собора очень оригинальной и вмѣстѣ съ тѣмъ уродливой формы: весь главный фасадъ представляетъ сплошную массу безъ оконъ и безо всякихъ украшеній; на одномъ изъ концовъ его низенькая башня, служащая колокольней. Домъ городскихъ властей — Palazzo del Municipio, происхожденія тоже должно быть очень древняго, но столько разъ подновленъ и передѣланъ, что не имѣетъ вовсе характера старыхъ зданій.

Ученые итальянскіе,—въ самой Массѣ нѣтъ никакихъ ученыхъ,—никогда не занимались археологическими изысканіями на счетъ этого города. Между массетанами есть преданіе, что городъ ихъ построенъ въ очень древнія времена и процвѣталъ когда-то; но что впослѣдствіи онъ былъ весь сожженъ и жители его перебиты...

Такъ или иначе, теперь это — совсѣмъ захолустье, всѣми забытое и мало заботящееся о другихъ. Въ цѣломъ городѣ вы съ трудомъ найдете флорентійскую газету. А между тѣмъ жители здѣшніе отличаются фанатическою преданностью Гарибальди и либеральными стремленіями. Въ 1860 г. въ гарибальдійскомъ войскѣ было гораздо больше массетанъ, чѣмъ ливорнцевъ, хотя все народонаселеніе Массы не простирается до 1500 чел. Когда я былъ въ Массѣ, тамъ только что былъ поставленъ памятникъ убитымъ при Марсалѣ, Мелиццо, Реджіо и подъ Капуей. Памятникъ этотъ стоитъ возлѣ собора и далеко не великолѣпенъ: онъ состоитъ изъ мраморнаго пьедестала и на немъ мраморной же фигуры, изображающей Италію; подъ нею золотая подпись, которой я никакъ не вспомню...

Привязанность массетановъ къ Гарибальди значительно усилилась послѣ 1849 года, когда онъ, послѣ знаменитой римской ретирады, прожилъ здѣсь нѣсколько дней инкогнито. Онъ встрѣтилъ въ Массѣ такой радушный пріемъ и столько готовности помочь ему въ его тогдашнемъ опасномъ положеніи, что и до сихъ поръ, по его собственнымъ словамъ, съ воспоминаніемъ о Массѣ связаны однѣ изъ лучшихъ минутъ его жизни. Когда все было готово къ его отплытію, толпа совершенно неизвѣстныхъ ему жителей города провожала его съ оружіемъ въ рукахъ и съ полной готовностью защищать его про-

тивъ австрійскихъ солдатъ и великогерцогскихъ жандармовъ. При прощаніи они поклялись ему слѣдовать за нимъ во всякомъ его предпріятіи за освобожденіе Италіи. Съ тѣхъ поръ, имя Гарибальди стало священнымъ для нихъ... Въ 1860 году они сдержали эту клятву. Я видѣлъ матерей, которыя нѣкогда приходили изъ Массы во Флоренцію съ своими сыновьями, и сами приводили ихъ въ комитетъ, завѣдывавшій тогда наборомъ волонтеровъ. Нѣкоторыя изъ нихъ плакали, когда сыновья оказывались слишкомъ молодыми и не могли быть приняты...

Много ли выигралъ этотъ городъ съ переворотомъ 1860 года, стоившимъ ему столькихъ жертвъ? Какъ вообще не промышленный городъ,—я думаю, очень мало. Однако патріотическій восторгъ не остылъ здѣсь ни мало. Читателю, вѣроятно, извѣстно, что весною настоящаго года, когда ждали, что волнующіе теперь Италію вопросы изъ области дипломатіи и полемики перейдутъ, наконецъ, снова на поле сраженія, въ здѣшнихъ городахъ устроивались такъ называемыя *общества вольныхъ карабинеровъ*, т. е. сильные городскіе отряды, вооружившіеся на собственный счетъ и долженствовавшіе составить зерно новаго гарибальдійскаго войска, лучше обученнаго и правильнѣе организованнаго, чѣмъ гарибальдійскіе партизанскіе отряды 1860 года. Общество это съ большимъ успѣхомъ привилось къ Массѣ: все, что было въ этомъ городѣ свѣжаго и молодаго, спѣшило записаться въ число вольныхъ карабинеровъ, самые бѣдные несли послѣднюю копѣйку на то же дѣло.

Я былъ въ Массѣ въ то время, когда Гарибальди только что оставилъ Капреру, и всѣ съ волненіемъ слѣдили за каждымъ его шагомъ, ждали чего-то новаго, неожиданнаго. Я стоялъ у дверей кофейной, на главной площади, съ пріятелемъ своимъ, кореннымъ массетаномъ, докторомъ Аполлоніо А... Мы познакомились подъ Капуей въ 1860 году, и теперь онъ былъ предсѣдателемъ общества вольныхъ карабинеровъ въ Массѣ.

Вечерѣло; начинали запирать мастерскія и лавки.

— Хочешь повидаться со старыми своими массетанскими пріятелями? спросилъ меня Аполлоніо. Я не замедлилъ изъявить свое желаніе, и мы отправились.

Въ низкой залѣ со сводомъ при очень слабомъ освѣщеніи сидѣло нѣсколько юношей за столомъ, на которомъ были классическіе fiasco съ краснымъ виномъ и сыромъ. Увидѣвъ моего пріятеля, нѣкоторые изъ нихъ бросились ему на встрѣчу.

— Bravo! закричалъ одинъ черноволосый и черноглазый мальчуганъ лѣтъ 16-ти.

«Si scuopran le tombe si levan i morti!» пропѣлъ онъ первый стихъ

изъ гимна Гарибальди:—смотрите, господа, вотъ право мертвецъ воскресшій?... И схвативъ меня за плечи, онъ представлялъ меня своимъ товарищамъ, изъ которыхъ многіе были мнѣ уже прежде знакомы...

Вся эта молодежь требовала, чтобы ее непремѣнно вели на австрійскую границу, гдѣ по носившимся тогда слухамъ Гарибальди снова собиралъ волонтеровъ. Аполлоніо напрасно разсыпалъ передъ ними свое краснорѣчіе, убѣждая ихъ ждать терпѣливо. Онъ представлялъ имъ необходимость вести дѣло обдуманно, не горячиться, а ждать терпѣливо, пока узнается что нибудь опредѣленное и положительное.

— Если уже намъ не идти теперь къ Гарибальди, провозгласилъ, вставая, одинъ изъ сидѣвшихъ за столомъ:—такъ пойдемте въ неаполитанскія провинціи унимать разбойниковъ.

— Пойдемъ! Пойдемъ! подхватило нѣсколько голосовъ: — что намъ тутъ сидѣть; довольно уже мы парадировали въ саду да стрѣляли въ цѣль. Или пусть распустятъ общество, или пусть ведутъ насъ къ Гарибальди.

— Я знаю, что изъ Сьены вольные карабинеры уже вышли вчера кричалъ одинъ.

— Зачѣмъ же насъ не пускаютъ впередъ?

— Послушайте, перебилъ ихъ Аполлоніо:—вѣдь и мнѣ самому не весело это положеніе; но что же дѣлать? Намъ говорятъ, что вольные карабинеры изъ Сьены, изъ Флоренціи и изъ другихъ городовъ будто бы пошли уже съ Гарибальди на австрійскую границу, но по газетамъ мы ничего не знаемъ, ни гдѣ Гарибальди, ни что онъ. Вы знаете, что очень многіе неблагосклонно смотрятъ на наше общество, а потому намъ нужно быть очень осторожными и не довѣрять всякимъ слухамъ.

На этихъ словахъ оратора прервали. Явился его деньщикъ (Аполлоніо служилъ докторомъ при массетанской больницѣ) и принесъ ему телеграфическую депешу. Она была изъ Флоренціи отъ одного изъ очень извѣстныхъ тамошнихъ capi popolo и заключала въ себѣ извѣстіе о майскихъ событіяхъ въ Брешіи.

9 октября — 27 сентября
1862.

ЛЕОНЪ БРАНДИ.

КОНФЕТКА.

БІОГРАФІЯ ЛУКИ ЛУКИЧА.

Былъ у меня товарищъ, т. е. не такой товарищъ, какіе бываютъ у человѣка, преданнаго занятіямъ ученымъ, служебнымъ, или у особы, занимающейся по преимуществу душеспасительною системой винныхъ откуповъ, подрядовъ и поставокъ на казну и т. п., а товарищъ—охотникъ, охотникъ рьяный до самозабвенія, увлекающійся до безразсудства, однимъ словомъ, человѣкъ на взглядъ мудрецовъ, не понимающихъ страстей человѣческихъ, пустой, безалаберный: товарищъ этотъ — Лука Лукичъ Бацовъ. Теперь, для болѣе полнаго очерка этой замѣчательной личности, я намѣренъ сказать нѣсколько словъ.

По внѣшности своей Лука Лукичъ былъ весьма счастливо созданъ; онъ былъ высокъ ростомъ, стройно сложенъ, сухощавъ, гибокъ, быстръ въ пріемахъ, развязенъ и ловокъ. Лицо у него было продолговатое, правильное, постоянно блѣдное, но не съ тѣмъ оттѣнкомъ нѣжной и просвѣчивающей бѣлизны, которая есть явный признакъ болѣзненнаго безсилія, изнѣженности, истощенія, а съ свѣжей, здоровой бѣлизной, соотвѣтствующей цвѣту его темнокаштановыхъ волосъ и голубыхъ глазъ, съ открытымъ, веселымъ и праводушнымъ взглядомъ. Не носи Лука Лукичъ постоянно лѣтомъ темносѣраго, неказистаго на видъ, охотничьяго казакина, перепоясаннаго простымъ ремнемъ, съ одною серебряною пряжкой, а въ зимье простаго дубленаго полушубка, какъ

необходимой принадлежности постояннаго кочевья по дебрямъ и болотамъ, а облекись онъ въ щегольской кавалерійскій мундиръ, или одѣнься къ лицу въ изящный сюртучокъ, Лука Лукичъ, съ его ловкой осанкой, былъ бы вполнѣ красавецъ.

Эта привлекательная внѣшность нисколько не разнилась съ его внутренними качествами и тѣми достоинствами, которыя трудно было замѣтить, не вглядѣвшись въ него глубже и пристальнѣе; самъ же онъ высказываться не любилъ, да и трудно было бы ему сдѣлать это намѣренно, по случаю его рѣшительнаго неумѣнья рисоваться. Бацовъ вообще не былъ склоненъ къ представительности и разглагольствію, и потому избѣгалъ парадныхъ съѣздовъ и сборищъ по случаю именинныхъ дней или храмовыхъ праздниковъ, а при необходимости быть тамъ, всегда оставался лицомъ, какъ бы затеряннымъ на самый край кружка, въ темноту; все это происходило не отъ того, чтобы онъ не былъ способенъ составить порядочную партію въ преферансѣ, съ людьми играющими въ *серьезную*, или понять всей тонкости разсужденій какого нибудь цеховаго краснобая, или преній цѣлаго кружка *любителей*, которые отдѣлясь отъ карточныхъ столовъ, пускаются въ запуски рядить и утверждать окончательно всѣ наши внутреннія и внѣшнія, политическія и административные вопросы. Нѣтъ, Лука Лукичъ просто на просто не любилъ сидѣть за картами. Попавъ обыкновенно въ такой кружокъ, Лука Лукичъ садился какъ можно дальше отъ арены и, прослушавъ смиренно битый часъ рѣшеніе вопроса объ упадкѣ акцій такой-то компаніи или неправильности веденія такой-то войны и проч., незамѣтно уходилъ изъ кружка или повершалъ слышанное своимъ завѣтнымъ «пустячки!» но ни возраженій, ни опроверженій никто отъ него не слыхалъ. Надо сказать, что въ кругу множества своихъ знакомыхъ, состоявшихъ изъ дворянъ почти цѣлой губерніи, за рѣдкимъ между ними исключеніемъ, Лука Лукичъ слылъ за человѣка до крайности неразвитаго, почти безграмотнаго, ни къ чему не способнаго, и вообще за одну изъ тѣхъ жалкихъ личностей, о которыхъ при всякомъ удобномъ случаѣ повторялось: «малый добрый, а пороху не выдумаетъ!» Причина этой незавидной аттестаціи заключалась въ самомъ Бацовѣ; отъ природы онъ не былъ рѣчистъ и не терпѣлъ фразерства, а по усвоенной издавна привычкѣ выражался коротко, сжато и какъ-то отрывками. Случалось мнѣ, хотя очень рѣдко, видѣть его смѣющимъ: Лука Лукичъ выражалъ свое мнѣніе быстро, безъ рас-

глагольствія, доводовъ и пояснеиій, какъ-то полусловами, намекомъ, подъ точками, а между тѣмъ, до крайности ясно; послѣдовательно, логично, такъ что, слушая его, становилось досадно за его лѣнь говорить. А что онъ былъ далеко образованнѣе и свѣдущѣе всей вмѣстѣ взятой коллекціи своихъ цѣновщиковъ, то была не тайна для людей, знавшихъ его короче, а больше для тѣхъ, къ кому онъ относился съ полнымъ вниманіемъ и довѣріемъ; но изъ этихъ послѣднихъ многіе, говоря о Бацовѣ, утверждали, что Лука «напустилъ на себя блажь!»

Отецъ Луки Лукича былъ человѣкъ съ весьма строгимъ воззрѣніемъ на счетъ подготовленія единственнаго своего сына къ гражданскому поприщу. Самъ онъ служилъ нѣсколько сроковъ безсмѣнно по выборамъ дворянства и умеръ въ должности предсѣдателя одной изъ палатъ, заслуживъ себѣ отъ всѣхъ доброе имя и безупречную память. Слѣдствіемъ этой новѣйшей служебной манеры было то, что старикъ Бацовъ изъ пятисотъ родовыхъ душъ успѣлъ уберечь для сына отъ продажи за долги только половину имѣнія; но лучшее наслѣдство заботливый отецъ старался оставить ему въ тщательной обработкѣ его природныхъ наклонностей и умственныхъ способностей.

Лука Лукичъ до 18 лѣтъ не выѣзжалъ изъ родительскаго дома, продолжая на глазахъ отца, съ помощью учителей мѣстной гимназіи, свое умственное образованіе, начатое въ малолѣтствѣ подъ руководствомъ стараго гувернера. Говоря очень правильно и бѣгло по французски, зная основательно нѣмецкій языкъ, математику и прочія науки, соотвѣтствовавшія полному гимназическому курсу, Лука Лукичъ по собственному выбору и желанію отправился въ Петербургъ; и черезъ двѣ недѣли М—г Трезвко, сопровождавшій своего питомца до мѣста, донесъ старику Бацову, что его сынъ выдержалъ экзаменъ для поступленія въ инженерный корпусъ.

Но выходѣ оттуда, Бацовъ послужилъ немного въ инженерахъ, перешелъ потомъ въ кавалерію, наконецъ вышелъ въ отставку и вернулся на родину, разставшись навсегда съ своимъ тревожнымъ поприщемъ, и грустно преклонилъ колѣни передъ могилою отца, котораго уже ему не суждено было увидѣть.

Помимо этой нерадостной встрѣчи, Лука Лукичъ въ первые дни какъ-то смутно поглядывалъ на предлежавшую ему тишь да гладь и мертвящее однообразіе этой жизни, съ ея полнѣйшею бездѣятельностію, незамѣтнымъ отупѣніемъ и неподвижнымъ

ожиданіемъ, какъ неотъемлемыми спутниками общаго произвола, переполненнаго всякаго рода довольствомъ и произвольнымъ употребленіемъ некупленнаго матеріала—времени... Съ другой стороны, онъ не безъ удовольствія поглядывалъ на свою полную свободу и независимость; вся эта прошлая картина его тревожной служебной дѣятельности, съ ея выпуклыми представителями въ образѣ — Выжигъ, Рядчиковъ, Зудовыхъ, Фоновъ и Баронцовъ, дополненная впослѣдствіи недавно минувшими боевыми тревогами, представлялась ему въ видѣ горячечнаго сна, и онъ смотрѣлъ на все его окружавшее, какъ человѣкъ пробудившійся съ хмѣльной и одурѣлой головой послѣ отчаянной попойки. Раздумывая объ этомъ самъ съ собою, Лука Лукичъ не безъ удовольствія пошептывалъ въ тихомолку: — «пустяки, теперь они меня ни за что не втянутъ въ служебныя отношенія! служить и безъ меня найдется пропасть охотниковъ».

Такъ ли это все было, увидимъ вскорѣ.

Устроивъ свои домашнія дѣла по плану, начертанному и завѣщанному отцомъ, Лука Лукичъ очутился во главѣ семейства, состоявшаго изъ двухъ дорогихъ для него личностей — матери и сестры. На счетъ послѣдней, пылкій въ дѣйствіяхъ и прямодушный въ отношеніяхъ къ людямъ, отставной рубака распорядился, не оттягивая срока и не откладывая дѣла въ долгій ящикъ: сущность тревожнаго состоянія и живой сердечной наклонности восьмнадцати-лѣтней дѣвушки онъ узналъ изъ словъ матери, а болѣе того изъ видимыхъ данныхъ. Въ домѣ ихъ, за годъ до кончины старика Бацова, началъ появляться наиболѣе частымъ и исключительно пріятнымъ гостемъ нѣкто Аркадій Васильичъ Вронскій: это былъ послѣдній отпрыскъ одной изъ самыхъ громкихъ фамилій въ губерніи, фамиліи славившейся нѣкогда богатствомъ, блескомъ и могуществомъ своихъ многочисленныхъ представителей, впослѣдствіи промотавшихся, угасшихъ и исчезнувшихъ одинъ за другимъ изъ скользкой людской памяти. Окончивъ курсъ наукъ кандидатомъ въ одномъ изъ нашихъ университетовъ, Вронскій объѣхалъ материкъ Европы съ научной цѣлью и по желанію отца, который въ ту пору доживалъ уже послѣдніе свои годы и проживалъ послѣдніе остатки имѣнія, давно ипотекованнаго и опутаннаго неоплатными долгами; молодой туристъ вернулся на родину въ ту недобрую пору, когда вслѣдъ за кончиною отца застучалъ запродажный молотокъ всему его состоянію. Оставшись, такъ сказать, съ однимъ обломкомъ

начты отъ цѣлаго корабля, т. е. со средствами едва достаточными на дневное пропитаніе, Вронскій не растерялся подобно большинству братіи, рыскающей въ такихъ случаяхъ по салонамъ, балуншичая и выискивая случаи къ даровой поправкѣ: онъ пошелъ по узкому, но прямому и вѣрному пути въ жизни, явился къ Бацову и началъ служебное поприще подъ его начальствомъ.

Вскорѣ онъ былъ принятъ въ домѣ своего начальника съ полнымъ радушіемъ и ласкою. Наташѣ, дочери Бацовыхъ, въ то время только что минуло шестнадцать лѣтъ. Сообщество Вронскаго, который съ его привлекательной наружностью и многостороннимъ образованіемъ такъ рѣзко выдѣлялся изъ толпы губернскаго чиновничества, не могло не подѣйствовать слишкомъ обаятельно на сердце молодой институтки; съ другой стороны, внимательность старикомъ и видимое предпочтеніе дѣвушки дѣйствовали тихо и послѣдовательно на Вронскаго, который началъ посѣщать домъ своего начальника чаще и чаще, но о прямыхъ чувствахъ своихъ, которыя были уже для него не тайна, молчалъ и всячески избѣгалъ случая даже нечаяннаго ихъ заявленія. Смерть Бацова еще больше сблизила Вронскаго съ его семействомъ, и Лука Лукичъ, вернувшись на родину, засталъ у себя въ домѣ почти готоваго уже семьянина. Отношенія Вронскаго къ Наташѣ все больше и больше уяснялись, но вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживалась и причина его долгаго и упорнаго молчанія: дѣло въ томъ, что у молодаго человѣка, кромѣ приличнаго гардероба и скуднаго чиновничьяго жалованья по мѣсту, ничего не имѣлось, а у Наташи въ приданомъ значилась только незначительная сумма, положенная на ея имя въ приказъ.

«Пустяки», сказалъ Лука Лукичъ, обсудивъ про себя этотъ трудный для рѣшенія вопросъ, и сразу уладилъ дѣло къ общей радости всего семейства. Онъ отдѣлилъ изъ собственнаго участка весьма значительный пай и отдалъ въ приданое за сестрой. Обезпеченная такимъ значительнымъ пособіемъ, молодая чета отправилась въ Петербургъ, гдѣ Вронскому было предоставлено болѣе обширное поприще для его дѣятельности.

Черезъ эту выходку Лука Лукичъ невольно сталъ героемъ минуты; толки, возбужденные его поступкомъ, долго не унимались и носили на себѣ какой-то двойственный оттѣнокъ, раздавая и характеризуя вмѣстѣ съ тѣмъ и общество его цѣнителей; одни называли поступокъ Бацова благороднымъ и велико-

душнымъ, другіе величали его самого полудурью, пеплякомъ, а чаще того, узаконеннымъ терминомъ, человѣкомъ безалабернымъ.

— Да что онъ, сумасшедшій, что ли? воскликнулъ цѣнитель.

— Кто такой?

— Да все-таки нашъ же, прыткій кавказецъ, Лука Лукичъ. Слышали?

— А что такое? Что съ нимъ случилось?

— Случиться-то не случилось, а самъ умудрился, выкинулъ такую невидаль что я, почитай, всю ночь не могъ уснуть...

— Да чтожь онъ сдѣлалъ такого необыкновеннаго?

— Помилуйте, вамъ никто не сказывалъ? Представьте, Абражеевку, всю, какъ есть, въ полной окружной межѣ, за сестрой отдалъ. За Вронскаго выходитъ; на будущей недѣлѣ свадьба. Ну, кто это сдѣлаетъ?

— Чтожь, это очень великодушно съ его стороны. Это дастъ Вронскому возможность устроить свою карьеру: Абражеевка дастъ шутя, заглазно, тысячи три въ годъ, а для человѣка служащаго это большое подспорье... Посмотрите, что изъ этого выйдетъ:—глядишь, лѣтъ черезъ десять къ намъ же губернаторомъ явится...

— Да пускай себѣ тамъ хоть разгубернаторомъ! ужь великодушіе-то, батюшка, не въ мѣру! Самъ-то остался съ чѣмъ?

— Какъ съ чѣмъ? у него Панино и Бацовка, имѣніе устроенное, конскій заводъ и все въ порядкѣ... Старикъ еще при жизни очистилъ отъ долговъ; чего жь еще? будетъ съ него...

— Помилуйте, чтожь, что Панино! а все-таки Абражеевка, посудите, кому не надо, пятьдесятъ тысячъ... однихъ луговъ что, мельница о двухъ поставахъ, лѣсу гибель... одно слово—золотое донышко...

И такъ дальше безъ конца.

И вся эта горячая болтовня въ сущности была совершенный вздоръ, больше ничего, какъ неизбѣжная потребность, болѣзненная манія, позывъ натачивать праздные языки, но было скверно то, что Лука Лукичъ вслѣдствіе этого сдѣлался для тѣхъ и другихъ одинаково интереснымъ особой и пріобрѣлъ себѣ цѣлый легіонъ непрошеныхъ почитателей, и что еще хуже, доброжелателей.

Заботливость этихъ господъ вскорѣ разыграла съ Бацовымъ

такую штуку, какъ Крыловскій медвѣдь съ своимъ пустынникомъ. Осѣтали бѣднаго Луку Лукича отвсюду неотступными предложеніями и совѣтами занять должность судьи или исправника по предстоявшимъ выборамъ. Все это предлагалось ему по великодушному соображенію большинства въ видѣ вознагражденія за его пожертвованіе въ пользу сестры: дескать, «надо же дать человѣку поправиться послѣ такихъ опустошительныхъ тратъ», и не глядя ни на какія отговорки, преслѣдовали Бацова неотступными просьбами и предложеніями, принимая всѣ его доводы и прямой отказъ за обычную стыдливость невѣсты. Все это сдѣлалось такъ быстро, ловко, съ такимъ единодушнымъ напоромъ и вѣрнымъ тактомъ, что Бацовъ не успѣлъ и опомниться, какъ его выбалотировали заочно и поздравили гуртомъ съ должностью исправника.

И такъ, волею-неволею, а Лукѣ Лукичу пришлось приниматься за выполненіе своей обязанности. Ужь и насолилъ же онъ своимъ доброжелателямъ за ихъ непрошеное усердіе, за ихъ извращенныя понятія о способахъ дешевой благотворительности. У иныхъ дворянъ старинная закала въ то время еще не вывѣтрился обычай выбирать къ выполненію служебныхъ обязанностей, нераздѣльныхъ съ ихъ интересами и личнымъ спокойствіемъ, именно такихъ людей, отъ которыхъ они могутъ надѣяться снисхожденія при различныхъ взысканіяхъ, выгоднѣйшаго распредѣленія участковъ по предмету уравненія дорогъ, поправки постовъ и проч., и въ главнѣйшемъ изъ нихъ, по истребованію казенныхъ недоимокъ. Тутъ всего милѣе и сподручнѣе былъ такой дѣлецъ, который обладаетъ рѣдкою способностью и диковиннымъ умѣньемъ валить «черезъ пень колоду», то есть и соблюдать форму, и угождать начальству, и не досаждать другимъ; но пріѣзжай къ этимъ господамъ становой, пришли къ нимъ исправникъ не письмо съ убѣдительною и униженною просьбой, а настоящій отчетливый ордеръ о немедленномъ пополненіи какихъ нибудь гербовыхъ пошлинъ и тому подобное, и попробуй онъ потребовать отъ одного, другаго, настоятельно, безъ всякихъ сроковъ и отлагательствъ, между сосѣдями подымется такой гвалтъ о безтактности и притязательности новаго исправника, отъ котораго ему придется полѣзать «въ омутъ головой». На этомъ основаніи Бацовъ, понимавшій свое дѣло съ одной только прямой точки зрѣнія, то есть глядѣвшій на свою обязанность не въ смыслѣ частнаго приспособленія къ

вещамъ и лицамъ, а какъ на долгъ служенія пользамъ общимъ, влетѣлъ въ свою служебную сферу, какъ ночная бабочка въ ярко освѣщенный покой. Пріобрѣтя съ измальства весьма *неудобную* манеру дѣйствовать, а не приспособляться, идя прямо, не заглядываться по сторонамъ и не разбирать окольныхъ тропинокъ, онъ началъ крушить и ломить, косить и рубить, на-право и налѣво, не разбирая никакихъ нѣжныхъ и чувствительныхъ мѣстъ и выдергивая изъ нихъ съ корнемъ самыя наболѣвшія и крупныя зановы. На первыхъ же порахъ онъ принялся за выполненіе самыхъ существенныхъ потребностей по уѣзду и болѣе прямыхъ и ближайшихъ обязанностей своихъ по службѣ: за правильную раскладку и точное выполненіе земскихъ повинностей, погашеніе казенной недоимки, за искорененіе притоновъ, уничтоженіе конокрадства, бродяжничества, уравненіе дорогъ, исправленіе мостовъ, настилку гатей и тому подобныхъ предметовъ первой необходимости.

Ахнула отъ всего этого почтенная публика избирателей, заголосила вся подвѣдомственная служебная партія, вспорхнулъ, какъ испуганная пташка съ своего насиженнаго мѣстечка, сильный и могущественный Иванъ Протасычъ, сирѣчь секретарь земскаго суда, онъ же и опытный руководитель, стяжавшій тьму благодарностей отъ высшаго начальства себѣ и всѣмъ шести исправникамъ, по очередно благоденствовавшимъ при его крѣпкомъ сидѣніи. Наполнились острожныя камеры обильнымъ притокомъ такого люда, которому въ былые дни оказывалось много ласки и почета. Все это были бородатые, тѣльные, отжирѣвшіе содержатели харчевень, шинковъ, постоялыхъ дворовъ, юркій торговый народецъ, смиренные собиратели посильныхъ лептъ, послушницы, монахини и людъ черноризый, явившійся будто бы съ горъ аѳонскихъ, съ весей елеонскихъ: все это по милости безпощаднаго Луки Лукича оказалось отростившими бороды дезертерами, вытравившими клейма ссыльными, воровками, поджигательницами, убійцами, фальшивыми монетчиками и тому подобными фабрикантами; по милости его множество хромыхъ побѣжало въ припрыжку, слѣпыхъ — начало смотрѣть во всѣ глаза, увѣчные расправили онѣмѣвшіе члены, однимъ словомъ, пошли всякія превращенія и чудеса велія, и поднялся всюду трусъ и воздыханіе, и скрежетъ зубовный; за то новый исправникъ въ полгода загонялъ двухъ своихъ любимыхъ коренниковъ, а сотскіе и десятники, чего не бывало во вѣки вѣковъ,

то и дѣло подшивали новыя подметки къ протоптаннымъ сапогамъ.

Все это произвело страшное разъединеніе въ составѣ всего уѣзднаго общества, говоръ поднялся вездѣ неестественный, общее мнѣніе раскололось на двое, какъ старая расшибенная громомъ ветла. Меньшинство, и съ нимъ вся молодежь, громко и восторженно крикнули въ пользу Бацова; даже барыни, самыя языкастыя и удалыя на счетъ порицанія всего, что дѣлается не по ихъ командѣ и соизволенію, узнавъ, что любимая и многочтимая мати Серафима, обиравшая ихъ нещадно полотнами и тальками, а смиренный постникъ и труженикъ отецъ Иларіонъ, подвизавшійся на пользу братіи какого-то дальняго и убогаго монастыря, по милости безпардоннаго исправника вдругъ обратились въ повара Илью и горничную Степаниду, зарѣзавшихъ и обобравшихъ лѣтъ шесть назадъ свою госпожу, начали громко заявлять свое благое мнѣніе въ пользу энергичнаго противника прежней терпимости и обветшавшаго порядка; но осталось за ними большинство людей практическихъ, степенныхъ, опытныхъ, разсудительныхъ, упорныхъ и неуклонныхъ чтителей той же терпимости и порядка, и они-то пріударили свой набатъ и, таинственно подмигивая и пошевеливая плечми и не зная сами, къ чему придраться, и не находя никакой вины, глухо, но дружно пророчили бѣдному Лукѣ Лукичу впереди неизбѣжную бѣду и грозное оштрафованіе.

Не смотря на этотъ общій гласъ и предсказаніе, догадка шептуновъ и прорицателей была далеко не вѣрна. Не оттуда надвигала туча грозная на буйную и одинокую главу крушителя терпимости и порядка. Въ подмогу къ шептунамъ явился давнишній благопріятель Луки Лукича и первый пробный камень на его служебномъ поприщѣ; это былъ старый знакомый его по прежней службѣ велемочный Выжига, а вслѣдъ за нимъ приползли и всѣ пріятели его и благодѣтели.

Какъ это все выкроилось и слѣпилось на потребу Луки Лукича, о томъ Аллахъ вѣдаетъ, а впрочемъ, соображаясь съ нашимъ простымъ человѣческимъ смысломъ, можно сказать, дѣло склеилось очень просто. Съ одной стороны, такъ сказать—*внѣшней*, оно производилось слѣдующимъ простымъ и обыденнымъ способомъ: изчезнувшій у Бацова изъ вида на законный десятилѣтній срокъ, небольшой подрядчикъ Выжига изволилъ распорядиться собой такимъ манеромъ: разбухнувъ окончательно отъ

неумѣреннаго употребленія заподрядныхъ остатковъ, сбрилъ онъ свою бороду и вмѣсто синей поддевки облекся въ черный фракъ, и натянувъ лайковыя перчатки, сочетался законными узами съ единственною дщерью такого же выжиги, только высшей пробы. Выжига нашъ, т. е. № 1-й, задумалъ перемѣнить родъ своихъ занятій, и пріобрѣтя законною покупкой шестнадцать пятиэтажныхъ домиковъ на главныхъ улицахъ самыхъ главнѣйшихъ городовъ, употребилъ ихъ въ видѣ залога, при одной изъ добродѣтельнѣйшихъ и для себя наиполезнѣйшихъ операцій, т. е. при винныхъ откупахъ; на первый разъ онъ снялъ только шестнадцать городковъ съ уѣздиками, въ числѣ коихъ былъ и Рыбоплясовскій, гдѣ хозяйничалъ и злобствовалъ сокрушитель терпимости и порядка, рабъ Божій Лука. Изъ этого независящаго отъ насъ сопоставленія читатель можетъ легко уразумѣть, что оно устроилось единственно по велѣнію неисповѣдимыхъ судебъ человѣческихъ. Съ другой стороны, болѣе близкой, скажемъ — *внутренней*, дѣло устроилось такъ: по вступленіи Бацова въ должность, къ нему прикатилъ въ парныхъ саняхъ съ медвѣжьей полостью Евдокимъ Герасимовичъ, съ поздравленіемъ. Этотъ Евдокимъ Герасимовичъ былъ привѣтливѣйшій и общительнѣйшій господинъ въ цѣломъ городѣ; всѣ, отъ судьи и городничаго до магистратскаго секретаря именовали его даже за глаза не иначе, какъ съ прибавкою качественнаго—«почтеннѣйшій». По четвергамъ это повторялось чаще, потому что то былъ день Евдокима Герасимовича и Мавры Леонтьевны, хлѣбосольнѣйшей и радушнѣйшей четы въ Рыбоплясовѣ. Но все это только къ слову; очутясь въ передней, встряхнувъ борта новаго фрака и потирая фуляромъ запотѣвшія золотыя очки, Евдокимъ Герасимовичъ просилъ человѣка доложить Лукѣ Лукичу о пріѣздѣ Паскудина, управляющаго откупомъ. Черезъ пять минутъ послѣ рекомендаціи и постороннихъ рѣчей—о погодѣ, о нонѣшнихъ временахъ и европейской политикѣ, онъ пригласилъ Луку Лукича къ себѣ на четверги и подалъ ему готовый бланкъ за конторской печатью и своей подписью, прикрывъ оный пятью радужными бумажками, т. е. первою третью изъ годичнаго «исправничьяго» оклада.

Зардѣвшись какъ маковъ цвѣтъ и держа бумажку на отлетѣ, Лука Лукичъ спросилъ, что значитъ бѣлый листъ съ печатью.

—Это-съ для отмѣтки слѣдующихъ вамъ ежемѣсячныхъ выдачъ по шести ведръ, а пиво можете получать по своимъ запискамъ, сколько для васъ потребуется, пояснилъ Паскудинъ очень

мягко и отчетливо, не замѣчая, что собесѣдникъ его потискивалъ зубами и какъ-то странно коробился.

— А эти деньги на что?

— Обыкновенное положеніе-съ... положенная награда для всѣхъ... отъ откупа-съ... кому что слѣдуетъ по мѣсту... лепеталъ Паскудинъ, вглядѣвшись внимательнѣе въ насупленную физіономію новаго исправника.

— Пустяки, я этого не возьму; ни одной рюмки даромъ, слышите? и выкиньте изъ головы впередъ подлѣзать съ этимъ. Бацовъ бросилъ листъ и деньги на конецъ стола, къ управляющему.

— Помилуйте, Лука Лукичъ; не извольте принимать это за какую нибудь взятку, либо подкупъ какой... Боже сохрани! Отъ насъ это, какъ и вездѣ, больше ничего какъ одна жертва на канцелярскіе расходы... Клянусь вамъ, ни съ чѣмъ... Вы этимъ отпоромъ глубоко оскорбите нашего Василія Александровича, лебезилъ Паскудинъ, вертясь въ креслахъ и поправляя дрожащими руками очки.

— Кто этотъ Василій Александровичъ?

— Картавинъ-съ, нашъ содержатель.

— Картавинъ... Это не та ли архибестія, что былъ лѣтъ двѣнадцать назадъ поставщикомъ на N — скомъ шоссе.

— Не могу знать. Можетъ быть...

— Ну, жаль же, что я не успѣлъ вырвать у него бороды.

— Помилуйте-съ, они брѣются, ходятъ безъ бороды. Необыкновенныя способности, и характеръ, я вамъ доложу, человѣкъ достойнѣйшій, патріотъ, можно сказать, высокій.

— Пустячки, мошенникъ, заключилъ Бацовъ, вставая.

Какъ-то неловко влѣзала обратно въ карманъ Паскудина пачка и помятый листъ. Евдокимъ Герасимовичъ, прощаясь съ хозяиномъ, чувствовалъ себя что-то очень неловко, какъ будто его розгами отодрали. Послѣ этого, въ пріятельскомъ кругу и вообще къ слову, онъ не называлъ Бацова иначе, какъ—Лукою безсребренникомъ.

Прямой и открытой вражды и распри между откупомъ и исправникомъ по виду не было, въ силу особенной ловкости и чрезмѣрной деликатности г. управляющаго; такъ, напримѣръ, является вдругъ къ Лукѣ Лукичу крестьянинъ, что купленная имъ въ конторѣ къ свадьбѣ водка, стоя ночь въ чуланѣ, замерзла, Лука Лукичъ посылалъ челобитчика съ запиской въ контору, и

тамъ ему въ замѣнъ куска льду, отпускали тотчасъ чуть не чистѣйшій алкоголь, и вслѣдъ за тѣмъ, Лука Лукичъ получалъ немедленное и почтительное объясненіе о причинахъ ошибки подвальнаго и пр. Но чѣмъ дальше, тѣмъ больше искушалось терпѣніе тонкаго и деликатнаго Евдокима Герасимовича: строгій полицейскій присмотръ за ходомъ продажи питей, буквальное запрещеніе отпуска ихъ въ воскресные дни до окончанія церковной службы, закрытіе кабацкихъ дверей въ «сладкій часъ вечерней мглы» на всѣхъ торгахъ и ярмаркахъ, опустошительное преслѣдованіе цѣловальниковъ по части пріема и сокрытія воровскихъ вещей, и тому подобныя точности выполненія полицейскаго устава, вынудили наконецъ долготерпѣливаго Евдокима Герасимовича рапортовать своему патрону и высокому патріоту о крутыхъ мѣрахъ, придирчивости и притѣсненіи откупа со стороны г. исправника.

Ужь одно имя Бацова всполошило Выжигу такъ, что онъ готовъ былъ жертвовать фунтами собственной благородной крови за искорененіе своего давнишняго врага и супостата, но, разсудивъ о значительности такой жертвы, рѣшился лучше отослать полторы тысячи для затѣвавшейся подписки на какой-то пріютъ, и, вслѣдъ за тѣмъ адресовался къ *самому* съ прямой жалобой на притѣснителя откупа, и съ просьбой о законной защитѣ.

Живо прискакалъ благонадежный слѣдователь. Это былъ еще младъ юноша, но въ дѣлѣ Бацова онъ оказался вполнѣ благонадежнымъ: дорывшись до настоящаго дѣла, онъ осмыслилъ его сразу и донесъ на прямикъ, что не находитъ въ дѣйствіяхъ Бацова ничего пристрастнаго, и что г. Рыбоплясовскій исправникъ можетъ служить примѣромъ для всѣхъ остальныхъ исправниковъ въ губерніи, по его образцовой дѣятельности и успѣшнымъ дѣйствіямъ по всѣмъ отраслямъ управленія уѣздомъ.

Но эта аттестація ни мало не ослабила возникшей уже у Бацова жаркой перестрѣлки съ остальнымъ губернскимъ начальствомъ. Дѣло въ томъ, что Лука Лукичъ для всѣхъ гг. «правленскихъ» оказался вмѣсто дойной коровы чистою яловицей и въ добавокъ еще бодался такъ крѣпко, что къ нему ни съ какой стороны не было подступа. Общій напоръ этихъ «правленскихъ» и безпрерывныя съ ихъ стороны придирки ко всякому вздору и мелочамъ много отнимали времени у Рыбоплясовскаго исправника на пустую отписку, и чѣмъ нелѣпѣе и сложнѣе становилась она, тѣмъ охотнѣе Лука Лукичъ хватался за перо и отвѣрзо-

валъ своимъ гонителямъ такими курьезными рапортами, отъ которыхъ пропадала у нихъ недѣли на двѣ охота къ новымъ придиркамъ, напримѣръ: въ отвѣтъ на грозное предписаніе о невысылкѣ мѣсячныхъ вѣдомостей, Бацовъ писалъ такъ:... «вслѣдствіе чего честь имѣю донести, что вѣдомости, отосланныя мною отъ 2 числа текущаго мѣсяца за № 3.918, должны быть получены за девять дней до написанія сего понудительнаго предписанія, а не доложены г. докладчикомъ присутствію вѣроятно потому, что высланы мною безъ *приложенія*; при чемъ честь имѣю покорнѣйше просить принять къ свѣдѣнію, что и впредь таковыя будутъ мною высылаемы въ надлежащій срокъ, но безъ всякихъ *приложеній*». Полтора года потѣшалъ Лука Лукичъ подобными кунштиками, пока наконецъ дѣло коммерціи совѣтника Картавина не пошло—da capo. По новѣйшей и ужь совсѣмъ форменной просьбѣ отъ содержателя Рыбоплясовскаго виннаго откупа, явился грозный палатскій коррехидоръ и съ нимъ два рьяные алькада, для разслѣдованія на мѣстѣ по пунктамъ и взысканія съ г. исправника всѣхъ понесенныхъ откупомъ убытковъ, цѣною въ 63,718 р. 43¾ к.; но Лука Лукичъ въ эти два года до того набилъ руку на счетъ отписокъ, что дѣло и опять покончилось... Бацовъ въ это время по обыкновенію велъ себя трезво, добропорядочно и дѣятельно готовился къ ревизіи губернатора.

Представьте себѣ старичка, легкаго какъ вѣтерокъ, вертлявого, съ живыми зелеными глазками подъ маслецомъ, влюбчиваго про всякъ часъ, волокиту безъ разбора, прыгающаго какъ сытый козленокъ съ нѣжными дѣвицами на паркетѣ, и врывающагося какъ юноша съ кипучей кровью въ середку хоровода, чтобъ перещипать и перецаловать дюжину фабричныхъ дѣвокъ, побѣгать съ ними въ горѣлки. Вѣкъ свой, служа, онъ только что *числился*, состоялъ всегда при *лицѣ*, для особыхъ порученій. Всякое дѣло для него было чѣмъ-то въ родѣ неизбѣжной траты «милаго, золотаго» времени; онъ смотрѣлъ на свои дѣловые часы, какъ на клочки прозы, залѣпляющей поэтическую страницу его существованія; должность свою онъ считалъ чѣмъ-то придаточнымъ, въ родѣ необходимости носить соломенную шляпу во время лѣтней прогулки; обязанность свою понималъ узко въ смыслѣ должнаго надзиранія за ходомъ текущихъ дѣлъ... Въ будничное, дѣловое утро, вплоть до обѣда, онъ былъ брюзгливъ, торопливо выслушивалъ, живо рѣшалъ, не чаялъ дожить до вечера и только при первомъ шорохѣ дамской юбки становился въ

уровень съ самимъ собой, оживалъ, рѣзвился, шутилъ и разливалъ свѣтъ и ласку на все его окружавшее...

На дѣла губерніи имѣла большое вліяніе его жена. Бойкая была особа! Родись она — мужчиной, славный бы вышелъ изъ нея каптенармусъ. Какъ есть — на всѣ руки! Талантовъ въ ней бездна неисчерпаемая:—умъ всеобъемлющій, распорядительность поразительная, благотворительность неизсякаемая... Въ гостиной эта щедрая разливательница губернскихъ благъ и уѣзднаго счастія, была настоящая Сабина Гейенфеттеръ, только съ какимъ-то скипидарнымъ душкомъ; она была все: и свѣтская, и общительная, и неумолимо строга, и дѣтски снисходительна, и высоко горда, и черезчуръ доступна, сурово цѣломудренна и мило развратна; однимъ словомъ — какъ когда понадобится ей, и все-то это къ ней шло, и всѣ-то ее обожали, а мужа до безконечности. Чета была какъ есть — на диво, на заглядѣнье!... Этакого отсутствія всякихъ скандальныхъ выходокъ и семейныхъ сценъ, этакой внимательности, угодливости и заботливости другъ о другѣ двухъ самыхъ моднѣйшихъ и счастливѣйшихъ супруговъ, не представлено еще ни въ одномъ французскомъ романѣ, а въ нашихъ великорусскихъ повѣстяхъ и подавно! И Европа Африкантовна тоже выбивалась изъ силъ и хлопотала изъ всей мочи, разыскивая средства и случаи, чтобъ оградить своего дражайшаго супруга елико возможнымъ спокойствіемъ и пособить ему полезнымъ совѣтомъ и наставленіемъ, какъ ему вести себя и какъ поступать въ такомъ-то и такомъ дѣлѣ. Такъ вотъ и теперь, явясь въ кабинетъ съ листомъ бумаги въ рукѣ, въ минуту суетливыхъ сборовъ супруга къ отъѣзду и разсужденій его съ камердинеромъ объ отпускѣ гардероба, она выслала послѣдняго и, положа бумагу на столъ, усѣлась рядкомъ съ мужемъ и затѣяла продолжительную и дружескую съ нимъ бесѣду. Распросивъ его въ началѣ о времени отъѣзда и перейдя потомъ къ шуточкамъ, она съ наивною и ребяческою шаловливостію, то потрепывала его по щекѣ, то прижавъ его голову къ груди, цѣловала въ темя, то подирала за ушко при обычныхъ его остротахъ на счетъ стойкости и цѣломудрія уѣздныхъ дамъ и шутливыхъ угрозахъ относительно прегрѣшеній противу десятой заповѣди; вслѣдъ за тѣмъ, какъ будто вспомня о дѣлѣ, она вдругъ перемѣнила тонъ и заговорила съ неотразимо милою назидательностію...

Все это, отъ начала до конца, говорилось на привилегиро-

ванномъ французскомъ нарѣчіи со всѣми оттѣнками, блескомъ и граціею убѣждающаго пустозвонства, и милый супругъ, расцѣловавъ черные глаза своей попечительницы, побѣжалъ въ пріемную къ толпѣ чиновниковъ, прибывшихъ для проводовъ своего милаго начальника.

Долго послѣ этого, съ быстротою электрическаго тока, разносились всюду интересныя вѣсти о дѣйствіяхъ Аркадія Платоныча, который по общему отзыву вездѣ былъ веселъ, привѣтливъ, всѣми и всѣмъ доволенъ; съ жадностію выслушивались вновь отпущенные имъ каламбуры, разсказывались на перебой новѣйшія его выходки и анекдоты по части рьянаго ухаживанія за юбками, подробно передавался перечень каждаго дня его благословеннаго и препрославленнаго житія: гдѣ его п–во обѣдалъ, съ кѣмъ танцовалъ, кому и за что дѣлалъ легкія замѣчанія и пр. и пр. Вездѣ, какъ водится, встрѣчали его съ полнѣйшимъ вниманіемъ, угодливостью и подобострастіемъ, напрягали все умѣнье, всю изобрѣтательность къ тому, чтобы какъ можно пышнѣе принять, сытнѣе и слаще накормить и удачнѣе потрафить на вкусъ начальника... Отвсюду провожали его громкими тостами и живѣйшими пожеланіями всѣхъ благъ и продолженія его воробьиной жизни.

Наконецъ, онъ очутился вблизи Рыбоплясовскаго уѣзда. Баповъ уже цѣлые сутки сидѣлъ тамъ на одной изъ пограничныхъ станцій для встрѣчи его съ подобающею честью. И вотъ, что есть духа у несчастной тройки, примчался становой съ ближайшаго сторожеваго поста, съ вѣстью, что его п–во изволитъ ѣхать. —Вотъ увидите, добавилъ онъ, стряхая снѣжную пыль съ воротника, этого чудорода; какъ разъ отмочитъ какую нибудь штуку, коли веселъ; надо бы подставить сюда смотрительшу, чтобъ была на виду хоть одна юбка; тотчасъ пойдетъ козыремъ, забудетъ обо всемъ... Вскорѣ утробистый возокъ подкатилъ къ подъѣзду станціи и его п–во закряхтѣлъ, пролѣзая въ узкія дверцы и путаясь въ пушистой медвѣжьей шубѣ. Баповъ, въ мундирѣ, съ готовымъ рапортомъ стоялъ на крыльцѣ и глядѣлъ на всю эту мялку съ какимъ–то апатическимъ настроеніемъ и совершеннымъ безучастіемъ. Наконецъ, его п–во, поддерживаемый подъ руки, пыхтя и отдуваясь, провалилъ мимо Луки Лукича; слѣдомъ за этою группой тихо шелъ спутникъ губернатора, одинъ изъ его чиновниковъ по особымъ порученіямъ; это былъ высокій, среднихъ лѣтъ, весьма благообразный мужчина съ умнымъ и скромнымъ

взглядомъ и съ плотію прилегшими къ щекамъ рыжеватыми бакенбардами. Сбросивъ шинель съ плечъ, Бацовъ пошелъ вслѣдъ за нимъ и, остановясь въ передней комнатѣ, долго слушалъ, какъ въ сосѣднемъ покоѣ его н—во, все-таки пыхтя и медленно разоблачаясь, болталъ безъ умолка съ своимъ чиновникомъ по французски, жалуясь на изжогу и блины, которыми накормила его какая-то petite Catherine; наконецъ, онъ быстро появился, потирая руки и разсѣянно глядя на двухъ чиновниковъ земской полиціи.

Бацовъ подошелъ къ нему и подалъ рапортъ.

Не развертывая бумаги, держа руку на вѣсу и взглянувъ внимательнѣе въ лицо исправника, Аркадій Платоныичъ, какъ будто старался что-то припомнить, потомъ спросилъ рѣзко:

— Ваша фамилія?

— Бацовъ, здѣшній исправникъ.

Взглянувъ еще внимательнѣе и строже, губернаторъ отнесся прямо къ вышедшему въ это время чиновнику, быстро заговоривъ по французски.

— Представь, моншеръ, какая счастливая память! Сейчасъ вспомнилъ, что я долженъ распечь этого гуся за всѣ пакости, какія онъ тутъ творитъ. И этому ужь не спущу ни за что! надо же сдѣлать хоть одно порядочное дѣло... И тутъ же обратился къ Бацову, у котораго уже успѣли дрогнуть всѣ члены.

— Вы дурно себя ведете, г. исправникъ. На васъ множество жалобъ; вы слишкомъ притязательны на счетъ... и Аркадій Платонычъ, расправляя и сжимая пальцы въ кулакъ, выдѣлывалъ на манеръ того, какъ берутъ подачку. На Картавина вы насѣли черезъ чуръ безбожно, слышите! я этого не намѣренъ терпѣть больше... И тотчасъ же повернулся спиной, не давъ Бацову времени хорошенько даже объяснить слышанное, и снова заговорилъ съ своимъ моншеромъ, разсчитывая прямо на то, что ихъ никто не понимаетъ.

— Этого надо непремѣнно выбросить вонъ! началъ онъ, потаптываясь и потирая ладони.

— Ну, сразу, за что же такъ... Сначала надо обревизовать его дѣйствія, убѣдиться въ проступкѣ, тогда...

— Нѣтъ, моншеръ; тутъ разсуждать нечего... Его поступки у меня всѣ на перечетѣ... Онъ навѣрно взяточникъ!.. Справокъ не нужно. При томъ же, моншеръ, я физіономистъ на славу: съ

одного взгляда умѣю прочесть всего человѣка. Въ добавокъ, рожа мнѣ его не нравится... Нѣтъ, я съ нимъ служить не могу!..

Вдругъ онъ остановился и раскрылъ широко глаза. Баповъ былъ уже на три шага къ нему ближе, лицо его было страшно. Остановясь передъ самымъ носомъ краснобая, онъ произнесъ съ полнымъ достоинствомъ и ѣдкою ироніей по французски чисто, правильно, съ выработаннымъ произношеніемъ:

— Люди честные не оскорбляютъ безъ причинъ, не прихоти; люди благоразумные сперва обдумываютъ строго то, что намѣрены сказать. Почему, выражая ваше презрѣніе ко мнѣ, вы не подумали сначала, захочу ли я служить съ вами, послѣ всего слышаннаго? Бацовъ посмотрѣлъ такъ прямо и устойчиво ему въ глаза, что тотъ растерялся сразу и, обращаясь къ тому же моншеру, лепеталъ: что это значитъ? что это значитъ?

— Это значитъ то, перебилъ Лука Лукичъ рѣшительно и строго:—что я считаю неприличнымъ дольше здѣсь оставаться и, надѣюсь, вы не откажете мнѣ въ удовольствіи сократить нашу неудачную встрѣчу.

Едва владѣя собой и гремя неистово о полъ саблей, онъ вышелъ порывисто въ сѣни и крикнулъ подавать свою тройку.

«Опять эта канальская Выжига»! подумалъ Лука Лукичъ, садясь наскоро въ сани, и велѣлъ кучеру свернуть на проселокъ, чтобъ не быть въ числѣ провожатыхъ при торжественномъ въѣздѣ его п–ва въ Рыбоплясовъ.

Городничій съ полнымъ штатомъ встрѣтилъ возокъ у заставы и проводилъ его до дома градскаго главы, гдѣ была приготовлена квартира. Предводитель, судья, стряпчій, гарнизонный начальникъ, самъ хозяинъ дома, тоже въ мундирѣ, съ кортикомъ у бока и медалями на груди, и нѣсколько другихъ уѣздоправителей, давно уже собрались тамъ для встрѣчи своего непосредственнаго начальника. Всѣ были настроены по примѣру прежнихъ годовъ и по новѣйшимъ свѣдѣніямъ, полученнымъ изъ другихъ уѣздовъ, услышать отъ него тьму каламбуровъ и острот, которыя такъ быстро развозились впослѣдствіи по всѣмъ уголкамъ и затверживались наизустъ; но этого ничего не случилось.

По прежнему, пыхтя и отдуваясь, его п–во прошелъ мимо всѣхъ въ кабинетъ и, разоблачившись тамъ не спѣша и безъ обычной болтовни, онъ появился въ залъ въ вицмундирѣ, очень вѣжливо раскланялся съ чиновниками, принялъ отъ городничаго и

гарнизоннаго начальника рапорты, поговорилъ съ нѣкоторыми уже извѣстными ему личностями о предметахъ, прямо относящихся къ ихъ обыденнымъ занятіямъ, спросилъ хозяина о причинѣ сильнаго повышенія цѣнъ на жизненные продукты и вслѣдъ за тѣмъ раскланялся и объявилъ городничему, что онъ можетъ отправляться домой и о немъ больше не заботиться. Не мало было послѣ этого толковъ и разсужденій о причинѣ такого необыкновеннаго пріема и объ отсутствіи исправника, но дѣло покуда оставалось въ темнотѣ.

На другой же день онъ прибылъ на ревизію въ земскій судъ, съ цѣлью — быть какъ можно снисходительнѣе къ маленькимъ грѣшкамъ и всячески доказать Бацову, что онъ человѣкъ не злой и не мстительный. Вмѣсто исправника его принялъ тамъ старшій засѣдатель и подалъ ему рапортъ о болѣзни Луки Лукича. Но въ какое долженъ былъ придти удивленіе этотъ мало вникавшій въ дѣло и вовсе непритязательный начальникъ, привыкшій уже по опыту встрѣчать всюду снисходительно самые вопіющіе безпорядки и упущенія, когда, разсмотрѣвъ внимательно канцелярскія дѣла, убѣдился въ величайшей разницѣ со всѣмъ тѣмъ, что удавалось ему видѣть въ прочихъ уѣздахъ; но, и это было еще ничто въ сравненіи съ тѣмъ, когда, прослѣдивъ съ полнымъ вниманіемъ дѣйствія земскаго суда по части взысканія казенной недоимки и сличивъ дѣло по всѣмъ графамъ, онъ тутъ же ахнулъ отъ удивленія: за Рыбоплясовскимъ уѣздомъ недоимки почти не числилось, въ то время, какъ по всѣмъ остальнымъ уѣздамъ въ губерніи, minimum ея, заслужившій отъ него въ иныхъ мѣстахъ даже похвальный отзывъ и благодарность, равнялся суммѣ отъ десяти и двѣнадцати тысячъ рублей. Однимъ словомъ, по всѣмъ частямъ двухлѣтняго управленія Бацова уѣздомъ, являлась рѣзко на видъ его необыкновенная дѣятельность и благоразумная распорядительность.

Сверхъ ожиданія онъ пробылъ въ судѣ часа четыре и, справляясь съ настольнымъ реестромъ, требовалъ и внимательно разсматривалъ всѣ текущія дѣла, вовсе не съ намѣреніемъ подмѣтить и придраться къ какому нибудь упущенію, а съ живѣйшимъ любопытствомъ удостовѣриться нагляднѣе въ сущности такого невиданнаго имъ еще успѣха и порядка. Онъ нѣсколько разъ подзывалъ къ себѣ секретаря и членовъ съ тѣмъ, чтобы повторить недавно высказанную имъ благодарность, наконецъ, онъ собралъ всю канцелярію до послѣдняго писца и, благодаря окон-

чательно всѣхъ, приказалъ секретарю составить поименный списокъ канцелярскимъ чиновникамъ и назначить отличнѣйшихъ къ наградѣ. Вслѣдъ за тѣмъ, уходя изъ присутствія, онъ поручилъ старшему члену съѣздить къ исправнику:

— Скажите ему отъ меня такъ, что онъ удивилъ меня два раза, и вчера, и нынче. Скажите, что я желалъ бы имѣть случай поблагодарить его лично. Больше я у васъ не буду, господа. Не зачѣмъ. Прощайте, добавилъ онъ уже, накидывая на плеча шубу.

Изъ суда онъ поѣхалъ прямо на обѣдъ къ предводителю; тамъ были собраны и дамы, заранѣе сочинявшія про себя фразы на французскомъ діалектѣ въ отвѣтъ на комплименты и каламбуры отъявленнаго дамскаго угодника, но къ общему диву всѣхъ, сановникъ послѣ обычнаго привѣтствія, вплоть до обѣда проходилъ вдоль кабинета съ предводителемъ, заботливо разсуждая съ нимъ о служебныхъ общихъ обязанностяхъ. Между прочимъ онъ, какъ будто мучимый неотвязной мыслью о вчерашней встрѣчѣ, вдругъ промолвилъ, остановясь посреди комнаты:

— А я бы желалъ, чтобъ вы какъ нибудь свели меня съ вашимъ исправникомъ. Я у него нашелъ то, чего никакъ не ожидалъ. По всему видно, что этотъ человѣкъ выше своего назначенія. Я, признаюсь, вчера принялъ его шероховато, и онъ вправѣ на меня сердиться. Я бы желалъ какъ нибудь соiйдтись съ нимъ. Теперь мнѣ понятно, почему онъ не могъ поладить съ откупомъ и съ моими правленскими... Я вѣдь знаю всю подноготную этихъ господъ... но что дѣлать, не достанетъ силъ у самаго Голіафа, чтобъ сломить ихъ недобросовѣстность.... Потомъ, подумавъ и глядя пытливо въ глаза своему собесѣднику, добавилъ:—скажите по совѣсти, между нами, правда это, что онъ не пользуется даже окладомъ отъ откупа? Это, вѣдь, я думаю, дѣло неестественное...

— Да, въ этомъ я могу васъ увѣрить словомъ; онъ даже собственное жалованье дѣлитъ между канцелярскими; это я знаю такъ же вѣрно.

— Удивительно, невѣроятно! Признаюсь, первый разъ въ жизни встрѣчаю такое безкорыстіе.... Я бы никакъ не полагалъ. Что, онъ человѣкъ достаточный?

— Не слишкомъ. У отца его было порядочное состояніе, да

поразстроилось. Тотъ, тоже былъ человѣкъ вполнѣ безкорыстный: вѣчно служилъ и ничего не нажилъ.

— Кто онъ былъ?

— Онъ умеръ служа въ должности предсѣдателя уголовной палаты.

— Ба! Такъ это тотъ Бацовъ, что умеръ лѣтъ пять назадъ, въ первые дни моего пріѣзда сюда? Это его отецъ?

— Да, онъ.

— Вы меня приводите въ отчаяніе... Нѣтъ, прошу васъ... я былъ глупо настроенъ, возстановленъ... теперь вижу, что это тамошнія интриги. Трудно разсмотрѣть и оцѣнить издалека... Пожалуйста, съѣздите къ нему....

Это были послѣднія слова, сказанныя уже на порогѣ въ гостиную, гдѣ онъ предложилъ руку хозяйкѣ дома и отправился съ нею въ первой парѣ къ обѣденному столу.

Часу въ восьмомъ вечера того же дня къ Лукѣ Лукичу нежданно пріѣхалъ предводитель съ двумя человѣками дворянъ, бывшихъ у него на обѣдѣ. Хозяинъ поспѣшилъ переодѣться, потому что весь день пробылъ въ халатѣ, ходя изъ угла въ уголъ и дымя неистово. Свидѣвшись, гости тотчасъ же объявили о цѣли своего пріѣзда и начали упрашивать Луку Лукича съѣздить къ Аркадію Платонычу, объясниться съ нимъ и покончить всякое недоброжелательство.

— Право, лучше будетъ! заключилъ одинъ изъ дворянъ:— онъ, правда, что вертопрашенъ, путнаго сдѣлаетъ не много, а все таки человѣкъ добрый и на обиду не склонный.

— Пустяки, господа, отвѣчалъ Бацовъ, прослушавъ тройственное увѣщаніе. — Я не поѣду кланяться ему оплеванной рожей. Богъ съ нимъ; я не сержусь на него... Я радъ, что открылся случай разстаться навсегда со службой. Впередъ меня не залучатъ сюда ни за какіе пряники. Баста! Теперь вижу, что я не способенъ къ этой службѣ!

— Помилуйте, Лука Лукичъ, возразилъ предводитель:—въ эти два года вы доказали совсѣмъ противное такому убѣжденію; нынѣшняя ревизія земскаго суда удивила до крайности Аркадія Платоныча; онъ иначе не относится о вашихъ дѣйствіяхъ, какъ съ восхищеніемъ. Только здѣсь и увидѣлъ онъ настоящіе порядки....

— Пустяки, здѣсь надо умѣть потрафлять и угождать всѣмъ,

здѣсь надо было не служить, а прислуживаться! а я этого не могу, отвѣчалъ Лука Лукичъ и рѣзко, и рѣшительно.

Съ тѣмъ и уѣхали отъ него медіаторы.

Аркадій Платонычъ пробылъ еще дня три въ Рыбоплясовѣ и, не дождавшись визита исправника, такъ и отправился домой. Вслѣдъ за нимъ Лука Лукичъ послалъ просьбу о увольненіи его отъ должности и черезъ недѣлю, сдавъ дѣла старшему по себѣ члену, уѣхалъ въ свое имѣніе.

Много шума и толковъ породило это внезапное удаленіе исправника отъ должности, но едвали одинъ сотый человѣкъ зналъ настоящую тому причину. Общій салютъ Лукѣ Лукичу былъ тотъ, что «*губернаторъ покончилъ его сразу!*» Благодарности, за свое рвеніе и заботливость о пользѣ и спокойствіи цѣлаго общества, онъ не услышалъ ни отъ одной дворянской души, да, правду сказать, Лука Лукичъ въ ней и не нуждался; напротивъ, для порицаній и охужденія его поступковъ выискалось множество охотниковъ...

— Ништо, ништо! такъ ему и надо! твердили всюду адепты общества любителей терпимости и порядка.—Шуточное ли дѣло, съ кѣмъ вздумалъ бороться? Съ Картавинымъ! Да возможная ли вещь, чтобъ эдакое лицо, да губернаторъ смѣнялъ на какую нибудь безпардонную выскочку, отъ которой, какъ отъ козла, ни шерсти ни молока! Нѣтъ, онъ моли Бога за доброту да за снисходительность начальника; другой бы его, кажется, съ лица земли давно бы стеръ!... Да и есть за что! Помилуйте, гдѣ къ чему ни прикоснется, вездѣ насолитъ! Намедни, самъ Евдокимъ Герасимычъ сказывалъ, что въ эти два года онъ ихъ тысячъ на семдесятъ оштрафовалъ... Конечно, для Картавина это вздоръ, а другаго, поди-ка, разорилъ бы въ конецъ....

— О комъ это вы? Алексѣй Степанычъ, спрашиваетъ новая личность.

— Да все о томъ же... Слышали, нашего исправника губернаторъ съ оника порѣшилъ! Съ глазъ долой, говоритъ, чтобъ духу твоего тутъ не пахло!

— Ну, что жъ: подѣломъ вору и мука; объ чемъ тутъ еще толковать! Пойдемте-ка, господа, что золотое время терять! заключаетъ третій, увлекая партнеровъ къ карточному столу.

На такихъ непреложныхъ данныхъ утвердилось окончательно мнѣніе большинства избирателей, такъ много радѣвшихъ въ началѣ о польахъ и благоденствіи Луки Лукича. Теперь ужь

онъ оказался человѣкомъ никуда не годнымъ и ни на какое дѣло не способнымъ.

Я въ это время уже сошелся съ нимъ на столько, что могъ заявлять ему свои мнѣнія съ полнѣйшею откровенностью и не озабочивая себя никакими задними мыслями. Проще, безпритязательнѣе и искреннѣе его натуры я не встрѣчалъ.

— Скажи, пожалуйста, спросилъ я однажды Луку Лукича, который, во время отдыха на охотѣ, лежалъ подъ кустомъ и задумчиво похлестывалъ себя арапникомъ по сапогу: — чѣмъ ты не угодилъ этимъ господамъ своимъ исправничествомъ?

— Пустяки, любезный... Стоитъ объ этомъ толковать! Видишь, что за народъ... отвѣчалъ онъ съ своей обычной, отрывочной манерой:—у всѣхъ у нихъ душонка стачана изъ лоскутковъ. Всѣ они—Загорѣцкіе, гамятъ,—а чуть до чего коснись, всѣ врозь... Дрянь, народъ... изъ нихъ путнаго ничего не выгородишь.

И больше этого я уже не слыхалъ отъ него даже намека о комъ нибудь изъ господъ, составлявшихъ массу охотниковъ до выборовъ и баллотировокъ, какъ будто они и на свѣтъ не рождались; онъ тщательно избѣгалъ даже разговоровъ о томъ, что затрогивало общіе интересы окольнаго дворянства; отдѣлившись и тѣломъ и душой отъ всѣхъ партій и кружковъ, вѣчно тревожныхъ и недовольныхъ ходомъ текущихъ дѣлъ, онъ больше и больше обсиживался дома и прятался отъ всѣхъ, какъ улитка въ скорлупу.

Домъ стариковъ Бацовыхъ слылъ въ городѣ и въ уѣздѣ, какъ самый теплый и хлѣбосольный пріютъ для званыхъ и незваныхъ, и поэтому знакомство у нихъ было обширное. Поселившись навсегда въ Панинѣ, глядѣвшемъ издали просторной и красивой усадьбой, Бацовъ помѣстился одиноко въ небольшомъ флигелькѣ, врѣзавшемся тремя стѣнами въ старинный садъ, самый же домъ, отдѣланный отцомъ его со всѣми удобствами и возможнымъ комфортомъ, онъ предоставилъ въ полное распоряженіе матери, не измѣнивъ ни во внѣшней обстановкѣ его, ни въ штатѣ прислуги ничего, что бы могло напоминать ей о грустной потерѣ и перемѣнѣ къ худшему. Сыновняя заботливость его простиралась до послѣднихъ мелочей, но вмѣстѣ съ тѣмъ Лука Лукичъ съумѣлъ такъ ловко поставить себя въ сторонѣ отъ всей своей полноправности и роли главнаго распорядителя въ домѣ, что казался какъ будто человѣкомъ постороннимъ и во всемъ зави-

сѣвшимъ отъ воли матери. Вся эта деликатность со стороны сына была постояннымъ предметомъ неистощимыхъ разсказовъ умной, прозорливой и нѣсколько щекотливой по характеру старушки. Единственный пунктъ постояннаго разногласія и упорнаго неповиновенія Луки Лукича противъ всѣхъ просьбъ и домогательства матери былъ тотъ, что вскорѣ послѣ отъѣзда Вронскихъ въ Петербургъ, она, соскучась одиночествомъ, начала не шутя приступать къ сыну съ совѣтами на счетъ женитьбы.

— Да помогите хоть вы, говаривала мнѣ часто старушка, сидя въ лѣтній вечеръ на своей любимой террасѣ, густо обставленной лianами и рододендронами, куда мы сходились пить чай: — посовѣтуйте ему, авось васъ послушаетъ... Помилуйте, ну что моя за жизнь теперь одной, въ столькихъ комнатахъ, точно рекрутъ въ пустой казармѣ!... Тѣ, тамъ-себѣ, въ Питерѣ, а этотъ тутъ, какъ молодой мѣсяцъ, блеснетъ, да закатится! То ли бы дѣло, еслибъ Богъ благословилъ доброй да любящей подругой, да тутъ бы эти крикунцы завелись, да я и не знаю, кажется, двадцать лѣтъ съ костей бы долой... Вѣрите ли, начну думать объ этомъ теперь, такъ и то чувствуется, будто вдругъ помолодѣла...

— Ну, что вы говорите, возражалъ тотъ въ свою очередь: — ну на какомъ чортѣ я тутъ долженъ жениться для наполненія этой казармы!

— Ахъ, грѣховодникъ, да развѣ тебѣ чорта навязываютъ, прости Господи мое согрѣшеніе... да развѣ мало у насъ дѣвицъ и съ воспитаніемъ, и съ приданымъ хорошимъ! Господь съ тобой! Какъ же такъ-то оставаться вѣкъ бобылемъ?

— А какія это достойныя, гдѣ онѣ?

— Да вотъ, не далеко поѣдемъ: хоть бы Юлинька Горожанинова, чѣмъ тебѣ не пара?...

— Пустяки... да если на ней Карая женить и тотъ очумѣетъ черезъ три дня послѣ свадьбы.

— Что ты, что ты! Можно ли такъ относиться о дѣвушкѣ... Да кто тебѣ ее навязываетъ? Это такъ, къ слову, къ примѣру; а ты обыщи-ка самъ, по мыслямъ, да возьми, хоть бѣдную, хоть сироту какую, не знатную, да чтобъ была она тебѣ подругой истинной, любила бы тебя да покоила... Вотъ бы ты тогда и узналъ жизнь настоящую, а я бы поглядѣла на васъ... а то...

Старушка грустно качнула головой и умолкла.

— Ужь и не знаю, въ кого онъ выдался, добавила она ко

мнѣ послѣ легкаго раздумья: — эдакой вышелъ сухмень да нелюдимъ; покойникъ отецъ семейную жизнь ставилъ выше всего: ужь доказательно то, тридцать четыре года прожили, а, ручаюсь, пяти сутокъ не жили врозь...

И тутъ уже пошла у нея часа на два цѣлая исторія этой прожитой жизни, съ полнымъ перечнемъ случаевъ, пояснявшихъ различныя доказательства супружеской нѣжности покойника.

— Ну, маминька, повершилъ Бацовъ, перебивая говорунью: — за этимъ слѣдуетъ сцена съ докторомъ, которому батюшка подарилъ золотую табакерку.

— А ты почему знаешь?

— Помилуйте, я ужь это вызубрилъ наизусть тогда, какъ Трюшо меня начинялъ Лафонтеномъ, отвѣчалъ тотъ, подходя проститься.

Старушка долго крестила его и все-таки грозила, что велитъ удавить Карая (которому тутъ же сунула въ ротъ сдобный крендель), если Лука Лукичъ къ зимѣ не женится.

— Пожалуйста, подговаривайте его, шептала она мнѣ при прощаньи.

Должность Бацова на два года поукротила сватью, но по переѣздѣ его въ деревню на постоянное домосѣдство, совѣты и упрашиванія начались снова.

Но и безъ этой еще сносной докуки, Лука Лукичъ начиналъ замѣтно хмуриться и терять всю свою прежнюю подвижность; притупляющее бездѣйствіе невидимо охватывало его своимъ мягкимъ, эластическимъ свивальникомъ. Это была одна изъ тѣхъ натуръ, для которыхъ жизнь сидячая, растительная, окореняющая, безъ простора и движенія, безъ увлеченій и тревогъ была та же смерть. Его жизнь, недавно прошлая, была тревожна и досадительна: онъ метался изъ конца въ конецъ уѣзда, онъ сердился, волновался и спѣшилъ, за то поспѣвалъ всюду, торопился и дѣйствовалъ твердо и настойчиво, за то успѣвалъ во всемъ, перегрызался съ ближайшимъ начальствомъ и достигалъ чрезъ то полнѣйшаго самодовольствія, истрачивалъ всю свою прыть и энергію и добывалъ себѣ нѣсколько дней и часовъ самаго цѣлебнаго и усладительнаго отдыха. Все это была жизнь и жизнь пригодная Лукѣ Лукичу, какъ дождевая туча пересохшей нивѣ. Теперь онъ сѣлъ...

Много толкуютъ о занятіяхъ хозяйственныхъ, какъ о бремени, поглощающемъ всѣ часы и минуты пресловутыхъ труже-

никомъ... Вздоръ! Лѣтомъ, для хозяина благоразумнаго, опытнаго и радѣющаго одинаково о своей и крестьянской пользѣ, дѣйствительно, заботы больше и занятія его сложнѣе и разнообразнѣе, но, если онъ не алтынникъ, не скаредъ, бѣснующійся отъ всякаго вздора и сбивающій все и всѣхъ съ пути и толка, а хозяинъ раціональный, приканцикъ умный и распорядительный, онъ, безъ траты времени на пустяки и безъ изнуренія тѣхъ, кто для него трудится, останется все-таки безъ дѣла на цѣлыя три четверти его агрономическаго года. Лука Лукичъ, на первыхъ порахъ, горячо взялся за приведеніе въ порядокъ нѣкоторыхъ отдѣловъ по хозяйству, за исправленіе, передѣлку и поправку всего, что видимо требовало поддержки и улучшенія; какъ порядочный технологъ и подготовленный наукою мастеръ строительнаго искусства, онъ славно принялся за дѣло: все починилъ и перестроилъ лучшимъ и удобнѣйшимъ способомъ, перекрудилъ рѣчку и основалъ на ней по правиламъ науки такую плотину, на которую многіе пріѣзжали издалека любоваться и подивиться смѣлой его затѣѣ и искусству, съ какимъ она была выполнена. На все это, по виду, сложное занятіе онъ употребилъ только одно лѣто и, покончa его, остался все-таки безъ дѣла. Остальное хозяйство его, устроенное по однажды принятой и узаконенной многими опытами трехпольной системѣ, безъ всякихъ плодоперемѣнныхъ затѣй, шло до того удовлетворительно, что ему, какъ главному учредителю державшагося порядка, доставляло слишкомъ мало развлеченія и заботъ.

Наставала осень со всѣми гримасами замирающей природы и неотразимымъ позывомъ къ зѣвотѣ и сну; что дѣлать человѣку мыслящему, одинокому и лишенному по его натурѣ завиднаго дара подражанія суркамъ и лягушкамъ? И Лука Лукичъ началъ засѣдлывать коня, въ началѣ съ цѣлью освѣжиться, промять и порасправить свои нѣмѣющіе члены, а послѣ уже съ нѣкоторымъ позывомъ и влеченіемъ погарцовать до усталости и выработать для себя нѣсколько часовъ пріятнаго и освѣжающаго отдыха; такимъ образомъ, въ началѣ, по крайней необходимости, а въ послѣдствіи по невольному увлеченію онъ сталъ настоящимъ, заповѣднымъ охотникомъ. О силѣ этого увлеченія въ немъ я уже имѣлъ случаи сказать. Многіе смотрятъ съ высока и судятъ строго подобное увлеченіе въ человѣкѣ, и на языкѣ ихъ слово «охотникъ» звучитъ чѣмъ-то въ родѣ охужденія и брани; но будьте же милостивы, господа, и внимательны

къ горькой долѣ тѣхъ изъ братіи вашей, которые по натурѣ наклонны относиться ко всему не иначе, какъ съ высокою правдой и готовы поработить себя первому призраку кажущагося имъ искупленія отъ тоски и апатіи и слѣдуютъ за нимъ уже какъ опьянѣлые... Приберегите же жало вашего сарказма на пользованіе безсовѣстнаго аффериста, подлаго сутяги, безчестнаго банкомета, пьяницы отъ бездѣлья, но пощадите охотника: въ правахъ его на ваше уваженіе, можетъ быть, отыщутся два, три пункта такихъ, которыхъ вы еще не читывали...

Что касается до Бацова, мнѣ эта страсть казалась въ немъ преобладающею. Вся его натура для меня уяснялась постепенно, но сверхъ всего, что я понялъ и вычиталъ въ немъ, одно соображеніе ставило меня въ тупикъ: это какая-то ледяная холодность его, полнѣйшее невниманіе, постоянное отчужденіе отъ женскаго пола, что все святое вмѣстѣ откликалось въ немъзамѣтнымъ презрѣніемъ ко всякой женщинѣ; человѣкъ этотъ былъ въ полныхъ силахъ, съ цвѣтущимъ здоровьемъ, съ натурою, какъ казалось, слишкомъ страстною, подвижною, можно сказать, кипучею, и при всемъ томъ, въ продолженіе многихъ лѣтъ, не только примѣра, даже признака его увлеченія какою нибудь женщиной никто за нимъ не замѣчалъ. Онъ не могъ даже переносить хладнокровно весьма обыкновеннаго между молодежью баласничества объ этомъ частенько попадающемъ на зубокъ предметѣ.

— Да скажи, пожалуйста, говаривали ему многіе: — что ты, каменный, что ли? или ужь и впрямь въ тебѣ щучья кровь?

— Э, отвяжитесь; охота толковать о пустякахъ! былъ постоянный отвѣтъ Луки Лукича.

— Нѣтъ, господа, я подозрѣваю, что нашъ Лука принадлежитъ къ какой нибудь сектѣ. Шуточное дѣло, бѣжать отъ всякой юбки, какъ воробей отъ пугала! говаривалъ графъ Атукаевъ.

За то мнѣ куда какое способное житье было съ этимъ безалабернымъ на вкусъ многихъ господъ сосѣдомъ и сотоварищемъ. Въ послѣдствіи мы повели одну породу собакъ, и въ обѣихъ нашихъ сворахъ рыскали почти все однокорытники, слѣдопательно, между нами, какъ рьяными охотниками. не было ни задорнаго хвастовства ни зависти. Жили мы другъ отъ друга довольно далеко, но видались часто. По лѣту, за накоплявшимися у каждаго личными заботами, бывали другъ у друга рѣже и на короткій срокъ, за то вплоть отъ уборки хлѣбовъ до самыхъ позднихъ

порогъ и первыхъ настовъ мы были почти неразлучны. Отправивъ, бывало, старушку мать въ Петербургъ погостить у Вронскихъ, Лука Лукичъ оставлялъ свое Панино на весь срокъ ея отсутствія и перебирался въ свою любимую Бацовку, отстоявшую отъ меня вероты на четыре и смежную по дачамъ. Тутъ ужь волею неволею приходилось мнѣ разставаться съ привычнымъ леженьемъ на одномъ боку и вялымъ перелистываніемъ какой нибудь давно перечитанной книги. Бывало, вернувшись съ поля, съ жадностью накинешься на какой нибудь новый номеръ только что полученнаго съ почты журнала и не разстанешься съ нимъ часовъ до трехъ за полночь, уснешь крѣпко, но не прошло и двухъ, трехъ часовъ, какъ пробуженный страшнымъ трескомъ и громомъ, вскочишь какъ шальной и бросишься босикомъ къ окну: на дворѣ чуть развиднѣлось, на часахъ безъ четверти шесть, а Лука Лукичъ гарцуетъ уже подъ окномъ въ полной походной аммуниціи и неистово барабанитъ кнутовищемъ или кулакомъ въ раму, такъ что едва стекла выдерживаютъ.

— Что ты, очумѣлъ, что ли? куда собрался ни свѣтъ, ни заря! крикнешь ему сквозь окно, протирая кулакомъ заспанныя вѣки.

— За тобой, одѣвайся, выходи; ужь твои засѣдланы. Вонъ черкеса подводятъ къ крыльцу.

— Помилуй, да ктожь имъ приказалъ? я вѣдь нынче не ѣду никуда. Ты самъ хотѣлъ домовничать. Да и погода, смотри, какъ насупило; того и гляди, польетъ суточный безъ перемежки.

— Пустяки, одѣвайся; ѣдемъ въ твои завалы, тамъ вчера перевидѣли лису съ молодыми. Теперь поддымки, надо спѣшить, а то поворятся.

— Какіе поддымки! еще шестой часъ. Да взойди по крайней мѣрѣ хоть до хаты, выпьемъ по стакану чая; ты видишь, я еще и халата въ рукава не одѣлъ.

— Пустяки, я тебя напою такимъ чаемъ, что ты и вѣкъ его не запросишь.

И Лука Лукичъ ввалится въ комнату такимъ всеопрокидывающимъ ураганомъ, отъ котораго въ пять минутъ въ цѣломъ домѣ все повернется вверхъ дномъ, заторопитъ и разошлетъ ни вѣсть куда прислугу, самъ притащитъ вмѣсто умывальника ковшъ воды и учнетъ тебя окачивать, перебуровитъ весь гардеробъ, надвигаетъ мнѣ на плечи казакинъ, потомъ примется за

укладку сигаръ, и послѣ всей этой суеты и прыти, черезъ какихъ нибудь полчаса, мы уже коленмъ въ молчаливой наѣздкѣ по заваламъ, выискивая и высматривая воображаемый лисій выводокъ, и проплутавъ битыхъ три часа по мѣсту, не найдя лакомой добычи, съ горя начинаемъ зорко порскать и охлопывать межи и кусты, травя вплоть до сумерекъ несчастныхъ русаковъ. Такъ день за день, съ утра до вечера, и будто дѣло дѣлаешь, и будто слѣдъ тебѣ кувыркаться черезъ голову и окунаться по уши, скача прямикомъ черезъ затоны и колдобины; а весело на душѣ и чуется, какъ прибываетъ въ тебѣ розвязи и силы, и вывѣтриваются изъ тебя, словно табачный дымъ, всѣ эти головные приливы и ревматическій зудъ въ залежавшихся костяхъ...

Разъ какъ-то, еще до своего испрашничества, въ сумерки, Бацовъ явился ко мнѣ въ своей походной брешеванкѣ, наполненной сворными собаками и съ пристегнутыми къ ней осѣдланными заводными лошадьми.

— Ѣдемъ, заговорилъ онъ, скидая бурку съ плечъ.—Вели съ вечера собирать своихъ.

— Куда и зачѣмъ? спросилъ я, предчувствуя дальній походъ. — Мнѣ надолго нельзя.

— Пустяки, можно. Всего на два поля. Въ пятницу по домамъ.

— Да ты куда направился? Нынче вторникъ, значитъ, три дня...

— Пустяки, что за разсчеты... Нынче ночуемъ у тебя, завтра въ Рожновской, на другой день ѣзда полная, въ пятницу назадъ. Вели скорѣе самоваръ, ужинать и спать.

Возраженій на это съ моей стороны конечно быть не могло. Весь вечеръ Лука Лукичъ протолковалъ о назьмахъ и лисьихъ выводкахъ, и предрекалъ бездну удовольствій.

— Помилуй, возразилъ я, сомнѣваясь въ успѣхѣ:—Рожновку и Лыткино я знаю хорошо, и не чаю тамъ ровно ничего для насъ путнаго.

— Почему?

— Туда не съ нашей охотой соваться, а надо вести стаю. Мѣсто уймистое, глухое, травля короткая, бугры, буераки...

— Пустяки, потравимъ и въ наѣздку.

— Гдѣ жь ночлегъ?

— У Петра Панфилова, на Безнутѣ. Онъ былъ у меня. Охотникъ самъ старинный; укажетъ намъ всѣ отнорки.

— Знаю я Петра Панфилова; да вѣдь у него теперь и собачьяго хвоста на дворѣ не найдешь. Онъ ужь лѣтъ десять, я полагаю, въ стремя ноги не вкладывалъ. Легко ли, какого помощника нашелъ! Навретъ онъ тебѣ три короба кошелей, а ты прыгай по оврагамъ...

— Пустяки, ѣдемъ, закончилъ горячій охотникъ.

На другой день, послѣ ранняго чая, разсадивъ собакъ и нагрузившись полными продовольствіемъ, мы съ четырьмя охотниками и заводными лошадьми отправились на двухъ тройкахъ верстъ за тридцать, на границу Рыбопляновскаго уѣзда. Послѣ тошнѣйшей ѣзды то мягкою трусцой, то томительнымъ шажкомъ для сбереженія верховыхъ, мы, часамъ къ тремъ за полдень, прибыли къ рѣчкѣ Безпутѣ или, лучше сказать, къ мелкому ручью, быстро бѣгущему между отвѣсныхъ береговъ по широкой ложбинѣ, устланной мелкимъ хрящемъ. Этотъ ничтожный во время засухи ручеекъ послѣ большаго дождя принимаетъ видъ грозной, мутной рѣки, подрывающей свои глинистые берега, затопляющей прибрежныя поля и луговины и выворачивающей съ корнемъ вѣковыя деревья; въ эту сердитую пору онъ становится недоступнымъ и невозможнымъ для переправъ. Вся окружающая его мѣстность, состоя изъ разорванныхъ покатостей къ обоимъ его берегамъ, была изрыта глубокими промоинами.

Пересѣвши на верховыхъ лошадей и подобравъ на своры собакъ, мы отправили экипажи впередъ на мѣсто ночлега и, проплутавъ часа два въ безуспѣшныхъ поискахъ вдоль и поперегъ различныхъ овраговъ и оставя въ сторонѣ самое село Рожновку, широко раскинутое на нѣсколькихъ холмахъ, съ темными разсѣлинами и свѣтящимся издалека бѣлымъ шпилемъ колокольни, мы повернули къ Рожновской мельницѣ, дающей о себѣ знать слышнымъ издалека шипучимъ паденіемъ той же Безпуты. Все это журчало и всплескивало, тамъ, въ низу, подъ защитою глубоко подмытаго берега, на виду же у насъ красовался новенькій домикъ подъ крашенною тесовой крышей съ зелеными ставнями; возлѣ него стояло нѣсколько холостыхъ строеній такихъ же новенькихъ и порядочныхъ; все это было обнесено тоненькою побѣленною рѣшеткой, ютилось подъ тѣнь березовой рощицы и выглядывало на свѣтъ Божій какимъ-то смѣющимся ландшафтомъ.

Не доѣзжая полуверсты до этого веселенькаго на видъ поселка, мы были встрѣчены тремя дѣвушками, которыя въ эту

нору, не замѣтивъ нашего поѣзда, только что вышли изъ мелколѣсья и направились вдоль опушки къ хуторку; двѣ изъ нихъ несли лукошки съ грибами и были ягодки, простыя крестьянскія дѣвочки, лѣтъ не тринадцати каждая, но третья не могла не привлечь на себя нашего общаго вниманія: стройная, высокая, съ граціозной выработанной поводкой, въ коричневомъ пальто, перепоясанномъ въ таліи, въ синемъ полутерновомъ платьицѣ, съ шелковымъ платочкомъ въ накидку на головѣ, въ маленькихъ резиновыхъ калошахъ по верхъ ботинокъ, надѣтыхъ на такую узкую и стройную ножку, которая, казалось, была создана для однихъ только ковровъ и паркета. Увидя насъ, дѣвушки пустились ускореннымъ шагомъ вдоль дороги, придерживаясь опушки кустарника, но мы поѣхали тротомъ и вскорѣ поравнялись съ незнакомкой, которая видя невозможность уйти отъ насъ, пріостановила своихъ маленькихъ спутницъ и остановилась сама, чтобъ пропустить нашъ поѣздъ. Тутъ, встрѣтивъ мелькнувшій на мнѣ взглядъ дѣвушки, я увидѣлъ такіе глаза, отъ которыхъ, всѣмъ намъ, окаяннымъ грѣшникамъ, приходится за частую вертѣть подушку подъ безсонной головой; даже спутникъ мой, при всемъ своемъ нерасположеніи заниматься подобными предметами, взглянувъ въ ея необыкновенное личико, дышущее молодостью и всѣми дарами совершеннѣйшей красоты, проговорилъ: — ого, какая! такихъ не много увидишь!

— Да, отвѣчалъ я, порываясь еще разокъ взглянуть на красавицу:—и видно по всему, что особа отъ алой крови.

— Пустяки, возразилъ Лука Лукичъ: — поповна какая нибудь!..

Разговоръ объ этомъ не могъ продолжаться потому, что мы уже раскланивались съ любезнѣйшимъ Петромъ Панфилычемъ, который выпелъ далеко отъ дома къ намъ на встрѣчу.

Это былъ мужчина лѣтъ подъ шестьдесятъ, одѣтый, по случаю нашего пріѣзда, въ парадный тонкаго сукна сюртукъ, застегнутый вплоть до горла, повязаннаго высокимъ бѣлымъ жабо съ бантомъ; мужчина плотный, массивный, съ полнымъ, открытымъ, правильнымъ и весьма красивымъ лицемъ, съ умнымъ и мыслящимъ взглядомъ карихъ глазъ; но всего болѣе гармонировала со всѣми этими примѣтами и шла ко всему облику старика его бѣлая лоснящаяся плѣшина, идущая отъ высокаго лба вплоть до затылка, откуда наступали къ вискамъ двѣ ровныя пряди рѣд-

кихъ и шелковистыхъ, еще не совсѣмъ посѣдѣвшихъ темнорусыхъ волосъ.

— Милости просимъ, милости просимъ, сударь, говорилъ старикъ Бацову, снявъ издалека картузъ и отвѣшивая при каждомъ шагѣ по поклону. Насилу — дожилъ чести принять васъ, мой благодѣтель, въ своемъ котухѣ.

— Здравствуй, здравствуй, Петръ Панфилычъ, — вотъ и мы къ тебѣ, говорилъ между тѣмъ мой спутникъ, сдавая лошадь стремянному и направляясь къ старику. Тотъ началъ похватывать его руку, но Бацовъ отдернулъ ее, на скоро обнялъ и поцѣловалъ старика въ обѣ щеки; послѣдній все-таки прильнулъ къ его плечу и чмокнулъ еще раза три въ сукно казакина.

— А меня-то вы, Петръ Панфилычъ, ужь и за гостя не считаете, сказалъ я, слѣзая съ лошади.

Старикъ подбѣжалъ ко мнѣ и повторилъ тотъ же маневръ и съ моей рукой, но мы расцѣловались по братски.

— Ахъ, сударь, васъ-то ужь никакъ не ожидалъ, благодарю, не побрезговали...

— Хороши же твои лисички, началъ Лука Лукичъ, направляясь къ дому, — мы въ цѣлой налестинѣ и бѣляка не подбудили.

— Помилуйте-съ, какъ не найдти; завтра вотъ зададимъ имъ трезвонъ, говорилъ бодрый старикъ, подобострастно и съ искреннимъ радушіемъ приглашая насъ—«пожаловать и располагаться у него въ домѣ, какъ лучше и спокойнѣе», и вслѣдъ затѣмъ пошло у насъ длинное разсужденіе о назьмахъ и лисицахъ.

Минуя эту, не для всѣхъ интересную бесѣду, я займусь болѣе необходимымъ для свѣдѣнія читателя предметомъ.

Хозяинъ нашъ, съ его облагороженными манерами, усвоеннымъ навыкомъ къ деликатному обращенію, и по его вальяжному виду, могъ бы всюду разыграть роль весьма почтеннаго мелкопомѣстнаго дворянина, въ сущности же онъ былъ просто вольноотпущенный дворовый человѣкъ помѣщицы и генеральши Ненасытиной. Онъ былъ изъ числа тѣхъ дворовыхъ, которые съ помощію природнаго ума, ловкости и находчивости, за частую, пользуясь безграничнымъ довѣріемъ своихъ господъ, прибираютъ ихъ самихъ подъ конецъ въ лапы и ворочаютъ ими по произволу. О Скалдинѣ я слышалъ общій отзывъ, что онъ былъ человѣкъ умный, способный къ управленію имѣніемъ, но честный и не способный къ интригамъ; по этому, бывши въ началѣ въ боль-

шимъ фаворѣ у своей госпожи, впослѣдствіи подпалъ въ *немилость*. Исторія его долговременной опалы была отчасти мнѣ извѣстна, но настоящей ея причины никто хорошо не зналъ и объ ней говорить еще не время. Теперь же, избавясь отъ «лютой напасти» и сдѣлавшись по милости наслѣдницы своей госпожи вполнѣ свободнымъ, онъ пришелъ къ нашему знаменателю въ жизни, т. е., поселившись на собственной землѣ близъ Рожновской мельницы, снялъ ее по контракту на арендное содержаніе, и тѣмъ живетъ.

На право изъ сѣней, пройдя маленькую переднюю, мы очутились въ такомъ покоѣ, въ которомъ всюду и на всемъ, начиная съ пола до потолка, видѣлись вопросительные знаки для того, кто, зная всю прошлую и настоящую жизнь старого холостяка, нечаянно попалъ бы въ его обиталище. На первомъ планѣ надо поставить необыкновенную чистоту и опрятность, съ какою оно было содержимо; далѣе, не заглядывая даже въ отворенную настежь дверь изъ сосѣдней комнаты, въ которой стоялъ очень изящный дамскій туалетъ съ двумя горками рѣдкихъ тропическихъ растеній, комната, въ которой мы находились, способна была измучить догадками самаго смѣтливаго наблюдателя. Тутъ все откликалось присутствіемъ женщины, и не какой нибудь неповоротливой, способной болтать возмутительный вздоръ и начинять съ приторнымъ радушіемъ желудки дорогихъ гостей непобѣдимою яичницей, а женщины съ развитымъ вкусомъ и многосторонними образованіемъ: между множествомъ содержимыхъ съ рѣдкою заботливостію цвѣтовъ на всѣхъ окнахъ, между необходимой домашней мебелью, тутъ стояли противъ одного окна закрытыя пяльцы съ канвовымъ узоромъ; неподалеку отъ нихъ, у внутренней стѣны открытое фортепьяно, по виду весьма цѣнное; у простѣнка между двухъ оконъ на покрытомъ чайною скатертью ломберномъ столѣ лежала опрокинутая корешкомъ вверхъ раскрытая книга, а подлѣ нея другая.

Поддерживая кое-какъ текущій разговоръ, я прежде всего пристроился поближе къ столу и началъ потихоньку наводить справки: во первыхъ, накинулся я на вѣрнѣйшую аттестацію умственнаго развитія потребительницы, т. е. на книги; оказалось, что раскрытая на срединѣ былъ второй томъ сочиненій Шатобріана, а сосѣдка его—путешествія Ж. Арагосъ политипажами. Не удовлетворясь этимъ первымъ свидѣтельствомъ, я началъ ходить по комнатѣ, подобрался къ пачкѣ нотъ, лежавшихъ на фор-

тельно и началъ ихъ просматривать; тутъ я встрѣтилъ и Шопена, и Бетховена, и Глинку съ Дюбюкомъ, и даже всѣми забытаго старичка Генделя. Оперы, Севильскій цирюльникъ и Фрейшюцъ, лежали въ сторонѣ, вѣроятно ихъ недавно разыгрывали. Любопытство мое все-таки не удовлетворялось.

— Да будетъ ужъ вамъ толковать объ этихъ прошлыхъ временахъ и правилахъ, скажите-ка мнѣ лучше, Петръ Панфилычъ, кто это у васъ читаетъ эти книги и разыгрываетъ эту музыку?

— А, это моя конфетка, отвѣчалъ старикъ, спохватившись и вставая на скоро. — Ужь извините, заговорился, и забылъ, что надо... Онъ, сначала притворилъ дверь въ сосѣднюю комнату съ туалетомъ, и поспѣшно вышелъ въ сѣни.

— Да скажи, пожалуйста, что за конфетка такая? спросилъ я Бацова.

— Не знаю; я тутъ первый разъ, отвѣчалъ тотъ, разсѣянно подойдя къ столу и развертывая путешествія Араго. — Ого! Зачѣмъ этотъ враль попалъ сюда?... И фортепьяно, и пяльцы тутъ!... Лука Лукичъ только теперь ихъ и замѣтилъ. Онъ зашагалъ по комнатѣ, раздумывая, навѣрное, о завтрашней потѣхѣ.

— Извините, гости дорогіе, сейчасъ вотъ, чайку не угодно ли... а ужь покушать вамъ, и не придумаю, что; у насъ пища простая, деревенская... Вотъ жду, не подвезутъ ли стерлядокъ, послалъ въ Залужное...

— Напрасно, заговорили мы въ два голоса.—Намъ ничего не нужно.

Вскорѣ дюжая и чопорная работница, принаряженная по случаю нашего пріѣзда въ праздничный сарафанъ, вошла какъ-то неловко, переступая съ ноги на ногу. Краснѣя и застѣнчиво ужимаясь, она принялась съ помощію своего хозяина приготовлять столъ и все нужное къ чаю. Съ появленіемъ кипящаго самовара, Петръ Панфилычъ пошелъ къ притворенной двери и, окликнувъ какую-то «душечку Наташу», объявилъ ей, что самоваръ поданъ. Въ отвѣтъ послышалось изъ третьей уже комнаты: «сейчасъ, дѣдушка», и послѣ явственнаго для слуха отодвиганія комоднаго ящика и шелеста шелковой матеріи, къ намъ вошла встрѣченная незадолго красавица въ томъ же синемъ полутерновомъ платьицѣ, поверхъ котораго вмѣсто прежняго пальто была накинута черная шелковая мантилья и свѣженькій воротничокъ.

Боже мой, что это было за прекрасное, мыслящее и полное симпатіи лицо! Дѣвушка принесла съ собой чайный ящикъ и, ста-

ва его на столъ, поклонилась намъ съ такою граціей и достоинствомъ, въ которыхъ для опытнаго глаза уже выработалось все.. Старикъ въ это время какъ-то тревожно лепеталъ намъ: «моя конфетка... моя внучка... недавно пріѣхала...»

Послѣ этого, довольно на долго водворилось между нами какое-то тупое молчаніе; не знаю, что думали другіе, а я только упорно слѣдилъ за тѣмъ, какъ дѣвушка заваривала чай и ставила чайникъ на конфорку; послѣ этого я взглянулъ на своего товарища и замѣтилъ, какъ онъ, крутя усъ и раскрывъ широко глаза, пытливо и устойчиво смотрѣлъ на тотъ же предметъ такимъ озадаченнымъ взглядомъ, какъ будто передъ его носомъ за минуту до этого разорвалась бомба.

Старикъ Скалдинъ первый подалъ голосъ; онъ какъ-то мягко и любовно проговорилъ: — что, матушка, грибковъ набрали-таки?...

— Не много, отвѣчала дѣвушка. — Мы не долго ходили. Росно.

— А вы любите это занятіе? спросилъ я, придравшись къ слову.

— Прежде, какъ была я маленькая, это меня занимало; а теперь, не знаю, какъ сказать... Удовольствія мало. Можетъ быть и потому, что мои спутницы не такъ настроены, чтобъ составить болѣе интересную прогулку.

Съ этихъ первыхъ словъ завязался у насъ не умолкавшій ни на минуту разговоръ, и впослѣдствіи онъ сдѣлался общимъ; Лука Лукичъ, на диво мнѣ собственно, тоже развязалъ языкъ. Чѣмъ дальше въ лѣсъ, говоритъ пословица, тѣмъ больше дровъ. Такъ было и съ нашей бесѣдой; чѣмъ шире раздвигалась рама, закрывавшая отъ насъ личное значеніе и все прошлое нашей собесѣдницы, тѣмъ больній интересъ пробуждалъ въ насъ каждый косвенный намекъ ея о томъ, что относилось прямо къ ней самой. Съ перваго раза уже было ясно, что эта умная и многосторонне образованная дѣвушка обладала самыми свѣтлыми понятіями даже о такихъ предметахъ, которые далеко не служатъ потребностью и никакими путями не входятъ въ орбиту умственныхъ принадлежностей болѣе обыкновенныхъ женскихъ натуръ. Говоря о любви своей къ цвѣтамъ, дѣвушка вычитывала мнѣ цѣлый курсъ ботаники, вовсе не съ цѣлью озадачить меня своею спеціальностью, а только разсказывая о способѣ выдержки того или другаго растенія; вотъ, напримѣръ, говорила она, показы-

вая на растеніе, эта Splendida argenta, судя по мѣстной широтѣ ея родины, кажется, ни за что бы не могла у насъ ужиться безъ искусственныхъ способовъ, а напротивъ, растетъ себѣ на холодномъ окнѣ и окореняется, какъ наша капуста, — и вслѣдъ затѣмъ, вступалъ въ ходъ анализъ свойства растеній однородныхъ съ нею и т. д.

Прослушавъ молча цѣлую исторію объ авалліяхъ, вигоніяхъ, драценахъ и имъ подобныхъ представителяхъ тропической флоры, Бацовъ почему-то расщедрился на слова и вопросы; перелистывая Шатобріана, онъ заговорилъ по французски; дѣвушка отвѣчала ему такимъ льющимся чисто парижскимъ нарѣчіемъ, что я не утерпѣлъ, чтобы ей этого не замѣтить.

— Я прежде очень настойчиво упражнялась въ этомъ языкѣ, отвѣчала она:—а окончательно усвоила всѣ его тайны въ Парижѣ.

— Вы тамъ были? спросили мы оба въ разъ.

— Да, я прожила тамъ почти полтора года...

Однимъ словомъ, объ изящныхъ искусствахъ, о музыкѣ и литературѣ эта внучка Петра Панфилова заявляла намъ самыя многосторонніе свѣдѣнія и самыя свѣтлыя понятія. Часовъ пять къ ряду шелъ у насъ не смолкавшій ни на одну минуту самый интересный и въ высшей степени оживленный разговоръ, пока старикъ, исхлопотавъ къ ужину стерляжью уху, не разлучилъ насъ этимъ прозаическимъ способомъ съ нашею милой собесѣдницей.

Трудно теперь мнѣ припомнить всѣ подробности этой неожиданной встрѣчи, имѣвшей впослѣдствіи такое роковое вліяніе на... кого? о томъ скажу послѣ.

Проживши почти два дня у Скалдина въ обществѣ его необыкновенной внучки, мы вовсе не тужили о томъ, что, не смотря на все стараніе и хлопоты старика, мы не затравили ни одной лисицы и вернулись домой съ пустыми тороками.

Мѣсяца черезъ два послѣ этого, товарища моего выбалотировали насильно въ исправники, и онъ переселился на житье въ городъ; о подвигахъ его тамъ, съ придачею всѣхъ этихъ Выжигъ, Паскудиныхъ и имъ подобной братіи, я уже говорилъ подробно, что же касается до нашихъ съ нимъ отношеній, онѣ оставались въ той же силѣ, и можно сказать, закрѣплялись еще большею простотой и довѣріемъ. Въ продолженіе всей своей службы онъ былъ у меня не больше пяти или шести разъ, и то

мимоѣздомъ; раза два заѣзжалъ на ночлегъ и тутъ, въ разговорѣ о разныхъ разностяхъ, я какъ-то напомнилъ ему о поѣздкѣ нашей на Безпуту, и Лука Лукичъ сообщилъ мнѣ какъ-то вскользь, что внучка Петра Панфилова живетъ теперь въ гувернанткахъ у тещи графа Атукаева, баронессы Штокфишъ, гдѣ онъ встрѣчаетъ ее часто, заѣзжая туда по дѣламъ службы; послѣ этого раза, при новыхъ съ нимъ встрѣчахъ, вспоминать объ этомъ какъ-то уже не приходилось.

Наконецъ, онъ вернулся къ своимъ пенатамъ, и мы стали видѣться чаще и на болѣе долгіе сроки, собираясь, дождавшись осени, снова по прежнему начать рыскать по полямъ. Время близилось уже къ окончательной уборкѣ хлѣбовъ; старушка, мать Луки Лукича, по случаю беременности дочери, уѣзжала въ Петербургъ на все лѣто, самъ же онъ былъ озабоченъ своими постройками, но, къ удивленію моему, отлучался изъ дома весьма часто, такъ что, пріѣзжая къ нему разъ до трехъ, я постоянно не заставалъ его дома. Куда уѣзжалъ онъ и гдѣ пропадалъ такъ аккуратно, люди не могли мнѣ объяснить. Рискуя снова не застать хозяина, я самъ пересталъ ѣздить въ Панино, какъ вдругъ неожиданно, негаданно, идучи въ полдень съ какихъ-то работъ, я увидѣлъ скачущій по дорогѣ экипажъ: это была щегольская коляска съ фордекомъ, запряженная четвернею статныхъ лошадей; распознать лошадей и кучера въ лицо за пылью было невозможно, но я видѣлъ отчетливо, какъ обогнувъ выгонъ, экипажъ въѣхалъ ко мнѣ на дворъ и остановился у крыльца. Поспѣшая свидѣться скорѣе съ гостемъ, я пошелъ ближайшею тропинкой черезъ садъ, чтобы имѣть возможность, войдя незамѣтно въ домъ, переодѣть свое парусинное затасканное пальто, если окажется, что пріѣхалъ кто нибудь изъ чванныхъ и церемонныхъ господъ, по обыкновенію, съ такъ называемымъ визитомъ. Но на дѣлѣ оказалось, что всѣ мои предосторожности были излишними; подойдя къ самому дому, я разслышалъ голосъ Луки Лукича, который допытывался у человѣка о мѣстѣ моего нахожденія и торопилъ мальчика скорѣе меня розыскать.

— Не зачѣмъ, сказалъ я, входя прямо въ балконную дверь.— Я ужь тутъ.

Лука Лукичъ, разодѣтый щеголемъ, приглаженный, припомаженный и видимо помолодѣвшій, съ давно уже невиданною въ немъ прытью, кинулся обнимать меня и, по давнишней привычкѣ, постукивать по загорбку.

— Погоди, постой, взмолился я:—дай хоть немножко опра-виться и разглядѣть, ужь ты ли это передо мной стоишь? Да что за новыя декораціи? Тамъ коляска, тутъ этотъ пиджакъ, брю-нель на ногахъ, одна перчатка на рукѣ, а другая гдѣ жь? Ба! вонъ и соломенная шляпа въ добавокъ! На бабій вкусъ, ты те-перь хоть куда молодецъ, трефовый валетъ, какъ есть настоя-щій. Да скажи пожалуйста, что ты вздумалъ? такъ, пошутить надъ собой, подурачиться, или пустился попріударить за какимъ нибудь двуногимъ звѣркомъ? Послѣднее, кажись, не по твоей части...

— Ха, ха, ха! Пустяки! а немножко не угадалъ... Вотъ что, садись, ѣдемъ со мной, и захвати фракъ.

— Да скажи, пожалуйста, для чего все это нужно?

— Нѣтъ... пойдемъ сюда, сказалъ Лука Лукичъ, таща меня за руку въ другую комнату.

Мы сѣли рядышкомъ на диванѣ.

— Я хочу просить тебя вотъ объ чемъ, сказалъ онъ уже серьёзно. — Пожертвуй для меня двумя днями. Ты мнѣ нуженъ. Нынче поѣдемъ въ одно мѣсто; тамъ узнаешь зачѣмъ... а завтра, вмѣстѣ, ко мнѣ въ Панино, встрѣтить матушку; я выслалъ нын-че подставныхъ; завтра, часамъ къ тремъ, жду ее домой. Идетъ.

Обсудивъ сразу, что я дѣйствительно на что-то нуженъ, я отвѣчалъ не мѣшкая:

— Идетъ!

— Ну, спасибо, проговорилъ Лука Лукичъ, обнявъ меня въ другорядь.

— Однакожь, не ѣвши, я не намѣренъ съ тобой путаться по неизвѣстной для меня юдоли; надо спросить, чѣмъ насъ будутъ нынче угощать.

— Нѣтъ, не хлопочи для меня; я не буду ѣсть; а вотъ что, голубчикъ, вели-ка людямъ поднесть вина и накормить, а ло-шади, между тѣмъ, подхватятъ по четверткѣ овса, и ѣдемъ.

— Ладно, ладно, отвѣчалъ я, уходя, чтобъ распорядиться всѣмъ, какъ надо.

Черезъ два часа послѣ этого, захвативъ съ собой фрачную пару, я уже скакалъ съ Бацовымъ въ его коляскѣ, недоумѣвая, что такое предстоитъ намъ впереди. Разспрашивать объ этомъ раньше я считалъ неумѣстнымъ, соображаясь съ намѣреннымъ молчаніемъ Луки Лукича, который во всю дорогу какъ-то раз-сѣянно посматривалъ по сторонамъ, рѣдко со мной заговари-

валъ, и то о какихъ нибудь мелочахъ. Соображась съ направленіемъ нашего поѣзда, я никакъ не могъ наѣрное опредѣлить, куда именно мы скачемъ сломя голову, потому что съ нашей дороги было впереди пропасть поворотовъ въ обѣ стороны, и только подъ конецъ ѣзды угадалъ, что мы повернули прямо къ Безпутѣ. Ровно въ пять часовъ подъѣхали мы къ тому мѣсту, гдѣ, два года назадъ, встрѣтили внучку старика Скалдина. Въ эту минуту кучеръ безъ всякаго приказанія остановилъ лошадей; Бацовъ выглянулъ впередъ и почти вскрикнулъ: вотъ она! Вылѣзай, пойдемъ!

Я полѣзъ степенно изъ экипажа вслѣдъ за прыткимъ товарищемъ, который уже ушелъ далеко отъ меня.

Въ десяти шагахъ отъ него поспѣшали къ намъ на встрѣчу старикъ Скалдинъ и его внучка. Я шелъ впередъ, недоумѣвая, что будетъ дальше, но... тутъ же нашелъ на меня столбнякъ: брося руку старика, дѣвушка прытко подалась на встрѣчу къ Бацову, и Лука Лукичъ заключилъ ее въ объятія; губы ихъ слились въ сладкомъ и долгомъ, долгомъ поцалуѣ... Мы уже успѣли поздороваться съ старикомъ, но они все еще стояли не разнимая рукъ и молча глядѣли другъ другу въ глаза съ такой страстной, горячей любовью...

— Ну, братъ, вотъ моя невѣста, а завтра — жена, сказалъ Лука Лукичъ, опомнившись отъ своего упоенія, и началъ здороваться съ старикомъ.

Дѣвушка крѣпко пожала мою руку и стыдливо улыбнулась.

— Мы васъ нашли вмѣстѣ, сказалъ я, обмѣнявшись съ нею нѣсколькими привѣтствіями:—одинъ изъ насъ поведетъ васъ завтра къ алтарю, позвольте же другому нынче подвести васъ хоть къ крыльцу вашего дома.

— Въ такомъ случаѣ, отвѣчала она, подавая мнѣ руку: — позвольте и мнѣ, называя его мужемъ, имѣть право считать васъ своимъ другомъ.

— Если съумѣю только поддержать это лестное титло, отчего жь, радъ стараться, заключилъ я, переходя сразу къ шуткѣ.

У меня какъ-то вдругъ прояснѣло все въ глазахъ и стало весело на душѣ. Ужь и тошно же было Лукѣ Лукичу во весь остальной вечеръ отъ этого веселья, которое вскорѣ сдѣлалось общимъ. Я чуть не поссорилъ его съ невѣстой, разсказывая о его обидныхъ отношеніяхъ ко всѣмъ остальнымъ женщинамъ; но

это было уже гораздо послѣ, когда мы съ старикомъ вернулись отъ священника.

— Пустяки, мой почтеннѣйшій, заговорилъ Бацовъ, подлетѣвъ къ намъ съ боку: — дружба дружбой, а служба службой. Будь-ка сначала у нея шаферомъ; вотъ что...

— Ага! взмолился наконецъ: — что жъ ты мнѣ прежде не объявилъ этого? можетъ быть, я и не согласился бы? а?

— Неужели онъ не сказалъ вамъ, зачѣмъ сюда ѣдетъ? спросила Наталья Александровна.

— Помилуйте, да добьешься ли отъ этакихъ господъ чего нибудь, чтобы хоть немного походило на довѣріе и расположеніе? Я не знаю, отчего это вамъ вдругъ пришла охота выдти за него замужъ; будь я на вашемъ мѣстѣ, право, подумалъ бы...

— Слышите, Лука Лукичъ! подхватила дѣвушка, довѣрчиво и дружески кладя ему руку на плечо и оборачиваясь граціозно на его сторону.

— Пустяки, отвѣчалъ тотъ: — теперь онъ въ ударѣ; послушай только, онъ тебѣ наболтаетъ того, что и въ десять лѣтъ во снѣ не привидится.

Съ этого и началось у насъ. Мы не замѣтили, какъ дошли до дома и усѣлись за самоваръ.

Напившись чаю, я пошелъ съ Петромъ Панфилычемъ пѣшкомъ въ Рожновку подписывать обыскъ и условиться съ священникомъ о времени вѣнчанья. По всѣмъ разсчетамъ, къ двѣнадцати часамъ намъ слѣдовало уже быть на пути въ Панино, чтобы встрѣтить старушку. Дѣло съ причетниками не замедлилось; покончa всю коммисію, мы, при закатѣ солнца, отправились обратно.

— Ну, слава тебѣ Господи! сказалъ старикъ послѣ легкаго раздумья, когда мы вышли изъ села.

— А что? спросилъ я, раскуривая сигару.

— Да какъ же, милостивецъ мой, посудите сами: ну, чаялъ ли я дожить до такой радости! Вѣдь конфетка-то моя, за все свое сиротство и бездолье, руководимая Его святымъ промысломъ, незримо для нашихъ грѣшныхъ очей подведена къ своей настоящей долѣ... изъ ничтожества, можно сказать, получаетъ вдругъ такое значеніе. Да возможно ли было намъ помышлять даже объ этомъ? Вѣдь покойный родитель Луки Лукича были, я вамъ доложу, въ свойствѣ съ нашими... Лицо первостепенное въ цѣлой губерніи; особа высокаго значенія былъ покойникъ...

— Что вы, Петръ Панфилычъ! Это сопоставленіе нисколько нейдетъ сюда. Наталья Александровна дѣвушка съ такими достоинствами, что это дѣло весьма сбыточное, перебилъ я старика.—А вотъ что, скажите-ка мнѣ лучше, почему вы называете ее конфеткой?

— Да такъ... отвѣчалъ Скалдинъ, запинаясь и раздумывая.— Причина, я вамъ доложу, есть; а больше того, ее мать покойница, умирающи, такъ назвала; мнѣ ужь нивѣсть съ чего и вспало на языкъ; такъ, знаете, лучше было подкликать ее маленькую къ себѣ на руки: скажешь бывало, Наташа, не пойметъ, а кликнешь — конфетка! и затропотитъ къ тебѣ, протягивая ручонки. Съ тѣхъ поръ, вошло въ привычку: конфетка да конфетка! Теперь уже привыкаю звать ее по имени, особенно, при постороннихъ...

— А я полагалъ, что слово — конфетка выражаетъ какую нибудь рѣзкую случайность, имѣвшую прямое вліяніе на ея судьбу? замѣтилъ я, желая подвинуть разговоръ объ этомъ дальше.

— Это вы справедливо изволили замѣтить; конфетка, въ дѣйствительности, натворила намъ бѣдъ великихъ, т. е. не она — душка ангельская, ребенокъ невинный, а конфетка настоящая, какъ есть, сахарная; изъ-за нея, можно сказать, погибло цѣлое семейство. Мы двое только и остались...

— Однакожь, это интересно знать; если это не ваша семейная тайна и не стѣсняетъ васъ, я бы желалъ...

— Тайна-то она была дѣйствительно, въ свое время, да теперь уже дѣло прошлое и говорить о немъ можно; особенно, если вамъ желательно знать...

— Пожалуйста, если это васъ не затруднитъ; тѣмъ больше, что мнѣ уже давно извѣстны гоненія, какія вамъ пришлось потернѣть; только все это какъ-то неясно для меня.

— Да, можно сказать, вытерпѣлъ, проговорилъ старикъ, подумавъ о своемъ прошломъ. — Не чаялъ вынести...

Разсказавъ въ началѣ, какъ самъ онъ съ двумя младшими сестрами, оставшись круглой сиротой, былъ взятъ во дворню, поступилъ въ началѣ въ музыканты, потомъ былъ камердинеромъ при самомъ генералѣ, и послѣ его смерти видным человѣкомъ въ домѣ, былъ отличаемъ и пользовался довѣріемъ своей госпожи, онъ продолжалъ:

— Нравная была особа покойница наша генеральша и сердце, можно сказать, не женское, а звѣриное въ себѣ имѣла; къ милости и ласковому обращенію съ человѣкомъ видимо не было у нея

наклонности никакой. Много видывалъ я на своемъ вѣку господъ капризныхъ и своеобычливыхъ, но подходящаго къ ней не встрѣчалъ. Въ себѣ самой она не имѣла ничего окромя одной спѣси, упрямства да причудъ, уму невообразимыхъ; говаривали старики, что вся вышла въ покойника своего батюшку; я того не зналъ... Зла, я вамъ доложу, много натворила она не только намъ рабамъ своимъ и подвластнымъ, объ насъ-то и толковать бы не слѣдъ, а семейству своему кровному, можно сказать, врагомъ истиннымъ была, и мужа покойника (человѣкъ былъ на радость) со свѣту сжила, видимо вѣкъ его укоротила... Ну, да суди ее Богъ! Не намъ грѣшнымъ теперь ужь судить объ этомъ.

Должности, я вамъ доложу, по смерти покойнаго генерала, не несъ я никакой, окромя того, что — быть всегда на лицѣ, на случай спроситъ. Кликнетъ, бывало, за всякой малостью; сама любила все ходя говорить: заложитъ эдакъ руки назадъ и учнетъ съ тобой разговоръ вести,—какія цѣны тамъ стоятъ на такой-то и такой предметъ; ревизоромъ тоже, бывало, посылывала меня— книги свѣрять, хлѣбъ перемѣривать, старостъ учитывать; жалобы разбиралъ между народа и начальниковъ; только и дѣла было.

Дѣтей у нихъ было всего двое, и тѣ-то бѣдные ласку настоящую видѣли только что отъ отца, отъ нея же окромя строгости, придирокъ и гоненія ничего не испытывали. Барышня, Авдотья Гавриловна (тѣмъ годомъ вышла за князя Крутоверхова; въ Неглинскѣ предводителемъ служилъ), воспитывалась при ней, гувернантокъ держала англичанокъ и всякихъ, а сынъ, обучась на дому, офицеромъ былъ уже, въ гвардіи служилъ, да не долго. Разъ, какъ-то, приказала явиться: сама такая развеселая, ходитъ прытко, письмо держитъ въ рукѣ между пальчиковъ эдакъ —потряхиваетъ имъ... Стою у порога, жду, что будетъ... Большую науку, можно сказать, произошелъ я по этой части: одно слово, коли весела, значитъ, жди чего нибудь, пріударитъ такъ, что не опомнишься! Сколько черезъ это веселье погибло нашего брата, Богу одному извѣстно... Ну, да объ насъ что и толковать; а если поразсказать вамъ, сударь, все это — не повѣрите... Нынѣшніе господа, на мой сгадъ, какъ всмотрѣлся я въ нихъ, словно изъ другой купели вышли: извѣстно, понятія пошли не тѣ...

— Да, замѣтилъ я: — это совершенно вѣрно.

— Извините, отклонился въ сторону... Вотъ, она прошлась

эдакъ еще разика четыре по комнатѣ, подровнялась ко мнѣ, взглянула:

— Мнѣ съ тобой нужно потолковать. Сколько ты, говоритъ получаешь жалованья?

— Шестьдесятъ рублей, говорю, по вашей милости.

— Съ перваго числа, говоритъ, я назначила тебѣ триста; отсыпное станешь получать вдвойнѣ.

Вижу, на милость пошло; отлегло отъ сердца, языкъ помягче сталъ.—Помилуйте, говорю, ваше превосходительство, я и прежній окладъ заѣдалъ, можно сказать, на боку лежа; восьмой годъ состою безъ должности; послуги отъ меня никакой.

— Не твое дѣло, я тобой довольна и занятіе тебѣ нашла.

— Слушаю-съ.

— Саша, говоритъ, вышелъ въ оставку; я такъ хотѣла; на дняхъ пріѣдетъ сюда. Ты будешь при немъ находиться. Я на тебя располагаю въ этомъ случаѣ больше, чѣмъ на другихъ. Только прошу помнить одно: тутъ ужь она заговорила по своему. Ты будешь повиноваться ему во всемъ, исполнять всѣ его желанія, доставлять ему всякія удовольствія и развлеченія, — помни же, что я должна буду знать отъ тебя всю подноготную; каждый шагъ, каждая мысль и намѣреніе его должны быть тебѣ извѣстны; но сфальшивить, утаить, скрыть отъ меня что нибудь, не совѣтую... Понялъ ты меня?

Что дѣлать! — понялъ, отвѣчаю, а у самаго ноги подкашиваются... Подставь ко мнѣ кто нибудь зеркало, кажется бы, ни за что не взглянулъ въ него. Помилуйте, да какъ же это, вдругъ, человѣкъ сталъ Іудою предателемъ. Ну, да что тутъ — велѣно! не перемѣнишь...

Барченка нашего, Александра Гаврилыча, зналъ я коротко; изъ себя красавецъ былъ, ума, замѣтно, не большаго, шаловливъ, а добродушенъ. Къ покойному генералу расположеніе питалъ истинное, сыновнее, какъ есть, а ее ненавидѣлъ; даже за глаза бывало матерью не назоветъ. Ко мнѣ былъ ласковъ. Нечего и понимать о томъ, какъ онъ пріѣхалъ къ намъ; какъ у нихъ съ маменькой пошло сначала все на мирную стать, а тамъ, спустя мѣсяца три, четыре, дошло прямо чуть не до поножовщины; и Господь ее вѣдаетъ, что это была за женщина, въ кого она выродилась такая, и отъ кого переняла всю эту манеру, и чего она доискивалась въ своемъ родномъ дѣтищѣ. И какихъ она закорючекъ не придѣвляла къ каждому его слову, чтобъ только былъ

у нея претестъ прицѣпиться къ нему и надѣлать ему всякихъ обидъ и непріятностей. А мое-то положеніе между нихъ, можете представить, какое было? и теперь всего припомнить не могу безъ содроганія и передать-то его не съумѣю ни за что; одно слово, въ ину пору приходилось такъ, что готовъ бы, не будь грѣха, руки на себя наложить. Александръ Гаврилычъ, я вамъ доложу, и прежде не слишкомъ-то ей поддавался, а тутъ, поживши на свободѣ, между людьми, позапасся свѣженькимъ душкомъ и къ намъ явился совсѣмъ не такимъ, какимъ отъѣхалъ. Пошло у нихъ все на перекоски. Явишься бывало къ ней съ рапортомъ: заразъ, руки назадъ и учнетъ ходить да выспрашивать. Тутъ ужь, я вамъ доложу, наровишь бывало не то, чтобъ дѣло округлить какъ ни на есть, между нихъ, а чтобъ себя только выгородить изъ него... Такъ — день за день, не чаешь бывало дождаться вечера и молишься ложась, какъ матросъ на потопающемъ суднѣ посреди бурь и волненія... Да нѣтъ, не спасла и молитва; выпала и на мою грѣшную долю такая поруха, что сталъ за все въ отвѣтѣ, сдѣлался, можно сказать, безъ вины виноватъ!

Я уже упоминалъ о томъ, что было у меня двѣ сестры: старшая при мнѣ жила, замужъ выходить не пожелала; богомольна была, такъ монастыремъ и кончила, а меньшую покойникъ генералъ еще при себѣ изволилъ выдать за своего отпущенника; человѣкъ удался смирный, смышленый, капиталецъ небольшой имѣлъ; приписался въ мѣщане и снялъ у господъ на года вотъ эту самую мельницу. Дѣтей у нихъ всего-то и было, что одна дочка; въ первый годъ ихъ замужства родилась, я же ее и окрестилъ. Въ пріѣздъ Александра Гавриловича изъ полку, она была по шестнадцатому году; дѣвочка вышла на заглядѣнье: вотъ, какъ теперь гляжу на конфетку, только что пониже ея ростомъ и на лицо какъ будто посмуглѣй немножко была. Бѣжали они частенько ко мнѣ о праздникахъ и такъ, когда по лѣту, какъ мельница бывало застаиваетъ. Въ Петровъ день, годъ почитай спустя, по пріѣздѣ Александра Гавриловича, былъ я именинникъ. Сестра, съ зятемъ и съ крестницей, кой-кто изъ постороннихъ собрались у меня; сидимъ себѣ, пируемъ, отворя окна въ садъ. Между разговора мы и не замѣтили, какъ баринъ оперся, эдакъ, локтями въ подоконникъ, глядитъ на нашу компанію и улыбается. Послѣ того взошелъ къ намъ въ комнату: съ зятемъ, съ сестрой, со всѣми поговорилъ такъ ласково, чайку стаканчикъ выкушалъ и пошелъ опять гулять по саду. Изъ всего этого, ка-

жись, что бы могло выйдти такое, особенное? а вышла прямая бѣда! Стали мы послѣ этого ѣздить съ нимъ на охоту; съ ружьями ли, съ собаками, куда ни направимся бывало, а все приладимъ такъ, что очутимся на Безпутѣ. Смекнулъ я этимъ дѣломъ, и говорю сестрѣ, что дремлешь, молъ, дѣвка въ порѣ, пора о женихѣ подумать; а ей самой строго на строго заказалъ, пуще всего беречи себя и на барченка не заглядываться. Любилъ я ее, какъ дитя родное; да и было за что: дѣвочка, кромѣ всей красоты своей, доброту необычайную имѣла; сердце у нее широкое было на все...

На ту бѣду, вскорѣ какъ-то, пришлось мнѣ заболѣть сильно; не чаяли, что живъ останусь, недѣль пять безъ памяти вылежалъ и послѣ того, мѣсяца съ три, пока оправился, никуда почитай изъ комнаты не выходилъ. Баринъ мой, въ это время, то и дѣло, что на Безпуту поталкивался, да и крестница-то частенько навѣщала меня, чтобъ присмотрѣть за больнымъ; тутъ-то за ними углядѣть было и трудно, да и то сказать, едва ли отъищется гдѣ нибудь такой мастеръ, чтобъ смогъ сослѣдить за дѣвичей повадкой. Нашли было ей и жениха; старикамъ онъ пришелъ сильно по мыслямъ и человѣкъ былъ по всему подходящій, такъ нѣтъ, куда тебѣ, и по имени не называй! заартачилась дѣвка... а сама видимо стала хирѣть да тосковать: тутъ уже не задолжилось, и дѣло вышло все на чистоту. Присмотрѣлся и я къ своему Александру Гавриловичу, и этотъ, вижу, сталъ совсѣмъ не тотъ, что прежде, отъ меня сталъ скрытенъ и молчаливъ, а тутъ, какъ прослышалъ, что отецъ понасѣлъ на Катюшу, дескать, связать да отдать, призвалъ меня и говоритъ: — посовѣтуй, говоритъ, своимъ съ племянницей повременить. Этотъ женихъ, говоритъ, ей не пара; я ей женихъ, я, говоритъ, жить не могу безъ нея. Сказываю я вамъ все это наскоро, по верхамъ, а что было тогда, трудно представить; много, можно сказать, въ то время крови у меня поиспортилось: точно ножемъ онъ пырнулъ меня въ сердце... Чтожь, говорю, сударь, коли вы рѣшились уже разъ изъ-за своей прихоти обезславить дѣвушку, такъ не повѣрю я, чтобъ у васъ хватило совѣсти поправить это дѣло. Да и не возможно тому статься, чтобъ она сдѣлалась вашей женой; потому, говорю, что вы болтаете такъ, одни слова, а еще и потому, что васъ никто не допуститъ... я сейчасъ же обязанъ доложить маменькѣ о вашемъ намѣреніи.

Взмолился онъ, чуть руки у меня не цалуетъ, самъ плачетъ и

просить недѣльки три погодить: въ будущемъ мѣсяцѣ она уѣдетъ къ сестрѣ, а я тѣмъ временемъ обдѣлаю, говоритъ, свое дѣло. Такъ, говоритъ, объяви своему зятю и сестрѣ, а Катя ужъ это знаетъ прежде васъ. Пошутилъ, я вамъ доложу, онъ меня сосѣмъ: и по немъ вижу, что онъ просить не изъ боязни какой нибудь, мать-то онъ въ грошъ не ставилъ, и, промолчать боюсь, знаю, что долженъ погибнуть самъ... Стою, руки врозь; не придумаю, что начать и на что лучше рѣшиться...

Да и раздумывать-то было уже поздо. Тѣмъ же вечеромъ пріѣхала ко мнѣ сестра; взглянуть на нее было страшно: измѣнилась вся, осунулась, заплыли отъ слезъ глаза, въ порядкѣ слова не вымолвитъ. Едва успѣла порогъ переступить, взглянула на меня, и пошло ее ломать да корчить... Что ты, говорю, Богъ съ тобой, что случилось? Опомнись, перестань! Ее-то унимаю, а у самого душа не на мѣстѣ: ну, думаю, началось! — Катюшка, лепечетъ, Катюшка! а дальше и не придумаетъ, что сказать... Ну, что Катюшка, что она? гдѣ она? Умерла, что ли? — Охъ, кабы умерла, легчебъ было... Въ Хрусловку свезли, у повитушки лежитъ, дѣвочку родила, тебя кличетъ Христомъ Богомъ, видѣть желаетъ... Огорошила она меня сразу! Схватился за голову и не опомнюсь... Кто жь это? говорю. Какъ это тамъ у васъ... Кто такой?... — Вотъ, говоритъ, вашъ злодѣй, обошелъ ее льстивыми рѣчьми да посулами... конфеткой какой-то прикормилъ и обложилъ ее стыдомъ, опозорилъ наши головы...

Что дѣлать! Угомонилъ кой-какъ сестру, осѣдлалъ коня и поскакалъ въ ночь въ Хрусловку, прямо къ бабкѣ повитушкѣ. Какъ ни слаба была бѣдная, а почуяла, что пріѣхалъ. Ну... взошелъ къ ней, вижу, лежитъ, чуть дышетъ; ребенокъ подлѣ нея съ боку, попискиваетъ, изъ рожка сосетъ... Тутъ ужъ будь камень, я вамъ доложу, а не человѣкъ, и тотъ кажется, помягчаетъ. Схватила мою руку, прижала къ груди, сколько силъ хватало въ ней: согрѣшила, говоритъ, я, дядюшка и крестный отецъ, передъ Богомъ и передъ вами; простите меня... только того и жду, чтобъ услышать ваше ласковое слово... Богъ съ тобой, говорю. Перекрестилъ ее, поцѣловалъ: вижу, возврата нѣтъ ей, по лицу замѣтно, что догораетъ... Подсѣлъ, знаете, къ ней, заговорилъ ласково, любовно, вижу, проясѣла, улыбнулась... — Ну, я теперь, говоритъ, совсѣмъ... Вотъ, вамъ, говоритъ, вмѣсто меня, останется — *конфетка*, Натальей зовутъ. Будьте ей отцомъ и матерью. Вамъ поручаю, никому... Только и вымолвила... Тутъ же по-

слалъ за священникомъ, а самъ сѣлъ на лошадь и поскакалъ, чтобъ быть на мѣстѣ къ десяти часамъ, пока господа не просыпались. Сестра встрѣтилась мнѣ на дорогѣ: наказалъ ей настрого подыскать кормилицу на мой счетъ, да племянницу похоронить, какъ должно.

Вернулся я домой еще до срока, а мой-то ужь давно на ногахъ, люди сказали, что поднялся еще на разсвѣтѣ и все по саду ходилъ. Чуть заслышалъ мою походку, заразъ кинулся ко мнѣ съ распросомъ, гдѣ былъ? — На похоронахъ, говорю. Племянница приказала вамъ долго жить, да радоваться! Словно обухомъ я огрѣлъ его: упалъ ничкомъ на диванъ, часъ битый пролежалъ не шевелясь, а тамъ, поднялся и запилъ... Такъ, съ этого раза и не переставалъ. Года черезъ два, безъ меня уже, сказываютъ, отъ запоя, ума рехнулся; въ чужіе краи возили излѣчать, не помогло; съ тѣмъ и скончался.

Что дѣлать, какъ ни вертись, а съ докладомъ идти слѣдовало. Господи! что было тогда на сердцѣ у меня, представить не могу... тоска, тоска, такъ вотъ и гложетъ тебя поминутно; ноги передвигаешь, словно пудовики волочишь за собой... А какъ быть? явился, стою, душа ноетъ... Сидитъ въ креслахъ, ко мнѣ спиной, пишетъ что-то: взглянула на меня эдакъ въ полъ-глаза...

— Пришолъ доложить, говорю, — Александръ Гаврилычъ нынче немножко подъ хмѣлькомъ изволятъ находиться. Знаю, говоритъ. И только! съ тѣмъ и вышелъ.

Два дня прошло послѣ этого, и не принимаетъ, и сама не шлетъ за мной: хожу, какъ въ туманѣ, не придумаю, за что взяться; а бѣдой вокругъ меня, слышу, пахнетъ. Затѣмъ Степанида Яковлевна стала навѣщать насъ, значитъ, не даромъ; погляднтъ молча, и уйдетъ молча: развѣдки пошли! Да и какъ тутъ упастись, коли наперстница взялась за дѣло? слухомъ же, говорятъ, земля полнится; Хрусловка же не за горами... Такъ и вышло. Надъ вечеръ, на третьи сутки, вдругъ, прикатъ—явиться... Вижу, развеселое лицо! ходитъ шибко, улыбка такая, не приведи Богъ встрѣчать... такъ тебя и окачиваетъ съ головы до пятокъ, словно шубу изо льда на голое тѣло примѣряешь; а глаза, я вамъ доложу, теперь вотъ вижу я ихъ передъ собой, да и не забыть мнѣ ихъ во вѣкъ. Стою, знаете, молчу, да молитву мысленно читаю. Высоко же, говоритъ, подняться захотѣлъ сразу; вотъ я тебя поспущу ниже, покойнѣй будетъ, тверже на ногахъ будешь стоять... Пошла къ столу и позвонила въ колокольчикъ...

И отправили меня въ Ольховку: степная деревня наша, верстъ двѣстѣ отсюда, куда сослались наши дворовые, прогнѣвившіе госпожу.

Поступилъ я въ помощники къ пастуху стеречи барскую скотину. Староста Ольховскій былъ мужикъ, я вамъ доложу, изъ каторги такого не добудешь: родной братецъ нашей Степаниды Яковлевны, угодникъ госпожѣ первостатейный. Донялъ же онъ меня въ эти семь лѣтъ, особенно на первыхъ порахъ, пока деньгами не сталъ отплачиваться. По счастью, запасецъ былъ у меня и хранился въ вѣрныхъ рукахъ, у Ивана Харламыча Чистоклѣтова (вы его изволите знать), купецъ честнѣйшій; во всемъ Рыбопляcовѣ нашемъ не найдешь такого человѣка. Бывало, какъ ни скопишь рубликовъ пятьдесятъ, и тащишь къ нему, съ поклономъ:—ладно, скажетъ, паренёкъ, въ вашемъ быту черныхъ деньковъ не покупать стать! Такъ и скопилось у меня рубликовъ четыреста слишкомъ; а безъ этого, я вамъ доложу, пропала бъ моя конфетка: какъ, скажете, ребенка малаго въ ея возрастѣ на мякинномъ хлѣбѣ продержать? одежонка тоже нужна, а гдѣ пастуху добыть ее, откуда?

Вскорѣ по пріѣздѣ въ Ольховку получилъ я извѣстіе, что у зятя моего отобрали скотъ, описали, опечатали все имущество и прогнали съ мельницы долой, въ силу того, будто бы накопилось на немъ много недоплатъ. Сестра померла, году не доживя, а объ зятѣ не знаю и теперь, живъ ли и гдѣ находится. Слухъ былъ также, что гонительница наша доискивалась прихватить къ себѣ ребенка; ужь не знаю, на какую потребу онъ ей понадобился, да кормилица, спасибо, баба бойкая, не далась въ обманъ и, откормивши грудью, сама привезла дѣвочку ко мнѣ; тутъ она и жила со мной вплоть до шестилѣтняго возраста. Для меня, я вамъ доложу, большую отраду доставляла она; стала, знаете, въ понятіе входить, привязалась крѣпко, часу безъ меня не пробудетъ: дѣдуся, да дѣдуся, и конецъ дѣлу. Лѣтомъ, въ поле бираль ее съ собой: бараночекъ тамъ, лакомства какого нибудь захватишь, она и бѣгаетъ тутъ округъ тебя; цвѣточекъ, гдѣ ни увидитъ, ужь это не устоитъ онъ на мѣстѣ; а тамъ, умается и приляжетъ ко мнѣ на колѣни; а вечеромъ, скотину вгонимъ, чайкомъ ее попою, и ляжетъ съ Богомъ почивать; на утро вскочитъ такая бодрая, веселенькая, и опять въ поле со мной, ни за что не отстанетъ... Такъ вотъ мы и прожили съ ней: Богъ послалъ, здоровенькая дѣвочка задалась; оспу привили еще у груд-

ной, а у меня только кость перенесла; съ дѣтства была такая кругленькая, пухленькая, думалъ, что матери не перерастетъ, а она, вишь какая вытянулась, съ коломенскую версту! добавилъ шутливо старикъ, показывая вдаль на идущихъ къ намъ на встрѣчу жениха съ невѣстой.

— Однакожь, вы не все досказали, добавилъ я, спѣша воспользоваться оставшимся временемъ, пока тѣ были еще далеко отъ насъ. Какъ же устроилась эта счастливая перемѣна въ вашей судьбѣ?

— По милости общей благодѣтельницы нашей, княгини Авдотьи Гавриловны, какъ разъ все покончилось! И не успѣлъ опомниться порядкомъ, какъ все изъ горя въ радость обратилось: — Богъ послалъ по душу моей гонительницы, внезапно скончаться изволила! Ужь подлинно, и жизнію своей дивила она всѣхъ, да и по смерти не обошлась безъ того, чтобъ не надѣлать всякаго труса и смятенія... Безъ покаянья померла, и похороны-то были, сказываютъ, настоящая свадьба...

— Какъ это такъ?

— Да, вотъ изволите видѣть, утромъ встала она здоровехонькая, начала кофе кушать и велѣла при себѣ дѣвку наказывать, только, вдругъ, за второй чашкой, хлеснула у нея кровь горломъ, таза четыре, говорятъ, вытекло; черезъ часъ, и на столѣ очутилась; Степанидка только, да дворовые и хлопотали около нея, ни лекаря, ни священника не успѣли добыть. Тутъ, говорятъ, какъ положили ее на столъ, у дворовыхъ и на селѣ поднялась такая пляска, какъ будто сорокъ свадебъ разомъ празднуютъ: одна Степанида Яковлевна только и хныкала при тѣлѣ. Во время похоронъ, я вамъ доложу, окромя дворовой челяди да духовенства, изъ дворянскаго сословія, души ни одной не было; изъ своихъ кровныхъ тоже: Александръ Гаврилычъ скончался прежде ея, въ Москвѣ, на излѣченіи тамъ находился, а княгиня съ мужемъ отлучились въ то время въ Петербургъ.

— Значитъ вы вскорѣ переселились сюда? спросилъ я, чтобъ поймать остальное время.

— Въ тотъ же часъ можно сказать. Пока дошла къ намъ въ Ольховку вѣсть о смерти старухи, не успѣли, можно сказать, опомниться всѣ отъ этой радости, какъ тутъ же, нарочный гонецъ съ приказаніемъ къ старостѣ: немедленно снарядить, какъ можно покойнѣе, и выслать Скалдина съ внучкой къ ея сіятельству на лицо. Дней черезъ пять я уже цаловалъ ея ножки; доб-

рая она у насъ, дай Богъ ей здоровье! знала же она меня коротко и всю мою исторію изволила прослушать, вотъ, какъ и вы, и вижу, съ крайнимъ любопытствомъ, инда слезы на глазки навертывались. Тутъ же изволила вручить мнѣ отпускную, одарила и успокоила на всю мою остальную жизнь: тридцать пять десятинъ вотъ этой пустоши, лѣсу на стройку, пятьсотъ рублей деньгами на обзаведеніе велѣла выдать изъ конторы. А ее-то, мою крошку, посадила на колѣни къ себѣ, гладитъ по головкѣ и говоритъ: ну ужь, съ конфеткой простись; я ее отниму у тебя: это память брата; я ее воспитаю, говоритъ, наравнѣ съ своими дѣтьми. Любитъ она ее очень, добавилъ старикъ уже шопотомъ, потому что мы очутились въ трехъ шагахъ отъ влюбленной парочки.

На другой день съ восьми часовъ начались у насъ сборы къ вѣнчанью. Лука Лукичъ, крутя усъ, ходилъ изъ угла въ уголъ, побрякивая саблей. Я поглядывалъ въ окно, ожидая посланца съ отвѣтомъ отъ священника. Наконецъ, коляска наша подъѣхала къ крыльцу, и я пошелъ черезъ сѣни въ отдѣленіе невѣсты увѣдомить старика, что насъ ждутъ уже въ церкви. Наталья Александровна, блѣдная и тревожная, въ бѣломъ платьѣ, съ блондовой вуалью на головѣ, встрѣтила меня у порога и молча пожала мнѣ руку; старикъ, въ своемъ парадномъ, давно памятномъ мнѣ сюртукѣ, съ неизмѣннымъ жабо на шеѣ, сидѣлъ опустя задумчиво голову въ креслахъ, подлѣ стола, на которомъ лежалъ приготовленный для благословенія образъ.

— Чтожь, пора, сказалъ я: — десятаго семь минутъ; пока доѣдемъ, будетъ какъ разъ.

Дѣвушка подошла къ старику. Тотъ какъ будто пробудился, всталъ и взялъ въ руки образъ. Трепеща и закрывъ глаза платкомъ, дѣвушка стала передъ нимъ на колѣни, съ наклоненной головой. Петръ Панфилычъ молча осѣнилъ ее три раза образомъ и передалъ его мнѣ.

— Благослови тебя Богъ на все доброе, чуть смогъ проговорить старикъ, крестя и прижимая свою любимицу къ груди и, вслѣдъ затѣмъ, зарыдалъ какъ ребенокъ.

Такъ, плачущаго, мы и посадили его съ собой въ коляску.

Въ половинѣ двѣнадцатаго мы уже вернулись изъ церкви съ молодыми супругами и, не отпуская экипажа отъ крыльца, выпивъ наскоро по стакану чая и захвативъ съ собой старика Скалдина, помчались стремглавъ ко мнѣ въ деревню, гдѣ, смѣ-

нивши также наскоро измученныхъ лошадей на свѣжихъ, въ половинѣ пятаго пріѣхали въ Панино. Къ удивленію моему, вмѣсто ожидаемой старушки, мы встрѣтили тамъ Стерлядкина и графа Атукаева, ожидавшихъ насъ уже больше часа; оба они были одѣты просто, въ охотничьи казакины и въ свою очередь дивились не мало, когда Лука Лукичъ началъ ихъ знакомить съ своей женой.

— Какой же ты чудакъ, твердили оба, извиняясь передъ дамой за свой, неподходящій къ случаю нарядъ: — мы по крайней мѣрѣ надѣли бы хоть сюртуки... а пишетъ, торопитъ, по необходимому дѣлу; мы такъ и положили, что у васъ подготовлена травля гдѣ нибудь по близости.

— Пустяки, нечего церемониться; я и самъ сейчасъ полѣзу въ казакинъ, отвѣчалъ Бацовъ.

Тутъ доложили, что ожидаемую нами старушку везутъ.

— Ну, и прекрасно, заговорилъ Лука Лукичъ:—приготовьте мнѣ казакинъ; надо переодѣться, а то заподозритъ, увидѣвши меня въ парадѣ. Вы оставайтесь тутъ; сидите, ни гу-гу, а мы, пойдемъ, встрѣтимъ.

Скалдинъ съ внучкой и я остались въ троемъ въ гостиной; тѣ трое вышли встрѣчать петербургскую гостью.

Передавая наскоро Натальѣ Александровнѣ о желаніи матери ея мужа видѣть скорѣе сына женатымъ, я услышалъ стукъ подъѣхавшаго къ крыльцу экипажа, а вскорѣ за тѣмъ въ залѣ раздались голоса вошедшихъ. Старушка, не подозрѣвая ничего, очень подробно передавала своимъ спутникамъ весь процессъ утомительнаго переѣзда по проселкамъ и жаловалась на усталость. Между тѣмъ замѣтно было, что она направлялась къ намъ въ гостиную.

— Постойте, маменька, сказалъ Бацовъ, загораживая ей входъ: — я васъ дальше не пущу до тѣхъ поръ, пока вы не благословите меня жениться на той дѣвушкѣ, которая будетъ любить и покоить васъ лучше всякой дочери.

— Да что ты, ополоумѣлъ, что ли? возразила шутливо старушка, ударивъ его дорожнымъ капоромъ по головѣ: — представьте, ужь онъ и въ Петербургъ писалъ ко мнѣ объ этомъ... точно дразнить... Да женись, хоть сейчасъ; я сорокъ молебновъ съ акаѳистами отслужу... Вложи тебѣ Господь эту мысль и желаніе, да я бы, кажется...

— О? такъ вы не шутите? Хотите, сейчасъ женюсь, вотъ не выходя изъ комнаты.

— Да что ты? что ты? лепетала старушка, недоумѣвая, что сказать ему.

— Стойте жь тутъ, пока я вернусь къ вамъ.

Бацовъ поспѣшно вошелъ къ намъ, взялъ жену за руку и подведя ее къ матери, сталъ передъ нею на колѣни:—маменька, сказалъ онъ, благословите насъ на счастливую и согласную жизнь и полюбите вашу невѣстку.

Я вышелъ вслѣдъ за нимъ и видѣлъ, какъ старушка, озадаченная этой неожиданностью, растерялась до того, что не могла долго опомниться. Видя передъ собой сына на колѣняхъ и глядя то на снѣхъ на насъ, то на красавицу, стоявшую передъ ней съ поникшей головой, она видимо путалась въ соображеніяхъ; потомъ вдругъ лицо ея сдѣлалось крайне серьезнымъ, во взглядѣ стала замѣтна какая-то строгость ко всему, на что она ни взглядывала; положа руку на голову сына, она спросила только: — вы вѣнчаны? Да, было отвѣтомъ. Встань, сказала она Лукѣ Лукичу:—васъ уже Богъ сочеталъ и благословилъ, значитъ, и я... Не конча начатой фразы, она стремительно схватила невѣстку за руку, подвела ее къ окну, посадила на стулъ, сѣла сама и начала пытливо и настойчиво смотрѣть ей въ глаза; старушка словно удостовѣрялась, точно ли передъ ней сидитъ та желанная, тотъ свѣточь и обновленіе семьи, котораго она такъ долго доискивалась на радость себѣ, на счастье сыну, о которомъ такъ много мечтала на яву и, можетъ, не одинъ разъ грезила во снѣ.

Вслѣдъ за тѣмъ, какъ будто почуявъ откликъ молодой души своей новой дочери, она стремительно прижала ее къ груди и начала жадно и крѣпко цаловать глаза, лобъ, щеки, волосы красавицы: — о, ты добрая, вижу, вижу... А ты люби его, люби, приговаривала она, закрѣпляя почти каждое слово новыми поцѣлуями, онъ вѣдь не такой, какъ кажется, онъ добрый, добрый; я вѣдь мать, я знаю... Это онъ такъ, только сверху кажется такой сухой да черствый; а ты полюби его, правдиво, сердцемъ, онъ тогда тебѣ скажется... тогда ты его поймешь и еще болѣе полюбишь... и будешь благословлять свою судьбу... а ты сама, вижу я, ты добрая, въ тебѣ душа голубиная... Ну, я...

Не конча, старушка вскочила и отправилась къ себѣ въ образную; вскорѣ она вернулась оттуда съ образомъ.

— Идите сюда, сказала она супругамъ.

Тѣ подошли и стали оба передъ нею на колѣни:

— Этимъ образомъ благословила меня матушка. Я жила съ мужемъ долго, согласно и счастливо: живите и вы такъ... Да будетъ надъ вами Его святая воля!..

Тутъ снова пошли у нихъ горячіе, долгіе, радостные до слезъ поцалуи. Боже мой, какая кутерьма поднялась у насъ вслѣдъ за этимъ: общее поздравленіе и искреннее пожеланіе долголѣтія и счастья новобрачнымъ, громкое ура! и чоканье бокалами. Старушка, забывъ всю свою усталость, вертѣлась между нами, можно сказать, какъ юла, то цалуя одного, то распрашивая другаго о подробностяхъ радостнаго для нея событія. Мнѣ доставалось пуще всѣхъ, я долженъ былъ докладывать ей по пунктамъ о всѣхъ мелочахъ: изложивъ въ началѣ краткую исторію первой встрѣчи новобрачныхъ, я не отдѣлался тѣмъ отъ длинныхъ поясненій, какъ мы поѣхали, въ чемъ ѣхали, куда и когда пріѣхали, когда и гдѣ вѣнчали чету, даже какіе вѣнцы были на головахъ, и т. п.

Наконецъ, видя сиротливость старика Скалдина, который какъ-то робѣлъ и ужимался въ новомъ для него обществѣ, старушка завладѣла имъ и окружила его знаками своего вниманія; мы всѣ поочередно старались какъ можно явственнѣе доказать ему всю простоту, безцеремонность и полнѣйшее отсутствіе во всѣхъ насъ спѣси, давящей своимъ гнетомъ людей нравственныхъ и достойныхъ, но не имѣющихъ счастія титуловаться благороді-емъ. Усаживаясь за обѣденный столъ, старушка посадила его съ собой рядкомъ, къ полному и замѣтному удовольствію милой своей невѣстки, разговаривала преимущественно съ нимъ, привѣтливо и дружески, и постоянно чокалась съ любезнымъ «сватомъ» бокалами; но это послѣднее дѣло у нихъ какъ-то не спорилось: послѣ двухъ, трехъ бокаловъ шампанскаго, у старика, вѣкъ свой не употреблявшаго хмѣльнаго, раскраснѣлись уши, и онъ стыдливо сознавался, что уже «хмѣленъ». За то мы, какъ опытные уже бойцы въ бутылочной схваткѣ, поработали за остальныхъ, принимая весь грузъ этой ноши на свои рамена. Однимъ словомъ, безъ музыки и танцевъ, безъ всякой чопорности и кривлянья, мы прошумѣли часовъ до двѣнадцати, какъ шаловливая и дружная семья и, пожелавъ новобрачнымъ покойной ночи, разбрелись по мѣстамъ. На другой день послѣ обѣда, Скалдина я захватилъ съ собой и, послѣ ночлега у меня, онъ от-

правился къ себѣ на Безпуту, благословляя искренно выпавшій ему подъ конецъ вѣка добрый жребій.

Черезъ недѣлю послѣ этого случилось мнѣ быть въ гостяхъ въ одномъ *домѣ*, т. е. въ такомъ, куда ѣдешь по крайней необходимости, собственно въ избѣжаніе упрековъ при частыхъ и неминуемыхъ встрѣчахъ съ его обитателями, упрековъ, состоящихъ въ единственной, но преядовитой фразѣ: — вы насъ совсѣмъ позабыли! а мы кажется старались вамъ доказать... и т. д. Въ домѣ, говорю, откуда, исполнивъ эту необходимость, я постоянно уѣзжалъ съ упрекомъ уже собственнаго издѣлія: дескать, зачѣмъ меня чортъ сюда носитъ! Владѣтель этого *дома* одинъ изъ ближайшихъ моихъ сосѣдей и родоначальникъ цѣлаго табуна дщерей, съ придачею полудюжины племянницъ, пріѣзжалъ ко мнѣ часто и запросто и пренавязчиво звалъ меня каждый разъ къ себѣ на пирогъ, утверждая очень нагло, что въ окружности на сто верстъ нигдѣ не пекутъ такихъ пироговъ, какъ у него. Другая диковинка въ придачу къ пирогамъ, обиловавшимъ въ постные дни страшнымъ количествомъ лука, была та, что всѣ дщери и племянницы моего сосѣда, при кавалерахъ и пріѣзжихъ, вообще иначе не изъяснялись, какъ на французскомъ діалектѣ и всѣ владѣли удивительной способностью сообщать другъ другу каждый часъ по нѣскольку секретовъ. Такъ-таки вотъ скажетъ сестра сестрѣ: экутэ ма шеръ, и вдругъ на ушко, словно она только что вернулась откуда нибудь и привезла самую свѣжую новость; между тѣмъ какъ всѣ онѣ жили отъ рожденія безвыѣздно въ деревнѣ и безвыходно въ домѣ родительскомъ. Впрочемъ, Богъ съ ними, лучше перестать... Да и не въ томъ совсѣмъ дѣло.

Сущность въ томъ, что поѣвъ въ началѣ пирога и усѣвшись послѣ пульки за длинный обѣденный столъ въ обществѣ всего семейства и человѣкъ четырехъ гостей, прибывшихъ по приглашенію на тотъ же пирогъ, хозяйка дома крикнула ко мнѣ съ другаго конца сквозь шеренгу дщерей и племянницъ:

— Eh bien, m-r Заволгинъ, скажите, не слыхали ли вы чего нибудь о Бацовѣ?

— Вчера былъ отъ него посланный; ничего, онъ по обыкновенію здоровъ и благополученъ.

— Нѣтъ, я васъ спрашиваю на счетъ перемѣны его судьбы: вы вѣрно знаете?

— О, да это дѣло теперь уже прошлое, отвѣчалъ я уклончиво.

— Говорятъ, онъ женился, вступилась сосѣдка хозяйки и почетная гостья, безсовѣстно отписывающая ремизы.

— Ахъ, ма шеръ, вы представить себѣ не можете, какую штуку выкинулъ... Не знаю, чѣмъ кончитъ этотъ странный человѣкъ.

— Что же?

— Сочетался узами, и все не такъ, какъ люди. Все у него идетъ какъ-то шиворотъ на выворотъ.

— На комъ же онъ женился? спросила другая гостья.

— Вотъ, спросите у m-r Заволгина, онъ вѣрно знаетъ, отвѣчала хозяйка, предательски подкапываясь подъ меня.

— А я хотѣлъ было отъ васъ освѣдомиться. Почему вы полагаете, что мнѣ извѣстны всѣ похороны и свадьбы въ околодкѣ?

Отвѣта не послѣдовало.

Между дѣвицами пошло дружное перешептыванье; маменька тоже не упаслась отъ этого фамильнаго грѣха и работала на обѣ стороны къ сосѣдкамъ, которыя выслушивали ее очень внимательно, покачивая съ сожалѣніемъ головами; потомъ обѣ язвительно засмѣялись.

— Не постигаю, что нынче за мужчины; просто, никакой въ нихъ амбиціи... отъ порядочнаго общества отбились совсѣмъ, сказала одна.

— Ну, что, старушка, какъ все это приняла? Я полагаю, встрѣча эта для нея была въ видѣ удара? сказала и другая.

И пошло и пошло! чѣмъ дальше, тѣмъ слаще.

Я слушалъ и молчалъ. Наконецъ, не выдержалъ и самъ хозяинъ.

— Охота тебѣ, мой другъ, разсуждать объ этомъ! повершилъ онъ, обращаясь къ женѣ:—вѣдь ужь извѣстно всѣмъ, что за человѣкъ... ну гдѣ и что онъ сдѣлалъ по людски? изъ военной службы вытурили; тутъ пристроился, тоже не уцѣлѣлъ; ну, и женился, значитъ, по своему...

Послѣ обѣда, я поспѣшилъ доиграть начатую пульку.

— Скажите, m-r Заволгинъ, спросила почетная гостья, снимая у меня карты:—правда это, что Бацовъ женился на мельничихѣ?

— Правда, совершенная правда, отвѣчалъ я, спѣша скорѣе сдавать.

— Вы ее видѣли?

— Кого?

— Невѣсту.

— Какъ же, я у нея былъ шаферомъ.

— Гдѣ ихъ вѣнчали?

— На мельницѣ.

— Не можетъ быть. Людей вѣнчаютъ въ церквѣ.

— Значитъ, вы сомнѣвались въ томъ, если спрашивали.

Въ такомъ родѣ шла у насъ получасовая бесѣда объ одномъ и томъ же предметѣ. Я не счелъ нужнымъ разубѣждать кумушекъ въ ихъ пошлыхъ мнѣніяхъ на счетъ «мельничихи», зная изъ многихъ опытовъ, что эти грубыя и невѣжественныя натуры ничѣмъ не вразумишь...

Я приплатилъ 90 копѣекъ почетной гостьѣ сверхъ своего выигрыша, потому что не сталъ его считать, и уѣхалъ оттуда, уже не вымышляя себѣ никакого упрека, потому что рѣшился никогда не отвѣдывать пироговъ моего сосѣда.

Года черезъ полтора послѣ этого пришлось мнѣ разстаться съ деревней на долгій и весьма неопредѣленный срокъ и, слѣдовательно, оставить своихъ любимыхъ собакъ на рукахъ невнимательной челяди, а это послѣднее гораздо хуже, чѣмъ рѣшиться уничтожить разомъ ихъ «животы». Въ такомъ случаѣ, я разсудилъ и опредѣлилъ заранѣе—подарить ихъ любезному куму и неизмѣнному товарищу нашихъ прошлыхъ потѣхъ—Лукѣ Лукичу и много утѣшался мыслью, съ какимъ восторгомъ приметъ онъ этотъ неожиданный и дорогой для охотника подарокъ. Дождавшись дня его именинъ, я приказалъ отвести собакъ въ Панино, а самъ поѣхалъ такъ, чтобы прибыть туда получасомъ ранѣе.

Нѣтъ нужды упоминать о томъ, съ какимъ радушіемъ я былъ встрѣченъ самимъ именинникомъ и всею его семьей. Пока Лука Лукичъ продолжалъ по старой привычкѣ неизбѣжную мялку и колоченье по загорбку, старушка, поздоровавшись со мной наскоро, шмыгнула во внутреннія комнаты и, кликнувъ оттуда кормилицу съ ребенкомъ, показала мнѣ его, приговаривая:—смотри-ка, крестный, каковъ слюнтяй! пренесносный ребенокъ, ночь не даетъ уснуть....измучилъ меня въ конецъ!—Ну, что вы, сударыня, Бога-то гнѣвите! возразила кормилица:—сами не знаете, чего хотите: спитъ ребенокъ, вы къ нему вскочите разъ до пяти, что молчитъ? не захворалъ ли? а пикнетъ, вы тутъ же:—что кричитъ? что непокоенъ? не болитъ ли что? — Ну, вотъ, подите, жаловалась старушка, что ни скажу, все не по нихъ! И барыня тоже, обѣ на меня... хоть изъ дому бѣги...

— Вотъ, видите, сказалъ я, подмигнувъ Натальѣ Александровнѣ: — были бы однѣ въ этой казармѣ, тогда, любо дорого, погуливай себѣ безъ заботъ...

— Да, да, поди-ка, на вотъ! совѣтникъ какой выискался! проваливай-ка, вонъ туда къ столу, тамъ тебя спрашиваютъ...

Старушка отвернулась къ невѣсткѣ и горячо чмокнула ее въ лобъ. Мы пошли въ гостиную.

Подстроивъ съ помощью людей все наилучшимъ образомъ и выждавъ благопріятное время, я подалъ знакъ, и дорогой подарокъ въ образѣ двухъ своръ породистыхъ псовъ, подмытыхъ, расчесанныхъ, побрякивая стальными ошейниками, вступилъ предъ свѣтлые очи заповѣднаго охотника. Разсчитывая на полный эффектъ, я тутъ же, передавая Лукѣ Лукичу первую свору, держалъ къ нему приличную обстоятельствамъ рѣчь... Но въ какое долженъ былъ самъ я придти изумленіе, когда, принявъ подарокъ, Бацовъ пожалъ мнѣ крѣпко, но очень степенно руку, безъ малѣйшаго признака ожидаемаго мной восторга, безъ этого охотничьяго пыла, который такъ часто я видалъ въ немъ. Гораздо больше восторга и вниманія оказала жена; она начала гладить собакъ и одѣлять ихъ вкусными подачками и такъ занялась этимъ дѣломъ, что я могъ, пользуясь ея увлеченіемъ, обратиться къ Лукѣ Лукичу свободно.

— Ого, сказалъ я, видно конфетка слаще всего!

— А что?

— Да такъ, вижу ясно, ужь въ тебѣ пылъ началъ пропадать.

— Пустяки, братъ, не угадалъ, отвѣчалъ онъ, дружески хлопнувъ меня по плечу.

Черезъ недѣлю послѣ этого я уже былъ далеко отъ Панина и его мирныхъ обитателей.

Е. ДРИНСКІЙ.

ПУШКИНЪ ВЪ ЛИЦЕѢ

И ЛИЦЕЙСКІЯ ЕГО СТИХОТВОРЕНІЯ.

Учебные годы Пушкина уже не разъ описывались въ послѣднее десятилѣтіе. О нихъ говорится: въ біографіяхъ поэта, написанныхъ П. И. Бартеневымъ («Московскія Вѣдомости» 1854 г. №№ 71—118) и П. В. Анненковымъ («Сочиненія Пушкина», изд. 1855 г. т. I); въ «Памятной книжкѣ императорскаго александровскаго лицея на 1856—1857 годъ», гдѣ напечатаны *Матеріалы для исторіи лицея* и біографіи его директора Малиновскаго и профессоровъ Кошанскаго, Куницына и Карцова; въ *Запискахъ И. И. Пущина* («Атеней» 1859, № 8 и «П. З.» 1861 г.), вызвавшихъ замѣтку: *Въ память перваго директора Императорскаго Царско-сельскаго лицея И. Ѳ. Малиновскаго* («Русскій Инвалидъ» 1861 г., № 131), и другихъ журнальныхъ статьяхъ. Наконецъ, по случаю 50-лѣтней годовщины лицея, въ 1861 г., составленъ, на основаніи преимущественно оффиціальныхъ данныхъ, его «Историческій очеркъ», представляющій біографическія свѣдѣнія о многихъ лицахъ, упоминаемыхъ въ предлагаемой статьѣ. По тому же поводу автору ея сообщены нѣкоторые матеріалы касательно внутренней неоффиціальной жизни лицея, съ которою связано начало литературной дѣятельности Пушкина и его товарищескаго кружка, именно: лицейскія бумаги 1811—1817 г., состоящія изъ рукописныхъ, отчасти ненапечатанныхъ сочиненій, журналовъ сборниковъ, каррикатуръ и проч., хранящіяся у товарища поэта, М. Л. Яковлева; бумаги, оставшіяся по смерти бывшаго директора лицея Е. А. Энгельгардта, и рукописныя замѣтки другаго товарища

Пушкина, барона М. А. Корфа, ко второй главѣ біографіи поэта (о лицеѣ), написанной г. Бартеневымъ. Устраняя все оффиціальное, и, во избѣжаніе повтореній, пропуская все извѣстное и недавно еще напечатанное, извлекаемъ изъ этихъ данныхъ, съ помощью воспоминаній современниковъ, свѣдѣнія, на недостатокъ которыхъ справедливо жалуются біографы и почитатели великаго поэта, а вмѣстѣ съ тѣмъ постараемся также опредѣлить вліянія, подъ которыми онъ развивался, и объяснить автобіографическое значеніе лицейскихъ его стихотвореній.

I.

ПОЭЗІЯ И ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ. — ВОСПИТАНІЕ. — ПРЕПОДАВАНІЕ И ПРЕПОДАВАТЕЛИ. — ДОМАШНІЕ СПЕКТАКЛИ. — БЕСѢДЫ. — ЖУРНАЛЫ И ИХЪ СОТРУДНИКИ. — ПОЯВЛЕНІЕ ВЪ ПЕЧАТИ ЛИЦЕЙСКИХЪ СТИХОТВОРЕНІЙ.

Нѣсколько вдохновенныхъ стиховъ Пушкина изображаютъ такими поэтическими и трогательными чертами лицейскій его бытъ, что онъ представляется воображенію не иначе, какъ подчиняясь ихъ неотразимому вліянію, которое замѣтно почти во всемъ, что писано о лицеѣ. Воспоминанія прошлаго, для которыхъ дѣйствительность была только исходною точкою, пройдя чрезъ воображеніе поэта, воплощались въ самые художественные образы. Но напрасно стали бы мы искать въ нихъ точнаго изображенія жизни, также какъ напрасно ожидать отъ жизни того, что можетъ дать только творческій геній. Между тѣмъ поэтическій колоритъ, приданный Пушкинымъ времени и быту, съ которымъ для него были связаны впечатлѣнія юности, отразился почти на всемъ, что имѣетъ предметомъ ихъ воспроизведеніе. Этотъ колоритъ, которому съ другой стороны содѣйствовала бѣдность фактовъ, во многомъ расходится съ дѣйствительностью. Въ оффиціальной исторіи, біографіяхъ и журнальныхъ статьяхъ, описывающихъ первые годы существованія лицея, онъ изображенъ какимъ-то идеальнымъ учрежденіемъ, въ которомъ дѣйствовали идеальныя лица; нѣкоторые увлекались даже до того, что называли тогдашній лицейскій бытъ «поэмою»; а если поближе разсмотрѣть эту поэму, то фантастическій элементъ, положенный въ основаніе учрежденія, становится еще болѣе замѣтнымъ, и вмѣсто идеаловъ открывается довольно жалкая дѣйствительность, въ которой все хорошее и разумное, не имѣя органической связи съ предъидущимъ и послѣдующимъ, является только какъ счастливая случайность. Оффиціально-казенная сторона учрежденія, то есть его управленіе, пред-

меты и способъ преподаванія, объемъ ихъ и т. п., уже извѣстна, и едва ли заслуживаетъ серьезнаго обсужденія, которое при томъ отвлекло бы насъ отъ предмета. Взглянемъ на другую, еще не тронутую сторону дѣла, на способы къ достиженію цѣли и приведенію въ исполненіе намѣреній, высказанныхъ въ «Постановленіи» о лицеѣ.

Для вступленія въ лицей требовались самыя малыя знанія, а между тѣмъ, онъ имѣлъ цѣлью «образованіе юношества, особенно предназначеннаго къ важнымъ частямъ службы государственной», и не смотря на то, что въ него принимались мальчики отъ 10 до 14 лѣтъ, съ ничтожными свѣдѣніями, они, въ теченіе только 6-лѣтняго курса, должны были изучить предметы, «важнымъ частямъ государственной службы принадлежные и для благовоспитаннаго юноши необходимо нужные». Въ этомъ противорѣчіи между неясно сознанной цѣлью и средствами, слишкомъ недостаточными для ея достиженія, заключался главный недостатокъ лицейскаго воспитанія, плавъ котораго, сверхъ того, основанъ не на здравыхъ педагогическихъ понятіяхъ, не на потребностяхъ общества, а на какихъ-то фантазіяхъ, столько же добродушныхъ, какъ неудобоисполнимыхъ. Понятно, что при такихъ шаткихъ основаніяхъ, все, съ начала до конца, шло криво и косо. Но чтобъ дать ясное понятіе о томъ, какимъ образомъ эти фантазіи приводились къ дѣлу, приведемъ нѣсколько строкъ изъ личныхъ воспоминаній барона М. А. Корфа: «Намъ нужны были сперва начальные учители, а дали тотчасъ профессоровъ, которые при томъ сами никогда ни гдѣ еще не преподавали. Насъ надобно было раздѣлить, не лѣтамъ и не знаніямъ, на классы, а посадили всѣхъ вмѣстѣ, и читали, напримѣръ, нѣмецкую литературу тому, кто едва зналъ нѣмецкую азбуку. Насъ, по крайней мѣрѣ въ послѣдніе три года, надлежало спеціально приготовлять къ будущему нашему назначенію, а вмѣсто того, до самаго конца, для всѣхъ продолжался какой-то общій курсъ, полугимназическій и полууниверситетскій, обо всемъ на свѣтѣ: математика съ дифференціалами и интегралами, астрономія въ широкомъ размѣрѣ, церковная исторія, даже высшее богословіе — все это занимало у насъ столько же, иногда и болѣе времени, нежели правовѣдѣніе и другія науки политическія. Лицей былъ въ то время не университетомъ, не гимназіею, не начальнымъ училищемъ, а какою-то безобразною смѣсью всего этого вмѣстѣ, и, вопреки мнѣнію Сперанскаго, смѣю думать, что онъ былъ заведеніемъ, не соотвѣтствовавшимъ ни своей особенной, ни вообще какой нибудь цѣли... Кто не хотѣлъ учиться, тотъ могъ вполнѣ предаваться самой изысканной лѣни, но кто и хотѣлъ, тому не много открывалось способовъ, при неопытности, неспособности или равнодушіи большей части

преподавателей, которые столько же далеки были отъ педантизма успѣха, сколько и вообще отъ всякой рецептуальной системы преподаванія. Не смотря на это, наши лицеисты, болѣе всѣхъ напущенныхъ, по результатамъ своимъ, вышли едва ли не лучше другихъ... Какъ это сдѣлалось, трудно дать ясный отчетъ. Мы мало учились въ классахъ, но много въ чтеніи и въ бесѣдѣ. Основательнаго, глубокаго въ нашихъ познаніяхъ было, конечно, не много; но поверхностно мы имѣли идею обо всемъ, и очень были богаты блестящими всеобщностями, которыми такъ легко и теперь, а тогда было еще легче, отыгрываться»...

Не смотря, однакожь, на всѣ несообразности «Постановленія», нужно отдать справедливость гуманности, которою оно проникнуто, и благородству началъ и намѣреній, хотя послѣднія не всегда переходили въ исполненіе. Постановленіе лицея не забываетъ уваженія къ личности и чувства человѣческаго достоинства, и въ этомъ отношеніи отличается отъ уставовъ другихъ современныхъ ему учебныхъ заведеній, гдѣ личность и чувство собственнаго достоинства или систематически попирались, или не принимались въ соображеніе. Одною изъ отличительныхъ особенностей новаго учрежденія было отсутствіе тѣлесныхъ наказаній, и постановленіе даже не упоминаетъ объ этомъ полицейскомъ элементѣ, считавшемся необходимымъ въ дѣлѣ воспитанія. Въ этомъ отношеніи составители положенія далеко опередили педагоговъ нашего времени, публично поднимавшихъ вопросъ, сѣчь или не сѣчь воспитанниковъ, и не стыдившихся разрѣшать его утвердительно. Впрочемъ, розга постоянно имѣла такое неограниченное обаяніе на воспитателей русскаго юношества, что послѣдствіи и лицей, подвергся въ этомъ отношеніи общей участи нашихъ учебныхъ заведеній.

Не касаясь предметовъ и объема ученія, скажемъ нѣсколько словъ о преподаваніи словесности и нравственныхъ наукъ, какъ имѣющемъ близкое отношеніе къ настоящей статьѣ. Въ начальномъ курсѣ, раздѣлявшемся на три класса или года, кромѣ преподаванія грамматикъ, читались избранныя мѣста изъ французской, нѣмецкой и русской словесности, и изъ послѣдней преимущественно оды Ломоносова и Державина и басни Хемницера и Дмитріева. Чтеніе это во второй и третій годъ сопровождалось разборомъ и упражненіями въ слогѣ. Сверхъ того, въ теченіе трехъ лѣтъ много времени потрачено на преподаваніе риторики. Въ окончательномъ курсѣ къ чтенію избранныхъ авторовъ и упражненію въ сочиненіяхъ присоединялись: «руководство къ подражаніямъ и переложенію красотъ одного языка на другой», изученіе синонимовъ, эстетика, исторія изящныхъ искусствъ и философская грамматика. Профессоромъ русской и латинской словесности былъ

И. Ѳ. Кошанскій, уже имѣвшій нѣкоторую литературную извѣстность, и участвовавшій тогда во многихъ періодическихъ изданіяхъ. Довольно обстоятельная біографія его напечатана въ «Памятной книжкѣ» лицея на 1856—1857 г., и потому не буденъ распространяться объ этой личности. Лекціи Кошанскаго были занимательны, непринужденны и походили на бесѣды, вслѣдствіе чего онъ, преимущественно предъ другими преподавателями, былъ приближенъ къ воспитанникамъ. До насъ дошло неизданное стихотвореніе Илличевскаго *Освобожденіе Бѣлграда*, съ отмѣтками и поправками Кошанскаго. Онѣ показываютъ, какъ, сообразно съ духомъ времени, поощрялась напыщенность и ходульность, и порицалась простота, считавшаяся низкою, и свидѣтельствуютъ, между прочимъ, съ какою ревностью на первыхъ порахъ Кошанскій занимался своимъ дѣломъ. Жаль, что вкусъ педагога далеко не равнялся его усердію. Вѣруя въ непогрѣшимость правилъ, предписывавшихъ поэту парить, а прозаику течь, Кошанскій требовалъ того же отъ своихъ учениковъ, и въ одѣ Илличевскаго замѣнилъ выраженія: *двѣнадцать дней, колодцы выкопавъ, напрасно, площади, говорить*, по его мнѣнію, болѣе эпическими: *двѣнадцать кратъ, изрывши кладези, тщетно, шумные стогны, вѣщать*, и т. п. Кошанскому особенно понравилась слѣдующая строка, возлѣ которой онъ приписалъ: «вотъ поэзія! прекрасно!»

Спускалось солнце: день ужъ къ вечеру клонился:
Въ Бѣлградѣ жители въ одинъ толпились сонмъ;
Глухой, на площади, печальный шумъ носился,
Подобный вечера осенняя шуму волнъ.

О томъ, какъ исправлялъ Кошанскій стихи, можно судить по слѣдующей строкѣ:

Уныло граждане другъ на друга смотрѣли:
Что въ крайности такой имъ было предпринять?
Въ отчаяньи врата отверзть врагу хотѣли,
И, преклоня главу, о жизни умолять.

Противъ послѣдняго стиха Кошанскій отмѣтилъ: le plus beau vers». а остальное исправилъ такъ:

Уныло граждане *съ высокихъ стѣнъ взирали*,
Колеблясь мыслями, что въ бѣдствіяхъ предпринять?
Уже врагу отверзть врата они желали
И, преклоня главу, о жизни умолять.

Неудовлетворительность этихъ поправокъ была сознаваема и самимъ профессоромъ, который къ одной изъ нихъ приписалъ: «плохо неудачно». Какъ ни смѣшны теперь подобныя исправленія, но онѣ были въ духѣ времени и соотвѣтствовали ложному, схоластическому направленію, которымъ заражена была вся тогдашняя литература. Мертвящее вліяніе его систематически извращало мысль и выраженіе, и только сильное дарованіе могло устоять противъ одуряющаго напитка риторическихъ ухищреній. Лицей однакожъ и въ этомъ отношеніи былъ счастливѣе другихъ заведеній: при самомъ учрежденіи его, въ обществѣ уже вѣяло новою жизнью, и въ то время, когда наше юношество душили безъ милосердія риторикою съ ея хріями, тропами и фигурами, какъ это и по нынѣ дѣлается еще въ семинаріяхъ, профессорамъ лицея предписывалось «тщательно избѣгать пустыхъ школьныхъ украшеній». Разумѣется, нельзя было ожидать, чтобы Кошанскій, трудившійся въ то время надъ сочиненіемъ риторики, отказался отъ своихъ убѣжденій, но и тогда онѣ уже были анахронизмомъ для молодаго поколѣнія.

О лекціяхъ Кошанскаго, съ которыми связаны первые стихотворные опыты Пушкина, сохранилось слѣдующее воспоминаніе въ «Запискахъ» Пущина: Какъ теперь вижу тотъ послѣобѣденный классъ Кошанскаго, когда, кончивши лекцію нѣсколько ранѣе урочнаго часа, профессоръ сказалъ: «теперь, господа, будемъ пробовать перья: опишите мнѣ, пожалуйста, розу стихами». Наши стихи вообще не клеились, а Пушкинъ мигомъ прочелъ два четверостишія, которыми всѣхъ насъ восхитили. Жаль, что не могу припомнить этого перваго поэтическаго его лепета. Кошанскій взялъ рукописи къ себѣ. Это было чуть ли не въ 1811 году, и никакъ не позже первыхъ мѣсяцевъ 1812-го. Въ числѣ напечатанныхъ лицейскихъ стихотвореній Пушкина есть пьеса въ 12 строкъ *Роза* («Гдѣ наша роза»), отнесенная издателями къ 1815 г., и выбранная имъ для помѣщенія въ изданномъ въ 1826 г. собраніи его стихотвореній; но разность годовъ, и въ особенности предпочтеніе ея поэтомъ предъ другими юношескими его опытами, не допускаютъ предположенія, что эти стихи тѣ же самые, о которыхъ упоминаетъ Пущинъ, тѣмъ болѣе, что въ нихъ нѣтъ заданнаго Кошанскимъ описанія розы. Другіе товарищи поэта припоминаютъ, что еще до «Розы» онъ написалъ, состязаясь съ Илличевскимъ, рыцарскую балладу, въ подражаніе балладамъ Жуковскаго, но и этотъ опытъ не сохранился. Впрочемъ, вопросъ, какое стихотвореніе Пушкина слѣдуетъ считать первымъ, можетъ имѣть нѣкоторое значеніе лишь для издательскихъ соображеній, а не для литературы, пріобрѣтенія которой составляютъ обыкновенно не первыя, но послѣднія произведенія поэтовъ.

Въ числѣ «наставниковъ, хранившихъ юность» Пушкина, поэтъ съ особенною благодарностью вспоминалъ о Куницынѣ, профессорѣ «нравственныхъ наукъ», курсъ которыхъ, по программѣ лицея, заключалъ не только философскія, но юридическія и политическія науки, всего двѣнадцать предметовъ. И эту-то массу свѣдѣній долженъ былъ передавать почти дѣтямъ молодой человѣкъ, только что вернувшійся изъ-за границы! Преслѣдованія, которымъ онъ подвергся въ 1820 г. за изданное имъ «Естественное право», и четыре стиха въ *Лицейской годовщинѣ* 1825 г. достались Куницыну гораздо болѣе извѣстности, чѣмъ его личныя достоинства. «Куницынъ», говоритъ баронъ Корфъ, «былъ, конечно, даровитѣе своихъ товарищей и въ особенности говорилъ складнѣе, хотя и безъ большаго изящества. Сверхъ того у него было довольно живое воображеніе, и онъ обиловалъ разсказами, сравненіями и т. п. Но все это было замѣтно въ немъ больше въ началѣ, пока онъ преподавалъ намъ нравственную философію. Послѣ, при переходѣ въ римское и русское право, въ политическую экономію и финансы, онъ сталъ все болѣе и болѣе остывать къ своимъ предметамъ, а мы къ его лекціямъ. Притомъ система его преподаванія была самая неудачная. При невозможности въ то время никакихъ печатныхъ курсовъ, онъ самъ писалъ свои записки, а мы должны были ихъ списывать и заучивать *слово въ слово* совершенно «въ долбежку», такъ что при отвѣтахъ на его вопросы не позволялось измѣнять ни единой буквы. Отъ этого въ тѣхъ именно предметахъ, гдѣ наиболѣе должны были изощряться разумѣніе и способность свободно мыслить, мы обращались въ совершенныя машины»... Вотъ печальная дѣйствительность, которой воображеніе поэта дало такой поэтическій образъ:

Куницыну дань сердца и вина!
Онъ создалъ насъ, онъ воспиталъ нашъ пламень,
Поставилъ намъ краеугольный камень,
Онъ чистая лампада возжена...

Почти такимъ же способомъ «возжигали лампаду» и другіе преподаватели. Профессоромъ нѣмецкаго языка и словесности былъ Гаусманъ, котораго ненавидѣли воспитанники. «Родомъ изъ Австріи», говоритъ баронъ Корфъ, «онъ не нравился намъ уже потому, что былъ нѣмецъ, и, вопреки отзыву г. Бартенева, очень смѣшно изъяснялся по русски. Сверхъ того, при довольно завосчивомъ нравѣ, онъ былъ человѣкъ скрытный, хитрый, даже коварный. Доказательствомъ общей къ нему непріязни служитъ «національная» пѣсня, которая пѣлась хоромъ на голосъ гремѣвшаго тогда по цѣлой Россіи

«Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ» Жуковскаго, безъ всякаго секрета, и только что не въ лицо самому ея герою»:

Въ лицейской залѣ тишина,
Диковинка межь нами!
Друзья, къ намъ лѣзетъ сатана
Съ лавриной за зубами,

«которую онъ имѣлъ привычку жевать постоянно. Лекціи свои Гауеншильдъ читалъ всегда на французскомъ языкѣ: это объяснялось тѣмъ, что нѣкоторые изъ насъ, и даже многіе, не знали ни слова по нѣмецки; но все же странно было, что одинъ живой языкъ преподавался на другомъ»...

Каѳедру французскаго языка и словесности занималъ профессоръ де-Будри, переименованный, по высочайшему повелѣнію, въ эту фамилію изъ настоящей — Маратъ. «Де-Будри», продолжаетъ баронъ Корфъ, «забавный коротенькій старичокъ, съ толстымъ брюшкомъ, съ насаленнымъ, слегка напудреннымъ парикомъ, никогда не мывшійся и развѣ только однажды въ мѣсяцъ переодѣвавшій бѣлье — одинъ изъ всѣхъ данныхъ намъ наставниковъ вполнѣ понималъ свое призваніе, и, какъ человѣкъ въ высшей степени практическій, наиболѣе способствовалъ нашему развитію, не въ одномъ познаніи французскаго языка. Пока Кунициынъ заставлялъ насъ долбить теорію логики со всѣми ея схоластическими формулами, де-Будри училъ насъ ей на самомъ дѣлѣ. Онъ дѣйствовалъ непосредственно и постоянно на высшую и важнѣйшую способность, способность правильнаго мышленія, а чрезъ все и на другую способность: логическаго, складнаго и отчетливаго выраженія мыслей словомъ. Не могу согласиться съ г. Бартеневымъ или г. Нащокинымъ, чтобы уроки де-Будри были для насъ всѣхъ «веселѣе»: напротивъ, онъ былъ очень строгъ и взыскателенъ, и какъ бы въ мщеніе за то, что въ его классѣ, подъ его Аргусовымъ глазомъ, нельзя было и думать о какомъ нибудь постороннемъ занятіи, мы дразнили его разными школьными продѣлками; но теперь каждый изъ насъ, конечно, отдастъ полную справедливость благотворному вліянію, которое онъ имѣлъ на наше образованіе».

О средствахъ къ практическому обученію языкамъ, подъ наблюденіемъ неспособнѣйшихъ гувернеровъ, можно судить по слѣдующему отрывку изъ тѣхъ же «Замѣтокъ»: «Насъ, по временамъ, заставляли говорить по нѣмецки, по французски, для чего назначались опредѣленные дни; но это былъ почти одинъ фарсъ. Съ утра дежурный гувернеръ вручалъ кому либо изъ воспитанниковъ билетъ, который надлежало передавать первому, захваченному въ тотъ день въ разго-

вре по русски. Этотъ захваченный передавалъ билетъ тому, котораго удавалось ему съ своей стороны поймать въ подобной запрещенной бесѣдѣ, и такъ далѣе, до извѣстнаго часа, по наступленіи котораго тотъ, у кого окончательно оказывался билетъ, подвергался наказанію. Это значило выдавать товарищей къ пріюту и обману; но на дѣлѣ выходило иначе. Тотъ, кому первому давался билетъ, обыкновенно держалъ его у себя все время до опредѣленнаго часа и въ продолженіе этого времени никто и не подумалъ говорить иначе, какъ по русски. Только въ послѣднія минуты начиналась ловля разными хитростями; случалось же и такъ, что къ опредѣленному часу билетъ совсѣмъ пропадалъ безъ вѣсти».

Черезъ нѣсколько дней послѣ начала курса неожиданно объявлено запрещеніе выѣзжать изъ лицея. Это распоряженіе, неудобство котораго вполнѣ уже сознано въ наше время, отнимая возможность развлеченій внѣ Царскаго Села, и разобщая лицеистовъ съ остальнымъ міромъ, который, по выраженію Пушкина, дѣйствительно былъ для нихъ «чужбиною», связало ихъ нерасторжимою дружбою, и заставило искать въ своемъ кругу средствъ къ наполненію досуговъ и развлеченію. Дѣтскія игры, преимущественно военныя, въ которыхъ первенствовалъ Илличевскій, командовавшій маленькимъ войскомъ въ качествѣ генерала отъ инфантеріи, смѣнялись забавами ума и воображенія, и мало по малу устроились домашніе спектакли. Первою исполненною пьесою была вызванная тогдашними обстоятельствами комедія *Ополченіе*. Представленіе это происходило безъ особенныхъ приготовленій, въ незатѣйливой костюмировкѣ шинелями, вывороченными на изнанку. Потомъ играли *Новаго Стерна*, комедію князя Шаховскаго, при исполненіи которой служили, вмѣсто декорацій, разноцвѣтныя ширмы. Для этого же театра было написано нѣсколько пьесъ гувернеромъ Иконниковымъ, внукомъ знаменитаго актера Дмитревскаго. А. Н. Иконниковъ, служившій въ лицеѣ съ 1811 по 1812 г., принималъ дѣятельное участіе въ спектаклях и другихъ развлеченіяхъ воспитанниковъ, и хотя былъ любимъ нѣкоторыми изъ нихъ, но не пользовался ихъ уваженіемъ. Напечатанный г. Анненковымъ въ «Матеріалахъ для біографіи Пушкина» отрывокъ изъ его записокъ о характерѣ Ик. (стр. 26) относится къ Иконникову. По словамъ поэта, Иконниковъ имѣлъ дарованія, писалъ порядно стихи и любилъ поэзію. «Вы читаете ему свою пьесу — на отрѣзъ говоритъ онъ: такое-то мѣсто глупо, безъ смысла, низко; за то за самые посредственные стихи кидается вамъ на шею и называетъ васъ геніемъ... Его любятъ иногда, смѣются очень часто, а жалѣютъ почти всегда». Другую характеристику Иконникова находимъ въ «Замѣткахъ» барона Корфа: «Въ этомъ добромъ, благородномъ, умномъ и образованномъ человѣкѣ всѣ хорошія

ночества подавлялись неодолимою страстью къ пьянству, доходившему до того, что когда водка перестала уже казаться ему средствомъ довольно возбудительнымъ, онъ вливалъ залпомъ по цѣлымъ стаканамъ гофманскихъ капель. Иконниковъ сочинялъ для насъ, въ началѣ нашего лицейскаго поприща, небольшія пьесы, которыя разыгрывались нами съ ширмами, вмѣсто кулисъ, и въ форменныхъ нашихъ сюртукахъ и мундирахъ, передъ царскосельскою публикою. Въ одной такой пьесѣ, названной, кажется, «Ревель безъ пиявокъ», и относившейся къ тогдашнимъ военнымъ обстоятельствамъ, главную роль занималъ нашъ товарищъ Масловъ; но послѣ перваго дѣйствія, ему сдѣлалось дурно, и во второмъ продолжалъ за него, безъ всякаго предупрежденія зрителей, самъ сочинитель пьесы, не только, разумѣется, съ другою наружностью, но даже въ другомъ, партикулярномъ своемъ костюмѣ, а вдобавокъ мертвецки пьяный, сбивая всѣхъ другихъ актеровъ, потому что зналъ только главные моменты роли, и не помнилъ ни точныхъ словъ, ни репликъ. Мистифицированной публикѣ предоставлялось самой догадаться, что Масловъ и Иконниковъ въ такихъ разныхъ видахъ — одно и то же лицо». Изъ пьесъ Иконникова уцѣлѣла въ рукописи комедія въ одномъ дѣйствіи *Добрый полицмейстеръ*, написанная для М. Л. Яковлева, отличавшагося мимическимъ талантомъ. Въ ней участвовали: Масловъ, Пущинъ, Костенскій, Илличевскій, Яковлевъ и Корсаковъ. До содержанія комедіи, до крайности наивнаго, намъ нѣтъ дѣла. Она представлена 30-го августа въ день именинъ императора Александра, а послѣ нея пропѣты Яковлевымъ съ хоромъ, сочиненные Иконниковымъ же, куплеты. Но домашніе спектакли скоро прекратились: министръ народнаго просвѣщенія, графъ А. К. Разумовскій, какъ видно изъ дѣлъ лицейскаго архива (№ 87, 1812 года), узнавъ стороною о драматическомъ представленіи 30 августа въ присутствіи постороннихъ лицъ, выразилъ директору лицея Малиновскому крайнее свое неудовольствіе, находя, что безъ вѣдома его не слѣдовало дѣлать распоряженій, имѣвшихъ связь съ нравственнымъ воспитаніемъ. Въ концѣ того же года гувернеръ С. Г. Чириковъ, который сочинилъ трагедію въ стихахъ *Герой сѣвера*, ходившую тогда въ рукописи, и у котораго собирались иногда воспитанники, передалъ директору просьбу ихъ о дозволеніи имъ въ свободное время сочинять и представлять театральныя пьесы, но министръ не согласился, опасаясь, чтобъ это не отвлекло отъ уроковъ. Однакожь, спустя нѣкоторое время, спектакли возобновились, и въ 1815 г. представленія давались съ декораціями, писанными придворнымъ живописцемъ Бруни, отцомъ нынѣшняго ректора академіи художествъ Ѳ. А. Бруни. На этомъ театрѣ были представлены: передѣланная изъ старинной французской пьесы Patelin комедія *Стряпчій*

Щепило, комедія *Сѣера или два сосѣда* князя Шаховскаго, старинныя драмы Le juge bienfaisant и L'abbé de l'Epée (знаменитый воспитатель глухонѣмыхъ и изобрѣтатель ихъ языка). О представленіи послѣдней драмы находимъ слѣдующія подробности въ «Замѣткахъ» барона Корфа: «Въ послѣдніе уже годы намъ вздумалось сыграть предлинную и довольно скучную драму «L'abbé de l'Epée», въ которой де-Будри передѣлалъ всѣ женскія роли въ мужскія, и любовниковъ превратилъ въ друзей. Бодрый старичокъ цѣлый мѣсяцъ мучилъ насъ, по этому случаю, репетиціями, и былъ для насъ, поддѣльныхъ актеровъ, совершенно тѣмъ же, что князь Шаховской для настоящихъ. И декламація обоихъ, какъ поклонниковъ старой школы, была въ одномъ родѣ: слишкомъ высокопарна и на ходуляхъ».

Въ то же время, т. е. до 1815 г., у одного изъ царскосельскихъ жителей, графа В. В. Толстаго, былъ домашній театръ, на которомъ играла труппа, составленная изъ крѣпостныхъ людей. Подобныя затѣи, для которыхъ сгоняли

Отъ матерей, отцовъ отторженныхъ дѣтей,

были тогда не рѣдкость, и царскосельскій любитель театра не представлялъ въ этомъ случаѣ исключенія. Лицеисты посѣщали его спектакли, на которыхъ, вмѣстѣ съ другими посѣтителями, засматривались на первую любовницу доморощенной труппы, Наталью, которая, однакожь, была плохою актрисою. Къ ней Пушкинъ написалъ въ 1814 году напечатанныя въ отдѣлѣ стихотвореній неизвѣстныхъ годовъ посланія *Къ Натальѣ* и *Къ молодой актрисѣ* (изд. 1859 г. т. I стр. 549 и 551). Г. Геннади, въ «Приложеніяхъ къ сочиненіямъ А. С. Пушкина» (стр. 100) говоритъ, со словъ г. Лонгинова, что къ ней же написано и стихотвореніе *Къ Наташѣ* (тамъ же, стр. 548); но это несправедливо: оно, какъ увидимъ ниже, относится къ другому лицу.

Но первое мѣсто между развлеченіями занимали общія бесѣды, устроенныя воспитанниками въ самомъ началѣ курса. Эти бесѣды, на которыхъ каждый обязанъ былъ разсказать что нибудь, выдуманное или прочитанное, развивали воображеніе и наклонность къ литературѣ. Запасъ разсказовъ, анекдотовъ и стиховъ, читанныхъ въ дружескомъ кругу, мало по малу увеличивался; нѣкоторые изъ нихъ записывались и переходили изъ рукъ въ руки, и такимъ образомъ 3 декабря 1811 г. явился первый листъ перваго лицейскаго журнала подъ названіемъ «Вѣстникъ», издателемъ котораго былъ Корсаковъ. Есть поводъ думать, что еще до изданія этого листка, хотя и выставленъ на немъ № 1, существовали другіе, потому что въ немъ дважды упо-

минается о «лицейскихъ газетахъ», которыя издавалъ тотъ же Карсаковъ.

Не утомляя читателей подробнымъ описаніемъ этого дѣтскаго опыта журналистики, тѣмъ болѣе, что онъ не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ Пушкину, ограничимся краткимъ обозрѣніемъ листка. Первая страница занята извѣстіемъ о ссорахъ и примиреніяхъ между лицами, для насъ не интересными. Описаніе это переполнено ошибками противъ смысла и грамматики, и свидѣтельствуетъ о невысокомъ уровнѣ образованія юношества, поступившаго въ лицей. За извѣстіями слѣдуетъ «Смѣсь», въ которой помѣщены: не дурное для 12-ти-лѣтняго возраста, и, вѣроятно, первое стихотвореніе Илличевскаго *Сила времени*, и *Отрывокъ изъ грозы С-тъ Ламберта*, переведенный съ французскаго Кюхельбекеромъ. Послѣднее стихотвореніе, переведенное, сколько можно догадаться, изъ поэмы Ламберта Les Saisons, такъ плохо, что даже не имѣетъ смысла, и помѣщено въ насмѣшку надъ переводчикомъ, слабо знавшимъ русскій языкъ. Объ этихъ стихахъ Пушкинъ вспоминалъ спустя болѣе десяти лѣтъ въ письмѣ къ брату отъ 4 сентября 1822 года изъ Кишинева, напечатанномъ въ статьѣ г. Бартенева *Пушкинъ въ южной Россіи* («Русская Рѣчь» 1861 года, №№ 103 и 104). Пушкинъ говоритъ въ этомъ письмѣ, что стихи Кюхельбекера къ Грибоѣдову «достойны поэта нѣкогда написавшаго: страхъ при звонѣ мѣди заставляетъ народъ устрашенный толпами стремиться въ храмъ священный. Зри, Боже! число великій унылыхъ тебя просящихъ сохранить имъ цѣль трудъ многимъ людямъ принадлежащій и проч.» Дѣйствительно, память не измѣнила Пушкину, и эти строки почти безъ преувеличенія приведены изъ названнаго нами стихотворенія Кюхельбекера. Въ послѣднемъ отдѣлѣ листка, «Разныхъ извѣстіяхъ», находимъ указаніе, объясняющее причину ранней литературной дѣятельности, кипѣвшей въ этомъ замкнутомъ кружкѣ: «Мартынъ Степановичъ Пилецкій, инспекторъ лицея, предложилъ слѣдующее: учредить собраніе всѣхъ молодыхъ людей, которыхъ общество найдетъ довольно способными къ исполненію должности сочинителя, и чтобъ всякій членъ сочинилъ что нибудь въ продолженіи, по крайней мѣрѣ, двухъ недѣль, безъ чего его выключатъ».

Предложеніе Пилецкаго, за которое воспитанники ухватились, какъ за средство къ препровожденію времени, имѣло вліяніе на направленіе ихъ дѣятельности, требовавшей цѣли и исхода, и послужило однимъ изъ основаній характеристической особенности лицейскаго воспитанія. М. С. Пилецкій-Урбановичъ, надзиратель по учебной и нравственной части (его не слѣдуетъ смѣшивать съ братомъ его, поступившимъ въ 1812 году гувернеромъ, Ильею Пилецкимъ,

человѣкомъ, по выраженію Гоголя «беззаботнымъ на счетъ литературы») былъ образованъ, съ даромъ слова и убѣжденія, но святоша, мистикъ и иллюминатъ, старавшійся обращать воспитанниковъ отъ всѣхъ чувствъ человѣческой природы, даже отъ любви къ родителямъ, исключительно къ Богу. Для достиженія этой цѣли, онъ позволялъ себѣ самые дурные отзывы о родственникахъ воспитанниковъ, которые, наконецъ, обидѣлись и вынудили его оставить лицей. «Если бы мы долѣе остались въ его рукахъ,—пишетъ баронъ Корфъ,—онъ непремѣнно сдѣлалъ бы изъ насъ іезуитовъ. Съ своею длинною и высокою фигурою, съ горящимъ всѣми огнями фанатизма взглядомъ, съ кошачьими походкою и пріемами, наконецъ, съ жестоко-хладнокровною и ироническою, прикрытою видомъ отцовской нѣжности, строгостію, Пилецкій долго жилъ въ нашей памяти, точно какое нибудь привидѣніе изъ другаго міра. Любопытно то, что послѣ онъ служилъ слѣдственнымъ приставомъ петербургской полиціи, а въ 1837 году, за участіе въ мистическихъ изувѣрствахъ извѣстной Татариновой, былъ высланъ изъ столицы и заключенъ въ монастырь»...

Хотя первый опытъ журналистики ограничился однимъ листомъ, да и тотъ остался недописаннымъ, но образовавшееся, по предложенію Пилецкаго, литературное общество горячо принялось за свое дѣло, и въ слѣдующемъ (1812) году явилось уже два журнала: *Для удовольствія и пользы* и *Неопытное перо*. Издателями перваго, продолжавшагося и въ 1813 году и вышедшаго въ числѣ 12 нумеровъ, были: Вольховскій, Есаковъ, Илличевскій, Кюхельбекеръ, Масловъ и Яковлевъ; второй же, въ которомъ помѣщено упомянутое выше стихотвореніе Пушкина «Роза», издавался Пушкинымъ, Дельвигомъ и Корсаковымъ, и вышелъ въ нѣсколькихъ нумерахъ; но ни тотъ, ни другой не сохранились. Всѣ лицейскіе журналы, кромѣ упомянутаго «Вѣстника» и четырехъ нумеровъ «Лицейскаго Мудреца», о которомъ сказано ниже, взяты въ 1825 г. М. И. Пущинымъ, который, чрезъ своего брата И. И. Пущина, былъ близокъ къ лицейскому кружку, и пропали вмѣстѣ съ другими любопытными бумагами. По прекращеніи упомянутыхъ журналовъ, въ 1813 г. явился новый, *Юные Пловцы*, издателями котораго были: Пушкинъ, Дельвигъ, Илличевскій, Кюхельбекеръ и Яковлевъ. Вышло только два нумера. О содержаніи «Юныхъ Пловцовъ» даетъ нѣкоторое понятіе найденная въ сообщенныхъ намъ бумагахъ записка Иконникова, который уже былъ уволенъ отъ должности гувернера, но не смотря на это, не охладѣлъ къ литературнымъ затѣямъ своихъ бывшихъ воспитанниковъ. Иконниковъ пишетъ, что онъ «съ сердечнымъ удовольствіемъ» видѣлъ успѣхи ихъ въ изданіи журнала, «сочиненія, въ ономъ помѣщаемыя, читалъ съ равномѣр-

ньемъ», и сохранилъ въ памяти «баллады: Громобой или Буровой, Галебъ и Кантемира; прозаическія сочиненія: Изяславъ кн. Горчакова, Полордъ г. Есакова, Освобожденіе Полоцка, Бѣлграда, Кіева; писанныя участвующими или сотрудниками обществъ; такъ и Громобой г. Маслова, басни гг. Яковлева и Дельвига». Желая участвовать въ этихъ занятіяхъ, Иконниковъ просилъ принять его въ корреспонденты. Въ томъ же году изданіе журналовъ, какъ отвлекавшее воспитанниковъ отъ ученья, было запрещено. Ученье однакожъ не выиграло отъ этого, а запрещеніе издавать журналы не только не достигло цѣли, но вызвало противодѣйствіе. Съ 1813 г., немедленно по прекращеніи «Юныхъ Пловцовъ», являются всевозможные сборники. Нѣкоторые члены общества «издали» свои сочиненія отдѣльными тщательно переписанными тетрадями. Одинъ изъ нихъ переписалъ свои басни въ особую тетрадь съ эпиграфомъ: «хоть худо, но свое». Илличевскій, изливавшій эпиграммы

На недруга и друга,

написалъ по этому случаю слѣдующую:

Ты выбралъ къ басенкамъ заглавіе простое:
«Хоть худо, но свое».
И этакъ хорошо, но этакъ лучше вдвое:
Что худо, то твое,
Что хорошо — чужое.

Баснописецъ, желая видѣть свои произведенія въ печати, посылалъ ихъ, для помѣщенія въ «Россійскомъ музеумѣ», В. Измайлову, котораго просилъ скрыть его имя; но басни не явились въ журналѣ. Обстоятельство это вызвало новую эпиграмму Илличевскаго, напечатанную въ его «Опытахъ въ антологическомъ родѣ», изданныхъ въ 1827 г. (стр. 98):

УВАЖЕННАЯ СКРОМНОСТЬ.

Нагромоздивши басенъ томъ,
Клеонъ давай пускать въ журналъ свои тетради,
Прося изъ скромности издателя о томъ,
Чтобъ имени его не выставлялъ въ печати:
Издатель скромностью такою тронутъ былъ,
И имя онъ, и басни — скрылъ.

Отъ одного изъ подобныхъ сборниковъ, подъ заглавіемъ *Лицейская антологія, собранная трудами пресловутаго іншій*, съ эпиграфомъ:

Genus irritabile vatum, уцѣлѣло нѣсколько листковъ. Подъ псевдонимомъ iёшiй скрывался тотъ же Илличевскій, напечатавшій въ «Вѣстникѣ Европы» 1814 г. эпиграмму съ этою подписью, которую измѣнилъ въ томъ же году на iй ий iй, заимствуя послѣднюю изъ повторенія этихъ буквъ въ своемъ имени и фамиліи: Алексѣй Илличевскій. Эта тетрадь заключала 111 мелкихъ стихотвореній, судя по цифрѣ, выставленной надъ послѣднимъ изъ нихъ. Послѣдніе уцѣлѣвшіе листки ея сохраняютъ нѣсколько стихотвореній Пушкина, изъ которыхъ напечатаны только четыре: «Скажи что новаго?» *Твой и мой*, *Экспромтъ на А.* и *Надпись въ бесѣдкѣ* (изд. 1859 г. т. I, стр. 574, 569, 570 и 564). Остальныя — эпиграммы, не напечатанныя и весьма слабыя. Вотъ двѣ изъ нихъ, сравнительно лучшія:

I.

«Больны вы, дядюшка?» — Нѣтъ мочи
Какъ безпокоюсь я! три ночи,
Повѣрьте, глазъ я не смыкалъ.
— Да слышалъ, слышалъ, въ банкъ игралъ.

II.

ЗАВѢЩАНІЕ.

Друзья, простите! завѣщаю
Вамъ все, чѣмъ радъ и чѣмъ богатъ:
Обиды, нѣсни — все прощаю,
А мнѣ пускай долги простятъ.

Нѣсколько эпиграммъ этого сборника написаны Пушкинымъ на Пучкову, которая въ 1812 г. издала свои «Первые опыты въ прозѣ», а послѣ того напечатала въ «Россійскомъ Музеумѣ» 1815 г. и другихъ журналахъ нѣсколько плохихъ стихотвореній. Вотъ одна изъ нихъ:

Зачѣмъ кричишь ты, что ты *дѣва*,
На каждомъ дѣственномъ стихѣ?
О, вижу я, пѣвица Эва,
Хлопочешь ты о женихѣ.

Объясненіе этой эпиграммы находимъ въ «Русскомъ Инвалидѣ» 1816 г. (№ 277), гдѣ напечатанъ ея экспромтъ тѣмъ, которые убо-

рили ее, для чего она не написала стиховъ на кончину Г. Р. Державина:

Дѣвѣ ли робкой
Арфой незвучной
Славному барду
Пѣснь погребальну
Дѣвѣ ль брящать? и т. д.

Въ томъ же сборникѣ находятся два стихотворенія Дельвига, имъ же переписанныя: четверостишіе *Вакхъ*, напечатанное въ обоихъ изданіяхъ его стихотвореній, и неизданная надпись къ своему портрету....

Вопреки запрещенію издавать журналы, въ томъ же (1813) году Данзасъ, Корсаковъ, Мартыновъ и Ржевскій начали новый журналъ *Лицейскій Мудрецъ*, который выходилъ неправильно, то прекращался, то возобновлялся, но существовалъ съ небольшими промежутками въ теченіе трехъ лѣтъ, т. е. до конца 1816 года. Частое прекращеніе журнала вызывало многочисленныя эпиграммы, и между прочимъ, помѣщенную въ немъ пародію на *Пѣвца* Жуковскаго:

На печкѣ дудка и вѣнецъ.
Восплачемте, — друзья! могила
Прахъ мудреца на вѣкъ сокрыла.
Бѣдный мудрецъ!

Содержаніе уцѣлѣвшихъ четырехъ нумеровъ «Лицейскаго Мудреца» не занимательно, потому что они имѣютъ совершенно мѣстный и слишкомъ личный характеръ. Главное участіе въ журналѣ принимали: Корсаковъ, сочинявшій стихотворенія и статьи отъ редакціи, Илличевскій, которому принадлежатъ карикатуры и большая часть эпиграммъ, Дельвигъ и Данзасъ. Объ участіи двухъ послѣднихъ свидѣтельствуютъ слова на оберткѣ журнала: «Печатать позволяется. Цензоръ баронъ Дельвигъ. Въ типографіи К. Данзаса». Въ составъ журнала входили: такъ называемая «изящная словесность», иногда критика и смѣсь съ карикатурами. Пушкинъ, по истеченіи десяти лѣтъ, въ одной изъ зачеркнутыхъ строфъ стихотворенія *19 октября 1825* (т. I, стр. 334) вспоминаетъ:

Златые дни, уроки и забавы,
И черный столъ, и бунты вечеровъ,
И нашъ словарь, и плески (*) мирной славы,
И критики лицейскихъ мудрецовъ.

(*) А не *плаксы* какъ напечатано.

Предметами карикатуръ были преимущественно товарищи, въ особенности Кюхельбекеръ, и возбуждавшій безпощадныя насмѣшки своею анекдотическою ограниченностью М — въ, которому Дельвигъ совѣтовалъ по этой причинѣ праздновать свои именины въ день «усѣченія главы». Особенно доставалось М—ву по поводу сочиненія его о восходѣ солнца, сочиненія, о которомъ говоритъ г. Бартеневъ въ біографіи Пушкина, и начатаго выраженіемъ: «Блеснулъ на западѣ румяный царь природы». Оно вызвало остроумную эпиграмму Илличевскаго, которая долго приписывалась Пушкину, и довольно злую статью въ «Лицейскомъ Мудрецѣ». Справедливость требуетъ однакожъ замѣтить, что знаменитая фраза не принадлежитъ М — ву, а была не кстати похищена имъ у А. П. Буниной. Въ собраніи ея произведеній, изданныхъ въ 1809 г. подъ заглавіемъ «Неопытная Муза», находимъ (стр. 30) элегію *Сумерки*, начинающуюся стихомъ:

Блеснулъ на западѣ румяный царь природы,

навлекшимъ гоненія на неразборчиваго похитителя. Большая часть журнала занята шуточными стихотвореніями и «національными пѣснями», заключающими намеки, имѣющіе значеніе лишь для кружка, въ которомъ составились. Изъ множества эпиграммъ приводимъ лучшую, написанную Илличевскимъ на одного изъ товарищей, сочинившаго басню *Ослы*:

О чемъ ни сочинитъ бывало,
Марушкинъ, боязный стихотворъ,
То вѣрь, что не соджешь ни мало,
Когда заранѣ скажешь: вздоръ!
Марушкинъ объ ослахъ вдругъ басню сочиняетъ,
И басня хоть куда! но страненъ ли успѣхъ?
Свой своего всѣхъ лучше знаетъ,
И слѣдственно опишетъ лучше всѣхъ.

Кромѣ упомянутыхъ журналовъ издавался еще карикатурный, въ которомъ, подъ руководствомъ гувернера и учителя рисованія Чирикова, участвовали Илличевскій, Мартыновъ и Пушкинъ.

Главнымъ дѣятелемъ всѣхъ этихъ журналовъ былъ Илличевскій, который, въ началѣ курса, по легкости писать стихи, превосходилъ всѣхъ своихъ товарищей, и считался въ ихъ кружкѣ первымъ поэтомъ. Они называли его Державинымъ, а Пушкина Дмитріевымъ, и раздѣлились на двѣ партіи, споривши о томъ, которому изъ нихъ отдать преимущество. Вопреки однакожъ похваламъ, которыя вызвало раннее его развитіе, Илличевскій никогда не обнаруживалъ ни малѣйшаго поэтическаго таланта, и не подвинувшись ни на одинъ

шагъ далѣе первыхъ своихъ опытовъ, былъ до конца жизни только острякомъ, и притомъ довольно пошлымъ.

Несравненно труднѣе давались стихи Дельвигу и Кюхельбекеру, принимавшимъ, послѣ Пушкина и Илличевскаго, самое дѣятельное участіе въ описываемомъ литературномъ обществѣ. Дельвигъ, при вялой натурѣ, началъ поздно и неохотно учиться, а потому умственное развитіе его шло медленно. До поступленія въ лицей онъ воспитывался дома подъ руководствомъ гувернеровъ; по первому скоро отказали, потому что мальчикъ не хотѣлъ у него учиться, а принуждать опасались, по слабости его здоровья; со вторымъ же онъ занимался охотнѣе, и болѣе всего миѳологіею. Книгу о ней онъ не выпускалъ изъ рукъ, и отправляясь въ лицей, отдалъ на сохраненіе матери. Дѣйствительно вліяніе греческой миѳологіи обозначилось съ самыхъ первыхъ произведеній Дельвига, и не прекращалось въ теченіе всей его кратковременной дѣятельности: миѳологическія личности являются не только почти въ каждомъ изъ его ученическихъ стихотвореній, но даже въ письмахъ къ роднымъ, и въ шуточныхъ стихотвореніяхъ. Ученическіе опыты Дельвига свидѣтельствуютъ о насильственномъ процессѣ его мышленія и воображенія. Предметы, которые избиралъ онъ, не представлялись ему сами, вызывая въ немъ потребность высказаться; онъ выискивалъ ихъ, стараясь настроить себя на поэтическій, и, конечно, всегда фальшивый тонъ. Въ сообщенныхъ намъ бумагахъ находимъ описанія разрушенія міра, грозы на Альпахъ, которые Дельвигъ могъ видѣть только на географическихъ картахъ, и нѣсколько отрывковъ въ томъ же ужасномъ родѣ. Изъ нихъ нѣкоторое отношеніе къ окружавшей поэта дѣйствительности по выбору предмета, имѣетъ только описаніе зимы, но и тутъ не обошлось безъ музы, борея, зефировъ и перуновъ. Кипу ученическихъ стихотвореній Дельвига 1812 и 1813 гг. довершаютъ нескладная и длинная пѣснь барда о *Всеславѣ* и баллада *Полякъ*, написанная подъ вліяніемъ пользовавшихся тогда величайшимъ успѣхомъ сладенькихъ балладъ Жуковскаго. Пустота и нелѣпость выбора первыхъ произведеній Дельвига объясняется бѣдностью умственныхъ его представленій, отчасти вслѣдствіе недостатка въ основательномъ чтеніи, на которое, какъ и на всякое другое серьезное занятіе, онъ былъ лѣнивъ. Считая лѣность своимъ призваніемъ, онъ выставлялъ ее и рисовался ею въ своихъ стихотвореніяхъ, которыя въ этомъ отношеніи вполнѣ субъективны. Лѣность и безпечность считались тогда необходимою принадлежностью поэта, и Дельвигъ заплатилъ обильную дань этой литературной модѣ, которой вполнѣ соотвѣтствовала его апатическая натура. По примѣру Батюшкова, написавшаго *Похвальное слово сну*, лицейскіе поэты наперерывъ воспѣвали лѣность:

Пушкинъ написалъ посланіе *Оправданная лѣнь*, которое не сохранилось, а Дельвигъ еще въ первые годы лицейской жизни, въ стихотвореніи *Бѣдный Д.*, воспѣлъ свою «святую лѣность», которая съ тѣхъ поръ вмѣстѣ съ страстью писать, отвлекавшею его и отъ уроковъ, и отъ веселья, не рѣдко давала поводъ къ шуткамъ и эпиграммамъ со стороны товарищей.

Къ числу ревностныхъ дѣятелей описываемаго общества принадлежалъ и Вильгельмъ Кюхельбекеръ... Знакомый съ германскою литературою, онъ старался распространить въ своемъ кружкѣ классическія ея произведенія и читалъ ихъ съ своими товарищами. Дельвига онъ познакомилъ съ антологическими стихотвореніями Гёльти и съ идиллиями Геснера, давшими болѣе опредѣленное настроеніе его музѣ, блуждавшей во мракѣ. Съ нимъ же читалъ онъ Клопштока; но чтеніе «Мессіады», требующее извѣстнаго настроенія, внѣ котораго она невыносима, шло вяло, потому что Дельвигъ, любивший только языческую миѳологію, былъ не охотникъ до мистической поэзіи, замѣчая, что «чѣмъ ближе къ небу, тѣмъ холоднѣе». Удивленіе Кюхельбекера Клопштоку дало поводъ къ довольно забавной каррикатурѣ, бойко нарисованной Илличевскимъ... Кюхельбекеръ началъ поздно учиться по русски, и хотя изучилъ этотъ языкъ къ совершенству, но въ выговорѣ навсегда сохранилъ признаки нѣмецкаго происхожденія. Русскіе стихи, при слабомъ знаніи языка, давались ему съ величайшимъ трудомъ до конца лицейскаго воспитанія. Пушкинъ, постоянно смѣявшійся надъ его безплодными усиліями, совѣтовалъ ему писать по нѣмецки, но Кюхельбекеръ возражалъ, что въ Германіи уже много поэтовъ, а въ Россіи такъ еще мало, что и онъ будетъ не лишнимъ. Изъ лицейскихъ стихотвореній Кюхельбекера уцѣлѣли весьма немногія. О его страсти къ стихотворству гораздо болѣе говорятъ эпиграммы, которыми осыпали его товарищи, въ особенности Пушкинъ и Илличевскій. Передъ нами цѣлая тетрадь стихотвореній, написанныхъ преимущественно на Кюхельбекера. Сборникъ этотъ: *Жертва Музѣ или Лицейская Антологія* переписанъ въ 1814 г. Пущинымъ. Большая часть этихъ стихотвореній принадлежитъ Пушкину, но они не имѣютъ никакого достоинства, и потому не приводимъ ихъ. Не только литературныя неудачи, но даже наружность бѣднаго метромана, худаго, высокаго и довольно неуклюжаго, навлекали на него эпиграммы. Вотъ одна изъ нихъ, написанная Илличевскимъ:

ОПРОВЕРЖЕНІЕ.

Нѣтъ, полно, мудрецы, обманывать васъ свѣтъ
И утверждать свое, что совершенства нѣтъ

На свѣтѣ въ твари тлѣнной.
Явися, Вилинька, и докажи собой,
Что ты и тѣломъ, и душой
Уродъ пресовершенный.

Эпиграмма эта напечатана въ «Вѣстникѣ Европы» 1814 г. (ч. 1, XXVIII ноябрь, № 22, стр. 103) подъ псевдонимомъ *ійшій*, совершенно передѣланная, и уже безъ имени Кюхельбекера:

Клитъ смѣетъ утверждать въ народѣ,
Что совершенства нѣтъ въ природѣ.
Вступись за честь свою, Геродъ!
Явись и докажи собою,
Что ты и тѣломъ, и душою
Пресовершеннѣйшій уродъ!

Изъ помѣщенныхъ въ сборникѣ эпиграммъ написаны на Кюхельбекера: *Надпись на конную статую пушкаря В. фонъ-Рекеблихера, Пѣвецъ, Жалкій человѣкъ, Вопросъ, О Донъ-Кихотѣ, На случай когда Вилл на балѣ растерялъ свои башмаки, Виля Геркулесу, Хата поэта*, и нѣкоторыя другія съ намеками не вполнѣ понятными. Относительно лучшая изъ нихъ слѣдующая, написанная Пушкинымъ:

НЕСЧАСТІЕ КЛИТА.

Внукъ Тредьяковскаго Клитъ гекзаметромъ пѣсенки пишетъ,
Противу ямба, хорея злобой ужасною дышетъ;
Мѣра простая сія все портитъ по мнѣнію Клита,
Смыслъ затмѣваетъ стиховъ и жаръ охлаждаетъ пѣвца.
Споритъ о томъ и не смѣю; пусть онъ безвинныхъ повѣситъ,
Ямбъ охладилъ романса, гекзаметры жъ онъ заморозитъ.

Въ лицейскихъ бумагахъ мы нашли еще слѣдующее четверостишіе Пушкина:

Вотъ Виля — онъ любовью дышетъ;
Онъ пѣсни пишетъ зло;
Какъ Геркулесъ, сатиры пишетъ,
Влюбленъ, какъ Буало.

Объясненіе послѣдней строки находимъ въ четверостишіи Пушкина, напечатанномъ въ берлинскомъ изданіи его «Стихотвореній» (стр. 128):

Ты хочешь знать, моя драгая,
Какая разница межъ Буало и мной? и проч.

Даже за порогомъ лицея Пушкинъ употреблялъ фамилію Кюхельбекера для означенія скуки: въ одной изъ стихотворныхъ шутокъ, напечатанной въ берлинскомъ изданіи «Стихотвореній Пушкина» (стр. 168) и въ статьѣ г. Бартенева *Пушкинъ въ южной Россіи* («Русская Рѣчь» 1861, № 94; стр. 658), поэтъ сказалъ будто бы отъ имени Жуковскаго, котораго посѣщалъ Кюхельбекеръ:

За ужиномъ объѣлся я,
Да Яковъ заперъ дверь оплошно —
Такъ было мнѣ, мои друзья,
И кюхельбекерно, и тошно.

Вспыльчивый Кюхельбекеръ, обидѣвшійся эпиграммой, затѣялъ съ ея авторомъ ссору, о которой разсказываетъ Бартеневъ. «Кюхельбекерно мнѣ на чужой сторонѣ», писалъ Пушкинъ къ брату отъ 30 января 1823 года, изъ Кишинева. Эти выраженія были отголоскомъ воспоминаній о лицеѣ, гдѣ въ числѣ «національныхъ» пѣсенъ, о которыхъ уже упоминалось, распѣвалась и слѣдующая:

Ахъ! тошно мнѣ
На чужой сторонѣ!
Все не мило,
Все постыло,
Кюхельбекера тамъ нѣтъ! и проч.

Насмѣшки надъ Кюхельбекеромъ не ограничивались стихами и карикатурами, но нерѣдко переходили въ недостойныя шутки: такъ, напримѣръ, Дельвигъ, за обѣдомъ, вылилъ ему на голову тарелку супу. Кюхельбекеръ бывъ этимъ выведенъ изъ терпѣнья, выбѣжалъ изъ-за стола въ садъ и бросился въ прудъ, чтобъ утопиться. Начальство лицея, донося оффиціально объ этомъ случаѣ, объясняло его, въ свое оправданіе, припадкомъ умственнаго разстройства, и въ архивѣ лицея еще хранится дѣло «объ умопомѣшательствѣ Кюхельбекера» (№ 462, 1817 года). Происшествіе это, едва не кончившееся несчастьемъ, вызвало новыя насмѣшки: Илличевскій, въ журналѣ «Лицейскій Мудрецъ», описалъ этотъ случай въ письмѣ отъ морскаго корреспондента, и нарисовалъ карикатуру, въ которой тащутъ Кюхельбекера изъ воды, но не могутъ вытащить длинныхъ его ногъ; а Корсаковъ написалъ пародію на извѣстную оду Дельвига *къ Діону* («Сядемъ, любезный Діонъ»):

Сядемъ, любезный Нептунъ, подъ тѣнью зеленыя тины, и т. д.

Въ 1814 году произошли перемѣны въ лицеѣ: 23 марта скончался Малиновскій, а исправленіе должности директора было поручено Коншанскому; но «трезвый Аристархъ», какъ назвалъ его Пушкинъ, въ

нацѣ заболѣлъ бѣлою горячкою, и обязанности по управленію лицеемъ возложены были на конференцію. Члены ея, изъ которыхъ многіе жили въ Петербургѣ, не имѣли ни возможности, ни охоты, ни умѣнья исполнять эти обязанности, старались сваливать ихъ другъ на друга, перессорились между собою и привели заведеніе въ крайнее разстройство. Поэтому, въ сентябрѣ того же года, министръ назначилъ къ исправленію должности директора лицея Гауеншильда, который, сверхъ обязанностей преподавателя, состоялъ директоромъ открытаго въ январѣ того же года благороднаго лицейскаго пансіона. Порученіе одному лицу, и при томъ неспособному, управленія двумя заведеніями повлекло безпорядки въ обоихъ, и «по необходимой надобности имѣть безпрерывный надзоръ въ пансіонѣ», Гауеншильдъ 11 января 1816 г. уволенъ отъ исправленія должности директора лицея, которое было поручено отставному подполковнику С. С. Фролову, опредѣленному въ лицей не задолго передъ тѣмъ, по мощному слову Аракчеева, надзирателемъ по учебной и нравственной части... Черезъ двѣ недѣли послѣ своего назначенія, Фроловъ былъ освобожденъ отъ обязанностей директора, а въ началѣ 1817 г. совершенно уволенъ изъ лицея. Фроловъ и его дѣйствія изображены въ сочиненной общими силами «національной» пѣснѣ, которую распѣвали хоромъ, не стѣсняясь ничьимъ присутствіемъ:

Ты былъ директоромъ лицея,
Хвала, хвала тебѣ, Фроловъ.
(*Повторяется послѣ каждаго стиха*).

Приводимъ изъ этой характеристической пѣсни лишь нѣсколько отрывковъ, касающихся не личности Фролова, а сдѣланныхъ имъ нововведеній, обрисовывающихъ тогдашній лицейскій бытъ:

Ребята напилися ромомъ,
За то Ѳому прогнали съ громомъ (*).

(*) Объ этомъ разсказываетъ Пущинъ въ своихъ «Запискахъ» (стр. 13—18). Замѣтимъ, что приведенные имъ стихи:

Мы недавно отъ печали
Пущинъ, Пушкинъ, я, баронъ (Дельвигъ),
По бокалу осушали,
И Ѳому прогнали вонъ,

сочинены Пушкинымъ въ подражаніе не Дмитріеву, какъ говоритъ Пущинъ, и повторяетъ П. А. Ефремовъ въ «Библіографическихъ запискахъ» 1861 г. (№ 19, стр. 587), а стихотворенію Д. Давыдова *Мудрость*:

Мы недавно отъ печали,
Лиза, я, да Купидонъ
По бокалу осушали
И прогнали мудрость вонъ.

Давно ты ставишь на колѣни,
Отъ графа (1) слушаешь ты пѣни...
По поведенью мы хлебаемъ (2),
А все молитву просыпаемъ.
Ты первый вѣлъ звонка тревогу,
И въ три ряда поѣлъ насъ (3)
На верхъ пускалъ насъ по билетамъ (4),
Цензуру учредилъ газетамъ,
Швейцара ссорилъ съ юнкерами (5):
Насъ познакомилъ съ чубуками,
Очистилъ мѣсто Константину (6);

(1) Разумовскаго.

(2) Фроловъ разсадилъ воспитанниковъ за столомъ по поведенію, вслѣдствіе чего говорили:

Блаженъ мужъ, иже
Сидитъ къ нашѣ ближе.

Въ одной изъ отброшенныхъ строфъ стихотворенія *19 октября 1825 г.* (т. I, стр. 329) Пушкинъ вспоминаетъ объ этомъ порядкѣ:

Салютуя, какъ вы садились тамъ,
Когда мѣста, въ тѣни святаго крова,
Отличіе предписывало намъ.

Спартанскою душой плѣвая насъ,
Воспитанный суровою Минервой,
Пускай опять Вольховскій будетъ первый,
Послѣднимъ я, иль Брогльо, иль Данзасъ...
Но многіе не явятся межъ нами...

Пускай, друзья, пустѣетъ мѣсто ихъ:
Они придутъ, конечно; надъ водами,
Иль на холмѣ, подъ сѣнью липъ густыхъ,
Они творятъ тожительный урокъ,
Или романъ украдкой пожираютъ,
Или стихи влюбленные слагаютъ,
Забывъ, межъ тѣмъ, полудневный звонокъ.

(3) За молитвою стояли прежде въ разсыпную, а Фроловъ уставилъ воспитанниковъ въ ряды.

(4) То есть въ одиночныя комнаты, куда воспитанники прежде ходили, ни у кого не спрашиваясь.

(5) Дабъ-гусарами, которыхъ запретилъ пускать въ лицей.

(6) Сазонову, котораго опредѣлилъ дядькой, и который, въ два года бытности въ лицеѣ, совершилъ нѣсколько убійствъ. Обстоятельство это дало поводъ къ сочиненію шуточной поэмы *Сазоніада*, а Пушкинъ написалъ по этому случаю эпиграмму, въ которой досталось и лицейскому доктору Пешелю, добродушнѣйшему нѣмцу, менѣе всего заботившемуся о медицинѣ. Она неправильно на-

Леонтья чуть не вытолкалъ въ спину (1).
Отъ насъ не спишь за банкомъ ночи,
Съ людьми изъ всей вселенной мочи...
Французскимъ забросалъ Вальмяя (2);
Эмилiей зовешь Эмиля (3)...
Министръ поздненько спохватился,
Фролова листъ оборотился...

Неурядица въ управленiи лицеемъ продолжалась до назначенiя директоромъ Энгельгардта, 27 января 1816 г. По поводу этихъ безпрестанныхъ перемѣнъ, Пушкинъ написалъ басню о душѣ, которая вслѣдствiе излишняго усердiя заботившихся о ней, пошла по рукамъ всѣхъ чертей...

Происшествiя этихъ двухъ лѣтъ Пушкинъ намѣренъ былъ описать довольно подробно, какъ видно изъ программы записокъ его, напечатанной г. Анненковымъ въ biографiи поэта (стр. 20): «1814 г. Смерть Малиновскаго. *Безначалiе.* Пріѣздъ Карамзина. Пріѣздъ матери, пріѣздъ отца, стихи etc. Мое тщеславiе. 15 лѣтъ... Извѣстiе о взятiи Парижа»...

Въ этотъ промежутокъ времени литературная дѣятельность лицейскаго кружка получила большiй просторъ: журналы, имѣя цѣлью только препровожденiе времени и забаву, не были полнымъ выраженiемъ литературной дѣятельности описываемаго общества, и въ особенности Пушкина, который, съ самаго начала курса, уже сознательно понималъ свое призванiе. Въ 1814 году явились въ печати стихотворенiя Пушкина, Дельвига, Илличевскаго и Яковлева. Патрiотическое настроенiе, возбужденное въ литературѣ тогдашними событiями, выразившееся въ стихотвореniяхъ Карамзина, Жуковскаго и многихъ другихъ писателей, отразилось и въ лицеѣ. Воспитанники

печатана въ обоихъ послѣднихъ изданiяхъ поэта (изд. 1859 г. т. I, стр. 569), и потому приводимъ ее съ рукописи:

Заутра съ свѣчкой грошевою
Явлюсь предъ образомъ святымъ.
Мой другъ! остался я живымъ,
Но былъ ужь смерти подъ косою:
Сазоновъ былъ моимъ слугою,
А Пешель лекаремъ моимъ!

Мы дѣлаемъ ссылки на послѣднее изданiе (В. А. Иванова), какъ болѣе полное и правильное.

(1) Леонтiй Кемерскiй, любимый дядька воспитанниковъ, порядочный плутъ, снабжавшiй ихъ лакомствами.

(2) *Учитель фехтованiя.*

(3) Фроловъ воображалъ, что Эмиль, герой романа Руссо, — женщина.

его, съ самаго начала войны 1812 года, съ волненіемъ слѣдили за всѣми ея случайностями, жадно перечитывали каждую реляцію, и проливали горячія слезы при вѣсти о Бородинской битвѣ, выданной тогда за побѣду, но въ которой они инстинктивно видѣли другое... Стихъ Пушкина:

Вы помните: текла за ратью рать,

не былъ поэтическою прикрасою: весною и лѣтомъ 1812 года почти ежедневно шли черезъ Царское Село войска, между которыми особенно поражалъ видъ ополченцевъ съ крестами на шапкахъ и иррегулярныхъ казачьихъ полковъ съ бородами. Юноши прощались съ отправлявшимися на войну, дѣйствительно «Завидуя тому», кто умираетъ имѣя мимо ихъ.

Подъ осень стали ихъ самихъ собирать въ походъ. Предполагалось, въ опасеніи непріятельскаго нашествія на Петербургъ, перевезти лицей куда-то дальше на сѣверъ, кажется, въ Архангельскую губ. или въ Петрозаводскъ. Явился портной Малѣгинъ примѣрять имъ китайчатые тулупы на овечьемъ мѣху; но побѣды Витгенштейна скоро возвратили воинственную молодежь къ форменнымъ шинелямъ, и походъ, къ сожалѣнію патріотовъ, не состоялся. Успѣхи русскаго оружія, прославленіемъ которыхъ занималась почти вся тогдашняя наша литература, дали толчокъ и лицейской музѣ, которая, разумѣется, ничего не выиграла отъ этого неестественнаго возбужденія. До насъ дошли двѣ оды на взятіе Парижа, сочиненныя Илличевскимъ и Дельвигомъ. Первая изъ нихъ, написанная по рецепту Ломоносовскихъ и Державинскихъ одъ и сохранившаяся въ рукописи съ замѣчаніями и поправками Кошанскаго, весьма, однакожъ, умѣренными, можетъ быть, и не дурна въ своемъ родѣ, но только родъ самъ по себѣ невыносимъ. Вторая, написанная бѣлыми стихами и весьма слабая, напечатана въ іюньской книжкѣ «Вѣстника Европы» 1814 г. (ч. LXXV, № 12, стр. 272), съ подписью *Русскій*. Въ слѣдующей, іюльской, книжкѣ (ч. LXXVI, № 13, стр. 9) напечатано стихотвореніе Пушкина *Къ другу стихотворцу*, съ подписью *Александръ Н. к. ш. л.* Оба стихотворенія были посланы редактору «Вѣстника Европы», В. Измайлову, одновременно, и первое изъ нихъ, какъ патріотическое и имѣвшее современный интересъ, было немедленно напечатано. Такимъ образомъ Дельвигъ раньше всѣхъ своихъ товарищей явился въ печати. Въ изданномъ въ 1861 г. «Указателѣ» къ «Вѣстнику Европы» стихотвореніе это не указано, такъ же какъ и прочія стихотворенія Дельвига, печатавшіяся въ томъ журналѣ съ подписью — *Д* —. Замѣтимъ также, что М. И. Семевскій, въ первой статьѣ объ А. Бестужевѣ, въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1860 г., ошибочно считаетъ

(стр. 134) началомъ печатной дѣятельности Дельвига его *Прощальную пѣснь*, напечатанную въ «Сынѣ Отечества» 1817 г., замѣчая (тамъ же, стр. 139), что первыя сочиненія Кюхельбекера «явились въ печати не ранѣе 1819 года». Стихотворенія Дельвига, такъ же какъ и лицейскія стихотворенія Пушкина, Илличевскаго и Яковлева, печатавшіяся съ 1814 г. въ разныхъ журналахъ, указаны въ «Современникѣ» 1853 г. (№ 2, критика, стр. 73—78) и «Отечественныхъ Запискахъ» 1853 г. (№ 6, смѣсь, стр. 138), и потому не перечисляемъ ихъ. Первыя же стихотворенія Кюхельбекера, *Мертвый къ живому* и *Пѣснь Лапландца*, напечатаны съ подписью *Вильгельмъ* въ «Аѳинѣ», ежемѣсячномъ изданіи Мерзлякова на 1815 г. (кн. 9). Въ «Невскомъ Зрителѣ» 1820 г. явились еще два лицейскихъ стихотворенія Кюхельбекера, написанныхъ въ 1816 г.: *Кофе* (ч. I, февраль, стр. 91) и *Зима* (ч. I, мартъ, стр. 60), оба съ подписью *Вильгельмъ Кюхельбекеръ*.

Появленіе въ печати, уронившее лицейскіе журналы и открывшее для нихъ сотрудниковъ болѣе широкое поприще, было первымъ шагомъ отъ дѣтскихъ опытовъ и литературныхъ забавъ къ серьезной поэтической дѣятельности.

II.

АВТОБІОГРАФИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНІЕ СТИХОТВОРЕНІЙ ПУШКИНА. — ЕГО ПЕРВЫЕ НЕИЗДАННЫЕ ОПЫТЫ. — ПОДРАЖАНІЯ ОССІАНУ И ВОЛЬТЕРУ. — ПОДРАЖАНІЯ ПАРНИ И ДРУГИМЪ ФРАНЦУЗСКИМЪ ПОЭТАМЪ.

Развитіе Пушкина и вліянія, которымъ онъ подчинялся, можно опредѣлить по его произведеніямъ, составляющимъ полную автобіографію. Бѣлинскій справедливо замѣтилъ («Сочиненія» его, ч. 8, стр. 308), что «Пушкинъ отъ всѣхъ предшествовавшихъ ему поэтовъ отличается именно тѣмъ, что по его произведеніямъ можно слѣдить за постепеннымъ развитіемъ его не только какъ поэта, но вообще съ тѣмъ, какъ человѣка и характера». Стихотворенія его тѣсно связаны съ обстоятельствами его жизни, находятся въ непосредственной отъ нихъ зависимости и объясняются ими. Потому, для болѣе яснаго уразумѣнія этой связи, мы будемъ одновременно говорить о тѣхъ и другихъ, не касаясь, однакожь, общаго значенія произведеній Пушкина и всего его поэзіи. Задача эта, не входящая въ предметъ настоящей статьи, съ рѣдкимъ талантомъ выполнена Бѣлинскимъ, за которымъ, хотя съ появленія статей его прошло 18 лѣтъ, все еще остается, и вѣроятно, долго еще останется послѣднее слово. Поэтому обращаемся прямо къ частностямъ и подробностямъ.

которыя, по недостатку въ то время біографическихъ данныхъ, не могли быть тронуты геніальнымъ критикомъ.

При всей жизненности и действительности, которыми поэзія Пушкина почти съ первыхъ же звуковъ отличалась отъ поэзіи его предшественниковъ, онъ началъ сочинять на чужомъ языкѣ и съ чужаго голоса. Французское воспитаніе, полученное имъ въ отцовскомъ домѣ, было причиною, что первые стихотворные опыты Пушкина, упоминаемые П. В. Анненковымъ въ біографіи поэта (стр. 13), писаны на французскомъ языкѣ, которымъ онъ владѣлъ, при поступленіи въ лицей, лучше чѣмъ русскимъ. Въ лицеѣ, гдѣ всѣ имѣли свои прозвища, товарищи прозвали Пушкина *французомъ*, названіе, которое, кромѣ насмѣшки, при патріотическомъ настроеніи въ эпоху нашествія французовъ, имѣло еще укорительное значеніе. Это воспитаніе и недостатокъ терпѣнія, чтобы преодолѣть первыя трудности русской версификаціи, вѣроятно, были причиною, что Пушкинъ писалъ по русски преимущественно прозою до 1814 года, и уже съ этого времени почти исключительно отдался поэзіи. Изъ произаическихъ его опытовъ почти ничего не уцѣлѣло кромѣ небольшаго отрывка изъ записокъ, напечатаннаго г. Анненковымъ въ біографіи поэта (стр. 22—27). Но, по разсказамъ товарищей его, онъ, въ первые два года лицейской жизни, написалъ романъ въ прозѣ: *Цыганъ* и вмѣстѣ съ М. Л. Яковлевымъ комедію: *Такъ водится въ свѣтѣ*, предназначавшуюся для домашняго театра. Послѣ этихъ опытовъ, онъ началъ комедію въ стихахъ: *Философъ*, о которой упоминаетъ въ запискахъ, напечатанныхъ въ его біографіи г. Анненковымъ (стр. 23); но сочинивъ только два дѣйствія, охладѣлъ къ своему труду и уничтожилъ написанное. Въ то же время онъ сочинилъ, въ подражаніе Баркову, поэму *Монахъ*, которую также уничтожилъ, по совѣту одного изъ своихъ товарищей. Увлеченный успѣхомъ талантливаго и остроумнаго произведенія дяди, В. Л. Пушкина, *Опасный Сосѣдъ*, которое ходило тогда въ рукописи и съ жадностію читалось и перечитывалось, племянникъ пустился въ тотъ же родъ, и кромѣ упомянутой поэмы написалъ: *Тѣнь Баркова*, балладу, извѣстную по нѣсколькимъ спискамъ. Послѣднюю онъ выдавалъ сначала за сочиненіе князя Вяземскаго, но увидѣвъ, что она пользуется большимъ успѣхомъ, признался, что написалъ ее самъ. Это стихотвореніе, неудобное вполнѣ для печати, представляетъ мѣстами пародію на балладу Жуковскаго *Громобой*. Оно начинается описаніемъ, какъ

Однажды, зимнимъ вечеркомъ
сошлись
Поэтъ, корнетъ уланскій,
Московскій модный молодецъ,

Подъячій изъ сената,
Да третьей гильдіи купецъ,
Да пьяныхъ два солдата.

Герою баллады, котораго Пушкинъ сравниваетъ съ поэтомъ Хвостовымъ, «обиженнымъ природой»,

Явилась тѣнь, идетъ къ нему
Дрожащими стопами,
Сіяя сквозь ночную тьму
Огнистыми очами.

6.

«Что сдѣлалось съ дѣтиной тутъ?»
Вѣщало привидѣнье.
. . . . . .

7.

И страхомъ пораженный....,
Не могъ сказать ни слова,
Свалился на полъ, будто снопъ,
Къ портнщамъ онъ Баркова.
. . . . . .

8.

«Ты видишь, продолжалъ Барковъ:—
Я вмигъ тебя избавилъ,
Но слушай: изо всѣхъ пѣвцовъ
Никто меня не славилъ:
Никто! такъ . . . . . !
Хвалы мнѣ ихъ не нужны.
Лишь отъ тебя услуги жду —
Пиши въ часы досужны!
Возьми задорный мой гудокъ,
Играй, какъ ни попало!
Вотъ звонки струны, вотъ смычокъ,
Ума въ тебѣ не мало.

9.

Не пой лишь такъ, какъ пѣлъ Бобровъ,
Ни Шелехова тономъ,

Шихматовъ, Палицынъ, Хвостовъ,
Прокляты Аполлономъ.
И что за нужда подражать
Безсмысленнымъ поэтамъ?
Послѣдуй ты, ...
Моимъ благимъ совѣтамъ!
И будешь изъ пѣвцовъ пѣвецъ,
Клянусь . . . . . !
Ни чортъ, ни . . . . . ,
Не задремлютъ надъ тобою».

10.

— Барковъ! доволенъ будешь мной! —
Провозгласилъ дѣтина.
И вмигъ исчезъ призракъ ночной,
. . . . . .

Впослѣдствіи, когда герой баллады попался въ бѣду, предъ нимъ снова

Баркова призракъ вдругъ предсталъ,

освободилъ его изъ-подъ стражи и сказалъ на прощанье:

«Поди! (отверста дверь была),
Тебѣ не помѣшаютъ!
Но знай, что добрыя дѣла
. . . . . награждаютъ:
Усердно ты воспѣлъ меня,
И вотъ за то награда!» —
Сказалъ, исчезъ,—и здѣсь, друзья,
Кончается баллада.

Это Пироновское направленіе, которому отдали дань почти всѣ замѣчательные поэты, и которымъ увлекся 14-ти-лѣтній Пушкинъ, дало поводъ сказать о немъ въ одной изъ «національныхъ пѣсенъ»:

А нашъ французъ
Свой хвалитъ вкусъ,
И м.....ну поретъ.

Всѣ эти пять произведеній, по отзывамъ товарищей поэта, сочинены въ 1812, 1813 и не позже 1814 года, прежде упоминаемой въ его запискахъ и разсказанной г. Анненковымъ въ его біографіи (стр. 23 и 24) восточной сказки *Фатима или разумъ человѣческій*, также

не уцѣлѣвшей. Содержаніе ея мы слышали съ нѣкоторыми подробностями: супруги просили у судьбы сына самаго разумнаго, какихъ еще не бывало; но какъ въ природѣ все развивается въ ту или другую сторону, то имъ обѣщано, что сынъ ихъ родится необыкновенно умнымъ, съ лѣтами же постоянно будетъ терять способности и, наконецъ, обратится въ дѣтство. Дѣйствительно, родившись, онъ былъ чрезвычайно ученъ, говорилъ по латыни, и едва выглянулъ на свѣтъ, спросилъ:—ubi sum? и т. д.

Первыя стихотворныя попытки Пушкина доказываютъ, что онъ не безъ труда овладѣлъ русскими оборотами и версификаціей. Мы имѣли черновое стихотвореніе его *Къ Делiи*, отнесенное издателями къ стихотвореніямъ неизвѣстныхъ годовъ (т. I, стр. 546), но которое есть одинъ изъ его первыхъ опытовъ, писанныхъ въ 1812 г. Принадлежность его Пушкину не безъ нѣкотораго основанія заподозрѣна г. Анненковымъ (т. II его изданія, стр. 227), тѣмъ болѣе, что оно напечатано во всѣхъ изданіяхъ съ пропускомъ двухъ стиховъ первой строфы и искаженіемъ смысла. Поэтъ, какъ доказываетъ его рукопись, написалъ окончательно только первую строфу, но не могъ сладить съ двумя другими, и оставилъ стихотвореніе недоконченнымъ. Илличевскій, какъ разсказываютъ очевидцы, товарищи обоихъ поэтовъ, поднялъ брошенный Пушкинымъ листокъ и дописалъ стихотвореніе. Представляемъ его съ рукописи Илличевскаго, обозначая курсивомъ принадлежащія ему выраженія:

ПѢСНЯ.

О, Делія драгая!
Спѣши, моя краса!
Звѣзда любви златая
Взошла на небеса,
Безмолвно мѣсяцъ покатился;
Спѣши, твой Аргусъ удалился,
И *тронулъ сонъ* его глаза.
Подъ сѣнью потаенной
Дубравной тишины,
Гдѣ токъ *увивенный*
Серебристыя волны
Журчитъ съ унылой Филомелой,
Готовъ пріютъ любви веселой
И блескомъ освѣщенъ луны.
Накинутъ *ночи тѣни*
Покровы нашъ свои,

И дремлютъ рощей сѣни,
И быстро часъ любви (*).
Летитъ — *я весь горю желаньемъ;*
Спѣши, о Делія, свиданьемъ,
Пади въ объятія мои!

Первый куплетъ этой пѣсни часто распѣвался въ лицеѣ на два голоса съ гитарой, на музыку, сочиненную Корсаковымъ.

Къ тому же времени, т. е. къ 1812 году, относится стихотвореніе: *Измѣны* (т. I, стр. 56), помѣщенное въ числѣ произведеній 1815 г. Конецъ его, названный *Посланіемъ къ С. Г. Ч.* (Чирикову), мы имѣли переписанный рукою Иконникова, который съ 1812 года уже былъ уволенъ изъ лицея. Кромѣ того совершенно дѣтская форма этого стихотворенія доказываетъ, какъ уже замѣтилъ г. Анненковъ (т. II, стр. 91), что оно принадлежитъ къ самымъ первымъ опытамъ Пушкина. Оно относится къ пріѣзжавшей въ лицей графинѣ Н. В. Кочубей, бывшей впослѣдствіи, но уже гораздо позже, за графомъ А. Г. Строгоновымъ. Она же, какъ говорилъ Пушкинъ П. А. Плетневу, описана въ стихахъ 8-й главы *Евгенія Онѣгина*:

Къ хозяйкѣ дама приближалась,
За нею важный генералъ, *и т. д.*

которые А. П. Кернъ (по второму мужу Виноградская) въ *Воспоминаніяхъ о Пушкинѣ* («Библіотека для Чтенія», 1859 г. № 4, стр. 113) напрасно приняла на свой счетъ.

И такъ, если нельзя съ точностію опредѣлить, какое именно первое русское стихотвореніе написано Пушкинымъ, то можно навѣрно сказать, что не посланіе *Къ сестрѣ*, помѣщенное первымъ въ двухъ позднѣйшихъ изданіяхъ его «Сочиненій». Еще менѣе основаній считать самымъ раннимъ изъ всѣхъ извѣстныхъ стихотвореній Пушкина напечатанное «въ Свѣточѣ» 1861 г. (№ 3): «Воспитанница Музъ, прелестна Катерина», написанное въ С. Петербургѣ 10 мая 1813 г. Въ это время нашъ поэтъ былъ въ Царскомъ Селѣ; стихотвореніе же дѣйствительно принадлежитъ, какъ предполагаютъ «Библіографиче-

(*) Эти стихи напоминаютъ слѣдующіе изъ посланій Жуковскаго къ Батюшкову въ 1810 г.

Летитъ ли вѣтеранъ
Отъ *дремлющія* рощи,
Или *покровомъ* нощи
Одѣянный *потокъ*
Въ водахъ являетъ *тѣни*
Недвижныхъ береговъ
И тихихъ рощей сѣни,
И темный рядъ холмовъ.

скія Записки» 1861 г. (№ 9, стр. 277), Алексѣю Пушкину, и вѣроятно, относится къ знаменитой Екатеринѣ Семеновой.

Кромѣ дѣтскихъ опытовъ, писанныхъ съ чужаго голоса, и потому не имѣющихъ непосредственной связи съ дѣйствительностью, весьма значительная часть лицейскихъ стихотвореній Пушкина, не только русскихъ, но и французскихъ, имѣетъ автобіографическое значеніе. Мы находимъ его въ первомъ же изъ напечатанныхъ стихотвореній Пушкина, посланіи *Къ сестрѣ*, которое вмѣстѣ съ тѣмъ есть подражаніе посланію Батюшкова къ Жуковскому и Вяземскому *Мои Пенаты* и отчасти посланію Жуковскаго *Батюшкову*. Въ стихотвореніи Пушкина, сквозь поэтическій вымыселъ и украшенія, безъ которыхъ въ то время истина не допускалась въ искусствѣ, видна живая дѣйствительность. Посланіе это, судя по его началу, есть отвѣтъ на письмо сестры:

Ты хочешь, другъ безцѣнный,
Чтобъ я, поэтъ младой,
Бесѣдовалъ съ тобой,
И съ лирою забвенной,
Мечтами окрыленной,
Оставилъ монастырь
И край уединенный...

Подъ выраженіями «монастырь» и «край уединенный» не трудно угадать лицей и Царское Село, бывшее тогда относительно уединеннымъ мѣстомъ. Подражаніе Батюшкову обнаруживается не только по размѣру и характеру, но даже по выраженіямъ съ первыхъ же строкъ стихотворенія, какъ видно изъ сравненія съ слѣдующимъ отрывкомъ изъ «Моихъ Пенатовъ»:

Доступенъ добрый геній
Домамъ святой,
И часто въ мирной сѣни
Бесѣдуетъ со мной
Небесно вдохновенье,
Порывъ *крылатыхъ* думъ!

Въ своемъ посланіи Пушкинъ, уже называющій себя поэтомъ, предлагаетъ сестрѣ: «пукъ стиховъ», и потому даже по этой причинѣ нельзя считать это стихотвореніе самымъ раннимъ:

Несу тебѣ не злато
— Червецъ я не богатый —
Въ подарокъ,—пукъ стиховъ.

Послѣдній стихъ взятъ у Жуковскаго изъ его посланія къ Батюшкову, которое уже упомянуто нами по поводу пѣсни «Къ Делiи»:

А милому собрату
Въ подарокъ пукъ стиховъ.

Въ стихотвореніи Пушкина находимъ, какъ автобіографическую подробность, описаніе лицейской комнаты:

Стулъ ветхій, необитый,
И шаткая постель,
Сосудъ, водой налитый,
Соломенна свирѣль —
Вотъ все, что предъ собою
Я вижу пробужденъ.
Фантазія, тобою
Одной я награжденъ!

Здѣсь еще замѣтнѣе подражаніе слѣдующимъ стихамъ Батюшкова:

Въ сей хижинѣ убогой
Стоитъ передъ окномъ
Столъ ветхій и треногій
Съ *изорваннымъ* сукномъ...
Здѣсь книги выписныя,
Тамъ *жесткая постель*—
Все утвари простыя,
Все рухлая скудель!..
Богинею слѣпою
Забытъ я отъ пеленъ;
Но дружбой и *тобою*
Съ избыткомъ *награжденъ*.

Описаніе подобной же обстановки и въ такой же формѣ находимъ и у Василія Пушкина въ его посланіи къ *Д. В. Дашкову*:

Могу и я сказать,
Что я живу поэтомъ:
Рублевая кровать,
Два стула, столъ дубовый
Чернилица, перо —
Вотъ все мое добро!..
А я, *забытый* въ мірѣ,
Пою теперь на лирѣ
Блаженство прежнихъ дней
И дружбою твоей
Живу и утѣшаюсь!

Заключимъ сравненіе слѣдующимъ концомъ посланія «Къ сестрѣ», пропущеннымъ въ обоихъ изданіяхъ и напечатаннымъ въ «Библіографическихъ Запискахъ» 1858 г. (№ 10, стр. 309):

Спѣша на новоселье,
Оставлю темну келью,
Поля, сады свои;
Подъ столъ клобукъ съ веригой,
И прилечу разстригой
Въ объятія твои.

Стихи эти напоминаютъ начало того же посланія Батюшкова:

Отечески пенаты,
О, пѣстуны мои!
Вы златомъ не богаты,
Но любите *свои*
Норы и *темны кельи*,
Гдѣ васъ *на новосельи*
Смиренно здѣсь и тамъ
Разставилъ по угламъ;

а также слѣдующія строки:

Покойся, другъ прелестный,
Въ объятіяхъ моихъ!

Слѣдующее стихотвореніе *Къ другу стихотворцу* (т. I, стр. 5) было первымъ произведеніемъ Пушкина, явившимся въ печати. Весьма вѣроятно, что это и другія первыя стихотворенія Пушкина отдавались въ журналы безъ его вѣдома и согласія, судя по слѣдующимъ стихамъ его посланія *Къ Дельвигу* (т. I, стр. 52):

Предатели-друзья
Невинное творенье
Украдкой въ городъ шлютъ,
И плодъ уединенья
Тисненью предаютъ.

Посланіе «Къ другу стихотворцу», искаженное въ обоихъ послѣднихъ изданіяхъ «Сочиненій Пушкина» и возстановленное въ «Библіографическихъ Запискахъ» Е. И. Якушкинымъ (1858 г. № 10, стр. 309) и П. А. Ефремовымъ (1861 г. № 9, стр. 272), представляетъ подражаніе двумъ посланіямъ В. Пушкина *Къ В. А. Жуковскому* и *Къ князю П. А. Вяземскому*. Въ первомъ изъ нихъ также говорится объ Аристѣ, къ которому обращается и А. Пушкинъ. Кромѣ этого

сближенія, не только содержаніе и форма посланій дяди и племянника имѣютъ много общаго, но сходство это замѣтно даже въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ и риѳмахъ.

У В. Пушкина читаемъ:

Горацій, Ювеналъ, Саллюстій, Ѳукидидъ
Знакомы стали намъ, и къ вѣчной славѣ Россовъ,
Во хладномъ сѣверѣ родился Ломоносовъ!
На лирѣ золотой Державинъ возгремѣлъ,
Безсмертную въ стихахъ безсмертныхъ онъ воспѣлъ.

У А. Пушкина:

Межъ тѣмъ, какъ Дмитріевъ, *Державинъ, Ломоносовъ,*
Пѣвцы безсмертные, и честь, *и слава Россовъ,*
Питаютъ здравый умъ, и вмѣстѣ учатъ насъ,
Сколь много гибнетъ книгъ, на свѣтъ едва родясь.

Со вторымъ посланіемъ В. Пушкина посланіе нашего поэта имѣетъ такое же сходство въ пріемахъ и главной мысли, высказанной дядею въ строкахъ:

Пусть льются тамъ стихи нелѣпые рѣкой,
Нѣтъ нужды, мнѣ всего любезнѣе покой,

и оканчивающей посланіе племянника

Быть славнымъ хорошо, спокойнымъ — лучше вдвое.

Посланіе Пушкина напоминаетъ также извѣстное посланіе Батюшкова *И. М. Муравьеву-Апостолу.* Хотя это трудно доказать сравнительными выписками, но въ духѣ и даже формѣ обоихъ произведеній видна нѣкоторая родственность между ними. Посланію Батюшкова приписывали даже позднѣйшее вліяніе на Пушкина, и «Славянинъ» 1830 г. (ч. 14) не безъ основанія находитъ его въ знаменитомъ стихотвореніи Пушкина *Къ Вельможѣ* (князю Н. Б. Юсупову) 1830 г. Въ посланіи «Къ другу стихотворцу», 15-ти лѣтній поэтъ смѣется надъ рутинными пріемами стихотворства, и, въ убѣжденіи, что поэзія заключается не въ однихъ стихахъ, угрожаетъ другу судьбою гніющихъ у Глазунова твореній Рифматова, Графова и Бибруса, т. е. Шихматова, Хвостова и Боброва. Мысль о лавкѣ Глазунова, заваленной произведеніями князя С. Шихматова и графа Хвостова, заимствована Пушкинымъ изъ ходившей тогда въ рукописи пародіи Батюш-

кова на «Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ», напечатанной М. Н. Лонгиновымъ въ «Современникѣ» 1856 г. (т. LVII, смѣсь стр. 10):

Друзья! большой бокалъ отцовъ
За лавку Глазунова!
Тамъ царство вѣчное стиховъ
Шихматова лихаго.

Кстати о С. Шихматовѣ: въ 1807 г. онъ издалъ поэму: *Пожарскій, Мининъ, Гермогенъ, или спасенная Россія*. Пушкинъ въ лицеѣ приписалъ къ этому заглавію оцѣнку сочиненія:

Слогъ теменъ, напыщенъ,
И тяжки словеса пустыя.

Третье изъ напечатанныхъ стихотвореній Пушкина *Кольна*, названное подражаніемъ Оссіану, довольно близкое переложеніе его поэмы «Кольна-Дона», имя, которое въ переводѣ значитъ *любовь героя*. Мрачныя поэмы Макферсона съ прошлаго вѣка сдѣлались общимъ литературнымъ достояніемъ и немедленно нашли подражателей и переводчиковъ почти во всѣхъ европейскихъ литературахъ, не исключая нашей. Оссіанъ переведенъ у насъ прозою вполнѣ Костровымъ и Филатовымъ, а въ отрывкахъ Захаровымъ, Карамзинымъ и другими; въ стихахъ подражали Оссіану или заимствовали у него Батюшковъ, Жуковскій, и множество менѣе извѣстныхъ писателей: В. Вердеревскій, Вышеславцевъ, Олинъ, А. Никитинъ, Ѳ. Б-фъ и проч. Своеобразная поэзія Макферсона поразила своими мрачными красотами молодое воображеніе Пушкина, и онъ подчинился на нѣкоторое время ея вліянію, высказавшемуся въ переводахъ и подражаніяхъ. Пушкинъ, выучившійся по англійски только за порогомъ лицея, ознакомился съ трудомъ Макферсона по переводу Кострова, сдѣланному слово въ слово съ французскаго перевода Летурнера (Le Tourneur), изданнаго въ Парижѣ въ 1771 г. Переводы Кострова читались въ классахъ Кошанскаго, который сочувствовалъ ему не въ одной страсти къ поэзіи, и хотя подсмѣивался надъ устарѣлыми выраженіями, и особенно надъ частицами *бо* (ибо), но восхищался его стихами, и, какъ будто въ оправданіе собственной слабости, сказалъ на одной изъ своихъ лекцій экспромтъ:

Отъ сердца вылился божественный сей стихъ,
Въ винѣ *бо* зрѣлъ Костровъ отраду дней своихъ.

Восторгъ профессора перешелъ и къ его слушателямъ, которые ознакомились съ Гомеромъ и Оссіаномъ по переводамъ Кострова; а Оссіанъ былъ настольною книгою въ лицеѣ и составлялъ, нѣкоторое

время, любимое чтеніе Пушкина, который въ посланіи «Къ другу стихотворцу» упоминаетъ о Костровѣ рядомъ съ лучшими поэтами. «Кольна» Пушкина есть не что иное, какъ переложеніе прозаическаго перевода Кострова въ стихи, съ пропускомъ описанія охоты за сернами и нѣсколькихъ строкъ, въ которыхъ много собственныхъ именъ и названій (*).

Остальныя же, довольно частыя уклоненія очевидно представляютъ уступку формѣ, обыкновенно подчиняющей мысль у неопытныхъ версификаторовъ. Доказательствомъ, что Пушкинъ перелагалъ переводъ Кострова, служитъ совершенная тождественность встрѣчающихся у нихъ выраженій съ повтореніемъ Пушкинымъ ошибокъ Кострова. Напримѣръ, выраженіе: Toscar et moi, qui naguère étois entré dans la carrière des combats, Костровъ перевелъ неправильно: «я и Тоскаръ (вмѣсто: Тоскаръ и я), недавно вошедшій въ подвиги брани». Пушкинъ также отнесъ послѣднюю подробность не къ пѣвцу, какъ у Летурнера, а къ Тоскару:

Тоскару юному вѣщалъ.

Вмѣсто jeune homme Костровъ перевелъ «младый воитель»—выраженіе, встрѣчающееся и у Пушкина. Вмѣсто jeune étranger, у Кострова «юный ратникъ», а у Пушкина:

«О, юный ратникъ»! рекъ Тоскаръ.

Нѣкоторыя выраженія цѣликомъ взяты у Кострова. Напримѣръ: «... дай мнѣ щитъ твой. Пылая мщеніемъ, пріемлетъ онъ щитъ...»

У Пушкина:

«Подай мнѣ щитъ твой». И Тоскаръ
Пріемлетъ щитъ, пылая мщеньемъ.

Стихотвореніемъ *Венеръ отъ Лаисы при посвященіи ей зеркала* (т. I, стр. 17), начинается рядъ заимствованій изъ французскихъ поэтовъ. Мадригалъ этотъ помѣщенъ въ статьѣ: *Объ эпиграммѣ и надписи древнихъ*, переведенной изъ Lycée ou Cours de littérature Лагарпа въ «Вѣстникѣ Европы» 1814 г. (сентябрь, № 18, стр. 115 — 119). Подъ стихами подпись — П. — (Пушкинъ), а подъ статьею: *Пер.*—*ъ*—*ъ*.—(Иванъ Пущинъ). Послѣдній разсказываетъ въ своихъ «Запискахъ» (стр. 15), что онъ просилъ Пушкина перевести для этой

(*) Одно изъ нихъ слѣдуетъ разжаловать въ прилагательныя, въ стихѣ:

И кроется въ долины *сонны*,

а не Сонны, какъ напечатано въ обоихъ послѣднихъ изданіяхъ.

статьи приведенные въ ней стихи. Для сравненія съ переводомъ Пушкина, представляемъ оригиналъ:

Je le donne à Vénus, puis qu'elle est toujours belle.
Il redouble trop mes ennuis:
Je ne saurais me voir en ce miroir fidèle
Ni telle que j'étais, ni telle que je suis.

Послѣднюю мысль находимъ въ стихотвореніи Капниста: *Красота*:

Зачѣмъ въ пріятной я судьбинѣ
Какъ нынѣ мыслить не могла;
Или зачѣмъ не та я нынѣ,
Не та, что въ младости была!

Вліяніе этихъ стиховъ, можетъ быть, и случайное, отзывается во второй половинѣ перевода Пушкина:

Но я, покорствуя судьбинѣ,
Не въ силахъ зрѣть себя въ прозрачности стекла,
Ни той, которой я была,
Ни той, которой нынѣ.

Подлинникъ оказывается вдвое короче перевода, главный недостатокъ котораго растянутость и многословіе. Другой переводъ этого стихотворенія напечатанъ, въ «Благонамѣренномъ» 1820 г. (№ XI, стр. 375) подъ заглавіемъ *Ланса при посвященіи своего зеркала Венерѣ*, съ подписью *Д. С—въ* (Саларевъ). Переводъ этотъ короче и вѣрнѣе, но въ литературномъ отношеніи еще хуже Пушкинскаго, хотя явился спустя 16 лѣтъ. Вотъ онъ:

Неувядаемой красы тебѣ вся честь,
Тебѣ и зеркало, богиня, посвящаю!
Безъ тайной грусти въ немъ я больше не встрѣчаю,
Ни какова была, ни какова я есть!

Приведенныя въ упомянутой главѣ эпиграммы, взятыя Лагарпомъ у Вольтера, переведены на русскій языкъ по нѣскольку разъ. Первая: Sur une statue de Niobé, переведена Илличевскимъ, съ подписью—*И.*—; слѣдующія двѣ: Sur l'aventure de Léandre et d'Héro и Sur la Vénus de Praxitèle Дмитріевымъ; четвертая: Sur Hercule—Батюшковымъ, названная въ собраніи его сочиненій: *Изъ Антологіи* («Сотъ меда съ молокомъ»); пятая, о которой сказано выше, Пушкинымъ, а послѣдняя, изъ Марціала, Илличевскимъ, съ подписью—*И.*—Кромѣ того трудъ Лагарпа переведенъ на русскій языкъ Кара-

банковымъ, Соколовыми и Никольскимъ, и изданъ 1810—1814 годахъ подъ заглавіемъ *Лицей, или кругъ словесности древней и новой*, въ пяти частяхъ. Въ третьей изъ нихъ, переведенной Петромъ Соколовымъ, въ главѣ *о эпиграммѣ и надписи* (стр. 57) переведены съ подстрочными переводами въ прозѣ первыя пять упомянутыхъ эпиграммъ, а послѣдняя оставлена безъ перевода. На литературныхъ сужденіяхъ Лагарпа воспитывалось все тогдашнее юношество; курсъ его служилъ въ лицеѣ учебнымъ руководствомъ для старшаго возраста, и Пушкинъ признается въ *Городкѣ* (т. I, стр. 35), что часто читалъ «грознаго Аристарха»:

Хоть страшно стихоткачу
Лагарпа видѣть вкусъ,
Но часто, признаюсь,
Надъ нимъ я время трачу.

Такъ какъ уже зашла рѣчь о переводѣ стихотворенія Вольтера, то скажемъ и о другихъ заимствованіяхъ Пушкина у «единственнаго старика», а потомъ, чтобъ не возвращаться болѣе къ французской литературѣ, разсмотримъ остальные переводы и подражанія Пушкина.

Вліяніе Вольтера на Пушкина было сильнѣе и непосредственнѣе, чѣмъ вліяніе другихъ французскихъ поэтовъ, хотя заимствованія изъ него не многочисленны. Первые поэтическіе опыты въ комическомъ и эпическомъ родѣ, упоминаемые г. Анненковымъ въ біографіи поэта (стр. 13), написаны въ подражаніе Вольтеру, который для Пушкина, какъ онъ признавался въ «Городкѣ», былъ

Поэтъ въ поэтахъ первый.

Объ этомъ предпочтеніи находимъ свидѣтельство и у Василія Пушкина, который, въ посланіи *Къ графу Ѳ. П. Толстому*, говоритъ:

И Пушкинъ, балагуръ, стиховъ моихъ хулитель,
Которому Вольтеръ лишь нравится одинъ...

Но исключительное вліяніе Вольтера ограничивалось дѣтскимъ возрастомъ, а въ напечатанныхъ произведеніяхъ Пушкина оно едва замѣтно. Изъ нихъ, кромѣ упомянутаго выше мадригала, обязаны своимъ существованіемъ Вольтеру только два, переведенные изъ него: *Стансы* (т. I стр. 165) и *Сновидѣніе* (стр. 166), относящіеся къ 1817 г. Для такого почитателя Вольтера, какимъ былъ Пушкинъ, заимствованія эти кажутся совершенно ничтожными, тѣмъ болѣе, что Вольтеръ чаще другихъ писателей являлся въ русскихъ переводахъ. Число

русскихъ переводчиковъ Вольтера, по вычисленію С. Д. Полторацкаго, въ его «Матеріалахъ для словаря русскихъ писателей» (т. I, выпускъ 1, стр. 18), простирается до 140. Одна Henriade переведена стихами вполнѣ три раза, а отрывки изъ нея переведены семью переводчиками. Упомянутые выше переводы Пушкина нельзя считать ни весьма вѣрными, ни удачными, но они принадлежатъ, однакожъ, сравнительно съ прочими его переводами, къ небольшому числу довольно близкихъ къ подлиннику. Чтобъ судить о степени близости ихъ и объ отступленіяхъ отъ подлинника, сдѣлаемъ сравненіе «Стансовъ». Первыя пять строфъ этого стихотворенія, которое у Вольтера имѣетъ заглавіе: A madame Duchatelet, переведены удовлетворительно; остальныя же четыре переданы вяло, и даже въ художественномъ отношеніи, хотя Вольтеръ далеко не художникъ, гораздо ниже подлинника. Иногда трудно даже понять переводчика. Напримѣръ:

Намъ должно дважды умирать,
Проститься съ сладостнымъ мечтаньемъ:
Вотъ смерть ужасная страданьемъ!
Что значитъ послѣ не дышать?

Смыслъ этихъ темныхъ стиховъ объясняется соотвѣтствующими имъ въ подлинникѣ:

On meurt deux fois, je le vois bien:
Cesser d'aimer et d'être aimable,
C'est une mort insupportable;
Cesser de vivre ce n'est rien.

Слѣдующей строфѣ также не посчастливилось:

Ainsi je déplorais la perte
Des erreurs de mes premiers ans;
Et mon âme aux désirs ouverte,
Regrettait ses égarements.

Пушкинъ передалъ эти стихи произвольно, не довольно ясно и совершенно безцвѣтно:

На пасмурномъ моемъ закатѣ
Среди пустынной темноты (?),
Такъ сожалѣлъ я объ утратѣ
Обмановъ милыя мечты!

У Вольтера:

Du ciel alors daignant descendre,
L'Amitié vint à mon secours;

Elle était peut-être aussi tendre,
Mais moins vive que les Amours.

У Пушкина первые два стиха переведены не точно, хотя съ большею образностью; послѣдніе же два передаютъ въ растянутой формѣ только половину мысли, не сохраняя характеристической черты, которую поэтъ проводитъ между дружбою и любовью:

Тогда на голосъ мой унылый
Мнѣ Дружба руку подала:
Она Любви подобна милой
Въ одной лишь нѣжности была.

У Вольтера:

Touché de sa beauté nouvelle,
Et de sa lumière éclairé,
Je la suivis; mais je pleurai
De ne pouvoir plus suivre qu'elle

Первые два стиха, сильные и образные, совершенно пропали у Пушкина и замѣнены двумя сладенькими строчками, подобранными лишь для риѳмы къ двумъ послѣднимъ, очевидно прежде ихъ вылившимся изъ подъ пера переводчика:

Я ей принесъ увядши розы
Отрадныхъ юношества дней,
И вслѣдъ пошелъ, но лилъ я слезы,
Что могъ во слѣдъ идти лишь ей.

Неотвязчивая риѳма эта встрѣчается у Пушкина довольно часто, въ чемъ онъ самъ сознается въ четвертой главѣ «Евгенія Онѣгина»:

Читатель ждетъ уже риѳмы *розы:*
На, вотъ, возьми ее скорѣй!

Сновидѣніе переведено еще менѣе точно, и въ переводѣ совершенно выпущены два первые стиха Вольтера:

Souvent un peu de vérité
Se mêle au plus grossier mensonge...

Мадригалъ этотъ, написанный принцессѣ Ульрикѣ, сестрѣ прусскаго короля Фридриха II, впослѣдствіи супругѣ шведскаго короля Адольфа, переведенъ на русскій языкъ П. Сумароковымъ, княземъ Хованскимъ, Нелединскимъ-Мелецкимъ и Пушкинымъ. Сравненію этихъ переводовъ и библіографическимъ по поводу ихъ указаніямъ

посвящена г. Полторацкимъ брошюра «Русскіе переводчики Вольтера», составляющая первый выпускъ тома I «Матеріаловъ для словаря русскихъ писателей».

Послѣ Вольтера, однимъ изъ любимыхъ писателей Пушкина былъ Маро, котораго онъ прочиталъ еще въ родительскомъ домѣ, и изъ котораго перевелъ стихотвореніе: *Старикъ* (т. I стр. 70). Clément Marot, представитель французской поэзіи въ первой половинѣ XVI вѣка, самый простой и остроумный писатель своего времени, былъ также любимымъ писателемъ Василія Пушкина, у котораго есть *Подражаніе Мароту*. Стихотвореніе Маро переведено довольно близко. Для сличенія, приводимъ подлинникъ:

DE SOY—MESME.

Plus ne suis ce que j'ay esté
Et ne sçaurois jomais estre:
Mon beau printemps et mon esté
Ont fait le saut par la fenestre.
Amour, tu as esté mon maistre
Je t'ai servi sur tous les dieux.
Oh! si je pouvois deux fois naistre
Comment je te servirois mieux!

Болѣе другихъ французскихъ поэтовъ имѣлъ вліяніе на Пушкина Парни, произведенія котораго, преимущественно предъ всѣми другими, служили для нашего поэта предметомъ заимствованій и подражаній. Вліяніе это началось съ 1814 года, въ которомъ написаны стихотворенія *Осгаръ* (т. I стр. 538) и *Эвлега* (стр. 541), отнесенныя издателями къ числу произведеній неизвѣстныхъ годовъ. Хотя въ первомъ стихотвореніи дѣйствуютъ любимые герои Оссіана Осгаръ и Мальвина, но въ этомъ подражаніи барду слышится уже другоевліяніе, представляющее новый фазисъ развитія поэта. Мрачная сѣверная поэзія нашла поклонника и подражателя въ одномъ изъ нѣжнѣйшихъ поэтовъ Франціи, Парни, который написалъ поэму Isnel et Asléga, бывшую источникомъ многихъ подражаній и заимствованій для русскихъ поэтовъ. Изъ нея переводили: Крыловъ (романсъ: «Въ краю чужомъ, Аслега, другъ мой милый»), Давыдовъ (романсъ: «Сижу на берегу потока»), Батюшковъ («Сонъ воиновъ») и наконецъ Пушкинъ. Въ его «Осгарѣ» встрѣчаются мѣста, напоминающія поэму Парни, не смотря на разницу ихъ содержанія. Напримѣръ, у Парни, Ольбровнъ, стучась въ дверь своей возлюбленной, говоритъ:

«Belle Rusla, c'est moi, c'est ton amant,
Qui vient chercher le prix de sa tendresse.

Quoi? du sommeil est-ce là le moment?
Réveille toi, Rusla, tiens ta promesse,
Ne tarde plus: un vent impétueux,
Un vent glacé siffle dans mes cheveux»...

У Пушкина читаемъ почти то же самое (изд. 1859 г. I, стр. 539):

Осгаръ стучится въ дверь красавицы младой,
И шепчетъ: «юный другъ, не медли, здѣсь твой милый!»
Но тихо въ хижинѣ. Вновь робкою рукой
Стучитъ и слушаетъ: лишь вѣтры съ свистомъ вѣютъ (*).
«Ужели спишь теперь, Мальвина?» Мгла вокругъ,
Валится снѣгъ, власы въ туманѣ леденѣютъ...

Изъ той же поэмы Парни Пушкинъ перевелъ *Эвлегу*, составляющую отдѣльный ея эпизодъ. Кромѣ первой строфы, всѣ остальныя переведены довольно близко, а нѣкоторыя подстрочно. Для сравненія приводимъ вторую:

D'un pas rapide il arrive à la grotte
Ce jeune Odulf; mais d'un autre guerrier
Il voit dans l'ombre étinceler l'acier.
Soupçon cruel! son ame hésite et flotte;
Il dit enfin: «Quel projet te conduit?
Que cherches-tu? parle, enfant de la nuit».

Переводъ Пушкина (т. I, стр. 542):

Идетъ Одульфъ, во взорахъ упоенье,
Въ груди любовь, и прочь бѣжитъ печаль,
Но близъ него во тьмѣ сверкнула сталь,
И вздрогнулъ онъ — родилось подозрѣнье:
«Кто ты? спросилъ, почто ты здѣсь, вѣщай!
Отвѣтствуй мнѣ, о сынъ угрюмой ночи!» (**)

Нѣкоторые стихи, какъ, напримѣръ, слѣдующіе, переведены Пушкинымъ слово въ слово:

Terrible il frappe; et la tremblante Elveige
Tombe à ses pieds, comme un flocon de neige,
Qu'un tourbillon détache du rocher.

У Пушкина:

Онъ поднялъ мечъ, и съ трепетомъ Эвлега
Падетъ на дернъ, какъ клокъ летучій снѣга,
Мятелицей отторженный отъ скалъ.

(*) А не *воютъ*, какъ напечатано во всѣхъ изданіяхъ.

(**) Стихъ этотъ во всѣхъ изданіяхъ не имѣетъ смысла, потому что вездѣ напечатано *шуме* вмѣсто *сыне*.

Подобная вѣрность рѣдко встрѣчается въ немногочисленныхъ переводахъ Пушкина, неохотно подчинявшагося чужой мысли.

Борьба соперниковъ и смерть ихъ, составляющіе одно изъ лучшихъ мѣстъ поэмы, переведены слабѣе всего

Кромѣ уже названныхъ выше, слѣдующія стихотворенія Пушкина обязаны своимъ существованіемъ французскому поэту: *Къ живописцу* (т. I, стр. 68), *Гробъ Анакреона* (стр. 73), *Фавнъ и Пастушка* (стр. 104), *Подражаніе* (стр. 138), *Сну* и *Морфею* (стр. 140 и 141), *Письмо къ Лидѣ* (стр. 161), *Добрый Совѣтъ* (стр. 178) и *Леда* (стр. 543).

О посланіи «Къ живописцу», имѣвшемъ отношеніе къ дѣйствительности и къ личной настроенности Пушкина, мы будемъ имѣть случай говорить ниже; теперь же скажемъ нѣсколько словъ о другихъ стихотвореніяхъ.

«*Гробъ Анакреона*» есть подражаніе, или, какъ обыкновенно называли, «вольный переводъ» Парни. Пушкинъ заимствовалъ у него мысль и содержаніе, но не стѣснялъ себя въ подробностяхъ формы и выраженія. Другое подражаніе этому стихотворенію Парни напечатано въ «Сынѣ Отечества и Сѣверномъ Архивѣ» 1830 г. съ подписью *Алексѣй Милославскій*. Замѣтимъ кстати, что мысль эта заимствована изъ первой оды Анакреона.

Стихотвореніе *Фавнъ и Пастушка* навѣяно стихотвореніемъ Les déguisements de Vénus, состоящимъ изъ тридцати картинъ. У Пушкина ихъ только девять, но блѣдныя копіи эти не даютъ понятія объ оригиналѣ, не имѣя съ нимъ ни малѣйшаго сходства. Г. Анненковъ напрасно называетъ это стихотвореніе переводомъ (т. II, стр. 150). Въ немъ нельзя указать нѣсколькихъ строкъ сряду, которыя были бы даже «вольнымъ подражаніемъ» Парни; но тѣмъ не менѣе духъ и характеръ французскаго поэта чувствуется въ этомъ произведеніи, утратившемъ всю грацію подъ перомъ неопытнаго подражателя. Судя по стиху, оно написано раньше 1816 г., къ которому отнесено издателями. Въ находящемся у насъ спискѣ лицейскаго времени стихотвореніе это имѣетъ заглавіе: *Картины*, вѣроятно потому, что у Парни каждая глава его названа картиною (tableau), или отъ того, что такое жа заглавіе (Les tableaux) дано имъ другому стихотворенію въ томъ же эротическомъ родѣ, а можетъ быть и потому, что къ стихотворенію Пушкина приложены были нарисованныя имъ перомъ картинки, сообразно съ которыми главы назывались: *I. Пастушка. II. Пещера. III. Фавнъ. IV. Рѣка. V. Чудо. VI. Фіалъ. VII. Очередь. VIII. Философъ*. Списокъ этотъ такъ же, какъ и другой, позднѣйшій, представляетъ нѣсколько варіантовъ и дополненій. Но приводить варіанты къ такому слабому стихотворенію не стоитъ, а изъ дополненій приво-

ними слѣдующіе, напечатанные курсивомъ стихи, восстановляющіе смыслъ. Въ самомъ началѣ:

Съ пятнадцатой весною,
Какъ лилія зарею,
Красавица цвѣтетъ.
Все въ ней очарованье:
И томное дыханье,
И взоровъ милый свѣтъ...

Въ IV главѣ:

Пастушка робко дышитъ,
Къ рукѣ лѣта стрѣлой,
Бѣгъ Фавна за собой
Все ближе, ближе слышитъ.
Отчаянья полна,
Ужь чувствуетъ она
Огонь его дыханья...

Стихотвореніе Парни не разъ служило источникомъ вдохновеній для русскихъ поэтовъ. Девятая картина его (D'Erigone c'etoit la fête) вызвала прелестное стихотвореніе Батюшкова: *Вакханка* («Всѣ на праздникъ Эригоны»); а двадцать седьмая дала Пушкину, въ 1824 г., содержаніе и образы для его *Прозерпины* (т. I, стр. 288).

Подражаніе («Я видѣлъ смерть»), по словамъ г. Анненкова (т. II, стр. 138), имѣетъ въ рукописяхъ поэта «еще 14 окончательныхъ стиховъ, которые напоминаютъ отчасти пьесу Парни: Oui, sans regret du flambeau de mes jours etc». Конецъ этого стихотворенія намъ не извѣстенъ, но напечатанный отрывокъ не имѣетъ никакого отношенія къ элегіи.

Стихотвореніе, напечатанное въ двухъ видахъ подъ заглавіями: *Сну* и *Къ Морфею*, изъ которыхъ первый составляетъ варіантъ ко второму, есть подражаніе стихотворенію Парни A la nuit («Toujours le malheureux t'appelle): но по художественности, особенно во второй, окончательной передѣлкѣ, значительно превосходитъ французскій его первообразъ.

Письмо къ Лидѣ, которое г. Анненковъ (т. II, стр. 184) несправедливо называетъ переводомъ, есть подражаніе стихотворенію Billet (Dès que la nuit sur nos demeures), изъ котораго переведены только первые четыре стиха. У Парни дальше читаемъ:

Sur les pas du fidèle Amour
Alors les Plaisirs par centaine
Voleront chez ma souveraine,
Et les Voluptés tour à tour
Prendront soin d'amuser leur reine.

У Пушкина нѣтъ ничего подобнаго. Художественное чувство его отвергало эти сладенькія фантазіи, наскучившія въ стихахъ Богдановича и Карамзина, и вмѣсто «утѣхъ и сладостей», посылаемыхъ французскимъ поэтомъ, нашъ поэтъ предпочелъ самъ отправиться къ Лидѣ.

Изъ всѣхъ названныхъ пьесъ переводомъ можно назвать только «Добрый Совѣтъ» (A mes amis); но и въ этихъ двѣнадцати стихахъ много отступленій отъ подлинника, который гораздо лучше перевода. Въ немъ нѣкоторые стихи переданы совершенно произвольно. Такъ, напримѣръ, вмѣсто

Vivons pour nous, soyons heureux,
N'importe de quelle manière,

у Пушкина читаемъ:

Пусть измѣняющая радость
Намъ улыбнется хоть во снѣ,

—два стиха, очевидно вызванные двумя предшествовавшими, требовавшими риѳмъ.

Въ элегіяхъ 1816 года, представляющихъ уже самостоятельное развитіе Пушкина, замѣтно еще вліяніе Парни: такъ, напримѣръ, начало стихотворенія его La Rechute:

C'en est fait, j'ai brisé mes chaines,
Amis, je reviens dans vos bras

слышится въ элегіи Пушкина (т. I, стр. 133):

Опять я вашъ, о юные друзья!...

А начало IV элегіи Парни:

Dieu des amours, le plus puissant des dieux,
Le seul du moins qu'adora ma jeunesse;
Il m'en souvient, dans ce moment heureux
Où je fléchis mon ingrate maîtresse,

находимъ въ элегіи Пушкина (т. I, стр. 134):

Любовь одна веселье жизни хладной!
Любовь одна мученіе сердецъ!
Она даритъ одинъ лишь мигъ отрадный,
А горестямъ не видѣнъ и конецъ.
Стократъ блаженъ, кто въ юности прелестной

Сей быстрый мигъ поймаетъ на лету,
Кто къ радостямъ и нѣгѣ неизвѣстной
Стыдливую преклонитъ красоту!

Тотъ же художественный образъ Пушкинъ повторяетъ черезъ шесть лѣтъ, въ извѣстной поэмѣ 1822 г., напечатанной съ пропусками въ берлинскомъ изданіи 1861 года «Стихотвореній» Пушкина (стр. 34), и отрывки изъ которой помѣщены въ «Библіографическихъ запискахъ» 1861 г. (№ 19):

Когда же мы поймали на лету
Крылатый мигъ небесныхъ упоеній,
И къ радостямъ на ложе наслажденій
Стыдливую склонили красоту;
Когда любви забыли мы страданье,
И нечего намъ болѣе желать,
Чтобъ оживить о ней воспоминанье,
Съ наперсникомъ мы любимъ поболтать.

Пушкинъ дѣйствительно любилъ «поболтать» о своей любви съ пріятелями, и въ посланіяхъ къ нимъ нерѣдко «оживлялъ о ней воспоминанье».

Послѣдніе отголоски Парни повторяются у Пушкина уже за порогомъ лицея, въ упомянутой поэмѣ, написанной подъ вліяніемъ остроумныхъ поэмъ Парни: Le paradis perdu, Les galanteries de la bible и La guerre des dieux.

Въ 1814 г. Пушкинъ написалъ *Леду*, кантату, отнесенную издателями къ числу стихотвореній неизвѣстныхъ годовъ. По мысли, находимъ въ ней подражаніе остроумному и граціозному стихотворенію Парни: Léda. Позднѣйшее подражаніе этому стихотворенію напечатано въ «Мнемозинѣ» 1824 г., изд. Кюхельбекеромъ и княземъ В. Ѳ. Одоевскимъ (ч. IV, стр, 221), безъ подписи, и принадлежитъ князю Вяземскому. У Пушкина оно потеряло всю свою прелесть, заимствовавъ у Богдановича и Державина противохудожественность вымысла и формы. Вліяніе перваго изъ этихъ двухъ поэтовъ особенно чувствуется, какъ справедливо замѣтилъ Бѣлинскій («Сочиненія» его, ч. 8, стр. 310 и 311) въ посланіи *Красавицъ, которая нюхала табакъ* (т. I, стр. 18). Стихотвореніе это, напоминающее, по непризнанству вымысла и шутовской формѣ, пріемы пѣвца *Душеньки*, которою тогда восхищались чувствительные юноши и веселые старички, написано къ сестрѣ лицейскаго товарища поэта, князя А. М. Горчакова, А. М. Кантакузенъ. Къ ней же относится слѣдующее неизданное стихотвореніе, написанное Пушкинымъ въ томъ же (1814) году:

STANCES.

Avez-vous vu la tendre Rose,
L'aimable fille d'un beau jour,
Quand au printemps à peine éclose,
Elle est l'image de l'amour?

Telle à nos yeux, plus belle encore,
Parut Eudoxie aujourd'hui;
Plus d'un printemps la vit éclore,
Charmante et jeune comme lui.

Mais, hélas! les vents, les tempêtes,
Ces fougueux enfants de l'hiver,
Bientôt vont gronder sur nos têtes,
Enchainer l'eau, la terre et l'air.

Et plus de fleurs, et plus de Rose,
L'aimable fille des amours
Tombe fanée à peine éclose:
Il a fui, le temps des beaux jours.

Eudoxie! aimez! le temps presse;
Profitez de vos jours heureux!
Est-ce dans la froide vieillesse,
Que de l'amour on sent les feux?

Подлинника этого стихотворенія въ сообщенныхъ намъ бумагахъ не сохранилось, но принадлежность его Пушкину единогласно подтверждается его товарищами; въ копіи же, съ которой мы его сообщили, оно переписано рукою Илличевскаго на одномъ листкѣ съ стихотвореніемъ Mon portrait, которое помѣщено издателями между произведеніями неизвѣстныхъ годовъ, но относится къ тому же времени. Замѣтимъ кстати, что третья, четвертая и шестая строфы этого стихотворенія напечатаны невѣрно. Въ упомянутой копіи, а также другой, сдѣланной товарищемъ поэта, барономъ П. Ѳ. Гревеницемъ, которому и написано это стихотвореніе, онѣ читаются такъ:

Oui! il ne fut de babillard,
Ni docteur de Sorbonne,
Plus ennuyeux et plus braillard,
Que moi-même en personne.

Ma taille à celles des plus longs
Los n'est point égalée;
J'ai le teint frais, les cheveux blonds
Et la tête bouclée.

Spectacles, bals me plaisent fort,
Et d'après ma pensée,
Je dirais ce que j'aime encore,
Si je n'étais au lycée.

Вліяніе на Пушкина французской литературы, довольно сильное въ дѣтскіе годы, и даже исключительное по условіямъ его воспитанія, было, какъ мы видѣли, непродолжительно и постоянно ослабѣвало. Собственно имъ не вызвано ни одно изъ позднѣйшихъ лицейскихъ стихотвореній, кромѣ указанныхъ выше; но вліяніе это чувствуется еще кое-гдѣ въ отдѣльныхъ мысляхъ и выраженіяхъ. Напримѣръ, Пушкина поразили трогательные стихи предсмертной элегіи Жильбера:

Au banquet de la vie infortuné convive
J'apparus un jour et je meurs,
Et sur la tombe où lentement j'arrive
Nul ne viendra verser des pleurs...

Ту же мысль и тѣ же образы, хотя несравненно въ менѣе художественной формѣ, находимъ въ посланіи Пушкина *Къ князю А. М. Горчакову* (т. I, стр. 147):

Мнѣ кажется, на жизненномъ пиру
Одинъ съ тоской явлюсь я — гость угрюмый,
Явлюсь на часъ и одинокъ умру.
И не придетъ другъ сердца незабвенный
Въ послѣдній мигъ мой томный взоръ сомкнуть,
И не придетъ на холмъ уединенный
Въ послѣдній разъ любовію вздохнуть!

Изъ всѣхъ французскихъ поэтовъ самое сильное вліяніе на Пушкина, но уже за порогомъ лицея, имѣлъ Андрей Шенье, изученіе котораго много содѣйствовало художественному развитію нашего поэта. Вліяніемъ этимъ ярко обозначенъ цѣлый рядъ высоко-художественныхъ произведеній, въ которыхъ поэзія, по гармоніи стиха и его пластичности, граничитъ съ музыкою и скульптурою. Въ лицеѣ вниманіе Пушкина къ французской литературѣ уменьшалось по мѣрѣ того, какъ оно увеличивалось къ возраставшей славѣ Батюшкова и Жуковскаго, о вліяніи которыхъ мы будемъ говорить въ слѣдующей главѣ.

В. ГАЕВСКІЙ.

Къ нѣмецкой свободѣ.

(изъ гейне).

О, свобода! Ты больше не будешь
Босикомъ по болотамъ ходить:
Наконецъ получила ты право
И чулки, и сапожки носить.

И хорошую, теплую шапку
Ты получишь отъ добрыхъ людей,
Чтобы въ зимніе дни не могла ты
Какъ нибудь отморозить ушей.

Напоятъ тебя даже, накормятъ, —
Предъ тобой открывается міръ...
Но смотри, чтобъ на крайности только
Не подбилъ тебя хитрый сатиръ.

Уклоняйся отъ дерзкой отваги,
Не сбивайся съ прямаго пути
И всегда своего бургомистра
И всѣхъ высшихъ начальниковъ чти.

м. вейнбергъ.

ПИТОМКА.

(ПОСВЯЩАЕТСЯ А. Г. М—ВОЙ).

ДЕРЕВЕНСКІЯ СЦЕНЫ.

I.

По крутому краю большаго глинистаго оврага пролегала полевая дорога, съ сухими, жесткими колеями, то спускаясь въ оврагъ, то цѣпляясь по самому гребню косогора. Въ оврагѣ кое-гдѣ росъ кустарникъ, кое-гдѣ стояли желтыя лужицы, надъ которыми роились столбы мелкихъ мошекъ. Солнце садилось; въ побурѣвшей ржи свистѣли перепѣла. Шла проселкомъ молодая баба съ котомкою за спиной. На бабѣ было старое ситцевое платье, мужскіе опорки на босу ногу и бѣлый платокъ на головѣ. Шла она скоро, помахивая палочкой, иногда останавливалась, поправляла котомку, оглядывалась кругомъ и опять шла, мѣрно покачиваясь изъ стороны въ сторону, уставивъ глаза куда-то вдаль. А вдали видѣнъ былъ все тотъ же оврагъ съ порыжѣвшимъ бурьяномъ, да пестрыя полосы спѣющихъ хлѣбовъ.

Вдругъ позади загремѣла телѣга. Въ телѣгѣ сидѣлъ мужикъ. Баба свернула съ дороги въ сторону и не оглядываясь пошла поскорѣй. Мужикъ, поровнявшись съ бабою, пріостановилъ лошадь и сказалъ:

— Путь дорога! Куда Богъ несетъ?

Баба поклонилась и, не глядя на мужика, молча шла стороной.

Мужикъ посмотрѣлъ на нее, тряхнулъ шапкой и сказалъ:

— Эй, ты! тетка! Слышь что ль?

Баба все шла и молчала.

Мужикъ посмотрѣлъ, посмотрѣлъ на нее, покачалъ головой, сказалъ про себя: «глухая», и вдругъ замахалъ руками, крича бабѣ:

— Ай ты глухая?

Баба остановилась и сказала:

— Чего тебѣ?

— Здравствуй!

— Здравствуй!

— Чтожь ты не откликаешься? Видишь,—человѣкъ.

Баба недовѣрчиво глядѣла то на мужика, то на его лошадь.

— Садись, подвезу, сказалъ мужикъ.

Баба не рѣшалась.

— Садись, говорятъ. Дура!

Баба подумала, подумала и сѣла.

— Ну, вотъ, сказалъ мужикъ: — сиди! Соль тутъ у меня въ мѣшкѣ.

Баба подобрала подолъ и положила руку на мѣшокъ.

Поѣхали.

Немного помолчавъ, мужикъ спросилъ:

— Ладно что ли?

— Ладно, потихоньку отвѣтила баба.

— То-то. А не хотѣла. Богу молиться ходила? опять спросилъ онъ ее.

— Нѣтъ. Я вотъ... деревня такая есть... У меня прописана... и баба полѣзла было къ себѣ за пазуху; однако ничего оттуда не достала, а только почесала у себя подъ мышкой и прибавила:

— Бердяево деревня...

— Какое Бердяево?

— Бердяево... аль Гордѣево. Да, Гордѣево.

— Гдѣжь это такое? Не слыхать что-то по здѣшней сторонѣ такой деревни. Кое же это мѣсто?

— А я не знаю.

Мужикъ обернулся къ бабѣ лицомъ и въ недоумѣніи спросилъ:

— Ты сама-то чья?

— Я дальная.

— Дальная. Зачѣмъ же ты идешь?

— А вотъ... дѣвочка у меня тутъ отдана... въ шпитонкахъ. Повидать дѣвочку-то бы мнѣ.

— А-а! Да, да. Такъ ты деревню-то и не знаешь?

— То-то не знаю. И спросить-то какъ, тоже не знаю.

— Ну такъ. Сама-то изъ Серпухова будешь?

— Изъ Москвы.

— Московская. Да. Тоже не ближній свѣтъ. Да, да, въ раздумьи говорилъ мужикъ, и еще немного погодя спросилъ: — велика дѣвочка-то?

— Нѣтъ, махонькая.

— Ну, ничего, сказалъ мужикъ. — Дастъ Богъ, найдешь. Сиди! Ишь, ноги-то у тѣ!

Баба посмотрѣла на свои тощія, загорѣлыя ноги, неподвижно вытянутыя впередъ, и прикрыла ихъ платьемъ. Мужикъ задергалъ возжами и замахалъ хворостиной. Лошадь побѣжала шибче, звонко стуча своими некованными копытами по сухой дорогѣ. Баба затряслась на мѣшкѣ и молча посматривала по сторонамъ. Солнце между тѣмъ уже сѣло, и въ полѣ поднялся вѣтерокъ. Впереди показались избы; дорога завернула куда-то въ сторону, пошла межами и совсѣмъ затерялась во ржи. Мужикъ, прислонившись къ передку и свѣсивъ руку, задумчиво постегивалъ хворостиной придорожныя травки и затянулъ было пѣсню. Проѣхали такъ еще съ версту.

— Какъ деревню-то сказывали тебѣ? спросилъ онъ у бабы.

— Мм... Мокѣй... Мокѣево...

— Ну, вотъ, мы здѣсь спросимъ. Тутъ у меня пріятель есть такой... а! Настоящій купецъ. Ну, только и ёрникъ же.

Стали подъѣзжать къ деревнѣ. Дорога легла позади дворовъ, мимо гуменъ, потомъ пошла конопляниками и вывела въ переулокъ, къ кабаку. Деревня была плохенькая, домовъ двадцать. Нѣкоторые только еще строились послѣ пожара и стояли безъ крышъ. Отъ новыхъ срубовъ пахло смолой и дымомъ. На улицѣ

народу совсѣмъ не было; только на краю деревни три дѣвчонки сидѣли на завалинкѣ и, поджавъ подъ себя ноги, визжали во всю мочь:

«Шелъ изъ Питера штаветъ,
Присылалъ милый газетъ.
Я газетикъ получила,
Съ издавольствіемъ читала...»

Мужикъ остановилъ лошадь у кабака и спросилъ:

— Ты станешь что ли?

Баба замотала головой и отвѣтила:

— Нѣтъ, я не стану. Я посижу.

— О? А то пойдемъ. Чтожь? ничего. Вѣдь озябнешь. Еще пять верстъ до ночлега.

— Нѣтъ, я не озябну.

— О? ну такъ сиди же, смотри. Я сейчасъ.

Мужикъ вошелъ въ кабакъ и, высунувшись изъ окна, крикнулъ бабѣ:

— А то огурчика? Вынести чтоль?

— Не стану.

— Солёненькаго? а? Ты гляди, какіе огурцы-то. Ну, не надо. Сиди, сиди.

Къ телѣгѣ подошла собака, понюхала у лошади хвостъ и ушла опять на завалинку.

Въ кабакѣ засвѣтился огонь, и видно было, какъ мужикъ вылилъ шкаликъ въ стаканъ, выпилъ, утерся полою и, заговоривъ съ цѣловальникомъ, сталъ раздирать пальцами кусокъ вяленой рыбы. Видно было, какъ цѣловальникъ безымяннымъ пальцемъ скостилъ что-то на счетахъ, поглядѣлъ сонными глазами на свѣчку, почесался и вылѣзъ изъ-за стойки. Наконецъ оба они вышли на крыльцо, и мужикъ сказалъ цѣловальнику:

— Глякась, какую я себѣ бабу везу.

— Да, баба ничего, зѣвая отвѣтилъ цѣловальникъ.

— Гм!... сдѣлалъ мужикъ, залѣзая въ телегу. — А ты какъ объ насъ полагаешь? Ну, да ладно же. Прощай. Матри, коли што, такъ и тово, алибо што. Съ нашими тогда наказать можно. Гляди, не прозѣвай.

— На что зѣвать, сказалъ цѣловальникъ: — съ Богомъ!

Лошадь тронулась.

— Ахъ, постой, братъ, постой! Какая тутъ такая вотчина есть Свербѣева господина? Не слыхать? Ай Гордѣева?

— Горѣева, подтвердила баба.

Цѣловальникъ задумался.

— Не слыхать что-то. А тебѣ на что?

— Да вотъ молодчѣ-то моей туда было нужно; безпремѣнно нужно побывать. Дѣвочка у насъ съ ней тамъ есть. А то вотъ что. Ну-кось, какъ тебя звать-то?

— Анисьей.

— Ну-кось, Анисья, покажи-кось ему, гдѣ у тѣ тамъ прописано. Онъ эти всѣ дѣла разберетъ.

Баба полѣзла было за пазуху и задумалась.

— Чтожь ты? сказалъ ей мужикъ.—Да ты не бось, дура, онъ не отыметъ. О, глупая! Онъ только вотъ глянетъ однимъ глазкомъ и все узнаетъ. На что ему твоя записка?

Баба послушалась, развернула тряпочку, достала оттуда лоскутокъ бумаги и отдала его цѣловальнику. Цѣловальникъ вошелъ въ избу, а мужикъ сталъ копаться въ какомъ-то лукошкѣ, приговаривая:

— Онъ разберетъ. Ишь, завязалъ, теперь ни въ свѣтѣ не развяжешь. Разберетъ. Какъ не разобрать. Мужикъ вострый. Не развяжешь. А, мухи те ѣшь! Развязалъ. Эй? какъ тебя? Анисья! На-ка, закуси! Неравно поѣсть захочешь, сказалъ онъ, сунувъ бабѣ два кренделя. — Ребятенкамъ везу. Они у меня охотники смертные. Чтожь ты?

— Я не хочу, отозвалась баба.

— Ѣшь, дура, ничего.

— Я не хочу.

— Говорятъ, ѣшь, чортъ!

Баба взяла крендели, но не рѣшилась ѣсть.

Цѣловальникъ вышелъ на крыльцо.

— Ну, какъ дѣла? спросилъ его мужикъ.

— Тутъ написано: Цѣлибѣево. Это Борки должны быть.

— Борки. Это за Шелепихой? Знаю. Ну, теперь найдемъ. Будь спокойна! увѣрилъ онъ бабу. Она завернула опять бумажку въ тряпицу.

Въ полѣ совсѣмъ почти смерклось. Проѣхавъ деревню, мужикъ вытащилъ изъ-подъ себя зипунъ и отдалъ бабѣ, говоря:

— Возьми, укройся зипунишкомъ-то, все теплѣе.

Баба сказала:—на что? однако одѣлась.

Немного погодя, мужикъ обернулся къ ней, посмотрѣлъ ей въ лицо и спросилъ:

— И чегожь ты давеча, глупая, испужалась?

— Когда?

— Когда! А какъ встрѣлся-то я тебѣ?

Баба ничего не отвѣчала.

— И есть ты баба, заключилъ мужикъ.—Глупый твой разумъ. Нешто мужикъ тебя можетъ обидѣть? Эхъ, ты! И еще немного погодя прибавилъ:—вотъ дѣвочку твою найдемъ.

— Дай-то Господи, шепотомъ сказала баба.

— Гдѣ жь у тѣ хозяинъ?

— Померъ хозяинъ у меня, вотъ другой годъ пошелъ.

— Одна живешь?

— Одна. У купца въ стряпухахъ живу.

— Кто жь тебѣ записку далъ?

— Этотъ, писарь далъ.

— Какой писарь.

— А въ шпитательномъ. Я тамъ номерокъ выправляла.

— Ну?

— Ну, и сказалъ мнѣ этотъ писарь, что, слышь, въ деревню дѣвочка отдана въ шпитонки.

— А много ли онъ съ тебя взялъ?

— Сперва-то было пять цѣлковыхъ просилъ. Я ходила, ходила, три разъ ходила. Первый-то разъ сказали, за шестьдесятъ верстъ въ деревню отдана, я и пошла.

— Ну, что же? Не нашла?

— Нѣтъ, нашла, да чужую, не свою. Моей-то четвертый годочекъ пойдетъ, а этой ужь восемь лѣтъ.

— Значитъ, зря проходила?

— Зря.

— А въ другой?

— А въ другой опять записку дали, по Можайкѣ, за Можаемъ за городомъ еще за 100 верстъ. Ну, тамъ сказали, померла дѣвочка-то. И звать совсѣмъ не такъ. Моя-то Прасковья, а эта Аѳиса Егорова.

— Ну, писарь-то чтожь говоритъ?

— Говоритъ, ошибка, говоритъ, вышла. Номера перепутали. Теперь, говоритъ, безпремѣнно найдемъ.

— Пустое дѣло, замѣтилъ мужикъ. — А деньги все-таки далъ?

— Денегъ я ему два цѣлковыхъ еще въ тотъ разъ дала, да полштофъ водки. Ну, на чаю тоже пропила съ цѣлковый; да вотъ теперь пошла цѣлковый рубь дала.

— Гм! да. Эти писаря тоже ловко вашу сестру обчищаютъ. Эхъ, сирота ты, сирота! погляжу я на тебя. Сиротское самое твое счастіе, заключилъ мужикъ и задумался. Баба тоже задумалась.

Спустя много времени, мужикъ тронулъ бабу пальцемъ и заговорилъ:

— Я тебѣ про себя разскажу, какъ меня эти писаря подвели. Ну! Надоумилъ меня тоже эдакій добрый человѣкъ вольную выправлять. А ты садись плотнѣй! Вотъ. Чтожь ты крендели-то не ѣшь? Ну, и надоумь онъ меня, человѣкъ-то этотъ. Вольный, говоритъ, будешь; въ купцы выписаться можно. — Вре? — Да пра, говоритъ. Ну, хорошо. Писарекъ тутъ одинъ мнѣ и подвернись.—Я, говоритъ, берусь. Пятнадцать цѣлковыхъ денегъ. Думалъ, думалъ, эхъ, въ ротъ молъ тѣ. Пиши. Написалъ. И то онъ мнѣ, я тебѣ скажу, написалъ, что меня за это за его письмо драли, драли. Можетъ, цѣлковыхъ на три объ меня хворосту одного обломали; да годъ въ острогѣ высидѣлъ. Такъ вотъ они писаря-то. И гляди на нихъ.

Пріѣхали въ какую-то деревню ночевать. Остановились у одной избы. Мужикъ постучалъ въ окно. Впустили. Хозяева только было сбирались ложиться. Баба вошла въ избу, а мужикъ пошелъ отпрягать лошадь. Самъ хозяинъ еще не ворочался съ поля.

Въ избѣ было душно, мухи жужжали и лѣзли въ лицо. На печи охала старуха; а вся семья была въ клѣти. Хозяйка вошла въ избу и, доставая изъ рукава блоху, спросила:

— Огурцы хлебать станете что ли?

— Я не стану, отвѣчала баба.

— Ну, а коли ложиться, такъ ложитесь. Ты, небось, молодка съ хозяиномъ съ своимъ?

Въ это время вошелъ мужикъ съ мѣшкомъ и съ лукошкомъ.

— Ну, вотъ, лошадкѣ кормецу засыпалъ, озябъ пожуетъ, говорилъ онъ про себя.

— Что у васъ, хозяйка, въ печи-то припасено что, ай нѣтъ?

— Мы нонѣ не топили, отвѣчала хозяйка.

— Ну, ничего. Мнѣ только бы вотъ кваску испить. Господи благослови! говорилъ онъ, зачерпнувъ ковшикъ.—Радъ, до квасу-то я дорвался. Рыба эта, неладно ей будь, рыба-то ужь очень въ кабакѣ ржавая. Обопьешься. Квасъ должно молодой?

— Молодъ, не устоялся.

— То-то, не кисель. Нукось, еще ковшичекъ зачерпнуть. Не кисель. О, мать, Пресвятая Богородица! Съ соленаго-то пьется.

— Я бай, вмѣстѣ стелиться станете? зѣвая спросила хозяйка.

— Кто? мы-то что ли? Нѣтъ, мать, мы врозь. Мы нонѣ съ ней, я тебѣ скажу, вотъ какъ: чтобы ни отнюдь. Говѣемъ.

Хозяйка не поняла шутки и улыбаясь спросила:

— Чтожь такъ?

— А такъ. Потому спасаться хотимъ. Вотъ что.

— Чудно, сказала хозяйка и покачала головой. — Нешто вы....

— Да ну васъ совсѣмъ! вдругъ отозвалась съ печи старуха. — Грѣховодники! Ты и рада, дѣвка, языкъ-то чесать, заворчала она на хозяйку.

— Что мнѣ радоваться? отвѣтила хозяйка.

— Постыдились бы хоть крошечку. Завтра праздникъ.

— А ты, старушка, помалчивай, сказалъ мужикъ. — Лежи знай!

— Я лежу, голубчикъ, лежу.

— Ну, и слава Богу, коли лежишь. И мы ляжемъ. Анисья, ты въ сѣняхъ что ли?

— Я въ сѣняхъ.

— Ну, а я пойду на дворъ. Коня напоимъ. Хозяйка, гдѣ

тутъ бадья-то у васъ? Ты у меня, Анисья, смотри, чтобы спать. Больше старайся спать. Завтра раньше вставать, говорилъ онъ, уходя изъ избы.

Ночью звѣзды свѣтили на дворѣ. Въ клѣти слышно было торопливое дѣтское дыханіе, и старуха въ избѣ возилась и охала вплоть до самаго утра.

Баба вскочила, ни свѣтъ, ни заря, и собиралась было уходить. Мужикъ проснулся, глядитъ, баба отворяетъ калитку.

— Куда ты?

— Да нѣтъ, ужь я пойду.

— Ахъ ты, оглашенная! Что мнѣ съ тобой дѣлать? Куда тебя несетъ этакую рань?

— Да по холодку-то лучше.

— Не ходи, говорятъ. Вмѣстѣ поѣдемъ.

Баба осталась.

Около полудня увидали большое село на пригоркѣ, съ деревянной церковью и съ садами, спускавшимися къ рѣчкѣ.

— Вотъ они, Борки! сказалъ мужикъ, указывая хворостиной на село.

Баба молча пристально глядѣла впередъ.

— Народъ тоже со всячинкой, продолжалъ мужикъ, какъ будто разсматривая что-то впереди.

— Хвалить нельзя. Первые кулаки въ свѣтѣ. Всю поселенную изойдешь, такихъ еще не найти. Тоже торговлю у себя имѣютъ, а хлѣба нѣтъ. Больше на счетъ лошадей стараются. Нонѣ гуляютъ,—праздникъ. Чтожь имъ? Дѣло ихъ базарное. Кабакъ-отъ, вотъ онъ!

Немного не доѣзжая до села, мужикъ остановилъ лошадь; баба слѣзла.

— Ну, теперь съ Богомъ, сказалъ мужикъ.—Дай Богъ!

Баба подвязала котомку и собралась было идти. Мужикъ сталъ что-то поправлять колесо, и заглядывая подъ телѣгу, сказалъ:

— А косушечку съ тебя бы нужно за провозъ, для праздника.

Баба вернулась.

— Садись, я тебя до кабака довезу, такъ и быть. Что съ тобой дѣлать? Но! закричалъ онъ на свою лошадь.—Ѳхъ, молодость! Гляди, какъ запалимъ.

Телѣга живо подлетѣла къ кабаку и остановилась у крыльца. Тутъ уже народу толпилось довольно. Одни сидѣли на завалинкѣ, другіе стояли, запустивъ руки въ карманы, и смотрѣли на улицу.

Отставной солдатъ въ ситцевомъ нагрудникѣ погромыкивалъ на гармоніи.

— Эка, братцы мои, житье-то у васъ! говорилъ мужикъ, слѣзая съ телѣги.

— У насъ, братъ, житье, отвѣчали мужики, куря трубки.

II.

Послѣ обѣда народъ гулялъ на селѣ; въ разныхъ мѣстахъ собирались кучки; въ проулкахъ, между дворовъ, бабы пѣсни играли. Мужики все больше жались къ кабаку. Тутъ на площадкѣ орлянка шла отчаянная.

Пріѣзжая баба, Анисья, ходила по дворамъ и все спрашивала:

— Нѣтъ ли тутъ дѣвочки такой, Прасковьей звать?

— Какая такая дѣвочка? спрашивали ее бабы.

— Такъ, вотъ такинькая; четвертый годочекъ. Въ пипитонки взята.

— Нѣтъ, что-то нѣтъ такой, отвѣчали бабы.

— Тебѣ пипитонку что ли?

— Да.

— А вотъ у Семушкиныхъ взята дѣвочка.

— Что ты зря-то болтаешь? у Семушкиныхъ. Тое за мужъ скоро отдавать.

— Ну, что жь? Не вѣкъ же ей въ дѣвкахъ сидѣть?

— Да ты слышишь, махонькую нужно.

— Мало бъ ты что захотѣла. Гдѣжь ее взять, коли нѣтъ? Ты бы родила да и дала ей, коли ужь ты добра очень.

— Что ты меня-то родить посылаешь? Прежде на свой хвостъ оглянись.

— Мнѣ глядѣть нечего. Узоры не велики.

— Вотъ то-то и есть.

— Ты, милая, ворожишь что ли?

— Нѣтъ, я не ворожу. Мнѣ было вотъ дѣвочку.

— О! А мы думали, ты ворожишь. На чтожь тебѣ дѣвочку?

— Дочка она мнѣ.

— Дочка?

— Да, бѣленькая такая. Паранюшка.

— Нѣтъ, не знаю. Вонъ дѣвочка питомка бѣгаетъ, кургузая-то, вонъ! Подолъ на голову задрала. Ахъ ты подлая! Акуль! Акулька-а!

— Народятъ ребятищевъ да и раскидаютъ по чужимъ дворамъ, ворчала старуха, сидя у воротъ.

— Ходютъ! пдёнды московскія! право. Взяла бы васъ, изъ поганаго ружья застрѣлила. Суки!

На лужайкѣ, противъ церкви, сидѣли бабы, въ красныхъ рубашкахъ. Одна говорила:

— Лежу я, дѣвка, такъ-то и думаю: — какъ бы мнѣ не проспать! А сонъ это меня схватитъ, схватитъ, да какъ ударитъ; я и вскочу. А ночь темная, разтемная. Зябылась я чуточку и вижу, быдто я хлѣбы въ печку сажаю. Хлѣбы такіе бѣлые. Матушка будто стоитъ эдакъ подпершись. Какіе, говоритъ, у насъ хлѣбы-то удались, ровно какъ пшеничные. А я тороплюсь, сажаю. Какъ бы духъ-отъ изъ печки не вышелъ, боюсь до смерти. Вдругъ, откуда ни возьмись, — свинья, пестрая, да большущая, схватила одинъ хлѣбъ и убѣгла. Я за ней: аҳъ-ахъ-ахъ, ахъ-ахъ-ахъ, все бѣгу, все бѣгу, никакъ не догоню. И ужь сама себя не помню, полемъ все какимъ-то бѣгу, да все спотыкаюсь; кочки тутъ какія-то, ямы нарыты. А свинья эта обернулась ко мнѣ, и говоритъ: — нѣтъ тебѣ ничего! Посмотрѣла я на нее: а она страшная, разстрашная; зубы у ней вотъ эдакіе... Я такъ вся и затряслась... Батюшки мои! да какъ закричу и проснулась. А хозяинъ меня въ бокъ толкаетъ. Что ты, дура, орешь? Я бабкѣ сказываю, она говоритъ, это кто нибудь изъ родни помретъ.

— А я вотъ, говорила другая баба: — третью ночь все свекра

покойника свово вижу. Вижу, будто мету я избу, а онъ покойникъ, царство небесное, все меня сзади хватаетъ. Я оглянусь, что молъ ты, батюшка? а онъ мнѣ: ничего, говоритъ, ничего, говоритъ, мети, мети знай!

— Да чтой-то, бабы, никакъ эта проѣзжая-то сюда идетъ?

— И то, никакъ сюда.

— Ну, что голубка, не нашла дѣвочку-то?

— Нѣтъ, все не найду.

— А ты бы къ ворожеѣ сходила. У насъ тутъ не далеко есть старушка. Она бы тебѣ погадала.

— Да ужь ходила я къ нимъ: обѣщали вѣрно, а все нѣтъ. И у Сергія-то чудотворца два раза была.

— Ты бы въ правленіе еще сходила. Что писарь скажетъ. Пойдемъ, я тебя сведу, вызвалась одна баба. Пошли.

— У насъ тоже, я тебѣ скажу, говорила провожатая:—сладость-то не Богъ знаетъ какая. Девять душъ, робята маются. Однихъ рубахъ не напасешься. Посто-кась, мы у мужиковъ спросимъ.

Мужики стояли кучей между кабакомъ и волостнымъ правленіемъ. Разговоръ у нихъ былъ слѣдующій:

— Чтожь? извѣстно, наше дѣло такое.

— Что и говорить.

— Нѣтъ, вы, братцы, солдата спросите; онъ-то что тутъ?

— Я что? спрашивалъ солдатъ.

— Да; ты-то что?

Солдатъ подбоченился, поморщилъ брови и спросилъ: — за Дунаемъ былъ?

— Нѣтъ, не былъ.

— Ну, стало быть, нечего мнѣ съ тобой и толковать.

Одинъ пьяный мужикъ стоялъ среди улицы и, кланяясь другому, говорилъ:

— Вы наши отцы, а мы ваши дѣти. Отецъ милосердый!

А другой посмотрѣлъ на бабъ и сказалъ:

— Эти что, дряни-то, ходютъ здѣсь?

— Я милосердъ, закричалъ пьяный мужикъ.

— Брысь вы, шилохвостыя!

На крыльцѣ волостнаго правленія тоже сидѣли мужики. Бабы подошли къ нимъ.

— Степанъ Егорычъ гдѣ? спросила провожатая.

— А тебѣ на что?

— Да вотъ этой молодкѣ нужно на счетъ дѣвочки.

— Небось пьяный лежитъ Степанъ Егорычъ-то вашъ, а то у старшины.

— Тебѣ, тетка, дѣвочку? спросилъ кузнецъ.

— Да; дочку-было.

— Скоро нужно?

Баба обрадовалась.

— Да поскорѣй-то ужь лучше. Очень ужь я...

— Ишь ты какая проворная!

Мужики захохотали.

Пріѣзжая баба отправилась къ старшинѣ. Писарь въ это время сидѣлъ за столомъ и говорилъ:

— Они безъ меня шагу ступить не могутъ. Такъ ли я говорю?

— Это вѣрно, отвѣчалъ старшина, разбивая на лавкѣ камнемъ орѣхъ.

— Я говорю, продолжалъ писарь: — ваше высокоблагородіе, позвольте мнѣ въ отпускъ! А онъ: я, говоритъ, тебѣ, бездѣльникъ, такой отпускъ задамъ, ты у меня своихъ не узнаешь.

— Тамъ васъ, Степанъ Егорычъ, баба спрашиваетъ, сказала жена старшины.

— Какая баба?

— А я не знаю.

— Посылай ее сюда, сказалъ старшина.

Вошла пріѣзжая баба.

Старшина положилъ камень на окно и спросилъ:

— Что ты?

Баба поклонилась.

— Здравствуйте!

— Ну, здравствуй! Чего жь тебѣ нужно?

— Къ вашей милости!

— Не слѣпые, видимъ, что къ нашей милости. Какое такое твое дѣло? спросилъ писарь.

Баба поднерлась рукой въ щеку, посмотрѣла на старшину, потомъ на писаря, заморгала, заморгала глазами и повалилась въ ноги.

— Говори толкомъ. Что валяться-то? сказалъ писарь.

Баба поднялась и, стоя на колѣняхъ, сказала:

— Дѣтища моя отдана въ чужіе люди. Не найду.

— Ну такъ чтожь?

— Нельзя ли въ книжкѣ посмотрѣть? Шпитоночка она.

— То-то вотъ, сказалъ писарь: — дуры вы. Ходите безо время. Нешто не знаешь, грѣхъ въ праздникъ ходить.

Баба молча поклонилась.

— Это не дѣло, замѣтилъ старшина. — Надо время знать.

— Отцы вы наши сиротскіе! шопотомъ сказала баба.

— Нечево отцы. Отцы, да не ваши, отвѣчалъ писарь. Старшина подошелъ къ бабѣ и, покачиваясь надъ ней, сказалъ: — вотъ вы грѣшите, а начальство за васъ отвѣчай.

Баба, стоя на колѣняхъ, посмотрѣла на него.

— Вотъ что, прибавилъ старшина и опять сѣлъ.

Баба встала и собралась было уходить.

— Ну, да ладно, приходи ужо ко мнѣ въ правленіе, сказалъ ей писарь. — Бѣда мнѣ съ вами!

— Что станешь дѣлать, заключилъ старшина.—По глупости прощается.

Баба ушла.

На краю села стояла старая избенка, безъ крыши, съ однимъ окномъ. У воротъ торчала опрокинутая соха. Въ сумерки проѣзжая баба подошла къ этой избѣ и постучала въ окошко. Тамъ кто-то закашлялъ и спросилъ:

— Кто тамъ? Иди на дворъ!

Баба отворила калитку и вошла. По двору ходила овца. Въ сѣняхъ крыши тоже не было. На верху, въ слегахъ, копошились воробьи. Изъ избы послышался голосъ:

— Отыми, дверь-то отыми!

Баба попробовала было отпереть, но дверь была безъ петель и повалилась въ сѣни.

Въ избѣ на лавкѣ, у самаго входа, на зипунѣ, лежала больная женщина.

— Что ты? спросила она.

Пріѣзжая баба посмотрѣла вокругъ и сказала:

— Писарь говорилъ, дѣвочка у васъ тутъ есть...

— Есть, есть, дѣвочка. Хворастъ, какъ я же! Замучила лихоманка. Ты мать что ли ей? Казенная она у насъ. Коли мать, — возьми! Самимъ есть нечего.

Больная встала съ лавки, охая натянула зипунъ и вышла въ сѣни, говоря:

— До новаго хлѣба далеко, а старый еще къ святой пріѣли. Все кое-какъ, кое-какъ, по чужимъ людямъ; да хворь-то вуще всего... О-охъ!...

— Вотъ она лежитъ. Паранька! а Параня! Мать пришла, глядика сюда!

Въ сѣняхъ, на доскѣ, лежала въ жару трехлѣтняя дѣвочка, обернутая въ тряпье. Больная женщина подняла мѣшокъ, которымъ была накрыта дѣвочка, и показала ее пріѣзжей.

— На, вотъ, смотри! Она что ли?

Дѣвочка открыла глаза, съ испугомъ взглянула на бабу и застопала.

— Не видать мнѣ тутъ, говорила пріѣзжая.—Темно.

— Постой, я къ свѣту вынесу. Паранюшка! встань, ягодка ты моя! Головка болитъ, говорила больная, подымая дѣвочку и вынося ее на дворъ; больная сѣла на порогъ, а пріѣзжая припала къ ребенку и торопливо стала ее разглядывать. Дѣвочка лежала на колѣняхъ, закинувъ назадъ горячую голову, съ закатившимися глазами и раскрытымъ ртомъ.

— Охъ, не узнаю я такъ-то, говорила баба.—Поверни-ка ты ее вотъ этакъ, на бочокъ. На правомъ боку родинка тутъ у ней.

— Постой, постой, говорила больная.

— Повернись чуточку! вотъ такъ! Не бось! Мать тебѣ пирожка принесла. Не бось, милая! Что? есть чтоли?

— Нѣту.

— Ну, дѣлать нечего. — Видно не она, — сказала больная и понесла дѣвочку въ сѣни.

Пріѣзжая баба постояла на одномъ мѣстѣ, поводила глазами по двору, потомъ подошла къ двери, сказала: ну, прощай! и вдругъ хлопнулась объ землю и зарыдала:

— Дочка ты моя милая! дѣтища ты моя ненаглядная! при-

читала она, лежа на порогѣ и ухвативъ обѣими руками свою дорожную палочку. Котомка на ней тряслась, платокъ съѣхалъ съ головы.

Больная женщина подошла къ двери, посмотрѣла, посмотрѣла на пріѣзжую, сама припала къ ней и стала уговаривать:

— Ну, что ты? ну что? дура! дура! не плачь!

— Охъ, очень ужь у меня накипѣло, на сердцѣ-то накипѣло... Со вчерашняго съ утра вотъ этакой крошечки во рту не было...

— Постой, я тебѣ водицы принесу, сказала больная и пошла за водой.

Баба между тѣмъ встала, оправилась и повязала платокъ.

— Ну, я пойду! сказала она, хлебнувъ изъ ковшика воды.

— Куда-жь ты?

— Нѣтъ, пойду. Не могу я здѣсь. И пошла опять, вдоль села, той же дорогой, какой пріѣхала.

В. СЛѢПЦОВЪ.

БѢГУНЫ И СПАСЕННЫЕ БУРСЫ.

ОЧЕРКЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

(п. а. вагговѣщенскому).

Главное дѣйствующее лицо настоящаго очерка—Карась. Что это за рыба?

Карась былъ довольно самолюбивая рыба. Два его брата, уже бурсаки, смотрѣли на него, какъ на *маленькаго*, не допускали его не только въ серьёзныя, по ихъ понятію, предпріятія, но даже и въ простыя игры, и именно на томъ основаніи, что онъ *не пилъ еще семинарской каши*, а между тѣмъ, онъ слышалъ иногда отъ нихъ разсказы о разнаго рода играхъ бурсаковъ, о бурсацкихъ богатыряхъ, ихъ похожденіяхъ, продѣлкахъ съ начальствомъ, разсказы, которые казались ему очень привлекательны: все это породило въ немъ страстное желаніе, какъ можно скорѣе, всецѣло, по самыя уши окунуться въ болото бурсацкой жизни.

Насталъ давно ожиданный имъ день. Сняли съ Карася дѣтскую рубашку и, вмѣсто нея, надѣли сюртучокъ,—съ той минуты онъ почувствовалъ себя годомъ старше; онъ имѣлъ уже *свою* кровать, *свой* сундукъ, *свои* книжки, — это еще прибавило ему росту; дали ему на булки двадцать копѣекъ, капиталъ, рѣдко бывавшій въ его рукахъ, — тогда карасиная гордость сдѣлалась непомѣрна. Пришолъ часъ разставанія съ роднымъ домомъ: по-

молились Богу, благословили Карася, у матери слезы на глазахъ, отецъ серьёзенъ, сестренки задумались,—лишь Карась радуется и скачетъ, какъ сумасшедшій, онъ блаженствуетъ отъ той мысли, что еще нѣсколько минутъ, и онъ будетъ бурсакъ, бурсакъ съ головы до ногъ, вдоль и поперегъ.

Карася отвели въ бурсу. Здѣсь онъ простился съ отцомъ очень невнимательно. Ему хотѣлось поскорѣе присоединиться къ ученикамъ, которые играли на большомъ дворѣ бурсы въ *лапту*, *касло*, *отскокъ*, *свайку*, *рай и адъ*, *казаки-разбойники*, *краденую палочку* и т. п. Долго не думая, онъ, по уходѣ отца, отправился на дворъ, гдѣ и присоединился къ кучкѣ бурсачковъ, игравшихъ въ *рай и адъ*, т. е. скакавшихъ на одной ногѣ среди начерченной на землѣ фигуры, при чемъ носкомъ сапога они выбивали изъ разныхъ ея отдѣленій камешекъ...

Это очень весело, подумалъ Карась.

Но въ то же время онъ услышалъ насмѣшливый голосъ:

— *Новичокъ!*

— *Городской*, прибавилъ кто-то.

— *Маменькинъ сынокъ!*

«О комъ это»? думалъ Карась.

Его щипнули.

«Обо мнѣ», рѣшилъ онъ. Сердце его замерло отъ предчувствія чего-то не хорошаго...

— Смазь новичку!

«Это что такое»? подумалъ Карась.

На него налетѣлъ довольно взрослый бурсакъ и схватилъ его лицо въ свою грязную пясть. Карась вовсе не ожидалъ такого привѣтствія. Онъ сплился, но не ему, поступившему въ училище на десятомъ году, было бороться съ здоровыми бурсаками. Однако Карась не обратилъ вниманія на свое слабосиліе. Онъ размахнулся ногою и ударилъ ею своего обидчика въ животъ. Бурсакъ застоналъ и хотѣлъ дать трепку Карасю, но Карась ударился въ бѣги.

— Ай, да новичокъ! слышалъ онъ сзади себя одобреніе.

«Вона,—еще хвалятъ»! думалъ утекающій Карась.

Въ пять часовъ вечера, братья отвели Карася во второй приходскій классъ, гдѣ онъ и водворился на задней партѣ и скоро познакомился съ своимъ сосѣдомъ, котораго звали *Жирбасомъ*.

— Ты будешь учить урокъ? спросилъ Жирбасъ.

— Буду.

— Зачѣмъ?

— А учитель спроситъ?

— Быть можетъ, и не спроситъ.

— Такъ развѣ не учить?

— Не стоитъ.

— И не буду же учить.

Такъ Карась началъ свое духовное образованіе. Однако же чѣмъ развлечься? впереди предстояли еще три учебныхъ часа.

— Что жь мы будемъ дѣлать? спросилъ Карась.

— Давай играть *въ трубочисты*.

Но лишь только Жирбасъ сталъ *загадывать*, пряча грифель, подходитъ къ Карасю какая-то каналья и, показывая ему небольшую стклянку, говоритъ:

— Хочешь, *посажу тебя въ эту бутылочку?*

— Въ эту?... Какимъ образомъ?...

— Да ужь будешь сидѣть... хочешь?

— Шутишь, братъ!... Ну-ка сади!

— Вотъ тебѣ шапка—трись ею...

— И буду сидѣть въ бутылочкѣ?

— Будешь.

Карась беретъ поданную ему шапку и начинаетъ очень усердно тереться тою шапкой!

— Входишь въ бутылочку, лѣзешь, говорили окружающіе Карася товарищи, а сами хохотали.

— Чего вамъ смѣшно? спрашивалъ глупый Карась.

— Довольно! говорятъ ему:—сѣлъ въ бутылочку.

— Какъ такъ? спрашиваетъ Карась, отнимая отъ лица шапку.

Раздается дружный, веселый смѣхъ...

— Гдѣ жь я въ бутылочкѣ?

— Дайте ему зеркальцо.

Подали зеркало. Заглянувъ въ него, Карась не узналъ своей рожицы: вся она была черна, какъ у трубочиста. Только тутъ Карась смекнулъ, что шапка, которою онъ терся, была вымазана сажею, и ее трудно было примѣтить на черномъ сукнѣ. Карасю было досадно и стыдно.

— Самъ выпачкался, говорили ему.

— Не на кого и жаловаться...

— Пожаловаться? да мы его *вздуемъ*!

— Не буду я фискалить, отвѣтилъ Карась: — а вы все-таки подлецы!

Карасю пришлось выносить насмѣшки своихъ товарищей. Вымывъ рожицу изъ ведра, стоявшаго въ углу класса, Карась обратился къ Жирбасу, надѣясь на его сочувствіе...

— Черти этакіе! сказалъ онъ...

Но Жирбасъ, услышавъ такія слова, отвѣчалъ на нихъ оскорбительнымъ для карасинаго уха смѣхомъ.

— Жирная скотина! проворчалъ Карась...

Это было началомъ его раздора съ Жирбасомъ. Этотъ раздоръ съ каждой минутой развивался сильнѣе и сильнѣе, при тѣхъ случаяхъ, когда Карасю приходилось, какъ новичку, терпѣть разнаго рода шутки и продѣлки со стороны своихъ товарищей.

Къ Карасю подошолъ цензоръ и спросилъ его:

— *Видалъ ли ты Москву?*

— Никогда не видалъ.

— Такъ я тебѣ покажу ее.

Съ этими словами цензоръ схватилъ Карасиную голову въ свои руки, ущемилъ ее между ладонями и приподнялъ новичка въ воздухѣ...

— Ай, пусти! запищалъ Карась.

Цензоръ, потѣшившись надъ рыбою, опустилъ ее на парту. Жирбасъ опять смѣялся. Его рожа для Карася становилась противна.

— Жирная харя! сказалъ онъ вслухъ.

Это нисколько не обидѣло Жирбаса. Онъ только пуще захохоталъ. Карась нашолъ, что благоразумнѣе будетъ, если онъ и на этотъ разъ смирится — иначе его досада только усилитъ насмѣшки сосѣдей.

Но вотъ, спустя немного времени, подходитъ къ Карасю какой-то верзила. Строгимъ начальницкимъ тономъ онъ отдаетъ ему приказъ:

— Ступай на первую парту. Видишь, тамъ сидитъ больной ученикъ. Ты спроси у него *волосянки*.

Карась повинуется.

— Дай *волосянки*, говоритъ онъ, подходя къ указанному ученику.

— Изволь, сколько хочешь, отвѣчаетъ тотъ, и, вынувшись

въ волоса несчастнаго Карася, начинаетъ трепать его очень чувствительно... Карась пищитъ, на глазахъ его слезы.

Вернувшись на свое мѣсто, онъ слышитъ новый смѣхъ Жирбаса. Рожа этого сосѣда дѣлается для него ненавистна.

— Вотъ тебѣ! говоритъ ослившаяся рыба и даетъ толчекъ по боку сосѣда.

Но и это не дѣйствуетъ на Жирбаса.

— *Чкни* еще, говоритъ онъ, подставляя другой бокъ, а самъ заливается обиднымъ смѣхомъ.

— Свинья, привѣтствуетъ его Карась и отворачивается въ сторону, съ твердымъ намѣреніемъ не говорить ни слова съ сосѣдомъ.

Карась сидитъ насупившись. *Смазь, бутылочка, Москва, волосянка* показались ему очень солоны... Онъ опасается, чтобы еще не провели его на чемъ нибудь. Къ нему подходитъ одинъ второкурсникъ. Карась смотритъ на него подозрительно...

— Что, бѣдняга, тебя обижаютъ? говоритъ второкурсникъ ласково...

Карась отвѣчаетъ на этотъ вопросъ сердитымъ взглядомъ.

— Они новичковъ всегда обижаютъ, продолжалъ второкурсникъ. Ты мнѣ скажи, если кто тебя тронетъ.

Карась пойманъ былъ на ласковое слово...

— Чего они лѣзутъ ко мнѣ, проговорилъ онъ жалобно: — вѣдь я ихъ не трогаю?...

— Теперь ничего не бойся: я заступлюсь...

— Заступись, братъ...

Второкурсникъ сѣлъ подлѣ него и сталъ распрашивать, откуда онъ, гдѣ его отецъ, есть ли у него мать, братья и сестры. Карась довѣрчиво раскрылъ предъ новымъ знакомцемъ свою душу: его привѣтливость была очень кстати и во время для огорченнаго Карася...

— Хочешь булки? сказалъ онъ, развязывая узелокъ...

Второкурсникъ не отказался и сталъ еще ласковѣе.

— Давай, я тебѣ штуку покажу, говоритъ онъ... Напиши: *«я иду съ мечемъ судія.»*

Карась написалъ.

— Читай теперь сзаду напередъ, отъ правой руки къ лѣвой.

И отъ правой руки къ лѣвой выходитъ: *«я иду съ мечемъ судія.»*

Это очень понравилось Карасю...

— Подожди, я тебѣ еще покажу штуку, говоритъ второкурсникъ.

Онъ отлучился куда-то не на долго и, вернувшись, опять садится подлѣ Карася...

— Напиши, говоритъ: «*лей воду, лей; ей Богу, не скажу я никому.*»

Карась, въ надеждѣ, что еще у видитъ что нибудь въ родѣ «судіи съ мечемъ», взялъ карандашъ и написалъ, что требовалось.

Но едва успѣлъ онъ кончить послѣднее слово, какъ второкурсникъ окатилъ его водою изъ ковша, который онъ держалъ за спиною. Мокрый Карась понять не могъ, что это значитъ.

— Это еще что? спросилъ онъ.

— Самъ, отвѣчалъ второкурсникъ, далъ росписку, что никому не скажешь...

— Ахъ, ты подлецъ, подлецъ!...

Но подлецъ лишь только смѣялся. Отвратительный Жирбасъ вторилъ ему. Карась былъ униженъ и оскорбленъ. Онъ не вынесъ смѣха Жирбаса и, увлекшись злобой, довольно сильно ударилъ его по шеѣ... Но, казалось, Жирбасъ былъ неуязвимъ. Онъ послѣ удара, схватившись за животъ, раскатился пущимъ смѣхомъ... Карась стиснулъ зубы и, закрывъ лицо руками, сбирался плакать.

Въ то время проходилъ мимо него *Силычъ*, парень лѣтъ осмнадцати, товарищъ ему, десятилѣтнему мальчугану. Силычъ остановился около Карася, положилъ на его плечо руку, а другою ни съ того, ни съ сего, сильно ударилъ въ его спину. Духъ замеръ въ Карасѣ, потому что ударъ пришолся противъ сердца. Онъ со стономъ еле поднялъ свою голову.

— За что? проговорилъ онъ...

— *Такъ себѣ*, отвѣтилъ Силычъ...

И дѣйствительно, Силычъ, человѣкъ, какъ увидимъ далѣе, добрый, самъ не зналъ, за чѣмъ сдѣлалъ подобную гадость. Онъ ударилъ не по злости, не для потѣхи, не потому, что рука затеклась кровью и просила моціону, а именно *такъ себѣ*, безсознательно, какъ-то само ударилось, нечаянно... Онъ спокойно пошолъ далѣе, а Карась, наконецъ, не вынесъ и зарыдалъ...

Жирбаса при этомъ прорвало неудержимымъ смѣхомъ...

— Что, голубчикъ, вѣрно, не ѣдалъ еще такихъ штукъ?...

Въ Карасѣ вспыхнула вся злость, накопившаяся въ продолженіе занятныхъ часовъ...

— Подожди же, жирная тварь, проговорилъ онъ, и съ этимъ словомъ, схвативъ въ одну руку линейку, а въ другую довольно толстую книгу, онъ принялся отработывать Жирбаса — линейкой по бокамъ, а книгою по головѣ. Жирбасъ былъ старше Карася и сильнѣе, но оказался трусомъ. Онъ и не думалъ въ свою очередь сдѣлать нападеніе.

— Ай, да новичокъ! одобряли Карася.

— Молодчина!

— Ты корешкомъ-то его!

Карась послушался добраго совѣта, повернулъ книгу корнемъ внизъ и влѣпилъ ее въ темя ненавистнаго Жирбаса.

— Браво!

— Хлёстко!

— Свисни еще его!

Карась послушался и этого совѣта...

Наконецъ, Жирбасъ вырвался изъ его рукъ и, закричавъ: «я смотрителю пожалуюсь», скрылся за дверями.

Расположеніе товарищей къ Карасю перемѣнилось по уходѣ Жирбаса.

— Попался, голубчикъ! говорили ему.

— Такъ что же?

— А то, что накормятъ *березовой кашей!*

Карась струсилъ, но, не желая обнаружить этого, проговорилъ храбро:

— Пусть кормятъ! а самъ думалъ: «неужели меня въ первый же день отпорятъ? только этого не хватало!»

Чрезъ нѣсколько минутъ Карася подвели къ смотрителю, и, дѣйствительно, *въ первый же день* принятія въ бурсацкую вѣру онъ получилъ посвященіе въ количествѣ пяти ударовъ розгами, при чемъ ему было внушено: «только на первый разъ къ тебѣ снисходительны; впередъ будемъ драть больнѣе!» — Соображая, въ какомъ размѣрѣ должна усилиться порка въ будущее время, онъ въ горькомъ раздумьи возвращался въ классъ...

— Ну, что? спрашивали его товарищи...

Карась, онять не желая показаться трусомъ, отвѣчалъ:—

— Отодрали — вотъ и все.

— И тебѣ ни по чемъ?

— Дери, сколько хочешь — мнѣ все одно!

— Э, да ты молодецъ! похваливали его товарищи.

Карасиное самолюбіе ощутило пріятное щекотаніе, и онъ продолжалъ врать:

— Меня хоть пополамъ раздери, не струшу!

— Полно, такъ ли?

— Ей Богу, мнѣ ни по чемъ.

— Ахъ ты, поросенокъ, осадилъ его одинъ изъ второкурсниковъ: — а дирали ль тебя *на воздусяхъ?*

— *На воздусяхъ?* спросилъ въ недоумѣніи Карась...

— Да, ты вотъ откушай этой похлебки, тогда и говори, что *дерутъ — вѣдь не рѣпу сѣютъ.*

Карась, сдѣлавшись на нѣсколько минутъ предметомъ общаго вниманія, думалъ: «значитъ, и мы не изъ послѣднихъ?», но эту думу рефлектировала другая: «что это такое *на воздусяхъ?* что нибудь слишкомъ жестокое, если меня пугаютъ такой деркой?» — Но сила послѣдняго вопроса скоро была ослаблена тѣмъ, что онъ, за нѣсколько минутъ до ужина, подслушалъ мнѣніе нѣсколькихъ второкурсниковъ о своей личности. Они говорили: «изъ новичка, кажется, выйдетъ добрый парень. Фискалить онъ не любитъ, порки мало боится, Жирбасу отлично съѣздилъ по головѣ. Изъ него выйдетъ порядочный бурсакъ, только слѣдуетъ пошлифовать его хорошенько. Мы и пошлифуемъ его!» — Такія рѣчи настроили Карася на доброе расположеніе духа. Онъ соображалъ такъ: «всѣ эти спазмы, волосянки, треухи и бутылочки есть не что иное, какъ шлифованье. Это меня испытываютъ они. Значитъ, надо держать ухо востро!» — Онъ рѣшился показать себя молодцомъ и уже взыгрался духомъ, намѣреваясь заявить среди новыхъ товарищей свой характеръ, вполнѣ достойный бурсака. — «Что такое на воздусяхъ? и какое еще предстоитъ мнѣ шлифованье?» — когда эти мысли приходили ему въ голову, онъ старался прогонять ихъ тѣмъ, что «изъ него, вѣроятно, выйдетъ добрый парень». — «Посмотримъ, что будетъ!» говорилъ онъ себѣ.

Сходилъ онъ въ училищную столовую, «щей негодныхъ похлебалъ», поѣлъ каши и, послѣ молитвы, пришелъ въ спальную...

— Ты что? спросилъ его братъ, по прозванью *Носатый.*

— Меня отодрали, отвѣчалъ хвастливо Карась.

— Уже?

— Эгэ!

Братъ, выслушавъ подробности дѣла, одобрилъ поведеніе Карася... Но Карась, сообщая брату о томъ, за что его высѣкли, не сказалъ ему о своихъ слезахъ, которыя были вызваны у него сажаніемъ въ бутылочку, смазями, окачиваніемъ воды и затрещинами; въ немъ начиналъ развиваться ложный бурсацкій стыдъ, который запрещаетъ краснѣть отъ лозы.

Карась, главное дѣйствующее лицо этого очерка, будетъ описанъ нами съ особенными подробностями, потому что онъ во многихъ характерныхъ событіяхъ училища и семинаріи принималъ дѣятельное участіе и при томъ прожилъ въ бурсѣ четырнадцать лѣтъ, періодъ, который мы хотимъ прослѣдить въ своихъ статейкахъ о бурсацкомъ воспитаніи. При этомъ замѣтимъ, что мы *лично* и *очень коротко* знакомы съ господиномъ, носящимъ прозвище Карася, и эту правдивую исторію пишемъ съ его словъ.

Мы сказали, что Карась уже взыгрался духомъ отъ той мысли, что онъ покажетъ своимъ новымъ товарищамъ свой характеръ, вполнѣ достойный бурсака, и что потомъ все пойдетъ ладно. —«Обживемся», думалъ онъ. Но онъ и не предполагалъ, что главное горе было впереди. Онъ не носилъ имени Карася при поступленіи въ училище. Это прозвище онъ получилъ нѣсколько дней спустя, и оно-то было причиною тѣхъ его несчастій, о которыхъ поведемъ разсказъ.

Дѣло было такъ.

Не прошло и четырехъ дней, а Карась началъ уже задумываться о домѣ, скучать и потихоньку отъ товарищей плакать. Желаніе его обурсачиться пропало. Все въ училищѣ ему казалось гадко и противно. Съ каждой минутой открывались предъ нимъ гадости, описанныя въ нашихъ очеркахъ, и онъ скоро постигъ весь контрастъ между домашнимъ и училищнымъ бытомъ. Семейная жизнь теперь казалась ему полнымъ блаженствомъ, выше котораго нѣтъ на свѣтѣ, бурсацкая — царствомъ безконечныхъ мученій. Онъ усиленно всматривался въ чорную бездну, которая легла между той и другой жизнью... Домой хотѣлось, домой!... Теперь самыми счастливыми для него минутами были тѣ, когда онъ видѣлся съ своими братьями; но онъ ошибся и въ братьяхъ, когда думалъ, что поступивъ въ бурсу, онъ сдѣлается равенъ имъ. Карась принадлежалъ къ *приходчикамъ*, на которую

старшіе классы смотрѣли свысока и съ пренебреженіемъ. Съ товарищами онъ не успѣлъ сойтись. Тоска грызла карасиное сердце, и ему приходило не разъ въ голову: «не дать ли тягу изъ училища?—но куда бѣжать?» Въ это время Карась и придумалъ дѣло, которое показалось ему очень хорошимъ.

Карась еще дома зналъ, что въ училищѣ такъ называемыя *пѣвчія* не житье, а масляница. Въ епархіальномъ главномъ городѣ той бурсы, въ которую поступилъ онъ, было нѣсколько духовныхъ пѣвческихъ хоровъ: ученическій, семинарскій, академическій, архіерейскій и, кромѣ того, два хора при городскихъ церквахъ. Дисканты и альты (иногда басы и теноры) въ эти хоры набирались изъ учениковъ. Родители всегда возставали противъ того, что ихъ дѣтей верстали въ пѣвчіе. Хоры положительно портили дѣтей (*). Мальчики теряли учебное время на спѣвкахъ, *заказныхъ* обѣдняхъ, свадьбахъ и т. п. Въ прошломъ очеркѣ мы приводили факты бурсацкаго невѣжества, но самое глухоголовое невѣжество царило въ пѣвческихъ хорахъ. Дѣльные бурсаки разсказываютъ, что за *четырнадцать* лѣтъ они помнятъ только *одного* умнаго человѣка, бывшаго въ маленькихъ пѣвчихъ, да и тому не удалась жизнь: поступивъ, по окончаніи семинарскаго курса, псаломщикомъ въ одинъ изъ университетскихъ заграничныхъ городовъ, съ намѣреніемъ получить полное образованіе, онъ кончилъ тѣмъ, что застрѣлился. Хоры, дѣлая мальчиковъ дураками, въ то же время развращаютъ ихъ. Присутствуя очень часто на поминкахъ, на которыхъ, какъ извѣстно, нашъ православный людъ ѣстъ и пьетъ безъ всякой мѣры, дѣти не только видятъ пьяныхъ, но привыкаютъ и сами пить водку. Равнымъ образомъ, они нерѣдко бываютъ при кутежахъ большихъ пѣвчихъ, слышатъ циническіе разсказы о полусвѣдерныхъ, о любовныхъ похожденіяхъ, картежной игрѣ, о дракахъ и разнаго рода скандалахъ. Кромѣ того, маленькіе пѣвчіе получаютъ деньжонки, особенно такъ называемые *исполатчики*, — деньжонки идутъ у нихъ не путемъ. Понятно, что очень легко погибнуть мальчику въ пѣвческомъ хорѣ.

Карась не зналъ ничего этого. Онъ рѣшился поступить въ

(*) При нашей характеристикѣ хоровъ должно помнить, что она вполнѣ относится не ко всѣмъ имъ: изъ нихъ отчасти должно исключить хоры при учебныхъ заведеніяхъ, хотя и эти хоры не совсѣмъ безвредны, но о нихъ рѣчь будетъ когда нибудь послѣ.

хоръ. Впрочемъ, онъ поступалъ въ учебный хоръ, въ которомъ хотя тоже баловались дѣти, но все же не развращались. Поступивъ въ семинарскій хоръ, Карась могъ отлучаться изъ училища два раза въ недѣлю на спѣвки, при чемъ хоть сколько нибудь удавалось подышать чистымъ воздухомъ; кромѣ того, въ семинаріи пѣвчихъ поили иногда чаемъ и давали деньги; наконецъ, пѣвчіе состояли подъ особымъ покровительствомъ семинарскаго начальства. Смекнувъ все это, Карась, въ то время, когда ему противна стала бурса, поступилъ въ хоръ; но не смекнулъ Карась того, что онъ, не смотря на свой сильный альтъ, не имѣлъ никакого пѣвческаго таланта. Это ему дорого обошлось. Лучше бы и въ самомъ дѣлѣ быть ему безгласной рыбой, а не пѣвчимъ. За постоянный фальшъ въ пѣніи начали драть ему уши, подчивать пинками, щипками и ударами камертона въ голову. Тогда Карась пустился на хитрости. Его сотрудники поютъ, а онъ только ротъ разѣваетъ. «Не замѣтятъ», думаетъ: — «скажутъ, что и я пою». Но регента трудно было провести такими штуками.

— Ты, галчонъ, что только ротъ разѣваешь? сказалъ онъ Карасю.

— Я пою.

— Врешь, каналья.

— Ей-Богу же пою!

Карась перекрестился.

Карась крестится, а его за ухо.

— Пой, нѣмецъ, громче!... шибче!...

Карась заревѣлъ во все горло. Пѣніе вышло такъ хорошо, что всѣ расхохотались и самъ регентъ не выдержалъ. Одинъ же озорникъ, изъ маленькихъ пѣвчихъ, по прозванію *Лёха*, указывая на мученика пальцемъ и задыхаясь отъ смѣху, проговорилъ:

— Ка...ка...ка...ррась!...

— И вправду, Карась... Широкой, какъ Карась, подхватили другіе.

— Его надо въ прудъ!

Пошла потѣха.

Карась не былъ на столько благоразуменъ, чтобы обратить дѣло въ шутку. На возвратномъ пути Лёха дразнилъ его и, когда они пришли въ училище, бурсачки, окруживъ его, стали кричать:

— Карась!

— Рыба!

— Съ ершомъ подрался!

Карась сталъ браниться; его начали дергать за полы и щипать; тогда Карась принялся за палки и каменья. Весело стало ученикамъ; толпа увеличилась. Наконецъ, кто-то сшибъ Карася съ ногъ.

— *Мала куча!*

На Карася повалили другихъ, на другихъ третьихъ и пошла исторія.

— Гдѣ ты, Карасище? кричали сверху.

Карасю животъ тискали, Карась задыхался, Карась землю ѣлъ, Карась плакалъ...

Послѣ долгихъ усилій онъ вырвался кое-какъ и ударился бѣжать въ классъ. Бурсаки бросились за нимъ въ погоню. Въ классѣ окружили его снова.

— Давайте *нарекать* Карася...

Схватили его за руки и всевозможными голосами, съ крикомъ, визгомъ, лаемъ, стономъ, начали кричать въ самыя уши его:

— Карась, карась, карась!

Гвалтъ поднялся страшный, и среди него ученики не слышали, какъ раздался звонокъ, возвѣщающій классныя занятія. Прошло довольно времени, и уже въ сосѣдній классъ пришолъ учитель, знаменитый Лобовъ, а шумъ не унимался. Несчастнаго Карася щипали, сыпали въ голову щелчки, кидали въ лицо жеванную бумагу. Карась точно въ котлѣ варился; онъ постепенно былъ оглушонъ и ощипанъ. Шутка зашла такъ далеко, что ему уже казалось, будто изъ міра дѣйствительности онъ перешолъ въ міръ полугорячечнаго, безобразнаго сна. Ревъ былъ до того невыносимъ, что Карасю представлялось, что реветъ кто-то внутри самой головы его и груди. Начиналъ онъ щалѣть, предметы въ глазахъ путались, линіи перекрещивались, цвѣта сливались въ одну массу. Еще минута, и онъ упалъ бы въ обморокъ. Но Карася такъ жестоко щипнули, что вся кровь бросилась въ лицо его, въ вискахъ и на шеѣ вздулись жилы, и онъ съ остервенѣніемъ и въ безпамятствѣ бросился на перваго попавшагося подъ руку; пальцы его, вцѣпившись въ волоса жертвы, закостенѣли.

Дѣло кончилось крайне омерзительно...

Въ классъ вошолъ Лобовъ, котораго взбѣсилъ шумъ бурса-

ковъ. Всѣ разбѣжались по мѣстамъ; лишь одинъ Карась таскалъ свою жертву, которая, къ несчастію, пришлась ему подъ силу.

— Взять его! приказалъ Лобовъ.

Никто ни съ мѣста.

— Взять его!

На Карася бросились ученики большаго роста и въ одно мгновеніе обнажили тѣ части корпуса, которыя въ бурсѣ служатъ проводниками человѣческой нравственности и высшей правды.

— *На воздусяхъ его!*

Карась повисъ въ воздухѣ.

— Хорошенько его!

Справа свистнули лозы, слѣва свистнули лозы; кровь брызнула на тѣлѣ несчастнаго, и страшнымъ воемъ огласилъ онъ бурсу. Съ правой стороны опоясалось тѣло двадцатью пятью ударами лозъ, съ лѣвой столькими же. Нервы его были уже измучены тогда, когда его нарекали Карасемъ, щипали и заушали, а во время наказанія они совершенно потеряли способность къ воспріятію моральныхъ внечатлѣній: память его была отшиблена, мысли... мыслей не было, потому что въ такія минуты разсудокъ не дѣйствуетъ, нравственная обида... и та созрѣла послѣ, а тогда онъ не произнесъ ни одного слова въ оправданіе, ни одной мольбы о пощадѣ, раздавался только крикъ живаго мяса, въ которое впивались красными и темными рубцами жгучія, острыя, яростныя лозы... Тѣло страдало, тѣло кричало, тѣло плакало... Вотъ почему Карась, когда послѣ его спрашивали, что въ его душѣ происходило во время наказанія, отвѣчалъ: «не помню». Нечего было и помнить, потому что душа Карася умерла на то время.

— Бросьте его!

Въ жизни человѣка бываетъ періодъ времени, отъ котораго зависитъ вся моральная судьба его, когда совершается переломъ его нравственнаго развитія. Говорятъ, что этотъ періодъ наступаетъ только въ юности; это неправда: для многихъ онъ наступаетъ въ самомъ розовомъ дѣтствѣ. Такъ было и съ Карасемъ. Слышали мы отъ него мнѣніе такого рода: «всѣ увѣрены, что дѣтство есть самый счастливый, самый невинный, самый радостный періодъ жизни, но это ложь: при такой системѣ нашего воспитанія, въ которой участвуютъ подобные педагоги, — это са-

мый опасный періодъ, въ который легко развратиться и погибнуть на вѣки». Это Карась испыталъ на себѣ...

Карась, послѣ *нареканія* и порки, не могъ опомниться, и надолгое время потерялъ способность соображать. На другой день его посѣтилъ отецъ. Лишь только онъ увидѣлъ отца, изъ глазъ его полились слезы. Родное селеніе, кладбище, домъ съ садомъ, семья, домашніе товарищи, игры—все это живой картиной встало предъ его воображеніемъ. Онъ теперь хорошо понялъ, какъ мила домашняя жизнь, которая казалась ему такой простой, и какъ гнусна бурсацкая, къ которой онъ когда-то стремился.

— Домой хочу, говорилъ онъ, глотая соленую слезу.

Отецъ его былъ человѣкъ въ высшей степени добрый. Ему сдѣлалось жалко сына...

— Тятенька, возьмите меня домой.

— Нельзя, отвѣчалъ отецъ:—надобно учиться: всѣ учатся, и ты не маленькой... Сначала только скучно, а потомъ привыкнешь... Ты веди себя хорошо, хорошо и жить будетъ.

Но отецъ вдругъ прервалъ свою рѣчь. Онъ подумалъ: «всѣ мы говоримъ дѣтямъ подобныя вещи, но они никогда не утѣшаютъ ихъ». Отецъ вздохнулъ.

— Зачѣмъ вы меня отдали сюда?

Сынъ заплакалъ.

— Обижаютъ, что ли, тебя?...

Сынъ ничего не отвѣчалъ...

Отецъ видѣлъ, что что-то не ладно... Онъ опять сказалъ ласково:

— Что же, тебѣ худо здѣсь?..

Не только дѣти, но и взрослые, когда посѣщаетъ ихъ горе, дѣлаются несправедливы къ самымъ близкимъ людямъ и друзьямъ, отплачивая на нихъ свое горе. У Карася появилась досада на своего добраго отца.

«Зачѣмъ меня отдали въ эту проклятую бурсу?» разсуждалъ онъ, не говоря отцу ни слова.—«Зачѣмъ меня заперли сюда?... Отецъ меня не любитъ, мать тоже, братьямъ и сестрамъ я не нуженъ...Большіе всегда обижаютъ маленькихъ...Когда такъ, не хочу домой... пусть ихъ... мнѣ все одно... Что и дома, когда тамъ всѣ ненавидятъ меня?.. Имъ пріятно, что я мучусь... нарочно отдали сюда, чтобъ меня сѣкли, били, ругали... Отпустятъ въ субботу домой, не пойду домой».

Такъ разсуждалъ Карась, а самому страстно хотѣлось домой. Казалось, тутъ бы и раскрыть свою душу передъ отцомъ, но Карась роптalъ и думалъ про себя: «къ чему? не поможетъ!» Онъ рѣшился ничего не говорить отцу, который такъ и не узналъ, какую моральную и физическую пытку перенесъ его сынъ въ первые дни училищной жизни.

Когда уполъ отецъ, къ тоскѣ по родномъ домѣ присоединился страхъ. Карась и не подозрѣвалъ, что онъ, сравнительно съ большинствомъ новичковъ, довольно счастливо началъ бурсацкую карьеру. Товарищи знали, что онъ вошолъ въ училище съ веселымъ лицомъ, а не со слезами, на первую пожалованную ему связь отвѣчалъ ногой въ животъ обидчика, когда его сажали въ бутылочку, давали ему волосянку, показывали Москву, обливали водой, когда билъ его Силычъ, — онъ и не думалъ жаловаться начальству, значитъ, изъ него не выйдетъ фискала; онъ лихо отколотилъ Жирбаса, получилъ въ первый же день порку; когда дразнили его на дворѣ, онъ хватался за палки и каменья, а не бѣжалъ къ инспектору; даже во время самаго *наречения* его, вцѣпился въ волоса одного бурсака: — все это были факты такого рода, которые внушали уваженіе къ Карасю. Для него скоро бы прошло время, въ которое его считали бы новичкомъ и въ которое больше всего терпитъ бурсакъ; но онъ потерялъ способность резюмировать,—Лобовъ отшибъ эту способность на время. Не будь Лобова, дѣло еще пошло бы кое-какъ. Но въ это-то время душевнаго отупѣнія предъ нимъ и развернулась широкая, бездонная, зіяющая пропасть бурсацкихъ ужасовъ, силу которыхъ онъ испыталъ на своей кожѣ, мясѣ и костяхъ. Карась находился теперь подъ полнымъ подавляющимъ вліяніемъ этой силы: мертвая безнадежность, глухое отчаяніе легли на его сердце, и если бы товарищи продолжали мучить его, а начальники драть безпощадно, не давъ отдохнуть для борьбы, онъ превратился бы или въ дурака, или подлеца. Вспоминая это страшное время, Карась говоритъ: «многія честныя дѣти честныхъ отцовъ возвращаются домой подлецами; многія умныя дѣти умныхъ родителей возвращаются домой дураками. Плачутъ отцы и матери, отпуская сына въ бурсу, плачутъ и принимая его изъ бурсы». Карась уединился ото всѣхъ и замкнулся. Онъ всѣхъ боялся.

Но должно же было разрѣшиться чѣмъ нибудь это пассивное страданіе? Оно могло пока разрѣшаться только внутреннимъ путемъ. Въ душѣ его проявляется страшная злость и ненависть,

однако боящаяся обнаружить себя. Она горячитъ воображеніе Карася, и въ головѣ его возникаютъ странныя идеи и картины. Онъ переносится въ область фантазіи, единственный уголокъ, гдѣ можетъ онъ пріютиться безопасно.

«Хоть поджегъ бы кто ненавистную бурсу!» думаетъ онъ; эта мысль очень нравится ему, и онъ быстро доходитъ почти до образныхъ созерцаній.

Карась представляетъ себѣ, какъ онъ, съ зажженной паклей въ рукахъ, опускается въ подвалы училища, строитъ тамъ огромные костры и, вышедши оттуда, ждетъ, скоро ли пламень своими огненными языками начнетъ лизать проклятыя бурсацкія гнѣзда. Злость его видитъ, какъ пожаръ охватилъ бурсу... трещатъ, нагибаются, падаютъ стѣны...разрушаются гнусные классы..., горятъ противныя книги и учебники, журналы и нотаты.... гибнутъ въ огнѣ начальники и учителя, цензора и авдиторы... Съ галлюцинаціонною ясностію стоитъ передъ Карасемъ нарисованная имъ картина... Слышитъ онъ трескъ и громъ разрушающагося зданія, вопль умирающихъ... «Это кто стонетъ?» спрашиваетъ Карась. — «А! это Лобовъ»... Карась съ сладострастнымъ наслажденіемъ любуется своими образами и живетъ здорадостной и мечтательной мыслью... Нервы его въ полугорячечномъ состояніи; пульсъ бьетъ девяносто въ секунду; голова горитъ... Когда въ дѣйствительности силы связаны, тогда у мальчика съ сильнымъ воображеніемъ является въ неестественныхъ образахъ гиперболическая месть. Доводя злыя мечты до послѣдняго развитія, Карась повторяетъ одно и то же нѣсколько разъ, опредѣляя каждую подробность ихъ, каждую мелочь. Но такое психическое состояніе не можетъ продолжаться долго; душа утомляется и начинаетъ незамѣтно пробиваться здравая мысль. Карась, погруженный въ свирѣпыя мечтанія, почему-то вдругъ вспоминаетъ, какъ онъ однажды подшибъ нечаянно камнемъ голубя и потомъ цѣлую ночь не могъ заснуть отъ мученій совѣсти... Онъ ясно начинаетъ понимать всю ложь и безобразіе своихъ картинъ, гонитъ ихъ прочь, на душѣ дѣлается пусто и противно, остается одна тошнота отъ неумѣренныхъ и безплодныхъ мечтаній.

Яркій звонокъ возвѣстилъ часъ вечернихъ занятій.

Дѣйствительность, отъ которой онъ закрывалъ глаза и затыкалъ уши, врывалась насильно въ сознаніе, обнаруживая все ребячество его раздраженнаго воображенія. Онъ сидѣлъ въ классѣ,

на задней партѣ, понуря тоскливо голову. Уличенный совѣстью, онъ теперь гналъ отъ себя мечты, и такимъ образомъ ни во внѣшнемъ, ни во внутреннемъ мірѣ не осталось мѣста, куда бы можно было спрятаться, а между тѣмъ душа и тѣло просятъ дѣятельности. Въ этомъ мучительномъ состояніи Карась не знаетъ, что и дѣлать. Очень тяжело ему.

«Господи, думаетъ онъ въ невыносимой тоскѣ: хоть захворать бы мнѣ!» Это было толчкомъ, отъ котораго развились фантазіи въ новомъ направленіи. Кромѣ внутренняго міра нигдѣ не было пріюта. И вотъ Карась болѣнъ... Онъ при смерти... Родная семья плачетъ около его постели и прощается съ нимъ до радостнаго утра... Карась готовится къ переходу въ вѣчность... послѣдній часъ... Но далѣе мечта сбивается съ пути, потому что умирать не хочется. Карасю является какой-то святой мужъ исцѣляетъ его и велитъ идти спасаться въ пустыню... Рисуется ему пустынная, мирная, ангельская жизнь, трудные подвиги, церковныя пѣсни, бесѣды съ Богомъ... Изъ него выходитъ великій подвижникъ... къ нему стекаются жители окрестностей... Долгіе годы онъ постится, молится, изнуряетъ свою плоть, благодѣтельствуетъ людямъ... и онъ уже видитъ, какъ онъ приближается къ кончинѣ... какъ . . . . . .

. . . . . .

— Карасище!..

Это былъ голосъ не съ того свѣта, а изъ бурсацкаго міра.

— Ты братъ *Носатаго*?

Карась видитъ предъ собою страшнаго Силыча и инстинктивно сокращаетъ свою шею...

«Боже мой, онъ опять пришелъ бить меня!» думаетъ Карась.

— Братъ тебѣ Носатый? повторяетъ Силычъ...

— Братъ, отвѣчаетъ Карась, не понимая, къ чему идетъ дѣло...

— И ладно, коли братъ... Теперь ты ничего не бойся... Я за тебя, потому что твой братъ мой первѣйшій другъ... Кадуйся мнѣ, кто будетъ обижать тебя... Слышишь?

— Слышу. Но, вспоминая коварнаго второкурсника, Карась недовѣрчиво смотрѣлъ на новаго покровителя...

— Тише! закричалъ Силычъ звонкимъ голосомъ...

Больные ста человѣкъ приготовились слушать Силыча со вниманіемъ. Это показываетъ, какое онъ имѣлъ вліяніе въ классѣ.

— Встань! сказалъ онъ Карасю.

Карась поднялся на ноги...

— Вотъ эту рыбу, обратился онъ къ классу показывая на Карася:—никто не смѣть обижать!.. Кости переломаю тому, кто тронетъ Карася...

Карасю стало легко на сердцѣ...

— А ты, Карась, жалуйся мнѣ... Скажи, кто тебя трогалъ?

— Не знаю.

Онъ дѣйствительно не зналъ, на кого указать...

— Не бойся; говори, кто тебя обижалъ?

— Никто не обижалъ...

— Быть не можетъ...

— Да всѣ обижали...

Это было вѣрнѣе.

— Кто твой авдиторъ?

— *Рыжикъ*.

— Хорошо. Я скажу ему, чтобы онъ не смѣлъ *тебя мучить* (строго выслушивать урокъ).

— Спасибо, Силычъ...

— Будетъ просить булки, не давай...

— Ладно, Силычъ...

— Такъ слушайте же, опять братился Силычъ къ классу:— бѣда тому, кто даже пальцемъ тронетъ Карася!..

Но на этотъ разъ послышался отвѣтъ нѣкоего *Паникадилы*:

— Ну, не велика еще бѣда...

Силычъ посмотрѣлъ въ ту сторону, откуда слышался голосъ. Онъ ничего не отвѣчалъ, а только сердито сжалъ кулакъ...

— Не бойся, сказалъ онъ Карасю, и сталъ гулять по классу...

Изъ міра фантазій, Карась быстро и охотно перешолъ въ міръ дѣйствительности. Точно гора свалилась съ его плечь... Оглядывая товарищей, онъ видѣлъ, что впечатлѣніе, произведенное Силычемъ, было очень велико... Легко, весело, вольно стало ему. Онъ началъ наблюдать жизнь занятныхъ часовъ и скоро увлекся ею...

Но онъ и не подозрѣвалъ, что сдѣлался теперь предметомъ раздора между Силычемъ и Паникадиломъ...

Что такое Силычъ?

Носатый, братъ Карася, до поступленія въ училище, ходилъ въ частную школу, гдѣ и познакомился на понюшкѣ табаку съ сыномъ вдовы дьячихи, Силычемъ. Впослѣдствіи они стали друзьями. Оба они поступили во второй приходскій классъ бур-

сы... Силычъ остался на второй курсъ — вотъ почему и встрѣчаемъ его, осьмнадцатилѣтняго парня, товарищемъ Карася и имѣстѣ съ нимъ склоняющимъ: «перо, пера, перу», долбящимъ: «единъ Богъ», изучающимъ «сумму» и «разность». Силычъ былъ средняго роста, не красиво скроенъ, но крѣпко сшитъ и обладалъ замѣчательной силой... Онъ однажды пришолъ въ гости къ своему пріятелю, Носатому. Отправились на рѣку. Тамъ мужики ловили рыбу. Одинъ изъ рыбаковъ сматывалъ веревку съ ворота.—«Дядя», говоритъ Силычъ:—«давай я буду сматывать, а ты останови воротъ за палку». — Ты, кутья, должно быть, съ ума сошолъ, отвѣчалъ мужикъ. — «Такъ верти же хорошенько». — Мужикъ завертѣлъ воротъ, такъ что палки его слились для глаза въ одинъ сплошной кругъ, съ каждой минутой усиливая скорость оборотовъ;—Силычъ подставилъ свою крѣпкую ладонь, толстая палка ворота влѣпилась въ неё — и воротъ остановился неподвижно. Мужикъ только подивился на него. При такихъ крѣпкихъ мышцахъ, Силычъ обладалъ не меньшею и ловкостью. Приходитъ онъ еще разъ къ Носатому въ гости. Теперь они пошли гулять въ поле, но лишь только стали подходить къ забору, какъ услышали сзади себя голосъ мужика, который ругался, затѣмъ они траву мнутъ. Друзья полѣзли черезъ заборъ на кладбище; мужикъ за ними. Силычъ смѣло встрѣтилъ его. — «Что тебѣ надо?» спросилъ онъ мужика. Тотъ оказался нѣсколько пьянымъ и, разгорячонный виномъ, хотѣлъ ударить Силыча. Его рука уже описала полукругъ въ воздухѣ, но въ то время, когда долженъ былъ совершиться ударъ, Силычъ быстро наклонился, всталъ предъ мужикомъ снова и, скрестивъ руки, сказалъ: «бей еще!»—И на этотъ разъ мужикъ не могъ поймать лицо Силыча. Тогда только Силычъ произнесъ: «съ трехъ разъ не попалъ! теперь держись за землю, а не то упадешь», и съ этими словами сшибъ мужика съ могилы... И вотъ этакой-то господинъ, за одно съ Карасемъ, склонялъ: «перо, пера, перу», долбилъ «единъ Богъ и т. п. Что же дѣлать? Его поздно отдали въ бурсу, и по нея онъ добывалъ для матери копѣйку, справляя службы за дьячковъ, читая по покойникамъ, занимаясь сдавленіемъ Христа, молебнами и обѣднями. Будучи ученикомъ, онъ въ семьѣ и среди знакомыхъ принимался, какъ взрослый человѣкъ. Силычъ былъ человѣкъ добрый. Онъ никогда не употреблялъ своихъ здоровыхъ кулаковъ на то, чтобы вымудить деньгу или добиться отъ кого нибудь низкой послуги. Если же онъ и давалъ кому затрещину,

какъ, напримѣръ, Карасю, при первомъ съ нимъ знакомствѣ, то изъ этого еще ничего не слѣдуетъ: въ бурсѣ затрещина — все одно, что въ лавкѣ мелкая монета. Но поступить подъ защиту такого господина, значило обезпечить себя отъ всевозможныхъ обидъ съ чьей бы то ни было стороны... Силычъ былъ и не глупъ и не его бѣда, что такъ поздно онъ началъ склонять «перо, пера, перу»...

Что такое Паникадило?

Чтобы опредѣлить его, надо сказать напередъ, что такое *озубки*. *Озубками* въ бурсѣ называются куски хлѣба, остающіеся на столѣ отъ обѣда и ужина, и притомъ такіе куски, которые имѣютъ на себѣ слѣды чьихъ либо зубовъ. Въ бурсѣ есть повѣрье, что съѣденный озубокъ сообщаетъ силу того, кому онъ принадлежитъ. Многіе постоянно ѣли чужіе озубки, чтобы сдѣлаться богатырями. Паникадило, великовозрастный ученикъ, былъ ихъ уже нѣсколько лѣтъ. Онъ постоянно бахвалился своей силой, которая была дѣйствительно велика. Онъ со всѣми передрался въ классѣ, кромѣ Силыча. Силычъ былъ для него бѣльмомъ на глазу, за то, что удержалъ въ своихъ рукахъ пальму кулачнаго первенства. Онъ и боялся Силыча, и не хотѣлъ вѣрить, чтобы тотъ смогъ дать ему трепку. Этотъ вопросъ давно мучилъ Паникадилу, и онъ рѣшилъ, что должно получить отвѣтъ сегодня...

Карасъ, между тѣмъ, совершенно успокоился. Онъ опять сошелся съ Жирбасомъ, который оказался круглымъ дуракомъ.— «Это не бѣда!» подумалъ Карасъ и сталъ играть съ нимъ въ трубочисты.

— Въ которой рукѣ? спрашивалъ онъ Жирбаса...

Въ это время подошелъ къ нему Паникадило, взялъ его за воротникъ сюртука, положилъ спиной на парту и сталъ загибать ему салазки...

— Оставь! кричалъ Карасъ.

Паникадило гнулъ ему ступни за самыя плеча.

— Силычъ! завопилъ Карась...

— Что? откликнулся тотъ.

— Заступись!...

Явился Силычъ. Паникадило того и ждалъ... Онъ бросилъ Карася.

Начались предварительные переговоры.

— Ты зачѣмъ, сволочь, трогаешь его?

— А тебѣ что?

— Не слышалъ, что я говорилъ?

— На это ухо глухъ.

— Значитъ, выпряски захотѣлось?

— Ну-ко, тронь!

— А ты думаешь, не трону...

Силычъ подвинулся къ Паникадилѣ...

— Задѣнь только, задѣнь!...

Паникадило подвинулся къ Силычу.

— Слышь, не лѣзь!

Силычъ толкнулъ Паникадилу плечомъ...

— Ты не толкайся!

Толчокъ былъ отданъ обратно...

Въ такой формѣ бурсаки, желающіе подраться, бросаютъ другъ другу перчатку.

Началось плюходѣйствіе.

Спеціалисты сразу же рѣшили: «намнутъ Паникадилѣ бока», и дѣйствительно, не прошло пяти минутъ, какъ Силычъ сидѣлъ верхомъ на Паникадилѣ, мялъ его и спрашивалъ:

— *Живота или смерти?*

— Пусти!... чортъ съ тобой!...

— Карася будешь трогать?

— Да ну тебя!

— То-то!

Потрясши Паникадилу за шиворотъ, Силычъ отпустилъ его съ миромъ.

Паникадило, отправляясь на свое мѣсто, думалъ про себя: «чорта съ два: эти проклятые озубки ничего не значатъ. А впрочемъ, я, быть можетъ, мало ѣлъ ихъ?» И послѣ того, онъ продолжалъ ѣсть озубки, и, быть можетъ, по настоящую минуту кушаетъ ихъ, но болѣе никогда онъ не рѣшался схватываться съ Силычемъ...

Такимъ образомъ, куча плюхъ, смазей и салазокъ, тычковъ, пинычковъ и плевковъ, зуботрещинъ, заушеній и заглушеній процвѣла довольно благополучно надъ головой Карася.

И опять повторимъ: — не для всѣхъ проходятъ первые дни бурсацкой жизни такъ счастливо, какъ они счастливо миновались для Карася... Но ни для кого они не остаются безъ послѣдствій; не остались безъ нихъ и для Карася.

Первыя впечатлѣнія бурсы на Карася были таковы, что не помоги Силычъ, то онъ, какъ говоритъ самъ, превратился бы въ подлеца, либо въ дурака. Эти впечатлѣнія опредѣлили, главнымъ образомъ, весь дальнѣйшій характеръ его бурсацкой жизни.

По отношенію къ начальству онъ сдѣлался полнѣйшимъ, закаленнымъ, пропеченнымъ бурсакомъ... Главное начало товарищества, ненависть къ своему начальству, въ немъ укоренилось и развилось болѣе, нежели въ комъ другомъ. Онъ получилъ доучилищное воспитаніе довольно гуманное и честное, но бурса должна была положить на него свое клеймо. Лобовская порча сдѣлала то, что онъ, послѣ нея, никогда уже не могъ обращаться съ своимъ начальникомъ просто, спокойно и откровенно. Довѣренность къ начальству въ немъ была убита сразу и навсегда. Это, главнымъ образомъ, выразилось въ томъ, что онъ никогда не могъ смотрѣть начальнику прямо въ глаза, а всегда изъ подлобья; никогда не говорилъ естественнымъ голосомъ, а заунывнымъ и фальшивымъ, гробовымъ и нижне-тоннымъ; всегда предъ начальникомъ ёжился и потому не любилъ встрѣчаться съ нимъ. Онъ каждую минуту точно чувствовалъ себя провинившимся, хотя бы и ни въ чемъ не былъ виноватъ. Это странное чувство, заставлявшее держать себя такъ, не было слѣдствіемъ страха, потому что, какъ увидимъ ниже, Карась не былъ очень трусливъ, часто рѣшался на дерзости и штуки, на которыя рѣшались не многіе. Дѣло вотъ въ чемъ. Карась положительно сознавалъ, что онъ ненавидитъ бурсу, ея воспитателей, ея законы, учебники, щи и кашу—и въ то же время долженъ покоряться начальству, улыбаться передъ нимъ, кланяться, а иногда и льстить даже. Держать себя прямо, высказываться безъ обиняковъ было нельзя, потому что запорятъ, и вотъ Карась навсегда сбычился предъ начальствомъ. Тутъ дѣйствовалъ не страхъ, а совѣстливость. Когда сколько нибудь честному человѣку, уважающему свою личность, приходится гнуть спину, гнуть невольно, насильно, неизбѣжно, подъ страхомъ всевозможнаго заушенія, тогда онъ будетъ гнуть ее, какъ человѣкъ, котораго мучитъ совѣсть. Въ Карасѣ такъ и устроилось; либо онъ дерзокъ съ начальникомъ, либо смотритъ какимъ-то чудакомъ. Многіе педагоги, вѣроятно, чутьемъ чуютъ, что они не хорошіе педагоги, когда преслѣдуютъ такихъ учениковъ, какъ Карась, когда они строго говорятъ ученику: «смотри прямо мнѣ въ глаза, имѣй лицо веселое и спокой-

ное, отвѣчай урокъ твердо и чотко!» — «Кто не можетъ смотрѣть прямо въ глаза начальнику», утверждаютъ такіе педагоги, «у того совѣсть нечиста». — Спорить нельзя, что ато вѣрно. Какъ же, ученикъ сознаетъ вѣдь, что онъ не терпитъ своего учителя, и, не смотря на это, долженъ улыбаться предъ нимъ: на душѣ становится скверно, и улыбка выходитъ странная. Разумѣется, Карась и самъ не понималъ, отчего онъ и говоритъ, и улыбается, и кланяется, при встрѣчѣ съ начальникомъ, не по людски; онъ не развился еще до анализа и не могъ опредѣлить, что тутъ дѣйствовала именно совѣсть; онъ это только инстинктивно слышалъ въ себѣ и уже гораздо позже сознательно разобралъ источникъ своихъ отношеній къ властямъ. Впрочемъ, изъ всего этого никоимъ образомъ не слѣдуетъ, чтобы потупленность ученика предъ учителемъ всегда была слѣдствіемъ затаенной ненависти перваго къ послѣднему: она можетъ происходить отъ простой застѣнчивости. Но мы говоримъ только о Карасѣ. Такая замаскированная ненависть Карася изрѣдка разрѣшалась откровенною съ его стороны дерзостью, а безъ покрововъ сказывалась очень сильно за спиной начальства...

...Но и въ этотъ періодъ своего развитія, когда характеръ его еще не успѣлъ вполнѣ сложиться, Карась сталъ нѣсколько оригинально къ своимъ властямъ, сравнительно съ другими бурсаками, протестовавшими противъ начальства. Карась занялъ почти исключительное положеніе въ бурсѣ. По крайней мѣрѣ, половины вредныхъ условій, имѣющихъ злое вліяніе на бурсака, для него не существовало. Его человѣческое достоинство было защищено простой, грубой, мышечной силой перваго богатыря класса, и эта грубая сила спасла его. Ему не пришлось предъ товарищами кланяться, льстить, говорить второклассникамъ на ночь сказки, давать имъ деньги и булки, искать въ ихъ головахъ тварей разнаго рода, чесать пятки, бѣгать за водой и т. п. Въ продолженіи бурсацкой жизни онъ только три раза далъ взятку, и то нолошли особые случаи. Онъ, подъ покровительствомъ Силыча, еще будучи новичкомъ, скоро пріобрѣлъ всѣ выгоды и льготы второкурсника. Четырехъ лѣтъ, пока не исключили Силыча, достаточно было, чтобы привыкнуть Карасю держать себя независимо, онъ знать не хотѣлъ ни авдиторовъ, ни цензоровъ, ни старшихъ. Но при такомъ положеніи онъ не воспользовался кулаками Силыча, чтобы усмирять другихъ: его самого чуть не оглушили на вѣки, онъ этого никогда не забывалъ и съ тѣхъ

поръ относился къ властямъ изъ товарищей и къ физической бурсацкой силѣ отрицательно, при томъ Силычъ и самъ не любилъ взятокъ и утѣсненій, потому не сталъ бы помогать въ томъ и Карасю. Карась въ рѣдкихъ случаяхъ прибѣгалъ къ его помощи; большею частію, при нуждѣ, онъ самъ дрался, и если бывалъ при этомъ поколоченъ, то обыкновенно либо ругался, либо пускалъ въ противника камнемъ, книгой, линейкой, если же, при схваткѣ съ болѣе сильнымъ врагомъ, не случалось подъ рукой оружія, то онъ употреблялъ въ дѣло зубы, когти и ноги, то есть, кусался, царапался и лягался. Нерѣдко былъ Карась битъ, бивалъ и другихъ, но все это было въ порядкѣ бурсацкихъ вещей—и только. Поэтому-то покровительство Силыча, при такомъ направленіи его, не навлекло на Карася непріязни товарищей. Многіе даже любили его. Испытавъ на себѣ горькую участь беззащитнаго человѣка въ бурсѣ, онъ нерѣдко употреблялъ кулаки Силыча, иногда же свои зубы, когти и ноги, въ пользу угнетенныхъ. Въ продолженіи послѣднихъ четырехъ лѣтъ училищной жизни онъ постоянно былъ авдиторомъ, часто терпѣлъ наказанія за преувеличиваніе балловъ, и только разъ увлекся взяткой. Постоянный его протестъ въ защиту заколоченныхъ личностей выразился въ томъ обстоятельствѣ, что онъ особенно любилъ дураковъ. Такъ безъ него совершенно погибъ бы *Петри Тетеры*, упоминаемый нами въ прошломъ очеркѣ. Тетеры, обладавшій волевьею силою, по характеру былъ чистѣйшій теленокъ. Всѣ его колотили, плевали на него, обирали его. Карась въ продолженіи полугода защищалъ его и успѣлъ таки поставить своего Тетеры на ноги, даже до того, что самъ однажды получилъ отъ него трепку. Карась, не будучи самъ дуракомъ, любилъ глупцовъ, проводилъ съ ними цѣлые часы, бесѣдовалъ съ ними, игралъ, дѣлился добромъ своимъ, помогалъ имъ. Въ этомъ, по видимому, странномъ явленіи выразился таки своего рода протестъ противъ нѣкоторыхъ сторонъ бурсацкой жизни. Карась былъ привязанъ къ своему родному дому, но большинство умныхъ бурсаковъ, къ которымъ онъ обратился бы со своими интимностями, непремѣнно сдѣлало бы ему смазь, потому что интимности на языкѣ бурсаковъ носятъ названіе *телячьихъ нѣжностей*. Ни съ кѣмъ такъ не былъ откровенъ Карась, какъ съ дураками, только съ ними говорилъ о родномъ домѣ, вспоминалъ домашнюю жизнь, дѣлилъ семейныя тайны, только съ ними былъ задушевенъ не по бурсацки, а по человѣчески. Карась, по чувству

ложнаго стыда и боязни насмѣшекъ, не только скрывалъ внутреннюю, самую дорогую для него жизнь, но даже напускалъ на себя цинизмъ и самъ смѣялся надъ телячьими нѣжностями, такъ что это разнорѣчіе между внѣшнимъ выраженіемъ и внутреннимъ содержаніемъ составило почти вторую натуру Карася. Но душа требовала отзыва и Карась окружилъ себя особаго рода дураками. Это родъ дураковъ честныхъ, добрыхъ, милыхъ, задушевныхъ. Благодаря Бога, такихъ дураковъ не мало на бѣломъ свѣтѣ. Только въ семинаріи Карась вступилъ въ дружбу съ умными людьми. Но неужели, спросятъ, въ бурсѣ Карась не нашелъ ни одного человѣка умнаго, съ которымъ могъ бы поговорить по душѣ? Какъ не найти, но на первыхъ порахъ онъ не сошелся съ ними, а потомъ такъ и пошло на долгое время.

Но всего оригинальнѣе относился Карась къ бурсацкой наукѣ. Поступивъ въ училище, Карась зналъ болѣе половины того, что требовала программа его класса. Учиться ему было легко. Надъ чѣмъ товарищи просиживали по цѣлому занятію, онъ приготовлялъ въ полчаса. Но это самое и повредило впослѣдствіи его бурсацкой карьерѣ. У него было очень много свободнаго времени, и Карась, учась такимъ образомъ два года, привыкъ гулять и ничего не дѣлать. Когда перешолъ онъ въ слѣдующій классъ, отъ него потребовались болѣе усиленныя занятія и притомъ занятія бурсацкія, требующія особыхъ тузейно-спеціальныхъ способностей, которыя и развили въ себѣ товарищи въ продолженіи двухъ лѣтъ, пущенныхъ Карасемъ на вѣтеръ: Карасю хотѣлось и тогда гулять по старому. *Долбежники* скоро обогнали его, онъ спускался все ниже и ниже, и дѣло дошло до того, что нотата была осквернена карасинымъ нулемъ. Стали его сѣчь. «Чтожъ», думалъ Карась: «посѣчете, да и бросите: самимъ надоѣстъ!» — Онъ неудержимо стремился въ камчатку, и, не смотря на розги, достигъ своей цѣли. Здѣсь лѣнь его развилась до послѣднихъ предѣловъ. Въ первый годъ онъ, по крайней мѣрѣ, носилъ въ классъ книги, но на другой бросилъ и этотъ, по его мнѣнію, дурной обычай. Въ сундукѣ его безобразно были перемѣшаны между собою клочья порванныхъ вдоль и поперегъ разныхъ грамматикъ, ариѳметикъ и хрестоматій; писчая бумага шла на безпутное маранье, перья на свистульки и пушки, заряженныя картофелемъ, рѣпою и жеванною бумагою, ножъ перочинный для порчи столовъ и строганья палокъ. Въ началѣ Карась приходилъ къ своему авдитору каждое утро, чтобы сооб-

щить ему свой ученый нуль, но потомъ, для сокращенія занятій, онъ объявлялъ ему нуль на цѣлую недѣлю; но, наконецъ, ему надоѣло и это, — онъ однажды сказалъ авдитору: «*на вѣки мнѣ нуль!*» Изрѣдка являлось въ немъ какое-то темное сознаніе необходимости учиться, онъ брался за книжку, но книжка валилась изъ рукъ. Въ одно время двоюродный братъ Карася, кончившій курсъ семинаристъ, сталъ требовать къ себѣ нотату и слѣдить за его ученіемъ; но Карась нашолся и тутъ: онъ сдѣлалъ другую нотату, свою, и этотъ документъ, съ отличными отмѣтками противъ своей фамиліи, отсылалъ къ брату, за что и получалъ отъ него гостинцы. Сначала онъ лѣнился собственно потому, что было ему пріятно лѣниться, но послѣ дошло до того, что его «*на вѣки нуль*» было возведено въ сознательный принципъ. Учитель Красновъ обратилъ на него вниманіе, заставилъ его сидѣть надъ книгой и въ неучебное время, въ своей квартирѣ; противъ системы Краснова не устоялъ Карась и сталъ зубрить учебники, но когда его насильно заставили занять второе мѣсто въ спискѣ, тогда-то и созрѣлъ окончательно его бурсацкій «*на вѣки нуль!*» Онъ возненавидѣлъ вколоченную въ него науку, и она помѣстилась въ его головѣ, какъ непрошеный гость, значитъ, въ существѣ дѣла, онъ продолжалъ отрицать ее — разница въ томъ, что прежде онъ не понималъ, что такое отрицалъ, а теперь, выучивъ урокъ, зналъ, что вотъ именно этотъ урокъ, эти страницы, эти слова ему не нужны. Тогда онъ сталъ слѣдить и изучать каждый урокъ, какъ злѣйшаго своего врага, который безъ его воли владѣлъ его мозгами, и постепенно, съ каждымъ днемъ открывалъ въ иныхъ учебникахъ множество чепухи и безобразія; это развило въ немъ анализъ и критицизмъ, и впослѣдствіи, отвѣчая бойко урокъ, онъ въ то же время думалъ про себя: «этакую я дичь несу».

Вотъ вамъ болѣе или менѣе подробная характеристика того, что создала изъ Карася бурса. Отношенія его къ начальству выразились во всегдашней потупленности, которая была признакомъ совѣстливости, рождавшейся отъ сознанія своей непріязни къ нему; отношенія къ наукѣ оказались вѣчнымъ пудомъ; среди товарищей, исключая послѣднихъ трехъ семинарскихъ лѣтъ, онъ не нашолъ отзыва той сторонѣ своей жизни, которая была всего дороже для него, составляла главный мотивъ всего его бурсацкаго существа, т. е., отзыва своей привязанности къ дому, и одни лишь дураки были его задушевными пріятелями.

Этотъ-то мотивъ и былъ главнымъ двигателемъ тѣхъ похожденій и дѣйствій Карася, которыя мы хотимъ изложить далѣе, и которыя случились на четвертомъ году его пребыванія въ бурсѣ.

Воздухъ первоуѣзднаго класса наполняется странными напѣвами и голосами.

— *Братіе, не дерите платія, а берите нитки и зашивайте дырки*, читаетъ кто-то на манеръ чтенія «апостола».

— Не мѣшай, говорятъ ему сосѣди...

— Замолчишь ли ты, сволочь?

— *Печали и болѣзни вонь полѣзли.*

— Слушай, скотина, перестань!..

— Братцы, ударьте его хорошенько!

Вдругъ чтецъ замычалъ: — ему сдѣлали очень невкусную смазь. Въ классѣ сегодня *обиходъ церковнаго пѣнія*, и чтецъ былъ наказанъ за то, что мѣшалъ другимъ пѣть.

— Я, говоритъ *Лапша Голопузу* (оба отличные знатоки обихода): — *шарахну по нотамъ.*

— А я, отвѣчалъ тотъ: — *дерiану по тексту.*

— Валяй!

— Лупи!

— *Ми-ре-ми-фа-соль-фа-ми-ре*, запѣваетъ Лапша.

— *Все-е-мі-і-рну-у-ю*, аккомпанируетъ Голопузъ каждымъ слогомъ въ каждую ноту Лапши.

Шарахнуть по нотамъ, когда другой пѣвецъ въ то же время дерганетъ по тексту, и при этомъ не сбиться—составляло вѣнецъ церковно-обиходнаго пѣнія.

Къ пѣвцамъ подходитъ четырнадцалѣтній Карась. Лицо его озабочено; онъ, по всему видно, ожидаетъ учителя съ тоской и страхомъ.

— Братцы, началъ онъ...

— Поди прочь, не мѣшай, отвѣтилъ Голопузъ.

Но Лапша былъ добрѣе:

— Чего тебѣ? спросилъ онъ...

— Не знаю, какъ «*Господи воззвахъ*» на седьмой гласъ! Покажи, Лапша.

— Слушай!—и Лапша запѣлъ...

Въ обиходѣ церковнаго пѣнія, употребляется *8 гласовъ* или напѣвовъ на текстъ «Господи, воззвахъ»; слова однѣ и тѣ же, а напѣвы разные. Это сильно затрудняло бурсаковъ. Аборигены еще

бурсы и придумали разныя приловья, по образцу которыхъ не трудно было припомнить, какъ поется тотъ или другой гласъ... Но Карась не былъ одаренъ музыкальнымъ ухомъ, за что давнымъ давно его выгнали изъ семинарскаго хора. Черезъ нѣсколько минутъ онъ перепуталъ нацѣвы... Посмотрѣлъ Карась на Лапшу и Голопуза, думая, не пойти ли опять къ нимъ, но, махнувъ рукою, оставилъ это намѣреніе. «Все равно, не пойму», заключилъ онъ и печально опустилъ на ладони голову.

Горекъ пришолся ему обиходъ церковнаго пѣнія.

Учителемъ обихода поступилъ нѣкто Всеволодъ Васильевичъ Разумниковъ. Онъ одинъ преподавалъ обиходъ въ нѣсколькихъ классахъ. Разумниковъ обладалъ хорошимъ баритономъ, отлично зналъ ноту и порядочно игралъ на скрипкѣ.

О Разумниковѣ мы должны сказать нѣсколько словъ, потому что онъ былъ однимъ изъ лучшихъ педагоговъ бурсы. Мы упоминали о немъ въ первомъ очеркѣ, какъ о честномъ экономѣ училища. Онъ учредилъ должность *коммиссара*, выбраннаго изъ старшихъ учениковъ, обязанностью котораго было наблюдать за количествомъ и качествомъ пищи. Прежде, служителя, въ завѣдываніи которыхъ находились жизненные продукты, имѣя каждый по нѣскольку родственниковъ, содержали ихъ на счетъ бурсацкаго питанія; но лишь только коммиссаръ вступилъ въ свои права, онъ тотчасъ уличилъ повара въ кражѣ тридцати фунтовъ мяса и двухъ мѣшковъ гречневой крупы, за что поваръ былъ изгнанъ изъ училища. По крайней мѣрѣ третья часть продуктовъ, прежде похищаемая служителями, была возвращена ученикамъ.

Кромѣ того, Разумниковъ никого и никогда не наказывалъ лишеніемъ обѣда и ужина, какъ будто боялся подозрѣнія, что онъ, изъ экономическихъ (*) разсчетовъ, заставляетъ голодать провинившихся. Онъ всегда стоялъ противъ педагогическаго изреченія: satur venter non studet libenter. Ученики за это любили его.

(*) Провинившихся въ училищѣ иногда бывало до ста человѣкъ сразу. Лишить такое количество, пятую часть всѣхъ учениковъ, обѣда либо ужина, очевидно, было *выгодно* въ экономическомъ отношеніи. Почти всѣ экономы брали это во вниманіе и старались распространить наказаніе голодомъ. И дѣйствительно, наказаніе голодомъ было не маловажнымъ источникомъ такъ называемыхъ *остаточныхъ суммъ*. Скоро ли педагоги убѣдятся, что голодный ученикъ такъ же негоденъ для науки, какъ и объѣвшійся, не знаемъ. Только навѣрное можемъ сказать, что эту простую истину позже всѣхъ поймутъ экономы учебныхъ заведеній.

Онъ, кромѣ того, преподавалъ «Законъ Божій» и «Священную исторію». И здѣсь онъ пошолъ далѣе своихъ сотрудниковъ. Онъ запретилъ носить въ классъ учебники и отвѣчать по нимъ. Разсказавъ ясно и толково урокъ, онъ тутъ же въ классѣ заставлялъ повторять его со своихъ словъ. Когда ученикъ не могъ отвѣтить, онъ заставлялъ другаго растолковывать не знающему; если и этотъ оказывался плохъ, онъ поднималъ третьяго, четвертаго, и т. д. Урокъ учился сразу всѣми учениками и оживлялся спорами. Но и послѣ этого многіе плоховато знали урокъ, особенно слабые, а Разумниковъ хотѣлъ, чтобы у него всѣ безъ исключенія учились хорошо. Для достиженія такой цѣли, онъ постановилъ: «*авдиторы отвѣчаютъ за незнаніе своихъ подъавдиторныхъ*». Авдиторы выбирались изъ лучшихъ учениковъ, успѣвали хорошо выслушать урокъ во время, и потому они были обязаны учить своихъ подъавдиторныхъ, въ приготовительные занятные часы. Для устраненія случаевъ, когда ученикъ, по интригѣ съ авдиторомъ, явился бы въ классѣ съ нулемъ, ссылаясь на то, что авдиторъ не хотѣлъ ему помочь, требовалось на то подтвержденіе со стороны товарищества, иначе незнающій подвергался сугубому наказанію, а авдиторъ былъ правъ. Такіе пріемы для бурсы были слишкомъ прогрессивны. Лѣнтяи были уничтожаемы Разумниковымъ. Но главное достоинство его нововведеній состояло въ томъ, что съ нимъ сама собою падала власть авдиторовъ и второкурсныхъ, они изъ притѣснителей должны были превратиться въ помощниковъ своихъ подчиненныхъ, изъ начальниковъ въ ихъ братьевъ. Такимъ образомъ Разумниковъ положилъ начало къ уничтоженію власти товарища надъ товарищемъ. Онъ не уничтожилъ наказаній, и даже былъ очень строгъ, но все-таки явленіе такого учителя въ бурсѣ было рѣдкостью въ описываемое нами время.

Одно лишь лежитъ на совѣсти Разумникова — это обиходъ. Положимъ, что косноязычныхъ и безголосыхъ онъ оставилъ въ покоѣ, но держался вреднаго убѣжденія, что всякій какой нибудь голосъ, при стараніи, непремѣнно постигнетъ нотное искусство. Горше всѣхъ пришлось отъ него Карасю, тѣмъ болѣе, что у Разумникова была система наказаній особаго рода: онъ наблюдалъ, на кого какое наказаніе дѣйствуетъ сильнѣе. Онъ понялъ, что для Карася всего хуже неувольненіе въ родительскій домъ. Не смотря на то, что Карась доказывалъ учителю свою бездарность изгнаніемъ его изъ пѣвческаго хора, онъ ничего слушать не хотѣлъ.

Вошолъ учитель обихода въ классъ и, вмѣстѣ съ учениками, пропѣлъ звучнымъ голосомъ «Царю небесный», послѣ чего прямо обратился къ Карасю:

— Пропой на седьмой гласъ...

Уши рѣжетъ Карась.

Учитель говоритъ Лапшѣ:

— Покажи ему.

Лапша заливается.

— Повтори, говоритъ Карасю.

Уши рѣжетъ Карась.

— И нынѣшній праздникъ не ходи въ городъ...

— Всеволодъ Васильевичъ, я уже три недѣли не былъ дома...

— И четвертую не ходи...

— Простите...

— А я вотъ что тебѣ скажу, отвѣчалъ твердымъ, безъапелляціоннымъ голосомъ учитель: — если ты не выучишься пѣть, я тебя на всю Пасху не отпущу...

Учитель отошелъ отъ него.

Карась побѣлѣлъ и затрясся всѣмъ тѣломъ. Несчастный Карась! Замѣчательно широкая глотка, которою онъ былъ награжденъ отъ природы, служила вѣчнымъ источникомъ его несчастій. Еще дома ему досталось, когда онъ закричалъ на попову, дразнившую его, такъ яростно, что его голосъ былъ слышенъ за рѣкой. Въ бурсѣ его нарекли Карасемъ въ тотъ моментъ, когда онъ, по приказу регента, пустилъ ноту, которая надорвала животы слушателямъ. Въ послѣдствіи, въ семинаріи голосъ его развился до необъятнаго горлобасія, его выбрали опять въ хоръ, и регентъ, по прозванію *Капелла* (онъ же *Редакція*, *Конструкція* и *Молочная лавочка*), употреблялъ его, какъ стѣнобитную машину, какъ хоровой таранъ: подойдетъ крѣпкая нота, мигнетъ регентъ — и рявкнетъ Карась, а при тихихъ нотахъ ему велятъ молчать, — это оскорбляло Карася. Однажды Карась упражнялъ свой голосъ въ комнатѣ по сосѣдству съ семинарскимъ экономомъ, онъ едва не оглушилъ его громовыми нотами, за что экономъ, схвативъ Карася за шиворотъ, потащилъ къ ректору и только по добротѣ своей помиловалъ его. Инспекторъ ненавидѣлъ его, говоря, что человѣкъ, обладающій рыканіемъ льва, долженъ имѣть характеръ звѣрскій: должно быть, судилъ по себѣ, ибо, обладая семипушечнымъ басомъ, несравненно сильнѣйшимъ Карасинскаго, по натурѣ былъ настоящій звѣрь, за что и

получилъ прозвище не рыбье, какъ Карась, а звѣриное, ибо имя его *Медвѣдь*. Даже по окончаніи курса, Карась, хвативши однажды чарочку, другую и вышедши на улицу, пустилъ такую руладу, что городовой долженъ былъ внушить, что подобныя рулады суть не что иное, какъ нарушеніе общественной тишины и порядка. Одно изъ сильныхъ несчастій, причиною которыхъ былъ голосъ, посѣтило его теперь. «Съ такимъ альтомъ», думалъ Разумниковъ: «невозможно не научиться пѣть». Неувольненіе на пасху для Караса было глубокимъ несчастіемъ, которое подвигло его на многія скандальныя похожденія...

Онъ отъ словъ Разумникова тихо плакалъ.

Кому горе, а кому радость. День поступленія Разумникова въ училище былъ днемъ торжества и счастія нѣкоего Лапши!.. Лапша былъ чудакъ, парень шальной и благой. Широкоехидное, сѣраго цвѣта, лицо, голова, почти вросшая въ плечи, выдавшаяся впередъ неестественно грудь и остальная часть туловища, помѣщенная на короткихъ ногахъ, — дѣлали фигуру его въ высшей степени странною, попеременно то жалкою, то умирительною. Лицо его освѣщалось какимъ-то неразгаданнымъ, постоянно мѣняющимся, внутреннимъ свѣтомъ: оно серьезно, даже угрюмо, но вдругъ Лапша безъ всякой причины покраснѣетъ, а потомъ раскатится смѣхомъ, и все это совершается въ немъ быстро и неуловимо. Онъ при всемъ этомъ не былъ дуракомъ. Въ лицѣ его вы видите образчикъ бурсацкой застѣнчивости, которая особенно развилась отъ его несчастнаго безобразія. Не будь этой застѣнчивости, онъ, быть можетъ, и не сидѣлъ бы въ камчаткѣ... Таковъ былъ Лапша. Но онъ дѣлался совершенно инымъ человѣкомъ, когда пѣлъ что нибудь: значитъ, талантъ. Голосокъ онъ имѣлъ довольно пріятный и владѣлъ тонко развитымъ слухомъ. Всегдашней, самой задушевной мечтой его было имѣть свою скрипку и выучиться играть на ней, но мечта такъ и осталась мечтой: теперь онъ гдѣ-то пастухомъ монастырскихъ коровъ и, говорятъ, отлично играетъ на рожкѣ...

Подходитъ къ Лапшѣ Карась.

— Что тебѣ? говоритъ Лапша, ёжась, двигая плечами и выкапывая свое странное лицо.

— Поучи меня обиходу.

Лапшу медомъ не корми, а только дай въ руки обиходъ.

— Пойдемъ. Сначала надо ноты выучить.

Отправились они въ камчатку и затянули «утъ, ре, ми, фа» и т. д.

— Не такъ: надо тономъ выше!

Карась усиливается тономъ выше.

— Черезчуръ высоко, теперь ниже надо!

Карась на новый манеръ.

Долго они упражнялись въ церковногласіи. Вспотѣли оба.

Но вотъ Лапша съёжился, перегнулся, вытянулся, сдѣлалъ сначала тоскливую рожу, а потомъ вдругъ поднесъ къ носу Карася кукишъ...

— Это что?

— Кукишъ!

Лапша послѣ этого захохоталъ.

— Да что съ тобой?

— Не буду учить...

— Голубчикъ!... Лапша!...

— Не поймешь ничего...

Лапша убѣжалъ...

Остервенѣніе напало на Карася. Онъ грызъ свои ногти и, мигая глазами, усиливался удержать злую, соленую слезу, которая ползла на щеку.

— Когда такъ, къ чорту все!

Онъ ударилъ объ полъ обиходомъ...

— Проклятое училище! проговорилъ онъ...

Карась началъ вести себя неприлично. Если бы не проклятое наказаніе, Карась, отъ среды до воскресенья, провелъ бы время, мирно почивая на лаврахъ, но теперь онъ былъ раздражонъ и жизнь его пошла ломанымъ путемъ.

Подходитъ къ нему одинъ изъ его любимыхъ дураковъ, бѣдная Катька.

— Нѣтъ ли у тебя хлѣбца?

— Этого не хочешь ли?

Карась предлагаетъ голодному Катькѣ туго натянутую ногу. Катька отходитъ отъ него печально...

Карась идетъ развлечься на училищный дворъ.

— Карасики, пучеглазики? говоритъ ему тальянецъ, второкурсный мужланъ старшаго класса, ученикъ съ вывороченными ногами.

— Кривы ножки, кочережки! отвѣчаетъ Карась...

Тальянецъ начинаетъ его преслѣдовать.

— На правыхъ ногахъ пять верстъ дальше! отвѣчаетъ Карась, пускаетъ въ него комомъ грязи и удаляется опять въ классъ.

Подходитъ къ нему другой дуракъ, *Зябуня*.

— Карасикъ, говоритъ онъ ласково.

— Ты что, животное безмозглое?

— Карасикъ...

— Поди прочь, пустая башка!

Пустая башка тоже отходитъ отъ него печально...

Карась сталъ несговорчивъ и несправедливъ. Онъ чувствуетъ это, и его начинаетъ мучить совѣсть.

— Чортъ знаетъ, какая тоска, объясняетъ онъ приступы совѣсти...

Идетъ Карась ко второуѣздному классу, берется за ручку двери и начинаетъ стучать ею: ученики низшихъ классовъ, не имѣвшіе права входить въ высшій, такъ вызывали второуѣздныхъ. Выходитъ ученикъ.

— Кого тебѣ?

— Тавлю.

— Сейчасъ.

Вышелъ Тавля.

— Что тебѣ?

— Дай въ долгъ.

— Сколько?

— Пять копѣекъ.

— Въ воскресенье семь.

— Нѣтъ, ужь послѣ воскресенья, въ другое. Я не уволенъ. Откуда жь мнѣ взять?

— Тогда десять.

Карась задумался на минуту.

— Давай, сказалъ онъ, махнувъ рукою...

Тавля отсчиталъ ему пять копѣекъ...

Карась отправился въ сбитенную, съѣлъ тамъ на три копѣйки сухарей, а на двѣ выпилъ сбитню. И угощеніе не успокоило его. Оно напомнило ему только домашній чай и кофе. Затосковалъ Карась.

— Боже мой, проговорилъ онъ: — неужли не отпустятъ меня на пасху? Пойду, попрошу еще Лапшу: не поучитъ ли? А нѣтъ! чортъ съ ними!... не выучиться мнѣ!...

Послѣ того Карась изъ пустяковъ какихъ-то полѣзъ въ драку,

и хотя пустилъ въ дѣло зубы, когти и ноги, какъ обыкновенно, однако его все-таки поволотили . . . . . .

. . . . . .

Для Карася не было наказанія тяжелѣе, какъ неотпускъ домой. И вотъ еще порядочный бурсацкій учитель, Разумниковъ, не понималъ же, что такое наказаніе гнусно, незаконно и вредно. Не понимаютъ педагоги и понимать не хотятъ, что они, когда запрещаютъ человѣку, въ видѣ наказанія, переступать порогъ отцовскаго дома, то этимъ самымъ вгоняютъ его въ скуку, тоску и апатію, подвигаютъ на скандалы разнаго рода, поселяютъ къ уроку или нравственному правилу, за которые штрафуютъ и шельмуютъ, полное отвращеніе, лицемѣрное исполненіе и страсть къ запрещенному поступку. Неужели такіе плоды въ видахъ здравой педагогики? Кромѣ того, чѣмъ виноваты отецъ и мать, когда они, во время праздника, по приговору педагоговъ, не видятъ въ своей семьѣ сына, часто любимаго, часто единственнаго сына? за что братья и сестры лишаются свиданія со своимъ братомъ? за что ихъ-то наказываютъ педагоги? Воскресный день во многихъ семействахъ одинъ только и есть свободный день въ недѣлѣ—къ чему же онъ туманится печалью по сынѣ или братѣ? Портить чужой праздникъ никто не имѣетъ права, это дѣло нечестное, дѣло несправедливое. И неужели отецъ и мать, если они любятъ своего сына, меньшее могутъ имѣть на него вліяніе, нежели черствый педагогъ? Многіе педагоги скажутъ на это: «да». Былъ же, напримѣръ, болванъ, котораго мы назвали медвѣдемъ, семинарскій инспекторъ, который привязанность къ родному дому ставилъ ученику въ преступленіе, на томъ основаніи, что желающій быть дома не желаетъ быть въ школѣ, значитъ, ненавидитъ науку и нравственность, проводимыя въ ней. Диво, что такіе педагоги не наказывали дѣтей за любовь къ родителямъ!

Но такихъ педагоговъ скорѣе прошибешь коломъ, нежели добрымъ словомъ. Богъ съ ними. Лучше посмотримъ, что сталось съ Карасемъ, когда онъ страдалъ отъ мысли, что его не отпустятъ домой на цѣлую пасху. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Учителемъ ариѳметики того класса, гдѣ былъ Карась, былъ нѣкто Павелъ Алексѣичъ Ливановъ; собственно говоря, не одинъ

Ливановъ, а два, или, если угодно, одинъ, но въ двухъ видахъ — Ливановъ пьяный и Ливановъ трезвый.

Третья *перемѣна*, которая была послѣ обѣда, начиналась для ариѳметики... Стоятъ при входѣ въ классъ *караульные*, ожидающіе Ливанова. Ливановъ входитъ въ ворота училища...

— Идетъ? спрашиваетъ одинъ караульный...

— Руками махаетъ, значитъ, того...

— Это еще ничего не значитъ...

— Да ты не видишь, что онъ у привратника проситъ понюхать табаку?

Караульные бѣгутъ въ классъ и съ восторгомъ возвѣщаютъ:

— Братцы, Ливановъ въ пьяномъ естествѣ..

Классъ оживляется, книги прячутся въ парты. Хохотъ и шумъ. Одинъ изъ великовозрастныхъ, *Пушка*, надѣваетъ на себя шубу, овчиной вверхъ... Онъ становится у дверей, чрезъ которыя долженъ проходить Ливановъ... Входитъ Ливановъ. На него бросается Пушка...

— Господи, твоя воля! говоритъ Ливановъ, отступая назадъ и крестясь....

Пушка кубаремъ катится подъ парту.

— Мы разберемъ это, говоритъ Ливановъ, и идетъ къ столику.

— Господа, начинаетъ Ливановъ нетвердымъ голосомъ...

— Мы не господа, вовсе не господа, кричатъ ему въ отвѣтъ...

Ливановъ подумалъ нѣсколько времени и, собравшись съ мыслями, начинаетъ иначе:

— Братцы...

— Мы не братцы!

Ливановъ приходитъ въ удивленіе...

— Что? спрашиваетъ онъ строго...

— Мы не господа и не братцы...

— Такъ... это такъ... Я подумаю...

— Скорѣе думайте...

— Ученики, говоритъ Ливановъ...

— Мы не ученики...

— Что! какъ не ученики? кто же вы? я знаю, кто.

— Кто, Павелъ Алексѣичъ, кто?

— Кто? а вотъ кто: вы—свинтусы!..

Эта сцена сопровождается постояннымъ смѣхомъ бурсаковъ. Ливановъ начинаетъ хмѣлѣть все больше и больше...

— Милыя дѣти, начинаетъ Ливановъ...

— Ха, ха, ха! раздается въ классѣ...

— Милыя дѣти, продолжалъ Ливановъ: — я...я женюсь... да... у меня есть невѣста...

— Кто, кто такая?..

— Ахъ, вы поросята!.. Ишь чего захотѣли: сказки имъ, кто? Эва, не хотите ли чего?

Ливановъ показываетъ имъ фигу...

— Самъ съѣшь!

— Нѣтъ, вы съѣшьте! отвѣчалъ онъ сердито.

Въ нѣсколькихъ партахъ показали ему довольно ядреныя фиги. Увлекшись ихъ примѣромъ, одинъ за другимъ, ученики показывали фиги. Болѣе ста бурсацкихъ фигъ было направлено на него...

— Черти!.. цыцъ!.. руки по швамъ!.. слушаться начальства!..

— Ребята, *кось* ему! скомандовалъ *Бодяга* и, подсунувъ къ своему носу большой палецъ одной руки, защѣпивъ за мизинецъ этой руки большой палецъ другой, онъ показалъ ему эту штуку своему учителю... Примѣру *Бодяги* послѣдовали его товарищи...

Учитель это сначала поражено, потомъ пришелъ въ раздумье, а, наконецъ, онъ печально поникъ головою. Долго онъ сидѣлъ, такъ долго, что ученики бросили показывать ему фиги и выставлять носы...

— Друзья, заговорилъ учитель, очнувшись...

Господа, братцы, ученики, свинтусы, милыя дѣти, поросята, черти и друзья захохотали...

— Послушайте же меня, добрые люди, говорилъ Ливановъ, совсѣмъ хмѣлѣя...

Лицо его покрылось пьяной печалью. Глаза стали влажны...

— Слушайте, слушайте!.. тише!.. заговорили ученики.

Въ классѣ стихло...

— Я, братцы, несчастливъ... Я женюсь... нѣтъ, не то: у меня есть невѣста... опять не то: мнѣ отказали... Мнѣ не отказали... Нѣтъ, отказали... О, черти!.. о псы!.. Не смѣяться же!

Ученики, разумѣется, хохотали. Пьяная слеза оросила пьяное лицо Ливанова... Онъ заплакалъ...

— Голубчики, началъ онъ, за меня никто не пойдетъ замужъ, никто не пойдетъ...

Выдать началъ Ливановъ.

— У меня рожа скверная, говорилъ онъ: — пакостная рожа. Этакія рожи на улицу выбрасываютъ. Плюньте на меня братцы: я гадокъ, братцы...

— Гадокъ, гадокъ, гадокъ! подхватили бурсаки...

— Да, отвѣчалъ ихъ учитель: — да, да, да... Плюньте на меня... плюньте мнѣ въ рожу.

Ученики начинаютъ плевать по направленію къ нему.

— Такъ и надо... Спасибо, братцы, говоритъ Ливановъ, а сами раздаетъ...

У Ливанова была не рожа, а лицо, и притомъ довольно красивое, ему и не думало отказывать невѣста, къ которой онъ началъ было свататься, напротивъ, онъ самъ отказался отъ нея.

Съ пьяна Ливановъ напустилъ на себя небывалое съ нимъ горе. Со стороны посмотрѣть на него, такъ стало бы жалко, но бурсаки не упустили случая потравить его.

— Братцы, продолжалъ онъ: я откажу на покой вѣчный... Я вселюсь...

— Смазь ему, ребята! крикнулъ Пушка.

— Что такое? спросилъ Ливановъ...

— Смазь...

— Что суть смазь?

— А вотъ я сейчасъ покажу тебѣ, отвѣчалъ Пушка, вставая съ мѣста...

— Не надо!.. самъ знаю... Сиди, скотина... Убью!.. Ахъ, вы канальи!.. Надъ учителемъ смѣяться!.. а?.. говорилъ Ливановъ, приходя въ себя... Да я васъ передеру всѣхъ... Розогъ!... крикнулъ онъ, совсѣмъ оправившись...

Въ классѣ стихло...

— Розогъ!

— Сейчасъ принесу, отвѣчалъ *сѣкундаторъ*.

— Живо!.. Я вамъ дамъ, мерзавцы!..

Хмѣль точно прошолъ въ Ливановѣ. «Что за чортъ», думали бурсаки, «неужли въ другое естество перешолъ?» Но это была минутная реакція опьяненнаго состоянія, послѣ котораго съ большею силою продолжаетъ дѣйствовать водка, и когда вернулся въ классъ сѣкундаторъ, то онъ увидѣлъ Ливанова совершенно осоловѣвшимъ. Ливановъ, стиснувъ зубы и поставивъ на столъ кулакъ, смотрѣлъ на учениковъ безумными глазами...

— Розогъ, сказалъ онъ однако, не забывая своего желанія...

— Что, Павелъ Алексѣичъ? отвѣчалъ сѣкундаторъ, смѣкнувъ, какъ надо вести себя...

— Розогъ...

— Всѣ люди происходятъ отъ Адама... говорилъ ему сѣкундаторъ...

— Такъ, отвѣчалъ Ливановъ, опять забывшись: — и розо...

— Добро зѣло, то есть, чисто, прекрасно и безвредно...

— Не понимаю, говорилъ Ливановъ, уставясь на сѣкундатора.

— Я родился въ пятьдесятъ одиннадцатомъ году, не доходя, минувшъ казанскій соборъ...

— Ей-богу, не понимаю, говорилъ Ливановъ убѣдительно...

— Какъ же не понять-то? Вѣдь это написано...

— Гдѣ?

— Подъ девятой сваей...

— Опять не понимаю...

— Очень просто: отъ того-то и выходитъ, что числитель, будучи помноженъ на знаменатель, производитъ смертный грѣхъ...

— Ты говоришь: грѣхъ?

— Смертный грѣхъ...

— Ничего не понимаю... — Ты это серьезно говоришь? спросилъ онъ.

— Вотъ тебѣ крестъ.

Ученикъ перекрестился.

— Ты мнѣ сказалъ «тебѣ»?

— Я, тебѣ, мнѣ, мною, обо всѣхъ...

— Уйди!... убью! отвѣчалъ озлившись Ливановъ: — прошу тебя, уйди!... Я въ пьяномъ видѣ не ручаюсь за себя...

— Онъ ушелъ, говоритъ ученикъ...

— Онъ?... что мнѣ за дѣло до него?... ты-то уйди!... Чортъ же съ тобой, скотина, говоритъ опьянѣвшій педагогъ, стуча по столу кулакомъ... — Не хочешь уйти? — Такъ я же уйду... Я пьянъ... Я уйду...

Учитель послѣ этихъ словъ неожиданно встаетъ со стула и направляется къ двери. Его провожаютъ хохотомъ, криномъ, визгомъ и лаемъ...

— Это все пустяки, говоритъ онъ: — въ жизни все пустяки, и выходитъ на лѣстницу...

Лишь только онъ ступилъ на первую ступеньку, тотъ же сѣкундаторъ, слѣдовавшій за нимъ, схватилъ его за ногу. Пьяный педагогъ полетѣлъ съ лѣстницы внизъ головою. Счастье его, что онъ не переломилъ себѣ реберъ...

— Оступился, чорти возьми, говорилъ перепачканный учитель, вставая на площадкѣ, у которой кончалась лѣстница...

Подлѣ него уже очутился сѣкундаторъ, дернувшій его за ногу...

— Вы, кажется, замарались? спрашиваетъ онъ. — Позвольте, я васъ почищу.

— Не надо, другъ мой, вовсе не надо... Все пустяки...

Учитель, наконецъ, ушелъ домой.

Вотъ каковъ былъ Павелъ Алексѣичъ Ливановъ въ пьяномъ видѣ. . . . . .

. . . . . .

Описанная нами сцена была въ четвергъ. Въ субботу Ливановъ явился трезвымъ. Ученики держали себя, какъ и Ливановъ, иначе, — прилично; разумѣется, прилично по бурсацки. Съ Ливановымъ, когда видъ его перемѣнился, изъ пьянаго переходилъ въ трезвый, шутить было опасно. Вообще, Ливановъ былъ не дурной человѣкъ, хотя, какъ учитель, не выдавался изъ среды своихъ товарищей; но, по крайней мѣрѣ, онъ не запарывалъ своихъ учениковъ до отшибленія затылка... Лобовъ, Долбежинъ и Батька были представителями террора педагогическаго, Красновъ и Разумниковъ представителями прогрессивнаго бурсацизма, а Ливановъ былъ какая-то помѣсь тѣхъ и другихъ: иногда строгъ до лобническихъ размѣровъ, иногда добръ безтолково. Во всякомъ случаѣ не любили шутить съ Ливановымъ, когда онъ былъ въ трезвомъ естествѣ...

Карась не выходилъ на сцену, когда былъ пьянъ Ливановъ, но сегодня, когда шутки съ Ливановымъ были опасны, онъ рѣшился на скандалы...

Хотя Карась сидѣлъ въ камчаткѣ и заявилъ своему авдитору «нуль на вѣки», но онъ былъ все-таки довольно любознательная рыба. Вышелъ такой случай. Однажды, отъ нечего дѣлать, Карась рвалъ ариѳметику Кумпинскаго; онъ въ этомъ занятіи прошелъ уже до дѣленія. Тутъ его злодѣянія вдругъ прекратились. «Дѣленіе?» подумалъ онъ. — «А вѣдь я знаю дѣленіе... А даль-

ше что?... Именованныя числа... Это что за штука?... Сначала узнаю, а потомъ раздеру»... Остановившись на этой мысли, онъ сталъ читать Куминскаго и, безъ постороннихъ пособій, понялъ именованныя числа. — «Дальше дроби — это что такое?» сказалъ онъ. Понялъ онъ и дроби... Все это было пройдено имъ въ три пріема. Значитъ, когда захочетъ человѣкъ учиться, то можно обойтись и безъ розги. — «Дальше что? десятичныя дроби... Не хочу читать... Довольно». — Послѣ этого онъ Куминскаго обратилъ въ клочья. Задано было о «приведеніи дробей къ одинакому знаменателю», и хотя у Карася стоялъ въ нотатѣ нуль, однако онъ зналъ урокъ, приготовивъ его, безъ всякаго поощренія и принужденія, гораздо ранѣе, чѣмъ требовалось...

Учитель вызвалъ къ доскѣ *Сѣкиру*. Сѣкира, не смотря на то, что былъ авдиторъ, путался...

— Дуракъ, сказалъ ему Ливановъ...

— Дуракъ и есть, подтвердилъ Карась изъ камчатки...

— Кто это говоритъ? разсердившись, спросилъ Ливановъ... Ему дерзкимъ показался отзывъ Карася...

— Я, отвѣчалъ Карась. — Помилуйте, Павелъ Алексѣичъ, не умѣетъ привести къ одному знаменателю: ну, не дуракъ ли?

— Ахъ ты скотина! закричалъ Ливановъ...

— Помилуйте же, Павелъ Алексѣичъ. Я сижу въ камчаткѣ; значитъ, дуракъ изъ дураковъ, а все-таки «приведеніе знаменателей» знаю!

— Если же ты не сдѣлаешь мнѣ «приведенія», я тебя запорю...

— Запорите...

— Къ доскѣ!...

Карась вышелъ и отлично отвѣтилъ урокъ...

— Ну, не правду ли я сказалъ, что дуракъ онъ? говорилъ Карась, показывая на Сѣкиру. — Даже я умѣю это сдѣлать.

Ливановъ подошелъ къ Карасю и Сѣкирѣ.

— Дай мѣлъ, сказалъ онъ Карасю...

— Извольте...

Взявши въ руки мѣлъ, Ливановъ сдѣлалъ на лицѣ Сѣкиры крупный крестъ. Дѣлая крестъ, онъ говорилъ:

— Пентюхъ, перепентюхъ, выцентюхъ!...

— Ну, дуракъ и есть, подтверждалъ Карась...

Послѣ этого, Карась отправился въ камчатку. Развлеченный на нѣсколько минутъ своимъ отвѣтомъ, онъ однако скоро на-

чалъ скучать. Пришла ему въ голову мысль, предвѣщавшая опасность неотпуска домой на святки. Злость на него напала, которую онъ и выместилъ на грифельной доскѣ, попавшей ему подъ руки. Снявъ съ правой ея стороны боковыя планки, онъ хотѣлъ обратить ихъ въ щепы, но, приложивъ палецъ ко лбу, сказалъ себѣ: «подожди, дружище, тутъ выйдетъ скрипка». Изъ трехъ палокъ онъ сдѣлалъ треугольникъ, къ вершинѣ его прикрѣпилъ четвертую, въ треугольникѣ натянулъ веревочныя струны, добылъ изъ рогожъ, лежавшихъ въ передней, по сосѣдству его, прутъ, изъ котораго смастерилъ смычокъ, и такимъ образомъ устроилъ нѣчто въ родѣ цѣвницы... Это заняло его на время, но въ голову его опять приходитъ мысль о праздникѣ. — «Черти», думаетъ онъ: «неужели такъ таки и не пустятъ на пасху?.. Лучше бы пересѣкли поголовно! Сколько хочешь сѣки, только пусти». — «Такъ ли?» рефлектируетъ онъ. — «А вотъ попробуемъ». — Карась беретъ свою цѣвницу и начинаетъ водить по ней смычкомъ, то есть, розгой.

Раздается на весь классъ страшный визгъ, произведенный Карасемъ для скандала.

— Кто это? спрашиваетъ изумленный учитель.

— Я это, отвѣчаетъ храбро Карась...

Визгъ былъ до того неожиданъ и неумѣстенъ, что учитель растерялся...

— Что это значитъ?

— Ничего не значитъ.

— Скотина!...

Карась сидѣлъ спокойно. Учителя поразилъ этотъ случай, и потому только онъ не отпорòлъ Карася...

«Врешь», думаетъ между тѣмъ Карась: «ты меня отпорешь!» и беретъ въ свои руки цѣвницу...

Раздается еще сильнѣе визгъ...

Ливановъ на этотъ разъ вышелъ изъ себя. Онъ, озлобленный, бросился къ Карасю. Карась же становится колѣнами на ребро парты...

— Я наказанъ, говоритъ онъ при приближеніи къ нему Ливанова...

— Стой, скотина, весь классъ...

— Буду стоять.

Учитель недоумѣваетъ, что сталось съ Карасемъ. Однако мало по малу онъ успокаивается.

«Нѣтъ, ты меня отпорешь!» думаетъ Карась...

Беретъ онъ въ руки пѣвницу и, водя по ней прутикомъ, производитъ третій сильнѣйшій визгъ...

На этотъ разъ Ливановъ совершенно сбѣсился. Онъ бросился на Карася съ поднятыми кулаками...

— Убью, мерзавецъ!

Карась струсилъ, видя разъ грознаго учителя, и когда Ливановъ подбѣжалъ къ нему, онъ вскочилъ на ноги и понесся подъ головами товарищей, по партамъ, къ двери, за которою и скрылся.

Учитель долго не могъ придти въ себя.

Долго ходилъ учитель по классу. Онъ былъ страшно озлобленъ и въ то же время изумленъ. «Понять не могу», думалъ онъ: — «что сталось съ этимъ мерзавцемъ?» Фактъ выходилъ своею оригинальностію изъ ряда обыкновенныхъ фактовъ, и, должно быть, именно это обстоятельство сдѣлало то, что Ливановъ не донесъ о Карасиныхъ дѣяніяхъ инспектору. Иначе Карасю пришлось бы цѣлую недѣлю таскать изъ своего тѣла прутья: за подобныя дерзости въ бурсѣ драли жестоко, до того жестоко, что послѣ сѣченія относили въ больницу *на рогожкѣ*. Счастье Карася...

Но Карася все-таки высѣкли въ тотъ день. Онъ въ озлобленіи пошолъ бить стекла училища, былъ пойманъ на этомъ дѣлѣ и хотя призывалъ всю небесную силу во свидѣтельство того, что онъ нечаянно разбилъ стекло, однако ему *влѣпили*, какъ выражается онъ, около пятидесяти.

Такимъ образомъ, наказаніе Разумникова имѣло свои добрыя послѣдствія: оно бѣсило только человѣка, а нисколько не наставляло на путь истины.

Посмотримъ, что было послѣ.

Ученики отпускались домой изъ бурсы, по письменнымъ билетикамъ, отъ двѣнадцати часовъ субботы до пяти часовъ воскресенья. Въ субботу разошлись ученики, большинство по домамъ. Училище опустѣло.

Карась остался въ бурсѣ.

Ученики въ свободное время обыкновенно сидѣли въ спальняхъ. Карась находился въ *Сапогѣ*. На него напала невыносимая тоска. Онъ бросился на кровать, покрылъ свою голову подушкой и зарыдалъ. Мы, взрослые люди, на дѣтское горе смот-

рять очень легко. Развѣ можетъ ребенокъ серьезно страдать? Разумѣется, большинство читателей отвѣтятъ: нѣтъ! Между тѣмъ, бываютъ дѣтскія печали глубокія и сильныя, печали, за которыя человѣкъ не можетъ простить и тогда, когда станетъ взрослымъ. Карась въ ту минуту, когда лежалъ на кровати, всѣхъ ненавидѣлъ. Развѣ можетъ глубоко ненавидѣть ребенокъ? Можетъ. Если бы не учился человѣкъ ненавидѣть въ дѣтствѣ, не умѣлъ бы онъ ненавидѣть и въ зрѣлыхъ лѣтахъ. Буреи дала Карасю сильные уроки немощи, злости и мести!

Для городскаго, привыкшаго проводить праздники дома, самый гадкій день — праздничный день въ бурсѣ...

Карась кое-какъ дождался всенощной.

Учениковъ раздѣлили на двѣ партіи: одна отправлялась въ лаврскую церковь, другая оставалась въ бурсѣ. Къ первой принадлежали имѣвшіе сколько нибудь приличную одежду, ко второй оборвыши и отрепыши, которыхъ стыдно было начальству пустить на свѣтъ Божій. Карась остался съ отрепышами, потому что былъ не уволенъ въ городъ, а такихъ не пускали въ лаврскую церковь.

По звонку, въ шесть часовъ вечера, оставшіеся отправились на домашнюю всенощную, въ такъ называемый «пятый номеръ», то есть классъ подъ № 5. Это была большая длинная комната, уставленная партами. На передней стѣнѣ ея висѣлъ огромный образъ Спасителя, сѣдящаго на престолѣ; продѣтымъ образомъ и совершалась всенощная однимъ изъ лаврскихъ монаховъ. Ученики сдвинули парты въ одну сторону, къ стѣнѣ. Образовалась довольно обширная площадка, на которой и помѣстились рядами ученики. По правую руку образа поставили аналой, около котораго помѣстилась *сборная братія*, то есть пѣвчіе-любители изъ оставшихся въ бурсѣ.

Карась въ дѣтствѣ былъ очень религіозный мальчикъ. Кромѣ того, на сердцѣ его накопилось очень много горя. Онъ, лишь только началась всенощная, всталъ на колѣни и началъ усердно молиться. Содержаніе его молитвы, какъ часто случается въ дѣтствѣ, было безпредметное, неопредѣленное. Онъ ни о чемъ не просилъ, ни на кого не жаловался Богу; онъ, отрѣшаясь отъ внѣшняго міра, стремился куда-то всѣми силами своей души. Тепла была его молитва и сильна... Такъ прошло около полчаса, и Карась съ каждымъ поклономъ разгорался духомъ. Но это

благодатное настроеніе было неожиданно нарушено самымъ пасквильнымъ образомъ.

Когда Карась кончалъ усердный поклонъ, сосѣдъ его, дуракъ *Тетеры*, сдѣлалъ ему дружескую смазь. Карася это ему мило, а Тетеры, разсматривая свою пясть, въ которой сейчасъ держалъ лицо Карася, увидѣлъ ее мокрою...

— Ты плачешь? сказалъ онъ Карасю.

Религіозный экстазъ Карася миновался.

— У тебя слезы? повторилъ Тетеры.

Карась озлился, тѣмъ болѣе, что ему было стыдно своихъ слезъ...

— Безмозглая башка, отвѣчалъ онъ и далъ пинка Тетеры.

— Да о чемъ ты плакалъ? спрашивалъ глупецъ Тетеры.

— Отстань, осёлъ!

— Скажи же, допрашивалъ добродушный глупецъ.

— Вотъ тебѣ!

Карась далъ ему очень чувствительный пинокъ.

— Подлый Карасище, привѣтствовалъ его дуракъ...

Такимъ образомъ, молитвенное настроеніе карасинаго духа было нарушено...

Кончился для Карася тяжелый бурсацій праздникъ.

«Неужели меня не уволятъ и на пасху?» думалъ онъ.

Страшно сдѣлалось ему. Онъ зналъ, что такое въ бурсѣ пасха.

Этотъ праздникъ ожидался учениками съ нетерпѣніемъ, всѣ думали встрѣтить въ святой день что-то особенное, выходящее изъ ряду вонъ; лица торжественныя, свѣтлыя, добрыя; товарищи внимательны другъ къ другу и ласковы; ни одной нѣтъ затрещины во всей бурсѣ. Хоръ, послѣ спѣвки, идетъ въ церковь, поютъ съ увлеченіемъ и звонко, весело христосуются и, послѣ службы, возвращаются въ бурсу, гдѣ и разговляются. Все это очень мило; но вмѣстѣ съ розговѣньемъ улетаетъ изъ бурсы и праздникъ. Если бы дали ученикамъ простую рекреацію, они и справили бы ее, какъ обыкновенно, но пасха — праздникъ особенный и проводить его слѣдуетъ иначе. И вотъ бурсаки снуютъ изъ угла въ уголъ, ищутъ своего праздника, и найти не могутъ. Гдѣ же онъ? Затерялся гдѣ-то, а вѣрнѣе всего, оставленъ дома, на родинѣ. Но неволѣ припоминаютъ бурсачки Христовъ день, подъ роднымъ кровомъ, всѣ чуютъ, что не такъ надо праздно-

вать его, и уже христовскій вечеръ становится невыносимо скученъ, на всѣхъ нападаетъ тоска и апатія. Прожить цѣлую недѣлю въ такомъ состояніи — дѣло крайне тяжелое. Отъ того-то Карасю и прописывали бурсацкую пасху вмѣсто казни; не дѣльнее что-нибудь она и не годилась.

Но Карась поклялся, что онъ, во что бы то ни стало, отдѣлается отъ этой казни... Но что же онъ предприметъ?

«Сбѣгу»—чаще и чаще приходитъ ему на мысль.

Съ этой блаженной мыслью, онъ и заснулъ въ тотъ день.

«Сбѣгу» — думалъ Карась, проснувшись, и на другой день, по утру.

Эта мысль начинала нравиться Карасю и окончательно укоренилась по поводу одного маленькаго *бѣгуна*. Событіе было такого рода. Привезли въ училище Фортунку, деревенскаго мальчика, едва ли не семилѣтняго ребенка, который долго скучалъ по родинѣ. Этотъ *Фортунка*, когда ему сдѣлалось очень горько отъ бурсацкой жизни, ночью задумалъ совершить бѣгство. Онъ предпринялъ такой подвигъ, не зная, гдѣ найдетъ пріютъ, и не имѣя денегъ, а только полагаясь на слова пѣсни, распѣвавшейся въ училищѣ; въ ней говорилось, что однажды шелъ бѣдный малютка, онъ весь перемокъ и дрожалъ отъ холоду, но думалъ: «Богъ и въ полѣ птичку кормитъ и росой кропитъ цвѣты, — и меня онъ не оставитъ», и дѣйствительно, мальчику попалась на встрѣчу старушка, которая и пріютила его у себя... Полагаться Фортункѣ больше было не на что, но онъ, все-таки, глубокой ночью всталъ съ своей постели на ноги, натянулъ на себя свою одежку, завязалъ что-то въ узелокъ и вышелъ на дворъ. «Вечеръ былъ, сверкали звѣзды», какъ говорилось въ приведенной же выше пѣснѣ. Фортунка полѣзъ черезъ заборъ, вотъ онъ уже сидитъ подъ открытымъ небомъ и думаетъ со страхомъ, куда ему направить путь. — «Но ладно: Богъ и во полѣ птичку кормитъ».—Бурсацкая птичка хотѣла спорхнуть съ забора...

— Стой! — услыхала Фортунка чей-то грозный голосъ...

Его сняла съ забора чья-то сильная рука и поставила на землю. Предъ Фортункой оказался солдатъ *Цѣпка*, училищный хлѣбопекъ, который и поймалъ его на мѣстѣ преступленія...

— Ты что затѣялъ?

— Ей-Богу, ничего не затѣвалъ...

— Пойдемъ-ка со мной, дружище...

— Прости, Цѣпа...

— Пойдемъ, пойдемъ...

Солдатъ повлекъ за собой Фортунку. Онъ привелъ его въ свою пекарню. Объ этомъ солдатѣ мы однажды упоминали, какъ о человѣкѣ, не смотря на жосткость и грубость его характера, вообще добромъ...

— Ты что задумалъ, а?

— Я только погулять хотѣлъ...

— То есть въ бѣги пуститься?.. это съ чего?..

— Здѣсь скучно, Цѣпа...

— Скучно? а инспекторъ отдеретъ, такъ весело станетъ? И куда ты, этакой мальчишка, пойдешь?

— Домой пойду...

— Ахъ, ты каналья! Гдѣ жь тебѣ домой идти?

Однако Фортунка понравился солдату.

— Присядь-на лучше вотъ здѣсь, сказалъ онъ мальчику:—и поѣшь лепешекъ съ масломъ...

Фортунка отъ ласковаго слова повеселѣлъ и началъ ѣсть данную ему лепешку. Солдатъ разговаривалъ съ нимъ о его домѣ и совершенно приголубилъ.

— Ну, поѣлъ, и ступай съ Богомъ спать. И не думай уходить изъ училища—поймаю...

Фортунка пришелъ въ свою спальню и заснулъ въ ней сномъ птички божіей.

Но на другой день, Цѣпка, не смотря на доброту свою, счелъ обязанностію—донести о попыткѣ дезертира...—Отдеру — сказалъ инспекторъ. Но когда къ нему привели Фортунку, и онъ въ лицѣ его увидѣлъ совершеннаго ребенка, въ которомъ и сѣчь-то нечего, тогда инспекторъ помиловалъ его...

Но бѣгство было однимъ изъ сильнѣйшихъ преступленій бурсы. Поэтому замыселъ Фортунки, хотя и кончился онъ пустяками, возбудилъ въ училищѣ толки.

— Бѣгуна поймали, разсказывали въ камчаткѣ.

— Что же съ нимъ сдѣлали? спрашивалъ съ любопытствомъ Карась

— Ничего...

— Неужели?

— Инспекторъ простилъ.

«Убѣгу же и я», укрѣплялся въ своей затаенной мысли Карась:—«вѣдь не запорятъ же, если и поймаютъ».

Онъ сталъ разговаривать съ товарищами о бѣгунахъ...

— Много у насъ бѣгуновъ?

— Есть-таки...

— А вѣдь плохо имъ придется?..

— И очень даже...

— А правда, спросилъ одинъ, что наши на дровяномъ дворѣ *спасаются*?

— Правда, только ты никому не говори...

— Я знаю, что ли?

— То-то. Я самъ бывалъ у нихъ въ гостяхъ.

— Какъ же они живутъ?

— Отлично живутъ. Въ дровахъ подѣлали себѣ кельи и спасаются въ нихъ...

— Чѣмъ же они питаются?

— Воруютъ. Вотъ уже второй мѣсяцъ живутъ такъ... Иногда милостыню просятъ... Иногда приходятъ сюда, въ училище, и наши даютъ имъ хлѣба...

— Не выдадимъ своихъ, отвѣтили слушатели съ гордостію.

«Убѣгу и я», думалъ про себя Карась и съ каждой минутой разгорался духомъ...

— А что *женихъ* нашъ? спросилъ кто-то объ ученикѣ, упомянутомъ въ прошломъ очеркѣ:—онъ никакъ теперь пятый разъ состоитъ въ бѣгахъ. Сколько разъ его драли за бѣгство?

— Четыре раза, а все-таки неймется... Отпорятъ его, онъ бѣжитъ за восемьдесятъ верстъ, да пѣшкомъ лупитъ. Явится домой, его начинаетъ драть отецъ, отъ отца онъ бѣжитъ въ бурсу. Отстегаютъ здѣсь, онъ опять домой: такъ и гоняютъ его розгами съ мѣста на мѣсто.

«Но вѣдь не засѣкли женика», ободряетъ себя Карась, жадно прислушиваясь къ рѣчамъ товарищей: «и я живъ останусь».

— Но что женихъ? Нѣтъ, вотъ бѣгуны-то: Вавиловы...

— И вѣдь городскіе еще?

— Да; напишутъ бывало фальшивыя письма отъ родителей, что они оставлены дома по болѣзни, начальство не безпокоится, дома этого не знаютъ, и Вавиловы гуляютъ себѣ по городу. Такъ они однажды гуляли цѣлую треть года...

— А правда, что ихъ однажды поймали вмѣстѣ съ мошенническою шайкой?

— Еще бы! Но потомъ другіе мошенники выкупили изъ полиціи. Они опять долго торговали краденой нанкой и имѣли

большія деньги. Когда же негдѣ было стянуть, нанимались въ поденную работу.

— Ай, да ну! Но не слышно ли чего о *Меньшинскомъ*?

— Что-то не слышно... А онъ тоже давно въ бѣгахъ...

— Вотъ этотъ будетъ почище всѣхъ. Помните, какъ онъ однажды оборвалъ у инспектора часовую цѣпочку и бросился на него съ перочиннымъ ножомъ?

— И все это ему проходитъ. Отпорятъ, и только.

— Другому давно бы дали волчій паспортъ, а у него покровители есть.

Про Меньшинскаго говорили правду. Онъ былъ примѣромъ того, что жестокое воспитаніе можетъ сдѣлать изъ человѣка. Изъ Меньшинскаго оно сдѣлало чистаго звѣря, который не задумался бы, подъ горячую руку, и приколоть кого нибудь. Долго толковали о немъ, предполагая, чѣмъ разъиграется послѣднее его бѣгство. Предъ тѣмъ, по просьбѣ отца, его такъ наказали, что совершенно избитаго *на рогожкѣ* отнесли въ больницу.

У Карася гвоздемъ сѣла въ голову мысль покинуть бурсу. «Если и накажутъ, то все же не такъ, какъ Меньшинскаго: я воровать не буду и съ ножомъ ни на кого не брошусь. Пусть сѣкутъ потомъ; теперь, по крайней мѣрѣ, погуляю». — Онъ сталъ обдумывать планъ бѣгства. И онъ, предпринимая такое смѣлое дѣло, былъ немного разумнѣе Фортунки. Но Карась ходилъ около воротъ и выглядывалъ, какъ бы шмыгнуть за нихъ: это было дѣло не легкое, потому что привратникъ строго слѣдилъ за бурсаками и безъ билета, даннаго отъ инспектора, никого не пропускалъ въ ворота.

— Лишь бы только уйти, а тамъ пойду, отъищу дровяную келью и присоединюсь къ спасеннымъ. Не примутъ, удеру куда нибудь—за одно.

Такъ размышлялъ Карась, стоя у воротъ училища, съ твердымъ намѣреніемъ исполнить свой замыселъ.

Но вдругъ распахнулись двери училища настежь, и въ нихъ показалась телѣга. Телѣга остановилась у дома инспектора. Карась изъ любопытства заглянулъ въ рогожку, которою былъ прикрытъ экипажъ, и невольно попятился назадъ. Изъ подъ рогожки на него сверкнули два страшныхъ глаза...

— Меньшинскаго привезли! закричалъ онъ.

Въ телѣгѣ лежалъ, связанный по рукамъ и ногамъ, дѣйствительно Меньшинскій. Онъ, убѣжавъ за нѣсколько верстъ въ

свою деревню, былъ накрытъ отцомъ ночью, скрученъ веревками и отправленъ въ бурсу. Свободнымъ везти его боялись — непремѣнно убѣжитъ снова...

Около телѣги образовалась толпа учениковъ.

— Меньшинскій! говорили бурсаки...

Онъ посмотрѣлъ только со злобой на своихъ товарищей; онъ всѣхъ ихъ ненавидѣлъ въ ту минуту.

— Какъ тебя поймали?

— Связаннаго такъ и везли?

— Сорокъ слишкомъ верстъ?

— Убирайтесь къ чорту, отвѣчалъ онъ и закрылъ глаза.

Появился инспекторъ, и толпа разсѣялась въ стороны.

Черезъ полчаса велѣно было ученикамъ собраться въ пятомъ номерѣ. Туда притащили связаннаго Меньшинскаго, повалили его на полъ, раздѣли, два служителя сѣли ему на плечи, два на ноги, два встали съ розгами по бокамъ, и началось сѣченіе.

Жестоко наказали знаменитаго бѣгуна и отправили въ больницу...

Впечатлѣніе отъ этой порки было потрясающее.

«Страшно», подумалъ Карась. «Богъ съ нимъ и съ бѣгствомъ! Лучше на пасху не пойду.

Послѣ того у Карася прошла охота бѣжать.

«Однако на пасху не идти? Нѣтъ, какъ нибудь да урвусь изъ бурсы. Завтра обикодъ, думалъ Карась: рѣшится дѣло, идти мнѣ на пасху, или нѣтъ?»

Вотъ когда сдѣлалось ему страшно. Чѣмъ ближе подходитъ грозный день неотпуска, тѣмъ становилось ему тошнѣе. Къ чувству ненависти и тоски присоединялось еще какое-то новое чувство: все стало казаться пустяками, зарождалась мизантропія, мрачный взглядъ на міръ Божій. Пробовалъ онъ чѣмъ нибудь развлечься — ничего не выходило. Купилъ онъ костяжекъ и сталъ играть въ «*долу*». «Какое нелѣпое занятіе!» сказалъ онъ чрезъ нѣсколько минутъ и раскидалъ костяжки по полу. Добылъ пряникъ изъ кармана, сталъ лакомиться, но скоро и пряникъ полетѣлъ на печку. Пошолъ къ своимъ дуракамъ, но дураки только бѣсили его. Въ умѣ Карася начали подниматься вопросы, на которые ни іоты не могли отвѣтить дураки. Отчего люди злы? Отчего слабосильнаго человѣка всегда тѣснятъ и давятъ? Гдѣ всему этому начало? Говорятъ, дьяволъ всему

причина, онъ соблазнилъ людей, былъ когда-то рай на землѣ, но теперь все гадко на свѣтѣ: отчего это? откуда?» Дураномъ до такихъ вопросовъ, разумѣется, не было дѣла. Сновалъ Карась изъ угла въ уголъ и сильно волновался, наконецъ, забился онъ въ своей камчаткѣ подъ парту, накрылъ побѣдную голову шинелью и горько зарыдалъ. Слезы однако мало облегчали его. Онъ мало по малу однако забылся и, утомленный впечатлѣніями дня, заснулъ кое-какъ. Пробудился онъ съ головной болью, и первый вопросъ опять былъ о пасхѣ.

Карась думалъ, что онъ съ ума сойдетъ отъ горя. Но вдругъ лицо его стало проясняться, какая-то надежда прокрадывалась въ сердце, точно онъ видѣлъ исходъ изъ своего положенія. Карась рѣшался на что-то и не рѣшался. Но борьба быстро кончилась.

«Не умру же, Господи, твоя воля!» проговорилъ и приступилъ къ занятіямъ такого страннаго рода, что человѣку, не знакомому съ тайнами бурсацкой жизни, могъ показаться уже лишившимся разсудка.

Вечеръ. Занятія кончаются. Скоро ужинъ.

Карась вышелъ на дворъ, отыскалъ большую лужу, усѣлся около нея и сталъ снимать сапоги. Потомъ, оставшись въ одних чулкахъ, принялся бродить по водѣ, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ превратился въ большую рыбу. Послѣ такой операціи, онъ надѣлъ сапоги сверху мокрыхъ чулковъ и долго ходилъ по двору. Хотя уже весенній ледъ прошелъ и время стояло довольно теплое, но на дворѣ, по вечерамъ стояла легкая изморозь. Карась рисковалъ поплатиться здоровьемъ; но когда чулки на немъ просохли, онъ опять сталъ плавать въ лужѣ и снова повторилъ свою продѣлку. Все это было очень дико. Но Карась не унимался. За ужиномъ онъ нарочно ничего не ѣлъ, хотя не могъ пожаловаться на дурной аппетитъ. Послѣ ужина онъ опять ходилъ въ намоченныхъ чулкахъ. Пришедши въ спальную, онъ намочилъ холодной водой галстухъ и надѣлъ его себѣ на шею. Всѣ заснули, а онъ все ворочался въ постели. Когда же сталъ одолѣвать Карася сонъ, онъ всталъ съ кровати, добылъ свои подтяжки, привязалъ ими себя за ногу къ спинкѣ кровати—положеніе, въ которомъ невозможно заснуть. Онъ гналъ свой сонъ. Мучилъ себя Карась добровольно.

Но что все это значитъ?

«Какъ бы захворать?» думалъ Карась: — «завтра меня ста-

пустятъ въ больницу; обвалецъ пройдетъ безъ меня, и я останусь уволеннымъ на пасху. Не умру же я. Хоть и больнаго возьмутъ домой, все же лучше!...

Вотъ чѣмъ объясняется сумасбродство Карася.

Когда бурсаки уходили отъ какой нибудь бѣды въ больницу, прятался въ отхожихъ мѣстахъ, строилъ келью на дровяномъ дворѣ, утекалъ въ лѣсъ либо домой, то это на мѣстномъ языкѣ называлось «спасаться».

Спасающихся въ больницѣ было не мало. Мы видѣли, что дѣлалъ Карась, чтобы поселиться въ ней. Для той же цѣли многіе развивали на тѣлѣ чесотку и нарочно не лечили ее, смотрѣли долго на солнце, чтобы получить куриную слѣпоту, натирали веко сушеномъ либо накалывали ее булавками, чтобы распухла она, расковыривали старыя свои ноги, растравляли на ногахъ раны и т. п.

По утру, на другой день, Карась блѣдный, растрепанный, еле держась на ногахъ, былъ отведенъ *старшимъ* въ мѣстную больницу.

Но такое *спасеніе*, на которое рѣшился Карась, обходилось очень дорого: во первыхъ, потому, что приходилось рисковать здоровьемъ, а во вторыхъ, больница была однимъ изъ самыхъ страшныхъ мѣстъ бурсы.

Она дѣлилась на два отдѣленія: *чистое* и *чесоточное*.

Чистое имѣло въ себѣ комнату подлѣ аптеки; потомъ шли палаты для больныхъ. Въ палатахъ на желѣзныя кровати были брошены слежавшіеся матрацы, жесткіе, какъ камень, въ нихъ гнѣздами гнѣздились клопы и другіе паразиты. Комнаты были съ *лишаечными* стѣнами, въ пятнахъ, плѣсени, зелени; полъ проѣденъ мышами и крысами. *Чесоточное* отдѣленіе, находящееся отъ *чистаго* черезъ корридоръ, въ одной огромной комнатѣ, было еще мерзѣе: это была какая-то прокаженная яма, кишащая коростой, струпьями и всякою заразою. Подлѣ той ямы находилась кухня, изъ которой неслась весь гнущая гниль и вонь. Близъ лежащіе ватеръ-клозеты увеличивали впечатлѣніе. Содержаніе больныхъ было очень нездорово. Воздухъ, при дурной вентиляціи, былъ дохлый, пища скудная и скверная, — *габеръ супъ*, прозванный отъ бурсаковъ *арбузнымъ супомъ*, вмѣстѣ съ *пятакъ-булкой* (булка въ пятакъ ассигнаціями), прополаскивая желудокъ, мало питали организмъ; бѣлье было грязное и рваное;

верхняя одежда тоже, но особенно замѣчательны были дерюжные, сѣроармяжные халаты; при этомъ строго наблюдалось, чтобы грязный колпакъ былъ на головѣ больнаго. Лекарства, нечего и говорить, были пустыя: мушка, рожки, горчица, ромашка, oleum ricini, рыбій жиръ, мазь отъ чесотки, да нѣсколько пластырей — вотъ, кажется, и все; только въ крайнихъ случаяхъ рѣшались на что нибудь подороже.

Ко всему этому фельдшеромъ былъ нѣкто Мокеичъ. Онъ былъ глухъ на правое ухо и глухъ на лѣвое ухо, глухъ съ фронтона и глухъ съ затылка, хотя и былъ человѣкъ души доброй. Онъ былъ глубоко убѣжденъ, что доктора всегда глупѣе фельдшеровъ, особенно молодые. Мокеичъ хвастался, главнымъ образомъ, тѣмъ, что у него счастливая рука, и, вѣроятно, на этомъ основаніи, пропилъ аптекарскіе вѣсы, а послѣ всегда узнавалъ вѣсъ рукою — подтряхнетъ на ладони какую-нибудь спецію, — «пол-унце» говоритъ и сыплетъ въ банку. Онъ лечилъ обыкновенно прислугу училищную и кой-кого изъ окрестныхъ обывателей, предъ которыми и ругалъ своего доктора.

Бурсаковъ въ такой больницѣ спасалъ отъ смерти служившій при ней Доброволинъ. Если бы не онъ, то моромъ бы морило бурсаковъ. Ученики, помнящіе его, вспоминаютъ объ этомъ человѣкѣ съ глубокимъ уваженіемъ и любовью. Онъ обладалъ отличною ученостью, постоянно слѣдилъ за наукой и въ какіе нибудь три года составилъ себѣ огромную репутацію. Кромѣ того, что онъ всегда былъ готовъ помочь, уже одинъ видъ его добраго лица, ласковый, задушевный голосъ, умѣнье обойтись съ больнымъ, оживляли паціента доброй надеждой. Бѣдные люди, во всякое время дня и ночи, могли найти его готовымъ на помощь имъ: посѣщая лачугу какого-нибудь бѣдняка, онъ приносилъ ему лекарство, пищу и деньги. Не смотря на то, что онъ имѣлъ богатую практику, Доброволинъ, вслѣдствіе необъятной доброты своего сердца, по смерти, оставилъ капиталу только *пятіалтынный*. Когда газеты напечатали его некрологъ, то огромное количество почитателей стеклось, чтобы помочь его семейству въ несчастіи.

Доброволинъ былъ духовнаго происхожденія и очень любилъ бурсаковъ. Онъ велъ дѣятельную и усердную войну съ училищнымъ начальствомъ. Но, не смотря на всю энергію свою, ничего не могъ сдѣлать въ этомъ несчастномъ мѣстѣ. Больница осталась страшнымъ мѣстомъ.

И вотъ все-таки въ это мѣсто, полное смрада, нечистоты и болѣзней, бурсакъ прибѣгалъ, какъ въ древности прибѣгали люди къ священному алтарю своему искать защиты и спасенія. Бурсакъ въ гнусной больницѣ искалъ спасенія. И знаете ли, что и здѣсь не всегда ученикъ избѣгалъ золъ бурсацкихъ: бывали, хотя очень рѣдко, примѣры, что *больныхъ сѣкли*. Да.

Но Карась все выжилъ, все перенесъ, лишь бы только бурсацкое начальство не украло у него домашнюю пасху.

Пасху Карась провелъ дома. Дорогонько она обошлась ему.

. . . . . .

Вотъ, господа, какъ бѣгаютъ и спасаются наши бурсаки.

НИКОЛАЙ ПОМЯЛОВСКІЙ.

ОСОБАЯ ГРАММАТИКА.

Мерцая, далекія звѣзды
Тоскливо глядятъ съ высоты;
Я ими любуюсь: какъ много
Божественной въ нихъ красоты!

Глядятъ и ведутъ разговоры,
Какихъ ни одинъ филологъ,
Во всѣхъ языкахъ умудренный,
Вовѣки постигнуть не могъ.

Лишь я разгадалъ ихъ и понялъ
Тѣ томныя рѣчи любви:
Грамматикой, милая, были
Мнѣ ясныя очи твои!

Н. ВЕРГЪ

ОБИТАТЕЛИ СЕЛА ЛЫКОВА.

(Изъ записокъ лекаря).

Всего чаще бывалъ я у Марьи Ѳоминишны и Василья Кузьмича Лыковыхъ. Иной разъ вовсе не по пути, а все заѣдешь, какъ будто кто тянетъ. Я къ нимъ, а они ко мнѣ такъ привыкли, какъ свои родные. Даже скучно станетъ, когда случится долго не видѣться. Другой разъ недѣли не пройдетъ, глядишь, и ѣдетъ Еся (такъ звали, для скорости, Евсевія, любимаго кучера Лыковыхъ и бара, и свой братъ, крестьянинъ) на пѣгашкѣ.

— Что, Еся?

— Да за вами, сударь? матушка занемочь изволила, простудилась что-ли. Съѣзди, говоритъ, къ Титу Ѳомичу, скажи, что немогу.

А ужъ какъ рады-то всегда бывали, какъ пріѣдешь!

— А, ваше степенство! скажетъ Василій Кузьмичъ: добро—пожаловать, сколько лѣтъ, сколько зимъ не видать васъ не слыхать! садись-ка да хвастай.

— Что это, мой родной, и дождаться-то тебя не можно! любезный, радушно улыбаясь, Марья Ѳоминишна.—Ужъ я думала, не случилось ли что съ тобой.

— Чему съ нимъ, матушка, случиться? развѣ женится! Да что-нибудь бѣда.

— Дай Богъ, дай Богъ! пора бы ужъ и жениться. Лишь бы

далъ Богъ женушку-то хорошую, да совѣтъ да любовь... Я бы хоть полюбовалась на него, голубчика, но уже на женатаго-то, да ужь и на свадебкѣ бы попировала на старость лѣтъ.

— Ну, сказывай-ко: какъ живешь можешь?

— Какъ видите.

— Плохо, батюшка. плохо, на мои глаза не надѣйся, а сказывай, все ли въ добромъ?

— Забыли, батюшка, забыли насъ стариковъ, перебьетъ бывало Марья Ѳомишнина:—и провѣдать не хочетъ. Стыдно, стыдно!

— Ишь онъ брюшко роститъ, такъ боится отощать съ твоего угощенья.

— Ужь будто мы и хлѣба не ѣдимъ!

— Ѣдимъ, маточка, ѣдимъ: до сыта-то не кормимъ, да и съ голоду не уморимъ.

— Вы то какъ поживаете?

— Помаленьку... Вотъ маточка немножко прихворнула: грибковъ лишку покушала.

— Не слушайте вы его, Титъ Ѳомичъ!... Нѣтъ, маленько попростудилась, да малинки къ ночи напилась, да пропотѣла— сегодня опять и по старому. А ужь за тобой-то послала такъ: знаю, что самъ-то ты долго не вздумаешь.

— Ну что, батюшка, много ли барашковъ оснималъ, много ли шкурокъ получилъ?

Такъ спрашивалъ всегда Василій Кузьмичъ о числѣ покойниковъ, вскрытыхъ мной.

Старички Лыковы, хоть и не очень стары были—она 50, онъ 60 лѣтъ, но принадлежали къ числу стариннаго покроя людей, воспитанныхъ на мѣдныя деньги, какъ они сами часто говорили.

— Не осудите, батюшка, у насъ вѣдь по просту, скажетъ бывало старушка:—мы люди старые, не взыщите.

— Не обезсудьте, прибавитъ смѣясь Василій Кузьмичъ: мы люди простые, ѣдимъ пряники неписанные; чѣмъ богаты, тѣмъ и рады; старики говорятъ: не красна изба углами, а красна пирогами, а моя старуха и пирогами не красива: скупость одолѣла, все вѣдь племяннику бережетъ...

Не успѣешь войти, ужь Василій Кузьмичъ командуетъ: — а что, маточка, кабы ты водочки велѣла подать: съ дорожки-то не худо бы, да и нашему брату не мѣшаетъ выпить. Вели подать

грибковъ, либо чего солёненькаго, какъ мы закусимъ; обѣдать-то и охотнѣе будемъ ждать.

Василій Кузьмичъ любитъ таки выпить, но пьетъ только при гостяхъ.

— Гость прiѣдетъ, такъ и нашему брату рюмочка достанется, а то сидишь себѣ да постъ чешешь... Вотъ, спасибо, братъ, что прiѣхалъ, право, спасибо.

Марья Ѳоминишна радовалась гостю по другой причинѣ: угощеніе—это было страсть ея, и гостю она радовалась, какъ случаю показать свое хозяйство. А хозяйство для нея все. Это тотъ мiрокъ, который старается создать вокругъ себя каждый человѣкъ, разумѣется, по своему аршину, нужно бы сказать, идеалу. Въ немъ она чувствуетъ себя какъ дома, мало того, она чувствуетъ себя госпожею: все для нея понятно, все интересно, все ея касается, все, если можно такъ выразиться, шевелитъ ея мозгъ. Вся умственная дѣятельность сосредоточена на хозяйствѣ. Здѣсь всѣ способности работаютъ. Въ хозяйствѣ—ея симпатiи и антипатiи, радости и печали: это вдохновенiе, это поэзія. Заговорите о хозяйствѣ, и Марья Ѳоминишна встрепенется, оживетъ, перестанетъ плакать, остановитъ крестъ на лбу, заговоритъ, почувствуетъ, что и она что нибудь значитъ, что и она кой-что знаетъ.

Не въ ея годы искать новаго рода дѣятельности. Хозяйство —результатъ ея жизни. Не стать же начинать ей жить?...

Какъ же, послѣ этого, не радоваться гостю, не радоваться случаю показать свое хозяйство! Но не забывайте, что это же и больное мѣсто человѣка, слабая струна, конекъ, такъ называемый.

Все можете хулить, а хозяйство только хвалить, за все можете бранить, кромѣ хозяйства. Хотите заслужить любовь; посовѣтуйтесь о хозяйствѣ; хотите поссориться, похулите хозяйство.

Василій Кузьмичъ зналъ эту слабость и никогда не пропускалъ случая посмѣяться надъ Марьей Ѳоминишной.

— Не кушайте, батюшка, грибковъ-то, еще ужъ есть: хозяйка сама сознавалась, что для гостей нарочно ладила на половину съ червями...

— Ахъ, Василій Кузьмичъ, вы и гостямъ не дадите покушать! имъ вѣдь что скажетъ! да еще и божится... Ну да, ладно: самъ кушай, коли съ червями, а вамъ ничего, мы и съ червями ѣдимъ.

— Эхъ, матушка, вѣдь я гостей только хотѣлъ предостеречь. Ужь вы не брезгаете, а я, пріемышъ, и подавно. А лучше бы, еслибъ не ѣли, право лучше бы: мнѣ бы побольше осталось.

— Да ты кушай, батюшка, кушай, сколько душѣ угодно. Слава Богу, есть.

Лѣтъ около десяти назадъ, Василій Кузьмичъ служилъ секретаремъ въ уѣздномъ судѣ; слылъ за умнѣйшаго человѣка въ городѣ и былъ лучшимъ дѣльцомъ. Всѣ, у кого было какое либо дѣло, хоть бы даже досталось оно и не до уѣзднаго суда, всѣ обращались къ нему, какъ источнику свѣта и справедливости. И дѣйствительно, по своему, онъ былъ честнѣйшій человѣкъ. Правда, онъ взятки бралъ, но немного какъ за дѣло, и при томъ по состоянію. И что всего замѣчательнѣе,—онъ всегда рѣшалъ дѣло по справедливости. Придетъ бывало проситель, онъ первое дѣло спроситъ:

— Ну, что скажешь? Не бось, дѣло?

— Къ вашей милости, Василій Кузьмичъ, не оставь батюшка! Вотъ такъ и такъ, батюшка.

— Эхъ, братъ, вѣдь дѣло-то не мое. Какъ я тебѣ тутъ помогу?

— Да для вашей-то милости все возможно: слово скажете, такъ по вашему и будетъ.

— Да я, братъ, не Богъ, что слово скажу, такъ по моему и будетъ.

— Коли ужь вы, кормилецъ, не можете, такъ къ кому и идти... На васъ, батюшка, вся надежда: не оставь, кормилецъ, заставь за себя вѣчно Бога молить.

Такія слова имѣли на него вліяніе, и онъ обыкновенно заключалъ:

— Ну, что съ тобой дѣлать, станемъ объ дѣлѣ толковать. Виноватъ если, такъ и дѣла дѣлать нечего, а надо повинную нести.

Если изъ дѣла оказывалось, что проситель виноватъ, Василій Кузьмичъ говорилъ:—дѣло дрянь, братецъ, дѣло дрянь! Кругомъ ты виноватъ, и еще идешь просить. Какъ тебѣ не стыдно? Ну, есть ли у тебя крестъ на вороту? обидѣлъ человѣка, да за него же и прощенья проситъ, братъ, иди къ кому знаешь, а я за тебя просить не буду.

За этимъ, обыкновенно, слѣдовали поклоны и увѣщанья хоть сколько нибудь помочь.

Въ концѣ концовъ Василій Кузьмичъ спохватился и далъ замѣтить, что хоть это дѣло до него и не касается, но онъ все можетъ сдѣлать,—разсказывалъ мужику, что для него можно сдѣлать, на сколько можно уменьшить его отвѣтственность. И мужикъ всегда безпрекословно покорялся его приговору, какъ суду безпристрастному, и ужь конечно не оставлялъ безъ благодарности.

Впрочемъ, ему легко было дѣла дѣлать: къ нему обращались обѣ стороны—и правая и виноватая, а потому онъ нерѣдко мирилъ ихъ. Со стороны другихъ судей праведныхъ тоже препятствій небыло. Всѣ его уважали и боялись, какъ знатока дѣла, къ которому, въ случаяхъ затруднительныхъ, приходили за совѣтомъ, да и потому еще, что всѣ просители напередъ обращались къ нему, и онъ уже опредѣлялъ: кому изъ судей (отъ которыхъ дѣло непосредственно зависитъ) сколько дать, а судьямъ заказывалъ больше не просить, въ особенности если бѣдный человѣкъ. Слѣдовательно онъ зналъ доходы, или, лучше сказать, плутни всѣхъ властей. И бѣда, если кому нибудь изъ нихъ вздумается похвастать въ присутствіи его, — живо осмѣетъ.

— Ужь будто это и было, скажетъ онъ, улыбаясь и покачивая головой. — Полно правда ли? не врешь ли? Замолчи-ка, братъ, такъ лучше будетъ. И тотъ обыкновенно молчалъ.

— Вотъ такъ-то лучше, добавлялъ Василій Кузьмичъ съ сознаніемъ собственнаго достоинства:—вѣдь не передъ кѣмъ храбриться. Вотъ губернаторъ пріѣдетъ, тогда увидимъ, какъ будете храбриться, али тогда языкъ въ пятки уйдетъ?

Онъ любилъ посмѣяться, въ особенности когда бывалъ подъ хмѣлькомъ, въ куражѣ, какъ онъ выражался, и считалъ себя острякомъ непослѣднимъ.

Ему многое прощали, даже иногда довольно рѣзкія шутки. Онъ въ особенности не терпѣлъ сплетенъ. Бѣда, если кто вздумаетъ замѣшать его въ какую либо, даже самую невинную, сплетню. Тутъ отъ него пощады не жди. Разругаю бестію на всѣхъ вселенскихъ соборахъ, говорилъ онъ: все припомню. И ужь дѣйствительно разругаетъ; но тѣмъ хорошъ, сегодня выругалъ, а завтра ужь и забылъ. Если у кого хватаетъ духу, приходи на завтра—приметъ, только не вспоминай о прошломъ да не льсти, лазаря не корчи, какъ говорилъ онъ.

— Терпѣть не могу этихъ лазарей: прикинется такимъ убогонькимъ, что подумаешь, вотъ истинно несчастный, надо по-

мочь, а какъ посмотришь на этого лазаря изъ-за угла — откуда что берется! Еще тебя же первако и выругаетъ, и осмѣетъ... знаю я ихъ, торговокъ...

Его всѣ въ уѣздѣ знали. Крестьяне его любили, уважали и боялись; помѣщики, если не всѣ любили, то всѣ уважали и многіе искренно побаивались, не потому, чтобы онъ тѣснилъ ихъ въ случаѣ дѣлъ — нѣтъ, а потому что за всѣми водились грѣшки, которые ему были извѣстны, а языкокъ-то у него, что бритва, да и что скажетъ Василій Кузьмичъ, тому вѣрили на слово, какъ Библіи.

Марья Ѳоминишна слыла за отличную хозяйку, а домъ ихъ считался однимъ изъ лучшихъ въ городѣ N. Никто изъ служащихъ не пользовался такимъ почетомъ отъ горожанъ, какъ Василій Кузьмичъ и Марья Ѳоминишна. И они умѣли обойтись со всѣми ласково да привѣтливо. Прожили они въ N. 25 лѣтъ, а только двѣ квартиры перемѣнили, значитъ, умѣли ужиться. Вотъ скоро 10 лѣтъ, какъ Василій Кузьмичъ выслужилъ полный пансіонъ, оставилъ службу и переѣхалъ въ женино имѣніе, верстъ за 30 отъ города N, а его тамъ до сихъ поръ живо помнятъ, да и долго еще не забудутъ. Случится ли дѣлишко какое, ему стоитъ только написать, сейчасъ для него все сдѣлаютъ.

Да, хорошую память оставилъ по себѣ Василій Кузьмичъ, и онъ этимъ гордился. При случаѣ любилъ вспомнить и старину, въ особенности службу:—славное тогда было время! жили мы въ свою волю, да и не блажили, не то что нонече. Теперь пошли времена мудреныя, люди все ученые, не то что мы дураки... Теперь ихъ время! Пусть ихъ послужатъ лучше насъ. На все свое время... А поставилъ бы ихъ на наше мѣсто, хуже бы насъ были. Право такъ, даромъ, что они хвастаютъ!

Переселившись въ деревню, Василій Кузьмичъ занялся хозяйствомъ, и года въ три, четыре успѣлъ устроить усадьбу, какъ ласточкино гнѣздышко, по выраженію Настасьи Прохоровны.

Настасья Прохоровна, сосѣдка Василья Кузьмича, одна изъ тѣхъ бѣдненькихъ помѣщицъ, которыхъ такъ много въ нашей богатой Россіи и которыя живутъ «о Христѣ съ братіей». Барынька эти вѣчно что нибудь вяжутъ: вяжутъ онѣ утромъ, вяжутъ днемъ и вечеромъ, на работу идутъ — вяжутъ, въ гости идутъ—вяжутъ и Богу молиться идутъ—вяжутъ. А молиться онѣ ходятъ очень часто: по крайней мѣрѣ разъ въ годъ обходятъ

всѣ сосѣднія монастыря, а въ которомъ получше принимаютъ, вслухъ не бранятъ, то и на каждый праздникъ бродятъ. Хозяйствомъ онѣ занимаются плохо, да по правдѣ сказать, и заниматься-то нечѣмъ и некогда. Придутъ изъ монастыря, пойдутъ заздравныя просвирки разносить по богатымъ сосѣдямъ. То чулочки надо отнести, то больную провѣдать, а тамъ, глядишь, именины аль рожденія подоїйдутъ — опять наши старушки «въ ходъ». Нѣтъ бѣднымъ покоя. Впрочемъ, въ обыкновенное время, то есть исключая именинъ и другихъ чрезвычайныхъ случаевъ, онѣ всѣхъ сосѣдей обходятъ разомъ. Сдѣлаютъ кругъ, воротятся домой, отдохнутъ, сходятъ въ монастырь, да опять въ обходъ, благо вязаніе ихъ не останавливается. Сосѣди ихъ хорошо принимаютъ, въ особенности которые газетъ не читаютъ (а такихъ не мало еще у насъ на Руси). Старушки эти какими-то судьбами знаютъ всѣ новости: знаютъ, гдѣ какъ хозяйство идетъ, гдѣ какія хлѣба, гдѣ какія работы идутъ и успѣшно ли, гдѣ сколько скота и корму, сколько разъ на недѣлѣ мужъ съ женой бранятся, сколько у жены юпокъ, а у мужа сорочекъ, и сколько гдѣ вина выходитъ, однимъ словомъ, знаютъ все. Согласитесь, что для помѣщика домосѣда, ужь не говоря о его дражайшей половинѣ, страстной охотницѣ до сплетенъ, такія старушки просто кладъ. Въ каждомъ домѣ онѣ разсказываютъ все, что дѣлается въ остальныхъ. Съ маленькими дѣтками хозяевъ онѣ играютъ, не смотря на свои сорокъ или шестьдесятъ лѣтъ; хвалятъ ихъ при всякомъ удобномъ случаѣ очень безцеремонно: «какая хорошенькая да пригоженькая, просто, красавица, яблочко написанное. Дай Богъ женишка хорошаго... Да что и говорить объ этомъ, отъ женіховъ отбою не будетъ. Ужь всѣмъ скажу, что умница да разумница... Судитъ ли Богъ мнѣ старухѣ попировать на вашей свадебкѣ! а ужь хотѣлось бы. Вотъ у Ильиныхъ дѣточки хороши, да все не бывать противъ Сашеньки, ужь прямо скажу, что не бывать, даже на слѣдку не бывать». А къ Ильинымъ пойдетъ, такъ и «лучше-то ихъ дѣточекъ нѣтъ, да и не сыщешь».

Конечно, только что успѣли Лыковы переѣхать въ деревню, какъ всѣ эти барыньки-старушки и явились къ нимъ, а вскорѣ сдѣлались обыкновенными гостьями, какъ и вездѣ. Впрочемъ, ихъ и за гостей не считаютъ: съ приходомъ ихъ, къ столу лишнее блюдо не прибавляется, а только порція увеличивается. Василій Кузьмичъ звалъ ихъ деревенской почтой.

— Загрязла что-то наша почта, скажетъ бывало, какъ долго нѣтъ ихъ: — не рѣки ли разошлись?

А какъ явятся, то первое слово:

— Что новаго на свѣтѣ? не слыхать ли, скоро ли старыхъ на молодыхъ будутъ передѣлывать? а ужь потомъ скажетъ: — добро пожаловать! не слыхать васъ, не видать, какъ живете, можете?

Старушекъ этихъ Василій Кузьмичъ звалъ сестрицами. Всѣ онѣ одного покроя, одного отца-матери. По званію этѣ старушки бѣдныя дворянки, и всегда устарѣлыя барышни или вдовы. Онѣ только что вышли изъ того сорта баръ, про которыхъ говорятъ: самъ и пашетъ и орегъ, и съ крестьянъ оброкъ беретъ, но еще не дошли до тѣхъ, про которыхъ народъ говоритъ: «это баринъ, какъ баринъ, какъ и быть должно барину». — «Ужь какое наше житье, батюшка, отвѣчаютъ онѣ обыкновенно на вопросъ объ ихъ житьѣ-бытьѣ: житье наше горе-горькое, живемъ кое-какъ». И дѣйствительно кое-какъ. Онѣ до того привыкли бродяжничать, что къ своему хозяйству даже не радѣютъ. Рѣдко у которой вы найдете опрятность, развѣ у особенно аккуратной. И не мудрено: они съ дѣтства уже къ этому привыкли, потому и не тяготятся. Родители ихъ были такіе же или изъ такихъ; среда повела ихъ по стопамъ родителей. Покуда живъ незабвенный родитель, такъ и онѣ живутъ дома, не такъ бродяжничаютъ, не такъ ползаютъ; но только онъ умеръ, онѣ и начнутъ ползать, начнутъ свои обходы сосѣдей. Другъ къ другу онѣ рѣдко ходятъ: знаютъ, что нечего взять; развѣ въ имянины или въ какой праздникъ, когда уговорятъ пріѣхать и своихъ богатыхъ сосѣдей, конечно, съ цѣлью, чтобъ тѣ болѣе подарили. А дарить ихъ можно всѣмъ: и старой посудой, и старымъ платьемъ, и припасами. Онѣ ни отъ чего не отказываются. Еще съ дѣтства выучиваются онѣ къ униженью разнаго рода. «Благодарю покорно», первыя слова, которыя онѣ выучиваются говорить послѣ обычныхъ: папа, мама. Первые уроки въ наукѣ пресмыканія даетъ имъ дражайшая родительница ихъ, дальнѣйшее усовершенствованіе пріобрѣтаютъ опытомъ жизни. На первый разъ, еще дѣтьми, онѣ обязаны играть, даже когда не хочется, съ дѣтьми сосѣдей, къ которымъ беретъ мамаша и гдѣ оставляетъ, разумѣется, если хозяева пожелаютъ, не смотря на ихъ слезы. За каждую чашку чаю, за каждый кусочекъ пирога,

данный въ формѣ подачки, онѣ должны цаловать ручки добрыхъ хозяекъ, приседать и дѣлать разные реверансы.

Когда и какъ лизать ручки, и другимъ церемоніямъ выучиваетъ ихъ маманя еще дома. Несчастныя дѣти, это да еще придется вамъ вытерпѣть! Подростая болѣе и болѣе, вы не перестаете еще тѣшить маленькихъ дѣтей, но, съ тѣмъ вмѣстѣ, принимаете на себя и другія обязанности. Васъ хозяева охотно оставляютъ погостить, въ особенности лѣтомъ, когда горничныя дѣвушки на работѣ (замѣтьте, оставляютъ, а не приглашаютъ). Скамеечка хозяйки-старушки поступаетъ въ ваше вѣдѣніе; за платкомъ, табакеркой, очками и другими насущными потребностями хозяевъ вы же наблюдаете. Свѣдущія по этой части маманя давно толкуютъ вамъ, что надобно самимъ догадываться, когда и что нужно хозяйкѣ, предупреждать ея желанія, а не дожидаться, чтобы попросили, вѣрнѣе, приказали. Да и какъ же, вѣдь за этѣ маленькія услуги вамъ подарятъ какую нибудь тряпку, обносокъ-платьишко, которое, въ противномъ случаѣ, докончило бы свое жалкое существованіе на плечахъ какой нибудь черномазой горничной. Со временемъ ваши обязанности еще болѣе расширятся: занимать хозяйку будете вы же, вѣдь за это тоже будетъ плата. Въ концѣ концовъ, какая нибудь сердобольная старушка пріищетъ приличнаго женишка, еще разъ наградитъ тряпками,...

Изъ этого-то неизсякаемаго источника и выходятъ безчисленныя приживалки-компаньонки нашихъ помѣщицъ, старушки-сестрицы, какъ ихъ зоветъ Василій Кузьмичъ.

Василій Кузьмичъ обходился съ ними безъ чиновъ. Бывало, начнетъ которая что разсказывать да заврется, онъ сейчасъ же остановитъ:

— Полно, Настасья Прохоровна! этого не было.

— Какъ, Василій Кузьмичъ, не было!...

— Ну полно же, Настасья Прохоровна, не спорь, сознайся, этого не было.

— Что это, Василій Кузьмичъ... заговоритъ разсказчица.

— Ну я же тебѣ говорю, что не было. Охота тебѣ спорить!

— Ну не было, батюшка, не было, я прибавила, соглашается старушка, лишь бы онъ не сердился.

— Давно бы такъ, а то спорить. Дальше что?

И затѣмъ опять начинается несмолкаемый разсказъ до слѣдующей подобной остановки.

Въ деревнѣ, какъ и въ городѣ, Василья Кузьмича всѣ уважали, любили и побаивались. Домъ ихъ считался первымъ въ приходѣ.

Со своими крестьянами Лыковы обходились очень хорошо. Марья Ѳоминишна хоть и очень любила побраниться, но вѣдь только побраниться: а давно сказано, что брань не дымъ, глазъ не ѣстъ. Находили впрочемъ и на нее дурные часы, ну да «не всякое лыко въ строку»... А браниться она была охотница. Да и какъ не побраниться! Марья Ѳоминишна всѣмъ хозяйствомъ сама заправляла, любила, чтобы все было чисто да въ порядкѣ, анъ тутъ, глядишь, какой нибудь кружокъ не на мѣстѣ, какая нибудь дощечка не вымыта!

Послѣ хозяйства, любимымъ занятіемъ Марьи Ѳоминишны было штопанье чулковъ и починка платья. Еще не успѣетъ дырка сдѣлаться, она ужь и подложитъ заплатку. Въ этомъ случаѣ въ особенности доставалось халату Василья Кузьмича.

— Вотъ посмотрите-ка, люди добрые, каково быть пріемышемъ: изъ заплатъ не выхожу.

Кромѣ обычныхъ гостей-сестрицъ, у Лыковыхъ каждую зиму жила одна бѣдная старушка, мѣщанка, когда-то дочь богатаго купца.

Небольшой домъ Лыковыхъ своимъ расположеніемъ совершенно соотвѣтствовалъ и семьѣ Лыковыхъ, и характеру каждаго.

Весь домъ дѣлился узенькимъ корридорчикомъ на двѣ половины; на одной были комнаты гостиныя, а на другой три спальныя въ рядъ; была также столовая, въ которой никогда не обѣдали; были даже лакейская и дѣвичья, но дѣвушекъ и лакеевъ никогда тамъ не бывало. Правда, за барыней ходила и въ домѣ убирала дѣвушка, но и она въ дѣвичьей была только проходомъ. Въ случаяхъ важныхъ, каковы именины Василья Кузьмича и Марьи Ѳоминишны, дни рожденія ихъ и годовые праздники, являлась на помощь еще дѣвушка — и только. Домъ, конечно, былъ съ мезониномъ, который дѣлился на двѣ половины: одна была завалена перинами и подушками, заготовленными на случай большаго съѣзда гостей, а другая заставлена всевозможными банками и баночками, составляющими гордость и славу Марьи Ѳоминишны. Въ зимніе вечера трое обитателей Лыкова (такъ называлось семью Марьи Ѳоминишны), обыкновенно сидѣли всѣ порознь, каждый въ своей спальнѣ и занимаясь каждый своей

работой. Следящая только чай пить да ужинать; впрочемъ, Василій Кузьмичъ, когда ужь очень надоѣстъ земледѣльческая газета, которую онъ усердно читалъ, ходилъ иногда къ Маріи Ѳоминишнѣ, то къ Маріи Ильинишнѣ, пряталъ у нихъ то ножницы, то нитки, и утѣшалася, какъ тѣ долго не находили. Поэтому, едва начинала Василій Кузьмичъ въ которой либо спальнѣ, какъ владѣтельница ея осматривала, не лежитъ ли что просто.

Не мало удовольствія находилъ Василій Кузьмичъ путать Марью Ильинишну. Какъ только Марья Ѳоминишна съ Маріей Ильинишной заговорятся послѣ ужина, Василій Кузьмичъ проберется въ спальню и съ нетерпѣніемъ дожидается своей жертвы; а какъ, положитъ что нибудь на постель Маріи Ильинишны и сдѣлаетъ подобіе человѣка. А сколько смѣху-то бывало, когда удастся такая штука! а сколько времени-то убито! Гости Лыковыхъ, конечно, по нѣсколько разъ слышали о всѣхъ похожденіяхъ Василья Кузьмича то отъ него самого, то отъ супруги, то отъ приживалки.

Обитателей Лыкова Богъ не наградилъ дѣтьми, но за то даровалъ имъ племянничка, сынка покойной сестрицы Маріи Ѳоминишны. Сашенька, такъ звали племянничка, со смерти матушки и не жилъ у отца, порядочнаго гуляки, а жилъ у тетушки, которую онъ и сталъ звать мамочкой.

Марья Ѳоминишна любила Сашеньку, какъ своего кровнаго сына и, конечно, баловала такъ же, какъ свое собственное дитя.

Василій Кузьмичъ хоть и очень любилъ его, но держалъ въ почтительномъ отдаленіи, какъ и слѣдуетъ разсудительному дядѣ, а потому Сашенька при Васильѣ Кузьмичѣ былъ «тише воды, ниже травы». Когда я познакомился съ Лыковыми, Сашенька былъ уже въ гимназіи и пріѣзжалъ въ Лыково только на святки да на лѣто; и вотъ тогда выходили на свѣтъ Божій банки и баночки съ вареньями, ягодами и другими сластями домашняго приготовленія.

— Вотъ какъ пріѣдетъ племянничекъ, говорилъ, бывало, Василій Кузьмичъ: — такъ и мнѣ, пріемышу, житьишко получше.

Сашенька, пріѣзжая въ Лыково, мало бывалъ съ теткой и дядей, а обыкновенно, лѣтомъ проживалъ въ лѣсу да на озерѣ, а зимой на улицѣ да по крестьянскимъ избамъ съ ребятишками.

— Какъ его не отпустишь, говаривала Марья Ѳоминишна: — вѣдь скучно ему съ нами, стариками; пусть побѣгаетъ, пока малъ; побольше будетъ, тогда и съ нами будетъ сидѣть.

Сашенька принадлежалъ къ числу тѣхъ дѣтей, которыя у насъ на Руси воспитываются въ передней. Многіе смѣялись надъ этимъ воспитаніемъ, но оно едва ли не лучше, чѣмъ воспитаніе на рукахъ нашихъ мамашей и папашей (я говорю о нашихъ помѣщикахъ). Воспитанные такимъ образомъ, молодые люди, ознакомившись съ дѣтства съ бытомъ крестьянъ, съ ихъ радостями и печалями, съ ихъ нуждами и потребностями, они, и сдѣлавшись помѣщиками, сносятся съ ними попросту безъ затѣй, за панибрата. Правда, у нихъ иной разъ съ крестьянами съ руки раздѣлка, полицію не потревожатъ; но за то подъ часъ и общая чарка.

За это они всегда любимы крестьянами и пользуются именемъ: баринъ простой. Часто эти господа женятся на своихъ крестьянкахъ, но едва ли этотъ бракъ заслуживаетъ большаго порицанія, чѣмъ бракъ по разсчету. А если выросшіе такимъ образомъ дѣти получали впослѣдствіе правильное образованіе, изъ нихъ всегда выходили люди характерные, дѣятели честные, горячо любящіе народъ за его скорби и лишенія, за его нетронутыя силы; за его кровавые труды, искренно преданные благу народа и, что всего важнѣе, хорошо знающіе его самого и его нужды и потребности.

Впрочемъ я все это говорилъ не въ защиту такого рода воспитанія, а хотѣлъ только показать, что оно далеко не такъ дурно, если сравнить съ воспитаніемъ чадолюбивыхъ мамашей, которое давало намъ хорошо извѣстныхъ матушкиныхъ сынковъ.

Сашенька отъ природы былъ не особенно щедро одаренъ, но не глупый малый, воспитывался, какъ я уже сказалъ, и этимъ много выигралъ. Онъ постоянно вращался между крестьянами, все видѣлъ, все слышалъ; но ничего не передавалъ ни дядѣ, ни теткѣ, за что и былъ любимъ отъ няньки до послѣдней крестьянской старухи. Когда онъ выросъ и сталъ ходить по крестьянскимъ бесѣдамъ и началъ промышлять на счетъ клубнички, то и объ немъ никто ни слова...

Въ гимназіи ему неудалось кончить: въ четвертомъ классѣ онъ заболѣлъ, тетенька взяла его домой и ужь не рѣшилась больше отпустить своего милаго Сашеньку на чужую сторону,

хотя губернскій городъ, гдѣ учился онъ, былъ только въ 150 верстахъ отъ его имѣнія. Потомъ выпросился онъ въ свой уѣздный городъ на службу; но лишь только дошли до тетки слухи, что онъ ухаживаетъ за одной хорошенькой мѣщанкой, она снова взяла его домой и держала, пока не напугали ее, что его возьмутъ въ солдаты, какъ недоросля изъ дворянъ.

Хозяйство еще не наполняло всей жизни Марьи Ѳоминишны: она занималась еще леченіемъ и пріобрѣла извѣстность подъ именемъ барыни-лекарки. У ней всегда бывала цѣлая аптека лекарствъ; крестьяне со всего околодка приходили къ ней за совѣтомъ, а главнымъ образомъ, за даровымъ лекарствомъ. За это ей обыкновенно платили ягодами и величали матушкой.

Разъ, это случилось при мнѣ, пришелъ чернобородый, крѣпкій мужикъ съ ягодами благодарить ее за вылечку.

— Къ тебѣ, матушка, Марья Ѳоминишна, началъ онъ, кланяясь въ поясъ: — пришелъ поспасибать за лекарствіе... Да ужь и спасибо тебѣ: вѣдь какъ рукой сняло, какъ рукой!

— Ну и слава Богу, проговорила Марья Ѳоминишна.

— Ужь какъ, матушка, не слава Богу! это точно, что слава Богу. Почитай три недѣли сидѣлъ безъ руки; кабы не ты, такъ и теперь, можетъ статься, валялся бы на печи... Благодаренье Богу да тебѣ, матушка: сдѣлала меня человѣкомъ, теперь опять по старому.

— Теперь ни гдѣ не ноетъ? Дурь-то вся ли вышла?

— И-и! Господи ты, сколько шло!... теперь куда хошь. При этомъ мужикъ повертѣлъ рукой во всѣ стороны. — И вѣдь это чудо, словно рукой сняло! Только какъ баба, въ ту пору сходила къ тебѣ за лекарствіемъ; принесла кусочекъ да примочку, вотъ что было въ этомъ пузырькѣ: я того же разу и примочилъ руку, а твердый-то составъ съѣлъ... Да ужь насилу же я его, матушка, съѣлъ! какъ завязло въ зубахъ — да хоть ты что хочешь...

Марья Ѳоминишна только руками всплеснула.

— Какъ! кусочекъ-то съѣлъ? Да что ты надѣлалъ? Какъ ты съѣлъ? вѣдь это вытяжной пластырь!.. какъ тебя Богъ сохранилъ!... Вѣдь я по русски говорила твоей глупой бабѣ, что это надо намазать на вѣтошку да прикладывать, а красную-то воду пить... ой ты глупой человѣкъ! какъ ты это... пластырь... проговорила Марья Ѳоминишна, уже болѣе спокойно: вѣрно здоровый видъ мужика успокоилъ и ее.

Съ первыхъ словъ Марьи Ѳоминишны мужикъ такъ испу-

гался, что ужь думалъ, живъ ли онъ, и только по мѣрѣ того, какъ она успокоивалась, и мужикъ приходилъ въ себя и наконецъ проговорилъ:

— Да вѣдь легче, матушка, стало, такъ вѣрно все равно.

Марья Ѳоминишна и мужикъ вслѣдъ за ней засмѣялись.

— Вотъ толкуй съ ними! Дашь имъ лекарство, а у самой душенька въ пятнахъ.

Но главной утѣхой стариковъ Лыковыхъ были дѣти дворовыхъ людей.

Какъ только чай или обѣдъ, сейчасъ являлись на сцену всѣ, начиная съ грудныхъ и кончая шести, семи-лѣтними, которыя уже начинаютъ бояться барскихъ комнатъ. Во время утренняго чая всѣ дѣти подходятъ къ барской ручкѣ, а если есть гости, то и къ нимъ, и если гостю вздумается не давать ручку, Марья Ѳоминишна сейчасъ оговоритъ: чтой-то вы, батюшка, обижаете нашего Васютку или Машку; ужь и ручки имъ не дасте. Послѣ такого довода, гость, конечно, протягивалъ свою руку для принятія патріархально-крѣпостнаго поцелуя. За обѣдомъ и чаемъ происходила раздача подачекъ, при чемъ заставляли дѣтей кланяться, благодарить словесно, указывать, кто далъ, кого ребенокъ больше любитъ, и не мало утѣшались лепетомъ дѣтей и своимъ добродушіемъ.

Самое большое удовольствіе доставляли Василью Кузьмичу тѣ дѣти, которыя начинали ходить и говорить. Онъ заставлялъ ихъ выговаривать трудныя слова, которыя тѣ, конечно, коверкали по своему; заставлялъ ихъ боротьея, либо тащить съ себя сапоги, и не мало забавлялся, глядя, какъ тѣ безуспѣшно возились около его сапогъ. Конечно, у каждаго былъ свой любимый ребенокъ, на долю котораго доставались большія милости. Баринъ и барыня не съѣздятъ въ городъ безъ того, чтобы не привезти гостинца дѣтямъ, которые знали это и, сейчасъ по пріѣздѣ, являлись за подачкою. Все старое платьице Сашеньки дѣлилось между ними же.

Марья Ѳоминишна, по ея словамъ, не могла видѣть и чужаго ребенка, чтобъ не взять его на руки и не поиграть съ нимъ. Она очень гордилась тѣмъ, что всякій ребенокъ охотно идетъ къ ней на руки.

Любовь къ дѣтямъ, конечно, какъ къ игрушкамъ, замѣчалась почти у всѣхъ помѣщиковъ, живущихъ въ деревняхъ; помѣщики же, проживающіе по городамъ и въ особенности въ сто-

лицахъ, то же самое чувство питаютъ къ моськамъ и шавкамъ, къ машкамъ и васькамъ. Послѣдніе точно такъ же, какъ первые дѣтей, обдѣляли подачками со своего стола милыхъ мосекъ и машекъ, наряжали ихъ въ разныя ожерелья, иногда били изъ-за нихъ своихъ горничныхъ, или, по просту, забавляются.

Разъ пріѣзжаю я въ Лыково, спрашиваю: дома ли хозяинъ. Ушли гулять на прудокъ, отвѣчаютъ мнѣ. Я отправляюсь туда.

Прудокъ у нихъ былъ за деревней и обнесенъ огородомъ. На немъ обыкновенно пасли утокъ и гусей маленькіе ребята. Василій Кузьмичъ былъ дѣйствительно тамъ, — онъ сидѣлъ ко мнѣ спиной, а потому и не видѣлъ, какъ я подходилъ.

Еще недоходя прудка, слышался веселый говоръ и смѣхъ Василья Кузьмича. Подхожу—и что же вижу! Василій Кузьмичъ лежитъ на травѣ, и передъ нимъ усердно, въ потѣ лица, борются мальчикъ и дѣвушка, птичьи пастухи.

— Ну, ну, ребята, не робѣй! что стали? еще разокъ. И ребята опять схватывались.

— Ай да, Ѳеклушка! Вотъ молодецъ!... ну, ну, еще немножко.... Эхъ канальство!....не беретъ.... Вотъ такъ, вотъ такъ! вали его, вали... Эхъ братъ Ѳеклушка... не поддавайся, не поддавайся ему разбойнику! Вотъ такъ.... Молодецъ! Въ это время Василій Кузьмичъ помогъ выбившейся изъ силъ Ѳеклушкѣ вскарабкаться на Мишку. Эхъ братъ, Мишка, Мишка! дѣвка тебя обидѣла! какой ты послѣ этого мужикъ! а еще жениться хочешь? Мальчикъ чуть не плакалъ и готовъ былъ по первому знаку броситься на своего счастливаго противника.

— Что ты сталъ? неужели простишь?

Этого было довольно: мальчикъ съ ожесточеніемъ бросился на дѣвушку и, прежде чѣмъ та успѣла опомниться, смялъ ее подъ себя и началъ немилосердно теребить.

— Вотъ такъ, молодецъ, Мишка!...Только не драться, только не драться, и Василій Кузьмичъ разнималъ дравшихся ребятъ.

— Эхъ, братъ, Ѳеклушка! и расплакалась, а я еще хотѣлъ похвалить.... Ну, не плачь, пряника дамъ....

— Здравствуйте, Василій Кузьмичъ!

— А! давно ли? я и не замѣтилъ, занялся съ этими поросятами.

— А славное занятіе!

— Смѣйся, любезный, смѣйся! попалъ бы на нашемъ мѣстѣ,

и ты придумалъ бы что нибудь. Сидишь да сидишь одинъ, такъ по неволѣ начнешь что нибудь дѣлать.

Еще чаще забавлялся Василій Кузьмичъ пѣгушинымъ боемъ. По цѣлымъ часамъ просиживалъ онъ у окна, глядя на посаженныхъ бойцовъ и время отъ времени побрасывая имъ крупы, чтобъ еще больше подзадорить разгорячившихъ соперниковъ. Въ этой потѣхѣ принимала участіе и Марья Ѳоминишна. Она любила рябенькихъ и имъ сампатизировала и покровительствовала; а Василій Кузьмичъ — черненькихъ. И сколько бывало смѣха, когда одолѣвали черненькіе!..

— Что взяла, матечка, что взяла? смѣялся Василій Кузьмичъ надъ Марьей Ѳоминишной:—баба такъ баба и есть: вездѣ побита... Ай да молодцы, спасибо! обращался Василій Кузьмичъ къ пѣтухамъ: вотъ вамъ награда; при этомъ онъ бросалъ имъ нѣсколько зеренъ.

Василій Кузьмичъ не любилъ утокъ. — Только ѣдятъ за десятерыхъ да кричатъ безъ пути, говаривалъ онъ: а никакого удовольствія отъ нихъ нѣтъ... То ли дѣло гуси, али куры! не та и осанка, даже въ голосѣ слышно что-то важное, чиновное, однимъ словомъ благородная натура... Да подчасъ и потѣшатъ канальи: будто въ комедіи побываешь....право такъ!...

Когда я познакомился съ Лыковыми, къ чаю являлись только двое: Костя, сынъ старосты, и Груня, дитя любви. Оба они были погодки и были просто неразлучны. Если случалось, что одинъ который придетъ къ чаю и ему давали подачку, онъ непремѣнно просилъ и на своего товарища. У нихъ все было общее, даже игрушки, которыхъ у Груши, какъ у сироты, было не много. За это ихъ прозвали мужемъ и женой, и они такъ привыкли къ этому, что и сами стали звать другъ друга этимъ именемъ. Это были премилыя дѣти, въ особенности бойка и умна была Груня.

Марья Ѳоминишна часто твердила: какъ Сашенька выучится, да будетъ служить, мы Груню съ Костей перевѣнчаемъ да на первый разъ и дадимъ ему.

Впрочемъ объ нихъ рѣчь впереди, а теперь скажемъ два, три слова о матери Груни.

Она тоже въ свое время являлась къ чаю и обѣду за подачкой и тѣшила добрыхъ господъ своей дѣтской непринужденностью. А какъ выросла, стала такая рукодѣльница, Марья Ѳоминишна не посылала ее на черную работу, исключая сѣно-

коса, и держала за шитьемъ да за тканьемъ. Она такъ горничной бѣлоручкой и слыла. Славная была ей жизнь, да одинъ проклятый попуталъ: къ Пасхѣ, вмѣсто краснаго яйца, принесла Груню. Марья Ѳоминишна только ахнула, а Василій Кузмичъ тутъ же попрекнулъ: я тебѣ говорилъ, что надо отдать Анютку замужъ, такъ съ тобой кто сговорить!

Все бы это ничего и не это простила бы Марья Ѳоминишна своей любимицѣ, черноглазой Анюткѣ; да вотъ бѣда въ чемъ. Въ тотъ годъ посылалъ у нихъ Сашенькинъ папаша, а Анютка, за ненадобностью лакеевъ, подавала ему мыться. Въ одно утро Марья Ѳоминишна, проходя по коридору, увидала, что Иванъ Иванычъ обнялъ и поцаловалъ Анютку. Марья Ѳоминишна только погрозила ему пальцемъ да замѣтила, что онъ хоть и вдовецъ, а все не хорошо цаловать горничныхъ дѣвокъ, да еще ея дѣвокъ, а Анютку даже не побранила. Такъ все и прошло; да вотъ какъ родилась Груня и по вычисленію Марьи Ѳоминишны оказалось, что она родилась именно отъ этого несчастнаго поцалуя, который она подсмотрѣла, то весь гнѣвъ ея обрушился на голову одной Анютки.

Такой дерзости Марья Ѳоминишна не могла простить своей черноглазой Анюткѣ, которой въ то время было 23 года. Да и въ самомъ дѣлѣ, какъ могла ея горничная дѣвка осмѣлиться полюбить ея зятя! да еще какъ полюбить!...

И отдала она свою Анютку бѣлоручку за пастуха Ѳедотку, за самаго худаго парня въ дворнѣ, за котораго осенью не дала и полудурки Палашки, отдала да еще и въ крестьяне высадила, какъ ни усовѣщивалъ ее Василій Кузьмичъ. И стали новые крестьяне жить поживать, да лихо изживать. И стала Анютка учиться работать да плакать. Да не долго гнула, хрупка вѣрно была: къ году сломилась; а мужъ дерево рубилъ, да на себя уронилъ. Такъ Груня и осталась круглой сиротой и попалась во дворъ.

Какъ-то упрекнулъ Василій Кузьмичъ Марью Ѳоминишну:

— Уморила ты Анютку.

— Сама она, проклятая, и вывела меня изъ терпѣнья.... Только всѣ замѣчали, что никого такъ не любила Марья Ѳоминишна, какъ Груню. А вѣдь добрая была барыня Марья Ѳоминишна: всѣ и крестьяне звали матушкой!...

Время въ Лыковѣ шло по пословицѣ: день за днемъ къ смерти ближе. Утромъ общій чай съ прибаутками и погудками Ва-

силья Кузьмича; послѣ чая каждый принимался за свое дѣло Василій Кузьмичъ читалъ земледѣльческую газету и время отъ времени посвистывалъ, лѣтомъ отправлялся на работы и тамъ лежалъ и посвистывалъ; Марья же Ѳоминишна по хозяйству, т. е. шла отъ души побраниться, какъ говорилъ Василій Кузьмичъ. Въ 12 часовъ общій обѣдъ съ приправой тѣхъ же прибаутокъ, за нимъ часика три сна; потомъ опять чай, послѣ котораго либо садились играть въ дураки, либо забавлялись боемъ ребятъ, или куръ; въ 10 часовъ ужинъ. На завтра то, что сегодня, послѣ завтра та же исторія и такъ каждый день. Немного прибывало разнообразія и съ пріѣздомъ гостя: Василій Кузьмичъ порядочно подпивалъ съ нимъ, вспоминалъ прошлое, шутилъ надъ Марьей Ѳоминишной, а та накармливала гостя въ свое удовольствіе рыжичками, грибками и другими произведеніями собственнаго хозяйства. Приходилъ ли мужикъ кортомить что либо, или баба за лекарствомъ, добрые старички не отпустятъ ихъ, покуда не наговорятся досыта; съ купцами они любили и поторговаться, но кончали тѣмъ, что отдавали товаръ за безцѣнокъ.... Не правда ли,—хорошо жилось въ Лыковѣ?!

Бывало, какъ домой ѣдешь въ Лыково, какъ къ роднымъ.

комоневскій.

СОВРЕМЕННИКЪ

1863

№ VIII АВГУСТЪ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ КАРЛА ВУЛЬФА

(На Литейной, близъ Невскаго проспекта, домъ Зыбиной № 60)

Стр.

I. — БЛАГОДѢТЕЛЬНИЦА. Повѣсть **п. и.** 267

II. — ПУШКИНЪ ВЪ ЛИЦЕѢ И ЛИЦЕЙСКІЯ ЕГО СТИХОТВОРЕНІЯ. (Окончаніе). **в. п. ГАЕВСКАГО**. 348

III. — ИЗЪ ГЕЙНЕ. Стихотв. **п. и. ВЕЙНБЕРГА**. 400

IV. — БЕППО. Венеціанская повѣсть. **д. д. МИНАЕВА**. . . 401

V. — ТУЧА. Стихотв. **А. Н. ПЛЕЩЕЕВА**. 439

VI. — ВОПРОСЪ ОБЪ УЛУЧШЕНІИ БЫТА РАБОЧИХЪ ВЪ ГЕРМАНІИ. — I. — **Э. ВАТСОНА**. 441

VII. — ТРИ ПОКОЛѢНІЯ. Повѣсть. Часть первая. **НЕИЗВѢСТНАГО**. 491

VIII. — КАКЪ КОМУ УГОДНО. Разсказы, сцены, размышленія и афоризмы. **Н. ЩЕДРИНА**. 567

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

IX. — ЗАМѢТКИ О БѢГЛЫХЪ И БРОДЯГАХЪ ВЪ РОССІИ И СИБИРИ. **Х...** 85

X. — НОВЫЯ КНИГИ: Украинські Оповідання, Олекси Стороженка. 2 части (121). — Курсъ международнаго права, профессора Каченовскаго, книга I. 130

XI. — ПОЛИТИКА. (Событія въ Греціи съ начала революціи (октябрь 1862) до настоящаго времени. — Чему слѣдуетъ приписать неуспѣхъ послѣдней греческой революціи. — Событія въ Германіи: франкфуртскій съѣздъ государей, цѣль и значеніе его). 143

XII. — ВЪ ДЕРЕВНѢ. Лѣтній фельетонъ. 173

БЛАГОДѢТЕЛЬНИЦА.

Въ одну изъ центральныхъ губерній, въ село Большіе Чаны, пріѣхала изъ Москвы провести лѣто его помѣщица, благодѣтельница двухъ тысячъ душъ, Александра Николаевна Охотская, вдова лѣтъ сорока двухъ или пяти. Въ молодости она слыла за красавицу, свѣтскую женщину и кокетку. Овдовѣвъ тридцати лѣтъ, Охотская, не смотря на свои еще не старые годы и прекрасную наружность, которая вмѣстѣ съ значительнымъ состояніемъ привлекала къ ней толпу жениховъ, не имѣла желанія выходить вторично замужъ, а задумавъ играть роль неутѣшной вдовы, по старомъ и хворомъ мужѣ, бросила свѣтъ, балы и театры, стала посѣщать монастыри, принимать юродивыхъ и блаженныхъ, по середамъ и пятницамъ кормить нищихъ, стараясь всѣми силами казаться примѣрно-набожной и добродѣтельной женщиной. Такое преждевременное и добровольное отреченіе отъ свѣтской жизни свободной и богатой красавицы, въ первое время, повело за собою множество толковъ и пересудовъ, какъ въ провинціи, гдѣ Охотская провела большую часть своей молодости, такъ и въ Москвѣ. Для многихъ Александра Николаевна сдѣлалась загадкой: крутой поворотъ въ ея образѣ жизни долго занималъ московскихъ сплетницъ и постоянно удивлялъ людей, знавшихъ ее, а въ особенности ея обожателей и воздыхателей. Конечно, были и такіе, которые не вѣрили ни въ печаль Охотской, ни въ ея набожность и добродѣтели, но это, впрочемъ,

были скептики... Вообще же Александра Николавна скоро стала пользоваться всеобщимъ уваженіемъ, и у большинства прослыла за живой примѣръ христіанской добродѣтели и самой строгой нравственности. Насколько дѣйствительно была она такою, лучше всѣхъ объ этомъ могла сказать ея ключница и наперсница Алёна Ивановна; но та была женщина испытанной скромности и преданности, и потому объ Охотской знали лишь то, что она хотѣла выдать на судъ общества, а все остальное, худо ли, хорошо ли, не выходило за порогъ ея стариннаго, барскаго дома.

Полюбивъ духовныя бесѣды, Александра Николавна любила окружать себя духовными лицами, между которыми у нея были привилегированные друзья, и только имъ открывала она душу свою и въ ихъ назидательныхъ поученіяхъ искала себѣ утѣшенія. За то и она, въ свою очередь, была неисчерпаемымъ источникомъ различныхъ щедротъ для всей монашествующей братіи: она безпрестанно приносила пожертвованія, то на увеличеніе ризницъ, то на улучшеніе монастырскихъ помѣщеній, то на позолоту куполовъ, и т. д.; вклады ея по церквамъ обыкновенно были такіе, что съ ними никто уже не могъ соперничать. За то и былъ же ей почетъ вездѣ по церквамъ и въ особенности по монастырямъ. Пріѣдетъ ли она куда къ обѣднѣ, въ будни или въ праздникъ, весь причетъ засуетится ей угождать. Въ каждой церкви у нея было свое особенное мѣсто... да всего и не пересказать.

Чтобы вполнѣ ознакомить съ личностью Александры Николавны Охотской, мнѣ необходимо сказать нѣсколько словъ о ея молодости, когда она еще любила свѣтъ, балы и предавалась всѣмъ наслажденіямъ жизни, не обращая никакого вниманія на своего скучнаго, больнаго и дряхлаго мужа, обязанность котораго состояла въ томъ, чтобы на славу откармливать ея поклонниковъ и безпрекословно уплачивать счеты по магазинамъ. У старика была куча денегъ и никакихъ страстей, исключая хорошаго обѣда, но и тѣмъ онъ наслаждался больше посредствомъ обонянія, чѣмъ вкуса, такъ какъ желудокъ уже давно отказался служить ему; послѣ же дѣйствительнаго или воображаемаго обѣда, самымъ любимымъ его кейфомъ было ложиться, не стѣсняясь ни чьимъ присутствіемъ, въ длинное кресло, подымать ноги на столъ, а голову отдавать въ распоряженіе казачку, который долженъ былъ часа два три къ ряду

безостановочно шарить въ его волосахъ всей своей пятерней. Бѣдняжка черезъ полчаса начинала уже сладко дремать, а казачекъ, обманутый этой дремотой и соскучась стоять за креслемъ своего властелина, спускался внизъ подъ кресло и въ свою очередь предавался сну и сладкимъ грезамъ, но... увы! усердный пинокъ въ голову или въ бокъ прерывалъ его дорогій сонъ, и рѣдкій день проходилъ безъ того, чтобы бѣдному казачку не было сдѣлано родительскаго внушенія помнить свои обязанности. Но казачекъ, какъ видно, былъ неисправимъ, или ужъ очень притерпѣлся...

Въ этотъ періодъ жизни у Александры Николаевны была страсть, какъ почти у всякой богатой, но бездѣтной русской барыни, набирать къ себѣ въ домъ пріемышей. Только страсть эта не имѣла постоянства. Сначала обыкновенно Охотская бывала въ восторгѣ отъ своего питомца или питомицы; нянчилась и носилась съ нимъ, какъ съ игрушкой или обновкой; наряжала, баловала и, казалось, разстаться не могла; но мало по малу, натѣшась этой забавой, начинала скучать, сердиться и скоро до того охладѣвала, что возвращала ребенка къ родителямъ, или уступала какой нибудь подставной благодѣтельницѣ, въ свою очередь принимавшей маленькаго изгнанника такъ, отъ нечего дѣлать. Если же у ребенка не было родителей и не отыскивалось никакой новой благодѣтельницы, то Охотская отсылала его во флигель къ дворецкому или къ ключницѣ и вскорѣ забывала почти о его существованіи. Въ особенности сильному гоненію со стороны благодѣтельницы подвергались дѣти, которыя имѣли несчастіе, подрастая, дурнѣть. Александра Николаевна прежде всего обращала вниманіе на красоту ребенка, и какъ скоро красота эта исчезала, фаворита гнали вонъ. Нервы Охотской не переносили безобразія ни въ какой формѣ: она тотчасъ начинала жаловаться на неудачу своего выбора и искала случая сбыть ребенка окончательно съ рукъ.

Былъ у нея во времена молодости, между прочими, одинъ воспитанникъ, сынъ какой-то очень бѣдной чиновницы, взятый ею лѣтъ трехъ, съ великодушнымъ намѣреніемъ усыновить его и, какъ она тогда сама выражалась, посвятить этому маленькому ангелу, посланному самимъ небомъ ей на утѣшеніе, — всю свою жизнь. Но когда мальчикъ сталъ дѣлаться старше, онъ сильно подурнѣлъ, такъ что лѣтъ десяти и слѣдовъ не осталось отъ его ангельской красоты, и Охотская не только не могла наряжать его, какъ куклу, въ бархатъ и кружева, какъ дѣлывала прежде,

но даже въ самомъ простомъ нарядѣ онъ казался ей и дуренъ, и угловатъ, и неуклюжъ, что весьма часто бываетъ съ дѣтьми, начавшими вдругъ быстро расти. Къ тому же, мальчикъ былъ до крайности избалованъ, ничему не учился, ничѣмъ не занимался, какъ только собой да нарядами и великими сластями, начиная съ гостиной благодѣтельницы и кончая дѣвичьей, гдѣ онъ особенно любилъ подслушивать всѣ домашніе секреты. Васи, такъ звали мальчика, до разстройства желудка объѣдался сластями, которыя ему привозили поклонники его благодѣтельницы, былъ дерзокъ со всѣми, а въ особенности съ прислугой, никогда не говорилъ съ своей родной матерью, приходившей иногда въ дѣвичью взглянуть на сына, стыдясь ея бѣдной и непрачной наружности, и до того зазнался, что сталъ даже грубить и самой Александрѣ Николаевнѣ и ея молчаливому и сонному супругу. Охотской крайне надоѣло присутствіе ребенка въ домѣ, и такъ какъ она давно уже перестала играть этой живой куклой, то искала случая, какъ бы поблаговиднѣе отдѣлаться отъ питомца. Случай къ этому представился слѣдующій: мужъ Александры Николаевны сильно захворалъ, и она собралась ѣхать лечить его въ Москву, гдѣ онъ вскорѣ и умеръ; Васю же на это время она помѣстила къ его родной матери. Но овдовѣвъ, Охотская разсудила остаться совсѣмъ въ Москвѣ, позабывъ совершенно о существованіи Васи Шипова, мать котораго черезъ годъ рѣшилась, наконецъ, написать благодѣтельницѣ, прося ея помощи и умоляя взять опять мальчика; но добродѣтельная женщина мальчика не взяла, а отдала приказаніе, чтобы контора выплачивала по десяти рублей серебромъ въ мѣсяцъ вдовѣ Шиповой съ сыномъ. Сама же благодѣтельница, послѣ смерти мужа, вдалась въ новый родъ жизни, который ей такъ пришелся по душѣ, что даже разнесся слухъ, будто она намѣрена все свое недвижимое имѣніе обратить въ капиталъ и завѣщать по смерти монастырямъ. Поэтому о воспитанницахъ и воспитанникахъ много лѣтъ и рѣчи не было.

Со времени своего вдовства, Александра Николаевна еще въ первый разъ задумала посѣтить Большіе Чаны, гдѣ она для своего пріѣзда выстроила великолѣпную церковь. На украшеніе этой церкви помѣщица не жалѣла денегъ; тамъ была, между прочимъ, до того богатѣйшая ризница, что любопытные пріѣзжали верстъ за шестьдесятъ изъ города, чтобы только взглянуть и по-

любоваться всѣми драпонѣнностями, высылаемыми ежегодно Опекской изъ Москвы.

Вотъ въ этомъ-то великолѣпномъ храмѣ, которому были приходомъ многія окрестныя деревни, Охотская въ то лѣто, съ котораго начинается разсказъ, увидѣла разъ дѣвочку лѣтъ десяти, съ золотистыми кудрями и большими черными глазами. Дитя на видъ казалась бѣдною; платьице на ней было самое простое, ситцевое, пришла она въ церковь пѣшкомъ, съ пожилой женщиной, своей матерью, также бѣдно одѣтою. Александра Николавна узнала отъ священника, что дѣвочка пришла за три версты, и что она дочь одной очень небогатой вдовы, помѣщицы, Варвары Семеновны Котиной, имѣвшей кромѣ нея еще двухъ взрослыхъ, незамужнихъ дочерей. Маленькая Степуша, такъ звали дѣвочку, съ перваго же взгляда до того понравилась богатой помѣщицѣ, что разбудила въ ней опять давно уже заснувшую страсть драпироваться въ чувства матери.

Воротясь изъ церкви, Охотская замечталась о хорошенькой Степушѣ. Воображеніе рисовало ей это дитя природы, перенесенное въ ея великолѣпные, но унылые покои. И вотъ Александра Николавна мечтала о томъ, что она сама занимается образованіемъ дѣвочки: учитъ ее разнымъ языкамъ, музыкѣ, хорошимъ манерамъ; внушаетъ ей строгую нравственность; развиваетъ набожность, словомъ, пересоздаетъ ее по своему, такъ что Степуша постепенно усвоиваетъ себѣ всѣ понятія и воззрѣнія своей благодѣтельницы. Сдѣлавшись взрослой дѣвушкой, воспитанница будетъ предметомъ гордости попечительной Александры Николавны; всѣ станутъ дивиться ея умѣнью воспитывать дѣтей, а главное, всѣ будутъ превозносить ея терпѣніе и доброту, ради которой она такъ тщательно и неутомимо заботится о чужомъ ребенкѣ, какъ о своемъ собственномъ. Ну, конечно, и Степуша будетъ любить свою благодѣтельницу, никогда съ ней не разстанется, будетъ покоить ее и своимъ присутствіемъ оживлять ея старость. О замужствѣ она, конечно, покуда жива Охотская, думать не станетъ, вѣдь не захочетъ же она покинуть свою благодѣтельницу въ одиночествѣ; не обязана ли она будетъ заплатить ей за всѣ ея о ней попеченія и заботы такими же попеченіями и преданностію. У Александры Николавны близкихъ, а въ особенности любимыхъ родственниковъ нѣтъ, поэтому ближе Степуши ноль старость у нея никого не будетъ. Кромѣ же благодѣянія, что взяла бѣдную сироту въ черномъ тѣлѣ и дала ей воз-

можность сдѣлаться вполнѣ барышней и пользоваться столькими матеріальными и нравственными привилегіями, она еще не забудетъ ее и въ духовномъ своемъ завѣщаніи, она ей назначитъ капиталъ въ десять тысячь.

Такъ мечтала прихотливая барыня, ходя по широкой террасѣ своего стариннаго деревенскаго дома. Она то поглаживала свои все еще черные съ синеватымъ отливомъ волосы полной рукой, украшенной множествомъ дорогихъ колецъ; то, внезапно останавливаясь, безъ цѣли глядѣла въ даль и не замѣчала разстилавшагося передъ ея глазами живописнаго сельскаго ландшафта, освѣщеннаго яркимъ лѣтнимъ солнцемъ. Александра Николавна, казалось, внутренно разсуждала сама съ собою или съ лицами, вызванными ея воображеніемъ; губы ея иногда что-то шептали, и она по временамъ разводила руками.

Лѣто было въ полномъ разгарѣ, и утро описываемыхъ мною мечтаній добродѣтельной женщины было одно изъ самыхъ знойныхъ іюльскихъ. Солнце приближалось къ полдню; небо было безоблачно; воздухъ удушливъ; деревья въ саду стояли неподвижно, какъ на декораціяхъ, ни одинъ листокъ не шелохнулся, и духота была такая, что невольно располагала къ бездѣйствію и уединенію, гдѣ нибудь въ холодкѣ. А на террасѣ подъ маркизой стоялъ въ углу мягкій диванъ, окруженный густой и пахучей зеленью; но Александрѣ Николавнѣ не сидѣлось. Она видимо была чѣмъ-то сильно занята, и даже озабочена. Вдругъ лицо ея просіяло, она подняла голову, окинула всю окрестность блестящимъ взглядомъ своихъ совершенно черныхъ глазъ, и быстро подойдя къ столу, стоявшему возлѣ дивана, позвонила въ хрустальный колокольчикъ. Потомъ, опустившись въ утомленіи на кушетку, провела нѣсколько разъ по лицу рукой, какъ будто сейчасъ только замѣтила и почувствовала жаръ и усталость.

На зовъ барыни явился толстый дворецкій.

— Кто изъ людей знаетъ усадьбу Котиной, вдовы, этой бѣдной помѣщицы, нашей прихожанки? спросила Охотская своего дворецкаго.

— Всѣ знаютъ-съ, отвѣчалъ тотъ, съ недоумѣніемъ глядя на свою госпожу.

— Ну, такъ вели сейчасъ же заложить коляску, и пускай ѣдутъ къ ней, кланяются отъ меня и скажутъ, что я зову ее къ себѣ обѣдать, безъ церемоніи, по сосѣдски.

— Слушаю-съ, отвѣчалъ дворецкій, прибавивъ въ умѣ: «эта еще зачѣмъ понадобилась! Всякую сволочь все ей нужно!»

Проходя въ людскую, онъ встрѣтилъ на дворѣ сухую фигуру съ злыми глазами, ключницу Алёну Ивановну.

— Не угодно ли? проговорилъ дворецкій, быстро вынимая изъ боковаго кармана черепаховую, въ золотой оправѣ, табакерку, и, раскрывъ, любезно подалъ ее своему другу.

Маневръ этотъ повторялся неизмѣнно при всѣхъ встрѣчахъ дворецкаго съ ключницей; онъ очень хорошо зналъ, что большей любезности онъ сдѣлать не могъ барынниной наперсницѣ, скупость или, лучше сказать, алчность которой доходила до того, что она жалѣла гроша себѣ на табакъ, хотя и была до него страстная охотница. Кому копила Алёна Ивановна все свое добро, тщательно уложенное въ двухъ огромныхъ, окованныхъ желѣзомъ сундукахъ, и свои капиталы, нажитые при двадцати-лѣтней дѣятельности своей въ хозяйствѣ Александры Николавны, это неизвѣстно; Алёна Ивановна, что говорится, не имѣла ни роду, ни племени, и была уже очень пожилой дѣвицей... Развѣ, можетъ быть, она хранила еще тайную надежду выйти замужъ, такъ какъ и дворецкій былъ тоже еще не женатъ?.. Но многіе утверждали, что ключница по примѣру барыни своей, и во многомъ строго придерживавшаяся ея правилъ, непремѣнно завѣщаетъ свое накопленное столькими трудами и лишеніями добро въ пользу церквей и монастырей.

Въ отвѣтъ на любезность дворецкаго, Алёна Ивановна сдѣлала изъ губъ что-то въ родѣ улыбки, и жеманно, двумя пальцами, большимъ и указательнымъ, оттопыривъ прочіе въ видѣ вѣера, взяла предложенный ей табакъ изъ табакерки, но не поднесла его къ носу, а опустивъ руку, проговорила съ упрекомъ:

— Куда это отправляетесь и зачѣмъ? я вотъ звала васъ чайку послѣ барыни напиться вмѣстѣ, такъ не пришли, велѣли сказать, что-молъ жарко очень, поотдохнуть хотите, а теперь по упёкѣ этакой, небойсь, не жарко, прогуливаетесь.

— Не своя воля гонитъ по жару, матушка, отвѣчалъ пыхтя, дворецкій.—Давича точно, что отдохнуть собирался, да барыня призывала...

— Зачѣмъ? спросила Алёна Ивановна.

— Извѣстно, зачѣмъ! новыя все затѣи! Вишь, понадобилась конопляница; такъ вели-де заложить коляску, да поѣхать проситъ на цѣлый день, проговорилъ растягивая и иронически дво-

рецкій, плюнувъ въ сторону, какъ-то съ особеннымъ шикомъ, между зубъ, и понюхалъ потомъ табаку.

— Какая конопляница? Кто? на что? спросила тревожно ключница.

— Да Котина! не знай, на что она ей понадобилась. Мало еще въ городѣ къ ней всякихъ шлюхъ таскается, такъ надо обзавестись и въ деревнѣ, а то скучно вѣдь!

И дворецкій сдѣлалъ шагъ впередъ къ крыльцу людекой. Алёна Ивановна тоже двинулась съ мѣста, и съ какой-то озабоченной задумчивостію медленно начала нюхать табакъ.

— Мало еще расходовъ! ворчала она себѣ подъ носъ.—Мало еще добра распихано по всѣмъ угламъ! Всякой сволочи и такъ не оберешься... подачки, да подарки... Въ этакую упеку посылать за десять верстъ, Богъ вѣсть, за кѣмъ! Грѣха, значитъ, вѣдь не боится! ни лошадей, ни человѣка не жалѣетъ... Закладывай, поѣзжай! того не разберетъ, что вѣдь тоже всякому и отдохнуть хочется. Еще коляску! а пѣшкомъ не придетъ!.. Не велика барыня; въ церковь-то и все пѣшкомъ откалываетъ; знать, и лошаденки-то нѣтъ. Послѣднія слова Алёна Ивановна проговорила почти громко, съ презрѣніемъ и съ какимъ-то особенно-ядовитымъ выраженіемъ въ лицѣ.

Коляска между тѣмъ была готова, и выѣзжала съ широкаго коннаго двора барской усадьбы. Кучеръ, получивъ приказаніе отъ дворецкаго, куда и за кѣмъ ѣхать, что сказать. лѣниво взобрался на козлы, небрежно подобралъ возжи и, слегка тронувъ ими лошадей, поѣхалъ шагомъ по большой улицѣ села, проговоривъ себѣ подъ носъ:

— Экъ его, какъ палитъ-то! словно на огнѣ.

Маленькая усадьба вдовы Варвары Семеновны Котиной находилась въ четырехъ верстахъ отъ имѣнія, въ которомъ проводила лѣто Александра Николаевна, и была на самомъ выѣздѣ небольшой деревни, также принадлежавшей Охотской.

Котина, съ давняго уже времени, жила безвыѣздно и зиму, и лѣто, въ своемъ деревянномъ о трехъ окнахъ флигелькѣ, крытомъ соломой, почернѣвшемъ и нѣсколько покосившемся отъ времени. Все состояніе Варвары Семеновны заключалось въ нѣсколькихъ десятинахъ земли и одномъ крестьянскомъ семействѣ—мужикѣ, женѣ его и взрослой дочери; послѣдняя исполняла у помѣщицы должность стряпухи, а двое первыхъ работали въ

долѣ. Жила Варвара Семеновна со своими тремя дочерьми, хотя и скудно, но чисто и опрятно; въ ея двухъ маленькихъ комнатахъ все было прибрано и у мѣста. Сама она неутомимо хлопотала по домашнему хозяйству; то на кухнѣ, то въ хлѣвѣ, то въ курятникѣ, то на погребѣ. Обѣ старшія дочери занимались шитьемъ бѣлья и вышиваньемъ гладью въ пяльцахъ, получая чрезъ попадью заказы изъ города. Меньшая же дочь, кудрявая Степуша, вольное дитя природы, покуда ничѣмъ еще не занималась, а примыкала туда, куда захочется. То вздумается ей домашнюю птицу покормить; то погонитъ гусей и утокъ на рѣку; то пойдетъ на огородъ огурцы рвать или смородину обирать; то на выгонъ конопли брать вмѣстѣ со стряпухой Марѳуткой, а то отправится себѣ на гумно, да и ляжетъ тамъ гдѣ нибудь подъ тѣнью раскидистой ветлы, да тихо, едва шевелясь, подбрасываетъ крошки хлѣба или зерна овса, чирикающимъ вокругъ нея воробьямъ.

Варвара Семеновна какъ-то особенно передъ другими своими дочерьми любила маленькую Степушу, которая родилась мѣсяцъ спустя послѣ смерти ея мужа. Часто, приголубливая и лаская золотистую головку дѣвочки, бѣдная вдова говоривала съ непритворной грустью: ты, моя пташка, моя сиротка, и отца не знала, и ласки отъ него не припяла! Умеръ онъ, мой голубчикъ, не дождался, чтобы ты свѣтъ Божій увидѣла!.. и слезы показывались на глазахъ разгрустившейся матери. Тогда обыкновенно Степанида начинала распрашивать мать: какой былъ ея отецъ, что онъ дѣлалъ, отчего умеръ и т. д. Варвара Семеновна никогда не тяготилась удовлетворять дѣтское любопытство своей сиротки, и подобные разговоры часто длились очень долго, и со всѣми подробностями воспоминаній о прежней жизни. И это, можетъ быть, были единственные часы самыхъ задушевныхъ бесѣдъ Варвары Семеновны въ своемъ семействѣ.

Въ описываемый мною день, Котина, не смотря на воскресенье, хлопотала по хозяйству. На открытомъ воздухѣ возлѣ погреба, она мыла и парила кадку, готовя ее для огурцовъ, которые городилась заблаговременно посолить къ успѣшенью посту. Засучивъ рукава по локоть и заткнувъ за-полясъ подолъ своего старенькаго ситцеваго платья, Варвара Семеновна до половины сама уходила въ большую кадку, опрокинутую вонемъ на травѣ, и изо всей силы скоблила и терла ее внутри пучкомъ душистыхъ травъ. Неподалеку отъ нея, въ тѣни, у входа въ погребъ, на цыновкѣ сидѣла Степуша и выбирала изъ большой кучи, разсы-

панной по одну сторону, самые зеленые огурцы и откладывала ихъ по другую. Отъ этого занятія ее вдругъ оторвалъ голосъ ея старшей сестры Даши, высунувшей голову въ окно, у котораго она сидѣла за пяльцами съ другою сестрой, которую звали Грушею.

— Степушка! крикнула нецеремонно Даша.

Дѣвушка подняла голову и взглянула по направленію къ дому, но не двигалась съ мѣста.

— Степушка! повторила повелительно Даша, сдѣлавъ сестренкѣ рукою знакъ, чтобы та подошла.

Степушка не торопясь встала, отряхнула платьице и лѣнивой поступью подошла подъ окно.

— Принеси-ка намъ десяточекъ огурчиковъ; да смотри, выбери хорошихъ, зеленыхъ, сказала отрывисто Даша.

Степуша молча отправилась на свое прежнее мѣсто и, набравъ порядочное количество огурцовъ, положила ихъ въ свой передникъ и все тою же лѣнивою походкою вернулась опять подъ окно. Сестры, занятыя работою, не замѣтили ея прихода, какъ вдругъ въ окно влетѣли съ розмаху пущенные огурцы и раскатились по полу; за первою порціею послѣдовала вторая и третья въ сопровожденіи звонкаго, веселаго смѣха шалуньи.

— Ахъ, ты, проклятая! взвизгнула Даша, вскочивъ съ мѣста и грозно обращаясь къ хохотавшей на дворѣ Степушѣ.

— Вотъ баловница-то такъ ужь баловница, проговорила протяжно Груша, вставая изъ-за пальцевъ и принимаясь подбирать раскатившіеся по полу огурцы.

— Я тебя, повтрёлъ, погоди! кричала разъяренная Даша, грозя кулакомъ дѣвочкѣ, убѣжавшей къ матери и посмѣивающейся изъ-за своего вѣрнаго убѣжища надъ безсильною злобою сестры.

— Прячься не прячься, а я ужь тебя разъ поймаю, да заведу на огородъ и такъ тебя отжарю крапивой, что ты у меня долго будешь помнить!.. Чучела этакая, въ самомъ дѣлѣ, она же еще и зубы скалитъ; чуть шитье не прорвала!.. то-то жабы прорвала, ужь я бы тебѣ тогда спуску не дала, всѣ кудри повыщипала бы. Я не посмотрю вѣдь, что за маленькую прячешься!.. неугомонно ворчала старшая сестра, усаживаясь вновь за пяльцы и какъ бы въ утѣшеніе принимаясь ѣсть подобранные съ полу огурцы.

— Ну, полно тебѣ ворчать-то, сказала полушутя вторая

сестра, видимо не раздѣлявшая строгости Даши въ отношеніи къ Степушѣ.

— Вѣдь она не со зла шалитъ, а такъ, по глупости, балуетъ еще, прибавила она.

— Да, по глупости! Ты смотри ей въ ротъ-то, заговорила запальчиво дѣвушка. Избаловали дѣвченку; насъ съ тобой что-то такъ небойсь не баловали?..

Но разговоръ сестеръ былъ прерванъ съ шумомъ въѣхавшимъ на дворъ экипажемъ, и вниманіе ихъ быстро перешло на такое непривычное для нихъ явленіе.

— Кому бы это къ намъ? проговорили онѣ въ недоумѣніи въ одинъ голосъ и обѣ высунулись изъ окна.

Недоумѣніе это еще болѣе увеличилось, когда онѣ увидѣли, что коляска была пуста. Между тѣмъ кучеръ сошелъ съ козелъ и, подойдя къ Варварѣ Семеновнѣ, тоже стоявшей въ недоумѣніи и смотрѣвшей во всѣ глаза на экипажъ, проговорилъ, приподымая шляпу и тотчасъ же опять опуская ее на свою сѣдоватую голову. Это былъ высокій сухощавый мужчина, занимавшій должность форейтора; такъ какъ Охотская никакихъ нововведеній не терпѣла, то и ѣздила постоянно въ своей старинной, высокой каретѣ четверней на выносъ, и форейтора своего, занимавшаго эту должность еще лѣтъ 45 назадъ у покойнаго отца Александры Николаевны, она по старой привычкѣ звала неизмѣнно ласкательнымъ именемъ «Ѳедюша», даже и тогда, когда внушительно говорила своему толстому дворецкому: «Ѳедюшу посѣчь, посѣчь надо».

— Вотъ поможъ, матушка, Варвара Семеновна, сказалъ старый Ѳедюша: — барыня наша, Александра Миколаевна кланяться вамъ приказала, и просить васъ къ себѣ, то есть, хлѣба соли откушать, а за тѣмъ и экипажъ прислать изволила за вами.

— Ахъ, батюшка! воскликнула, какъ бы опомнясь, Варвара Семеновна. Какъ же это быть-то? Я вонъ какая — чумичка чумичкой!.. Этакой вѣдь чести я и не ждала, право! Не гадала и не думала... говорила она, проворно обдергивая свое платье и рукава.

— Степуша, поди-ка, матушка, позови Мароутку, обратилась Котина къ дочери, тоже съ любопытствомъ смотрѣвшей на присланную за матерью коляску.

Отъ роду еще не бывало, чтобы на ихъ дворѣ стоялъ такой экипажъ.

Степуша проворно сбѣгала въ избу, смежную съ флигелькомъ, и черезъ минуту вернулась въ сопровожденіи Мароутки, босоногой, краснощекой, молодой крестьянки, одѣтой въ набойчатый сарафанъ и посконный передникъ.

— На-ка, мать моя, скати кадку-то чистой водой, да опрокинь на солнышкѣ, а огурцы-то поглядывай, чтобы ужо рыжонка не притоптала, а то на погребицу сложи... Неравно я опоздаю, можетъ, тамъ къ попадьѣ зайду... Вишь ты, какая честь-то мнѣ выпала... и не думала, и во снѣ-то не снилось... совсѣмъ врасплохъ застали!..

Все это Варвара Семеновна говорила скоро, и въ какомъ-то волненіи разводя руками. Честь, оказанная ей отъ богатой помѣщицы, звавшей ее къ себѣ какъ сосѣдку, какъ ровню, на цѣлый день бесѣдовать съ собою, и присланной даже для этого экипажъ, да еще какой, — не какую нибудь таратайку, а коляску, запряженную парой въ дышло, смѣшала совершенно всѣ ея мысли. Она поспѣшно пошла во флигель и тамъ, наскоро отвѣчая на вопросы дочерей, стала торопливо умываться и одѣваться въ свое новое, гремучее ситцевое платье и самодѣльный чепецъ съ лентами окрашенными домашнимъ способомъ въ сандалѣ съ примѣсью луковыхъ перьевъ. Не смотря на страшно знойный день, она надѣла толстый ярко-клѣтчатый шерстяной платокъ, служившій ей для парадныхъ выходовъ наилучшимъ нарядомъ. Окончивъ туалетъ, Котина сдѣлала еще кое какія распоряженія и заставивъ Степушѣ слушаться сестеръ, простилась съ дѣтьми и сѣла въ поданную къ крыльцу коляску. Солнце палило нестерпимо, и Варвара Семеновна, за неимѣніемъ зонтика, хотѣла было укрыть голову клѣтчатымъ, бумажнымъ платкомъ, но добродушный Ѳедюша догадался предложить поднять верхъ у коляски, и такимъ образомъ бѣдная кононлянница, какъ прозвали ее дворецкій изъ большаго дома, отправилась съ какимъ-то трепетнымъ замираніемъ сердца къ богатой своей сосѣдкѣ и владѣтельницѣ двухъ тысячъ душъ.

Котина застала Александру Николавну лежащей все на той же террасѣ, гдѣ ей такъ хорошо мечталось цѣлое утро. Робко вошла бѣдная вдова въ чертогъ своей новой покровительницы и еще робче подошла на почтительное разстояніе къ ея диванu, многократно кланяясь и повторяя:

— Мое вамъ почитаніе, матушка, Александра Николаевна.

— Здравствуйте, моя милая, проговорила почти не привставая, но съ привѣтливой улыбкой хозяйка. Садитесь-ка вотъ тутъ, подлѣ меня, прибавила она, указавъ на стоящее возлѣ диванное кресло.

Котина присѣла на край стула и отерла бумажнымъ платкомъ обильный потъ съ своего загорѣлаго лица.

— Какія вы стѣсняшки, продолжала шутя Александра Николаевна: вотъ уже почти два мѣсяца что я живу здѣсь, а вы и зайти ко мнѣ не хотѣли ни разу; хоть бы послѣ обѣдни когда. Сама не я, недогадливая такая... въ церкви васъ не пригласила...

— Помилуйте... много вамъ благодарна!.. заборотала смущенная Варвара Семеновна, я не смѣла васъ безпокоить...

— Что за безпокойство! Я всегда рада добрымъ людямъ, а вы еще къ тому же и близкая сосѣдка. Я живу здѣсь совершенной отшельницей, рѣдко кто пріѣдетъ изъ города навѣстить по старой памяти; здѣшніе же всѣ какъ-то сторонятся отъ меня. Не любятъ, должно быть, меня, добавила Охотская съ улыбкой.

— Помилуйте! да какъ же это возможно! и за что же имъ васъ не любить? О добродѣтеляхъ вашихъ наслышаны, можно сказать, не то что въ цѣломъ, примѣромъ быть, вотъ хоть нашемъ уѣздѣ, а даже и по всей губерніи. А несмѣлость ихняя больше тому причиной... потому что все больше, знаете, мелкопомѣстные, бѣдные да не образованные... ну тоже боятся и безпокоить... да и заняты, признаться, очень въ лѣтнюю теперь пору бываютъ. Теперь пора, какъ вамъ не безъизвѣстно, для всѣхъ рабочая. Каждый все старается за всѣмъ своимъ глазомъ присмотрѣть... а иной выѣдетъ съ мужичкомъ и работу на полѣ отправляетъ... Тоже есть всякія и между нами: ужь очень бѣдно живутъ другіе.

И Варвара Семеновна, какъ бы вспомнивъ тутъ и про свое скудное житье-бытье, глубоко вздохнула и призадумалась.

Разговоръ въ этомъ тонѣ продолжался до самаго обѣда. Но подъ вечеръ, когда Охотская, уже совершенно обвороживъ гостью своей любезностью и покровительственнымъ вниманіемъ, ловко и незамѣтно повернула разговоръ къ семейному быту Варвары Семеновны, къ ея небогатому хозяйству, давнему вдовству, и т. д., простодушная Котина, ободренная привѣтливой хозяйкою, что говорится, совершенно растаяла, робость и смущеніе исчезли, и она чистосердечно разсказала богатой барынѣ о всѣхъ своихъ многолѣтнихъ нуждахъ и крайности; вспомнила также въ трудахъ и бѣдности проведенную молодость и плохое здо-

ревье. Александра Николавна выслушивала все, казалось, съ живымъ участіемъ, давала совѣты, обѣщала помочь матеріально и наконецъ сказала къ слову:

— Знаете что, моя милая, отдайте мнѣ вашу младшую дочку. Я возьму ее вмѣсто родной дочери, обезпечу ея будущность и сдѣлаю вполнѣ счастливой.

Александра Николавна проговорила это какимъ-то заискивающимъ тономъ, точно кошка, заигрывающая съ мышью. Но это неожиданное предложеніе какъ громомъ поразило Варвару Семеновну. Ей еще ничего подобнаго касательно Степуши никогда не приходило въ голову, она и не воображала когда нибудь съ ней разстаться. А потому она сначала молча съ удивленіемъ посмотрѣла на Охотскую, потомъ опустила голову и еще помолчавъ немного, какъ-то робко покачала головой, прошептавъ:

— Нѣтъ, мнѣ съ ней не разстаться!

— Отчего же? развѣ вы думаете, что ей у меня дурно будетъ? Я ее буду любить, какъ родную дочь; дамъ ей прекрасное образованіе, надѣлю хорошимъ приданымъ и выдамъ замужъ. Вы этимъ не только ей, но и себѣ и другимъ вашимъ дочерямъ сдѣлаете пользу.

— Все это такъ, матушка, Александра Николавна, и я вамъ приношу глубочайшую мою благодарность за ваше неоставленіе и участіе къ моей горькой долѣ, только, вы ужь меня простите великодушно за мою откровенность, — Степушу, кажется, пока жива, не рѣшусь отдать въ чужой домъ.

— Но послушайте, голубушка, начала уже серьезно и убѣдительно Александра Николавна, оживляясь и приподымаясь съ мягкихъ подушекъ своей кушетки.—Вы меня если и мало еще знаете лично, то навѣрное знаете хорошо по слуху, по крайней мѣрѣ на столько, чтобы судить, что я не вѣтренница какая молоденькая, захотѣвшая ради скуки обзавестись игрушкой въ домѣ? Я вѣдь женщина въ лѣтахъ, и къ тому же истинная христіанка. Рѣшаясь взять на воспитаніе вашу Степушу, я вѣдь связываю свою совѣсть какъ передъ вами, такъ и передъ Богомъ; не такъ ли? слѣдовательно, если я уже рѣшаюсь принять на себя такую отвѣтственность, то значитъ, я твердо увѣрена, что исполню свой долгъ въ отношеніи къ ней со всею строгостью, какъ слѣдуетъ въ такой священной обязанности. Вамъ тутъ за вашу дочь рѣшительно бояться нечего. Она, повѣрьте, хотя вы и мать ей, у меня будетъ гораздо счастливѣе. Ну, посудите сами, что ее здѣсь

у васъ оживаетъ? При этой обстановкѣ, нуждѣ, безъ всякаго образованія, что будетъ ей за жизнь? За что же вы хотите лишить ее того, что ей сама судьба такъ неожиданно посылаетъ? Я ее сегодня видѣла только въ первый разъ и, признаюсь вамъ, она мнѣ съ перваго же взгляда такъ полюбилась, что я вотъ цѣлое утро продумала, какъ и что бы сдѣлать для нея полезнаго, и конечно ничего не нашла и не придумала лучшаго, какъ выпросить ее у васъ себѣ. Я одинока, богата, она у меня будетъ расти какъ прекрасный и рѣдкій цвѣтокъ и своимъ присутствіемъ оживлять мою отшельническую келью.

Александра Николавна еще долго и много говорила на эту тему, выражаясь книжно и краснорѣчиво, такъ что подъ часъ даже и не совсѣмъ удобопонятно для простой ея собесѣдницы, но Варвара Семеновна все же поняла, въ чемъ дѣло, т. е. ей стало ясно, что Охотская совершенно серьезно и даже настойчиво старается склонить ее своими убѣжденіями отдать ей Степушу. Въ мысляхъ и чувствахъ вдовы началась внутренняя борьба. Предложеніе богатой благодѣтельницы устроить блестящимъ образомъ судьбу ея дочери было для нея слишкомъ неожиданно. Лицо бѣдной помѣщицы начинало уже покрываться красными пятнами, и крупный потъ выступилъ на ея морщинистомъ лбу. Она не знала, что отвѣчать, не находила ни приличныхъ словъ, ни достаточныхъ причинъ на отказъ, а между тѣмъ и начинала колебаться, и находилась въ сильномъ недоумѣніи. Съ одной стороны, ей слышался загробный голосъ ея покойнаго мужа, который умирая завѣщалъ ей не раздавать дѣтей по чужимъ людямъ, потому что онъ самъ былъ воспитанъ въ домѣ какого-то знатнаго покровителя, гдѣ вытерпѣлъ много униженія и оскорбленій всякаго рода и откуда вынесъ много горькихъ и непримиримыхъ чувствъ на всю жизнь. Съ другой же стороны передъ ней развивалась соблазнительная картина блестящей будущности ея возлюбленной Степуши. Ее сильно искушала та богатая обстановка, которую она въ настоящую минуту видѣла въ этомъ большомъ барскомъ домѣ, и которая конечно будетъ постоянно вокругъ ея дочери, и даже со временемъ можетъ сдѣлаться ея собственностью. А тогда, нѣтъ сомнѣнія, Степуша возьметъ къ себѣ свою старуху мать и станетъ покоить ея старость; вѣдь придетъ же пора когда нибудь и ей отдохнуть. Къ тому же еще, настоящее участіе и вниманіе щедрой и богатой благодѣтельницы можетъ быть полезно и другимъ ея доче-

рямъ: вѣдь онѣ тоже ужь дѣвушки, невѣсты и родовыя дворянки, надо подумать, какъ и ихъ пристроить и замужъ выдать! Не за мужиковъ же, въ самомъ дѣлѣ, имъ идти! да и тѣ нынче приданаго требуютъ, а о другихъ женихахъ и говорить нечего!..

Всѣ эти мысли разомъ нахлынули на воображеніе бѣдной матери и роились въ ея практическомъ умѣ.

Болѣе же всего она находилась подъ обаяніемъ чести, оказанной ей Александрой Николавной, пригласившей ее къ себѣ предпочтительно, какъ это казалось Котиной, передъ всѣми другими сосѣдями, изъ которыхъ нѣкоторые были гораздо богаче Варвары Семеновны и позволяли себѣ пренебрегать ея знакомствомъ. Ко всему этому Охотская такъ много распрашивала, и съ такимъ, казалось, искреннимъ участіемъ, о всѣхъ нуждахъ своей бѣдной сосѣдки, обѣщала ей во многомъ помочь, что Варвара Семеновна боялась прямымъ отказомъ разгнѣвать будущую благодѣтельницу своей дочери и лишиться всего, что ей теперь непрошенно посылалось какъ съ неба.

— Ну, что же вы призадумались, голубушка? сказала ласково Охотская, нетерпѣливо ждавшая рѣшенія своей собесѣдницы. —Много тутъ, по моему, право, думать нечего. Вы помолитесь-ка лучше Богу, да поблагодарите его за посылаемое вашей дочери счастье и отпустите ее со мной въ Москву.

Котина взглянула на Охотскую глазами полными слезъ и проговорила дрожащимъ отъ волненія голосомъ:

— Оно, дѣйствительно, что такъ, моя благодѣтельница, благодарить мнѣ слѣдуетъ Господа! Тутъ явное ужь Провидѣніе... но глупость моя материнская велика!... все сомнѣнія, да мысли, знаете, разныя... да къ тому же и горько-то... очень ужь горько... Только вотъ недумаю, какъ это мнѣ съ ней, голубкой моей, пташкой родной, разстаться... куда тяжело!

И Варвара Семеновна опустила голову на грудь. Минуту спустя она опять взглянула на Александру Николавну, проговоривъ робко:

— Нѣтъ, воля ваша!... не гнѣвайтесь на меня, моя родная, и не взыщите на мнѣ необразованной, не сочтите за неблагодарную... Это ужъ самъ Господь Богъ видитъ и мать пресвятая Богородица, какая у меня тутъ въ сердцѣ къ вамъ благодарность живется... Только не могу я разлучиться съ моимъ дѣтищемъ... не могу я не видать ее!

И Варвара Семеновна принялась громко всхлипывать, утираясь своимъ клѣтчатымъ бумажнымъ носовымъ платкомъ.

Столь естественная грусть бѣдной матери при мысли о разлукѣ съ любимымъ дѣтищемъ нисколько не тронула добродѣтельной души, нетерпѣливо и съ досадой смотрѣвшей на нищую свою гостью, отказывавшуюся, изъ-за какого-то ужъ совершенно ей неприличнаго чувства материнской нѣжности, отъ такого выгоднаго и лестнаго для нея предложенія, какъ то, которое ей дѣлала ея знатная и щедрая покровительница. Лицо добродѣтельной женщины, не терпѣвшей никакихъ неудачъ, какъ бы онѣ мелки ни были, выразило сильное и дурно скрытое негодованіе. Но скоро оправившись отъ непріятнаго впечатлѣнія, произведеннаго на нее отказомъ Котиной, Охотская попробовала еще одно средство, чтобы достигнуть желанной цѣли.

— Послушайте, Варвара Семеновна, сказала Александра Николаевна, положа руку на плечо вдовы: — я понимаю васъ, вы никакъ не можете помириться съ мыслію, что не будете видѣть вашей дочери, но вы ошибаетесь: я теперь каждое лѣто намѣрена пріѣзжать сюда мѣсяца на три, на четыре, слѣдовательно разлука ваша только временная. Ну, вообразите себѣ, что вы женщина съ состояніемъ и съ положеніемъ въ свѣтѣ и вамъ необходимо отдать вашу дочь въ пансіонъ или институтъ для образованія. Вѣдь нельзя же не воспитывать дочерей, оставляя ихъ расти, какъ Богъ велѣлъ? Вы вѣдь, я думаю, знаете, что почти всѣ разлучаются съ дѣтьми, какъ скоро наступаетъ имъ время серьезно учиться. Всѣ матери, не менѣе васъ нѣжныя, однако рѣшаются же на подобныя жертвы для блага дѣтей. Какъ же это вы хотите погубить вашу дочь, оставляя ее невѣждой, необразованной, какой-то полумужичкой? значитъ, вы добра ей не желаете? У васъ ужъ есть двѣ дочери, которыя едва знаютъ грамотѣ. Ну, тѣхъ вы не имѣли средства воспитать, какъ слѣдуетъ и какъ прилично для дворянскихъ дѣтей, васъ никто и винить въ томъ не смѣетъ, но теперь, отказываясь отъ моего предложенія, вы не только безразсудно поступаете, но даже грѣхъ великій дѣлаете. Какое же вы имѣете право лишать вашу дочь такой блестящей будущности, какая ей предстоитъ въ моемъ домѣ, у меня? Почему вы знаете, что Степуша лѣтъ черезъ пять не упрекнетъ васъ за это?

Варвара Семеновна слушала внимательно, что говорила ей такъ назидательно Александра Николаевна, и не могла не согла-

шаться съ ея замѣчаніями. Долго и много еще говорила Охотская на эту тему, такъ что Котина не находила уже больше никакихъ причинъ къ отказу, ни возраженій на доводы своей покровительницы.

— Правда, все правда, моя благодѣтельница, сказала наконецъ съ глубокимъ вздохомъ Варвара Семеновна: — когда Богу такъ угодно, мнѣ, значитъ, съ своими мыслями, нечего ужь тутъ и мѣшаться да разбирать, хорошо ли?... только вотъ что попрошу я васъ: дайте мнѣ собраться съ духомъ... попривыкнуть къ мысли.... можетъ, я скоро умру и ужь не увижу ее... не торопите меня и не берите ее, не отнимайте у меня покуда вы еще здѣсь. А тамъ... ну, что Богъ сдѣлаетъ! буди на все Его святая воля! заключила Котина, обративъ на церковь свои грустные, полные слезъ глаза и перекрестясь усердно три раза.

— На это я согласна, сказала довольная успѣхомъ Александра Николавна: — вы только привозите ее почаще ко мнѣ, чтобы она могла нѣсколько приглядѣться къ новой обстановкѣ и лицамъ, а потомъ скажите ей, что на время отпускаете ее со мной въ Москву, и дѣло уладится, какъ нельзя лучше.

Поздно воротилась Варвара Семеновна отъ Охотской; ее доставилъ къ дому тотъ же самый Ѳедюша и опять въ колескѣ. Но только совсѣмъ другія чувства волновали теперь бѣдную вдову и другія мысли наполняли ея умъ и сердце. Когда коляска подъѣхала къ воротамъ ея скромнаго жилища, она, ласково поблагодаривъ кучера, поспѣшно вышла изъ экипажа и, сильно толкнувъ притворенную калитку, быстро скрылась за ней, заперла ее изнутри запоромъ и не менѣе быстро пошла по двору къ крыльцу своего флигелька. Въ домѣ уже всѣ спали; Варвара Семеновна взялась за желѣзную скобку двери и, сильно постучавъ ею нѣсколько разъ, въ ожиданіи присѣла на деревянную скамейку, стоявшую на широкомъ крыльцѣ, служившемъ иногда по вечерамъ и балкономъ. У здоровыхъ людей первый сонъ крѣпокъ, а потому стука хозяйки никто не слыхалъ. Варвара Семеновна начинала уже терять терпѣніе, колотя, что было мочи, кулакомъ въ дверь; наконецъ въ сѣняхъ послышался шорохъ, и вскорѣ босоногая и знакомая уже намъ Маревутка съ заспаннымъ лицомъ показалась на порогѣ.

— Что это, мать моя, вы словно мертвыя? Всѣ руки отбила; разъ двѣнадцать никакъ стучала. Всѣ вы спите что ли?

— Никто, снимъ, отвѣчала сонным голосомъ крестьянка, запирая за барыней дверь.

Варвара Семеновна вошла въ комнату.

— Огонь вздувать, аль не надо? спросила нехотя Мароутка.

— Нѣтъ, не надо. Ступай спать.

И Варвара Семеновна, оставшись одна, въ потьмахъ, стала медленно раздѣваться и бережно прибирать свой праздничный нарядъ. Снявъ платье, она вошла въ общую спальню, чтобы повѣсить его на гвоздь. Прямо противъ дверей стояла кровать, на которой обыкновенно спала Степушка съ своей матерью, а обѣ старшія сестры спали на другой кровати, стоявшей у противоположной стѣны. Свѣтъ отъ теплившейся передъ образомъ лампады падалъ на лицо спавшей дѣвочки, и когда Котина подошла ближе къ постелѣ, она могла хорошо разсмотрѣть беззаботное и покойное выраженіе лица своей любимицы. Мысль разлуки блеснула молніей въ воображеніи бѣдной матери, и сердце ея болѣзненно сжалось; какая-то безотчетная тоска мгновенно охватила ея душу, ей вдругъ стало невыносимо тяжело, и слезы полились изъ глазъ.

— Господи! прошептала она, поднимая взоръ къ образу: — что же я въ самомъ дѣлѣ... вѣдь не силой же отнимутъ?... Вольна отдать, и вольна не отдавать.

И она готова была сейчасъ же бѣжать къ Александрѣ Николаевнѣ, чтобы отказаться отъ всѣхъ посуленныхъ ею благодѣяній; но чувство это быстро смѣнилось другимъ болѣе практическимъ соображеніемъ, и Варвара Семеновна начала стараться убѣждать самое себя, что нельзя и не должно отталкивать отъ себя и гнѣвить такую важную и богатую барыню, которая лишь ради одной христіанской добродѣтели и любви къ ближнему желаетъ сдѣлать столько добра ея дочери и всему семейству.

— Господи! подкрѣпи меня, проговорила почти громко Котина, опускаясь на колѣни передъ образомъ, и, припавъ къ землѣ, начала усердно молиться...

На другой день Варварѣ Семеновнѣ не было покоя отъ распросовъ двухъ старшихъ дочерей ея: что? какъ? зачѣмъ? и т. д.; но мать на все отвѣчала довольно нехотя и односложно: мысли ея видимо были заняты и озабочены чѣмъ-то болѣе важнымъ, нежели обыкновенными хлопотами по хозяйству. Когда пришло время обѣда и вся семья сѣла за столъ въ прихожей, служившей

также и столовой, Даша, старшая дочь Котиной, всегда дерзкая и рѣзкая на языкъ, въ одну изъ тѣхъ минутъ, когда мать за чѣмъ-то вышла въ другую комнату, довольно неперемонно замѣтила въ полголоса своей сестрѣ Грушѣ:

— Что это маменька-то, словно не солоно хлебала у большой-то барыни? Все что-то ходитъ повѣся носъ.

— И я тоже замѣчаю, что она что-то не своя; только не знаю, что бы это такое было? проговорила шопотомъ Груша.

Въ эту минуту Марфутка съ раскраснѣвшимся отъ печи лицомъ внесла въ горницу чугунъ съ кашей и, поставивъ его на столъ, достала изъ подъ пола въ той же самой комнатѣ горшокъ съ желтымъ топленымъ масломъ и подала его.

— Я не хочу каши съ масломъ, проговорила Степуша тономъ избалованнаго ребенка и болтая ногами о нижнія связи стола: — маменька, а маменька! мнѣ съ молокомъ дайте, продолжала она еще громче.

— Вишь ты, нѣжная какая! сказала сердито Даша, дергая сестренку за рукавъ: — мы хуже что ли тебя, да ѣдимъ съ масломъ.

— А я не хочу, я буду съ молокомъ! продолжала, не унимаясь, болтать ногами Степуша.

— Перестань стучать! крикнула опять старшая сестра и замахнулась на дѣвочку деревянной ложкой.

Варвара Семеновна показалась въ дверяхъ, неся небольшой кувшинчикъ съ молокомъ.

— Полно тебѣ ее муштровать-то, проговорила она строго: — больно ужь взыскательна не кстати. Кушай на здоровье, моя родная, обратилась она ласково къ меньшой своей дочери, наливая ей въ тарелку густаго, свѣжаго молока. — Не надолго ужь она намъ досталась, прибавила со вздохомъ Варвара Семеновна, положивъ руку на русую головку дѣвочки. При послѣднихъ словахъ матери всѣ три дочери въ недоумѣніи взглянули на нее вопросительно.

— Ты, Степуша, теперь у меня гостья, сказала Варвара Семеновна, садясь возлѣ дѣвочки и не переставая ее ласкать: — скоро ты будешь нарядная, богатая, кушать блюда станешь деликатныя, ѣздить въ каретахъ, жить въ большомъ домѣ... хочешь? а?

— Хочу, отвѣчала Степуша, съ любопытствомъ глядя на мать.

— Ну, вотъ и хорошо, коль сама хочешь; тебя Александра Николаевна беретъ къ себѣ; ты будешь у нея жить, поѣдешь съ ней въ Москву... она тебѣ много всякихъ гостинцевъ купитъ, и куклы у тебя будутъ, и все, что тебѣ только захочется.

— И ты поѣдешь? спросила дѣвочка, у которой ужь и глаза разгорѣлись.

— Нѣтъ, я здѣсь останусь... ты одна поѣдешь... мнѣ дома надо быть... меня на что же? я старуха.

— Я безъ тебя не поѣду, отвѣчала рѣшительно Степуша и принялась доѣдать свою кашу.

— Вотъ глупая-то, перебила ее, смѣясь, Груша: — счастья своего не знаетъ. Я бы сейчасъ поѣхала, кабы меня взяли.

— Да вотъ бѣда-то наша съ тобой, что насъ не берутъ, возразила язвительно Даша, къ сердцу которой уже прокралась зависть.

— А я не поѣду, не хочу, отвѣчала Степуша настойчивѣе прежняго: — мнѣ и здѣсь хорошо.

— Послушай, дурочка, сказала серьезно и убѣдительнымъ тономъ Варвара Семеновна: — ты еще мала, своего счастья не понимаешь, а я знаю, какъ тебѣ будетъ хорошо у Александры Николавны. Вѣдь я къ злымъ людямъ не соглашусь тебя отдать? а эта барыня славная, добрая, хорошая; она тебя будетъ любить и баловать; всему тебя выучитъ, ты будешь воспитанная, настоящая барышня, какъ быть слѣдуетъ дворянской дочери. А здѣсь въ деревнѣ ты чему научишься? что увидишь?

— А Даша съ Грушей что видятъ? спросила быстро дѣвочка.

— Ну, Даша съ Грушей немного видятъ; ужь ихъ знать судьба такая, а тебѣ Богъ счастье посылаетъ.

— О Дашѣ съ Грушей и собаки не воютъ, проворчала себѣ подъ носъ старшая дочь Котиной.

— Нѣтъ, не хочу, я останусь съ тобой, сказала твердо Степуша и, соскочивъ съ лавки, убѣжала на дворъ.

Варвара Семеновна только задумчиво покачала ей вслѣдъ головой и, не сказавъ болѣе ни слова, тоже вышла изъ комнаты. Она знала упрямый характеръ своей дочери и ея сильную привязанность къ себѣ, а потому предчувствовала, что не легко ей будетъ уговорить ее и даже обманомъ согласиться поступить къ Охотской.

Обѣ старшія дочери Котиной были также сильно заин тере-

сованы разъясненіемъ вопроса: дѣйствительно ли Охотская беретъ къ себѣ Степушу и удастся ли матери уговорить дѣвочку. Сидя въ этотъ день за пяльцами, онѣ не совсѣмъ прилежно работали, а больше слѣдили глазами за матерью и прислушивались къ каждому ея разговору со Степушей. Наконецъ Груша рѣшилась сообщить свои мысли сестрѣ.

— А что, Даша, должно быть, Охотская-то и взаправду беретъ къ себѣ нашу Степушу? сказала она шопотомъ. — Маменька ужь что-то давича больно ее ублажняла да умасливала.

— А то чтожь еще? взаправду же и есть, отвѣчала сердито Даша. — Этакимъ озорницамъ завсегда счастье. Насъ вотъ съ тобой такъ никто видно не просилъ на воспитаніе, и мы остались мужичками, необразованными; только что названіе-то есть, что дворянскія дочери, а одѣться путемъ не во что: платьишекъ-то одно, другое, да и обчелся. А Степушка вотъ будетъ барышня, разнаряженная да разфуфлыженная. Намедни попова Маша какъ поразсказала, чего-чего только нѣту въ домѣ-то у Охотской. А какъ живетъ!... точно царица!

— Я слышала, отвѣчала въ раздумьи Груша: — да только, признаться тебѣ, мнѣ не очень завидно Степушино счастье...

— Ужь тамъ какъ знаешь, завидуй аль нѣтъ, только тебѣ его какъ ушей своихъ не видать.

— Да и не хочу. Александра-то Николавна не больно вѣдь добронравна; «мягко стелетъ, да жестко спать». А ужь эта у нея Алена Ивановна, не приведи Богъ! какъ пересказываютъ, такъ сущая змѣя подколодная... и смотритъ-то когда — точно съѣсть тебя хочетъ. Еще всего и Степуша увидитъ; на той недѣлѣ тоже какъ поразсказала у Вякиныхъ сама матушка попадья про Васю про Шипова, что сперва воспитывался у Александры Николавны, а тамъ какъ понадоѣлъ, матери на шею и навязала; да какого они горя не приняли послѣ того? Бѣлье-то у него все было пошито батистовое, бархатъ да шелкъ привыкъ носить, ѣсть сладко, конфеты да варенье бывало безпереводно такъ въ комнатѣ и стоятъ, ѣздилъ въ каретахъ и коляскахъ, а тутъ какъ къ матери-то опять попалъ, жить-то пришлось въ одной комнатѣ, рубашки носить холщевыя, а о сластяхъ и думать нечего, и чай-то, и тотъ не всегда былъ, на десять рублей вѣдь не расхарчишься? тутъ и за квартиру, и за ученье, и на одежду, и на содержаніе — все изъ одного! мать тоже больная, часто и лекарство нужно... такъ оба что слезъ положили, говорятъ, и не при-

ведн Господи!... онъ матери грубилъ, поперекалъ... да и по нынѣ еще попрекаетъ; такъ и наша Степуша, неизвѣстно еще, что будетъ? бабушка на двое сказала: либо хорошо, либо дурно.

Въ этотъ день Александра Николавна опять прислала за Котиной свой экипажъ, и Ѳедюшѣ велѣно было просить Варвару Семеновну съ меньшой барышней. Не малаго труда стоило старушкѣ отыскать Степушу гдѣ-то на гумнѣ и уговорить ѣхать съ собою къ Охотской. Дѣвочка долго не соглашалась и не поддавалась ни на ласки, ни на угрозы матери, наконецъ рѣшилась уступить просьбамъ, когда Варвара Семеновна побожилась ей, что она ѣдетъ не отдавать ее, а такъ только, сдѣлать угодное богатой барынѣ, и что вечеромъ онѣ обѣ вмѣстѣ вернутся домой.

Варвара Семеновна нашла нужнымъ сообщить своей покровительницѣ нѣкоторыя свои опасенія на счетъ несогласія Степуши ѣхать въ Москву. Александра Николавна, подумавъ хорошенько объ этомъ, совѣтовала до поры до времени не затрогивать этого вопроса при дѣвочкѣ и предоставить все дѣйствію времени и привычки, а самой Охотской хотѣлось, чтобы Варвара Семеновна какъ можно чаще привозила къ ней Степушу.

— Я ее буду такъ баловать и ласкать, говорила самоувѣренно Охотская: — что она сама не захочетъ отъ меня уйти.

И дѣйствительно, недѣли черезъ три, четыре, успѣхъ оказался несомнѣннымъ: Степуша, сначала страшно дичившаяся Александры Николавны, до того, что даже боялась при ней по комнатѣ пройти, мало по малу стала ободряться и дѣлаться смѣлѣе. Она подъ конецъ рѣшалась даже оставаться ночевать у Охотской и дня по два не видать своей матери. Въ это время дѣвочка уже опять стала по прежнему рѣзва и весела: она бѣгала по саду и по большимъ заламъ дома, звонко смѣялась и болтала, что на умъ взбредетъ. Степуша видимо потеряла всякое опасеніе разстаться когда нибудь съ своей матерью и роднымъ гнѣздомъ, въ которомъ выросла, какъ вольная птичка. Александра Николавна потирала отъ удовольствія руки и часто трунила надъ Котиной.

— Что, Варвара Семеновна? чья правда? Вотъ вы, моя милая, какъ ошибались. Вы думали, что Степуша никогда не полюбитъ меня и не захочетъ съ вами разлучиться; у страха глаза велики. Я лучше васъ знаю дѣтей, хотя у меня и не было своихъ; вѣдь это тѣ же звѣрки: кто ихъ послаще прикормитъ да приласкаетъ, они къ тому и льнутъ.

— Правда, матушка, правда, теперь ужь и сама вижу, что

сомнѣвалась по пустому, говорила Котина, качая головой и разводя руками.

Роскошь, среди которой увидѣла себя Степуша, быстро соблазнила дѣвочку и какъ бы смутила ея дѣтскіе инстинкты.

Наконецъ наступилъ сентябрь мѣсяцъ, и Охотская стала сбираться въ дорогу; Степушѣ сказали, что она поѣдетъ вмѣстѣ съ своей матерью провожать Александру Николавну до губернскаго города. Потомъ Варвара Семеновна увѣрила ее, что у нея есть какое-то важное дѣло дома и она не можетъ теперь отлучиться, а дня черезъ два она пріѣдетъ за ней, потому что Александра Николавна въ городѣ пробудетъ съ недѣлю. Всему этому конечно простодушная десятилѣтняя дѣвочка легко повѣрила и скоро на все согласилась. Но въ день отъѣзда ея дѣтское сердечко вдругъ сжалось какимъ-то больнымъ предчувствіемъ, и она не отходила отъ матери, все обнимала ее и прижималась крѣпко къ ея груди, заставляя ее повторять себѣ въ сотый разъ обѣщаніе пріѣхать за нею черезъ два дня.

— Пріѣду, моя голубка, пріѣду! говорила Котина, цалуя и лаская дочь и вмѣстѣ съ тѣмъ глотая душившія ее слезы. — А то развѣ я обману тебя? я вѣдь тогда только пошутила, что хочу отдать тебя Александрѣ Николавнѣ. Ты вотъ только будь умница, дорогой не докучай нашей благодѣтельницѣ, не плачь, не тоскуй... ты пріѣдешь теперь въ большой городъ, дома тамъ высокіе, каменные, улицы широкія, людей и всякихъ экипажей много...

— Маменька, родная! прерывала ее Степуша: — смотри, не обмани... пріѣзжай за мной... а то я плакать буду... я умру безъ тебя! и дѣвочка ужь тутъ же начинала сильно плакать, крѣпко обвивая руками шею матери.

— Нѣтъ, дурочка, нѣтъ, не обману; только ты будь умница, не серди слезами Александру Николавну. Она тебѣ въ городѣ много гостинцевъ накупитъ...

Когда Охотской доложили, что ея дорожная карета подана къ крыльцу, добродѣтельная женщина отдала приказаніе всѣмъ присутствующимъ въ комнатѣ сѣсть, и послѣ минутнаго молчанія, встав первая, обратилась къ образу въ углу залы и начала очень усердно молиться, возводя очи горѣ: остальная публика изъ подражанія слѣдовала ея примѣру. Окончивъ свою краткую напутственную молитву, она по барски распрощалась съ много-

людной своей дворней, подставила щеку Варварѣ Семеновнѣ и, продолжая отдавать кое-какія приказанія дворецкому, вышла на крыльцо.

При видѣ кареты, которая должна была увезти Степушу, можетъ быть навсегда, Варвара Семеновна не выдержала и, бросившись къ дочери, схватила ее въ свои объятія, громко зарыдавъ; Степуша въ свою очередь горько заплакала и повисла къ ней на шею; она, казалось, замерла въ этомъ прощальномъ поцалуѣ.

Охотской, видимо, не понравилась эта сцена: простыя и чисто-человѣческія чувства, выражавшіяся въ каждомъ движеніи голоса бѣдной матери, какъ-то раздражительно дѣйствовали на нервы богатой барыни и казались ей тривіальными.

— Что вы, безумная, дѣлаете? Вы все дѣло портите вашимъ прощаніемъ!... воскликнула запальчиво Охотская, силясь оторвать дѣвочку отъ матери. Потомъ опомнившись, добавила тише и уже съ притворнымъ смѣхомъ:—что это, Варвара Семеновна, какъ вы растрогались? точно на годъ прощаетесь. Вѣдь послѣ завтра опять увидитесь; я жду васъ къ обѣду. До свиданья, голубушка!

И Охотская подала человѣку знакъ взять Степушу на руки и посадить въ карету.

Голосъ Александры Николавны охладилъ растроганную мать: она сдѣлала надъ собою страшное усиліе, оторвала отъ своей шеи руки дочери и, крестя ее уже безъ слезъ, проговорила строго:

— Перестань, Степуша, полно! и въ самомъ дѣлѣ изъ чего я-то дура разревѣлась?... всего разставанья-то на два дня... Господь съ тобою!... будь счаст...

И Варвара Семеновна опять едва не измѣнила себѣ. Потомъ она сама дрожащей рукою толкнула дочь въ карету, въ которой уже сидѣла ея благодѣтельница съ своей горничной и Аленой Ивановной. Человѣкъ быстро заложилъ подножки и, захлопнувъ дверцы, вскочилъ на козлы и закричалъ: «пошелъ!»

Ямщикъ взмахнулъ кнутомъ, лошади рванулись съ мѣста, всѣ стоявшіе у крыльца перекрестились, Степуша въ послѣдній разъ вскрикнула: «маменька, пріѣзжай!» и карета быстро покатилась со двора, оставляя позади себя облако пыли, которое густо обдавало бѣжавшихъ за экипажемъ босоногихъ дворовыхъ мальчишекъ.

Варвара Семеновна во все это время стояла какъ окаменѣлая, съ какой-то безсмысленной улыбкой, повторяя безсвязно и шопотомъ:

— Господь съ тобою!... прощай!... можетъ, умру... не увижу... пріѣду!...

Прошло десять лѣтъ. Въ теченіе этого времени, Александра Николавна Охотская ни разу не посѣтила своего любимаго имѣнія, а Варвара Семеновна Котина ни разу не видѣла своей русой и кудрявой Степуши. Что было причиной такого равнодушія Охотской къ одному изъ лучшихъ ея помѣстьевъ, положительно неизвѣстно. Можно думать, что въ первые годы, когда она взяла Степушу, она избѣгала встрѣчи съ ея матерью, которая, соскучась въ разлукѣ по дочери, могла бы потребовать ее назадъ, потому что въ первое время Варвара Семеновна часто писала къ дѣвочкѣ и даже къ самой Александрѣ Николавнѣ, высказывая въ своихъ письмахъ желаніе повидать любимое дѣтище и надежду на скорое свиданіе, какъ ей того обѣщала сама благодѣтельница; но большая часть писемъ этихъ были скрываемы отъ Степуши, а сама Охотская отвѣчала на нихъ очень рѣдко и коротко, упоминая лишь мелькомъ, что когда нибудь она пріѣдетъ въ Большіе-Чаны и привезетъ Степушу на свиданіе съ матерью; но что Варварѣ Семеновнѣ вообще слѣдуетъ меньше думать о своей меньшой дочери, потому что она теперь уже отрѣзанный ломоть. Дѣвочкѣ же Охотская поминутно твердила, что между ею и матерью ея теперь уже нѣтъ болѣе ничего общаго и что она должна смотрѣть на нее, то есть на Александру Николавну, какъ на единственную свою опору и покровительницу въ жизни, и помнить, что ей одной она обязана всѣмъ, что у нея есть и будетъ.

Охотская считала необходимымъ такъ поступать потому, что Степуша сильно тосковала по матери и постоянно просилась домой. Но чуть ли не вѣрнѣе будетъ предположить, что прихотливая Александра Николавна, вообще любившая перемѣны и съ каждымъ годомъ дѣлаясь все старѣе и взыскательнѣе, предпочитала поѣздкамъ въ деревню путешествія по монастырямъ и пустынямъ. Степушѣ же было строго запрещено вести переписку съ своей матерью. Александра Николавна, разъ забравъ себѣ въ голову оторвать свою воспитанницу, какъ она говорила, отъ ея грубаго и невѣжественнаго прошлаго, хотѣла, во что бы то

ни стало, пересадить Степушу на новую почву своего собственнаго изобрѣтенія, и покуда она еще не надоѣла ей, Охотская не отступала отъ этой идеи. Охотская любила романы въ дѣйствительной жизни, романическую обстановку и романическіе эффекты. Но все это стоило много слезъ бѣдной дѣвочкѣ, обливомъ вырванной изъ роднаго гнѣзда; а главное, горько ей было отказаться навсегда отъ мысли увидать когда нибудь свой ангелекъ, любимое гумно и добрую, ласковую старушку мать. Ежедневныя столкновенія и борьба, борьба не по силамъ, съ непреклонной волей причудливой благодѣтельницы, помѣшанной на формѣ и приличіи, безпрестанное нравственное стѣсненіе, упреки за неблагодарность и безчувственность — все это постепенно подавляло хорошіе природные инстинкты Степуши, и изъ рѣзвой, свободной и откровенной дѣвочки, она сдѣлалась сосредоточенною, задумчивою и вмѣстѣ съ тѣмъ на видъ покорною, хотя въ душѣ она далеко не была покорна. Въ двадцать лѣтъ Степушу нельзя было назвать красавицей, но ея оригинальная и вмѣстѣ необыкновенно симпатичная наружность дѣлала ее чрезвычайно привлекательной. Ростъ ея былъ немного выше средняго, сложеніе нѣжное, цвѣтъ лица, хотя и блѣдный, но безъ болѣзненнаго оттѣнка, черты лица тонкія и правильныя, а большіе задумчивые черные глаза и золотистые, вьющіеся на лбу у пробора и на вискахъ волосы все еще нѣсколько напоминали кудрявую головку прежней деревенской дѣвочки.

Стефанія, — такъ звала дѣвушку ея благодѣтельница и такъ ведѣно было звать ее въ домѣ, — выросла и развилась въ замкнутомъ кругу своей благодѣтельницы. Я сказала *развилась*, но едва-ли этимъ словомъ можно опредѣлить то особенное настроеніе ума, которое образуется у дѣвушки, отъ природы съ нѣжнымъ сердцемъ, пылкимъ воображеніемъ и сильной впечатлительностію, но ежеминутно сдавленной мертвою внѣшнею обстановкою и тѣсною рамкою предписанныхъ ей или даже силою навязываемыхъ убѣжденій и воззрѣній самаго безцвѣтнаго содержанія. Съ минуты поступленія въ домъ Охотской подъ ея руководство, жизнь ребенка, а потомъ и взрослой дѣвушки потекла какъ-то особенно холодно, однообразно и мертво. Въ теченіи всего этого времени ничто не озарило и не оживило этого какъ бы застылаго существованія, — все въ немъ было задерживаемо; хотя Степуша порывалась часто высвободиться изъ подъ этихъ тѣснившихъ и томившихъ ее нравственныхъ пеленокъ, но по-

добныя попытки оставались почти безъ результатовъ и своей безуспѣшностію какъ-то еще болѣе томили душу дѣвушки, натура которой была свѣжа и богата и не могла безъ борьбы принять къ себѣ все нравственное худосочіе той среды, въ которой она обращалась. Мелкій эгоизмъ, пустота и лицемѣріе окружавшихъ ее людей, ихъ мелочныя придирки къ формѣ, ихъ безпощадныя и неумолимыя осужденія по однимъ лишь наружнымъ даннымъ, ихъ суровая строгость и нетерпимость въ отношеніи ко всякому, кто не подчиняется ихъ правиламъ, ихъ холодная и мертвая набожность, болѣе походившая на твердо-заученную роль, нежели на душевное настроеніе, — все это инстинктивно отталкивало молодую и горячую душу Степуши. По временамъ ей становилось невыносимо тяжело и грустно; она не видѣла исхода своему безотрадному положенію, а между тѣмъ въ душѣ ея что-то зрѣло и просило пищи и свѣта. Иногда же, Богъ вѣсть, какъ и откуда, къ ней вдругъ являлись другія убѣжденія, неясныя и безотчетныя, но вступавшія въ борьбу съ тѣми, которыя ей навязывали и которыя были ей такъ не по сердцу. Тогда какой-то тайный внутренній голосъ шепталъ ей, что она ложно направлена и ходитъ въ странномъ туманѣ; но минуты подобнаго вдохновенія бывали очень кратки, потому что Степуша какъ бы боялась довѣрять себѣ и всѣми силами спѣшила подавлять свои инстинкты, стараясь доказывать себѣ, что это искушеніе, и что ей необходимо слѣдовать тѣмъ постановленіямъ, которыя строго и въ длинныхъ поученіяхъ внушались ей ея благодѣтельницею, съ цѣлію сдѣлать изъ нея вполнѣ, какъ твердили ей, благовоспитанную и нравственную дѣвушку. Но внѣшнее вліяніе, къ несчастію, было для Степуши сильнѣе, нежели ея природные инстинкты, систематически заглушаемые съ самой ранней молодости. Напрасно запуганная Степуша чутьемъ искала жизни и правды и сознавала въ себѣ силу быть не бездушной куклой, созданной волею другихъ, и не безсловесной рабой мертвящихъ условій, а человѣкомъ, и пользоваться и жить способностями и страстями свободнаго человѣка: она только впадала въ безпрестанное противорѣчіе своихъ желаній со своими дѣйствіями. Внутри ея возставали вопросъ за вопросомъ, недоумѣніе за недоумѣніемъ, съ которыми она не смѣла ни къ кому обратиться; ее томили жажда къ знанію и усиліе проникнуть и заглянуть глубже въ жизнь, внѣ тѣхъ стѣнъ, за которыми унылю и безцвѣтно протекла часть ея дѣтства и вся юность,

Какія-то непонятныя чувства волновали ея душу и неясно слагались въ ея сердцѣ. Кругомъ себя Степуша видѣла постоянно почти постоянно противорѣчащіе строгости словъ и убѣжденій. Чѣмъ больше она вдумывалась и вглядывалась во все ее окружающее, тѣмъ болѣе поражала ее на каждомъ шагу эта двойственность; съ внѣшней стороны ей являлась суровость и строгое соблюденіе формы и даже предразсудковъ; съ внутренней же какая-то разнузданность и пренебреженіе къ правдѣ. Въ умѣ ея былъ хаосъ; въ мысляхъ все мутилось. Она не знала, гдѣ истина, гдѣ точка опоры? Внутренно она хотя и возставала противъ всей этой лжи и всего лицемѣрія, а неумолимая необходимость склоняться передъ требованіями, налагаемыми на нее условіями ея исключительнаго, зависимаго и одинокаго положенія, — заставляла ее противъ чувства и воли наружно поддаваться этому лицемѣрію, слѣдовать въ нѣкоторой степени ему и въ утѣшеніе самой себѣ говорить, что оно есть истина. Затянувъ такимъ образомъ глубоко въ душѣ всѣ свои мысли и впечатлѣнія, Степуша, не находя возможности продолжать борьбу, утомившую ее и между тѣмъ не приносившую ей пользы и не измѣнившую нисколько образовавшагося возлѣ нея порядка жизни, подъ конецъ отдалась, съ какой-то нѣмой и полной безнадежностью мутному теченію, медленно увлекавшему ее и постепенно вещавшему ея понятія. Этимъ она выиграла по крайней мѣрѣ то, что ее перестали упрекать и подозрѣвать въ ней всѣ возможныя дурныя наклонности и пороки, присутствія которыхъ она не сознавала въ себѣ; но ей все-таки объ нихъ безпрестанно говорилось: ее преслѣдовали, вразумляли, оскорбляли и нравственно мучили до крайности. Степуша какъ ни была молода и неопытна, но наконецъ поняла, что не должна высказываться ни въ чемъ, а безпрекословно выполнять то, что ей предписывалось желаніями ея благодѣтельницы. Александра Николаева, судя по этой наружной покорности, пришла къ заключенію, что ея воспитанница приняла и усвоила себѣ совершенно особенное, строго-религіозное и хорошаго тона воспитаніе, которое она съ такимъ стараніемъ стремилась внушать ей, желая изъ нея сдѣлать что нибудь особенное, замѣчательное, и вполнѣ довольная своимъ успѣхомъ оставила наконецъ Степушу въ покоѣ, т. е. предоставила ее самой себѣ.

Я уже сказала, что Охотская въ молодости была тщеславной красавицей и кокеткой. Во вторую же половину своей жиз-

ни она задумала упрочить за собою какъ нибудь иначе и болѣе надежнымъ способомъ славу о своей красотѣ: ей захотѣлось нарисоваться своей недоступностію и высокой нравственностію; безъ ениміама эта женщина жить не могла, она искала способа всю жизнь простоять на высокомъ пьедесталѣ, окруженномъ толпою поклонниковъ, преклоняющихся передъ ея мнимыми и недосягаемыми для прочихъ смертныхъ женскими и христіанскими доблестями; словомъ, это была натура мелкая, развращенная и ненасытно тщеславная. Тщеславіе всѣхъ родовъ и видовъ обратилось у нея въ манію. Цѣль всей ея жизни состояла въ томъ, чтобы заставить говорить о себѣ, и говорить съ хорошей стороны, съ похвалою, съ удивленіемъ; а между тѣмъ ей хотѣлось и прожить не стѣсняясь и не отказывая себѣ ни въ чемъ, не только не принеся ни одной жертвы, но даже удовлетворяя всегда всѣмъ своимъ прихотямъ и капризамъ. Избравъ послѣ смерти мужа родъ жизни совершенно противуположный тому, который вела до того времени, она прямо разсчитывала на эффектъ. Когда же эта роль становилась однообразной, она искала поднять и оживить ее какимъ нибудь новымъ неожиданнымъ явленіемъ. Но съ лѣтами наконецъ все прошло и приглядѣлось. Александра Николаевна стала чувствовать скуку и безпокойство при мысли, что старость ужь не за горами; ей необходимо было заблаговременно приготовить себѣ такую обстановку, которая бы хоть нѣсколько оживляла эту одинокую и сухую старость, которой Охотская такъ справедливо пугалась; при этомъ надо еще замѣтить, что она также боялась и смерти; ей хотѣлось жить вѣчно, и вѣчно одинаково для себя и своихъ желаній.

Взять на воспитаніе хорошенькую Стешу было новымъ разсчетомъ Александры Николаевны на эффектъ, и къ тому же эффектъ продолжительный, потому что представлялась возможность драпироваться весьма удачно и къ лицу; а главное, ей улыбалась мысль, что подъ старость она не одна останется; возлѣ нея будетъ неотлучно существо живое, молодое и *обязанное* нянчиться съ ней и выдерживать всѣ ея капризы, и при томъ еще такое существо, которое своимъ присутствіемъ обращаетъ на нее глаза толпы, передъ которой она такъ любитъ рисоваться.

Охотская никогда не пропускала случая похвастать своей воспитанницей, иначе сказать, своимъ великимъ умѣньемъ воспитать и направить дѣвушку, такъ что изъ нея должна выйти примѣрная женщина самой безупречной, самой высокой нравствен-

ности. Она любила восхвалять Степушино уваженіе къ старшимъ, ея набожность и благоразуміе, часто сравнивала ее съ другими молодыми дѣвушками, какъ скоро въ ея гостиной начинались толки объ эмансипаціи съ разными ханжами и высоконравственными кумушками.

— Вообразите себѣ, Александра Николавна, говорила какая нибудь старая дѣва, рябая и горбатая, оставшаяся на всю жизнь дѣвственницей противъ воли, хотя и увѣряла, что она ради любви къ Богу посвятила себя безбрачію, но вѣрнѣе, что сама судьба забраковала ее,—случай не представился даже споткнуться... а она выдавала это за подвигъ съ своей стороны и примѣръ воздержанія и чистоты: — вообразите себѣ, до чего нынче дошла безнравственность въ молодыхъ дѣвушкахъ, которыя едва изъ пеленокъ вышли! слышали вы про дочь Н.?

— Нѣтъ, а что? спрашивала съ любопытствомъ Александра Николавна, бросавшаяся съ особенной жадностію на всякую новинку двусмысленнаго содержанія.

— Да какъ же! она вѣдь отказала старику князю Д... и рѣшительно объявила отцу и матери, что ни за кого не пойдетъ, какъ за этого механика, знаете, что на заводѣ у Н. управляющимъ теперь. А, каково? что вы на это скажете? Вѣдь совсѣмъ стыдъ, значитъ, потерянъ? она вѣдь, говорятъ, сама ему и предложеніе сдѣлала. Послѣ того какъ они вернулись изъ деревни, она все тихонько съ нимъ переписывалась, никто и не зналъ. Сама, говорятъ, на почту письма носила и сама лично получала тамъ и отъ него. Какъ сталъ за нее свататься князь, она и слышать не хочетъ; отецъ, мать просто плачутъ, убѣждаютъ: какъ, говорятъ, подумай, ты отказываешься вѣдь отъ блестящей партіи! Не забудь, что кромѣ титула какъ онъ богатъ-то! ты у насъ не одна; у тебя есть еще три сестры и два брата, состояніе же не велико, какъ раздѣлимъ, такъ не по многу вамъ достанется; ты же привыкла жить порядочно, съ комфортомъ, выѣзжать въ свѣтъ, имѣть хорошій кругъ знакомства. А она имъ на это: «что мнѣ до титула и до богатства, когда они принадлежатъ старому фату и глупцу, я хочу имѣть мужа такого, котораго я бы могла любить и уважать. Развѣ князь можетъ составить счастье женщины? развѣ онъ похожъ на человѣка? это какой-то замогильный выходецъ». Замѣтьте, какъ она дерзка! вѣдь ей всего 19 лѣтъ, а князю уже 60, — лицо почтенное, а она такъ о немъ отзывается... Потомъ возьми да и напиши своему возлюбленному

про все это; съ приглашеніемъ пріѣхать немедленно въ Москву и сдѣлать ей формальное предложеніе. Я тогда же еще говорила матери и предупреждала ее на счетъ послѣдствій, когда этотъ механикъ только занялся къ нимъ; я гостила у нихъ въ деревнѣ въ то время, и меня поражало, какъ это можно порядочной дѣвушкѣ, une personne bien née, вдругъ въ обществѣ механика, темненькой, неизвѣстной личности, просиживать на балконѣ цѣлые вечера. А мать, бывало, только улыбается: «что же тутъ дурнаго? говоритъ, пусть побесѣдуютъ; онъ человѣкъ умный, ученый, ей съ нимъ не скучно, ну, а я и рада тому. Я вѣдь не люблю стѣснять Олиньку ни въ чемъ». Вотъ и не стѣснила! теперь, я думаю, за умъ схватилась, да поздно, просто съ чужа жалко!

— А я такъ вовсе не жалѣю такихъ людей, отвѣчала съ усмѣшкой Александра Николаевна:—вѣдь этого всегда слѣдовало ожидать отъ Ольги Н. Какъ она была воспитана? кто наблюдалъ за нею? она росла, какъ хотѣла; постоянно вертѣлась возлѣ братьевъ студентовъ... ну, конечно, и набралась разныхъ идей. Походила ли она когда нибудь на дѣвушку хорошаго тона? что за разговоръ у нея былъ? съ старшими пустится въ сужденіе, въ споръ. Я поэтому никогда и не дозволяла Стефаніи не только сближаться съ нею, но даже и знакомиться. Да не одна Ольга Н., много теперь такихъ развелось, какъ она, а у этой еще въ добавокъ и родители глупцы страшные; у нихъ, видите, есть правило не стѣснять свободу дѣтей. Ну, вотъ теперь это правило имъ и сказалось. Куда какъ хорошо проглотить такую пилюлю: дочь Н. выходитъ за механика, за управляющаго заводомъ своего отца!

— И что это за наклонность такая у нынѣшнихъ дѣвушекъ— влюбиться! Я, право, удивляюсь, говорила опять рябая дѣвственница, пожимая плечами.—Отчего это прежде, въ наше время, объ этомъ какъ-то меньше было слышно? Выходили замужъ, женились по выбору родителей, съ ихъ разрѣшенія и благословенія и жили: вѣдь не хуже, какъ теперь? А это пошло нашумѣвшее вражіе, что дѣти хотятъ все своей волей да своимъ умомъ жить, считая родителей глупѣе и тупѣе себя... ну, и творится Богъ знаетъ что. А все эта эмансипація... Этотъ прогрессъ! Каждый мальчишка, усъ еще не пробился, а онъ ужъ тянется туда же въ либералы...

— Все, мой другъ, Авдотья Ивановна, зависитъ отъ направ-

ленія, которое мы съ дѣтства даемъ нашимъ дѣтямъ, заключала самоувѣренно и съ достоинствомъ Охотская.—Если положено хорошее основаніе; то никакой прогрессъ, никакая эмансипація и никакой либерализмъ не поколеблютъ нравственныхъ правилъ дѣвушки. Вотъ напримѣръ, моя Стефанія! она вѣдь никогда ничего подобнаго даже во снѣ себѣ не позволитъ бредить. Она прежде всего и во всемъ довѣрится мнѣ, и какъ я одобрю, такъ и поступитъ; ее ужь никто не испортитъ и не привьетъ ей никакихъ туманныхъ идей; она останется всю жизнь вѣрна тѣмъ правиламъ и убѣжденіямъ, которыя и ей вмѣстѣ со страхомъ Божіимъ старалась внушать съ самаго дѣтства. Она, я увѣрена, даже не полюбитъ безъ моего согласія и позволенія...

И обращаясь къ сидѣвшей возлѣ нея Степушѣ, Александра Николаевна ласково трепала ее по щекѣ говоря:

— N'est-ce-pas, ma petite, tu es sage?

Степуша ничего не отвѣчала, а въ головѣ ея быстро пролетали какія-то смутныя мысли о любви: «Хорошее должно быть чувство любовь, счастлива теперь Ольга... она влюблена!..» и Степуша спѣшила къ себѣ наверхъ, чтобы тамъ на просторѣ помечтать о любви.

Никто никогда еще не спрашивалъ бѣдной дѣвушки, о чемъ она задумывается, что у нея на умѣ и на сердцѣ и какія впечатлѣнія ложатся на ея душу? О людяхъ же и жизни она имѣла лишь тѣ понятія, какія ей о нихъ внушали тѣ, съ кѣмъ она жила и какія она создала себѣ сама изъ вычитанныхъ ею романовъ, преимущественно французскихъ, находившихся въ забытой и заброшенной библіотекѣ Александры Николаевны, и которые Степуша начала читать съ семнадцати-лѣтняго возраста. Благодѣтельница, помѣщая свою воспитанницу наверху въ своемъ большомъ домѣ, назначила ей одну изъ комнатъ съ выходомъ въ темный корридоръ, а рядомъ съ этою комнатою была дверь въ другую комнату, заваленную разными ненужными вещами и грудою книгъ, сваленныхъ въ одинъ уголъ. О присутствіи этихъ книгъ въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ къ дѣвушкѣ Охотской и въ голову не приходило, а Степуша, зайдя разъ случайно въ эту комнату, которая никогда не запиралась на ключъ, полюбопытствовала заглянуть въ книги и съ тѣхъ поръ тайкомъ съ жадностію читала ихъ въ свободное время днемъ и даже ночью. Чтеніе это сильно дѣйствовало на ея пылкое воображеніе; хотя оно и способствовало ея развитію, но только развитіе это было неестествен-

ное и неправильное; развивая болѣе ея фантазію, чѣмъ разумъ, оно еще болѣе расположило Степушу къ мечтательности и романтизму, къ которымъ она и безъ того уже имѣла врожденную наклонность. У молодой дѣвушки не было ни подругъ, ни знакомыхъ ея возраста, ни даже развлеченій. До шестнадцати лѣтъ она училась, т. е. занималась уроками, съ самой Александрой Николавной, которая взяла на себя и роль наставницы, находя въ томъ нѣкоторое развлеченіе для себя лично, а главное — новый случай порисоваться строгостью выполненія принятыхъ ею на себя обязанностей воспитательницы, къ тому же ей это было удобно и въ отношеніи кармана, потому что при всемъ своемъ богатствѣ и щедрости въ дарахъ видимыхъ, замѣтныхъ для постороннихъ, Александра Николавна была очень скупа тамъ, гдѣ можно было быть скупой безъ огласки. По окончаніи ученія Степуша съ внутренней стороны была предоставлена самой себѣ, своимъ размышленіямъ и скукѣ. Немного позже время ея дѣлилось между таинственнымъ чтеніемъ возбуждающихъ воображеніе книгъ, когда-то составлявшихъ избранную библіотеку Охотской, и стѣснительной школой приличія и хорошаго тона въ обществѣ сплетницъ и ханжей. Ей не позволяли громко смѣяться, а только улыбаться; не позволяли вступать ни съ кѣмъ ни въ споръ, ни въ разсужденіе; не позволяли даже принимать участія въ разговорахъ, а только благоговѣйно слушать тотъ вздоръ, который глубокомысленно и съ авторитетомъ несли старшіе. Много чего совершенно невиннаго и простаго не позволяли бѣдной Степушѣ, то ради грѣха, то ради неприличія. Она, напримѣръ, не смѣла посмотрѣться лишній разъ въ зеркало; не смѣла причесать своихъ прекрасныхъ волосъ такъ, какъ бы ей хотѣлось; не смѣла заказать платья по фасону, который ей нравился и т. п. Словомъ, на всѣхъ пустякахъ лежалъ самый неумолимый, самый мелочной контроль. Читая у себя въ комнатѣ все безъ разбора, въ присутствіи Александры Николавны Степуша имѣла доступъ лишь къ книгамъ самого серьезнаго содержанія. Чтеніе романовъ разжигало ея пылкое воображеніе, повергая ее въ какое-то лихорадочно-трепетное мечтаніе и ожиданіе жизни сердца, полной тревогъ и наслажденій; а серьезныя книги давили ее своимъ мрачнымъ, неотразимымъ вліяніемъ страха и могильнаго холода. Между двумя этими крайностями внѣшней и внутренней жизни у Степуши не было середины, не было выхода; она путалась и терялась, какъ скоро только начинала размышлять и

стараться уяснить себѣ свое положеніе и причину такихъ двухъ рѣзкихъ противуположностей. Помирить ихъ она не находила возможности, и потому сердце ея рвалось сбросить съ себя тяжелые оковы чуждаго вліянія и зависимости и подышать, пожить на свободѣ.

Степуша, хотя и выполняла строго всѣ налагаемыя на нее обязанности религіозныя, но далеко не была набожна, и душа и умъ ея безпрестанно смущались сомнѣніями и страхомъ чего-то ужаснаго и темнаго въ загробной жизни. Молитва ея по большей части была молитвой устъ, безъ участія мысли и сердца. Рѣдко, весьма рѣдко, при особенномъ какомъ нибудь восторженномъ настроеніи души, подъ впечатлѣніемъ прочитанной страницы какого нибудь поэтическаго произведенія, она вдругъ чувствовала въ себѣ какую-то потребность къ изліянію въ молитвѣ, но не по печатнымъ буквамъ молитвослова, а свободно, по вдохновенію. Въ подобныя короткія минуты религіознаго вдохновенія она чувствовала себя добрѣе и внутренно примирялась съ своими недругами и мечтала лишь объ одномъ: о своемъ нравственномъ усовершенствованіи. Минуты эти, какъ ни были онѣ кратки, оставались лучшими въ жизни бѣдной Степуши, и она отдавалась имъ вся, всѣмъ существомъ своимъ, безъ задней мысли, безъ сомнѣнія и страха, въ простотѣ души, съ наивною вѣрою дитяти и экзальтаціею первой молодости. Молитва ея въ такія минуты доходила до экстаза!

Доживъ такимъ образомъ до двадцати лѣтъ, Степуша стала наконецъ спрашивать себя: что ждетъ ее впереди? Неужели все это же, все одно и то же? Неужели такъ пройдетъ ея молодость и вся жизнь? «Боже мой!» говорила сама себѣ дѣвушка, присутствуя съ вышиваньемъ въ рукахъ, въ томительной тоскѣ, въ гостиной своей благодѣтельницы, гдѣ почти ежедневно собирались разныя мрачныя личности толковать о слабостяхъ людскихъ, осуждать и карать недостатки и пороки ближнихъ и разсказывать въ двусмысленныхъ намекахъ разные скандальчики про общихъ знакомыхъ. «Боже мой! неужели не будетъ исхода? неужели я обречена навсегда на эту душную сжимающую жизнь? Хоть бы день одинъ, одинъ часъ подышать вольно на свободѣ и услышать что нибудь живое... Хоть бы взглянуть на міръ Божій иначе, какъ изъ оконъ этой тюрьмы!.. хоть бы день одинъ прожить, какъ живетъ живой человѣкъ... испытать и прочувствовать все, что такъ страстно и такъ живо изображалось въ тѣхъ

книгахъ, которыя я читала... Я хочу жить! жить сердцемъ! хочу впечатлѣній, наслажденій и страданій!.. Да, страданій! Я готова на нихъ; лишь бы вырваться отсюда и дать волю чувству, покуда оно еще молодо и свѣжо. А тамъ... хоть и глаза закрыть навѣчно! не жаль ужь будетъ! я бы знала по крайней мѣрѣ, что не даромъ въ груди была сила»!..

Простору хотѣлось ей, воли!.. хотѣлось на просторѣ расправить связанныя крылья... нѣсколько уже разъ ей приходила въ голову мысль бѣжать. Но куда бѣжать? Она никого и ничего не знаетъ; ни одной улицы, ни одной дороги; выходила же она всегда въ сопровожденіи Алены Ивановны и ливрейнаго лакея, или ѣздила съ Александрой Николавной въ каретѣ. Тогда ей вспоминалась старушка мать, ея свободная и привольная деревенская жизнь, время проведенное на гумнѣ подъ тѣнистыми ветлами, выгонъ съ высокими коноплями, куда часто пряталась она въ отсутствіи матери отъ угрозъ сестры своей Даши, и даже ворчливыя сестры ея казались ей какъ-то особенно милы и близки сердцу, она завидовала ихъ скромной долѣ, рвалась душою въ сѣренькій покосившійся на фундаментѣ флигелекъ... и въ то время, какъ при всѣхъ этихъ воспоминаніяхъ слезы выступали у нея на глаза, въ сердцѣ ея шевелилась какая-то глухая и нѣжная злоба и на мать свою, обманувшую ее при прощаньи, и на Александру Николавну, обманомъ похитившую ее изъ объятій матери для того, чтобы затомить потомъ въ безвыходной скукѣ и тоскѣ.

Не смотря на всѣ наружныя благодѣянія Александры Николавны, Степуша не любила своей благодѣтельницы, и чувство этой непріязни отозвалось въ ея сердцѣ въ первый разъ въ тотъ мигъ, когда ей стало ясно, что она почти насильно похищена изъ роднаго гнѣзда. Ее возмущало внутренно, когда ей кто нибудь начиналъ говорить объ ея обязанностяхъ, о томъ, что она должна стараться оправдывать всѣ попеченія о ней ея благодѣтельницы, и о ея благодарности къ той, которая заступила ей мѣсто матери.

«Да зачѣмъ было заступать это мѣсто? размышляла про себя Степуша. Оно вѣдь принадлежало и принадлежитъ еще живой матери, которая любила меня искренно, и которая всегда была добра ко мнѣ и пеклась обо мнѣ, какъ только умѣла. Зачѣмъ же было отрывать меня отъ нея? За чѣмъ было портить мою простую жизнь и сковать душу этими тяжелыми оковами своего бла-

годѣнія? На что я ей? У нея есть и свои интересы, и свои удовольствія, съ которыми она сжилась уже. А я-то какую роль играю подлѣ нея! Зачѣмъ она лишаетъ меня лучшей поры жизни — моей молодости? Нѣтъ сомнѣнія, что она не любитъ меня. Если бы любила, такъ пожалѣла бы!..»

Степуша ошиблась: Александра Николавна любила ее такъ, какъ обыкновенно, отъ нечего дѣлать, любитъ прихотливая и избалованная богатая барыня предметъ своего тщеславія, т. е. въ родѣ того, какъ любитъ въ своемъ будуарѣ дорогую птицу въ золоченой клѣткѣ, или рѣдкой породы собачку, которую заботливо водятъ на шнуркѣ или возятъ въ экипажѣ, укутавъ на колѣнякъ богатой шалью, и тѣмъ обращаютъ на себя вниманіе проходящихъ.

— Алена Ивановна! говорила лежа въ постелѣ только что проснувшаяся Александра Николавна своей вѣрной экономкѣ, принесшей ей на серебряномъ подносѣ и въ дорогомъ фарфоровомъ сервизѣ кофе:—приготовьте пожалуйста на верху которую нибудь изъ комнатъ, что побольше. Я выписываю сюда Васю. Пусть первое время поживетъ у меня.

— Охъ, моя матушка, все-то вы вѣкъ живете да заботитесь о другихъ, проговорила сладкимъ голосомъ Алена Ивановна, поставивъ подносъ на столъ возлѣ кровати и становясь сама въ почтительное разстояніе отъ барыни въ ногахъ у ея ложа. — Жаль мнѣ только больно, продолжала съ глубокимъ вздохомъ экономка: — что вы все печетесь да утруждаете себя, помышляя о нихъ неблагодарныхъ, а они вамъ въ отвѣтъ одни лишь непріятности да огорченія творятъ. Хоть бы теперь и Вася: забыли вы, видно, всѣ его шалости и грубости, опять подъ свое высокое покровительство принимаете! словно вы имъ, право, мать родная!..

— Ну, что, Аленушка, зачѣмъ зло помнить. Вѣдь ужъ Вася теперь больше не ребенокъ; онъ давно служитъ; губернаторъ имъ очень доволенъ; такой, говоритъ, усердный по службѣ и скромный; я вѣдь нѣсколько разъ справлялась о немъ; ну, а теперь мать его умерла...

— Умерла?! воскликнула ключница, быстро подавшись всѣмъ тѣломъ впередъ. — Ахъ-ти-хти-хти! продолжала она, качая головой. Царство ей небесное! и Алена Ивановна, взглянувъ на кіотъ

съ образами, умиленно перекрестилась и вслѣдъ за этимъ, махнувъ рукою, злобно проговорила:

— Неблагодарная была женщина! не тѣмъ будь помянута, конечно, тамъ суди ужь Богъ на томъ свѣтѣ, только не могу не сказать, что противу васъ она много, много была грѣшна. Ужь, теперь, не вы ли ей и сыну ея благодѣтельницей были? А она, бывало, какъ придешь только, и начнетъ попрекать, что избаловали да испортили мальчишку, а тамъ и покинули... то житъ, говоритъ, нечѣмъ, то одѣть не во что... и много чего, бывало, наболтаетъ этакого.

— Ну, Богъ съ ней, Аленушка, она теперь ужь передъ судомъ Господнимъ! сказала назидательно Александра Николаевна, лѣниво приподымаясь съ подушекъ и принимаясь пить кофе.—Не меня вѣдь осудятъ добрые люди,—продолжала она спокойно,—всѣ знаютъ, что я для нея дѣлала. Что касается до меня, то я себя ни въ чемъ не упрекаю, я во всемъ поступила по божески, и совѣсть моя чиста. Зла помнить я не хочу, а потому и Васѣ на его просьбу перейдти служить въ Москву отказывать не стану, а сдѣлаю все, что отъ меня зависитъ для его счастія и пользы. Я сначала боялась взять его въ домъ; кто же знаетъ, что онъ за человѣкъ? но мнѣ Марѳа Дмитревна Худина и Прасковья Алексѣвна Тумакова пишутъ, что онъ примѣрной нравственности молодой человѣкъ, живетъ точно красная дѣвушка; ну, мнѣ такой не въ тягость, мой домъ хоть и монастырскій, но такого пріютить можно. Ты вѣдь знаешь обѣихъ этихъ барышенъ, Худину и Тумакову, онѣ не молоденькія, говорить пустяки не станутъ, въ особенности мнѣ; если они его хвалятъ, такъ значитъ, что онъ умѣетъ себя держать и пріобрѣтать расположеніе старшихъ.

— Оно, дѣйствительно, Александра Николаевна, на рекомендацію Марѳы Дмитревны и Прасковьи Алексѣвны какъ не положиться, про это и говорить нечего. Притомъ же намъ и Господь создатель, небесный отецъ, велитъ нещись другъ о другѣ, проговорила съ глубокимъ вздохомъ Алена Ивановна, вскинувъ съ особенной ужимкой глаза свои къ небу и придавая лицу выраженіе глубоко проникнутое смиреніемъ.—Богъ грѣхамъ нашимъ терпитъ, продолжала она тѣмъ же умиленнымъ тономъ.—Вы пріютите сироту, ну и васъ Господь не оставитъ. Да онъ и такъ видимо васъ не покидаетъ своею милостію. А все за что? за то, что ужь очень богобоязливо и праведно дѣйствуете во всемъ.

Вотъ и отецъ Паменутій намедни́сь какъ пріѣзжалъ, тоже кое по какимъ дѣламъ, такъ зашелъ этакъ къ намъ, васъ въ ту пору дома не случилось, ну, я чайку приготовила да постной закусочки; и попросила его оттранезовать, чѣмъ Богъ послалъ. Вотъ онъ, закусивши, и говоритъ мнѣ: ну, Алена! ты, говоритъ, счастлива, что у такой великой добродѣтели дни свои въ трудахъ проводишь. Примѣрная, говоритъ, она христіанка. Всѣ ею не нахвалятся... Ужъ такъ это онъ про васъ сладостно говоритъ, что я грѣшница инда прослезилась.

Александра Николавна выслушивала все это съ пріятнымъ выраженіемъ лица и допивая кофе.

— Бери, Алена Ивановна, сказала Охотская, опускаясь вновь на подушки да вели ко мнѣ позвать Стефанію.

Ключница взяла подносъ и отправилась въ буфетъ, гдѣ, встрѣтивъ молодаго лакея, отдала ему приказаніе позвать барышню къ *маминькѣ*.

— Да смотри у меня, прибавила она, грозя ему пальцемъ:—въ дѣвичьей не останавливаться, не то, узнаю опять про твои шуры-муры, сейчасъ барынѣ доложу...

— Помилуйте... Алена Ивановна, когда же я что нибудь такое дѣлаю... вы и то разъ на меня напраслину взвели, сказали...

— Какъ! да ты еще разговаривать вздумалъ! крикнула на него и затопала ногами набожная дѣва.—Ахъ ты нащенокъ этакой! грубіянъ проклятый! Передъ старшими, небойсь, не помолчитъ! Да я тебя туда упеку, куда тебѣ и во снѣ-то не снилось. Всякая дрянь, всякая сволочь поньче разсуждать умѣетъ!.. Бывало въ наше время, такъ мы пикнуть не смѣли; стоишь на вытяжку; хоть бы и оплеухами когда накормили, все ничего; я благодарю моего создателя, не оставлена была его милостію, меня всѣ любили и господа любили, и по сіе время любятъ; и все за то, что кротка и молчалива была, да и теперь молчать умѣю.

Лакей давно уже исчезъ съ глазъ молчаливой и кроткой Алены Ивановны, а она все еще продолжала шумѣть и говорить, разводя руками и обращаясь къ тому мѣсту, съ котораго удалился виновникъ ея гнѣва.

Алена Ивановна была личность странная, непонятная и довольно замѣчательная, по крайней мѣрѣ своимъ взбалмошнымъ характеромъ и страстью къ властолюбію. Подобныя личности могли создаваться лишь между крѣпостной дворней. Алена Ивановна была женщина не злая, но ядовитая. Ядъ этотъ накоп-

лялся у нея въ сердцѣ безъ всякихъ дѣйствительныхъ причинъ, а такъ, самъ по себѣ, по природѣ, а болѣе всего отъ безпрестаннаго подозрѣнія, что ея авторитетъ недовольно сильно и ясно выдается, что на него посягаетъ тотъ или другой вольнодумный подчиненный, и что она недостаточно внушаетъ трепетъ и почтеніе къ себѣ, какъ ко второму лицу въ домѣ послѣ барыни.

Сознавая за собою право щадить или уничтожать все подвластное ей въ домѣ Охотской, Алена Ивановна позволяла своему яду изливаться, когда ей вздумается, и это дѣлалось внезапно, какъ бы по вдохновенію. Вотъ сейчасъ она смиренничаетъ, кается, затепливаетъ вездѣ передъ образами лампадки, кладетъ земные поклоны, но вдругъ не успѣетъ еще отвести ото лба руку, какъ уже лицо ея искажается, ей что нибудь почудилось, помѣрещилось, и градъ ругательствъ, самыхъ грубыхъ, и подозрѣній, самыхъ нелѣпыхъ и возмутительныхъ, обрушивается на голову перваго подвернувшагося ей подъ руку. Подобныя проказы длились у нея иногда цѣлыми сутками и даже недѣлями. Весь домъ тогда начиналъ ходить какъ по стрункѣ: въ дѣвичьей, въ буфетѣ, на кухнѣ, вездѣ всѣ примолкнутъ, переглядываясь лишь изъ-подтишка и говоря шопотомъ: «озаруетъ!» Она дѣйствительно *озаровала*; ей пріятно было видѣть какъ все передъ нею трепетало, и все ей безпрекословно повиновалось. Каждый старался обойти ее стороной и избѣжать столкновенія; но не тутъ-то было: *кроткая* Алена Ивановна находила возможность возмущать даже самыхъ невозмутимыхъ. Одинъ только другъ ея, дворецкій, не терпѣлъ общей доли; съ нимъ она въ подобныя минуты ограничивалась одной лишь утонченной вѣжливостью съ мѣтко пущенными ядовитыми стрѣлами, или молча брошенными изъ подлобья взглядами. Барынѣ же она ловко плела и наушничала, на кого ей хотѣлось, а потомъ торжественно ея именемъ налагала штрафы. Натѣшась такимъ образомъ вдоволь, до слезъ, до опьяненія, она, обыкновенно, отправлялась къ себѣ въ комнату пѣть унылымъ голосомъ гимнъ своего собственнаго сочиненія:

Боже, зри мое смиренье,
Зри мои плачевны дни.
Покажи мнѣ путь къ спасенью,
Въ сердцѣ утверди законъ.
Я въ пустыню удаляюся,
Отъ грѣховныхъ здѣшнихъ мѣстъ,

Друга вспомню, друга нѣту,
Замретъ сердце у меня.

Комната Алены Ивановны была тоже замѣчательна и походила скорѣе на складочный чуланъ, чѣмъ на жилой покой. Тамъ было все, и сундуки, окованные желѣзомъ, и ящики, и ящички, и пустыя бутылки, и лекарственные пузырьки; по стѣнамъ висѣли разной величины узелки съ просвирами изъ всѣхъ окольныхъ церквей и монастырей, и вербы за нѣсколько лѣтъ, и цвѣты съ пасочныхъ куличей, и разные картонки, и коробки со старыми шляпками и чепцами Александры Николавны, покрытыя толстыми слоями пыли, потому что лежали и накапливались годами. Алена Ивановна сама мало носила, а отдать вещь кому нибудь другому ни за что бы не рѣшилась, — она скорѣе готова была разстаться съ жизнію, чѣмъ съ однимъ изъ этихъ предметовъ своей собственности.

«Умру, все въ церковь откажу на поминъ души», говорила она въ минуты хорошаго расположенія духа. Ничѣмъ Алена Ивановна не была такъ оскорблена отъ Александры Николавны и ничто такъ сильно не возбуждало изверженія ея яда сердечнаго, какъ если Охотская отдавала которой нибудь изъ своихъ горничныхъ старье изъ своего гардероба; хоть бы то была старая разрозненная отъ пары перчатка. Тогда, горе той, которая получила барынинъ обносокъ: фавориткѣ и наперсницѣ казалось, что у нея есть соперница, и она, какъ ревнивая любовница, искала случая уничтожить ее, или отмстить ей.

У Стедуши была молоденькая горничная, Феня, которой барышня часто дарила разныя бездѣлки изъ своего туалета. Бѣдной Фенѣ житья не было отъ ключницы, преслѣдовавшей ее за подарки и старыя обноски. Случилось разъ, что Феня, зайдя зачѣмъ-то въ буфетъ, заболталась тамъ съ молодымъ лакеемъ, и онъ въ шутку дернулъ ее за кончикъ выбившейся изъ подъ гребенки косы; дѣвушка, тоже въ шутку, ударила его по рукѣ. Въ ту самую минуту вошла въ буфетъ и Алена Ивановна.

— Ахъ, Богъ ты мой милостивый! воскликнула она, всплеснувъ руками. — Вотъ до чего ужь у насъ въ дому развратъ-то дошелъ. Нѣтъ, голубчики! я вамъ честной обители госпожи моей осквернять не дамъ. Не допущу я, чтобы всякія развратницы и развратники своими мерзостями поганили честный домъ моей барыни. Сейчасъ же донесу ей...

И Алена Ивановна отправилась на секретное совѣщаніе къ Охотской. Слѣдствіемъ этого совѣщанія было то, что Феню рѣшили отправить въ деревню, а молодаго лакея въ исправительный домъ; одно лишь заступничество Степуши, узнавшей отъ горничной сущность этой исторіи и передавшей ее подробно Александрѣ Николавнѣ, нѣсколько смягчило наказаніе для обоихъ. Но за то Алена Ивановна еще болѣе возненавидѣла Степушу. Ненавидѣла же она ее и прежде; но за что, она и сама того не знала; ненавидѣла такъ, потому что отъ природы была болѣе способна къ ненависти, чѣмъ къ любви. Къ тому же ей было непріятно, что Александра Николавна иногда ласкала Степушу и какъ будто оказывала къ ней привязанность. Хотя эти ласки ни въ какомъ случаѣ не могли принадлежать Аленѣ Ивановнѣ, и Степуша нисколько не отнимала у нея ея привиллегій въ домѣ Охотской, привиллегій пріобрѣтенныхъ долголѣтнею службою и испытанною вѣрностію, но душа наперсницы не переносила мысли, что подъ одною крышею съ нею есть еще человѣкъ, на котораго обращенъ фаворъ ея барыни, и что этотъ человѣкъ не трепещетъ передъ Аленою Ивановною, и не заискиваетъ въ ней, а свободно ѣстъ хлѣбъ Охотской и пользуется ея благодѣяніями. Первое время, какъ Степуша была взята въ домъ Охотской, Алена Ивановна попробовала было оттолкнуть Александру Николавну отъ ея воспитанницы разными хитрыми и ловкими навѣтами, которые ей уже не разъ удавались въ подобныхъ случаяхъ; но откровенная и простодушная Степуша, не стѣсняясь, тогда же вывела наружу всѣ безпричинныя и неугомонныя преслѣдованія и нападки завистливой экономки, такъ что Охотская сразу осадила свою любимицу и повѣренную ея домашнихъ тайнъ. Алена Ивановна, получивъ замѣчаніе, перестала вести открытую войну съ воспитанницей, но отказаться отъ ней совсѣмъ было выше силъ ея, и потому она повела ее такими окольными путями, что и придраться даже было трудно. Степуша въ свою очередь терпѣть не могла Алену Ивановну и избѣгала всякихъ съ ней столкновеній.

На дворѣ стояла скучная и дождливая осень. У Александры Николавны собрались гости, по большей части пожилыя женщины, короткія пріятельницы хозяйки; были, впрочемъ, и почтенные мужчины, отличавшіеся въ молодости своей широкой натурой и разудалой жизнью, а подъ старость, съ подагрой и дру-

ными хроническими болѣзнями, сдѣлавшіеся примѣромъ воздержанія. На этотъ разъ случилось, что бесѣду этихъ добродѣтельныхъ людей раздѣлялъ нѣкто Иванъ Петровичъ Грязновъ, одинъ изъ самыхъ близкихъ друзей дома Охотской. Къ чаю, какъ водится, для него подавали превосходный коньякъ, потомъ,—такъ какъ день былъ постный, пятница, — подали постный, но легкій и съ тонкими винами ужинъ. Пріятное общество и хорошее угощеніе подѣйствовали на здоровую натуру еще очень не стараго Ивана Петровича. Онъ сдѣлался необыкновенно веселъ и разговорчивъ: шутилъ, каламбурилъ, задавалъ загадки и позволялъ себѣ тому подобныя невинныя шалости. Александра Николавна была не въ духѣ, ее серьезно озабочивалъ и тревожилъ бывшій въ то время въ ходу вопросъ объ освобожденіи крестьянъ. Степуша же по обыкновенію сидѣла почти все время молча въ сторонѣ и разсѣянно прислушивалась къ общему разговору, досадуя тайно на засидѣвшихся гостей. Ей хотѣлось уйти къ себѣ на верхъ, какъ вдругъ Ивану Петровичу пришла фантазія обратить свое вниманіе на воспитанницу.

— А, что? Стефаничка, душечка! отнесся онъ къ дѣвушкѣ. —Что вы такъ призадумались? Подойдите-ка поближе, сядьте-ка вотъ здѣсь, подлѣ меня, побесѣдуемте...

Степуша не отвѣчала, дѣлая видъ, что не слыхала приглашенія, и не трогалась съ мѣста.

— Что же вы, Стефаничка, боитесь что ли меня? продолжалъ Грязновъ.

— Стефани! окликнула дѣвушку Александра Николавна:—что же ты не подойдешь къ Ивану Петровичу? дикарка этакая! о чемъ ты такъ мечтаешь въ углу?

Степуша подошла къ любезному гостю и сѣла на кресло, вздохнувъ.

— Ну, что моя душечка, заговорилъ снова гость, ласково заглядывая ей въ лицо и фамиліарно трепля ее по плечу:—что, моя чистая голубица, о чемъ мечтаете? Все вѣрно божественныя мысли носите въ сердцѣ своемъ? Преуспѣвайте! преуспѣвайте въ добродѣтели, по примѣру вашей праведной воспитательницы и благодѣтельницы. Вы, Александра Николавна, какъ я погляжу, счастливица! обратился онъ съ улыбкой къ Охотской.

— Чѣмъ же это такъ, Иванъ Петровичъ? спросила хозяйка.

— А тѣмъ, продолжалъ протяжно Грязновъ, развалясь на

мягкомъ диванѣ:—что у васъ подъ вашимъ надворомъ прелестный цвѣтокъ распустился...

— Это мнѣ награда за мои труды и попеченія о ней, сказала она высокомѣрно.

— А что, Стефаничка, продолжалъ Иванъ Петровичъ, обращаясь опять къ покраснѣвшей слегка Степушѣ: — чѣмъ вы занимаетесь? какія книжки читаете? Романы любите?

Лицо Степуши на этотъ разъ покрылось яркимъ румянцемъ, она смутилась и не знала, что отвѣчать.

— Что это вы, Иванъ Петровичъ, весело вмѣшалась въ разговоръ одна изъ собесѣдницъ, толстая румяная барыня, легко скандализировавшаяся всякими пустяками на словахъ, а на дѣлѣ большая эпикурейка.—Какъ можно такіе вопросы задавать молоденькой дѣвушкѣ? Да кто же ей дастъ романы въ руки! Посмотрите, какъ бѣдненькая сконфузилась.

— Моя Стефани понятія не имѣетъ о романахъ, она воспитана въ строгой нравственности, сказала педантически Охотская.

— Простите, простите, я вѣдь совсѣмъ забылъ, что вы менторъ строгій!... ха, ха, ха! нѣсколько цинически замѣтилъ Грязновъ. — Уфъ! какъ у васъ тепло, точно подъ экваторомъ, прибавилъ онъ, отирая потъ съ своего лица.

— Это васъ, Иванъ Петровичъ, вино нашей гостепріимной хозяйки такъ разогрѣло. Я знаю вѣдь, какія у нея вина-то подаются! бывало время, и я пивалъ!.. сказалъ со вздохомъ одинъ изъ гостей, плѣшивый подагрикъ, не выпускавшій изъ рукъ толстой трости съ малахитовымъ набалдашникомъ.—А вотъ пришло теперь время, продолжалъ онъ:—такъ и нюхать вина не велитъ, не только пить!

— Напрасно, напрасно, возразилъ басомъ на распѣвъ Грязновъ: — вино веселитъ сердце человѣка. Вотъ и вамъ, Стефаничка, не мѣшаетъ вкушать отъ напитка сего, вы тогда повеселѣе будете, не такъ задумчивы... сказалъ Иванъ Петровичъ, обращаясь вновь къ Степушѣ.

— Что это, что это? грѣховодникъ этакой, а еще старичкомъ смотритъ! Ну, чему ты дѣвицу-то научаешь? вмѣшалась другая собесѣдница, бойкая ханжа, дурнаго тона, необыкновенно фамиліарно державшая себя со всѣми мужчинами и отличавшаяся, какъ своими дурнаго тона манерами, такъ и своими нецеремон-

нными замѣчаніями, говоря при этомъ, что она не любитъ никому давать спуска.

— Но Иванъ Петровичъ совершенно правъ, сказала Александра Николаевна, любившая всегда поддерживать своего друга противъ нападокъ бойкой хозяйки: — Степанидѣ необходимо каждый день пить вино, ей докторъ прописываетъ его какъ лекарство, она такъ блѣдна!... Выпей рюмку лафиту, отнеслась она къ воспитанницѣ.

— Maman, мнѣ не хочется, отвѣчала Степуша съ принужденною улыбкою.

— Выпейте, Степанидина, выпейте, сказалъ Грязновъ, слегка потрепавъ ее по плечу, и, протянувъ къ столу руку, взялъ бутылку съ лафитомъ, налилъ полный стаканъ и подалъ его Степушѣ.

Фамиліарность друга дома сильно не нравилась дѣвушкѣ, она еще въ первый разъ испытывала ее, и ей хотѣлось поскорѣе освободиться отъ такой непріятной для нея и докучливой любезности; Грязнова же напротивъ очень занимала застѣнчивость Степуши и ея недоступность.

— Омочите ваши алыя губки; вы слышали, что сказала маменька? вино полезно для вашего здоровья, проговорилъ онъ, поднося ей стаканъ ко рту.

Степуша откинулась назадъ.

— Я не буду пить, я не хочу, сказала она отрывисто.

— Что ты, точно купеческая невѣста на сговорѣ, жеманишься и ломаешься? утѣшь Ивана Петровича, отхлебни глотокъ вина, проговорила Охотская строго.

— О, не принуждайте ее, Александра Николавна, сказалъ покровительственнымъ тономъ Грязновъ, между тѣмъ, какъ дѣвушка, взявъ стаканъ, поднесла его къ своимъ губамъ и, выпивъ глотка два, хотѣла поставить на столъ.

— Нѣтъ, позвольте! сказалъ Иванъ Петровичъ, бросившись впередъ и отнимая у нея стаканъ: — я хочу узнать ваши мысли. И онъ сдѣлалъ движеніе, чтобы взять стаканъ.

— Дайте мнѣ вашу ручку поцаловать... и не дожидаясь позволенія, онъ быстро пригнулся и поцаловалъ руку оторопѣвшей и раскраснѣвшейся Степуши.

Сконфуженная дѣвушка не знала, что дѣлать, и какъ взглянуть на присутствующихъ: ей было и стыдно, и гадко вмѣстѣ.

Въ первый еще разъ въ жизни ей, которой не позволялось

думать о мужчинахъ, не только разговаривать съ ними, пришлось вдругъ такъ неожиданно быть предметомъ такихъ любезностей. Въ душѣ ея загорѣлась мгновенно злоба на себя, какъ могла она допустить подобныя шутки? Степуша въ простотѣ души своей полагала, что выходка Грязнова была не болѣе, какъ шутка, тѣмъ болѣе, что на нее не только гости, занятые какимъ-то споромъ, но и сама Александра Николаевна, казалось, не обратили ни малѣйшаго вниманія, или даже просто не замѣтили ничего.

— А вы носите колечки, Стефаничка? заговорилъ опять Грязновъ, перебирая на своихъ пальцахъ дорогія кольца.

— Нѣтъ, отвѣчала сухо Степуша.

— А вотъ, послушайте, я васъ выучу носить... и онъ опять наклонился къ ней.

— Нѣтъ, не надо... я не люблю колецъ, сказала отрывисто дѣвушка, дѣлая движеніе, чтобы встать съ своего мѣста.

— Куда же вы, куда? погодите, моя душечка, проговорилъ скороговоркою Иванъ Петровичъ, удерживая ее за руку.

Въ эту минуту благодѣтельница выразительно взглянула на воспитанницу, и она опять сѣла на прежнее мѣсто.

— А вотъ попробуйте-ка, поучитесь носить, сказалъ Грязновъ, снимая съ своего мизинца видимо дамское колечко:—такъ вотъ возьмите его себѣ отъ меня на память и носите на вашей хорошенькой ручкѣ. У меня многія барышни просили его, какъ souvenir, но я никому не отдавалъ, а вамъ я *хочу* его подарить! возьмите же!

Дѣвушка была опять озадачена; она не знала, какъ отказаться отъ подарка и инстинктивно взглянула на благодѣтельницу, какъ бы прося у нея помощи и наставленія, что дѣлать?

— Отчего же ты не берешь подарка Ивана Петровича? сказала Охотская съ принужденною улыбкой: — ты должна дорожить подобнымъ вниманіемъ.

Степуша взяла кольцо.

— Ну, теперь пора мнѣ и домой. У васъ, Александра Николаевна, вино хорошее, а потому не въ мѣру пьется... И почтенный гость, слегка пошатываясь, приподнялся съ дивана.

Грязновъ, прощаясь съ хозяйкою и съ прочими гостями, не преминулъ замѣтить, что Степуша ищетъ удобнаго момента, что-

бы ускользнуть изъ комнаты, и потому быстро повернулся въ ея сторону.

— А вы, Стефаничка, я замѣчаю, меня не жалуете, и проститься не хотите. Но я вѣдь человѣкъ добрый, прощаю васъ, моя неповерная птичка, и въ знакъ прощенія хочу напечатлѣть на вашемъ дѣвственномъ челѣ мой стариковскій поцалуй!...

И прежде чѣмъ Степуша могла уклониться, въ комнатѣ раздался звонкій поцалуй. Всѣ гости громко захохотали, нѣкоторые даже закричали: «браво, браво! Иванъ Петровичъ!» Александра Николавна съ снисходительною улыбкою покачала головой, проговоривъ:

— Акъ, проказникъ какой!

— Весельчакъ, нечего сказать! замѣтилъ кто-то изъ мужчинъ.

Степуша же, смущенная и перепонфуженная, бросилась изъ комнаты.

— Ну, къ чему это вы дѣвочку такъ тормошите и смущаете? сказала опять та же бойкая ханжа: — вѣдь вамъ не къ лицу совсѣмъ такія шутки.

— А вы все только нравоученія читаете, отвѣтилъ Грязновъ: — а сами, я знаю, хотѣли бы быть въ эту минуту на ея мѣстѣ. Затѣмъ, быстро повернувшись, Иванъ Петровичъ нетвердыми шагами вышелъ изъ гостиной.

Когда всѣ разъѣхались, Степуша вошла къ Александрѣ Николавнѣ, чтобы по обыкновенію пожелать ей покойной ночи. Она нашла свою благодѣтельницу задумчиво сидящей на диванѣ.

— Bonne nuit, maman, сказала дѣвушка, подходя ближе.

— А, это ты! проговорила разсѣянно Охотская, подымая голову. Потомъ, принявъ строгій видъ, продолжала:

— Я только сегодня увидѣла, какъ ты не умѣешь себя держать со старшими и съ людьми, которымъ тебѣ слѣдуетъ оказывать уваженіе и внимательность.

— Съ кѣмъ же, maman, я не умѣла себя держать? спросила кротко Степуша.

— Какъ съ кѣмъ? ты же еще спрашиваешь объ этомъ! Да развѣ можно такъ отвѣчать особѣ почтенной, какъ ты отвѣчала Ивану Петровичу? я вѣдь все время краснѣла за тебя.

— Но, maman, онъ себя неприлично держалъ...

— Какъ! что ты говоришь? ты, кажется, не въ своемъ умѣ?

откуда у тебя явились эти мнѣнія? ты дѣвчонка, молокососка, и смѣешь такъ отзываться о такомъ человѣкѣ, котораго уважаютъ всѣ старшіе?

— Извините меня, maman, я не такъ выразилась... я хотѣла сказать... мнѣ показалось страннымъ его обращеніе...

— Что же тебѣ показалось такого страннаго въ томъ, что старый мой знакомый, другъ дома, приласкалъ тебя, какъ ребенка?

— Нѣтъ, это была не ласка... скорѣе... насмѣшка... и вы всѣ смѣялись...

— Не хочешь ли ты замолчать! воскликнула строго Охотская: —я не позволю тебѣ говорить вздоръ и запрещаю разъ навсегда подобныя разсужденія тамъ, гдѣ прежде всего ты должна уважать людей почтенныхъ и слѣпо полагаться на мнѣніе старшихъ. Ты еще слишкомъ молода и глупа, чтобы имѣть свои сужденія.

— Какъ хотите, maman, но только я не могу уважать.... рѣшилась было сказать возмущенная Степуша.

— Извольте выйти вонъ, сударыня! проговорила грозно и повелительно благодѣтельница, указывая на дверь. Степуша повиновалась молча.

«Почему же я не могу разсуждать? почему я должна непремѣнно безусловно вѣрить старшимъ? отчего мнѣ не имѣть своего мнѣнія? Вѣдь я вижу и понимаю, что гадко и что несправедливо, я вѣдь не слѣпая. Что такое человѣкъ почтенный? Ну, положимъ, почтенный, а если этотъ почтенный человѣкъ не внушаетъ мнѣ ни малѣйшаго уваженія? Что же за проступокъ такой я сдѣлала, что сказала это? Обхожденіе этого человѣка мнѣ было и противно, и оскорбительно. Ради чего онъ позволялъ себѣ со мною такія шутки, какія съ другими не дѣлалъ? Не сама ли же она столько разъ бранила меня, говоря, что я не умѣю себя держать, какъ слѣдуетъ, когда разговариваю съ мужчинами, которые никогда не позволяли себѣ ничего подобнаго со мною, и она увѣряла, что я допускаю фамильярность. Бывали всякіе и старики, и молодые, но всѣ держали себя прилично». Такъ думала Степуша, уходя въ свою комнату, и тамъ съ какимъ-то досаднымъ и тоскливымъ чувствомъ бросилась на диванъ.

Послѣ этого вечера, Охотская нѣсколько дней держала свою воспитанницу въ опалѣ, чему неописанно была рада Алена Ивановна; потомъ, прочитавъ ей строгое и длинное наставленіе, Александра Николавна отдала Степушѣ приказаніе, въ пріемные

дня только до чая оставаться въ гостиной; дѣвушка, конечно, очень обрадовалась такому приказу и не прекословила.

Вася Шипонъ былъ то,. что говорится, красавецъ мужчина. Густые бѣлорусые волосы и баки, правильныя черты лица, высокій ростъ, румянецъ, хорошее сложеніе — обращали на себя вниманіе въ особенности тѣхъ женщинъ, которыя въ мужчинѣ любятъ болѣе всего наружность. Воспитаніе Васи до десятилѣтняго возраста намъ нѣсколько уже знакомо, теперь остается только прибавить, что ранняя нравственная испорченность, коснувшаяся мальчика въ домѣ его благодѣтельницы, пустила глубокіе корни въ сердцѣ юноши и еще болѣе глубокіе въ сердцѣ взрослаго и возмужалаго Васи, который въ первое время послѣ того, какъ оставилъ домъ Охотской, предался ярой, необузданной и безсильной злобѣ на свою благодѣтельницу, лишившую его вдругъ всѣхъ матеріальныхъ удобствъ, къ которымъ онъ не только уже привыкъ, но сроднился даже съ мыслію, что они принадлежатъ ему навсегда и неотъемлемо. Позже, злоба его перешла и на родную, хворую мать, тяготившую его своимъ присутствіемъ, своими жалобами на недостатокъ, на неповиновеніе и непочтеніе сына, своими ежедневными слезами и упреками. Напослѣдокъ ко всему этому примѣшалось еще, и сильнѣе всего, чувство уязвленнаго самолюбія. Какъ! послѣ подобнаго фавора и надеждъ на богатую и независимую будущность, послѣ такой роли въ домѣ благодѣтельницы, обѣщавшей усыновить его, послѣ всѣхъ этихъ внѣшнихъ блестокъ воспитанника богатой барыни, превратиться вдругъ въ бѣднаго, плохо накормленнаго, скудно одѣтаго и совершенно забытаго и заброшеннаго мальчишку! Мысль эта не давала покоя десятилѣтнему баловню, испорченному и преждевременно развившемуся эгоисту. Въ эти дѣтскія лѣта въ Васѣ уже ничего не осталось и не сохранилось наивнаго, простодушнаго и истинно дѣтскаго; все въ немъ было ложно, лукаво и разсчитано. По воскресеньямъ и праздникамъ, когда Охотская пріѣзжала на короткое время изъ Москвы въ провинцію, онъ долженъ былъ являться съ почтеніемъ къ своей бывшей благодѣтельницѣ, но играть уже совершенно другую роль: сидѣлъ онъ больше въ углу, или гдѣ нибудь въ заднихъ комнатахъ, за книгой или даже просто молча, говорилъ только тогда, когда его о чемъ спрашивали, или Александра Николаевна посылала съ порученіемъ къ Аленѣ Ивановнѣ и дворецкому; да-

же за общій столъ, въ особенности при гостяхъ, онъ не всегда попадалъ, а кормили его въ буфетѣ. Все это въ высшей степени возмущало его и безъ того мелко-самолюбивую душу. Внутри себя онъ ненавидѣлъ и проклиналъ все и всѣхъ, начиная съ Охотской, наслѣдникомъ которой онъ привыкъ себя считать, на видъ же былъ скроменъ, вѣжливъ и услужливъ со всѣми, а въ особенности съ Александрой Николавной, не обращавшей на него рѣшительно уже ни малѣйшаго вниманія. Когда она взяла Степушу и проѣздомъ изъ деревни въ Москву оставалась нѣкоторое время въ городѣ, Вася явился къ ней съ почтеніемъ; онъ въ то время только что поступилъ, по протекціи своей благодѣтельницы, на службу въ канцелярію губернатора, ему былъ двадцать одинъ годъ, учился онъ плохо и гимназическій курсъ кончилъ поздно. Когда онъ увидалъ на своемъ прежнемъ мѣстѣ и нѣсколько въ своей прежней роли маленькую и хорошенькую дѣвочку, въ душѣ его опять проснулась и зашевелилась злоба и зависть; онъ вновь сильнѣе почувствовалъ свое ничтожество и возненавидѣлъ бѣдную, ни чѣмъ не виноватую дѣвочку. Когда умерла его мать, онъ вздохнулъ свободнѣе, почувствовалъ, что руки развязаны и настало время дѣйствовать энергично, чтобы возвратить насколько нибудь потерянное прошлое. Вася написалъ грустное, почтительное, преисполненное лести письмо къ своей бывшей благодѣтельницѣ, которую просилъ дозволить ему посвятить ей всю жизнь свою, чтобы тѣмъ хоть сколько нибудь заплатить ей за всѣ ея о немъ попеченія. Охотская любила и письма подобнаго содержанія, и людей способныхъ писать такія письма, въ особенности *молодыхъ* людей: «этотъ, по крайней мѣрѣ, видно, говорила она, что не зараженъ вольнодумствомъ вѣка; такой человѣкъ между молодежью рѣдкость въ наше время».

Пріѣхавъ въ Москву, прямо въ домъ благодѣтельницы, Вася сталъ ко всему и всѣмъ прислушиваться и присматриваться; онъ держалъ себя крайне осторожно и скромно, такъ что Александра Николавна, бывшая довольною отзывомъ о немъ губернатора и своихъ пріятельницъ, при свиданіи осталась весьма довольна его наружностію, а спустя мѣсяца два, и его поведеніемъ. Ободренный ласковымъ обхожденіемъ Охотской, молодой человѣкъ мало по малу сталъ вкрадываться къ ней въ довѣренность и скоро своею угодливостію, умѣньемъ развлечь и развеселить ее, своею почтительностію и услужливостію, сдѣлался самымъ близскимъ и необходимымъ человѣкомъ для Александры Николавны

Съ Аленой Ивановной, сначала сильно косившейся на него, онъ тоже скоро поладилъ, такъ что она не только не жаловалась на его присутствіе въ домѣ, но даже изъявляла удовольствіе, стараясь всегда намекнуть при этомъ, такъ, *съ просака*, какъ она выражалась, что Вася гораздо благодарнѣе и почтительнѣе Степуши, что отъ него нежданно и негаданно вышелъ прокъ, а что Стефанія Петровна, хотя и много трудовъ и заботъ стоила, но такъ себѣ, человѣкъ ни къ чему! и благодарности отъ нея и уваженія никогда никакого не увидать. Отношенія Васи къ Степушѣ повсюду ограничивались лишь одними обыденными фразами и въ присутствіи Александры Николаевны, которая, впрочемъ, такъ довѣрилась высокой нравственности своего бывшаго воспитанника, что не боялась даже помѣстить его неподалеку отъ комнаты Степуши, такъ что молодая дѣвушка и молодой человѣкъ, проходя каждый къ себѣ въ комнаты, по нѣсколько разъ въ день встрѣчались въ темномъ коридорѣ.

Степуша не искала ни малѣйшаго сближенія съ Васей, она была слишкомъ запугана требованіями приличія въ отношеніяхъ благовоспитанной и скромной дѣвушки къ постороннему молодому человѣку, ей все казалось, что вотъ сейчасъ ее заподозрятъ въ чемъ нибудь нехорошемъ и безнравственномъ; притомъ же, Вася, успѣвшій такъ скоро войти въ довѣренность къ Охотской, умышленно ли, невольно ли, но нѣкоторымъ образомъ отодвинулъ Степушу на задній планъ. Молодая дѣвушка это поняла, и ея самолюбіе тоже было уколото, ей стало досадно.

— Алена Ивановна, позвольте мнѣ васъ подарить обновкой, хоть и бездѣлица... не вы, я знаю, не обидитесь отъ меня, говорилъ вкрадчиво-ласкающимъ голосомъ Василій Васильичъ Шишовъ, входя наканунѣ Рождества въ комнату экономки и кладя передъ нею на столъ небольшой свертокъ.

— Благодарю тебя, мой батюшка, проговорила притворно-смиренно Алена Ивановна, но старой привычкѣ говорившая иногда Васѣ ты: — мнѣ не дорогъ твой подарокъ, продолжала она, а дорога память. Вотъ ты меня, бѣдную сироту, вспомнилъ и обрадовалъ къ празднику Господню, ну, и тебя за то Богъ не оставитъ. И Алена Ивановна положила въ сторону свою работу, сняла очки и развернула свертокъ. Глазамъ ея предстала цвѣтная клѣтчатая, довольно хорошая шелковая матерія.

— Что это вы, Василій Васильичъ!? воскликнула она какъ

бы съ упрекомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и съ худо скрытымъ внутреннимъ удовольствіемъ, которое не ускользнуло отъ глазъ проницательнаго и опытнаго Васи: — какъ это можно? къ чему вы такой дорогой матеріи мнѣ купили? Ну, если ужь такое было ваше желаніе, купили бы мнѣ ситчику, говорила экономка, разглядывая обновку. Вѣдь я на тебѣ взыскивать не могу дорогихъ подарковъ, продолжала она, по своему любезничая съ молодымъ человѣкомъ. Ты человѣкъ небогатый, такой же сирота, какъ и я, тоже живешь трудомъ. Велико ли жалованье-то получаешь? Право, бранить, да бранить бы слѣдовало... любезно проворчала алчная дѣва, прикладывая къ себѣ матерію и смотрясь въ небольшое зеркало, висѣвшее на стѣнѣ въ ея комнатѣ.

— Вы ужь, Алена Ивановна, за что другое меня побраните, а не за это. Какъ же можно мнѣ васъ не помнить. Вы у меня рядомъ съ Александрой Николаевной въ поминаньѣ записаны. У меня только и есть двѣ благодѣтельницы на памяти, она да вы. Вы думаете, я забылъ всѣ ваши попеченія и заботы обо мнѣ?

— Оно такъ-то такъ, оно дѣйствительно, что я неслась о васъ, вотъ говорю истинно какъ передъ Богомъ, только нонче молодые люди мало объ этомъ помышляютъ; ужъ примѣровъ довольно... и въ глазахъ, можно сказать, есть примѣръ, далеко не зачѣмъ ходить... не разъ вспоминала я васъ... и даже какъ сообѣзновала въ то время... И ключница глубоко вздохнула. — Ну, продолжала она покорно, ужь знать ваша судьба такая была!... на все вѣдь воля Божія, всѣ мы подъ Богомъ ходимъ. А только жаль, больно жаль мнѣ было васъ, да и, царство небесное, мать-то вашу; ужь какъ она сердечная маялась да страдала душою. Въ ту пору Александра Николаевна немножко поворачивалась, молода вѣдь была, да и не такъ набожна, что напримѣръ нонѣ; ну, да и скучлива... чужое дитя не свое! скучлива-то она и по сіе время. Только вотъ одна задалась зазноба... не знаю, что ужь она въ ней нашла? Впрочемъ, что про это толковать! прошло, не воротишь! А ты вотъ теперь-то старайся ей угодить... послѣднія слова экономка проговорила нѣсколько понизивъ голосъ и слегка таинственной миной. — Она тебя жалуетъ, продолжала Алена Ивановна тѣмъ же тономъ и какъ-то еще подмигивая однимъ глазомъ.—Я вѣдь ее съ изволоду знаю, и все, что у нея на умѣ, могу угадать... не въ первый разъ... Слава Богу! пора привыкнуть. Ты вотъ будь поласковѣе, ручки цалуй... ну, глядишь, и Стефанію-то Петровну ототремъ...

— Зачѣмъ мнѣ, Алена Ивановна, ее отпирать? сказалъ великодушно, задѣтый за живое, достойный питомецъ Охотской: — она дѣвушка, кажется, добрая, продолжалъ притворно-равнодушнымъ тономъ Вася: — тоже сирота и бѣдная...

— Бѣдная! что она теперь за бѣдная! воскликнула злобно экономка: — живетъ въ этакомъ довольствѣ, въ этакой холѣ, можно сказать. Да чего же ей еще надо? Ужь Александра Николавна, кажись, одну только свою душу въ нее не посадила, а то ничего для нея не жалѣетъ и не знаетъ, какъ побаловать. Совсѣмъ вѣдь барышней сдѣлала, какъ быть слѣдуетъ дворянинѣ! А она-то туда же носъ деретъ; забыла, какъ въ худенькихъ башмачонкахъ безъ чулокъ по селу съ крестьянскими ребятишками бѣгала. А ноньче, небойсь, и не глядитъ ни на кого! Тоже хоть бы теперь я себя возьму: сказала ли она когда мнѣ сама по себѣ хоть слово одно? только развѣ когда Александра Николавна съ какимъ-повелѣніемъ вышлетъ, вотъ и весь разговоръ тутъ. Никогда она мнѣ и одной ленточки, съ позволенія сказать, тряпочки не подарила: на, мовъ, Алена Ивановна, возьми, тебѣ подъ старость пригодится; будешь, дескать, обо мнѣ память имѣть. Тоже вѣдь и для нея тружусь: я чай разливаю почастую и въ церковь вожу; вѣдь барыня кромѣ меня ужь никому ее не поручаетъ. Тамъ себѣ сзади идетъ человѣкъ въ ливреѣ, а я все при ней; ну, и все такое... Нѣтъ, у нея этого и въ помышленіи не бываетъ. Вотъ свою толсторожую бездѣльницу, которая лишь знаетъ баклуши бить да съ лакеями амуриться, ту она наряжаетъ съ головы до ногъ!... Да что тутъ много разговаривать! Это ужь тамъ человѣкомъ видно... Мать-то вѣкъ свой все *кокошницей* была, а туда же помѣщицей обзывается.

— Да, Алена Ивановна, Стефанія Петровнѣ вѣдь негдѣ взять. Я вотъ хоть служу, жалованье небольшое получаю, все же есть своя копѣйка, а она изъ рукъ Александры Николавны смотритъ.

— Съ чего же ты это взялъ? Стефанія Петровна побогаче тебя. Ей по духовному завѣщанію Александра Николавна намѣрена десять тысячъ отказать, да кажется, ужь и отказала. А теперь каждый мѣсяцъ ей пять мѣлковыхъ выдаетъ на булавки и перчатки.

— Вы говорите, подхватилъ Вася, скрывая волненіе: — что Александра Николавна Стефаніи десять тысячъ завѣщала?

— Да, развѣ вы не знали? Правда, гдѣ вамъ и знать-то было. Какъ же, завѣщала.

— Вотъ какъ! значитъ, Стефанія Петровна невѣста не бѣдная. А что, я думаю, она мечтаетъ за генерала или за полковника какого нибудь замужъ выйти?

— Ну, ктожъ ее знаетъ! пожалуй, чего добраго.

— А что, есть у нея женихи? спросилъ небрежно Вася, вставая со стула и какъ бы собираясь уходить.

— Какіе женихи! кто ее теперь видитъ? Вотъ прошлымъ лѣтомъ ѣздили мы въ Воронежъ, такъ тамъ одинъ молодчикъ жилъ напротивъ насъ, своей домъ имѣлъ, помѣщикъ богатый, и экипажи такіе у него все хорошіе были, изъ-за границы, говорятъ, вывезъ. Ну, вотъ онъ и влюбился въ Стефанію Петровну, и что ужъ онъ въ ней нашелъ хорошаго, не знаю,—рыжая! познакомился, сталъ часто бывать; барыня, извѣстно, по добротѣ, всякаго приметъ и обласкаетъ. А тутъ какъ онъ намекнулъ ей, что мнѣ де ваша воспитанница нравится, она и дверь передъ носомъ ему запереть велѣла, а Стефаніи Петровнѣ даже и ни слова не сказала, та и по сіе время ничего не знаетъ.

— Если за богатаго Александра Николаевна не отдала своей воспитанницы, такъ за кого же она ее отдастъ?

— А ужь Богъ ее знаетъ! я думаю, что некуда самой жива, ни за кого. А умретъ благодѣтельница, — дорога открыта... на всѣ четыре стороны ступай! капиталъ будетъ; чего же ей еще?

— Ну, а что, Алена Ивановна, не посватать ли мнѣ Стефанію Петровну-то? спросилъ какъ бы шутя Вася.

— Вотъ еще что выдумалъ! Ваше счастье, коль оно есть, такъ не при Стефаніи Петровнѣ, а повыше. Хотите себѣ добраго получить, такъ меня старуху слушайте. Вы еще молоды да не опытны, такъ старыми людьми не пренебрегайте... Вы не смотрите, что Александра Николаевна строга... Она вѣдь добрая, когда къ ней умѣютъ подольститься и приласкаться... А если узнаетъ, что вы жениться задумали, да еще на Стефаніи Петровнѣ, такъ она васъ съ глазъ сгонитъ; ей это непріятно будетъ; она огорчится, знаете какъ!... Вы, говорю вамъ одно, старыми не пренебрегайте...

— Да кѣмъ же я пренебрегаю? спросилъ Вася, глядя въ недоумѣніи на экономку и стараясь уловить задній смыслъ ея несвязныхъ словъ.

— Ну, да ладно! Вы, положимъ, что ведете себя, какъ слѣдуетъ, только будьте съ Александрой-то Николаевной *осмотрительны*, какъ-то таинственно проговорила экономка и повернулась бла-

почетливой московской барыни; — тамъ увидимъ, что будетъ, куда вѣтеръ подуетъ?

И Алена Ивановна сѣла на прежнее мѣсто и стала молча надѣвать очки.

Вася, постоявъ съ минуту, хотѣлъ было еще что-то сказать, но удержался и молча съ какою-то двусмысленной и таинственной улыбкой вышелъ изъ комнаты.

Записанные по духовному завѣщанію Александрой Николаевной Степушѣ десять тысячъ и темные намеки Алены Ивановны не давали Васѣ покоя. «... Но если все это только одно глупыя предположенія этой вѣдьмы Аленушки, думалъ про себя разочтливый зять-помѣщикъ Охотской... А можетъ быть, подъ вліяніемъ моего удачнаго подарка она и высказала то, что ей уже хорошо извѣстно; вѣдь она Александру Николаевну знаетъ, какъ свои десять пальцевъ, и чутьемъ угадываетъ всѣ ея мысли и желанія. Алена не такая женщина, чтобы начать давать намеки безъ основанія... Кто тутъ разберетъ что? Чортъ возьми! ходишь ощупью, точно въ потемкахъ; какъ бы не ошибиться?... А Стефанія-то не дурна, имѣя такую жену, пожалуй, обратишь на себя и вниманіе начальства. Главное десять тысячъ! да кромѣ того вѣдь дастъ же эта старая ханжа ей еще и приданое? Скупа она, пожалуй, и не дастъ!... нѣтъ, дастъ; изъ одного ужь тщеславія такъ дастъ, и мѣсто хорошее выхлопочетъ. Только развѣ напрасъ поѣдаетъ, если она дѣйствительно при жизни своей не захочетъ ее отъ себя отпустить? Не вѣкъ же, впрочемъ, проживетъ, когда нибудь да умретъ; а капиталъ хорошій! И если дѣло повести ловко, такъ можно и еще повытягать. Надо обдумать, какъ получше это устроить... Про Александру Николавну Алена вретъ... положительно вретъ. Тутъ, пожалуй, она меня подводитъ съ какой нибудь задней мыслью, чтобы выжить изъ дому. На нее вѣдь положиться нельзя, она злобная тварь. Попробую сначала успѣхи возлѣ Стефаніи, а благодѣтельницу надо покороче узнать... Да и эта барышня держитъ себя со мной герцогиней какой-то, недоступной. Ужь, кажется, я ли на эти дѣла не былъ ловокъ? И женщины въ воду прятать умѣю... надо, надо похлопотать, тутъ вѣрныхъ десять тысячъ... Ну, а если я старухѣ приглянулся?... ха, ха, ха! вотъ забавно! признаюсь... чѣмъ чортъ не шутитъ; только этого счастья я ужь никакъ не ожидалъ себѣ отъ старой богомолки!...»

Такъ размышлялъ Вася Шиповъ, готовясь упрочить за собою или часть состоянія своей благодѣтельницы, или, что ему казалось вѣрнѣе и доступнѣе, капиталъ ея воспитанницы.

Вскорѣ Васѣ представился случай нѣсколько сблизиться со Степушей, а потомъ и окончательно сойтись съ ней.

Разъ Александра Николавна обѣдала гдѣ-то у своихъ друзей, Степуша же была не совсѣмъ здорова и осталась дома. Сойдя въ урочный часъ въ столовую, она совершенно неожиданно застала тамъ Васю, и имъ пришлось обѣдать tête à tête. Степуша воспользовалась этимъ случаемъ, чтобы распросить молодаго человѣка, не очень еще давно пріѣхавшаго изъ ея стороны, не слышалъ ли онъ чего о ея матери, и нѣтъ ли у него кого изъ знакомыхъ, съ нѣмъ онъ въ перепискѣ, и кто бы могъ дать о ней какія нибудь свѣдѣнія.

— А развѣ она вамъ не пишетъ? спросилъ Вася.

— Нѣтъ.

— Ну, такъ отчего же вы ей не напишете сами? Ваши письма вѣрно затерялись.

— Александра Николавна не любитъ, чтобы я переписывалась съ моими родными, отвѣчала грустно Степуша.

— Въ такомъ случаѣ я могу вамъ доставлять самыя вѣрныя извѣстія о вашей матушкѣ, у меня есть одинъ знакомый, который по дѣламъ службы часто проѣзжаетъ черезъ имѣніе Александры Николавны, и ему очень легко каждый разъ повидать Варвару Семеновну или спросить о ней въ селѣ; онъ для меня это сдѣлаетъ, потомъ напишетъ ко мнѣ, и я передамъ вамъ все, что онъ о ней скажетъ.

— Да, пожалуйста! благодарю васъ. Вы мнѣ этимъ сдѣлаете большое, большое одолженіе, сказала покраснѣвъ отъ радости Степуша, и глаза ея на минуту какъ-то особенно засвѣтились.

— Отчего вы, Стефанія Петровна, постоянно такія задумчивыя и грустныя? спросилъ послѣ минутнаго молчанія Вася.

— Я не знаю, я всегда такая.

— Вы почти ничего и ни съ кѣмъ не говорите?

— Да о чемъ же мнѣ говорить?

— Мало ли, о чемъ. Вы много ѣздили съ Александрой Николавной...

— Эти поѣздки, перебила Степуша:—были всѣ похожи одна на другую и ни чуть не отличались отъ нашей жизни здѣсь, въ этомъ домѣ. При томъ же мы съ Александрой Николавной другъ

друга знаешь, видимся каждый день, по нѣсколько еще разъ въ день, что же мы найдемъ для разговора?

— Ну, положимъ, съ ней точно вамъ говорить не о чемъ; но съ посторонними?

— Тоже не о чемъ, отвѣчала холодно Степуша.

Вася посмотрѣлъ на нее пристально и сказалъ:

— Вотъ вы и меня точно будто дичитесь, не позволяете сблизиться съ собою. А я былъ бы счастливъ оказать вамъ хотя бы бездѣльную услугу или какъ нибудь развлечь вашу скуку.

— Благодарю васъ; только мнѣ, право, не скучно, и я не знаю, на чемъ вы основываете ваше предположеніе? Правда, у меня нѣтъ развлеченій, нѣтъ никакихъ удовольствій, но я вѣдь такъ живу уже съ десятилѣтняго возраста, и привыкла.

— Привыкли? Нѣтъ, я не вѣрю этому. Къ такой жизни, какую ведете вы, при вашей молодости и красотѣ привыкнуть нельзя; покориться, какъ необходимости, конечно, можно, но чего это должно стоить? Я не понимаю, продолжалъ онъ, какъ бы одушевляясь: — какъ эта Александра Николаевна, которая весь, кажется, любитъ, можетъ, какъ говорится, такъ заѣдать вашъ молодой вѣкъ; хоть бы она свою молодость вспомнила! Я вѣдь хорошо помню, какъ она жила и какъ пользовалась жизнью.

— То было давно, перебила его Степуша, стараясь быть веселѣе на видъ, внутри же она вполнѣ соглашалась съ своимъ собесѣдникомъ, слова котораго какъ бы были отголоскомъ ея собственныхъ мыслей. — Теперь же maman отвыкла отъ всего этого; она очень набожна, считаетъ всякое развлеченіе грѣхомъ, такъ не станетъ же она для меня мѣнять своихъ убѣжденій.

— Вы очень снисходительны, Стефанія Петровна, а меня такъ возмущаетъ эгоизмъ Александры Николаевны въ отношеніи къ вамъ.

— Напрасно, сказала сухо Степуша, всегда какъ-то гордо замыкавшаяся въ себя, когда видѣла, что становится предметомъ сожалѣнія въ глазахъ людей постороннихъ и не имѣющихъ дѣла до ея судьбы.

Вася былъ не дуракъ и очень хитеръ, онъ понялъ, что слишкомъ скоро высказался, и потому нашелъ нужнымъ немедленно поправить ошибку.

— Вотъ уже три мѣсяца, сказалъ онъ: — какъ я живу подъ одной съ вами крышей, а только еще въ первый разъ мнѣ выпалъ счастливый случай поговорить съ вами просто и откровен-

но. Мнѣ будетъ слишкомъ грустно, если этотъ первый и, можетъ быть, послѣдній случай оставитъ вамъ непріятное впечатлѣніе и повредитъ нашимъ отношеніямъ. Вы, можетъ быть, Стефанія Петровна, считаете меня за пустаго фразера, или за человѣка, который отъ нечего дѣлать принимается вдругъ ни съ того, ни съ сего высказываться? Вы ошибаетесь: могу васъ увѣрить, что я здѣсь не даромъ живу, и все очень хорошо вижу, понимаю, наблюдаю и изучаю въ этомъ домѣ, гдѣ всякому живому человѣку и душно, и тяжело жить. Вы, конечно, вправѣ спросить меня: «вы-то зачѣмъ же живете?» Но на это въ настоящую минуту я отвѣчать не могу...

Вася вздохнулъ подавленнымъ вздохомъ и придалъ себѣ видъ нѣкотораго смущенія. Спустя минуту онъ продолжалъ особеннымъ задушевнымъ голосомъ:

— Одно только я могу и даже долженъ вамъ сказать, не испрашивая напередъ даже вашего на то позволенія, это, что я глубоко сочувствую вашему безъисходному нравственному одиночеству и готовъ былъ бы цѣною жизни моей спасти васъ отъ него.

Послѣднія слова Вася произнесъ съ увлеченіемъ и какъ бы помимо воли.

Степуша, въ волненіи, недовѣрчиво взглянула на молодаго человѣка.

— Стефанія Петровна! началъ опять Вася, облокотясь на столъ, и, опершись головою на руку, смотрѣлъ грустно и нѣжно на молодую дѣвушку. — Стефанія Петровна! я понимаю, что вы сомнѣваетесь въ настоящую минуту въ искренности моихъ словъ, но можетъ быть, кто знаетъ! я и докажу вамъ, какъ я безпредѣльно вамъ преданъ... какой я вамъ вѣрный другъ!...

Волненіе Степуши усилилось; обѣдъ былъ конченъ, но она и не думала оставлять стола.

— Я очень недовѣрчива... проговорила робко и какъ-то глухо Степуша.

— Я знаю, я вижу это, и даже скажу вамъ больше: я въ душѣ оправдываю васъ и хвалю за эту недовѣрчивость; продолжайте быть такою; вамъ при вашей обстановкѣ и нельзя быть иначе, только... прошу васъ... позвольте мнѣ просить васъ объ одномъ... обѣщайте въ вашей недовѣрчивости сдѣлать исключеніе въ отношеніи меня!

Вася съ послѣдними словами наклонился къ дѣвушкѣ и тихо

взяла ея руку. Степуша вздрогнула и съ минуту не шевелилась, лицо ея горѣло. Въ первый еще разъ въ теченіе десяти лѣтъ она услышала слово участія. Въ первый еще разъ, и какъ ни слабо это участіе дохнуло на нее, но сердце ея, давно подготовленное долгимъ и мучительнымъ ожиданіемъ новой жизни, не могло не почувствовать, при всей своей недовѣрчивости и запуганности, чего-то сладкаго и вмѣстѣ съ тѣмъ безотчетно-тревожнаго. Чтобы скрыть свое чувство, она вдругъ быстро встала изъ-за стола, проговоривъ почти шопотомъ.

— Я не могу ничего обѣщать... Я не понимаю... мнѣ надо васъ лучше узнать... теперь прощайте! и Степуша почти выбѣжала изъ комнаты.

Придя къ себѣ, въ свою комнату, она упала на постель и зарыдала.

— Боже мой! неужели наконецъ и для меня насталъ хоть одинъ отрадный день? неужели точно этотъ человѣкъ преданъ мнѣ, и я могу отдохнуть... могу довѣриться его дружбѣ? Я не одна! есть сердце близко меня, въ которомъ шевельнулось живое чувство ко мнѣ... Ну, а если онъ смѣется? Нѣтъ, быть не можетъ! тогда онъ не смотрѣлъ бы на меня такъ грустно и такъ нѣжно...

И бѣдная дѣвушка стала припоминать все до мельчайшихъ подробностей своего недавняго разговора съ своимъ новымъ, нечаяннымъ другомъ: его взгляды, звукъ его голоса, каждое его слово она толковала и перетолковывала въ умѣ своемъ, то отыскивая въ нихъ смыслъ, отъ котораго вдругъ вся кровь бросалась ей въ лицо, то опять отдаваясь сомнѣнію и съ мучительной тоской опасаясь насмѣшки.

Нечего и говорить, что Вася, видя волненіе Степуши при первыхъ вкрадчивыхъ словахъ, брошенныхъ имъ наудачу, не отступалъ уже отъ своей цѣли и преслѣдовалъ ее необыкновенно настойчиво, ловко лавируя между зоркими наблюденіями Алены Ивановны и строгимъ надзоромъ Александры Николавны.

Такимъ образомъ, безъ малѣйшихъ опасностей и нисколько не компрометируя въ глазахъ благодѣтельницы своей репутаціи *высоко-нравственнаго* молодаго человѣка, Вася дожилъ до момента, когда Степуша послѣ долгой борьбы со всевозможными сомнѣніями рѣшилась, наконецъ, сказать ему прямо, что любитъ его.

Вася былъ въ восторгѣ отъ такого признанія: за нимъ оста-

вались десять тысячъ. Онъ въ эту минуту даже непритворно прослезился слезами умиленія надъ своей удачей и горячо съ увлеченіемъ разцаловалъ молодую дѣвушку. О Степушѣ же говорить нечего; разъ ледъ прорвался, отступить не было возможности, да это было бы и не въ ея натурѣ. Она ни о чемъ не спрашивала, не дѣлала никакихъ условій, а просто безъ всякой задней мысли довѣрчиво, какъ дитя, отдалась своему чувству, предоставляя всѣ планы, всѣ заботы объ устройствѣ судьбы своей тому, кого она въ то время считала своимъ первымъ и истиннымъ другомъ. По временамъ ее тревожила лишь одна мысль, чтобы Алена Ивановна или Александра Николавна не проникли какъ нибудь тайну ея чувствъ и вдругъ не разрушили бы ея счастія и не разбили бы этой давно желанной, давно ждавной жизни. Но и эта тревога бывала непродолжительна, потому что она спѣшила подѣлиться ею, какъ дѣлилась теперь каждымъ своимъ впечатлѣніемъ, каждой мыслью, съ своимъ другомъ и женихомъ. Вася обыкновенно успокоивалъ ее слѣдующими или тому подобными словами:

— Во всемъ, Стефани, положись на меня. Одного только я требую отъ тебя: строго храни до поры до времени нашу тайну, ни словомъ, ни взглядомъ не измѣни себѣ. Я держу въ рукахъ всѣ тонкія нити этого дѣла, и тебѣ ненужно даже знать моихъ плановъ, какъ намѣренъ я дѣйствовать къ нашему общему счастію; зачѣмъ тебѣ, мой другъ, озабочивать себя подобными тревогами и заботами? я хочу, чтобы ты жила это время безоблачной жизнью; ты довольно страдала своимъ грустнымъ одиночествомъ, отдыхай же теперь и люби меня, какъ любишь... твоя любовь мнѣ необходима, въ ней я долженъ почерпать силу для той борьбы, которая неизбѣжна впереди.

— Вася, голубчикъ, говорила съ трепетнымъ сердцемъ Степуша, обвивая рукою шею молодаго человѣка и устремляя на него свои большіе влажные глаза:—у меня есть предчувствіе, что Александра Николавна не отдастъ меня за тебя: она не разъ уже высказывалась, что воспитала меня для себя, для того, что бы подъ старость имѣть возлѣ себя преданнаго человѣка, который не по найму, а изъ благодарности, обязанъ бы былъ лелѣять ее. Не торопись своимъ признаніемъ. Что будетъ я не знаю, теперь же я счастлива, не отнимай такъ скоро этого счастія... я умру... я не переживу его!

— Ты только держи себя съ *нею* и вообще въ домѣ не преж-

ному, и ты увидишь, я такъ устрою, что она сама предложитъ мнѣ жениться на тебѣ... Ну, а если... конечно, всего можно ждать отъ такой своенравной и избалованной женщины, какъ Александра Николаевна, если... я говорю это такъ только, какъ одно предположеніе, если бы пришлось тебѣ принести жертву... любви своей... что ты на это скажешь, моя Стефани? и Вася, обвивъ рукою талію молодой дѣвушки, крѣпко прижималъ ее къ своей груди.

— Жертву? какую жертву? я не понимаю тебя, Вася, объяснись точнѣе. Въ какой жертвѣ сомнѣваешься ты съ моей стороны? Я за тобой пойду хоть на край свѣта, и нѣтъ, и не будетъ для меня такой жертвы, которой бы я для тебя не принесла. Неужели ты думаешь, что я дорожу и погонюсь за роскошью, меня окружающей, или за этими несчастными десятью тысячами, которыя она обѣщаетъ мнѣ по духовному завѣщанію? Ты ошибаешься, мой другъ, мнѣ ничего не надо, я ничего не ищу и ничѣмъ не дорожу, кромѣ тебя и любви твоей. Ты меня любишь?

— Больше жизни!

— Любовь твоя—мое богатство и мое счастіе! все остальное для меня не существуетъ. Я же сама — вся принадлежу тебѣ; моя жизнь, мои мысли, дѣйствія, желанія, воля, все съ той минуты, какъ я рѣшилась сказать тебѣ, что люблю тебя, я отдала тебѣ.

— Ты чудная женщина, Стефани! только... смотри... не возьми своего слова назадъ, когда настанетъ минута жертвы?..

— Я не понимаю, отчего ты сомнѣваешься въ мнѣ, и какая жертва...

— Да, я вижу, что ты дѣйствительно не понимаешь моихъ словъ, «или притворяешься, что не понимаешь», прибавилъ Вася въ умѣ своемъ.—Оставимъ этотъ разговоръ, когда нибудь я объясню тебѣ его настоящее значеніе. Теперь же вѣрь только въ нашу любовь.

Между тѣмъ, какъ въ верхнемъ этажѣ угрюмаго дома добродѣтельной женщины происходили краткія свиданія молодыхъ людей, и они тайкомъ, голосомъ замирающимъ отъ страха быть подслушанными, обмѣнивались страстными рѣчами и обѣщаніями, сама Александра Николаевна нѣсколько уже недѣль находилась не въ своей тарелкѣ, часто хандрила, хмурилась, раздражалась безъ всякой причины и цѣлые дни проводила молча, ходя взадъ

и впередъ по длинной анфиладѣ своихъ пустыхъ и прачешныхъ комнатъ, убранныхъ на старинный ладъ еще покойнымъ мужемъ ея. Къ Степушѣ она покуда еще не мѣнялась, хотя рѣже нуждалась въ ея присутствіи и еще менѣе замѣчала его; да то обращеніе ея съ Васей сдѣлалось непонятнымъ: она то была съ нимъ очень ласкова и привѣтлива, то вдругъ холодна, высокомѣрна и даже гнѣвно-придирчива.

Разъ случилось, что прошелъ цѣлый день, а Степушу еще не звали на свиданіе къ благодѣтельницѣ, какъ это обыкновенно водилось въ теченіе десяти лѣтъ. Обыкновенно при пробужденіи Александры Николавны, на звонъ ея колокольчика первое лицо, которое являлось въ ея опочивальню, была Алена Ивановна, а вслѣдъ за нею Стефанія Петровна. Не зная, чему приписать такую внезапную перемѣну, Степуша нѣсколько разъ посылала спросить Алену Ивановну, проснулась ли *маменька* и не звала ли ее? Но каждый разъ отвѣтъ былъ тотъ же самый: что проснулась, но никого не звала еще, кромѣ Алены Ивановны, и изъ спальни не выходила. Степуша терялась въ соображеніяхъ: предположить, что благодѣтельница больна, ей не было возможности потому, что при всякомъ самомъ ничтожномъ нездоровьи Александры Николавны, весь домъ подымался на ноги, гонцы за докторомъ, въ аптеку, за сестрой милосердія не переставались, бывало, до ночи. А тутъ ничего подобнаго не было, только какая-то тяжелая и двусмысленная таинственность отражалась на лицахъ приближенныхъ, въ недоумѣніи смотрѣвшихъ другъ на друга, кромѣ Алены Ивановны, которая одна не унывала, а какъ-то торжественно распоряжалась именемъ барыни и строго отдавала приказаніе никого не принимать и не пускать къ Александрѣ Николавнѣ, говорить, что дома нѣтъ, уѣхала, лекарь, на цѣлый день; а Василій Васильичъ какъ придетъ изъ должности, такъ чтобы къ Аленѣ Ивановнѣ въ комнату пожаловалъ. Послѣднее извѣстіе болѣзненно отозвалось въ сердцѣ Степуши, тоскливо екнуло ее...

«Ужь не провинилась ли чѣмъ и не донесла ли на насъ Алена Ивановна? говорила самой себѣ дѣвушка, сидя въ томительномъ и тревожномъ раздумьи у себя въ комнатѣ. Да нѣтъ, ничего не было похожаго, чтобы она догадалась: кажется, мы и не выдавали себя. Развѣ не сказалъ ли ужь Вася Александрѣ Николавнѣ о своей любви ко мнѣ и не просилъ ли позволенія жениться? О, Боже мой! теперь я понимаю!... онъ не выдержалъ, потороп-

пился!... онъ говорилъ... она разсердилась... она внѣ себя теперь... что же будетъ?... какія послѣдствія?... я чувствую, что намъ грозитъ что-то страшное... не даромъ у меня сердце упало, когда мнѣ сказали, что Алена Ивановна просила Васю придти въ ея комнату. Боже мой! неужели мое счастіе уже разбивается?... неужели я ожила такъ ненадолго!... Мнѣ растаться съ нимъ! нѣтъ, нѣтъ, никогда! я дешево не отдамъ любовь мою... пусть Александра Николавна мучитъ, истязаетъ, гонитъ меня, но Вася меня любитъ, онъ защититъ и освободитъ меня изъ ея когтей!... Я не пожертвую ей моимъ сердцемъ!»

И Степуша вся блѣдная, едва переводя дыханіе, прислушивалась къ малѣйшему шороху въ корридорѣ. Тоска охватывала сердце бѣдной дѣвушки, она не могла плакать, хотя слезы облегчили бы ее.

Наконецъ, ей сказали, что кушать подано въ кабинетѣ Александры Николавны, и что ее зовутъ туда. Сердце Степуши вновь упало, и передъ глазами у нея прошло темное облако; при мысли, что рѣшительная минута наступила, она едва не лишилась чувствъ. Призвавъ на помощь всю свою силу воли, бѣдняжка принудила себя проговорить стоявшему у дверей человѣку, присланному звать ее къ благодѣтельницѣ, что сейчасъ идетъ.

Потомъ встала, привела въ порядокъ свои волосы, и съ твердою рѣшимостью до послѣдняго удара пульса отстаивать любовь свою, вышла изъ комнаты.

У дверей кабинета благодѣтельницы силы опять было измѣнили Степушѣ, но она, вновь сдѣлавъ страшное усиліе надъ собой, блѣдная, какъ полотно, вошла къ Александрѣ Николавнѣ.

Охотская съ закрытыми глазами лежала на диванѣ, къ которому былъ придвинутъ столъ, накрытый на два прибора. Когда дѣвушка подошла ближе къ дивану и нагнулась къ рукѣ благодѣтельницы, та темно полураскрыла вѣки, проговоривъ чуть внятно:

— А! это ты, Степани. И опять зажмурилась.

Воспитанница вздохнула нѣсколько свободнѣе, она ожидала съ нерѣшимостью словъ громоваго удара; вышло иначе.

— Вы нездоровы, mamau? спросила Степуша, садясь на на кресло возлѣ Охотской.

— Н... и... да, немножко. Такъ много непріятностей...

Степуша не смѣла спросить: какихъ? Спустя минуту, она рѣшилась заговорить вновь.

— Я нѣсколько разъ справлялась у Алены Ивановны, не звали ли вы меня, и какъ ваше здоровье? но мнѣ она ничего опредѣленнаго не отвѣчала, а войти къ вамъ безъ зова я не хотѣла... думала, что вы заснули...

— Ты добрая дѣвочка, Стефани, сказала опять тонко Охотская и слегка потрепала по плечу наклонившуюся къ ней Степушу.

Обѣдъ прошелъ благополучно, никакихъ небыло объясненій, и ничто не подтвердило страха и предположеній молодой дѣвушки. До чая Степуша просидѣла возлѣ благодѣтельницы, которая почти не подымала головы съ своей батистовой подушки, нюхала спиртъ, мало говорила, и очень много хмурилась и тяжело вздыхала.

Простясь съ Александрой Николавной, воспитанница, совершенно успокоенная, вернулась къ себѣ и стала поджидать, не зайдетъ ли къ ней какъ нибудь Вася, или не постучитъ ли въ ея дверь, проходя мимо въ свою комнату; ей хотѣлось повидать его хоть на одну минуту и передать ему всѣ свои мнимыя опасенія на счетъ Александры Николавны, и просить его отложить до болѣе удобнаго времени объясненіе съ благодѣтельницею. Но напрасно Степуша ждала жениха далеко за полночь, онъ не пришелъ; напрасно чутко съ замираніемъ вниманіемъ и ускореннымъ біеніемъ сердца прислушивалась она къ отдаленному шуму шаговъ снующей взадъ и впередъ прислуги: Вася не проходилъ, и Степуша, потерявъ терпѣніе и надежду на свиданіе въ этотъ вечеръ, рѣшилась принудить себя лечь спать.

Въ то время, какъ воспитанница тревожно и вмѣстѣ радостно ждала свиданія съ нареченнымъ тайнымъ женихомъ своимъ, и прождавъ напрасно долгіе мучительные часы, съ грустью покорилась своей участи, легла въ постель и покойно заснула, — Вася, возвратившійся поздно домой, часа два просидѣвъ на совѣщаніи въ комнатѣ у Алены Ивановны, разговаривая шопотомъ о чемъ-то, казалось, очень важномъ, вышелъ отъ нея нѣсколько взволнованный, хотя вполнѣ довольный и веселый, и направился къ покоямъ благодѣтельницы. Александра Николавна, одѣтая въ щегольской пеньюаръ и тонкое батистовое бѣлье, украшенное богатымъ шитьемъ и кружевами, томно лежала на кушеткѣ, покрытая пуховой турецкой шалью; возлѣ нея на маленькомъ столикѣ подъ розовымъ абажуромъ горѣла небольшая матовая

лампа, бросавшая фантастическій свѣтъ на блѣдное, нѣсколько суровое лицо пятидесяти-пяти-лѣтней красавицы; ея черные съ едва замѣтными серебряными проблесками волосы были гладко зачесаны и нѣсколько спускались вдоль щекъ, на косу былъ наброшенъ кокетливый кружевной чепчикъ. Неподалеку отъ кушетки, на каминѣ, въ изящной курильницѣ курились тонкіе духи, наполнявшіе комнату какимъ-то раздражающимъ ароматомъ.

Александра Николаевна находилась подъ вліяніемъ новыхъ и доселѣ еще невѣдомыхъ ей чувствъ. Она была влюблена, не смотря на свои годы. Чувство это было ей такъ непривычно, что она долго не могла дать себѣ въ немъ отчета; она подробно вспоминала всѣ увлеченія своей молодости, всѣ позднѣйшія интриги, и всюду ей являлось лишь одно, — что она никогда еще и никого не любила и всегда оставалась такою же одинокою, какъ и теперь. Во что бы то ни стало, состарѣвшаяся кокетка захотѣла вдругъ взаимности, и чѣмъ сильнѣе стала она сознавать въ себѣ присутствіе настоящей, но черезчуръ уже опоздавшей любви, тѣмъ страстнѣе захотѣлось ей быть любимой. Хотя Охотская наконецъ выяснила себѣ это нравственное свое состояніе, она съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ и нервной раздражительностію искала случая вызвать на признаніе своего возлюбленнаго, но къ великой ея досадѣ и прискорбію, этотъ случай какъ нарочно до сихъ поръ ей не представлялся, потому что Вася, не смотря на подготовительныя намеки Алены Ивановны, боялся, какъ говорится, *промахнуться* и держалъ себя крайне осторожно, ступая хотя и ощупью, но такъ, чтобы никакъ не сдѣлать ошибки. Все это крайне раздражало влюбленную старуху, такъ, что она, теряя терпѣніе, готова была сама сдѣлать признаніе.

Александра Николаевна цѣлый день и цѣлый вечеръ находилась подъ вліяніемъ этихъ мыслей, и, можетъ быть, еще долго продлилось бы это состояніе, но по ковру смѣжной комнаты глухо раздались осторожные и какъ бы несмѣлые мужскіе шаги. Потомъ чья-то рука слегка приподняла портьеру и нѣсколько дрожащій голосъ тихо проговорилъ:

— Можно войдти?

Александра Николаевна какъ бы встрепенулась.

— Кто тамъ? спросила она.

— Это я, Александра Николаевна, сказалъ Вася, переступая за порогъ. — Позволите войти?

— Да, войди. Что тебѣ надо? спросила притворно сухо Охотская.

Вася съ приличной грустью въ лицѣ, тихо и почтительно вошелъ въ комнату и сѣлъ на стулъ, въ почтительномъ отдаленіи отъ Александры Николавны. Помолчавъ нѣсколько, онъ началъ:

— Мнѣ кажется, я имѣлъ несчастіе какъ нибудь неумышленно навлечь на себя вашъ гнѣвъ, сказалъ онъ печально: — ради Бога, налейте его на мою повинную голову, но только не удаляйте меня отъ себя и не лишайте возможности каждый день... каждый часъ... показывать вамъ мою преданность... мое уваженіе... мою... которыя равняются съ уваженіемъ къ божеству! Неужели вы не признаете во мнѣ ни души, ни сердца? Вы моя благодѣтельница!... и Вася, схвативъ руки Александры Николавны, сталъ ихъ цаловать съ жаромъ. — Я съ дѣтства, продолжалъ онъ все тѣмъ же театральнымъ голосомъ: — привыкъ считать васъ за совершеннѣйшую изъ женщинъ, за образецъ добродѣтели!... а когда выросъ и вдумался въ свое грустное положеніе... я поклялся всю жизнь мою посвятить вамъ, сдѣлаться вашимъ рабомъ и хоть этою безпредѣльною преданностію... обратить на себя вашъ благосклонный взоръ и заслужить ласку... расположеніе... мечтать о большемъ я не смѣю... я не вправѣ... А теперь вашъ гнѣвъ...

— Съ чего же ты взялъ, что я на тебя сержусь? сказала притворно холодно Охотская.

— Какъ же долженъ я иначе истолковать эту вашу съ нѣкоторыхъ поръ столь явную холодность... даже презрѣніе... Сегодня, напримѣръ, вы цѣлый день меня на глаза къ себѣ не пускали... я слышалъ, что у васъ непріятности по дѣламъ съ крестьянами, а между тѣмъ вы не хотите мнѣ приказать заняться вашими дѣлами, хлопотать о нихъ и тѣмъ отстранить отъ васъ всѣ заботы... Теперь я вижу, что вы даже нездоровы отъ всѣхъ этихъ безпокойствъ, позвольте мнѣ по крайней мѣрѣ ухаживать за вами, быть вашей сидѣлкой!...

— Дѣла, обыкновенно, поручаютъ только тѣмъ, въ комъ увѣрены, что ими дѣйствительно займутся, а за больными ходить вообще скучно, тѣмъ болѣе за старухой! сказала иронически Александра Николавна, не измѣняя холоднаго выраженія лица.

— Грѣхъ вамъ, грѣхъ такъ жестоко обращаться со мною и такъ уязвлять мое бѣдное сердце... и Вася всталъ, какъ будто желая скрыть волненіе и слезы и выйти изъ комнаты.

— Послушай! воскликнула Охотская, приподымаясь на локтѣ и мгновенно измѣняя себѣ; глаза ея при этомъ особенно странно сверкнули.—Сядь вотъ здѣсь, она указала на кресло возлѣ дивана, и отвѣчай откровенно на всѣ мои вопросы. А потомъ ужь я скажу тебѣ... заслуживаешь ли ты моей полной довѣренности.

— Позвольте мнѣ сѣсть на коврѣ у вашихъ ногъ... мнѣ такъ лучше... смотрѣть на васъ... добавилъ онъ шопотомъ, какъ бы про себя и дѣлая томные, влюбленные глаза. . . . . .

. . . . . .

— Хорошо. Теперь скажи: любилъ ты? и кого? хороша, молода была та женщина? страстна или холодна? любила тебя или такъ только кокетничала и интриговала? отвѣчай на все, отвѣчай всю правду.

Вася не зналъ, что сказать, признаться ли откровенно, или замаскироваться. Послѣ минутнаго размышленія онъ рѣшился отвѣчать нѣсколько уклончиво.

— Да, я буду откровененъ...

— Непремѣнно; я требую этого, перебила его повелительно Охотская.

— Я и ухаживалъ, и имѣлъ интриги, какъ вы называете, только не съ одной, а со многими женщинами; между ними были и молодыя, и даже, пожалуй, хорошенькія, но я ни одной изъ нихъ не любилъ и никого еще никогда не любилъ!...

— Почему это?

— А потому что, смѣйтесь надо мной, когда хотите, но я обѣщалъ вамъ говорить истину. — Я странный человѣкъ, я и самъ себя не понимаю, только меня къ женщинѣ влечетъ не красота ея, не молодость, а только одно нравственное совершенство. Я прежде всего ищу душу, которая бы вполнѣ отвѣчала требованіямъ души моей, и если я найду такую душу хоть въ женщинѣ, далеко не молодой, то она для меня будетъ милѣе и дороже всѣхъ юныхъ красавицъ! я ей посвящу всю жизнь мою... Но тѣ женщины, которыхъ я зналъ, были лишь бездушныя кокетки...

— Странно! Повѣрить даже трудно... проговорила усмѣхнувшись, почти про себя и нѣсколько въ раздумьи, Александра Николавна.

— Я знаю, что долженъ казаться страннымъ и даже смѣшнымъ, но я не могу измѣнить своего сердца и не могу лгать на него... Можетъ быть, если бы я смѣлъ высказаться вполнѣ, вы

— О, любите меня... меня! Я вѣдь васъ люблю...

Прошло недѣли двѣ послѣ объясненія въ любви Александры Николавны, и положеніе Васи становилось весьма затруднительнымъ. Съ одной стороны, ему не было ни минуты свободы и воли отъ ревности и деспотической любви благодѣтельницы и любовницы вмѣстѣ, которая приставила къ нему самаго зоркаго, самаго неусыпнаго своего стража — Алену Ивановну, съ другой, его мучила своими пытливыми вопросами, подозрѣніями и часто слезами бѣдная Степуша, неосторожно ловившая каждую минуту, случай говорить съ нимъ о любви своей; она сначала не знала, чему приписать внезапное равнодушіе жениха и его уклоненіе отъ рѣдкихъ и краткихъ свиданій съ ней. Сколько провела безсонныхъ ночей въ тоскливомъ ожиданіи условнаго знака обманутая дѣвушка, сколько пролила она горючихъ слезъ надъ своей подушкой, сколько продумала она въ это время, сколько прочувствовала безотраднаго и горькаго, сколько пережила въ душевныхъ страданіяхъ, — знаютъ лишь стѣны ея комнаты. Охотская, какъ бы чутьемъ теперь угадывавшая въ воспитанницѣ свою соперницу, быстро перемѣнилась къ ней: сдѣлалась особенно придирчива, взыскательна и язвительна въ своихъ замѣчаніяхъ на ея счетъ. Проходили цѣлые дни, въ которые, исключая общаго обѣда въ столовой, при чемъ благодѣтельница какъ-то натянуто и сухо здоровалась съ воспитанницей, Степуша просиживала одна въ своей комнатѣ, точно весь міръ забылъ о ея существованіи. Александрой Николавной до того овладѣла любовь ея, что она, подобно молодой пансіонеркѣ, проводила все время съ предметомъ своей страсти, покоя голову свою на груди его и заставляя повторять себѣ разныя клятвы и сердечныя изліянія. Она даже мало стала обращать вниманія на то, что скажутъ? рѣдко принимала къ себѣ и видимо тяготилась присутствіемъ прежнихъ друзей, отъ которыхъ стремилась скорѣе отдѣлаться, никуда почти не выѣзжала и требовала, чтобы Вася былъ безпрестанно при ней. Вскорѣ она даже перевела его изъ верхняго этажа въ нижній, чтобы имѣть его ближе къ себѣ и свободнѣе и лучше наблюдать за нимъ. . . .

Узнавъ отъ своей горничной Фени, знавшей или, вѣрнѣе, подозрѣвавшей любовь барышни къ молодому барину и часто стоявшей на сторожѣ въ корридорѣ во время ихъ тайныхъ свиданій,—что Василью Васильичу внизу, въ прежнемъ кабинетѣ и

биліардной покойнаго барина, приготовили и отдѣлали заново комнаты, и что онъ уже два дня, какъ на новосельи, Стешуша рѣшилась написать Васѣ и просить его именемъ любви, именемъ всего, что ему дорого и свято, объяснить ей его непонятное положеніе въ домѣ Охотской и необъяснимую, такъ внезапно и такъ странно совершившуюся въ самое короткое время перемѣну его обращенія и отношенія къ ней. Стешуша отдала письмо Фенѣ, чтобы та, выбравъ самую удобную и безопасную минуту, передала его Васѣ и просила непремѣнно отвѣта. Когда горничная принесла небольшую запечатанную записочку и подала ее барышнѣ, послѣдняя побѣлѣла, какъ полотно и, прижавъ руку къ груди, какъ бы желая удержать порывистое біеніе своего измученнаго сердца, опустилась на стулъ.

— Стефанія Петровна! воскликнула въ испугѣ горничная:— что это, матушка, какъ вы взволновались, выпейте воды; Господь съ вами! возьмите на себя бодрость... и добрая Феня суетливо наливала стаканъ, спѣша отпаивать свою барышню, которая молча дрожащими руками срывала облатку.

«Милый ангелъ мой, Стефани! писалъ Вася, я не менѣе тебя мучусь сомнѣніями и страдаю за тебя. Надо думать, что Александра Николаевна подозрѣваетъ нашу любовь или, можетъ быть, ей даже кто нибудь донесъ о нашихъ неосторожныхъ свиданіяхъ. Во всякомъ случаѣ для меня загадка, почему она на тебя именно обратила свое неудовольствіе и отчего она не одинаково сердита на насъ обоихъ? Не знаешь ли ты въ этомъ отношеніи ее лучше меня? Скажи мнѣ свое предположеніе, а я совершенно теряюсь въ моихъ догадкахъ. Я теперь еще болѣе наблюдаю ее и стараюсь изучить, какъ какой нибудь египетскій іероглифъ, чтобы знать, какъ навѣрное дѣйствовать для достиженія желанной цѣли. Ты же, мой ангелъ, терпи покуда и вѣрь, что и мнѣ нелегко почти не видать тебя, не имѣть возможности перемолвить слова, не цаловать твоихъ чудныхъ глазъ... и все изъ-за каприза этой взбалмошной женщины. Вѣрь мнѣ, вѣрь неизмѣнной любви моей, я твой по гробъ, и ты не должна никому принадлежать, кромѣ меня! Я надѣюсь, эта блаженная минута скоро настанетъ. Я сильно и неутомимо хлопочу о томъ, только ты не измѣняй себѣ, въ особенности въ присутствіи Александры Николаевны и Алены Ивановны, иначе мы оба погибли.

«Успокойся, другъ мой, и люби по прежнему твоего неизмѣннаго Васю».

Прочитавъ эту записку, въ которой каждое слово была отъявленная ложь, невинная Степуша въ первую минуту почувствовала большое облегченіе; слова любви всегда отрадно дѣйствовали на ея душу, она не избалована была ими. Но мало по малу, раздумывая все, что въ теченіи десяти лѣтъ случайно доходило до ея слуха изъ таинственнаго шопота какихъ нибудь двухъ особенно смѣлыхъ нескромницъ изъ дѣвичьей, и все, что невольно удерживалось въ ея памяти изъ личныхъ впечатлѣній и наблюденій, Степуша стала приходить къ самому безотрадному заключенію, т. е. приближалась въ своихъ соображеніяхъ къ истинѣ, и тогда сердце ея мгновенно охватила такая ревность, такое отчаяніе, что она, какъ помѣшанная, готова была бѣжать внизъ и нанести всевозможныя оскорбленія своей благодѣтельницѣ, которую она теперь страшно ненавидѣла. Но не одна Александра Николавна въ такія минуты казалась ей достойной ея ненависти и оскорбленій: Вася являлся ей также какимъ-то двусмысленнымъ, загадочнымъ человѣкомъ, ей хотѣлось высказать ему все, что накипѣло у нея на сердцѣ, бросить ему въ лицо всѣ свои догадки, высказать ненависть и глубокое презрѣніе, заступившее мѣсто прежней нѣжной и безпредѣльной любви и довѣрія, и тутъ же задохнуться до смерти отъ наплыва своего собственнаго горя. Не скоро прежнее чувство любви брало верхъ, и Степуша старалась оправдывать Васю, перечитывала его записку, толковала себѣ на разные лады каждое его слово, каждый намекъ, и кончила тѣмъ, что на время въ душѣ опять примирялась съ своимъ, уже разбитымъ кумиромъ.

Отославъ свой отвѣтъ къ Степушѣ, Вася задумался: «что мнѣ теперь дѣлать съ этой дѣвчонкой? дуракъ я, право! ну, къ чему торопился только?.. эка невидаль десять тысячъ! Теперь не десять, а и всѣ двѣ тысячи душъ пройдутъ черезъ мои руки. А все эта сиверная Алена съ своимъ языкомъ; ну, къ чему ее чортъ дернулъ говорить тогда объ этихъ деньгахъ? Правда, она и тогда намекала про любовь старухи, да какъ тутъ было вѣрить? страшно! можно было въ такой просакъ попасть, что и ноги бы не убралъ. Съ этими фарисейками вѣчно ходишь ощупью. Жадь тоже вѣдь, чортъ возьми! упустить и Стеффанію... Лакомый кусочекъ, нечего сказать!..» и Вася, теребя свои густыя темныя бакенбарды, сталъ медленно ходить по комнатѣ, соображая новый планъ дѣйствій.

Дня черезъ два, Василій Васильичъ, сидя въ будуарѣ своей возлюбленной, ловко свелъ разговоръ на то, что какъ хорошо и отрадно было бы уѣхать имъ вдвоемъ куда нибудь подальше, гдѣ нѣтъ ни знакомыхъ, ни свѣтскаго стѣсненія...

— Я ужь и сама объ этомъ думаю, сказала Охотская:—да вотъ не знаю какъ, и куда поблаговиднѣе пристроить Стефанію. Съ собой взять я ее не хочу...

— Я вотъ что хотѣлъ предложить вамъ, Александра Николавна, относительно Стефаніи Петровны: ее очень огорчаетъ, я это знаю отъ нея самой, что она такъ долго не видѣла своей матери, отпустите ее погостить въ деревню къ старушкѣ, которая въ восторгѣ будетъ отъ такой вашей милости, она къ тому же теперь, говорятъ, серьезно больна, водяная открылась, мнѣ писалъ съ недѣлю тому назадъ одинъ товарищъ, котораго я по порученію Стефаніи просилъ узнать кое-что о ея родныхъ. Значитъ, теперь очень кстати дочери поѣхать повидать мать и ухаживать за нею во время болѣзни.

Вася лгалъ; извѣстіе о болѣзни Степушиной матери онъ слышалъ еще живя въ провинціи, но почему-то не счелъ нужнымъ сообщить его по пріѣздѣ.

— Да, да, конечно; это у тебя прекрасная явилась мысль, мой милый, я непремѣнно пошлю Стефанію... Какъ же можно? Ея прямая обязанность ходить за больной матерью. Да, пусть она ѣдетъ немедленно... Надо пользоваться временемъ, теперь дороги ужь начинаютъ портиться... Но все же, я думаю, она успѣетъ доѣхать до мѣста прежде вскрытія Оки. — И Охотская, весьма довольная нежданнымъ случаемъ, освобождавшимъ ее отъ непріятнаго и раздражавшаго ее съ нѣкоторыхъ поръ присутствія воспитанницы, велѣла немедленно послать къ себѣ дворецкаго.

— Алексѣичъ, сказала Александра Николавна явившемуся на вытяжкѣ нѣсколько уже знакомому намъ другу Алены Ивановны:—Алексѣичъ, распорядись, чтобы къ завтрашнему дню была готова повозка и все, что нужно для дороги; выправь подорожную для Стефаніи Петровны до нашего города и снаряди кого нибудь изъ людей, кто посмѣтливѣе и потрезвѣе, проводить ее; я было думала Ѳедюшку, онъ усерденъ, только старъ и любитъ клюкнуть...

— Лучше будетъ-съ Петрушку поваренка, сказалъ ожирѣвшимъ басомъ невозмутимый Алексѣичъ.

— Какъ же это можно? посылать въ провожатые на такую дальную дорогу семнадцати-лѣтняго мальчишку? Ты выбери кого постепеннѣе.

— Ну-съ, такъ самое лучшее Маркела истопника, теперь дѣло вешнее, ему работы мало, а онъ и трезвый и проворный малый, да и годами не такъ, чтобы ужъ очень старъ.

— Вотъ это другое дѣло! такъ значитъ Маркела.

— Изъ женской прислуги тоже кто нибудь поѣдетъ-съ?

— Какъ же, Фенька поѣдетъ. Теперь вели позвать мнѣ Стефанію.

— Слушаю-съ, процѣдилъ сквозь зубы дворецкій и отправился выполнять барскія приказанія и передать неожиданную новость ключницѣ.

Извѣстію объ отъѣздѣ Степуши несказанно обрадовалась Алена Ивановна.

— Пора, пора, наконецъ-то, надумала! говорила она какимъ-то радостно-дрожащимъ отъ волненія голосомъ.—Давно бы такъ слѣдовало! А то не знала, какъ съ шеи стряхнуть конопляное сѣмя.

Покуда Александра Николавна толковала съ дворецкимъ, Вася наскоро написалъ Степушѣ коротенькую записку, вложилъ въ первую попавшуюся подъ руку книгу, и послалъ ее съ лакеемъ отъ имени Охотской въ собственные руки молодой дѣвушкѣ. Содержаніе записки было слѣдующее:

«Мой ангелъ, сейчасъ тебя позовутъ къ Александрѣ Николавнѣ, и что бы ты отъ нея ни услышала, ничему не удивляйся; я все устроилъ въ твою пользу и какъ нельзя лучше; сегодня, когда всѣ будутъ спать, я проберусь къ тебѣ въ комнату и объясню, въ чемъ дѣло. До свиданія».

«Твой Вася».

Едва Степуша успѣла пробѣжать эти строки, какъ ее пришли звать къ *маменькѣ*. Не безъ страха и трепета отправилась молодая дѣвушка къ своей благодѣтельницѣ, теряясь въ соображеніяхъ о томъ, какое еще готовится ей новое испытаніе.

— Стефани, сказала торжественно Александра Николавна вошедшей къ ней Степушѣ:—я получила извѣстіе, что мать твоя серьезно и продолжительно больна... Не пугайся! больна, еще не значитъ что умретъ. Не плачь, я не люблю слезъ... что за слабодушіе!.. Выслушай внимательно все, что я тебѣ скажу: тебѣ теперь двадцать лѣтъ, ты уже не ребенокъ и можешь хорошо

понять и оцѣнить своимъ собственнымъ разумомъ все, что я для тебя сдѣлала. По милости моей, ты грамотна, образована, имѣешь хорошія манеры, словомъ ты въ полномъ смыслѣ воспитанная дѣвушка, и каждый, кто только узнаетъ, что ты *моя воспитанница*, почтетъ за счастіе поручить тебѣ надзоръ и воспитаніе своихъ дѣтей. Пора тебѣ съ пользой проводить жизнь и трудиться для своего насущнаго хлѣба. Поѣзжай къ матери, ухаживай за ней, покуда она больна, а когда выздоровѣетъ, ты можешь еще пробыть у нея около года, а потомъ я пристрою тебя тамъ въ провинціи въ гувернантки, въ хорошій и приличный домъ. Теперь иди и готовься къ дорогѣ, завтра ты ѣдешь; проводятъ тебя Фенька и Маркелъ, которому будутъ даны всѣ нужныя инструкціи относительно путешествія и доставленія тебя благополучно до деревни. Вотъ деньги на дорогу, тутъ полтораста рублей. Покуда ты у матери, моя деревенская контора тебѣ будетъ выплачивать твои пять рублей, а если тебѣ будетъ въ чемъ особенная нужда, то ты пиши ко мнѣ откровенно, помни, что я твоя благодѣтельница. Иди же, готовься въ путь, изъ вещей возьми только что необходимо, остальное я пришлю тебѣ послѣ.

Степуша, озадаченная и вся въ слезахъ, отправилась въ свою комнату дѣлать приготовленія къ отъѣзду. Она нѣсколько разъ перечитывала записку Васи и все не могла понять одного, какъ же это онъ самъ устроилъ ихъ разлуку, и зачѣмъ? Феня хлопотала, укладывала вещи, выбирала платья, безпрестанно адресовалась къ ней съ вопросами о томъ, которыя брать, но не получая почти отвѣтовъ, продолжала дѣйствовать по собственному усмотрѣнію; Степуша же все время лежала какъ убитая на диванѣ и слезы тихо струились по щекамъ ея. Она находилась въ какомъ-то физическомъ и нравственномъ безсиліи; въ первую минуту вѣсть о болѣзни матери больно отозвалась въ ея сердцѣ, она заплакала; но потомъ, по мѣрѣ того, какъ Александра Николаевна своими словами приближала ее къ мысли о разлукѣ съ Васей, у Степуши ужь не было мѣста другому чувству, кромѣ охватывающей душу тоски и отчаянія потерять первую и единственную любовь свою. Къ обѣду она внизъ не сходила, отзываясь головной болью, и продолжала лежать до тѣхъ поръ, пока на дворѣ совершенно уже стемнѣло. Съ приближеніемъ ночи, энергія Степуши стала мало по малу возвращаться къ ней, и она уже съ лихорадочнымъ волненіемъ и безпрестаннымъ замираніемъ сердца, то смотрѣла на часы, то прислушивалась къ малѣйшему дви-

женію въ корридорѣ. Такимъ образомъ прошло болѣе шести часовъ въ напрасномъ ожиданіи, силы ей измѣнили, и она съ ныллающимъ отъ волненія лицомъ, сухими горящими глазами, рѣшилась на отчаянный шагъ.

— Онъ обманулъ! да, обманулъ... теперь я все понимаю! нѣтъ, такъ я не уѣду... онъ мнѣ долженъ дать отвѣтъ... Я пойду къ нему сама... я пойду къ ней... я скажу ей все... пусть она дѣлаетъ со мной, что хочетъ, но я не въ силахъ больше выдерживать эту сердечную пытку!..

И Степуша, едва переводя духъ, смѣлой рукой отворила дверь своей комнаты и вышла въ корридоръ, но, не успѣвъ еще сдѣлать пяти шаговъ, она столкнулась съ пробиравшимся осторожно и тихо Васей.

— Кто это? спросила отъ страха шопотомъ Степуша, въ потьмахъ не узнавши своего возлюбленнаго.

— Тише, это я, отвѣчалъ ей знакомый голосъ.—Куда ты бѣжишь?

— Я шла къ тебѣ... сказала робко дѣвушка, весь гнѣвъ которой разомъ упалъ при видѣ любимаго человѣка.

Они вошли въ комнату и заперли дверь.

— Ты говорила, что шла ко мнѣ? ты съ ума сошла, Стефани?

— Да, я почти сошла съ ума или скоро сойду!.. испытывать подобныя муки, терзаться всякими сомнѣніями... ничего не понимать, видѣть всюду однѣ загадки да таинственность, быть внезапно выгнанной изъ этого дома, изъ котораго полгода назадъ я бы и сама бѣжала, если бы только имѣла возможность, но теперь... Боже мой!.. Что значитъ твоя давишняя записка и этотъ внезапный и поспѣшный отъѣздъ?.. Объясни мнѣ ради Бога... я теряюсь... мысли путаются... Что побудило тебя дѣйствовать такъ?.. ты писалъ, что все самъ устроилъ, зачѣмъ же это?

Степуша говорила скоро, прерывисто и скрестивъ руки на груди, стояла передъ сидѣвшимъ молча на диванѣ Васей.

— Дитя! проговорилъ съ грустной улыбкой провинціальный Донъ-Жуанъ, притягивая къ себѣ дѣвушку и сажая ее на колѣни. Дитя! не мучь себя, повторяю въ сотый разъ, довѣрься мнѣ. Вѣдь твое спокойствіе есть мое спокойствіе, твоя радость моя радость, твое счастіе мое счастіе! Къ чему же сомнѣнія и подозрѣнія? Я устроилъ такъ, потому что это единственный исходъ нашему затруднительному положенію и единственный способъ

достигнуть цѣли. Ты не знаешь еще видно своей благодѣтельницы, а я теперь хорошо знаю, съ кѣмъ имѣю дѣло. Слушай меня: твоя мать дѣйствительно больна, я получилъ отъ товарища вчера письмо, но еще не успѣлъ сообщить тебѣ о томъ, это прекрасный случай, который сама судьба намъ посылаетъ, и я воспользовался имъ, выбралъ удобную минуту, употребилъ все свое краснорѣчіе и все вліяніе на воображеніе этой капризной старухи, чтобы заставить ее отпустить тебя къ матери какъ можно на болѣе продолжительный срокъ... потому что мнѣ, въ маѣ, выходитъ по службѣ командировка въ П... и тогда, понимаешь?.. я заблаговременно испрошу у начальства позволеніе жениться и какъ только пріѣду въ П.... сейчасъ отправлюсь въ деревню къ вамъ и тамъ же обвѣнчаемся, безъ всякихъ затрудненій и позволеній Александры Николаевны; ты будешь у родной матери и съ ея согласія выйдешь за меня... Такимъ образомъ все устроится отлично, безъ хлопотъ и съ соблюденіемъ всѣхъ формальностей.

Степуша обвила крѣпко своими руками шею молодаго человѣка и, прижавъ пылающее лицо свое къ щекѣ его, тихо плакала.

— О чемъ же ты плачешь? Ты не хочешь быть моей женой?.. Ты ужь не любишь меня?..

— Молчи, молчи! прошептала страстно Степуша, еще крѣпче прижимая лицо свое къ лицу Васи.—Я плачу отъ радости... отъ избытка счастія!.. Вася, милый, ненаглядный Вася! Я люблю тебя больше жизни, но я сомнѣвалась въ тебѣ, подозрѣвала тебя. Прости меня... чѣмъ доказать тебѣ любовь мою?!.. Всей жизни моей не довольно будетъ для этого. Ты моя радость, мое солнце, мой свѣтъ... О, какъ мы будемъ счастливы! и я маменьку увижу... и она будетъ счастлива съ нами! Только ты непремѣнно пріѣдешь? спросила вдругъ Степуша, откидывая назадъ свою голову и пытливо смотря въ глаза своего мнимаго жениха.

— Зачѣмъ ты спрашиваешь такія вещи? отвѣчалъ притворно грустно и мрачно Вася:—если ты сомнѣваешься во мнѣ, считаешь меня способнымъ обманывать... значитъ, ты не любишь меня?

— Ну, прости, прости, голубчикъ! ты видишь, я напуганная, измученная... больная! Прости же... И Степуша опять страстно прижалась къ молодому человѣку, который сталъ цаловать ея

руки, лицо, глаза, шею, какъ, вѣроятно, онъ цѣловалъ сотни другихъ женщинъ, которыя были не дурны и молоды.

— Ты сейчасъ говорила, шепталъ Вася между поцалуями:— что не знаешь, чѣмъ доказать мнѣ любовь свою... хочешь... я скажу, чѣмъ?.. и онъ долго страстно ей что-то нашептывалъ на ухо.

Степуша слушала серьезно и внимательно,и на лицѣ ея выразилось недоумѣніе; она задумалась.

— Я вижу, что ошибся въ тебѣ! проговорилъ печально Вася. —Ты не любишь меня... и онъ закрылъ лицо руками. Истинная любовь не задумывается, какъ ты теперь. Голосъ Васи звучалъ упрекомъ.—Если бы ты только могла понимать ту страсть, которая жжетъ огнемъ грудь мою, ту борьбу съ собою, которую я выдерживаю съ тѣхъ поръ, какъ знаю тебя!.. Ты первая, единственная и послѣдняя моя любовь! Я не зналъ женщины ни прекраснѣе, ни добрѣе тебя! Въ тебѣ осуществился мой идеалъ, моя мечта! Я тебѣ отдалъ душу свою, сердце, мысль, всего себя отдаю тебѣ на всю жизнь... а ты?.. ты боишься безусловно довѣриться моей чести и оставить мнѣ залогъ своей любви въ утѣшеніе и воспоминаніе на время разлуки! А говоришь, что любишь. Развѣ такъ любятъ?.. Нѣтъ, это не любовь!.. И Вася съ отчаяннымъ жестомъ всталъ съ дивана и направился къ двери. Степуша, выведенная этимъ движеніемъ молодаго человѣка изъ своего забытья, схватила его за руку проговоривъ страстнымъ шопотомъ.

— Не упрекай меня! я не заслуживаю твоего упрека... онъ рѣжетъ мнѣ сердце!.. я просто... просто... глупа... я... не понимаю хорошо... чего ты просишь у меня?.. но все равно! я твоя на всю жизнь...

И Степуша упала въ простертыя къ ней объятія торжествующаго Васи...

Не долго спустя по отъѣздѣ воспитанницы, Вася, по желанію Александры Николавны, подалъ въ отставку и хлопоталъ о заграничныхъ паспортахъ для себя и для благодѣтельницы.

Въ это же самое время бѣдная Степуша, послѣ разныхъ непріятныхъ и опасныхъ приключеній въ дорогѣ, измученная и больная, приближалась наконецъ къ цѣли своего путешествія. Больна она сдѣладась не на шутку, такъ что бѣдная Феня не знала, какъ ей быть: остановиться ли въ первомъ городѣ, или

ѣхать поскорѣе до мѣста. Причина Степушиной болѣзни была сильная простуда и испугъ вмѣстѣ. При переѣздѣ черезъ Оку, на которой ледъ становился уже ненадежнымъ, на самой срединѣ рѣки повозка вдругъ съ трескомъ рухнула въ глубокую зажору, мигомъ зачерпнувъ одной стороной порядочное количество воды; пристяжная при этомъ упала и барахталась на тонкомъ льду, покрытомъ растаявшимъ снѣгомъ; ноги Степуши по колѣна были въ водѣ, и покуда Маркелъ и ямщикъ не рѣшались бросить лошадей и повозку и приняться спасать сѣдоковъ, она, замирая отъ ужаса и дрожа отъ страха и холода, продолжала сидѣть въ водѣ. Наконецъ, провожатый взялъ ее на руки и вынесъ изъ повозки, поставивъ середи рѣки на болѣе сухомъ мѣстѣ; ямщикъ сдѣлалъ тоже самое съ Феней, но горничная была счастливѣе барышни тѣмъ, что не была такъ измочена, потому что повозка опрокинулась на Степушину сторону. Покуда подняли лошадь, а потомъ вытащили повозку, Степуша болѣе получаса стояла на вѣтру, такъ что вся окоченѣла и до костей продрогла. На другой день съ ней сдѣлался сильный жаръ и бредъ.

До Большихъ Чановъ оставалось не болѣе ста верстъ, а потому Маркелъ и Феня разсудили, что лучше ужь везти барышню прямо къ мѣсту, а тамъ, дескать, что Богъ сдѣлаетъ. Всю остальную дорогу молодая дѣвушка ѣхала въ безпамятствѣ; только на послѣдней уже станціи она нѣсколько пришла въ себя, стала жаловаться на сильную боль въ груди и ногахъ, но тѣмъ не менѣе интересовалась знать, скоро ли онѣ пріѣдутъ и нельзя ли у кого спросить о Варварѣ Семеновнѣ.

Поздно вечеромъ, на другой день послѣ приключенія на Окѣ, Степуша пріѣхала въ Большіе Чаны и вышла у дома прикащика, чтобы нѣсколько отдохнуть, покуда ей перезаложатъ лошадей, чтобы доѣхать до деревни, гдѣ жила мать. Войдя въ чистую теплую комнату одного изъ флигелей, прилегавшихъ строеніемъ къ барскому дому и занимаемаго старымъ прикащикомъ съ женою и пятнадцати-лѣтнею дочерью, Степуша прилегла на жесткомъ деревянномъ диванѣ и въ утомленіи закрыла глаза.

— Извините матушка, Степанида Петровна, вдругъ раздалось у нея надъ самымъ ухомъ: — не призналъ я васъ, грѣшный, вишь, какъ выросли да перемѣнились. Вѣдь отсюда махонькія поѣхали... говорилъ нараспѣвъ прикащикъ, подойдя близко къ дивану. — Вы, я слышалъ отъ Маркела, на усадьбу къ мамень-

кѣ, то есть къ Варварѣ Семеновнѣ пробираетесь... да, матушка моя, не во гнѣвъ вамъ будь сказано, что же вы тамъ станете дѣлать-то однѣ? Вѣдь флигелекъ-отъ ужь запроданъ, да и землю теперь тоже торгуютъ, сосѣдъ вашъ, не изволите ли знать, Тихонъ Акимычъ Чучуркинъ? да впрочемъ гдѣ вамъ знать! чай всѣхъ здѣшнихъ ужь перезабыли. Вотъ онъ самый торгуетъ и въ городъ вчера поѣхалъ по этому дѣлу собственно, чтобы съ зятемъ вашимъ, что на сестрицѣ Аграфенѣ Петровнѣ женатъ, торги покончить и купчую совершить. А сестрицу вы маленько что не застали, она здѣсь мѣсяца три, покуда маменька больна была, прожила съ грудянымъ ребенкомъ, а старшіе двое съ отцомъ въ городѣ оставались; да вотъ не больше какъ деньковъ пять всего-то какъ и уѣхала; сорокоустъ справила, значитъ, да и отправилась домой къ дѣткамъ. Тоже вѣдь хозяйство, шутка, столько времени не бывать дома.

Степуша слушала всю эту болтовню довольно разсѣянно, но при словѣ: сорокоустъ, она приподняла голову съ удивленіемъ, съ минуту посмотрѣла на старика, потомъ спросила съ разстановкой:

— Какой сорокоустъ? по комъ?

— Какъ по комъ? да извѣстно, по вашей маменькѣ, покойницѣ Варварѣ Семеновнѣ, дай ей Богъ царство небесное! и прикащикъ перекрестился.

— Маменька... маменька умерла! пронзительно вскрикнула Степуша, и какъ снопъ повалилась на диванъ.

Ровно три мѣсяца страдала бѣдная, одинокая, забытая Степуша; у нея быстро развивалась чахотка. Убитая горемъ и болѣзнью, съ истерзаннымъ сердцемъ, тихо и покорно доживала она свои сочтенные дни. По временамъ къ ней еще возвращались минуты страшной тоски и безсильной злобы на благодѣтельницу и на Васю, такъ нагло обманувшаго ее, котораго она, наконецъ, хоть поздно, но поняла вполнѣ. Помимо воли, ее терзало сознаніе, что тотъ, кого она въ первый разъ и такъ горячо полюбила, въ кого она такъ безусловно вѣрила, какъ въ самое провидѣніе, кому отдала все, что только отдать могла, — такъ безчеловѣчно, такъ гнусно подшутилъ надъ ней. Въ эти страшныя минуты Степуша, обыкновенно, просила оставлять ее одну, и тогда она испытывала такіе припадки отчаянія, что доходила почти до изступленія: рыдала по цѣлымъ часамъ, ломая руки; за этимъ

слѣдовало страшное ослабленіе силъ и изнеможеніе, такъ что Феня и дочь прикащика, у котораго она занимала маленькую свѣтелку, брали ее какъ ребенка на руки и переносили въ постель. Не за долго до смерти къ ней пріѣзжала на свиданіе сестра ея Груша. Встрѣча ихъ не была особенно трогательна и нѣжна, онѣ были слишкомъ чужды другъ другу. Сестра ея Даша давно умерла родами на первомъ же году замужества, а Груша жила съ своимъ семействомъ въ городѣ, гдѣ мужъ служилъ мелкимъ чиновникомъ.

Чѣмъ ближе Степуша была къ смерти, тѣмъ она становилась кротче и покорнѣе своей судьбѣ. Едва придя въ себя послѣ удара, нанесеннаго ей неожиданнымъ извѣстіемъ о смерти матери, бѣдная дѣвушка должна была пережить еще одну тяжкую минуту: изъ Москвы пріѣхали люди, отосланные Охотской въ деревню на прожитіе, покуда продлится ея отсутствіе; они же привезли всѣ Степушины вещи, не взятыя ею при отъѣздѣ, и извѣстіе объ отставкѣ Васи и объ отъѣздѣ его за границу вмѣстѣ съ Александрой Николавной.

Охотская отправилась на три года. Вася же, со времени разлуки, ни разу не писалъ Степушѣ и не отвѣчалъ ей даже на ея письма; но отъ пріѣхавшихъ людей и черезъ свою Феню она знала, что онъ былъ веселъ, здоровъ, счастливъ и совершенно доволенъ своею *новой судьбой*...

Въ день смерти, часа за три до конца, она особенно тосковала и металась, потомъ попросила отпереть окно и посадить ее въ кресло. Просьбу ея исполнили. День былъ прекрасный, ясный и теплый. Свѣжій и душистый воздухъ только что скошеннаго сѣна нѣсколько поднялъ быстро погасающія силы умирающей; она стала жадно вдыхать въ себя чистый воздухъ, потомъ съ какимъ-то особеннымъ выраженіемъ любви окинула глазами всю окрестность и, тихо опустивъ вѣки, долго сидѣла неподвижно. Феня и дочь прикащика притаили дыханіе, онѣ не смѣли потревожить ее ни малѣйшимъ движеніемъ, ни словомъ. Вдругъ Степуша открыла большіе глаза, съ удивленіемъ осмотрѣла комнату, слегка улыбнулась, какъ бы самой себѣ или своей мысли и медленно проговорила: «почитай мнѣ».

Дочь прикащика взяла лежавшее на столѣ евангеліе и стала тихо и внятно читать. Степуша сначала слушала ее съ напряженнымъ вниманіемъ, но спустя нѣкоторое время, вѣки ея стали какъ

бы смыкаться, и Феня, которая не сводила съ нея глазъ, замѣтила, что дыханіе у ней не совсѣмъ уже ровно и по лицу ея разливается постепенная блѣдность; когда же чтица проговорила отчетливо: *пріидите ко мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные, и я упокою васъ,* полузакрытыя вѣки умирающей слегка дрогнули и голова ея склонилась на плечо... Феня подошла къ креслу Стенуши, тихо опустилась передъ ней на колѣни и приложила ухо къ самой груди ея; дочь прикащика, замѣтя движеніе горничной, остановила чтеніе; съ минуту длилось молчаніе; наконецъ, Феня медленно подняла голову, и какъ бы боясь нарушить торжественную тишину этой безмятежной смерти, проговорила шопотомъ: «скончалась!...»

Узнавъ о смерти воспитанницы, попечительная благодѣтельница выслала изъ Италіи великолѣпный бѣлый мраморный памятникъ дорогой работы, на которомъ крупными золотыми буквами была вырѣзана слѣдующая надпись: *Дочери сердца моего!* а ниже прибавлено: *Скорбящая благодѣтельница.*

П. И.

ПУШКИНЪ ВЪ ЛИЦЕѢ

И ЛИЦЕЙСКІЯ ЕГО СТИХОТВОРЕНІЯ.

III.

ВЛІЯНІЕ БАТЮШКОВА, ЖУКОВСКАГО И ДРУГИХЪ ПОЭТОВЪ. — ПАТРІОТИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНІЕ.

Чтобъ замѣнить Кошанскаго, котораго отвлекало отъ преподаванія управленіе лицеемъ, приглашенъ былъ адъюнктъ педагогическаго института А. И. Галичъ, занимавшійся въ лицеѣ съ мая 1814 по іюнь 1815 года. Съ того же времени назначенъ постоянный адъюнктъ-профессоръ русской и латинской словесности, и въ должность эту вступилъ П. Е. Георгіевскій. Галичъ, впослѣдствіи авторъ *Исторіи философскихъ системъ*, *Опыта науки изящнаго* и нѣкоторыхъ другихъ философскихъ сочиненій, былъ предобрый и презабавный чудакъ. Воспитанники, хотя подсмѣивались надъ нимъ, но очень его любили за его почти младенческое простосердечіе и добродушіе. Онъ занимался съ воспитанниками всѣмъ, исключая своихъ предметовъ; читалъ съ ними театръ Коцебу, выслушивалъ ихъ стихи, и только въ ожиданіи посѣщенія начальства, заглядывавшаго изрѣдка на лекціи, принимался за печатавшагося Кошанскимъ въ 1815 г. Корнелія Непота, приговаривая: «потреплемъ старика!» Выраженіе это долго сохранялось между лицеистами, и Пушкинъ вспомнилъ его, оканчивая вторую главу *Евгенія Онѣгина*:

Чья благосклонная рука
Потреплетъ лавры старика.

Въ одномъ изъ классовъ Галича Пушкинъ прочиталъ написанную имъ въ началѣ 1815 г., въ подражаніе *Ильѣ Муромцу* Карамзина, сказку *Бову* (т. II, стр. 431), отнесенную въ двухъ послѣднихъ изданіяхъ къ числу произведеній неизвѣстныхъ годовъ. Поводомъ къ этой неконченной сказкѣ послужила извѣстная *Сказка о славномъ и храбромъ витязѣ Бовѣ королевичѣ*, попавшая тогда въ руки поэта. Поэтъ самъ указываетъ на этотъ источникъ:

...вчера, въ архивахъ рояся,
Отыскалъ я книжку славную,
Золотую, незабвенную,
Прочиталъ — и въ восхищеніи
Про Бову пою царевича.

Но народный разсказъ перемѣшанъ у Пушкина съ его личными впечатлѣніями и намеками на современныя событія; подражаніе же Карамзину обнаруживается въ пріемахъ разсказа и размѣрѣ стиха. Въ довершеніе этого внѣшняго сходства между обѣими сказками, и та, и другая остались неконченными.

Галичъ, пріѣзжавшій изъ Петербурга иногда болѣе чѣмъ на сутки, останавливался въ отведенной для профессоровъ маленькой комнатѣ нижняго этажа, которая, съ его появленіемъ, немедленно наполнялась молодежью. Здѣсь, вдали отъ докучнаго надзора, можно было побесѣдовать не стѣсняясь, почитать запретные плоды фантазіи, покурить, а можетъ быть, иногда и попировать съ «лѣнивымъ мудрецомъ» и «вѣрнымъ другомъ бокала», какъ называлъ Галича Пушкинъ въ своихъ къ нему посланіяхъ, которыя получили начало въ этой же «каморкѣ тѣсной». Тутъ же происходила воображаемая пирушка, описанная въ стихотвореніи *Пирующіе студенты*, которое, въ видахъ благоправія, переименовано въ *Пирующіе друзья* (т. I, стр. 19), и въ которомъ относится къ Галичу слѣдующая строфа, искаженная во всѣхъ изданіяхъ:

Ужели трезваго найдемъ
За скатертью студента?
На всякій случай изберемъ
Скорѣе президента.
Въ награду пьянымъ онъ нальетъ
И пуншъ, и грогъ душистый,
А вамъ, спартанцы, поднесетъ
Воды въ стаканѣ чистой.
Апостолъ нѣги и прохладъ,
Мой добрый Галичъ! vale!
Ты Эпикуровъ младшій братъ,
Душа твоя въ бокалѣ.

Главу вѣнками убери,
Будь нашимъ президентомъ,
И станутъ самые цари
Завидовать студентамъ!

Слѣдующія строфы относятся къ Дельвигу, Илличевскому, князю Горчакову, Пущину, Яковлеву, Малиновскому, Корсакову, опять Яковлеву и Кюхельбекеру; но изъ нихъ названъ только Дельвигъ. Стихотвореніе это написано въ подражаніе упомянутой выше (глава II, стр. 164) сатирѣ Батюшкова *Пѣвецъ въ бесѣдѣ Славяно-Россовъ*. Подражаніе особенно замѣтно въ концѣ. Для сравненія приводимъ окончаніе пародіи Батюшкова:

ПѢВЕЦЪ.

Пора домой, пора ко сну...
Отъ хмѣля я шатаюсь...

ГРАФЪ ХВОСТОВЪ.

Дай, басню я прочту одну,
И послѣ распрощаюсь.

Пушкинъ оканчиваетъ стихотвореніе обращеніемъ къ метроману своего товарищескаго кружка, Кюхельбекеру:

Но что? я вижу все вдвоемъ:
Двоится штофъ съ аракомъ,
Вся комната пошла кругомъ,
Покрылись очи мракомъ...
Гдѣ вы, товарищи? гдѣ я?
Скажите, Вакха ради!
Вы дремлете, мои друзья,
Склонившись на тетради?
Писатель! за твои грѣхи
Ты съ виду всѣхъ трезвѣе:
Вильгельмъ! прочти твои стихи,
Чтобъ мнѣ уснуть скорѣе.

Въ посланіи къ *Батюшкову*, написанномъ тогда же (т. I, стр. 26), Пушкинъ напоминаетъ поэту о его сатирѣ, и совѣтуетъ не трогать Тредьяковскаго, тѣнь котораго является въ ней окруженная поэтами:

Иль вдохновенный Ювеналомъ,
Вооружись сатиры жаломъ;
Подъ часъ прими ея свистокъ,

Рази, осмѣивай порокъ,
Шутя, показывай смѣшное,
И, если можно, насъ исправь,
Но Тредьяковскаго оставь
Въ столь часто рушимомъ покоѣ.

Замѣтимъ кстати, что третій стихъ послѣдующей строфы:

Чтобъ переставъ писать

напечатанъ неправильно: въ немъ, для полноты размѣра (четырехъ-стопный ямбъ), недостаетъ двухъ-сложнаго слова.

Ювеналъ, о которомъ упоминаетъ Пушкинъ, читавшій его во французскомъ переводѣ, и къ которому совѣтуетъ Батюшкову обратиться за предметами вдохновеній, самъ вдохновлялъ молодаго поэта. Вліяніе безсмертнаго сатирика высказалось въ одномъ изъ лучшихъ лицейскихъ стихотвореній Пушкина *Лицинію* (т. I, стр. 88), которое онъ выдавалъ за переводъ съ латинскаго.

Въ посланіи *къ Галичу* (т. I, стр. 45), написанномъ въ началѣ 1815 г., изображенъ, разумѣется, не безъ примѣси вымысла, собиравшійся у него шумный кружокъ:

Въ тебѣ трудиться нѣтъ охоты:
Садись на тройку злыхъ коней,
Оставь Петрополь и заботы,
Лети въ счастливый городокъ,
Зайди къ жиду Золотареву,
Въ его всѣмъ общій уголокъ;
Мы тамъ, собравшися въ кружокъ,
Прольемъ вина струю багрову,
И съ громомъ двери на замокъ
Запретъ веселье молодое...

Счастливый городокъ — это Царское Село, а Золотаревъ — лицейскій экономъ, въ котораго нерѣдко швыряли гнилыми пирогами, и который вполнѣ заслужилъ данный ему эпитетъ. Въ другомъ посланіи *Къ Галичу* (стр. 47), написанномъ, вѣроятно, по увольненіи его изъ лицея, т. е. во второй половинѣ 1815 г., Пушкинъ съ сожалѣніемъ вспоминаетъ о вечерахъ, проведенныхъ въ его обществѣ:

Ужели мнѣ съ тобой
Лишь помощью бумаги
Минуты провождать,
И больше не видать
Парнасскаго бродяги...
Ужь темный уголокъ

И садикъ опустѣли,
Гдѣ мы подъ вечерокъ
За рюмками шумѣли...

Но пирушки, описанныя Пушкинымъ, кромѣ развѣ одной, разсказанной въ *Запискахъ* Пущина (стр. 15—18), и изъ за которой переполошилось все начальство, происходили только въ воображеніи поэта, который въ посланіи *князю Шаликову* 1816 г. (т. I, стр. 143) сознается, что онъ,

. . . трезвый, межъ друзьями,
Бывало, пѣлъ вино водяными стихами.

«Счастливый городокъ», о которомъ упоминаетъ Пушкинъ, послужилъ предметомъ большаго посланія подъ заглавіемъ *Городокъ* (т. I, стр. 30), написаннаго въ 1814 г., но отнесеннаго издателями къ 1815, потому что въ этомъ году оно было напечатано въ «Россійскомъ Музеумѣ» В. В. Измайлова. Стихотвореніе это, текстъ котораго дополненъ П. А. Ефремовымъ въ «Библіографическихъ Запискахъ» 1861 г. (№ 9. стр. 272—273), представляетъ много автобіографическихъ указаній, по которымъ можно судить о занятіяхъ, стремленіяхъ, вкусахъ и направленіи Пушкина въ то время; въ немъ же выразилась самая сильная степень вліянія Батюшкова. Эти обстоятельства побуждаютъ насъ остановиться на *Городкѣ* съ нѣкоторою подробностью.

При вымышленной обстановкѣ, которую не трудно отдѣлить отъ дѣйствительности, въ основаніи стихотворенія много искренности. Поэтъ говоритъ, что онъ

Два года все кружился
Безъ дѣла въ хлопотахъ,
Зѣвалъ и веселился (*)
Въ театрѣ, на пирахъ;

и не вѣдалъ покоя

Увы! ни на часокъ,
Какъ будто у налоя
Въ великій четвертокъ
Измученный дьячокъ;

(*) А не

Зѣвая веселился (?),

какъ напечатано во всѣхъ изданіяхъ.

но теперь живетъ

. . . въ городкѣ,
Безвѣстностью счастливомъ,

гдѣ

Лишь изрѣдка телѣга
Скрипитъ по мостовой,
Иль путникъ, въ домикъ мой
Пришедъ искать ночлега,
Дорожною клюкой
Въ калитку постучится...

Хотя эта попытка отвлечься отъ дѣйствительности и замѣнить ее вымысломъ составляетъ одинъ изъ самыхъ обыкновенныхъ поэтическихъ пріемовъ, но здѣсь, даже въ частностяхъ, замѣтно близкое подражаніе слѣдующимъ строкамъ изъ *Пенатовъ* Батюшкова, которымъ обязаны своимъ происхожденіемъ, какъ мы уже отчасти видѣли, многія стихотворенія Пушкина 1813—1815 годовъ:

Идя *путемъ-дорогой*
Съ смиренною *клюкой*
Ты смѣло *постучися*,
О воинъ, у меня;
Войди и обсушися
У яркаго огня.

Отъ этого нехитраго вымысла, заимствованнаго вмѣстѣ съ формою и выраженіемъ у Батюшкова, Пушкинъ переходитъ къ дѣйствительности, которую для него составляли поэзія и чтеніе. Любовь къ чтенію, еще и теперь преслѣдуемая во многихъ разсадникахъ просвѣщенія, находила въ лицеѣ больше простора, чѣмъ въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ. Учредители лицея и въ этомъ отношеніи были либеральнѣе прочихъ педагоговъ. Для чтенія газетъ и журналовъ устроена была особая комната, и кромѣ того, въ распоряженіи воспитанниковъ была небольшая библіотека, состоявшая преимущественно изъ произведеній русскихъ и французскихъ поэтовъ. Еще до поступленія въ лицей Пушкинъ изучилъ Вольтера, и ознакомился съ лучшими представителями эротической поэзіи XVIII вѣка: Грекуромъ, Грессе, Буффле, Парни и др. Эти поэты, духъ которыхъ отразился на произведеніяхъ Батюшкова, составляли, вмѣстѣ съ довольно скудными произведеніями отечественныхъ знаменитостей, любимое чтеніе Пушкина въ 1811 — 1815 г., какъ свидѣтельствуетъ *Городокъ*. Съ наибольшимъ восторгомъ поэтъ говоритъ въ немъ о Вольтерѣ, который

Всѣхъ больше перечитанъ,
Всѣхъ менѣе томитъ.

Изъ русскихъ писателей, прочитанныхъ Пушкинымъ, онъ прежде всего упоминаетъ о Державинѣ:

Питомцы юныхъ Грацій —
Съ Державинымъ потомъ
Чувствительный Горацій
Является вдвоемъ.

Но и это сближеніе Державина съ Гораціемъ Пушкинъ взялъ у Батюшкова, у котораго даже заимствовалъ и риѳму:

Въ толпѣ и Музъ, и *Грацій*
То съ лирой, то съ трубой,
Нашъ Пиндаръ, нашъ *Горацій*
Сливаетъ голосъ свой.

Далѣе Пушкинъ говоритъ о перечитанныхъ имъ Дмитріевѣ, Крыловѣ, Озеровѣ, Карамзинѣ, Фонъ-Визинѣ и Княжнинѣ; но съ особенною любовью останавливается на «потаенной тетради», заключавшей рукописныя сочиненія, которыя, соединяя въ себѣ дѣйствительныя достоинства съ привлекательностью запрещеннаго плода, читались на расхватъ, переходили изъ рукъ въ руки и распространялись въ многочисленныхъ спискахъ:

Сей свитокъ драгоцѣнный,
Вѣками сбереженный
Отъ члена русскихъ силъ,
Двоюроднаго брата,
Драгунскаго солдата,
Я даромъ получилъ.
Ты, кажется, въ сомнѣньи?...
Не трудно отгадать:
Такъ, это сочиненья,
Презрѣвшія печать.
Хвала вамъ, чада славы,
Враги парнасскихъ узъ!
О, князь! наперсникъ музъ!
Люблю твои забавы;
Люблю твой колкій стихъ
Въ посланіяхъ твоихъ;
Въ сатирѣ — знанье свѣта
И слога чистоту,
И въ рѣзвости куплета
Игриву остроту.

Это относится къ князю Д. П. Горчакову, автору весьма распространенныхъ въ то время сказки *Соловей* и сатиры *Святки*, о кото-

рой упоминаетъ Пушкинъ въ посланіи 1817 г. къ своему дядѣ, В. Л. Пушкину (т. I, стр. 173):

Смѣшонъ, конечно, мирный воинъ,
И эпиграммы самой злой
Въ извѣстныхъ «Святкахъ» онъ достоинъ.

Потомъ говорится въ *Городкѣ* о Батюшковѣ, относящіеся къ которому четыре стиха пропущены во всѣхъ изданіяхъ, и о его *Видѣніи на берегахъ Леты*, которое напечатано вполнѣ въ «Библіографическихъ Запискахъ» 1861 г. (№ 20):

И ты, насмѣшникъ смѣлый,
Въ ней мѣсто получилъ,
Чей въ адѣ свистъ веселый
Поэтовъ раздражилъ,
Какъ въ юношески лѣты
Въ волнахъ туманной Леты
Ихъ гуртомъ потопилъ.

Далѣе въ «драгоцѣнномъ свиткѣ» слѣдуетъ знаменитый *Опасный сосѣдъ* В. Л. Пушкина, къ которому относятся слѣдующія строки:

И ты, замысловатый
Буянова пѣвецъ,
Въ картинахъ столь богатый
И вкуса образецъ.

Мастерское произведеніе дяди поэта было очень распространено въ лицеѣ. Пушкинъ сначала не любилъ этого стихотворенія, и даже говорилъ (можетъ быть, только передъ начальствомъ), что писать такія вещи способенъ лишь пьяный или безумный, но впослѣдствіи, и весьма скоро, восхищался талантомъ пѣвца Буянова, и даже пробовалъ подражать ему. Потомъ слѣдуетъ обращеніе къ Крылову по поводу весьма распространенной тогда въ рукописи комедіи его *Трумфъ*, напечатанной лишь въ 1861 году за границею, и къ Баркову, который

Тетради половину
Наполнилъ лишь собой.

Пушкинъ не называетъ однакожь Баркова, считая неприличнымъ даже имя талантливаго стихотворца. Написанную въ подражаніе ему *Тѣнь Баркова*, балладу, отрывки изъ которой приведены въ предъидущей главѣ Пушкинъ называлъ въ лицеѣ *Тѣнь Кораблева*, чтобъ сколько нибудь замаскировать этимъ заглавіемъ имя героя и ея слишкомъ игривое содержаніе; а впослѣдствіи, какъ говоритъ А. П. Керн

въ *Воспоминаніяхъ о Пушкинѣ* («Библіотека для Чтенія» 1859 г., №4, стр. 127), найдя въ ея альбомѣ имя другаго Баркова съ стихами, приписалъ между прочимъ:

Не смѣю вамъ стихи Баркова
Благопристойно перевесть,
И даже имени такого
Не смѣю громко произнесть!

Къ тому же роду сочиненій, «презрѣвшихъ печать», читавшихся въ лицеѣ, принадлежала и поэма Майкова *Елисей*, о которой съ восторгомъ говоритъ Пушкинъ въ письмѣ къ А. Бестужеву отъ 13 іюня 1823 г., напечатанномъ между прочимъ въ статьѣ П. И. Бартенева *Пушкинъ въ южной Россіи* («Русская Рѣчь» 1861 г. №№ 103 и 104).

Но чѣмъ болѣе удаляется Пушкинъ въ своемъ посланіи отъ дѣйствительности, тѣмъ болѣе фантазія его подчиняется Батюшкову, подражаніе которому доходитъ до простыхъ заимствованій. Въ доказательство представляемъ сличенія. Батюшковъ, обращаясь къ любимымъ своимъ поэтамъ, говоритъ:

Наставники-піиты
О, Фебовы жрецы! (*)
Вамъ, вамъ плетутъ Хариты
Безсмертные вѣнцы!

Я вами здѣсь вкушаю
Восторги Піеридъ,
И въ радостп взываю:
О, музы! я піитъ!

А вы, смиренной хаты
О, Лары и Пенаты!
Отъ зависти людской
Мое сокройте счастье,
Сердечно сладострастье,
И негу, и покой!

У Пушкина находимъ ту же мысль, высказанную въ весьма похожей формѣ:

Ахъ, счастливъ, счастливъ тотъ,
Кто лиру въ даръ отъ *Феба*
Во цвѣтѣ дней возьметъ!

(*) У А. Пушкина въ *Городкѣ*:

Парнасскіе жрецы.

Какъ смѣлый житель неба,
Онъ къ солнцу воспаритъ,
Превыше смертныхъ станетъ
И слава громко грянетъ:
«*Безсмертенъ* ввѣкъ *ніитъ*!»

Мечтанье легкокрыло!
О, будь же ты со мной!
Дай руку *сладострастью*,
И съ чашей круговой
Веди меня ко *счастью*
Забвенія тропой...

Батюшковъ призываетъ

Въ смиренный уголокъ

тайкомъ переодѣтую Лилету:

Накинь мой плащъ широкій,
Мечемъ вооружись,
И въ полночи глубокой
Внезапно постучись.

Пушкинъ почти въ тѣхъ же выраженіяхъ обращается къ мечтѣ:

Примчись въ *мой* домикъ тѣсный,
Тихонько постучись,
И въ тишинѣ прелестной
Съ любимцемъ обнимись!

Батюшковъ даетъ пріютъ старому воину:

О, старецъ, убѣленный
Годами и трудомъ,
Трикраты уязвленный
На приступѣ штыкомъ!
Двуструнной балалайкой
Походы прозвени,
Про витязя съ нагайкой,
Что въ жупелъ и въ огни
Леталъ передъ полками,
Какъ вихорь на поляхъ,
И вкругъ его рядами
Враги ложились въ прахъ!...

Пушкинъ говоритъ о семидесяти-лѣтнемъ отставномъ маіорѣ:

Вечернею пирушкой
Старикъ развеселясь,
За дѣдовскою кружкой
Въ прошедшемъ углубясь,
Съ очаковской медалью
На раненой груди,
Воспомнитъ ту баталью,
Гдѣ, роты впереди,
Летѣлъ на встрѣчу славы,
Но встрѣтился съ ядромъ,
И палъ на долъ кровавый
Съ булатнымъ палашомъ.

Въ насмѣшкахъ Пушкина надъ извѣстнымъ метроманомъ, графомъ Хвостовымъ, и даже въ названіи его Свистовымъ, также слышится отголосокъ Батюшкова, который въ посланіи *Къ Жуковскому* говоритъ, что ему предстоятъ

... новыя мученья
Достойныя бѣсовъ:
Свои стихотворенья
Читаетъ мнѣ Свистовъ...

Пушкинъ все въ томъ же *Городкѣ* говоритъ:

Такъ нѣкогда Свистова
Въ столицѣ я внималъ,
Когда свои творенья
Онъ съ жаромъ мнѣ читалъ.
Ахъ, видно Богъ пыталъ
Тогда мое терпѣнье!

Эти строки напоминаютъ намъ невѣрно напечатанную въ берлинскомъ изданіи 1861 г. «Стихотвореній» Пушкина (стр. 110) эпиграмму его на Хвостова, у котораго стихотворство было не единственною слабостью:

Сожалѣнье не поможетъ,
Все жь мнѣ жаль, что графъ Хвостовъ
Удержать въ себѣ не можетъ
Ни у...., ни стиховъ.

Окончимъ сравненіе заключительными обращеніями поэтовъ. Батюшковъ, обращаясь къ князю Вяземскому, говоритъ:

О! дай же ты мнѣ руку,
Товарищъ въ лѣни мой,

И мы потонимъ скуку
Въ сей чашѣ круговой!

Василій Пушкинъ заключаетъ посланіе къ Дашкову, повторяя то же самое:

Мой милый другъ, конечно,
Увидимся съ тобой!
За чашей круговой,
Рукой ударивъ въ руку,
Печаль забудемъ, скуку,
И будемъ ликовать.

А Александръ Пушкинъ кончаетъ посланіе слѣдующимъ обращеніемъ, заимствованнымъ у обоихъ:

Но другъ мой, если вскорѣ
Увижусь я съ тобой,
То *мы уходимъ горе*
За чашей круговой.

Сличенія эти вполнѣ доказываютъ, что одно изъ замѣчательныхъ во многихъ отношеніяхъ юношескихъ произведеній Пушкина, не смотря на выразившуюся въ немъ личность поэта, есть сколокъ съ *Моихъ Пенатовъ*.

Стихотвореніе Батюшкова, вызвавшее много подражаній, не разъ служило Пушкину источникомъ, къ которому онъ обращался за мотивами своихъ стихотвореній. Подъ вліяніемъ этого стихотворенія и тѣмъ же размѣромъ написаны въ 1815 году посланія: *Къ Пущину*, *Къ Галичу* (упомянутое выше), *Къ Дельвигу* и къ самому *Батюшкову* (т. I, стр. 43, 47, 52 и 55). Первое изъ нихъ даже оканчивается стихами, напоминающими только что приведенные:

Веселье, будь до гроба
Сопутникъ вѣрный нашъ,
И пусть умремъ мы оба
При стукѣ полныхъ чашъ!

Въ посланіи къ Дельвигу, упомянутомъ выше, Пушкинъ разсказываетъ исторію своего стихотворства:

Поэтовъ грѣшный ликъ
Умножилъ я собою,
И я главой поникъ
Предъ милою мечтою.
Мой дядюшка-поэтъ
На то мнѣ далъ совѣтъ

И съ музами сосваталъ;
Сначала я шалилъ,
Шутя стихи кропилъ,
А тамъ ихъ напечаталъ.

Впрочемъ, дядюшка-поэтъ, привезшій въ Петербургъ своего племянника и сосватавшій его съ музами, привѣтствовалъ первые его опыты извѣстною эпиграммою:

Какой-то стихотворъ (довольно ихъ у насъ),

на которую Пушкинъ только въ 1829 году отозвался эпиграммою же (т. I, стр. 431):

Мальчишка Фебу гимнъ поднесъ...

Такое же подражаніе Батюшкову представляетъ, написанное Пушкинымъ въ 1815 году, но отнесенное издателями къ стихотвореніямъ неизвѣстныхъ годовъ, *Воспоминаніе* (т. I, стр. 556), которое, по выраженіямъ и мотиву, напоминаетъ стихотвореніе Батюшкова *Ложный Страхъ*, переведенное изъ Парни (La Frayeur), не имѣя съ нимъ ничего общаго по мысли. Это внѣшнее сходство и въ то же время внутреннее различіе обоихъ произведеній видно съ первыхъ же строкъ. Батюшковъ говоритъ:

Помнишь ли, мой другъ безцѣнный,
Какъ съ Амурами тишкомъ,
Мракомъ ночи окруженный,
Я къ тебѣ прокрался въ домъ?

У Пушкина читаемъ:

Помнишь ли, мой другъ по чашѣ,
Какъ въ отрадной тишинѣ,
Мы топили горе наше
Въ чистомъ пѣнистомъ винѣ?

Подобное сходство мотива приводитъ къ заключенію, что Пушкинъ въ это время подчинялся вліянію Батюшкова даже въ такихъ произведеніяхъ, которыя, какъ *Воспоминаніе*, вызваны окружавшею поэта дѣйствительностью и личными его впечатлѣніями. Подражаніе Батюшкову обнаруживается не только въ содержаніи, духѣ и формѣ стихотвореній Пушкина, но замѣтно даже во внѣшнихъ пріемахъ. Напримѣръ, Батюшковъ написалъ въ 1816 или 1817 г. письмо къ В. Л. Пушкину стихами и прозою, напечанное лишь въ 1827 году въ «Московскомъ Телеграфѣ» (ч. 13, отд. 2, стр. 91). Молодой Пушкинъ,

которому не могло не быть извѣстно это посланіе въ рукописи, также написалъ *Письмо къ В. Л. Пушкину* (т. I, стр. 125), которое также перемѣшано стихами и прозою. Вліянію Батюшкова Пушкинъ подчинялся совершенно сознательно, чувствуя превосходство его, какъ художника, надъ всѣми предшествовавшими ему русскими поэтами, и даже отдавалъ предпочтеніе тѣмъ изъ своихъ произведеній, въ которыхъ вліяніе это замѣтнѣе. Такъ, напримѣръ, онъ особенно любилъ свое стихотвореніе *Муза* (т. I, стр. 243), потому, какъ признавался Иванчину-Писареву, что оно «отзывается стихами Батюшкова» («Москвитянинъ» 1842 № 3, стр. 147).

Симпатическая муза Батюшкова была для Пушкина тѣмъ привлекательнѣе, что въ ней онъ видѣлъ истолкователыницу и представительницу овладѣвшихъ его юношескимъ воображеніемъ французскихъ эротическихъ поэтовъ. Непосредственное вліяніе ихъ было однакожъ не довольно сильно, чтобы Пушкинъ вполнѣ ему подчинился. Въ нихъ его увлекало льстившее чувственности содержаніе и проблески неподдѣльной поэзіи, мелькающей въ произведеніяхъ Буфле и Парни; но артистическая натура Пушкина тогда только усвоила это направленіе, въ которомъ истинная поэзія такъ близко граничитъ съ безвкусіемъ и цинизмомъ, когда болѣе зрѣлый, чѣмъ онъ, художникъ облекъ для насъ ея содержаніе въ изящнѣйшіе звуки и образы.

Несравненно менѣе вліянія на Пушкина имѣлъ Жуковскій, хотя онъ не безъ основанія считается его поэтическимъ учителемъ. Вліяніе это, впрочемъ, ограничивается только формою: оно чувствуется въ музыкальности и гармоніи стиха, но въ содержаніи едва уловимо. Это объясняется тѣмъ, что Жуковскій былъ представителемъ у насъ германской поэзіи, которой Пушкинъ никогда не сочувствовалъ; оригинальныя же произведенія пѣвца Свѣтланы лишены самобытности и бѣдны содержаніемъ. Пушкинъ, въ частностяхъ, болѣе пародировалъ Жуковскаго, чѣмъ подражалъ ему, и даже въ этомъ отношеніи подчинялся вліянію Батюшкова, написавшаго остроумную пародію на знаменитаго *Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ*, о которой мы уже не разъ упоминали. Произведенія Жуковскаго, особенно оригинальныя, при всѣхъ своихъ достоинствахъ относительно языка, дѣйствительно представляли удобный матеріалъ для пародій, которыя, съ легкой руки Батюшкова, являлись одна за другою, даже и въ лицейскомъ кружкѣ, почти на всякое, сколько нибудь замѣчательное стихотвореніе Жуковскаго. Въ одномъ изъ первыхъ произведеній Пушкина *Тѣнь Баркова* замѣтна, какъ уже сказано выше (гл. II стр. 155), пародія на балладу Жуковскаго *Громобой*, составляющую первую часть повѣсти *Двѣнадцать спящихъ дѣвъ*. Содержаніе ея Пушкинъ разсказываетъ въ четвертой пѣснѣ *Руслана и Люд-*

милы (т. II, стр. 56); но разсказъ этотъ не заключаетъ однакожь пародіи, которую находитъ въ немъ г. Бартеневъ въ 3-й главѣ біографіи Пушкина, вѣроятно на томъ основаніи, что поэтъ писалъ впослѣдствіи: «За пародію Двѣнадцати Спящихъ Дѣвъ можно было меня пожурить порядкомъ, какъ за недостатокъ эстетическаго чувства. Непростительно было (особенно въ мои лѣта) пародировать, въ угожденіе черни, дѣвственное поэтическое созданіе». Слова эти относятся не къ четвертой пѣснѣ *Руслана*, а къ *Тѣни Баркова*. Въ упомянутой же пѣснѣ, напротивъ того, есть обращеніе къ Жуковскому, исполненное, не смотря на нѣкоторую шутливость тона, глубокаго уваженія:

Поэзіи чудесный геній,
Пѣвецъ таинственныхъ видѣній,
Любви, мечтаній и чертей;
Могилъ и рая вѣрный житель,
И Музы вѣтреной моей
Наперсникъ, пѣстунъ и хранитель!

Другая пародія вызвана переведеннымъ Жуковскимъ въ 1816 году стихотвореніемъ Гебеля *Тлѣнность* (Die Vergänglichkeit), и приведена гг. Анненковымъ (стр. 46) и Бартеневымъ (гл. 3); а третья, не явившаяся еще у насъ въ печати, и неправильно напечатанная въ берлинскомъ изданіи 1861 года «Стихотвореній» Пушкина (стр. 105): «Изъ савана одѣлся ты въ ливрею», написана гораздо позже на *Пѣвца* Жуковскаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ есть злая на него эпиграмма. Не смотря, однакожь, на всѣ свои насмѣшки, изъ которыхъ иныя не скрывались и отъ Жуковскаго, Пушкинъ всегда признавалъ его своимъ учителемъ въ стихотворствѣ и уважалъ, какъ человѣка, хотя расходился съ нимъ во многихъ основныхъ убѣжденіяхъ. Свое сочувствіе Жуковскому онъ выразилъ на первыхъ же страницахъ дневника, въ уцѣлѣвшемъ отрывкѣ котораго, напечатанномъ г. Анненковымъ (стр. 22), первая личная замѣтка касается вниманія Жуковскаго, подарившаго молодому поэту въ 1815 году свои стихотворенія. Въ нихъ же Пушкинъ нашелъ выраженіе первыхъ сердечныхъ тревогъ, высказавъ ихъ въ томъ же дневникѣ стихами изъ *Пѣвца* Жуковскаго:

Онъ пѣлъ любовь, но былъ печаленъ гласъ.
Увы! онъ зналъ любви одну лишь муку.

Восторженное же обращеніе къ «Славянскому барду», къ «вдохновенному скальду Россіи» завершаетъ *Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ* (т. I, стр. 87), съ которыхъ началась слава Пушкина.

Во второй главѣ этого труда, мы уже имѣли случай указать нѣко-

торыя весьма близкія заимствованія въ стихотвореніяхъ Пушкина *Къ Делiи* и *Къ Сестрѣ* изъ посланія Жуковскаго *Къ Батюшкову*. Свое посланіе *Къ Батюшкову* же (т. I, стр. 55) Пушкинъ оканчиваетъ стихомъ

Будь всякій при своемъ,

взятымъ изъ того же посланія Жуковскаго:

Будь каждый при своемъ.

Отчасти подъ вліяніемъ этого же стихотворенія и посланія Жуковскаго *Къ Б....у*, и тѣмъ же размѣромъ, написаны упомянутые выше посланія Пушкина *Къ Сестрѣ*, *Городокъ*, *Къ Пущину* и *Къ Галичу*. Въ элегіи Пушкина *Разлука* (т. I, стр. 136), о которой по другому обстоятельству говорится ниже, повторяются мысли, и слышится настроеніе, которыя находимъ въ *Пѣснѣ* Жуковскаго («Мой другъ, хранитель, ангелъ мой»). Посланіе Пушкина *Къ князю А. М. Горчакову* (т. I, стр. 147), упомянутое нами во второй главѣ, напоминаетъ содержаніемъ, размѣромъ и нѣкоторыми выраженіями посланіе Жуковскаго *Къ Филалету*. Напримѣръ, у Жуковскаго:

Любовь.... но я въ любви нашелъ одну мечту,
Безумца тяжкій сонъ, тоску безъ раздѣленья,
И невозвратное надеждъ уничтоженье.

У Пушкина:

Я зналъ любовь, но я не зналъ надежды;
Страдалъ одинъ, въ безмолвіи любилъ...
Безумный сонъ покинулъ томны вѣжды,...

Такое же сходство замѣтно и въ концѣ обоихъ посланій. У Жуковскаго:

Гдѣ тотъ, кому дано святое наслажденье
За милыхъ слезы лить, страдать и погибать?
Ахъ! еслибъ мы могли въ сей области изгнанья
Столь восхитительно презрѣнну жизнь кончать—
Кто бъ небо оскорбилъ безумiемъ роптанья?!

У Пушкина:

Но что? стыжусь! Нѣтъ, ропотъ—униженье;
Нѣтъ, праведно боговъ опредѣленье.
Ужель лишь мнѣ не вѣдать ясныхъ дней?
Нѣтъ, и въ слезахъ сокрыто наслажденье,

И въ жизни сей мнѣ будетъ въ утѣшенье
Мой скромный даръ и счастіе друзей!

Нѣкоторыя выраженія Жуковскаго, поразившія Пушкина, усвоивались имъ, можетъ быть, безсознательно, и повторялись безъ всякой связи съ цѣлымъ, изъ котораго заимствованы. Такъ, напримѣръ, выраженіе въ элегіи Жуковскаго *Вечеръ*:

Лишенный спутниковъ, влача сомнѣній грузъ,

повторяется Пушкинымъ въ посланіи *Къ ней* (т. I, стр. 179):

Напрасно! я влачилъ постыдной лѣни грузъ,

хотя между этими стихотвореніями мало общаго. Нѣсколько стихотвореній Пушкина, какъ напримѣръ: *Пирующіе друзья*, *Казакъ*, и *Мечтатель* (т. I, стр. 19, 59 и 70), написаны любимымъ размѣромъ Жуковскаго, и впервые встрѣчающемся въ его балладахъ, *Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ* и *Пѣвецъ въ Кремлѣ*. Но уваженіе Пушкина къ «пѣстуну и хранителю» его «вѣтреной музы» и вліяніе его по духу и фактурѣ стиха особенно выразились въ посланіи *Къ Жуковскому* (т. I, стр. 154), которое принадлежитъ къ лучшимъ лицейскимъ стихотвореніямъ Пушкина. Испрашивая благословенія знаменитаго поэта, Пушкинъ вспоминаетъ о вниманіи, которымъ его ободрили Карамзинъ, Дмитріевъ, Державинъ, и наконецъ, Жуковскій, дружескимъ участіемъ и заботливостью котораго съ первой же встрѣчи Пушкинъ дорожилъ всю жизнь:

И ты, природою на пѣсни обреченный,
Не ты ль мнѣ руку далъ въ завѣтъ любви священной?
Могу ль забыть я часъ, когда передъ тобой
Безмолвный я стоялъ, и молвѣйной струей
Душа къ возвышенной душѣ твоей летѣла,
И, тайно съединясь, въ восторгахъ пламенѣла?

Въ этомъ стихотвореніи Пушкинъ высказалъ свое сочувствіе къ лучшимъ дѣятелямъ нашей литературы, начиная отъ «полунощнаго дива» — Ломоносова до послѣдняго въ то время представителя ея — Жуковскаго, и насмѣялся надъ славянофилами, стремившимися и тогда къ обратному движенію мысли. Въ литературномъ отношеніи, по фактурѣ стиха, посланіе это напоминаетъ знаменитое посланіе Жуковскаго *Къ императору Александру*.

О личныхъ отношеніяхъ Пушкина къ Жуковскому, Карамзину, Дмитріеву, Батюшкову и къ арзамасскому обществу, избравшему молодаго поэта своимъ членомъ, упоминаетъ г. Бартеневъ во 2 и 3 гла-

вахъ его біографіи. Осенью 1817 г., находясь единственный разъ въ засѣданіи Арзамаса, Пушкинъ въ своей вступительной шуточной рѣчи, въ стихахъ, къ сожалѣнію не сохранившейся, упоминаетъ о дѣятельности Жуковскаго въ Арзамасѣ,

Гдѣ славилъ нашъ Тиртей кисель (*) и Александра,
Гдѣ смерть Захарову пророчила Кассандра.

Но, не смотря на иронію, проглядывавшую мѣстами въ отзывахъ и сужденіяхъ Пушкина, онъ своимъ эстетическимъ чувствомъ едва ли не лучше всѣхъ своихъ современниковъ понималъ достоинства и недостатки поэзіи Жуковскаго, и не касаясь ея, по большей части бѣднаго и фальшиваго, содержанія, старался усвоить ея гармоническую, еще новую въ то время, форму. Впослѣдствіи, въ пору уже совершенной зрѣлости своего таланта, Пушкинъ еще болѣе сознавалъ заслуги Жуковскаго, и предсказывалъ, что

Его стиховъ плѣнительная сладость
Пройдетъ вѣковъ завистливую даль.

Гораздо труднѣе опредѣлить и прослѣдить вліяніе на Пушкина другихъ поэтовъ. Оно замѣтно только въ первые годы его дѣятельности, но было такъ слабо, заимствованія такъ ничтожны и такъ скоро исчезаютъ въ общемъ, что объ этомъ вліяніи можно только догадываться и даже знать, не имѣя однакожь возможности сдѣлать опредѣлительныя указанія. Бѣлинскій весьма удачно сравнилъ поэзію Пушкина съ моремъ или великою рѣкою, заимствующими свои воды изъ другихъ рѣкъ. «Кто можетъ, говоритъ Бѣлинскій, разложить химически воду, напримѣръ, Волги, чтобъ узнать въ ней воды Оки и Камы? Принявъ въ себя столько рѣкъ, и большихъ, и малыхъ, Волга пышно катитъ свои собственныя волны, и всѣ, зная о ея безчисленныхъ похищеніяхъ, не могутъ указать ни на одно изъ нихъ, плывя по ея широкому раздолью. Муза Пушкина была вскормлена и воспитана твореніями предшествовавшихъ поэтовъ. Скажемъ болѣе: она приняла ихъ въ себя, какъ свое законное достояніе, и возвратила ихъ міру въ новомъ преображенномъ видѣ» («Сочиненія» Бѣлинскаго, ч. 8, стр. 300).

Военныя событія, возвеличившія, на время, Россію, дали новое, хотя искусственное возбужденіе поэтической дѣятельности Пушкина. Патріотическое настроеніе, овладѣвшее обществомъ, было прочувствовано и поэтомъ, который сверхъ того былъ свидѣтелемъ восторга при

(*) «Овсяный кисель».

возвращеніи побѣдителей, выразившагося въ торжественныхъ встрѣчахъ, стихахъ и праздникахъ. На одномъ изъ такихъ торжествъ, происходившемъ въ Павловскѣ 27 іюля 1814 г., въ числѣ зрителей были и лицеисты. Праздникъ этотъ, для котораго устроена была зала, извѣстная подъ названіемъ «розоваго павильона», описанъ въ «Русскомъ Инвалидѣ» 1814 г. (№ 63), и потому не распространяемся о немъ; но приведемъ нѣсколько строкъ изъ личныхъ воспоминаній по этому случаю барона М. А. Корфа: «Сперва былъ балетъ на лугу передъ павильономъ, гдѣ декораціи образовались изъ живой зелени, а задняя стѣна представляла окрестности Парижа и Монмартръ съ его вѣтряными мельницами, работы извѣстнаго декоратора Гонзаго. Потомъ былъ балъ въ новоустроенной залѣ, убранной снизу до верху розовыми гирляндами, произведеніемъ воспитанницъ Смольнаго монастыря... «Нашъ Агамемнонъ», низложитель Наполеона, миротворецъ Европы, сіялъ во всемъ величіи, какое только доступно человѣку; кругомъ его — блестящая молодежь въ эполетахъ и аксельбантахъ, едва только возвратившаяся изъ Парижа съ самыми свѣжими лаврами, пожатыми не на одномъ только полѣ битвъ, и среди этой пестрой, ликующей толпы, счастливая мать, гордящаяся своимъ сыномъ и его Россіею... Какъ все это свѣжо еще въ моей памяти, даже до краснаго кавалергардскаго мундира, въ которомъ танцовалъ государь!... Насъ, скромныхъ зрителей, привели, разумѣется, пѣшкомъ, изъ Царскаго Села, чтобъ полюбоваться этими диковинками. На балетъ мы смотрѣли изъ сада; на балъ — съ окружающей залу галлереи. Потомъ, повели насъ обратно, пѣшкомъ же, безъ чаю, безъ яблочка, безъ стакана воды». Пушкина особенно занимали устроенныя между дворцомъ и павильономъ тріумфальныя ворота, на которыхъ, какъ будто въ насмѣшку надъ ихъ малымъ размѣромъ, были написаны два стиха Буниной:

Тебя, текуща нынѣ съ бою,
Врата побѣдны не вмѣстятъ!

Стихи эти взяты изъ *Пѣсни Александру Великому, побѣдителю Наполеона и возстановителю царствъ*, изданной отдѣльно въ 1814 г., а впослѣдствіи помѣщенной въ «Собраніи стихотвореній Анны Буниной» 1819 г. (ч. I, стр. 25). Пушкинъ по этому поводу набросалъ перомъ рисунокъ, изображавшій замѣшательство, происходившее будто бы у «побѣдныхъ вратъ»: лица, составлявшія шествіе, видятъ, приближаясь къ воротамъ, что они дѣйствительно «не вмѣстятъ» государя, который при томъ еще пополнѣлъ въ Парижѣ, и нѣкоторые изъ свиты бросаются рубить ихъ. Остроумный рисунокъ, представлявшій нѣсколько портретовъ, скоро распространился и былъ пода-

ренъ Пушкинымъ К. А. Карамзиной. Автора невинной шутки долго искали, — но, разумѣется, не нашли.

Подъ вліяніемъ воинственнаго и патріотическаго направленія, на которое, въ общемъ хорѣ, отозвалась, какъ мы уже видѣли (глава I, стр. 153), и лицейская муза, Пушкинъ написалъ холодное риторическое стихотвореніе *Наполеонъ на Эльбѣ* и *Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ*. Оба произведенія отнесены издателями неправильно къ 1815 г., вѣроятно потому, что въ этомъ году были напечатаны; но написаны они во второй половинѣ 1814 г. Это подтверждается содержаніемъ перваго и обстоятельствами втораго: Наполеонъ пробылъ на Эльбѣ съ мая того года по февраль 1815, а *Воспоминанія* прочитаны на публичномъ экзаменѣ 8 января 1815 г., но предварительно разсматривались начальствомъ, были предетавлены графу Разумовскому и были прочтены при немъ на репетиціи, происходившей за нѣсколько дней до экзамена, который начался 4 января. Оба стихотворенія навѣяны одами Державина, и такъ же, какъ онѣ, холодны и напыщенны; въ нихъ, особенно въ *Наполеонѣ*, такъ же много дѣтски-хвастливаго забіячества, составлявшаго въ то время главный ингредіентъ патріотическихъ сочиненій. Черезъ нѣсколько лѣтъ Пушкинъ, какъ бы желая изгладить впечатлѣніе рутиннаго патріотизма и взглядовъ, высказавшихся въ этихъ стихотвореніяхъ, написалъ въ 1821 г. двѣ новыя оды о Наполеонѣ (т. I, стр. 251 и 255), напечатанныя съ пропусками въ обоихъ изданіяхъ, а въ 1829 г. новыя *Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ* (т. I, стр. 422). Первыя двѣ можно считать какъ бы искупленіемъ мыслей, высказанныхъ лѣтъ за шесть предъ тѣмъ о Наполеонѣ, котораго Пушкинъ называлъ «губителемъ» и «хищникомъ», и заставлялъ «свирѣпо процвѣсти» предсказаніе своего «позора». Въ одѣ *Наполеонъ*, написанной на его смерть, Пушкинъ, съ спокойствіемъ, уже чуждымъ всякой злобы, говоритъ о «великомъ человѣкѣ»:

Когда надеждой озаренный,
Отъ рабства пробудился міръ,
И Галлъ десницей разъяренной
Повергнулъ ветхій свой кумиръ....

Тогда въ волненьи бурь народныхъ,
Предвидя чудный свой удѣлъ,
Въ его надеждахъ благородныхъ
Ты человѣчество презрѣлъ.

Свѣтлый, гуманный взглядъ поэта особенно выразился въ словѣ примиренья, такъ энергически завершающемъ эту оду. Другое сти-

хотвореніе о Наполеонѣ напечатано въ берлинскомъ изданіи 1861 г. «Стихотвореній» Пушкина (стр. 22—25) подъ именемъ *Отрывокъ* («Недвижимый стражъ дремалъ»...), изъ десяти строфъ котораго помѣщены въ двухъ послѣднихъ изданіяхъ «Сочиненій» Пушкина (т. I, стр. 255) только послѣднія пять, и то съ большими пропусками и невѣрностями.

Въ стихотвореніи этомъ Наполеонъ является уже, какъ

... чудный мужъ, посланникъ провидѣнья,
Свершитель роковой безвѣстнаго велѣнья,

и поэтъ говоритъ о немъ:

IX.

Нѣтъ! чудный взоръ его, живой, неуловимый,
То въ даль затерянный, то вдругъ неотразимый,
Какъ боевой перунъ, какъ молнія сверкалъ;
Во цвѣтѣ здравія и мужества, и мощи,
Владыкѣ полуночи (*)
Владыка запада грозящій предстоялъ.

X.

Таковъ онъ былъ, когда въ равнинахъ Австерлица
Дружины сѣвера гнала его десница,
И Русскій въ первый разъ предъ гибелью бѣжалъ;
Таковъ онъ былъ, когда съ побѣднымъ договоромъ
И съ миромъ.....
Предъ юношей царемъ въ Тильзитѣ предстоялъ.

Тотъ же примирительный тонъ, но уже съ примѣсью грусти, неудовлетворенія и раскаянья, вынесенныхъ изъ жизни, слышится въ его *Воспоминаніяхъ въ Царскомъ Селѣ* 1829 г., въ которыхъ находимъ и трогательное обращеніе къ лицею:

Я думалъ о тебѣ, пріютъ благословенный,
Воображалъ сіи сады!
Воображалъ сей день счастливый,
Когда средь нихъ возникъ лицей,

(*) Во всѣхъ изданіяхъ вмѣсто *Владыкѣ* напечатано *Во мракѣ*. Только въ статьѣ г. Бартенева *Пушкинъ въ южной Россіи* («Русская Рѣчь» 1861, № 93, стр. 644), отрывокъ изъ этого стихотворенія приведенъ правильно.

И слышалъ снова шумъ игривый,
И видѣлъ вновь семью друзей!
Вновь нѣжнымъ отрокомъ, то пылкимъ, то ленивымъ,
Мечтанья смутныя въ груди моей тая,
Скитался по лугамъ, по рощамъ молчаливымъ...
Поэтомъ забывался я!

Публичный экзаменъ, о которомъ упомянуто выше, былъ произведенъ, въ управленіе Гауэншильда, 4 и 8 января 1815 г., для перевода воспитанниковъ въ старшій курсъ. Въ «Сынѣ Отечества» 1815 г. (ч. 19, № II, стр. 87) напечатано объ этомъ испытаніи краткое, совершенно «казенное» извѣстіе, въ которомъ сказано, что «испытаніе сіе, удовлетворивъ ожиданіямъ публики, свидѣтельствуетъ, съ какимъ отеческимъ стараніемъ начальство печется о образованіи ввѣреннаго ему юношества». Въ какой степени Пушкинъ и Дельвигъ «удовлетворили ожиданіямъ публики» — неизвѣстно. Послѣдній въ письмѣ къ своей теткѣ отъ 6 октября того же года говоритъ только, что у нихъ былъ экзаменъ, «и, слава Богу, благополучно кончился». Посѣтителей было не много, но въ числѣ ихъ находились Уваровъ, Филаретъ, Иннокентій, и въ послѣдній день Державинъ. На первомъ экзаменѣ читалъ М. Л. Яковлевъ разсужденіе *О причинахъ, охлаждающихъ любовь къ отечеству*, написанное имъ на заданную тему, и выбранное гр. Разумовскимъ предпочтительно предъ другими сочиненіями; а на второмъ читалъ Пушкинъ свои *Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ*. Державинъ, выслушавъ это произведеніе, въ которомъ чувствовалось ему что-то родственное, растроганный, сказалъ: «я не умеръ», и хотѣлъ обнять своего преемника. Объ этомъ обстоятельствѣ Пушкинъ вспоминаетъ въ упомянутомъ выше посланіи *Къ Жуковскому*:

И славный старецъ нашъ, царей пѣвецъ избранный,
Крылатымъ геніемъ и граціей вѣнчанный,
Въ слезахъ обнялъ меня дрожащею рукой,
И счастье мнѣ предрекъ, незнаемое мной,

и въ восьмой главѣ *Евгенія Онѣгина* (т. III, стр. 185), говоря о музѣ, являвшейся ему въ лицеѣ:

И свѣтъ ее съ улыбкой встрѣтилъ:
Успѣхъ насъ первый окрылилъ;
Старикъ Державинъ насъ замѣтилъ
И, въ гробъ сходя, благословилъ.

Благоговѣніе Пушкина и Дельвига къ Державину, восторгъ его, возбужденный звучными и сильными стихами, и замѣшательство

молодаго поэта очень живо описаны имъ, и, безъ сомнѣнія, памятны читателямъ, тѣмъ болѣе, что разсказъ этотъ часто повторялся. Когда черезъ годъ послѣ того Державинъ скончался (8 іюля 1816 г.), Дельвигъ высказалъ свое удивленіе къ нему одою на его смерть. Эта неизданная ода, написанная бѣлыми стихами, напыщенная, длинная и неуклюжая, почему и не приводимъ ее, оканчивается обращеніемъ къ Пушкину, въ которомъ Дельвигъ первый предсказалъ великаго поэта, и котораго считалъ законнымъ преемникомъ Державина. Любопытно сравнить юношеское восторженное удивленіе Пушкина Державину съ совершенно противоположнымъ мнѣніемъ о немъ, высказавшимся черезъ десять лѣтъ въ письмѣ къ Дельвигу изъ Михайловскаго отъ 5 іюня 1825 г., не вполнѣ напечатанномъ въ трудѣ г. Анненкова (стр. 156—157). Вотъ что пишетъ Пушкинъ: «По твоемъ отъѣздѣ перечелъ я Державина всего — и вотъ окончательное о немъ мнѣніе: этотъ чудакъ не зналъ ни русской грамоты, ни духа русскаго языка (вотъ почему онъ ниже Ломоносова). Онъ не имѣлъ понятія ни о слогѣ, ни о гармоніи, ни даже о правилахъ стихосложенія: вотъ почему онъ и долженъ бѣсить всякое разборчивое ухо. Онъ не только не выдерживаетъ оды, но не можетъ выдержать и строфы (исключая чего знаешь). *Что же въ немъ? мысли, картины и движенія истинно поэтическія.* Читая его, кажется, читаешь дурной вольный переводъ съ какого-то чудеснаго подлинника. Ей-Богу, его геній думалъ по татарски, а русской грамоты не зналъ за недосугомъ. Державинъ, со временемъ переведенный, изумитъ Европу, а мы изъ гордости народной не скажемъ всего, что знаемъ о немъ, не говоря ужъ о его министерствѣ. У Державина должно сохранить будетъ одъ восемъ, да нѣсколько отрывковъ, а прочее сжечь. Геній его можно сравнить съ геніемъ Суворова. Жаль, что нашъ поэтъ слишкомъ часто кричалъ пѣтухомъ». Въ этомъ поразительно-мѣткомъ сужденіи Пушкинъ ошибся только въ одномъ: произведенія Державина уже давно переведены на европейскіе языки, но Европа не изумилась.

Нѣсколько большею искренностью и простотою, сравнительно съ упомянутыми двумя воинственно-патріотическими стихотвореніями, отличается, принадлежащее къ тому же направленію, стихотвореніе *На возвращеніе Государя Императора изъ Парижа въ 1815 году*. Въ этой одѣ, написанной въ концѣ 1815 г. (государь возвратился 1 декабря), чувствуется мѣстами отрѣшеніе отъ натянутой оффиціальной манеры, а въ стихѣ, уже довольно звучномъ, слышится вліяніе Жуковскаго. Но, не смотря на искренность патріотическаго порыва, всплывающаго мѣстами въ этомъ стихотвореніи, оно вообще холодно и натянуто.

Въ первой половинѣ 1816-го года Пушкинъ написалъ стихо-

твореніе *Къ принцу Оранскому* (т. I, стр. 127). Наслѣдный принцъ Оранскій, впослѣдствіи король нидерландскій Вильгельмъ II, послѣ сраженія при Ватерлоо, въ которомъ былъ раненъ, пріѣзжалъ въ Петербургъ, въ декабрѣ 1815 г., для бракосочетанія съ великою княжною Анною Павловною. Обрученіе ихъ происходило 28 января, бракосочетаніе 9 февраля 1816 г., а 10 іюня молодые уже уѣхали изъ Петербурга. Въ честь ихъ происходили торжества въ столицѣ, а одинъ изъ праздниковъ данъ былъ въ Павловскѣ, въ розовомъ павильонѣ. По этому случаю императрица Марія Ѳеодоровна поручила Нелединскому-Мелецкому написать стихи; но устарѣвшій поэтъ, не надѣясь на свои силы, поѣхалъ въ лицей, передалъ это порученіе Пушкину, которому далъ и главную мысль, а черезъ часъ или два уѣхалъ изъ лицея уже съ стихами. Праздникъ этотъ, состоявшій изъ представленія народныхъ фламандскихъ сценъ на лугу передъ павильономъ, описанъ въ «Сѣверной Почтѣ» 1816 г. (№ № 47 и 50), гдѣ находимъ слѣдующее указаніе: «Группы поселянъ обоего пола производили пляски, игры и соединясь воспѣли хоръ, коимъ выражалась ихъ любовь къ храброму принцу, предмету сего праздника. Послѣ сего хора пѣты были куплеты, въ честь великихъ успѣховъ его при знаменитой одержанной побѣдѣ.» Изъ донесенія Энгельгардта министру на другой день праздника, видно, что стихи, написанные Пушкинымъ, по порученію Нелединскаго-Мелецкаго и Карамзина, пѣлись во время ужина, и за нихъ Пушкинъ получилъ отъ государыни золотые часы съ цѣпочкою (дѣло лицейскаго архива 1816 г. № 407). Ода эта, хоть написанная по заказу и въ самый короткій срокъ, принадлежитъ къ лучшимъ лицейскимъ стихотвореніямъ.

Въ томъ же (1816 г.) къ празднованію дня основанія лицея Пушкинъ написалъ *Боже! Царя храни* (т. I, стр. 537), пьесу, напечатанную въ отдѣлѣ стихотвореній неизвѣстныхъ годовъ. Стихотвореніе это было пропѣто воспитанниками на праздникѣ, на голосъ англійскаго народнаго гимна «God save the king», въ подражаніе которому и написано.

Пушкинъ не продолжалъ болѣе въ оффиціально-торжественномъ направленіи, несвойственномъ его «стыдливой музѣ». Въ томъ же году онъ написалъ отрывокъ *Сонъ* (т. I, стр. 14), и первая строка его свидѣтельствуетъ, что онъ распростился съ этимъ родомъ поэзіи. Подтвержденіе этому находимъ въ его *Отвѣтѣ на вызовъ написать стихи въ честь императрицы Елизаветы Алексѣевны*, написанномъ, по словамъ Пущина, еще въ лицеѣ, но отнесенномъ издателями къ 1819 году (т. I, стр. 212), въ которомъ онъ былъ напечатанъ въ «Соревнователѣ просвѣщенія и благотворенія». Вотъ начало этого

стихотворенія, невѣрно напечатаннаго въ обоихъ послѣднихъ изданіяхъ:

На лирѣ скромной, благородной
Земныхъ боговъ я не хвалилъ,
И силѣ въ гордости свободной (*)
Кадиломъ лести не кадилъ.
Природу лишь учася славить,
Стихами жертвуя лишь ей,
Я не рожденъ царей забавить
Стыдливой музою моей.

Впослѣдствіи, Пушкинъ, хотя возвращался на тотъ же путь (*Стансы, Клеветникамъ Россіи, Бородинская годовщина*), но лишь случайно, и немедленно попадалъ на другую дорогу... Оффиціальное и воинственное пѣснопѣніе до того было не въ характерѣ его поэзіи, что вслѣдъ за *Воспоминаніями въ Царскомъ Селѣ* и *Наполеономъ на Эльбѣ*, Пушкинъ въ 1815 г., какъ бы оправдываясь въ увлеченіи несвойственною ему воинственностью, сознается въ стихотвореніи *Мечтатель* (т. I, стр. 70), что для него тишина прелестнѣе бранной славы, и что муза, осѣнившая его съ дѣтства,

Вѣнкомъ изъ миртовъ молодыхъ
Чело его покрыла,

Та же мысль, но еще съ большею опредѣлительностью, выражена въ посланіи на именины товарищу поэта *Князю А. М. Горчакову* (т. I, стр. 554):

Не пожедать ли, чтобы славой
Ты увлеченъ былъ въ путь кровавый,
Чтобъ въ лаврахъ и вѣнцахъ сіялъ,
Чтобъ въ битвахъ громъ изъ рукъ металъ?
И чтобъ побѣда за тобою,
Какъ древле Невскому герою,
Всегда, всюдѣ летала вслѣдъ?
Не сладострастія поэтъ
Такою пѣсенкой поздравитъ...
Онъ лучше музъ на вѣкъ оставитъ...

Почти тоже повторяетъ онъ въ *Заздравномъ кубкѣ* (т. I, стр. 102), стихотвореніи, навѣянномъ *Пуншевою пѣснью* (Punschlied) Шиллера.

(*) Въ обоихъ послѣднихъ изданіяхъ ошибочно напечатано:
И въ силѣ, въ гордости свободной.

Послѣдняя, переведенная Пушкинымъ, и очень близко, въ томъ же (1816) году, но отнесенная издателями къ произведеніямъ неизвѣстныхъ годовъ (т. I, стр. 563), есть единственное стихотвореніе, заимствованное имъ изъ нѣмецкой литературы, которую онъ по какому-то предубѣжденію не любилъ, и съ которою даже не старался ознакомиться. Другой переводъ этой пѣсни сдѣланъ въ 1856 г. Мееномъ («Сочиненія» т. III, 1863 г., стр. 200). Не мысль и выраженія великаго германскаго поэта, которымъ Пушкинъ подчинился въ этомъ случаѣ какъ переводчикъ, дали ему поводъ написать свою застольную пѣсню «*Заздравный Кубокъ*», въ которой однакожь слышится духъ Шиллера и его же размѣръ стиха. Произведеніе это, конечно, не принадлежитъ къ числу лучшихъ; но своею юношескою свѣжестью и искренностью вакхическаго порыва, оно особенно нравилось другому великому художнику звуковъ, Глинкѣ, который уже въ послѣднюю пору своей дѣятельности написалъ на него прелестную музыку. Вторая строфа «*Заздравнаго Кубка*», въ которой особенно выразилось противу-воинственнее направленіе Пушкина, невѣрно напечатана во всѣхъ изданіяхъ, и потому приводится съ рукописи:

Пейте за славу,
Славы друзья!
Браней забаву
Любитъ... не я.
Это веселье
Не веселитъ:
Дружбы похмѣлье
Грома бѣжитъ.

Третій и четвертый стихи были напечатаны съ чьими-то произвольными поправками:

Бранной забавы
Любить нельзя,

Это дало поводъ къ недоумѣніямъ критики: С. Н. Шевыревъ, разбирая въ «Москвитянинѣ» 1841 г. (№ IX) вышедшіе тогда IX, X и XI томы сочиненій Пушкина, замѣтилъ (стр. 251), что слѣдуетъ читать:

Браней забаву
Любитъ не я.

Надъ этой поправкой посмѣялся въ «Современникѣ» 1856 г. (т. I) Н. Г. Чернышевскій, въ третьей статьѣ *Очерковъ Гоголевскаго періода Русской литературы* (стр. 104): «Этой поправки хвалить не я». Между тѣмъ г. Шевыревъ, на этотъ разъ, былъ недалеко отъ истины.

Къ сожалѣнію, нельзя этого сказать о другихъ *исправленіяхъ* Пушкина, сдѣланныхъ г. Шевыревымъ. Напримѣръ, стихъ въ лицейскомъ посланіи Пушкина къ Дельвигу (т. I, стр. 158):

Такъ рано встрѣтилъ я и вракъ кровавый.

г. Шевыревъ находитъ неполнымъ, замѣчая, что въ немъ «что нибудь да пропущено, — должно быть: и мести зракъ кровавый». Если что нибудь и пропущено, то во всякомъ случаѣ не *мести*, судя по обстоятельствамъ, и какъ видно изъ напечатанной вслѣдъ за тѣмъ (стр. 160) другой редакціи того же посланія:

Какъ рано мнѣсти привлекъ я взоръ кровавый...

Во второмъ *Подражаніи Данту* (т. I, стр. 463) недопечатанный стихъ:

Жиръ должниковъ своихъ сосалъ сей злой;

г. Шевыревъ поправляетъ:

Жиръ должниковъ своихъ сосалъ сей грѣшникъ злой,

уничтожая такимъ образомъ созвучіе въ двухъ терцинахъ; а слѣдуетъ:

. . . . . сей злой старикъ,

какъ и напечатано въ обоихъ послѣднихъ изданіяхъ. Въ *Каменномъ Гостѣ* (т. III, стр. 392) стихъ:

И сторожа кричатъ протяжно: *ясно!*..

по мнѣнію г. Шевырева, слѣдуетъ читать:

И сторожа кричатъ протяжно, ясно!

какъ поправлено и въ обоихъ послѣднихъ изданіяхъ. Между тѣмъ первоначальная редакція стиха совершенно правильна и представляетъ мѣстный колоритъ, потому что и до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ городахъ Испаніи, сторожа, возвѣщая по ночамъ о состояніи погоды, кричатъ: sereno или anublado, и проч.; да и по смыслу должно быть такъ, потому что ясному кастильскому небу вслѣдъ за тѣмъ противополагается другое:

А далеко, на сѣверѣ, въ Парижѣ,
Быть можетъ, небо тучами покрыто...

Съ 1816 г. начинается замѣтный переломъ въ поэтической дѣятель-

ности Пушкина: онъ мало по малу освобождается отъ прежнихъ литературныхъ вліяній и становится болѣе самостоятельнымъ.

IV.

ДИРЕКТОРСТВО ЭНГЕЛЬГАРДТА. — ЕГО ВЛІЯНІЕ. — МНѢНІЕ ЕГО О ПУШКИНѢ И ИХЪ ОТНОШЕНІЯ. — ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ ПУШКИНА. — ЕГО ЭЛЕГІИ. — РАЗВЛЕЧЕНІЯ. — СТРЕМЛЕНІЕ КЪ ВОЕННОЙ СЛУЖБѢ. — ГУСАРСКІЙ КРУЖОКЪ. — ЭКЗАМЕНЪ. — ВЫПУСКЪ.

Съ назначеніемъ въ директоры Энгельгардта все измѣнилось въ лицеѣ. Онъ горячо принялся за дѣло и, поддерживаемый расположеніемъ государя, который иногда съ нимъ разговаривалъ, встрѣчаясь въ саду, могъ дѣйствовать довольно самостоятельно, не опасаясь интригъ и непріятностей. Весьма естественное разъединеніе между юношествомъ и тупымъ, невѣжественнымъ начальствомъ, которому оно до тѣхъ поръ было ввѣрено, мало-по-малу исчезало по мѣрѣ того, какъ Энгельгардтъ пріобрѣталъ довѣріе. Посвятивъ себя совершенно дѣлу воспитанія, онъ въ самое короткое время успѣлъ близко ознакомиться съ порученными его надзору юношами, и въ сохранившейся въ его бумагахъ рукописи Etwas über die Zöglinge der höheren Abtheilung des Lyceums, написанной 22 марта 1816 г., слѣдовательно менѣе чѣмъ черезъ два мѣсяца послѣ опредѣленія Энгельгардта, находимъ довольно вѣрную характеристику каждаго изъ нихъ. Представляемъ въ переводѣ нѣсколько выдержекъ изъ нея, не лишенныхъ интереса, какъ наблюденія опытнаго педагога надъ внутреннимъ міромъ замѣчательныхъ личностей. Самое строгое осужденіе выпало на долю Пушкина, въ которомъ Энгельгардтъ видѣлъ только дурныя стороны, и котораго охарактеризовалъ слѣдующимъ образомъ: «Его высшая и конечная цѣль — блестѣть, и именно поэзіею; но едва ли найдетъ она у него прочное основаніе, потому что онъ боится всякаго серьезнаго ученія, и его умъ, не имѣя ни проницательности, ни глубины, совершенно поверхностный, французскій умъ. Это еще самое лучшее, что можно сказать о Пушкинѣ. Его сердце холодно и пусто; въ немъ нѣтъ ни любви, ни религіи; можетъ быть, оно такъ пусто, какъ никогда еще не бывало юношеское сердце. Нѣжныя и юношескія чувствованія унижены въ немъ воображеніемъ, осквернennымъ всѣми эротическими произведеніями французской литературы, которыя онъ при поступленіи въ лицей зналъ почти наизусть, какъ достойное пріобрѣтеніе первоначальнаго воспитанія». Энгельгардтъ, конечно, смотрѣлъ на Пушкина слишкомъ односторонне, только съ педагогической точки зрѣнія, и къ этому взгляду примѣшивалась еще

совершенная дисгармонія между ними, вслѣдствіе противоположности религіозныхъ воззрѣній; но при всемъ томъ въ приведенной характеристикѣ есть значительная доля правды, и если Энгельгардтъ не распозналъ въ поэтѣ проникнутаго гуманностью артистическаго чувства, управлявшаго каждымъ внутреннимъ его движеніемъ, то былъ правъ касательно недостаточности серьезнаго его образованія, и эту послѣднюю мысль находимъ и у Бѣлинскаго («Сочиненія» его ч. 8, стр. 401). Пушкинъ, съ своей стороны, чувствуя нерасположеніе къ нему Энгельгардта, также не любилъ его и, вопреки убѣжденіямъ своихъ товарищей, постоянно избѣгалъ сближенія съ нимъ. Чтобъ возстановить себя въ мнѣніи Энгельгардта, въ религіозномъ отношеніи, онъ написалъ *Безвѣріе* (т. I, стр. 170), холодное дидактическое стихотвореніе, которое читалъ на выпускномъ экзаменѣ, и которое Бѣлинскій справедливо причисляетъ къ самымъ слабымъ. О Дельвигѣ Энгельгардтъ высказался благосклоннѣе: «Въ немъ вспыхиваетъ иногда—пишетъ Энгельгардтъ,—хоть слабый, огонь поэзіи. Благодаря Жуковскому, онъ занимается съ нѣкотораго времени съ большимъ усердіемъ нѣмецкимъ языкомъ. Въ играхъ и шуткахъ его выказывается нѣкоторая ироніи. Онъ всѣми способами достаетъ себѣ книги, и читаетъ все безъ разбора, преимущественно во время лекцій. Русскую литературу онъ изучилъ лучше всѣхъ своихъ товарищей». О Кюхельбекерѣ находимъ слѣдующій отзывъ: «Читалъ все и обо всемъ; имѣетъ большія способности, прилежаніе, добрую волю, много сердца и добродушія, но въ немъ совершенно нѣтъ вкуса, такта, граціи, мѣры и опредѣленной цѣли. Чувство чести и добродѣтели проявляется въ немъ иногда какимъ-то донкихотствомъ. Онъ часто впадаетъ въ задумчивость и меланхолію, подвергается мученіямъ совѣсти и подозрительности, и только увлеченный какимъ нибудь обширнымъ планомъ, выходитъ изъ этого болѣзненнаго положенія. Въ дѣтствѣ онъ былъ одержимъ пляскою святаго Витта, а отецъ его умеръ отъ чахотки, которая и ему угрожаетъ». Объ Илличевскомъ Энгельгардтъ справедливо замѣчаетъ, что раннія похвалы повредили ему, и что въ умственномъ развитіи и наукахъ онъ остановился на той же степени, на которой находился при поступленіи въ лицей.

Съ первыхъ же дней директорства Энгельгардта бытъ воспитанниковъ совершенно измѣнился. Замкнутый кружокъ ихъ, предоставленный собственному развитію, мало-по-малу расширялся въ соприкосновеніи съ обществомъ, нравственное вліяніе котораго Энгельгардтъ считалъ однимъ изъ важныхъ элементовъ въ дѣлѣ образованія. Онъ приглашалъ къ себѣ воспитанниковъ, въ увѣренности, что домашнее обращеніе и привычка быть въ кругу семейства принесутъ

имъ пользу, тѣмъ болѣе, что недостатокъ общества и необходимыхъ развлеченій не рѣдко вызывалъ игру въ карты и другія запретныя удовольствія. О картежной игрѣ вспоминалъ самъ Пушкинъ, разсказывая въ 1833 г. А. А. Фуксъ о гадальщицѣ, предсказавшей ему полученіе неожиданныхъ денегъ: «Я въ самомъ дѣлѣ получилъ съ почты письмо съ деньгами; и могъ ли я ожидать ихъ? Эти деньги прислалъ мой лицейскій товарищъ, съ которымъ мы, бывши еще учениками, играли въ карты, и я его обыгралъ». (*Воспоминанія объ А. С. Пушкинѣ Александры Фуксъ*, въ «Прибавленіяхъ къ казанскимъ губернскимъ вѣдомостямъ» 1844 г., № 2). «Въ домѣ Энгельгардта, говоритъ Пущинъ въ своихъ *Запискахъ* (стр. 23), мы познакомились съ обычаями свѣта, ожидавшаго насъ у порога лицея, находили пріятное женское общество». Въ семействѣ Энгельгардта состоявшемъ изъ жены и пятерыхъ дѣтей, жила овдовѣвшая не задолго передъ тѣмъ Марія Смитъ, урожденная Charon-Larose, вышедшая впослѣдствіи замужъ за Паскаля. Весьма миловидная, любезная и остроумная, она умѣла оживлять и соединять собиравшееся у Энгельгардта общество. Пушкинъ, который немедленно началъ ухаживать за нею, написалъ къ ней довольно нескромное посланіе *Къ молодой вдовѣ* (т. I, стр. 177), напоминающее заглавіемъ и отчасти мыслью эротическое посланіе Вольтера A une jeune veuve. Но вдова, не успѣвшая забыть мужа и готовившаяся быть матерью, обидѣлась, показала стихотвореніе своего вздыхателя Энгельгардту, и это обстоятельство было главною причиною непріязненныхъ отношеній между ними, продолжавшихся до конца курса. Къ г-жѣ Смитъ написаны еще Пушкинымъ *Слово милой* («Я Лилу слушалъ у клавира», т. I, стр. 139), и помѣщенное въ отдѣлѣ стихотвореній неизвѣстныхъ годовъ *Лилѣ* («Лила, Лила, я страдаю», т. I, стр. 571). «Лѣтомъ, продолжаетъ Пущинъ, въ вакантный мѣсяцъ, директоръ дѣлалъ съ нами дальнія, иногда двухдневныя, прогулки по окрестностямъ; зимой, для развлеченія, ѣздили на нѣсколькихъ тройкахъ за городъ, завтракать или пить чай въ праздничные дни; въ саду, на прудѣ, катались съ горъ и на конькахъ. Во всѣхъ этихъ увеселеніяхъ участвовало его семейство и близкія ему дамы и дѣвицы, иногда и родные наши»... Въ числѣ послѣднихъ было и пріѣзжавшее на короткое время изъ Москвы семейство Дельвига, восьмилѣтней сестрѣ котораго, баронессѣ Марьѣ Антоновнѣ, Пушкинъ написалъ 22 декабря 1815 г. посланіе: «Вамъ восемь лѣтъ, а мнѣ семнадцать было» (т. I, стр. 94), а въ слѣдующемъ году стихотвореніе *Къ Машѣ* (т. I, стр. 553). Послѣднее отнесено издателями къ произведеніямъ неизвѣстныхъ годовъ, но автографъ его, тщательно хранящійся у вызвавшей это посланіе, имѣетъ помѣтку: *1816 года. Лицей*. «Отъ сближенія нашего съ женскимъ обще-

ствомъ, говоритъ Пущинъ, зарождался платонизмъ въ чувствахъ. Этотъ платонизмъ не только не мѣшалъ занятіямъ, но придавалъ даже силы въ классныхъ трудахъ, нашептывая, что успѣхомъ можно порадовать предметъ воздыханій». Вліяніе женскаго общества, всегда дѣйствующаго благотворно и гуманно, особенно въ юношескіе годы, выразилось въ поэзіи Пушкина крутымъ поворотомъ отъ безсмысленныхъ пировъ и воинственнаго патріотизма къ художественному и нѣсколько элегическому созерцанію жизни, вызванному любовью, въ которой таится главный источникъ поэзіи.

Первыя проявленія страсти Пушкина, о которой мы говоримъ, относятся еще къ 1815 г. и сохранены въ его запискахъ. Fac-simile ихъ, приложенный къ біографіи поэта, написанной г. Анненковымъ, представляетъ именно тотъ отрывокъ, въ которомъ Пушкинъ говоритъ о предметѣ своей любви: «Нѣтъ, я вчера не былъ счастливъ; по утру я мучился ожиданьемъ, съ неописаннымъ волненьемъ стоя подъ окошкомъ, смотрѣлъ на снѣжную дорогу, ея не видно было!» Почти то же самое повторяется въ стихотвореніи *Слеза* (т. I, стр. 67), о которомъ Бѣлинскій несправедливо замѣчаетъ («Сочиненія» его, ч. 8, стр. 314), что оно вмѣстѣ съ піесами *Погребъ* и *Истина* написано какъ будто на мотивъ извѣстной пѣсенки Д. Давыдова «Мудрость». Стихотвореніе Пушкина вызвано дѣйствительностью и имѣетъ близкое отношеніе къ вышеприведенному отрывку изъ записокъ поэта:

Вчера за чашей пуншевою
Съ гусаромъ я сидѣлъ,
И молча съ мрачною душою
На дальній путь глядѣлъ...

Гусаръ также лицо не вымышленное, и есть, вѣроятно, А. Н. Зубовъ, которому Пушкинъ повѣрялъ свои сердечныя тайны, и въ альбомъ котораго, при выпускѣ изъ лицея, написалъ стихи (т. I, стр. 176):

Пройдетъ любовь, умрутъ желанья,
Разлучитъ насъ холодный свѣтъ.
Кто вспомнитъ тайныя свиданья,
Мечты, восторги прежнихъ лѣтъ?

Но имя особы, возбудившей эту мечтательность, и которымъ оканчивается отрывокъ изъ записокъ Пушкина, тщательно зачеркнуто, какъ будто влюбленный поэтъ боялся довѣрить бумагѣ тайну своего сердца, и мы читаемъ только: «Какъ она мила была! какъ черное платье пристало къ милой Б!» Особа, вызвавшая эти первыя волне-

вія страсти, была сестра одного изъ товарищей, К. П. Бакунина (впослѣдствіи по мужу Полторацкая), въ которую, какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, влюбились нѣсколько человѣкъ, что, разумѣется, связало ихъ между собою еще болѣе тѣсною дружбою. Въ одной изъ отброшенныхъ строфъ стихотворенія *19 октября 1825*, поэтъ, обращаясь къ Пущину, говоритъ (т. I, стр. 332):

Мы вспомнили бъ, какъ Вакху приносили
Безмолвную мы жертву въ первый разъ.
Какъ мы одну всѣ трое полюбили...

Третьимъ былъ Илличевскій. Въ упомянутой уже аттестаціи Энгельгардта находимъ подробность, свидѣтельствующую, что Пущинъ былъ предпріимчивѣе своихъ соперниковъ: «Несчастныя обстоятельства произвели на Пущина вредное вліяніе. Онъ съ нѣкотораго времени особенно старается заинтересовать собою особъ другаго пола, пишетъ самыя отчаянныя письма и, жалуясь на службу, представляетъ себя лицомъ трагическимъ. Одно изъ такихъ писемъ попалось въ мои руки, и я, по обязанности, долженъ былъ внушить молодому человѣку неумѣстность такого поступка въ его положеніи. Дружескій совѣтъ, казалось, произвелъ желанное дѣйствіе, но повтореніе подобнаго же случая доказало противное»...

У Пушкина эта страсть, сообразно его натурѣ, находила исходъ въ поэзіи. Первымъ произведеніемъ, предметомъ котораго является Бакунина, было стихотвореніе *Къ живописцу* (т. I, стр. 68), написанное еще въ 1815 г., и навѣянное пьесою Парни Portrait d'une réligieuse. Въ послѣднемъ изданіи сочиненій Пушкина, подъ заглавіемъ этого посланія выставлено: (изъ Парни); между тѣмъ оно не есть переводъ, и кромѣ главной мысли, заимствованной изъ французскаго стихотворенія, мало имѣетъ съ нимъ общаго, уже потому, что Парни имѣлъ въ виду монахиню:

Ton pinceau doit emprisonner
Ces cheveux flottants sous un voile;
Couvre aussi d'une simple toile
Ce front qu'il faudrait couronner.
Cache sous la noire étamine
Un sein parfait dans sa rondeur...

Бѣлинскій, причисляя это стихотвореніе къ такимъ произведеніямъ Пушкина, которыя, по изобрѣтенію и формѣ, напоминаютъ собою предшествовавшую Жуковскому и Батюшкову эпоху русской литературы, говоритъ, въ подтвержденіе этого мнѣнія («Сочиненія» его, ч. 8, стр. 314), что «напримѣръ, піеса «Къ живописцу» написана

какъ будто Державинымъ, предлагающимъ живописцу написать портретъ его Милены или Плѣниры». Державинъ въ стихотвореніи *Къ Анжеликѣ Кауфманъ* дѣйствительно проситъ «живописицу преславну» написать его Милену,

Бѣлокурую лицомъ,
Стройну станомъ, возвышенну,
Съ гордымъ нѣсколько челомъ...

Но основаніемъ стихотворенія Пушкина, какъ мы сказали уже, послужила дѣйствительность, мысль его взята изъ Парни, а обращеніе поэта къ живописцу относится къ лицейскому живописцу Илличевскому, хотя онъ рисовалъ преимущественно каррикатуры:

Дитя Харитъ и вдохновенья!
Въ порывѣ пламенной души,
Небрежной кистью наслажденья
Мнѣ друга сердца напиши!

Поэтъ, даже въ позднѣйшее время, придавалъ нѣкоторое значеніе этому стихотворенію, намѣреваясь помѣстить его въ собраніи своихъ сочиненій, и для этого какъ видно, по сохранившейся на рукописи отмѣткѣ, «передѣлать все, оставя одну послѣднюю строку», дѣйствительно лучшую изъ всего стихотворенія:

Представь мечту любви стыдливой,—
И той, которою дышу,
Рукой любовника счастливой
Внизу я имя подпишу.

Живописецъ, т. е. Илличевскій, отвѣчалъ на это слѣдующимъ неизданнымъ стихотвореніемъ:

Всечасно мысль тобой питая,
Хотѣлось мнѣ въ мечтѣ,
Тебя пастушкой, дорогая,
Представить на холстѣ:

Харитъ и нимфъ въ лицѣ прекрасной
Я собралъ всѣ черты:
Сравнилъ съ тобою: трудъ напрасный!
Стократъ прелестнѣй ты!

Хотѣлъ писать тебя царицей:
Блистаетъ образъ твой
Въ златомъ вѣнцѣ подъ багряницей
Елены красотой.

Любуяся на трудъ завѣтный,
Горжусь въ восторгѣ имъ.
Сравнилъ съ тобой: усилья тщетны!
Ты божество предъ нимъ!

Нѣтъ! видно мысль одна дерзаетъ
Постичь красу твою:
Предъ совершенствомъ повергаетъ
Искусство кисть свою.

Амуръ всего удачнѣй пишетъ
Въ сердцахъ твой милый видъ,
А страсть, какой влюбленный дышетъ,
На вѣкъ его хранитъ.

Въ стихотвореніи *Мое завѣщаніе друзьямъ* (т. I, стр. 63), Пушкинъ говоритъ:

Мои стихи дарю забвенью,
Послѣдній вздохъ, о други, — ей!

Тревоги любви высказались у поэта въ цѣломъ рядѣ элегій, относящихся къ 1816 г. и представляющихъ, какъ справедливо замѣтилъ г. Анненковъ въ примѣчаніяхъ къ нимъ (т. II, стр. 153), первыя проявленія самостоятельности, первыя попытки къ выходу изъ французскаго анакреонтическаго направленія.

Въ первой изъ этихъ элегій *Желаніе* (т. I, стр. 128), молодой поэтъ, изливая

Всѣ горести несчастливой любви,

совершенно искренно дорожитъ своею тоскою:

Мнѣ дорого любви моей мученье,
Пускай умру, но пусть умру люби:

Въ послѣднемъ стихѣ еще слышится чужой отголосокъ, именно Карамзина, въ стихотвореніи *Отставка*:

Люблю, люблю, но пусть умру люба!

Слѣдующая элегія, *Осеннее утро* (т. I, стр. 129), написана подъ вліяніемъ разлуки съ Бакуниной, переѣхавшей съ своимъ семействомъ изъ Царскаго села въ Петербургъ. Съ ея отъѣздомъ, все опустѣло для поэта «до сладостной весны»:

Ужь нѣтъ ея... Я былъ у береговъ,
Гдѣ милая ходила въ вечеръ ясный;

На берегу, на зелени луговъ
Я не нашелъ чуть видимыхъ слѣдовъ,
Оставленныхъ ногой ея прекрасной.
Задумчиво бродя въ глуши лѣсовъ,
Произносилъ я имя несравненной,
Я звалъ ее—и гласъ уединенный
Пустыхъ долинъ позвалъ ее вдали.
Къ ручью пришелъ, мечтами привлеченный;
Его струи медлительно текли:
Не трепеталъ въ нихъ образъ незабвенной.
Ужь нѣтъ ея!.. До сладостной весны
Простился я съ блаженствомъ и съ душою...

Отъѣздъ этотъ вызвалъ еще другое стихотвореніе, напечатанное въ двухъ послѣднихъ изданіяхъ въ первоначальномъ и исправленномъ видѣ, подъ заглавіями *Разлука* и *Уныніе* (т. I, стр. 136 и 138). Въ немъ высказывается та же грусть влюбленнаго:

Я все тебя, далекій другъ, ищу;
Одну тебя вездѣ воспоминаю,
Одну тебя въ невѣрномъ вижу снѣ;
Задумаюсь—невольно призываю,
Заслушаюсь—твой голосъ слышенъ мнѣ...

Объ этомъ же отъѣздѣ намекаетъ Дельвигъ, въ письмѣ къ своей теткѣ отъ 6 октября 1816 года: «Садъ сѣтуетъ, не видя прелестныхъ петербургскихъ дамъ, которыя цѣлое лѣто жили въ Царскомъ селѣ, и срываетъ съ себя зеленую одежду. Мы ходимъ подъ шумомъ опустошенныхъ деревьевъ и забавляемъ себя прошедшимъ и будущимъ. Тамъ мы по нѣскольку часовъ слушали громкую музыку гусарскаго полка, теперь все молчитъ и отвѣчаетъ своими грустными и пустынными видами нашему унылому сердцу».

Въ элегіи *Счастливъ, кто въ страсти самъ себѣ* (т. I, стр. 130), повторяются жалобы на мученія любви, а слѣдующія двѣ элегіи *Окно* (стр. 132) и *Мѣсяцъ* (стр. 131), хотя навѣяны тѣмъ же настроеніемъ духа, но дѣйствительность, которая могла бы служить для нихъ основою, затемнена какою-то туманною фантазіею. Въ элегіи *Опять я вашъ, о, юные друзья!* (стр. 133) Пушкинъ обращается къ товарищамъ:

Туманные сокрылись дни разлуки,
И брату вновь простерлись ваши руки,
Вашъ рѣзвый кругъ увидѣлъ снова я!
Все тѣ же вы, но сердце ужь не то же:
Уже не вы ему всего дороже,
Ужь я не тотъ.

Время и обстоятельства ослабили мало по малу эту юношескую привязанность, которая окончилась разлукой, и вслѣдъ за нею перешла въ область воспоминаній. Въ 1817 г., въ стихотвореніи *Наслажденіе* (т. I, стр. 164), поэтъ вспоминаетъ о своей любви, какъ о давно прошедшемъ:

Златыя крылья развивая,
Волшебной, нѣжной красотой,
Любовь явилась молодая
И полетѣла предо мной.
Я мчался къ цѣли отдаленной,
Но цѣли милой не достигъ!..

Позднѣйшее воспоминаніе объ этихъ первыхъ тревогахъ сердца, связанное съ воспоминаніями лицейской жизни, находимъ въ стихотвореніи, написанномъ въ альбомъ Пущину передъ самымъ выпускомъ изъ лицея (т. I, стр. 168). Приводимъ начало этого стихотворенія съ варіантами по рукописи, указанными Е. И. Якушкинымъ въ «Библіографическихъ Запискахъ» 1858 г. (№ 11, стр. 334), но не внесенными въ послѣднее изданіе:

Ты вспомни быстрыя минуты первыхъ дней,
Неволю мирную, шесть лѣтъ соединенья,
Мечты младой души твоей,
Печали, радости, надежды, наслажденья,
Что было и не будетъ вновь...
И съ тихими тоски слезами
Ты вспомни первую любовь.
Мой другъ! Она прошла...

Послѣднее воспоминаніе объ этой привязанности находимъ уже за порогомъ лицея, въ посланіи *Къ ней* (т. I, стр. 179). Въ этомъ стихотвореніи Пушкинъ, отрѣшившись отъ прежнихъ волненій, и вспоминая, какъ онъ «подъ сѣнью тишины» воспѣвалъ

Волненіе любви, уныніе разлуки,

примиряется съ жизнью, которая снова для него разцвѣла со всѣми радостями, скорбями и любовью, и оканчиваетъ посланіе вполнѣ художественнымъ воззваніемъ уже къ другому лицу:

Хвала любви, хвала богамъ!
Вновь лиры сладостной раздался голосъ юный,
И съ звонкимъ трепетомъ воскреснувшія струны
Несу къ твоимъ ногамъ!

Это была послѣдняя поэтическая дань юношескому чувству, которое въ новой обстановкѣ совершенно изгладилось подъ вліяніемъ другихъ стремленій, привязанностей и тревогъ.

Въ самомъ началѣ своего директорства, Энгельгардтъ, сознавая нелѣпость совершеннаго разъединенія учащейся молодежи съ дѣйствительною жизнью, разрѣшилъ отпуски изъ лицея въ предѣлахъ Царскаго Села, и по примѣру директора, нѣсколько семейныхъ домовъ открылись для лицеистовъ, именно: дома Вельо; Севериной и барона Теппера де-Фергюсона, находившихся въ родственныхъ между собою отношеніяхъ и постоянно жившихъ въ Царскомъ Селѣ. Послѣдній, женатый на дочери Севериной, былъ сынъ богатаго, потомъ разорившагося варшавскаго банкира, и поступилъ въ лицей по протекціи стариннаго своего пріятеля Энгельгардта, учителемъ музыки и пѣнія. Онъ, хотя не имѣлъ голоса, хорошо училъ пѣнію и сочинялъ для воспитанниковъ духовные концерты. Въ его классѣ соединялись оба курса лицея, старшій и младшій, не сходившіеся ни на лекціяхъ, ни въ рекреаціонное время. Тепперъ былъ большой оригиналъ, но человѣкъ образованный, и лицеисты часто заходили въ его домикъ, принадлежащій нынѣ г-жѣ Липранди, возлѣ дачи князя Барятинскаго. У Теппера каждый вечеръ собирались по нѣскольку человѣкъ, пили чай, болтали, занимались музыкой и пѣніемъ. У него же, по воскресеньямъ, происходили литературныя бесѣды, задавались темы, на которыя приготовлялось къ слѣдующему воскресенью нѣсколько сочиненій, и такимъ образомъ совершались литературныя состязанія, на которыхъ Пушкинъ первенствовалъ. Темы представлялись сами собою, и на одну изъ такихъ, заданную при прощаньѣ: jusqu'au plaisir de nous revoir, Пушкинъ написалъ въ 1817 г. легкіе и остроумные куплеты, помѣщенные въ послѣднемъ изданіи его сочиненій въ отдѣлѣ стихотвореній неизвѣстныхъ годовъ (т. I, стр. 575). Въ отвѣтъ на нихъ Пушкинъ получилъ слѣдующее посланіе, кажется, самого Теппера:

Lorsque je vois de vous, monsieur,
Les vers faits avec tant de grâce,
Je me résigne, et de bon coeur,
A vous céder sitôt la place.
Votre talent, sans grand pouvoir,
De beaucoup le mien efface.
Je n'en ai vu que la surface,
Mais c'est pour lui dire *à revoir*.

Est-ce avec vous qu'il me convient,
En rimant de rompre une lance?

Si mon courage me soutient,
Phébus me condamne au silence.
Il me dit que j'ai beau vouloir,
Je risque trop en conscience
Et mes couplets, quoique j'en pense,
Seront *des couplets à revoir*.

Au revoir est un vieux dicton,
Qui jamais ne passe de mode
S'il est souvent dit sans raison,
Dans bien des cas il est commode.
Un parleur au loin se fait voir
Dont le jargon peu m'accomode:
Pour prévenir sa période
Rien de meilleur qu'un *au revoir*.

Для этого же общества, и на сказанное кѣмъ-то выраженіе «съ позволенія сказать» Пушкинъ написалъ въ 1817 же году слѣдующее стихотвореніе, не сохранившееся въ рукописи, и записанное нами со словъ товарищей поэта:

Съ позволенія сказать,
Я сердитъ на васъ ужасно,
Нѣтъ! вы просите напрасно,
Не хочу стиховъ писать:
Можноль честному поэту
Ставить къ каждому куплету:
Съ позволенія сказать?

Съ позволенія сказать,
Моськина (*), по мнѣ, прекрасна.
Знаю, что она опасна:
Мужу хочется бодать;
Но гусары, вѣдь, невинны,
Что у мужа роги длинны,
Съ позволенія сказать.

Съ позволенія сказать,
Много въ свѣтѣ ріемодѣевъ,
Все ученыхъ грамотѣевъ,
Чтобы всякій вздоръ писать;
Но въ примѣръ и страхъ Европы,

(*) Жена одного изъ служащихъ въ переселенческомъ дирекціонномъ правленіи

Многимъ можно бъ высѣчь....,
Съ позволенія сказать.

Такимъ образомъ темы представлялись сами собою, и иногда самое ничтожное обстоятельство вызывало стихотвореніе. Пущинъ разсказываетъ въ своихъ «Запискахъ» (стр. 18), что Пушкинъ, сидя съ нимъ у окна библіотеки, бывшей любимымъ сборнымъ мѣстомъ воспитанниковъ и находившейся въ залѣ надъ аркою, соединяющей дворецъ и зданіе лицея, увидѣлъ двухъ женщинъ, которыя спорили, выходя отъ всенощной, и написалъ по этому случаю стихотвореніе. Но въ «Атенеѣ» 1859 года (№ 8) напечатано лишь его начало, въ «Библіографическихъ Запискахъ» 1861 года (№ 19), оно явилось безъ конца, и только въ берлинскомъ изданіи 1861 г. стихотвореній Пушкина оно напечатано почти вполнѣ, и потому приводимъ съ рукописи Пущина эту стихотворную шутку:

Отъ всенощной, вечоръ, шла домой,
Антипьевна съ Маремушкою бранилась.
Антипьевна отмѣнно горячилась:
— Постой, кричитъ, управлюсь я съ тобой!
Ты думаешь, что я забыла
Ту ночь, когда забравшись въ уголокъ,
Ты съ крестникомъ Ванюшею шалила?
Постой, о всемъ узнаетъ муженекъ!
— Тебѣ ль грозить? Маремушка отвѣчаетъ:
Ванюша что? Вѣдь онъ еще дитя.
А сватъ Трофимъ, который у тебя
И день, и ночь? Весь городъ это знаетъ.
Молчи жь кума: и ты, какъ я, грѣшна;
Словами жъ всякаго, пожалуй, разобидишь.
Въ чужой..... соломинку ты видишь,
А у себя не видишь и бревна.

Литературныя собранія у царскосельскихъ жителей обыкновенно бывали зимою, а лѣтомъ предпринимались прогулки, или все общество собиралось на музыкѣ передъ дворцомъ. По этому поводу Пущинъ разсказываетъ въ своихъ запискахъ (стр. 21), какъ Пушкинъ, проходя къ музыкѣ темнымъ дворцовымъ корридоромъ, хотѣлъ поцаловать горничную фрейлины княжны Волконской Наташу, но вмѣсто нея поцаловалъ княжну. За Наташей ухаживали и его товарищи, встрѣчаясь съ нею въ церкви, въ переходахъ дворца и на прогулкахъ. Нѣкоторые даже вдохновлялись ею, какъ, напримѣръ, Корсаковъ, и къ ней же относится посланіе Пушкина *Къ Наташѣ* (т. I, стр. 548), помѣщенное въ отдѣлѣ стихотвореній неизвѣстныхъ годовъ, но напечатанное осенью 1816

года, по тому поводу, что Наташа, слѣдуя за дворомъ, должна была переселиться въ Петербургъ, къ досадѣ гонявшейся за нею молодежи:

Скоро, скоро холодъ зимній
Рощу, поле посѣтитъ;
Огонекъ въ лачужкѣ дымной
Скоро ярко заблеститъ.
Не увижу я прелестной,
И, какъ чижикъ въ клѣткѣ тѣсной,
Долго (*) буду горевать
И Наташу вспоминать.

Г. Шевыревъ, говоря въ «Москвитянинѣ» 1841 года (№ 9) о лицейскихъ стихотвореніяхъ Пушкина, замѣчаетъ, что «такія піэсы, какъ: *Красавицѣ, которая нюхала табакъ*, и особенно *Къ Натальѣ*, и *Къ Наташѣ*, едва ли могутъ быть ему приписаны» (стр. 254). Стихотворенія эти дѣйствительно очень плохи, но въ принадлежности ихъ Пушкину не допускаютъ сомнѣнія объясненныя нами обстоятельства, при которыхъ они написаны, свидѣтельство товарищей поэта и лицейскія рукописи.

Съ іюня 1816 года, для желающихъ поступить въ военную службу, введены были военныя науки, и къ преподаванію ихъ былъ приглашенъ полковникъ баронъ Эльснеръ. Пушкинъ также мечталъ о военной службѣ, и намѣревался поступить въ лейбъ-гусарскій полкъ, въ которомъ было много его пріятелей. Мечты о военной службѣ занимали поэта давно, и высказались еще въ 1815 году въ упомянутомъ уже выше посланіи *Къ Галичу*:

Прости пріютъ младыхъ отрадъ!
Надѣну узкія рейтузы,
Завью въ колечки гордый усъ,
Заблещетъ пара эполетовъ,
И я, питомецъ важныхъ Музъ,
Въ числѣ воюющихъ корнетовъ!

Въ воображеніи Пушкина рисовался привлекательный въ годы первой молодости мундиръ, какъ свидѣтельствуетъ посланіе его къ *Ю* (Юшкову), лейбъ-гусарскому офицеру, (т. I, стр. 151):

Мечты находятъ, исчезаютъ,
Какъ тѣнь на утренней зарѣ...
Я слышу топотъ, слышу ржанье;

(*) А не *дома*, какъ напечатано во всѣхъ изданіяхъ.

Блеснувъ узорнымъ чепракомъ,
Въ блестящемъ ментика сіяньи,
Гусаръ промчался подъ окномъ.

Тѣми же «гусарскими мечтами», какъ называлъ ихъ самъ Пушкинъ, внушены отчасти стихотворенія *Слеза* (т. I, стр. 67), о которомъ уже сказано выше, и которое напоминаетъ по мотиву *Разлуку* Батюшкова («Гусаръ, на саблю опираясь»), и «философическая» ода *Усы* (стр. 162). Но отецъ поэта, Сергѣй Львовичъ, отговариваясь недостаточностью средствъ, чтобъ содержать его въ гусарахъ, соглашался только на поступленіе сына въ гвардейскій пѣхотный полкъ; а дядя, Василій Львовичъ, и другіе родные поэта, опасаясь за его здоровье, совершенно отсовѣтовали ему идти въ военную службу. Стихотворенія его свидѣтельствуютъ и о намѣреніяхъ его въ этомъ отношеніи, и о возбужденныхъ ими переговорахъ. По этому случаю возникла даже переписка между обоими поэтами, дядею и племянникомъ, какъ доказываетъ возраженіе послѣдняго въ *Посланіи къ В. Л. Пушкину* (т. I, стр. 173):

Скажи, Парнасскій мой отецъ,
Неужто вѣрныхъ музъ любовникъ
Не можетъ нѣжный быть пѣвецъ,
И вмѣстѣ гвардіи полковникъ?
Уже ли тотъ, кто иногда
Жжетъ ладонъ Аполлону даромъ
За честь, не можетъ безъ стыда
Жечь порохъ на войнѣ съ гусаромъ,
И, если можно, города?
Беллона, Муза и Венера —
Вотъ, кажется, святая вѣра
Дней нашихъ всякаго пѣвца.
Я плюсь на русскаго Буффлера
И на Дениса храбреца,
Но не на Глинку офицера,
Довольно плоскаго пѣвца...

Однакожъ примѣръ Батюшкова и Давыдова не убѣдилъ родственниковъ поэта, тѣмъ болѣе, что на сторонѣ ихъ былъ А. Ѳ. Орловъ, окончательно отсовѣтовавшій ему вступать въ военную службу. Написанное по этому поводу, вскорѣ по выпускѣ изъ лицея, посланіе *Къ Орлову*, напечатанное во всѣхъ изданіяхъ (т. I, стр. 186), съ пропусками, указанными въ берлинскомъ изданіи 1861 года «Стихотвореній» Пушкина, относится не къ Михаилу Ѳедоровичу, какъ сказано во всѣхъ изданіяхъ, а къ Алексѣю Ѳедоровичу Орлову, какъ уже замѣтилъ г. Бартеневъ («Русская Рѣчь» 1861 г., № 90, стр. 591), и какъ дока-

зываетъ находившійся у покойнаго И. И. Пущина автографъ этого посланія. Поэтъ соглашается съ Орловымъ, и прощается съ мечтами о мундирѣ:

О ты, который сочеталъ
Съ душою пылкой, откровенной,
. . . . . .
Любезность, разумъ просвѣщенный!
О ты, который съ каждымъ днемъ
Вставая на военну муку,
Усталымъ усачамъ, верхомъ
Преподаешь ..... науку,
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . !
Орловъ! ты правъ: я покидаю
Мои гусарскія мечты,
И съ Соломономъ восклицаю:
Мундиръ и сабля—суеты!...

Вслѣдъ за предстоявшимъ лицею введеніемъ фронта и ружья, было около того же времени еще другое предположеніе, о которомъ говоритъ Пущинъ въ своихъ «Запискахъ». Приводимъ его разсказъ съ подлинной рукописи: «Какъ-то въ разговорѣ съ Энгельгардтомъ, царь предложилъ ему посылать насъ дежурить при императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ, во время лѣтняго ея пребыванія въ Царскомъ Селѣ, говоря, что дежурство это пріучитъ молодыхъ людей быть развязнѣе въ обращеніи, и вообще послужитъ имъ въ пользу. Энгельгардтъ и это отразилъ, доказывая, что кромѣ многихъ неудобствъ, придворная служба будетъ отвлекать отъ учебныхъ занятій и попрепятствуетъ достиженію цѣли учрежденія лицея. Къ этому онъ прибавилъ, что въ продолженіе многихъ лѣтъ никогда не видалъ камеръ-пажа ни при прогулкахъ, ни при выѣздахъ царствующей императрицы. Между нами мнѣнія на счетъ этого нововведенія были раздѣлены: иные желали этой должности, но дѣло обошлось одними толками... Вслѣдъ затѣмъ была введена верховая ѣзда». Воспитанники стали ходить три раза въ недѣлю посмѣнно, въ гусарскій манежъ, гдѣ обучали ихъ верховой ѣздѣ полковники Крекшинъ и Кнабенау, подъ главнымъ руководствомъ командира лейбъ-гусарскаго полка, генерала Левашева, который и прежде того, встрѣчая воспитанниковъ въ галлереѣ манежа, во время верховой ѣзды своихъ гусаръ, разговаривалъ съ воспитанниками и спрашивалъ, скоро ли они начнутъ учиться ѣздить. По этому случаю онъ попалъ въ сочиненный Пушкинымъ и Илличевскимъ, и приведенный г. Анненковымъ въ біографіи поэта

(стр. 25) куплетъ лицейской пѣсни, въ которой представленъ разговаривающимъ съ лицеистами и гусарами, которыхъ обучалъ:

Bonjour, mersieurs!... Потише!
Поводьемъ не играй!
Вотъ я тебя потѣшу!
A quand l'équitation?
. . . . . .

Въ манежѣ лицеисты еще болѣе сблизились съ гусарами, съ которыми уже встрѣчались въ обществѣ. Особенно подружился съ ними Пушкинъ, въ которомъ они находили веселаго и остроумнаго собесѣдника, и который съ своей стороны любилъ ихъ разгулье. Ближайшими пріятелями его сдѣлались Чаадаевъ, Зубовъ и Каверинъ, имена которыхъ сохранились въ произведеніяхъ поэта. О стихотвореніи, написанномъ въ альбомъ Зубова, сказано выше; въ лицеѣ же Пушкинъ сочинилъ надписи къ портретамъ Каверина (т. I, стр. 570) и Чаадаева. Послѣдняя, пропущенная во всѣхъ изданіяхъ сочиненій Пушкина, не вѣрно напечатана въ берлинскомъ изданіи 1861 г. его стихотвореній (стр. 90), и въ помѣщенномъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1862 (№ 14) *Воспоминаніи о П. Я. Чаадаевѣ* М. Н. Лонгинова...

Въ статьѣ г. Лонгинова описаны дружескія отношенія Пушкина и Чаадаева, установившіяся съ первой ихъ встрѣчи у Карамзина и сохранившіяся на всю жизнь. О дружбѣ и уваженіи Пушкина къ этому замѣчательному человѣку свидѣтельствуютъ три посланія къ Чаадаеву (т. I, стр. 187, 219 и 245). Первое изъ нихъ, написанное скоро по выпускѣ изъ лицея, когда они встрѣтились уже въ Петербургѣ, гдѣ оба поселились, есть воспоминаніе о восторженныхъ мечтахъ, волновавшихъ юношей въ первое время ихъ знакомства. Это превосходное посланіе напечатано во всѣхъ нашихъ изданіяхъ съ большими пропусками, а въ «Русской библіотекѣ», изданной въ Лейпцигѣ въ 1858 г. (т. I, стр. 6), и въ берлинскомъ изданіи 1861 г. стихотвореній Пушкина (стр. 9) явилось съ ошибками, и потому приводимъ его:

Любви, надежды, гордой славы
Не долго тѣшилъ насъ обманъ.
Исчезли юныя забавы,
Какъ сонъ, какъ утренній туманъ!
Но въ насъ горитъ еще желанье
. . . . . .
Нетерпѣливою душой
. . . . . .
Мы ждемъ съ томленьемъ упованья
. . . . . .

. . . . . .
. . . . . .
Пока . . . . . горимъ,
Пока сердца для чести живы,
Мой другъ, отчизнѣ посвятимъ
Души прекрасные порывы!
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Дружба съ Чаадаевымъ, однимъ изъ образованнѣйшихъ и замѣчательнѣйшихъ людей своего времени, имѣла самое благотворное вліяніе на развитіе и судьбу Пушкина. Въ посланіи къ Чаадаеву изъ Кишинева въ 1821 г. (т. I, стр. 245) поэтъ трогательно вспоминаетъ о высоко-нравственномъ значеніи для него этой дружбы,

Въ тѣ дни, когда еще не знаемый никѣмъ,
Не зная ни заботъ, ни цѣли, ни системъ,

онъ

... пѣньемъ оглашалъ пріютъ забавъ и лѣни
И царскосельскія хранительныя сѣни.

Остальное гусарское общество, въ которомъ тратилъ время Пушкинъ, охарактеризовано имъ въ слѣдующемъ шуточномъ стихотвореніи *Молитва лейб-гусарскихъ офицеровъ*, упомянутомъ въ «Библіографическихъ Запискахъ» 1858 г. (№ 11, стр. 337) и напечатанномъ въ берлинскомъ изданіи 1861 г. его стихотвореній (стр. 7):

Избави, Господи, ума такого,
Какъ у Александра Васильича Попова,
Слатьинскаго скромности,
Зубова томности,
Ильина чистоты,
Тютчева красоты,
Любомірскаго чванства,
Каверина пьянства,
Гротовой скупости,
Хов—на глупости,
Суетливости Оффенберга,
Разсудительности Унгернъ-Штернберга,
Чаадаева гордости,
Ю—ва подлости,

Крекшина службы,
Сабурова дружбы,
Завадовскаго щедрости,
Гернгр—вой мерзости,
Кнабенау усовъ,
Пашковскихъ носовъ,
Салтыкова дикости,
Саломірскаго лихости,
Слѣпцова смиренья,
Круглинова нѣнья,
Барятинскаго спросовъ,
Рахманова вопросовъ,
Молоствова хвалы
И Микешина к..ы.

Эта невинная шутка надѣлала было большихъ хлопотъ поэту: стихотвореніе, какъ объяснено въ примѣчаніи къ нему со словъ одного изъ упомянутыхъ лицъ (стр. 228), было написано на дежурствѣ графа Завадовскаго и поднято Пашковымъ, который вступился за честь своего обиженнаго носа, и обѣщалъ «поколотить» Пушкина. Но Завадовскій, польщенный упоминаніемъ о его щедрости, принялъ стихи на себя, чтобъ избавить Пушкина отъ непріятности, и ссора угрожала дуэлью. Это дошло до свѣдѣнія командира гвардейскаго корпуса И. В. Васильчикова, который созвалъ офицеровъ для объясненія съ цѣлью помирить ихъ. Дѣло кончилось тѣмъ, что благоразумная партія признала его пустымъ, а противная, боясь высказаться, промолчала, и тѣмъ согласилась съ первой. Въ числѣ обиженныхъ былъ и Каверинъ, которому Пушкинъ вслѣдствіе этого писалъ (т. I, стр. 172):

Забудь, любезный мой Каверинъ,
Минутной рѣзвости нескромные стихи:
Люблю я первый, будь увѣренъ,
Твои гусарскіе грѣхи...

Между тѣмъ какъ Пушкинъ проводилъ время съ гусарами, нѣкоторые изъ его товарищей именно Пущинъ, и впослѣдствіи Вольховскій, посѣщали образовавшійся тогда особенный кружокъ, о которомъ говоритъ Пущинъ въ своихъ *Запискахъ*... Воспоминанія о Вольховскомъ напечатаны въ брошюрѣ *О жизни генералъ-маіора Вольховскаго*, изданной въ 1844 г. въ Харьковѣ однимъ изъ товарищей и родственникомъ покойнаго, а о Пущинѣ въ статьѣ Е. И. Якушкина въ «Библіографическихъ запискахъ» 1859 г. (т. II, № 8, стр. 251).

Новыя знакомства и безпрестанныя развлеченія не могли не имѣть дурнаго вліянія на ученье, которое вообще шло довольно плохо. За

1816 годъ, т. е. за четыре мѣсяца до выпускныхъ экзаменовъ, Пушкинъ и Дельвигъ получили по нѣсколько нулей, и даже въ «россійской поэзіи» по 1. («Историческій очеркъ» лицея, приложенія, стр. 39). Въ нѣкоторой связи съ этой отмѣткой находится посланіе Пушкина *Моему Аристарху* (Кошанскому), помѣщенное первымъ въ отдѣлѣ стихотвореній 1816 г. (т. I, стр. 96), но написанное, вѣроятно, въ началѣ 1817 г., судя по помѣткѣ поэта на черновой рукописи: «переписано 10 марта 1817 г.». Кошанскій, сначала поощрявшій Пушкина, охладѣвалъ къ нему, по мѣрѣ того, какъ развивался его талантъ, а въ послѣдніе два года преслѣдовалъ его, отчасти изъ зависти, потому что самъ кропалъ стихи, а можетъ быть, и потому, что Пушкинъ, всегда пренебрегавшій его лекціями, совершенно пересталъ заниматься ими.

Не нужны мнѣ, повѣрь, уроки
Твоей учености сухой,

говоритъ Пушкинъ этому «трезвому Аристарху», своему «гонителю», и оканчиваетъ посланіе къ нему слѣдующею просьбою:

А ты, мой скучный проповѣдникъ,
Умѣрь ученый вкуса гнѣвъ,
Ходи, кричи, брани другаго,
И брось лѣнивца молодаго,
Объ немъ тихонько пожалѣвъ.

Нерасположеніе же Кошанскаго къ Дельвигу, который, по отзыву Энгельгардта, сдѣланному за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ, зналъ русскую литературу лучше всѣхъ своихъ товарищей, объясняется тѣмъ, что Дельвигъ осмѣялъ Кошанскаго, написавъ на стихотвореніе его *На смерть гр. Ожаровской* (жены управлявшаго Царскимъ Селомъ) остроумную пародію подъ заглавіемъ *На смерть кучера Агаѳона*, напечатанную въ «Библіографическихъ Запискахъ» 1859 г. (т. II, № 5, стр. 148).

Выпускъ былъ назначенъ раньше положеннаго шестилѣтняго срока, но не потому, какъ говоритъ г. Бартеневъ, во 2-й главѣ своего труда, что «зимою 1816 г. въ лицейскомъ зданіи былъ пожаръ», потребовавшій перестроекъ, а просто чтобъ обѣ стороны и учившая, и учившаяся, отдѣлались одна отъ другой до наступленія вакаціоннаго времени, которое такимъ образомъ, къ удовольствію обѣихъ, дѣлалось свободнымъ; пожаръ же былъ 12 мая 1820 г. («Историческій очеркъ» лицея, стр. 174), вслѣдствіе чего ускоренъ былъ выпускъ воспитанниковъ втораго курса, для которыхъ не было и публичнаго экзамена.

Въ половинѣ мая начались выпускные экзамены, продолжавшіеся

въ теченіе двухъ недѣль. Они происходили весьма скромно, и только по названію были публичными. «Многочисленная публика», о которой говоритъ г. Бартеневъ («Московскія Вѣдомости» 1854, № 118), состояла изъ профессоровъ лицея и нѣсколькихъ царскосельскихъ жителей. Никакихъ вопросовъ со стороны посѣтителей, ни преній по этому поводу, о чемъ также упоминаетъ г. Бартеневъ, не возбуждалось. Даже попечитель лицея, графъ Разумовскій, охладѣвшій къ нему въ послѣднее время, не присутствовалъ при испытаніяхъ, и мѣсто его замѣнялъ князь А. Н. Голицынъ, назначенный послѣ него министромъ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Изъ родителей и родственниковъ также почти никого не было. Закулисная сторона испытанія, произведеннаго юношамъ, приготовленнымъ «къ важнымъ частямъ службы государственной», представляетъ еще менѣе торжественности. Вопросы и отвѣты, какъ это и теперь дѣлается во многихъ училищахъ, были подготовлены заранѣе, и пошлая комедія эта разыгрывалась въ своемъ кружкѣ, почти безъ постороннихъ зрителей. Такъ, напримѣръ, профессоръ физико-математическихъ наукъ, Я. И. Карцовъ, на лекціяхъ котораго занимался только Вольховскій, роздалъ воспитанникамъ опредѣленныя роли съ репликами, которыя они, разумѣется, превосходно выучили. «Окончательный экзаменъ, говоритъ баронъ Корфъ, вполнѣ соотвѣтствовалъ образу нашего ученія и надзора за нашею нравственностію. Подобно какъ въ математикѣ, и по большей части другихъ предметовъ сдѣлана была между воспитанниками разверстка опредѣленныхъ ролей, и дурные отвѣты являлись только тогда, когда который либо изъ профессоровъ сбивался въ своемъ росписаніи, или какой нибудь лѣнивый ученикъ не хотѣлъ или не умѣлъ затвердить даже послѣдняго въ своей жизни урока. Посѣтители же ничего не задавали по той причинѣ, что ихъ не было, а тѣ, которые были, могли только невѣжественно поклоняться безднѣ нашей премудрости, или сами, какъ наши профессора, состояли участниками въ заговорѣ». На экзаменѣ изъ русской словесности Пушкинъ читалъ написанное имъ къ этому случаю стихотвореніе *Безвѣріе*, холодное, дидактическое произведеніе, очевидно написанное на заданную тему, которой онъ не сочувствовалъ. Оно, какъ будто предназначалось для оффиціальныхъ собраній, и по извѣстію, напечатанному въ «Вѣстникѣ Европы» 1817 г. (№ 22, стр. 153), было читано въ обыкновенномъ засѣданіи 30 ноября того же года общества любителей россійской словесности при московскомъ университетѣ, въ присутствіи князя Голицына, на котораго вслѣдъ за тѣмъ посыпались эпиграммы, напечатанныя въ берлинскомъ изданіи 1861 г. стихотвореній Пушкина (стр. 98 и 99).

Послѣ экзаменовъ была конференція, въ которой профессора раз-

суждали о правахъ воспитанниковъ при выпускѣ ихъ на службу, и составили списокъ по степени ихъ успѣховъ. По этому поводу сочинена общими силами пѣсня, изъ которой приводимъ нѣсколько куплетовъ:

Этотъ списокъ сущи бредни,
Кто тутъ первый, кто послѣдній:
Всѣ нули, всѣ нули,
Ай люли, люли, люли!

Покровительствомъ Минервы
Пусть Вольховскій будетъ первый,
Мы жь нули, мы нули,
Ай люли, люли, люли!

Корфъ дьячокъ у насъ исправный,
И сидѣлецъ въ классахъ славный,
Мы жь нули, мы нули,
Ай люли, люли, люли!

Поль (*) протекціей бояровъ
Будетъ юнкеромъ гусаровъ,
Мы жь нули, мы нули,
Ай люли, люли, люли!

Графу (**) нѣтъ большой заботы,
Будь хоть юнкеръ онъ пѣхоты,
Мы жь нули, мы нули,
Ай люли, люли, люли!

Дельвигъ мыслитъ на досугѣ
Можно спать и въ Кременчугѣ,
Мы жь нули, мы нули,
Ай люли, люли, люли!

Не тужи, любезный Пущинъ,
Будешь въ гвардію ты пущенъ.
Мы жь нули, мы нули,
Ай люли, люли, люли!...

Съ гнѣвнымъ пламенемъ во взорѣ
Данзасъ почтальонъ въ Ижорѣ,
Мы жь нули, мы нули,
Ай люли, люли, люли!

(*) Мясоѣдовъ.
(**) Брольо.

Пусть объ нихъ заводятъ споры
Съ Энгельгардтомъ профессоры,
И они тѣ жь нули,
Ай люли, люли, люли!

Въ то же время Пушкинъ сочинилъ пѣсню, въ которой съ такою же беззаботною откровенностью высказалъ оцѣнку пріобрѣтенныхъ имъ свѣдѣній, и начинавшуюся такимъ образомъ:

Гауэншильдъ и Энгельгардтъ,
Карцовъ и Кошанскій,
И танцмейстеръ Эбергардтъ,
И Эбергардтъ кавказскій, (*)

Всѣ, какъ отставной солдатъ,
Тянутъ пѣснь унылу:
«Господа . . . . . !

Боже мой, охъ Боже мой,
Господи мой Боже!
Вотъ приходитъ годъ шестой,
И экзаменъ тоже.

Чтожь? какой намъ аттестатъ
Выдали насилу? —
«Господа . . . . . !

Для объясненія этой шутки скажемъ, что упоминаемый «отставной солдатъ» былъ лицейскій дядька Прокофій, родомъ изъ Костромы. Во время ночнаго дежурства онъ, ходя по корридору, съ обѣихъ сторонъ котораго были комнаты воспитанниковъ, при всякомъ подозрительномъ звукѣ, приговаривалъ своимъ особеннымъ выговоромъ: «Господа . . . . . !» Стихотвореніе это, о которомъ упомянуто въ «Библіографическихъ Запискахъ» 1861 г. (№ 19, стр. 594 и № 20, стр. 659), записано Пушкинымъ лишь за нѣсколько мѣсяцевъ до его смерти, 19 октября 1836 г., въ кругу товарищей, собравшихся для празднованія лицейской годовщины. Автографъ этого стихотворенія находится на послѣднемъ листкѣ принадлежащей М. Л. Яковлеву тетради *Духъ лицейскихъ трубадуровъ*, изъ которой заимствованы нѣкоторыя изъ приведенныхъ выше стихотвореній и отрывковъ.

За нѣсколько дней до выпуска начались прощанья съ царскосель-

(*) Гувернеръ, находившійся въ лицеѣ въ 1816 и 1817 г., а передъ тѣмъ живавшій гдѣ-то на югѣ Россіи.

скими знакомыми, а дружескіе альбомы наполнились стихами. Пушкинъ написалъ посланіе *Къ товарищамъ передъ выпускомъ* (т. I, стр. 167) и подарилъ Энгельгардту, на память, автографъ этого стихотворенія. По поводу стиха въ этомъ посланіи:

Покорнымъ плутомъ зритъ себя,

г. Шевыревъ, въ упомянутой уже статьѣ о Пушкинѣ, говоритъ (стр. 251): «Ужь конечно, не *зритъ*, а *гнетъ* себя было у Пушкина». Но было однакожь такъ, какъ напечатано. Тогда же Пушкинъ написалъ въ альбомы товарищамъ: Пущину (т. I, стр. 168), Кюхельбекеру (т. I, стр. 169) и Илличевскому (т. I, стр. 555). Послѣднее отнесено къ стихотвореніямъ неизвѣстныхъ годовъ, но въ альбомѣ Илличевскаго помѣчено *31 мая 1817*. Кромѣ того Пушкинъ написалъ нѣсколько строкъ въ альбомъ гусара Зубова (т. I, стр. 176).

Выпускной актъ, происходившій 9 іюня, былъ уже описанъ нѣсколько разъ; но онъ имѣлъ характеръ болѣе семейный, чѣмъ оффиціальный. Государь, по этому случаю вторично посѣтившій лицей, въ сопровожденіи князя Голицына, самъ раздавалъ медали и похвальные листы. Въ заключеніе пропѣта была *Прощальная пѣснь* Дельвига, положенная на музыку Теппером. По словамъ Пущина (стр. 26) государь «былъ тронутъ и поэзіей, и музыкой». Но это, а слѣдовательно и дальнѣйшія подробности, описанныя Пущинымъ, не вѣрно: «Директору нашему—пишетъ баронъ Корфъ—очень хотѣлось, чтобы государь прослушалъ эту пѣснь разлуки и обѣтовъ нашей будущей жизни; но его желаніе не исполнилось. Государь удалился, и мы пропѣли наши «Шесть лѣтъ» передъ самими собою, потому что и князь Голицынъ ушелъ вслѣдъ за государемъ. Настоящій выпускъ былъ на другой день, т. е. 10 іюня».

Послѣ акта воспитанники и нѣкоторые преподаватели собрались къ Энгельгардту, чтобъ вмѣстѣ провести послѣдній день лицейской жизни. Вечеромъ былъ спектакль, въ которомъ вмѣстѣ съ лицеистами участвовало его семейство. Спектакль былъ устроенъ г-жею Смитъ, которая сочинила на этотъ случай пьесу. Уцѣлѣвшая отъ того времени аффиша, написанная ею же, даетъ нѣкоторое понятіе о представленіи:

TOUT VEUT PARLER, VOILA CE QUI BROUILLE CE PETIT MONDE
OU
LES ÉBATS DE LA RECONNAISSANCE, DE L'AMITIÉ ET DU PLAISIR.

Rapsodies formées, déformées, mises en ordre et desordre, recousues de fil blanc par la troupe de la famille de Durange (*), famille très nom-

(*) Engelhardt, въ переводѣ на французскій языкъ.

breuse, vu qu' elle est composée de tous les bons enfants d'alentour tant grands que petits.

ACTEURS:

L'affairé Lomonossoff, entrepreneur dans l'embarras.
Gortchakof, nouveau poëte et auteur.
Korsakof, musicien.
Jakovlef, plaisant.
Malinovsky, bon garçon.
Alexandre, peintre.
Maxe, qui rit toujours.
Elisabeth, la bonne ménagère.
Nathalie, qui finit l'amen et porte le cachet de papa génie.
Vola, postscriptum, qui vient après coup et ne fait que saluer le monde (*).
Laure, qui dira d'avantage une autre fois (**).
Marie Matern préside à tout en voltigeant et prononce le mot reconnaissance d'une manière impossible à écrire (***),
Marie Smith, enfant des bontés du génie tutélaire et du bon génie reste dans les coulisses de ce monde (****).

Fin de la liste des acteurs.

Quant à ceux qui parlent et applaudissent, pensent et critiquent, ils n'ont qu'à se faire une liste à part, celle ci l'étant déjà.

Послѣ представленія читали свои стихи Корсаковъ и Яковлевъ.

На другой день начали разъѣзжаться по домамъ. Нѣкоторые оставались въ лицеѣ еще нѣсколько дней. Пушкинъ тогда же уѣхалъ въ Петербургъ, а оттуда въ Михайловское.

П. ГАЕВСКІЙ.

(*) Всѣ пять—дѣти Энгельгардта. Начальныя буквы первыхъ четырехъ составляютъ слово *Amen*.

(**) Воспитанница Энгельгардта.

(***) Гувернантка.

(****) Сочинительница пьесы.

ИЗЪ ГЕЙНЕ.

Ты мнѣ долго вѣрной оставалась,
На меня совсѣмъ ты издержалась,
Пролила ты много утѣшенья
На мои невзгоды и мученья.

Ты меня поила и кормила,
И въ займы мнѣ денегъ одолжила,
И бѣлья мнѣ подарила много,
И достала паспортъ на дорогу.

Другъ мой! пусть тебя на долги годы
Богъ хранитъ отъ зноя, непогоды,
Пусть тебѣ не будетъ воздаянья
За твои ко мнѣ благодѣянья.

П. ВЕЙНБЕРГЪ.

БЕППО.

ВЕНЕЦІАНСКАЯ ПОВѢСТЬ.

ЛОРДА БАЙРОНА.

I.

Извѣстенъ всѣмъ, — не сомнѣваюсь въ томъ, —
Католиковъ классическій обычай:
За нѣсколько недѣль передъ постомъ
Они толпой всѣхъ классовъ, безъ различій, —
Будь хоть богачь, иль въ званіи простомъ,
Съ спасительной, какъ думаю я, цѣлью,
Спѣшатъ предаться общему веселью;
Готовясь къ покаянію, спѣшатъ
Въ блистательный и пестрый маскарадъ,
Гдѣ въ вихрѣ пѣсенъ, музыки и пляски
Скользятъ и вьются бѣшеныя маски.

II.

Лишь только ночь свой пологъ развернетъ,
(И чѣмъ темнѣй, тѣмъ лучше) наступаетъ

Пора, которой мужъ со страхомъ ждетъ
И съ трепетомъ любовникъ ожидаетъ.
Ханжа кривитъ улыбкою свой ротъ,
И, скромности оковы разбивая,
Шалитъ открыто юность огневая.
Разгулъ и плескъ!... на языкѣ у всѣхъ
Запасъ остротъ и неподдѣльный смѣхъ,
И звукъ руладъ, и шепотъ страстной пары
Сливаются съ аккордами гитары.

III.

Пестрѣютъ вкругъ одежды разныхъ странъ,
Костюмовъ фанастическія краски,
Нарядъ жидовъ, и грековъ, и римлянъ,
И арлекиновъ прыгающихъ маски,
И индусовъ затѣйливый тюрбанъ,
И подъ чалмой прелестныя турчанки
И, наконецъ, — нескладный, хмурый янки.
Нарядовъ — тьма; лишь въ этотъ маскарадъ
Не разрѣшается носить одинъ нарядъ...
На карнавалъ веселый и донынѣ
Избавь васъ Богъ явиться въ капуцинѣ.

IV.

Нѣтъ, лучше вовсе будь безъ панталонъ,
Иль терніемъ обвей себя для танца,
Чѣмъ возмутить людей со всѣхъ сторонъ
Намекомъ на одежду францисканца.
Тогда не пощадитъ тебя законъ,
И будешь ты (какъ ни былъ бы ты важенъ)
Въ адъ на уголья красные посаженъ,
Гдѣ грѣшника изъ адскаго котла
Ни чья рука спасти бы не могла,
И... лишь посредствомъ денежнаго вклада,
Тебя, быть можетъ, выпустятъ изъ ада.

V.

И такъ, за исключеньемъ черныхъ рясъ,
Вы можете одѣться по картинкѣ,
Какой угодно только; такъ не разъ
На лондонскомъ тряпичномъ старомъ рынкѣ
Иной колетъ, лишь изъ однихъ проказъ,
Искали вы для вечера, иль бала.
Въ Италіи подобныхъ мѣстъ не мало,
Но, — ужь таковъ волшебной рѣчи складъ, —
Названья ихъ, какъ музыка звучатъ,
А въ Англіи кварталъ найдемъ едва ли,
Который бы «Piazza» называли.

VI.

Тѣмъ праздникамъ названье: карнавалъ,
«Прощайся съ мясомъ», — значитъ въ переводѣ.
Понятенъ смыслъ: лишь только постъ насталъ,
О мясѣ и не думаютъ въ народѣ;
Но одного лишь я не понималъ —
Зачѣмъ же постъ съ его трапезой тощей
Встрѣчается веселостью всеобщей?
Не по тому ли самому мы пьемъ,
Сбираясь въ кругъ, и пѣнистымъ виномъ
Бокалы наши дружно наполняемъ,
Когда друзей въ дорогу провожаемъ?

VII.

Наступитъ постъ — и мяса больше нѣтъ:
Всѣ сорокъ дней, вкушая лососину,
Хоть злостью приправляйте свой обѣдъ,
А соусы? — о нихъ нѣтъ и помину.
О, путники! не разъ отъ этихъ бѣдъ,
Застигнуты негаданно діэтой, —
Вы бранью разражались (брани этой

Я съ музою не стану повторять),
Не забывая гнѣвно объявлять:
— Не можемъ мы (вамъ все одни пиры бы!)
Ѣсть безъ приправъ, безъ сои этой рыбы...

VIII.

Охотникамъ до соусныхъ приправъ
Рѣшаюсь дать совѣтъ такого рода,
И думаю, что я останусь правъ:
Сбираясь въ путь во всякій мѣсяцъ года,
Съ собою брать запасы разныхъ травъ,
Коренья, кечепу и соусы Горвея,
Чтобъ не сидѣть голодными говѣя,
Иначе же, — поклясться въ томъ могу,
Вы, гдѣ нибудь на чуждомъ берегу,
Безъ собственнаго повара, — повѣрьте, —
Умрете разомъ отъ голодной смерти.

IX.

Я только лишь католикамъ внушалъ
Какъ соблюдать обычай древній Рима,
Но той діэтой вовсе не пугалъ
Я чужестранца, ѣдущаго мимо,
И чтобы онъ постовъ не соблюдалъ —
Спѣшу предупредить: для протестантовъ,
Для всѣхъ больныхъ, для прихотливыхъ франтовъ
И... и для дамъ — охотницъ до причудъ,
Не существуетъ вовсе рыбныхъ блюдъ.
. . . . . .
. . . . . .

X.

Нигдѣ во время оно не бывалъ
Такъ безконечно веселъ и потѣшенъ,

И шуменъ итальянскій карнавалъ,
Такъ оживленъ и несдержимо бѣшенъ,
Какъ посреди венеціанскихъ залъ,
Гдѣ покрывалъ разгулъ толпы нарядной
Не мало тайнъ интриги маскарадной,
И не одинъ ловился жгучій взглядъ
Подъ страстные напѣвы серенадъ.
Вотъ въ ту Венецію, рожденную волною,
Послѣдовать прошу теперь за мною.

XI.

Ахъ, красота венеціанскихъ женъ!
Ихъ быстрый взглядъ, улыбки ихъ приманки!...
Припоминалъ я образы мадоннъ,
При взглядѣ на лицо венеціанки.
Когда она склонится на балконъ,
Вы, отдаваясь прелести обмана,
Въ ней видите Венеру Тиціана
(Хоть ту, что во Флоренціи стоитъ),
Иль, наконецъ, ея прелестный видъ
Напомнитъ вамъ, лишь только въ новомъ фонѣ,
Одно изъ лицъ картинъ Джіорджіоне,

XII.

Гдѣ краски правдой жизненной полны.
Когда зайдете вы въ дворецъ Манфрини,
То, множествомъ картинъ окружены,
Вы, можетъ быть, одной его картинѣ
Останетесь покорны и вѣрны,
И станетъ вамъ всего она дороже.
Такъ нѣкогда со мною было то же,
А почему? — тому разгадки нѣтъ,
То просто былъ жены его портретъ,
Но какъ онъ созданъ!... Творческая сила
Земной любви въ немъ образъ воплотила,

XIII.

Да, той любви, которой міръ живетъ,
Любви людской, встрѣчаемой на дѣлѣ,
И вѣришь тутъ, что только жизнь даетъ
Художнику подобныя модели,
И что мечта до нихъ не дорастетъ...
Въ картинѣ той, которую бъ желали
Вы унести, которую бъ украли,
Когда бы страхъ иль стыдъ не помѣшалъ,
Чудесный образъ тотъ напоминалъ,
Что вамъ давно черты знакомы этѣ,
Но что ужь вновь не встрѣтить ихъ на свѣтѣ.

XIV.

Тотъ образъ намъ знакомъ когда-то былъ
Въ дни юности, на подвиги готовой,
И юноша искать его любилъ
На лицахъ дѣвъ, при каждой встрѣчѣ новой,
Когда онъ въ тишинѣ боготворилъ
Созданія безъ имени, безъ тѣла,
Которыхъ жизнь создать намъ не хотѣла,
Которыхъ мы не встрѣтимъ никогда,
Какъ тѣхъ плеядъ, пропавшихъ безъ слѣда,
Растаявшихъ дыханіемъ эфира
И ставшихъ невидимками для міра.

XV.

Дѣйствительно, венеціанки видъ
Намоминаетъ кисть Джіорджіоне,
Особенно когда она стоитъ
Одна, передъ рѣшеткой на балконѣ.
(Вѣдь красота сильнѣе поразитъ
Когда мы къ ней стоимъ не очень близко).
И вотъ тогда, склонясь къ рѣшеткѣ низко,

Таинственно раздвинувъ складки шторъ
И вкругъ себя бросая томный взоръ,
Венеціанка кажется прекрасна,
Что не всегда бываетъ безопасно.

XVI.

За тѣмъ, что взоръ невольный вздохъ родитъ,
Вздохъ пробуждаетъ тайныя желанья,
Желанье наконецъ заговоритъ
И — перейдетъ въ любовное посланье,
Съ посланьемъ же Меркурій полетитъ,
Охотникъ до подобныхъ порученій,
А тамъ — не миновать и приключеній,
Когда Амуръ войдетъ въ права сердецъ:
Свиданья, вѣчный страхъ, и наконецъ
Разбитыя ревнивцемъ съ жаждой мщенья
И головы, и клятвы увлеченья.

XVII.

Шекспиромъ былъ давно изображенъ
Типъ этихъ женщинъ въ милой Дездемонѣ.
Въ Италіи до нынѣшнихъ временъ
Въ Венеціи роскошной и въ Веронѣ
Вы встрѣтите подобныхъ много женъ,
Съ той разницей, — мы думать можемъ смѣло, —
Что ихъ мужья не слѣдуютъ Отелло,
Что всѣ мужья прекрасной той страны,
Какъ чорный мавръ, для женщинъ не страшны,
И женъ душить едвали-бъ захотѣли,
За то, что тѣ поклонниковъ имѣли.

XVIII.

Но если кто въ нихъ ревность и найдетъ,
То свойства очень мирнаго, и нынѣ

Изъ нихъ никто подушки не возьметъ,
Чтобъ задушить жену свою въ перинѣ;
Нѣтъ, беззаботный, вѣтреный народъ
Въ несчастіи иную приметъ мѣру,
И если въ женъ мужья теряютъ вѣру,
Изъ нихъ никто не будетъ пораженъ
Открытою невѣрностію женъ,
Но каждый мужъ супругѣ отомщаетъ
Лишь только тѣмъ, что самъ ей измѣняетъ.

XIX.

Случалось ли гондолу видѣть вамъ?
Я опишу подробно: лодка эта
Съ навѣсомъ и рѣзьбою по угламъ,
Безмолвная, вся трауромъ одѣта,
Какъ темный гробъ, несется по волнамъ.
За веслами сидятъ два гондольера,
И веселъ ихъ разсчитанная мѣра
Едва слышна... несется странный гробъ,
И разгадать не въ силахъ былъ никто-бъ,
О томъ, что въ тишинѣ его творится,
Что подъ его навѣсомъ говорится.

XX.

И день, и ночь гондолы вкругъ скользятъ,
Шныряютъ вдоль Ріальто, по каналамъ,
И у театровъ группы ихъ стоятъ,
Открытыя всѣмъ путникамъ усталымъ,
Но, какъ гондолы мрачно ни глядятъ,
Закутавшись угрюмо въ балдахины, —
Ихъ мрачными считать намъ нѣтъ причины,
За тѣмъ, что и въ гондолѣ мы, порой,
Встрѣчали жизнь, и смѣхъ, и пиръ горой.
Такъ часто мы съ процессіи печальной
Спѣшимъ, смѣясь, въ каретѣ погребальной.

XXI.

Но я еще разсказъ не начиналъ.
Лѣтъ за сорокъ назадъ тому открылся
Въ Венеціи блестящій карнавалъ,
И переряженный народъ заселился.
Однажды, разодѣта, какъ на балъ,
Одна венеціанка пожелала
Взглянуть на шумный праздникъ карнавала.
Какъ имя ей? — не могъ я угадать,
А потому хочу ее назвать
Лаурою. Названіе Лауры
Удобнѣе для риѳмъ и для цезуры.

XXII.

Она была не очень молода,
Но ужь никакъ старухой не смотрѣла,
Иль дамой, у которой никогда,
При отношеньяхъ нѣжныхъ самыхъ, смѣло
Нельзя спросить о возрастѣ. Года
Подобныхъ дамъ покрыты строгой тайной,
И ни за что — ни прямо, ни случайно —
У нихъ (таковъ упрямый женскій родъ)
Не выпытать: который же вамъ годъ?
Онѣ молчатъ съ терпѣніемъ великимъ,
Что, впрочемъ, мнѣ всегда казалось дикимъ.

XXIII.

Не такова была Лаура. Нѣтъ,
Еще года лицо ея щадили,
И жизнь ея въ разцвѣтѣ зрѣлыхъ лѣтъ
Была свѣтла. Лауру находили
Красавицей, когда, являясь въ свѣтъ,
Неслись за ней восторженныя рѣчи
(Съ красавицей въ толпѣ пріятны встрѣчи).

И потому-то было такъ свѣтло
Всегда ея высокое чело,
Улыбка съ устъ румяныхъ не сползала
И всякаго, казалось, награждала.

XXIV.

Лаура—замужемъ. Я здѣсь замѣчу вамъ:
Замужнихъ дамъ покойнѣе дорога;
За тѣмъ, что на грѣшки подобныхъ дамъ
Вездѣ сквозь пальцы смотримъ мы, не строго,
Но если же — со страхомъ передамъ —
Дѣвица, отшатнувшись отъ приличій,
Замужствомъ не прикроетъ грѣхъ дѣвичій,
То ждутъ ее позоръ и вѣчный стыдъ,
Когда она сама не поспѣшитъ
Свои дѣла, какъ только будетъ можно,
Вести съ людьми умно и осторожно.

XXV.

Лауры мужъ, по званью моряка,
Скитался по морямъ и по чужбинѣ,
Когда же, возвратясь издалека,
Сидѣлъ въ сорокадневномъ карантинѣ,
И имъ овладѣвала тамъ тоска, —
Жена его на вышку поднималась,
Откуда ей все море открывалось
И судно, на которомъ мужъ приплылъ
Изъ странствія далекаго. Онъ былъ
Купецъ-морякъ, торгующій съ Алеппо,
По имени Джузеппе или Беппо.

XXVI.

Съ его лица загаръ не пропадалъ.
И былъ онъ смуглъ, какъ истинный испанецъ,

Но красоту едваль въ немъ уменьшалъ
Его густой, коричневый румянецъ;
Онъ, какъ морякъ, нисколько не терялъ
Отъ этого суроваго загара,
И вообще съ женой своей былъ пара.
Лаура же, хоть не была горда,
Непобѣдимою считалася всегда,
Была для всѣхъ, какъ свѣтъ ее ославилъ,
Женою самыхъ строгихъ, строгихъ правилъ.

XXVII.

Съ послѣдней ихъ разлуки много лѣтъ
Прошло, — но все домой не ѣхалъ Беппо.
Какъ, почему его такъ долго нѣтъ? —
Судили большей частію нелѣпо.
— Онъ утонулъ! рѣшилъ сначала свѣтъ,
Потомъ же остроумно порѣшили,
Что отъ долговъ бѣжалъ онъ; даже были
Охотники побиться объ закладъ:
Вернется ль онъ когда нибудь назадъ?...
Такъ многіе, чтобъ въ мнѣньи убѣдиться,
Тотчасъ же объ закладъ спѣшатъ побиться.

XXVIII.

Печально очень было, говорятъ,
Супруговъ разлучавшихся прощанье
И каждый былъ предчувствіемъ объятъ
Что это ихъ послѣднее свиданье.
(Предчувствія подобныя страшатъ,
Какъ сонъ воображенія больнаго;
Испытывать ихъ вовсе мнѣ не ново.)
Подъ чарами такихъ же смутныхъ грезъ
Предчувствіе печальное унесъ
Съ собою мужъ, и затаилъ онъ горе,
Плывя въ Адріатическое море.

XXIX.

Не ѣдетъ мужъ, Лаура все груститъ,
Лаура плачетъ, въ трауръ наряжалась,
Вдругъ потеряла вовсе аппетитъ
И спать одна рѣшительно боялась:
Едва гдѣ только ставень заскрипитъ,
Малѣйшее услышитъ гдѣ движенье —
Ей чудятся — то воръ, то привидѣнье.
Ей цѣлый день нигдѣ покоя нѣтъ,
И вотъ она, во избѣжанье бѣдъ
И чтобъ чего не сдѣлалось съ ней хуже,
Рѣшилась завести себѣ вицъ-мужа.

XXX.

Лаурою былъ выбранъ для услугъ
(А женщины искусны такъ на это),
Пока не возвращается супругъ,
Давно ужь безъ вѣсти пропавшій гдѣ-то,
Ей выбранъ былъ, сказалъ я, новый другъ,
Одинъ изъ тѣхъ, всѣ дамы на которыхъ
Глядятъ съ негодованьемъ въ чистыхъ взорахъ,
А въ тайнѣ ихъ не прочь и полюбить;
То былъ шалунъ, привыкшій шумно жить,
Богатый графъ, мотавшій денегъ груду.
О немъ такое мнѣнье было всюду.

XXXI.

Онъ музыку и танцы изучилъ,
Блистательно умѣлъ играть на скрипкѣ,
Онъ по французски бойко говорилъ,
И даже по тоскански безъ ошибки.
Послѣднимъ онъ особенно дивилъ,
(Въ Италіи — спѣшу предостеречь я —
Ломаютъ всѣ этрусское нарѣчье)

И постановки оперной знатокъ,
Къ пѣвцамъ онъ былъ неумолимо строгъ,
Ту арію всегда встрѣчали хмуро,
Когда кричалъ онъ въ креслахъ: «Siccatura!»

XXXII.

Всей оперѣ давалъ онъ приговоръ
Молчаніемъ иль громкимъ крикомъ: «bravo!»
Дрожалъ оркестръ, страшась за свой позоръ,
Когда, смотря на-лѣво и на-право,
Бросалъ ему нашъ графъ презрѣнья взоръ,
Иной фальшивой нотой возмущенный;
И дрожь овладѣвала примадонной,
Когда, трудясь надъ выводомъ руладъ,
Встрѣчала вдругъ его лукавый взглядъ;
Желали всѣ: сопрано, басъ, контръ-альто,
Чтобъ онъ хоть провалился подъ Ріальто.

XXXIII.

Онъ былъ поэтъ, романсы распѣвалъ,
Острилъ подчасъ находчиво и мѣтко,
Всегда импровизаторовъ ласкалъ
И самъ импровизировалъ нерѣдко;
Достоинство картины понималъ
И даже слылъ за ловкаго танцора, —
Въ Итадіи жь подобной славы скоро
Не заслужить; извѣстно съ давнихъ поръ,
Что итальянецъ вовсе не танцоръ.
И такъ, онъ слылъ за льва въ извѣстномъ кругѣ
И былъ герой... хоть для своей прислуги.

XXXIV.

Къ тому же, онъ для многихъ женщинъ былъ
Находкой рѣдкой, въ этомъ я увѣренъ:

Чѣмъ холоднѣй онъ женщину любилъ,
Тѣмъ долѣе ей оставался вѣренъ,
И потому ни разу не смутилъ
Иной души блаженнаго покоя.
Въ немъ билось сердце вовсе не такое,
Которое, принявъ любовь въ себя,
Само затрепетало бы любя.
Онъ былъ любовникъ школы очень странной —
Не любящій хотя, но постоянный.

XXXV.

Вотъ почему печальная жена
Вдругъ увлеклась такимъ героемъ слѣпо
И мужу не осталася вѣрна.
Кто жь виноватъ, что не вернулся Бенно?
И сколько жь лѣтъ Лаура ждать должна?
Она могла считать себя вдовою,
И мужъ ея досужею молвою
Давно, давно ужь былъ похороненъ;
Дѣйствительно, когда не ѣдетъ онъ,
То долженъ мертвецомъ для всѣхъ казаться,
Или, по крайней мѣрѣ, имъ считаться.

XXXVI.

При томъ, для заальпійскихъ женъ
(Хоть грѣхъ большой, прибавлю я къ тому же)
Уже давно почти вошло въ законъ,
Прости ихъ Богъ! имѣть и по два мужа.
Не знаю вѣрно, кѣмъ былъ занесенъ
За альпы тотъ прелестнѣйшій обычай,
Но онъ ничѣмъ не нарушалъ приличій
И повсемѣстно въ обществѣ терпимъ,
Гдѣ никого не трогало, что имъ
Между двумя *вторичный* бракъ скрѣплялся,
Которымъ *первый* тотчасъ нарушался.

XXXVII.

Въ Италіи «побочный» мужъ прослылъ
Подъ именемъ вульгарнымъ «чичисбея»
(Но это имя прежде онъ носилъ).
Тотъ модный бракъ, нисколько не робѣя,
Къ испанцамъ даже доступъ получилъ.
Надежда есть, что очень, очень скоро,
Моря переплывая и озера,
Всѣ страны эта мода заразитъ.
Но Англіи пускай не посѣтитъ,
Иначе тамъ отъ язвы этой моды
Начнутся только штрафы да разводы.

XXXVIII.

Хотя всегда съ почтеньемъ я гляжу
На юныхъ дѣвъ, лукавить для чего же?
Я откровенно все-таки скажу:
Мнѣ женщина гораздо ихъ дороже,
Когда за ней я въ обществѣ слѣжу
Иль съ глазу на глазъ съ нею повстрѣчаюсь.
Обрисовать я этимъ не стараюсь
Ни англійскихъ и ни французскихъ женъ;
Я говорю: всѣхъ дамъ свободный тонъ
И эта рѣчь, текущая свободно,
Плѣнятъ, сведутъ съ ума, кого угодно.

XXXIX.

Взгляните жь вы на рядъ прелестныхъ миссъ.
Какъ хороши!... но такъ онѣ пугливы,
Такъ часто опускаютъ глазки внизъ,
И краскою алѣютъ, точно сливы,
Что вы отъ нихъ всегда бы отреклись.
Всего стыдясь, молчатъ онѣ упрямо
И словно ждутъ, что имъ подскажетъ «mamma»,

И ихъ занятья, лепетъ, робкій взглядъ
Напомнятъ вамъ спеленанныхъ ребятъ.
При томъ, отъ миссъ межь англійскимъ народомъ,
Всегда немножко пахнетъ бутербродомъ.

XL.

И такъ, названье: Cavalier servente
(Вездѣ употребительное слово)
Лишь значитъ — мужъ заштатный, или франтъ,
Занятія не знающій инаго,
Какъ постоянно, — это ихъ талантъ, —
Быть продолженьемъ шлейфа милой леди,
Пріятно улыбаться на обѣдѣ,
Отыскивать гондолу, экипажъ,
Услуживать при случаѣ, какъ пажъ,
Носить за ней перчатки, шали, шляпки
И въ магазинахъ купленныя тряпки.

XLI.

Какъ ни была бъ Италія страшна
Для всѣхъ мужей, знакомыхъ съ мукой ада,
Люблю тебя роскошная страна,
Люблю смотрѣть на кисти винограда,
Въ полдневный зной у вскрытаго окна,
Вiющихся въ несвязанныхъ размѣрахъ
(Тотъ виноградъ не тотъ, что на шпалерахъ),
Гдѣ лозы прихотливо заплелись,
Зеленой бахрамой спадая внизъ.
Такъ на холстѣ, натянутомъ на рамахъ,
Малюютъ виноградникъ въ мелодрамахъ.

XLII.

Люблю скакать безъ устали верхомъ
Въ осенній день, не спрашивая грума,

Лежитъ ли плащъ дорожный за сѣдломъ,
Боясь, что солнце спрячется угрюмо
И я могу промокнуть подъ дождемъ.
Передо мной вся въ зелени аллея,
И путь свой перерву я не жалѣя,
Когда возовъ увижу длинный рядъ,
Везущихъ спѣлый, красный виноградъ, —
А въ Англіи, на каждомъ перекресткѣ,
Съ навозомъ бы попались намъ повозки.

XLIII.

Любилъ я, солнце, весело смотрѣть
На твой закатъ, увѣренный заранѣ,
Что завтра такъ же будешь ты горѣть,
И не скрываясь въ утреннемъ туманѣ,
Какъ и всегда, не перестанешь грѣть.
Нѣтъ, не напомнитъ намъ твой взоръ привѣтный
Взоръ пьяницы мертвящій и безцвѣтный,
И при лучахъ роскошныхъ южныхъ дней,
Не вспомню я о зарекѣ огней,
Съ болѣзненнымъ мерцаніемъ горящихъ
Въ чаду паровъ, надъ Лондономъ висящихъ.

XLIV.

Люблю тебя, Италіи языкъ!
Ты, каждый слухъ чаруя и балуя,
Напоминать гармоніей привыкъ
Волшебный звукъ святаго поцалуя,
Съ устъ женщины сбѣжавшій въ сладкій мигъ.
Въ томъ языкѣ, — весь югъ благоуханный!
Сравню ль его съ нарѣчіемъ тѣхъ странъ,
Иль съ разговоромъ хмурыхъ англичанъ,
Которые не могутъ выражаться,
Чтобъ не шипѣть, свистать и не плеваться?

XLV.

Люблю еще (и кто же слабость ту
Мнѣ не проститъ?) прелестныхъ итальянокъ,
Равно ихъ всѣхъ люблю за красоту:
И смуглолицыхъ, огненныхъ крестьянокъ,
Ихъ черныхъ глазъ и жаръ, и теплоту,
Въ которыхъ страсть горитъ съ улыбкой кроткой,
И важныхъ дамъ съ классической походкой,
Люблю ихъ взоръ, вамъ говорящій вдругъ,
Что въ немъ живетъ — и этотъ теплый югъ,
И той природы дѣвственныя ласки,
И тѣхъ небесъ полуденныя краски.

XLVI.

О, красота! Ты Ева той страны!
Рафаэля не ты ли возродила,
Чьи образы безсмертью преданы?
Не ты ль его съ богами породнила,
Которые завидовать должны
Его твореньямъ?... Чья же, чья же лира
Достойна воспѣвать тебя для міра?
Нѣтъ, ни одинъ пѣвецъ не воспоетъ
Твоихъ чудесъ, твоихъ живыхъ красотъ
И всѣ слова безсильны и не новы,
Пока живутъ созданія Кановы.

XLVII.

«Все въ Англіи люблю я» (такъ въ Калэ
Я говорилъ), «и даже недостатки!»
Оставшись вѣренъ этой похвалѣ,
Люблю твое правительство, порядки,
Люблю свободу въ англійской землѣ
(Пока ее имѣютъ англичане),
Права пера въ литературномъ станѣ,

Люблю типографическій станокъ,
Котораго стѣснить никто не могъ,
Люблю я шумъ парламентскаго спора,
Лишь только бъ онъ окончивался скоро.

XLVIII.

Люблю налогъ, который не тяжелъ,
И огонекъ, пылающій въ каминѣ,
Люблю бифштексъ, поставленный на столъ,
И пиво я люблю еще до нынѣ,
Люблю, покамѣстъ дождикъ не пошелъ,
Хорошую погоду (а погода
Бываетъ хороша, въ теченье года,
Три мѣсяца, и то едва-едва),—
И такъ, люблю Британіи права,
Ея гражданъ солидность и свободу
И не совсѣмъ веселую природу,

XLIX.

Ея солдатъ и темныхъ фабрикъ дымъ,
Ея проекты, подати, реформы,
И митинги, которыми хотимъ
Себя увѣрить съ очень давнихъ поръ мы,
Что мы—народъ свободный; мной любимъ
Ея банкротствъ тяжелыхъ списокъ длинный
И ледъ, и холодъ леди нашей чинной,
И нашъ холодный, сѣверный туманъ,
Ну, словомъ,—все въ отчизнѣ англичанъ,
Какъ есть теперь, или какъ прежде было,
Мнѣ кажется плѣнительно и мило.

L.

Но возвращусь къ разсказу. Мнѣ давно
Пора окончить это отступленье,

Къ тому жь, въ глазахъ читателя, оно
Со стороны поэтовъ—преступленье.
Читателю совсѣмъ не суждено
Такъ подчиняться авторскимъ капризамъ.
И, склонный къ неожиданнымъ сюрпризамъ,
Онъ непремѣнно требуетъ отъ насъ
Съ моралью и съ завязкою разсказъ,
Который нервы трогалъ бы, а это
Вѣдь не всегда по силамъ для поэта.

LI.

Когда бъ я могъ, читатели, для васъ
Писать легко, зѣвать не заставляя!
Когда бъ я могъ взобраться на нарнасъ,
Гдѣ засѣдаютъ музы, вдохновляя
Иныхъ пѣвцовъ!... О, что бы за разсказъ,
Хоть греческій иль ассирійскій даже,
Я написалъ тотъ часъ же для продажи!
И отдалъ бы книгопродавцамъ въ плѣнъ
Богатое собранье пестрыхъ сценъ,
Чувствительныхъ весьма, сантиментальныхъ,
Съ присутствіемъ героевъ идеальныхъ.

LII.

Но я пѣвецъ, увы! не безъ грѣха,
Мнѣ мѣста нѣтъ на славномъ Геликонѣ,
Я риѳму подбираю для стиха
Какая попадется въ лексиконѣ
(Пусть риѳма будетъ даже и плоха),
О критикахъ не думая заранѣ,
Меня предать готовыхъ грозной брани;
И даже я нерѣдко на пути
Предполагалъ до прозы низойти,
Но мода на стихи пошла въ народѣ,—
И я останусь вѣренъ этой модѣ.

LIII.

Съ Лаурой графъ жилъ мирно и въ ладу,
Почти шесть лѣтъ ихъ связь не прерывалась,
Хоть иногда у нихъ—разъ нѣсколько въ году—
И ссора межъ собою начиналась,
Но не служила, впрочемъ, къ ихъ вреду,
И ревностью навѣянная ссора
Всегда кончалась очень, очень скоро.
Въ подобныхъ отношеніяхъ нельзя жь,
Чтобъ маленькая ссора или блажь,
Ревнивый гнѣвъ, иль что нибудь такое,
Не нарушали изрѣдка покоя.

LIV.

Но вообще счастливою четой
Назвать ихъ можно было безъ пристрастья,
Счастливою на столько, что пустой
Иной капризъ не нарушалъ ихъ счастья:
Она плѣняла зрѣлой красотой,
Онъ нѣженъ былъ, для нихъ любви оковы
Казалися легки и несуровы.
Свѣтъ ихъ щадилъ, и лишь порой ханжа
Ихъ къ чорту посылалъ, но сторожа
Всѣхъ юношей, попавшихъ въ сѣть къ амуру,
Чортъ пощадилъ и графа, и Лауру.

LV.

Да, молодость любовь ихъ сберегла.
Любовь и юность—всюду неразлучны;
Вѣдь безъ любви и юность не тепла,
Безъ юности любви порывы скучны.
Одна любовь въ дни юности могла
Насъ оживлять, смиряя жизни ропотъ,
Одну любовь не улучшаетъ опытъ,

Печальный опытъ многихъ трудныхъ лѣтъ.
Не потому ль старикъ, въ которомъ нѣтъ
Того огня, что юность оживляетъ,
Насъ ревностью своею забавляетъ.

LVI.

Былъ карнавалъ. (Строфъ тридцать шесть назадъ
Я объявилъ читателю объ этомъ).
Лаура, приготовивъ свой нарядъ,
Заняться поспѣшила туалетомъ.
Такъ дѣлалъ, вѣроятно, мой собратъ,
Заботясь о задуманномъ нарядѣ,
Чтобъ быть у мистриссъ Бемъ на маскарадѣ.
Лишь разница въ тѣхъ случаяхъ одна:
Веселью долѣе Италія вѣрна,
Гдѣ карнавалъ всѣмъ маски надѣваетъ
И шесть недѣль съ толпы ихъ не снимаетъ.

LVII.

Лаура нарядилась не спѣша.
Подобныхъ женщинъ рѣдко встрѣтишь въ мірѣ.
Она была свѣжа и хороша,
Какъ херувимъ.... на вывѣскѣ въ трактирѣ,
Иль, наконецъ, сравненьемъ не грѣша,
Какъ первая виньетка на журналѣ,
Гдѣ модныя картинки прикрывали
Обертками изъ тонкаго листка,
За тѣмъ, чтобъ ни единая строка
Отъ сильнаго давленья не осталась
На тѣхъ мѣстахъ, гдѣ тальма рисовалась.

LVIII.

Они пошли въ Ридотто; это залъ,
Гдѣ люди пьютъ, танцуютъ, веселятся,

Балъ съ масками, большой народный балъ,
Который бы напомнилъ, можетъ статься,
(Хоть въ меньшемъ видѣ только) нашъ воксалъ,
Съ той разницей, что тамъ героевъ бала
Дождливая погода не пугала.
И такъ—былъ балъ, и въ свѣтлой залѣ той
Мы встрѣтились бы съ пестрою толпой,
Которая (замѣчу въ назиданье)
Гораздо ниже нашего вниманья,

LIX.

Такъ «пестрою толпою» мы всегда
Часть публики извѣстной называемъ,
Въ собраніяхъ которой никогда
Друзей своихъ и близкихъ не встрѣчаемъ,
Друзей, которымъ всюду безъ стыда
Готовы мы при встрѣчѣ поклониться.
Толпа—совсѣмъ иное,—подчиниться
Она всегда готова модными львамъ,
Капризамъ ихъ, веленьямъ и словамъ
Избранниковъ однихъ «*большаго свѣта*»
(Чѣмъ свѣтъ великъ?—темно названье это).

LX.

Такъ было прежде въ Англіи, въ тѣ дни
Когда являлись дэнди въ модномъ свѣтѣ;
Быть можетъ, нынче изгнаны они
Иною расой франтовъ на паркетѣ
И доживаютъ жизнь свою въ тѣни...
Избранники и демагоги моды!
Не разъ къ вамъ безпощадны были годы,
Не разъ вашъ блескъ затерянъ былъ во мглѣ!
Такъ погибаетъ слава на землѣ:
Отъ войнъ, любви и, что гораздо хуже,
Отъ зимняго мороза и отъ стужи.

LXI.

Примѣръ тому хотя Наполеонъ.
Рукой могучей сѣвернаго Тора
Онъ съ арміей своей былъ побѣжденъ,
Стихіями осиленъ былъ безъ спора.
Такъ храбрый китоловъ, со всѣхъ сторонъ
Затертый льдами, въ морѣ погибаетъ,
Такъ новичекъ со страхомъ разрываетъ
Грамматики учебникъ роковой.
Наполеонъ палъ жертвой боевой,
А счастіе?... но замолчу здѣсь строго,
За тѣмъ, что въ счастье вѣрю я не много.

LXII.

Фортуны власть надъ нами велика.
Безсмертная, отъ дѣла не старѣя,
Намъ счастье раздаетъ ея рука
Въ любви, въ женитьбѣ, въ картахъ, въ лотереѣ.
Съ фортуной я не кончилъ счетъ пока,
Она мой путь не много украшала,
Но все жь меня надежда не кидала,
Что, наконецъ, за тяжкій рядъ невзгодъ
Она мнѣ дастъ порядочный доходъ.
Я буду ждать... а потому-то нынѣ
Ни слова не скажу я о богинѣ.

LXIII.

Разсказъ мнѣ не дается, словно кладъ,
Начну—и двадцать разъ перерываю;
Но—въ томъ размѣръ условный виноватъ,
Котораго никакъ не уломаю.
Бросать его—ужь поздно; радъ-не радъ
Я подчинюсь капризному размѣру,
Хотя въ него и потерялъ я вѣру,

Но ежели въ грядущіе года
Съ нимъ, наконецъ, я справлюсь,—о, тогда,
Почтивъ его своей послѣдней тризной,
Я изберу размѣръ не такъ капризный.

LXIV.

Они пошли въ Ридотто (и туда
Самъ думаю отправиться я скоро,
Чтобъ нѣсколько развлечься, господа,
Средь бальныхъ танцевъ, пляски, разговора,
Чтобъ отгадать на балѣ иногда
Черты лица подъ темной пеленою,
А такъ какъ скука странствуетъ за мною,
Не торопясь, то, посѣтивши балъ,
Ее, пожалуй, я бы перегналъ
На часъ одинъ, на полчаса, положимъ,
А въ полчаса мы много сдѣлать можемъ).

LXV.

А между тѣмъ, Лаура въ залъ вошла,
Лицо ея улыбкою сіяло,
Иныхъ она къ себѣ подозвала,
Шепталась съ тѣмъ, тѣмъ головой кивала,
Когда жь Лаура долго не могла
Быть въ духотѣ,—по одному лишь взгляду
Графъ приносилъ ей тотчасъ лимонаду,
Потомъ она, оглядывая вкругъ
Костюмъ своихъ блистательныхъ подругъ,
Замѣтила, и даже не безъ вздоха,
Что всѣ онѣ одѣты очень плохо.

LXVI.

Лицо одной пылало отъ румянъ,
Та—локоны фальшивые имѣла,

На третьей—безобразнѣйшій тюрбанъ,
Четвертая—какъ сванъ побѣлѣла,
И застилалъ глаза ея туманъ;
На пятой—весь костюмъ какой-то жалкій,
Шестая—говоритъ провинціалкой,
Седьмая, у которой по плечу,
Но... «Видѣть ихъ я больше не хочу» (*),
Чтобы онѣ, какъ привидѣнья Банко,
Не шли за мной,—рѣшила итальянка.

LXVII.

Пока она осматривала залъ
И масокъ разноцвѣтные наряды,
Ее встрѣчали ропотомъ похвалъ,
Она ловила огненные взгляды,
И только женщинъ многихъ возмущалъ
(Онѣ вдругъ стали пасмурны и хмуры)
Восторгъ мужчинъ предъ красотой Лауры,
Которой видъ, улыбка, свѣтлый взоръ
Еще волнуютъ ихъ до этихъ поръ,
—«И этого,—сказали втайнѣ дамы, —
Ей извинить не можемъ никогда мы».

LXVIII.

Что жь до меня касается, то я
Не прекословлю въ этомъ строгимъ дамамъ,
Негодованье въ сердцѣ затая.
Что́ для страны всегда казалось страмомъ,
Волнуетъ постоянно и меня,
И еслибъ я былъ облеченъ тѣмъ саномъ,
Которымъ разрѣшается всегда намъ
Все говорить, ...
Тогда бы я затѣялъ новый родъ
Проповѣдей, и проповѣди эти
Извѣстность получили бы на свѣтѣ.

(*) «J'll see no more»,—фраза изъ Макбета, Шекспира.

LXIX.

И такъ, пока Лаура въ залѣ шла,
Шутя, смѣясь на право и на лѣво,
Не думая, что для подругъ была
Причиною и зависти, и гнѣва,
И граціей своей ихъ всѣхъ съ ума свела,
Пока она въ блестящей залѣ бала
Вокругъ себя поклонниковъ сбирала,
То съ этимъ объяснялася, то съ тѣмъ,
Какой-то незнакомецъ между тѣмъ
За ней слѣдилъ съ упорствомъ постояннымъ
И нѣсколько — признаться нужно — страннымъ.

LXX.

Тотъ незнакомецъ туркомъ былъ одѣтъ
Съ лицомъ почти-что бронзоваго цвѣта;
Лаурѣ онъ понравился иль нѣтъ —
Не знаю я. Поклонникъ Магомета
За многоженство, можетъ быть, привѣтъ
И вызоветъ, но только мудрено намъ
Завидовать его гаремнымъ женамъ,
Которыхъ какъ рабынь скупаетъ онъ,
И четырехъ имѣя въ домѣ женъ,
Наложницъ можетъ, если есть охота,
Держать всегда «ad libitum», безъ счета.

LXXI.

При томъ же онъ ихъ прячетъ подъ запоръ,
Онъ лица ихъ скрываетъ подъ покровомъ,
И женщина считаетъ за позоръ
Съ мужчиною обмолвиться хоть словомъ,
Хотя бъ онъ былъ родня ей съ давнихъ поръ,
И тѣмъ рабамъ запуганнымъ едва ли
Когда бъ нибудь завидовать мы стали.

Обычаю восточному вѣрны,
Бездѣйствовать всю жизнь онѣ должны,
Кормить дѣтей, купаньемъ нѣжить кожу
И подходить по очереди къ ложу.

LXXII.

Имъ не знакомы книжная печать
И толки о послѣдней, новой драмѣ,
Остротами не думая блистать,
Онѣ совсѣмъ не склонны къ эпиграммѣ,
Но еслибъ свѣтъ проникъ туда — какъ знать! —
И начался расколъ во всемъ гаремѣ,
Кто бъ справился съ красавицами тѣми?
Но, къ счастію, что въ ихъ средѣ пока
Не заводилось *синяго чулка*
И юноши румянаго, съ которымъ
Онѣ могли бъ заняться книжнымъ вздоромъ.

LXXIII.

Имъ не знакомъ торжественный рыдмачь,
За славою гоняющійся вѣчно,
Ручной звѣрокъ, поэзіи палачь,
Терзающій нашъ слухъ безчеловѣчно,
Стихами называющій свой плачь
И хныканье; кривляка на пастьѣ,
Руководитель женщинъ на парнассѣ
И юношей, задумавшихъ *творить*;
Посредственность, желающая быть
Прославленной, извѣстной для чего-то,
Имѣя смыслъ и силу идіота.

LXXIV.

Имъ не знакомъ оракулъ-стихоплетъ,
Хвалящій то, что стоитъ поруганья,

Жужжащій дни и ночи на пролётъ
И мучающій насъ безъ состраданья
Восторгами, — хоть ихъ никто не ждетъ, —
Иль, наглостью, цинизмомъ грязной брани,
И съ жадностью глотающій въ туманѣ
Извѣстность жалкую, и наконецъ
Такихъ поэмъ бездарнѣйшій пѣвецъ,
Что всѣ онѣ имѣли бъ славу ту же
Когда бъ еще гораздо были хуже.

LXXV.

Непризнанныхъ талантовъ роль жалка.
Они напоминаютъ почему-то
Глядящаго надмѣнно свысока
Лоскутьями обвѣшаннаго шута.
Ихъ разгадать — задача не легка,
Но самаго отчаяннаго фата,
Котораго встрѣчали мы когда-то,
Безъ устали болтавшаго, едваль
Терпимѣе любой журнальный враль
И вся колекція бумажныхъ насѣкомыхъ,
Живущая въ журналахъ и въ альбомахъ.

LXXIV.

Я исключаю избранныхъ натуръ
Изъ темной касты пишущихъ педантовъ.
Васъ, Роджерсъ, Вальтеръ-Скоттъ и Томасъ Муръ,
Васъ, съ обществомъ подобныхъ фигурантовъ,
Съ собраніемъ плохихъ каррикатуръ,
Не смѣшивалъ никто еще въ народѣ.
Такъ пусть они, тупые по природѣ,
Гоняясь за чужою остротой,
Проходятъ безъ слѣдовъ передъ толпой,
Съ запасомъ фразъ избитыхъ и мишурныхъ
Для мальчиковъ и дамъ литературныхъ.

LXXVI.

Нѣтъ, мусульманкамъ съ дѣтскихъ ихъ пеленъ
Невѣдомы, ко счастью, люди эти
И чужды имъ, какъ колокола звонъ,
Гудящій на турецкомъ минаретѣ,
Но еслибы издать такой законъ
(Я въ свой проектъ имѣю много вѣры),
Чтобъ на востокъ пошли миссіонеры
Съ запасомъ христіанскихъ, мудрыхъ книгъ
Вводить въ гаремахъ книжный нашъ языкъ,
Тогда навѣрно бъ мы пришли къ богатымъ
И несомнѣнно важнымъ результатамъ.

LXXVIII.

Но не проникла химія въ гаремъ,
Для дѣвъ его никто не сочиняетъ
Религіозныхъ повѣстей, поэмъ,
И лекціи никто имъ не читаетъ,
Хотя о метафизикѣ. За тѣмъ,
Онѣ картинныхъ выставокъ не знаютъ
И за теченьемъ звѣздъ не наблюдаютъ,
Не предаются вздохамъ при лунѣ
И чистой математикой онѣ
Не занимались въ школѣ педагога,
За что всегда благодарю я Бога.

LXXIX.

А почему его благодарю? —
Особыя причины есть на это;
Я ничего теперь не говорю
И всѣхъ пока оставлю безъ отвѣта,
Но, можетъ быть, когда я возгорю
Желаніемъ — для прозы бросить лиру —
Я напишу объ этомъ вамъ сатиру.

Я склонность къ ней ужь чувствую давно,
Хоть въ старости браниться и смѣшно:
На склонѣ лѣтъ, тотъ смѣхъ насъ оживляетъ,
Который думать чаще заставляетъ.

LXXX.

Веселья и невинности года!
Дни чистаго, святаго упованья!
Въ нашъ черствый вѣкъ, начавшій безъ стыда
Все разрушать, въ припадкѣ отрицанья,
Мы не отыщемъ вашего слѣда.
Но, все равно! я остаюсь вамъ вѣренъ,
И стану восхвалять васъ. Я увѣренъ
Что времена счастливыя опять
Придется намъ когда нибудь встрѣчать,
И я теперь, о, сладкія мгновенья!
Пью горькій джинъ за ваше возвращенье.

LXXXI.

А турокъ на Лауру все глядитъ,
Не сводитъ глазъ съ нея ни на минуту,
И взоръ его, казалось, говоритъ:
— «Я на тебя смотрю, а потому-то
Не уходи!»... подобный взоръ смутитъ
Иную робкую, пугливую натуру,
Но не смутилъ нисколько онъ Лауру.
Случалось ей уже не въ первый разъ
Выдерживать огонь подобныхъ глазъ,
А потому безъ страха, безъ румянца
Она встрѣчала взгляды иностранца.

LXXXII.

Ночь пронеслась, и близокъ былъ разсвѣтъ,
И въ этотъ часъ любительницамъ бала

Осмѣлюсь дать одинъ благой совѣтъ:
Покамѣстъ дня еще не наступало
Скорѣй кидайте балъ или банкетъ.
При освѣщеньи люстры вы блистали,
Когда жь потухнутъ лампы въ бальной залѣ
И солнца лучь въ окошко проскользнетъ,
Тогда у васъ румянецъ пропадетъ,
И яркіе лучи дневнаго свѣта
Вдругъ обличатъ всѣ тайны туалета.

LXXXIII.

Когда–то, жизнь и время не цѣня,
Я по баламъ шатался и упрямо
Сидѣлъ всю ночь и ждалъ явленья дня,
Чтобъ подсмотрѣть, найдется ли тамъ дама,
Которая (кто жь обвинить меня
Осмѣлится за наблюденье это?)
Безъ страха встрѣтитъ лучь дневнаго свѣта?
Я много зналъ красивыхъ дѣвъ и женъ,
Но лишь *одной* былъ только пораженъ,
Которой щеки такъ же были алы
При блескѣ дня, какъ и при лампахъ залы.

LXXXIV.

Я имени ея не назову,
Не потому, что имя это — тайна,
Но для чего жь бросать его въ молву,
Когда она мнѣ встрѣтилась случайно
Какъ свѣтлый сонъ, мелькнувшій на яву?
Но, можетъ быть, ее вы–бъ повстрѣчали
На лондонскомъ или парижскомъ балѣ,
Гдѣ вы бывали вѣрно иногда;
Идите же искать теперь туда
Румянецъ щекъ, который безъ испуга
Поспорилъ бы съ румянымъ утромъ юга.

LXXXV.

Лаура, безъ сомнѣнья, поняла
Невыгоду на балѣ оставаться
До той поры, когда исчезнетъ мгла
И день начнетъ сквозь окна прорываться,
А потому она уже была
Готова балъ оставить безъ печали.
Графъ шелъ за ней съ запасомъ теплой шали
И всевозможныхъ экстренныхъ услугъ;
Они идутъ — но ихъ встрѣчаетъ вдругъ
Препятствіе (не рѣдкіе примѣры):
Отъ ихъ гондолы скрылись гондольеры.

LXXXVI.

Всѣ гондольеры, точно какъ у насъ
Извощики передъ дверьми собраній
Толкаются, тѣснятся каждый разъ
Среди пинковъ и самой крупной брани,
И хоть порывъ тѣхъ слишкомъ грубыхъ фразъ
Приходится смирять не рѣдко стражѣ,
Но и при ней они не могутъ даже
Удерживать разнузданный языкъ,
Къ которому едва ли кто привыкъ,
А потому всѣ эти выраженья
Я не введу въ разсказъ свой, безъ сомнѣнья.

LXXXVII.

Но наконецъ, гондолу отыскавъ,
Поѣхали вдоль тихаго канала
Они домой. Болталъ съ Лаурой графъ
Объ обществѣ и о костюмахъ бала,
Съ злословіемъ свой смѣхъ перемѣшавъ.
Когда жь они къ палаццо подплывали,
И къ лѣстницѣ, купавшейся въ каналѣ,

Гондола тихо, тихо подплыла,
Лаура взоръ случайно подняла:
Вдругъ передъ нею — случай очень страненъ —
Опять стоитъ все тотъ же мусульманинъ.

LXXXVIII.

Графъ сдвинулъ брови. — «Слушайте, сеньоръ,
Поступки ваши требуютъ отвѣта
И вызываютъ насъ на разговоръ.
Зачѣмъ вы здѣсь? Иль, наконецъ, все это
Нечаянность? Но съ этихъ поръ
Вы прекратить должны свою причуду,
А иначе я самъ обязанъ буду
Заставить васъ... вы можете понять...»
— Мнѣ нечего, сеньоръ, вамъ объяснять, —
Отвѣтилъ турокъ тутъ не безъ улыбки: —
Здѣсь никакой, поймите, нѣтъ ошибки.

LXXXIX.

— И эта дама, графъ, — *моя жена*!..
Извѣстьемъ неожиданнымъ не мало
Лаура вдругъ была поражена,
Но гдѣ-бъ британка въ обморокъ упала
И памяти лишиться бы должна,
Тамъ итальянка съ тайною мольбою
Въ одну минуту справится съ собою
Безъ помощи эссенцій спиртовыхъ,
Флаконовъ, оттираній роковыхъ,
Разрѣзанныхъ шнуровокъ на корсетѣ,
Какъ вообще случается на свѣтѣ.

XC.

Лаура растерялась и молчитъ.
И что сказать могла она? Ни слова.

Но иноземца вѣжливо спѣшитъ
Графъ пригласить (хоть это было ново)
Войти въ ихъ домъ. Онъ турку говоритъ:
— «Чтобъ избѣжать публичнаго содома,
Мы обо всемъ перетолкуемъ дома,.
Себя не выставляя на показъ
Для сотни любопытныхъ слишкомъ глазъ,
Иначе же дадимъ мы пищу разомъ
Различнымъ толкамъ, сплетнямъ и разсказамъ».

XCI.

Они вошли въ палаццо. Имъ несутъ
Душистый кофе, сдѣланный заранѣ;
Извѣстно намъ — напитокъ этотъ чтутъ
Равно какъ турки, такъ и христіане,
Хотя его они различно пьютъ.
Межъ тѣмъ Лаура, скрывъ свое смущенье,
Воскликнула: «Ахъ, Беппо! Безъ сомнѣнья
Ты не язычникъ? тотъ же, какъ всегда?
Ахъ, Господи, какая борода!
Гдѣ жь ты скитался долго? Почему же
Я столько лѣтъ не слышала о мужѣ?

XCII.

«Не туркомъ ли вернулся ты назадъ?
Не взялъ ли ты жену себѣ моложе?
Ахъ, правда-ль, будто турки всѣ ѣдятъ
Не вилками, а пальцами?.. Мой Боже!
Такую шаль видалъ ли кто наврядъ!
Не мнѣ-ль ее привезъ ты изъ чужбины?
Ахъ, да, скажи мнѣ, правда-ль, что свинины
Не разрѣшаетъ туркамъ Магометъ?..
И какъ ты могъ, скажи мнѣ, столько лѣтъ
Жить безъ.... А я, Maria Santa, я же...
Но ты такъ желтъ, что, право, страшно даже.

XCIII.

«Ахъ, Беппо, борода къ тебѣ нейдетъ...
Сбрей бороду пожалуйста скорѣе.
Къ чему она? Чтобъ насмѣшить народъ?
Иль ты забылъ, что, какъ и прежде грѣя,
На родинѣ все такъ же солнце жжетъ?
А твой костюмъ... прошу я, Бога ради,
Не выходи теперь въ такомъ нарядѣ.
Вѣдь у людей ужасно злой языкъ...
И для чего жь ты волосы остригъ?
Ахъ, Господи! смотрѣть обидно, просто:
Не сосчитать твоихъ сѣдыхъ волосъ-то!..»

XCIV.

Какъ Беппо отвѣчалъ своей женѣ
Не знаю точно я, но, между нами, —
Вотъ что о немъ теперь извѣстно мнѣ:
Онъ на берегъ былъ выброшенъ волнами,
И очутился вдругъ въ той сторонѣ,
Гдѣ, будто бы, стояла прежде Троя,
Но гдѣ тогда для нашего героя
Настала жизнь неволи и труда,
Но онъ бѣжалъ къ пиратамъ на суда
И, добровольно ставши ренегатомъ,
Жилъ хорошо и сдѣлался богатымъ.

XCV.

Разбогатѣвъ съ избыткомъ, началъ онъ
Подумывать о родинѣ далекой,
Съ которой былъ такъ долго разлученъ,
И о странѣ родной тоски глубокой
Не пересилилъ новый Робинзонъ,
И къ ней влекло его неудержимо.
Случилось разъ — корабль испанскій мимо

Тѣхъ самыхъ мѣстъ шелъ въ Корфу съ табакомъ;
На тотъ корабль пробравшися тайкомъ
И случаю себя ввѣряя слѣпо,
Отправился искать удачи Беппо.

XCVI.

Онъ на корабль испанскій перенесъ
Свои богатства,—Богу лишь извѣстно,
Гдѣ онъ ихъ взялъ,—(не въ томъ теперь вопросъ:
Они добыты честно иль не честно?)
Но бѣгство это Беппо удалось.
Онъ говорилъ: «лишь только *Провидѣнье*
Спасло меня тогда», — . . . . . .
. . . . . .
И такъ, корабль пустился быстро въ путь
Безъ всякихъ бѣдъ, крушеній и погони,
И простоявъ три дня на мысѣ Боннѣ.

XCVII.

Онъ прибылъ въ Корфу. Беппо тотъ же часъ
Съ своимъ добромъ сѣлъ на другое судно,
Гдѣ называлъ себя на этотъ разъ
Купцомъ турецкимъ (было бъ безразсудно
И поступить иначе); на показъ,
Онъ выставилъ товаръ свой для продажи.
И торговалъ, никѣмъ не узнанъ даже.
Такъ, избѣжавъ несчастій и засадъ,
Въ Венецію вернулся онъ назадъ,
Чтобъ вновь примкнуть къ забытому имъ кругу
И снова отыскать свою супругу.

XCVIII.

Жена его радушно приняла,
Безъ ропота, безъ явнаго проклятья,

Но тотчасъ же чалму съ него сняла,
И день одинъ ходилъ онъ въ графскомъ платьѣ;
Толпа друзей привѣтлива была
И стала ѣздить къ Беппо на обѣды,
На ужины и длинныя бесѣды
Хозяина, который всякій разъ
Готовилъ имъ какой нибудь разсказъ.
Но, хоть гостей бесѣда развлекала,
Въ разсказы тѣ я вѣрю очень мало.

XCIX.

Быть можетъ, Беппо точно испыталъ
Не мало бурь и бѣдъ въ иные годы,
Но, наконецъ, и онъ покой узналъ
И вспоминать любилъ свои невзгоды,
Хотя подъ часъ съ Лаурой онъ бывалъ
И не въ ладахъ... Мнѣ, кстати, говорили,
Что онъ и графъ—пріятелями жили.
Но конченъ листъ, нѣтъ мѣста для пера,
И мой разсказъ кончать давно пора.
Давно пора! держусь хоть этой вѣры,
Но сталъ писать—и вышелъ вонъ изъ мѣры.

ДМИТРІЙ МИНАЕВЪ.

ТУЧА.

Отвори, мой другъ, окошко,
Воздухъ тепелъ и душистъ.
Ни одинъ не колыхнется
На березкахъ бѣлыхъ листъ.

Отвори, мой другъ, окошко,
И не бойся. Стороной
Туча грозная промчалась,
Насъ пугавшая съ тобой.

Но я вижу, ты за нею
Робкимъ взоромъ все слѣдишь;
И грозу — тебѣ сдается —
Предвѣщаетъ эта тишь?

Посмотри! Блеснуло солнце...
Въ блѣдно-розовыхъ лучахъ
Тонетъ даль полей нѣмая...
Отгони свой дѣтскій страхъ.

Посмотри, какъ чистъ и ясенъ
Солнца лѣтняго закатъ...
И на завтра — безмятежный
Небеса намъ день сулятъ.

Но я знаю, что̀ за дума
На челѣ твоемъ легла:
Ты забыть не можешь тучи,
Что далеко уплыла.

И невольно подымая
Къ небу грустные глаза,
Говоришь себѣ: «надъ кѣмъ-то
Грянетъ страшная гроза!

«Дай-то Богъ, чтобъ не застигла
Бѣдныхъ странниковъ она;
Бѣдныхъ странниковъ, бредущихъ
Въ ночь безъ отдыха и сна, —

Не застигла тѣхъ, кто бросилъ
Близкихъ, родину и домъ,
И пошелъ къ далекой цѣли
Неизвѣданнымъ путемъ!»

А. ПЛЕЩЕЕВЪ.

Іюль, 1863.

ВОПРОСЪ

ОБЪ УЛУЧШЕНІИ БЫТА РАБОЧИХЪ ВЪ ГЕРМАНІИ.

Статья первая.

Вопросъ этотъ вообще поднятъ въ Германіи очень недавно, но тѣмъ не менѣе, для него не мало уже сдѣлано. Въ Германіи вопросъ этотъ явился довольно независимо; извѣстно, что соціальное положеніе рабочаго класса давно уже занимало замѣчательные умы во Франціи и Англіи; — въ Германіи ихъ идеи не оказали повидимому никакого вліянія. Вопросъ нѣмецкій шелъ независимо отъ этой теоретической традиціи и вызванъ былъ настоятельной потребностью практической, дѣятельной жизни. Въ особенности онъ сильно занимаетъ нѣмцевъ въ послѣднее время, когда относительно разрѣшенія этого вопроса рѣзко обозначились два направленія. Одни, во главѣ которыхъ стоитъ окружной судья и одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ бывшей прусской палаты, Шульце-Деличъ, требуютъ, чтобы все было сдѣлано силами самихъ рабочихъ, безъ малѣйшаго вмѣшательства государства. Другіе, въ томъ числѣ преимущественно Фердинандъ Лассаль, утверждаютъ, что такъ какъ государство своими законодательными административными мѣрами беретъ подъ свою спеціальную защиту высшіе, владѣтельные классы, то оно должно по справедливости принять также дѣятельное участіе въ устройствѣ судьбы неимущихъ, рабочихъ классовъ. Это главное основаніе разногласія партіи Шульце-Делича и партіи Лассаля; но есть еще много другихъ пунктовъ въ вопросѣ объ отношеніи рабочихъ классовъ къ государству и къ классамъ

владѣтельнымъ, по которымъ не сходятся эти двѣ партіи. Теперь между ними идетъ дѣятельная борьба, и каждая изъ нихъ старается доказать основательность своего ученія и пріобрѣсти въ Германіи какъ можно болѣе послѣдователей; и дѣйствительно, все рабочее населеніе Германіи раздѣлилось на двѣ большія группы, изъ которыхъ одна выказала себя въ пользу ученія Шульце-Делича, другая въ пользу ученія Лассаля. Но первая изъ этихъ партій имѣетъ то огромное преимущество, что она можетъ выступить въ бой, опираясь не на одни только теоретическіе выводы и апріористическія сужденія, но и на практическіе результаты своей дѣятельности, результаты довольно краснорѣчивые. Между тѣмъ партія Лассаля, встрѣчавшая постоянно препятствія къ осуществленію своего ученія, какъ со стороны государства, такъ и со стороны всѣхъ послѣдователей старыхъ экономическихъ школъ, не могла, подобно своимъ противникамъ, явиться на судъ общества съ практическими результатами своей дѣятельности. Понятно, что это обстоятельство дѣлало борьбу неравною и давало партіи Шульце-Делича возможность упрекать противниковъ своихъ въ бездоказательности, непрактичности, въ погонѣ за утопіями; она забывала, что тѣмъ, которые имѣютъ въ рукахъ оружіе, не приходится хвастаться своимъ превосходствомъ надъ тѣми, кому не даютъ оружія въ руки, и которые должны такимъ образомъ сражаться на самыхъ невыгодныхъ условіяхъ. Впрочемъ о полемической сторонѣ этого вопроса, о ходѣ борьбы между партіями Лассаля и Шульце-Делича, объ успѣхахъ, пріобрѣтаемыхъ тою и другою въ Германіи, о недостаткахъ того и другаго ученія, мы поговоримъ въ другой статьѣ. Въ настоящей же статьѣ мы намѣрены познакомить читателей нашихъ съ историческою и практическою стороною вопроса объ улучшеніи быта рабочихъ въ Германіи, съ тѣмъ, что до сихъ поръ сдѣлано, и что дѣлается въ этомъ отношеніи въ Германіи. При этомъ намъ придется говорить исключительно о дѣйствіяхъ послѣдователей Шульце-Делича, и въ особенности о его собственной, дѣйствительно замѣчательной и полезной дѣятельности. Если мы не одобряемъ того пренебреженія и того сознанія собственнаго превосходства, съ которымъ Шульце-Деличъ и его послѣдователи относятся къ противникамъ своимъ, у которыхъ до сихъ поръ связаны руки, и которые поэтому до сихъ поръ ничего не могли сдѣлать, то мы готовы всегда съ полнымъ безпристрастіемъ отнестись къ полезной сторонѣ дѣятельности этихъ людей; доказательствомъ тому можетъ служить то, что мы всю настоящую статью посвящаемъ весьма подробному описанію этой дѣятельности и хорошихъ результатовъ ея, и тщательно раскрываемъ всѣ хорошія ея стороны.

I.

ПЕРВАЯ ПОПЫТКА КЪ УЛУЧШЕНІЮ БЫТА РАБОЧИХЪ ВЪ ГЕРМАНІИ. — ШУЛЬЦЕ-ДЕЛИЧЪ; ЛИТЕРАТУРНАЯ И ПРАКТИЧЕСКАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ЕГО ВЪ ЭТОМЪ ВОПРОСѢ. — РАЗЛИЧНЫЯ ВИДЫ АССОЦІАЦІЙ РАБОЧИХЪ ВЪ ГЕРМАНІИ И НАСТОЯЩЕЕ ПОЛОЖЕНІЕ ЭТИХЪ АССОЦІАЦІЙ.

1.

Хотя въ Германіи фабричный пролетаріатъ никогда не достигалъ тѣхъ размѣровъ, какъ въ Англіи и во Франціи, однако около начала сороковыхъ годовъ и въ умахъ нѣмецкихъ рабочихъ классовъ—мелкихъ ремесленниковъ, фабричныхъ рабочихъ, поденщиковъ, и проч. пробудилось сознаніе, что не вѣкъ же существовать тому отношенію между классами производящими и потребляющими, какъ то, которое существовало на ихъ глазахъ. Ученія французскихъ соціалистскихъ школъ, не смотря на всѣ строгости цензуры и полицейскаго надзора, проникали въ Германію и распространялись по ней, преимущественно въ сѣверной и восточной части ея. Умы нѣмецкихъ рабочихъ приходили въ замѣтное броженіе; чувствовалась необходимость произвести радикальныя перемѣны въ бытѣ рабочихъ — но въ чемъ должны были состоять эти перемѣны, этого никто не могъ или не рѣшался сказать. До какихъ смѣшныхъ результатовъ доводитъ людей желаніе улучшить положеніе рабочихъ классовъ, соединенное съ совершенною неспособностью создать что-либо новое и съ боязнью передъ всѣмъ новымъ, лучше всего показываетъ тотъ способъ, какимъ многіе ремесленники, преимущественно въ южной Германіи, думали разрѣшить вопросъ о соціальномъ перерожденіи общества. Они полагали, что для этого достаточно будетъ *реорганизаціи цеховаго устройства* съ примѣсью нѣкоторыхъ нововведеній, сообразныхъ съ духомъ времени. Конечно подобныя оригинальныя понятія являются въ видѣ исключенія; но они все-таки отлично показываютъ, какой хаосъ понятій господствовалъ въ то время въ Германіи. Однимъ изъ первыхъ послѣдствій возбужденныхъ въ Германіи стремленій къ улучшенію быта неимущихъ классовъ, одною изъ попытокъ къ предотвращенію опасности соціальной болѣзни, является мысль объ образованіи въ Берлинѣ *центральнаго общества для увеличенія благосостоянія рабочихъ классовъ въ Пруссіи и Германіи*. 7-го октября 1844 года нѣкоторые представители фабричной и ремесленной промышленности, равно какъ и другія лица, интересовавшіяся судьбою рабочихъ классовъ,

издали воззваніе объ образованіи подобнаго общества, и воззваніе это встрѣчено было всеобщимъ одобреніемъ. Король Фридрихъ Вильгельмъ IV выразилъ именнымъ рескриптомъ живое участіе, которое онъ принимаетъ въ образованіи общества, основаннаго съ цѣлью улучшить матеріальное и моральное благосостояніе ремесленниковъ и фабричныхъ, и предоставилъ въ распоряженіе общества 15,000 талеровъ; и это дѣлалось съ тѣмъ предположеніемъ, что общество не удовольствуется основаніемъ сберегательныхъ и ссудныхъ кассъ, но окажетъ болѣе широкую и полезную во всѣхъ отношеніяхъ дѣятельность ко благу рабочихъ. Но и это *центральное общество* постигла та же судьба, которая постигала многія соціальныя и политическія учрежденія той эпохи. Во первыхъ, дальнѣйшее развитіе и дѣйствія этого общества были встрѣчены недовѣріемъ, тайнымъ, а потомъ и явнымъ противодѣйствіемъ бюрократическихъ понятій и стремленій, а вслѣдствіе этого и полицейскими мѣрами. Первоначальное одушевленіе охладѣло; предполагавшееся образованіе провинціальныхъ, окружныхъ и мѣстныхъ обществъ не состоялось; общество утратило большую часть своихъ членовъ еще прежде, нежели вступилъ въ силу уставъ этого общества, одобренный общимъ собраніемъ членовъ лишь въ 1847 г.; самый уставъ этотъ былъ утвержденъ королемъ не ранѣе, какъ въ апрѣлѣ 1848 года; даже изъ обѣщанной обществу суммы 15,000 талеровъ, въ распоряженіе общества предоставлена была одна только половина. Не мудрено, что при подобныхъ условіяхъ общество не въ состояніи было выполнить своей задачи. А задача эта была весьма обширна, какъ видно изъ устава центральнаго и мѣстныхъ обществъ. Вотъ какъ задача эта обозначается въ уставѣ: учрежденіе сберегательныхъ, ссудныхъ, пенсіонныхъ, вспомогательныхъ кассъ и кассъ на случай болѣзни, учрежденіе общихъ магазиновъ для рабочихъ, учрежденіе школъ для образованія дѣтей, работающихъ на фабрикахъ, и пріютовъ для дѣтей, родители которыхъ заняты на фабрикахъ; распространеніе общеполезныхъ свѣдѣній печатнымъ и устнымъ образомъ; улучшеніе помѣщеній для рабочихъ, устройство общихъ прачешныхъ и бань; пріобрѣтеніе по дешевымъ цѣнамъ земельныхъ участковъ и предоставленіе ихъ рабочимъ, и проч. Но только самая незначительная часть этой задачи была исполнена центральнымъ обществомъ. Съ одной стороны, какъ мы упоминали выше, оно на пути къ своей цѣли встрѣтило затрудненія со стороны полицейскихъ и административныхъ властей, которыя смотрѣли на дѣятельность его съ недоброжелательствомъ и подозрительностью. Съ другой стороны оно само во многихъ отношеніяхъ виновато въ своемъ неуспѣхѣ; оно какъ огня боялось всего, что имѣло малѣйшее сходство съ соціалистическими ученіями французскихъ школъ, и безразлично исключало изъ

своей дѣятельности все, что могло напомнить соціалистскіе и коммунистскіе пріемы; оно не желало вмѣшательства въ свою дѣятельность центральной власти, но отстраняло также и инициативу самихъ заинтересованныхъ въ дѣлѣ рабочихъ классовъ; члены его не обладали достаточнымъ терпѣніемъ и умѣньемъ взяться за дѣло — и дѣло не подвигалось впередъ. Ему удалось только основать въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ и при отдѣльныхъ фабрикахъ довольно много сберегательныхъ кассъ; оно основало нѣсколько школъ для дѣтей, оно устроило въ Берлинѣ общественныя бани и прачешныя, оно способствовало образованію въ Берлинѣ общества для снабженія рабочихъ дешевыми квартирами; но этимъ и ограничилась его дѣятельность. Изъ всѣхъ прочихъ предположеній, упоминаемыхъ въ уставѣ, одни вовсе никогда не осуществлялись, другіе погибали при самомъ началѣ осуществленія ихъ; особенно неудачны были попытки центральнаго общества къ обезпеченію безбѣднаго существованія рабочихъ въ старости. Это общество и до сихъ поръ продолжаетъ свою дѣятельность, но особенной пользы оно никому не приноситъ, а поэтому и не заслуживаетъ особеннаго вниманія.

Съ 1848 года вопросъ о преобразованіи соціальнаго положенія рабочихъ въ Германіи былъ поднятъ съ особою силою. Въ то время, какъ одни изъ тѣхъ, которые занялись этимъ дѣломъ, были до того близоруки, что какъ мы замѣтили выше, хотѣли искать этого преобразованія въ возобновленіи и распространеніи цеховъ, другіе, и преимущественно мелкіе ремесленники, фабричные работники и поденщики, заговорили наоборотъ о полной свободѣ промышленной дѣятельности, и пытались произвести вышеупомянутое преобразованіе на широкихъ основаніяхъ этой свободы. Вскорѣ послѣ мартовскихъ событій во многихъ мѣстахъ Германіи образовались общества рабочихъ, которыя въ августѣ 1848 года послали депутатовъ на *всеобщій конгрессъ рабочихъ въ Германіи*, на которомъ обсуждались поднятые вопросы, и который своими постановленіями пытался достигнуть желаемой организаціи труда. Сообразно съ этими постановленіями всѣ рабочіе извѣстой мѣстности должны были выбрать изъ своей среды мѣстный комитетъ, который занимался бы интересами этихъ рабочихъ. Эти мѣстные комитеты должны были подчиняться окружнымъ комитетамъ, а тѣ въ свою очередь — одному центральному комитету въ Лейпцигѣ. Мѣстные комитеты имѣли назначеніемъ служить единственными посредниками между рабочими и капиталистами, при полученіи первыми работы и при произведеніи послѣдними уплаты за работу. Нанимателю рабочихъ долженъ былъ непремѣнно обращаться къ комитету, если желалъ получить рабочихъ; равнымъ образомъ онъ долженъ былъ отдавать заработную

плату комитету же, а не самимъ рабочимъ. Комитетъ вычиталъ изъ этой суммы извѣстный процентъ въ пользу общественнаго фонда; этотъ фондъ долженъ былъ употребляться частію на учрежденіе кредитнаго банка для общества, частію на пріобрѣтеніе земельныхъ участковъ; но всякій участникъ въ составленіи фонда, имѣлъ право пользоваться учрежденіями этими не ранѣе, какъ послѣ 10 лѣтняго производства вкладовъ. Всѣ эти попытки къ улучшенію быта рабочихъ были недѣйствительны и непрочны, и уже къ концу 1849 года онѣ изчезли почти совершенно безслѣдно. Причины этого неуспѣха, по мнѣнію Шульце-Делича, высказанному имъ еще въ 1853 г. (*), заключаются въ слѣдующемъ. — Во 1-хъ, для того чтобы пріобрѣсти содѣйствіе самихъ рабочихъ, слѣдовало бы начать съ болѣе тѣсныхъ союзовъ, преимущественно по отдѣльнымъ ремесламъ или съ особенною, болѣе спеціальною цѣлью, и отъ этого уже восходить къ общему союзу всѣхъ рабочихъ и къ такимъ предпріятіямъ, польза которыхъ менѣе очевидна для рабочихъ, какъ-то къ пріобрѣтенію земельныхъ участковъ и пр.; Шульце-Деличъ полагаетъ, что организація началась сверху, между тѣмъ какъ ее нужно было начать снизу. — Во 2-хъ, онъ полагаетъ, что дѣло не могло удаться потому, что нельзя было требовать отъ людей, имѣющихъ самыя скудныя средства къ жизни, живущихъ денною работою, чтобы они въ теченіи 10 лѣтъ приносили довольно тяжелыя для нихъ денежныя пожертвованія (въ видѣ вычитаемаго процента), не получая во все это время никакого барыша или льготы.—Наконецъ въ 3-хъ, дѣло еще не пошло потому, что германскія правительства, которымъ подобные союзы рабочихъ стали казаться опасными въ политическомъ отношеніи, очень скоро стали запрещать ихъ.

Но и эти неудачныя попытки принесли свою, и весьма значительную долю пользы. — Во 1-хъ, онѣ показали, чѣмъ грѣшили произведенныя доселѣ попытки, и такимъ образомъ послужили болѣе или менѣе хорошей школой для будущихъ тружениковъ на этомъ поприщѣ.— Во 2-хъ, онѣ повели къ тому, что за это дѣло взялся человѣкъ, оказавшій ему впослѣдствіи величайшія услуги — именно Шульце-Деличъ. Въ 1848 году берлинское національное собраніе назначило особенную спеціальную коммиссію для разсмотрѣнія вопроса о бытѣ рабочихъ, и предсѣдателемъ этой коммиссіи былъ назначенъ Шульце-Деличъ; такъ какъ къ занятіямъ этой коммиссіи приглашаемы были депутаты различныхъ ремесленныхъ обществъ Пруссіи, то Шульце-Деличъ при-

(*) Associationsbuch für deutsche Handwerker und Arbeiter von H. Schulze-Delitzsch. Leipzig 1853; pp. 43 u. 44.

шелъ въ соприкосновеніе со многими изъ нихъ, сталъ преимущественно интересоваться потребностями и нуждами ремесленнаго и рабочаго класса Германіи, и съ этихъ поръ сдѣлалъ одною изъ задачъ своей жизни улучшеніе быта рабочихъ въ Германіи. Дѣятельность его на этомъ поприщѣ самая обширная и далеко не безполезная.

2.

Дѣятельность Шульце-Делича заключается отчасти уже въ томъ, что онъ заботится о доставленіи рабочему классу полезныхъ теоретическихъ свѣдѣній о трудѣ, капиталѣ, о значеніи ассоціаціи, и пр.; но не довольствуясь этимъ, Шульце-Деличъ уже въ продолженіи 10 или 12 лѣтъ старается вызвать къ жизни разные союзы рабочихъ, показать на дѣлѣ пользу и великое значеніе ихъ, и такимъ образомъ фактически улучшить бытъ рабочихъ.

Въ настоящей статьѣ нашей мы намѣрены обратить преимущественное вниманіе на эту послѣднюю сторону его дѣятельности, т. е. на сторону практическую, на основаніе и развитіе въ Германіи различныхъ видовъ рабочихъ обществъ; но предварительно мы скажемъ нѣсколько словъ о дѣятельности Шульце-Делича на пользу просвѣщенія рабочихъ, о его дѣятельности, какъ публичнаго чтеца и литератора.

Съ тѣхъ поръ какъ онъ посвятилъ себя этому предмету, Шульце-Деличъ написалъ и напечаталъ весьма многое о нуждахъ рабочаго класса въ Германіи, о средствахъ помочь ему и о результатахъ различныхъ употребленныхъ въ дѣло средствъ. Такъ еще въ 1853 году онъ издалъ упомянутое нами сочиненіе объ этомъ предметѣ. Въ 1855 году онъ издалъ книгу: Vorschuss-und Kreditvereine als Volksbanken; и съ тѣхъ поръ книга эта имѣла три изданія (послѣднее въ 1862 году). Въ 1858 году въ Лейпцигѣ вышло сочиненіе его: Die arbeitenden Klassen und das Associationswesen in Deutschland. Съ 1859 года онъ издаетъ годовые отчеты о дѣятельности различнаго рода рабочихъ обществъ въ Германіи. До сихъ поръ вышло три подобныхъ отчета: Jahresbericht за 1859, 1860 и 1861; годовой отчетъ за 1862 годъ еще не вышелъ. Кромѣ того съ 1860 года подъ редакціей Шульце-Делича издается спеціальное ежемѣсячное изданіе: Die Innung der Zukunft, занимающееся исключительно вопросами, касающимися союзовъ рабочихъ. Если мы присоединимъ къ этому еще отдѣльныя его статьи по этому вопросу, печатаемыя напр. въ Arbeiterfreund (органѣ берлин-

скаго центральнаго общества) и въ другихъ изданіяхъ, то мы увидимъ, что литературная дѣятельность Шульце-Делича по этому вопросу весьма почтенна. Всѣ эти сочиненія имѣютъ цѣлью отчасти знакомить нѣмецкихъ рабочихъ съ результатами дѣятельности различнаго рода рабочихъ обществъ, основанныхъ и дѣйствующихъ въ различныхъ мѣстахъ Германіи, частью же въ нихъ трактуется вообще о нуждахъ рабочаго класса въ Германіи и о средствахъ, какими можно помочь этимъ нуждамъ.

Но Шульце-Деличъ понималъ очень хорошо, что изъ всей массы нѣмецкихъ рабочихъ, о просвѣщеніи которыхъ онъ заботится, врядъ ли многіе станутъ читать спеціальныя сочиненія объ ассоціаціяхъ, одни по недостатку времени, другіе по недоступности для нихъ слога, а большая часть по непривычкѣ къ серьезному чтенію вообще. А между тѣмъ ему хотѣлось сообщить имъ нѣкоторыя здравыя понятія о трудѣ, капиталѣ, и пр. Поэтому онъ въ началѣ нынѣшняго года устроилъ для берлинскихъ рабочихъ особенныя бесѣды, на которыхъ онъ излагалъ имъ самимъ популярнымъ образомъ разныя свѣдѣнія о трудѣ, капиталѣ, о способахъ къ улучшенію быта рабочихъ. Бесѣды этѣ посѣщались рабочими въ огромномъ числѣ; а чтобы еще болѣе распространить между рабочимъ классомъ полезныя свѣдѣнія, Шульце-Деличъ впослѣдствіи напечаталъ *шесть* популярныхъ бесѣдъ своихъ въ берлинскомъ собраніи рабочихъ особенною брошюрой, которая въ маѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года вышла подъ заглавіемъ: Kapital zu einem deutschen Arbeitercatechismus; Vorträge von Schulze-Delitzsch. Во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ и бесѣдахъ г. Шульце-Деличъ постоянно толкуетъ одно: о необходимости собственной помощи (Selbsthülfe) рабочихъ, и о томъ, что единственное средство къ улучшенію ихъ быта заключается въ основаніи ассоціацій. Этотъ мотивъ проходитъ черезъ всѣ его сочиненія, начиная съ 1853 года. Не отвергая того, что въ этомъ взглядѣ есть значительная доля истины, что никакое улучшеніе быта рабочихъ немыслимо безъ того, чтобы въ немъ не принимали также участіе и сами рабочіе, мы однако находимъ, что Шульце-Деличъ несправедливъ относительно попытокъ къ соціальному преобразованію, совершенныхъ въ Европѣ, и преимущественно во Франціи, въ 30 и 40 годахъ нынѣшняго столѣтія, что онъ также относится слишкомъ высокомѣрно и презрительно къ трудамъ и къ ученію г. Лассаля и его послѣдователей, придерживающихся инаго взгляда, нежели онъ. Мы далѣе находимъ, что, увлекшись мыслью о Selbsthülfe рабочихъ, онъ упускаетъ изъ виду то обстоятельство, что рабочіе находятся въ слишкомъ невыгодныхъ условіяхъ сравнительно съ привилегированными классами, и что поэтому, если предоставить ихъ исключительно своимъ собствен—

нымъ силамъ, отвергая для нихъ всякую помощь государства, которая однако же не отвергается владѣтельными классами, то невозможно и думать объ успѣшной борьбѣ ихъ съ этими классами и объ улучшеніи ихъ быта. Впрочемъ объ этой полемической сторонѣ дѣятельности Шульце-Делича мы будемъ говорить особенно въ слѣдующей нашей статьѣ, при сравненіи ученій гг. Шульце-Делича и Лассаля; тогда же мы выскажемъ и замѣчанія наши на нѣкоторые пункты ученія Шульце-Делича, въ основаніи которыхъ, по нашему мнѣнію, лежитъ невѣрный или односторонній взглядъ. Теперь же, оставивъ въ сторонѣ критическую и полемическую сторону этого дѣла, мы остановимся нѣсколько на бесѣдахъ и сочиненіяхъ Шульце-Делича, и посмотримъ, какого рода свѣдѣнія сообщаетъ онъ своимъ друзьямъ, нѣмецкимъ рабочимъ, и въ какой формѣ онъ имъ сообщаетъ эти свѣдѣнія.

Вотъ какимъ образомъ Шульце-Деличъ во вступленіи къ первой своей бесѣдѣ, опредѣляетъ цѣль своихъ чтеній. «Во 1-хъ, говоритъ онъ, я хочу побесѣдовать съ вами о настоящей цѣли и о формѣ человѣческаго труда вообще; во 2-хъ, о капиталѣ и объ отношеніяхъ его къ труду; въ 3-хъ, о практическихъ средствахъ къ улучшенію быта рабочихъ классовъ вообще». Затѣмъ онъ говоритъ о потребностяхъ человѣка, о законности стремленій его къ удовлетворенію этихъ потребностей, и опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ цѣль и средства человѣческаго труда: цѣль труда—удовлетвореніе человѣческихъ потребностей, средства къ труду—разумное употребленіе силъ и способностей, вложенныхъ природою въ человѣка. Но одинъ трудъ не можетъ ничего произвести, если не пользоваться содѣйствіемъ природы — и вотъ Шульце-Деличъ распространяется о значеніи природы въ человѣческомъ трудѣ, о необходимости для человѣка умѣть утилизировать силы природы, и пр. При этомъ онъ упоминаетъ о необходимости и пользѣ *раздѣленія* труда, вслѣдствіе котораго увеличивается для человѣка возможность утилизаціи силъ природы. Изо всего вышесказаннаго онъ выводитъ заключеніе, что передъ началомъ всякаго труда слѣдуетъ заботиться о пріобрѣтеніи произведеній природы или сырья, которое должно быть подвергнуто обработкѣ, о заведеніи необходимыхъ орудій, при помощи которыхъ можно переработать произведенія природы, и наконецъ о пріобрѣтеніи необходимыхъ средствъ для существованія на все время, пока посредствомъ человѣческаго труда не совершится эта переработка. Онъ объясняетъ своимъ слушателямъ, что совокупность всего того, что необходимо для производства труда, какъ-то сырье, орудія и средства къ существованію во время производства труда, и называется *капиталомъ*; и далѣе онъ опровергаетъ распространенное у многихъ

мнѣніе о томъ, что капиталъ есть собственно деньги. Капиталъ можетъ быть вещественный, какъ вышеприведенные виды капитала, или же духовный, т. е. таланты, способности, искусства, знанія, вообще все, что человѣкъ успѣлъ пріобрѣсти долговременнымъ упражненіемъ, ученіемъ, усиліями всякаго рода; этого рода капиталъ имѣетъ такія же свойства, какъ и капиталъ вещественный, т. е. онъ облегчаетъ человѣку трудящемуся пользованіе силами природы. Затѣмъ г. Шульце-Деличъ тщательно старается доказать, что трудъ и капиталъ не суть два враждебные агента производства, но что они напротивъ тѣсно соединены между собою, что они пополняютъ другъ друга, что одинъ безъ другаго они были бы совершенно безсильны, или вѣрнѣе они вовсе не мыслимы одинъ безъ другаго. Объяснивши потомъ своимъ слушателямъ, что слѣдуетъ понимать подъ именемъ производительности капитала, употребивши не мало времени на объясненіе имъ необходимости процентовъ, онъ говоритъ слѣдующее: «Тотъ, кто говоритъ о вредѣ капитала, долженъ сначала доказать, что можно работать безъ сырья, безъ орудій и безъ фондовъ для задѣльной платы; иначе всѣ декламаціи его являются пустой болтовней. Поэтому не слѣдуетъ жаловаться на капиталъ, а слѣдуетъ стараться употребить его въ свою пользу. Мелкимъ ремесленникамъ и рабочимъ можно помочь тѣмъ, что доставишь имъ возможность конкуррировать съ большими капиталами. Не слѣдуетъ идти противъ законовъ природы, но слѣдуетъ стараться извлечь возможную пользу изъ силъ природы. Не капиталъ является врагомъ работниковъ, а *распредѣленіе* капитала. Въ этомъ отношеніи слѣдуетъ сдѣлать что нибудь для того, чтобы предоставить капиталъ все болѣе и болѣе въ распоряженіе рабочихъ». — Возвращаясь затѣмъ еще разъ къ умственному капиталу, который въ настоящее время болѣе доступенъ рабочему классу, нежели капиталъ вещественный, Шульце-Деличъ въ 3-й бесѣдѣ своей говоритъ очень недурно о преемственности умственнаго капитала, который въ видѣ изобрѣтеній, открытій, улучшеній передается отъ поколѣнія къ поколѣнію и увеличиваетъ массу богатства рода людскаго; отъ этого очень естественъ переходъ къ машинамъ, какъ къ прямому результату приложенія умственныхъ способностей къ человѣческому труду. Шульце-Деличъ въ той же бесѣдѣ своей тоже не мало останавливается на этомъ предметѣ, опровергаетъ существующее еще отчасти между рабочими мнѣніе о томъ, что машины отнимаютъ хлѣбъ у рабочихъ, самымъ очевиднымъ образомъ, при помощи цифръ доказываетъ имъ общеизвѣстную вещь, а именно то, что по мѣрѣ распространенія машинъ, потребность на рабочія руки все болѣе и болѣе увеличивается; онъ старается также обратить вниманіе рабочихъ на ту особенность машинъ, что не уменьшая числа рабочихъ, онѣ дѣлаютъ трудъ болѣе

интеллектуальнымъ, нежели механическимъ (*). Заговоривши потомъ о значеніи мѣны, продажи и купли, Шульце-Деличъ слѣдующимъ образомъ говоритъ своимъ слушателямъ о свободной конкурренціи и монополіи: «Въ большей части случаевъ я не могу сдѣлать самъ необходимаго для меня предмета; для многихъ работъ требуется предварительное образованіе, которое наполняетъ часто всю жизнь. Какъ же поступить въ данномъ случаѣ? Я иду къ одному, къ другому, къ третьему, и смотрю, который изъ нихъ предлагаетъ мнѣ болѣе выгодныя условія мѣны. И поэтому свобода обмѣниваться съ кѣмъ угодно является необходимостью, потребностью. Поэтому *свободная конкурренція*, способность всякаго обмѣниваться съ кѣмъ угодно, дѣйствуетъ одинаково благодѣтельно какъ на производителя, такъ и на потребителя, и тотъ, кто хочетъ уничтожить свободу одного, уничтожаетъ въ то же время свободу другаго. При обмѣнѣ единаго съ единымъ подвергаешься произволу; при свободной конкурренціи оцѣнка производится всей публикой сообща. Возьмемъ теперь противоположность свободной конкурренціи — *монополію*, безъ которой мы могли бы доставать необходимыя для насъ вещи дешевле и лучшаго качества. Итакъ необходимъ свободный рынокъ. Необходимо, чтобы умственная область человѣческой дѣятельности была общедоступна». Послѣ этихъ общихъ разсужденій о трудѣ, капиталѣ, мѣнѣ, конкурренціи и монополіи, Шульце-Деличъ переходитъ къ третьей части своего изложенія, къ разсмотрѣнію практическихъ средствъ для улучшенія быта рабочихъ классовъ. Но прежде нежели заняться разсмотрѣніемъ средствъ къ достиженію этой цѣли, онъ считаетъ необходимымъ обратить вниманіе на то, въ чемъ собственно заключается темная сторона быта рабочихъ, и какія до сихъ поръ сдѣланы были попытки для соціальнаго преобразованія рабочихъ классовъ. Въ немногихъ, но достаточно сильныхъ словахъ онъ очерчиваетъ темную сторону быта рабочихъ, которая, по его мнѣнію, заключается въ *недостаточности заработковъ*, въ *непрочности* положенія рабочаго и въ недостаткѣ для него гарантій противъ всякихъ случайностей, и наконецъ въ вытекающемъ изъ первыхъ двухъ причинъ — *недостаткѣ образованія*. Что касается до критическаго разбора, который Шульце-Деличъ дѣлаетъ всѣмъ прежнимъ попыткамъ соціальнаго образованія, и который занимаетъ почти всю 5-ю бесѣду, то мы возвратимся къ этому въ слѣдующей статьѣ нашей. Замѣтимъ здѣсь только, что Шульце-Деличъ признаетъ за рабочими право желать отъ цент-

(*) Собственно говоря, это увѣреніе справедливо только для самаго ограниченнаго числа случаевъ машинной работы.

ральной власти, отъ государства, слѣдующаго: совершенной равноправности передъ закономъ, уничтоженія монополій и привилегій, которыя благопріятствуютъ людямъ неспособнымъ и дѣлаютъ затрудненія людямъ способнымъ;—далѣе равномѣрнаго, справедливаго и по возможности необременительнаго распредѣленія государственныхъ повинностей. Послѣ всего этого Шульце-Деличъ переходитъ къ изложенію своего мнѣнія о средствахъ къ улучшенію быта рабочихъ, мнѣнію, которое уже прежде неоднократно было высказываемо и развиваемо имъ въ его сочиненіяхъ: самое вѣрное, если не единственное, средство къ этому онъ видитъ въ образованіи и въ возможно большемъ распространеніи различнаго вида *свободныхъ ассоціацій, союзовъ рабочихъ*. Посмотримъ, какъ понимаетъ Шульце-Деличъ этѣ ассоціаціи, и какъ онъ объясняетъ рабочимъ смыслъ, значеніе и пользу ихъ.

Для того, чтобы избѣжать великой опасности обѣднѣнія массъ, и для того, чтобы дать мелкимъ ремесленикамъ и рабочимъ возможность конкуррировать съ крупными капиталистами, нужно было позаботиться, во первыхъ, о распространеніи между ними образованія, во вторыхъ же, о предоставленіи имъ возможности пользоваться капиталомъ, безъ котораго немыслима никакая самостоятельная дѣятельность ихъ на поприщѣ производительности. А лучшимъ средствомъ для *демократизаціи капитала* Шульце-Деличъ объявляетъ учрежденіе мелкими ремесленниками и фабричными рабочими различнаго рода промышленныхъ и хозяйственныхъ ассоціацій, дѣйствующихъ исключительно по принципу *собственной помощи*. Кромѣ того, что основаніе ассоціацій, основанныхъ исключительно своими средствами и силами, по мнѣнію Шульце-Делича, внушаетъ членамъ ихъ сознаніе своей самостоятельности, апологистъ рабочихъ союзовъ слѣдующимъ образомъ объясняетъ пользу ихъ: не смотря на тѣсный союзъ ихъ членовъ, они представляютъ возможность сохранить за членами ихъ способность свободнаго личнаго движенія. Жизнь человѣка въ обществѣ, поясняетъ онъ далѣе свою мысль, вертится вокругъ двухъ противуположныхъ осей, которыя обѣ заключаются въ самой природѣ человѣка: индивидуальность, жизнь въ одиночку, съ ея замкнутостью, съ стремленіямъ ея къ самостоятельности, къ свободному употребленію своихъ силъ и своей воли,—и общительность, жизнь въ группахъ, съ своими стремленіями къ общности дѣйствій, къ согласованію своихъ интересовъ съ другими. — Въ древнемъ и средневѣковомъ обществѣ оба элемента не находились въ равновѣсіи; индивидуализмъ являлся все болѣе и болѣе преобладающимъ элементомъ, и наконецъ перешелъ въ безграничный эгоизмъ, со всѣми его пагубными послѣдствіями. Съ другой стороны новыя школы, по мнѣнію Шульце-Де-

лича, грѣшатъ тѣмъ, что совершенно приносятъ въ жертву индивидуализмъ генерализму. — Ассоціаціи, говоритъ онъ, избѣгаютъ того и другаго зла, той и другой крайности. — Онѣ не вмѣшиваются въ семейную жизнь, не ограничиваютъ свободу выбора занятій, не принуждаютъ никого ко вступленію въ нихъ: такимъ образомъ всякая отдѣльная единица этихъ ассоціацій, пользуясь полною равноправностью съ прочими, не видитъ ни малѣйшаго стѣсненія своей индивидуальной свободѣ. — Далѣе Шульце-Деличъ объясняетъ, что бѣдствія рабочаго класса происходятъ не отъ существованія конкурренціи, а наоборотъ отъ того, что неимѣющій средствъ рабочій *не можетъ* конкуррировать съ капиталистомъ, и что поэтому все дѣло заключается въ томъ, чтобы сдѣлать для него возможною дѣйствительную конкурренцію. До сихъ поръ это очень рѣдко удавалось рабочему, потому что привилегированные классы самымъ тщательнымъ образомъ удаляли отъ выгодъ монополіи всякаго посторонняго; совокупность капиталистовъ постоянно противодѣйствовала до сихъ поръ рабочимъ, если не въ открытомъ, то въ тайномъ союзѣ, который тѣмъ не менѣе былъ весьма силенъ, и который пользовался даже поддержкою гражданскаго законодательства. Этому злу тоже помогаютъ ассоціаціи. Онѣ дѣлаютъ возможнымъ конкурренцію, потому что даютъ возможность рабочему, находящемуся въ союзѣ съ другими рабочими, пользоваться кредитомъ, который для него одного былъ недоступенъ; одинъ онъ не могъ представить никакой гарантіи для того, чтобы имѣть право пользоваться кредитомъ, являясь же членомъ союза онъ представляетъ весьма надежную гарантію — совокупность рабочихъ силъ всего союза. Но для того, чтобы доставить рабочимъ дѣйствительную возможность конкуррировать съ крупными капиталистами, не слѣдуетъ останавливаться въ началѣ, а слѣдуетъ доводить дѣло до конца. — Шульце-Деличъ, исходя отъ той точки зрѣнія, что всякое дѣло должно начинать снизу, а не сверху, предлагаетъ начать такимъ же образомъ и дѣло ассоціацій. — Онъ полагаетъ, что рабочіе должны начать съ заключенія болѣе тѣсныхъ союзовъ, которые служили бы только къ облегченію и удешевленію самой работы, какъ-то: обществъ для пріобрѣтенія и распродажи рабочимъ по дешевымъ цѣнамъ сырья, жизненныхъ припасовъ, обществъ для облегченія рабочему кредита, и пр.; но онъ самъ предостерегаетъ рабочихъ отъ того, чтобы они не останавливались на этой первоначальной, такъ сказать, приготовительной ассоціаціонной дѣятельности, а совѣтуетъ имъ стремиться къ тому, что онъ называетъ вершиной всей ассоціаціонной системы, — къ образованію союзовъ для совокупнаго производства и сбыта произведеній, которые одни дѣлаютъ возможною дѣйствительную конкурренцію съ ка-

питалистами, и которые даютъ рабочему возможность пользоваться выгодами веденія дѣла въ обширныхъ размѣрахъ, что совершенно невозможно для одиночнаго работника. — Наконецъ Шульце-Деличъ указываетъ еще на одну чрезвычайно важную и полезную сторону ассоціацій, а именно на то, что посредствомъ, нихъ болѣе или менѣе можно обезпечить безбѣдное существованіе рабочаго въ старости. — До тѣхъ поръ, пока молодые и сильные рабочіе не будутъ имѣть достаточнаго излишка доходовъ противъ той суммы, которая необходима имъ для содержанія себя и своего семейства, до тѣхъ поръ всѣ учрежденія для застрахованія жизни и доходовъ ни къ чему не поведутъ. Но союзы рабочихъ представляютъ нѣкоторую возможность обезпечить старость рабочихъ, потому что изъ дивидендовъ, причитающихся каждому рабочему, какъ вкладчику въ общій капиталъ производства, могутъ образоваться акціи для членовъ союза, которыя можно оставлять нетронутыми до старости.

Вотъ какъ въ немногихъ словахъ Шульце-Деличъ объясняетъ значеніе и пользу ассоціацій для улучшенія *матеріальнаго* быта рабочихъ. Но онъ полагаетъ, что онѣ оказываютъ не менѣе, если еще не болѣе благодѣтельное дѣйствіе на духовную, нравственную сторону своихъ членовъ. Онъ говоритъ, что съ одной стороны внутреннее развитіе членовъ ассоціаціи зависитъ отъ увеличенія матеріальнаго благосостоянія, а съ другой стороны соединеніе людей для дѣятельности сообща производитъ прямое и очень благотворное вліяніе на интеллектуальное и моральное образованіе работника. Привычка заниматься болѣе обширными дѣлами цѣлаго общества выводитъ человѣка изъ узкаго круга одиночной дѣятельности и придаетъ ему извѣстную ширину взгляда. — Вслѣдствіе болѣе обширныхъ сношеній его, какъ сочлена ассоціаціи, въ немъ возбуждается духъ предпріимчивости, у него съ другими членами происходитъ обмѣнъ идей, борьба мнѣній, что не мало способствуетъ его умственному развитію; являясь самостоятельнымъ дѣятелемъ въ болѣе обширномъ предпріятіи, работникъ привыкаетъ болѣе надѣяться на свои собственныя силы, и отъ этого въ немъ нѣкоторымъ образомъ увеличивается самоуваженіе. — Но важнѣйшее вліяніе ассоціаціи оказываютъ на духовную сторону работника, по мнѣнію Шульце-Делича, въ томъ отношеніи, что онѣ сильно способствуютъ развитію духа общности, что оказываетъ въ свою очередь самое благодѣтельное вліяніе на отношенія членовъ между собою. «Соединяясь по дѣламъ своего ремесла или для общаго производства въ особенныя общества, говоритъ онъ, они привыкаютъ соединять неразрывнымъ образомъ свои интересы, съ интересами общества и видѣть въ благосостояніи другихъ залогъ къ своему собственному благосостоянію; потому что чѣмъ болѣе зажито-

чныхъ членовъ принадлежитъ къ какой нибудь ассоціаціи, тѣмъ большимъ кредитомъ она пользуется, тѣмъ лучше идутъ ея дѣла. Сознаніе того, что составляешь вмѣстѣ съ другими одно цѣлое, что имѣешь одну цѣль съ прочими и пользуешься для достиженія этой цѣли тѣми же самыми средствами, что самъ нуждаешься въ другихъ, и другіе въ тебѣ нуждаются,—все это заставляетъ человѣка уважать въ ближнемъ своемъ самого себя, и побуждаетъ человѣка дѣйствовать сообща съ другими для общаго блага». — Исчисливъ всѣ огромныя матеріальныя выгоды, и выставивши въ лучшемъ свѣтѣ то моральное вліяніе, которое ассоціаціи имѣютъ на рабочихъ, г. Шульце-Деличъ приходитъ къ тому заключенію, что онѣ представляютъ единственное средство для того, чтобы удовлетворительнымъ образомъ разрѣшить вопросъ объ *организаціи труда*. Если же достигнутые доселѣ на этомъ полѣ результаты являются пока еще не вполнѣ соотвѣтствующими этой великой задачѣ, то, по объясненію Шульце-Делича, это происходитъ отъ слѣдующихъ двухъ причинъ: во первыхъ, ассоціаціонная система находится еще въ первомъ фазисѣ своего развитія, и основатели и члены ихъ должны пройти цѣлый рядъ опытовъ, прежде нежели отъ нихъ можно ожидать созданія вполнѣ прочнаго и соотвѣтствующаго своей цѣли зданія; во вторыхъ, полное развитіе этой системы возможно только тогда, когда ассоціаціи больше распространятся и не будутъ стоять одиночными явленіями: онѣ окажутъ благодѣтельное свое вліяніе на дѣйствительное улучшеніе соціальнаго положенія рабочаго лишь только тогда, когда онѣ распространятся повсюду и составятъ одну общую цѣпь, когда почти всѣ работники, принадлежащіе къ различнымъ отраслямъ производства, сдѣлаются членами подобныхъ ассоціацій.

Изложивши такимъ образомъ вкратцѣ теоретическую сторону дѣятельности Шульце-Делича, перейдемъ къ разсмотрѣнію различнаго вида ассоціацій нѣмецкихъ рабочихъ, основанныхъ преимущественно по его мысли и при его содѣйствіи. При этомъ мы познакомимся съ организаціей слѣдующихъ родовъ ассоціацій: a) общества для вспомоществованія больнымъ рабочимъ; b) общества для доставленія рабочимъ по дешевымъ цѣнамъ необходимыхъ жизненныхъ потребностей; c) общества для пріобрѣтенія рабочими сырья, и какъ болѣе усовершенственный видъ этихъ ассоціацій, d) общества по отдѣльнымъ ремесламъ для общаго производства и сбыта произведеній; e) кредитныя общества. Послѣ того для полной характеристики дѣятельности Шульце-Делича, мы скажемъ также нѣсколько словъ о трудахъ его по сближенію дѣятельности различныхъ ассоціацій между собою, по упроченію положенія ассоціацій относительно госу-

дарства и законодательства, и о другихъ, менѣе выдающихся сторонахъ дѣятельности его на пользу нѣмецкихъ рабочихъ.

3.

Общества для вспомоществованія рабочимъ на случай болѣзни. Потребность обезпечить неимущему работнику на случай его болѣзни возможность пользоваться лекарствами, докторскою помощью и даже денежнымъ вспомоществованіемъ, заставила нѣмецкихъ рабочихъ обратиться къ подобнаго рода ассоціаціямъ раньше, нежели къ другимъ. Но разныя ассоціаціи въ этомъ родѣ весьма несхожи между собою по тѣмъ пріемамъ, которые они употребляютъ для достиженія своей цѣли. Мы опишемъ здѣсь организацію двухъ подобныхъ обществъ, исходящихъ отъ нѣсколько различныхъ точекъ зрѣнія, а именно *кассы рабочихъ на случай болѣзни и смерти*, основанной въ 1849 году въ прусскомъ городкѣ Деличѣ, и *общества для вспомоществованія больнымъ рабочимъ*, основаннаго въ томъ же году въ прусскомъ же городкѣ Эйленбургѣ. Описаніе организаціи этихъ обществъ, равно какъ и многія другія дальнѣйшія свѣдѣнія, сообщаемыя нами объ ассоціаціяхъ и обществахъ рабочихъ, мы заимствуемъ изъ вышеупомянутой нами книги Шульце-Делича, Associationsbuch u s. w.

При основаніи деличскаго общества имѣлось преимущественно въ виду принести пользу тому классу людей, которые въ случаѣ болѣзни вовсе не могутъ пользоваться врачебною помощью, или же должны приносить для этого большія, несоразмѣрныя съ ихъ средствами, жертвы; интересы болѣе зажиточныхъ людей не принимались при этомъ въ соображеніе. Поэтому обязанности были одинаковы для *всѣхъ* членовъ этого общества, и только для платежа вступительной суммы дѣлалось нѣкоторое различіе, сообразно съ лѣтами вступающихъ. Впослѣдствіи руководители этого общества пошли въ этомъ отношеніи еще далѣе и раздѣлили всѣхъ членовъ, смотря по зажиточности ихъ, на три категоріи; члены всѣхъ трехъ категорій дѣлали совершенно одинаковые взносы, но члены первой категоріи, то есть болѣе богатые, имѣли при этомъ взносѣ только право пользоваться лекарствомъ изъ аптекъ общества; члены второй категоріи могли пользоваться лекарствами и помощью врача общества; членамъ же третьей категоріи, самымъ бѣднымъ людямъ, тотъ же самый взносъ, кромѣ права на пользованіе лекарствами и врачебною помощью, даетъ еще право пользоваться во время болѣзни еще извѣстнымъ денежнымъ вспомоществованіемъ изъ кассы общества; вспомоществованіе это (довольно умѣренное) равняется отъ 20 до 40 зильбергрошей (отъ

65 к. до 1 р. 30 к. с.) въ недѣлю, и не должно превышать 10 талер. въ годъ для тѣхъ рабочихъ, которые были членами общества не болѣе 5 лѣтъ. Общество это, основанное такимъ образомъ на принципѣ взаимнаго страхованія жизни, открыло свою дѣятельность въ 1849 году, имѣя 136 членовъ. Въ началѣ оно принимало въ число своихъ членовъ только самостоятельныхъ работниковъ мужскаго и женскаго пола, то есть такихъ, которые содержали свои семейства; члены эти вносятъ по *три* зильбергроша въ мѣсяцъ; кромѣ того, при вступленіи въ общество, отъ каждаго члена требуется единовременный взносъ въ 15 зильбергрошей до 36 лѣтняго возраста, въ 1 талеръ отъ 37 до 45 лѣтняго, и въ 2 талера отъ 45 до 55 лѣтняго возраста; люди моложе 14 лѣтъ и старше 55 лѣтъ отъ роду не принимаются въ члены общества. Впослѣдствіи общество стало принимать въ свою среду женъ своихъ членовъ, которыя платятъ по $1^1/_2$ зильбергроша въ мѣсяцъ и по 5 зильб. вступительнаго взноса, но пользуются только лекарствомъ и помощью врача, безъ денежнаго вспомоществованія; а еще позднѣе оно распространило свои дѣйствія также и на дѣтей своихъ членовъ, за которыхъ вносится по 1 зильб. въ мѣсяцъ. Но до сихъ поръ еще очень немногіе члены нашли возможнымъ воспользоваться этою статьею устава, потому что при нѣсколько многочисленныхъ семействахъ ежемѣсячный взносъ за себя, за жену и за дѣтей достигалъ довольно обширныхъ размѣровъ. Члену, имѣвшему напримѣръ 4 дѣтей, приходилось платить $3+1^1/_2+4$, то есть $8^1/_2$ зильб. въ мѣсяцъ, или около $3^1/_4$ талеровъ въ годъ, что для бѣднаго рабочаго составляетъ весьма значительную сумму. Въ 1853 году въ составъ общества входило 245 самостоятельныхъ членовъ, большею частью мужчинъ, 78 женъ членовъ и 24 дѣтей членовъ, а валовой доходъ его составлялъ около 371 талера. При этомъ расходы общества были слѣдующія:

Денежными вспомоществованіями выдано. . .	67 тал.	7 зильб.
Гонорарія врачу общества выдано.	100	»	—	»
Двумъ аптекарямъ за лекарство отъ членовъ общества (*).	102	»	2	»
Расходу по управленію обществомъ (кассиру и проч.).	30	»	—	»
Мелкіе расходы.	12	»	18	»
Итого. . .	311 тал.	27 зильб.

(*) При основаніи общества съ однимъ врачемъ и съ двумя аптекарями Делича заключенъ былъ контрактъ, по которому первый обязывался за 100 талеровъ въ годъ лечить членовъ общества (но не болѣе 350 членовъ; за каждые лишніе 50 членовъ ему прибавлялось по 10 талеровъ); аптекаря обязались доставлять обществу лекарства, съ уступкою 10 проц. противъ обыкновенной цѣны своей.

При 371 талерѣ дохода излишекъ дохода противъ расхода равнялся приблизительно 60 талерамъ. Изъ ежегодныхъ излишковъ образуется запасный капиталъ общества; при основаніи общества этотъ капиталъ равнялся только 100 талерамъ, а въ 1853 году онъ равнялся уже 380 талерамъ, которые были отданы въ заемъ по 5 процентовъ. Назначеніе этого капитала—служить нѣкоторой гарантіей для членовъ общества на случай особенныхъ несчастій, въ родѣ эпидемій и проч. Администрація этого общества весьма проста, какъ видно уже изъ того, что она вся обходится обществу не дороже, какъ въ 30 талеровъ въ годъ; всѣ дѣла рѣшаются устно членами комитета общества, избираемыми изъ членовъ разныхъ категорій общества на три года, и занимающимися дѣлами общеества безвозмездно; общество платитъ только 15 талеровъ въ годъ своему кассиру, и 15 талеровъ разносчику и сторожу. Кромѣ того бываютъ общія собранія всѣхъ членовъ общества, въ которыхъ разсматриваются вопросы объ исключеніи членовъ изъ среды общества, контролируются дѣйствія комитета, разсуждается объ измѣненіи устава, и т. д. Соединенная съ этимъ обществомъ касса для смертныхъ случаевъ имѣетъ назначеніемъ выплачивать семейству умершаго члена своего (который необходимо долженъ быть также членомъ самаго общества) небольшую сумму на похороны и на удовлетвореніе потребностей семейства въ первые дни послѣ смерти члена. Отъ члена этой кассы требуется, во первыхъ, чтобы онъ платилъ по одному зильбергрошу при вступленіи своемъ, и столько же каждый разъ въ случаѣ смерти одного изъ членовъ кассы; во вторыхъ, всѣ члены ея обязаны безвозмездно принимать извѣстное участіе при похоронахъ умершаго сочлена своего, или же въ случаѣ уклоненія отъ этого участія вносить въ кассу отъ 5 до $7\frac{1}{2}$ грошей. Касса не имѣетъ ни особеннаго кассира, ни особенной администраціи; все это находится въ связи съ управленіемъ самаго общества. До сихъ поръ касса имѣла возможность выплачивать каждый разъ семейству умершаго члена своего среднимъ числомъ около 8 талеровъ. Такова была организація деличскаго общества для вспомоществованія больнымъ рабочимъ въ первые годы его основанія. Но Шульце-Деличъ, по мысли котораго оно было основано, и который принималъ самое дѣятельное участіе въ сочиненіи устава его, нашелъ однако же впослѣдствіи, что въ уставѣ этомъ были нѣкоторые недостатки. Онъ обращаетъ именно вниманіе на то, что во всѣхъ подобныхъ обществахъ расходы увеличиваются сообразно съ продолжительностью ихъ существованія, потому что члены ихъ старѣютъ и дѣлаются болѣе подвержены болѣзнямъ, и что никакъ нельзя судить о расходахъ по результатамъ перваго года. Поэтому онъ полагаетъ полезнымъ, въ видахъ усиленія резервнаго фонда, уве-

личить вступительный взносъ, опредѣлить наивысшую общую сумму вспомоществованій для каждаго года, исключить изъ права пользованія денежными вспомоществованіями тѣхъ членовъ общества, которые вслѣдствіе болѣзни лишились вовсе возможности работать, и наконецъ иначе распредѣлить величину вступительныхъ взносовъ сообразно съ возрастомъ вступающихъ. Такъ какъ уставъ общества опредѣляетъ, что измѣненія въ немъ могутъ происходить по желанію и рѣшенію большинства членовъ, то предполагалось предложить на обсужденіе общаго собранія членовъ слѣдующія измѣненія въ уставѣ, сообразныя съ указаніями Шульце-Делича. Право вступленія въ члены общества прекращается не съ 55, а съ 50 лѣтнимъ возрастомъ; вступительный взносъ опредѣляется для мужчинъ въ 15 зильб. отъ 14 до 30 лѣтъ, въ 1 талеръ до 36, въ 2 талера до 42, и въ 3 талера до 50 лѣтъ (прежде онъ не превышалъ двухъ талеровъ); для женщинъ онъ составляетъ отъ 10 до 40 зильб.; ежемѣсячный взносъ для женъ членовъ опредѣляется не въ $1^1/_2$, а въ 2 зильб. Мы не знаемъ, какова была судьба этихъ, довольно стѣснительныхъ для неимущихъ рабочихъ измѣненій въ уставѣ, и не можемъ сказать, прошли ли они въ общемъ собраніи членовъ, или нѣтъ. Но Шульце-Деличъ полагаетъ, что эти цифры слѣдуетъ принимать за minimum при вновь образующихся обществахъ, и что не слѣдуетъ по примѣру деличскаго общества понижать ихъ въ началѣ, потому что впослѣдствіи придется возвышать ихъ, что сопряжено съ нѣкоторыми затрудненіями. Упомянемъ здѣсь еще о томъ, что изъ вѣдомости о больныхъ, пользовавшихся въ 1852 году (позднѣйшихъ отчетовъ мы не имѣемъ подъ рукою) на счетъ деличскаго общества для вспомоществованія больнымъ рабочимъ, видно, что въ этомъ году было всего 175 случаевъ серьезныхъ болѣзней (въ томъ числѣ 15 случаевъ воспаленія легкихъ, 8 случаевъ нервной горячки, 12 случаевъ гастрической лихорадки и проч.); и лѣченіе всѣхъ этихъ 175 случаевъ серьезныхъ болѣзней обошлось обществу деличскихъ рабочихъ всего въ какихъ нибудь 215 талеровъ (вычитая изъ общей суммы расходовъ расходы на администрацію общества и на денежныя вспомоществованія).

Что касается до эйленбургскаго общества, основаннаго въ 1849 г., съ тою же цѣлью, какъ и деличское, при дѣятельномъ соучастіи доктора Бернгарди (нынче членъ прусской палаты депутатовъ), то во первыхъ, оно раздѣляется на два отдѣла, которые въ деличскомъ обществѣ соединены въ одно: на общество для вспомоществованія больнымъ рабочимъ деньгами, и на общество для доставленія имъ медицинской помощи; во вторыхъ, оно дѣлаетъ различіе между болѣе богатыми и болѣе бѣдными членами только по отношенію къ взносамъ ихъ въ медицинское отдѣленіе общества; но для пользованія

денежнымъ вспомоществованіемъ неимущіе рабочіе должны производить особые взносы; въ третьихъ, оно имѣетъ иную, довольно искусственно-опредѣляемую норму для опредѣленія взносовъ своихъ членовъ. Нельзя сказать, чтобы всѣ эти особенности измѣняли дѣло къ лучшему. Раздѣленіе двухъ отраслей дѣятельности, которыя въ сущности должны бы оставаться соединенными въ одно, безъ сомнѣнія вредитъ дѣлу: странно помогать больному деньгами, не оказывая ему медицинскаго пособія, или наоборотъ; а чтобы имѣть и то, и другое, рабочій долженъ платить вдвойнѣ. Брать одно и то же съ зажиточнаго и съ бѣднаго работника, и давать имъ за это тѣ же самыя преимущества, можетъ быть, болѣе соотвѣтствуетъ принципу полнаго равенства, но, кажется, не вполнѣ соотвѣтствуетъ понятію о справедливости; наконецъ вводить такую искусственную и запутанную систему опредѣленія величины взноса значитъ безъ всякой нужды усложнять дѣло и увеличивать издержки на администрацію общества. Наконецъ, какъ справедливо замѣчаетъ Шульце-Деличъ, неимѣніе особаго врача общества, и веденіе дѣла съ пятью или болѣе врачами, не вездѣ удобно, а иногда даже просто невозможно. Этѣ особенности эйленбургскаго общества для вспомоществованія больнымъ рабочимъ, по нашему мнѣнію, всѣ измѣняютъ дѣло въ худшую, а не въ лучшую сторону противъ организаціи деличскаго общества, устава котораго, не смотря на нѣкоторые его недостатки, все-таки болѣе способствуетъ соблюденію интересовъ неимущихъ рабочихъ, нежели уставъ Эйленбургскаго общества. Въ заключеніе приведемъ еще нѣсколько, лишенныхъ интереса свѣдѣній объ эйленбургскомъ обществѣ. Въ отдѣленіе его для *денежнаго* вспомоществованія больнымъ рабочимъ, принимаются рабочіе отъ 17 до 50 лѣтъ отъ роду; они платятъ по одному талеру вступительнаго взноса и по $2^1/_2$ зильбергроша ежемѣсячнаго взноса; за то они получаютъ въ случаѣ болѣзни вспомоществованія отъ $2^1/_2$ до 5 грошей въ день (но, замѣтимъ, безъ лекарства и безъ врачебной помощи). Число членовъ этого отдѣленія въ 1853 г. равнялось 146; резервнаго фонда оно вовсе не имѣло. Въ отдѣленіе для медицинскаго вспомоществованія принимается всякій житель города, начиная съ 17 лѣтняго возраста; величина ежемѣсячнаго взноса опредѣляется количествомъ платимыхъ каждымъ членомъ государственныхъ податей; minimum этихъ взносовъ составляетъ 12 зильбергрошей въ годъ; члены общества пользуются врачебною помощью пяти эйленбургскихъ докторовъ, которые потомъ уже раздѣляютъ между собою полученный отъ общества гонорарій; число членовъ этого отдѣленія равнялось въ 1853 году болѣе нежели 900 человѣкъ (весьма значительная цифра для такого небольшаго городка, какъ Эйленбургъ).

4.

Общества для доставленія рабочимъ по дешевымъ цѣнамъ необходимыхъ жизненныхъ потребностей. Подобнаго рода общества далеко не такъ распространены въ Германіи и не имѣютъ того объема, какъ напримѣръ въ Англіи. Въ Германіи нѣтъ ничего подобнаго такому обширному предпріятію, какъ напримѣръ Рочдэльское общество въ Англіи, организація и дѣятельность котораго была однажды разсказана въ «Современникѣ» (1860 г.). Причины подобнаго явленія Шульце-Деличъ видитъ преимущественно въ меньшей густотѣ и сравнительно большей зажиточности рабочаго населенія, въ большей дешевизнѣ и большей доброкачественности жизненныхъ припасовъ въ Германіи сравнительно съ Англіей; но намъ кажется, что одну изъ причинъ этого явленія слѣдуетъ искать также въ особенной наклонности германскихъ хозяекъ, у которыхъ особенно сильно развито нерасположеніе ко всему, что можетъ имѣть хоть малѣйшій видъ вмѣшательства въ ихъ распоряженія по хозяйству, которыя скорѣе согласятся платить дороже за покупаемые ими продукты, лишь бы не обязывали ихъ покупать непремѣнно въ одномъ мѣстѣ, по одной цѣнѣ, и не лишали бы ихъ возможности перемѣнять по своему усмотрѣнію лавки, въ которыхъ онѣ берутъ все необходимое для своего хозяйства. Но какъ бы то ни было, этого рода общества очень мало распространены въ Германіи, да и тѣ, которыя существуютъ, имѣютъ по большей части не слишкомъ значительный кругъ дѣятельности. Особенный видъ подобныхъ обществъ составляютъ существующія въ нѣкоторыхъ городахъ, какъ напримѣръ въ Эрфуртѣ, Франкфуртѣ на Одерѣ и др., такъ называемыя *сберегательныя общества* (Sparvereine); подобныя общества основаны по большей части благодѣтелями рабочихъ изъ высшихъ классовъ общества, иногда даже городскимъ начальствомъ, съ цѣлью доставлять рабочимъ во время дороговизны необходимые имъ припасы по дешевымъ цѣнамъ; для того чтобы имѣть право на пользованіе этими дешевыми припасами, рабочіе должны дѣлать въ болѣе благопріятныя времена извѣстные вклады въ общую кассу. Но въ подобнаго рода учрежденіяхъ самодѣятельность рабочихъ, которой Шульце-Деличъ придаетъ такое важное значеніе, весьма мало развита, и дѣло сводится болѣе или менѣе на благодѣтельствованіе извнѣ. Что касается до ассоціацій самихъ рабочихъ, основанныхъ съ тою же цѣлью, здѣсь также, какъ и въ другихъ видахъ ассоціацій рабочихъ, одинъ изъ первыхъ опытовъ былъ сдѣланъ въ Деличѣ, вслѣдствіе иниціативы самихъ рабочихъ этого городка. Деличское общество начало свою дѣятельность весьма скром-

нымъ образомъ, съ оборотнымъ капиталомъ въ 136 талеровъ, составившимся изъ взносовъ 36 членовъ этого общества — по одному талеру, и изъ 100 талеровъ, взятыхъ обществомъ заимообразно. Первоначально общество это ограничивалось тѣмъ, что покупало рожь и пшеницу, мололо ее на свой счетъ и продавало своимъ членамъ муку по 2 зильбергроша за пудъ дешевле и гораздо лучшаго качества, нежели ее можно было покупать въ лавкахъ; оно продавало также своимъ членамъ масло и немногіе другіе припасы. При этомъ капиталъ общества обернулся въ первые 4 мѣсяца четыре раза, такъ что можно предположить съ нѣкоторою достовѣрностью, что капиталы подобныхъ обществъ оборачиваются по 10—12 разъ въ годъ; съ сотеннымъ капиталомъ можно значитъ производить тысячные обороты. Не смотря на дешевую цѣну, по которой продавались припасы, чистой прибыли было 20 талеровъ, т. е. около 15 проц. прибыли въ 4 мѣсяца, или 60 проц. въ годъ. Впослѣдствіи обороты этого общества расширились, и оно стало заниматься покупкой и перепродажей членамъ своимъ дровъ, покупкою скота и снабженіемъ ихъ говядиною и пр. Расходы по управленію обществомъ весьма незначительны. Оно, какъ и всѣ прочія общества, основанныя рабочими, поручаетъ управленіе дѣлами своими выборнымъ членамъ своимъ, занимающимся этимъ дѣломъ безвозмездно, вознагражденіе полагается только кассиру—$^3/_4$ проц. продажной суммы, и содержателю складочнаго депо общества — $2^1/_4$ проц. продажной суммы, итого на администрацію общества всего 3 проц. продажной суммы. Другое подобное общество, основанное вслѣдъ за деличскимъ въ Эйленбургѣ, имѣетъ болѣе характеръ торговли на общественный капиталъ колоніальными товарами; продажа производится не только членамъ общества, но какъ во всякой лавкѣ, всѣмъ желающимъ; подобное учрежденіе, хотя временно и можетъ приносить довольно значительныя выгоды учредителямъ его (какъ напр. въ первый же годъ въ Эйленбургѣ), однако оно вообще приноситъ рабочимъ менѣе прямой пользы, нежели напр. деличское общество, и кромѣ того оно сопряжено съ извѣстнымъ рискомъ. Но вообще, какъ мы уже замѣтили выше, учрежденіе подобныхъ обществъ идетъ очень неуспѣшно въ Германіи. Шульце-Деличъ полагаетъ, что къ концу 1861 года въ Германіи существовало всего 60 — 70 подобныхъ обществъ (считая въ томъ числѣ сберегательныя общества); но ему были извѣстны не болѣе 20 обществъ. Любопытно то, что эти общества распространяются и принимаютъ болѣе обширные размѣры не столько въ самой Германіи, сколько на окраинахъ Германіи, или даже въ мѣстностяхъ, не принадлежащихъ собственно къ самой Германіи. Такъ напр. изъ 20 извѣстныхъ обществъ, 6 обществъ падаютъ на долю Гольштейна, и въ томъ чи-

слѣ кильское общество, основанное только въ концѣ 1861 года, въ первые пять мѣсяцевъ своего существованія произвело оборотовъ на 26,500 талеровъ. Къ самымъ значительнымъ ассоціаціямъ для доставленія рабочимъ жизненныхъ припасовъ принадлежатъ два подобныхъ общества въ Гамбургѣ и одно въ Цюрихѣ, внѣ предѣловъ собственно Германіи. Одно изъ гамбургскихъ обществъ имѣло 7 собственныхъ лавокъ въ разныхъ мѣстахъ города, другое 4. Это послѣднее общество продало членамъ своимъ на 54,000 талеровъ муки, на 13.000 талеровъ хлѣба и почти на 4,000 талеровъ каменнаго угля; вообще обороты его равнялись въ томъ году 72,500 талеровъ; а капиталъ его равнялся всего неполнымъ 7,000 талеровъ, да и изъ этого числа около 3,500 было отдано въ этомъ году на проценты, такъ что въ оборотѣ оставалось всего какихъ нибудь 3,500 талеровъ, которые обернулись слѣдовательно до двадцати разъ. Одною изъ особенностей этого общества, которая, по увѣренію членовъ его, принесла не мало пользы, было то, что оно требовало отъ покупателей своихъ, чтобы тѣ сами приносили все, что необходимо для помѣщенія отпускаемаго товара (посуду, даже оберточную бумагу); отъ этого происходитъ большая экономія.

Но изъ всѣхъ подобныхъ обществъ самые значительные обороты производитъ цюрихское общество. Оно къ концу 1861 года имѣло на 177,000 франковъ недвижимой собственности, какъ то: нѣсколько земельныхъ участковъ, магазинъ, пекарню, огородъ и садъ; кромѣ того, движимая его собственность равнялась почти 100,000 франковъ. Кромѣ главнаго магазина своего оно имѣло въ городѣ и въ ближайшихъ окрестностяхъ его еще 9 лавокъ. Въ 1861 году оно продало на 802,000 франковъ товаровъ, преимущественно муки, хлѣба, масла, колоніальныхъ товаровъ; въ пекарнѣ испечено было около 27,000 пудовъ муки и отпущено изъ нея 1,350,000 фунтовъ хлѣба, на сумму 271,000 франковъ. Чистая прибыль равнялась въ 1861 году 23,567 франкамъ. При подобныхъ значительныхъ размѣрахъ дѣятельности, найдено возможнымъ возвратить основный капиталъ вкладчикамъ общества и вести дѣло съ тѣмъ капиталомъ, который образовался изъ ежегодныхъ излишковъ дохода противъ расхода.

Хотя медленное, но все-таки постоянное развитіе и распространеніе подобнаго рода обществъ, встревожило конечно тотъ классъ людей, интересамъ котораго черезъ это наносится чувствительный ударъ — именно классъ лавочниковъ и продавцовъ по мелочи, у которыхъ до сихъ поръ рабочіе должны были исключительно брать почти все для нихъ необходимое. Шульце-Деличу была даже представлена записка объ этомъ предметѣ, въ которой доказывается, что вызываемыя ими къ жизни и покровительствуемыя имъ ассоціаціи для до-

ставленія рабочимъ жизненныхъ потребностей, грозятъ совершеннымъ разоренiемъ классу мелочныхъ торговцевъ. Въ одномъ изъ собраній берлинскихъ рабочихъ, 21 іюня нынѣшняго года, Шульце-Деличъ сообщилъ своимъ слушателямъ о полученіи имъ этой записки, и затѣмъ объяснилъ имъ неосновательность содержащихся въ ней жалобъ и претензій. Доказать эту неосновательность было очень не трудно. Шульце-Деличъ вполнѣ соглашался съ тѣмъ, что распространеніе вышеупомянутыхъ обществъ очень невыгодно для мелочныхъ торговцевъ, которые играютъ роль посредниковъ между оптовыми продавцами и рабочими, и за это посредничество трудомъ и капиталомъ берутъ извѣстное (весьма значительное) вознагражденіе. Съ учрежденіемъ этихъ обществъ существованіе подобныхъ посторонних посредниковъ дѣлается излишнимъ, потому что рабочіе сами на себя берутъ тотъ трудъ и ту долю выгодъ, которые до сихъ поръ принадлежали мелочнымъ торговцамъ. Это все справедливо, говоритъ Шульце-Деличъ, но это не даетъ послѣднимъ права жаловаться. Никто не можетъ быть въ претензіи на рабочихъ за то, что они, при скудныхъ средствахъ своихъ, стараются платить дешевле за то, за что ихъ до сихъ поръ заставляли платить дороже, и дѣлать сами то, что до сихъ поръ за нихъ дѣлали другіе. Они не подрядились давать изъ своихъ копѣечныхъ доходовъ средства къ жизни лавочникамъ и мелочнымъ торговцамъ, и гораздо основательнѣе, чтобы небольшія сбереженія, которыя имъ приходится производить при новой системѣ, шли на пользу ихъ и семействъ ихъ, а не на пользу лавочниковъ. Многимъ изъ лавочниковъ, заключаетъ Шульце-Деличъ, трудно будетъ существовать при новой системѣ: это правда. Но неужели же изъ-за этого оставлять такое полезное для рабочихъ предпріятіе? не гораздо ли лучше тѣмъ, которые доселѣ играли роль посредниковъ между рабочими и оптовыми торговцами, и которые остаются за штатомъ съ распространеніемъ ассоціацій рабочихъ, избрать для себя другое, болѣе полезное поле дѣятельности?

5.

Общества для пріобрѣтенія рабочими сырого матеріала и спеціальныя общества по отдѣльнымъ ремесламъ для общаго производства и сбыта произведеній. Подобнаго рода спеціальныя ассоціаціи, по совершенно справедливому замѣчанію Шульце-Делича, являются вѣнцомъ всей системы; но только для этого нужно, чтобы онѣ не останавливались на предварительныхъ условіяхъ работы, какъ-то на пріобрѣтеніи сырья и пр., но приняли бы форму *производства и сбы-*

на произведеній общимъ средствами. Дѣйствительно, только въ этомъ послѣднемъ случаѣ вся сумма тѣхъ огромныхъ барышей, которые остаются теперь въ рукахъ оптовыхъ и мелочныхъ продавцевъ сырья, владѣтелей фабрикъ и мастерскихъ, оптовыхъ и розничныхъ продавцовъ готовыхъ произведеній, останется въ рукахъ самихъ производителей, самихъ работниковъ, за вычетомъ, конечно, небольшаго процента на веденіе дѣлъ подобныхъ ассоціацій.

Но къ сожалѣнію, подобнаго рода ассоціаціи, которыя и покупаютъ сырье, и обработываютъ его, и продаютъ готовыя произведенія отъ себя и сообща, почти еще вовсе не существуютъ въ Германіи. Только въ концѣ 1862 года въ Берлинѣ основаны съ подобною, широкою цѣлью два общества ткачей, да въ Нюрнбергѣ общество гребенщиковъ; но о результатахъ дѣятельности этихъ обществъ нельзя еще ничего сказать, потому что они находятся еще въ первомъ фазисѣ своего развитія. Въ большей части случаевъ общества рабочихъ ограничиваются только тѣмъ, что покупаютъ оптомъ и распродаютъ въ розницу своимъ членамъ сырье (самый распространенный видъ подобнаго рода ассоціацій), или же тѣмъ, что производятъ продажу сработанныхъ въ одиночку произведеній изъ общихъ магазиновъ (*); такимъ образомъ въ пользу производителей остается всегда только часть той суммы, которая составляется отъ разности между дѣйствительной стоимостью извѣстнаго предмета и тою суммою, которую платитъ за него потребитель; а большая часть этой суммы остается все-таки въ рукахъ постороннихъ лицъ.

Шульце-Деличъ полагаетъ, что это главнымъ образомъ происходитъ отъ того, что въ Германіи еще не такъ развитъ духъ ассоціацій, какъ въ Англіи, и что къ тому же въ Германіи нѣтъ чрезмѣрнаго развитія большаго фабричнаго производства, который совершенно подавлялъ бы мелкое производство. Но мы полагаемъ, что главная причина медленнаго распространенія настоящихъ промышленныхъ ассоціацій, какъ въ Германіи, такъ и въ другихъ странахъ, заключается въ томъ, что производителямъ нелегко составить изъ копѣечныхъ взносовъ такой капиталъ, который бы въ состояніи былъ успѣшно конкуррировать съ крупнымъ капиталомъ фабриканта и оптоваго торговца. Шульце-Деличу хорошо говорить о собственной по-

(*) Подобнымъ учрежденіемъ является центральный магазинъ общества германскихъ столяровъ: общество это имѣетъ собственный большой домъ въ Берлинѣ и ежегодный оборотъ его равняется 50 или 60,000 талеровъ. Изъ продажной суммы производители мебели получаютъ только 90 проц.; 8 проц. вычитаются на расходы по управленію и на постепенное погашеніе взятаго взаймы капитала общества; а 2 проц. выдаются участникамъ въ видѣ дивиденда.

мощи и самодѣятельности рабочихъ; но если съ одной стороны мы видимъ могущественный капиталъ, давно уже образовавшійся при совершенно иныхъ обстоятельствахъ, всегда пользовавшійся и пользующійся особымъ покровительствомъ законодательства, а съ другой стороны неимущихъ работниковъ, которые, по мнѣнію Шульце-Делича, должны изъ собственныхъ средствъ, безъ всякой посторонней помощи, при самыхъ невыгодныхъ обстоятельствахъ, составить капиталъ для успѣшной борьбы съ большимъ и привилегированнымъ капиталомъ — то немудрено, что дѣло это медленно подвигается впередъ. Правда, что даже при этихъ, крайне невыгодныхъ условіяхъ, нѣкоторыя попытки въ подобномъ родѣ удаются; но это свидѣтельствуетъ только о необычайной, рѣдкой твердости и искусствѣ тѣхъ людей, которые взялись за это дѣло, но не значитъ, чтобы, въ награду за эту твердость и искусство, подобныхъ людей слѣдовало постоянно оставлять въ такихъ невыгодныхъ условіяхъ.

Итакъ, какъ мы замѣтили выше, спеціальныя общества рабочихъ по отдѣльнымъ ремесламъ большею частію ограничивались только пріобрѣтеніемъ оптомъ и распродажей въ розницу необходимаго для рабочихъ сырья. И здѣсь, какъ и въ другихъ видахъ ассоціацій, первые опыты сдѣланы были, благодаря иниціативѣ Шульце-Делича, въ Деличѣ, гдѣ въ 1849 г. составилось общество деличскихъ сапожниковъ. Такъ какъ большая часть существующихъ нынѣ въ Германіи ассоціацій для доставленія рабочимъ сырья устроена болѣе или менѣе по образу деличскаго общества сапожниковъ, то мы остановимся нѣсколько на разсмотрѣніи организаціи и результатахъ дѣятельности этого общества. Цѣль этого общества, какъ значится въ первомъ § устава, составляетъ «пріобрѣтеніе на общій счетъ всѣхъ предметовъ и матеріала, необходимаго для производства ремесла, съ тѣмъ, чтобы доставить черезъ это по возможности отдѣльнымъ членамъ ея выгоды покупки оптомъ и облегчить имъ конкурренцію». Фондъ общества составляется изъ займовъ, которые гарантируются отвѣтственностью всѣхъ членовъ, изъ единовременныхъ вступительныхъ взносовъ членовъ его (по 2 талера) и изъ процентовъ, получаемыхъ при розничной продажѣ членамъ его матеріала, купленнаго оптомъ. При своемъ основаніи общество это состояло изъ 57 членовъ, впослѣдствіи же это число возросло до 80 человѣкъ; оно пользовалось такимъ значительнымъ кредитомъ, что ему предлагали займы капиталовъ гораздо болѣе, нежели было нужно, не только по 5%, но и по 4½ и по 4%. Въ 1853 году капиталъ общества равнялся 2500 талеровъ, изъ нихъ 2000 были взяты займы, 114 получились изъ первоначальныхъ взносовъ членовъ, а 414 талеровъ составляли чистую прибыль ассоціаціи, и были обращены въ резервный фондъ. Капиталъ общества

обращался въ годъ болѣе трехъ разъ, такъ что въ томъ году было куплено и продано матеріалу болѣе, нежели на 6000 талеровъ. Для покрытія издержекъ по управленію, для уплаты процентовъ по занятымъ капиталамъ и для образованія резервнаго фонда, въ первые годы послѣ образованія этого общества при продажѣ матеріала изъ складовъ общества членамъ его, взималось 8 процент. болѣе противъ той суммы, въ которую обошлась самому обществу покупка матеріала, но уже черезъ 2 года найдено возможнымъ понизить этотъ процентъ до $6^2/_3$. Изъ этихъ $6^2/_3$ проц. $1^1/_2$ проц. выплачиваются кассиру, онъ же смотритель и хранитель складовъ, а $^3/_4$ проц. контролеру. Небольшая сумма назначается также въ видѣ вознагражденія сортировщику, который получаетъ по $^1/_2$ талеру въ день (но такихъ дней въ году немного). Остаются еще $4^5/_{12}$ проц., которые, если предположить тройной оборотъ капитала въ годъ, составятъ въ одинъ годъ $13^1/_4$ проц., изъ нихъ 5 проц. идутъ на уплату процентовъ по занятымъ капиталамъ, а остальные $8^1/_4$ проц. составляютъ чистую прибыль ассоціаціи (а такъ какъ можно допустить, что со временемъ, при постоянномъ увеличеніи резервнаго фонда, можно будетъ приступить къ погашенію всего, или по крайней мѣрѣ части долга ассоціаціи, то значитъ сумма платимыхъ процентовъ или уменьшится или совершенно уничтожится, и слѣдовательно всѣ, или почти всѣ $13^1/_4$ проц. составятъ чистую прибыль общества). Въ то же время, принимая въ соображеніе, что вновь вступающіе члены дѣлаются совладѣтелями резервнаго фонда, образовавшагося безъ ихъ содѣйствія, рѣшено было для равновѣсія требовать, начиная съ 1853 года, съ вновь вступающихъ членовъ не 2, а 5 талеровъ вступительнаго взноса (при чемъ допускается разсрочка), и обращать эти деньги на приращеніе резервнаго фонда. Послѣ того какъ резервный фондъ, составившійся изъ чистой прибыли ассоціаціи (не считая пяти талеровыхъ взносовъ), достигъ цифры 500 талеровъ, рѣшено было употреблять съ этихъ поръ на приращеніе его лишь одни пяти-талеровые вступительные взносы, а чистую прибыль обращать на составленіе *дивиденда* для членовъ ассоціаціи. Но дивидендъ этотъ имѣлъ особенное назначеніе. Такъ какъ по статуту общества каждый членъ имѣлъ право получать матеріалу въ кредитъ не болѣе, какъ на *три* талера, (больше кассиръ могъ выдавать только подъ собственную свою отвѣтственность), то болѣе бѣдные члены часто принуждены были искать кредита у розничныхъ торговцевъ, которые брали съ нихъ не 6 и не 8, а 25 и 30 и даже 50 и 80 проц. болѣе противъ оптовой цѣны товара; а между тѣмъ, ассоціація не рѣшалась открыть своимъ членамъ болѣе обширный кредитъ, такъ какъ иначе она рисковала имѣть въ кассѣ только записи по книжкамъ, въ то время когда ей могли пона-

добиться наличныя деньги для выгодной покупки сыраго матеріала. Поэтому при постановленіи правилъ о дивидендѣ обращено было вниманіе на то, чтобы, во первыхъ, внушить каждому члену общества желаніе брать весь необходимый для него матеріалъ исключительно изъ складовъ общества и брать его какъ можно болѣе, а во вторыхъ, дать членамъ возможность пользоваться болѣе широкимъ кредитомъ, безъ ущерба для интересовъ общества. Съ этою цѣлью постановлено было, что дивидендъ платится не по числу членовъ и не всѣмъ членамъ поровну, а что причитается каждому члену сообразно съ величиной денежной суммы, внесенной имъ въ кассу общества за забранный товаръ; интересы каждаго члена общества требовали, значитъ того, чтобы онъ бралъ матеріалъ для своей работы только изъ общественныхъ складовъ. Во вторыхъ, причитающіеся на долю каждаго члена дивиденды не выдаются ему немедленно на руки, а записываются въ общую книгу (по случаю увеличенія черезъ это работъ по бухгалтеріи, кассиру опредѣляется еще извѣстный процентъ съ дивиденда); каждый членъ имѣетъ право брать изъ кассы дивидендъ свой только въ томъ случаѣ, если записанная за нимъ по книгѣ сумма дивиденда превышаетъ 10 талеровъ; въ такомъ случаѣ онъ можетъ получать излишекъ противъ этой суммы. Такимъ образомъ въ распоряженіи ассоціаціи остаются довольно значительныя суммы, которыя съ одной стороны увеличиваютъ оборотный капиталъ ея, а съ другой стороны даютъ ей возможность предоставлять своимъ членамъ гораздо болѣе значительный кредитъ, противъ назначенныхъ первоначально трехъ талеровъ. При болѣе значительномъ увеличеніи дивиденда имѣлось въ виду, ограничивая по прежнему выдачу его на руки членамъ, употребить его на образованіе акцій для членовъ, которыя обезпечивали бы нѣкоторымъ образомъ существованіе ихъ въ старости. Наконецъ, для полноты свѣдѣній о деличской ассоціаціи сапожниковъ можно еще прибавить, что ассоціація торгуетъ всѣми предметами, которые необходимы для сапожнаго мастерства, что закупка товара производится особою коммиссіею, которая, конечно, получаетъ деньги на путевыя издержки изъ общественныхъ суммъ, что всѣ склады общества застрахованы, и что въ послѣднее время сдѣланы также попытки для общаго сбыта произведеній, выработанныхъ отдѣльно каждымъ членомъ ассоціаціи.

Когда по всей Германіи стали распространяться спеціальныя ассоціаціи рабочихъ, въ родѣ деличской, то онѣ образовались сначала большею частію между сапожниками, потому что здѣсь мелочныя продавцы матеріала брали самый значительный процентъ, и что въ этомъ классѣ ремесленниковъ бѣдность была болѣе всего развита, и заставляла работниковъ этого ремесла скорѣе другихъ искать путей къ вы-

ходу изъ своего бѣдственнаго положенія; число ассоціацій сапожниковъ и до сихъ поръ самое значительное изъ всего числа подобнаго рода ассоціацій. Затѣмъ подобныя общества стали образовываться между столярами. Наконецъ и портные замѣтили, что имъ гораздо выгоднѣе имѣть у себя готовый матеріалъ для производства своей работы, и платить за этотъ матеріалъ только 4% (или 8% при покупкѣ въ кредитъ) дороже противъ оптовыхъ цѣнъ, нежели платить за него по 25% лишнихъ, и имѣть его при этомъ гораздо худшаго достоинства; поэтому ассоціаціи портныхъ стали также распространяться довольно быстро въ Германіи, и нѣкоторыя изъ нихъ, какъ, напримѣръ, общество потсдамскихъ портныхъ, получило довольно широкое развитіе, и уже въ первое время своего существованія производило обороты на десятки тысячъ талеровъ. Но этими тремя видами ассоціацій — обществами сапожниковъ, портныхъ и столяровъ—почти и ограничиваются общества для доставки рабочимъ сырья; только весьма немногія попытки къ образованію подобныхъ обществъ произошли между ткачами, кузнецами и переплетчиками. Къ концу 1861 года всѣхъ извѣстныхъ Шульце-Деличу подобныхъ ассоціацій въ Германіи существовало 129 (но онъ полагаетъ, что общее число ихъ можно опредѣлить въ 200). Изъ извѣстныхъ 129 обществъ болѣе половины, а именно 73, составлены были сапожниками; около $^1/_4$ всего числа, т. е. 30 обществъ, составлены были портными; а остальныя 26 обществъ распредѣлены были слѣдующимъ образомъ: 14 обществъ столяровъ, 5—кузнецовъ, 4—ткачей и 3—переплетчиковъ. Большая часть изъ нихъ имѣли почти исключительною цѣлью доставленіе рабочимъ по дешевымъ цѣнамъ сырья; но нѣкоторыя изъ нихъ имѣли и свои магазины — преимущественно портные и столяры. Изъ 129 обществъ только 32 представили въ центральное бюро ассоціацій—о которомъ рѣчь будетъ ниже—отчеты о своей дѣятельности. Изъ отчетовъ этихъ видно, что число членовъ этихъ 32 обществъ равнялось 1527, оборотный капиталъ ихъ равнялся 61,343 талерамъ, а именно около 17 тысячъ талеровъ собственнаго фонда составившагося отъ вкладовъ членовъ и отъ чистой прибыли, и около 44 тысячъ, взятыхъ заимообразно. Этими обществами закуплено сырья на 198,000 талеровъ; членамъ продано въ розницу матеріалу болѣе нежели на 135,000 талеровъ, а въ складахъ обществъ оставлено товару почти на 63,000 талеровъ. Чистый барышъ этихъ обществъ равнялся 5769 талерамъ. Изъ этихъ отчетовъ слѣдуетъ, что на каждое общество можно положить среднимъ числомъ отъ 40—50 членовъ, что среднимъ же числомъ можно положить на каждое изъ нихъ оборотный капиталъ въ 2000 талеровъ, а такъ какъ капиталъ этотъ обращается обыкновенно не менѣе трехъ разъ въ годъ, то значитъ средняя цифра оборотовъ

каждаго общества равняется 6000 талеровъ; чистая прибыль равняется среднимъ числомъ 180 талерамъ. Полагая вмѣстѣ съ Шульце-Деличемъ число всѣхъ существующихъ въ Германіи подобныхъ ассоціацій въ 200, мы получили бы, что число членовъ ихъ должно простираться отъ 8 до 10 тысячъ (конечно весьма небольшой процентъ всего рабочаго населенія Германіи), величина оборотнаго капитала ихъ около 400,000, величина производимыхъ ими оборотовъ отъ 1 милліона до 1 милліона 200 тысячъ, а цифра чистой прибыли—приблизительно 36,000. Большая часть этихъ обществъ брали при образованіи своемъ за образецъ деличскую ассоціацію сапожниковъ, о которой мы говорили выше; поэтому всѣ уставы ихъ очень похожи на уставъ деличской ассоціаціи. Вообще главныя основанія учрежденій всѣхъ этихъ ассоціацій можно выразить слѣдующимъ образомъ (*): 1) капиталъ, необходимый для пріобрѣтенія сырья, берется взаймы подъ ручательствомъ всѣхъ членовъ, или же товаръ покупается въ кредитъ подъ тѣмъ же ручательствомъ членовъ общества. 2) При продажѣ матеріала изъ складовъ обществъ производится надбавка въ 6—8 проц. противъ тѣхъ цѣнъ, за которую онъ пріобрѣтенъ обществомъ; суммы, полученныя отъ этой надбавки, назначаются на покрытіе расходовъ по управленію и на пріобрѣтеніе чистой прибыли, которая распредѣляется между членами ассоціаціи сообразно съ тѣмъ, на сколько каждый изъ нихъ покупалъ матеріала изъ складовъ общества. 3) Эта часть прибыли членовъ оставляется въ распоряженіи общества, и черезъ это образуется собственный фондъ общества и резервъ; въ нѣкоторыхъ обществахъ этотъ фондъ увеличивается не только посредствомъ единовременныхъ, но и посредствомъ мѣсячныхъ взносовъ. 4) На вознагражденіе контролеру, кассиру и хранителю складовъ, равно такъ и на другіе расходы по управленію дѣлами общества, уходитъ вообще около $3^1/_2$ или 4 проц., изъ вышеупомянутой 6 или 8 процентной надбавки; изъ этой надбавки остаются затѣмъ отъ 2 до 3 проц., которые при тройномъ обращеніи капитала въ годъ даютъ чистой прибыли отъ 6-ти до 9-ти процентовъ.

Есть одинъ вопросъ, который особенно занимаетъ подобнаго рода общества, и разрѣшеніе котораго не такъ легко дается имъ: это вопросъ о предоставленіи членамъ права брать матеріалъ изъ складовъ обществъ въ кредитъ. Вездѣ чувствуется необходимость предоставить членамъ возможность пользоваться кредитомъ, и въ то же время предохранить самыя общества отъ убытковъ и разстройства дѣлъ; а ме-

(*) Jahresbericht der deutschen Erwerbs-und Wirthschaftsgenossenschaften für 1861; S. 32 u. 33.

ду тѣмъ при разрѣшеніи этого вопроса дѣлались большіе промахи и причинялись цѣлымъ обществамъ и отдѣльнымъ членамъ ихъ не маловажные убытки. Шульце-Деличъ полагаетъ, что есть *три* пути къ разрѣшенію этого вопроса. Первый путь есть тотъ самый, который избрала деличская ассоціація рабочихъ, и о которомъ мы уже говорили выше: онъ состоитъ въ томъ, что каждый членъ долженъ имѣть въ кассѣ общества извѣстную сумму, полученную отъ причитающихся ему дивидендовъ (въ Деличѣ 10 талеровъ), и что онъ имѣетъ право брать въ кредитъ изъ складовъ общества матеріалъ на сумму, не превышающую этой суммы; больше же нежели на эту сумму кассиръ можетъ кредитовать члену подъ собственную свою отвѣтственность. Этотъ путь имѣетъ передъ прочими то огромное преимущество, что каждый членъ увеличиваетъ такимъ образомъ своею долею оборотный капиталъ, и что это увеличеніе имъ капитала можетъ вполнѣ замѣнить для него обязанность платить проценты за забранный въ кредитъ матеріалъ (Шульце-Деличъ сильно настаиваетъ на необходимости платежа процентовъ *во всякомъ случаѣ:* мы объ этомъ поговоримъ впослѣдствіи). Невыгода же этого способа кредитованія заключается въ томъ, что онъ возможенъ только по прошествіи извѣстнаго времени существованія общества, когда уже составились для каждаго члена извѣстныя доли въ оборотномъ капиталѣ; а до тѣхъ поръ въ первое время существованія общества, право на кредитъ очень ограничено для членовъ его. Но все-таки этотъ способъ кредитованія мы считаемъ гораздо лучшимъ, нежели послѣдующіе два способа, упоминаемые Шульце-Деличемъ, и употребляемыя нѣкоторыми германскими обществами. Первый изъ этихъ способовъ состоитъ въ томъ, что въ одно время съ обществомъ для доставленія рабочимъ сырья основывается при этомъ обществѣ заемная касса; изъ складовъ общества товаръ никому не отпускается въ кредитъ, но всякій членъ его можетъ получать изъ кассы необходимую для него сумму за извѣстные проценты и при извѣстной гарантіи. Другой способъ состоитъ въ томъ, что при самомъ вступленіи какого нибудь члена въ общество опредѣляется величина суммъ и срокъ, на который ему можетъ производиться кредитъ. Но при этомъ способѣ нѣтъ никакой опредѣленной нормы, при назначеніи суммъ и сроковъ для кредита, кромѣ развѣ большаго или меньшаго благосостоянія вступающаго члена; а руководствоваться этою нормою было бы очень несправедливо, такъ какъ бѣдный членъ болѣе нуждается въ кредитѣ, нежели богатый; кромѣ того при этомъ способѣ требуются значительные, довольно обременительные для бѣднаго рабочаго взносы: 5 талеровъ единовременно и до 4-хъ талеровъ въ годъ; а проценты за отпускаемый въ кредитъ матеріалъ идутъ еще сами собою. Такимъ образомъ вопросъ

объ отпусканіи рабочимъ матеріала въ кредитъ еще не разрѣшенъ ассоціаціями удовлетворительно, потому что онѣ не могли отдѣлаться отъ рутинныхъ взглядовъ на кредитъ; поэтому онѣ предоставляютъ возможныя льготы и гарантіи болѣе зажиточному члену своему, а менѣе зажиточному все еще полагаютъ разныя препятствія, въ видѣ отказа кредитовать болѣе извѣстной (часто весьма незначительной) суммы, которая тѣмъ незначительнѣе, чѣмъ кто болѣе нуждается въ кредитѣ, или въ видѣ процента за отпускаемый въ кредитъ матеріалъ; всѣ эти ассоціаціи страшно боятся отказаться отъ процентовъ, которые въ настоящемъ случаѣ являются ничѣмъ инымъ, какъ налогомъ на бѣдняка въ пользу болѣе зажиточнаго работника. Въ этомъ отношеніи Шульце-Деличъ грѣшитъ не менѣе, если еще не болѣе другихъ своихъ современниковъ-экономистовъ.

6.

Кредитныя и ссудныя общества. Этотъ видъ обществъ особенно распространенъ въ Германіи. Для того чтобъ имѣть возможность конкуррировать съ крупнымъ капиталистомъ, мелкій ремесленникъ и рабочій долженъ тоже имѣть капиталъ; своего собственнаго капитала онъ не имѣетъ, личнаго кредита онъ также не имѣетъ, потому что одинъ не можетъ представить никакой вѣрной гарантіи, и ему необходимо искать кредита, основаннаго на соединеніи многихъ рабочихъ силъ, которыя представляютъ довольно хорошую гарантію. Вотъ главный мотивъ, которымъ объясняется основаніе и распространеніе этого рода обществъ. Шульце-Деличъ придаетъ особенное значеніе этому виду обществъ, онъ обращаетъ на него особенное вниманіе въ своихъ сочиненіяхъ, и написалъ даже особую книгу объ этомъ предметѣ: Vorschuss-und Kreditvereine als Volksbanken, которая въ 1862 году вышла уже третьимъ изданіемъ. Само собою разумѣется, что онъ и въ настоящемъ случаѣ сильно возстаетъ противъ того, чтобы подобнымъ учрежденіямъ приданъ былъ характеръ благотворительности, милостыни, поддержки свыше; какъ только рѣчъ зайдетъ о подобныхъ обществахъ, то онъ опять принимается толковать о томъ, что въ основу подобныхъ предпріятій необходимо должна лечь собственная помощь, самодѣятельность рабочихъ, и что иначе нельзя ожидать отъ нихъ проку. Но между тѣмъ, при основаніи ссудной кассы въ Деличѣ въ 1850 году онъ самъ отступилъ отъ этого своего основнаго правила. Дѣло въ томъ, что еще въ 1848 и 1849 годахъ, въ Берлинѣ и другихъ германскихъ городахъ, учреждены были ссудныя кассы при помощи суммъ, пожертвованныхъ или отдан—

ныхъ безпроцентно людьми зажиточными; тотъ рабочій, который платилъ по одному зильбергрóшу въ мѣсяцъ, имѣлъ право пользоваться ссудами изъ этихъ кассъ; взносы же его составляли особенный капиталъ, который служилъ гарантіей при производимыхъ ему ссудахъ. Шульце-Деличъ основалъ въ 1850 году въ Деличѣ кассу на подобныхъ же основаніяхъ: посредствомъ разныхъ добровольныхъ пожертвованій собрано было 170 талеровъ, и изъ нихъ выдавались ссуды тѣмъ, кто платилъ въ кассу мѣсячный взносъ въ 1 зильб. Но дѣла этой кассы шли очень дурно: при незначительности самого капитала, члены ея почти никогда не могли получать изъ нея взаймы денегъ, такъ что большая часть изъ нихъ отказывались отъ этого дѣла, и въ 2 года изъ 120 членовъ осталось только 30; мѣсячныхъ взносовъ этихъ немногихъ членовъ едва доставало на покрытіе расходовъ по администраціи; многія ссуды оставались безвозвратно потерянными, и проч. Тогда Шульце-Деличъ пришелъ къ тому убѣжденію, что дѣла шли такъ дурно отъ того, что изъ кассы ссуды выдавались безпроцентно, и что капиталъ кассы былъ составленъ преимущественно изъ доброхотныхъ пожертвованій; поэтому онъ рѣшился преобразовать деличскую ссудную кассу и образовать изъ нея настоящую кредитную ассоціацію. Въ необходимости подобнаго преобразованія убѣждало его еще то обстоятельство, что дѣла кредитнаго общества, основаннаго по иниціативѣ доктора Бернгарди въ сосѣднемъ съ Делличемъ городкѣ Эйленбургѣ, шли отлично. Эйленбургское общество не имѣло капиталовъ пожертвованныхъ или подаренныхъ, но оно взяло взаймы необходимыя для него суммы за извѣстные проценты, и уже въ самое первое время его существованія, ему предлагалось въ займы сколько угодно капиталовъ; кромѣ того оно принимало и меньшіе вклады отъ своихъ членовъ — на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ они принимаются сберегательными кассами; взносы членовъ равнялись 1 зильб. въ мѣсяцъ. За производимыя ссуды оно брало проценты по 1 пфеннигу съ талера въ недѣлю (или $4^1/_3$ зильб. въ годъ, т. е. $14^1/_3$ проц. въ годъ!). Эти проценты шли такъ же какъ и въ спеціальныхъ обществахъ рабочихъ на покрытіе расходовъ по управленію кассою, на уплату процентовъ по занятымъ капиталамъ, на основаніе резервнаго фонда и на образованіе дивиденда для членовъ. Результаты дѣятельности этой ассоціаціи были очень удовлетворительны уже въ самое первое время ея основанія. При основаніи ея (въ 1850 году) она имѣла 180 членовъ, а къ концу 1852 года — 586 членовъ (замѣтимъ, что въ Эйленбургѣ всего около 10,000 жителей). Въ 1852 же году годовой оборотъ ея превышалъ сумму 17,000 талеровъ. Въ графѣ доходовъ значится, что въ этомъ году принято обществомъ капиталовъ на сумму 5,914 тал., возвращено членами ссудъ на 10,500 талер., получено про-

центовъ за ссуды — 610 тал., и получено мѣсячныхъ взносовъ — 234 талера. Въ графѣ расходовъ: выдано членамъ 717 ссудъ на сумму 13,366 тал., возвращено обществомъ капитала 3,521 тал., отдано процентовъ за капиталы — 267 тал., и проч. До 1852 года не пропало ни одной ссуды, хотя нѣкоторыя были возвращены обществу не въ срокъ; но этотъ по видимому очень благопріятный результатъ объясняется существованіемъ весьма стѣснительнаго правила, по которому ссуда свыше 5 талеровъ производится изъ эйленбургской кассы не иначе, какъ подъ ручательствомъ или даже подъ залогъ. Подобные результаты, достигнутые эйленбургскимъ обществомъ, внушили Шульце-Деличу желаніе преобразовать на подобныхъ же основаніяхъ и деличское общество, что и было исполнено имъ въ 1852 году; впослѣдствіи въ устройствѣ этого общества были сдѣланы еще различныя улучшенія. Такъ какъ большая часть существующихъ въ Германіи кредитныхъ ассоціацій также основаны по образцу деличской и эйленбургской, то мы займемся организаціей первой изъ этихъ ассоціацій, равнымъ образомъ какъ мы и при описаніи другихъ ассоціацій брали всегда за образецъ Деличскую. Но чтобы не останавливаться каждый разъ при встрѣчѣ съ какою нибудь статьею, которую мы не можемъ признать истинною и вѣрною, мы замѣтимъ предварительно, что мы находимъ весьма многіе недостатки въ организаціи общества подобнаго рода, въ особенности въ томъ, что касается *процентовъ* и *залоговъ*, требуемыхъ при выдачѣ обществомъ ссудъ и что мы также не можемъ согласиться весьма со многимъ изъ того, что Шульце-Деличъ говоритъ о кредитныхъ обществахъ. Но отложивши уже однажды критическую сторону вопроса до другой статьи, мы въ настоящемъ случаѣ ограничиваемся этимъ общимъ замѣчаніемъ, и переходимъ прямо къ фактической сторонѣ дѣла.

Цѣль общества доставлять каждому изъ членовъ подъ общимъ ихъ поручительствомъ необходимые для него денежные фонды; дѣятельность его распространяется только на членовъ общества, а посторонія лица, не принадлежащія къ его членамъ, не могутъ пользоваться кредитомъ изъ его кассы. Фондъ его образуется изъ вносовъ членовъ по 2 зильб. въ мѣсяцъ и изъ займовъ подъ общимъ поручительствомъ. Мѣсячные взносы остаются постоянно собственностью каждаго члена; изъ суммы образовавшейся отъ этихъ взносовъ 1 талеръ долженъ постоянно оставаться въ кассѣ общества, пока членъ совсѣмъ не выходитъ изъ него; если же за извѣстнымъ членомъ записано болѣе 1 талера, то онъ имѣетъ право считать этотъ излишекъ въ счетъ возвращаемой имъ ссуды. Если же за кѣмъ либо изъ членовъ записано въ кассѣ 5 талеровъ, образовавшихся изъ мѣсячныхъ взносовъ, и если изъ этой суммы не производится вычетовъ при возвра-

щеніи имъ ссудъ, то членъ этотъ освобождается отъ платежа дальнѣйшихъ мѣсячныхъ взносовъ; но при первомъ вычетѣ, который уменьшитъ эту сумму 5-ти талеровъ, мѣсячный взносъ возобновляется до тѣхъ поръ, пока не будетъ полныхъ 5 тал. Кромѣ этого мѣсячнаго взноса каждый членъ платитъ еще на расходъ по управленію общества, на возможныя потери отъ невозвращенія ссудъ, и на процентъ по занятымъ обществомъ капиталамъ еще слѣдующіе взносы: $2^1/_2$ зильб. единовременно, и по $2^1/_2$ зильб. ежегодно. Эти взносы идутъ безвозвратно въ пользу общества и плательщикъ не имѣетъ на нихъ никакого права; но если кто пробылъ три года членомъ общества, то онъ освобождается отъ дальнѣйшихъ платежей. Кромѣ этихъ взносовъ, требуемыхъ отъ каждаго члена, для тѣхъ же цѣлей назначаются еще *проценты* за выданныя ссуды, простирающіеся до 1 пфеннига въ недѣлю или до $4^1/_3$ зильбергрошей въ годъ и взимаемые впередъ, при выдачѣ ссуды на извѣстный срокъ. Половина этихъ процентовъ идетъ на покрытіе расходовъ по управленію; изъ остальной половины вычитаются сначала проценты по занятымъ капиталамъ; остатокъ, равно какъ и суммы, полученныя отъ единовременныхъ и годовыхъ взносовъ всѣхъ членовъ, идутъ на образованіе резервнаго фонда; какъ скоро резервный фондъ достигъ 200 талеровъ, суммы эти обращаются на образованіе дивиденда для членовъ и на погашеніе сдѣланныхъ обществомъ займовъ. Величина ссудъ зависитъ отъ денежнаго состоянія кассы, и опредѣляется комитетомъ общества. Но вообще принято за правило, что ссуды должны быть не менѣе *трехъ* и не болѣе *ста* талеровъ; если касса не можетъ удовлетворить всѣмъ требованіямъ, то старшіе члены общества имѣютъ преимущество передъ младшими, требующіе меньшихъ суммъ передъ тѣми, которые желаютъ получить большія суммы. Что касается до сроковъ возвращенія ссудъ, то вообще ссуды производятся не долѣе, какъ на три мѣсяца; но если ссуда возвращается постепенно раньше трехъ мѣсяцевъ, то окончательное возвращеніе ея можетъ быть произведено въ теченіи 15 недѣль; впрочемъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ допускаются и отсрочки въ уплатѣ ссуды. При выдачѣ кому нибудь ссуды, деличское общество считаетъ необходимымъ принять въ соображеніе двѣ вещи: во первыхъ, *желаніе должника* уплатить въ срокъ выданную ему ссуду (Zahlungswilligkeit), и во вторыхъ, *возможность* для него произвести эту уплату въ срокъ (Zahlungsfähigkeit). По этому отъ всякаго, который обращается къ обществу за ссудой требуется: 1-е, чтобы онъ былъ по крайней мѣрѣ три мѣсяца членомъ общества; 2-е, чтобы на немъ не лежало никакихъ обезчещивающихъ преступленій или пороковъ; 3-е, чтобы онъ не оказался несостоятельнымъ должникомъ по прежнимъ займамъ и не ввелъ бы никогда въ убы-

токъ поручителя своего. Эти три пункта касаются перваго условія исправной уплаты долга, желанія должника уплатить долгъ въ срокъ. Что касается до втораго условія — возможности, то въ уставѣ общества сказано, что ссуда можетъ производиться тому, чьи обстоятельства служатъ достаточнымъ ручательствомъ въ возвращеніи ссуды. При выдачѣ ссудъ не превышающихъ 10 талеровъ, комитетъ общества долженъ просто удостовѣриться черезъ двухъ надежныхъ лицъ, знакомыхъ съ положеніемъ дѣлъ просителя, не слишкомъ ли разстроены дѣла его, не находится ли онъ въ состояніи совершеннаго разоренія (въ такомъ случаѣ просьба о ссудѣ безусловно отвергается, и проситель предоставляется на попеченіе частной благотворительности, потому что, объясняетъ Шульце-Деличъ, кредитныя общества не имѣютъ цѣлью помогать разореннымъ, а должны только предохранять людей небогатыхъ отъ совершеннаго разоренія); но при ссудахъ, превышающихъ сумму 10 талеровъ, требуется представленіе поручителя, человѣка достаточно надежнаго, или же представленіе залога, равнаго по цѣнности величинѣ требуемой ссуды; для храненія залоговъ общество должно имѣть особое помѣщеніе и помѣщеніе это должно быть застраховано вмѣстѣ съ самими залогами. Кромѣ всѣхъ этихъ постановленій въ уставѣ деличскаго общества есть еще менѣе важныя и интересныя постановленія касательно системы управленія обществомъ, касательно обязанности выборнаго комитета, кассира и контролера общества, касательно почетныхъ членовъ общества, касательно прекращенія дѣятельности общества; но изложеніе этихъ подробностей завлекло бы насъ слишкомъ далеко; интересующіеся организаціей кредитныхъ обществъ могутъ найти самыя обстоятельныя свѣдѣнія о нихъ въ названной нами книгѣ Шульце-Делича Vorschussvereine и пр., а также въ его Associationsbuch etc, гдѣ они найдутъ подробности не только касательно устройства кредитныхъ обществъ, но и вообще касательно организаціи рабочихъ обществъ. Не смотря на многіе недостатки деличскаго общества (которые оно однако само понимало и исправляло при первой возможности; такъ проценты, назначенные по уставу въ $14^1/_3$ понижены были въ послѣдствіи до 8), дѣла его пошли довольно хорошо; въ первый годъ своей реорганизаціи, въ 1853 году оно имѣло 175 членовъ, 2067 тал. капитала (собственнаго и взятаго взаймы), и произвело ссудъ на 8,440 талеровъ; а уже въ 1861 году результатъ его дѣятельности представляетъ намъ слѣдующія цифры: оно имѣло 484 члена (при населеніи въ 6,000 съ небольшимъ жителей), ежемѣсячные взносы которыхъ составляли въ году сумму 968 талеровъ; оборотный капиталъ общества равнялся 24,815 талерамъ, въ томъ числѣ 7,927 талеровъ (почти $^1/_3$ всей суммы), составлявшихъ собственность членовъ и образовав-

шихся отъ накопленія ежемѣсячныхъ взносовъ и дивиденда; резервный фондъ равнялся 805 талерамъ; ссудъ произведено было на 81;700 талерамъ; чистый барышъ въ этомъ году равнялся 532 талерамъ, а дивидендъ, причитающійся на долю каждаго члена, равнялся $8^1/_3$ проц. той суммы, которая принадлежала самимъ членамъ общества.

Правда не всѣ германскія кредитныя ассоціаціи были во всемъ похожи на деличскую или эйленбургскую: однѣ изъ нихъ сохранили въ организаціи своей нѣкоторые признаки благотворительныхъ учрежденій — преимущественно въ Австріи; другія имѣютъ болѣе тѣсный характеръ сберегательныхъ кассъ; третьи наоборотъ, преимущественно въ большихъ городахъ, имѣютъ характеръ болѣе обширныхъ банковыхъ предпріятій, которыя даютъ болѣе значительнымъ промышленникамъ взаймы деньги по векселямъ, занимаются дисконтированіемъ векселей, и пр. Но большая часть существующихъ въ Германіи кредитныхъ ассоціацій была основана мелкими ремесленниками и рабочими, причемъ основатели ихъ брали себѣ болѣе или менѣе въ образецъ статуты эйленбургскаго или деличскаго обществъ. Вотъ какъ можно выразить въ общихъ чертахъ главныя основанія учрежденія всѣхъ этихъ обществъ (*): 1-е, тѣ, которые нуждаются въ ссудахъ являются сами основателями и управителями, т. е. членами кредитныхъ обществъ; 2-е, всѣ дѣла общества ведутся на коммерческихъ основаніяхъ, т. е. общество даетъ и беретъ проценты, удаляя всякое подобіе благотворительности; 3-е, или посредствомъ единовременныхъ взносовъ, или посредствомъ постепенныхъ взносовъ и приписки дивиденда, для каждаго члена образуются доли или паи въ общественномъ капиталѣ, и по этимъ паямъ распредѣляется участіе членовъ въ чистой прибыли; 4-е, необходимые сверхъ того посторонніе капиталы берутся заимообразно, подъ круговымъ ручательствомъ всѣхъ членовъ; 5-е, число членовъ неограничено; право вступленія въ общество принадлежитъ всякому, кто принимаетъ на себя извѣстныя обязательства; выходъ изъ нея также свободенъ, съ тѣмъ, чтобы выступающій членъ заблаговременно извѣстилъ общество о своемъ желаніи выйти изъ него.

Но въ первые годы послѣ образованія деличскаго общества, примѣръ его находилъ еще довольно мало послѣдователей, потому что самое дѣло было еще слишкомъ ново и незнакомо. Только въ 1856 г., послѣ того какъ Шульце-Деличъ въ своемъ сочиненіи Vorschuss vereine etc. съ одной стороны изложилъ самымъ тщательнымъ об-

(*) Der Arbeiterfreund, Zeitschrift des Centralvereins in Preussen, herausg. v. Brämer. 1863. Erstes Heft, S. 43 и 44; также Jahresbericht pro 1861, S. 19 и 20.

разомъ теорію образованія подобныхъ обществъ, съ другой стороны познакомилъ нѣмецкихъ рабочихъ съ благопріятными результатами сдѣланныхъ уже въ этомъ отношеніи опытовъ, дѣло быстро подвинулось впередъ. Въ концѣ 1855 года во всей Германіи было всего одинадцать обществъ, въ 1856 году — 26, а въ 1860 году уже около 257, въ 1861 около 364, а въ началѣ 1863 года уже отъ 440 до 450. Около половины всѣхъ этихъ обществъ приходится на долю Пруссіи; такъ изъ извѣстныхъ въ 1861 году 364 обществъ 188 приходилось на долю Пруссіи, затѣмъ 54 на долю саксонскаго королевства, 16 на долю небольшаго Нассаускаго герцогства, и только 15 на долю нѣмецкихъ провинцій Австріи; Баварія имѣла всего 6, а Виртембергъ 3 общества. Изъ извѣстныхъ въ 1861 году кредитныхъ обществъ 188 доставили свои годовые отчеты за этотъ годъ въ центральное бюро германскихъ ассоціацій. Изъ этихъ отчетовъ видно, что число членовъ всѣхъ 188 обществъ равнялась 48,760 (среднимъ числомъ по 260 чел. на каждое общество), которые имѣли собственнаго капитала въ кассахъ общества около 800,000 талеровъ; что оборотный капиталъ всѣхъ этихъ обществъ равнялся 5,556,000 талеровъ, изъ которыхъ 2,650,000 занято у самихъ членовъ общества, 1,980,000 талеровъ у постороннихъ лицъ, и 907,000 тал. собственнаго капитала, въ томъ числѣ 107 т. тал. резервнаго фонда; что ссудъ роздано этими обществами (отъ $4^1/_2$—$14^1/_3$ проц.), на сумму 16,876,000 талеровъ, и что за нихъ получено 312,000 талеровъ проц.; что расходы по администраціи обществъ простирались до 73,000 талеровъ (около 370 тал. на каждое), по уплатѣ процентовъ, до 163,000 тал. и что за тѣмъ чистый барышъ обществъ равнялся 78,055 (отъ $2^2/_3$ — $66^2/_3$ % съ собственнаго капитала членовъ обществъ); наконецъ мы узнаемъ изъ этихъ отчетовъ, что потеря этихъ обществъ въ невозвращенныхъ ссудахъ равнялась 13,085 тал. Если вспомнить, что эти цифры представляютъ результатъ дѣятельности только 188 обществъ, между тѣмъ какъ въ началѣ 1863 года ихъ существовало до 450, то можно себѣ представить, что мы получили бы весьма почтенныя цифры, если бы намъ была извѣстна дѣятельность всѣхъ 450 обществъ.

Сообщивши о результатахъ дѣятельности тѣхъ кредитныхъ обществъ, которыя основаны на принципахъ, имъ проповѣдуемыхъ, т. е. тѣхъ обществъ, которыя сами составили свои капиталы, берутъ за нихъ проценты и требуютъ, при выдачѣ ссудъ, залоговъ и поручительствъ, Шульце-Деличъ упоминаетъ также въ своихъ отчетахъ о тѣхъ учрежденіяхъ, которыя принимали въ основаніе своего устройства правила, признанныя имъ за непрочныя и нераціональныя. Мы узнаемъ изъ отчета за 1860 годъ, что въ этомъ году въ одномъ Берлинѣ существовали 43 ссудныя кассы, основанныя помяну-

тымъ нами центральнымъ обществомъ для развитія благосостоянія рабочихъ классовъ; капиталъ этихъ кассъ составился почти исключительно изъ необязательныхъ взносовъ и пожертвованій, и ссуды выдавались безпроцентно или за самый ничтожный процентъ. Въ началѣ 1860 года капиталъ этихъ кассъ равнялся 72,754 тал., а въ концѣ года — 76,377 тал.; ссудъ произведено было въ этомъ году на 93,772 тал., а 194 талера выдано въ видѣ безвозвратныхъ, единовременныхъ пособій; потеря кассъ въ невозвращенныхъ ссудахъ равнялась 1,276 талерамъ. Приведя эти цифры, Шульце-Деличъ видитъ въ незначительности самаго капитала кассъ, въ незначительности оборотовъ ихъ (капиталъ кассъ обернулся не много болѣе одного раза, между тѣмъ какъ въ обществахъ, основанныхъ по системѣ Шульце-Делича, онъ оборачивается болѣе трехъ разъ), наконецъ въ сравнительной величинѣ потерь ихъ, лучшее доказательство тому, что система, на которой онѣ основаны, не раціональна, что безъ значительныхъ процентовъ нельзя обойтись, и пр. Но мы полагаемъ, что его выводы не совсѣмъ основательны, во первыхъ потому, что дѣло берлинскихъ кассъ могло идти дурно отъ неумѣнія вести его; а во вторыхъ, неуспѣхъ этотъ доказываетъ главнымъ образомъ только то, что самое общество не проникнулось еще идеей о возможности, даже о необходимости кредита безъ процентовъ, и что пока оно не проникнется этой идеей и не найдетъ возможности обходиться безъ процентовъ, до тѣхъ поръ, конечно, капиталы будутъ стекаться скорѣе туда, гдѣ за нихъ получается процентъ (до $14^1/_3$), нежели туда, гдѣ они не приносятъ ничего. Вотъ все, что по нашему мнѣнію вытекаетъ изъ тѣхъ данныхъ, въ которыхъ Шульце-Деличъ видитъ торжество своей системы.

Вотъ главные результаты дѣятельности различнаго рода обществъ, основанныхъ въ различныхъ мѣстахъ Германіи, большею частью по мысли, по системѣ, а частію даже и при дѣятельномъ соучастіи Шульце-Делича. Но дѣятедьность его не ограничивается только этимъ, и онъ не довольствуется тѣмъ, что въ разныхъ углахъ Германіи образуются ассоціаціи, руководствующіяся его принципами. Напротивъ, по мѣрѣ того какъ эти ассоціаціи распространяются, дѣятельность его на пользу рабочихъ принимаетъ все болѣе и болѣе обширные размѣры. Читатель легко убѣдится въ этомъ изъ нашего дальнѣйшаго изложенія.

7.

Центральное бюро ассоціацій рабочихъ. Вопросъ объ отношеніи ассоціацій къ государству и къ законодательству. Вопросъ объ отно-

шеніи ихъ къ германскому «Національному Обществу» (Nationalverein). Сильное развитіе, которое въ послѣдніе годы приняли въ Германіи различнаго вида ассоціаціи, произошло въ значительной степени отъ того, что благодаря въ особенности стараніямъ Шульце-Делича, результатамъ дѣятельности ихъ придана была большая гласность, возбужденъ былъ общій интересъ къ образованію ихъ, и отдѣльнымъ обществамъ, какъ уже существующимъ, такъ и вновь образующимся, дана была возможность пользоваться опытами и свѣдѣніями, пріобрѣтенными другими обществами. Прежде всего Шульце-Деличу удалось заинтересовать въ пользу того дѣла, которому онъ посвятилъ столько заботъ и трудовъ, главнѣйшіе органы нѣмецкой прессы, которые печатали его отчеты, и такимъ образомъ возбуждали вниманіе общества и возбуждали въ немъ интересъ къ этой сторонѣ дѣятельности рабочихъ. Въ 1858 году ему удалось устроить конгрессъ нѣмецкихъ экономистовъ въ Готѣ; на этомъ конгрессѣ весьма многими знатоками экономической жизни и экономическихъ потребностей нѣмецкаго народа, какъ теоретиками, такъ и практиками, признана была основательность принциповъ ассоціацій, проповѣдываемыхъ Шульце-Деличемъ. Однимъ изъ первыхъ послѣдствій этого конгресса, по свидѣтельству Шульце-Делича, было то, что въ обществѣ еще болѣе укрѣпилось хорошее мнѣніе объ этихъ обществахъ и довѣріе къ нимъ, что имѣло немаловажное вліяніе на общественное положеніе и на увеличеніе кредита ихъ. «Сознаніе собственнаго достоинства и своего значенія замѣтно поднялось въ нихъ, говоритъ онъ, и повело къ тому, что уже въ 1859 году мнѣ сдѣланы были отъ многихъ членовъ обществъ предложенія о томъ, чтобы созвать общій съѣздъ рабочихъ (Vereinstag), на которомъ депутаты отъ различныхъ обществъ обсуживали бы общіе свои интересы, обмѣнивались бы сдѣланными ими замѣчаніями и опытами, и принимали бы общія мѣры и постановленія на будущее время». Первый съѣздъ рабочихъ состоялся въ 1859 году въ Веймарѣ, второй въ 1860 г. въ Готѣ, третій въ 1861 году въ Галле, а четвертый въ 1862 году въ Потсдамѣ. На первыхъ двухъ съѣздахъ являлись депутаты только отъ кредитныхъ и ссудныхъ обществъ, но уже въ 1861 году на съѣздъ въ Галле явились и представители спеціальныхъ обществъ рабочихъ по ремесламъ. Впослѣдствіи рабочіе сообразили, что съ распространеніемъ обществъ по лицу всей Германіи, не всѣмъ одинаково удобно будетъ посылать своихъ депутатовъ на общій съѣздъ, потому что это было бы сопряжено для депутатовъ общества, отдаленныхъ отъ мѣста съѣзда, съ немалою потерею времени и съ значительными издержками. Поэтому они рѣшили, что не мѣшало бы основать болѣе ограниченные съѣзды представителей общества по отдѣльнымъ странамъ и провинціямъ, но съ

тѣмъ, чтобы всѣ эти *мѣстные* съѣзды находились въ связи съ общимъ съѣздомъ. Первый изъ подобныхъ мѣстныхъ съѣздовъ произошелъ въ 1860 году между представителями обществъ Саксонскаго королевства; ихъ примѣру послѣдовали вскорѣ послѣ того общества Вестфаліи, прирейнской Пруссіи, Силезіи и пр. Однимъ изъ первыхъ рѣшеній, принятыхъ общими съѣздами рабочихъ, было учрежденіе *Центральнаго бюро рабочихъ ассоціацій*, котораго назначеніе состояло въ томъ, чтобы еще болѣе развить дѣятельность этихъ обществъ, сблизить ихъ и служить посредникомъ въ сношеніяхъ ихъ между собою. Когда мысль о подобномъ бюро явилась у различныхъ обществъ, они обратились къ Шульце-Деличу съ просьбою приняться за осуществленіе ея и взять на себя обязанность директора его (конечно за извѣстное вознагражденіе), на что Шульце-Деличъ охотно согласился. Вотъ какимъ образомъ съѣздъ рабочихъ въ Галле (1861 г.) опредѣлилъ цѣль и назначеніе бюро и отношенія отдѣльныхъ обществъ къ этому бюро (*). 1) Всякое общество рабочихъ имѣетъ право приступить къ центральному бюро; комитетъ этого общества увѣдомляетъ только объ этомъ желаніи г. директора бюро и присылаетъ къ нему копію съ постановленія общаго собранія всѣхъ членовъ общества, въ которомъ изъявляется это желаніе. 2) Бюро принимаетъ на себя слѣдующія обязательства относительно приступившихъ къ нему обществъ: a) оно вообще служитъ представителемъ этихъ обществъ и защищаетъ ихъ интересы въ прессѣ, на экономическихъ конгрессахъ, въ общественной жизни, и въ особенности по отношенію къ законодательству отдѣльныхъ нѣмецкихъ государствъ; b) бюро обязано подавать совѣты, отвѣчать на дѣлаемые ему вопросы и давать требуемыя отъ него справки, какъ тѣмъ обществамъ, которыя уже существуютъ, такъ и въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ дѣло только что идетъ объ образованіи новыхъ обществъ; c) бюро должно служить посредникомъ между различными обществами въ тѣхъ случаяхъ, когда они желаютъ сообщить другъ другу сдѣланные опыты и полученные результаты, когда они желаютъ вступить другъ съ другомъ въ какія нибудь сношенія по дѣламъ, равнымъ образомъ и когда они желаютъ въ виду общихъ интересовъ дѣйствовать соединенными силами и средствами; d) оно облегчаетъ обществамъ возможность добывать въ кредитъ деньги, или указывая имъ на банкировъ, у которыхъ они могутъ получить взаймы деньги, или указывая имъ на другія ассоціаціи, у которыхъ могутъ быть свободные капиталы. 3)

(*) Vorschuss-und Kreditvereine als Volksbanken, von Schulze-Delitzsch. Dritte Ausgabe. Leipzig. 1862. S. 162—164.

Съ своей стороны всякое общество, приступившее къ центральному бюро, обязано: a) вносить ежегодно по заключеніи годовыхъ счетовъ 2% чистой прибыли на содержаніе бюро; однако взносъ этотъ долженъ быть не менѣе 2 талеровъ (значитъ тѣ общества, у которыхъ чистая прибыль не достигла 100 талеровъ, платятъ все-таки 2 талера, т. е. болѣе 2%), и не болѣе 30 талеровъ (такъ что общества у которыхъ чистая прибыль превышаетъ сумму 1500 талеровъ, платятъ менѣе 2%); b) выписывать по крайней мѣрѣ по одному экземпляру періодическаго изданія: Die Innung der Zukunft органа центральнаго бюро. Кромѣ этихъ общихъ обязательствъ, то общество, которое занимаетъ черезъ посредство бюро у другихъ ассоціацій деньги, обязано еще c) вносить въ пользу бюро $^1/_{10}$% занимаемой суммы; при этомъ опредѣляется также, что каждое общество, которое обращается въ бюро для полученія взаймы денегъ, обязано представить при этомъ свой уставъ, списокъ своихъ членовъ и отчетъ о состояніи своей кассы, о доходахъ и расходахъ своихъ, а то общество, которое даетъ взаймы деньги, не должно брать болѣе 5%. Наконецъ 4) общества, приступившія къ бюро, могутъ производить черезъ его посредство переводы счетовъ съ уплатою $^1/_6$%, черезъ что выигрываются расходы на пересылку денегъ и лишнихъ писемъ по почтѣ. Хотя начало учрежденія этого бюро относится собственно только къ концу 1860 и и къ началу 1861 г., однако уже въ началѣ 1863 г. къ нему приступило не менѣе 239 обществъ (210 кредитныхъ, 28 обществъ для доставленія рабочимъ сырья, и одно для доставленія рабочимъ жизненныхъ потребностей); эти общества внесли въ 1862 г. въ кассу бюро около 1000 талеровъ, изъ которыхъ почти 400 пошли на разные расходы бюро, а 600 талеровъ съ небольшимъ остались въ пользу директора бюро.

Однимъ изъ результатовъ развитія нѣмецкихъ рабочихъ обществъ было то, что они почувствовали потребность имѣть свой собственный органъ. Еще въ 1854 году Шульце-Деличъ убѣдилъ редактора выходившей въ Берлинѣ нѣмецкой ремесленной газеты посвятить особый отдѣлъ своей газеты вопросу объ ассоціаціяхъ и назвать его: Die Innung der Zukunft (собственно ремесленные союзы, цехи будущности). Но такъ какъ изданіе листка въ этомъ видѣ представляло большія неудобства, то въ 1861 году при увеличивавшемся постоянно матеріалѣ и числѣ подписчиковъ, Шульце-Деличъ нашелъ возможнымъ отдѣлить это изданіе отъ изданія ремесленной газеты и сдѣлать изъ него самостоятельное ежемѣсячное изданіе, оставивъ ему то же самое заглавіе: Die Innung der Zukunft. Съ того времени эта газета является спеціальнымъ органомъ центральнаго бюро и нѣмецкихъ ассоціацій вообще; она имѣетъ цѣлью обсуждать всѣ вопросы по организаціи обществъ и изъискивать все то, чего требуютъ интересы

ихъ. Она выходитъ по одному разу въ мѣсяцъ нумерами въ одинъ листъ, и кромѣ того каждые три мѣсяца выдается по одному прибавленію въ листъ или въ полтора, такъ что подписчикъ получаетъ въ годъ 16—19 листовъ; подписная цѣна на эту газету составляетъ $1^1/_3$ тал.

Въ какихъ значительныхъ размѣрахъ центральное бюро производитъ полезную свою дѣятельность, можно видѣть изъ того, что въ іюнѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года, стараніями Шульце-Делица, составилось въ Германіи общество для доставленія рабочимъ обществамъ необходимыхъ для нихъ капиталовъ за небольшіе проценты. Въ Берлинѣ въ нѣсколько дней явилось достаточное количество лицъ, подписавшихся на снабженіе необходимыми капиталами обществъ сѣверной Германіи. Что касается до обществъ центральной и южной Германіи, гдѣ они вообще менѣе распространены, то по увѣренію французскаго корреспондента Indépendance Belge, банкъ Мейнингена, главная контора котораго находится во Франкфуртѣ, назначилъ 4 милліона талеровъ для доставленія необходимыхъ капиталовъ ассоціаціямъ въ центрѣ и на югѣ Германіи. Тѣ общества, которыя желаютъ получить взаймы капиталъ, должны по прежнему обращаться въ центральное бюро. Не подлежитъ сомнѣнію, что этотъ новый шагъ Шульце-Делича дастъ сильный толчекъ распространенію въ Германіи, и въ особенности въ южной части ея, рабочихъ обществъ.

Однимъ изъ весьма важныхъ вопросовъ для существованія и дальнѣйшаго развитія нѣмецкихъ обществъ, вопросомъ, на который Шульце-Деличъ начиная съ 1859 года обращаетъ постоянно особенное вниманіе, есть вопросъ объ отношеніи обществъ къ законодательству, о положеніи ихъ въ обществѣ по отношенію къ общественному, государственному и къ частному праву. Шульце-Деличъ сообщаетъ въ своихъ отчетахъ, что касательно отношенія ассоціацій къ государству, онъ, късожалѣнію, не можетъ сообщить такихъ же благопріятныхъ извѣстій, какъ о всемъ другомъ, ихъ касающемся. Онъ говоритъ, что въ этомъ случаѣ ему приходится говорить о стѣсненіяхъ, о попыткахъ полицейскихъ начальствъ переступить предоставленное имъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ право наблюденія за обществами, и вообще о весьма непрочномъ положеніи обществъ относительно государственныхъ властей. Это тѣмъ болѣе странно, замѣчаетъ онъ, что отдѣльныя германскія правительства могли бы найти весьма уважительный поводъ къ оказанію обществамъ всякаго покровительства, потому что онѣ имѣютъ характеръ консервативныхъ учрежденій, противодѣйствующихъ разрушительнымъ ученіямъ нѣкоторыхъ соціалистическихъ школъ; но между тѣмъ иныя правительства не только не способствовали развитію ихъ, а напротивъ дѣлали путемъ законо-

дательства различныя попытки, которыя угрожали опасностью самому существованію ихъ. Такъ, напримѣръ, въ 1855 году при министерствѣ Раумеръ-Вестфаленъ въ Пруссіи вышло постановленіе о томъ, чтобы при основаніи общества требовалось разрѣшеніе провинціальныхъ властей; слѣдствіемъ этого было то, что власти эти имѣли возможность вліять на общества сообразно съ политическимъ направленіемъ, господствовавшимъ между основателями и членами его, и нѣкоторыя изъ нихъ были даже просто закрыты. Но такъ какъ во всѣхъ спорныхъ вопросахъ рѣшенія суда оказывались всегда въ пользу обществъ, то это постановленіе было отмѣнено уже 15 ноября 1856 года. Равнымъ образомъ не имѣла успѣха попытка подчинить ссудныя кассы контролю мѣстныхъ начальствъ; а 29 сентября 1862 года опубликовано было постановленіе прусскаго министерства о томъ, что только тѣ учрежденія подчинены верховному наблюденію государства, которыя могутъ быть основаны не иначе, какъ съ его разрѣшенія, а рабочія общества не подходятъ подъ эту категорію. Только въ Вестфаліи нѣкоторыя общества добровольно подчинили себя контролю властей, да въ Австріи и Ганноверѣ требуется разрѣшеніе мѣстнаго начальства при основаніи ассоціацій.

Но если положеніе рабочихъ обществъ по отношенію ихъ къ государственной власти является еще въ неслишкомъ невыгодномъ свѣтѣ, то и положеніе ихъ въ отношеніи частнаго права очень неопредѣленно и сомнительно. Эта неопредѣленность правъ ихъ касательно владѣнія имѣніями и веденія дѣлъ передъ судомъ происходитъ отъ того, что гражданское законодательство въ Германіи при постановленіи законовъ касательно правъ различныхъ обществъ, было совершенно незнакомо съ обществами этого рода, и поэтому не могло сдѣлать касательно нихъ никакихъ опредѣленій; а когда въ послѣднее время изданъ былъ всеобщій нѣмецкій торговый кодексъ, то въ немъ не обращено было ни малѣйшаго вниманія на ассоціаціи рабочихъ, существовавшія въ то время уже въ довольно значительномъ числѣ. А между тѣмъ ассоціаціи эти не подходятъ подъ законодательство объ акціонерныхъ обществахъ и товариществахъ на паяхъ. — Во первыхъ, въ обществахъ этого рода число членовъ болѣе или менѣе опредѣленно и ограничено (въ акціонерныхъ обществахъ числомъ акцій); между тѣмъ какъ въ обществахъ рабочихъ приливъ и отливъ членовъ совершенно неограниченъ. Во вторыхъ, дѣятельность перваго рода обществъ имѣетъ преимущественно въ виду публику, и они приходятъ въ самыя тѣсныя отношенія къ публикѣ: дѣятельность же рабочихъ ассоціацій болѣе внутренняя, ограничивается больше членами своего собственнаго кружка. Съ другой стороны рабочія общества не подходятъ также подъ существующую въ различныхъ государствахъ

категорію частныхъ обществъ, извѣстную подъ именемъ корпорацій. Поэтому имъ приходится встрѣчаться съ большими затрудненіями при предъявленіи гражданскихъ правъ своихъ, въ особенности когда имъ приходится легитимизировать свою собственность, и вообще доказывать свое право собственности или передавать его другому. При отсутствіи твердыхъ, спеціально примѣняющихся къ нимъ гражданскихъ законовъ, ихъ положеніе зависитъ въ значительной степени отъ измѣнчивости взгляда судовъ, нерѣдко отъ доброй воли противной стороны, и они принуждены часто прибѣгать для доказательства своихъ правъ къ различнымъ окольнымъ путямъ, что сопряжено съ различными опасностями, затрудненіями и издержками. Общества могли отчасти выйти изъ подобнаго положенія, воспользовавшись тѣмъ, что нѣкоторыя изъ германскихъ правительствъ, какъ напримѣръ саксонское, мекленбургское и др., предлагали обществамъ дать имъ права корпорацій; но такъ какъ съ полученіемъ этихъ правъ соединены были контроль и вмѣшательство правительствъ въ дѣла обществъ, то большая часть изъ нихъ отказалась отъ предлагаемыхъ имъ правъ. Немудрено, что всѣ эти обстоятельства обратили на себя вниманіе Шульце-Делича, принимавшаго такое дѣятельное участіе въ судьбѣ этихъ учрежденій. Еще въ 1859 году онъ выработалъ проектъ закона для легитимаціи обществъ, для опредѣленія ихъ правъ собственности и для облегченія имъ веденія процессовъ. Въ этомъ проектѣ имѣлось въ виду достигнуть «признанія государствами уставовъ и полномочій обществъ; признаніе это должно происходить со стороны мѣстныхъ властей, послѣ того какъ общество съ своей стороны опредѣлитъ въ своемъ уставѣ, какія оно даетъ гарантіи самимъ властямъ и кредиторамъ своимъ, и обяжется опубликовывать свои отчеты». Этотъ проектъ былъ одобренъ еще въ 1859 году кельнскимъ съѣздомъ нѣмецкихъ экономистовъ, а въ 1860 году общимъ съѣздомъ рабочихъ въ Готѣ. Но изъ правительствъ ни одно еще не одобрило его: правда, саксонская палата депутатовъ еще въ 1860 г. занималась его разсмотрѣніемъ, но утвержденія его еще до сихъ поръ не послѣдовало. Въ 1861 году Шульце-Деличъ хотѣлъ внести этотъ проектъ на разсмотрѣніе въ прусскую палату, но въ то самое время изданъ былъ вышеупомянутый всеобщій нѣмецкій торговый кодексъ, дѣйствіе котораго прусскія начальства хотѣли распространить и на рабочія общества, отчего юридическое положеніе этихъ послѣднихъ не только не улучшилось, но скорѣе еще ухудшилось. Этотъ кодексъ не можетъ быть примѣненъ къ тѣмъ обществамъ, которыя ограничиваютъ свою дѣятельность кругомъ своихъ собственныхъ членовъ; они не принадлежатъ къ торговымъ обществамъ, потому что не только не производятъ торговли, но не занимаются даже фабрикаціей пред-

метовъ *сообща*; поэтому по рѣшенію самихъ прусскихъ начальствъ съ нихъ не слѣдуетъ взыскивать даже налога за производство ремесла. Но за то тѣ изъ обществъ, которыя не ограничиваютъ свою дѣятельность потребностями своихъ членовъ, и поэтому подходятъ подъ категорію торговыхъ обществъ, должны сообразно съ постановленіями торговаго кодекса, подъ опасеніемъ наказанія, исполнять то, чего кодексъ требуетъ отъ торговыхъ обществъ, что часто бываетъ соединено съ большими для нихъ затрудненіями: такъ они должны вести дѣло подъ одной общей фирмой, подавать коммерческимъ судамъ списки всѣхъ своихъ членовъ и давать имъ знать о всякомъ измѣненіи, происходящемъ въ составѣ ихъ общества, что бываетъ очень затруднительно при безпрерывныхъ вступленіяхъ членовъ въ общество и выходахъ ихъ. Для того чтобы избѣгнуть всѣхъ этихъ затрудненій, Шульце-Деличъ въ 1861 году передѣлалъ свой первоначальный проектъ закона объ ассоціаціяхъ, стараясь придерживаться въ этомъ новомъ проектѣ какъ можно ближе постановленій торговаго кодекса и отступая отъ нихъ только въ немногихъ, крайнихъ случаяхъ; и дѣйствительно, этотъ вопросъ рѣшенъ совершенно въ духѣ торговаго кодекса, а именно въ отношеніи къ отвѣтственности обществъ за сдѣланные ими займы. Хотя Шульце-Деличъ при выработкѣ своего проекта имѣлъ преимущественно въ виду прусскіе законы, однако такъ какъ онъ при этомъ старался придерживаться духа и даже по возможности буквы всеобщаго нѣмецкаго торговаго кодекса, то онъ и полагаетъ, что законъ этотъ можно будетъ примѣнить и къ обществамъ другихъ нѣмецкихъ государствъ, сдѣлавши въ немъ, конечно, небольшія измѣненія сообразно съ мѣстнымъ законодательствомъ отдѣльныхъ государствъ. Проектъ этотъ состоитъ изъ введенія и *шести* главъ: въ 1-й главѣ рѣчь идетъ объ устройствѣ обществъ и объ общихъ постановленіяхъ касательно нихъ; во 2-й главѣ—объ юридическихъ отношеніяхъ членовъ обществъ между собою и къ третьимъ лицамъ; въ 3-й—объ управленіи обществами; въ 4-й—о распущеніи обществъ; въ 5-й — о ликвидаціи дѣлъ обществъ, и наконецъ въ 6-й—о жалобахъ на членовъ обществъ (*).

Въ такомъ видѣ этотъ проектъ представленъ былъ Шульце-Деличемъ въ началѣ нынѣшняго года на обсужденіе прусской палаты депутатовъ, которая назначила изъ своей среды комиссію для разсмотрѣнія его. Вотъ какъ одна берлинская газета сообщаетъ о занятіяхъ

(*) Тѣ, которые захотѣли бы познакомиться въ подробности съ этимъ проектомъ, могутъ найти полный текстъ его въ Jahresbericht pro 1861, Beilage A. S. 45—86.

этой коммиссіи и о судьбѣ самаго проекта: «Коммиссія эта имѣла первое засѣданіе свое только во вторникъ, 14 апрѣля, такъ какъ министерство потребовало прежде отсрочки, для того чтобы лучше ознакомиться съ дѣломъ и затѣмъ дѣйствовать сообразно съ обстоятельствами. Въ коммиссіи дѣйствительно присутствовали коммиссары министерствъ внутреннихъ дѣлъ и торговли, а при началѣ перваго засѣданія коммиссіи въ ней присутствовалъ самъ министръ торговли. Авторъ проекта сдѣлалъ сначала бѣглый обзоръ развитія ассоціаціонной системы, которая началась лѣтъ 12 тому назадъ едва замѣтнымъ образомъ, а теперь достигла уже весьма значительныхъ размѣровъ и получила важное значеніе: такъ по словамъ его годовой отчетъ дѣятельности различнаго рода ассоціацій за 1862 годъ показываетъ, что онѣ всѣ вмѣстѣ производили въ этомъ году оборотовъ болѣе нежели на 32 милліона талеровъ. Затѣмъ ораторъ распространился о существенныхъ чертахъ главнаго вида ассоціацій — кредитныхъ обществъ, обществъ для доставленія рабочимъ сырья и жизненныхъ припасовъ, и упомянулъ также о великомъ экономическомъ, политическомъ и нравственномъ ихъ значеніи. Представитель министерства (г. Зельховъ, министръ торговли) прочелъ тогда письменное изложеніе, въ которомъ министерство объявляетъ, что оно находитъ настоящее время неудобнымъ для обсужденія и окончательнаго разрѣшенія этого вопроса, и что оно не можетъ также одобрить формы, въ которую авторъ облекъ проектъ свой, потому что при этомъ недостаточно соблюдены постановленія торговаго кодекса (?). Въ этомъ объявленіи своемъ министерство изъявляло признательность свою Шульце-Деличу за участіе его въ этомъ дѣлѣ, признавало важность этого вопроса и обѣщалось представить въ будущую сессію свой проектъ закона объ этомъ предметѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ оно объявило, что когда оно будетъ заниматься выработкою этого проекта, оно съ величайшею охотою воспользуется извѣстною опытностью г. Шульце во всемъ, что касается этого вопроса. Не смотря на подобное объявленіе, коммиссія начала однако же свои труды, и коммиссары правительства также продолжали присутствовать при ея занятіяхъ, не принимая однакоже участія въ дальнѣйшихъ преніяхъ. Нѣкоторыя замѣчанія въ объявленіи министерства способны были внушить предположеніе, будто оно намѣрено при будущей организаціи обществъ ввести въ какой нибудь формѣ надзоръ или опеку надъ ними государства. Противъ этого авторъ проекта энергически протестовалъ, замѣтивши, что общества лучше совсѣмъ откажутся отъ всякаго закона, нежели допустятъ подобное вмѣшательство. При этомъ онъ упомянулъ и о своемъ личномъ отношеніи къ ассоціаціямъ, которое даетъ ему обильный запасъ опытовъ по всему, что касается устройства ихъ, и о томъ, что

этотъ запасъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе увеличивается; онъ замѣтилъ также, что онъ посвятилъ всю свою дѣятельность устройству, управленію обществъ, совѣщаніямъ по дѣламъ, касающимся ихъ, и что онъ обязался даже передъ ними не принимать на себя никакой государственной должности, ни веденія какого либо частнаго, промышленнаго предпріятія. Докладчикомъ по этому закону назначенъ Парризіусъ. Онъ предложилъ нѣсколько незначительныхъ измѣненій въ проектѣ — большею частію относительно формы, — и Шульце-Деличъ почти тотчасъ же согласился съ большею частію изъ нихъ. При обсужденіи вопроса оказалось, что по самой новизнѣ дѣла и тѣхъ отношеній, которыя законъ долженъ былъ опредѣлить, дѣло подвигалось очень медленно впередъ; въ особенности долго члены коммиссіи останавливались на обсужденіи первыхъ параграфовъ, въ которыхъ заключается вся сущность вопроса. Впрочемъ можно надѣяться, что въ теченіи двухъ недѣль трудъ этотъ будетъ оконченъ, и что при томъ рвеніи, съ которымъ Парризіусъ занимается своимъ дѣломъ, докладъ тоже будетъ составленъ вскорѣ послѣ окончанія разсмотрѣнія проекта». Но вслѣдствіе происшедшаго въ маѣ мѣсяцѣ столкновенія министерства съ палатой, и вслѣдствіе послѣдовавшаго затѣмъ преждевременнаго закрытія палаты, проектъ закона этого и въ настоящую сессію не успѣлъ поступить на обсужденіе палаты. Но 24 іюня нынѣшняго года, въ оффиціальной берлинской газетѣ «Staatsanzeiger» напечатано было сообщеніе, касающееся этого предмета. Въ этомъ сообщеніи сказано было, что въ прошедшую сессію представленъ былъ въ палату проектъ закона объ ассоціаціяхъ, имѣющій такую-то цѣль; причемъ прибавлено было, что министерство повторяетъ свое тогдашнее заявленіе о важномъ значеніи ассоціаціонной системы и о пользѣ закона, опредѣляющаго права ассоціацій въ государствѣ. «Чтобы приступить къ осуществленію этой мысли, сказано было далѣе въ оффиціальной газетѣ, г. министръ торговли разослалъ недавно циркуляръ ко всѣмъ провинціальнымъ начальствамъ, въ которомъ онъ приглашаетъ ихъ собрать и доставить къ нему какъ можно болѣе подробныхъ статистическихъ свѣдѣній о распространеніи и положеніи различнаго рода обществъ, а также сообщить свое мнѣніе о степени полезности ихъ для извѣстнаго края, о мѣрахъ къ распространенію ихъ и къ отстраненію препятствій, останавливающихъ еще ихъ развитіе. Подобное приглашеніе сдѣлано было также нѣкоторымъ частнымъ лицамъ, занимавшимся организаціей обществъ изъ любви къ самому дѣлу». Какихъ еще свѣдѣній нужно министерству, послѣ тѣхъ богатыхъ свѣдѣній, которыя заключаются въ сочиненіяхъ Шульце-Делича, составляющихъ цѣлую литературу по этому вопросу, и почему оно сочло нуж-

нымъ начать спачала дѣло выработки закона, когда существуетъ такой зрѣло обдуманный проектъ закона, какъ проектъ Шульце-Делича, совершенно исчерпывающій весь вопросъ — это конечно трудно объяснить.

Извѣстно, что въ Германіи существуетъ такъ называемое «Національное общество» (Nationalverein). Этотъ Nationalverein имѣетъ отъ времени до времени въ разныхъ мѣстахъ Германіи засѣданія, въ которыхъ толкуется о средствахъ къ достиженію этой цѣли. Въ одномъ изъ подобныхъ засѣданій, происходившемъ въ началѣ нынѣшняго года въ Лейпцигѣ, и на которомъ присутствовалъ также Шульце-Деличъ, былъ между прочимъ поднятъ вопросъ о томъ, въ какое положеніе національное общество должно стать относительно рабочихъ классовъ Германіи. На это Шульце-Деличъ замѣтилъ, что конечно Nationalverein долженъ обратить особенное вниманіе и искать главную для себя опору въ томъ сословіи, которое можно считать главнымъ хранителемъ и разсадникомъ настоящей культуры, т. е. въ среднемъ сословіи, а слѣдовательно и въ сословіи рабочихъ. Что же касается до участія рабочихъ въ дѣятельности самого Verein'a, то тутъ слѣдуетъ дѣлать различіе между зажиточнымъ рабочимъ и бѣднымъ. Первый изъ нихъ можетъ конечно помогать національному обществу по мѣрѣ силъ и возможности также и денежными средствами; но послѣдній безъ сомнѣнія поступитъ несравненно лучше и патріотичнѣе, если онъ не отдастъ небольшихъ трудовыхъ крохъ своихъ, оставшихся въ его распоряженіи послѣ удовлетворенія главныхъ жизненныхъ потребностей, въ распоряженіе Nationalverein'a, а употребитъ ихъ на доставленіе себѣ какихъ нибудь средствъ къ образованію, или на обезпеченіе своего положенія въ будущемъ; черезъ это онъ способствуетъ къ поднятію рабочаго и вообще средняго класса, и содѣйствуетъ образованію здороваго зерна, изъ котораго можетъ развиться германское единство.

Въ заключеніе мы приведемъ еще одинъ фактъ, который показываетъ очень хорошо, до какихъ мелочей Шульце-Деличъ входитъ въ интересы рабочаго класса, и какъ онъ заботится обо всемъ, что можетъ нѣсколько облегчить существованіе работника. Этотъ фактъ также отчасти поможетъ намъ понять ту громадную популярность, которою Шульце-Деличъ пользуется между рабочимъ классомъ. Нынѣшнимъ лѣтомъ, въ одно изъ засѣданій берлинскаго рабочаго общества (происходящихъ всегда по воскресеньямъ), въ которомъ Шульце-Деличъ говорилъ одну изъ своихъ популярныхъ рѣчей, и объяснялъ рабочимъ какой-то вопросъ, касающійся обществъ, онъ вдругъ обратился къ слушателямъ своимъ съ подобнымъ приглашеніемъ: «Теперь, господа, я намѣренъ коснуться еще одного вопроса. Чело-

нѣкъ не можетъ жить однимъ только трудомъ; онъ чувствуетъ иногда потребность отдохнуть и освѣжиться. Вотъ мнѣ и пришло на умъ, какъ хорошо бы было, еслибы мы съ вами могли когда нибудь встрѣтиться и поболтать по пріятельски, не касаясь никакихъ политическихъ и соціальныхъ вопросовъ. Поэтому я предлагаю вамъ, господа, соберитесь-ка въ Потсдамъ; нѣсколько общихъ друзей нашихъ и я, мы приготовимъ все, что необходимо для того, чтобы намъ можно было провести вмѣстѣ пріятный день. Но только съ однимъ условіемъ, господа: вы должны взять съ собою вашихъ женъ. Да, да, господа, вашихъ женъ, которыя имѣютъ часто такое благодѣтельное вліяніе на своихъ мужей. Итакъ, господа, я надѣюсь на васъ: мы скоро увидимся въ Потсдамѣ». Мы полагаемъ, всякій изъ читателей нашихъ согласится съ тѣмъ, что подобное простое и радушное приглашеніе, съ которымъ обратился къ берлинскимъ рабочимъ общій другъ ихъ, Шульце Деличъ, должно было произвести очень хорошее впечатлѣніе на его слушателей и еще болѣе расположить ихъ въ пользу того человѣка, который не упускаетъ изъ виду никакихъ, даже самыхъ мелкихъ интересовъ ихъ.

Этимъ мы заканчиваемъ настоящую статью нашу, въ которой старались представить съ возможной полнотой все, что до сихъ поръ сдѣлано въ Германіи для улучшенія быта рабочихъ Шульце-Деличемъ и его послѣдователями. Въ слѣдующей статьѣ мы познакомимъ читателей съ системой противника его Лассаля, и съ тѣми успѣхами, которые сдѣлало въ Германіи то и другое ученіе.

Э. ВАТСОНЪ.

ТРИ ПОКОЛѢНІЯ.

ПОВѢСТЬ.

Часть первая.

I.

Олонецкая губернія изобилуетъ лѣсомъ, славится чугунно-литейными заводами, мраморными ломками, снабжаетъ насъ топливомъ, продовольствуетъ столицу рыбой, дичиной, сушеными грибами...

Но скудна хлѣбомъ.

Въ весеннюю пору, когда въ другихъ губерніяхъ кипятъ полевыя работы, тысячи олончанъ стекаются въ Петербургъ, на заработки. Всѣ они, большею частію, отличные каменьщики, плотники, либо рыбаки — и весьма плохіе земледѣльцы... И, надобно правду сказать, какое хлѣбопашество на землѣ, которая вмѣсто хлѣба подаетъ человѣку камень?

Олонецкая губернія была любимицей Петра Великаго. Въ 1705 году, къ санктпетербургскому адмиралтейству, для производства работъ, приписано нѣсколько деревень между рѣками Волховомъ и Свирью; первые суда русскаго флота построены въ Лодейномъ Полѣ, первый якорь, вонзившійся въ дно Балтійскаго моря, выкованъ въ Петрозаводскѣ; на клинкѣ побѣдоносной шпаги Петровой золотомъ вытравлено: «Olonez».

Весною 1725 года лихорадочная дѣятельность олонецкаго края утихла. Въ лѣсахъ замолкъ громкій стукъ топоровъ; на Свири стали рѣже показываться гонки бревенъ; работавшіе въ Петербургѣ на адмиралтейскихъ верфяхъ, олончане возвратились по домамъ. Во времена Бирона цифра населенія этихъ несчастныхъ деревень уменьшилась на цѣлую треть; сотни страдальцевъ гибли въ застѣнкахъ знаменитаго недоимочнаго приказа, другіе съ женами и дѣтьми бѣжали въ сосѣдніе раскольничьи скиты. При Екатеринѣ II, одна изъ адмиралтейскихъ деревень, Выдриха, на берегу Свири, указомъ 18 октября 1780 года всемилостивѣйше пожалована въ вѣчное и потомственное владѣніе бригадиру Матвѣю Осипычу Губанову.

Сопровождаемый мѣстными властями, прикатилъ по первопуткѣ новый помѣщикъ въ свою усадьбу, осмотрѣлся и только плечами пожалъ. Въ хозяйствѣ Матвѣй Осипычъ хоть и не свѣдущъ былъ, однако же мигомъ понялъ, что ему съ Выдрихи взятки гладки. Избы ветхія, мужички тощіе, всюду лохмотья; нищета такъ вотъ изъ каждаго угла и выглядываетъ.

— Этакимъ манеромъ, сказалъ онъ исправнику: — не имъ меня, а мнѣ ихъ придется кормить.

Погостилъ Губановъ недѣльки съ двѣ въ своей Выдрихѣ, до тонкости пораспросилъ старосту Семеныча обо всемъ; какъ будто раскусилъ мужицкое житье-бытье и въ день отъѣзда произнесъ крестьянамъ краткую, но выразительную рѣчь, въ которой просилъ ихъ жить между собою въ ладу, слушаться старосты, и проч. Мужики слушали, понуривъ головы; бабы всхлипывали. Вдругъ всѣ радостно встрепенулись.

— На первую пору, ребята, говорилъ Губановъ: — хотѣлось бы мнѣ чѣмъ нибудь заслужить вашу ласку. За тѣмъ я хочу ее заслужить, чтобы вы дочери моей, внукамъ моимъ, служили вѣрой и правдой, да и меня лихомъ не поминали. Оброкъ вашъ убавленъ, это разъ! Два — позволяю вамъ ходить, куда хотите на заработки, хоть въ Камчатку... Только чуръ не загуливать, не пьянствовать. Поняли?

— Поняли, батюшка баринъ, дай тебѣ Господи много лѣтъ здравствовать! загудѣли крестьяне.

— Я приказалъ старостѣ одѣлить васъ лѣсомъ... Довольны ли вы?

— Много довольны твоей милостью!

Губановъ уѣхалъ въ Петербургъ. Сосѣдніе помѣщики рѣши-

ли, что бригадиръ глупъ, что, разрѣшивъ мужикамъ отлучаться изъ деревни, онъ самъ пріучитъ ихъ къ бродяжничеству, и проч. и проч.

То же, другими словами, болтали старики деревни Выдрихи, тяжелые на подъемъ увальни, всегдашніе противники всякой новизны, хотя бы клонящейся къ прямой ихъ выгодѣ. А между тѣмъ, въ прежнее жуткое время только у нихъ бывало и рѣчей, что про Питеръ: «вотъ бы гдѣ нашимъ ребятамъ поживишка была!» — «Вотъ гдѣ заподлинно донышко золотое»... Теперь дорога въ Питеръ безпрепятственно открыта... и старики ворчатъ, охаютъ, ноютъ. Къ ихъ партіи примкнули многія бабы, старыя и молодыя; пошелъ такой содомъ, что не приведи Богъ!

Не прошло и двухъ мѣсяцевъ послѣ отъѣзда Губанова, какъ у старосты отпросились въ Питеръ семнадцать человѣкъ охотниковъ. На сто тридцать душъ пропорція, конечно, не большая, но за ними потянулись другіе; староста едва успѣвалъ снабжать ихъ видами.

Изъ всей деревни только одинъ крестьянинъ не принималъ никакого участія въ этой суматохѣ, какъ будто не имѣлъ съ выдрихинскимъ міромъ ничего общаго. Звали его Максимомъ, по отцѣ Ивановымъ, по фамиліи Барсуковымъ. Лѣтъ ему было подъ тридцать, собою мужикъ видный, нравомъ тихоня. Предоставивъ своей хозяйкѣ уходъ за скуднымъ хозяйствомъ, Максимъ по цѣлымъ днямъ сновалъ по Свири да рыбу ловилъ, и благодаря ей, жилъ себѣ съ хозяйкой и дочерью Лизуткой—не хуже людей. Хозяйку ему далъ Богъ работящую; болтлива немножко, но что же и за баба, если не охотница, при случаѣ, переливать изъ пустаго въ порожнее. Хозяйкѣ Максима тѣмъ извинительнѣе было языкомъ зубы толкать, что говорила она за двоихъ: Барсуковъ отъ природы былъ неразговорчивъ. Онъ находился въ томъ умственномъ состояніи апатіи, до котораго часто доходитъ русскій человѣкъ, испытавшій на своемъ вѣку много неудачъ и горя, а потому и утратившій вѣру въ свои силы, въ будущее. Подъ старость такіе люди дѣлаются обыкновенно ханжами, либо пьяницами; послѣднее всего чаще. Много такихъ людей отыщется у насъ, на Руси, и не въ однѣхъ крестьянскихъ избахъ.

Было время, когда въ головѣ Максима ключемъ клокотали мысли, рвалась на просторъ душа молодецкая, все куда-то вдаль, впередъ... И попробовалъ было Максимъ рвануться, да почувствовалъ, что какія-то невидимыя, но тѣмъ не менѣе тяж-

кія цѣпи опутываютъ его по рукамъ и по ногамъ. Парень смирился; тамъ его поженили, и сталъ нашъ Максимъ тише воды, ниже травы.

II.

Избушка Барсукова была темная, душная; по стѣнамъ тараканики бѣгаютъ; за печкой сверчокъ чирикаетъ свою однообразную пѣсню; подъ окномъ, за какой-то домашней работой, сидитъ Василиса Барсукова.

Баба она еще молодая, довольно полная и, если бы ее по обмыть да пріодѣть, было бы на что полюбоваться. Глаза голубые, рѣсницы чуть не со швейную иглу, волосы русые, волнистые; формѣ рукъ и небольшой ножкѣ позавидовала бы любая горожанка. Къ несчастію, все это запущено; какое-то пренебреженіе къ себѣ самой замѣтно въ наружности и одеждѣ Василисы. Глаза глядятъ безсмысленно; руки чорствыя, пережженыя, перецарапанныя; слѣды ногъ крѣпостью кожи поспорятъ съ выросткомъ; цвѣтъ лица темноватый: не то копоть, не то загаръ; сарафанъ рваный, засаленный. Около Василисы, на полу, сидитъ пятилѣтняя дочь Барсуковыхъ, Лизутка, и немилосердно мнетъ и тискаетъ тощаго, чахоточнаго котенка, изрѣдка вторящаго жалобнымъ мяуканьемъ чириканью запечнаго отшельника.

Долго, долго работала Василиса; наконецъ Лизутка расплакалась. Въ избу вошелъ Максимъ съ ведромъ въ рукѣ и переброшеннымъ черезъ плечо неводомъ. Малютка припрыгивая подбѣжала къ отцу и стала любоваться плескавшейся въ ведрѣ рыбой. Василиса чуть-чуть подняла свои длинныя рѣсницы, и не говоря ни слова, продолжала свою работу. По ея порывистымъ движеніямъ можно было подумать, что приходъ мужа не очень-то ее порадовалъ.

— Василисушка, ласково сказалъ Максимъ, сбрасывая неводъ: — не зачинишь ли ты мнѣ сѣточку, ась? Я чуточку порвалъ.

— Чуточку порвалъ! сердито молвила Василиса, послѣ продолжительнаго осмотра бросая неводъ чуть не въ лицо мужу.

— Чего жь ты собачишься-то? отвѣчалъ Максимъ, поднимая сѣть.

— Про то я вѣдаю.

— Да за какую провинность? скажи, такъ я, по крайности, знать буду... А то другую недѣлю бабица моя на себя не похожа: рветъ и мечетъ, меня — поноситъ, Лизутку — бьетъ... А нѣтъ ли чего поѣсть; хлѣбца что ль?

Хозяйка начала собирать скудный ужинъ.

— Сыта, что ль?

— Може и сыта.

Во время ужина гнѣвъ Василисы примѣтно утихъ: нахмуренныя брови раздвинулись, морщинка по срединѣ лба—сгладилась, глаза приняли прежнее безстрастное выраженіе.

— А ко мнѣ утрось Танюша заходила, произнесла хозяйка будто себѣ самой, въ полголоса.—Мы съ ней все про Питеръ болтали. То-то богатѣющій городъ, Максимушка! Танинъ дядя, Лука Петровичь — что по запрошлую весну въ Питерѣ былъ — баилъ ей, что разъ барина какого-то черезъ Неву перевозилъ, такъ тотъ ему цѣльный золотой пожаловалъ.

— Ишь ты, какіе баре бываютъ въ Питерѣ! Такъ вотъ, здорово живешь, по здорову дарятъ!

— Не здорово живешь, а за дѣло. Барину скоро нужно было, а Лука Петровичь его въ одну минуту доставилъ.

— Чего скорѣй. Одначе, Василисушка, пора спать валиться.

Равнодушный и нѣсколько насмѣшливый тонъ Барсукова видимо сердили Василису. Опять брови ея нахмурились, щеки зардѣлись румянцемъ, тонкія ноздри подергивало.

— Богъ съ тобой! съ усиліемъ произнесла она:—день-то деньской тебя не видишь, а вернешься за тѣмъ, чтобъ только поѣсть да поспать.

— А ты мнѣ лучше скажи, за что вторую недѣлю на меня серчаешь?

Этотъ вопросъ окончательно разсердилъ Василису; молча принялась она собирать со стола, Максимъ полѣзъ на полати. Лизутка давно уже спала на скамьѣ, стиснувъ въ рученкѣ корочку хлѣба. Василиса толчкомъ разбудила ее, раза два шлепнула, за то, что ребенокъ съ просонья расплакался. Черезъ нѣсколько минутъ Максимъ богатырски храпѣлъ, дочь также заснула опять; одна Василиса долго не могла заснуть и тревожно ворочалась съ боку на бокъ. Мало по малу все затихло, только рыба всплескивалась въ ведрѣ,—наконецъ и она уснула.

Сѣверныя весеннія ночи не продолжительны. Часу въ четвертомъ тусклый сумракъ смѣнился свѣтомъ, туманы заклубились

надъ рѣкой; мѣстами, сквозь тучи, разорванныя вѣтромъ, проглядывала свѣтлая лазурь. Максимъ вскочилъ какъ встрепаный, досталъ въ клѣти старый неводъ, сунулъ за пазуху горбушку хлѣба, прыгнулъ въ челнокъ, и — словно утонулъ въ туманѣ. Василиса не спала... видно вчерашняя дурь сномъ не прошла.

Плывя по Свири, Максимъ ломалъ себѣ голову: за что про что Василиса на него серчаетъ? Прожили они шесть лѣтъ въ примѣрномъ согласіи, а ежели когда случалось Василисѣ вспылить, то не на долго: часа два подуется, а тамъ, по обычаю всѣхъ вспыльчивыхъ, сама же начнетъ къ мужу ластиться да съ нимъ заговаривать. Нынче не то—вторую недѣлю губы дуетъ и на мужа косится. Чего же ей нужно? думалъ Максимъ. Хлѣбъ, соль—есть; рыбку ладейнопольскіе скупщики покупаютъ постоянно—знай, лови да продавай; оброкъ платится исправно; одежишки у Василисы довольно, еще недавно красный шушунъ устроили!.. А баба дуритъ. Дѣйствительно дуритъ и угомону не знаетъ; можно даже подумать, что досада ея ежеминутно усиливается. Немного погодя послѣ ухода мужа, Василиса слѣзла съ полатей и принялась за хозяйство. Горшокъ въ руки возьметъ — стукнетъ, сковороду — брякнетъ, дрова колетъ съ какой-то яростью, и все-то съ крупной бранью, съ клятвой. Досталось же въ это утро и Лизуткѣ, и котенку. Увиваясь около хозяйки, во время стряпни, онъ подвернулся ей подъ ноги. Бѣдняку пришлось конечно хуже нежели сердитой хозяйкѣ — однако же этого видно ей мало показалось — и котенокъ вылетѣлъ въ окно... Около полденъ, когда Василиса съ дочерью принялась за обѣдъ, въ избу влетѣла какая-то баба съ грудным ребенкомъ — гостья была годами тремя постарше хозяйки, ростомъ—головою ниже, толстая, широкоплечая. Круглое, какъ полнолуніе, лицо ея, испятнано веснушками; изъ подъ засаленаго цлыка выбиваются рыжія космы. При первомъ взглядѣ на одежишку, въ ней можно угадать неряху, съ первыхъ словъ — сплетницу. Это Танюха, жена ушедшаго въ Питеръ Авдѣя.

— Хлѣбъ соль, Василисушка, хлѣбъ соль! зачастила она, звонко и сочно цалуясь съ хозяйкой.—Ну что, баила хозяину?

— Баила, моя роженая, баила.

— Ну — и ничего?

— Ухомъ не ведетъ. Ужь я-то знаешь, и такъ, и сякъ ему сторонкой закидываю — не разумѣетъ, хощь колъ на головѣ теши!

— Ты, Василисушка, видно не умѣешь всего эфтаго ему въ аккуратѣ втолковать. Ему сторонкой закидывать нечего, а ты на прямикъ рѣжь: «такъ и такъ, молъ, Максимъ Иванычь, вѣстимо твоя воля, ты мнѣ начало, супротивъ тебя я идти не смѣю, но ты хоша то разсуди, что хозяйство наше скудное, поскудное! Какіе наши животы? у Танюхинаго хозяина, Авдѣя — (прямо, такъ и укажь) у Авдѣя робятъ полдюжины, анъ и тотъ въ Питеръ ношелъ, а у насъ токмо Лизутка—значитъ намъ, безъ тебя, легче будетъ прокормиться, неже ей съ шестерыми бѣсенятами!» Э-эхъ, будь я на твоемъ мѣстѣ, я бы ему все отзвонила. Ты то возьми: ну што ты теперь? Мужичка, дрянь; ни у тебя путнаго шушуна, ни у тебя рубахи порядочной, избенка дрянная а ѣжа—часомъ съ квасомъ, порой съ водой?

— Правда! уныло отозвалась Василиса.

— Только вѣдь и славы, что оброкъ честно правите, за то и голы, какъ соколы. Да и что эфтимъ хвалиться, ежели баринъ нашъ добрый, оброкомъ не нудитъ и какія намъ льготы даетъ? Подумай, Василисушка, маточка ты моя, какъ къ зимѣ наши робята изъ Питера вернутся, да хозяйкамъ обновокъ навезутъ, да какая нибудь Ненилка либо Агашка, нарядятся да на улоньку выйдутъ? Вѣдь хоша ты передъ ними лебедь бѣлая, а онѣ въ нарядѣ краше тебя покажутся, да еще вѡ-какъ — осмѣютъ. Помяни же ты мое слово, вотъ за хлѣбомъ-анделомъ говорю: твой Максимъ Иванычъ въ Питерѣ, по крайности, сотню зашибетъ!

— Да не бреши?

— Чего брехать! може и двѣ. Дяинька, Лука Петровичъ, баилъ: «на харчи тамо-тко хошь ни полушки не трать! Государыня царица кажный Божій день народъ обѣдомъ кормитъ; цѣльныхъ быковъ съ золотымъ рогамъ подаютъ, а въ пивѣ хошь купайся.

— Ой-же не бреши, Татьяна Еремѣвна!

— Да простая ты, Василисушка, какая же мнѣ прибыль тебя обманывать? Теперенько, на счетъ одежи въ Питерѣ: штофъ, парча, бархатъ... а то, мухаляръ какой-то. Мнѣ Авдѣй оттолева безпремѣнно штофникъ привезетъ и серьги съ зеньчугомъ.

Долго, долго бесѣдовали наши бабы о чудномъ городѣ Питерѣ.

III.

Въ пріятныхъ разговорахъ съ Танюхой, Василиса совершенно позабыла о починкѣ невода, а проводивъ ее, хоть и вспомнила, однако же за работу не принялась, напротивъ—еще нарочно въ нѣсколькихъ мѣстахъ порвала неводъ. Къ этой глупой, ребяческой выходкѣ, побудила ее такого рода мысль.

— Старый неводъ худъ, новый — еще хуже, стало, тѣмъ и другимъ рыбы не много наловишь. Авось Максимъ, на нѣсколько дней лишенный возможности заниматься своимъ промысломъ, сдастся на предложенія Василисы и рѣшится идти въ Питеръ.

Танюшкины рѣчи окончательно сбили съ толку хозяйку Барсукова, и стала она тяготиться своимъ состояніемъ. Изба, въ которой такъ спокойно провела она шесть лѣтъ, теперь казалась ей какимъ-то острогомъ, хлѣбъ — не вкуснымъ, праздничный шушунъ — рубищемъ. И все отъ того, что другая глупая баба указала ей на средства жить лучше теперешняго!

Подъ вечеръ Барсуковъ возвратился домой усталый; хозяйка встрѣтила его еще хуже вчерашняго.

— Ты мово невода такъ и не чинила? спросилъ онъ, садясь на скамью.

— Только мнѣ и работы, что твой дрянной неводъ чинить! И такъ цѣлый день работаю не отнимая рукъ... У меня съ Лизуткой рубахи порядочной нѣтъ, шушунъ худъ. Чѣмъ по Свири, по своей, рыскать да уклеекъ, пискарей ловить, лучше бы избу зачинилъ!

— Избу? спросилъ Максимъ:—а нешто съ ней бѣда какая случилась?

— Такъ ты ждешь, чтобъ она развалилась?

— Не бойсь, не развалится. Шушунъ у тебя, баишь, худъ? заплатай, старъ—новый сшей.

— До обновокъ ли, когда ѣсть нечего; этакъ всякій меня дурищей огласитъ! на брюхѣ шолкъ, а въ брюхѣ щолкъ!

— Василиса, да ты въ своемъ разумѣ, али обумѣла?

— Обумѣла!

— Ты чего же хочешь?

— Ничего, всѣмъ довольна.

— Сыта, одѣта?

— Какъ не сыта — сытехонька!

— Видно опять у тебя Танька была?

— А хошь бы и была, тебѣ забота?

— Мнѣ до этой свистушки заботы нѣтъ, а ватажиться тебѣ съ ней не паристо. Другая бъ на ея мѣстѣ дома сидѣла, а она, знай, по чужимъ избамъ шляется да колотыритъ; гдѣ что выляситъ, то и ладно.

— Она у меня ничего не вылясила, мы только про Питеръ баили.

— Дался же онъ вамъ.

— Максимушка, сказала вдругъ нѣжнымъ голосомъ Василиса: — не осерчаешь на то, что я тѣ скажу?

— Чего серчать—говори, не бойсь.

— Походилъ бы ты въ Питеръ...

— Я-то? А чего я въ твоемъ Питерѣ не видалъ?

— Роженый ты мой, да вѣдь тамъ счастье; ты послушай, что добрые люди баютъ... Всѣ нашинскіе туда сломя голову бѣгутъ; Танюшинъ хозяинъ Авдѣй куда глупъ супротивъ тебя — анъ и тотъ пошелъ.

— Танькинъ Авдѣй не указъ мнѣ.

— Такъ не хошь въ Питеръ идти?

— И говорить-то про него не хочу, Василиса.

— Господи милостивый! рыдая воскликнула Барсукова:—да за какіе жь грѣхи ты меня только наказываешь; что жь мое за каторжное житье? У другихъ бабъ, сами хозяева въ Питеръ за счастьемъ идутъ, а я своего упросить не могу!..

— Ну, ну, ладно, уходись. Давай вечерять, а завтра ежели тебѣ время будетъ—неводокъ зачини.

— Самъ зачинишь, не великъ баринъ!

— Что-жь ты вечерять не садишься?

— Вечерять? Гм—было бы чѣмъ; тутъ и одному-то нечего ѣсть, не токмо двоимъ.

— Не дури, Василиса; на святую хлѣбъ-соль серчать нечего. Вечоръ не ѣла, нонись опять; этакъ вся захирѣешь.

— Захирѣю, сдохну, а ты схоронишь; тебѣ жь легче будетъ.

Максимъ только посмотрѣлъ на жену и со вздохомъ принялся за ужинъ; Лизутка опять подобралась къ нему, а Василиса всхлипывая забилась на полати. Въ эту ночь она не сомкнула и не осушила глазъ.

Въ перебранкахъ проходили дни, за днями — недѣли; чуть

ослабѣвала Василиса, чуть разсудокъ бралъ у нея верхъ надъ блажью, Танюша снабжала ее новымъ запасомъ просьбъ и убѣжденій, распаляла ей воображеніе самыми чудными картинами богатства и довольства. Между тѣмъ весна съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе входила въ свои права.

Постоянные споры съ мужемъ какъ будто разстроили и самое здоровье Василисы — лицо ея осунулось, глаза ввалились. Хозяйствомъ она стала пренебрегать, и пошло оно вкривь и вкось. Лизутка ходила грязная, оборванная, Барсуковъ частенько ложился спать безъ ужина: Василиса, какъ опытный полководецъ, вмѣсто приступа, хотѣла взять эту крѣпость голодомъ. Другой мужъ, на мѣстѣ Максима, выбилъ бы дурь изъ жены, но Барсуковъ давать воли рукамъ не любилъ, угодливостью и лаской думалъ онъ образумить Василису... Куда! баба была неукротима. Наконецъ уже и самъ Максимъ сталъ задумываться о Питерѣ, но чуть углублялся въ эту мысль, тотчасъ же чувствовалъ паническій страхъ и успокоивалъ себя только тѣмъ, что попасть въ Питеръ невозможно.

Какъ-то подъ вечеръ, когда Максимъ только что возвратился домой, и началась обычная перепалка съ хозяйкой, вслѣдъ за нимъ ввалился въ избу незнакомый мужикъ, по платью похожъ на купца, и объяснилъ Максиму, что ему нужны молодцы въ Питеръ бревна гнать.

— Заходилъ я, сказалъ купецъ, къ старостѣ. Надобно же было узнать, каковъ у васъ народъ? Пьющихъ да безпутныхъ нашъ хозяинъ не жалуетъ, да окромя того, надобно, чтобъ къ водѣ люди были привычные. Назвалъ мнѣ вашъ староста семерыхъ, за которыхъ, такъ, что ручается; ну и тебя Максимъ Иванычъ, назвалъ.

— У нашего хозяина, продолжалъ тотъ:—житье привольное. Какъ въ Питеръ прибудемъ, тотчасъ и расчетъ; угодно кому можетъ въ пильщики наняться, али куда угодно. Платой не обидимъ; харчи хозяйскіе, да за весь путь въ сутки по сорока по пяти копѣекъ...

— А вы сами, дяинька, питерскіе? перебила Василиса.

— Нѣтъ, мы Тихвинскіе. А что у тебя въ Питерѣ родня какая, что ли?

— Нѣтъ, отецъ родной, мы только много про Питеръ наслышаны. Баили мнѣ, ужъ не знаю, взаболь али въ шутку, будто царица тамо-тка народъ кажный день обѣдомъ кормитъ?..

— Нѣтъ, хозяюшка, даровыми обѣдами въ Питерѣ не каждый день угощаютъ, но по праздникамъ случается. Вотъ примѣрно, нынѣшнимъ лѣтомъ, такъ пожалуй, государыня задастъ пиръ на весь міръ.

— А-а! прохрипѣла Василиса, вытаращивъ глаза и облизываясь. — Что же это нонѣшнимъ лѣтомъ будетъ?

— Императору Петру Великому мунументъ открывать будутъ.

— Ишь ты, а что же это такой за мунументъ?

Тутъ словоохотливый гость пустился въ длинныя объясненія; Василиса ловила каждое его слово. Максимъ, между тѣмъ, посадивъ Лизутку къ себѣ на колѣни, задумчиво гладилъ ее по головѣ.

— Ну, хозяинъ, надумался ли? спросилъ искуситель, окончивъ свои росказни.

— А ужь не знаю, что тебѣ и молвить! въ раздумьи отвѣчалъ Максимъ:—такого дѣла скоро не рѣшить: и съ робятами переговорить надобно, да и со старостой, Петромъ Семенычемъ посовѣтываться... Пойдемъ, гость дорогой, къ старостѣ Семенычу, тамъ постановно это дѣло обсудимъ.

IV.

Дня черезъ три, раннимъ утромъ, въ избѣ Барсуковыхъ была страшная суматоха. Синій чадъ глаза ѣлъ, и передъ ярко-топящейся печкой, Василиса, съ багровыми, лоснящимися щеками, сажала пироги; около нея егозила дочь. На скамьѣ, Таня запивала что-то въ дорожную котомку; немного поодаль сидѣли еще двѣ бабы, молодая и старая, обѣ съ недвижностью статуй. Максимъ былъ здѣсь же. Лицо его было блѣдно, во всѣхъ его движеніяхъ замѣтна какая-то лихорадочная суетливость. За то Василиса поглядываетъ на мужа съ нѣжностью, съ подобострастіемъ.

Пироги готовы и завернуты въ чистое полотенце; хозяйка присѣла на скамью, отирая съ лица рукавомъ рубахи крупныя капли поту.

— Не пора ли тебѣ, Максимушка? робко произнесла Василиса.

— Поспѣю, отвѣчалъ Максимъ задыхаясь,—ябы вотъ теперь

попросилъ тебя, Татьяна Еремѣвна, да васъ баунька и кумушка, маненечко отселева выйдти; хошь въ сѣняхъ постойте. Надобно мнѣ бабицѣ моей словца два съ глазу на глазъ молвить.

Старуха съ молодицей молча встали и вышли изъ избы, за ними послѣдовала и Танюша, сердито хлопнувъ дверью. Съ ихъ уходомъ, лица Барсуковыхъ приняли унылое, даже мрачное выраженіе. Василиса поблѣднѣла, губы ея затряслись, и крупныя слезы заструились по щекамъ. Безразсудная поняла, что подошла минута не шуточная, минута прощальная, и сердце ея заныло. Готова она позабыть и штофы и бархаты, за которыми гнала своего мужа въ Питеръ, готова была отговорить его отъ этой поѣздки — поздно! Максимъ связанъ задаткомъ и даннымъ словомъ; первое отдать можно, но втораго назадъ не возьмешь. Вспомнила Барсукова свои частыя перебранки съ мужемъ, въ послѣднее время: знать бы да вѣдать, что судьба устроитъ все по ея желанію, такъ не грубила бы она кроткому, безотвѣтному хозяину.

Максимъ, между тѣмъ, долго рылся за печкой и вытащилъ оттуда засаленный холщевой мѣшечекъ, звякнулъ имъ и высыпалъ на столъ рублей на семь мелкой серебряной монеты.

Тутъ будетъ семь рублевъ сорокъ копѣекъ, съ тѣми, что я отдѣлилъ тебѣ отъ задатка будетъ аккуратъ шестнадцать. Хлѣбъ у насъ на исходѣ, прикупишь у Михѣева, онъ хорошаго дастъ; на счетъ дровъ я баилъ старостѣ Семенычу. Деньги береги и на пустое не трать, тогда авось до моего возврата тебѣ хватитъ...

— Хватитъ, роженый мой, хватитъ; ужь я какъ нибудь ножмусь!..

— Жаться нечего, живи и душеньки своей не мори. Думаю я по осени домой вернуться, а впрочемъ Богъ вѣсть! Може и задержитъ что. Ну, собери же казну-то...

— Сейчасъ, Максимъ Иванычъ! Ишь куда денежки-то сохутилъ, за печку... прибавила Василиса, улыбаясь сквозь слезы.

— Сосѣдямъ не одолжайся безъ толку, съ сосѣдками меньше ватажься; по гостямъ меньше рыскай, съ Танюхой пустаго не болтай. Ежели же куда въ гости и пойдешь, винища окаяннаго не пей. Ну, теперь присядемъ, а тамъ... и Максимъ поперхнулся, слезы душили его.

Сѣли Барсуковы и дочь усадили. Всталъ Максимъ и съ важностью кивнулъ головой женѣ: Василиса рыдая повалилась ему

въ ноги; дѣвочка подошла къ ней, съ удивленіемъ заглядывая въ глаза.

— Молись, шепнула ей мать, крестясь и кладя земные поклоны.

Малютка стала на колѣнки подлѣ Барсуковой и машинально начала водить рученкой съ одного плеча, на другое.

— Ну, Василисушка, прошепталъ Максимъ, благословляя жену и дочь маленькимъ образкомъ:—буди надъ вами благословеніе Божіе, да хранитъ васъ иверская, мать Пресвятая Богородица!

И зарыдалъ нашъ бѣдняга въ объятіяхъ жены и дочери...

— Ѣдутъ, ѣдутъ! радостно кричала Танюха, вбѣгая въ избу.

Максимъ накинулъ котомку на плечи, полотенце съ пирогами сунулъ за пазуху и выбѣжалъ на берегъ; за нимъ хозяйка съ дочерью и неизмѣнная Танюшка. Бабунька и кума (крестная мать покойнаго сына Барсуковыхъ) ковыляли нѣсколько поодаль. Въ отдаленіи плыла длинная гонка бревенъ—плотовъ до полусотни; на передовомъ плоту или на *харчевомъ* и на заднемъ видны были шалаши, по тамошнему *шакши*. На гонкѣ суетились земляки Максима; Иванъ Павловъ, расхаживая съ плота на плотъ, на нихъ покрикивалъ. Когда гонка поравнялась съ Барсуковымъ, онъ съ берега ловко прыгнулъ на бревна.

— Василисушка, закричалъ онъ:—Лизутку береги, не обижай по напрасну!

— Не сумлѣвайся, мой роженый! отвѣчала та всхлипывая, торопясь бѣгомъ по прибрежью, чтобы поспѣть въ ровень съ бревнами.

А гонка плыветъ шибко.

— Тятька, тятька! отчаянно кричала Лизутка, порываясь къ отцу.

— Не плачь, не плачь, рыбица моя! Пряничковъ привезу!..

Василиса бѣжала да бѣжала; вдругъ — топь и высокіе камыши загородили ей дорогу. Она остановилась, какъ вкопаная — а Максимъ побѣжалъ по гонкѣ назадъ чтобы во все время ея пути стоять противъ Василисы... Раза два оступился, чуть въ воду не упалъ.

— Ежели можно будетъ — дай вѣсточку! крикнула Барсукова.

— Вѣстимо дамъ. Какъ только изъ нашихъ робятъ кто домой пойдетъ, такъ я безпремѣнно...

Подъ ногами Максима былъ уже послѣдній плотъ; онъ оста-

новился на краю, что-то долго кричалъ Василисѣ — но слова м мирали, будто тонули въ отдаленіи. Нѣсколько времени Барс кова провожала глазами удалявшіяся бревна — наконецъ гон ступевалась съ синей далью.

— Ну, теперь можно и домой! шепнула ей Танюша, трону за локоть ошеломленную Василису.—Уже совсѣмъ изъ виду ушл

Сопровождаемая Танюшей и другими бабами, Барсукова по шла домой, но какъ только переступила черезъ порогъ избы — такъ грусть ея достигла крайней степени. Дымъ и чадъ синим полосами еще стоятъ въ хатѣ; въ печкѣ еще тлѣютъ уголь остатки дровъ, на которыхъ Василиса пекла пироги; каждый уг локъ напоминаетъ Максима. Его самого тутъ нѣтъ, а межд тѣмъ, будто слышится его перерывистое дыханье: кажется, ещ пахнетъ хозяиномъ. А пустота, пустота какая!

— Что-же я надѣлала, что-же я такое надѣлала! мысленн твердила она себѣ.

— Полно, роженая моя, убиваться! утѣшала ее Танюша. — Ну, что-жь дѣлать — видно судьба! Полно; завей горе веревочкой... Глянь ты на меня горемычную: шестеро бѣсенятъ; горя, заботъ съ ними не оберусь — да лихъ! не унываю; значитъ—ни кто, какъ Богъ!

V.

Со дня отъѣзда Максима прошелъ мѣсяцъ.

Оправилась его хозяйка отъ первыхъ припадковъ горести и принялась за хозяйство. Помня приказаніе мужа, она почти ни куда не выходила, за то къ себѣ ежедневно принимала гостей — въ особенности любезную Танюшу, которая у нея дневала и ночевала. Придетъ къ Барсуковой и заведетъ рѣчь про Питеръ; тамъ, по немножку свернетъ на свое житье горемычное, вздохнетъ, всплакнетъ — и окончитъ обыкновенно тѣмъ, что выманитъ у нашей простухи что нибудь изъ съѣстнаго или изъ одежды.

У Василисы скоро стали появляться нуждишки, сначала правда, малыя — но тѣмъ не менѣе безпокойныя.... Эти мелкія нуждишки, какъ мошки и комары: убиватьне убиваютъ, да больно язвятъ. Запасы хлѣба и дровъ, заготовленные благоразумнымъ Максимомъ, истощились, денегъ оставленныхъ имъ женѣ, давно уже и въ половинѣ не было. Помня обѣщаніе, данное му-

у старостой, Барсукова смѣло обратилась къ Петру Семенычу. алъ ей староста дровъ и хлѣба, да такую, при этомъ, рожу отивную скорчилъ, что Василиса дала себѣ слово впередъ къ ему съ подобными просьбами не обращаться. Занятое, какъ изстно, не долго держится: взятые у старосты дрова и хлѣбъ — ышли въ нѣсколько дней. Попросила горемыка у Танюши — та асулила ей разныхъ разностей съ три короба, да такъ одними осулами и отдѣлалась; толкнулась Василиса къ одному сосѣду: ѣтъ; къ другому — есть хлѣбецъ и дрова, да самому нужны... Пришлось Барсуковой изворотиться валежникомъ, а за муку новый шушунъ заложить.

Все это еще покуда лѣтомъ, когда дрова нужны только на стряпню, лучины жечь не нужно... что же зимой-то будетъ?

Но авось къ тому времени Максимъ пріѣдетъ!

Дни проходили въ заботахъ, а по ночамъ бѣдную женщину тревожили страшныя сновидѣнія, въ которыхъ она находила зловѣщій смыслъ. Каждую ночь Максимъ являлся къ ней во снѣ не въ своемъ видѣ, а это, по замѣчанію деревенскихъ знахарей, вѣрный знакъ, что человѣкъ не здоровъ и по своимъ домашнимъ сокрушается. Въ добавокъ ко всѣмъ непріятностямъ, Василиса— беременна, о чемъ однако же, по совѣту Танюши, мужу не сказала. Впрочемъ это положеніе не стѣсняетъ Барсукову въ тяжкихъ хозяйственныхъ работахъ: Лизутку далъ ей Богъ на рѣкѣ, когда она бѣлье полоскала, а покойнаго сынишку въ полѣ. Родить, по ея расчетамъ, слѣдуетъ ей въ исходѣ ноября; а къ этому времени Барсуковъ вѣроятно будетъ дома.

Барсуковъ съ товарищами исправно пригнали въ Петербургъ бревна купца Суслова; разсчитавшись съ купцомъ, Барсуковъ нанялся перевозчикомъ на Невѣ у Смольинскаго перевоза.

За три мѣсяца своего пребыванія въ Питерѣ, Барсуковъ подкопилъ ровно восемьдесятъ два рублика. Тяжкимъ, кровавымъ трудомъ достались ему эти деньги; чего онъ только не насмотрѣлся, чего не наслушался въ столицѣ за это время... будетъ, что поразсказать Василисѣ! Изъ его спутниковъ никто не можетъ похвалиться удачей; Евдокимъ Андреевъ въ больницѣ померъ, Копыловъ со своими внуками куда-то на фабрику нанялся, Сережка косой весь свой заработокъ прогуллялъ и теперь не знаетъ, какъ въ деревню показаться — хоть христовымъ именемъ побирайся; Павлуха Свинцовъ безъ вѣсти запропалъ. Да и о прежнихъ землякахъ ни слуху, ни духу, кромѣ Авдѣя. Мужъ Танюш-

ки пятую недѣлю въ съѣзжемъ домѣ сидитъ; попался (говорит безвинно) въ какомъ-то нехорошемъ дѣлѣ и врядъ ли выкрут ся. Максимъ отъ всей души пожалѣлъ сосѣда, раза три нав стилъ его, подарилъ калачь, три алтына денегъ — и усердно молился Богу, чтобъ онъ унесъ его изъ Питера по добру по з рову. Порѣшилъ Максимъ — какъ только перевозы прекратятся и получитъ онъ съ своего плотовщика пятнадцать рублевъ — тотчасъ, не дожидаясь попутчиковъ, отправиться во свояси; такъ вотъ его домой и тянетъ! Иной разъ разоспится, и пригрезится ему родимая изба, Василиса, дочка — да такъ ясно, живо... просыпается, и беретъ его досада, что онъ еще въ Питерѣ. Тѣмъ только и утѣшается, что не съ пустыми руками домой придетъ; а сокровище постоянно при немъ — оно запрятано въ голенищѣ сапога, тяжеленько немножко — да вѣдь своя ноша не тянетъ...

VI.

Тянутся по небу безконечныя вереницы сѣрыхъ тучъ и сѣютъ на землю ледяную крупу да изморозь; снѣгомъ занесло лѣса въ окрестностяхъ Выдрихи, на поляхъ намело высокіе сугробы; Свирь замолкла подъ ледянымъ покровомъ. Перестала она качать на своихъ зыбяхъ осиротѣлый челнокъ Максима Барсукова. За лѣто наполнился онъ водою; зеленыя, слизкія плети водорослей протянулись со днища, тысячи улитокъ облѣпили стѣнки и бока. Запустѣніе замѣтнѣе было въ самой избѣ: ее какъ будто перекосило, солома изъ кровли во многихъ мѣстахъ обсыпалась, повыбитыя мѣстами стекла замѣнены пузырями—и только голубоватый дымокъ, изрѣдка клубящійся изъ мазанковой трубы, доказываетъ, что изба еще не совсѣмъ покинута.

Выходитъ иногда изъ избы тощая, оборванная баба, и трудно признать въ ней прежнюю Василису. Глаза полиняли отъ слезъ и изъ голубыхъ стали какого-то бутылочнаго цвѣта; безчисленныя морщины до такой степени избороздили лицо, что Барсукову можно было бы принять за семидесятилѣтнюю старуху, если бы не безобразная округлость стана, такъ рѣзко противорѣчащая худобѣ лица. Въ послѣднее время испытала Василиса всю горечь униженія, до котораго доводитъ нищета. Не много выручала она отъ своей пряжи, плетенія сѣтей и собиранія грибовъ — и сдѣлалась наконецъ похожайкой, то есть, бродя по из-

ъ, занималась поденной работой, довольствуясь за свои труды чѣмъ нибудь изъ съѣстнаго. Пришлось поклониться тѣмъ, на которыхъ, бывало, глядѣть не хотѣла. Кредитъ Барсуковой окончательно подорванъ; слова, которыми она сопровождала свои просьбы: вотъ-де Максимъ Иванычъ воротится, были постоянно встрѣчаемы смѣхомъ, а у многихъ обратились въ поговорку, въ родѣ общественной — когда чортъ умретъ.

Трудно выразить весь ужасъ, всю безотрадность душевнаго состоянія Василисы. Первое время она роптала на Танюшу, потомъ на самое себя, теперь во всемъ обвиняла мужа. Хотя и подавленное страданіями, воображеніе однако же продолжало рисовать ей самыя мрачныя картины. Съ нѣкотораго времени ее преслѣдовала мысль, что Максимъ въ Питерѣ загулялъ, а о ней позабылъ и думать. Иной причины быть не можетъ, что онъ ни ѣдетъ, ни вѣсти о себѣ не шлетъ; вотъ уже полгода, какъ о немъ нѣтъ ни слуху, ни духу.

Въ первыхъ числахъ ноября зима окончательно установилась; вмѣстѣ съ ней, нищета Барсуковой достигла крайнихъ предѣловъ. Нѣкоторые изъ сосѣдей помогали ей ради Христа; гдѣ только было возможно заработать кусокъ хлѣба, Василиса являлась и работала неустанно—всего этого однако же было мало и мало! Жутко, темно и голодно ей съ дочерью въ пустой избѣ, печка по цѣлымъ днямъ не топлена, черствый хлѣбъ едва зубомъ укусишь, окна пальца на три морозомъ запушило.

Раннимъ утромъ, въ екатерининъ день, Василиса потащилась къ старостѣ мучицы попросить. Въ послѣдній разъ Петръ Семенычъ стыдилъ ее, бранилъ и сказалъ, что помогать болѣе не намѣренъ! Послѣ этого зачѣмъ бы кажется идти, но Василиса шла, побуждаемая нищетой и голодомъ. Сверхъ всякаго чаянія староста для праздника принялъ Василису довольно ласково; далъ ей дня на три муки, рыбы и масла, и примолвилъ на прощанье:

— Только, какъ ты себѣ хошь, Василиса, а это ей-ей, въ послѣдній разъ; не тебѣ—младенцу безгрѣшному твоему подаю. Твое не житье, а срамота: вся-то ты оголѣла, у добрыхъ-то людей конючишь... Хошь бы хозяинъ возвращался скорѣй! Досада беретъ, зачѣмъ ихъ, шалопутныхъ, и отпущалъ. Хошь бы онъ тебя-то съ дочкой пожалѣлъ; глянь на себя—на что похожа стала? Я чай, все серденько изныло?...

Не безъ участія говорилъ староста, но надобно было видѣть,

какое страшное впечатлѣніе произвели эти слова на Василису. Прислонясь головой къ стѣнѣ, она тихо рыдала.

Черезъ силу добрела Бурсакова домой; радостно встрѣтила ее голодная дочь, и не слушая увѣщаній матери, тащила у нея изъ рукъ мерзлую рыбу, съ жадностію лизала сухую муку...

— Обожди, роженая моя, говорила Василиса:—дай же я хошь рыбку обжарю.

Тутъ она принялась было разводить огонь, и вдругъ почувствовала, что ей не до стряпни. Къ счастію въ эту минуту, словно Богъ послалъ, вошла въ избу сосѣдка Агаѳья; не то пришлось бы Лизуткѣ быть бабкой для своей матери.

Черезъ нѣсколько минутъ изба биткомъ набилась бабами, которыя и не въ деревняхъ любятъ вообще присутствовать, какъ при появленіи человѣка на здѣшній, такъ равно, и при отправленіи его на тотъ свѣтъ. Явилась Сильвестровна, выдрихинская повитуха, лекарка, ворожея, сваха, и все что угодно; пошли крики, толки, шумъ, и къ этому хаосу голосовъ примѣшивался звонкій плачъ новой ревизской души деревни Выдрихи. Появленіемъ своимъ на Божій свѣтъ младенецъ примирилъ сосѣдокъ со своею матерью, всѣ онѣ, на перерывъ, угождали ей; а между тѣмъ еще вчера отказывали въ кускѣ хлѣба. Агашка подарила аршина два холста на пеленки новорожденному, кума—старый шушунъ; Танюша откуда-то добыла водки и заставила Василису выпить для подкрѣпленія силъ; прочія бабы притащили дровъ, хлѣба... Кто во что горазд!

— Славный мальчуганъ! рѣшила Сильвестровна.

— И весь, какъ вылитый Максимъ Иванычъ, замѣтила Танюша.

— Не бреши, на Василису схожъ! крикнула Агашка.

Сильвестровна прекратила споры, поднявъ вопросъ о томъ, кому быть у Василисы кумомъ и кумой, по тамошнему «бажатомъ и бажаткой?»

— Обождать бы, какъ хозяинъ изъ Питера придетъ, робко прошептала роженица:—онъ бы пріискалъ!...

— Дожидайся твоего хозяина! Онъ може къ Рождеству придетъ, а младенцу до той поры не крещеному быть, умна ты больно! Въ бажатья, вѣстимо, у добрыхъ людей выбираютъ тѣхъ, кто побогаче, потароватѣй, а тебѣ со своей скудностью выбирать нечего,—кто бы ни пошелъ, и то спасибо! Ну, бабицы, кто изъ васъ хочетъ у Василисы крестить?

Бабы стали переминаться.

— Вижу я, сказала Сильвестровна съ досадой:—что всѣ вы не хотите. Нечего дѣлать, приходится мнѣ самой у Василисы быть бажаткой; такъ и быть, окрещу, ради Христа, только заранѣ говорю, Василиса, на предки уволь...

— Окрести, моя роженая! простонала Василиса.

— Ладно, ладно; а бажатомъ попрошу Никанора Захарыча, что дьячкомъ на Шуйцынскомъ погостѣ. Онъ мужикъ доброхотный, не захочетъ обидѣть нищаго человѣка.

Слова: «Христа ради... нищаго человѣка» будто раскаленныя иглы язвили сердце Василисы. Ей и добро-то люди съ обидой дѣлаютъ—кусокъ хлѣба въ лицо бросаютъ, солью въ глаза сыплятъ!...

Черезъ два дня, чуть свѣтъ, Сильвестровна повезла новорожденнаго крестить на Шуйкинскій погостъ, а Василиса въ ожиданіи ея возвращенія принялась за стряпню. Какъ ни бѣдна, а гостей принять надобно, и всѣ остатки скудной провизіи, данной Петромъ Семенычемъ пошли въ дѣло; печь затоплена досками, выломанными въ клѣти; у кого-то изъ сосѣдей выпрошена баклажка жиденькаго пивца. Мѣситъ Барсукова пироги, а крупныя слезы такъ въ тѣсто и падаютъ, авось добрые люди горечи не замѣтятъ! Припомнились ей Лизуткины крестины, когда у нихъ всего было вдоволь и гостей полна хата, теперь другая пора... Пусть же только возвратится Максимъ, и за все отпоетъ ему хозяйка.

Пироги готовы; по разсчетамъ Василисы обѣдни давно отошли, а бажатки съ новорожденнымъ нѣтъ, какъ нѣтъ. Впрочемъ, если бы въ эту минуту пришли сказать Василисѣ, что санки съ ея ребенкомъ обрушились подъ ледъ, или что волки его растерзали, она бы равнодушно приняла эту новость, до того выболѣло у нея сердце. Но вотъ, на улицѣ раздался лошадиный топотъ, скрипъ полозьевъ по мерзлому снѣгу, потомъ торопливые шаги въ сѣняхъ, и Василиса пошла на встрѣчу Сильвестровнѣ, внесшей въ избу новоокрещеннаго младенца. Бажатка была на веселѣ, даже какъ будто попятывалась, и маслянистыя глазки свѣтились необычайнымъ выраженіемъ изъ-подъ занидевѣвшихъ рѣсницъ.

— Ну, Василисушка, крикнула она, схвативъ Барсукову за плечи, и чуть не выпибая у нея изъ рукъ младенца:—радуйся,

Богу молись, меня благодари! Милосердный Создатель такую тебѣ радость послалъ для твоего парнишки...

Василиса, раскутывавшая въ эту минуту своего сына, вздрогнула всѣмъ тѣломъ.

— Максимъ?! прошептала она.

— Только у тебя и рѣчей, что Максимъ! Богъ милостивъ, и его дождемся, а теперь покуда тебѣ другая радость...

Глаза Василисы снова потускли, руки опустились — инаго счастья, кромѣ возвращенія мужа, она не допускала... Однако же невольный крикъ вырвался у нея изъ груди, когда она увидѣла на младенцѣ большой, серебряный съ чернетью крестъ, на голубой ленточкѣ. Въ ту же минуту Сильвестровна съ торжествующей улыбкой подала ей свертокъ холста и свѣтленькій рублевикъ, за тѣмъ сказала:

— Младенца твоего нарекли Васильемъ.

— Василіемъ? отозвалась Василиса, что же это такое имя выбрали, словно мому подъ стать?

— Ужь пришлось такъ, а ты, Василиса:—денно и нощно молись за раба Божьяго Василія и почитай его, голубчика, выше мужа, выше отца роднаго...

— Напередъ другаго кого, мнѣ тебя благодарствовать... отвѣчала Василиса съ плачемъ, обнимая Сильвестровну.

— Полно, полно; меня не за что, я только долгъ христіанскій исполнила... Лизутка! сказала она вдругъ, куда ты забилась, на тебѣ пряничка...

Надобно замѣтить, что со дня рожденія братишки, Лизутка, какъ будто испуганная чѣмъ, дичилась и пряталась по угламъ, да и Василиса добрую часть своего вниманія отняла отъ дочери въ пользу новорожденнаго. Это въ маленькихъ дѣтяхъ къ ихъ новорожденнымъ братьямъ и сестрамъ—сродно ревности или зависти, пожалуй зародышъ того или другаго.

— Такъ я-то, продолжала словоохотливая Сильвестровна, я долгъ христіанскій, изъ жалости къ тебѣ исполнила, а вотъ бажатъ-отъ твой...

— Шуйцынскій дьячекъ?

— Ахъ ты обумѣлая! Нешто Никаноръ Захарычъ, дьячекъ, бѣдняга, далъ бы такой крестикъ, двадцать аршинъ холста на ризки, рублевикъ денегъ тебѣ, да мнѣ рублевикъ? Нѣ-ѣ, роженая, выше подымай. Сынишку-то твово крестилъ архангельскій первостатейный купецъ Василій Никандрычъ Грохотовъ, во какъ,

знай нашихъ! Да погоди, я тебѣ все обрядно разскажу. И начала разсказывать.

— Постой! перебила ее Василиса, вытянувъ голову къ дверямъ:—никакъ идутъ? Сердце ея замерло, потомъ застучало рѣдко, твердо, и каждый ударъ молотомъ долбилъ въ темя и шумно отдавался въ ушахъ. Холодный потъ омочилъ лобъ и виски Барсуковой, глаза ея тревожно остановились на порогѣ... Дверь распахнулась, и...

VII.

И въ клубахъ пару показался Авдѣй, мужъ Танюши; она сама и нѣсколько бабъ выглядывали изъ-за его плечъ. Лица у незваныхъ гостей были вытянутыя, встревоженныя; Танюша, не смотря на надѣтый на голову ярко-красный платокъ, была блѣдна, глаза заплаканы.

— Здравствуй, Василиса! какъ-то нерѣшительно произнесъ Авдѣй, перекрестясь на образъ.—Съ новорожденнымъ тебя...

— А Максимъ? перебила его Барсукова, тревожно обводя глазами все собраніе.

— Какъ живешь? произнесъ онъ совершенно не впопадъ.

— Максимъ гдѣ? повторила настойчиво Барсукова.

— Хозяинъ-те? Ничего, кланяется, проситъ не тосковать и по немъ не убиваться...

— А дальше? спросила Василиса съ возрастающей раздражительностью.—Все тутъ; больше ничего?

— Ничего, окромя его родительскаго благословенія, на вѣки нерушимаго.

— Остался въ Питерѣ?

— Остался.

— Живетъ ладно нешто?

Авдѣй что-то промычалъ.

— И весело поди-ко-сь? продолжала допрашивать Барсукова.

— Какое веселье; вѣстимо по тебѣ да по дочкѣ сокрушается...

— Да не бреши, Авдѣй, хошь ради Создателя. Еслибъ онъ сокрушался, такъ пришелъ бы, либо съ тобой хошь полтину денегъ прислалъ. «На» молъ «снеси бабищѣ, да дочери, може безъ

меня, какъ собаки съ голоду дохнутъ!» Вѣдь я, Авдѣюшко, теперенько дрогну, голодаю съ Лизуткой... Пущай я окаянная по грѣхамъ терплю! чѣмъ же дочь виновата, чѣмъ Вася грѣшенъ? Ну, а какъ у меня въ груди молоко оскудѣетъ, чѣмъ тогда младенца кормить; кровь мою ему, что ли, сосать? Вѣдь я его, голубчика, въ чужія лохмотья кутаю; мнѣ и окрестили-то его... ради Христа...

— Полно манывать, продолжала Барсукова отчаянно:—неча пустое болтать, рѣжь на прямикъ: «загулялъ» скажи «нашъ Максимъ Иванычъ въ разудаломъ Питерѣ, винцомъ производиться зачалъ, да съ какой нибудь съ подлой душой связался... вотъ это вѣрнѣе!...

— Нѣ, нѣ! поспѣшно перебилъ Авдѣй: — не грѣши на него горемычнаго: ни гулякой, ни пьяницей, ни распутникомъ не бывалъ онъ отродясь! Во вѣки вѣковъ не позабыть мнѣ его доброхотства. Когда я въ полицію безвинно попалъ да подъ штрафомъ сидѣлъ, всѣ нашинскіе отъ меня, словно отъ окаяннаго какого, отшатнулись; одинъ твой хозяинъ мнѣ въ тѣ поры три алтына денегъ да калачикъ принесъ. Просилъ я его: «землячокъ любезный, Максимъ Иванычъ! придешь ты домой, не оставь мою бабицу съ малыми ребятами!» Думалъ, сгину, пропаду, анъ вышло на изворотъ, я теперь слобонился, а Максимъ...

— Въ острогѣ?

— Охъ, моя болѣзная, да что же мнѣ тебѣ... облыжно говорить не хочется, а правду сказать, спужаешься!

— Живъ, аль померъ?

— Лучше ты и не спрашивай!...

А съ Барсуковымъ случилось вотъ что.

Сентябрь 1782 года въ Петербургѣ былъ необыкновенно бурный. Въ первые двѣ недѣли Нева нѣсколько разъ затопляла западную оконечность Васильевскаго Острова и приступала къ краямъ своей гранитной набережной. Опасались наводненія подобнаго бывшему пять лѣтъ назадъ, въ 1777 году. Сообщеніе съ зарѣчными частями города, на день, на два, пресѣкалось; поврежденные бурею мосты чинили, а ѣздить на лодкахъ не пускали. Плотовщики не скупились на ругательства, которыми осыпали Неву, морской вѣтеръ, непогоду; перевозчики сидѣли сложивши руки. Дни уходили за днями; барометръ не поднимался, Нева не понижалась, вѣтеръ не стихалъ.

Вотъ въ одинъ изъ ненастныхъ дней, когда вѣтеръ выл съ особенной яростью, Нева бѣсновалась и Петербургскій климатъ выказывался во всемъ блескѣ своего болотнаго величія, часу въ пятомъ вечера, на Смольнинскій перевозъ прибѣжалъ какой-то купчикъ, умолялъ, чтобъ его перевезли на ту сторону, сулилъ за перевозъ цѣлыхъ 5 карбованцевъ.

Барсуковъ согласился перевезти купца. Какъ только они выѣхали на средину, лодку начало загонять волнами. Купецъ сѣлъ рядомъ съ Максимомъ и тоже работаетъ весломъ, но по всему замѣтно, что грести не умѣетъ. Носовая часть лодки совсѣмъ погрузилась въ воду, а корму высоко вздернуло, скрывъ отъ глазъ зрителей нашихъ смѣльчаковъ... Вдругъ всѣ лодочники, въ одинъ голосъ охнули.

— Э! крякнулъ старикъ съ выраженіемъ жалости и негодованія.

— За пять карбованцевъ! отозвался другой лодочникъ.

Третій только перекрестился.

По самой срединѣ Невы, внизъ по рѣкѣ, волна перебрасывала волнѣ пустую лодку; смѣлый купецъ и Максимъ Барсуковъ ушли ко дну.

А между тѣмъ Васютка Барсуковъ росъ и подросталъ. Благополучно миновалъ для него періодъ прорѣзыванья зубовъ, глазные и коренные выросли у него, какъ ростутъ грибы въ дождливое время, въ нѣсколько ночей. Десны свои ребенокъ чесалъ не фіалковымъ корешкомъ, не колечкомъ изъ слоновой кости, а коркой черстваго хлѣба, заработаннаго матерью тяжелымъ трудомъ, или поданнаго ей Христа ради. Падалъ Васютка и не убивался, хворалъ и самъ собой выздоравливалъ, угоралъ, мерзъ... И при всемъ этомъ росъ, мужалъ, вытягивался. Дадимъ же ему время войти въ болѣе толковый возрастъ и займемся покуда хоть топографіей деревни Выдрихи и ея окрестностей; это пригодится намъ впослѣдствіи.

Выдриха, какъ уже извѣстно читателю, расположена на берегу Свири, съ прочихъ трехъ сторонъ ее окружаютъ болота и дремучій лѣсъ, занимающій пространство въ двѣ тысячи шестьсотъ десятинъ. Деревенскія дѣвки и бабы безбоязненно ходятъ въ него за грибами, мужики за валежникомъ ѣздятъ, а между тѣмъ, изнѣженный горожанинъ не скоро рѣшится вступить въ его таинственныя чащи. Одинъ видъ опушенныхъ мохомъ исполинскихъ елей и сосенъ приведетъ его въ ужасъ; непривычнымъ

ноги, на каждомъ шагу будутъ цѣпляться за чудовищные корни, будто змѣи извивающіеся по̀ землѣ; наконецъ, безъ навыка, бѣдный путникъ, продираясь сквозь вѣтви, либо все лицо себѣ перераниттъ, либо глаза выколетъ. За лѣсомъ, на берегу озера лежитъ деревушка Спасовка, принадлежащая помѣщицѣ Бухариной, а за Спасовкой опять начинается лѣсъ, въ который не отваживаются уже ни дѣвки за грибами, ни мужички за топливомъ, ни даже вооруженные звѣроловы. Про этотъ лѣсъ, съ незапамятныхъ временъ, ходятъ по всей губерніи страшные слухи, къ несчастію, не лишенные нѣкотораго основанія. Рѣчь не о разбойникахъ.

Причисленный къ владѣньямъ какого-то упраздненнаго монастыря, въ межевыхъ картахъ того времени этотъ лѣсъ прозывался «Ѳедосѣевскимъ», въ мѣстныхъ преданіяхъ — *Мертвымъ*, и это послѣднее прозвище мы оставимъ за нимъ въ нашемъ разсказѣ. Передавая читателю эти преданія, долгомъ считаемъ однако же напомнить, что дѣйствіе происходитъ восемьдесятъ лѣтъ тому назадъ.

Общая молва гласитъ, что со временъ царя Ивана Грознаго, въ Мертвомъ лѣсу гнѣздятся, не то, чтобы просто раскольники, а «еретники», отступники отъ вѣры православной, и понынѣ въ этомъ лѣсу отправляютъ свои обряды. Въ чемъ состоятъ они, мнѣнія расходятся: одни говорятъ, что «еретники» заманиваютъ къ себѣ дѣтей и кровь изъ нихъ высасываютъ, другіе, что они живому медвѣдю покланяются.

VII.

Деревня Выдриха принадлежитъ уже не бригадиру Губанову, а дочери его, Вѣрѣ Матвѣвнѣ, или правильнѣе, зятю — Ѳеопемпту Платонычу Кедроливанскому, служащему въ Петербургѣ столоначальникомъ въ одномъ очень важномъ присутственномъ мѣстѣ. Лѣтомъ, того же года, новые владѣтели посѣтили Выдриху. Первымъ дѣломъ, по обычаю христіанскому, молебенъ съ водосвятіемъ отслужили, причемъ Ѳеопемптъ Платонычъ сами изволили подтягивать причту удивительно нѣжнымъ тенóромъ. Впрочемъ, и вся наружность коллежскаго ассесора Кедроливанскаго была удивительно нѣжная: лицо благолѣпное, очи ясныя, взоръ привѣтливый. Вѣра Матвѣвна куда была ему не пара! По

окончаніи молебна сталъ Кедроливанскій распрашивать старосту о томъ, ходятъ ли мужички по воскресеньямъ въ церковь, соблюдаютъ ли посты, и приказалъ ему имѣть за этимъ неослабное наблюденіе. «Вѣдь это братья твои», сказалъ при этомъ баринъ, со слезами на очахъ,—«я не приказываю, а умоляю тебя любить ихъ всѣхъ тою же любовью какъ я люблю!» Потомъ Ѳеопемптъ Платонычъ обратился къ крестьянамъ. Онъ сказалъ имъ, что живота своего не пощадитъ для ихъ счастія, что если имъ при покойномъ баринѣ хорошо было, то теперь будетъ еще лучше... И все это такъ сладко, чувствительно!.. Денька черезъ два добрые господа уѣхали въ Питеръ, напутствуемые благословеньями всего міра деревни Выдрихи.

— Ну! сказали мужички:—теперь-то намъ будетъ рай, а не житье!—Даже горемычная Барсукова, и та чему-то обрадовалась.

Мѣсяца черезъ два въ деревню явился какой-то приказный, въ сопровожденіи становаго. Дѣйствуя именемъ Кедроливанскаго, онъ немедленно приказалъ старостѣ сдать себѣ управленіе Выдрихой. Вскорѣ объявлено крестьянамъ, что оброкъ ихъ увеличенъ; несостоятельнымъ приказано трижды въ недѣлю ходить на пилку бревенъ къ сосѣднему лѣсопромышленнику, снявшему на аренду половину выдринскаго лѣса. Разрѣшеніе ходить въ Питеръ, на заработки, оставлено въ прежней силѣ, съ тѣмъ однако же условіемъ, чтобы желающіе вносили за свои виды по десяти рублей ассигнаціями. Мужикамъ, подъ опасеніемъ розогъ, запрещено пользоваться дровами въ лѣсу, бабамъ и дѣвкамъ ходить туда за грибами; даже часть берега отдана на аренду какому-то рыболову. Управляющій, пьяница и грабитель, ввелъ въ моду экзекуціи и взялъ мужиковъ въ ежовыя рукавицы. Взвыли бѣдняки, и при всемъ томъ, ни у одного изъ нихъ не срывалось съ языка ропота на Кедроливанскаго. «Если бы онъ, голубчикъ нашъ, только вѣдалъ», говорили они, «онъ бы разсудилъ насъ съ этимъ окаяннымъ міроѣдомъ! Авось, когда еще побываетъ, увидитъ самъ!»

Ждите, добрые люди... увидитъ...

Само собою, что число ходящихъ въ Питеръ значительно убыло; бѣдность и нищета свирѣпствовали въ Выдрихѣ; зажиточные обнищали, нищіе трудились до кроваваго поту. Кому они работали, кто ими помыкалъ? Лѣсопромышленникъ, свой же братъ, мужикъ, который всякими неправдами нажился, въ люди попалъ, да чужими руками жаръ и загребаетъ.

Всѣ эти преобразованія ни мало не ухудшили положенія семьи Барсуковыхъ; не даромъ же изрекъ китайскій мудрецъ: блаженъ неимущій, ибо таковому терять нечего. Прежняя Лизутка, теперь красивая, восемнадцатилѣтняя дѣвка, хозяйствомъ править, мать кормитъ; безъ нея пришлось бы старухѣ по міру ходить. Кромѣ дочери, есть правда, у нея сынъ-любимецъ, которому съ прошедшаго ноября пошелъ тринадцатый годъ. Барщины онъ еще не отправляетъ, съ матерью живетъ, да невелика ей радость отъ любимчика. Ребенкомъ былъ лѣнивъ, а теперь и вовсе не принимаетъ въ хозяйствѣ никакого участія; бывало, хоть валежнику натаскаетъ, ведро воды со Свири принесетъ, теперь и этого нѣтъ. Только ходитъ, повѣся голову, изъ угла въ уголъ, либо по цѣлымъ днямъ пропадаетъ изъ дому—куда? ни мать, ни сестра добиться не могутъ; чѣмъ настоятельнѣе ихъ распросы, тѣмъ нашъ Васютка молчаливѣе. Думая, что на него порча напущена, Барсукова приглашала знахарку-сосѣдку для совѣщаній: она что-то пошептала надъ Васюткой, дала ему выпить какой-то дряни, мальчишка съ того времени еще хуже сталъ, такъ мать съ сестрой на него и рукой махнули. Гдѣ бы его побранить, Василиса плачетъ да охаетъ, сестра слова не смѣетъ сказать, а Васютка пуще и пуще своевольничаетъ.

Праздничный лѣтній день 1795 года. Многіе выдринцы, въ числѣ ихъ Лиза Барсукова, чуть свѣтъ отправились къ заутрени на Шуйцынъ погостъ. Заблаговѣстили; яркіе лучи восходящаго солнца, врываясь въ открытыя окна, золотистыми полосами отражаются въ клубахъ ладону; къ нестройному пѣнію «сбора дружины» примѣшивается звонкое, задорное чириканье воробьевъ на могильныхъ березахъ; церковь полна народу. Въ толпѣ прихожанъ, Лизы однако же не замѣтно; а между тѣмъ она сказала больной матери, что идетъ къ заутрени, что по окончаніи службы непремѣнно возвратится домой — гдѣ же она?

На самомъ отдаленномъ краю погоста, на могилкѣ, осѣненной раскидистой черемхой, сидитъ Лиза въ праздничномъ своемъ шушунѣ, а рядомъ съ нею красивый молодецъ. Довѣрчиво ведетъ она съ нимъ разумныя рѣчи. Сюда не проникнетъ нескромный взглядъ непрошенаго прохожаго, авось здѣсь не подслушаетъ ихъ постороннее ухо.

— Такъ ты баишь, что братишка все еще дуритъ?

— Съ самой съ весны на себя не похожъ. Мы съ маткой ума не приложимъ, что съ нимъ творится? На насъ волкомъ глядитъ,

на кажинное слово огрызается, ночи на пролетъ не спитъ и по цѣльнымъ днямъ изъ дому пропадаетъ. Домой придетъ, на себя не похожъ: рожа блѣдная, какъ тряпица, глаза какъ у бѣшеной собаки; распрашивать станешь, онъ одно ладитъ: ничего да ничего! Вѣришь ли, матка глядя на него просто убивается.

— Скажи-тко мнѣ лучше, мучица-то есть ли у васъ?

— Есть, по твоей милости.

— Какъ будетъ на исходѣ, мнѣ только глазкомъ мигни. Теперенько, чтобъ не забыть, во́ тебѣ ленточку въ косу, да денегъ полуполтинникъ...

— Не нужно, Боря, право слово, не нужно. Ты и такъ для насъ себя обдираешь, стыдъ меня беретъ... Словно я ради подарковъ... И куда мнѣ такую ленту нарядную? Надѣну, матка спроситъ, откуда, что жь я ей скажу?

— Ну, хорошо; только люби ты меня, а тамъ не думай ни о чемъ.

Съ колокольни раздался трезвонъ, заутреня отходила.

— Прощай, Боря! воскликнула Лиза, поспѣшно вставая съ мѣста.

— Прости, лапочка моя; когда жь свидимся?

— Завтра около полденъ... Ахъ, Боря, народъ расходится...

— Поспѣешь, звѣздочка моя ясная! Такъ завтра, у часовенки?

— Да, да, безпремѣнно.

— Возьми же ленточку и полуполтинникъ, не обидь меня.

— Совѣстно, Боря! Спасибо, мой роженый!

Торопливый, дрожащій поцѣлуй скользнулъ по загорѣлой щекѣ молодаго парня, и, прежде нежели онъ могъ опомниться, Лиза была уже далеко; только русая головка мелькала между кустарниками Шуйцына погоста.

Съ сердцемъ, замирающимъ отъ восторга, дочь покойнаго Максима спѣшила домой; будущее рисовалось въ ея воображеніи такими яркими красками, мечты Бориса казались такъ сбыточны... Бѣдная дѣвушка! Въ пріятныхъ думахъ она не замѣтила, какъ дошла до Выдрихи, и видъ этой нищеты, этихъ мрачныхъ избъ, отъ свѣтлаго будущаго привлекъ ея мысли къ безотрадному настоящему. На крыльцѣ встрѣтила ее Василиса, когда-то полная, красивая молодица, теперь дряхлая, сморщенная старуха.

— А Васютки не видала? спросила ее мать унылымъ голосомъ.

— Нешто онъ со мной былъ?

— Слѣдомъ за тобой пошелъ. Баилъ, на погостъ, къ заутрени...

— Можетъ, и былъ, прошепталакраснѣя Лиза:—только я его не видала.

— Обманулъ меня видно, чтобъ только отвязаться! плаксиво заныла Василиса.—Ужь я-ль его нонѣ не уговаривала, не упрашивала,—нѣтъ, молчитъ. Знашь, что мнѣ, Лиза, на умъ пришло: не фармазоны ли окаянные его мутятъ?

— Какіе* фармазоны, матушка: просто своя въ немъ дурь ходитъ. Я какъ его запомню, завсегда такой былъ чудной.

IX.

Зная отъ матери и отъ сестры, что крестнымъ его отцомъ былъ проѣзжій купецъ Василій Никандрычъ Грохотовъ, Васютка съ семилѣтняго возраста привыкъ поминать его въ своихъ молитвахъ. Зналъ онъ также, что въ деревнѣ Спасовкѣ есть другой крестникъ Грохотова, пріемышь тамошняго мужика Тимохирыжаго. Чуждаясь своихъ сосѣдей-сверстниковъ, которые его часто обижали, не имѣя между ними ни товарища, ни пріятеля, одинокій Васютка подростая нерѣдко задумывался о своемъ крестовомъ братѣ, и желалъ съ нимъ познакомиться. До тринадцати лѣтъ однако же крестовые братья не встрѣчались, а познакомились только съ полгода тому назадъ.

Разъ познакомясь, крестовые братья, не смотря на раздѣлявшее ихъ трехверстное разстояніе, видѣлись почти ежедневно. Первую пору Васютка-волченокъ, какъ его звали, нѣсколько дичился и такъ жалобно поглядывалъ на крестнаго брата, будто ежеминутно ожидалъ, что тотъ его ударитъ. Мало по малу ласковое обхожденіе съ нимъ Барсукова разсѣяло напрасный страхъ бѣднаго подкидыша, и онъ повѣрилъ своему братишкѣ всѣ огорченія, которыя давно накипѣли на его маленькомъ сердчишкѣ. «Тимоѳей, мнѣ, говорилъ онъ:—злодѣй, а не доброхотъ! Лучше бы онъ меня махонькаго убилъ; вотъ онъ какой есть человѣкъ! Есть ли на моемъ суставѣ цѣльная хошь единая косточка, а на головушкѣ волосокъ нетронутый? Я знаю, зачѣмъ онъ меня роститъ, чтобъ послѣ, вмѣсто очереднаго въ солдаты сдать, слыхалъ я энту штуку!» Много доставляла удовольствія Барсукову эта

наивная исповѣдь маленькаго страдальца, въ сравненіи съ которымъ онъ могъ называться счастливцемъ. У него есть мать и сестра, у Волченка — ни роду, ни племени; онъ хоть корку сухаго хлѣба жуетъ, Волченокъ по цѣлымъ днямъ голодаетъ; его во всю жизнь мать раза три ударила, Васютку только лѣнивый не бьетъ. Платя откровенностью за откровенность, Барсуковъ разсказалъ Васюткѣ всю свою жизнь, и, между прочимъ, задушевную свою тайну.

— Не упомню я, говорилъ онъ:—какъ оно давно было, баила мнѣ матка про Питеръ: какъ нашинскіе туды въ старину ходили на заработки, какъ деньгу наживали... про все! Вѣришь аль нѣтъ, съ той поры словно мнѣ энтотъ Питеръ гвоздями кто въ башку вколошматилъ; а въ уши таково гудетъ: — «ступай въ Питеръ, ступай въ Питеръ!»

— Энто нечистый орудуетъ, глубокомысленно замѣтилъ Васюха.

— Кто его знаетъ! продолжалъ Барсуковъ. — Да отчего бы намъ не попытаться, ась? я убѣгу въ Питеръ, а ты въ Архангельскъ.

— Попытаться можно, да какъ?

— Добудемъ откуда нибудь деньжонокъ, попросимъ, чтобъ насъ на барку взяли, али съ обозомъ, и махнемъ въ Питеръ.

На мысли достать деньжонокъ и остановились крестовые братья, и Васька рѣшился убѣжать непремѣнно.

X.

Ярко пылаетъ огонь на кузницѣ у Бориса; отъ богатырскихъ ударовъ молота земля стонетъ, искры дождемъ брызжутъ съ наковальни; къ полудню, во чтобъ ни стало, надобно съ работой покончить, а тамъ къ часовнѣ. То-то порадуется Лизутка, когда Борисъ выроетъ изъ-подъ земли и покажетъ ей свои денежки. Въ другихъ мѣстахъ, мужички въ землю хлѣбъ сѣютъ, а нашъ кузнецъ серебро; рожь, при богатомъ урожаѣ, десятерицею родится, авось Господь поможетъ и Борису утроить свое сокровище. Занятый работою, кузнецъ не слыхалъ, какъ въ кузницу ввалился Тимоха-рыжій, благодѣтель Волченка, подкидыша.

— Богъ тебѣ въ помощь, парень!

— Спасибо, отвѣчалъ Борисъ, опуская молотъ:—зачѣмъ пожаловалъ?

— Скажи, другъ сердечный, не видалъ ли мово безпутнаго Васьки?—Съ ночи ушелъ, по сю пору домой не бывалъ, да еще и топоръ мой унесъ. Не бывалъ онъ въ кузницѣ?

— Нѣтъ, не бывалъ.

— Увидишь неравно, ко мнѣ гони, а ужъ я его, шельмеца, во какъ изобью! и сжавъ кулакъ, Тимофей злобно ухмыльнулся.

— Охъ вы, благодѣтели! со вздохомъ произнесъ ему вслѣдъ кузнецъ, да и призадумался о Васькѣ горемычномъ; куда и зачѣмъ убѣжалъ Волченокъ? Видно и впрямъ силъ не хватило на тошное житье у Тимохи. Лежитъ теперь гдѣ нибудь подъ кустомъ съ обрубленной рукой, либо съ петлей на шеѣ, на сучкѣ покачивается... Примѣръ не новый!

Въ сторонѣ отъ дороги со Спасовки на Выдриху, окруженная частымъ ельникомъ, стоитъ старинная часовня. Только разъ въ году, объ Рождествѣ, собираются къ ней на поклоненіе богомольцы; въ прочія времена года никто туда и не заглядываетъ. Никто не знаетъ, когда и кѣмъ часовня эта построена; дѣды и отцы помнятъ ее постоянно въ одинаковомъ, полуразрушенномъ состояніи. Крутая крыша густо опушена бархатистымъ мохомъ, мѣстами и травкой; заржавленный крестъ на вершинѣ вѣтромъ покачиваетъ изъ стороны въ сторону. Солнце, едва пробиваясь сквозь рѣшетчатыя окна, озаряетъ развѣшанныя по стѣнамъ иконы стариннаго письма, съ черными ликами, обведенными мѣдными вѣнчиками.

Туда спѣшилъ Борисъ, окончивъ свою работу; тамъ нашелъ онъ свою Лизу сидящею на ветхихъ ступенькахъ у входа въ часовню. Неподалеку отъ Барсуковой лежала большая вязанка хворосту, предлогъ ея отлучки изъ дому.

— Давно ли ты тутъ, моя касаточка?

— Только что пришла.

— А я-то бѣгъ сломя голову; заработался. Ну, что у тебя дома?

— Дома—просто чудеса творятся. Нонѣ Васюха нашъ поднялся ранехонько; воды натаскалъ, дровъ накололъ, огонь развелъ, со мной ласковъ, а маткѣ просто въ глаза глядитъ, словно за ночь переродился.

— Это хорошо, а показать тебѣ нашъ кладъ?

— Показывай, показывай! съ радостнымъ любопытствомъ произнесла дѣвушка.

— Пойдемъ же сюда. Вотъ елка, третья отъ краю влѣво.

Видишь ты на ней, повыше-то, два крестика? Это моя помѣтка. Теперь отъ помѣтки къ корню! Тутъ Борисъ вынулъ изъ-за пояса желѣзную лопатку и принялся рыть землю; Лиза подлѣ него присѣла на корточки.

— Не увидалъ бы кто? сказала она, робко озираясь.

— Кому увидать, сюда окромя насъ съ тобой никто не ходитъ.

— Странное дѣло, продолжалъ онъ, роя землю: — былъ я этто третьева дня, все ладно утопталъ, а земля разрыхлилась, хоть горстями разгребай.

— А глубоко закопано?

— Локтя на два, отрывисто отвѣчалъ Борисъ: — теперь скоро... Господи, наше мѣсто свято; что же энто за притча? Вона, ямицу какую вырылъ, а денегъ не видать!

— Не ушелъ ли твой кладъ въ землю? смѣясь сказала Лиза.

— Какое! вскричалъ кузнецъ, вскакивая съ мѣста и судорожно смѣясь.

— Боря, что ты? Боринька?!

— Украли! прохрипѣлъ онъ, бросая лопату объ землю.—Богъ выдалъ, меня кто нибудь подглядѣлъ!

Зарыдалъ Борисъ, какъ слабая женщина, и продолжалъ не слушая увѣщаній Лизы.

— Для кого же я копилъ ихъ, годъ безъ малаго, руки мозолилъ до крови, потомъ обливался; для кого? Для какой нибудь выжиги каторжной, для разбойника? Вѣдь я не на худое копилъ, не на распутство, а по Божьему же закону жить хотѣлъ!

— Не убивайся, Боря; судьба видно такая!

— Да, судьба наша съ тобой гибнуть ни за копѣйку. Ну! вечоръ ты меня просила оставить, позабыть тебя, а нонѣ я скажу: —ступай на всѣ четыре стороны, да ищи себѣ мужа, окромя меня; за краеу, за честь, за нравъ твой, тобой и богачъ не погнушается! Кажинному свое:—тебѣ вѣнецъ, а мнѣ петля!...

Лиза быстро встала съ мѣста.

— Такъ-то? А еще смѣлъ говорить, что одное меня любишь, душу свою за меня положишь!... Нѣтъ, видно деньги тебѣ милѣй меня! Ты думаешь, за деньги я полюбила тебя?

— Нѣтъ, мнѣ не денегъ, а трудовъ твоихъ жаль, и теперь я по прежнему буду любить тебя. А вѣдь мнѣ пора домой. Мы свидимся съ тобою въ среду, на зарѣ, за озеромъ въ оврагѣ, около Мертваго лѣса. Прости Боря, не горюй, не унывай.

Поплелась домой наша бѣдняжка, а сердце на части разрывается. При Борисѣ она еще крѣпилась, но теперь, одна одинешенька, залилась горькими слезами, вполнѣ сознавая всю безнадежность своего положенія. Деньги не отыщутся, съ неба не свалятся, а покуда Борисъ новыя заработаетъ, много воды утечетъ, а слезъ и подавно. Воля Божія! говорила она Борису, а теперь вспомнила, что есть еще воля господская на свѣтѣ; кромѣ господской, есть еще воля родительская, только Лизѣ да Борису нѣтъ воли!

XI.

Со дня побѣга Васьки изъ Спасовки пошли вторыя сутки.

— Обождемъ еще, рѣшилъ тамошній староста, и ежели денъ черезъ пять не придетъ парнишко, можно будетъ понятыхъ разослать!

Лѣсъ, въ который донынѣ всѣ, отъ мала до велика, ходили спокойно, сдѣлался всеобщимъ предметомъ ужаса. Молодыя дѣвки перестали туда ходить изъ боязни, чтобы вмѣсто гриба не найти въ кустахъ головы подкидыша, которую онъ, по ихъ мнѣнію, самъ себѣ топоромъ отрубилъ. Бабы и мужики, опять, другое думали. Рѣдкій изъ нихъ, во времена оны, не билъ, не обижалъ подкидыша: что, ежели теперь Васька въ лѣсу встрѣнется, да за прошлые толчки обухомъ угоститъ? Тимоѳей Архиповъ, болѣе прочихъ имѣя право на подобныя опасенія, денно и нощно двери своей хаты на запорѣ держалъ, кромѣ барщины никуда носу не показывалъ, и прескверно спалъ по ночамъ; въ сумерки въ каждомъ темномъ углу мерещились ему или грозные глаза питомца, или свѣтлое, отточенное лезвіе топора. Такимъ образомъ, слабый тринадцатилѣтній мальчикъ сдѣлался для своего мучителя страшнѣй лѣшаго, а невинный топоръ чѣмъ-то въ родѣ меча Дамоклеса.

Напрасныя опасенія! Мстить Волченокъ никому не намѣренъ, а другое теперь у него на умѣ.

Ночью, съ воскресенья на понедѣльникъ, съ нимъ да съ братомъ его крестовымъ чудо случилось, и съ той минуты Васька, укрываясь въ лѣсу за озеромъ, ждетъ тамъ своего брата, чтобы вмѣстѣ съ нимъ бѣжать въ городъ Архангельскъ, отыскивать ихъ общаго бажата—купца Грохотова.

Первый день бѣглеца промелькнулъ почти незамѣтно. По-

шелъ онъ самой чащей лѣса, и зашелъ въ такую глушь, куда до сихъ поръ, кажется, и не проступала нога человѣка. Лицо Васьки до крови перецарапано, рубаха въ лохмотьяхъ, со вчерашняго дня во рту крохи не было, за то, какъ легко дышется на свободѣ, какъ любо ему сознанье, что вырвался онъ, наконецъ, изъ ежевыхъ рукавицъ своего благодѣтеля. Поѣлъ Васька желудей, пожевалъ какихъ-то корешковъ и прилегъ на мягкій мохъ, подъ раскидистыя вѣтви громадной ели, иглы колятъ, комары жалятъ, нѣсколько клещей въ тѣло впилось, а все лучше спится, нежели въ избѣ Тимоѳея Архипова. Занялась заря вторыхъ сутокъ и сталъ бѣглецъ пробираться къ оврагу, за озеромъ, гдѣ крестовый братъ назначилъ ему сходку. На этотъ разъ дорога была опаснѣе; слѣдовало перебраться черезъ поле, которое со Спасовки видехонько, какъ на блюдечкѣ. Къ счастію, день былъ пасмурный, шла изморозь и влажная пелена скрывала Спасовку отъ глазъ, только черный дымъ изъ трубы кузницы Борисовой по землѣ стелется. Вотъ и оврагъ, здѣсь бояться нечего, кромѣ звѣздочки небесной никто тебя не увидитъ. Забился бѣдняга въ одну изъ глубокихъ впадинъ на днѣ котловины, а все чувствовалъ себя спокойнѣе, нежели въ Спасовкѣ. Ежели и придетъ мишка косолапый, томить не будетъ, разомъ черепъ своротитъ; онъ не Тимоѳей Архипычъ—мучить не любитъ.

На этотъ разъ день показался Васькѣ длиннѣй вчерашняго. Чуть вѣтка хрустнетъ, чуть листъ зашумитъ, мальчикъ, затаивъ дыханье, прислушивается, не братъ ли крестовый идетъ, но Барсуковъ не приходилъ, и прождалъ его Васька до поздней ночи. Тогда овладѣло имъ мучительное безпокойство, и мысли одна другой страшнѣе заволокли разумъ. Не случилось ли чего съ Васюткой Барсуковымъ? Можетъ быть, заболѣлъ; можетъ быть, мать или сестра догадались, что онъ бѣжать хочетъ, и не выпускаютъ изъ дому; можетъ быть, кто нибудь изъ Спасовцевъ выпытываетъ у крестоваго брата, куда бѣжалъ подкидышъ?

Все можетъ быть. А время уходитъ, и будущее Волченка принимаетъ теперь зловѣщій оттѣнокъ, и видитъ онъ въ немъ однѣ бѣды. Такъ бѣглецъ провелъ всю ночь и только подъ утро позабылся дремотой. Его разбудили приближающіеся шаги и хрустъ вѣтокъ подъ тяжелой поступью; кто-то спускался на дно оврага. Завидя прохожаго, Васька подальше забился въ свою норку, и узналъ въ пришедшемъ кузнеца Бориса.

Кузнецъ сѣлъ въ нѣсколькихъ отъ него шагахъ и задумчиво

подбрасывалъ хлыстомъ прошлогодніе еловые шишки. Черезъ нѣсколько минутъ опять раздались шаги, съ противоположной стороны, и въ оврагъ, съ небольшимъ коробкомъ за плечами, спустилась Лиза.

— Замѣшкалась я? спросила она, опускаясь на траву подлѣ Бориса.—Давно ты ждешь?

— Поджидалъ тебя у оврага недолго. Да что съ тобой приключилось? Съ лица словно похудала, глаза заплаканы...

— Будутъ заплаканы, какъ всю ночь ихъ не осушала!

— Что же такое? тревожно спросилъ Борисъ.

— Дай сперва въ волюшку наплакаться, за обоихъ за насъ; самъ-то хошь не плачь! Знаешь ли, Боря, кто нашего Василья портилъ, кто твои денежки укралъ?

Волченокъ внимательнѣе сталъ прислушиваться, а Лиза всхлипывая едва проговорила:

— Крестовый братъ, вашъ Спасовскій Васька! Да, вечеръ утромъ Васютка нашъ во всемъ повинился. Какъ его Васька подбивалъ матки не слухаться и бѣжать въ городъ Архангельскъ къ ихнему бажату купцу Грохотову.

— Лиза, перебилъ Борисъ: — мнѣ не вѣрится! Можетъ ли быть, чтобы нашъ Васька, забитый, запуганный...

— Отчего же, съ его уходомъ, нашъ Вася совсѣмъ другимъ человѣкомъ сдѣлался? Но это еще не все, дальше слухай.—На прошедшей недѣлѣ вашъ Васька нашему сенъ разсказывалъ, будто какой-то старикъ привелъ его въ лѣсъ къ елкѣ у часовни и велѣлъ ему рыть землю. Вырылъ онъ ямку—глядитъ, анъ тамъ серебро; а старикъ ему баитъ:—«ступай ты въ это нѣсто завтра на зорѣ и кладъ тебѣ дастся, а положенъ энтотъ кладъ на голову кузнеца Бориса!»

— Это все нашъ Васька во снѣ видѣлъ?

— Ну да, и братишкѣ моему сказывалъ. Вася трухнулъ и обѣщалъ ночью идти съ нимъ вмѣстѣ къ часовнѣ, одначе убѣгъ домой, а Васька съ энтой самой ночи въ бѣгахъ, съ твоими денежками. Теперь у меня сердце болитъ, что, ежели онъ вздумалъ извести тебя?

— Полно, рыбонька! Да я самъ сто разовъ это раздавливалъ, какъ таракана. Дѣло, вишь ты, ясное; онъ мошенникъ, подглядѣлъ, какъ я мои денежки пряталъ, да вашему Василью и сплелъ ахинею про сонъ, про старика...

— Окромя энтого, Вася тихонько отъ матки сказалъ мнѣ:—

что подкидышъ баилъ про меня, будто я дѣвка пропащая, что ты мой полюбовникъ!

— А ужь за это я подкидышу голову сверну, ежели онъ мнѣ попадется!

— И себя погубишь!

— Пущай, а онъ тебя безвинно не порочь. Что же вашъ Вася раньше думалъ, а ждалъ, чтобы Васька убѣгъ? Боялся его что ли?

— То-то, боялся. Онъ баитъ, что Васька словно обнесъ его чѣмъ.

— Господи, Господи! Что же это за змѣя за такая!

Съ мутными вытаращенными глазами, обливаясь холоднымъ потомъ, слушалъ подкидышъ странный разсказъ сестры Барсукова. Раза три порывался онъ выйдти изъ своей западни, чтобы сказать молодымъ людямъ, что Василій Барсуковъ безвинно оклеветалъ его и свою собственную вину своротилъ на его беззащитную голову. Онъ подбивалъ Барсукова не слушаться матери? Онъ уговаривалъ его идти къ бажату? Онъ выдумалъ сонъ про старика? Да не самъ ли Барсуковъ уговорилъ его бѣжать ночью отъ Тимофея, не онъ ли, при его глазахъ, вырылъ кладъ!..

Долго еще бесѣдовалъ Борисъ съ Лизою; ушли давно, а Васька все еще сидѣлъ въ какомъ-то оцѣпенѣніи. Если бы въ эту минуту пришли понятые, онъ бы отдался имъ безъ малѣйшаго сопротивленія; если бы надъ нимъ явилась пасть медвѣдя, Васька не отодвинулся бы отъ нея ни на шагъ. «За что же онъ погубилъ меня!» шепталъ несчастный подкидышъ:—«за что погубилъ меня?»

Изъ всего вышеизложеннаго явствуетъ, что ловкому разсчету Барсукова могъ бы позавидовать любой столичный дока, посѣдѣлый въ путешествіяхъ по чужимъ карманамъ и по арестантскимъ всѣхъ съѣзжихъ домовъ. Разсчетъ былъ вѣренъ. Не сдѣлавъ подкидыша своимъ соучастникомъ въ кражѣ, Барсуковъ не могъ бы свалить на него своей вины, и, такимъ образомъ, очиститься въ глазахъ матери, сестры и Бориса. Разсчиталъ онъ также, что подкидышъ, проведя въ отлучкѣ двѣ ночи, побоится вернуться въ деревню; ежели же его поймаютъ, тогда кто ему повѣритъ, какъ бы онъ ни ссылался на Барсукова.

Оправясь мало по малу отъ неожиданнаго удара, онъ призадумался, не зная, на что рѣшиться? Идти къ Барсуковымъ, уличить предателя, оправдаться—это мѣра рискованная и не изба-

дать, такъ онъ будетъ женинымъ сродственникамъ благодѣтелемъ, лишь бы они это чувствовали да за него Богу молились. И повѣнчался нашъ Игнатій Кирилычъ съ дѣвицею Анной Сергѣевной Кудлаевой.

Превратясь изъ старой дѣвы въ молодую купчиху, Анна Сергѣвна въ короткое время прибрала къ рукамъ вмѣстѣ съ хозяйствомъ и самого хозяина, и заплясалъ Живодеровъ на старости лѣтъ по женину дудкѣ. Перевелъ на ея имя всѣ капиталы, приказалъ на лавочной вывѣскѣ ея же имя золотомъ вывести; сталъ ея ушами слушать, ея глазами глядѣть. Прикащикъ, Николай Васильевичъ, красивый ярославецъ, разомъ попалъ въ первые наперстники этой самовластной властительницы, а почтеннѣйшій Игнатій Кирилычъ получилъ на свой лысый лобъ тѣ украшенія, которыхъ никогда не замѣчаетъ тотъ, кто ихъ носитъ.

Въ первыхъ числахъ января 1796 года, по рекомендаціи родственника Анны Сергѣвны, имѣвшаго зеленную лавку въ Никольскомъ рынкѣ, къ Живодеровымъ поступилъ мальчишкой для прислуги въ лавкѣ, крестьянинъ Кедроливанскаго, Василій Барсуковъ.

Въ два, три мѣсяца Василій умѣлъ приноровиться къ своему быту и снискать расположеніе Николая Васильича, ласку хозяевъ и дружбу другаго мальчика Алеши Ракитина; послѣдній — парень ловкій, проворный, вызвался даже, на досугѣ, выучить Барсукова грамотѣ. Служба Василья была поочередно, то при лавкѣ, то на дому у Живодеровыхъ, и тутъ и тамъ — было въ чемъ выказать блестящія свои способности. Не подавая виду ни хозяйкѣ, ни прикащику, что ему извѣстны хорошія ихъ отношенія, Василька при случаѣ умѣлъ однако же — кашлянуть, мигнуть, замкомъ стукнуть, или инымъ образомъ увѣдомить о приближеніи хозяина. Въ дни кладбищенскихъ праздниковъ, онъ сопровождалъ Живодеровыхъ на Охты, на Волково или на Смоленское — съ корзиной поминальныхъ припасовъ и огромнымъ самоваромъ. Но чтобы вполнѣ оцѣнить Барсукова, его надобно было видѣть въ лавкѣ. Онъ зналъ, почему на одну изъ вѣсовыхъ цѣпочекъ намотанъ длинный конецъ проволоки, и почему именно на эту сторону Николай Васильичъ обыкновенно кладетъ товаръ, а не гири. Зналъ Василій, что товаръ въ ихъ лавкѣ разсортированъ по разрядамъ покупателей, между которыми есть важные, простые и совершенно ничтожные. Повару генерала

Тюлева, либо хозяйкѣ сосѣда-купца, Колотовкина, отпускаютъ муки изъ одной кадушки, а чиновнику, что вверху живетъ,—изъ другой; между тѣмъ цѣна одинакая, всѣ трое забираютъ на чистыя деньги. «Это потому такъ дѣлается», пояснилъ Барсукову Алеша Ракитинъ въ первыхъ порахъ—«что сенаралъ да Колотовкинъ въ годъ наберутъ сотъ на семь рублевъ, а чиновникъ, дай Богъ,—на сто, и того не будетъ!» Научился Василій наглядно, у Николая Васильича, какъ надо обходиться съ покупателями: кому низехонько поклониться, кому нѣтъ, отъ кого отвернуться, а кому и сгрубить. Особенно разгораются зубы у новичка на бѣдныхъ покупателей, которые забираютъ либо въ долгъ на книжку — (тутъ на каждый фунтъ по три золотника накидывается), либо подъ залогъ цѣнныхъ предметовъ. Что ихъ накопленіе у Николая Васильича: ложки серебряныя, наперстки, серьги—даже ордена! Проходитъ срокъ, не несутъ денегъ — и прощайся съ залогомъ. Пуще всего пришлась по сердцу Барсукову русская торговая аксіома: «не обманешь—не продашь!» которую онъ нѣсколько разъ слышалъ отъ хозяина, прикащика и Алеши Ракитина.

Живодеровы приняли Василья на условіяхъ обоюдно выгодныхъ:—они вносили за него оброкъ, одѣвали, кормили, поили и не давали ни копѣйки жалованья, развѣ когда къ празднику хозяинъ рубль подаритъ, а хозяйка другой, за какія нибудь особенныя заслуги, и къ Борисовымъ денежкамъ прибываютъ по немногу товарищи.

Такъ прошелъ годъ. Минулъ срокъ билету Барсукова, но онъ разумѣется возобновилъ его еще на годъ. Было бы чѣмъ за билеты платить, и живи хоть двадцать лѣтъ въ Питерѣ; рекрутчины бояться нечего, потому что Василій Барсуковъ у матери одинъ сынъ. Жизнь въ Питерѣ научила Барсукова многому и между прочимъ вотъ чему.

Однажды вечеромъ, Николай Васильичъ, со стаканомъ чаю въ рукахъ, сидѣлъ за прилавкомъ; Алешка куда-то былъ усланъ съ товаромъ, а Васька затеплилъ лампаду—время праздничное. Вдругъ дверь слабо скрипнула, и въ лавку вошелъ мужчина лѣтъ подъ сорокъ, блѣдный, худой, въ старой фризовой шинели. Прикащикъ было привсталъ, но всмотрясь въ вошедшаго, опять опустился на стулъ, проговоривъ сквозь зубы:

— А я думалъ, покупатель,

— Николай Васильичъ, робко началъ приходящій:—я къ вамъ съ просьбицей небольшой...

— Да вы, кажись безъ просьбицъ сюда и не жалуете, дерзко перебилъ прикащикъ. — Долгъ, что ли, принесли?

— Какое-съ, отвѣчалъ тотъ съ жалкой улыбкой:—я его заплачу безпремѣнно-съ; а я на счетъ другаго. Николай Васильичъ, время праздничное, а намъ съ женой, съ ребятишками нѣтъ нечего, дровъ ни полѣшка нѣтъ, сынишко боленъ. Явите божескую милость, отпустите мнѣ до будущаго мѣсяца малую толику товарцу разнаго...

— Тэкъ-съ.

— Чайку восьмушечку, фунтикъ медку, муки фунтика два—больше ничего-съ.

— Что же такъ больно мало? Вы, безъ церемонія, забирайте побольше. Свѣчь не надо ли; сальныхъ, аль восковыхъ? Да не дать ли вамъ окорокъ, мы вечоръ съ конпильни получили?

— Вы смѣетесь, Николай Васильичъ?

— А вы, батюшка, думаете и вправду? Ну, ну, проваливайте съ Богомъ, недосужно мнѣ. Другіе на вашемъ мѣстѣ что дѣлаютъ? продолжалъ надменный прикащикъ: — залогъ приносятъ и забираютъ спокойно на его стоимость; это честно. Залогъ лежитъ, выкупили — имъ же лучше, нѣтъ... — мы съ хозяиномъ не въ накладѣ. На честное же слово вѣримъ мы только богатымъ; вы знайте это.

— Стало, бѣдный не можетъ быть честнымъ? съ горькой усмѣшкой спросилъ бѣднякъ.

— Разумѣется, не можетъ! спокойно отвѣчалъ прикащикъ.

— Залогъ... Что же мнѣ вамъ заложить? Неужели принести ризы съ божьяго милосердія, съ благословенныхъ иконъ жены и моихъ!..

— Ежели мѣдныя, Господь съ ними; а серебряныя примемъ съ нашимъ удовольствіемъ.

— Да вы христіанинъ, Николай Васильичъ, али татаринъ?

— Мы—торговые люди-съ; вотъ мы кто. Ежели бы мы: съ хозяиномъ всякому голяку на слово вѣрили, такъ пришлось бы самимъ по міру ходить.

— Хорошо, сказалъ отрывисто покупатель:—придите же ко мнѣ и снимите со стѣны иконы, сдерите съ нихъ ризы—у меня дрогнетъ рука.

— Есть время по вашимъ конурамъ ходить! небрежно отвѣ—

чинъ прикащикъ. — Идите съ Богомъ, батюшка, съ вами хоть цѣлый день говори, сами уйти не догадаетесь; вонъ никакъ покупатель идетъ!

Вѣднякъ ушелъ, а у Барсукова мелькнула счастливая мысль.

Давно уже собирался онъ пустить въ оборотъ свои деньги, понимая очень хорошо, что лежа у него въ сундукѣ онѣ не умножатся. Деньги, говаривалъ иногда Живодеровъ—какъ снѣжный комокъ: чѣмъ далѣй катятся, тѣмъ больше становятся, а лежа на одномъ мѣстѣ—таютъ. Что такое проценты? И это было извѣстно нашему олончанину; столичное житье научаетъ уму разуму и изъ дикаря въ короткое время дѣлаетъ человѣка, изъ медвѣдя—лисицу, даже обезьяну, смотря по способностямъ.

Когда Алешка возвратился въ лавку, Васька попросилъ у Николая Васильевича позволенія сходить на часокъ неподалеку.

— Куда, зачѣмъ?

— На Сѣнную; говорятъ, земляки съ обозами пришли, такъ про своихъ поизвѣдаться.

— Ступай, да живѣй назадъ, скоро запираться надо.

— Духомъ—съ.

XIII.

Не смотря на ежегодныя улучшенія нѣкоторыхъ частей нашей столицы, въ Петербургѣ есть еще цѣлые кварталы, неизмѣнно сохраняющіе свою первобытную физіономію. Не говоря уже о захолустьяхъ заневскихъ частей города, укажемъ только на переулки смежные съ Сѣнной площадью. Во многихъ изъ нихъ дома строены при Аннѣ Ивановнѣ; мрачные, закоптѣлые, сверху до низу населенные разными двусмысленными промышленниками. Въ подвалахъ, налѣпленные на зеленыхъ оконныхъ стеклахъ бумажные силуэты ключей, самоваровъ, сапоговъ, означаютъ жилища слесарей, лудильщиковъ, чеботарей; тутъ же гнѣздятся торговцы старымъ платьемъ (большею частью татары или евреи), тряпичники, шарманщики, нищіе. Въ окнахъ бэль-этажа пестрыя занавѣски и яркое освѣщеніе по вечерамъ, тѣ же вывѣски жалкаго, позорнаго промысла; тусклый свѣтъ оконъ верхняго этажа, даже чердака—также обличаетъ жилище горемыкъ и страдальцевъ. Въ этихъ домахъ благородная нищета гнѣздится стѣна объ стѣну съ сытымъ развратомъ, терпѣливый трудъ — съ преступной праздностью. Здѣсь люди питаются кро-

хами, падающими со стола другихъ; тошитъ свои нечи щепками, остающимися отъ построекъ великолѣпныхъ чертоговъ богатыхъ. Эти переулки, эти мрачные дома надобно видѣть въ осенніе сумерки, чтобы имѣть объ нихъ точное понятіе, а лучше и вовсе не видать. Страшно подѣйствуютъ на душу зрителя эти полуосвѣщенныя окна съ мелькающими въ нихъ тѣнями; стѣны, расписанныя потоками дождя; тяжкій воздухъ, пропитанный міазмами нравственнаго разложенія человѣчества!...

На чердакѣ одного изъ этихъ домовъ жилъ бѣдный покупатель, котораго такъ безжалостно оскорбилъ Николай Васильичъ, и туда-то отправился Барсуковъ со своимъ спекулятивнымъ намѣреніемъ. Въ убранствѣ квартиры Сидорова (назовемъ хоть этимъ именемъ несчастнаго семьянина) замѣтна борьба врожденной опрятности и порядочности съ жестокой нищетой. Тоже, какъ у людей, шкафчикъ съ посудой, а ѣсть нечего; платья на всѣхъ старыя, но не рваныя, за то заплата на заплатѣ. Холодно, темно; старшіе дѣти зубами щелкаютъ, больной младшій иоетъ, блажитъ.... Славная картина! Напиши ее искусный художникъ, и любой откупщикъ не пожалѣетъ нѣсколькихъ тысячъ, чтобы украсить ею свое раззолоченое жилище, за то оригиналамъ этой картины рубля не дастъ.

Увидя входящаго Васю и узнавъ его, Сидоровъ подумалъ въ первую минуту, что приказчикъ сжалился и прислалъ мальчика за нимъ. Жена его обрадовалась, даже дѣти двинулись на встрѣчу.

— Ты отъ Николая Васильича? спросилъ Сидоровъ.

— Нѣтъ, самъ отъ себя! отвѣчалъ Барсуковъ, оскорбленный этимъ нецеремоннымъ *ты*.

— Что же вамъ угодно? робко спросила жена Сидорова.

— Приказчикъ нашъ больно ужь вашего мужа обидѣлъ, съ притворной жалостливостью отвѣчалъ Барсуковъ: — видно меня жалость взяла. Не хорошій онъ человѣкъ, Богъ съ нимъ!

— Чего же вы хотите?

— Да вотъ, хочу помочь вамъ, чѣмъ могу, продолжалъ Василій, вынимая изъ кармана замшевый кошелекъ.

— Что, Ваня! съ восторгомъ воскликнула Сидорова:—моя ли правда, что свѣтъ не безъ добрыхъ людей?

— Жалованья мнѣ хозяева не даютъ, а такъ, когда изъ покупателей дастъ кто, ну и копишь. У меня въ деревнѣ мать, сестра есть, имъ помогать надо.

— Добрый Василій, и ты дѣлишься съ нами трудовой копѣйкой?

Барсуковъ поморщился, видя, что словамъ его придаютъ такой безкорыстный смыслъ.

— То есть, отвѣчалъ онъ: — помочь помогу, только-съ положу свои *кондиціи*, какъ говоритъ нашъ хозяинъ. Николай Васильичъ вамъ про залогъ говорили; такъ я вамъ не совѣтую ему залога давать, потому онъ дешево цѣнитъ, а ежели угодно, я возьму по самой добросовѣстной цѣнѣ, а проценты, какіе сами назначите.

— Послушайте, отвѣчалъ Сидоровъ съ улыбкой: — вы вѣроятно не разслушали, *чего* требовалъ отъ меня въ залогъ вашъ прикащикъ?

— Нѣтъ-съ, знаю; ризы съ иконъ. Я и говорю, пожалуйте мнѣ посмотрѣть, я за нихъ, можетъ, больше дамъ, чѣмъ Николай Васильичъ. Долгу онъ на васъ семь рублей сорокъ пять копѣекъ насчитываетъ; новаго товару рублевъ на пять отпуститъ, итого-съ двѣнадцать съ копѣйками, а залогъ пожалуй оцѣнитъ въ пятнадцать; а я право больше дамъ. Нашъ прикащикъ, я вамъ скажу-съ, отъявленный мошенникъ; вы съ нимъ и дѣла лучше не имѣйте.

— Покажи ему ризы, Маша! произнесъ Сидоровъ съ усиліемъ.

— Много ли вамъ за нихъ угодно? спросилъ Барсуковъ, осмотрѣвъ залогъ, а главное, пробное клеймо.

— Что хотите, прошепталъ Сидоровъ, отвертываясь.

— Такъ нельзя-съ, надобно вашу цѣну сказать?

— Этому нѣтъ цѣны, отвѣчала Сидорова, плача: — эти иконы — благословеніе нашихъ родителей.

— Я не про иконы-съ, про ризы спрашиваю, холодно замѣтилъ Василій: — больше двадцати пяти рублей вамъ за нихъ не дадутъ. Угодно двадцать пять, на два мѣсяца и пять рублевъ проценту?

Сидоровы молчали.

— Еще-съ, покорно попрошу ни хозяину, ни Николаю Васильичу объ этомъ дѣлѣ не говорить-съ, не то непріятности выйдутъ. Мало вамъ трехъ мѣсяцевъ сроку, я пять дамъ за тѣ же самые пять рублевъ проценту?

— Василій, сказалъ Сидоровъ: — ты еще молодъ, сердце у тебя доброе, не бери же страшнаго грѣха на душу, не будь ко-

рыстолюбцемъ, не бери этого страшнаго залога! Если можешь помочь намъ, помоги ради Бога; поправимся авось, не пять рублей, а пятнадцать проценту дадимъ. Подумай....

— Да какъ же безъ залогу помочь-съ? наивно спросилъ Барсуковъ:—не подходящее дѣло-съ.

Въ эту минуту больной ребенокъ отчаянно вскрикнулъ, старшая дочка закашлялась до того, что лицо побагровѣло; паръ отъ дыханья струился у присутствующихъ. Мужъ и жена переглянулись.

— На пять мѣсяцевъ? спросилъ Сидоровъ.

— На пять-съ, за пять рублей проценту. Долгъ въ лавку нашу внесть извольте; и сдѣлайте одолженіе прикащику нашему виду не показывайте!

— Будьте спокойны.

— Нѣтъ-съ, вы мнѣ дайте лучше ваше честное слово.

— Въ этомъ случаѣ ты ему вѣришь?

— Отчего не вѣрить? Впрочемъ ежели бы вы и сказали что Николаю Васильичу, вамъ не повѣрятъ, а я отъ всего отопрусь. Въ судъ не потащутъ-съ, вѣдь я несовершеннолѣтній.

— Василій! вскричалъ Сидоровъ, пораженный этимъ безстыдствомъ: — помяни мое слово, ты будешь со временемъ милліонщикомъ!

— Дай Господи, съ вашей легкой руки. Вотъ вамъ деньги, и задогъ пожалуйте.

Довольный обдѣланнымъ дѣльцемъ, Барсуковъ возвратился въ лавку.

XIV.

Знойный лѣтній вечеръ 1805 года.

Какъ хорошо въ садикѣ Татьяны Ѳедоровны Слѣпневой, на берегу Невы, близъ малоохтенскаго перевоза. Яблони въ цвѣту, будто осыпанныя ароматнымъ снѣгомъ; на сиреняхъ, отъ множества цвѣтовъ, зелени не видать; на клумбахъ заря, калуферъ, божье дерево, и каждый-то лепестокъ благоухаетъ, изъ каждой-то былинки струится невидимый ѳиміамъ и несется къ ясному небу, будто вечерняя молитва. На скамейкѣ, подъ раскидистой ивой, сидитъ хозяйка, подлѣ нея хорошенькая внучка, и, посмотрите, какъ чудно эти два лица гармонируютъ съ окружающей ихъ картиной.

Старушкѣ лѣтъ шестьдесятъ. Сѣрые глаза ея свѣтятся разумомъ и глядятъ кротко, привѣтливо; мягкое, полное лицо, слегка тронутое морщинами, съ легкимъ нѣжнымъ румянцемъ, дышитъ неподдѣльной добротой, и какъ мило идутъ къ нему сребристыя кольца волосъ, выбивающіяся изъ подъ повязанной, по купеческому обычаю, темной шолковой косынки. Подобныя физіономіи съ перваго на нихъ взгляда располагаютъ въ свою пользу, и никогда не измѣнятъ первому впечатлѣнію; какъ только жаль, что онѣ примѣтно переводятся у насъ на Руси.

Внучка представляетъ опять другой типъ чистой русской красоты. Надѣ семнадцать лѣтъ, и если эта цифра недостаточно говоритъ воображенію читателя, намъ предстоитъ трудная задача. Избитыя описанія хорошенькихъ героинь романовъ напоминаютъ примѣты въ паспортахъ, до такой степени онѣ всѣ смахиваютъ на одинъ складъ. Нельзя однакоже не сказать, что Надя брюнетка, и если красоту ея бабушки можно сравнить съ тихимъ осеннимъ вечеромъ, то красоту внучки всего вѣрнѣе назвать знойной лѣтней ночью, только не южной, а сѣверной.

Надя подсѣла къ бабушкѣ, только что спрыгнувъ съ доски качель, которыя еще продолжаютъ покачиваться съ унылымъ скрыпомъ; сорвала мимоходомъ вѣтку бѣлой сирени и прилежно принялась ощипывать счастливые цвѣтки со многими лепестками.

— Посмотри, бабушка, воскликнула она: — пятнадцать лепестковъ; каково? Просто чудеса.

— Ты въ книжку положи да засуши.

— А потомъ что?

— Потомъ — ничего.

— Говорятъ, эти цвѣтки съѣдать надо, и тогда все, чего ни пожелаешь, все исполнится!

— Будто бы?

— Говорятъ, бабушка; а можетъ, это и вздоръ, прибавила Надя смѣясь.

— Вотъ это вѣрнѣй. Ну, а скажи-на ты мнѣ, стрекоза, чего бы ты желала?

— А будто мнѣ и желать нечего. Во первыхъ, изъ этого скучнаго Петербурга поскорѣе уѣхать; во вторыхъ, богатой быть, въ тратить....

— Постой, перебила старушка: — больно ужь ты зачастила. Черезъ мѣсяцъ мы въ Балахну уѣдемъ — это ужь рѣшено.

— Одинъ?

— А богатой тебѣ на что быть? прибавила бабушка, будто не разслушавъ вопроса.

— Ты мнѣ скажи, неужто мы въ Балахну одинъ поѣдемъ, бабушка?

— Богъ вѣсть, Надинька, Богъ вѣсть! Таперича я и сама не знаю, какъ намъ быть? Ты слышала, что вчера говорилъ нашъ Василій Максимычъ?

— Что его баринъ не пускаетъ? Да неужто этого обдѣлать никакъ нельзя?

— Иначе нельзя, какъ ему на волю выкупиться.

— Ну, и пускай выкупается.

— Надя, Надя, покачивая головой замѣтила старушка: — какъ ты судишь по дѣтски, слушать смѣшно! Пускай выкупается! Да на выкупъ откуда ему денегъ взять?

— А у насъ, бабушка, много ли капиталу?

— Тысячъ пятнадцать наберется.

— Вотъ и отлично! будто невольно сорвалось съ языка у Нади.

— Отлично не отлично, а жить можно, конечно не здѣсь въ Петербургѣ, а у насъ въ Балахнѣ.

— Не къ тому я сказала, отлично. Изъ этихъ денегъ можно другое употребленіе сдѣлать. Знаешь ли, что мнѣ въ голову пришло? Отдай ихъ Василью Максимычу, пускай на волю выкупится.

— Я заранѣе знала, что ты это скажешь; только это блажь. Вася, правда, малый хорошій, только это еще не резонъ, чтобы отдать за него почти все наше состояніе.

— Такъ тебѣ деньги дороже человѣка, бабушка?

— Ты мнѣ дороже Василья, а не деньги. Коли мы отдадимъ ему взаймы десять тысячъ, при чемъ же сами останемся? При пяти, только; а на эти не разживешься. Десяти тысячъ вдругъ онъ отдать не можетъ: на это время нужно, а по мелочамъ будетъ выплачивать—ихъ и не замѣтишь! Да вдобавокъ, живо прибавила старушка:—и я-то серьезно говорю, точно вправду.

— И я-то не шучу, бабушка.

Лицо Слѣпневой приняло строгое выраженіе, и она устремила на внучку долгій, пытливый взглядъ. Надя вспыхнула и потупилась.

— Надя, произнесла тихо Татьяна Ѳедоровна, взявши внучку

за дрожащую руку:—Надя, скажи мнѣ: что тебѣ Василій, братъ что ли?

— Мнѣ его жалко! чуть слышно прошептала Надя, не поднимая глазъ.

— Какое—жалко; тутъ, я вижу, не жалость, а что-то другое. Надя, безъ увертокъ говори: ты полюбила Василья?

— Не полюбила, а мнѣ его жалко! настойчиво повторила Надя и убѣжала въ домъ.

Въ эту минуту въ концѣ аллеи показался статный, молодой человѣкъ въ синей долгополой чуйкѣ, низенькой пуховой шляпѣ и смазныхъ сапогахъ, сильно запыленныхъ; какъ видно пришелъ издалека. Красивое лицо его было изнурено, дыханіе отрывисто, крупныя капли поту струились по загорѣлымъ щекамъ. Съ почтительнымъ поклономъ подошелъ онъ къ Слѣпневой, не успѣвшей еще оправиться отъ волненія.

— Пожалуйте, Татьяна Ѳедоровна, проговорилъ Барсуковъ, вынимая изъ старенькаго бумажника пачку ассигнацій. — Что это вы сегодня не веселы, Татьяна Ѳедоровна-съ?

— Съ жару нездоровится что-то.

— Что же вы чувствовать изволите?

— А тебѣ какая забота, батюшка; докторъ, что ли?

— Надежда Опсимовна здоровы ли? спросилъ Барсуковъ, удивленный этимъ холоднымъ обхожденіемъ, небывалымъ въ два года.

— И объ Надеждѣ Опсимовнѣ, отвѣчала старушка: — вы напрасно безпокоитесь, Василій Максимычъ, это ужъ не ваше дѣло-съ. Усталъ ты, прибавила она, вставая со скамейки: — такъ иди съ Богомъ спать; покойной ночи.

— Татьяна Ѳедоровна! вскричалъ Барсуковъ, окончательно озадаченный: — за что вы сердитесь, въ чемъ я провинился?

Жаль стало Слѣпневой бѣднаго парня, а все сердце беретъ за внучку. Правда, до сихъ поръ не замѣтила она, въ обхожденіи Барсукова съ внучкой, ни тѣни подозрительнаго; смотритъ онъ на нее, какъ на ребенка — все такъ! Но какъ смѣлъ полюбиться Надюшѣ, вотъ его вина.

— Сердиться мнѣ на тебя не за что, Василій Максимычъ, сказала Слѣпнева, пріостановясь и оглядываясь на него: — а такъ, передъ твоимъ приходомъ досадили мнѣ, вотъ я на тебѣ сердце и рву. Ты прости.

— Помилуйте, ваша воля; а конечно обидно мнѣ, что вы, на послѣдяхъ...

— Ну, прости, виновата! ласково сказала Татьяна Федоровна и ушла.

Въ домикѣ, занимаемомъ Слѣпневыми, Василій пользовался свѣтелочкой въ мезонинѣ, окнами въ садъ, какъ разъ надъ спальнею бабушки и внучки. Тихо, на цыпочкахъ, пришелъ онъ въ свой уголокъ, высѣкъ огня, дверь заперъ и, поставивъ передъ собой небольшую шкатулку, сѣлъ къ столу деньги считать.

Пересчиталъ Барсуковъ свои наличныя деньги, всего на все полторы тысячи, сотъ семь въ оборотѣ — двѣ тысячи двѣсти; а баринъ за вольную меньше восьми тысячъ не беретъ.

Въ это самое время, внизу, въ спальнѣ Слѣпневыхъ, происходила иная сцена. При трепетномъ свѣтѣ лампады бесѣдуетъ бабушка съ внучкой, и предметъ ихъ бесѣды такъ же далекъ отъ нихъ сердцемъ, какъ далеки его мысли отъ обаятельной лѣтней ночи.

— Все ты сознаться не хочешь, Надя; а я десятый разъ тебя спрашиваю: любишь ли ты Василія?

— Сама не знаю, бабушка; ничего тебѣ не могу сказать, только мнѣ его жалко. Какъ только подумаю, что мы отъ него уѣдемъ, а онъ здѣсь одинъ останется, такъ на меня тоска нападетъ, да такая тоска, что, кажется, цѣлый день безъ умолку кричала бы.

— Это и значитъ, что ты его любишь.

— Какъ хочешь называй мою болѣзнь, любовью, жалостью, только болѣзнь эта хуже всякой лихорадки, а любовью, говорятъ, счастливы люди! Видно, это не любовь?

— Слушай, Надя, спокойнѣе ли ты будешь, если я согласусь дать Василію денегъ на выкупъ?

— Гораздо спокойнѣе буду.

— И поѣдешь въ Балахну?

— И онъ съ нами?

— Нѣтъ, онъ останется.

— Да вѣдь ему тогда можно будетъ ѣхать съ нами?

— Можно будетъ, если захочетъ; а если нѣтъ?

— Тогда, Богъ съ нимъ, уѣдемъ однѣ; будемъ себѣ жить тихо, скромно... и счастливо!

Надя зарыдала.

— И послѣ этого увѣряй меня, что ты его не любишь! Ска-

жи, Наденька, передъ Богомъ, говорилъ онъ съ тобой когда нибудь, что ты хорошенькая, нравишься ему; вѣрно говорилъ?

— Никогда ни слова.

— Можетъ быть, особенно угождалъ тебѣ; припомни хорошенько. Въ прошломъ году, когда мы въ Рыбацкую ѣздили, ты съ нимъ въ саду ничего особеннаго не говорила?

— Нѣтъ, бабушка, ничего особеннаго; онъ со мной всегда, какъ съ маленькой дѣвочкой обходился.

— За что же ты его любишь; чѣмъ онъ могъ тебѣ понравиться?

— Не знаю; да лучше объ этомъ не спрашивай. Говорю я тебѣ, что и сама не понимаю, что со мной дѣлается. Слушай, такъ и быть, денегъ ему на выкупъ не давай, а останемся жить въ Петербургѣ.

— Не сама ли ты говорила, что тебѣ въ Петербургѣ скучно?

— Если Василій Максимычъ будетъ жить съ нами, мнѣ не будетъ скучно.

Наивность внучки заставила бабушку улыбнуться.

— Ложись-ко, Надя, спать, а то, право, сама не знаешь, что говоришь. Дай Богъ, чтобы твоя прихоть сномъ прошла; это у тебя сердечко играетъ.

— Ты думаешь, я такъ и засну? Бабушка, прости, если я отъ тебя секретничала, но вотъ ужь второй мѣсяцъ, какъ я ночи не сплю, такъ мнѣ Василія жаль! Да ты сама его жалѣешь, признайся?

— Конечно жалѣю; я сама думала его изъ бѣды выручить нашими деньгами, но теперь, просто голову потеряла. Ахъ я, старая дура, всему я главная причина! Какъ мнѣ въ голову не пришло, что соколу не житье въ одномъ гнѣздѣ съ голубкой.

— Знать это судьба моя, золотая ты моя бабушка! Все же мнѣ теперь полегче стало, какъ тебѣ все высказала; будто камень съ сердца свалился. А то кому бы сказать кромѣ тебя? Знакомыхъ у насъ никого нѣтъ, подругъ у меня тоже.

— Надя, поговоримъ резонно. Ты любишь Василія, это ясно; знаешь, что дѣвушкѣ любить мужчину нельзя, ежели онъ не братъ, не женихъ; такъ?

— Знаю, бабушка.

— Наладила ты одно, что любишь Василія; да онъ-то любитъ ли тебя, ты объ этомъ подумай. Что же, матушка, прикажешь свахой тебѣ что ли быть? Поклониться ему да сказать:

Василій Максимычъ, родной ты мой, вотъ тебѣ денежки, выкупись на волю, да ужъ кстати женись на внучкѣ моей, она въ тебя влюблена безъ памяти; такъ, что ли? Этого не дѣлается, Надюша; это значитъ куръ смѣшить. Ежели бы что похожее было съ его стороны на любовь къ тебѣ — тогда другое дѣло. И опять, не намъ первое слово говорить, а ему. Поняла ты?

— Стало быть, Василій меня не любитъ?

— И не думаетъ, и не воображаетъ.

— Богъ же съ нимъ, если такъ. А ты, все-таки, выкупи его, бабушка! прошептала Надя, опуская голову на грудь старушки...

XVI.

Въ торговомъ домѣ купчихи Живодеровой и К° произошла важная перемѣна. Игнатій Кириллычъ отправился къ праотцамъ, и печальная его вдовица чрезъ полгода вышла за Николая Васильича. Такимъ образомъ прикащикъ безболѣзненно вступилъ въ супружескія права, которыми впрочемъ давно уже пользовался. Пошли новые порядки и всѣ къ худшему. Съ Алешей Ракитинымъ и Барсуковымъ сталъ новый хозяинъ обходиться круто, ловилъ ихъ на мелкихъ поживишкахъ, худо кормилъ, усчитывалъ. Ракитинъ вскорѣ, по приглашенію дяди, уѣхалъ въ Москву, къ богатому чайному торговцу, а Василію вышла счастливая линія, и онъ сблизился съ хозяйкой мучнаго лабаза Слѣпневой. Старушка овдовѣла лѣтъ пять назадъ, и съ грѣхомъ пополамъ продолжала торговлю съ помощью стараго прикащика, радѣвшаго болѣе о своей, нежели о хозяйской прибыли. Барсуковъ въ первый мѣсяцъ исправилъ всѣ безпорядки по лабазу, а черезъ полгода, по предложенію Слѣпневой, сдѣлался ея товарищемъ по торговлѣ.

Въ началѣ втораго года товарищества Барсукова съ Татьяной Ѳедоровной, старушка, не смотря на отличное положеніе ихъ дѣлъ, пожелала прекратить торговлю и переселиться въ Балахну, гдѣ у нея были родственники. Желаніе это было вынуждено не столько личными разсчетами, сколько заботою объ устройствѣ судьбы внучки, круглой сироты, бывшей на попеченіи у Слѣпневой. Привыкнувъ, въ свою очередь, къ своему компаніону, Татьяна Ѳедоровна предложила ему ѣхать вмѣстѣ съ ними, и въ Балахнѣ познакомить его съ нѣкоторыми хлѣбными торгов-

нами. Василій съ радостью согласился, въ надеждѣ на вѣрныя выгоды; пошелъ къ барину за позволеніемъ и, къ величайшему огорченію, встрѣтилъ рѣшительный отказъ.

— Впрочемъ, если тебѣ такая необходимость ѣхать, сказалъ Кедроливанскій: — такъ и быть, выкупись на волю. Хотя, признаюсь, мнѣ жаль разстаться съ такимъ честнымъ слугою, потому что я горжусь тобой, но, видно, воля тебѣ милѣе твоего добраго барина, неблагодарный!

— Сколько же вамъ угодно за меня выкупу, ваше превосходительство?

— Восемь тысячъ, милый, только восемь тысячъ. За такого молодца, какъ ты, оно конечно дешево, но я не хочу тебя обидѣть.

Тщетно Барсуковъ умолялъ сбавить цѣну; клялся, божился, что она далеко превышаетъ его средства, Кедроливанскій былъ неумолимъ.

Въ такомъ положеніи находились дѣла Барсукова до той минуты, когда Надя умоляла свою бабушку выкупить его на волю.

Печальную, безсонную ночь провели обитатели скромнаго домика на берегу Невы, хотя у каждаго была своя причина и печали, и безсонницы. У Василія — деньги, у старушки — признаніе внучки, у Нади—участь Василія. На утро за чаемъ Слѣпнева и Василій только вдвоемъ сидѣли въ саду; Надя не вышла по случаю головной боли. Въ обхожденіи Татьяны Ѳедоровны съ компаніономъ замѣтна какая-то затаенная досада, и Василій угрюмъ необыкновенно.

— Еще не хочешь ли? спросила старушка послѣ втораго стакана.

— Много благодарны-съ.

— Это не отвѣтъ; ты говори толкомъ, будешь еще пить?

— Будетъ-съ, благодаримъ покорно.

Старушка усмѣхнулась.

— Видно цвѣтъ лица боишься испортить; не испортишь небойсь, и такъ красавецъ писанный.

— За что же смѣяться изволите?

— Безъ шутокъ говорю—красота, да и только. Ваша братья, котье племя, будь только на бѣса не похожъ, и то красавецъ.

Василій съ удивленіемъ смотрѣлъ на старушку.

— А на мои старые глаза, продолжала она нахмурясь: — ничего въ тебѣ хорошаго нѣтъ; извини, Василій Максимычъ,

ей-ей красивѣй тебя люди найдутся. И нравъ-то у тебя не Богъ вѣсть, какой отличный.

— Да развѣ я красотой либо нравомъ хвалюсь, Татьяна Ѳедоровна? смиренно спросилъ Барсуковъ.

— Хвалишься, нѣтъ ли, а я тебя, мой батюшка, покорно прошу изъ здѣшняго дома выѣхать. Сегодня же всѣ счеты сведемъ, и чтобы духу твоего здѣсь не было!

Тутъ старушка, облокотясь на столъ, закрыла лицо обѣими руками; Василій вскочилъ съ мѣста.

— Вы меня гоните, какъ вора?

— Вася, Вася, прошептала Слѣпнева, заплакавъ: — ты хуже вора. Тотъ деньги крадетъ, а ты у меня укралъ то, чего ни за какія деньги не купишь.

— Татьяна Ѳедоровна, я ни слова не понимаю. Скажите мнѣ, Бога ради, за что со вчерашняго вечера вы на меня прогнѣвались? Наговорилъ вамъ кто нибудь на меня, а я ни въ чемъ передъ вами не повиненъ; дѣла наши велъ честно, ничего у васъ не кралъ. Обидно-съ, мнѣ и безъ того горько.

— А мнѣ сладко? Да я сама на себя дивуюсь, какъ имѣю духу обижать тебя, Василій Максимычъ. Не думала я, что намъ придется врагами разстаться! Ты на счетъ выкупу не горюй, были бъ только деньги, а онѣ будутъ у тебя...

— Какъ! воскликнулъ пораженный Барсуковъ.

— Такъ, что я дамъ тебѣ эти восемь тысячъ. Ну, что же глаза-то вытаращилъ, столбнякъ напалъ, что ли? На, возьми, сосчитай, вѣрно ли?

Василій съ дикимъ воплемъ упалъ въ ноги Слѣпневой.

— Деньги не мои, продолжала старушка: — а потому я благодарности твоей не принимаю!

Эти слова привели Василія въ память, и онъ, не вставая съ колѣнъ, отпрянулъ отъ старушки и быстро поднялъ голову.

— Честный ли ты человѣкъ? спросила старушка.

— Вы знаете, прошепталъ Василій.

— Да знаю тебя по торговымъ дѣламъ; знаю, что до сей минуты не обманывалъ ты моей довѣренности, только рѣчь не объ этомъ. Если бы человѣкъ, на смертномъ одрѣ, поручилъ тебѣ дочь свою, чистую, добрую дѣвушку, и просилъ тебя быть ей защитникомъ, другомъ, отцомъ... Скажи, измѣнилъ бы ты данному слову, и обманувъ дѣвушку, бросилъ бы ее на поруганіе людямъ?

— Сохрани Боже!

— Дальше слушай, Вася. Покойный мой сынъ, Онисимъ, умирая довѣрилъ мнѣ судьбу Надюши, тогда пятилѣтняго младенца. «Вотъ вамъ внучка, маменька», говорилъ онъ голубчикъ, «берегите ее, воспитайте и постарайтесь, чтобы душей она походила на васъ, лучшаго примѣра не знаю!»

Рыданія заглушили голосъ Татьяны Ѳедоровны.

— «Войдетъ она въ возрастъ, встрѣтитъ человѣка по сердцу, хотя бы бѣднаго, простаго (мы сами простые люди), вы ее не отговаривайте; разумѣется, если человѣкъ хорошій. Да я знаю, что она будетъ счастлива!» И Онисимушка мой скончался. Какъ я воспитала внучку, каковъ у нея нравъ, за это, надѣюсь, не придется мнѣ отвѣчать ни передъ Богомъ, ни предъ покойнымъ сыномъ. И нынѣ достигла она того возраста, въ который женщина ищетъ себѣ опору, защитника — и выборъ ея сердца сдѣланъ; пришло время передать мои права другому. Любовь Нади не блажь, не прихоть; я слишкомъ хорошо знаю ее и могу поручиться за ея постоянство.

— Стало, вы желаете выдать замужъ Надежду Онисимовну?

— Я желаю ей счастья и добраго мужа; желаю, чтобы ея мужъ умѣлъ цѣнить этого милаго ребенка, и жилъ для нея одной.

— Надежда Онисимовна достойнѣйшая дѣвица.

— Это я знаю, но мнѣ хотѣлось бы, чтобъ ея мужъ былъ, въ свою очередь, достойнѣйшій человѣкъ, вотъ почему я и спрашиваю тебя, чистъ ли ты душою?

— Татьяна Ѳедоровна, мнѣ странны ваши слова, я, право, могу думать...

— Что?

— Извините; но я могу думать, что вы меня именно просите въ мужья Надеждѣ Онисимовнѣ.

— Покуда я тебѣ на это не отвѣчу, а сама попрошу у тебя отвѣта. Скажи мнѣ, не связанъ ли ты даннымъ кому нибудь словомъ? нѣтъ ли женщины, къ которой бы ты имѣлъ особенную привязанность?

— Кромѣ васъ и Надежды Онисимовны, ни къ кому въ мірѣ.

— Васильй Максимычъ, она даетъ тебѣ деньги на выкупъ, она полюбила тебя, тебѣ я мои права передать хочу; неужели за все это не въ правѣ я надѣяться, что ты будешь ей добрымъ мужемъ?

— Я не стою Надежды Онисимовны! прошепталъ онъ задыхаясь.

— Можешь ли ты дать мнѣ слово, что Надя будетъ съ тобою счастлива?

— Такъ же, какъ и я самъ теперь счастливъ.

Черезъ минуту бабушка возвратилась, ведя за руку свою внучку. Съ опущенными глазками, сгарая отъ восторга, трепещущая, какъ птичка въ рукахъ охотника, Надя была въ настоящую минуту прелестнѣе обыкновеннаго.

— Василій Максимычъ, торжественно произнесла Слѣпнева: вотъ твоя невѣста!

Тогда этотъ человѣкъ, въ которомъ всѣ чувства донынѣ были подавлены однимъ корыстолюбіемъ, Барсуковъ — съ сухими глазами смотрѣвшій на нищету, на гибель своихъ ближнихъ — заплакалъ. Въ этихъ слезахъ было всего понемножку — радость, раскаянье — и какая-то смутная жалость.

XVII.

Мѣсяца черезъ два послѣ этаго важнаго переворота въ жизни Барсукова, раннимъ сентябрскимъ утромъ, шелъ Василій по Невскому, съ озабоченнымъ видомъ.

— Барсуковъ! Василій! Васюха! крикнулъ ему кто-то въ слѣдъ звонкимъ голосомъ.

Василій оглянулся; за нимъ гнался молодой человѣкъ немного повыше его ростомъ, съ рыжеватой бородкой, косыми глазками и непріятнымъ лицомъ, изрытымъ оспою.

— Никакъ Алеша Ракитинъ?

— Я за него! отвѣчалъ бывшій товарищъ, бросаясь на шею Барсукову.

— Какими судьбами въ Питерѣ, давно ли, на долго ли?

— Всего пятый день, какъ прибылъ, и надѣюсь, на постоянное жительство; да объ этомъ послѣ — а ты мнѣ объ себѣ-то разскажи: что ты, гдѣ ты, у кого ты, какъ дѣла идутъ? Вѣдь мы почти три года не видались, не шутка! И вообрази же ты себѣ, я еще нынѣ утромъ хотѣлъ идти тебя отыскивать, а ты какъ листъ передъ травой, словно изъ земли выросъ. Я-то тебя съ разу узналъ.

— И я тебя также.

— А вѣдь я перемѣнился?

— Да, возмужалъ и бородку поотростилъ.

— А ты почти все тотъ же. Да что жь это мы на улицѣ-то остановились, зайдемъ хоть въ трактиръ.

— Пожалуй.

Они вошли въ сосѣдній трактиръ.

— Чѣмъ же тебя просить, спросилъ Ракитинъ, чайкомъ или закусочкой?

— Приказывай, что хочешь.

— Малецъ! крикнулъ Алеша:—порцію чайку пожалуйте-съ.

— Да бутылочку шипучки и два бокала, добавилъ Барсуковъ.

— Чаво-съ? крикнулъ Ракитинъ лукаво прищурясь: —такъ вотъ вы вонъ какъ-съ? Ладно, такъ и запишемъ. Малецъ, дай же двѣ бутылки и два бокала, али стакана.

— И одной бы довольно.

— Молчи, Васюха. Въ чемъ другомъ, а въ этой матеріи мы деликатные обычаи знаемъ; не даромъ два года въ бѣлокаменной выжили. При моихъ глазахъ, купецкій сынъ Дубровскій въ Новотроицкомъ шампанеей руки мылъ.

— Пьяный?

— Извѣстно. Станетъ ли тверезый такія штуки выкидывать!

— Ну, а мы не богатые купеческіе сынки, не пьяны, а потому можемъ и одной бутылочкой довольствоваться.

— Твоя воля; только я хотѣлъ по случаю свиданьица выставочку сдѣлать.

— Свиданье свиданьемъ, отвѣчалъ Барсуковъ, хлопнувъ пробкой и разливая вино въ бокалы: а ты меня съ другимъ поздравь.

— Ну-съ? спросилъ Ракитинъ съ любопытствомъ, вставая со стула и протягивая бокалъ, чтобы чокнуться.

— Здоровье санкпетербургскаго мѣщанина Василія Максимова, сына Барсукова!

— Ты вольный?

— Второй мѣсяцъ.

— Много ль выкуду?

— Восемь тысячъ; да вино-то, пей, надобно еще по бокалу налить.

— Чѣмъ еще порадуешь?

— Здоровье моей нареченной невѣсты, Надежды Онисимовны Слѣпневой.

— Вася, да ты морочить меня хочешь?

— А это что? спокойно отвѣчалъ Барсуковъ, показывая на обручальное кольцо.—Пять недѣль назадъ въ Балахну ее съ бабушкой проводилъ, а въ ноябрѣ самъ туда поѣду.

— Ай да Барсуковъ, молодецъ. Ну, а много ль приданаго?

— Приданое, моя вольная, да тысячъ пятокъ чистоганомъ.

— И больше ничего? произнесъ удивленный Ракитинъ.

— Чего же еще больше?

— Те, те, те! Такъ это за тринадцать-то тысячъ въ бабѣ въ кабалу идти? Ну, братъ, жаль мнѣ твоего шампанскаго. Да какъ же это сдѣлалось?

Василій разсказалъ все, что намъ уже извѣстно; Ракитинъ только головой покачивалъ, пощипывая бороду.

— Да тебѣ-то она нравилась? спросилъ онъ по окончаніи разсказа.

— Хорошенькая дѣвочка, добрая, тихая, наконецъ спасительница моя.

— Спасительница? Гм, не ты ли полно ея избавитель? Видно бабушкѣ нужда была внучку поскорѣе съ рукъ сбыть, вотъ она тебѣ свое нещечко и навязала. Ахъ, Вася, Вася! Кто бъ могъ подумать, что ты такая простота? Пять лѣтъ назадъ, ты ей, ей, умнѣе былъ. Да такого молодца любая вдовушка купчиха, и выкупила бъ, и озолотила; припомни Николашку Васильича. Какіе же теперь у тебя расчеты?

— Въ Балахну поѣду, хлѣбомъ торговать.

— На пять тысячъ? Наторгуешься; смотри, милліоны наживешь. Тьфу пропасть, за него обидно — былъ на веревкѣ, да на цѣпь попалъ; отъ барина откупился, да бабѣ продался.

— Доброй волей женюсь, люблю Надю.

— Врешь, самъ себя морочишь, самъ себѣ въ голову вперяешь что любишь, потому что долженъ любить, вѣрно; сами навязываются.

— Однако, Алеша, ты свои брыли не широко распускай и невѣсту мою не порочь.

— Да, такъ вотъ и буду покланяться ей, какъ твоя милость! А я-то, дуракъ, ѣду изъ Москвы да думаю: вѣрно, Васюха за это время копѣйку зашибъ, и будемъ мы сообща дѣлишки вести.

— А какія дѣлишки? съ жадностью спросилъ Василій.

— Мало ль дѣловъ, всякія. Я въ Москвѣ тоже не сидѣлъ

руки сидѣлъ и не съ пустыми руками пріѣхалъ, по платью можешь судить. Кафтанъ-то полтораста рублевъ заплаченъ, а часики золотые, англійскіе. Хозяинъ въ Питерѣ магазинъ снимаетъ, а я старшій прикащикъ, понимай, какъ хочешь!

— Твой хозяинъ Коровинъ?

— Коровинъ — банкрутъ, а я уже седьмой мѣсяцъ у купца Самозвонова.

— По чайной торговлѣ?

— По чайной. Да что объ этомъ толковать; поѣзжай съ Богомъ въ свою Балахну, торгуй мякиной. Помяни мое слово, ни за копѣйку пропадешь.

— А выгодная эта чайная торговля?

— Куда ей до вашей хлѣбной! Эхъ, Вася, молчи лучше, зло меня на тебя беретъ. Ну, пора мнѣ однако, прибавилъ Ракитинъ, вставая съ мѣста: — скоро одиннадцать.

— Куда же ты теперь торопишься?

— Слава Богу, дѣлъ хватитъ на цѣлые сутки! Надобно въ магазинъ заглянуть, каково отдѣлка идетъ; оттуда къ нашему повѣренному, тамъ къ маклеру...

— Дай же хоть себя проводить?

— Провожай, ежели время есть. Оно, впрочемъ, по пути на Литейной.

Пришли товарищи въ магазинъ. Четыре окна на улицу, шкафы краснаго дерева рабочіе лакомъ кроютъ; пилятъ, стругаютъ, только стружки съ шипѣньемъ сыплются; спиртомъ и свѣжимъ деревомъ пахнетъ. Замѣтно по всему, что по окончаніи отдѣлки магазинъ будетъ великолѣпный.

— Вотъ Васюха, сказалъ Алеша, пріостановясь у подъѣзда: не будь ты опутанъ своими лабазницами, не будь женихомъ — было бъ намъ здѣсь не житье, а масляница. Самозвоновъ поручилъ мнѣ помощника себѣ по магазину пріискать; я, разумѣется, на тебя разсчитывалъ... Ну! видно, дѣло и безъ тебя обойдется. А мѣстечко славное: квартира готовая, жалованья пятьдесятъ рублевъ въ мѣсяцъ да по окончаніи года процентъ съ барышей... Жаль, жаль!

— И особеннаго прибыльно? уныло спросилъ Варсуковъ.

— Да, по крайней мѣрѣ, вдвое супротивъ жалованья.

— Алеша! вскричалъ Василій хватая товарища за руку: — въ пятомъ часу безпремѣнно приходи ко мнѣ чай пить!

— Не жди; не обѣщаю. Ежели къ пяти часамъ покончу свои дѣла, можетъ быть, заверну; только слова не даю.

— До свиданья же, если можно. А ты гдѣ живешь?

— На Садовой, домъ Скропышева. Не вздумай пожаловать: я только ночую дома; но мы еще увидимся, я у тебя побываю.

Василій Кинъ опечаленный пришелъ домой; посидѣлъ въ своей свѣтелкѣ — скучно невыносимо. Пора бы обѣдать, а ѣда на умъ нейдетъ, попробовалъ соснуть, — не спится. Замкнувъ за собою двери, Барсуковъ спустился въ садъ и, заложивъ руки за спину, понуривъ голову, запагалъ по аллеямъ. Давно ли въ этомъ саду все было такъ полно жизни, красоты, поэзіи — а теперь?

Гдѣ-то въ отдаленіи пробило пять часовъ; Алеша не приходитъ. Нетерпѣливый Барсуковъ вышелъ за ворота и устремилъ глаза вдоль по пустой улицѣ; бродятъ ломовики, крючники, бабы, солдаты; мимо дома проѣхалъ какой-то купецъ — а Ракитина не видать. Наконецъ-то часу въ седьмомъ, въ отдаленіи показалась знакомая Барсукову фигура, и трудно выразить восторгъ, съ которымъ онъ встрѣтилъ дорогаго гостя.

— А я было думалъ, обманешь?

— Слова не давалъ, самъ знаешь, говорилъ на двое. Такъ вотъ твоя квартера? Ничего, изрядно, и садикъ есть... Просто помѣщикъ да и полно!

Василій повелъ его въ свою свѣтелку.

— Чайная торговля, говорилъ Ракитинъ за самоваромъ, самая что ни на есть выгоднѣйшая. Будь только смѣтливъ; изворотливъ, денежки сами въ карманъ валятся. Первымъ дѣломъ, съ чаемъ, лучше нежели съ другимъ товаромъ, всякіе ловкіе обороты да штуки дѣлать можно. Эхъ Вася, какъ жаль что ты уже не нашего поля ягода, а то бы мы у, какъ зажили!

— Что же мнѣ дѣлать, Алеша; если женитьба крутитъ меня по рукамъ и по ногамъ!

— Глупо, глупо, Василій, всегда скажу. Ежели бъ ты женился на богачкѣ, хоть на старухѣ столѣтней, да было бы у нея на кажный годъ жизни по тысячи рублевъ капиталу; я бы сказалъ, дѣло; дружкой бы твоимъ былъ, а то кого берешь? Нищую лабазницу, просто! Женитьба изъ всѣхъ торговыхъ оборотовъ самый рисковавный, и глупъ тотъ, кто въ него пускается безъ надежды на вѣрные барыши.

— Все такъ: не знали бъ ты знать!..

— Пустое! Я тебѣ говорю, душа моя, что кромѣ смерти, на бѣломъ свѣтѣ все—дѣло поправное.

XVIII.

Въ великомъ посту вниманіе прихожанъ церкви Вознесенія Господня обращала на себя высокая, стройная дѣвушка, лѣтъ двадцати пяти, въ глубокомъ траурѣ, стоявшая обыкновенно у лѣваго клироса.

Безъ умиленія, безъ сочувствія, невозможно было смотрѣть на эту молельщицу. Всегда коленопреклоненная, съ очами возведенными къ небу, она бы могла быть чудной моделью для художника, желающаго олицетворить ангела молитвы. Когда она выходила изъ храма, прихожане съ невольнымъ благоговѣніемъ разступались передъ ней, какъ передъ существомъ инаго, лучшаго міра. При всемъ томъ, какъ ни послѣденъ былъ ея уходъ, она находила время одѣлять милостынею нищую братію. На разпросы любопытныхъ смиренныя старушки-богомолки отвѣчали, что дѣвицу эту зовутъ Натальей Абрамовной Донниковой. Она доводится родной племянницей богатѣйшему купцу Василью Никандрычу Грохотову, живущему въ Большой Подьяческой и прибывшему года съ полтора тому назадъ изъ Москвы.

Мать Натальи, Сусанна Никандровна, жила въ Смоленской губерніи, и до конца жизни была въ ссорахъ съ братомъ, не давая ему о себѣ никакихъ извѣстій. Овдовѣвъ, она истратила все имущество завѣщанное ей мужемъ, на странствованія по монастырямъ, и вообще по мѣстамъ, прославленнымъ чудесами угодниковъ или святыхъ иконъ божіихъ. Такимъ образомъ Наташа, съ семилѣтняго возраста, свыклась съ иноческою жизнію и предпочитала ее всѣмъ забавамъ, свойственнымъ юному возрасту. Пятнадцати лѣтъ она лишилась матери, и вѣроятно, пошла бы по міру, еслибъ ее не пріютили и не дали ей куска хлѣба въ окрестной сосѣдней обители. Здѣсь достигла она двадцатилѣтняго возраста, и только что готовилась принять великій обѣтъ, какъ судьба ея внезапно измѣнилась.

Лѣтомъ прибылъ въ ихъ обитель для поклоненія чудотворной иконѣ, какой-то старый, больной купецъ. Наташа, бывшая въ числѣ клирошанокъ, поразила его за молебномъ чистотой и пріятностью голоса. Купецъ спросилъ о ней, и когда ему сказа-

ли имя и фамилію — вздрогнулъ и измѣнился въ лицѣ. Оказалось, что онъ родной ея дядя, братъ ея матери. Тотчасъ же послѣ молебна пошелъ онъ къ игуменьѣ и сталъ испрашивать разрѣшенія о возвращеніи Наташи въ міръ, къ нему, гдѣ, по его словамъ, ожидаетъ ее счастливая будущность. Матушка игуменья объявила, что съ ея стороны препятствія нѣтъ, но что она, однако же, предоставляетъ выборъ между кельею и домомъ дяди на волю бѣлицы. Долго отнѣкивалась Наташа; крѣпко не хотѣлось ей, голубушкѣ, покинуть стѣны святой обители; гдѣ такъ безмятежно текла ея юность; страшно ей было переступить ограду, за которой ожидалъ ее опытъ житейскихъ соблазновъ. Тронутая однако же мольбами дяди, его душевной скорбію и тѣлесными недугами, Наташа сдалась на его предложенія и вышла изъ монастыря. Старикъ, внѣ себя отъ радости, хоть и скупенекъ былъ, накупилъ ей кучу обновокъ, драгоцѣнностей, нанялъ отличную квартиру и не мало убилъ денегъ на убранство комнаты, назначенной для племянницы. Но какое же было его удивленіе, когда вмѣсто удовольствія, Наташа, едва взглянувъ на наряды, выразила ему желаніе жить сообразно прежнимъ привычкамъ, то есть, не покидать чернаго платья, довольствоваться немногимъ, строго соблюдать посты и свято хранить обѣтъ безбрачія. Старикъ, разумѣется, не прекословилъ племянницѣ; ея воля была для него закономъ.

У Грохотова, жившаго тогда въ Москвѣ, появились жестокіе болѣзненные припадки. Со всей энергіей старческаго животолюбія обратился онъ къ помощи врачебной, Наташа прибѣгнула къ небесной. Толпа докторовъ окружила больнаго, недугъ не умалился; племянница молилась усердно, однако же, видно Богу не было угодно спасеніе Василья Никандрыча. Озлобленный на русскихъ докторовъ купецъ пріѣхалъ въ Петербургъ, и отдался на руки нѣмцамъ. Созвали консиліумъ изъ пяти искуснѣйшихъ врачей того времени. Каждый назвалъ ту болѣзнь, которая спеціально была ему къ сердцу ближе, ни одинъ не угадалъ настоящей; поспорили, понумѣли, разъѣхались и получили за это съ паціента щедрую благостыню. Послѣ такихъ неудачъ, досыта накормленный пилюлями, порошками, микстурами и другими снадобьями, Грохотовъ наткнулся наконецъ на опытнаго врача. При первомъ же визитѣ, докторъ сказалъ Наташѣ, что хотя болѣзнь дяди неизлечима, однако же онъ можетъ прожить годъ, два, даже три; можетъ умереть и въ одну секунду.

Нѣжная заботливость Наташи была выше всякой хвалы. Дни и ночи проводила она около больнаго, неусыпно слѣдила за ходомъ болѣзни, утѣшала его, успокоивала, и съ ангельской простотою сносила нетерпѣливыя выходки и капризы страдальца. По мѣрѣ развитія болѣзни, у Грохотова обнаружились несомнѣнные признаки и душевнаго разстройства; онъ сталъ брюзглив, мнителенъ, суевѣренъ; набожность его превратилась въ крайнее изувѣрство. Близкая, загробная жизнь представлялась ему въ образѣ безконечныхъ пытокъ и истязаній. Такъ провелъ Грохотовъ въ Петербургѣ первые три мѣсяца.

Какъ-то рано утромъ, въ прихожей брякнулъ звонокъ, и кухарка доложила о приходѣ какого-то молодаго купца, по весьма важному дѣлу.

— Какія у меня теперь важныя дѣла! плаксиво прошамшилъ больной.—Наташа, душа моя, выдь къ нему, спроси, что такое?

Минутъ черезъ десять Наташа возвратилась къ дядѣ и подала ему просфору, четки изъ раковинокъ и кипарисный образокъ.

— Это что? умиленно прошепталъ больной.

— Просилъ вамъ передать вашъ крестникъ, Василій Барсуковъ.

— Крестникъ? Барсуковъ? Впервые слышу...

— Умоляетъ васъ позволить взглянуть на васъ.

— Пожалуй, пожалуй, пущай войдетъ.

Вошелъ давно извѣстный намъ Василій Максимычъ. Трекратно перекрестясь на икону, онъ до земли поклонился крестному отцу.

— Здравствуй, голубчикъ, здравствуй, сказалъ тотъ, напрягая свои потухшія глаза:—спасибо тебѣ за святыя приношенія.

— Просфору за ранней обѣдней о здравіи вашемъ вынималъ; а четки и образокъ изъ Ерусалима святаго града.

— Такъ, такъ, спасибо. А ты нешто бывалъ въ Ерусалимѣ?

— Нѣтъ еще-съ. Этимъ меня одинъ странникъ благочестивый благословилъ.

— Это хорошо. Скажи же ты мнѣ, теперь вотъ племянница говоритъ, что ты мнѣ крестникъ, а я твоей фамиліи отродясь не слыхалъ; такъ ты видно ошибаешься?

— Двадцать-пять лѣтъ назадъ, въ ноябрѣ изволили вы проѣзжать олонецкую губернію?

— Бывалъ, бывалъ! живо отвѣтилъ больной.

— Есть тамъ Шуйцынъ погостъ...

— Знаю, знаю Шуйцынъ погостъ! Меня, Наташа, тамошній батюшка въ поминанье заздравное записалъ на вѣчныя времена; я туда колоколъ въ пятьдесятъ пудовъ пожертвовалъ и одѣяніе на престолъ.

— Такъ точно-съ, подхватилъ Василій:—и вы тамъ изволили простить...

— Постой, постой... Кажется двойнишекъ, это ли?

— Нѣтъ-съ, а двухъ мальчиковъ, подкидышка и законнаго, законный это я самый и есть. Вотъ и крестъ, ежели признаете...

— Да, да, теперь вспомнилъ. Ну, радъ, радъ тебя видѣть. Тѣмъ, Наташа, это онъ правду говоритъ; и вотъ какъ было дѣло.

Тутъ больной съ мельчайшими подробностями разсказалъ племянницѣ то, что вамъ уже извѣстно, и заключилъ словами:

— Да, много, много благодѣяній надѣлалъ я на своемъ вѣку, и все забыто неблагодарными. Ты, одинъ, Господь милосердный все видишь и воздашь мнѣ сторицею! — Ну, дружокъ, продолжалъ онъ, обращаясь къ крестнику:—ты меня своимъ приходомъ порадовалъ, много порадовалъ. Женатъ ты?

— Нѣтъ, тятенька, съ глубокимъ вздохомъ отвѣчалъ Барсуковъ:—была у меня невѣста, да Господь прибралъ, царство ей небесное!

— Ей тамъ лучше, лучше, дружокъ! Роптать не слѣдуетъ, молиться надо. Что же ты, на мѣстѣ гдѣ служишь?

— По чайной торговлѣ, у купца Самозванова.

— Знаю; онъ и въ Москвѣ торговлю имѣетъ; славный человѣкъ, знаю.

— Тятенька, вы извините меня, а есть до васъ просьбица...

— Не денегъ ли, дружокъ? Радъ бы, да не могу; на лекарство да на болѣзнь гибель ихъ идетъ.

— Сохрани меня Господи отъ этого; нѣтъ-съ, моя просьба другаго роду.

— Говори, что такое?

— Позвольте мнѣ навѣщать васъ, ходить за вами. Знаю, что Наталья Абрамовна словно ангелъ хранитель печется о васъ, а все же желательно было бы...

— Наташа, у крестника, право, доброе сердце, а? Ходи, ходи, ежели досужно. Грамотѣ знаешь?

— Знаю, тятенька.

— Книги будешь мнѣ читать?

— И въ аптеку сбѣгаю, и за докторомъ, куда вамъ угодно, тятенька. Позвольте только за ваше благодѣяніе отблагодарить васъ. Со мной вамъ и собаки держать не надобно!

— Пущай ходитъ; Наташа, а?

— Какъ вамъ угодно, дяденька.

— Все же тебѣ помощникъ, а?

— О, для меня не безпокойтесь! Въ святомъ дѣлѣ заботы о васъ не нуждаюсь я въ помощникахъ.

— Какой я помощникъ! смиренно произнесъ Барсуковъ: — скажите, тятенька, слуга, рабъ, а не помощникъ. Прикажите вы, или Наталья Абрамовна въ огнь идти, я пойду-съ.

— Спасибо, спасибо. Иди же съ Богомъ. Наташа, дай ему отъ меня цѣлковичекъ.

— Много благодаренъ, тятенька, я не за цѣлковымъ пришелъ къ вамъ; тысячу рублей давайте, я отъ васъ не возьму-съ. Благодаря хозяину, я сытъ, одѣтъ, обутъ, и ничего мнѣ не надобно.

— Ну, какъ знаешь.

— Ручку позвольте поцаловать?

— Цалуй, пожалуй.

— Знаете ли, что, дяденька, сказала Наташа по уходѣ Барсукова: — а вашъ крестникъ мнѣ что-то подозрителенъ!

— Ну вотъ!

— Точно ли онъ вашъ крестникъ, надобно узнать. Хорошо, если такъ, а ежели онъ мошенникъ, прости Господи!

— Почему это тебѣ въ голову пришло? боязливо прошепталъ больной.

— Да такъ, странно; откуда онъ взялся, точно съ неба упалъ. Надобно удостовѣриться.

И въ тотъ же вечеръ Наташа, подъ предлогомъ покупки чаю, заѣхала на Литейную, въ магазинъ Самозвонова. Вошла; видитъ, точно, крестникъ дяди, дѣйствительно, одинъ изъ прикащиковъ. Василій, въ свою очередь, тотчасъ же узналъ ее, спросилъ о крестномъ, съ поклонами проводилъ до саней.

— Грѣшница я, говорила она дядѣ черезъ недѣлю: — Василій Максимычъ просто золотой человѣкъ.

Мѣсяца черезъ два, дядя и племянница привыкли къ Барсукову, будто вѣкъ знакомы. Первому крестникъ полюбился услужливостію, набожностію, кротостію, второй — деликатностію

манеръ, скромностію; даже кухарка Дюша и та не могла нахвалиться крестникомъ хозяйскимъ. Къ лѣту больному сдѣлалось примѣтно лучше, и это дало возможность Наташѣ нѣсколько чаще отлучаться изъ дому на богомолье по окрестностямъ и бывать въ отлучкѣ до слѣдующаго утра и долѣе. Она посѣтила Колпино, Сергіевскую пустынь, Пороховые заводы и Гатчино; и отвсюду возвращалась съ богатымъ запасомъ благочестивыхъ воспоминаній и разсказовъ. Въ августѣ Грохотову сдѣлалось хуже, въ октябрѣ докторъ объявилъ, что старикъ непремѣнно умретъ при осеннемъ рѣкоставѣ, и Наталья съ Барсуковымъ ежеминутно ждали окончанія страданій ихъ благодѣтеля. Однако день за днемъ, и ноябрь прошелъ, а старикъ живъ; прошли и прошли праздники Рождества, наконецъ Богъ привелъ Василья Никандрыча и новый годъ встрѣтить.

XIX.

Вечерня у Вознесенья отошла; съ паперти сходятъ и расходятся въ разныя стороны обоего пола прихожане; вотъ, наконецъ, и наша Наталья Абрамовна домой пробирается. Отвела душу бѣдняжка молитвой, и идетъ на скуку утомительную, безконечную. Опять ждутъ ее тяжкіе вздохи и стоны больнаго, подача лекарства, мучительная, бессонная ночь; то ли время, чтобы вянуть въ этой мукѣ!

Свѣтлый праздникъ на дворѣ, а съ нимъ и весна. Чудное, благодатное время! Какъ замѣтно прибавились деньки, потеплѣлъ воздухъ, и на душѣ какъ будто веселѣе стало. Шестой часъ вечера, но солнце еще свѣтитъ, ярко озаряетъ бѣлыя стѣны домовъ и краснымъ золотомъ играетъ въ оконныхъ стеклахъ; на одной сторонѣ улицы, въ тѣни, еще какъ будто зимой припахиваетъ: лужи подернуты льдистой слюдкой, подъ ногой снѣгъ хруститъ... За то на солнечной сторонѣ, сильная капель; изъ водосточныхъ трубъ вода журчитъ; на оградѣ у вербы пушистыя распуколки, на бузинѣ вѣтвь будто кровью налиты; голуби томно воркуютъ, воробьи дерутся. Два дня тому назадъ на Невѣ лужи исчезли, рѣка засинѣла подъ рыхлой ледяной коркой; даже смѣлыя охтенки теперь черезъ нее не пускаются: не сегодня, такъ завтра рѣка тронется.

Позвонила Наташа у дверей дядиной квартиры, неизмѣнный Василій Максимычъ отворилъ ей.

— Что дяденька? спросила она снимая салопъ.

— Ничего-съ, не хуже прежняго; дремали немножко.

— Лекарство въ половинѣ пятаго вы давали?

— Какъ же-съ.

— Обо мнѣ дяденька спрашивалъ?

— Только что сію минуту говорили.

Вошла Наташа въ залу, прачное, огромное, въ четыре окна, съ тяжелыми шерстяными занавѣсками. Грохотовъ спитъ въ креслахъ, обложенный подушками, и громко раздается его тяжелое, спящее дыханіе.

— Какъ они страдаютъ-съ! прошепталъ Барсуковъ, поднося платокъ къ глазамъ.

— Ужасно. Господи, неужели это еще годъ продолжится! отозвалась Наташа со вздохомъ.

— Какъ знать-съ. У меня знакомый былъ, точно въ такомъ же положеніи, тотъ — семь лѣтъ жилъ.

— Неужели?

— Истинно-съ. Былъ онъ съ тятенькой въ одинъ лѣтахъ и даже лицомъ на него похожъ; повѣрите ли, жена и дочь Бога молили, чтобъ больной номеръ прокорчій, право-съ. Ему то мученье, а имъ вдвое-съ.

— Повѣрю, повѣрю, Василій Максимычъ.

— Я все на васъ дивлюсь, Наталья Абрамовна, какъ вы терпѣливы.

— Смѣшно вы судите, да развѣ нашъ страдалецъ чужой мнѣ?

— Все такъ-съ; да вы молоды, набожны, душа ваша влечетъ васъ въ уединеніе, а вы обязаны жить въ столицѣ, видѣть людей грѣшныхъ, говорить съ ними — вотъ въ чемъ вашъ подвигъ.

— Полноте льстить.

— Далекъ отъ этого-съ; даже слишкомъ далекъ. Я только твердости вашей дивлюсь.

— А на что же во мнѣ вѣра?

— Такъ-съ, вѣра — это великое, великое дѣло, да много ль такихъ, какъ вы, найдется? По наружности, пожалуй, иная и богомольна и смиренна, а на душѣ-то что? Ежели вамъ не скучно будетъ, продолжалъ Барсуковъ садясь поближе:—я разскажу вамъ одинъ случай, чему свидѣтелемъ былъ. Угодно-съ?

— Пожалуй, отвѣчала Наташа съ легкимъ зѣвкомъ:—только пожалуйста никого не осуждайте, я этого не люблю.

— Зачѣмъ осуждать-съ, я только истину говорить буду. Вотъ-съ, лѣтъ семь назадъ, когда я еще у другаго хозяина жилъ, по сосѣдству проживала купчиха старушка съ племянницей; звали племянницу, какъ теперь помню, такъ же, какъ и васъ Натальей. Собой была красивая, а ужъ скромная, степенная, богомольная — что и сказать нельзя. Со стороны глядя, можно было подумать, что чище и души нѣтъ на свѣтѣ.

Барсуковъ пріостановился.

— Ну-съ, произнесла Наташа, а дальше?

— Нѣтъ-съ, будетъ; я передумалъ. По просту сказать, стыдно стало.

— Не слѣдовало и начинать.

— Это-съ справедливо-съ.

— Вѣроятно племянница обманывала тетку.

— Это бы еще куда ни шло, а то хуже-съ, милліонъ разъ хуже. Племянница совѣсть свою обмануть хотѣла, и лицемѣря, обкрадывала свою благодѣтельницу.

— Ай грѣхъ какой!

— Да-съ. И увѣряя больную старушку, что уходитъ по доброму дѣлу, уходила къ Владиміру Сергѣичу...

— Что! вскрикнула Наташа такъ громко, что больной пробудился.

Она подбѣжала къ нему, а Барсуковъ тихохонько отошелъ въ темный уголъ.

— Который часъ? пролепеталъ больной.

— Седьмаго половина-съ, отвѣтилъ Василій.

— Ну, я еще вздремну. А ты, Наташа, свѣчу зажги, тьма кромѣшная!

Василій вырубилъ огня и подалъ Наташѣ, она протянула свѣчу, но рука ея до того тряслась, что свѣтильня не занималась огнемъ; Барсуковъ помогъ ей, съ самой добродушной улыбкой.

— За тѣмъ, прошепталъ онъ, взявъ картузъ — позвольте пожелать покойной ночи.

— Куда же вы такъ спѣшите?

— Въ магазинъ надо-съ, выручку сег одни свѣряемъ.

— Ну, посидите еще немножко, запоздаете, не бѣда; можетъ быть, дяденька спросить васъ.

— Полчасика еще посижу, если вамъ не противно будетъ.

Наташа чуть слышно стала ходить по комнатѣ, искоса посматривая на Барсукова; тотъ спокойно перелистывалъ библію.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, Наташа подошла къ нему и слегка тронула за плечо. Онъ поднялъ голову.

— Что же вы не досказываете вашей исторіи?

— Я все сказалъ, Наталья Абрамовна.

— Да чѣмъ же нибудь она кончилась?

— Чѣмъ кончилась? Тетка померла, а Наташа безъ церемоніи къ Владиміру Сергѣичу... А славное это имя, Наталья Абрамовна!

Наташа не отвѣчала; облакотясь на спинку стула, она едва держалась на ногахъ.

— Вамъ дурно? заботливо спросилъ Василій:—угодно водички испить?

— Ничего не нужно, благодарю васъ.

Потирая руки, она хрустѣла пальцами; зубы ея стучали, какъ въ лихорадкѣ, тонкія губы были обкусаны до крови.

— Василій Максимычъ, произнесла она съ усиліемъ: — не знаете вы... кто былъ этотъ... Владиміръ...

— Владиміръ Сергѣичъ? отчетливо переспросилъ Барсуковъ:— онъ былъ офицеръ гусарскій, что ли, и игралъ шибко въ карты. Ничего-съ, можно было играть, когда казначеемъ была Наташенька. Чудныя дѣла бываютъ, этакая пропащая женщина носила одно имя съ вами, непорочной дѣвушкой!

Наталья Абрамовна, задыхаясь, подошла къ окну, откинула стору и приникла горячей головой къ холодному стеклу. Василій, по прежнему спокойно перелистывая библію, сказалъ въ полголоса:

— Отъ окошка дуетъ, Наталья Абрамовна; отойдите лучше, еще простудитесь.

— Я бы только хотѣла знать... отвѣтила Наталья, оборачиваясь, но ее перебилъ голосъ дяди; старикъ сильно храпнулъ и проснулся.

— Пить, Наташенька!

— Ахъ, Боже мой, заботливо вскрикнулъ Барсуковъ: — чайникъ съ травой совсѣмъ простылъ, долить надо-съ; кстати на кухнѣ кипятокъ есть.

Черезъ минуту онъ возвратился съ горячимъ чайникомъ.

— Какъ вы себя чувствуете, голубчикъ дяденька? спрашивала Наташа со слезами на глазахъ.

— Ничего. Мнѣ этотъ сонъ большую пользу принесъ и си-

лы поправилъ; только несносно одно — какъ папу засыпать, такъ вотъ одышка и разбудитъ.

— За втра вы ужь къ заутрени не ходите, сказалъ Барсуковъ Наташѣ въ передней, накидывая шинель: — авось Господь проститъ. Я буду къ вамъ часу въ пятомъ.

— Вечера?

— Нѣтъ-съ, утра. Дѣло-то такого роду, что ежели позже приду, всѣмъ намъ худо будетъ. До свиданія-съ.

— Василій, сказала Наташа внѣ себя, схвативъ его за обѣ руки, скажи мнѣ только одно: ты человѣкъ — или самъ дьяволъ въ образѣ человѣка?

— Ай, ай, Наталья Абрамовна, какъ же это можно-съ такой прекрасной дѣвицѣ и такія нехорошія слова говорить! Кто я? Кажется мы съ вами не со вчерашняго дня знакомы; впрочемъ, завтра утромъ все узнаете-съ.

Полночь. Въ кабинетѣ Грохотова мертвая тишина; больной дремлетъ, Наташа у стола пристально глядитъ опухшими отъ слезъ глазами на нагорѣвшую свѣчу; въ залѣ, будто чьи-то шаги, глухо раздаются мѣрные удары маятника. Трудно рѣшить, кто болѣе страдаетъ теперь, больной, или его племянница? Вѣрнѣе всего сказать, что тѣлесныя страданія перваго равняются душевнымъ второй. Но Грохотова ожидаетъ смерть, а съ ней конецъ всему; адъ, который представлялся воображенію страдальца, конечно не такъ ужасенъ, какъ адъ, кипящій въ душѣ Натальи. Тайна, которую донынѣ она такъ искусно скрывала отъ людей, тайна эта — открыта, маска, которую она пять лѣтъ носила, которая приросла, такъ сказать, къ ея лицу, — эта маска сорвана, и одного слова Барсукова достаточно, чтобы заклеймить позоромъ имя Натальи, даже, можетъ быть, отнять у нея все состояніе, слѣдующее послѣ дяди. Донынѣ въ искусствѣ притворства, въ наукѣ лицемѣрія, не встрѣчала она себѣ подобныхъ; и вдругъ, судьба сталкиваетъ ее съ человѣкомъ, который такъ высоко превосходитъ ее въ лукавствѣ и въ лицемѣріи. Какъ тонко умѣлъ онъ разсѣять ея недовѣрчивость, выставить себя передъ нею въ самомъ выгодномъ свѣтѣ, а теперь играетъ надъ головой ея топоромъ, привѣшеннымъ на тонкой шелковинкѣ! И горько плачетъ Наташа слезами страха и оскорбленнаго самолюбія.

— Отъ кого онъ узналъ? Какъ могъ проникнуть? спрашиваетъ она только самое себя. И въ ея памяти промелькнули всѣ обстоятельства первой встрѣчи, знакомства съ... нимъ, съ чело-

вѣкомъ, котораго имя нѣсколько часовъ назадъ было брошено ей въ лицо Барсуковымъ, т. е. съ Владиміромъ Сергѣичемъ.

— Наташа, пить! прохрипѣлъ пробудившійся Грохотовъ, и заставилъ такимъ образомъ Наташу очнуться.

— Часъ который?

— Третьяго три четверти, дяденька!

— Только еще? А я думалъ, часъ шестой. Поправь мнѣ подушку, сосну еще.

— Сосните, дяденька.

Опять все утихло; опять Наташа предалась своимъ мечтамъ. Онѣ, мало по малу, заставили ее позабыть вчерашнюю обиду; воспоминаніе давно минувшаго блаженства заглушало горе недавнее. Гдѣ-то вдали гудѣлъ колоколъ, благовѣстъ къ ранней обѣднѣ. Долго смотрѣла Наташа на улицу и вдругъ отшатнулась, на противуположной панели явилась фигура Барсукова. Племянница Грохотова чуть слышно прошла въ прихожую, и приложивъ ухо къ входнымъ дверямъ стала прислушиваться... Точно! кто-то восходитъ на лѣстницу, ближе, ближе, наконецъ, слегка тронулъ за замокъ.

Наташа быстро отворила; предъ нею стоялъ Василій.

XX.

— Съ добрымъ утромъ, Наталья Абрамовна, каково почивали-съ; что дяденька?

Наташа молча прошла въ залъ.

— Къ дяденькѣ въ кабинетъ мы покуда не пойдемъ-съ, сказалъ шопотомъ Василій:—я боюсь повредить его здоровье, войдя прямо съ холоду. Мы и здѣсь поговоримъ.

— Говорите, что знаете, сказала Наташа силясь улыбаться.

— Если мнѣ говорить вамъ все, что я знаю, у васъ не хватитъ терпѣнія слушать, да и времени много потребуется, а время дорого.

— Что за загадки, Василій Максимычъ?

— Сами вынуждаете меня говорить загадками; а между тѣмъ думается мнѣ, намъ можно было бы говорить безъ обиняковъ.

И Василій нецеремонно взялъ Наташу за руку; рука эта была холодная и влажная.

— Первымъ дѣломъ, началъ онъ:—скажите мнѣ откровенно,

безъ лукавства, кто изъ двухъ вамъ милѣе — дядя, или Владиміръ Сергѣичъ?

— Какой это Владиміръ Сергѣичъ? прошептала Наташа, быстро отдергивая руку; глаза ея сверкали, лицо покрылось багровыми пятнами.

— Какой-съ? отвѣчалъ прищурясь Барсуковъ: —а тотъ самый, что въ Кирочной живетъ, у котораго вы на прошедшей недѣлѣ въ гостяхъ были...

— Василій Максимычъ! простонала Наташа, ломая руки.

— Тотъ самый, невозмутимо продолжалъ Барсуковъ: — для котораго смиренная Наталья Абрамовна изъ дядюшкиной шкатулочки деньги потаскиваетъ-съ; тотъ самый, къ которому Наташенька еще въ Москвѣ отъ Сухаревой башни въ Хамовники прокатывалась. Да о чемъ же плакать-то? Я не къ тому говорю, чтобъ васъ огорчать, а къ тому, чтобы вы видѣли, что я о васъ знаю всю подноготную.

— Какимъ образомъ?

— Про то мнѣ знать, Наталья Абрамовна. Скажу вамъ только, что не даромъ же я, прежде чѣмъ сюда въ домъ попасть, три мѣсяца, какъ тѣнь, слѣдилъ за вами; не попустому же на этотъ предметъ до семи сотъ рублей потратилъ. Санктпетербургскій мѣщанинъ Василій Барсуковъ цѣну-то деньгамъ знаетъ!

Въ кабинетѣ раздался звонокъ, Наташа встала.

— Дядѣ ни гу-гу, что я здѣсь! строго шепнулъ ей Василій. По уходѣ Наташи, онъ взглянулъ на карманные часы и свѣрилъ ихъ со стоявшими въ залѣ.

— Ну, что дяденька? спросилъ онъ возвратившуюся Наташу,

— Все дремлетъ.

— Это къ лучшему-съ; вы слышали, что вчера докторъ сказалъ? До осени проживетъ.

— Дай Богъ.

— Конечно, дай Богъ-съ! Истинно въ писаніи сказано: «положенъ предѣлъ, его-же не прейдеши». Такъ-ли-съ? Это я къ тому говорю, что вотъ дяденька и старый, и хворый, третій годъ скрипитъ да ноетъ, а все живетъ; а иной — кровь съ молокомъ, молодой, видный, примѣрно какъ нашъ Владиміръ Сергѣичъ — хлопъ, и капутъ!

— Василій! дрожа всѣмъ тѣломъ, произнесла Наташа: — Владиміръ умеръ?

— А! Насилу-то изволили выговорить его имя; этого-то мнѣ

и надобно. Полно-же, Наташа, дурака строить, говори прямо— любишь его?

— Перестань надѣваться, сатана, говори прямо: онъ умеръ?

— Живъ-то живъ, хе, хе, хе, да я крѣпко боюсь, чтобъ нашъ почтеннѣйшій дяденька его не пережилъ!

— Наташа! звалъ Грохотовъ изъ кабинета.

— Здѣсь, дяденька! отвѣчала она входя и облокачиваясь на столъ, чтобъ не упасть.

— Куда все уходишь мать моя?

— Я заводила часы въ залѣ.

— Заводила! Ихъ въ полдень заводить надо, теперь еще рано; шестой часъ?

— Шестой.

— Садись-ка, да дочти мнѣ главу изъ экклезіаста. Наташа повиновалась, и чуть внятнымъ голосомъ принялась читать библію. Рыданья тѣснили ей грудь, слезы ежеминутно застилали глаза.

— Громче, замѣчалъ больной по временамъ:—что это, Наташа, какой у тебя хриплый голосъ сегодня? Вчера Василій лучше читалъ.

Барсуковъ въ залѣ улыбнулся.

Чтеніе продолжалось съ пол-часа; наконецъ Грохотовъ, убаюканный однообразнымъ голосомъ чтицы, задремалъ. Наташа пріостановилась, неслышно встала съ мѣста и опять ушла въ залю.

— Ежели мы будемъ говорить съ такими промежутками, сказалъ ей Барсуковъ недовольнымъ голосомъ:—времени уйдетъ много, а я повторяю тебѣ, Наталья Абрамовна, что намъ дорога каждая минута. Дядины креслы съ мѣста не подвигаются?

— Нѣтъ.

— Дальше постели онъ вѣдь не ходитъ? Такъ всего лучше я войду въ кабинетъ и сяду въ уголъ за бюро; не увидитъ меня — хорошо, а увидитъ, можно будетъ сказать, что я пришелъ во время его сна.

— Дѣлай, что хочешь! отчаянно прошептала Наташа.

— Загляни же, уснулъ ли онъ? уснулъ, такъ махни, я войду.

— Ты, Наташа, продолжалъ онъ шепотомъ, уже въ кабинетѣ: напрасно на меня обижаешься и звѣремъ глядишь. Конечно, это я понимаю, тебѣ обидно, что человѣкъ нашолся, который раскусилъ что ты есть за птица, и всѣ твои шашни будто на ладонь вынесъ; да это пустяки-съ, сущій вздоръ. Ежели бъ я тебѣ зла хо-

тѣлъ, могъ бы тебѣ и раньше подсолить, вѣдь ты съ прошлаго лѣта въ моихъ рукахъ, но ты видѣла, какъ по сіе время я былъ скроменъ. Не случись такой страшной оказіи, я бы до самой дядиной смерти и виду не показывалъ. Во первыхъ, разсчету не было бы, а во вторыхъ, подобныхъ тебѣ пройдохъ да лицемѣрокъ, кромѣ тебя, до Москвы не перевѣшаешь.

Каждое слово этой наглой, откровенной бесѣды будто раскаленной иглой язвило сердце Натальи, но она слушала смиренно, опустя голову.

— Вчера, продолжалъ Барсуковъ:—когда ты была у вечерни, сюда заходилъ деньщикъ Владиміра Сергѣича... первоученка, должно быть. Позвонилъ и спрашиваетъ меня; «Здѣсь ли живетъ Наталья Абрамовна Донникова?» — Здѣсь. — «Дома онѣ?» — Нѣтъ. «Къ нимъ письмо!..»

— Гдѣ, гдѣ оно? живо перебила Наташа.

— Постой, дай же досказать. Письмо это деньщикъ передалъ мнѣ, умоляя непремѣнно вручить тебѣ самой.

— Ложь! воскликнула Наташа:—еслибы Владиміръ вздумалъ писать ко мнѣ, онъ бы сказалъ деньщику, гдѣ можно меня найти.

— Ну, если ты такая догадливая, то пожалуй я тебѣ скажу, что деньщикъ Грищка за одно со мной, и передалъ письмо прямо мнѣ изъ рукъ въ руки. Я полагаю, тебѣ отъ этого легче не будетъ, да и къ дѣлу-то оно нейдетъ. Тутъ сила въ томъ, что оно въ моихъ рукахъ. Знаешь ли ты почеркъ Владиміра, объ этомъ я полагаю и спрашивать нечего? продолжалъ Барсуковъ запуская руку въ боковой карманъ.

Наташа приблизилась къ нему, но Барсуковъ отодвинулся и, высоко поднявъ конвертъ, далъ ей прочитать только адресъ. Наташа, до этой минуты все еще сомнѣвавшаяся, узнала руку своего возлюбленнаго.

— Наташенька, лепеталъ Грохотовъ, тяжко мнѣ что-то, дышать трудно. Разотри-ко мнѣ грудь этой мазью, знаешь!

Бурсаковъ чуть слышно вышелъ изъ своего угла и сталъ за креслами, такъ чтобы Наталья могла его видѣть; сдѣлавъ ей знакъ, онъ показалъ надъ головой больнаго развернутое письмо:

«Другъ Наташа» читала она «вчера вечеромъ»...

— Куда ты глядишь? сказалъ съ неудовольствіемъ больной:— что тамъ за узоры?

— Мазь такая крѣпкая, дяденька, что слезы навертываются!

«...Я проигралъ въ карты» продолжала читать племянница «не только всѣ наличныя, но и двадцать тысячъ ремонтныхъ денегъ. Если завтра, *къ десяти часамъ утра*, ихъ не будетъ у меня...»

— Наташа! вскрикнулъ Грохотовъ:—ты мнѣ ногтями грудь царапаешь; больно, больно! Оставь лучше. Да что съ тобой!

Блѣдная, съ полуоткрытымъ ртомъ, дрожа всѣмъ тѣломъ, Наташа дочла будто сквозь огненный туманъ послѣднія строки роковаго письма:

«...Я буду принужденъ раздробить себѣ черепъ. Спаси твоего — В».

Барсуковъ, вмѣстѣ съ письмомъ, исчезъ за бюро; часы пробили семь. Участь Владиміра должна была рѣшиться черезъ три часа! Наталья Абрамовна со стономъ упала къ ногамъ своего дяди.

— Наташа, голубушка, что ты? твердитъ онъ, гладя ее по головѣ дрожащей рукой.

— Дурно что-то... пробормотала она сквозь зубы, стучавшіе какъ въ лихорадкѣ. Пройдетъ все!

— Можно ли пугать такъ? Ты знаешь, какъ мнѣ вредно пугаться. Не пора ли дать лекарство?

— Нѣтъ еще, дяденька! сказала Наташа, приподымаясь на ноги.—Позвольте мнѣ походить по кабинету, авось мнѣ легче будетъ!

— Ходи, пожалуй, да только на меня чтобъ вѣтру не было.

— Я буду ходить за вашими креслами, на васъ вѣтромъ не пахнетъ. Что дѣлать? быстро шепнула она проходя мимо Василья.

— Не знаю, придумай.

— Мелочью и десяти тысячъ въ домѣ не собрать.

— Трудновато, знаю.

— Спаси меня и Владиміра, ради Создателя! Спаси и требуй, чего хочешь.

— Что ты тамъ шепчешь, Наташа? спросилъ больной.

— Я ничего, дяденька; такъ что-то вздохнулось.

— Даромъ такихъ дѣлъ не дѣлаютъ! отвѣтилъ Барсуковъ.

— Сколько?

— Столько же, сколько и Владиміру Сергѣичу; дешевле нельзя.

На этотъ разъ, пройдя мимо Барсукова, Наташа ни слова не сказала, только мрачно глазами сверкнула.

— Видно Володенька двадцати тысячъ не стоитъ? шепнулъ Василій насмѣшливо.

Часы пробили восемь. Какъ долго тянулось время для Натальи въ прежніе дни и какъ летитъ оно теперь... Не остановишь! Можетъ быть, Владиміръ въ эту самую минуту опускаетъ въ стволъ пистолета роковую пулю, которой суждено заключить эту молодую, пылкую жизнь...

Легкій храпъ Грохотова нарушалъ страшное безмолвіе кабинета; Наташа подбѣжала къ Барсукову.

— Согласна на все! торопливо прошептала она:—откуда только ты добудешь денегъ для Владиміра?

— Откуда?—Зачѣмъ далеко искать, когда они здѣсь, прибавилъ онъ, окидывая глазами кабинетъ.

— А дядя? спросила удивленная Наталья.

— Вспомни слово доктора: «онъ можетъ прожить годъ, можетъ умереть и въ одну минуту». Еще ли тебѣ не надоѣло возиться съ этимъ полумертвецомъ?

— Василій, да неужели ты хочешь....?

— Я хочу нажить двадцать тысячъ, задыхаясь отвѣчалъ Барсуковъ.—Помни то, что его смерть—спасаетъ жизнь Владиміру; выборъ въ твоей волѣ: или Владиміръ, или дряхлый дядя, который, какъ собака на сѣнѣ, самъ не ѣстъ, да только твой вѣкъ заѣдаетъ. Для такой ли жизни ты создана, Наташа? страстно продолжалъ искуситель. — Тебя манитъ счастье, довольство, а ты живешь затворницей. Вѣрь мнѣ, лучше грѣхъ явный, нежели тайный.

— Исчезни сатана! Господи, отклони отъ меня это искушеніе!.. рыдая молилась Наташа.

— Полно, меня не проведешь! На столько-то я знаю тебя, чтобы сказать, что въ душѣ у тебя другое. Плачь тише, не то дядю разбудишь, а скоро уже девятый часъ, до Кирочной далеко! Я сказалъ деньщику отъ твоего имени, что ты его барина спасешь.

— Но грѣхъ-то, грѣхъ-то, Василій!

— Только спасеніе одной жизни—другою; а я весь грѣхъ на себя беру, это не грѣхъ, дѣло минутное. Наташа, Наташа, шепталъ Барсуковъ, въ какомъ-то упоеніи обнимая ее: я вѣчно буду благословлять тебя и Владиміра, подъ пыткой тебя не выдамъ!

— Вася, онъ мой благодѣтель!

— Чѣмъ? что взялъ тебя изъ монастыря и бросилъ въ міръ—

скіе соблазны, что изъ богомольной чистой дѣвушки сдѣлалъ изъ тебя лицемѣрку?

— Господи! Восемь часовъ бьетъ!

— Черезъ два часа Владиміру, или твоему старику лежать на столѣ. Наташа, въ его смерти спасенье Владиміра!

— Василій, постой, постой! Лучше одинъ грѣхъ вмѣсто другаго... Можно... украсть... А то, убить?..

— И я то же думалъ; но ты позабыла, что духовная еще не составлена, и если онъ... Смотри, кажется, просыпается?

— Нѣтъ; онъ только пошевельнулся. Какъ же, Василій? неужел и ты рѣшишься? убить крестнаго отца...

— Да не убить, а только подушку накинуть; это минутное дѣло. Вѣдь ему все равно задохнуться надо? Не все ли равно вода или подушка? Садись и пиши.

— Не могу, рука дрожитъ... Да что же я должна писать?

— Двѣ строки только: «двадцать тысячь по волѣ покойнаго— Барсукову...» И подпиши.

— Зачѣмъ же это?

— Проста же ты, либо дурой прикидываешься. Надобно же мнѣ огородить себя отъ бѣды. Пожалуй, дядя умретъ, а ты и скажешь, что я укралъ деньги.

— Въ твоихъ рукахъ письмо Владиміра.

— И то правда. Ну, бери же ключи и тихохонько вынимай деньги... ему и мнѣ... Тише, тише! Вынула? Ну, моя доля тутъ?.. Вѣрно?

Дрожащими руками Василій сосчиталъ ассигнаціи. Лицо его приняло зеленоватый оттѣнокъ, глаза блуждали, какъ у безумнаго. Не успѣла Наташа замкнуть бюро, какъ онъ спѣшно сдѣлалъ ей знакъ рукою, чтобы она вышла изъ кабинета. Наталья, зажавъ уши, выбѣжала въ залъ и прижалась въ уголъ; съ каждымъ ударомъ сердца ей казалось, что огненная струя ударяетъ ей въ голову. Комната вокругъ нея кружилась, полъ изъ ровнаго какъ будто превратился въ наклонную плоскость... Часы прогудѣли девятаго четверть.

— Ну, кончено! сказалъ Барсуковъ, шатаясь выходя изъ кабинета; — догорѣвшая свѣчка погашена, чадила только... Чтожь дѣлать, Наташа, ежели старыя полѣнья намъ дорогу загораживаютъ? Долой ихъ! Да не гляди на меня такъ странно, отвернись, дай съ духомъ собраться. Теперь, прежде всего, я ѣду къ доктору, и ты подожди нашего возвращенія...

— А Владиміръ!

— Поспѣешь, отвѣчалъ Барсуковъ со страшной улыбкой, дѣло прошлое, я маленько схитрилъ...

— Письмо подложное? вскрикнула Наташа.

— До такой тонкости мы еще не дошли, чтобы такъ искусно руку поддѣлывать; вѣдь тутъ матушка о жизни дѣло... Нѣтъ, я только часикъ подскоблилъ, да подправилъ. Написано было рукой Владиміра Сергѣича—«къ одиннадцати», а я—«къ десяти» поставилъ. Богъ тебя знаетъ, можетъ, еще долго бы упрямилась!

Черезъ полчаса докторъ въ сопровожденіи Василья вошелъ въ кабинетъ и ничего не подозрѣвая, подошелъ къ кресламъ Грохотова. Систематически взглянулъ въ лицо, въ тусклые глаза, тронулъ за ледяную руку...

— О! совсѣмъ кончился, произнесъ онъ спокойно.—Я вѣдь вамъ говаривалъ что совсѣмъ вдругъ помирать будетъ. Это hidrothorax, по русски — грудной водяной, завсегда такъ бываетъ. Ну, а вы, сударыня, не плачьте — прибавилъ Карлъ Богданычъ рыдающей Наташѣ:—вамъ къ этому давно слѣдовало себя приготовлять. Давайте вы мнѣ лучше листъ бумага, перо и чернильница, надобно свидѣтельствованіе писать.

— Докторъ, сказала Наташа всхлипывая, позвольте мнѣ покуда съѣздить къ знакомой, я минутъ черезъ двадцать ворочусь... необходимо мнѣ...

— Проѣзжайте, проѣзжайте, я буду подождать, покуда приходитъ полиція.

— Позвольте попросить васъ съ Васильемъ Максимычемъ въ залъ... Кабинетъ запереть надобно!

— Ну, да, да, вѣстимо, такъ и закономъ требуется; это совсѣмъ резонное дѣло, а мое свидѣтельствованіе можно и въ залѣ написать.

— Точно съ цѣпи сорвалась! говорили прохожіе, глядя на Наталью Абрамовну, несущуюся на лихачѣ по Большой Садовой, когда она проѣзжала мимо Гостинаго двора.

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

КАКЪ КОМУ УГОДНО (*).

РАЗСКАЗЫ, СЦЕНЫ, РАЗМЫШЛЕНІЯ И АФОРИЗМЫ.

I.

СЛОВО КЪ ЧИТАТЕЛЮ.

Всегда меня удивляло, какъ это люди не исполняютъ своего долга. Какъ извѣстно всѣмъ и каждому, вся жизнь человѣческая есть не что иное, какъ непрерывное служеніе всякаго рода обязанностямъ, которыя для блага нашего придуманы и, кѣмъ слѣдуетъ, утверждены. Человѣкъ родится — его долгъ уважать родителей. Человѣкъ поступаетъ въ школу — его долгъ прилежно учиться и уважать наставниковъ, человѣкъ женится — его долгъ руководить и наставлять жену, поступаетъ на службу — его долгъ прилежно служить, хранить канцелярскую тайну и уважать начальниковъ, человѣкъ пріобрѣтаетъ дѣтей — его долгъ любить ихъ и внушать имъ понятія о долгѣ, дабы и они въ свою очередь и своимъ дѣтямъ преподали таковыя же. Если спросятъ меня, какимъ образомъ понятіе о долгѣ образовалось — я откровенно отвѣчу: не знаю. Поэтому я никогда и не разсуждаю, а

(*) Сочиненію этому должны предшествовать два письма, которыя, быть можетъ, и появятся впослѣдствіи.

только огорчаюсь, когда вижу людей, относящихся къ обязанностямъ своимъ съ небреженіемъ.

Всякое общество имѣетъ свои алтари, свои краеугольные камни, около которыхъ группируется, на которые устремляетъ свои взоры. Если мнѣ кто нибудь говоритъ: «поступать такимъ, а не инымъ образомъ повелѣваетъ долгъ чести», то я, коли хотите, не понимаю этого, однако понимаю; или, лучше сказать, я понимаю потому, что не могу не понимать. И не смотря на то, что здѣсь, по видимому, скрывается нѣкоторый каламбуръ, всякій, кто захочетъ глубже вникнуть въ дѣло, пойметъ, что я со всѣмъ не о каламбурѣ хлопочу, но что это именно такъ и есть, какъ я говорю.

Люди, постоянно видящіе передъ собой безпрерывную цѣпь обязанностей, бываютъ бодры, худощавы, легки на подъемъ; нравъ имѣютъ, во время исправленія обязанностей, озабоченный и суровый, а въ свободное отъ сего исправленія время—любезный и веселый; любятъ ходить въ баню, охочи до женщинъ и обладаютъ хорошимъ аппетитомъ, ибо всегда находятся въ нравственномъ моціонѣ. Напротивъ того, люди, небрегущіе своими обязанностями, бываютъ лѣнивы, жирны и безпечны до такой степени, что даже не каждый день мѣняютъ бѣлье; нравъ имѣютъ тихій, но не веселый: любятъ напиваться пьяны и, опьянѣвъ, тотчасъ же ложатся спать; отъ этого стоитъ ихъ послѣ сна только взболтать, какъ они уже вновь пьяны безъ всякаго видимаго резона; умываются рѣдко, и вслѣдствіе того имѣютъ лицо покрытое прыщами; до женскаго общества не охочи, потому что это возлагало бы на нихъ обязанности; ѣдятъ много, но безъ пользы, ибо тотчасъ же съѣденное извергаютъ. Замѣчено еще, что люди смуглые и черноволосые усерднѣе къ исполненію обязанностей, нежели бѣлокурые и съ бѣлымъ, круглымъ лицомъ.

Обѣ этѣ разновидности въ чистомъ состояніи встрѣчаются довольно рѣдко; большинство людей, въ этомъ отношеніи, представляетъ породу смѣшанную, то есть, отчасти по недосугу, а отчасти по неразумѣнію, исполняетъ лишь нѣкоторыя обязанности, да и то не всегда съ надлежащимъ раченіемъ. Отъ этого въ природѣ очень мало встрѣчается настоящихъ брюнетовъ и настоящихъ блондиновъ, а преобладаетъ цвѣтъ каштановый. Впрочемъ, мнѣ случалось видѣть экземпляры исполнителей по истинѣ нестомчивыхъ, и всѣ они оказывались, по справкѣ, бывшими воспитанниками одного училища; съ другой стороны, однаж-

ды мнѣ привелось видѣть на смотномъ дворѣ одинъ образчикъ изумительнѣйшаго равнодушія къ своимъ обязанностямъ: сотникъ, обращаясь къ нему, называлъ его «хавреньей». Бываетъ также, что люди, отъ природы не расположенные къ исполненію обязанностей, преподаютъ себя съ начала исподволь, а потомъ и болѣе крутыми мѣрами, и наконецъ, посредствомъ долгой практики и мучительнаго труда пріобрѣтаютъ то сокровище, которое другимъ баловнямъ природы дается даромъ.

Многіе легкомысленные люди обращались ко мнѣ съ вопросомъ: какимъ образомъ исполнять обязанности въ тѣхъ случаяхъ, когда это невозможно? Такъ напримѣръ, возможно ли уважать отца-шулера имѣть galante femme, возможно ли быть надежнымъ супругомъ, когда чувствуешь въ себѣ органическую несостоятельность? На всѣ эти вопросы я всегда отвѣчаю одно: изыщи средства! Тѣмъ-то и важно служеніе долгу, что оно не только мышцамъ нашимъ готовое упражненіе даетъ, но и остроту ума развиваетъ, заставляя человѣка объяснять необъяснимое, дѣлать возможнымъ невозможное. Ибо, что же бы сталось съ человѣческимъ родомъ, если бы все сіе доставалось даромъ, еслибъ исполнять долгъ было бы столь же просто, какъ и производить различныя естественныя отправленія? Сталось бы то, что человѣкъ бы забылся и въ самомъ дѣлѣ подумалъ бы, что жизнь есть не что иное, какъ пріятное препровожденіе времени.

Иные еще болѣе легкомысленные люди спрашиваютъ: какъ поступать въ томъ случаѣ, когда исполненіе долга непріятно? Этимъ я отвѣчаю кратко: принудь себя!

Наконецъ, легкомысленнѣйшіе изъ легкомысленныхъ говорятъ: зачѣмъ исполнять обязанности, коли и такъ хорошо? Этимъ я просто ничего не отвѣчаю.

Кажется, что послѣ изложенныхъ выше объясненій, для каждаго дѣлается понятнымъ, какую важную роль играетъ въ жизни человѣка исполненіе долга. А такъ какъ обязанности, въ коихъ человѣку упражняться предоставлено, разнообразны и многочисленны, и такъ какъ притомъ умъ человѣческій неистощимъ въ изобрѣтеніи для себя новыхъ таковыхъ же, то ясно, что жизнь человѣка усерднаго должна равняться поджариванью, на неугасимомъ огнѣ производимому. Этому человѣку всегда недосугъ, ибо нѣтъ той минуты, которая не несла бы за собой и своей обязанности. Даже посидѣть на мѣстѣ некогда, а все долженъ бѣжать и поспѣшать.

А потому, ни для кого не должно казаться удивительнымъ, что писатели знаменитые посвящаютъ свои сочиненія именно этому предмету. Почему, напримѣръ, Базаровъ кончилъ столь несчастливо? А потому именно, что не уважалъ родителей, смѣялся надъ старшими и святое чувство дружбы попиралъ ногами. Почему юный Викторъ Басардинъ (въ романѣ «Взбаламученное море», не столько знаменитомъ, сколько пахучемъ) непремѣнно долженъ скверно кончить? А потому, что не уважалъ даже цѣломудрія губернаторши, и не оказывая никакого почтенія къ идеѣ собственности, кралъ чужія золотыя табакерки. Ясно, что человѣкъ, одаренный такими превратными понятіями, не только самъ не можетъ заслуживать уваженія, но непремѣнно долженъ кончить жизнь на наторгѣ.

Въ предупрежденіе такихъ-то пагубныхъ результатовъ, взялся и я за перо, любезный читатель. Не будучи въ состояніи написать нравоучительный романъ, я предпочитаю достигать своей цѣли посредствомъ ряда доступныхъ мнѣ очерковъ, въ которыхъ поочередно будутъ являться люди, относящіеся равнодушно къ самымъ необходимымъ человѣческимъ обязанностямъ. Не скрою я не всегда буду имѣть возможность сослать моихъ героевъ въ Сибирь, или уморить ихъ холерою, но не потому, чтобы это не зависѣло вполнѣ отъ моего произвола, но потому, что мнѣ не рѣдко случалось самому видѣть, что люди, преступавшіе свои обязанности, не только пользовались почетомъ въ обществѣ, но и состояли въ немаловажныхъ чинахъ. Но какъ бы ни удачно устроивали они свои дѣла, я все таки увѣренъ, что они когда нибудь не уйдутъ отъ заслуженной казни. И я сочту себя вполнѣ вознагражденнымъ, если читатель, пробѣжавъ мои скромные, но правдивые очерки, самъ изречетъ судъ надъ героями ихъ и мысленно распорядится ссылкою ихъ въ Сибирь.

II.

СЕМЕЙНОЕ СЧАСТЬЕ.

21 іюля, наканунѣ своихъ имянинъ, Марья Петровна Воловитинова съ самаго утра находится въ тревожномъ ожиданіи. Она лично надзираетъ за тѣмъ, какъ горничныя убираютъ комнаты и устраиваютъ постели для дорогихъ гостей.

— Пашенькѣ-то! Пашенькѣ-то! подушечку-то маленькую не забудьте подъ бочекъ положить! командуетъ она направо и налѣво.

— А Семену Иванычу гдѣ постелить прикажете? спрашиваетъ ее ключница Степанида.

— Ну, Сеничка пусть съ Петинькой поспитъ! отвѣчаетъ она, послѣ минутнаго колебанья.

— А то, угольная порожнемъ стоитъ?

— Нѣтъ, пусть ужь, Христосъ съ нимъ, съ Петинькой поспитъ!.. Ѳединькѣ-то! Матрена! Ѳединькѣ-то не забудьте, чтобъ графинъ съ квасомъ на ночь стоялъ!

— А перинку какую Семену Иванычу прикажете?

— Попроще, Степанидушка, попроще! изъ тѣхъ... знаешь? отвѣчаетъ Марья Петровна, томно вздыхая.

Сдѣлавъ эти распоряженія, Марья Петровна удаляется въ дѣвичью, гдѣ ждетъ ее поваръ съ разложенною на столъ провизіей.

— Я сегодня дорогихъ гостей къ себѣ жду, Аѳоня! говоритъ она повару.

— Слушаю-съ

— Такъ какъ же ты думаешь, что бы намъ такое сготовить, чтобъ дорогихъ гостей порадовать?

— На холодное галантиръ можно-съ.

— Что это, Господи! только и словъ у тебя, что галантиръ да галантиръ!

— Какъ вамъ угодно-съ.

— Нѣтъ, ужь ты лучше... да что ты жуешь? что ты все жуешь? Аѳоня проворно подноситъ ко рту руку и что-то выплевываетъ.

— Тараканъ залѣзъ-съ! отвѣчаетъ онъ.

— Ахъ ты, дурной, дурной (Марья Петровна рѣшилась не омрачать праздника крѣпкими словами)! Вѣрно ужь клюкнулъ?

— Виноватъ-съ.

— Вотъ то-то вы, дурачки! огорчаете вы вашу старую барыню, а потомъ и заѣдаете всякой дрянью!

— Виноватъ-съ.

— Ты бы вотъ, дурачекъ, подумалъ, что завтра-молъ день барынина ангела: чѣмъ бы-молъ мнѣ ее, матушку, порадовать!

— Виноватъ-съ...

— Молчать! Что ты, подлецъ, какую власть надо мной взялъ!

я слово, а онъ два! я слово, а онъ два!... Такъ вотъ ты бы и подумалъ: что бы-молъ такое сготовить, чтобъ барыни передъ дорогими гостями не совѣстно было! а вмѣсто того ты галантиръ да галантиръ!

— Можно ветчину съ горошкомъ подать-съ! отвѣчаетъ поваръ съ нѣкоторымъ озлобленіемъ.

— Ну да; ну, хоть ветчину съ горошкомъ... а съ боковъ-то этакъ котлеточекъ...

Марья Петровна высчитываетъ, сколько у нея будетъ гостей. Будутъ: Ѳединька, Митенька и Пашенька; еще будетъ Сенечка, но его Марья Петровна почему-то пропускаетъ.

— Такъ ты три котлеточки къ одному боку положи, говоритъ она:—ну, а на горячее что?

— Щи изъ свѣжей капусты можно сдѣлать-съ.

Марья Петровна разсчитываетъ; свѣжей капусты еще мало, а щи надобно будетъ всѣмъ подавать.

— Щи ты изъ крапивы сдѣлай! или нѣтъ, вотъ что: сдѣлай ты щи изъ крапивы для всѣхъ, да еще маленькой горшочекъ изъ свѣжей капусты... понимаешь?

— Слушаю-съ.

— А на жаркое сдѣлай-ты намъ баранинки, а съ боку положи три бекасика...

— Можно-съ.

— А пирожное ужь такъ и быть общее: малиновый пирогъ! И я, старуха, съ ними полакомлюсь!

Кончивши съ поваромъ, Марья Петровна призываетъ садовника, который приходитъ съ горшками, наполненными фруктами. Марья Петровна раскладываетъ ихъ на четыре тарелки, по ровну на каждую и въ заключеніе, отобравъ особо самые лучшіе фрукты, отправляется съ ними по комнатамъ дорогихъ гостей. Каждому изъ нихъ она кладетъ въ потаенное мѣсто по нѣсколько отборныхъ персиковъ и сливъ, исключая Сенечки, около комнаты котораго Марья Петровна, хотя и останавливается на минуту, какъ бы въ боренія, но выходитъ изъ борьбы побѣдительницей.

Марья Петровна женщина очень почтенная; сосѣди знаютъ ее за чадолюбивѣйшую изъ матерей, а отецъ Павлинъ, мѣстный сельскій священникъ и духовникъ Марьи Петровны, даже всенародно однажды выразился, что душа ея всегда съ благопоспѣшеніемъ стремится къ благоутѣшенію ближняго, а десница ни-

когда не оскудѣваетъ благоготовностью къ благоукрашенію храмовъ Божіихъ. Марья Петровна сама знаетъ, что она хорошая женщина, и нерѣдко, находясь наединѣ съ самой собою, потихоньку умиляется по поводу разнообразныхъ своихъ добродѣтелей. Сядетъ этакъ у окошечка, раздумается и даже всплакнетъ маленько. Все-то она устроила: Сеничку въ генералы вывела, Митеньку на хорошую дорогу поставила, Ѳединька давно ли изъ корпуса вышелъ, а ужь тоже штабсъ-ротмистръ, Пашенька выдана замужъ за хорошаго человѣка, одинъ только Петинька... «Ну, да этотъ убогонькій, за насъ Богу помолитъ!» думаетъ Марья Петровна: «надо же кому нибудь и Богу молиться!.. И все-то она одна, все-то своимъ собственнымъ хребтомъ устроила, потому что хоть и былъ у ней мужъ, но покойникъ ни во что не входилъ, кромѣ какъ подавалъ батюшкѣ кадило во время всенощной, да каждодневно вздыхалъ и за обѣдомъ, и за ужиномъ, и за чаемъ о томъ, что не можетъ самъ обѣдню служить. А храмы-то, храмы-то Божіи! тогда-то Марья Петровна делену на престолъ пожертвовала, тогда-то воздухи прекрасные вышила, тогда-то паникадило посеребрила... Какъ вспомнитъ это Марья Петровна, да сообразитъ, что все это она, одна она сдѣлала, и что вся жизнь ея есть не что иное, какъ рядъ благопотребныхъ подвиговъ, такъ у ней все внутри и заколышется, и сдѣлается она тихонькая-растихонькая, Агашку называетъ Агащенькой, Степашку — Степанидушкой, и все-то о чемъ-то сокрушается, все-то благодушествуетъ.

У Марьи Петровны три сына: Сеничка, Митенька и Ѳединька; были еще двѣ замужнія дочери, но обѣ умерли, оставивъ послѣ себя Пашеньку (отъ старшей дочери) и Петиньку (отъ младшей).

Сеничка, какъ сказано выше, уже генералъ (разумѣется, штатскій) и занимаетъ довольно видный постъ въ служебной іерархіи. Начальники Сенички не нахвалятся имъ; мало того, что онъ держитъ въ страхѣ своихъ подчиненныхъ, но, что всего драгоцѣннѣе, самъ повиноваться умѣетъ. Окончивъ съ успѣхомъ курсъ въ училищѣ правовѣдѣнія, Сеничка съ гордостью могъ сказать, что ни одного чина не получилъ за выслугу, а все за отличіе, и наконецъ, тридцати лѣтъ отъ роду довелъ свою исполнительность до того, что начальство нашлось вынужденнымъ наградить его чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Поздравляя его съ этой наградой, Сеничкинъ начальникъ публично улыбнулся и назвалъ его général-enfant, а Сеничка съ

своей стороны разревновался до того, что въ одинъ годъ сочинилъ пять проектовъ, изъ коихъ два даже по совершенно посторонпему вѣдомству. Начальство просто растерялось и не знало, какъ наградить молодаго генерала. Сеничка же съ своей стороны, слушая со всѣхъ сторонъ себѣ похвалы, застѣнчиво краснѣлъ, что придавало еще болѣе цѣны его усердію. Я не читалъ сочиненныхъ Сеничкою проектовъ, но признаюсь, очень хотѣлъ бы почитать ихъ. А такъ какъ, съ другой стороны, мнѣ достовѣрно извѣстно, что всѣ они кончались словами: *вмѣнить начальникамъ губерніи въ обязанность* и т. д., то, положивъ руку на сердце, я съ увѣренностію могу сказать, что содержаніе ихъ мнѣ заранѣе извѣстно до точности, а слѣдовательно и читать ихъ особенной надобности для меня не настоитъ.

И такъ, со стороны службы, Сеничка былъ счастливъ; онъ имѣлъ прекрасный шитый золотомъ мундиръ, былъ баловнемъ своихъ начальниковъ, служилъ предметомъ зависти для сверстниковъ и примѣромъ подражанія для подчиненныхъ. Сверхъ того, онъ имѣлъ очень пріятную наружность и тѣ прекрасныя манеры, которыми вообще отличаются питомцы школы правовѣдѣнія. И въ наружности, и въ манерахъ его прежде всего поражала очень милая смѣсь откровенной преданности съ застѣнчивою почтительностью; сверхъ того онъ имѣлъ постоянно бодрый видъ, а когда смотрѣлъ въ глаза старшимъ, то взглядъ его такъ отливалъ довѣрчивостью и признательностью, что старшіе въ свою очередь не могли оторвать отъ него глазъ, и по этой причинѣ называли его василискомъ благонравія. Замѣчательно, что до всего этого онъ дошелъ своимъ собственнымъ умомъ, безъ малѣйшей протекціи, потому что тетка Воловитинова, хотя была женщина съ состояніемъ, но жила безвыѣздно въ деревнѣ и никакихъ знатныхъ связей не имѣла. Понятно, что, видя такія качества, начальники были безъ ума отъ него. Поэтому Сеничка могъ дерзать въ будущемъ очень далеко, и хотя предположеній своихъ по этому предмету не высказывалъ, но я знаю, что и онъ былъ не чуждъ мечтаній. Я знаю, напримѣръ, что нерѣдко ему снились мундиры самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ и покроевъ, но всегда съ великолѣпнымъ шитьемъ; однажды онъ даже увидѣлъ себя во снѣ сплошь утыканнымъ павлиными перьями, которыя такъ и играли на солнцѣ всевозможными радужными цвѣтами. Сонъ оказался вѣщунъ, потому что на другой же день его представили къ наградѣ. Повторяю: Сеничка былъ счастливъ.

Однако было одно обстоятельство, которое грызло его, и обстоятельство это заключалось въ томъ, что онъ никакъ не могъ плѣнить сердце маменьки Марьи Петровны. По видимому, онъ заключалъ въ себѣ всѣ данныя для увеселенія материнскаго сердца; по видимому, онъ былъ и благонравенъ, и почтителенъ, не пропускалъ ни одного праздника, чтобъ не пожелать милой маменькѣ «встрѣтить его въ полномъ душевномъ спокойствіи и въ той сердечной тишинѣ, которыхъ вы, милая маменька, вполнѣ достойны», однако материнское сердце оставалось холодно къ нему. Нельзя сказать, чтобы Марья Петровна не «утѣшалась» имъ: когда онъ въ первый разъ пріѣхалъ къ ней показаться въ генеральскомъ чинѣ, она даже потрепала его по щекѣ и сказала: «ахъ, ты мо-ой!», но денегъ не дала и ограничилась ласковымъ внушеніемъ, что люди для того и живутъ на свѣтѣ, чтобы другъ другу тяготы носить.

— Маменька мнѣ надо будетъ мундиръ новый сшить! сказалъ Сеничка, думая деликатнымъ образомъ дать понять ей истинной цѣли своего посѣщенія.

— Сшей, душенька, сшей! снисходительно отвѣчала Марья Петровна, а денегъ такъ-таки и не дала.

Сосѣди всячески истолковывали себѣ причины холодности Марьи Петровны къ своему первенцу. Приплетали тутъ и какихъ-то двухъ офицеровъ пошехонскаго пѣхотнаго полка, и Карла Иваныча, аптекаря; говорили, что Сеничка первый и единственный сынъ своего отца, и что Марья Петровна, не питавшая никогда нѣжности къ своему мужу, перенесла эту холодность и на сына; нѣкоторые доходили въ своихъ догадкахъ даже до того, что утверждали, будто бы Сеничка, будучи еще грудянымъ ребенкомъ, имѣлъ уже четыре зуба и однажды пребольно укусилъ ими мамашину грудь, и что съ тѣхъ поръ Марья Петровна забрала себѣ въ голову, что этотъ сынъ будетъ ей злодѣемъ.

Я съ своей стороны думаю, что все это пустяки. Не смѣя ни возражать, ни утверждать ничего относительно офицеровъ и аптекаря (потому что и самъ этого обстоятельства не привелъ въ положительную извѣстность), я удостовѣряю однакожь, что, при врожденной почтительности, Сеничка никакъ не позволилъ бы себѣ укусить мамашину грудь даже въ такомъ случаѣ, еслибъ челюсть его была полна зубовъ, какъ у щуки. Я объясняю себѣ (замѣтьте: не оправдываю, а только объясняю) холодность Марьи Петровны нѣсколько иначе: она была женщина простая, дѣятельная и весь-

ма сообразительная; Сеничка же, напротивъ того, былъ молодой человѣкъ вычурный, лимфатическій и слегка словно пришибенный. Марья Петровна любила, чтобъ у нея дѣло въ рукахъ горѣло; Сеничка любилъ всякое дѣло обсудить, т. е. не столько обсудить, сколько наговорить по поводу его съ три короба всякаго рода предварительныхъ пошлостей. Марья Петровна терпѣть не могла, когда къ ней лѣзли съ нѣжностями, и даже цѣлованіе руки считала хотя необходимою, но все таки скучною формальностью; напротивъ того, Сеничка, казалось, только и спалъ, и видѣлъ, какъ бы ему влѣпить мамашѣ безешку взасосъ, и шагу не могъ ступить безъ того, чтобы не сказать: вы, милая маменька, или: вы, добрый другъ, моя дорогая маменька. Весьма натурально, что, будучи отъ природы нетерпѣлива, и не видя конца рѣчи, Марья Петровна выходила, наконецъ, изъ себя и готова была выкусить языкъ этому «подлецу Сенькѣ», который прехладнокровно сидѣлъ передъ нею и размазывалъ цвѣты своего краснорѣчія. «Какъ начнетъ онъ это разводить, да размазывать, да душу изъ меня выматывать, какъ начнетъ — это свои слюни распускать, говаривала Марья Петровна по этому случаю: — такъ повѣрите ли, родная моя, я даже свѣту не взвижу; такъ бы, кажется, изодрала ему ротъ-то его поганый, чтобъ онъ кашу-то эту изъ себя скорѣй выблевалъ!» Когда Марья Петровна ѣла, то совсѣмъ не жевала, а проглатывала пищу, какъ щука; напротивъ того, Сеничка любилъ всякій кусокъ разсмотрѣть, разжевать, просмаковать, посыпать разговорцемъ, и къ довершенію всего, разрѣзывалъ кушанье на маленькіе кусочки, а съ огурца непремѣнно срѣзывалъ кожу. Поэтому, когда имъ случалось вдвоемъ обѣдать, то у Марьи Петровны всегда до того раскипалось сердце, что она, какъ ужаленная, выскакивала изъ-за стола и, не говоря ни слова, выбѣгала изъ комнаты, а Сеничка слѣдомъ за ней приставалъ: «кажется я, добрый другъ, маменька, ничѣмъ васъ не огорчилъ?» Наконецъ, когда Марья Петровна утромъ просыпалась, то сплеснувъ себѣ на скоро лицо и руки холодной водой и накинувъ старенькую ситцевую блузу, тотчасъ же отправлялась по хозяйству и ужь затѣмъ цѣлое утро переходила отъ погреба къ конюшнѣ, отъ конюшни въ контору, а тамъ въ оранжерею, а тамъ на скотный дворъ. Сеничка, напротивъ того, и спалъ какъ-то не по человѣчески: во первыхъ, на ночь умащалъ свое лицо притираньями, во вторыхъ, проснувшись, цѣлый часъ разсматривалъ, не вскочило ли гдѣ прыщика, потомъ цѣлый часъ

чистилъ себѣ ногти, потомъ цѣлый часъ изучалъ передъ зеркаломъ различнаго рода улыбки, при чемъ даже ротъ какъ-то на сторону выворачивалъ, словно выкидывалъ губами артикулъ. Хоть Марьѣ Петровнѣ до всего этого было очень мало дѣла, потому что она и не желала, чтобъ дѣти у ней въ домѣ чѣмъ нибудь распоряжались, однако она и на конюшнѣ, бывало, вспомнитъ, что вотъ «Сенька-фатюй» теперь передъ зеркаломъ гримасы строитъ, и даже передернетъ ее всю при этомъ воспоминаньи. Однимъ словомъ, встрѣчаясь въ жизни на каждомъ шагу, они не только не могли ни въ чемъ сойтись, но положительно и постоянно точили другъ друга. Ясно, что причина этого явленія лежала совсѣмъ не въ офицерахъ пошехонскаго полка, но объяснялась гораздо проще. Они видѣть другъ друга не могли безъ того, чтобъ мысленно не произнести — она: «ахъ, еслибъ ты зналъ, какъ меня отъ одного твоего вида тошнитъ!» онъ: «ахъ, еслибы ты знала, съ какимъ бы я удовольствіемъ ноги своей сюда не поставилъ, набы только отъ меня это зависѣло!» Какой же тутъ аптекарь! тутъ просто люди не понимаютъ другъ друга, потому что говорятъ на разныхъ языкахъ!

Однажды Сеничка на смерть перессорился съ маменькой изъ-за бани. Пріѣхавши лѣтомъ въ отпускъ, вздумалъ онъ вымыться въ банькѣ, и пришелъ доложить объ этомъ маменькѣ. Онъ тогда только что былъ произведенъ въ статскіе совѣтники, и назначенъ вице-директоромъ какого-то департамента.

— У меня есть до васъ, милая маменька, большая просьба! приступилъ Сеничка, по своему обыкновенію, съ предисловія.

— Говори, мой другъ!

— Вы меня извините, добрый другъ, маменька, только что я пріѣхалъ, и рѣшаюсь уже васъ безпокоить...

— Говори, мой другъ!

— Но обстоятельство такого рода, что я, зная ваше доброе ко мнѣ расположеніе, и какъ вы всегда были снисходительны ко всѣмъ моимъ нуждамъ...

— Да говори же, дуракъ!

— Я, право, не знаю, дорогая маменька, чѣмъ я могъ заслужить вашъ гнѣвъ...

— Долго ли ты меня притѣснять будешь? долго ли тебѣ мной командовать-то?

— Я, милая маменька...

Но Марья Петровна уже вскочила и выбѣжала изъ комнаты.

Сеничка побрелъ къ себѣ, уныло размышляя по дорогѣ, за что его наказалъ Богъ, что онъ ни подъ какимъ видомъ на маменьку потрафить не можетъ. Однако Марья Петровна скоро обдумалась и послала дѣвку Палашку спросить «у этого, прости Господи, чорта», чего ему нужно. Палашка воротилась и доложила, что Семенъ Иванычъ въ баньку желаютъ сходить.

— Натко! сказала Марья Петровна и показала при этомъ Палашкѣ указательный палецъ правой руки: — на дворѣ сѣнокосъ, люди въ полѣ, а онъ въ баньку выдумалъ! Поди, доложи, что некому сегодня топить.

Однако черезъ нѣсколько минутъ, Марья Петровна опять обдумалась, велѣла затопить баню и послала за Сеничкой.

— Ну, ступай въ баню, мой другъ, сказала она кротко.

— Но если это затруднитъ васъ въ вашихъ распоряженіяхъ, милый другъ, маменька...

— Ступай въ баню, мой другъ, опять повторила Марья Петровна, и чтобъ не увлекаться, занялась раскладываньемъ гранъ-пасьянса.

— Если всѣ люди въ полѣ, дорогая маменька...

Марья Петровна не отвѣчала, но судорожно повертываясь на стулѣ, думала: «неужели я такого дурака родила»?

— Я не знаю, милая маменька, что я такое сдѣлалъ, чѣмъ я могъ васъ огорчить?

Молчаніе.

— Я благонравіемъ своимъ заслужилъ любовь всѣхъ моихъ начальниковъ, нынѣ назначенъ уже вице-директоромъ, и льщу себя надеждою, что карьера моя далеко не кончена...

То же молчаніе, нарушаемое только шлепаньемъ картъ.

— Во всѣхъ семействахъ, первородные сыновья...

— Уйдешь ли ты въ баню, мерзавецъ! крикнула наконецъ Марья Петровна, но такимъ голосомъ, что Сеничкѣ стало страшно. И долго потомъ волновалась Марья Петровна, и долго разговаривала о чемъ-то сама съ собой, и все повторяла: «лишу! ну, какъ Богъ святъ, лишу я этого подлеца наслѣдства! и передъ Богомъ не отвѣчу!» Съ своей стороны Сеничка, хоть и пошелъ въ баню, но не столько мылся въ ней, сколько размышлялъ: «Господи, да отчего же я всѣмъ угодилъ, всѣмъ заслужилъ, только маменькѣ Марьѣ Петровнѣ ничѣмъ угодить и заслужить не могу!»

Второй сынъ Марьи Петровны, Митенька, дипломатъ. Онъ воспитывался въ лицеѣ, прекрасно владѣетъ французскимъ діалектомъ, смотритъ урожденнымъ камеръ-юнкеромъ и отлично танцуетъ. Лицо его выразительно, и напоминаетъ скорѣе прекрасный, худощавый итальянскій типъ, нежели нашъ мясистый русскій. Поговариваютъ, будто онъ пользуется значительными успѣхами у дамъ; тѣмъ не менѣе онъ ведетъ себя очень осторожно, исторій, которыя могли бы его скомпрометировать, никогда не имѣлъ, и какъ видно, предпочитаетъ обдѣлывать свои дѣла полегоньку. Вообще это малый довольно глубокомысленный, понимающій, что счастье человѣческое заключается въ скромности, терпѣніи и небрезгливости, и вслѣдствіе того всегда предпочитающій даму опытную, знакомую съ жизненной дипломатіей какой нибудь молоденькой, привлекательной, но въ то же время неосновательной бабенкѣ. Носились слухи, что онъ съумѣлъ сыскать въ какой-то княгинѣ, знаменитой не столько настоящею, сколько прошедшею своей красотой; говорили, что онъ не только пользуется ея благосклонностью, но не пренебрегаетъ и другими, болѣе вещественными выгодами. Какъ бы то ни было, но квартира его была дѣйствительно отдѣлана какъ игрушечка, хотя Марья Петровна, по своей разсчетливости, не слишкомъ-то щедро давала дѣтямъ денегъ на прожитіе; сверхъ того, княгиня почти публично называла его сынкомъ, давала ему цаловать свои ручки и безъ устали напоминала Митенькинымъ начальникамъ, что это перлъ современныхъ молодыхъ людей. Мнѣ, какъ автору, кромѣ того извѣстно, что однажды княгиня, въ порывѣ чувствительности, даже написала къ Марьѣ Петровнѣ письмо, въ которомъ называла ее доброю мамап и просила благословенія. Это былъ единственный случай, когда Митенька вышелъ изъ своего обычнаго хладнокровія и чуть было не поссорился съ своей покровительницей. Въ первомъ увлеченіи гнѣва, онъ нашелъ, что поступокъ этотъ черезчуръ ужь нелѣпъ, que ça n'a l'air de rien, что это стремъ; однакожь, по зрѣломъ размышленіи, успокоился, и даже разсудилъ, что нелѣпая сантиментальность княгини можетъ возвысить его въ маменькиныхъ глазахъ, и вмѣсто вреда, принести пользу. И дѣйствительно, почти вслѣдъ за тѣмъ, онъ получилъ отъ мамани письмо, полное самыхъ шутливыхъ намековъ, которое окончательно его успокоило. Письмо это оканчивалось порученіемъ поцаловать милую княгиню и передать ей, что ея материнское сердце отзы-

нѣ будетъ видѣть въ ней самую ближую, нѣжно любимую дочь. Разумѣется, Митенька порученія этого не исполнилъ.

Въ своемъ обществѣ, Митенька называлъ Марью Петровну ma bonne pâte de mère, и очень трогательно разсказывалъ, какъ она тамъ хозяйничаетъ въ деревнѣ, чтобъ прилично содержать своихъ дѣтей. Къ Сеничкѣ онъ относился дружелюбно, но видѣлся съ нимъ рѣдко, и въ отношенія его къ матери не входилъ, ибо считалъ, что это не его дѣло. Онъ зналъ, что Сеничка не потеряется, и въ концѣ концовъ все-таки женится на купчихѣ, которая соблазнится его генеральствомъ. Ѳединьку, младшаго брата, онъ въ душѣ презиралъ, и даже боялся, что онъ когда нибудь непремѣнно или казенныя деньги украдетъ, или подъ судъ попадетъ, или получитъ непріятность по лицу. Тѣмъ не менѣе, это спасеніе, быть можетъ, было причиной, что онъ поддерживалъ съ Ѳединькой сношенія даже болѣе дѣятельныя, нежели съ Сеничкой: онъ надѣялся, что если и возникнетъ какая нибудь непріятность, то можно будетъ своевременно-принятыми мѣрами предотвратить ее. Повторяю: это былъ малый, очень глубокомысленный принявшій свое положеніе въ томъ видѣ, въ какомъ оно дѣйствительно представлялось, и употреблявшій всѣ свои усилія на то, чтобъ выкрутиться изъ него какъ можно приличнѣе. Еслибъ можно было упечь Ѳединьку куда нибудь подальше, но такъ, чтобы это было прилично (ему часто даже во снѣ видѣлось, что Ѳединька оказался преступникомъ, и что его ссылаютъ въ Сибирь), то онъ бы ни на минуту не усумнился оказать въ этомъ дѣлѣ все свое содѣйствіе.

Съ своей стороны, Марья Петровна не столько любила Митеньку, сколько боялась его. При одномъ его имени, она чувствовала какой-то паническій страхъ, точно вотъ онъ сейчасъ возьметъ да и проглотитъ ее. Митенька дома держалъ себя таинственно строго, съ матерью никогда не ссорился, но и въ откровенности не пускался. Въ сущности, онъ и Сеничка представляли почти одну и туже натуру: та же шаткость основъ, то же отсутствіе всякой живой мысли, но вслѣдствіе особенностей характера и жизненной выдержки, то, что въ Сеничкѣ сказывалось прямою, неподкрашенною нелѣпостью, въ Митенькѣ являлось твердостью характера, переходившаго въ холодную и разсчетливую злость. Оба они говорили и дѣлали одни и тѣ же пошлости, но проводили эти пошлости въ жизнь совершенно различными путями. Сеничка суетился и сантиментальничалъ; онъ не смотрѣлъ

на себя, какъ на государственнаго человѣка, не надѣялся на милость начальства, былъ преданъ и выигрывалъ единственно усердіемъ и ничтожествомъ; взирая на него, какъ онъ хлопочетъ и надрывается, усматривая на каждомъ шагу несомнѣнныя доказательства его почтительности, начальство говорило: «о! это молодой человѣкъ вѣрный! этотъ не выдастъ!» Напротивъ того, Митенька былъ неприступенъ и непроницаемъ; онъ хранилъ свою повѣсть про себя и совершенно искренно вѣрилъ, что въ ней заключаются истинные задатки будущаго государственнаго человѣка; онъ не хлопоталъ, не суетился, но дѣлалъ свои маленькія пакости серьёзно и методически и поражалъ при этомъ благородствомъ манеръ. Взирая на эту силу ничтожества, доведенную почти до олимпійскаго спокойствія, начальство говорило: «да! это молодой человѣкъ положительный! этотъ не выдастъ!» Результаты въ обоихъ случаяхъ выходили одинаковые, и дѣйствительно, Митенька шелъ впередъ столь же быстрыми шагами, какъ и Сенечка, съ тою только разницей, что Сенечка могъ надѣяться вспрыгнуть на верхъ въ такомъ случаѣ, когда будетъ запросъ на пошлецовъ восторженныхъ, а Митенька въ такомъ, когда будетъ запросъ на пошлецовъ непроницаемыхъ. Марья Петровна радовалась успѣхамъ Митеньки, во первыхъ, потому, что это не позволяло Сенечкѣ говорить: «всѣ у васъ дѣти пастухи—и одинъ генералъ!» и во вторыхъ, потому, что Митенька одинъ умѣлъ сдерживать Ѳединьку, эту скорбь и вмѣстѣ съ тѣмъ радость и чаянье ея материнскаго сердца.

И дѣйствительно, Ѳединька представлялъ собой совершеннѣйшій типъ не только пустѣйшаго малаго, но и положительнаго ерыги. «Всѣ-то у него удовольствія какія-то не благородныя! все-то у него либо подолъ поднять, либо рожу раскровянить!» часто думала втихомолку Марья Петровна про Ѳединьку, и болѣло же, охъ, болѣло! ея материнское сердце! И припоминала ей безпощадная память всѣ оскорбленія, на которыя былъ такъ щедръ ея любимчикъ; подсказывала она ей, какъ онъ однажды, пьяный, ворвался къ ней въ комнату, и ставши передъ ней съ кулаками, заревѣлъ: «сейчасъ послать въ городъ за шампанскимъ, не то весь домъ своими руками передушу!» — И передушилъ бы! невольно повторяетъ Марья Петровна, при этомъ воспоминаніи. Подсказывала ей память, какъ онъ въ другой разъ преданную ей ключницу Степаниду собирался за что-то повѣсить, какъ онъ даже вбилъ гвоздь въ стѣну, приготовилъ веревку, и

наконецъ заставилъ Степаниду стать на колѣни и молиться Богу. Подсказывала ей память, какъ онъ однажды дѣвчку потихоньку косу обстригъ, и какъ дѣвчекъ былъ отъ того въ великомъ смущеніи и хотѣлъ даже доходить до епархіальнаго начальства... Вообще, каждый пріѣздъ Ѳединьки въ родительскій домъ равнялся непріятельскому погрому, послѣ котораго обыватели долго не могли придти въ себя. Во первыхъ, всѣхъ горничныхъ непремѣнно перепортитъ, и не то, чтобъ лаской или резоннымъ усовѣщиваньемъ, а все арапникомъ да нагайкой; во вторыхъ, божьяго дара не столько приплодъ-пріплодъ, сколько оборотомъ разбросаетъ; въ третьихъ, изо всего дома словно помешню сдѣлаетъ. «Другая бы мать давно знакомо молодца въ суздаль-монастырь упекла!» разсуждаетъ сама съ собой Марья Петровна, совершенно убѣжденная, что есть на свѣтѣ какой-то суздаль-монастырь, въ который чадолюбивые родители имѣютъ право во всякое время упекать неправящихся имъ дѣтей. Никто въ домѣ не любилъ Ѳединьку; всѣхъ-то онъ или побилъ, или оборвалъ; только горничныя дѣвки оказывали какое-то трепетное малодушіе при одномъ его взглядѣ, не смотря на жестокое его обращеніе.

Тѣмъ не менѣе, сердце Марьи Петровны ни къ кому изъ дѣтей такъ не лежало, какъ къ Ѳединькѣ. Быть можетъ, ей именно то въ немъ и нравилось, что онъ такимъ коршуномъ налеталъ; «разбойникъ!» громко говорилъ ея разсудокъ; «молодецъ!» подсказывали внутренности, и, какъ и водится, послѣднія всегда одерживали побѣду въ этой неравной борьбѣ. Будучи сама характера рѣшительнаго и смѣлаго, она весьма естественно симпатизировала Ѳединькѣ, который ни передъ чѣмъ не задумывался, ничѣмъ не затруднялся. Никогда не имѣвъ случая испытать надъ собой гнетъ чьей нибудь власти, сама всегда властвуя и повелѣвая, она исполнялась какимъ-то наивнымъ удареніемъ передъ Ѳединькой, который сразу подчинялъ ее себѣ. Это былъ совсѣмъ не страхъ, въ родѣ того, который внушалъ ей Митенька, это именно было удареніе. Митеньку она боялась, потому что знала, что ужь если этотъ человѣкъ чего захочетъ, то не станетъ много разговаривать, не станетъ горячиться, а просто ехидно-вѣжливымъ образомъ подкопается подо все существованіе и изведетъ, измучитъ вконецъ, покуда не поставитъ на своемъ. Напротивъ того, Ѳединька, какъ буянъ по натурѣ, дѣйствовалъ убѣжденіемъ, такъ сказать, механическимъ; вспылитъ, подыметъ дымъ коро-

мысломъ, порой чуть-чуть не убьетъ, но черезъ десять минутъ опять успокоится, и опять пошелъ шутки шутить.

Ко всему этому, Ѳединька былъ и по наружности молодецъ молодцомъ. Высокій, плечистый, изкрасна бѣлокурый, онъ олицетворялъ собой типъ чисто русскій, мясистый типъ, отъ котораго млѣютъ и ноютъ неиспорченныя сердца русскихъ помѣщицъ и ихъ горничныхъ. Часто, глядя на него, Марья Петровна невольно думала: «Господи! да какъ же и противиться-то такому молодцу!» и въ этомъ, быть можетъ, была вторая причина ея предпочтенія младшему сыну. Когда же, бывало, натянетъ онъ на себя свой кавалерійскій мундиръ, а на голову надѣнетъ мѣдную, какъ жаръ горящую, каску, да войдетъ этакимъ чудакомъ въ мамашину комнату, то Марья Петровна едва удерживалась, чтобъ не упасть въ обморокъ отъ полноты чувствъ.

— Экъ! ужь и разползались! скажетъ, бывало, Ѳединька, и дико-торжественно загогочетъ.

— Да помилуй, мой другъ! вымолвитъ только Марья Петровна, и долго смотритъ на своего идола, смотритъ безъ всякихъ мыслей, кромѣ одной: «Господи! да неужто же есть на свѣтѣ такая женщина, которая можетъ противиться моему молодцу!»

Кромѣ сыновей, у Марьи Петровны есть еще внучата: Пашенька и Петинька. Пашенька — кругленькое, маленькое и мяконькое существо: вотъ все, что можно сказать объ ней; она менѣе года, какъ за мужемъ за «хорошимъ человѣкомъ», занимающимъ въ губернскомъ городѣ довольно видное мѣсто, котораго, однакожь, Ѳединька откровенно называетъ слюнтяемъ и ѳофаномъ; Марья Петровна души въ ней не слышитъ, потому что Пашенька любитъ копить деньги. Петинька — четырнадцатилѣтній мальчикъ, полу-идіотъ и единственный постоянный собесѣдникъ Марьи Петровны, которая обращается съ нимъ снисходительно и жалуется только на то, что онъ, по своей нечистоплотности, слишкомъ много бѣлья изнашиваетъ. Единственный разсказъ, который всѣхъ и каждаго потчивалъ Петинька, заключался въ томъ, какъ онъ однажды заблудился въ лѣсу, легъ спать подъ дерево, и на другой день, проснувшись, увидѣлъ, что кругомъ оброслъ грибами.

— Чтожь, ты, чай, такъ ихъ сырые и пріѣлъ? спрашивалъ его обыкновенно Ѳединька.

— Ѣ! отвѣчалъ Петинька, который, помимо малоумія, былъ

до такой степени косноязыченъ, что трудно было понять, что онъ говоритъ.

— Ну, братъ, скотина же ты!

— *Кати...*

И такъ, вотъ то семейство, среди котораго Марья Петровна Воловитинова считала себя совершенно счастливою.

Часу въ первомъ, усмотрѣно было по дорогѣ первое облако пыли, предвѣщавшее экипажъ. Дѣвки засовались, домъ наполнился криками: «ѣдутъ! ѣдутъ!» Петинька, на палочкѣ верхомъ, выѣхалъ на крыльцо и во все горло дралъ какую-то вновь сочиненную имъ галиматью: пати-маля, маля-тата-бумъ-бумъ! Марья Петровна тоже выбѣжала на крыльцо, и по дорогѣ наградила Петиньку такимъ шлепкомъ по головѣ, что тотъ такъ и покатился. Первая прибыла Пашенька: она была одна безъ мужа.

— Другъ ты мой! а что же другъ-то твой, Максимъ Александрычъ, воскликнула Марья Петровна, заключая въ свои объятія возлюбленную внучку.

— Максиму Александрычу никакъ нельзя, милая бабинька; у насъ, бабинька, скоро торги, такъ онъ приготовляется! Здравствуй, Петька!

— *Пати-маля, маля-тата, бумъ-бумъ!*

— Это онъ что-то новое у васъ, бабинька, выучилъ!

— Не слыхала еще! сегодня, должно быть, выдумалъ! это онъ «репримандъ» дорогимъ гостямъ дѣлаетъ.

— А я, бабинька, полторы тысячи накопила! сообщаетъ Пашенька, какъ только улялись первые восторги.

— Ахъ ты моя ягодка! да никакъ ты тяжела!

— Я, милая бабинька, тяжела ужь съ одиннадцаго февраля!

— Ахъ, малютка ты моя милая! гдѣ жь ты рожать-то будешь?

— Максимъ Александрычъ говоритъ, что у себя, въ городѣ.

— Да есть ли у васъ бабка-то тамъ?

— У насъ, бабинька, такая бабка... такая бабка! нарочно для нашей губернаторши лучшую изъ Петербурга прислали!

— Стало быть, у васъ губернаторша-то еще рожаетъ?

— Ахъ, бабинька! у насъ губернаторша... это ужасъ! Ужь не молодая женщина, а каждый годъ! каждый годъ!

— Ну, это хорошо, что бабка у васъ такая... Куда же ты деньги-то? положила?

— Нѣтъ, бабинька, Максимъ Александрычъ мнѣ класть не

совѣтовалъ; проценты нынче въ опекунскомъ совѣтѣ маленькіе, такъ я въ ростъ за большіе проценты отдала.

— Смотри, чтобъ онъ у тебя денегъ-то не выманилъ!

— Кто это?

— А Максимушка-то твой; бываютъ, Пашенька другъ, бываютъ такіе озорники, что и жену готовы живую съѣсть, только бы деньги изъ нея вымучить!

— Ну, ужь это, бабинька, тогда развѣ будетъ, когда онъ жилы изъ меня потянетъ!

— То-то, ты у меня смотри!

Бабинька смотритъ Пашенькѣ въ глаза и не налюбуется на нее; Пашенька съ своей стороны докладываетъ, что приходилъ къ ней недавно въ городъ мужикъ изъ Жестова, Михей Пантелѣевъ, просилъ оброкъ простить, потому что погорѣлъ, «да я ему, милая бабинька, не простила».

— Ну, душенька, иногда, по божески, нельзя и не простить! замѣчаетъ Марья Петровна.

— Ну, ужь нѣтъ, бабинька, этакъ они такъ объ себѣ возмечтаютъ, что послѣ съ ними и не сговоришь!

— Однако, душечка...

— Нѣтъ, бабинька, нѣтъ! Я ужь рѣшилась никогда никому никакихъ снисхожденій не дѣлать!

Потомъ Пашенька разсказываетъ, какой у нихъ въ городѣ домъ славный, какъ ихъ всѣ любятъ, и какіе у Максима Александрыча доходы по службѣ прекрасные.

— Въ прошлый наборъ, бабинька, такъ это ужасти, сколько Максимъ Александрычъ пріобрѣлъ! говоритъ она.

— Да, это хорошо, коли въ домъ, а не изъ дому! Ты, Пашенька, разузнавай подъ рукой про его доходы-то, а не то какъ разъ на сторонѣ метрессу заведетъ!

— Что вы, бабинька, да я ему глаза выцарапаю!

— Ахъ ты, моя ягодка!

Пашенька чувствуетъ приливъ нѣжности, которая постепенно переходитъ въ восторгъ. Она ластится къ бабинькѣ, цалуетъ ей ручки и глазки, называетъ царицей и божественной. Марья Петровна сама растрогана; хоть и порывается она замѣтить, по поводу Михея Пантелѣева, что все-таки слѣдуетъ иногда «этимъ подлецамъ» снисходить, но замѣтка эта утопаетъ въ другомъ разсужденіи, выражающемся словами: «а коли по правдѣ, что

ихъ канальевъ и жалѣть-то!» Такимъ образомъ время проводится незамѣтно до самаго пріѣзда дяденекъ.

Наконецъ и они пріѣхали. Ѳединька, какъ соскочилъ съ телѣги, прежде всего обратился къ Пашенькѣ съ вопросомъ: «ну, что, а слюняй твой гдѣ?» Петиньку же взялъ за голову и сряду три раза на ней показалъ, какъ слѣдуетъ ковырять масло. Но какъ ни спѣшилъ Сеничка, однако все-таки опоздалъ пятью минутами противъ младшихъ братьевъ, и Марья Петровна, въ радостной суетѣ, даже не замѣтила его пріѣзда. Безъ шума подъѣхалъ онъ къ крыльцу, слѣзъ съ перекладной, осыпалъ ямщика укоризнами и даже пригрозилъ отправить къ становому.

— Милости просимъ! милости просимъ! хоть и поздній гость! говоритъ ему Марья Петровна, когда онъ входитъ въ ея комнату.

— Я, милая маменька, выѣхалъ прежде всѣхъ...

— А ты умѣй послѣ всѣхъ выѣхать, да прежде всѣхъ пріѣхать! говоритъ Ѳединька: — право, мы выѣхали со станціи полчаса послѣ него: думаемъ, пускай его угодитъ маменькѣ... Сеня! а, Сеня! признайся, вѣдь тебѣ очень хотѣлось угодить маменькѣ?

Сеничка улыбается; онъ хочетъ притвориться, что Ѳединька и его фаворитъ, и что, по любви къ нему, онъ смотритъ на его выходки снисходительно.

— Только на половинѣ дороги смотримъ, кто-то передъ носомъ, у насъ трюхъ-трюхъ! продолжаетъ Ѳединька: — вѣдь просто даже глядѣть было на тебя тошно, какимъ ты разуваемъ ѣхалъ! а еще генералъ... ха-ха!

— Ну, Христосъ съ нимъ, Ѳединька!

— Да нѣтъ, маменька! не могу я равнодушно видѣть... его, да вотъ еще Пашенькинова слюняя... Шипятъ себѣ да шипятъ втихомолку!

— Что такое тебѣ мой слюняй сдѣлалъ? горячо вступается Пашенька, которая до того уже привыкла къ этому прозвищу, что и сама нерѣдко, по ошибкѣ, называетъ мужа слюняемъ.

Митенька сидитъ и хмуритъ брови. Онъ спрашиваетъ себя, куда онъ попалъ? Онъ безъ ужаса не можетъ себѣ представить, что сказала бы княгиня, еслибъ видѣла всю эту обстановку? и даетъ себѣ слово уѣхать изъ родительскаго дома, какъ только будутъ соблюдены необходимыя приличія. Марья Петровна видитъ это дурное расположеніе Митеньки и принимаетъ мѣры къ прекращенію непріятнаго разговора.

— Ну, вы, пѣтухи индѣйскіе! какъ сошлися, такъ и наскочили другъ на друга! говоритъ она ласково: — разсказывайтека лучше каждый про свои дѣла! Начинай-ка, Ѳединька!

Митенька думаетъ про себя: «Господи,и слова-то какія! «пѣтухи индѣйскіе!» да куда жь это я попалъ!» Сеничка думаетъ: «а вѣдь это она не меня пѣтухомъ-то назвала! Это она все Ѳедьку да Пашку ласкаетъ!»

— Да что я скажу! начинаетъ Ѳединька: — журируемъ!

— Да ты разсказывай! настаиваетъ Марья Петровна.

— Недавно одну корифейку затравили!

— Что ты!

— Уговаривали добромъ — не хотѣла, ну, и завели обманомъ въ одно мѣсто и затравили!

— Ахъ вы, бѣдокуры! бѣдокуры! говоритъ Марья Петровна, покачивая головой и вздыхая.

— Тебя, Ѳединька, за эти продѣлки непремѣнно въ солдаты разжалуютъ, очень серьёзно замѣчаетъ Митенька.

— Еще что!

— Ахъ, боюсь и я этого! боюсь я, что ты очень ужь шаловливъ сталъ, Ѳединька!

— Такъ неужтожь имъ спуску давать!

— Да ужь очень ты неосторожно, другъ мой! Чай вѣдь она, Ѳединька, плакала!

— Ну что жь... и плакала! смотрѣть что ли на ихнія слезы!

Марья Петровна опять вздыхаетъ, но въ этомъ вздохѣ не слышится ни малѣйшей укоризны, а скорѣе какое-то сладкое чувство удовлетворенной материнской гордости.

— Вотъ, еслибъ *онъ* вздумалъ такую продѣлку сдѣлать, продолжаетъ Ѳединька, указывая на Сеничку: — ну, это точно: сейчасъ бы его, раба божьяго, сграбастали... нѣтъ, да вѣдь я позабыть не могу, какимъ онъ фофаномъ давича ѣхалъ!

— Ну, гдѣ ужь ему!

— Нѣтъ, маменька, прерываетъ вдругъ Сеничка, которому хочется вступиться за свою честь: — я тоже однажды имѣлъ случай въ этомъ родѣ...

— Полно! полно хвастаться-то! ужь гдѣ тебѣ, убогому!

Сеничка стыдливо умолкаетъ и весь погружается въ самаго себя, онъ думаетъ, что бы такое ему сказать пріятное, когда маменька станетъ распрашивать о его житьѣ-бытьѣ.

— Я, маменька, опять Эндоурова обыгралъ, продолжаетъ повѣствовать Ѳединька.

— Скажи, сдѣлай милость! и много выигралъ?

— Да тысячъ на пять обжегъ.

— Что это за Эндоуровъ такой? должно быть, хорошій человѣкъ?

— Просто, филинъ... въ карты шагу ступить не умѣетъ — ну, и обжегъ! Не суйся впередъ, коли лапти плетешь!

— Ну, и за это тебя когда нибудь въ солдаты разжалуютъ, хладнокровно замѣчаетъ Митенька.

— Ахъ, что это ты, Митенька, точно ворона каркаешь! съ неудовольствіемъ отзывается Марья Петровна.

— Не тянуть же мнѣ канитель по двѣ копѣйки въ ералашъ, какъ Семену Иванычу, огрызается Ѳединька.

— Извините-съ, я нынче по пяти играю, а не по двѣ-съ! отвѣчаетъ Сеничка не безъ волненія.

— Такъ ты по пяти играешь! ахъ ты развратникъ! но только ты все-таки не повѣришь, какимъ ты фофаномъ давича ѣхалъ!

— Для тебя бы, Сеничка, такая-то игра и дорогонька! сухо замѣчаетъ Марья Петровна, и обращается къ Митенькѣ: — è ву, ля метрессъ... тужуръ бьенъ?

— Желалъ бы я знать, отчего вы вдругъ по-французски заговорили? угрюмо спрашиваетъ Митенька.

— Отчего жь мнѣ и не заговорить по-французски?

— Нѣтъ, я желалъ бы знать, отчего вы все время говорили по-русски, а вотъ какъ вамъ взошла въ голову пакость, сейчасъ принялись за французскій языкъ?

— Ахъ, Господи! да неужто жь это преступленіе какое?

— И сколько я разъ говорилъ вамъ, чтобы вы со мной о подобныхъ предметахъ не заигрывали?

— Вѣдь ты, чай, сынъ мнѣ! всякой матери лестно слышать, коли сынъ успѣхи имѣетъ!

— А я вамъ говорилъ, и вновь повторяю, что имѣю ли я успѣхи, или нѣтъ, это до васъ не касается!

— Ну, ужь не знаю...

— Такъ знайте. И по французски не упражняйтесь, потому что вы говорите не по французски, а по коровьи...

Я не знаю, какъ вывернулась бы изъ этого пассажа Марья Петровна, и съумѣла ли бы она защитить свое материнское до-

стойство; во всякомъ случаѣ Сеничка оказалъ ей неоцѣненную услугу, внезапно фыркнувъ во всеуслышанье. Вѣроятно его точно такъ же, какъ и Митеньку, поразилъ французскій языкъ матери, но онъ нѣкоторое время еще крѣпился, какъ вдругъ Митенька своимъ вовсе неостроумнымъ сравненіемъ вызвалъ наружу всю накопившуюся смѣшливость.

— Ты еще что? строго обратилась къ нему Марья Петровна.

— Я, маменька, одинъ смѣшной случай вспомнилъ–съ...

— Надъ матерью–то посмѣяться тебя станетъ, а вотъ какъ заслужить чѣмъ нибудь, такъ тутъ тебя нѣтъ!

— Я, маменька...

Но здѣсь опять, и, конечно, противъ всякаго желанія, Сеничка разразился самымъ неестественнымъ фырканьемъ, такъ что самъ понялъ все неприличіе своего поведенія и инстинктивно поднялся со стула.

— Поди въ свою комнату... очнись! говорила ему вслѣдъ до глубины души оскорбленная мать.

Только къ обѣду явился Сеничка, но и то единственно за тѣмъ, чтобъ испить до дна чашу униженія. За обѣдомъ все шло по сказанному; Марья Петровна сама выбирала и накладывала лучшіе куски на тарелки Митенькѣ, Ѳединькѣ и Пашенькѣ, и потомъ, обращаясь къ Сеничкѣ, прибавляла: «ну, а ты, какъ старшій, самъ себѣ положишь, да кстати ужь и Петинькѣ наложи». Очевидно, что при такой простотѣ обращенія, только относительно щей дѣло могло принять оборотъ нѣсколько затруднительный, но и тутъ обстоятельства выручили Марью Петровну, потому что Ѳединька, какъ воинъ грубый, предпочелъ крапивныя щи лѣнивымъ, и вслѣдствіе этого оказалось возможнымъ полтарелки послѣднихъ удѣлить Сеничкѣ. Наѣвшись баранины, Сеничка почувствовалъ такую тяжесть въ желудкѣ, что насилу дошелъ до своей комнаты, и какъ снопъ свалился на постель; Ѳединька отправился послѣ обѣда на конюшню, Пашенька, какъ *тяжелая*, позволила себѣ часочекъ, другой отдохнуть. Марья Петровна осталась съ Митенькой наединѣ:

— Вотъ вы смѣетесь надо мной, мои друзья, сказала она въ видѣ предисловія: — а я, какъ мать, можно сказать, денно и нощно только объ васъ думаю.

Митенька молчалъ и думалъ про себя: «ну, вѣрно, по обыкновенію, пойдутъ разговоры объ завѣщаніи!»

— Вотъ я теперь и стара и дряхла становлюсь, продолжала

Марья Петровна: — мнѣ бы и объ душѣ пора подумать, а не то, чтобъ имѣніемъ управлять или свѣтскими дѣлами заниматься!

Митенька продолжалъ молчать, совершенно хладнокровно пуская ртомъ кольца дыма.

— Паче всего сокрушаюсь я о томъ, что для души своей мало полезнаго сдѣлала. Все за заботами да за дѣтьми, анъ объ душѣ-то и не подумала. А надо, мой другъ, ахъ какъ надо! И какой это грѣхъ передъ Богомъ, что мы совсѣмъ-таки... совсѣмъ объ душѣ своей не рачимъ!

Но Митенька словно окаменѣлъ. Только чуть замѣтная ироническая улыбка блуждала на губахъ его.

— Вотъ я, мой другъ, и придумала... Да что же ты, другъ мой, молчишь? Я, какъ мать, можно сказать, передъ тобой свое сердце открываю, а ты хоть-бы слово!

— Вы объ завѣщаніи хотите говорить... я знаю, процѣдилъ сквозь зубы Митенька.

— Ну, да, объ завѣщаніи... можно бы, кажется, на слова матери вниманіе обратить!

— Говорите.

— Нѣтъ, это обидно! Я, какъ мать, покоя себѣ не знаю, все присовокупляю, все присовокупляю... кажется, щепочку на улицѣ увидишь, и ту несешь да въ кучку кладешь, чтобъ дѣтямъ было хорошо и покойно, да чтобъ нужды никакой не знали, да жили бы въ холѣ да въ нѣженьи...

— Да мы, маменька, очень вамъ благодарны...

— Нѣтъ, мнѣ, видно, Богъ ужь за васъ заплатитъ! Одинъ онъ, Царь Милосердый, все знаетъ и видитъ, какъ материнское-то сердце не то, чтобы, можно сказать, въ постоянной тревогѣ объ васъ находится, а еще пуще того объ судьбѣ вашей сокрушается... Чтобы жили вы, мои дѣти, въ веселостяхъ да въ нѣженьи, чтобъ и вѣтромъ-то на васъ какъ нибудь неосторожно не дунуло, чтобъ и не посмотрѣлъ-то на васъ никто непривѣтливо...

— Да говорите же, маменька, я васъ слушаю.

Мало по малу, однакожь, Марья Петровна успокоилась. Она очень хорошо понимала, что весь этотъ разговоръ не что иное, какъ представленіе, да, сверхъ того, понимала и то, что и Митенька знаетъ, что все это представленіе; но такова уже была въ ней потребность порисоваться и посекретничать, что не могла

она лишить себя этого удовольствія, не смотря на то, что оно, очевидно, не достигало своей цѣли.

— Ну такъ видишь ли, другъ мой, что я придумала. Года мои преклонные, да и здоровье нынче ужь не то, что прежде бывало; вотъ и хочется мнѣ теперь, чтобъ вы меня старуху успокоили, грѣхъ-то съ меня тотъ сняли, что вотъ я всю жизнь все объ мамонѣ да объ мамонѣ, а на хорошее да на благочестивое — и нѣтъ ничего. Такъ снимите же вы, Христа ради, съ меня эту тягость; вѣдь замучилась ужь я, день-деньской маявшись; освободите вы мою душу грѣшную отъ муки мученской! Вѣдь ты знаешь ли, какой я себѣ грѣхъ беру на душу: кажется, и не отмолить мнѣ его во вѣкъ!

Марья Петровна даже прослезилась: такъ оно выходило хорошо да чувствительно. Нѣсколько минутъ она все вздыхала и вытирала платкомъ слезы, обильно струившіяся изъ глазъ. Но мысль ея не спала въ это время; странное дѣло, эта мысль подсказывала ей совсѣмъ не тѣ слова, которыя она произносила; она подсказывала: «да кудажь я, чортъ побери, дѣнусь, коли имѣніе-то все раздамъ! все жила, жила да командовала, а теперь натко, на старости-то лѣтъ да подъ команду къ дѣтямъ идти!» И вслѣдствіе этого тайнаго разсужденія слезы текли еще обильнѣе, а материнское горе казалось еще горче и безъисходнѣе.

— Такъ что же вы предполагаете сдѣлать? спокойно спросилъ Митенька.

— Отдамъ! все отдамъ! съ какимъ-то почти злобнымъ крикомъ отвѣчала Марья Петровна: — нѣтъ моихъ силъ! нѣтъ моихъ силъ! Слушай ты меня: вотъ я какое завѣщаніе составила!

Марья Петровна отперла денежный ящикъ и вынула оттуда бумагу.

— Да вѣдь вы мнѣ ужь нѣсколько разъ это завѣщаніе читали, иронически замѣтилъ Митенька.

— Нѣтъ, это я другое... я то перемѣнила.

— Ну-съ, читайте.

— *Во имя*... ну, тамъ все, какъ слѣдуетъ, по старому... *первое*, сыну моему Семену, какъ непочтительному...

— Кто же вамъ повѣритъ, что Сеничка былъ къ вамъ непочтителенъ?

— Да мнѣ какое дѣло, повѣритъ ли кто, или нѣтъ; я мать, я и судья — имѣніе-то, чай, мое, благопріобрѣтенное...

— Ну-съ, хорошо-съ...

— «Сыну моему Семену — село Вырыпаево съ деревнями, всего триста пятьдесятъ пять душъ; второе, сыну моему Дмитрію — село Послѣдово съ деревнями, да изъ вырыпаевской вотчины деревни Манухину, Веслицыну и Горѣлки, всего девятьсотъ шестьдесятъ одну душу»... Марья Петровна остановилась и взглянула на Митеньку: ей очень хотѣлось, чтобъ онъ хоть ручку у ней поцаловалъ, но тотъ даже не моргнулъ глазомъ. — Да что же ты молчишь-то! что ты, деревянный что ли! почти крикнула она на него.

— Позвольте, маменька, дайте же до конца прослушать.

— «Третье, сыну моему Ѳедору—сельцо Дятлово съ деревнею Околицей и село Нагорское съ деревнями, а всего тысяча сорокъ двѣ души».

Митенька пускалъ дымъ уже не кольцами, а клубами. Онъ зналъ, конечно, что всѣ эти завѣщанія вздоръ, что Марья Петровна пишетъ ихъ отъ нечего дѣлать, что она на слѣдующей же недѣлѣ, немедленно послѣ ихъ отъѣзда, еще два завѣщанія напишетъ, но какая-то робкая и вмѣстѣ съ тѣмъ безпокойная мысль шевелилась у него въ головѣ. «А ну, какъ она умретъ!» говорила эта мысль: «вѣдь всѣ эти бредни, пожалуй, перейдутъ въ дѣйствительность». Справедливость, однакожь, заставляетъ меня сказать, что ни разу не пришло ему въ голову, что каково бы ни было завѣщаніе матери, все-таки братьямъ слѣдуетъ раздѣлить имѣніе ея по ровну. Въ этомъ отношеніи, онъ очень хорошо понималъ, что долгъ его повиноваться волѣ матери, тѣмъ болѣе, что повиновеніе это для него выгодно.

— Ну-съ, сказалъ онъ.

— Вотъ и все; тамъ обыкновенно, формальности разныя...

— А капиталъ?

— Какой же у меня капиталъ? а коли и есть капиталъ, такъ вѣдь надо же мнѣ, вдовѣ, прожить на что нибудь до смерти!

— Да вѣдь это завѣщаніе, а не раздѣльный актъ...

— Неужто жь вы потребуете, чтобъ я послѣднее отдала? чтобъ я и рубашку съ себя сняла?

— Это завѣщаніе, маменька, а не раздѣльный актъ...

— Ну, нѣтъ! не ожидала я этого отъ тебя! чтожь, въ самомъ дѣлѣ, выгоняйте мать! И по дѣломъ старой дурѣ! по дѣломъ ей за то, что себѣ, на старость лѣтъ, ничего не припасала, а все

дѣтямъ да дѣтямъ откладывала! пускай съ сумой по дворамъ таскается!

— Извините меня, маменька, но мнѣ кажется, что все это только фантазіи ваши! и напрасно вы съ этимъ дѣломъ обратились ко мнѣ («это она Ѳедькѣ весь капиталъ-то при жизни еще передать хочетъ!» шевельнулось у него въ головѣ)! Вы лучше обратились бы къ Сеничкѣ: онъ на эти дѣла мастеръ; онъ и пособолѣзновалъ бы съ вами, и натолковался бы до сыта, и предположеній бы всякихъ надѣлалъ!

И дѣйствительно, въ то самое время, какъ между Марьей Петровной и Митенькой происходила описанная выше сцена, Сеничка лежалъ на кровати въ Петинькиной комнатѣ, и не смотря на ощущаемую въ желудкѣ тяжесть, никакъ-таки не могъ сомкнуть глаза свои. Предположенія и планы, одинъ другаго чуднѣе, одинъ другаго разнообразнѣе, являлись его воображенію. То видѣлъ онъ, что Марья Петровна умираетъ, что онъ одинъ успѣлъ пріѣхать къ послѣднимъ ея минутамъ, что она прозрѣла и оцѣнила его любовь, что она цѣпенѣющей рукой указываетъ ему на шкатулку и говоритъ: «другъ мой сердечный! Сеничка мой милый! это все твое!» То представлялось ему, что и маменька умерла, и братья умерли, и Петинька умеръ, и даже дядя, маменькинъ братъ, съ которымъ Марья Петровна была въ ссорѣ за то, что подозрѣвала его въ похищеніи отцовскаго духовнаго завѣщанія,—и тотъ умеръ; и онъ, Сеничка, остался общимъ наслѣдникомъ... То видится ему, что маменька призываетъ его и говоритъ: «слушай ты меня, другъ мой сердечный, Сеничка! лѣта мои преклонныя, да и здоровье не то, что было прежде»... и въ заключеніе читаетъ ему завѣщаніе свое, читаетъ безъ пропусковъ (не такъ, какъ Митенькѣ: «тамъ, дескать, извѣстныя формальности»), а сплошь, начиная съ *воимя*, и кончая «здравымъ умомъ и твердой памятью», и по завѣщанію этому оказывается, что ему, Сеничкѣ, предоставляется сельцо Дятлово съ деревнею Околицей, и село Нагорное съ деревнями, а всего тысяча сорокъ двѣ души...

— А капиталъ, милый другъ мой, маменька? мысленно спрашиваетъ Сеничка.

— А капиталъ, другъ мой, Сеничка, я тебѣ при жизни изъ рукъ въ руки передамъ... Только успокой ты мою старость! Дай ты мнѣ, при моихъ немощахъ, угодникамъ послужить! Лѣта

мои пришли преклонныя, и здоровье ужь не то, что прежде бывало...

Пасмурная и огорченная явилась Марья Петровна ко всенощной. Въ образной никого изъ домашнихъ не было; отецъ Павлинъ, уже совершенно облаченный, унылo расхаживалъ взадъ и впередъ по комнатѣ, по временамъ останавливаясь передъ иконостасомъ и почесывая въ бородѣ; пономарь раздувалъ кадило, и по видимому былъ совершенно доволенъ собой, когда отъ горящихъ въ немъ угольевъ внезапно вспыхивало пламя; дьячокъ шуршалъ замасленными листами требника и что-то бормоталъ про себя. Изъ залы долеталъ хохотъ Ѳединьки и Пашеньки.

— Съ дорогими гостями, привѣтствовалъ отецъ Павлинъ:— начинать прикажете?

— Начинай, батюшка, начинай! Да чтожь это Сенички нѣтъ! Дѣвки! позовите Семена Иваныча!

По обыкновенію, и въ этомъ случаѣ Сеничка служилъ, такъ сказать, очистительною жертвою за братьевъ. За всенощной онъ долженъ былъ молиться. Но на этотъ разъ ему какъ-то не молилось; машинально водилъ онъ рукой по груди и задумчиво вглядывался въ облака дыма, изобильно выходившія изъ батюшкинова кадила. Тщетно заливался дьячокъ, выводя руладу за руладой, тщетно вторилъ ему пономарь, заканчивая каждый кантъ какимъ-то тонкимъ дребезжаньемъ, очень похожимъ на дребезжанье, которымъ заканчиваетъ свой свистъ чижикъ; тщетно самъ отецъ Павлинъ вразумительно и ясно произносилъ возгласы: Сеничка не внималъ ничему и весь былъ погруженъ въ мечтанія, мечтанія глупыя, но тѣмъ не менѣе отнюдь не имѣвшія молитвеннаго характера. Марья Петровна, любившая, чтобъ Сеничка за нее молился, тотчасъ же замѣтила это.

— Помилуй, мой другъ, сказала она ему: — что ты это рукою-то словно на балалайкѣ играешь! Или за мать-то и помолиться ужь лѣнь?

Вообще весь вечеръ прошелъ какъ-то неудачно для Сенички, потому что Марья Петровна, раздраженная послѣобѣденнымъ разговоромъ, то и дѣло придиралась къ нему. Неизвѣстно съ чего вздумалъ вдругъ Сеничка вступить за чаемъ въ диспутъ съ батюшкой и сталъ доказывать ему преимущество католической вѣры передъ православною (совсѣмъ онъ ничего подобнаго и не думалъ, да вотъ пришла же вдругъ такая несчастная мысль въ голову!), и доказывалъ именно тѣмъ, что въ католической вѣрѣ

просвиры пекутся прѣсныя, а не кислыя. Батюшка съ своей стороны разревновался и сталъ изобличать Сеничку въ ереси.

— Позвольте, говорилъ онъ:—вѣдь такимъ манеромъ и лютерцевъ оправдывать можно!

— Я не объ лютеранахъ говорю...

— Нѣтъ, позвольте! я спрашиваю васъ, оправдываете ли вы лютерцевъ?

— Да, вѣдь мы...

— Нѣтъ, прошу отвѣтъ дать! заслуживаютъ ли лютерцы, по вашему мнѣнію, быть оправданными? повторялъ батюшка, и, повторяя, хохоталъ какимъ-то закатистымъ, веселымъ хохотомъ, и выказывалъ при этомъ рядъ бѣлыхъ, здоровыхъ зубовъ.

— И охота тебѣ, батька, съ нимъ спорить! вмѣшалась Марья Петровна:—развѣ не видишь, что онъ съ ума сбрендилъ! Смотри ты у меня, Семенъ Иванычъ! ты, пожалуй, и дворню-то мнѣ всю развратишь!

Тѣмъ этотъ достославный споръ и кончился; Сеничка думалъ удивить маменьку разнообразіемъ познаній и полетомъ фантазіи, но вмѣсто того, осрамился прежде, нежели успѣлъ что нибудь высказать. Послѣ того онъ нѣсколько разъ порывался ввернуть еще что нибудь на счетъ эманципаціи (блаженное время! ея тогда не было!), но Марья Петровна разъ навсегда такъ дико взглянула на него, что онъ едва-едва не проглотилъ языкъ.

Оставалась одна надежда на подарокъ, который Сеничка приготовилъ маменькѣ для дня ангела, но и та обманула его. Проснулся онъ очень рано, да и вообще дурно спалъ ночь. Во первыхъ, его осаждала прискорбная мысль, что всѣ усилія, какія онъ ни дѣлалъ, чтобъ заслужить маменькино расположеніе, остались тщетными; во вторыхъ, Петинька всю ночь метался на постели и испускалъ какое-то совсѣмъ неслыханное мычаніе; наконецъ, кровать его была до такой степени наполнена блохами, что онъ чувствовалъ себя какъ бы окутаннымъ крапивою и нѣсколько разъ не только вскакивалъ, но даже произносилъ какія-то непонятныя слова, какъ будто бы приведенъ былъ сильными мѣрами въ восторженное состояніе.

Узнавши, что маменька только что встала, что къ обѣдни еще не начинали благовѣстить, и что братцы еще почиваютъ, Сеничка осторожно вынулъ изъ чемодана щегольской бѣлый муаръ-антиковый зонтикъ и отправился къ маменькѣ. Но каково

же было его удивленіе, когда онъ засталъ ее за письменнымъ столомъ въ созерцаніи цѣлыхъ трехъ зонтиковъ! Онъ сейчасъ же догадался, что это были подарки Митеньки, Ѳединьки и Пашеньки, которые наканунѣ еще распорядились о врученіи ихъ имянинницѣ, какъ только «душенька маменька» откроетъ глаза. Сеничка до того смутился, что даже вытаращилъ глаза и уронилъ зонтикъ.

— Здравствуй, другъ мой!... да чтожь ты на меня, вытаращя глаза, смотришь! или на мнѣ грибы со вчерашняго дня выросли! привѣтствовала его Марья Петровна.

— Я, маменька... позвольте мнѣ, милый другъ мой, маменька, поздравить васъ съ днемъ ангела, и пожелать провести оный среди любящаго васъ семейства въ совершенномъ спокойствіи, котораго вы вполнѣ достойны...

— Благодарствуй, благодарствуй! да что это, ты словно уронилъ что-то?

— Это, милая маменька, я желалъ принести вамъ слабую дань моей благодарности за тѣ ласки и попеченія, которыми вы меня, добрый другъ, маменька, постоянно осыпаете!

— Да что вы, взбѣсились что ли? всѣ по зонтику привезли! напустилась на него Марья Петровна при видѣ новой прибавки къ коллекціи зонтиковъ, уже лежавшей на столѣ: — смѣяться что ли ты надо мной вздумалъ?

— Я, милая маменька, всею душою...

— Сговориться вы, что ли, между собой не можете, или, и въ самомъ дѣлѣ, вы другъ другу не братья, а звѣри, что никакой между вами откровенности нѣтъ?

— Я, милая маменька...

— Это все ты, тихоня, мутишь! Вижу я тебя, насквозь тебя вижу! ты думаешь, на глупенькую напалъ? ты думаешь, что вотъ такъ сейчасъ и проведешь! такъ нѣтъ, ошибаешься, другъ любезный, я всѣ твои прожекты и вдоль и поперегъ знаю... все вижу, все вижу, любезный другъ!

— Я, маменька, никакихъ прожектовъ не имѣю...

— Ты... ты... ты всей смутѣ заводчикъ! Еслибъ не доброта моя, давно бы тебя въ суздаль-монастырь упечь надо! не посмотрѣла бы, что ты генералъ, а такъ бы вышколила, что позабылъ бы да и другимъ бы заказалъ въ семействѣ смутьянничать! Натко, прошу покорно, въ одномъ городѣ живутъ, вмѣстѣ почти всю

дорогу ѣхали, и не могли другъ дружкѣ открыться, какой кто матери презентъ везетъ!

— Маменька! чѣмъ же я виноватъ, что Ѳединька не хочетъ мнѣ почтенія дѣлать?

— Да что ты, обалдѣлъ что ли? Какое тебѣ почтеніе! Вѣдь ты ему, чай, братъ!

— Я, маменька, старшій братъ, и Ѳединька обязанъ мнѣ почтеніе оказывать!

Богъ знаетъ, чѣмъ бы разыгралась эта исторія, если бъ въ эту минуту не заблаговѣстили къ обѣднѣ. Марья Петровна такъ и осталась съ раскрытымъ ртомъ, только махнула рукой на Сеничку. Но за то, послѣ обѣдни, она, можно сказать, испилила его всего. Не только братьямъ разсказала, что Сеничка требуетъ, чтобъ ему было оказываемо почтеніе, но даже всѣхъ сосѣдей просила полюбоваться четырьмя зонтиками, подаренными ей въ одинъ день, и всю вину складывала на Сеничку, который, какъ старшій братъ, обязанъ былъ уговориться съ младшими, какой презентъ маменькѣ сдѣлать. Вслѣдствіе этого, Ѳединька цѣлый день трунилъ надъ Сеничкой, называлъ его «вашимъ превосходительствомъ», привставалъ на стулѣ при его появленіи, и даже одинъ разъ бросился со всѣхъ ногъ, чтобъ пододвинуть ему кресло, но въ разсѣянности тотчасъ же выдернулъ его изъ подъ него. Все это было очень остроумно и возбуждало всеобщій смѣхъ, къ которому оставался равнодушенъ только Митенька. И такимъ образомъ прошелъ цѣлый мучительный день, въ продолженіи котораго Сеничка могъ въ сотый разъ убѣдиться, что подаваемые за обѣдомъ дупеля и бекасы составляютъ навсегда недостижимый для него идеалъ.

А Марья Петровна была довольна и счастлива. Все-то она въ жизни устроила, всѣхъ-то дѣтей въ люди вывела, всѣхъ-то на дорогу поставила. Сеничка вотъ ужь генералъ — того гляди, губернію получитъ! Митенька, поди-ка, какой случай имѣетъ! Ѳединька самъ по себѣ, а Пашенька за хорошимъ человѣкомъ замужемъ! Одинъ Петинька сокрушаетъ Марью Петровну, да вѣдь надо же кому нибудь и Бога молить!

Съ своей стороны Сеничка разсуждаетъ такъ: «коего чорта я здѣсь ищу! ну, коего чорта! начальники меня любятъ, подчиненные боятся... того гляди, губернаторомъ буду, да женюсь на купчихѣ Безселендевой — ну, что мнѣ еще надо!» Но какой-то враждебный голосъ такъ и преслѣдуетъ, такъ и нашептываетъ:

«а ну, какъ она Дятлово да Нагорное-то подлецу Ѳедькѣ отдастъ!» — и опять начинаются мучительныя мечтанія, опять напрягается умственное око и представляетъ болѣзненному воображенію цѣлый рядъ мнимыхъ картинъ, героемъ которыхъ является онъ, Сеничка, единственный наслѣдникъ и обладатель всѣхъ материнскихъ имѣній и сокровищъ.

Пашенька на другой же день имянинъ уѣхала, но Сеничка все еще остается, все чего-то ждетъ, хотя ему до смерти надо въ Петербургъ, гдѣ ожидаютъ его начальники и подчиненные. Онъ ждетъ, не уѣдутъ ли Митенька съ Ѳединькой, чтобъ одному на просторѣ остаться съ маменькой и объяснить ей, какъ онъ ее обожаетъ. Но проходитъ пять дней, и ожиданія его напрасны. Мало того, что братья не уѣзжаютъ, но онъ видитъ, какъ мать безпрестанно съ ними о чемъ-то шушукается, и какъ только онъ входитъ, перемѣняетъ разговоръ и начинаетъ бесѣдовать о погодѣ. — Это они объ духовномъ завѣщаніи шепчутся! думаетъ Сеничка, и въ то же время невольно прибавляетъ: — да для какого же чорта я здѣсь живу! ну да! ну да!

Митенька первый сжалился надъ нимъ, и предложилъ вмѣстѣ ѣхать въ Петербургъ. Ѳединька такъ и остался полнымъ властелиномъ материнскаго сердца.

Ѣдетъ Сеничка на перекладной, ѣдетъ и дремлетъ. Снится ему, что маменька костенѣющими руками благословляетъ его и говоритъ: «Сеничка, другъ мой! вижу, вижу, что я была несправедлива противъ тебя, но такъ какъ ты генералъ, то оставляю тебѣ... мое материнское благословеніе!» Сеничка вздрагиваетъ, кричитъ на ямщика «пошелъ!» и мчится далѣе и далѣе, до слѣдующей станціи.

III.

РАЗМЫШЛЕНІЯ.

До какой степени можетъ доходить противорѣчіе между мыслью и поступками, до какой степени можетъ быть доведено съ одной стороны (въ мысли) полное признаніе долга, съ другой (въ практикѣ) — совершенное забвеніе его, это почти невѣроятно. Изъ приведеннаго выше примѣра уже само собой явствуетъ, что здѣсь всѣ дѣйствующія лица являются людьми недостойны-

ми: Марья Петровна — недостойною матерью, не понимающею, что долгъ всякой матери повелѣваетъ равно любить дѣтей своихъ, Сеничка, Митенька и Ѳединька — недостойными дѣтьми, не понимающими, что долгъ повелѣваетъ имъ уважать мать, хотя бы она была дурною матерью, а также взаимно любить другъ друга. Всѣ эти лица смотрятъ на природную связь, ихъ соединяющую, какъ на что-то горькое, почти несносное; всѣ только и ждутъ минуты, когда можно будетъ эту связь порвать! А между тѣмъ спросите у Марьи Петровны или у самаго Сенички: что такое союзъ семейственный? Марья Петровна отвѣтитъ: какъ, батюшка, ужь ты этого-то не понимаешь! Сеничка же скажетъ: семейственный союзъ—это зерно союза гражданскаго, это алтарь, это краеугольный камень! И, навѣрное, скажетъ это съ полнымъ убѣжденіемъ, ибо очень хорошо самъ понимаетъ, что не лжетъ. Но если это алтарь, такъ и служи же ему! если это краеугольный камень, такъ и наблюдай же за его неприкосновенностью! Ясно ли?

Но чтобы читатель вполнѣ былъ мною доволенъ, приведу здѣсь еще нѣсколько фактовъ, въ которыхъ поразительно высказывается то вредное жизненное двоегласіе, о которомъ идетъ рѣчь.

Разсказываютъ про одного откупщика слѣдующее. Откупщикъ этотъ былъ изъ евреевъ одной изъ западныхъ нашихъ губерній, но впослѣдствіи разбогатѣлъ, окрестился, и, конечно, совсѣмъ бы забылъ о своихъ патентахъ на іерусалимское первенствующее сословіе, если бы ежечасно не напоминало объ этомъ нѣкоторое худосочіе въ прононсѣ. Откупщикъ уже назывался настоящимъ человѣческимъ именемъ, говѣлъ весьма аккуратно, и не иначе какъ въ соборѣ, водилъ знакомство съ протопопами и по праздникамъ угощалъ обѣденнымъ столомъ генераловъ. Словомъ сказать, былъ человѣкъ до того благонамѣренный, что даже самъ губернаторъ объ немъ отзывался, что этакого ревнителя и въ нѣкоторомъ родѣ столба — просто свѣтъ не производилъ. И вдругъ, въ одно прекрасное утро, къ этакому-то вельможѣ является изъ Могилевской губерніи — отецъ! Всполошились хамы въ передней, увидѣвъ испуганную, похожую на мордочку умирающаго зайца, физіономію еврея, и окончательно растерялись, когда узнали, что эта робкая фигурка, украшенная пейсами, принадлежитъ родителю самого вельможи, владѣльца раззолоченныхъ палатъ.

— Папаша вашъ пришелъ! нерѣшительно докладываетъ откупщику лакей, какъ бы инстинктивно понимая все неприличіе своего поступка.

— Какой папаса! нѣтъ у меня папасы! я сирота! отвѣчаетъ откупщикъ, вскакивая, какъ ужаленный, изъ-за украшеннаго рѣзьбою письменнаго стола.

Однако, дѣлать нечего, выходитъ въ переднюю и видитъ, что дѣйствительно передъ нимъ стоитъ отецъ. Даже лица у нихъ совсѣмъ одинаковыя, только у одного похоже на зайца погибающаго, а у другаго — на зайца торжествующаго.

— Ты кто таковъ? наскакиваетъ сынъ на отца.

— Я твой отецъ.

— Нѣтъ, ты мнѣ ни отецъ; ты зидъ... Ты пейсаховую водку пьёсъ... какой ты мнѣ отецъ!

— Ицекъ! кость отъ костей моихъ! пискнулъ было старый еврей.

— Какой я Ицекъ! нѣтъ здѣсь Ицека! толкай же этого сумаседсаго въ сею! ты зидъ, ты скверный зидъ, а не отецъ!

Стараго, честнаго еврея выгнали, а молодой и изворовавшійся еврей долго ходилъ въ волненіи по бѣломраморнымъ заламъ своего палаццо и долго внушалъ лакеямъ, что это совсѣмъ не отецъ его, а просто гнусный попрошайка, хотѣвшій пощечиться на счетъ его добраго сердца.

Какъ ни прискорбенъ этотъ анекдотъ, но я долженъ сказать, что самъ былъ однажды очевидцемъ факта, очень близко къ нему подходящаго. Въ нашемъ уѣздномъ судѣ служилъ секретаремъ нѣкто Семенъ Петровичъ Попковъ. И такъ какъ у меня было въ судѣ тяжебное дѣло, то весьма естественно, что я сошелся съ Попковымъ довольно близко. Это былъ еще молодой малый и пользовался репутаціей человѣка съ направленіемъ, то есть не пьющаго и берущаго взятки съ осмотрительностію. Судья, человѣкъ сырой и лѣнивый, говаривалъ, что за нимъ можно спать, какъ за каменной стѣной, и дѣйствительно спалъ очень исправно, и не смотря на это, ни разу не попалъ подъ судъ. Однажды мнѣ понадобилась справка по дѣлу, и, само собой разумѣется, я обратился за нею къ секретарю.

— А что, ихняя справка готова? обратился онъ къ одному изъ чиновниковъ.

— Попковъ второй! справка готова?

— Нѣтъ-съ еще, черезъ полчаса допишу, раздался изъ глубины комнаты робкій, дрожащій голосъ.

— Снять съ Попкова втораго сапоги! совершенно равнодушно рѣшилъ секретарь:—черезъ полчаса навѣдайтесь, все будетъ исполнено, любезно прибавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ.

— Однако вы довольно строго поступаете съ своимъ однофамильцемъ, сказалъ я, угрызаемый совѣстью, что изъ-за меня чиновникъ на цѣлый день лишается свободы и лучшаго ея украшенія—сапоговъ.

— Это мой родитель-съ, отвѣчалъ онъ, не моргнувъ ни однимъ глазомъ.

Я долгое время смотрѣлъ на него, ничего не понимая, да и впослѣдствіи, когда я уже очнулся, первая мысль, которая меня посѣтила, была довольно глупаго свойства. «Отчего же онъ Попковъ второй?» подумалъ я, какъ будто этою ариѳметическою формальностью исчерпывался весь вопросъ.

— Отчего же онъ Попковъ второй? безсознательно повторилъ я вслухъ.

— По старшинству-съ; я старшій Попковъ, онъ второй-съ... съ ними никакъ нельзя лаской поступать-съ, прибавилъ онъ, какъ бы угадывая, въ чемъ именно заключалось мое недоумѣніе: — они постоянно этимъ малодушествомъ занимаются, такъ надо же ихъ какъ нибудь ограничивать!

— Да вы ужь хоть на этотъ разъ простите папеньку-то! мнѣ, право, совѣстно, что онъ изъ-за меня пострадалъ!

— Нѣтъ-съ, ужь это позвольте-съ. Первое, другимъ чиновникамъ можетъ показаться обиднымъ, что я родителю своему снисхожденіе дѣлаю, а второе, въ этомъ ихъ же собственная польза состоитъ.

Эти отношенія такъ меня заинтересовали, что я рѣшился заняться ими. Въ тотъ же день, вечеромъ, я зашелъ къ Попкову *старшему* на домъ и, по обыкновенію засталъ его за письменнымъ столомъ, нагруженнымъ и дѣлами и бумагами. Повторяю: это былъ человѣкъ съ направленіемъ, жилъ чистенько и трудолюбіемъ равнялся муравью. Воспитаніе онъ получилъ въ мѣстномъ канцелярскомъ училищѣ, слѣдовательно не только недостаточное, но, такъ сказать, глупое, и если, не смотря на это съумѣлъ таки «сдѣлаться человѣкомъ», то этимъ былъ единственно обязанъ самому себѣ. Онъ это вполнѣ сознавалъ и потому въ обращеніи былъ даже нѣсколько заносчивъ и вообще не

любилъ ни съ кѣмъ сближаться, какъ и большая часть людей, устроившихъ себя собственными силами. Ненависть къ мѣсту своего воспитанія питалъ страшную, и, конечно, не безъ основанія полагалъ, что еслибъ судьба не подрѣзала его жизни въ самомъ корнѣ, то онъ, по своимъ способностямъ и стойкости, могъ бы пойти довольно далеко.

— Что-съ, справочку получили-съ? спросилъ онъ меня, предварительно усадивъ на диванъ.

— Получить-то получилъ, да не объ справкѣ дѣло, Семенъ Петровичъ! Нельзя ли какъ нибудь родителя-то вашего... ну какъ же это въ самомъ дѣлѣ!..

— Что же такое-съ?

— Да согласитесь сами, вѣдь онъ вашъ отецъ!

Попковъ *старшій* смотрѣлъ на меня не то, чтобы съ недоумѣніемъ, а какъ будто съ неудовольствіемъ.

— Да-съ это точно-съ; въ простомъ народѣ это бываетъ-съ, сказалъ онъ совершенно спокойно.

— Помилуйте! вѣдь это не законъ естественный, равно обязательный для всѣхъ!

— Не чувствую-съ.

— Какъ, не чувствуете? вѣдь вамъ, чай, съ малолѣтства толковали, что почитать родителей есть первая обязанность дѣтей!

— Толковали-съ.

— Ну, и что жь? Неужели же вы станете противъ этого спорить?

— Ни отнюдь-съ. Это даже въ законахъ изображено-съ.

— Такъ какъ же вы противъ закона поступаете? а ну, какъ родитель-то вашъ пожалуется?

— Этого онъ не можетъ никогда сдѣлать-съ; да опять-таки, еслибъ и пожаловались, ничѣмъ они себя противъ меня не оправдаютъ...

— Какъ такъ?

— Я ихній начальникъ-съ. Если они ведутъ себя благопристойно, моя обязанность есть передъ начальствомъ ихъ аттестовать, а если они въ чемъ проштрафились, моя обязанность ихъ наставить и съ нихъ взыскать-съ.

— Да законъ-то, любезный другъ! законъ!

Попковъ *старшій* задумался.

— Я такъ полагаю, сказалъ онъ послѣ минутнаго размышленія:—что законы эти больше простолюдиновъ имѣютъ въ виду!

— То есть, какимъ же это образомъ?

— Такъ точно-съ. Чтобы теперича обыватель завсегда для себя узду видѣлъ. А потому для всякаго званія свой законъ-съ, т. е. смотря по тому, какъ кто существо веществъ понимать можетъ...

— Да вѣдь въ законахъ же изображено, что они для всѣхъ равно обязательны?

— Это такъ-съ; это на всякій случай-съ...

Онъ опять остановился. Очевидно, у него была мысль, но онъ не умѣлъ ее формулировать.

— Вотъ изволите видѣть, наконецъ сказалъ онъ: — законъ вообще пишется-съ... Берется, значитъ, разсужденіе; по разуму оно правильно — ну, пишется-съ. Потому какъ большая часть теперича, можно сказать, въ натуральномъ состояніи находится, обязанностей своихъ понимать не можетъ, такъ оно для нихъ и необходимо... чтобъ узда, значитъ, была...

— Понимаю. Слѣдовательно, вы полагаете, что законъ не есть что либо вытекающее изъ свойствъ и требованій человѣческой природы, а напротивъ того, есть нѣчто искуственно придуманное для обузданія этихъ свойствъ и требованій? такъ?

— Такъ точно-съ. Потому какъ наши страсти и слабости всему злу корень — это вѣрно-съ.

— Прекрасно. Но почему же вы одни предписанія закона признаете для себя обязательными, другія — нѣтъ?

— Помилуйте, какъ это я смѣю сказать-съ! Законъ-съ... извѣстно, — законъ-съ! Я говорю только, что одинъ человѣкъ понимать можетъ-съ, а другой понятія этого не имѣетъ...

— Стало быть, еслибъ теперь къ вамъ въ судъ поступило дѣло о жестокомъ обращеніи сына съ отцомъ, сына, находящагося въ такомъ точно положеніи, въ какомъ вы теперь находитесь, какое бы вы постановили рѣшеніе?

— По закону-съ.

— Вы не приняли бы въ соображеніе, что для этого сына законъ о непочтеніи отца не обязателенъ?

— Помилуйте-съ!

— Какъ же это, однако, у васъ выходитъ?

— Потому такъ и выходитъ, что, значитъ, этотъ человѣкъ безъ понятія-съ...

— Объясните, пожалуйста.

— Потому, еслибъ онъ былъ человѣкъ съ понятіемъ, то зна-

читъ, не допустилъ бы себя до этого... жизнь человѣческая есть механика-съ, въ которой каждый долженъ дѣйствовать, какъ ему соотвѣтственно.

— Понимаю; значитъ, вы признаете преступникомъ только того преступника, который попадается!

— Законъ исполнить надлежитъ-съ.

— Ну, а общественное мнѣніе?

— Что же-съ? общественное мнѣніе всегда за меня будетъ-съ, потому какъ я человѣкъ съ направленіемъ, родитель же мой занимаются малодушествомъ... всякій даже со стороны меня пожалѣетъ, а не ихъ! Теперича, извольте разобрать это дѣло безъ пристрастія: какую же они для меня компанію составить могутъ! Я человѣкъ занятой, а они, кромѣ безобразіевъ, ничего даже въ предметѣ не имѣютъ; стало быть, если я, пришедши изъ присутствія, за бумаги сяду, они мнѣ только мѣшать будутъ... вѣдь ужь и то я изъ милости ихъ въ судѣ у себя держу!

Затѣмъ онъ разсказалъ мнѣ, какъ однажды папаша дѣло у него со стола стянулъ и въ кабакѣ пропилъ, какъ въ другой разъ онъ въ пьяномъ видѣ чуть уѣзднаго суда не спалилъ, какъ онъ, *Попковъ старшій*, вслѣдствіе этого, вынужденнымъ нашелся просить начальство, чтобъ родителя его выгнали изъ службы, и какъ само начальство въ уваженіе къ его собственнымъ заслугамъ, уговорило его не настаивать на этомъ предметѣ.

И за всѣмъ тѣмъ, онъ все-таки не отрицалъ, что права родителей должны оставаться неприкосновенными. Черта похвальна, но ясно, что тутъ было какое-то двоегласіе въ мысляхъ, ясно, что обязательность долга допускалась здѣсь лишь какъ отвлеченное понятіе, какъ фундаментъ, на которомъ строится цѣлое зданіе, но фундаментъ, очевидно, заложенный на пескѣ. Коли хотите, и это въ своемъ родѣ не дурно, потому что все-таки лучше имѣть хоть какой нибудь фундаментъ, чѣмъ совсѣмъ безъ фундамента.

Резоны эти я не преминулъ сообщить Попкову старшему, и хотя онъ, по видимому, смутился ими, однако остался въ своемъ поведеніи непреклоннымъ. Мало того: черезъ мѣсяцъ или полтора послѣ описаннаго выше разговора, онъ самъ пришелъ ко мнѣ и сказалъ.

— Запали мнѣ въ душу ваши слова, да чтожь будете дѣлать! — не могу-съ! Старался я, всячески старался преодолѣть себя, — ничего, какъ есть, не выходитъ!

— А вы попробуйте еще!

— Нѣтъ, ужь видно, такъ тому дѣлу и быть!

При томъ и остался.

Былъ у меня также пріятель одинъ, истинно хорошій и достойный молодой человѣкъ. На счетъ правилъ этихъ — просто, доложу вамъ, стѣна: какъ ни стучи, ни до чего не достучишься! Начнешь, бывало, съ нимъ разговаривать обо всѣхъ этихъ предметахъ, на которыхъ міръ стоялъ, стоитъ и будетъ стоять, такъ и засыплетъ силлогизмами и цитатами изъ Неволина, Рожественскаго и другихъ ревнителей! Словомъ сказать, человѣкъ былъ благонадежный.

Вотъ только пришлось ему жениться. Жена у него была молоденькая, хорошенькая, по французски изъяснялась безошибочно, — просто, какъ говоритъ лейтенантъ Жевакинъ, розанчикъ. Радовался я на нихъ безмѣрно, и все думалъ: ну, эти, по крайней мѣрѣ, не измѣнятъ моему идеалу и навсегда останутся вѣрными служителями долга! То есть, коли хотите, настоящій-то мой идеалъ и не совсѣмъ таковъ (настоящій-то идеалъ составляютъ: безобразный и злой мужъ и миловидная, добрая жена и на оборотъ, ужасные и неблагонамѣренные родители и покорные и благонамѣренные дѣти, и на оборотъ: тутъ больше пищи для истиннаго смиренномудрія), но насмотрѣвшись всякой всячины, я ужь и самъ сдѣлался на этотъ счетъ снисходительнѣе, и забочусь о томъ только, чтобы хоть какой нибудь идеалъ да отыскать въ жизни.

Для полноты характеристики моего пріятеля, я долженъ сказать, что онъ былъ человѣкъ очень занятой (ежеминутно неполнялъ обязанности) и не богатый; привычки имѣлъ простыя, хотя воспитаніе получилъ весьма утонченное, многолюдныхъ собраній не любилъ, хотя танцовалъ отлично; къ довершенію всего, относительно пищи былъ неприхотливъ и предпочиталъ щи изъ кислой капусты лучшему французскому супу, и кусокъ доброй солонины—всевозможнымъ сотѣ и волованамъ.

И дѣйствительно, не было, казалось, предѣла ихъ счастью: онъ былъ неутомимъ, она съ своей стороны понимала это. Бывало, сбирается онъ утромъ на службу, она къ нему: «возьми меня, другъ мой, съ собой въ департаментъ»; воротится со службы, сядетъ за дѣла, и она противъ него сядетъ, ничего не дѣлаетъ, только въ глаза ему глядитъ; станетъ заказывать повару обѣдъ: «сдѣлай ты мнѣ, братецъ, щи съ кашей, поросенка подъ хрѣномъ и жаренаго гуся съ капустой», она сейчасъ: «а я, ду-

шенька, хотѣла тебя просить заказать молочную лапшу, шпинату немного и миндальнаго пирожнаго» — нечего дѣлать, хоть поморщится, но закажетъ, что ей хочется. Очень, очень пріятно было на нихъ смотрѣть.

Только на дняхъ пріѣзжаю я въ Петербургъ (это было черезъ два года послѣ женитьбы моего пріятеля), и, разумѣется, сейчасъ къ моимъ счастливцамъ.

— Ну что, въ какомъ положеніи райскія селенія? спрашиваю я его. Вижу: онъ смотритъ какъ-то угрюмо.

— Никакихъ тутъ райскихъ селеній нѣтъ! говоритъ.

— Можетъ ли быть!

— Помилуй, любезный другъ! я ужь цѣлый годъ только объ томъ и думаю, какъ бы намъ разойтись прилично.

— Да что же такое?

— Да просто покоя ни на минуту нѣтъ; не могу ни работать, ни ѣсть, ни пить... всѣ мои привычки нарушены!

— А ты уступи, мой другъ!

— Въ чемъ тутъ уступать? Вѣдь ни въ чемъ, ни въ чемъ, какъ есть, никакого согласія ни въ мысляхъ, ни во вкусахъ нѣтъ!

— Но вѣдь ты понимаешь, что такое семейный союзъ! ты понимаешь всю важность этого слова!

— Знаю и понимаю... но вѣдь я спать хочу! понимаешь ли ты это: я спать хочу!

— Вспомни Неволина, другъ мой!

— О чортъ возьми! да развѣ я что нибудь противъ этого говорю! развѣ я не знаю, что жизнь есть долгъ! Но вѣдь это долгъ обоюдный, это, такъ сказать, *всеобщая* игра обязанностей, а не исключительное бремя, взваленное на плеча одного!

— Ты бы ей объяснилъ это, другъ мой!

— Объяснялъ, не одинъ разъ объяснялъ! Да только одного и добился отъ нея: «стану я... скука какая»!

— А вѣдь какъ, между тѣмъ, это понятно, мой другъ!

— Еще бы! величественное зданіе,—и больше ничего!

— Нѣтъ, да ты пойми, какъ это хорошо! я исполню свой долгъ, ты исполняешь свой, она свой... вѣдь если всѣ-то! если всѣ-то! вѣдь это почти что какъ будто бы мы дѣлали то, что намъ пріятно!

— Еще бы! Если мы всѣ дѣлаемъ, что намъ не хочется, то это совершенно точно то же, какъ бы мы дѣлали то, что намъ

хочется. Минусъ на минусъ даетъ плюсъ — это истина математическая.

— Такъ почему же ты не хочешь себя принудить?

— А почему же *она* себя не принуждаетъ?

— Однако же, пойми, мой другъ, что въ мірѣ встрѣчаются разныхъ сортовъ люди: одни исполняющіе свой долгъ, другіе не исполняющіе, первые называются добродѣтельными, вторые— порочными...

— Все это я понимаю.

— И что дурной примѣръ, подаваемый намъ другими, ни въ какомъ случаѣ не можетъ служить для насъ оправданіемъ...

— И это я понимаю.

— И чтожь?

— Но я понимаю также, что исполненіе обязанностей тогда только можетъ быть легко и удобно, когда существуетъ, такъ сказать, всеобщая игра обязанностей...

— Ты говоришь: *легко и удобно*, но развѣ таковы условія того, что мы разумѣемъ подъ словомъ «обязанности»?

Пріятель мой молчалъ.

— Развѣ самая сущность этого слова не указываетъ тебѣ, что какъ скоро что нибудь достигается *легко* и *удобно*, то оно вмѣстѣ съ тѣмъ уже перестаетъ быть обязанностью?

Пріятель мой, казалось, желалъ меня съѣсть.

— Вспомни Неволина, другъ мой! вспомни, что жизнь наша совсѣмъ не танцклассъ, но горькое препровожденіе времени, что это, такъ сказать, временная тюрьма души...

— О, чортъ побери!

— Что мы только твердымъ перенесеніемъ испытаній (обязанностей то есть) достигаемъ...

Пріятель пожалъ мнѣ руку: онъ былъ видимо тронутъ. Я съ своей стороны ушелъ отъ него съ облегченнымъ сердцемъ. потому что вѣдь и я, коли сказать по правдѣ, исполнилъ свой долгъ, а когда я его исполняю, то всегда чувствую себя облегченнымъ. Тѣмъ не менѣе, справедливость требуетъ сказать, что пріятель мой черезъ двѣ недѣли все-таки не исполнилъ своего долга, т. е. разошелся съ женой окончательно.

Все это привело меня въ совершенно мизантроническое состояніе. Возвращаясь въ Москву по желѣзной дорогѣ, я встрѣтилъ въ вагонѣ кавалера и даму, сидѣвшихъ рядомъ: кавалеръ смотрѣлъ налѣво, дама взирала направо. И повѣрите ли, я такъ былъ

разстроенъ, что увѣрилъ себя, что это непремѣнно сидятъ мужъ и жена, неисполняющіе взаимныхъ обязанностей. Въ моей головѣ сложился за нихъ даже цѣлый мысленный разговоръ, ибо, вслѣдствіе нервическаго раздраженія, я сдѣлался почти ясновидящимъ.

— А я въ Москвѣ увижу мсьё Кормилицына! думала дама (она этого не думала, но я знаю навѣрное, что думала).

— А я въ Москвѣ увижу мадамъ Попандопуло! думалъ кавалеръ (и онъ тоже не думалъ, но думалъ).

И на силу-то могъ я успокоиться въ Москвѣ чтеніемъ «Московскихъ Вѣдомостей».

Признаюсь, все это сильно меня озабочиваетъ, ибо въ этихъ фактахъ я вижу признаки крайняго упадка нравственности. Общество, лишенное нравственности (а что такое нравственность, какъ не безпрерывное служеніе долгу?), на что можетъ быть годно? Оно годно единственно на то, чтобы распространять сѣмена самой пагубной безнравственности. Опредѣленіе это, конечно, похоже на каламбуръ, но вѣдь, въ сущности, что же такое каламбуръ? Въ сущности, каламбуръ есть сама истина, но только оклеветанная. Если я скажу, напримѣръ, что добродѣтельный человѣкъ всегда добръ — по видимому, это будетъ каламбуръ, но на самомъ дѣлѣ, что же можетъ быть святѣе этой истины? Вообще, истину я разумѣю такъ, что она опредѣляется сама изъ себя: стоитъ только изъ существительнаго сдѣлать прилагательное—вотъ и истина. Мерзецъ мерзокъ, сквернецъ скверенъ, милка милъ и т. д., и т. д.

Для разъясненія своихъ сомнѣній, я обращался къ самымъ, что называется, присяжнымъ людямъ безнравственности, къ тѣмъ, для которыхъ сказать, что долгъ — пустяки, что нравственность — химера, точно такъ же легко, какъ мнѣ плюнуть и растереть. И что же вы, думаете, они отвѣтили мнѣ на это! А просто отвѣтили, что есть у всякаго человѣка свое дѣло, которое можетъ быть привлекательнымъ или непривлекательнымъ. По ихъ понятіямъ, если общество находится въ нормальномъ положеніи, то никакое дѣло не можетъ быть непривлекательнымъ, ибо нѣтъ того человѣка, который бы, въ данную минуту, не былъ расположенъ къ какому бы то ни было дѣлу. Надобно, говорятъ они, только воспользоваться разнообразіемъ человѣческихъ способностей и склонностей и тѣмъ почти безконечнымъ дробленіемъ, которому можетъ подлежать человѣческій трудъ.

На это я шепнулъ имъ на ухо такое занятіе, однимъ названіемъ котораго надѣялся привести ихъ въ смущеніе. Къ удивленію моему, они, однакожь, не смутились, и отвѣчали: во первыхъ, что на мой аргументъ, какъ на глупый, не слѣдуетъ и вниманіе обращать; во вторыхъ, что исключеніе, еслибъ это и было исключеніе, не можетъ быть признано за общее правило; въ третьихъ, что потребность въ подобныхъ занятіяхъ, съ введеніемъ различныхъ техническихъ усовершенствованій, съ каждымъ днемъ дѣлается все меньшею и меньшею, и въ четвертыхъ, наконецъ, что если мы будемъ глубже вникать въ существо человѣческихъ способностей, то, конечно, и для этого рода занятій найдемъ *дѣятелей*.

Да, «дѣятелей»; такъ и сказали: «дѣятелей». Да еще прибавили: «вѣдь находятся же люди, способные исполнять должность публицистовъ — ну, вотъ эти люди и займутся тѣмъ дѣломъ». Ну, скажите на милость!

Нѣтъ надобности, я полагаю, говорить, что все это не что иное, какъ пошлое остроуміе, на которое и отвѣчать не стоитъ. Ибо не безъизвѣстно всѣмъ и каждому, что есть, именно есть въ природѣ такія занятія, которыхъ никто, даже публицисты исполнять не согласится. Поэтому-то, занятія сіи производятся исключительно ночью, поэтому-то люди, предающіеся имъ, называются людьми худородными. А по вашему какъ? Не считать ли ужь ихъ героями? Не вѣнчать ли лаврами? Тьфу!

Желалъ бы я знать, какимъ образомъ они объяснятъ отношенія Марьи Петровны Воловитиновой къ ея дѣтямъ? Знаю. Они скажутъ, что если Сеничкѣ пріятнѣе быть съ своими начальниками, нежели съ матерью, то пусть и будетъ онъ съ своими начальниками; что если Марьѣ Петровнѣ нравится больше буянъ Ѳединька, то это значитъ, что между ними есть сходство характеровъ, и что, стало быть, она совершенно въ своемъ правѣ; что все взаимное недовольство, поселившееся въ этомъ семействѣ, именно и происходитъ вслѣдствіе тѣхъ принудительныхъ отношеній, которыя ихъ связываютъ. Ну, а наслѣдство-то какъ, милостивые государи! наслѣдство-то? «А наслѣдство», скажутъ они...

Тьфу!

Знаю я также, что они и поступки Попкова *старшаго* съ своей точки зрѣнія найдутъ удовлетворительными, да и пріятеля моего (того, который съ женою разошелся) кстати оправдаютъ.

«Всѣ эти люди, скажутъ они, каждый самъ по себѣ!» Сами по себѣ! а дѣти-то, милостивые государи! дѣтей-то кудажь дѣвать? «А дѣтей», скажутъ они...

Тьфу!

По этой ужасной теоріи, всякій человѣкъ живетъ не для исполненія своего долга, а для удовольствія; даже дѣти, малолѣтнія дѣти составляютъ свое особое общество, какъ и взрослые, и родители не только не смѣютъ ихъ наказывать, но и совѣтовать могутъ только умѣренно, а отнюдь не надоѣдать... Да и кто эти дѣти? Кто эти родители? О, Боже! отцы большею частью неизвѣстны!

Тьфу, тьфу и тьфу!

Н. ЩЕДРИНЪ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

СТАРЫЯ НЕДОРАЗУМѢНІЯ.

Исторія русской словесности древней и новой. Сочиненіе *А. Галахова*. Томъ I. (Исторія древней русской словесности. — Исторія новой до Карамзина). Спб. 1863.

Сочиненіе г. Галахова уже довольно давно ожидалось людьми, занимающимися русской литературой и ожидавшими найти въ книгѣ учебникъ, въ которомъ давно нуждаются наши учебныя заведенія. Книга будетъ, вѣроятно, встрѣчена съ любопытствомъ, потому что у насъ давно уже не появлялось сколько нибудь сносныхъ книгъ подобнаго рода, представляющихъ полный обзоръ нашей литературы, и послѣднее время ставитъ для такого труда новые вопросы и задачи. Изученіе старины приняло теперь у насъ такіе размѣры, что оно стремится даже къ цѣлой реформѣ нашихъ историческихъ взглядовъ на прошедшее, а затѣмъ и на настоящее русскаго народа. Г. Галаховъ не былъ никогда археологомъ и изслѣдователемъ старыхъ памятниковъ, но старина вошла и въ его планъ, такъ что въ его книгѣ долженъ былъ явиться на сцену и спорный вопросъ о народной исторіи, раздѣляющій двѣ стороны.

Намъ уже не разъ случалось говорить о томъ взглядѣ на эту

народную исторію, который проповѣдуютъ отчасти славянофилы, отчасти присоединяющіеся къ нимъ теперь разные изслѣдователи народной старины. Въ послѣднее время этотъ взглядъ начинаетъ больше и больше расширять свои притязанія и даже покушается примѣнять ихъ на дѣлѣ. Въ прошлой книжкѣ «Современника» читатель могъ познакомиться съ художественно-византійскими стремленіями братства, основаннаго въ Москвѣ и коренящагося прямо въ названныхъ нами новѣйшихъ взглядахъ. Главнѣйшимъ представителемъ ихъ въ настоящую минуту служитъ г. Буслаевъ: въ свое время онъ иначе смотрѣлъ на предметъ своего изученія; въ немъ до нѣкоторой степени и до сихъ поръ уцѣлѣла нелюбовь къ мистическимъ толкованіямъ г. Безсонова, къ піэтистской мономаніи г. Шевырева. Г. Буслаевъ, конечно, правъ въ этой нелюбви; и тотъ, и другой не имѣютъ тѣхъ научныхъ пріемовъ критики, которыми владѣетъ г. Буслаевъ, но если дѣло идетъ о конечныхъ результатахъ, которые выводятся изъ изученія, г. Буслаевъ въ своихъ послѣднихъ произведеніяхъ заходитъ съ ними едва ли не туда же, куда г. Шевыревъ и Безсоновъ. Какъ для нихъ, такъ и для него, русская народная жизнь опредѣляется стариной, ея народными миѳами и повѣрьями, ея житейскими обычаями и правилами: это содержаніе принимается за непреложную мѣрку народности, и то, что не подходитъ подъ нее, отвергается, какъ незаконное и фальшивое. У г. Шевырева было такъ же, но у того была одна любимая идея, которой онъ удовлетворялся: онъ приписывалъ древней Руси и навязывалъ новому народу—иноческое смиреніе и приниженіе личности; дальше онъ не шелъ, его на этомъ и оставили. Г. Буслаевъ находитъ въ старинѣ больше разнаго рода предметовъ, опредѣляющихъ народность и минимо-обязательныхъ для ея нормальнаго развитія. Онъ, конечно, не такъ откровененъ, какъ былъ г. Шевыревъ, и не такъ легко высказываетъ свои задушевные идеалы, но до нѣкоторой степени они могутъ быть констатированы: древняя поэзія, по словамъ его, даетъ образцы для новой; древнее «художество» онъ даже прямо рекомендуетъ... Ясно, что дѣло не ограничивается одной поэзіей и однимъ художествомъ: то и другое представляетъ собой извѣстный порядокъ идей и извѣстный характеръ образованія и культуры; если одобряются поэзія и художество извѣстнаго свойства, то поощряется конечно и характеръ образованія, которому они принадлежатъ. Въ этомъ случаѣ г. Буслаевъ совершенно сойдется съ г. Безсо-

новымъ, по мнѣнію котораго наше спасенье и нашъ идеалъ должны заключаться въ калѣкахъ перехожихъ, и наши общественные и политическіе взгляды основаться на взглядахъ IX вѣка, временъ изобрѣтенія кириллицы. По этой теоріи народность есть нѣчто неизмѣнное и опредѣленное отъ вѣка: ея содержаніе установлено одинъ разъ на всегда, и позднѣйшая жизнь ея только развиваетъ это содержаніе; такъ недавно высказывалъ эту теорію г. Владиміръ Ламанскій, котораго, конечно, не откажутся признать ея московскія послѣдователи. Это—своего рода «врожденныя идеи».

Эта тенденція литературы многими своими чертами напоминаетъ нѣмецкій романтизмъ: такое же погруженіе въ старину народныхъ преданій, такое же тевтонство (въ переложеніи на русскій ладъ) будто бы разрѣшающее всѣ вопросы жизни и науки, тоже пренебреженіе къ требованіямъ современности и измѣнившимся условіямъ дѣйствительной жизни. Романтизму была, наконецъ, какъ извѣстно, свойственна и извѣстная отсталость въ пониманіи этихъ послѣднихъ вещей. Погружаясь въ очарованіе средневѣковой миѳологіи, поэзія подавала — иногда и не желая того—руку и средневѣковому феодализму, а затѣмъ и современнымъ феодаламъ. Штольбергъ, переходившій изъ крайняго романтическаго бѣшенованья въ ряды отъявленныхъ реакціонеровъ, былъ явленіемъ весьма послѣдовательнымъ. Читателямъ, вѣроятно, извѣстно, какія исторіи въ подобномъ родѣ выходили въ былое время съ «Русской Бесѣдой» и «Днемъ».

Въ вопросахъ литературныхъ, эта тенденція питаетъ склонность къ тому, что написано по крайней мѣрѣ въ XVII-мъ столѣтіи и гдѣ говорится о камнѣ-алатырѣ и тому подобныхъ предметахъ. Все новѣйшее она признаетъ мало; славянофильская вѣтвь этого направленія дѣлаетъ здѣсь исключеніе для произведеній, восхваляющихъ старину или преувеличенно восторгающихся народностью: въ свое время она объявила «Семейную Хронику» С. Аксакова высшимъ пунктомъ, какого только достигала русская литература, теперь восхищается повѣстями г-жи Кохановской. Другая вѣтвь, не собственно славянофильскаго происхожденія, точно такъ же не оказываетъ любви къ литературѣ послѣ-петровской: высшіе идеалы ея тамъ, гдѣ она находитъ непосредственное народное творчество, и къ литературѣ XVIII-го вѣка, и даже XIX-го, она питаетъ плохо-скрываемую антипатію.

Такого рода элементы были внесены въ послѣднее время въ изученіе нашей старины, за которую принимается теперь г. Галаховъ, и мы считаемъ нужнымъ указать на нихъ потому, что авторъ новой исторіи русской литературы объясняетъ въ предисловіи, что въ той части своего труда, которая касается старины, онъ руководился въ особенности совѣтами г. Буслаева.

Касательно своего взгляда на предметъ и способъ изложенія г. Галаховъ говоритъ слѣдующее: «согласно двумъ сторонамъ словесныхъ произведеній, послѣднія разсматриваются мною съ двухъ точекъ зрѣнія: исторической и литературной. Читатель увидитъ, что книга моя даетъ перевѣсъ первой точкѣ зрѣнія, особенно въ новомъ періодѣ словесности, которымъ я больше занимался. Критика историческая, опредѣляющая дѣятельность автора по ея отношенію къ времени, въ которое она имѣла мѣсто, гораздо любопытнѣе и плодотворнѣе. Главное ея вниманіе обращено на взаимнодѣйствіе литературы и современной эпохи; она показываетъ, какъ эта эпоха отражается въ литературѣ, и какъ литература, въ свою очередь, дѣйствуетъ на понятія эпохи. Въ словесныхъ произведеніяхъ она по преимуществу цѣнитъ ихъ *образовательную силу*, тѣ понятія и убѣжденія, которыя были ими вносимы въ оборотъ жизни и посредствомъ которыхъ *возвышался умственный уровень общества*. Авторское достоинство измѣряетъ она не одною степенью литературнаго искусства, но качествомъ образа мыслей, который сообщаетъ сочиненіямъ извѣстное направленіе. Она требуетъ, чтобы явленія слова, удовлетворяя эстетическому чувству, въ то же время *содѣйствовали распространенію идей истины и правды*, чтобы художественная форма соединялась въ нихъ съ *просвѣтительнымъ* содержаніемъ. На основаніи этого я далъ больше простора изложенію отечественной литературы двухъ послѣднихъ столѣтій: въ это время, виднѣе чѣмъ когда либо, она была орудіемъ культуры, усвоивая и передавая русскому обществу начала западно-европейской цивилизаціи. Но отсюда не слѣдуетъ однакожь, чтобы я *не питалъ сочувствія* къ древнему періоду нашей словесности. Напротивъ, книга моя постоянно обнаруживаетъ уваженіе къ прошлому, постоянно выставляетъ заслуги нашихъ писателей умственнымъ и художественнымъ интересамъ родной страны, постоянно даетъ знать, что если наша словесность еще не имѣетъ всемірно-историческаго значенія, то она имѣетъ великое значеніе для успѣховъ русской мысли, русскаго слова, русскаго изящнаго вкуса, что

изучать ее, для каждаго изъ насъ, есть дѣло обязанности и любви».

Изъ этихъ словъ оказывается, что г. Галаховъ едва ли признаетъ теорію «врожденныхъ идей», о которой мы говорили. Въ сравненіи съ нашими романтиками, онъ остается вѣренъ классическимъ преданіямъ и предпочитаетъ старинѣ литературу двухъ послѣднихъ столѣтій, потому что видитъ въ ней (и по нашему мнѣнію, совершенно справедливо) больше просвѣтительныхъ началъ. Но, для избѣжанія односторонности, въ которой его могли бы упрекнуть, г. Галаховъ прибавляетъ, что отсюда не слѣдуетъ, чтобы онъ не питалъ сочувствія и т. д., впрочемъ не мотивировалъ своего сочувствія такъ, какъ бы это было желательно, и какъ онъ мотивировалъ свое предпочтеніе двухъ послѣднихъ столѣтій. Г. Галаховъ очевидно подчинялся своимъ авторитетамъ и полагалъ, что о старинѣ нельзя и писать иначе, чѣмъ онъ находилъ въ своихъ образцахъ.

Это замѣтно и въ самой книгѣ. Если самъ онъ въ предисловіи особенно указываетъ просвѣтительную важность двухъ послѣднихъ столѣтій, это заставляетъ подразумѣвать, что подобной просвѣтительности не было въ предыдущіе вѣка, что они стоятъ въ иномъ положеніи относительно этого начала. Авторъ, какъ и слѣдуетъ, начинаетъ опредѣлять характеръ старой письменности религіозными ея качествами, христіанскимъ просвѣщеніемъ, двоевѣріемъ народной поэзіи, т. е. вещами, болѣе или менѣе извѣстными, но не высказываетъ положительно своего мнѣнія о томъ, въ какое именно отношеніе эта старая письменность становится къ новой просвѣтительной литературѣ, какія мѣста должны быть отведены имъ въ цѣлой исторіи литературнаго развитія, котораго они служатъ періодами. Г. Галаховъ сопоставляетъ ихъ механически, сообщаетъ факты, не давая имъ того или другаго освѣщенія, какое даютъ имъ люди различныхъ взглядовъ на старину, и предоставляетъ читателю догадываться, какой собственно выводъ долженъ быть сдѣланъ изъ этихъ фактовъ. Въ новой литературѣ онъ остается классикомъ и настаиваетъ на ея просвѣтительномъ значеніи; въ древней онъ слѣдуетъ совѣтамъ и сочиненіямъ г. Буслаева, т. е. въ одно и то же время принимаетъ двѣ разныя теоріи съ различными идеалами. Въ древней литературѣ онъ держится народности, развивающейся изъ самой себя и изъ себя почерпающей свое содержаніе; въ новой литературѣ онъ даетъ силу чужимъ западнымъ

вліяніямъ и въ ихъ развитіи на русской почвѣ видитъ прогрессъ сознательнаго литературнаго движенія. Очевидно, что такимъ образомъ книга едва ли можетъ достигнуть своей цѣли, которая должна заключаться въ цѣльномъ изложеніи развитія, построенномъ на одной основной идеѣ.

«Исторія» начинается съ извѣстныхъ опредѣленій литературы или «словесности» или «словесныхъ произведеній», что «литература состоитъ въ тѣсной связи съ жизнію народа», что въ словесности «выражается личность народа», какъ въ «слогѣ выражается личность писателя» и т. п. Все это по видимому не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, но по понятіямъ той школы, которой отчасти рѣшился руководствоваться г. Галаховъ, эти положенія недостаточно вѣрны: литература XVIII и даже XIX столѣтія, по ихъ мнѣнію не выражаетъ личности народа, но напротивъ такъ далека отъ этой личности, какъ только возможно. То, въ чемъ г. Галаховъ находитъ совершенно естественный ходъ образованія, гдѣ онъ видитъ просвѣтительныя начала, тамъ г. Ламанскій напр. видитъ одно искаженіе естественнаго хода (а г. Галаховъ увѣдомляетъ, что онъ пользовался между прочимъ рукописными лекціями г. Ламанскаго о Ломоносовѣ,—«Современникъ» уже говорилъ объ этихъ лекціяхъ,—и г. Галаховъ приноситъ ему за это благодарность), гдѣ газета «День» находитъ одну ложь и отрицаніе народности. Авторъ можетъ сказать намъ, что онъ не держится подобной точки зрѣнія, но его авторитетъ въ русской старинѣ держится такихъ же понятій о народныхъ началахъ, что можно видѣть хоть изъ его привязанности къ древне-византійскому художеству, которымъ онъ надѣется исправить наше современное ложное художество. Это противорѣчіе двухъ взглядовъ до такой степени опредѣлилось въ нашей литературѣ, что мы вправѣ требовать отъ новой книги, обширно трактующей о русской литературѣ, того или другаго разрѣшенія этого противорѣчія. Г. Галаховъ оставляетъ его необъясненнымъ.

Что народъ не выразился въ нашей литературѣ, это оказывается у самаго г. Галахова, даже и для древняго періода. Онъ говоритъ: «При естественномъ, *ничѣмъ не возмущаемомъ* развитіи жизни и просвѣщенія, народная литература служитъ основаніемъ литературѣ искуственной: послѣдняя возрастаетъ изъ первой, какъ изъ своего роднаго корня. Такое нормальное явленіе видимъ у грековъ: религіозные хоры въ честь Вакха сдѣлались

у нихъ источникомъ богатой драматической поэзіи. Но если, по какимъ либо обстоятельствамъ, нарушено правильное отношеніе начальнаго поэтическаго творчества къ дальнѣйшему его ходу, тогда народная литература становится предметомъ (?) отдѣльнымъ отъ литературы искусственной: онѣ идутъ врозь, не оказывая надлежащаго взаимнаго вліянія. Такая судьба выпала нашей словесности... Причина тому въ особыхъ историческихъ условіяхъ нашего просвѣщенія. Принятіе христіанской вѣры было у насъ вмѣстѣ и началомъ духовной литературы, имѣвшей единственною цѣлію водворять и распространять христіанскія начала. Такая литература чисто образовательнаго направленія не только заняла первое мѣсто, но и стала въ непріязненное отношеніе къ народной поэзіи, воспитанной на язычествѣ»... (стр. 28). Это разъединеніе и нарушеніе нормальнаго развитія было примирено слѣдующимъ образомъ: «Стѣсненное въ своемъ развитіи, народное творчество не осталось однакожь безъ всякаго вліянія на письменность. Книжная ученость примирялась съ безыскусственной поэзіей, заимствуя у нея нѣкоторые элементы и потомъ сама производя на нее извѣстное вліяніе. Примиряющею средою служило искреннее вѣрованіе, въ которомъ *органически сливались* два враждебные элемента: миѳологическій, свойственный народному эпосу, и христіанскій, принадлежащій литературѣ письменной... (стр. 29). Примѣръ Греціи, весьма исключительный, намъ кажется, ничего не объясняетъ въ этомъ случаѣ. Если самъ г. Галаховъ находитъ, что «принятіе христіанства Россіею было и началомъ ея просвѣщенія» (стр. 35), то мы полагаемъ, что путь, по которому народъ приходитъ къ просвѣщенію, и есть правильный путь его развитія; другой цѣли, кромѣ просвѣщенія, и не должно быть у народа, способнаго къ развитію и культурѣ, слѣдовательно, и нечего говорить о возмущеніяхъ развитія, нарушенія правильныхъ отношеній и объ отрываніи отъ народнаго корня. Это отрываніе отъ корня могло бы быть прискорбно для тѣхъ, кто вѣритъ въ народность предопредѣленную отъ начала, кто всю цѣну самобытнаго историческаго развитія народа находитъ въ развитіи его самобытной миѳологіи; объ этомъ отрываніи отъ корня жалѣютъ и ученые, которыхъ интересуютъ вопросы о томъ, въ какой формѣ существовалъ напр. миѳъ о Перунѣ, какое было полное содержаніе подлинной языческой космогоніи у русскихъ славянъ и т. п., вещи, о которыхъ мы знаемъ теперь очень мало именно изъ-за того,

что христіанство оборвало нити этихъ преданій. Съ другой точки зрѣнія, просвѣтительной, которую собственно и предпочитаетъ г. Галаховъ, вопросъ объ этомъ отрываніи отъ корня принимаетъ иной видъ: по его собственнымъ словамъ, введеніе христіанства было началомъ русскаго просвѣщенія, слѣдовательно, если оно и нарушило языческую старину, это нарушеніе было историческимъ прогрессомъ. Есть основаніе думать, что это и дѣйствительно было такъ, тѣмъ больше, что мы не знаемъ языческой славянской цивилизаціи, которая бы могла служить намъ для сравненія. Введеніе христіанства, мимо своего внутренняго значенія для народной жизни, дало и ту выгоду, что поставило русскихъ славянъ на европейскую историческую почву, которая въ концѣ концовъ одна могла обѣщать имъ европейскую культуру.

Мы видѣли, что о значеніи принятія христіанства г. Галаховъ выразился весьма категорически. Онъ утверждаетъ, что «духовенство, какъ сословіе *высшее* по своему образованію и *нравственнымъ качествамъ*, служило важнѣйшимъ орудіемъ въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія» (стр. 35). За тѣмъ г. Галаховъ выводитъ, что духовенство́ и сообщило умственному движенію нашего отечества направленіе религіозное, удержавшееся во все продолженіе древняго періода. Впрочемъ, ближайшія черты этого направленія остаются неопредѣлены. Г. Галаховъ нашелъ нужнымъ говорить о византійскомъ вліяніи, но читателю трудно извлечь изъ его замѣчаній какой нибудь положительный выводъ. Онъ характеризуетъ византійскую литературу выдержками изъ исторіи греческой литературы Бернгарди, и характеристика состоитъ приблизительно въ слѣдующемъ: «Почва византійской словесности — христіанство. Всѣ ея произведенія носятъ на себѣ печать религіозности... Самое значительное участіе принимали въ литературѣ духовныя особы (лица?)... Преподаваніе и библіотеки перешли въ ихъ руки... Выборъ древнихъ авторовъ опредѣляется взглядомъ духовенства: что имѣло близкое отношеніе къ его занятіямъ, то чаще переписывалось... Отъ смѣшенія древнихъ классиковъ съ твореніями духовныхъ писателей образовался византійскій слогъ... Слогъ этотъ отдѣлилъ *сочинителей* (и сочиненія, вѣроятно?) отъ народа и разорвалъ связь между языкомъ письменнымъ и языкомъ народнымъ... Бернгарди произноситъ строгій приговоръ всей византійской словесности, приговоръ, *раздѣляемый* и другими учеными (и что же? вѣрный или

невѣрный?): онъ видитъ въ ней литературу упадка и безсилія, всякое отсутствіе самодѣятельности и творчества, замѣненныхъ сухимъ компиляторствомъ, мертвую схоластику, при которой нѣтъ мѣста свободному развитію мысли и чувства» (стр. 37—38). Авторъ прибавляетъ, что такой же неблагопріятный отзывъ, по отношенію къ собственно духовнымъ произведеніямъ византійской литературы, дѣлаетъ и извѣстный историкъ русской церкви Филаретъ. Не смотря на всю важность предмета, самъ г. Галаховъ не приводитъ никакого собственнаго мнѣнія, хотя конечно довольно удобно могъ бы познакомиться съ характеромъ византійской литературы и изъ тѣхъ ея произведеній, которыя онъ могъ найти въ русскихъ и старославянскихъ, переводныхъ и подражательныхъ памятникахъ. Здѣсь опять, въ книгѣ, предназначенной быть учебникомъ, г. Галаховъ оставляетъ своего читателя въ жертву сомнѣній и недоумѣній: если таковъ былъ, по приведеннымъ выше авторитетамъ, характеръ византійской литературы, какія же слѣдствія имѣлъ онъ для древней русской и южнославянской письменности, которыя питались изъ византійскаго источника?

Это вопросъ совершенно серьезный въ историческомъ смыслѣ. Памятники старой литературы, поучительные, историческіе, легендарные, носятъ на себѣ такой ясный отпечатокъ византійской школы, что изслѣдованіе отношенія этой школы къ формамъ древней русской культуры дѣлается первостепеннымъ историческимъ вопросомъ. Г. Галаховъ не занимается имъ нисколько: онъ, по старому обыкновенію, начинаетъ пересчитывать творенія Никифора, Кирилла Туровскаго и т. д., излагаетъ ихъ содержаніе, и читатель, ожидающій историческаго развитія, прямо послѣ введенія христіанства съ удивленіемъ встрѣчаетъ философа, въ родѣ Никифора, или краснорѣчиваго оратора со всѣмъ запасомъ реторическихъ тонкостей, въ родѣ Кирилла Туровскаго. Въ объясненіе говорятъ только напримѣръ, что высокимъ образцомъ для Кирилла Туровскаго служилъ Іоаннъ Златоустъ, и считаютъ дѣло покончеинымъ. Несомнѣнно, что и Никифоръ, и Кириллъ, и много другихъ подобныхъ явленій старой нашей литературы, были результатами византійскаго вліянія, но остается еще объяснить, какія стороны византійскаго содержанія дѣйствовали въ этомъ случаѣ на русской почвѣ, было ли благотворно или неблаготворно соединеніе разныхъ элементовъ византійской культуры съ первобытными русскими началами и т. д.

Г. Галахову извѣстно, сколько разныхъ комбинацій можетъ происходить отъ факта, который называютъ общимъ отвлеченнымъ именемъ «вліянія», и который заключаетъ въ себѣ много частныхъ подробностей, иногда весьма разнорѣчиваго свойства. Смотря потому, какія изъ этихъ подробностей останавливаютъ на себѣ вниманіе наблюдателя, одно и то же «вліяніе», можетъ быть, даже людьми совершенно добросовѣстными, признано или чрезвычайно благотворнымъ, или крайне вреднымъ: г. Галаховъ признаетъ за реформой Петра благотворность, а гг. Аксаковы видятъ въ ней одну ложь; г. Галаховъ видитъ во вліяніи европейскихъ литературъ XVIII-го вѣка свойства просвѣтительныя, а для славянофиловъ и ихъ новѣйшихъ единомышленниковъ нѣтъ ничего хуже «петербургскаго періода», на который они сваливаютъ все, что имъ не нравится въ современной русской дѣйствительности. Наконецъ, самъ г. Галаховъ, находящій благотворность въ реформѣ и вліяніи западныхъ литературъ, знаетъ конечно и дурныя стороны этихъ вліяній....

Какимъ образомъ всѣ эти и подобныя условія прилагаются къ византійскому вліянію, авторъ оставляетъ неразобраннымъ; но только при объясненіи этого намъ и будетъ понятно дѣйствительное положеніе древняго русскаго «просвѣщенія», которое изображаетъ намъ г. Галаховъ, и значеніе на русской почвѣ тѣхъ плодовъ философіи и краснорѣчія, которые находитъ онъ въ нашихъ древнихъ памятникахъ. Немужно представлять себѣ, чтобы словами «византійское вліяніе» обозначался какой нибудь одинъ фактъ. Мы уже замѣтили, что подъ это отвлеченное понятіе подводится цѣлая масса фактовъ, и весьма различнаго свойства. Византія способствовала введенію у насъ христіанства; она дала намъ греческую іерархію и греческія церковныя понятія, каноническое право, памятники историческіе, поучительные, догматическіе, легендарные, поэтическіе, суевѣрные (апокрифическая литература), помогла развитію нашей грамоты, познакомила съ искусствами (архитектура храмовъ, живопись, мозанка), передала намъ много своихъ обычаевъ, и т. д., и т. д. Изъ всѣхъ этихъ явленій, одно принятіе самыхъ истинъ религіи собственно не входитъ въ число явленій, составляющихъ спеціально-византійское вліяніе, потому что христіанство не было явленіемъ византійскимъ. Но какъ посредствующее звѣно, она сообщила русской культурѣ множество своихъ собственныхъ произведеній и качествъ, нами указанныхъ; и относительно ихъ

историкъ древней русской литературы долженъ составить себѣ ясное и опредѣленное понятіе, если хочетъ стать выше піэтизма г. Шевырева и мистицизма г. Безсонова. Если Бернгарди, приводимый г. Галаховымъ, видитъ въ византійской литературѣ только упадокъ и безсиліе, только отсутствіе самостоятельности и творчества, замѣненныхъ сухимъ компиляторствомъ, только мертвую схоластику, при которой нѣтъ мѣста свободному развитію мысли и чувства; если къ этому сужденію присоединяется и приговоръ лучшаго историка русской церкви; если къ этимъ качествамъ мы прибавимъ еще одно—крайнее развитіе фантастики, часто совершенно безплодной и безсодержательной, въ легендахъ и особенно апокрифическихъ книгахъ (отвергавшихся самой церковью),—то необходимымъ образомъ является мысль, что вліяніе среды, отличавшейся этими свойствами, должно было имѣть неблагопріятныя слѣдствія для свѣжаго народнаго быта, который долженъ былъ этому вліянію подчиниться. Изъ исторіи легко видѣть, что это дѣйствительно такъ и было. Въ эту свѣжую жизнь Византія вмѣстѣ съ здоровыми культурными началами передавала и крайности своего упадка и безсилія, своего отсутствія самодѣятельности, мертвой схоластики, своего недостатка въ свободной мысли и чувствѣ, своей фантастики и наконецъ своихъ общественныхъ понятій, оказавшихъ свое сильное дѣйствіе на образованіе политическихъ и общественныхъ понятій старой Руси. Дѣло историка указать, какими путями проникали къ намъ эти литературныя и общественныя начала, чѣмъ они выразились въ русской жизни и какой слѣдъ оставили въ дальнѣйшемъ историческомъ развитіи..

Не входя въ подробности, мы замѣтимъ нѣкоторые факты изъ этого порядка. Когда упомянутый выше Никифоръ, въ своемъ посланіи, пускается въ схоластическія толкованія о разумѣ, чувствѣ и волѣ, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что его терминологія («словесное», «яростное» и «желанное») и выраженныя ей понятія должны были представиться крайне дикими древнерусскому читателю, который тогда нуждался конечно въ чемъ нибудь попроще. Если Кириллъ Туровскій трудился надъ словоизвитіями своего краснорѣчія, они были конечно удачной копіей съ византійскаго, но были безъ сомнѣнія мало понятны для его древнихъ слушателей, большинство которыхъ было конечно безграмотно и точно такъ же не понимало нѣсколько кудревато писанныхъ книгъ, какъ продолжаетъ не понимать ихъ и въ настоящую

минуту. Кириллъ Туровскій былъ писатель несомнѣнно византійскій; дѣйствіе его конечно простиралось только на однихъ грамотниковъ, его реторическія фигуры могли оставить только дурную привычку въ его подражателяхъ...Черезъ подобныхъ писателей въ нашей древней литературѣ дѣйствительно распространилась чрезвычайная привязанность къ темному кудреватому стилю, который сталъ считаться необходимой принадлежностью «учительнаго» писанія. Многочисленные переводы съ «византійскаго» распространили эту манеру такъ, что люди отвыкли наконецъ говорить просто и прямо то, что они думали и чувствовали. Всего хуже было конечно то, что съ этой фразеологіей соединялся весьма узкій кругъ понятій, который переходилъ отъ поколѣнія къ поколѣнію, нисколько не подвигая ихъ впередъ. Здѣсь и сказалось то отсутствіе самодѣятельности и господство мертвой схоластики, въ которыхъ Беригарди обвиняетъ византійскую литературу. Не смотря на всѣ успѣхи просвѣщенія этого рода, которые г. Галаховъ старательно высчитываетъ въ своей книгѣ, уже къ царствованію Грознаго лучшіе люди изъ духовенства жаловались, что даже въ этомъ сословіи, высшемъ по образованію и нравственнымъ качествамъ—какъ говоритъ г. Галаховъ, господствовало крайнее невѣжество, затруднявшее даже исполненіе церковныхъ обрядовъ: письменность указаннаго нами свойства мало могла развивать грамотную массу, и отсюда та привязанность къ внѣшней формалистикѣ буквъ и обряду, къ фантастическому суевѣрію, которыя обнаружились при первыхъ вспышкахъ раскола, въ цѣлыхъ массахъ русскаго народа.

При внимательномъ наблюденіи культурныхъ послѣдствій византійскаго вліянія, историкъ приходитъ къ необходимому выводу, что многія патологическія явленія, оказавшіяся въ жизни древней Руси, должны быть именно приписаны тому историческому явленію, которое называютъ собирательно византійскимъ вліяніемъ. Византійскія формы просвѣщенія, безплодныя на своей собственной почвѣ, оказались столько же безплодны и на почвѣ русской. Византійскіе памятники мало давали и положительнаго знанія: наши библіографы и историки древней литературы, и г. Галаховъ за ними, старательно высчитываютъ, когда у насъ появились переводы какой нибудь греческой грамматики или реторическихъ отрывковъ, переводы хронографовъ, естественно-историческихъ или географическихъ свѣдѣній, но все это было въ сущности крайне бѣдно, эта исторія и географія пере-

мѣшаны были съ миѳологическимъ баснословіемъ, такъ что читатель не находилъ въ нихъ точекъ опоры для положительной мысли, для какихъ нибудь сближеній и выводовъ, и чтеніе только увеличивало запасъ его фантастическихъ представленій. Все реальное знаніе ограничивалось одними традиціонными опытами дѣйствительной жизни. Изрѣдка появляются въ старой литературѣ слѣды чужаго знанія, въ родѣ философскихъ разсужденій Никифора, но они оказывались непригодны на почвѣ, лишенной всякой подготовки, и исчезали безъ всякаго слѣда. Въ XVI столѣтіи ученый Максимъ грекъ въ своихъ опроверженіяхъ латинянъ, столько ненавистныхъ старинному русскому человѣку, вооружается противъ западныхъ школъ, противъ господства аристотелевской философіи, проникавшей даже въ богословскія изслѣдованія, — но вся эта полемика пропадаетъ на вѣтеръ, потому что московскіе читатели Максима грека имѣли конечно самое смутное понятіе объ Аристотелѣ, и всего скорѣе представляли его себѣ христіанскимъ еретикомъ. Дѣйствительная ученость оказывалась не на своемъ мѣстѣ въ литературѣ XVI вѣка: ея не понимали. Въ XVII столѣтіи, когда извѣстная доля схоластическаго образованія была уже распространена въ юго-западной кіевской Руси, въ Москвѣ, крѣпко державшейся стараго византійскаго преданія, продолжалось прежнее закоснѣніе невѣжества. Великолѣпнымъ образчикомъ московскаго образа мыслей въ XVII столѣтіи можетъ служить напечатанное недавно преніе Лаврентія Зизанія съ игуменомъ Иліей и справщикомъ Григоріемъ о катихизисѣ, который былъ составленъ Зизаніемъ и показался неудовлетворительнымъ для оффиціальныхъ московскихъ критиковъ.

«Оппоненты Зизанія, — такъ передаетъ это преніе г. Галаховъ, — нашли предосудительными такіе предметы, которые для кіевскихъ школъ и вообще западно-европейской науки имѣли силу давняго обычая. Ихъ поразили источники, откуда Зизаній почерпалъ доказательства, введеніе посторонних, энциклопедическихъ свѣдѣній въ систему спеціальнаго знанія и особые литературные пріемы изложенія. Что ставится въ упрекъ Зизанію? Его заимствованія изъ Августина, котораго «писанія искажены отъ латинскихъ мудрецовъ на еретическій обычай». И хотя Зизаній возражалъ, что взятое имъ у Августина находится и въ правилахъ Никифора, патріарха цареградскаго, и въ правилахъ Мелетія, архіепископа цареградскаго, — московскіе книжники стояли на своемъ; «еслибъ то было въ Никифоро-

выхъ правилахъ, то было бы и въ правилахъ иныхъ святыхъ отецъ», а «Мелетій писалъ, не прославляя Августинова ученія, но обличая латинскую ересь». Второй упрекъ касается тѣхъ статей, которыя Зизаній вводилъ въ катихизисъ, какъ полезныя дополненія, «вѣдомости ради». Они найдены противными буквальному смыслу библіи. «У тебя, — говорили Лаврентію, — написано о кругахъ небесныхъ, зодіакѣ, солнечномъ затмѣніи, громѣ и молніи, тресповеніи и шибеніи, перунѣ, кометахъ и другихъ звѣздахъ; статьи эти изъ астрологіи, *а астрологія взята отъ еллинскихъ волхвовъ и отъ идолослужителей*: слѣдовательно, книга къ нашему правовѣрію несходна. Развѣ это правда, что облака, надувшись, сходятся, ударяются, и отъ того будто бываетъ громъ и огнь, какъ отъ камня и желѣза? И звѣзды, что на тверди небесной, называешь животными звѣрями! Мы вѣруемъ, какъ написалъ Моисей: и сотвори Богъ два свѣтила великія, и поставн ихъ на тверди небесной свѣтити по земли и владѣти днемъ и нощію, и разлучити между свѣтомъ и нощію; а животными звѣрями (названія созвѣздій) не называлъ ихъ Моисей». Наконецъ, третій упрекъ относится къ наглядному толкованію отвлеченныхъ предметовъ: «въ книгѣ твоей о божествѣ и существѣ его вопросы и отвѣты дерзостно зѣло и смѣло... И кую ты притчу рекъ о человѣкѣ: душа и плоть, какъ орелъ со свиньею, связаны. Въ нашихъ греческихъ книгахъ таковой бесѣды о человѣкѣ не ведется. Намъ кажется, эти простые прилоги взяты изъ книги Езопа, фрянскаго мудреца, баснослагателя». Всѣ эти замѣчанія, очевидно, касаются не сущности ученія, а способа предлагать его учащимся» (стр. 223).

Конечно, и способъ изложенія удивлялъ представителей московской учености, но очевидно также, что они не могли сообразить названій знаковъ зодіака: это уже казалось имъ еллинскимъ, то есть языческимъ волхвованіемъ; они оставались вѣрны старымъ византійскимъ наставленіямъ, предостерегавшимъ ихъ отъ идольскаго служенія. Московская литература, то есть литература сѣверной Руси этого времени, можетъ представить множество примѣровъ подобнаго рода, изъ которыхъ довольно рельефно обнаружится уровень познаній, принадлежавшихъ даже людямъ сравнительно болѣе образованнымъ. Южно-русскіе ученые, которые начали тогда появляться въ Москвѣ, часто оказывались въ томъ же положеніи, какъ и Лаврентій Зизаній въ описанномъ случаѣ. Имъ недовѣряли; науки ихъ боялись, какъ боятся ея всегда въ обществѣ, съ ней незнакомомъ. Такъ недовѣряли и Симеону Полоцкому, и другимъ; знаніе ихъ казалось еретическимъ, потому что было совершенно не похоже на то, къ чему

привыкли русскіе грамотѣи въ своей собственной литературѣ. Эта бѣдность знанія, ограниченнаго одними византійскими источниками, и слабость самостоятельной мысли и, вслѣдствіе того, приверженность къ буквѣ обнаружились наконецъ и въ томъ расколѣ, который открылся по поводу буквы при исправленіи Никономъ книгъ. Для огромной массы людей, и для множества членовъ духовенства въ томъ числѣ, исправленіе языка дѣйствительно казалось нарушеніемъ самой вѣры; по словамъ г. Мельникова, который считается хорошимъ знатокомъ раскола («Рус. Вѣстн.», 1863, апр.), въ расколъ отпали именно люди наиболѣе ревностные къ книжному почитанію и вѣрѣ, а покорились исправленію люди равнодушные.

Такимъ образомъ характеръ *просвѣщенія*, распространявшагося у насъ подъ византійскимъ вліяніемъ, обнаруживается подъ конецъ такими вопіющими явленіями, которыя не могутъ не занять историка. На сколько эта безплодная формалистика вѣрованій была нашимъ собственнымъ дѣломъ и на сколько мы обязаны ей этому постоянному вмѣшательству византійскихъ наставниковъ, — прямому или посредственному? Конечно, было много своихъ домашнихъ условій, которыя мѣшали развитію мысли и задерживали образованіе, какъ татарскія нашествія, матеріальныя бѣдствія, затруднительность сношеній, но первыя основанія религіозно-нравственной жизни, образованія, иноческихъ обычаевъ, формъ благочестія, каноническихъ понятій и т. п. положены были по византійскимъ началамъ и, слѣдовательно, во всякомъ случаѣ должны носить въ себѣ слѣды ихъ дѣйствія. — Новый историкъ нашей древней литературы, какъ и прежніе, не объяснилъ этого вопроса.

Христіанскій элементъ образованія встрѣтился въ древней Руси съ народнымъ язычествомъ и естественно съ самаго начала сталъ къ нему во враждебное отношеніе. Язычество преслѣдовалось прозелитами новаго ученія и, какъ бывало обыкновенно въ средневѣковыхъ встрѣчахъ христіанства съ языческими религіями, оно объявлено было бѣсовскимъ, религіей злаго духа. Вмѣстѣ съ языческими религіозными обрядами подверглось преслѣдованію и все, что сопровождало ихъ, народныя празднества, обрядныя пѣсни, пѣсни миѳическія, однимъ словомъ, весь объемъ народной поэзіи, гдѣ духовенство видѣло какіе нибудь признаки старыхъ вѣрованій. Съ обычаями религіозными были въ связи и обычаи жизни семейной и общественной, которые, ко-

нечно, раздѣлили ту же участь. Такимъ образомъ, введеніе христіанства становилось широкой реформой основныхъ формъ быта, основныхъ космогоническихъ и религіозныхъ представленій народа, т. е. всего того, что составляетъ отличительное свойство народа, его народность. Реформа шла такъ глубоко, что народная масса при всей своей податливости, при всей покорности внѣшнимъ требованіямъ, долго еще сберегала по захолустьямъ прадѣдовскую вѣру и обычаи: въ XIV столѣтіи церковные учители еще обличаютъ живое язычество, остатки его указываютъ даже и въ XVI—XVII столѣтіяхъ.

Это явленіе наши историки литературы называютъ нарушеніемъ правильнаго развитія народной словесности и находятъ его довольно печальнымъ явленіемъ. Но на комъ лежитъ вина? Едва ли на духовенствѣ, т. е. почти единственномъ тогда грамотномъ сословіи, едва ли на немъ, потому что человѣкъ, пріобрѣвшій даже тѣ ограниченныя познанія, какія могли дать тогдашнія книги, не могъ не предпочесть ихъ сознательнаго содержанія той безсознательной миѳологіи, которую могла представить «народность». Скорѣе можно думать, что вина лежитъ на самой народности, потому что, если бы она была организована крѣпче, если бы она успѣла выработать какіе нибудь прочные результаты изъ своихъ миѳическихъ и бытовыхъ воззрѣній, они удержались бы такъ же, какъ они удержались во многихъ другихъ земляхъ. Такъ было, напримѣръ, въ древней Германіи, гдѣ народная поэзія успѣла покорить себѣ грамотное и, также враждебное язычеству, духовенство; германскіе миѳы и героическія саги не забылись, не смотря на всю силу христіанской іерархіи. Наши ученые вообще полагаютъ, что славянская миѳологія, къ эпохѣ христіанства, еще не получила законченности полной системы; поэтому она тѣмъ легче должна была уступить передъ христіанской космогоніей, которая, конечно, и внѣшнимъ образомъ далеко превосходила ее и должна была дѣлать впечатлѣніе на умы новыхъ христіанъ. Въ бытовомъ отношеніи христіанство также, конечно, имѣло свои преимущества передъ бытомъ языческимъ: оно застало многія племена живущими «звѣринскимъ образомъ», оно ввело извѣстную нравственную дисциплину, которая должна была пріобрѣтать самыхъ ревностныхъ служителей въ тѣхъ людяхъ, на которыхъ уже успѣла подѣйствовать новая религія; язычество съ этой стороны было, вѣроятно, слабо, потому что во всякомъ случаѣ христіанство не

встрѣтило у насъ никакого большаго сопротивленія при своемъ появленіи, изъ чего и можно заключать о бѣдности элементовъ оппозиціонныхъ. Впослѣдствіи народность въ значительной степени сказалась въ письменной литературѣ, но нашъ древнѣйшій миѳическій эпосъ въ цѣломъ исчезъ безвозвратно, эпосъ героическій сохранился въ измѣненномъ видѣ устнымъ народнымъ преданіемъ, затѣмъ отдѣльныя космогоническія преданія уцѣлѣли только отрывочно, разсѣянныя въ древнихъ памятникахъ и народной поэзіи.

Это замѣтное появленіе народнаго элемента въ письменныхъ памятникахъ относится къ среднему періоду нашей старины, періоду продолжавшагося «двоевѣрія». По теоріи г. Буслаева, повторенной и г. Галаховымъ, разъединеніе народности и церковной письменности нашло свою примиряющую среду въ искреннемъ *вѣрованіи*, въ которомъ, по словамъ г. Галахова, приведеннымъ выше, *органически* сливались два враждебные элемента: миѳологическій, свойственный народному эпосу, и христіанскій, принадлежащій литературѣ письменной. Къ этой двоевѣрной литературѣ относятся главнымъ образомъ: народные духовные стихи переходныхъ калѣкъ и апокрифическія или ложныя книги, наполненныя христіанско-народными фантастическими суевѣріями.

Народная миѳологія дѣйствительно заняла значительное мѣсто въ этихъ памятникахъ, почему они и имѣютъ большую цѣну въ глазахъ г. Буслаева и другихъ изслѣдователей старины. Но было бы ошибочно считать эту миѳологію за чистую народность: наши изслѣдователи-романтики, если они хотятъ докапываться до настоящей, неиспорченной чужими вставками народности, должны убѣдиться, что здѣсь они имѣютъ только суррогатъ истинной русской народности, измѣненной христіанствомъ (и можетъ быть, отчасти варягами). Въ этихъ двоевѣрныхъ памятникахъ народный миѳъ является всегда смутнымъ преданіемъ, очевидно только слабо припоминающимъ подлинную старину; иногда въ этихъ памятникахъ и вовсе не бываетъ подлиннаго народнаго миѳа, а только книжное, почти всегда византійское преданіе, уже позднѣе усвоенное народной фантазіей и слѣдовательно не чисто-русское; иногда наконецъ то и другое смѣшивается въ одно неопредѣленное цѣлое. Что подлиннаго народнаго миѳа немного въ этихъ произведеніяхъ, можно видѣть изъ того, что имъ очень мало извѣстны тѣ древнѣйшіе миѳы, о которыхъ мы

знаемъ изъ лѣтописи и церковныхъ обличеній: старыя божества съ своими космогоническими аттрибутами забыты или остались одной смутной чертой, какъ рѣдкое исключеніе (миѳъ о Георгіи Храбромъ). Цѣлая масса миѳовъ, привязанныхъ къ предметамъ и лицамъ христіанскимъ, была явно чужаго происхожденія. Такимъ образомъ народность, которая является передъ нами въ этихъ двоевѣрныхъ памятникахъ, есть уже народность второй формаціи, уже привыкшая къ христіанству, но по своимъ средствамъ понявшая его на свой ладъ; взамѣнъ старой потерянной миѳологіи, въ этой народности создалась другая миѳологія, изъ своихъ старыхъ остатковъ и новыхъ заимствованій. Господствующая церковь не признавала ея по прежнему, потому что христіанство было въ ней переправлено по своему.

Въ этой двоевѣрной миѳологіи, въ ея письменныхъ произведеніяхъ, въ памятникахъ искусства, гдѣ отражались ея представленія, наши изслѣдователи видятъ настоящую русскую народность, воспринявшую симпатичные ей византійскіе элементы. Исторія литературы недавно впервые объяснила эти памятники, въ родѣ «Іерусалимской бесѣды», «Голубиной книги», «Бесѣды трехъ святителей», «Сказанія о патріархъ» и т. п., которые отчасти и до сихъ поръ крѣпко держатся въ народной грамотности и составляютъ для людей простодушныхъ авторитетное вѣрованіе.

Появленіе этой отрасли старой литературы и народной поэзіи г. Галаховъ изображаетъ такимъ образомъ:

«Несомнѣнно-полезное вліяніе духовной словесности (нѣкоторыя свойства ея мы видѣли выше) выразилось важными послѣдствіями: утвержденіемъ христіанскихъ началъ въ народѣ и его образованіемъ, въ духѣ строго-религіозномъ. Характеръ ея, какъ было уже сказано, христіански-просвѣтительный. Но при всей своей важности, она составляла исключительную область, по самому существу предметовъ, которыми занималась. Она почерпала свое содержаніе изъ положительныхъ догматовъ и столько же положительныхъ нравственныхъ правилъ... Возвышаясь надъ мѣстными и временными интересами, духовная литература обращала постоянное свое вниманіе на то, что одинаково для всѣхъ странъ и вѣковъ. Національное должно было подчиниться христіанскому, какъ общему для всѣхъ національностей.

Такая строго-исключительная литературная дѣятельность имѣла въ виду только одну сторону народной жизни. Но у народа, при возбужденной охотѣ къ *чтенію* (?), являются другія внутреннія потреб-

ности, для удовлетворенія которыхъ недостаточно одного и того же матеріала. Умъ и фантазія естественно стремятся къ движенію и многообразному развитію. Любознательность требуетъ новой пищи, внѣ положительныхъ догматовъ и нравственныхъ предписаній. У *простолюдиновъ* были пѣсни и сказки, вполнѣ соотвѣтствующія интересамъ ихъ мыслящей и творческой способности. Люди же *грамотные*, кромѣ произведеній народной словесности, питавшихъ художественное ихъ чувство, имѣли потребность въ такихъ *книгахъ*, которыя возбуждаютъ пытливость мысли и вмѣстѣ тѣшатъ воображеніе привлекательными поэтическими образами. Такъ какъ пытливость устремлялась почти единственно на религіозные вопросы, то понятно, что литературныя произведенія тѣмъ больше могли выиграть, чѣмъ больше имѣли характеръ легендарный, то есть излагались въ формѣ священныхъ вымышленныхъ разсказовъ и преданій.

Такіе памятники и представила упомянутая нами двоевѣрная литература апокрифовъ, или ложныхъ книгъ, и народныхъ преданій, христіански-фантастическаго, или просто фантастическаго содержанія, — литература, развившаяся въ особенности въ серединѣ нашего древняго періода.

«Понятно—продолжаетъ г. Галаховъ, — почему духовенство преслѣдовало и должно было преслѣдовать отреченныя книги (такъ еще назывались они въ старину): оно сознавало вредъ, наносимый ими и вѣроученію и просвѣщенію. Въ апокрифахъ положительныя богословскія понятія затемнялись ложными толками, къ разсказамъ священной исторіи примѣшивались вымышленныя подробности, вмѣсто истинныхъ научныхъ свѣдѣній выступали фантастическія представленія...

«Но это двоевѣріе, противное правому ученію вообще (?), и ученію правой вѣры въ частности, дало многіе элементы поэтическому творчеству. Если исторія русской церкви, наравнѣ съ исторіей русскаго просвѣщенія, справедливо осуждаютъ его, то исторія поэзіи, имѣющей свою собственную (?) область, состоящей на особыхъ правахъ (?) и условіяхъ, видитъ въ апокрифахъ такія произведенія, которыми оживлялся однообразный такъ исключительной литературы. Занимательностію и энциклопедическимъ содержаніемъ отреченныя книги удовлетворяли многимъ интересамъ людей грамотныхъ, которые, по малой степени образованія, не могли различать истинное отъ ложнаго, точныхъ знаній отъ суевѣрія... и т. д. (стр. 83—86).

Это изложеніе не удовлетворяетъ насъ, въ разныхъ отношеніяхъ. Г. Галаховъ очевидно колеблется въ своей характеристикѣ «ложной» литературы: онъ не одобряетъ ея со стороны «праваго

ученія» (что онъ понимаетъ подъ нимъ, для насъ не ясно; религіозную сторону онъ упоминаетъ отдѣльно, какъ «ученіе правой вѣры»—различіе въ словахъ довольно темное) и находитъ справедливымъ церковное преслѣдованіе этихъ «голубиныхъ книгъ», «іерусалимскихъ бесѣдъ» и прочаго подобнаго матеріала. Церковное вліяніе было, по его словамъ, «несомнѣнно-полезное», слѣдовательно «ложная» литература апокрифическихъ книгъ, была литература вредная въ культурномъ отношеніи. Г. Галаховъ и въ самомъ дѣлѣ положительно говоритъ о ея вредѣ. Но съ другой стороны онъ высоко ставитъ ея поэтическое значеніе; въ другихъ мѣстахъ своей книги (стр. 147—148) онъ утверждаетъ, что любознательность, обнаруженная въ этомъ случаѣ людьми грамотными, свидѣтельствуетъ о поступательномъ движеніи мысли, — слѣдовательно апокрифическая литература была прогрессомъ. Г. Галаховъ могъ бы наконецъ развить въ ея пользу и тотъ аргументъ, принимаемый его авторитетами, что эта литература представляетъ собой возстановленіе правъ народности, которая нашла наконецъ въ ней свое выраженіе. Эти народные памятники для авторитетовъ г. Галахова представляются именно поэтической сокровищницей народности, изъ которой и мы, отставшіе отъ народнаго корня, могли бы почерпнуть для себя благодѣтельное поученіе. Г. Буслаевъ извлекъ напримѣръ много подобныхъ поэтическихъ перловъ изъ литературы ложныхъ книгъ, легендъ и народныхъ сказаній. Г. Галаховъ остерегся выставить памятники, о которыхъ идетъ дѣло, въ такомъ блестящемъ свѣтѣ, но оговаривается, что хотя ихъ и должна осудить исторія русской церкви и исторія русскаго просвѣщенія, но исторія поэзіи будетъ судить ихъ иначе, потому что она «состоитъ на особыхъ правахъ». Эта исторія скажетъ, по словамъ г. Галахова, что эти памятники оживляли «однообразный токъ» литературы.

Это формальное достоинство, указанное г. Галаховымъ, конечно существуетъ дѣйствительно, но оно нисколько не опредѣляетъ сущности и значенія памятниковъ. Мало ли, что можетъ прерывать однообразіе тока? Характеристика остается чисто наружной, и между тѣмъ г. Галаховъ нисколько не разрѣшаетъ противорѣчія между «вредомъ» этихъ книгъ и «поступательнымъ движеніемъ», которое они собой представляютъ. Что же изъ двухъ?

Далѣе, по мнѣнію г. Галахова, появленіе этой литературы основывается на томъ, что умъ и фантазія народа, съ «возбуж-

денной охотой къ чтенію», стремились къ «движенію» и «многообразному развитію». Мы опять думаемъ, что объяснять подобными вещами цѣлыя направленія народной мысли, направленія, идущія неизмѣнно въ теченіе вѣковъ и оставляющія сильный отпечатокъ на народныхъ понятіяхъ, — крайне недостаточно. Стремленіе къ движенію есть вещь весьма неопредѣленная: движеніе можетъ направиться въ ту или другую сторону. Отчего же, въ нашемъ случаѣ, это движеніе направилось именно такъ, а не иначе? Отчего положительное ученіе, которое по «исторіи» г. Галахова въ избыткѣ давалось народу, не удовлетворяло его? Если оно было положительно, тѣмъ лучше для массы, — пытливость ея должна была положительно удовлетворяться. Между тѣмъ на дѣлѣ происходитъ явленіе совершенно инаго рода. Движеніе ума и воображенія направляется къ фантастическому, принимаетъ, по выраженію г. Галахова, форму «вымышленныхъ разсказовъ» (?), доходитъ наконецъ до того, что дѣлается вреднымъ! Гдѣ же источникъ этого характера движенія, и какое побужденіе заставляло массу искать новой фантастики, и притомъ «вредной»?

Эта привязанность къ фантастическому объясняется очень просто: фантастическое всегда имѣетъ особенную силу надъ неразвитымъ умомъ и неразвитымъ воображеніемъ, и степень его господства правильно опредѣляется степенью сознательнаго развитія: тѣмъ больше одно, чѣмъ меньше другое, и на оборотъ. Наши «ложные» памятники и «двоевѣрная» поэзія представляютъ значительную степень этого господства фантастики, и причина ихъ успѣха зависѣла прямо отъ указаннаго нами обстоятельства. Мы уже говорили выше о томъ, какъ незначительно было «просвѣщеніе» древней Руси даже въ тѣхъ людяхъ, которые могли назваться его лучшими представителями (справщики книгъ), и въ такое время, когда это просвѣщеніе конечно было гораздо обширнѣе, чѣмъ прежде (XVII столѣтіе). Понятія массы были на столько развиты меньше, на сколько вообще масса отстаетъ отъ передовыхъ людей. Понятно, что среди нея только и могли создаваться и жить тѣ фантастическія вещи, которыхъ такое множество представляетъ двоевѣрная литература.

На это отвѣчаютъ, что въ этой литературѣ было множество памятниковъ и представленій, которыя господствовали и въ средневѣковыхъ литературахъ Европы, такъ что мѣрка остается одна и та же. Это не совсѣмъ справедливо. Правда, что много сходныхъ представленій наша письменность раздѣляла съ литерату-

рами Европы, но значеніе этихъ представленій тамъ и здѣсь было далеко неодинаково. Была конечно и на западѣ легковѣрная масса, принимавшая на слово эти фантастическія преданія, но объемъ этой массы былъ ограниченнѣе, и надъ ней всегда господствовалъ слой людей болѣе образованныхъ, вліяніе которыхъ умѣряло излишества этой фантастики. Въ этомъ слоѣ шла дѣятельная и широкая работа мысли, которая отражалась на обществѣ, такъ что чисто-фантастическое преданіе доставалось на долю только одному низшему и наименѣе развитому классу. У насъ это отношеніе было далеко не такъ выгодно: цѣлая масса рукописей, принадлежавшихъ людямъ самыхъ разнообразныхъ сословій, доказываетъ, что ихъ содержаніе было одинаково знакомо и важно и для низшаго, и для средняго слоя. Двоевѣрныя тетради заходили даже и въ среду самого духовенства, къ «неразумнымъ попамъ», о которыхъ говоритъ статья о ложныхъ книгахъ. Обличенія «ложныхъ» книгъ адресовались и къ дьякамъ, и боярамъ. Такимъ образомъ фантастика владѣла почти всѣми слоями народа. Притомъ, эта фантастика стояла у насъ иначе и въ другомъ отношеніи: то, что въ западныхъ литературахъ было часто однимъ фантастическимъ элементомъ поэзіи,—у насъ было фантастическимъ элементомъ народнаго вѣрованія; другими словами, что тамъ было одной поэтической подробностью, или поэтическимъ пріемомъ, то у насъ дѣлалось пунктомъ народнаго суевѣрія.

Г. Галаховъ не совсѣмъ точно отмѣчаетъ границы тѣхъ условій, которыя вызывали появленіе этой литературы и этихъ суевѣрій, когда говоритъ (стр. 84) о потребности «людей грамотныхъ», которые не удовлетворялись содержаніемъ «положительнымъ». Онъ самъ говоритъ дальше, что двоевѣрная литература проникала въ народъ, и въ свою очередь заимствовала отъ него нѣкоторые свои элементы (стр. 85). Слѣдовательно, дѣло идетъ вовсе не объ однихъ людяхъ грамотныхъ, а о цѣлой массѣ народа. Извѣстно въ самомъ дѣлѣ, что многія преданія и памятники этой двоевѣрной поэзіи до сихъ поръ живы въ памяти народа и даже составляютъ иногда общенародное повѣрье, какъ «Сны Богородицы», преданіе о чудодѣйственной силѣ двѣнадцати пятницъ, почитанія воскресенья, о двѣнадцати ликорадкахъ и т. п. Эти и подобныя имъ вещи произошли письменнымъ путемъ и конечно принадлежали сначала людямъ грамотнымъ, но онѣ усердно принимались и народной массой, такъ что

представляютъ собой общую потребность и общее характеристическое явленіе: они не были одной забавой грамотныхъ людей, напротивъ, это была дѣйствительно новая религія, «второе идоловѣріе», какъ понимали это сами современники двоевѣрной литературы. Эта литература, возстановившая «нарушенное» единство письменности съ народными началами, была богатымъ запасомъ и источникомъ народнаго суевѣрія, которое до сихъ поръ, не смотря на всѣ запрещенія старинныхъ блюстителей вѣры, на наставленія «Духовнаго Регламента», и т. д. продолжаетъ господствовать надъ простодушіемъ массы.

Въ явленіяхъ литературы, когда они занимаютъ такое обширное мѣсто въ народныхъ представленіяхъ, исторія должна необходимо указывать то культурное значеніе, которое получаютъ они въ ходѣ народнаго развитія. Мы видѣли, что касательно этого пункта г. Галаховъ оставляетъ своихъ читателей въ недоумѣніи: онъ сказалъ, что передъ судомъ исторіи русскаго просвѣщенія, упомянутые нами памятники были вредными явленіями; но что съ другой стороны, какъ явленія народныя, они представляютъ поступательное движеніе, и наконецъ, что какъ произведенія поэтическія, они стоятъ въ совершенно особыхъ условіяхъ, то есть могутъ не обращать вниманія на то, что скажетъ о нихъ исторія просвѣщенія. Подобныя сужденія, поставленныя рядомъ, именно мало объясняютъ дѣло и не далеки отъ сужденій славянофиловъ, которые напримѣръ восхищаются нищими и калѣками перехожими, и желаютъ имъ успѣха въ нищенствѣ, на томъ основаніи, что нищенство — русская народная черта, и что оно даетъ поводы къ благочестивому милосердію... Г. Галаховъ могъ разграничить двойственное значеніе разбираемыхъ памятниковъ очень просто: эти памятники имѣли различное значеніе смотря по тому, были ли они поэтическимъ выраженіемъ извѣстнаго настроенія, — (напр. извѣстное «Хожденіе Богородицы по мукамъ» есть безъ сомнѣнія вещь весьма поэтическая; нѣкоторые изъ евангельскихъ апокрифовъ также) или результатомъ чистаго суевѣрія. Оба свойства могъ соединять въ себѣ даже одинъ и тотъ же памятникъ: если хотите, въ знаменитомъ «Снѣ Богородицы» есть также черты поэтическія, которыя нисколько не вооружатъ насъ противъ этого произведенія; но если народъ придастъ ему всеисцѣляющія качества, сдѣлаетъ изъ него панацею противъ всѣхъ бѣдствій здѣшней и будущей жизни, будетъ вѣрить въ него, какъ во всемогущій талисманъ,

который безъ всякаго труда со стороны человѣка,—кромѣ ношенія его при себѣ,—избавитъ и отъ пожара, и отъ потопа, и отъ злаго судьи, и отъ геенны огненной,—мы нисколько не затрудняясь припишемъ ему значеніе вещи крайне нелѣпой и прискорбной въ культурномъ отношеніи. Въ апокрифической литературѣ есть множество вещей самыхъ невинныхъ, разныхъ гадательныхъ книгъ, мнимой астрологіи и волхвованія и т. п., которыя могли бы служить безобидной забавой: они становились вредны съ тѣхъ поръ, какъ имъ стали придавать сверхъестественную силу, потому что они затемняли здравый смыслъ фантастическимъ сумбуромъ.

Эта литература любопытна наконецъ тѣмъ, что въ значительной степени представляла собой независимую дѣятельность народа, предоставленнаго собственному произволу. Мы видѣли, что оффиціальная литература не была совершенно доступна его пониманію, по своей схоластикѣ, по своей книжной темнотѣ и т. д. Правда, въ сборники, ходившіе именно по рукамъ народа, попадало много и изъ этой литературы, но въ большей части случаевъ эти сборники ограничивались болѣе популярнымъ содержаніемъ. Развитіе апокрифической литературы дало имъ богатую пищу... На этой литературѣ воспитывались поколѣнія, по ней составлялся образъ мыслей цѣлой массы людей, которыхъ занимала религіозная и космогоническая подноготная, и которые не находили разумнаго руководства отъ своихъ учителей, владѣвшихъ средствами описываемаго г. Галаховымъ «просвѣщенія». Оффиціальное «просвѣщеніе» наконецъ отдѣлилось въ особенную область, а масса предоставлена была на свой собственный произволъ. Когда наконецъ исправленіе книгъ коснулось живой струны въ этихъ отношеніяхъ массы къ оффиціальному просвѣщенію, масса, вѣрная своимъ старымъ преданіямъ и долговременной практикѣ, ушла въ расколъ. Элементы старой «двоевѣрной» литературы и апокрифическихъ преданій въ самомъ дѣлѣ объясняютъ многое въ характерѣ и представленіяхъ раскола. Такъ продолжительное вліяніе апокрифической фантастики объясняетъ, почему тѣ же фантастическіе пріемы, символы, миѳы, таинственныя числа и знаки повторяются и въ представленіяхъ раскола, который по старой привычкѣ считалъ необходимымъ облекать религію въ такую странную одежду, привлекательную для воображенія.

Расколъ безъ всякаго сомнѣнія стоитъ въ тѣснѣйшей связи

съ тѣми свойствами литературы, которыя мы старались теперь указать; онъ соединенъ съ ними какъ слѣдствіе и причина, такъ что былъ совершенно неизбѣжнымъ явленіемъ съ тѣхъ поръ, какъ русская старина XV и XVI-го вѣка приняла свое двоевѣрное направленіе и народное образованіе предоставлено было своему собственному произволу. Г. Галаховъ опять недостаточно устанавливаетъ историческую связь этихъ явленій. «Первоначальная и главная причина раскола заключалась въ извѣстной привязанности къ церковнымъ обрядамъ и къ старинѣ. Соотвѣтственно своему происхожденію, онъ сложился изъ двухъ началъ: начала собственно церковнаго (слѣдствіе отступленія отъ православной церкви)... и начала гражданскаго, или противогосударственнаго, по которому онъ есть секта, возставшая противъ нововведеній не только церковныхъ, но и гражданскихъ... Главнѣйшимъ образомъ содѣйствовали тому (развитію раскола): недостатокъ училищъ, упадокъ духовнаго образованія, отсутствіе живаго проповѣднаго слова. Отъ невѣжества и нерадѣнія писцовъ, въ богослужебныя книги вкрались грубыя ошибки; многочисленные сборники распространяли между грамотными людьми странныя понятія и суевѣрія, которыя потомъ усвоивалъ и народъ, придавая имъ въ своемъ представленіи значеніе непреложныхъ истинъ. Мало по малу составилось мнѣніе, что богослужебныя книги, кѣмъ бы то ни было и какъ бы ни было списанныя, должны оставаться «неприкосновенными» и т. д. (стр. 121). Однимъ словомъ, новая «исторія» древней словесности объясняетъ это явленіе такъ же, какъ объясняли его прежнія: невѣжествомъ писцовъ, упадкомъ образованія и т. д. Откуда взялся этотъ упадокъ образованія и нравственный упадокъ общества, на который также указываетъ г. Галаховъ (стр. 217), онъ объясняетъ мало; съ XI-го до XVII-го столѣтія онъ постоянно пересчитываетъ памятники церковнаго просвѣщенія, находитъ произведенія изысканнаго краснорѣчія еще въ двѣнадцатомъ вѣкѣ, утверждаетъ, что и татарское вліяніе не измѣнило свойствъ нашего просвѣщенія, и затѣмъ оказывается вдругъ, что и общество было испорчено, и духовенство было невѣжественно и подвергалось справедливымъ обличеніямъ Грознаго, и въ народъ отъ грамотныхъ людей проникали извращенныя понятія... Гдѣ же была граница этого перехода, да и былъ ли такой рѣзкій переходъ на самомъ дѣлѣ, существовало ли и прежде въ полной силѣ чистое, истинное просвѣщеніе? не заключали ли

въ себѣ и старыя времена зародыша всѣхъ этихъ поздпѣйшихъ явленій? Если при Іоаннѣ Грозномъ былъ уже упадокъ нравственный, въ XVII-мъ столѣтіи упадокъ образованія и невѣжество, гдѣ же было нормальное народное развитіе, и что остановило и извратило его? Расколъ является, какъ deus ex machina, когда онъ былъ явленіемъ весьма послѣдовательнымъ и совершенно приготовленнымъ предъидущей исторіей.

Новѣйшая литература изложена г. Галаховымъ болѣе исторически, т. е. болѣе связно, хотя и здѣсь масса подробностей также мѣшаетъ иногда автору точнѣе опредѣлять общія черты эпохъ и направленій. Въ разграниченіи древняго и новаго просвѣщенія и литературы онъ обходитъ періодъ реформы, къ которому обыкновенно относили до сихъ поръ окончательный разрывъ старины съ новымъ временемъ, и вмѣсто того принимаетъ слѣдующія явленія: въ литературѣ древняго періода онъ различаетъ два отдѣла — одинъ, идущій отъ начала письменности и простирающійся для югозападной Руси до конца XVI-го вѣка, или до основанія кіевской академіи, а для Великороссіи до половины XVII-го вѣка, когда кіевскіе ученые появляются въ Москвѣ и начинаютъ оказывать свое вліяніе и на московское образованіе, другой, отъ конца XVI-го вѣка или середины XVII-го до Ломоносова. Новое время наступаетъ съ дѣятельностью послѣдняго.

Въ этомъ взглядѣ на характеръ XVII-го вѣка и реформы, очень справедливомъ по нашему мнѣнію, г. Галаховъ вѣроятно расходится съ своими авторитетами, и во всякомъ случаѣ расходится съ славянофилами, къ которымъ эти авторитеты такъ приближаются въ послѣднее время. Реформы Петра г. Галаховъ не считаетъ какимъ нибудь рѣзкимъ перерывомъ, относительно нашего образованія, и проводитъ мысль, что она была только завершеніемъ тѣхъ европейскихъ вліяній, которыя уже съ XVI-го вѣка дѣйствовали въ югозападной Руси, а потомъ и въ Москвѣ. Люди юго-западнаго образованія, напримѣръ извѣстныя духовныя лица временъ Петра, вполнѣ соглашались и съ необходимостью нововведеній и съ пріемами ихъ выполненія.

Г. Галаховъ старательно собираетъ факты исторіи этого новаго просвѣщенія, начинающейся для насъ съ XVII-го вѣка, и быть можетъ, даже слишкомъ много занимается мелочными подробностями разныхъ произведеній того времени, напримѣръ схоластической литературой кіевскихъ ученыхъ, подробнымъ раз-

боромъ свойствъ краснорѣчія духовныхъ ораторовъ или свойствъ поэзіи нашихъ писателей XVIII-го вѣка. Если, по его словамъ, главной цѣлью его была историческая критика литературныхъ произведеній и ихъ просвѣтительное значеніе, то его исторія могла бы обойтись безъ особеннаго обилія подробностей и выиграла бы скорѣе отъ болѣе яркаго освѣщенія фактовъ. Онъ заботливо слѣдитъ, напримѣръ, хоть за музой Державина и объясняетъ всѣ мелочи его воззрѣній, — хотя, по степени своей глубины, они, какъ извѣстно, и не заслуживали бы этого, — и при всемъ томъ онъ недостаточно вглядывается въ это восьмнадцатое столѣтіе, которое, конечно, сдѣлало много для русскаго просвѣщенія, но которое многими своими чертами способно возбудить въ историкѣ весьма сильныя и уважительныя сомнѣнія. Г. Галаховъ слишкомъ много вѣритъ литературѣ этого столѣтія или слишкомъ буквально понимаетъ многіе факты ея, въ которыхъ была своя сильная доля извѣстной литературной оффиціальности, далеко не соотвѣтствующей дѣлу... Какъ бывало въ прежнихъ исторіяхъ литературы, XVIII-й вѣкъ, особенно другая его половина, представляется у г. Галахова рядомъ прогрессивныхъ мѣръ, рядомъ успѣховъ литературы и просвѣщенія, благодѣтельнаго меценатства, и т. д. Читатель ожидаетъ найти въ заключеніе и соотвѣтственный результатъ, но на дѣлѣ мы находимъ прогрессъ весьма умѣренный, больше на словахъ, чѣмъ на фактѣ, находимъ даже весьма энергическую реакцію, которая, конечно, за одинъ разъ уничтожала много пріобрѣтеній, записанныхъ лѣтописью г. Галахова. Первая половина этого столѣтія была довольно умѣренна въ своихъ замыслахъ и въ исполненіи: Петръ Великій имѣлъ въ виду чисто-матеріальныя выгоды государства, и его просвѣтительная дѣятельность постоянно была направлена къ этой цѣли; онъ не ставилъ иной программы и оставался вѣренъ своимъ практическимъ видамъ и намѣреніямъ. Вторая половина отличается инымъ характеромъ: она провозглашаетъ самые широкіе принципы, которыхъ достигала тогда европейская образованность; въ образецъ и поученіе русскому обществу выставляются Монтескьё, Беккарія, Дидро, д'Аламберъ, Вольтеръ и т. д.; изъ нихъ собственными средствами вырабатываются нравственные и общественные кодексы для русскихъ; на русскій языкъ переводятся иногда сочиненія ихъ, преслѣдуемыя даже на ихъ родинѣ. Г. Галаховъ съ любовью разбираетъ эти произведенія и сличаетъ ихъ съ иностранными ихъ оригиналами, какъ будто и въ самомъ дѣ-

лѣ шелъ вопросъ о дѣйствительныхъ завоеваніяхъ литературы и о прочномъ успѣхѣ общественныхъ понятій. Всѣ эти факты нашъ историкъ принимаетъ на вѣру. Съ нимъ можно еще было бы помириться до нѣкоторой степени, еслибы это знакомство съ свѣтилами европейской образованности было дѣломъ самого русскаго общества; но извѣстно, что въ этомъ случаѣ инициатива далеко не принадлежала самому обществу, что очень часто оно играло при этомъ роль чисто страдательную и воспринимающую. Очевидно, что при подобныхъ условіяхъ появленіе этихъ произведеній на русской почвѣ теряетъ много своей цѣны, и историкъ, не замѣчающій этого, утрачиваетъ правильную перспективу... Правда, французская литература еще раньше, и по собственной инициативѣ писателей, стала образцомъ для нашей; но дѣло въ томъ, что до тѣхъ поръ ея вліяніе ограничивалось поверхностными литературными вопросами: Вольтеръ былъ для Сумарокова авторомъ «Меропы», а не «Философскаго словаря» или «Essai sur les Moeurs»; Дидро — изобрѣтателемъ мѣщанской трагедіи, а не главой энциклопедистовъ. Г. Галаховъ согласится, что такъ дѣйствительно было. Между этими взглядами есть большая разница, потому что одинъ касается поверхности дѣла, а другой самой сущности его содержанія. Нѣсколько позднѣе, у насъ стали понимать французскую литературу и ея просвѣщеніе нѣсколько глубже, и въ этомъ случаѣ имѣла свою силу та внѣшняя инициатива, о которой мы упоминали: русское общество наводили на эту дорогу. Съ этимъ соединялось, какъ извѣстно, и положительное меценатство, которое никогда во время существованія русской «словесности» не принимало такихъ обширныхъ размѣровъ, какъ именно въ это время. Это была въ меньшихъ размѣрахъ та же система опеки, значеніе которой такъ удивительно вѣрно опредѣлилъ Бокль относительно французской литературы въ «золотой вѣкъ» Людовика XIV. Теоретическій выводъ, извлеченный Боклемъ изъ изученія этой эпохи, вполнѣ прилагается и къ положенію нашей литературы въ XVIII-мъ столѣтіи. Меценатство отзывается вредно на литературѣ; оно обязываетъ и слѣдовательно мѣшаетъ свободному, независимому развитію литературныхъ направленій. Меценатовъ у насъ было множество; всѣ они покровительствовали литературу, вмѣшивались въ ея дѣла, надѣляли ее наставленіями и внушеніями. Но меценатъ покровительствовалъ только той литературѣ, которая ему нравилась; дру-

гая ничего не получала отъ него, ей скорѣе невыгодно было показываться ему на глаза. Г. Галаховъ, который владѣетъ такимъ обширнымъ изученіемъ этой литературы и такимъ количествомъ фактовъ, согласится конечно съ справедливостью нашего замѣчанія, но онъ найметъ его невѣрно, если приложитъ его только къ отдѣльнымъ случаямъ. Совсѣмъ напротивъ; это была широкая черта, проходившая въ нашей литературѣ прошлаго столѣтія и наложившая на нее тотъ характеристическій отпечатокъ, который мы уже давно инстинктивно почувствовали и въ которомъ все еще не отдаемъ себѣ хорошенько отчета, какъ доказываетъ книга г. Галахова. Мы найдемъ все вліяніе меценатства, все отсутствіе независимости и крайнее раболѣпство писателей XVIII столѣтія, когда присмотримся внимательнѣе ко вкусамъ времени, когда каждый стремился быть «пѣвцомъ», становился на ходули, заботился только о звучныхъ хвалебныхъ фразахъ, и если рѣшался «истину съ улыбкой говорить» своему милостивцу, то эта истина была только «лесть въ видѣ грубости», новая манера быть пріятнымъ расточителемъ похвалъ. Манія къ одамъ была поголовная, и историку странно не замѣтить, что та же ода въ иной формѣ наполняла всю литературу; къ этой одѣ сводилась вся общественная мысль, когда она рѣшалась заявлять себя въ литературѣ. Г. Галаховъ согласится конечно, что «одописецъ» XVIII вѣка, взятый вообще, мало понималъ свое время и былъ плохимъ дѣятелемъ просвѣщенія. Главнѣйшій представитель этой литературы, любимый герой нашихъ литературныхъ историковъ, Державинъ, какъ не подлежитъ теперь никакому сомнѣнію, былъ человѣкъ ограниченный и съ весьма узкими общественными понятіями. Предоставляемъ г. Галахову рѣшать, сколько просвѣтительныхъ элементовъ и какой глубины могла внести литература, построенная на подобныхъ началахъ...

Мы нисколько не отвергаемъ, что XVIII столѣтіе, и особенно эта вторая половина, представляютъ собой значительный прогрессъ въ развитіи русскаго общества; дѣйствительно, и при этихъ условіяхъ время осталось далеко не безплодно, — мы хотимъ только сказать, что этотъ прогрессъ надобно понимать въ извѣстныхъ границахъ, что не должно преувеличивать значенія фразъ, которыхъ очень много говорилось въ XVIII столѣтіи. Какъ знакъ общественной зрѣлости, у насъ указываютъ обыкновенно сатиру прошлаго столѣтія, но объемъ этой сатиры, за

очень немногими исключеніями, былъ крайне тѣсенъ: если Фонъ-Визинъ выставлялъ своихъ Скотининыхъ и Простаковыхъ, то это съумѣлъ сдѣлать еще Кантемиръ, и выставляя «необходимость образованія», Фонъ-Визинъ оказался однако, какъ извѣстно, сатирикомъ весьма консервативнаго свойства. Это доказываютъ его «Стародумы», его письма о Франціи и другія черты его сочиненій. Сатира мелкихъ журналовъ 60—70 годовъ, кромѣ Живописца, была сатира, отчасти навѣянная и указанная свыше, отчасти крайне неопытная и нуждавшаяся, для отысканія матеріала, въ указаніяхъ англійскаго «Смотрителя» или «Спектатора». Однимъ словомъ, господствующая черта этой сатирической оппозиціи было въ сущности крайнее филистерство, бичеванье «маленькихъ воришекъ». Вліяніе «оды» слышно было и въ этихъ сатирическихъ упражненіяхъ... Были однако случаи, когда общество дѣйствительно доростало до серьезнаго пониманія своего положенія и, по собственной иниціативѣ и собственному сознанію, стремилось къ новымъ идеаламъ и отыскивало новыя дороги для разумной дѣятельности. Въ образчикъ этихъ стремленій могутъ быть указаны многія страницы Живописца, посвященныя помѣщичьему классу, очень многія страницы Радищева,—между прочимъ посвященныя положенію крестьянъ,—стремленія Новикова и типографическаго общества, увлеченныхъ серьезной мыслью о необходимости новыхъ нравственныхъ началъ, которыя бы должны были управлять обществомъ по ихъ мнѣнію. Въ своемъ источникѣ и эти люди не всегда были самостоятельны, и многимъ обязаны вліянію той же европейской литературы, какъ Радищевъ, воспитанный энциклопедистами, или Новиковъ, приготовленный западнымъ масонствомъ: но въ этихъ людяхъ общественная мысль становилась глубоко прочувствованнымъ дѣломъ, а не одной невинной игрой въ удобства просвѣщенія, какъ для множества другихъ людей прославленнаго вѣка. Г. Галаховъ не вдумался или вовсе не понялъ смысла и той трагической судьбы, которая ожидала этихъ дѣятелей: ихъ ревностный, самоотверженный трудъ не подходилъ къ тому уровню, на которомъ стояла масса; ихъ искренность была однимъ ненавистна, другимъ непонятна, какъ напримѣръ, тѣмъ филистерамъ, о которыхъ мы говорили, и въ числѣ ихъ ограниченному Державину... Такихъ людей было еще немного въ осьмнадцатомъ столѣтіи, но потому-то они и должны были бы обратить на себя особенное вниманіе историка; въ нихъ именно

и шла наиболѣе глубокая борозда просвѣтительныхъ началъ, изслѣдованіемъ которыхъ занимается г. Галаховъ. Новый историкъ не замѣтилъ всего значенія этого явленія нашей культуры; судьба этого явленія показалась ему слишкомъ малозначительна; о нѣкоторыхъ людяхъ этого самостоятельнаго характера онъ только бѣгло упоминаетъ въ примѣчаніи. Между тѣмъ, здѣсь-то и была настоящая мѣрка прогресса, который онъ взялся опредѣлять...

Мы приходимъ, наконецъ, еще къ одному обстоятельству, которое также не можетъ не обратить на себя вниманія историка, если онъ сколько нибудь серьезно понимаетъ свою задачу. Это — отношеніе литературы и просвѣщенія XVIII столѣтія къ народу, — не въ обширномъ смыслѣ націи, а въ болѣе тѣсномъ смыслѣ низшихъ классовъ. Г. Галаховъ говоритъ только, что «народная поэзія... оставалась въ загонѣ у литераторовъ и ученыхъ, потому что своимъ содержаніемъ разногласила съ началами науки и цивилизаціи, а своею формой не подходила подъ условія литературной теоріи... Народныя книги, народныя пѣсни и сказки заключали въ себѣ предразсудки и ложныя понятія или съ сочувствіемъ изображали обычаи старины: просвѣщенные люди Екатеринина времени, почитая ихъ съ этой стороны опасными для разумныхъ идей, для началъ новой гражданственности, и не будучи въ состояніи оцѣнить ихъ *поэтическое, самостоятельное, нераздѣльно связанное съ исторіей и духомъ народа значеніе*, часто относились къ нимъ съ пренебреженіемъ и сатирой» (стр. 583). Затѣмъ г. Галаховъ и разсказываетъ, какъ они относились съ пренебреженіемъ къ народнымъ книгамъ и изъ чего состояли эти народныя книги. Онъ опять оставляетъ читателя въ недоумѣніи,—какъ же понимать эту народную поэзію, которая заключала въ себѣ «предразсудки и ложныя понятія» (а они, конечно, вредны для просвѣщенія), и въ то же время «неразрывно связана съ духомъ народа» (слѣдовательно, есть вещь очень важная, которой пренебрегать безнаказанно нельзя)? И лежитъ ли какая нибудь вина на писателяхъ XVIII вѣка, которые ея не поняли, или они были правы, когда признавали ее вредной? Вопросъ опять сводится къ той же, неразрѣшенной г. Галаховымъ дилеммѣ о народности и просвѣтительномъ началѣ, къ вопросу, гдѣ положить границу или какъ связать эти вещи.

Упомянутые нами романтики постоянно сокрушаются о томъ,

что «петербургскій періодъ» надѣлалъ намъ множество зла, внесъ множество лжи, не понималъ народа, навязывалъ намъ формы чужой цивилизаціи и т. д. и т. д. Намъ уже не разъ случалось говорить о томъ, что эти сокрушенія совершенно напрасны, что винить «петербургскій періодъ» довольно смѣшно, когда «петербургскій періодъ», по самымъ характеристическимъ чертамъ своимъ, былъ послѣдовательнымъ продолженіемъ и усовершенствованіемъ московскаго періода. Если мы обратимъ на это вниманіе, въ нашихъ глазахъ примутъ иной видъ и тотъ плачъ о ложной цивилизаціи и ложной литературѣ, которыя въ XVIII столѣтіи пренебрегали «народными началами». Дурныя стороны петербургскаго періода были слѣдствіемъ нашего собственнаго національнаго характера; если чужая цивилизація производила у насъ иногда странныя и даже прискорбныя явленія, это было нашей собственной, а не ея виной. Западная цивилизація готова была передавать намъ всѣ послѣдніе результаты, до которыхъ доходила сама, — не ея вина, что мы дѣлали дурной выборъ, что не умѣли сообразить разницы мѣстныхъ условій и не примѣнили у себя этихъ результатовъ въ болѣе пригодной формѣ. Если эта цивилизація забыла народную поэзію, это было очень естественно: мы здѣсь опять встрѣчаемся съ такимъ же явленіемъ, какое произошло при введеніи христіанства: — люди, преданные просвѣтительному началу и начавшіе размышлять сознательно, не могли, конечно, удовлетвориться тѣмъ небогатымъ содержаніемъ, которое представляла народная поэзія и народныя книги. Новѣйшіе защитники народной поэзіи сами не замѣчаютъ того, что они, собственно говоря, находятся къ ней въ точно такомъ же отношеніи: понимать ее непосредственно они не способны; они заинтересовались ей чисто-сціентическимъ образомъ, — и если бы кто нибудь вздумалъ поставить этихъ ученыхъ проповѣдниковъ народности рядомъ съ самимъ народомъ, мы увидѣли бы ихъ въ самомъ странномъ положеніи, — народъ, конечно, остался бы къ нимъ такъ же чуждъ, какъ вообще остается ко всѣмъ людямъ не своего круга. Аналогическіе примѣры бывали съ тѣми господами, которые вздумали напяливать на себя кучерскія поддевки; извѣстно, съ другой стороны, что бываютъ и другіе примѣры, когда полнѣйшимъ довѣріемъ народа пользуются и люди, не надѣвающіе поддевки и не отказывающіеся отъ своей «цивилизаціи». Очевидно, что дѣло не въ поддевкѣ и не въ камнѣ алатырѣ...

Всякому безпристрастному человѣку ясно, что «общеніе» съ народомъ, котораго требуютъ теперь всѣ и которое цѣлый разрядъ нашихъ мыслителей ставитъ именно въ признаваніи камня алатыря, что «общеніе» заключается вовсе не въ этомъ. Человѣкъ «цивилизованный» легко и нисколько не отказываясь отъ убѣжденій, пріобрѣтенныхъ наукой и мыслью, можетъ поставить себя въ это общеніе съ народомъ, когда, связанный съ народомъ какими нибудь отношеніями, будетъ уважать и въ народѣ тѣ человѣческія права, какія онъ признаетъ вообще, когда не будетъ употреблять противъ него нравственнаго насилія, котораго не одобряетъ вообще и т. д. Если славянофилы плачутся, что наше общество,—вслѣдствіе «лжи» петербургскаго періода, — вообще неспособно къ подобному общенію, — это чисто выдуманное, фантастическое недоразумѣніе. Съ народомъ трудно сходиться тому, кто хочетъ этого по одному капризу, кто не имѣетъ съ нимъ отношеній и не знаетъ его языка; — но совершенно также трудно сходиться и съ кѣмъ бы то ни было: сойтись съ аристократическимъ обществомъ тому, кто къ нему не принадлежитъ, не имѣетъ съ нимъ отношеній и не знаетъ его условій, еще труднѣе; вообще человѣку одного общественнаго слоя нѣсколько трудно сходиться и имѣть «общеніе» съ человѣкомъ другаго слоя. Всѣ это знаютъ, и не смотря на то, повторяется вѣчная іереміада объ отрываніи отъ народнаго корня и т. д.

Оторваться отъ народа значитъ перестать понимать его положеніе и перестать интересоваться имъ. Въ этомъ смыслѣ, «петербургскій періодъ», который славянофилы и ихъ новѣйшіе ученые союзники спеціально обвиняютъ въ этомъ преступленіи, имѣлъ уже давно своихъ предшественниковъ. Однимъ изъ образчиковъ этого отрыванія отъ народа было напримѣръ хоть закрѣпленіе крестьянъ, въ XVI—XVII вѣкѣ, окончательно установившее разрывъ между помѣщичьимъ и крестьянскимъ сословіемъ. Всѣ остальные случаи такого разрыва съ народомъ, происходившіе впослѣдствіи, конечно блѣднѣютъ передъ этимъ главнымъ,— который былъ вполнѣ произведеніемъ самой древней Руси. Отъ него очень удобно могутъ быть произведены многія дальнѣйшія явленія въ жизни народа, все больше и больше удалявшія его отъ «общенія» со всѣми другими сословіями. Будущіе историки замѣтятъ безъ всякаго сомнѣнія, что наши толки объ этомъ общеніи съ народомъ, наши порывы къ народности и начинаются именно съ той поры, когда стала сознаваться, и наконецъ оф-

фиціально отвергнута эта давняя несправедливость; что слѣдовательно истинное общеніе съ народомъ главнѣйшимъ образомъ имѣетъ общественный и экономическій смыслъ; что заключать условіе сближенія съ народностью въ калѣкахъ перехожихъ и въ камнѣ алатырѣ, въ отказѣ отъ мнимо «ложной» цивилизаціи — есть крайнее непониманіе. Когда это непониманіе заходитъ слишкомъ далеко, оно въ состояніи перейти въ фанатическій обскурантизмъ.

Въ какомъ видѣ представляется намъ, съ этой точки зрѣнія, отношеніе къ народу «просвѣщенія» XVIII вѣка? Мы видѣли, что г. Галаховъ нашелъ только, что тогдашніе писатели съ пренебреженіемъ относились къ народнымъ книгамъ; онъ прибавляетъ, что впрочемъ нѣкоторые изъ нихъ (Львовъ, Майковъ и др.) пользовались для своихъ произведеній и народными элементами пословицъ, пѣсенъ и т. п., и только. Эти факты занимательны только съ точки зрѣнія «теоріи», которая, какъ говоритъ г. Галаховъ, отвергала въ XVIII столѣтіи народную поэзію по неудовлетворительности ея формы; но съ точки зрѣнія, нами указанной, они говорятъ очень мало. Люди, употреблявшіе формы народной поэзіи, могли нисколько не понимать народа и не искать сближенія съ нимъ. Съ другой стороны, писатели, остававшіеся при обычныхъ преданіяхъ внѣшней формы, могли быть несравненно ближе къ пониманію народа, могли находить самый серьезный интересъ въ его жизни и желать ему полнаго общественнаго права. Въ этомъ и должны были состоять первые признаки истиннаго стремленія къ сближенію и «общенію» съ нимъ... И такъ, въ какомъ видѣ является къ намъ съ этой стороны русское «просвѣщеніе» XVIII вѣка? Мы говорили уже прежде, что въ массѣ писателей, принявшихъ европейскія литературныя традиціи, было нѣсколько личностей, для которыхъ дѣло просвѣщенія было дѣйствительно дѣломъ серьезнаго убѣжденія; эти люди не останавливались на тѣхъ мелкихъ понятіяхъ, которыя господствовали въ большинствѣ тогдашнихъ писателей и дѣлали изъ нихъ или пустыхъ панегиристовъ, или черезъ мѣру осторожныхъ и невинныхъ сатириковъ, и проводили свое убѣжденіе до его послѣднихъ выводовъ. Европейское вліяніе сказывалось иногда въ нихъ (напримѣръ въ Радищевѣ) сильнѣе, чѣмъ во многихъ другихъ, но это обстоятельство не помѣшало, или скорѣе, оно-то и помогло имъ стать въ то отношеніе къ народу и народной жизни, которое въ наше время назвали бы опы-

номъ сближенія. Мы укажемъ тѣ же факты, которые отчасти имѣли случай упоминать: такое сближеніе мы видимъ у Радищева, который съ свойственной ему пылкостью говорилъ о необходимости освобожденія крестьянъ; у Новикова, который въ «Живописцѣ» также отдалъ народу почтенную дань серьезнаго сочувствія и всей своей дѣятельностью выражалъ стремленіе служить обществу и народу; у Лопухина, который вступался на дѣлѣ за интересы народа и настаивалъ на необходимости дать терпимость для секты духоборцевъ и т. п. Найдутся конечно и другіе примѣры такого сочувствующаго отношенія къ народной массѣ, и съ точки зрѣнія культуры и просвѣщенія выраженія подобнаго сочувствія къ народу конечно имѣютъ несравненно больше значенія, чѣмъ какія нибудь незначительныя и формальныя заимствованія изъ народныхъ сказокъ или пѣсенъ, въ которыхъ г. Галаховъ отыскиваетъ сближеніе съ народностью. «Живописецъ» или другой литературный памятникъ подобнаго свойства, вспоминавшій въ XVIII столѣтіи о состояніи народной массы, конечно былъ къ ней ближе и связанъ съ ней тѣснѣе, чѣмъ тѣ писатели, которые снисходили къ bas peuple innocent и брали героями своихъ произведеній царевичей, воспѣвали «дѣвушекъ россійскихъ», пляшущихъ подъ «свирѣлью пастушка», какъ одописецъ Державинъ и другіе. И если г. Галаховъ, слѣдя за отношеніями народныхъ началъ къ просвѣтительной литературѣ, желалъ найти въ прежнихъ фактахъ литературы историческіе зачатки «общенія» съ народомъ, котораго требуетъ современное сознаніе общества, то старыя преданія этого общенія онъ найдетъ именно у писателей, нами обозначенныхъ.

Если для г. Галахова исторія литературы дѣйствительно имѣетъ смыслъ исторіи внутренней жизни и развитія цѣлой національной массы, а не одного избраннаго кружка литераторовъ, мы совѣтовали бы ему больше обратить серьезнаго вниманія на тѣ общіе вопросы нашего историческаго развитія, которые собственно одни и важны для уразумѣнія его читателей. Мы указали два, три такихъ общихъ вопроса и каждый разъ находили въ новой «исторіи» ту же неясную путаницу понятій, которая свирѣпствуетъ въ нашей журнальной и даже спеціально ученой литературѣ этихъ вопросовъ. Г. Галаховъ хотѣлъ связать два взгляда, довольно радикально противоположные одинъ другому, и не связалъ ихъ: читатель, незнакомый прежде съ сущностью дѣла, будетъ часто недоумѣвать надъ смысломъ разнообразныхъ

явленій, которыя придется ему подводить то подъ одну, то подъ другую точку зрѣнія. Новый историкъ желалъ примирить тѣ расходящіяся воззрѣнія, которыя высказывались въ литературѣ и получили въ ней каждое своихъ проселитовъ; существованіе проселитовъ казалось автору уважительнымъ основаніемъ дать этимъ воззрѣніямъ мѣсто въ своей книгѣ, — примиреніе оказалось чисто наружнымъ и нисколько не убѣдительнымъ. Оттого въ его критикѣ слышно и Шевырева, и Бѣлинскаго, и Сухонинова, и Буслаева, и Бернгарди, — какъ мы видѣли. Что такое было введеніе христіанства въ отношеніи къ народности, что такое Византія, въ чемъ состоитъ «независимое содержаніе» народности, какъ понимать отношеніе новаго образованія къ самобытно русскимъ началамъ, до какой глубины доходило европейское вліяніе въ XVIII столѣтіи, — все это по прежнему остается нерѣшеннымъ и ad libitum читателя. Ясное дѣло, что существенный вопросъ науки — вопросъ о внутреннемъ смыслѣ событій и литературныхъ фактовъ отъ этого не выигрываетъ нисколько.

Къ сожалѣнію, г. Галаховъ не выходитъ своей книгой изъ ряда тѣхъ изслѣдованій о нашей литературѣ, которыя всѣ обращены на изученіе подробностей и не обнимаютъ ихъ общаго значенія. Стараніе быть безпристрастнымъ и принять въ разсчетъ разныя направленія, оказавшіяся въ изученіи предмета, привело его къ неопредѣленности и безхарактерности. Во многихъ случаяхъ г. Галаховъ—въ исторіи мысли—принимаетъ совершенно оффиціальный тонъ, до того, что на стр. 341 говоритъ, напр., что «псевдоклассицизмъ изъ Франціи перешелъ въ другія *государства*» (напр. въ Гессенъ-Кассель?). Свои сужденія, какъ мы видѣли, авторъ обыкновенно не договариваетъ, когда идетъ дѣло о вопросѣ слишкомъ спорномъ, — но они конечно только тогда и получаютъ смыслъ, когда досказаны, когда мысль проведена до конца. Будущимъ историкамъ литературы въ этомъ отношеніи остается та же самая задача, какъ и прежде.

НОВЫЯ КНИГИ.

Казаки. Кавказская повѣсть графа *Л. Н. Толстаго*. «Рус. Вѣсти.» № 1, 1863.

Для новой нашей литературы, кажется, уже совсѣмъ прошло время романовъ и повѣстей съ трескучими событіями, необыкновенными эффектами, неизмѣримыми страстями и т. п. Теперь ужь рѣдко какому нибудь писателю, понимающему жизнь, приходитъ въ голову ставить своихъ героевъ въ сверхъестественныя положенія, создавать на ихъ дорогѣ фантастическія препятствія, мѣшающія ихъ счастью, и заставлять ихъ проходить длинный рядъ необыкновенныхъ приключеній, цѣной которыхъ пріобрѣтается наконецъ счастливая развязка.

Простыхъ обыденныхъ препятствій къ достиженію не только счастья, но и просто сноснаго положенія, стало оказываться такое множество, что разсказы о вымышленныхъ бѣдствіяхъ и романтическихъ чувствованіяхъ перестали занимать общество. Чѣмъ проще, обыкновеннѣе, реальнѣе сюжетъ и положеніе дѣйствующихъ лицъ, тѣмъ занимательнѣе произведеніе публикѣ, потому что описаніе реальныхъ страданій и реальныхъ радостей несравненно болѣе раздражаетъ мысль и чувство, чѣмъ всевозможныя хитро-придуманныя сцѣпленія обстоятельствъ, выходящихъ изъ ряду вонъ, — когда общество начинаетъ принимать извѣстное серьезное настроеніе. Ему надоѣдаетъ изображеніе вздорныхъ скорбей и радостей разныхъ героевъ, по поводу ихъ удачъ или неудачъ въ отысканіи удовлетворенія своимъ искусственнымъ и пошлымъ потребностямъ, описанія не-

ясныхъ ощущеній, не научающія его ничему, ни въ положительномъ, ни въ отрицательномъ смыслѣ. Общество ищетъ въ романѣ своего собственнаго интереса и своей жизни, и служеніе этому интересу стало главной задачей писателя, и чѣмъ сильнѣе талантъ, тѣмъ болѣе съ него спросится. Въ нашемъ отечествѣ, гдѣ все еще такъ слабо сознательное развитіе, истина эта также начинаетъ получать право гражданства, и рѣже попадаются поэты, которые воображаютъ, что въ настоящее время достаточно

Красу небесъ, долинъ и моря
И ласку милой воспѣвать,

и излагать читателю свое туманное credo, чтобы считать себя передовымъ человѣкомъ и властвовать надъ «толпой». Эта толпа уже не признаетъ этихъ властителей; ея поэтическій идеалъ не выходитъ изъ области ея собственной человѣческой жизни и человѣческихъ правъ. Люди поняли, что счастье человѣка есть его естественное право, и что право это у него постоянно отнимается или нарушается вслѣдствіе неблагопріятно сложившихся условій и недостаточности знанія. Они поняли, что весь драматизмъ положеній, и жизненныхъ, и поэтическихъ, заключается въ томъ, что съ одной стороны человѣкъ самъ создаетъ общественныя условія, а съ другой—онолѣ и какъ бы фаталистически подчиненъ этимъ условіямъ, и страдаетъ, стараясь измѣнить хотя нѣкоторыя изъ нихъ. Вслѣдствіе этого современный писатель ставитъ обыкновенно своихъ героевъ на реальную почву, показываетъ реальныя препятствія, съ которыми они должны бороться, а также коренныя причины этихъ препятствій, лежащія во всей совокупности общественныхъ условій и въ самомъ человѣкѣ, какъ продукты этихъ условій. Этимъ способомъ читатель хотя отчасти приводится къ уразумѣнію средствъ, обладая которыми, можно, во первыхъ, бороться успѣшнѣе и безъ той огромной и безполезной растраты силъ, которой человѣкъ обыкновенно подвергается, а, во вторыхъ, удобнѣе предохранять себя отъ вредныхъ, обезсиливающихъ вліяній среды. Не смотря на тупоумные крики поклонниковъ стараго искусства, романъ и повѣсть этого рода взяли верхъ окончательно, а писатели волей, неволей стали покоряться требованію общества, которое въ послѣднее время особенно настоятельно спрашиваетъ, почему

Который ужь вѣкъ
Бѣденъ, несчастливъ и золъ человѣкъ.

Словомъ, романъ и повѣсть придвинулись къ тому вопросу: какими именно средствами личность можетъ добиться возможной доли

счастья, и въ чемъ должна заключаться ея дѣятельность по отношенію къ средѣ и другимъ личностямъ для достиженія искомой цѣли? Наука рѣшаетъ эти вопросы въ теоріи, но выводы ея еще не проникли въ сознаніе людей, одаренныхъ художественнымъ талантомъ; истина этихъ выводовъ еще не получила для нихъ характера очевидности. Но скоро и этотъ вопросъ перейдетъ изъ сферы научной въ сферу искусства, къ неоцѣненнымъ свойствамъ котораго принадлежитъ обобщеніе и популяризированіе результатовъ, добытыхъ наукой.

При такомъ положеніи современной мысли выступилъ снова на беллетрическое поприще графъ Л. Н. Толстой; два послѣдніе года онъ посвятилъ, какъ извѣстно, исключительно педагогической дѣятельности и издавалъ педагогическій журналъ «Ясная Поляна». Повѣсть, съ которой онъ возвращается къ старой дѣятельности, появилась, какъ и слѣдовало ожидать, въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Мы вовсе не желали бы здѣсь касаться педагогической дѣятельности графа Л. Н. Толстаго, а по старой критической теоріи и не имѣли бы на это права. Старая теорія говоритъ: вотъ сочиненіе, пиши критику именно на эту книжку и опредѣляй, чего она стоитъ по отношенію къ искусству, манерѣ изложенія, занимательности сюжета и правильности положеній дѣйствующихъ лицъ. Къ сожалѣнію многихъ любителей искусства, теорія эта измѣнилась съ тѣхъ поръ, какъ въ литературѣ получилъ свою роль элементъ общественный, и писатель, переставъ изображать изъ себя жреца, сдѣлался общественнымъ дѣятелемъ наряду съ другими людьми. Объ общественной дѣятельности человѣка нельзя судить по какому нибудь одному факту, случайно попавшемуся подъ руку, какъ бы значителенъ ни былъ этотъ фактъ. Сужденіе можетъ быть вѣрно только тогда, когда разбирая какой нибудь фантъ общественной дѣятельности человѣка, мы указываемъ мѣсто его въ послѣдовательномъ ряду другихъ подобныхъ явленій, совокупность которыхъ и есть то, что называется общественною дѣятельностью человѣка, а затѣмъ обращаемъ вниманіе на причины и необходимыя послѣдствія разбираемаго факта. Критика по неволѣ должна была стать въ такое же положеніе относительно литературной дѣятельности писателя, и при разборѣ отдѣльнаго произведенія должна коснуться общаго смысла его дѣятельности, той степени развитія, на которой стоитъ въ данную минуту талантъ его, указать связь между прежнимъ и настоящимъ. И чѣмъ разнообразнѣе дѣятельность писателя, тѣмъ интереснѣе связь ея различныхъ фазисовъ между собою, или, такъ сказать, логическое развитіе этой дѣятельности. Вотъ на этихъ-то основаніяхъ, не смотря на все наше желаніе не касаться въ настоящей статьѣ педагогической дѣятельности гр. Л. Н. Толстаго, мы находимся въ необходимости сказать и о ней нѣсколько

словъ, ибо между этою дѣятельностью и появленіемъ его повѣсти «Казаки» есть связь, и довольно тѣсная связь.

Въ тотъ моментъ, когда стало ясно обрисовываться новое русло, въ которое вступила современная жизнь, когда требованія ея отъ науки и искусства стали уясняться, а старые знаменитые писатели начали не безъ нѣкотораго озлобленія протестовать противъ нихъ, въ это время графъ Л. Н. Толстой обратился къ практической дѣятельности, какъ бы не желая участвовать въ словесномъ препирательствѣ, какъ бы желая именно этою дѣятельностью выяснить свое личное воззрѣніе на современную задачу общественнаго дѣятеля и на его отношенія къ новымъ требованіямъ жизни. Эта практическая дѣятельность, начатая довольно шумно, ему не удалась, потому что всякая практическая дѣятельность требуетъ серьезной подготовки и строго опредѣленнаго воззрѣнія, во первыхъ, на самую эту дѣятельность, а во вторыхъ, на ея отношенія ко всему строю современной общественной жизни. Скоро оказалось, что у новаго педагога взглядъ на его собственную дѣятельность страдаетъ изрядной распущенностью, что желаніе сказать что нибудь такое, чего еще никто не говорилъ, и сдѣлать то, чего еще никто не дѣлалъ, вводя его въ грубыя ошибки, обличаетъ въ отсутствіи знанія и въ нетвердости мышленія. Это было ему замѣчено. Онъ отвѣчалъ на это жолчными отзывами и, приписавъ, вѣроятно, такое мнѣніе о своихъ средствахъ къ дѣятельности на избранномъ имъ поприщѣ зависти и недоброжелательству, съ которыми посредственность всегда относится къ геніальности, рѣшился совершенно оставить и не признавать современную жизнь, ея требованія и стремленія, ея надежды и опасенія, и съ каждой книжкой своего педагогическаго журнала становился все настойчивѣе въ своей непослѣдовательности, все презрительнѣе къ современнымъ результатамъ знанія и основанной на нихъ дѣятельности людей новаго порядка. Когда эта педагогическая пропаганда пала, истощивъ свои силы въ борьбѣ съ равнодушіемъ публики, мы уже тогда догадывались, что если беллетристическая дѣятельность графа Л. Н. Толстаго возобновится, то онъ явится въ ней писателемъ протестантомъ, la gloire oblige, и знаменитому писателю неприлично же выслушивать мнѣнія какихъ нибудь не знаменитыхъ или дерзкихъ писателей. Мы ожидали, что, въ отмщеніе за посягательство на свою прежнюю славу и новыя способности, графъ Л. Н. Толстой приметъ манеру другаго знаменитаго писателя, перепугавшагося до полусмерти современнаго поворота мысли. Мы однако ошиблись. Вслѣдствіе ли невозможности положительно отречься отъ выводовъ современной науки о человѣческомъ благосостояніи, знакомство съ которыми хотя и безпорядочно, неполно и распущенно, но проглядываетъ въ педагогическихъ писа-

ніяхъ графа Л. Н. Толстаго, вслѣдствіе ли отсутствія того огорченія, которое овладѣло г. Тургеневымъ, но повѣсть «Казаки» не этой стороной связана съ Ясной Поляной. Эта повѣсть является не протестомъ, а сугубымъ непризнаніемъ всего, что совершилось и совершается въ литературѣ и въ жизни, и построена на тѣхъ художественныхъ основаніяхъ, по которымъ художнику ни въ какомъ отношеніи законъ не писанъ.

Повѣсть «Казаки» названа авторомъ кавказскою, потому, вѣроятно, что дѣйствіе происходитъ на Кавказѣ. Она имѣетъ характеръ очерковъ, взятыхъ изъ станичной жизни казаковъ; дѣйствіе происходитъ въ станицѣ, на берегахъ Терека. Если бы эти очерки явились въ формѣ простаго разсказа путешественника, или вообще лица, какимъ нибудь образомъ попавшаго въ эту далекую и малоизвѣстную сторону, то они могли бы доставить легкое и очень занимательное чтеніе. Конечно, въ этомъ случаѣ можно было бы пожаловаться на автора за легкомысленное обращеніе съ предметомъ, за поверхностный взглядъ на окружающую его среду; читатель пожелалъ бы, можетъ быть, знать причины, почему такъ, а не иначе сложился оригинальный бытъ того народа, къ которому своевольно привелъ его авторъ, а между тѣмъ принужденъ разсматривать его нравы, обычаи и весь общественный строй жизни сквозь узенькое и тусклое окно хаты. Не смотря однакожь и на это, пестрая, разнообразная и оригинальная картина все-таки удовлетворила бы его отчасти—это весьма вѣроятно. Бѣда только въ томъ, что по прихоти автора эти очерки являются не простыми очерками, а въ видѣ повѣсти, гдѣ героемъ является конкеръ изъ образованнаго и даже аристократическаго общества города Москвы, по фамиліи Оленинъ. Этотъ Оленинъ не принадлежитъ къ группѣ лицъ кавказской, казацкой и вообще неизвѣстной читателю мѣстности, разсказамъ о которой онъ долженъ вѣрить автору на слово,—нѣтъ. Это лицо, по крайней мѣрѣ, по платью, образу жизни, привычкамъ, всѣмъ знакомое лицо, естественность и художественную правду котораго легко провѣрить всякому, не бывшему на Кавказѣ и въ станицахъ гребенскихъ казаковъ. Оно по неволѣ привлекаетъ къ себѣ глаза читателя, какъ всегда привлекаетъ наше вниманіе знакомое лицо, встрѣчаемое въ числѣ множества незнакомыхъ. Это лицо, собственно говоря, совершенно ненужное въ казацкой станицѣ и въ казацкой жизни, введено авторомъ съ умысломъ. Оно должно представить рядъ измышленій автора о человѣческомъ счастьи вообще и затѣмъ показать все превосходство идеала счастья простаго, естественнаго, такъ сказать, дикаго, передъ идеаломъ счастья человѣка, заѣденнаго сознательностью, плодомъ неестественной цивилизаціи. Вотъ сюжетъ повѣсти.

Молодой человѣкъ аристократическаго происхожденія и таковаго же общества, Оленинъ, вдругъ проникается отвращеніемъ и къ обществу, въ которомъ онъ живетъ, и къ тому образу жизни, который онъ ведетъ вмѣстѣ съ этимъ обществомъ. Онъ рѣшается начать новую жизнь и бѣжать изъ Москвы. Куда же можетъ бѣжать молодой человѣкъ аристократическаго общества? Конечно на Кавказъ. Авторъ не объясняетъ, почему Оленину вдругъ показалась гнусною и пошлою жизнь, которую онъ велъ, и упоминаетъ только о денежномъ долгѣ молодаго человѣка портному Капелю и о его радости, что онъ будетъ далеко отъ своихъ кредиторовъ. Чѣмъ ближе подъѣзжаетъ Оленинъ къ Кавказу, тѣмъ легче становится ему и, чѣмъ дальше остается за нимъ покинутая московская среда, тѣмъ бодрѣе онъ себя чувствуетъ. Наконецъ доѣзжаетъ онъ до кавказскихъ горъ и поселяется въ станицѣ. Авторъ описываетъ, какъ онъ принялся ходить на охоту, купать въ Терекѣ лошадь, пить съ казаками Ерошкой и Лукашкой чихирь, и любоваться хозяйской дочерью Марьянкой, — ходитъ онъ и въ заходъ, гдѣ ведетъ себя хорошо. Оленинъ отъ всего этого каждый разъ чувствуетъ себя морально-свѣжимъ, *сильнымъ* и совершенно счастливымъ. Первое измышленіе автора на счетъ человѣческаго счастія Оленинъ предлагаетъ читателю по поводу разговора своего съ казакомъ Ерошкой, сказавшимъ, что «послѣ нашей смерти изъ насъ трава выроститъ».

«Да что же, что трава выростетъ? думалъ онъ дальше: все надо жить, надо быть счастливымъ; потому что я только одного желаю — счастія. Все равно, что бы я ни былъ: такой же звѣрь, какъ и всѣ, на которомъ трава ростетъ, и больше ничего, или я равно, въ которой вставилась часть единаго Божества: все-таки надо жить наилучшимъ образомъ. Какже надо жить, чтобы быть счастливымъ, и отчего я не былъ счастливъ прежде?» И онъ сталъ вспоминать свою прошедшую жизнь, и ему стало гадко на самого себя. Онъ самъ представился себѣ такимъ требовательнымъ эгоистомъ, тогда какъ въ сущности ему для себя ничего не было нужно. И все онъ смотрѣлъ вокругъ себя на просвѣчивающую зелень, на спускающееся солнце и ясное небо, и чувствовалъ себя все такимъ же счастливымъ, какъ и прежде. «Отчего я счастливъ, и зачѣмъ я жилъ прежде?» подумалъ онъ. «Какъ я былъ требователенъ для себя, какъ придумывалъ и ничего не сдѣлалъ себѣ, кромѣ стыда и горя! А вотъ какъ мнѣ ничего не нужно для счастія!» И вдругъ ему какъ будто открылся новый свѣтъ. «Счастіе вотъ что, сказалъ онъ самъ себѣ, счастіе въ томъ, чтобы жить для другихъ. И это ясно. Въ человѣка вложена потребность счастія; стало быть она законна. Удовлетворяя ее эгоистически, то есть отыскивая для себя богатства, славы, удобствъ жизни, любви, можетъ случиться, что обстоятельства такъ сложатся, что невозможно будетъ удовлетворить

этимъ желаніямъ. Слѣдовательно, эти желанія незаконны, а не потребность счастія незаконна. Какія же желанія всегда могутъ быть удовлетворены, не смотря на внѣшнія условія? Какія? Любовь, самоотверженіе!» Онъ такъ обрадовался и взволновался, открывъ эту, какъ ему показалось, новую истину, что вскочилъ, и въ нетерпѣніи сталъ искать для кого бы ему поскорѣе пожертвовать собой, кому бы сдѣлать добро, кого бы любить. «Вѣдь ничего для себя не нужно, все думалъ онъ, отчего же не жить для другихъ?»

Подъ вліяніемъ такихъ мыслей, Оленинъ придя домой взялъ да и подарилъ казаку Лукашкѣ старую лошадь, стоившую рублей сорокъ. Но самыя главныя занятія героя было любоваться «на утро, на горы, на Марьянку».

«Онъ смотрѣлъ, говоритъ авторъ, на Марьянку и любилъ ее (какъ ему казалось) также какъ любилъ красоту горъ и неба, и не думалъ входить ни въ какія отношенія къ ней. Ему казалось, что между нимъ и ею не можетъ существовать ни тѣхъ отношеній, которыя возможны между ею и казакомъ Лукашкой, ни еще менѣе тѣхъ, которыя возможны между богатымъ офицеромъ и казачкой дѣвкой. Ему казалось, что ежели бы онъ попытался сдѣлать то что дѣлали его товарищи, то онъ бы промѣнялъ свое, полное наслажденій, созерцаніе, на бездну мученій, разочарованій и раскаяній. Притомъ же, въ отношеніи къ этой женщинѣ, онъ уже сдѣлалъ подвигъ самоотверженія (*), доставившій ему столько наслажденія; а главное, почему-то онъ боялся Марьянки и ни за что бы не рѣшился сказать ей слово шуточной любви.

Наконецъ является въ станицѣ одинъ изъ его московскихъ пріятелей князь Бѣлецкій, который удивляется его образу жизни, удивляется тому, какъ онъ до сихъ поръ не свелъ знакомства съ казачками и пренебрегаетъ красавицей Марьянкой. Оленинъ отвѣчалъ, что онъ составляетъ исключеніе. Бѣлецкій почти насильно заставляетъ его придти къ себѣ на вечеринку, гдѣ собрались казачки, и доставляетъ ему случай обнять и поцаловать Маріану. Оленину эта вечеринка, до поцалуя, все казалась почему-то противною и его все отъ чего-то коробитъ. Авторъ очень тонко, хотя и не совсѣмъ понятно, передаетъ эти ощущенія героя, но за то ничего не говоритъ, какъ показалась Оленину вечеринка эта послѣ поцалуя.

Послѣ этого поцалуя, отношенія Оленина къ Марьянкѣ измѣнились. Онъ сталъ съ ней кланяться и ходить въ гости къ ея отцу. Авторъ говоритъ, что «онъ *ничего не желалъ отъ нея*, а съ каждымъ

(*) Онъ рѣшился великодушно уступить ее казаку Лукашкѣ, за котораго она была оговорена.

днемъ ея присутствіе становилось ему необходимостью». Не смотря на то, что дѣло начинаетъ уже разъясняться, авторъ очень добродушно и искренно написалъ только что приведенную нами фразу и даже продолжаетъ слѣдующимъ образомъ разсуждать за Оленина:

«Оленинъ такъ вжился въ станичную жизнь, что прошедшее показалось ему чѣмъ-то совершенно чуждымъ, а будущее, особенно внѣ того міра, въ которомъ онъ жилъ, вовсе не занимало его. Получая письма изъ дома, отъ родныхъ и пріятелей, онъ оскорблялся тѣмъ, что о немъ видимо сокрушались, какъ о погибшемъ человѣкѣ, тогда какъ онъ, въ своей станицѣ, считалъ погибшими всѣхъ тѣхъ, кто не велъ такую жизнь, какъ онъ. Онъ былъ убѣжденъ, что никогда не будетъ раскаеваться въ томъ, что оторвался отъ прежней жизни и такъ уединенно и своеобразно устроился въ своей станицѣ. Въ походахъ, въ крѣпостяхъ, ему было хорошо; но только здѣсь, только изъ подъ крыльцина дяди Ерошки, изъ своего лѣса, изъ своей хаты на краю станицы, и въ особенности при воспоминаніи о Марьянкѣ и Лукашкѣ (см. на стр. 89 исторію о подаренной лошади), ему ясна казалась вся та ложь (какая ложь?), въ которой онъ жилъ прежде и которая уже и тамъ возмущала его, а теперь стала ему невыразимо гадка и смѣшна. Онъ съ каждымъ днемъ чувствовалъ себя здѣсь болѣе и болѣе свободнымъ, и болѣе человѣкомъ. Совсѣмъ иначе, чѣмъ онъ воображалъ, представился ему Кавказъ. Онъ не нашелъ здѣсь ничего похожаго на всѣ свои мечты и на всѣ слышанныя и читанныя имъ описанія Кавказа. «Никакихъ здѣсь нѣтъ бурокъ, стремнинъ, Амалатъ-бековъ, героевъ и злодѣевъ», думалъ онъ: «люди живутъ, какъ живетъ природа; умираютъ, родятся, совокупляются, опять родятся, дерутся, пьютъ, ѣдятъ, радуются, и опять умираютъ, и никакихъ условій, исключая тѣхъ неизмѣнныхъ, которыя положила природа солнцу, травѣ, звѣрю, дереву. Другихъ законовъ у нихъ нѣтъ»... И отъ того люди эти, въ сравненіи съ нимъ самимъ, казались ему прекрасны, сильны, свободны, и глядя на нихъ, ему становилось стыдно и грустно за себя. Часто ему серіозно приходила мысль бросить все, приписаться въ казаки, купить избу, скотину, жениться на казачкѣ, — только не на Марьянѣ, которую онъ уступалъ Лукашкѣ, — и жить съ дядей Ерошкой, ходить съ нимъ на охоту и на рыбную ловлю, и съ казаками въ походы. «Что жь я не дѣлаю этого? Чего жь я жду?» спрашивалъ онъ себя. И онъ подбивалъ себя, онъ стыдилъ себя: «Или я боюсь сдѣлать то что самъ нахожу разумнымъ и справедливымъ? Развѣ желаніе быть простымъ казакомъ, жить близко къ природѣ, ни кому не дѣлать вреда, а еще дѣлать добро людямъ, развѣ мечтать объ этомъ глупѣе чѣмъ мечтать о томъ, о чемъ я мечталъ прежде, — быть, напримѣръ, министромъ, быть полковымъ командиромъ?» Но какой-то голосъ говорилъ ему, чтобъ онъ подождалъ и не рѣшался. Его удерживало смутное сознаніе, что онъ не можетъ жить вполнѣ жизнью Ерошки и Лукашки, потому что у него есть другое счастье, — его удерживала

мысль о томъ, что счастіе состоитъ въ самоотверженіи. Поступокъ его съ Лукашкой не переставалъ радовать его (*). Онъ постоянно искалъ случая жертвовать собой для другихъ, но случаи эти не представлялись. Иногда онъ забывалъ этотъ вновь открытый имъ рецептъ счастія, и считалъ себя способнымъ слиться съ жизнью дяди Ерошки; но потомъ вдругъ опоминался и тотчасъ же хватался за мысль сознательнаго самоотверженія, и на основаніи ея спокойно и гордо смотрѣлъ на всѣхъ людей и на чужое счастіе.

Въ августѣ мѣсяцѣ, при сборѣ винограда, ярость Оленина начинаетъ обнаруживаться наконецъ, не смотря на всѣ усилія автора какъ можно дальше оставить это обстоятельство въ туманѣ безсвязныхъ ощущеній героя. Однако всѣ попытки объясненій Оленина въ любви какъ-то не удаются ему,—какъ увѣряетъ авторъ—отъ того, что Оленину всѣ объясненія эти постоянно казались почему-то пошлыми, а Маріана какою-то гордою, неприступною, стоявшею выше всѣхъ его соображеній, но читатель увидитъ далѣе, что дѣло было проще. Наконецъ является на сцену необходимое во всѣхъ старыхъ повѣстяхъ письмо героя, которое никуда не посылается, а служитъ къ тому, чтобы читатели въ одномъ фокусѣ видѣли всю разнообразную массу самыхъ тончайшихъ впечатлѣній, которыми авторъ какъ сѣтью опутываетъ бѣднаго героя. Въ подлинникѣ это письмо очень длинно—на пяти печатныхъ страницахъ, намъ хотѣлось бы выписать цѣликомъ это интересное письмо въ назиданіе любителямъ разслабляющихъ поэтическихъ ощущеній, но оно черезчуръ длинно, а потому приходится дѣлать изъ него извлеченія.

Въ началѣ письма Оленинъ негодуетъ на соболѣзнованія знакомыхъ о его участи, о томъ, что онъ погибнетъ въ кавказской глуши. Онъ смѣется надъ понятіями о счастіи того круга людей, гдѣ онъ прежде жилъ. «Вы мнѣ жалки и гадки», восклицаетъ онъ; — «вы не знаете, что такое счастіе и что такое жизнь». Затѣмъ слѣдуетъ опредѣленіе счастія: «вѣчные неприступные снѣга горъ и величавая женщина въ той первобытной красотѣ, въ которой должна была выйти первая женщина изъ рукъ Творца». Ну, хорошо; далѣе: «счастье,—это быть съ природою, видѣть ее, говорить съ ней!» А потомъ Оленинъ переходитъ къ разсужденіямъ, что онъ именно въ свѣтскомъ-то смыслѣ и желалъ бы пропасть, желалъ бы жениться на казачкѣ, но что онъ не смѣетъ этого, потому что недостоинъ такого блаженства. Свое недостоинство онъ объясняетъ историческимъ изложеніемъ всѣхъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ развитіе его любовныхъ отношеній къ Маріанѣ,

(*) Опять смотри исторію лошади стр. 89.

Сначала, вслѣдствіе предразсудковъ, онъ не вѣрилъ, что можетъ полюбить эту женщину. Онъ любовался ею, какъ красотою горъ и неба. Потомъ почувствовалъ, что созерцаніе этой красоты сдѣлалось для него необходимостію, и спросилъ себя, ужь не любитъ ли онъ казачку? Это чувство, изъясняетъ онъ, не было похоже ни на тоску одиночества и желаніе супружества, ни на платоническую, а еще менѣе плотскую любовь. Ему, изволите видѣть, нужно было только знать, что она близко, и онъ былъ счастливъ и спокоенъ. Когда онъ поцаловалъ ее на вечеринкѣ, онъ вдругъ ощутилъ, — а почему — неизвѣстно, между собою и ею неразрывную связь, но боролся противъ этого ощущенія, думая, что нельзя любить женщину, не понимающую *задушевныхъ интересовъ его жизни*. Здѣсь читатель, какъ намъ кажется, долженъ придти въ совершенное недоумѣніе:—какіе это задушевные интересы его жизни, которыхъ не могла бы понять казачка? Оленинъ ходитъ на охоту, купаетъ лошадей въ Терекѣ, пьетъ чихирь, ходитъ въ набѣгъ, отъ всего этого чувствуетъ себя счастливымъ, никуда не хочетъ уѣзжать — вотъ и всѣ его задушевные интересы. Чего же тутъ не понять казачкѣ! О другихъ же интересахъ, да еще задушевныхъ, во всей повѣсти нѣтъ ни полъ-слова, кажется, эти интересы авторъ поставилъ для красоты слога... Прежде вечеринки (мы продолжаемъ наше извлеченіе), Маріана была для Оленина «чуждымъ, но величавымъ предметомъ *внѣшней* природы», послѣ вечеринки стала «человѣкомъ, но, не смотря на болѣе близкія отношенія, оставалась столь же «чистою, неприступною и величавою». Уже сблизясь съ ея родными и познакомясь съ нею короче, онъ все стыдился тѣхъ обыкновенныхъ словъ, которыя ему приходилось говорить этой женщинѣ. «Я не хотѣлъ, объясняетъ онъ, унижаться, оставаясь въ прежнихъ шуточныхъ отношеніяхъ, и чувствовалъ, что я не дорослъ до прямыхъ и простыхъ отношеній». Онъ съ отвращеніемъ отталкивалъ отъ себя мысль сдѣлать ее своей женой или любовницей. «Это было бы убійство». (стр. 126).

«Мое будущее представляется мнѣ еще безнадежнѣе. Каждый день передо мною далекія снѣжныя горы и эта величавая, счастливая женщина. И не для меня единственно возможное на свѣтѣ счастье, не для меня эта женщина! Самое ужасное и самое сладкое въ моемъ положеніи то, что я чувствую, что я понимаю ее, а она никогда не пойметъ меня. Она не пойметъ, не потому что она ниже меня, напротивъ она не должна понимать меня. Она счастлива; она, какъ природа, ровна, спокойна и сама въ себѣ. А я, исковерканное, слабое существо, хочу чтобъ она поняла мое уродство и мои мученія».

Не смотря на это, онъ говоритъ, что любитъ ее, но какъ-то не

самъ, «а черезъ меня любитъ ее какая-то стихійная сила, весь міръ Божій, вся природа вдавливаетъ эту любовь въ мою душу, и говоритъ: люби! я люблю ее не умомъ, не воображеніемъ, а всѣмъ существомъ моимъ». Въ концѣ этого пространнаго письма онъ признается, что старыя его убѣжденія, относительно самопожертвованья, вздоръ, что когда прошла любовь, онъ желаетъ счастья для себя. «Не для другихъ, не для Лукашки я теперь желаю счастья. Я не люблю теперь этихъ другихъ. Прежде я бы сказалъ себѣ, что это дурно. Я бы мучился вопросами: что будетъ съ ней, со мной, съ Лукашкой? Теперь мнѣ все равно. Я живу не самъ по себѣ, но есть что-то сильнѣй меня, руководящее мной». Онъ рѣшается однако, не смотря на все отвращеніе отъ мысли сдѣлать Маріану своей женой, посвататься къ ней. Напившись изрядно чихирю съ ея родителями, онъ сказалъ ей, что хочетъ на ней жениться. Она не отказываетъ, а спрашиваетъ только.

— Куда Лукашку дѣнемъ?

«Онъ вырвалъ у нея руку, которую она держала, и сильно обнялъ ея молодое тѣло. Но она какъ лань вскочила, спрыгнула босыми ногами и выбѣжала на крыльцо. Оленинъ опомнился и *ужаснулся* на себя. Онъ опять показался себѣ невыразимо гадокъ *въ сравненіи съ нею*». Окончательнаго рѣшенія отъ Маріаны онъ потребовалъ послѣ одной стычки съ абреками, гдѣ былъ смертельно раненъ Лукашка, женихъ Маріаны. Вотъ какъ авторъ описываетъ эту сцену:

«Вдругъ она обернулась. На глазахъ ея были чуть замѣтныя слезы. На лицѣ была красивая печаль. Она посмотрѣла молча и величаво.

«Оленинъ повторилъ: — Марьяна! я пришелъ...

«— Оставь, сказала она. Лицо ея не измѣнилось, но слезы полились у ней изъ глазъ.

«— О чемъ ты? Что ты?

«— Что? повторила она грубымъ и жестокимъ голосомъ. — Казаковъ перебили, вотъ что.

«— Лукашку? сказалъ Оленинъ.

«— Уйди, чего тебѣ надо?

«— Марьяна! сказалъ Оленинъ подходя къ ней.

«— Никогда ничего тебѣ отъ меня не будетъ.

«— Марьяна не говори, умолялъ Оленинъ.

«— Уйди постылый! крикнула дѣвка, топнула ногой и угрожающе подвинулась къ нему. И такое отвращеніе, презрѣніе и злоба выразились на лицѣ ея, что Оленинъ вдругъ понялъ, что ему нечего надѣяться, что онъ прежде думалъ о неприступности этой женщины была несомнѣнная правда.

«Оленинъ ничего не сказалъ ей, и выбѣжалъ изъ хаты.

Мы изложили по возможности полно и почти словами автора всѣ

эти странныя ощущенія и приключенія Оленина, составляющія главную часть содержимаго Кавказской повѣсти графа Л. Н. Толстаго. Изъ этого изложенія читатель можетъ легко усмотрѣть, что графъ Толстой принадлежитъ къ той прежней школѣ «художниковъ»—писателей, къ той школѣ, основнымъ правиломъ которой всегда было, чтобы дѣйствующія лица, въ особенности главныя, ощущали какъ можно больше и разсуждали какъ можно безпорядочнѣе, совершенно не отдавали себѣ отчета ни въ своихъ ощущеніяхъ, ни мысляхъ и не обращали никакого вниманія на то, что кругомъ ихъ дѣлается. При началѣ нашего знакомства съ Олениньмъ намъ все казалось, что вотъ-вотъ авторъ отнесется къ своему герою иронически, и даже не безъ презрѣнія къ его наивничанью и крайней пустотѣ, а въ концѣ обличитъ всю ложь его размышленій и вздорную путаницу въ ощущеніяхъ. Но скоро догадались, какъ только вступили на сцену безпрестанные возгласы о красотѣ и величавости природы и первобытной женщины и появились какія-то задушевные интересы, что авторъ смотритъ на своего героя серьезно. Онъ полагаетъ, что поведеніе его очень естественно при тѣхъ условіяхъ, въ которыя онъ его поставилъ, что ощущенія его нормальны. Умыселъ автора по видимому именно былъ—изобразить, что вотъ какъ хороши отношенія людей между собою и къ окружающему ихъ міру въ ихъ первобытномъ, такъ сказать, дикомъ видѣ, но что люди, испорченные нашей цивилизаціей, хотя и могутъ понять и оцѣнить все это, но уже не могутъ наслаждаться тѣмъ счастіемъ, которое даетъ эта первобытность, между тѣмъ какъ тутъ только и есть истинное счастье. Человѣкъ стремится сбросить съ себя путы цивилизаціи и, обратясь къ первобытному состоянію, обрѣсти свое счастье, но порча уже такъ велика, что сдѣлать этого онъ не можетъ. Отсюда безвыходность положенія человѣка и всѣ его несчастія. Не ручаемся, что поняли совершенно мысль автора, потому что онъ безпрестанно противорѣчитъ себѣ въ частностяхъ и загромождаетъ ее анализомъ видѣнныхъ ощущеній и представленій своего героя, выражающихся въ какихъ-то отрывочныхъ, бѣдныхъ реальнымъ содержаніемъ фразахъ. Извѣстно, что, по старой теоріи чѣмъ туманнѣе взглядъ героя на вещи, чѣмъ безпутнѣе его мысль, чѣмъ больше и безсознательнѣе онъ ощущаетъ, тѣмъ поэтичнѣе выходитъ художественное произведеніе, лишь бы слогъ автора былъ хорошъ, да фраза звучала бы намекомъ на какую-то силу мысли и глубину чувства,—послѣднее называлось тонкимъ анализомъ. Мы подозрѣваемъ однако, что угадали главную мысль автора; какъ же онъ ее обставилъ?

Молодой человѣкъ уѣзжаетъ на Кавказъ, потому что общество, окружавшее его, показалось ему пошлымъ и гадкимъ, а

жизнь, которую онъ велъ, отрицательною. Мы уже сказали, что авторъ не объясняетъ, почему возбуждаетъ въ его герое такое отвращеніе та среда, гдѣ онъ воспитался и жилъ; онъ говоритъ только, что герой задолжалъ портному Капелю, а можетъ быть, и еще кому нибудь. Читатель сейчасъ видитъ, что фразы, которыми авторъ увертывается отъ объясненія, ровно ничего не значатъ, а герой просто разсердился на общество за то, что оно не удовлетворяло какимъ нибудь его потребностямъ, вѣроятно тщеславію, самолюбію, желанію успѣховъ въ обществѣ,—мало ли, какія бываютъ потребности! слѣдовательно, не давало ему того счастья, которое ему было тогда нужно. Это весьма просто, потому что, если бы Олениннъ имѣлъ другія причины презирать общество, которое покидалъ, то авторъ не преминулъ бы ясно указать ихъ, потому что сильно симпатизируетъ своему герою. По крайней мѣрѣ, онъ указалъ бы намъ хоть слегка то господствующее убѣжденіе героя, на основаніи котораго читатель могъ бы признать за нимъ право питать отвращеніе къ обществу, гдѣ тотъ жилъ до сихъ поръ. На этомъ-то основаніи Олениннъ и бѣжитъ именно на Кавказъ, потому что ни о какомъ другомъ мѣстѣ для бѣгства онъ никогда не думалъ, а бѣжать ему было все равно, куда, лишь бы тамъ найдутся тѣ удовлетворенія, которыхъ отказывало ему аристократическое общество города Москвы. Понятно, что чувство свободы и спокойствія должно было невольно охватить душу молодаго человѣка, при видѣ чудной природы и вольнаго края, если эта душа не совсѣмъ высохла въ салонной жизни. Свобода — главное и необходимое условіе счастья, отсюда естественно, что воля и роскошная природа Кавказа сдѣлали Оленина на первый разъ удовлетвореннымъ, счастливымъ. Скоро увидѣлъ онъ молодую, красивую женщину, полюбилъ ее, и желаніе обладать ею нѣсколько ослабило счастливыя впечатлѣнія свободной жизни, потому что внесло требованіе еще новаго условія счастья. Здѣсь автору показалось, что будетъ очень обыкновенно, очень пошло и недостойно его способности понимать самыя тончайшія ощущенія души человѣческой, если онъ позволитъ своему герою, человѣку умному (онъ хитро разсуждаетъ о счастьи, самоотверженіи и проч.), человѣку восторженно понимающему изящное (а горы!... а горы!...), глубоко и оригинально чувствующему («черезъ меня любитъ какая-то стихійная сила, весь міръ вдавливаетъ любовь въ мою душу»),—просто покориться этому естественному чувству и попытаться добиться взаимности. Нѣтъ, какъ можно! И вотъ авторъ придумываетъ для героя тьму разныхъ ощущеній, и скорбный герой бьется въ нихъ, ничего не понимая, что происходитъ въ немъ самомъ и вокругъ него, авторъ же занимается анализомъ этихъ ощущеній, ни одного изъ нихъ не

опредѣлия. Сидитъ Оленинъ на крыльцѣ своей хаты, пьетъ чихирь съ дядей Ерошкой и мечтаетъ о могучихъ, дѣвственныхъ формахъ красавицы, находя въ то же время, что въ послѣднемъ случаѣ онъ дѣлаетъ гадости. И не замѣчаетъ авторъ, что такимъ-то именно способомъ идеальничанья съ вещами, которыя сами по себѣ поэтичны потому только, что они просты и естественны, и можно довести положенія до крайней степени пошлости и уродливости. Оленинъ съ своей стороны на крыльцѣ хаты также не замѣчаетъ, что онъ человѣкъ чуждый обществу, въ которое попалъ, и по своему званію, образу жизни, привычкамъ, а главное по своему крайнему бездѣльничеству, долженъ возбуждать если не презрѣніе, то по крайней мѣрѣ самое полное равнодушіе въ казацкой компаніи. Онъ не замѣчаетъ, что съ нимъ обходятся ласково, что Маріана подаетъ ему надежды потому только, что онъ богатъ. Ни автору, ни Оленину, въ ихъ погонѣ за счастьемъ, ни разу не пришло въ голову, что человѣкъ, требуя себѣ счастья, ищетъ его, по необходимости, именно въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ, въ данный моментъ, укладывается его жизнь, а потому, въ дикой ли, въ цивилизованной ли средѣ, ему необходимо знать ея условія, предвидѣть ихъ будущія измѣненія и стараться комбинировать ихъ такимъ образомъ, чтобы они не только не мѣшали удовлетворенію, но способствовали ему. Условія эти разнообразны, но главнымъ образомъ лежатъ въ отношеніяхъ личности къ окружающимъ ее людямъ, и вотъ на эти-то отношенія и обратится мысль человѣка съ толкомъ, если онъ хочетъ добиться цѣли, а не млѣть только да пыть. Его личное исканіе счастья для себя не должно казаться другимъ людямъ посягательствомъ на ихъ долю счастья, а этого можно достигнуть не смотрѣніемъ съ крыльца хаты на горы, не безпрестаннымъ питьемъ чихиря, не купаньемъ лошади въ Терекѣ, не охотой за фазанами и дѣланіемъ подарковъ, а дѣйствительнымъ участіемъ въ окружающей жизни. Это и проглядываетъ въ смутныхъ разсужденіяхъ Оленина о самоотверженіи, которое у него вырождается въ подарокъ Лукашкѣ лошади и въ великодушное намѣреніе не отбивать у него Маріаны. Но эти разсужденія мало прибавляютъ къ дѣлу, потому что авторъ не знаетъ, что не самоотверженіе, какъ его многіе понимаютъ вообще, и не толки объ этомъ самоотверженіи, а твердый и отчетливый взглядъ на среду и отношенія къ ней требуется отъ человѣка для отысканія нужныхъ ему удовлетвореній, иначе придется какъ Оленину, ходить изъ мѣста въ мѣсто, воображая, что гдѣ-то есть такія самородныя условія, въ которыя стоитъ только влѣзть какъ въ ловко сшитый кафтанъ, то и будешь сейчасъ счастливъ. Всѣ авторскія и Оленинскія разсужденія о неприступности первобытной женщины выходятъ какимъ-то дѣланнымъ наивничаньемъ, какъ будто нельзя бы-

[illegible] просто, что казакъ Лукашка, дѣятельный почтенный, и полезный членъ общества, къ которому принадлежитъ, съ которымъ связанъ органическою связью, и въ добавокъ красивый, молодой, долженъ былъ естественно принадлежать Маріанѣ, такому же человѣку, какъ и онъ самъ, а она принадлежать ему. Очень естественно также, что, не смотря на любовь и смиренное почтеніе къ ней Оленина, она не могла предпочесть Лукашкѣ человѣка ей чуждаго, слабаго, незанятаго ничѣмъ кромѣ вздоховъ и мыслей о неприступности и величавости первобытныхъ красавицъ. Разумѣется, она могла бы поддаться обаянію его богатства, но онъ всегда долженъ былъ ей казаться плохъ, и едва совершилась катастрофа съ Лукашкой, она необходимо должна была прогнать его въ штабъ, гдѣ, по всей вѣроятности, онъ будетъ при другихъ обстоятельствахъ смутно и распущенно размышлять о недоступности для него еще какого нибудь новаго условія счастья.

Разныя описанія и отдѣльныя фразы, старающіяся быть очень поэтичными, трактующія о прелестяхъ жизни нецивилизованнаго общества, и дали намъ поводъ думать, что авторъ считаетъ эту жизнь за такую, которая одна и можетъ дать человѣку счастье. Но вся эта поэзія и всѣ смутныя разсужденія по этому поводу только затемняютъ очень простую и общественную мысль. Всякому понятно, что чѣмъ необразованнѣе человѣкъ, чѣмъ менѣе состояніе его удалено отъ дикости, тѣмъ меньше у него потребностей, тѣмъ они ограниченнѣе, и тѣмъ легче и полнѣе удовлетворяются.

Рядомъ съ умственнымъ развитіемъ эти потребности быстро увеличиваются, расширяются, дѣлаются сложнѣе, но способы удовлетворенія развиваются медленно и тупо, далеко не пропорціонально развитію потребностей. Отчего послѣднее происходитъ — и это болѣе или менѣе извѣстно всякому, кто сколько нибудь думалъ объ экономическихъ условіяхъ жизни и кто вдумывался въ неправильности распредѣленія общественныхъ элементовъ и причины этой неправильности. Графъ Толстой съ одной стороны восхищается первобытной обстановкой жизни, съ другой — на Оленинѣ указываетъ, что это счастье уже недоступно для человѣка, исковерканнаго цивилизаціей. Казалось бы, недоступно,—значитъ и толковать объ этомъ нечего. Но знаменитые художники стараго покроя тѣмъ и отличаются отъ другихъ, что любятъ толковать о невозможностяхъ, о томъ, что вотъ какъ бы хорошо было это невозможное, и сколько поэзіи и драматизма въ этомъ стремленіи къ невозможности и въ послѣдующей неудачѣ. Они и знать не хотятъ, что это не болѣе, какъ безплодное раздраженіе фантазіи, и что нормальному человѣку смѣшно и дико слышать и видѣть эти тонкія ощущенія, происходящія отъ нереальныхъ

впечатлѣній, и бѣснованія, за ними слѣдующія. Передъ нимъ ложитъ реальная жизнь, полная реальныхъ препятствій къ счастью, и на устраненіе этихъ-то препятствій и устремляется настойчиво его мысль. Для него интересны всѣ подробности той среды, гдѣ онъ живетъ, потому что тутъ его дѣло, тутъ его борьба, а знаменитые художники подчуютъ его неизвѣстной средой, описываютъ безплодную борьбу, указываютъ, что вотъ какъ хорошо было бы то, чего быть не можетъ. Ему нужно знать, что, при современномъ хаосѣ понятій и явленій, ему нужно дѣлать для завоеванія себѣ хоть извѣстной доли благосостоянія, куда прилѣпиться, чтобы не сгибнуть, а знаменитые художники разсказываютъ ему, какъ ничего не дѣлающій, ничего не сознающій, слабый умомъ и сердцемъ мальчикъ мечется надъ пальной за счастьемъ, да еще за такимъ, въ которое можно было бы ему влѣзть со всѣмъ своимъ внутреннимъ и внѣшнимъ хламомъ, съ своимъ тупымъ эгоизмомъ и заскорузлымъ барствомъ. Да ищетъ еще такого счастья, котораго бы ему самому понять нельзя было, чтобы оно состояло не то изъ какихъ-то звуковъ, не то изъ какихъ-то напаковъ, чтобы тутъ было и могучее, дѣвственное тѣло красавицы, но чтобы отъ прикосновенія къ этому тѣлу ему дѣлалось «гадко» и пр., и пр. Словомъ, знаменитые писатели положительно думаютъ, что имъ никакой логическій законъ не писанъ, что дѣйствительность можетъ идти какъ ей угодно, и что имъ до нея никакого дѣла нѣтъ. Ихъ дѣло мечтать, любоваться природой да описывать идеальныя страданія героевъ, находящихся въ умственномъ несовершеннолѣтіи.

Большинство нашихъ знаменитыхъ художниковъ-писателей сказывается такимъ же образомъ несостоятельно въ виду рѣзкаго поворота, который дало теченіе нашей общественной жизни. Легковѣрные люди, кажется, напрасно будутъ ждать отъ нихъ какого нибудь замѣчательнаго произведенія: его не будетъ, а будутъ разныя повѣсти, разсказы, большіе и небольшіе романы, писанные хорошимъ слогомъ, на старыя, избитыя темы, будутъ описанія изящныхъ страданій, сопровождаемыя тончайшимъ анализомъ цѣлаго ряда самыхъ беззаконныхъ и искусственныхъ ощущеній. Но романа и повѣсти, которые захватывали бы глубоко текущую жизнь, которые бы въ состояніи были на столько раздражить мысль современнаго человѣка, такихъ произведеній наличные знаменитости не дадутъ: они вышли изъ жизни. Они сами впрочемъ не измѣнились, но они не замѣтили, какъ измѣнилась ихъ обстановка. Для нихъ это было внезапностью. Но наконецъ они оглянулись на эту обстановку и замѣтили въ ней разныя вещи, въ виду которыхъ имъ было какъ-то не по себѣ: знаменитости или попрятались, или возроптали. О примиреніи не могло

быть и рѣчи, тѣмъ менѣе объ измѣненіи возарѣній, потому что, во первыхъ, имъ приходилось отказаться отъ прежняго, чему они, будто бы, жарко вѣрили, а во вторыхъ надо было забыть и всѣ раны, нанесенныя ихъ самолюбіямъ, забыть то ужасное ощущеніе, что они, воображавшіе себя всегда руководителями общества, вдругъ очутились на хвостѣ. На этомъ и должно кончиться ихъ художественное поприще, потому что въ жизни зады не повторяются.

Возвращаясь къ повѣсти графа Л. Н. Толстаго, мы должны замѣтить еще одно обстоятельство. Выше мы сказали, что въ его педагогико-издательской дѣятельности видно постоянное усиліе сказать что нибудь такое, чего еще никто не говорилъ, выказать такой пріемъ, до котораго онъ самъ, будто бы, додумался, который есть результатъ его собственныхъ долгихъ наблюденій и глубокихъ соображеній. Это усиліе проглядываетъ всюду и часто по поводу вещей давно извѣстныхъ всѣмъ, сколько нибудь занимавшимся дѣломъ воспитанія. Оно проглядываетъ всего сильнѣе въ стараніяхъ, чтобы кто нибудь, Боже сохрани, не заподозрилъ его въ подражаніи пріемамъ какой нибудь замѣчательной личности, или въ томъ, что онъ воспользовался чьимъ либо опытомъ, и единственно для этого графъ Л. Н. Толстой въ своихъ воспитательныхъ статьяхъ иногда просто отрицаетъ какой нибудь извѣстный выводъ и употребляетъ имъ самимъ изобрѣтенный пріемъ, хотя правильность отвергаемаго есть аксіома, а употребленіе его собственнаго чистая нелѣпость. Это особенно кинулось намъ въ глаза въ сужденіи г. Толстаго объ Оуэнѣ. Какъ въ этомъ случаѣ, такъ и въ своей новой повѣсти графу Л. Н. Толстому вѣроятно показалось недостойнымъ его таланта возвратиться къ бллетрической дѣятельности отъ разработки вопроса о человѣческомъ счастьи на простой, ограниченной почвѣ, въ средѣ болѣе или менѣе извѣстной и потому занимательной для всѣхъ,—это дѣло черноработное. Онъ же захватилъ вопросъ съ точки зрѣнія, такъ сказать, общечеловѣческой и въ своемъ произведеніи свелъ крайнія грани его. Примѣры подобнаго широкаго пониманія и постановки вопроса о человѣческой жизни, конечно есть въ исторіи европейской мысли; были личности, которыя рѣшали ихъ, не связывая себя старой традиціей,—но это были личности, обладавшія въ самомъ дѣлѣ громадными силами, и ихъ внутренній міръ въ самомъ дѣлѣ вмѣщалъ въ себѣ желанія, стремленія и надежды людей современной имъ эпохи. Такіе люди являются рѣдко и хотя совершаютъ мало практическаго дѣла, но ихъ сильный талантъ, ихъ борьба, безпорядочная, но разнообразная и упорная, дѣлаетъ ихъ имена дѣйствительно хорошими и почтенными. Читая ихъ, невольно чувствуешь, что они силой своего генія бываютъ близки къ правдѣ, что они сильные и честные бойцы за идею общественнаго блага. Графъ

Л. Н. Толстой не принадлежитъ къ числу такихъ писателей — лиризмъ его не отражаетъ въ себѣ ничего, кромѣ его собственныхъ, какія Богъ послалъ, ощущеній. Впрочемъ мы, не желая огорчать графа Л. Н. Толстаго, если онъ думаетъ о себѣ иначе, скажемъ; что по нашему мнѣнію времена становятся все труднѣе и труднѣе для появленія такихъ великихъ художниковъ. Настоящій періодъ исторіи есть періодъ развитія знанія, новаго, болѣе реальнаго изслѣдованія и наблюденія. Въ идеяхъ есть много подготовленнаго, что ждетъ благопріятныхъ обстоятельствъ, чтобы перейти въ фактъ, и требуется вѣр аго пониманія, такъ что какъ бы силенъ ни былъ талантъ художника, если онъ будетъ руководиться однимъ личнымъ чувствомъ и не будетъ обращать вниманія на эти положительныя задачи, не ознакомится съ извѣстными матеріалами для ихъ разрѣшенія, его читать не будутъ, тѣмъ менѣе обратятъ вниманіе на писателя, занимающагося анализомъ искусственныхъ страданій и несвязныхъ впечатлѣній.

Однако графъ Л. Н. Толстой все-таки бе.летристъ хорошій,—его можно читать безъ скуки. Онъ хорошій разскащикъ и ловкій, хотя и поверхностный, наблюдатель, но онъ плохой мыслитель. Ему не слѣдуетъ браться за глубокія разсужденія, а тѣмъ болѣе за рѣшеніе вопросовъ о судьбахъ человѣчества. Онъ отличный учитель въ школѣ и отличный разскащикъ того, что видѣлъ и слышалъ, — если впрочемъ видѣнное и слышанное ему понравилось. Намъ кажется, что лучше обойтись съ этимъ.

Изслѣдованіе крестьянской грамотности по деревнямъ, преимущественно Тверской губерніи и частію Московской. *В. Золотова.* Спб. 1863 г. (Изъ «Журн. Мин. Нар. Просв.»).

Не смотря на то, что теперь у знающихъ и не знающихъ, у людей искреннихъ и лицемѣровъ безпрестанно вертится на языкѣ слово «народъ», «народное образованіе», «изученіе» и «общеніе» съ народомъ, извѣстно, что до сихъ поръ встрѣтилось еще очень мало дѣльныхъ голосовъ объ этомъ народномъ образованіи, и не только о какихъ нибудь слишкомъ глубокихъ сторонахъ этого вопроса, но даже и о сторонахъ очень простыхъ, напримѣръ, о фактическомъ состояніи его въ настоящую минуту, о ближайшихъ его потребностяхъ, о книжкахъ, которыя бы годились для чтенія въ деревенской школѣ, объ учителяхъ, которые бы лучше могли пригодиться для деревенскихъ мальчиковъ, и т. п. Между тѣмъ, не было недостатка въ горячихъ толкахъ, даже въ слѣпой ненависти

людей одного взгляда къ людямъ другаго взгляда, хотя ни тѣ, ни другіе небыли еще практическими исполнителями своихъ теорій. Странно, не очень много подобнаго недоуменнаго спора было и въ тѣхъ отзывахъ и мнѣніяхъ, которыя министерство народнаго просвѣщенія нашло нужнымъ собрать отъ людей, спеціально заинтересованныхъ дѣломъ, до самыхъ мѣстныхъ народныхъ учителей. Журнальные споры и нетерпимость проникали иногда даже и въ эту среду и мѣшали ей взглянуть на дѣло проще, такъ, какъ оно лежало передъ ихъ глазами. Нѣкоторые люди, писавшіе нѣкоторыя изъ «мнѣній» о проектахъ министерства, за неимѣніемъ иныхъ аргументовъ, ссылались даже на «широкую славянскую натуру», къ которой будто бы не подходятъ тѣ или другіе школьные распорядки, весьма, впрочемъ, гуманные и почтенные, которые считали возможными «проекты». Извѣстная доля литературы, когда поднялся вопросъ о томъ, въ какихъ рукахъ будутъ народныя школы, съ крайней нетерпимостью начала настаивать на необходимости предоставить школы сельскимъ священникамъ и никакъ не допускала иного порядка, хотя ей основательно возражали, что на священникахъ лежитъ обыкновенно много другихъ обязанностей, почти не оставляющихъ имъ свободнаго досуга и не оставляющихъ никакой возможности вести школу постоянно и правильно. Г. Щербина рѣшился (уже давно) разрѣшить всѣ сомнѣнія о томъ, что дать для чтенія народу, и все еще приготовляетъ свой «Читальникъ», который долженъ совмѣстить въ себѣ все, что по его мнѣнію нужно и благопотребно для народа. Другіе дошлись издавать для народа журналы, но журналы оказывались несладкими и непародными. Были даже люди, полагавшіе, что мы, люди образованные, и думать не должны о томъ, чтобы мѣшаться въ народное образованіе, что оно есть и должно оставаться дѣломъ народа, который лучше насъ знаетъ, что ему нужно, что онъ даже самъ создалъ себѣ свою грамотность («ничечники», «мастерицы» и т. п.).

Были впрочемъ случаи, что нѣкоторые образованные люди не смущались этими мнимыми препятствіями и своимъ недостоинствомъ брались за дѣло «самого народа» и попытались основывать свои частныя школы въ деревняхъ, тамъ часто сами и обучали, и эти практическія попытки часто имѣли полный успѣхъ и приводили къ тому результату, что народъ, замѣтивъ, что ученье дѣтей идетъ толково и что время не пропадаетъ даромъ, оказывалъ этимъ школамъ большое и искреннее участіе, не смотря на всѣ горькія сожалѣнія тѣхъ людей, которые думали, что «общество» совершенно оторвалось отъ народа и что народъ не признаетъ и не хочетъ его образованія.

Эти простые и довольно извѣстные примѣры должны были бы убѣдить людей, рѣшающихъ по своему дѣло народнаго образованія,

что есть возможность вести это дѣло, не осуждая другихъ на свою исключительность; что есть простые пріемы этого дѣла, которые могутъ быть дѣйствительны, хотя и противорѣчатъ пріемамъ начетчиковъ и мастерицъ, т. е. противорѣчатъ народной традиціи; что народъ откажется отъ этой традиціи очень легко, когда увидитъ на дѣлѣ, что въ новомъ ученьѣ есть толкъ и видимая польза. Къ сожалѣнію, всякое упрямство тѣмъ и дурно, что никакъ не можетъ представить себѣ дѣла съ иной точки зрѣнія, кромѣ той, которая разъ забралась въ голову.... Ясное дѣло, что отъ этихъ частныхъ школъ (напр. нѣсколькихъ, описанныхъ въ «Ясной Полянѣ») образованіе можетъ идти совершенно правильно и дальше, такъ что наконецъ, мало помалу и съ постепеннымъ развитіемъ дѣла, оказалось бы, что въ народѣ разумѣется не существуетъ никакой органической антипатіи къ нашей «образованной» школѣ, новымъ способамъ обученія и здравымъ педагогическимъ требованіямъ (найденнымъ хотя бы и нѣмецкой наукой),—антипатіи, которую хотятъ присвоить этому народу его слишкомъ усердные друзья.

Къ подобнымъ мыслямъ привела насъ и брошюра г. Золотова. Извѣстный сочинитель азбукъ и простонародныхъ книжекъ взглянулъ на дѣло такъ просто и съ такимъ отсутствіемъ предразсудковъ, мѣшающихъ здравому сужденію, какъ мы рѣдко встрѣчали въ нашей литературѣ, посвященной вопросу народной школы. Брошюра г. Золотова своимъ простымъ разсказомъ о томъ, что онъ видѣлъ въ деревенскихъ школахъ, переноситъ всѣ туманныя разсужденія о народности и о мнимыхъ потребностяхъ народнаго образованія, которыми стремятся выказать свое глубокомысліе люди, размышляющіе о народной школѣ и никогда ея не видѣвшіе. Г. Золотовъ начинаетъ прямо съ дѣла, т. е. съ своей поѣздки по деревнямъ, толкомъ съ мальчиками и ихъ отцами, съ учителями и священниками, разсказываетъ, какъ учатъ въ томъ или другомъ мѣстѣ, какіе оказываются успѣхи отъ того или другаго ученья, и т. д. Г. Золотовъ имѣлъ и самъ практику въ обученіи «народа»,—онъ приготовлялъ между прочимъ учителей изъ крестьянъ для деревенскихъ удѣльныхъ училищъ, и, имѣя по этому опыту, такъ конечно и по здравому смыслу, держалъ себя просто, т. е. какъ всегда,—никому не пришло въ голову считать его начальникомъ или ревизоромъ; передъ нимъ высказывались мнѣнія, и онъ могъ составить себѣ и передать читателю отчетливое понятіе о томъ, въ какомъ видѣ существуетъ «крестьянская грамотность» въ видѣнныхъ имъ мѣстахъ, и въ чемъ могутъ состоять ея потребности.

Г. Золотовъ имѣлъ порученіе осмотрѣть школы отъ министерства народнаго просвѣщенія и отъ департамента удѣловъ, и главнымъ образомъ ознакомился съ Тверской губерніей. Во всемъ Тверскомъ

удѣльномъ имѣніи только 8 такъ называемыхъ образцовыхъ школъ, т. е. правильно устроенныхъ удѣльнымъ управленіемъ и получающихъ каждая отъ 400 до 500 руб. на свое содержаніе. Но этихъ школъ оказалось мало въ послѣднее время, когда потребность въ грамотности усилилась, и потому открылось много сельскихъ частныхъ школъ, которыхъ въ тверскомъ удѣльномъ имѣніи считается до 278 и въ нихъ до 5,000 мальчиковъ и дѣвочекъ. Г. Золотовъ очень справедливо и обратилъ вниманіе именно на эти школы: хотя, какъ мы увидимъ дальше, основаніе ихъ не вполнѣ принадлежало крестьянской иниціативѣ, но онѣ болѣе или менѣе существовали на собственной волѣ, и показываютъ, въ какомъ состояніи находится грамотность, нужна ли ей поддержка, и какова эта поддержка должна быть.

«Въ частныхъ сельскихъ училищахъ, — разсказываетъ г. Золотовъ, — ученіе производится по древнему обычаю: начинаютъ по книгамъ церковной печати — часослову и псалтырю, и когда уже начнутъ хорошо читать часословъ и псалтырь, тогда переходятъ къ гражданской печати; поэтому церковную печать читаютъ вообще лучше, чѣмъ гражданскую. Вся первая зима, т. е. около семи мѣсяцевъ, при чемъ ежедневно ученіе продолжается съ 8-ми часовъ утра до сумерекъ, посвящается на обученіе чтенію и заучиванію молитвъ съ голоса; только весьма немногіе въ ту же зиму начинаютъ писанію и счисленію на счетахъ; во вторую зиму учатся писать и продолжаютъ читать часословъ и псалтырь, а если и книгу гражданской печати, такъ все таки непремѣнно духовнаго содержанія, и по отвлеченности заключающихся въ ней мыслей еще болѣе непонятную, чѣмъ псалтырь. Ученіе производится, конечно, въ обыкновенной крестьянской избѣ и при томъ рѣдко постоянной, а большей частію очередной, т. е. одну недѣлю у одного изъ родителей учащихся дѣтей, а другую — у другаго, и такъ далѣе; въ чьей избѣ учатся дѣти, тамъ кормится и учитель; нѣкоторые изъ учителей уступаютъ для училища свою избу; но это могутъ дѣлать только тѣ, у кого семья не очень велика; вся учебная мебель состоитъ изъ простаго продольнаго стола; у удѣльныхъ крестьянъ мѣстами сдѣланы особые столы для ученія, а у временно-обязанныхъ и государственныхъ крестьянъ часто просто доска, утвержденная на чемъ нибудь, иногда на двухъ кадочкахъ; но все таки учатся и даже, по средствамъ, довольно успѣшно. Учителями въ этихъ импровизированныхъ училищахъ, большею частію, крестьяне (мужчины и женщины, старые и молодые, даже мальчики и дѣвочки, лѣтъ 14-ти и 12-ти, которые, впрочемъ, учатъ подъ надзоромъ кого либо изъ старшихъ въ семействѣ), отставные церковно-служители, отставные чиновники, даже калѣки; большая часть такихъ преподавателей, не исключая и чиновниковъ, конечно, сами очень мало-грамотны и могутъ учить только механическому чтенію, письму и счисленію на счетахъ. Знаніе учителей принимаютъ на себя и нѣкоторые изъ священниковъ; но это только номинально;

учатъ же — жена священника, сестра его или ея, иногда учитель, договоренный самимъ священникомъ, вмѣстѣ и для своихъ дѣтей, а также и для дѣтей срочно-обязанныхъ крестьянъ, учащихся въ нѣкоторыхъ училищахъ вмѣстѣ съ дѣтьми удѣльныхъ крестьянъ. Поэтому и въ тѣхъ училищахъ, гдѣ учителями считаются священники, ученіе идетъ почти такъ же и совершенно по той же методѣ, какъ и у отставнаго дьячка, солдата или чуть грамотнаго крестьянина. Платятъ крестьяне за обученіе дѣтей своихъ одинаково, какъ священникамъ, такъ и прочимъ учителямъ».

Г. Золотовъ замѣчаетъ, что крестьяне вообще требуютъ, чтобы дѣтей ихъ учили прежде церковной грамотѣ, а потомъ уже гражданской, что наши литературные старовѣры и считаютъ доказательствомъ его нелюбви къ нашему «образованію». Г. Золотовъ, видѣвшій народъ на практикѣ, думаетъ объ этомъ иначе и вовсе не одобряетъ «народнаго» ученія по псалтырю. Его объясненія по этому поводу очень любопытны:

«У крестьянъ, говоритъ онъ, благодаря Бога, при этомъ (то есть пристрастіи къ псалтырскому обученію) нѣтъ никакой задней мысли; у нихъ это — не сознательное убѣжденіе, а просто, можно сказать, только предубѣжденіе, основанное на томъ, что такъ-де наши грамотники и прежде учились — предубѣжденіе, поддерживаемое, во первыхъ, и самими учителями, которые по своей малограмотности и не могутъ иначе учить; во вторыхъ, поддерживаемое преимущественно раскольниками, которые, пользуясь безсмысленностію грамотности выучившихся читать псалтырь, указываютъ сперва имъ на то, что ихъ учителя и попы ничего имъ не объяснили, потомъ начинаютъ объяснять по своему и такимъ образомъ увлекаютъ въ расколъ и особенно дѣвушекъ; на примѣръ этому мнѣ уже указывали въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. При обученіи чтенію церковной печати нѣкоторые изъ крестьянъ имѣютъ и спекулятивную цѣль: «Псалтырь-то, батюшка, говорятъ они, деньги даетъ; случится за упокой души почитать, а за это вѣдь платятъ хорошо». И дѣйствительно, платятъ хорошо, особенно дѣвушкамъ, которыхъ преимущественно для этого берутъ, какъ еще безгрѣшныхъ тѣломъ. «Вотъ дочки-то Карповны, говорила мнѣ одна старуха, читали въ Москвѣ по купцѣ псалтырь и за шесть недѣль шестьдесятъ рубликовъ получили, да и житье-то было какое, все на ситничкахъ жили».

Вслѣдствіе значительнаго запроса читальщицъ псалтыря, замѣчаетъ г. Золотовъ, и каноновъ за упокой душъ усопшихъ братій (каноны эти извѣстны подъ мѣстнымъ, въ Московской губерніи, названіемъ неугасимыхъ; потому что во время ихъ чтенія лампада предъ образомъ не угасаетъ), иныя дѣвочки учатся читать для того, чтобы быть, такъ сказать, привилегированными читальщицами; онѣ не выходятъ замужъ и считаются какъ бы сельскими монахинями и называются [illegible]. Это — обыкновенно, самыя отвратительныя святоши, которыя, устра-

имѣть отъ законнаго брака, нерѣдко имѣютъ связи съ проданными и подобными имъ бродягами. И такія-то существа имѣютъ у себя училища для дѣвочекъ, которыхъ ведутъ къ тому же, къ чему и сами пришли».

Это послѣднее замѣчаніе вызоветъ безъ сомнѣнія на г. Золотова цѣлую бурю, если попадется на глаза упомянутымъ старовѣрамъ, которые не замедлятъ обвинить его въ неуваженіи къ народному обычаю, въ инквизиторскомъ желаніи уничтожать преданія народнаго быта и т. п.,—примѣры этого уже бывали. Мы полагаемъ, что г. Золотовъ готовъ на подобныя встрѣчи.

Вмѣстѣ съ пристрастіемъ къ церковной грамотѣ распространено конечно и пристрастіе къ духовнымъ книгамъ, хотя, по замѣчанію г. Золотова, они и мало понимаются народомъ. Это расположеніе къ церковной грамотѣ и отвращеніе отъ свѣтскихъ книгъ поддерживается всего упорнѣе начетчиками или начетниками, какъ называетъ ихъ г. Золотовъ, вѣроятно по тверскому нарѣчію. Всего чаще это бываютъ раскольники, и г. Золотовъ сравниваетъ ихъ понятія съ понятіями магометанскихъ начетчиковъ, «потому что Мугамедъ, желая предохранить будущія поколѣнія отъ вліянія наукъ, сказалъ: все, что должны знать правовѣрные, заключается въ коранѣ, и все, что напишется послѣ корана, будетъ бредъ людской, недостойный вниманія правовѣрныхъ» (стр. 11). Но случилось однажды, что мальчикъ занесъ домой сказку Пушкина «о рыбакѣ и рыбкѣ», — и эта *свѣтская* книга подверглась сначала гоненію, и мальчикъ также; кто-то уговорилъ однако гонителей прослушать сказку, и она такъ всѣмъ понравилась, что скоро стала извѣстна чуть не цѣлой деревнѣ. — Этотъ анекдотъ имѣетъ по нашему мнѣнію смыслъ болѣе глубокій, чѣмъ смыслъ простаго анекдота. — Г. Золотовъ и самъ вступалъ въ толки съ подобными отрицателями свѣтской грамоты, но ему стоило разъ объяснить имъ просто и здраво смыслъ какой нибудь *свѣтской* сказки, и они убѣждались, что ребята не безъ пользы будутъ читать и эти книжки.

Введеніе грамотности все еще представляетъ крайнія трудности. Народъ съ недовѣрчивостью смотритъ на приглашенія завести школу или посылать дѣтей въ готовую. Такъ въ одномъ селѣ Московской губерніи, гдѣ священникъ основывалъ школу для дѣвочекъ, крестьяне воображали, что священнику нарочно отпущены деньги, чтобы заманивать въ ученье дѣвушекъ, которыхъ по выучкѣ отдадутъ на фабрики или пошлютъ на Кавказъ, въ Сибирь, на Амуръ. Такіе нелѣпые толки, по замѣчанію г. Золотова, нерѣдко распространяются между крестьянами, и это очень естественно;—не первымъ, не сознавая еще самой необходимости грамоты, они объясняютъ добрую волю какимъ нибудь злонамѣреннымъ разсѣяніемъ; не вторымъ, къ прежнія суро-

вая времена они привыкли считать этотъ разсчетъ возможнымъ. Что у крестьянъ нѣтъ еще вовсе сознательнаго убѣжденія въ необходимости грамоты, это г. Золотовъ утверждаетъ положительно:

«Въ общей массѣ крестьянъ и вообще простолюдиновъ, нѣтъ еще сознанія въ необходимости грамотности, какъ средства къ улучшенію ихъ нравственнаго состоянія и хозяйственнаго быта; поэтому если они и учатъ дѣтей своихъ грамотѣ, то это еще не по собственному сознательному побужденію, а по какому нибудь разсчету, постороннему внушенію, по вліянію примѣра; при чемъ однакожь большая часть всѣми силами хлопочетъ, чтобы имѣть учителя не получше, а какъ можно подешевле; чтобы училище было въ ихъ деревнѣ и чтобы дѣти учились никакъ не болѣе трехъ зимъ. Грамотность для крестьянъ въ настоящее время есть еще, можно сказать, оброчная статья, и если объявить крестьянамъ, что предоставляется на ихъ полную волю учить или не учить дѣтей грамотѣ, то имѣющаяся теперь огромная цифра крестьянскихъ школъ въ тверскомъ удѣльномъ имѣніи тотчасъ значительно уменьшится. Поэтому всѣ тѣ, которые близко знакомы съ теперешними понятіями крестьянъ о грамотности—того мнѣнія, что въ настоящее время грамотность должна быть сколько нибудь обязательною; иначе, какъ выразился въ письмѣ своемъ ко мнѣ протоіерей и благочинный Воронцовъ: «долго и напрасно будемъ ждать, чтобы крестьяне сами сознали плодотворные плоды истиннаго просвѣщенія, хотя и нынѣ они смутно чувствуютъ потребность науки и въ жизни, и въ дѣлѣ вѣры своей. Народъ иниціативы и побужденій къ добру привыкъ во всемъ ожидать отъ правительства». Впрочемъ, побужденіе это очень просто и не требуетъ тѣхъ мѣръ, которыя выставлены въ проектѣ устава и общаго плана устройства народныхъ училищъ, и въ замѣчаніяхъ на эти проекты; побужденіе это, вся иниціатива къ дѣлу, можетъ заключаться только въ нѣсколькихъ словахъ, именно: «Государь желаетъ, чтобъ вы учили дѣтей своихъ грамотѣ!» Благодаря Бога, эти простыя слова: «Государь желаетъ» — еще имѣютъ магическое дѣйствіе на нашъ народъ; нужно только умѣть произнести эти слова и потомъ съ теплотою души поддержать дѣло».

Этими магическими словами и дѣйствительно основано было то множество школъ, которое появилось съ 1859 года въ тверскомъ удѣльномъ имѣніи, да и во многихъ другихъ губерніяхъ. Школы основывались по приглашенію удѣльнаго вѣдомства и увѣщаніями Сѵнода, и желаніе Государя, на которое указывали крестьянамъ, было для нихъ рѣшительнымъ аргументомъ. Съ ноября 1859, по май 1862, слѣдовательно только въ два съ половиной года, число школъ въ тверскомъ удѣльномъ имѣніи возвысилось съ 92 до 278, число учащихся съ 1872 до 5269.

Брошюру г. Золотова вообще можно было бы рекомендовать мо-

дамъ, серьезно заинтересованнымъ народной школой и желающимъ знать дѣйствительное положеніе дѣла, а не пристрастныя изображенія людьми разныхъ партій и разныхъ взглядовъ. Однимъ кажется, что его забота о народной грамотности и способѣ устройства ея должны быть предоставлены выбору самого народа; другіе думаютъ, что народъ долженъ учиться по псалтырю и часослову, какъ учился прежде, — потому что такова народная традиція, а народная традиція, какъ обычай, должна уважаться; третьи добавляютъ, что народъ и не любитъ свѣтской грамоты, какъ не любитъ «общества», отъ котораго она исходитъ и т. д.; г. Золотовъ наглядно доказываетъ, что собственныя инициатива грамотности въ народѣ крайне слаба, и что онъ напротивъ нуждается въ поощреніяхъ, и, когда они дѣлаются просто и дружелюбно, охотно имъ слѣдуетъ и самъ соглашается въ пользѣ того, что ему указано. Много подобныхъ вещей объясняется очень просто фактами, которые разсказываетъ г. Золотовъ, и которые конечно не были же имъ выдуманы. Вотъ, напримѣръ, анекдотъ, имъ разсказанный:

«Въ одномъ училищѣ были розданы картины изъ святой исторіи (довольно большаго формата и притомъ раскрашенныя) мальчикамъ и дѣвочкамъ въ видѣ награды; одна дѣвочка остановилась на улицѣ, возлѣ своего дома, стала показывать свою картину: «*Потопъ*» подошедшимъ къ ней дѣтямъ; но возлѣ нея тотчасъ собрался кружокъ не только дѣтей, но и взрослыхъ; подошла сюда же и нищая старушка; бойкая дѣвочка видно хорошо разсказывала, потому что всѣ ее внимательно слушали, а когда она кончила, такъ нищая старушка, вынувъ копѣечку и подавая ее дѣвочкѣ, сказала: «вотъ тебѣ на счастье, за то, что ты такая умница!» Дѣвочка не хотѣла взять копѣйки отъ нищей; но бывшая тутъ же мать ея приказала принять даръ Божьяго человѣка. Этотъ разсказъ на улицѣ многихъ дѣтей завлекъ въ училище, даже старообрядческихъ, а проговори дѣвочка слово въ слово хоть девять страницъ изъ начатковъ христіанскаго ученія, такъ это ни на кого не произвело бы ни малѣйшаго впечатлѣнія, потому что никто ничего бы и не понялъ».

Какъ ни незначителенъ этотъ анекдотъ, онъ имѣетъ по нашему мнѣнію тотъ значительный смыслъ, что разумное ученіе — хотя бы и не по народной традиціи, а по новой «свѣтской» картинкѣ (вѣроятно самого г. Золотова, издавшаго такія картинки) — не только не оттолкнетъ народа, но заинтересуетъ его и будетъ даже очень полезно.

Между прочимъ г. Золотовъ очень практически объясняетъ, почему сельскіе священники не могутъ быть единственными наставниками и хозяевами сельскихъ школъ, на чемъ весьма упорно настаивали многіе. Это невозможно между прочимъ и по тому простому об-

стольку, что далеко не во всѣхъ деревняхъ есть церкви, а школы нужны и для нихъ, такъ что по необходимости должно бы было явиться иной разрядъ школъ, совершенно отдѣльный отъ сельско-церковныхъ школъ. Любопытная статистика распредѣленія учителей по сословіямъ, приведенная г. Золотовымъ для тверскаго удѣльнаго имѣнія, уже и теперь можетъ навести на мысль о томъ, чѣмъ должны быть наши деревенскія школы и гдѣ онѣ должны находить своихъ учителей. Именно въ 243 частныхъ училищахъ шести приказовъ и одного отдѣленія тверскаго удѣльнаго имѣнія въ числѣ учителей находилось: священниковъ—14; причетниковъ (большею частію отставныхъ дьяконовъ, дьячковъ и пономарей)—18; отставныхъ чиновниковъ—5; отставныхъ и срочно-отпускныхъ солдатъ—14; крестьянъ (преимущественно удѣльныхъ)—182; крестьянокъ—10.

За этимъ сильнымъ большинствомъ крестьянъ, конечно и должна остаться въ будущемъ народная школа; сами крестьяне и должны быть подготовлены къ тому, чтобы быть ея первыми владѣльцами.

ПОЛИТИКА.

Положеніи дѣлъ въ Сѣверной Америкѣ. — Внутреннія дѣла.

Въ настоящемъ обозрѣніи нашемъ мы намѣрены представить положеніе дѣлъ въ Сѣверной Америкѣ въ теченіе первой половины нынѣшняго года.

Для того, кто не знакомъ съ американскими обычаями, кто вздумалъ бы смотрѣть на событія, совершающіяся въ Сѣверной Америкѣ, съ своей, европейской точки зрѣнія, довольно трудно составить себѣ вѣрное понятіе о положеніи дѣлъ въ Сѣверной Америкѣ. Мы не говоримъ о положеніи дѣлъ въ военномъ отношеніи (хотя и здѣсь съ перваго раза не разберешь хорошенько, на чьей сторонѣ перевѣсъ и кто одержалъ больше успѣховъ), но о настроеніи общества, о желаніяхъ и намѣреніяхъ большинства населенія, о внутренней силѣ каждой изъ воюющихъ сторонъ. Вслѣдствіе привычки судить обо всемъ съ своей точки зрѣнія, мѣрять все на свой аршинъ, происходитъ то, что въ Европѣ существуютъ самыя странныя и противорѣчивыя мнѣнія о положеніи дѣлъ въ Сѣверной Америкѣ. Одни увѣряютъ, что сѣверные штаты крайне утомлены борьбою, и что число гражданъ ихъ, желающихъ мира во что бы то ни стало, все болѣе и болѣе увеличивается, и что скоро на протяженіи всѣхъ сѣверныхъ штатовъ не будетъ ни одного гражданина, который бы желалъ продолжать войну. Оно и понятно, откуда произошло это убѣжденіе. Тѣ, которые пришли къ нему, прочли въ газетахъ, что весною нынѣшняго года сдѣлано было предложеніе назначить съѣздъ въ городѣ

Льюисвилѣ, куда должны были собраться представители сѣверныхъ и южныхъ штатовъ, для того чтобы совершенно независимо отъ своихъ правительствъ толковать объ условіяхъ, на которыхъ можно бы заключить миръ; они далѣе неоднократно читали въ газетахъ, что въ разныхъ сѣверныхъ штатахъ — Иллинойсѣ, Нью-Джерсеѣ и проч., происходили митинги, на которыхъ осуждались дѣйствія Линкольна и самымъ энергическимъ образомъ выражались желанія, чтобы съ южными штатами заключенъ былъ миръ; въ особенности ихъ поразило то, что недавно подобный митингъ происходилъ въ Нью-Іоркѣ, и что здѣсь раздавались громкія голоса противъ веденія войны. На основаніи всего этого они приходили къ вышеупомянутымъ заключеніямъ объ упадкѣ и истощеніи сѣвера, объ антипатіяхъ его къ войнѣ и проч. Съ своей европейской точки зрѣнія, они были отчасти правы, и подобныя явленія въ Европѣ могли бы послужить довольно вѣрнымъ признакомъ господствующаго въ массахъ настроенія. Но въ Америкѣ, гдѣ съ такою легкостью собираются митинги для какихъ угодно цѣлей, гдѣ каждый гражданинъ прямо и публично высказываетъ свое мнѣніе о своемъ правительствѣ, не думая нисколько становиться въ серьезную оппозицію къ нему, нельзя выводить никакого особеннаго заключенія изъ подобныхъ фактовъ, какъ тѣ, которые такъ тщательно собираются врагами сѣвера, и изъ которыхъ выводятся заключенія о переутомленіи его къ войнѣ. На одинъ митингъ въ пользу мира (peace-meeting) приходится, можетъ быть, пять или десять митинговъ, требующихъ энергическаго продолженія войны до возстановленія Союза; даже такіе штаты, какъ Кентукки, гдѣ такъ мало приверженцевъ юга, и тѣ выказываются въ подобномъ смыслѣ. Европейцевъ поражаетъ то, что въ сѣверныхъ штатахъ раздается столько голосовъ, неодобряющихъ той или другой мѣры правительства, высказывающихся противъ стѣсненія личной свободы, обязательности военной службы, обременительности военныхъ надержекъ: они думаютъ, что все кончено, что на сѣверѣ никто уже не думаетъ о продолженіи войны, и что всѣ только и мечтаютъ о томъ, какъ бы воспрепятствовать своему правительству продолжать войну. Но они упускаютъ изъ виду то обстоятельство, что все это неодобреніе и неудовольствіе не имѣетъ вовсе серьезнаго характера, и что при первой надобности, въ минуту серьезной опасности, въ полной силѣ проявляется вся энергія гражданъ сѣверныхъ штатовъ. Сепаратисты вторгнулись въ сѣверные штаты — и немедленно исчезли всѣ слѣды несогласій, неудовольствій противъ правительства; всѣ только и думаютъ о необходимости дать должный отпоръ непріятелю. Но и прежде, когда дѣла не доходили еще до такой крайности, граждане сѣверныхъ штатовъ, черезъ посредство своихъ представителей на конгрессѣ, вы-

равнили необходимость своею пожертвовать на время самыми драгоценными своими привилегіями, для того, чтобы дать правительству своему возможность энергически продолжать войну. Въ числѣ привилегій, которыми особенно дорожатъ сѣверо-американцы, мы находимъ нерѣдкую привилегію habeas corpus и необязательность военной службы. Въ началѣ нынѣшняго года сѣверо-американскій конгрессъ утвердилъ два закона о временной отмѣнѣ (на время веденія войны) закона habeas corpus (*), и о примѣненіи же введенія конскрипціи, вмѣсто добровольнаго поступленія въ военную службу. Въ силу этого послѣдняго закона всякій гражданинъ Союза отъ двадцати до сорокапятилѣтняго возраста обязанъ явиться на службу по первому призыву президента; отъ обязательной военной службы увольняются только слѣдующія лица: губернаторы штатовъ, судьи высшихъ судебныхъ мѣстъ и нѣкоторыя высшія должностныя лица, но судьи низшихъ инстанцій и члены конгресса не изъяты отъ конскрипціи. Призванный въ военную службу долженъ или явиться лично, или поставить вмѣсто себя наемщика, или же внести въ государственную казну 300 долларовъ. Призывъ въ военную службу можетъ быть производимъ въ теченіе двухъ лѣтъ послѣ изданія этого закона, и президентъ долженъ только предувѣдомить за десять дней о намѣреніи своемъ созвать конскриптовъ; всякій призванный на службу обязанъ прослужить три года, или же до окончанія войны, ежели война кончится ранѣе этого срока. Условія военной службы для конскриптовъ тѣ же, какъ и для волонтёровъ. Хотя по обыкновенію американцевъ слышались разные неодобрительные отзывы объ этомъ законѣ, однако когда Союзу стала угрожать серьезная опасность, всѣ сѣверяне брались за оружіе не только по первому призыву, но даже безъ всякаго призыва. Слѣдовательно, гражданъ сѣверныхъ штатовъ нельзя упрекать въ томъ, чтобы они были холодны къ дѣлу возстановленія Союза, — а черезъ это косвенно и къ дѣлу освобожденія негровъ, хотя нельзя не сознаться, что аболиціонистскія стремленія довольно слабы въ большинствѣ населенія сѣверныхъ штатовъ; но за то тѣмъ сильнѣе желаніе возстановить Союзъ въ прежнемъ его видѣ и возвратить къ

(*) Должно впрочемъ отдать справедливость Линкольну, что онъ, вопреки увѣреніямъ враждебныхъ Сѣверу газетъ, довольно умѣренно пользуется предоставленнымъ ему правомъ стѣснять личную свободу гражданъ союза. Изъ всѣхъ подобныхъ случаевъ болѣе всего надѣлалъ шума случай съ извѣстнымъ приверженцемъ Юга, Уаллендигемомъ, изъ Огайо. Онъ былъ преданъ суду за враждебныя Союзу дѣйствія и рѣчи, и судъ приговорилъ его, кажется, къ тюремному заключенію; но Линкольнъ постановилъ слѣдующую оригинальную конфирмацію: удалить г. Уаллендигема на все время войны изъ сѣверныхъ штатовъ въ южные «подальше отъ своихъ враговъ, поближе къ своимъ друзьямъ».

[illegible] [illegible]; а [illegible] объ[illegible] [illegible] обозрѣній, что [illegible] [illegible] го, [illegible] къ возстановленію [illegible], [illegible] будутъ работать, [illegible] [illegible] Но если [illegible] войны [illegible] на большинство гражданъ Сѣвера, то [illegible] она [illegible]? Достаточно бросить бѣглый взглядъ на [illegible], [illegible] на Сѣверѣ, для того чтобы убѣдиться въ томъ, что [illegible] падаетъ на нерѣшительное и слабое правительство [illegible], которое съ ужасомъ отклоняется отъ [illegible], старается [illegible] придерживаться золотой середины, и [illegible] интересамъ своего справедливаго дѣла болѣе, нежели [illegible] Юга.

[illegible] Въ первой [illegible] «Современника» за [illegible] годъ, мы уже указывали читателямъ нашимъ на [illegible] колебанія правительства [illegible]; мы далѣе [illegible] надежду, что [illegible] прокламаціи объ эмансипаціи негровъ, [illegible] нерѣшительный [illegible] конецъ, и что правительство [illegible] не будетъ болѣе [illegible] на Сѣверѣ [illegible] къ необходимой [illegible] развязкѣ. Но эта надежда [illegible] повидимому была неосновательна, и [illegible] не думаетъ вступать на путь болѣе твердой и послѣдовательной политики. Въ этомъ убѣждаетъ [illegible] образъ дѣйствія его въ теченіе послѣдняго полугодія. Но прежде чѣмъ обратиться къ [illegible] его, приведемъ отрывокъ изъ письма, писаннаго въ [illegible] мѣсяцѣ однимъ изъ нью-іоркскихъ гражданъ въ Европу и содержащаго очень вѣрное, по нашему мнѣнію, сужденіе о настоящей войнѣ и [illegible] образѣ дѣйствія правительства съ самаго начала войны.

«Война, которая опустошаетъ нашу родину, все болѣе и болѣе затягивается. Со времени взятія Новаго-Орлеана, т. е. скоро уже въ теченіе одного года, мы не сдѣлали никакихъ успѣховъ съ военной точки зрѣнія; но съ моральной точки зрѣнія правое дѣло значительно подвинулось впередъ, и мы питаемъ твердое убѣжденіе, что вмѣстѣ съ войной окончится невольничество. Рѣшительная побѣда съ нашей стороны оставила бы вопросъ неразрѣшеннымъ. Благодаря прокламаціи 1-го января подобный исходъ сталъ уже невозможнымъ; такимъ образомъ все дѣлается къ лучшему. Меня не удивила въ послѣднее время медленность успѣховъ нашихъ, потому что страна наша огромна, препятствія неслыханны, напр. недостатокъ путей сообщенія, недостатокъ топографическихъ картъ, недостатокъ хорошихъ предводителей, и не смотря на то, мы завоевали территорію несравненно болѣе обширную, нежели Франція: Миссури, Кентукки, половину Арканзаса, половину Тенесси, часть Виргиніи, часть сѣверной Каролины, Новый Орлеанъ и пр. Но меня удивило одно обстоятель-

ствіе, которое я еще до сихъ поръ не могу достаточно объяснить се-бѣ, а именно то, почему съ самаго начала войны мы не поняли всѣ безъ исключенія, что рабство есть настоящая причина войны, источникъ всѣхъ нашихъ бѣдствій, зло, которое страдаетъ Югъ и которое раздражаетъ Сѣверъ. Къ сожалѣнію, американскій народъ слишкомъ много разсчитываетъ, и поэтому ему представляется страшная потеря частныхъ, вещественныхъ богатствъ, которую повлекла бы за собою эмансипація негровъ; но такъ какъ онъ съ другой стороны слишкомъ мало размышляетъ, то онъ не соображаетъ огромной выгоды, которую принесетъ намъ вышеупомянутый переворотъ. Народъ менѣе коммерческій, но болѣе логичный, съ меньшимъ практическимъ смысломъ, но съ большимъ нравственнымъ мужествомъ, поторопился бы совершить этотъ соціальный переворотъ, между тѣмъ какъ его замедляютъ даже и въ настоящее время. Сотня тысячъ погибшихъ людей, 500 милліоновъ истраченныхъ долларовъ, кажутся еще американцамъ недостаточными, и между нами есть еще достаточно приверженцевъ старинной системы невольничества. Если бы конгрессъ постановилъ смѣлое и великое рѣшеніе въ самомъ началѣ войны, то народъ привѣтствовалъ бы подобное постановленіе съ восторгомъ, и война была бы окончена въ тридцать дней; но это показалось невозможнымъ, понадобились отсрочки, неудачи, несчастія.

«Многіе опасаются банкрутства и военнаго деспотизма, которые могли бы быть слѣдствіемъ энергическихъ мѣръ. Но опасенія эти совершенно напрасны: какъ только окончится война, наша армія изъ волонтеровъ въ одну недѣлю разойдется по домамъ; а что касается до банкрутства, то наши средства не такъ легко истощатся. Капиталы накопляются у насъ, не смотря на настоящій кризисъ. Бросьте взглядъ на карту нашей страны, и разсчитайте, какой громадный капиталъ скрывается въ этой неэксплуатированной еще территоріи».

Авторъ этого письма говоритъ о прошедшемъ, и повидимому полагаетъ вмѣстѣ съ нами и со многими другими, что съ изданіемъ прокламаціи 1 января колебанія правительства кончились, и что слова его уже не могутъ относиться къ настоящему и будущему. Но онъ ошибся точно такъ же, какъ ошибались всѣ, питавшіе эту надежду. Правительство все еще думаетъ о томъ, нельзя ли какъ нибудь устроить дѣло такъ, чтобы и овцы были цѣлы, и волки сыты, и поэтому дѣло освобожденія негровъ и прекращенія войны идетъ и теперь столь же мало успѣшно, какъ оно шло въ 1861 и 1862 году. Напримѣръ, въ прошедшемъ году федеральными войсками завоеванъ былъ Новый-Орлеанъ; правительство Линкольна послало для управленія вновь завоеваннымъ городомъ и краемъ честнаго и смѣлаго аболиціониста, генерала Ботлера. Ботлеръ понялъ, что пора уже пере-

стать покровительствовать интересамъ плантаторовъ въ ущербъ интересамъ низшихъ классовъ — ремесленниковъ, работниковъ и невольниковъ, которыхъ прежнія власти не считали вовсе элементомъ въ жизни государства, которыхъ они презирали и топтали въ грязь; Ботлеръ умѣлъ поднять ихъ, дать имъ должное мѣсто и значеніе въ государствѣ и прекратить гнетъ надъ ними плантаторовъ и богачей. Эти-то дѣйствія его англійскія, французскія и нѣмецкія газеты, сопутствующія плантаторамъ юга, старались представить деспотизмомъ, варварствомъ, нестерпимымъ насиліемъ; за эти-то дѣйствія они называли его Маратомъ, Робеспьеромъ, Виндишгрецемъ, Гайнау и тому подобными именами. Между тѣмъ по свидѣтельству безпристрастныхъ свидѣтелей, Ботлеръ не былъ похожъ ни на одного изъ этихъ господъ, а былъ просто человѣкъ, который ясно понималъ величіе борьбы, въ которую вступили сѣверные штаты, и который имѣлъ достаточно мужества, рѣшимости и твердости, но вмѣстѣ съ тѣмъ также такта и человѣколюбія для того, чтобы управлять страною сообразно съ интересами свободы и праваго дѣла (*). Но правительство Линкольна явило въ отношеніи къ нему достойную сожалѣнія слабость. Испугалось ли оно сплетенъ Times, Allgemeine Zeitung, France и другихъ подобныхъ органовъ европейской прессы, или его побудили другія причины, но только оно отозвало Ботлера изъ Новаго-Орлеана и замѣнило его генераломъ Бэнксомъ. Этотъ послѣдній, хотя и считается радикаломъ, но онъ полагалъ, подобно Линкольну, что посредствомъ уступчивости можно что нибудь сдѣлать съ плантаторами южныхъ штатовъ; а тѣ между тѣмъ презираютъ его, насмѣхаются надъ нимъ и пользуются его слабостью для того, чтобы помогать дѣлу Юга и угнетать низшіе классы. Такимъ образомъ всѣ плоды девятимѣсячнаго управленія Ботлера Новымъ-Орлеаномъ были уничтожены съ одного раза замѣною его человѣкомъ неспособнымъ и нерѣшительнымъ. Нерѣшительность Линкольнова правительства оказалась еще болѣе пагубною во время приведенія въ исполненіе прокламаціи 1 января. Уашингтонское правительство приступало очень медленно къ формированію полковъ изъ негровъ; что же касается до вооруженія негровъ массами, то объ этомъ до сихъ поръ только толковали и

(*) Извѣстная аболиціонистка, миссъ Дикинсонъ въ рѣчи, которую она произнесла на аболиціонистскомъ митингѣ въ Нью-Іоркѣ, отнеслась очень строго къ дѣйствіямъ М'Клеллана, Бэнкса, Галлека и др., и нашла достойнымъ похвалы только образъ дѣйствія Фримона и Ботлера; она до того увлеклась сочувствіемъ къ образу дѣйствія послѣдняго, что поставила его по отношенію къ гражданскимъ добродѣтелямъ даже выше Георга Уашингтона. Если посмотрѣть на дѣятельность обоихъ, исключительно съ точки зрѣнія аболиціонизма, то пожалуй придешь къ тому заключенію, что миссъ Дикинсонъ была не совсѣмъ неправа.

вшемъ объ этомъ предложеніи въ конгрессѣ, а къ самому вооруженію еще не могли рѣшиться приступить, а между тѣмъ арміи плантаторовъ, спокойныхъ на счетъ своихъ неграновъ, побѣждаютъ федералистовъ и вторгаются въ ихъ собственные штаты. Нѣкоторые увѣряютъ, что неграевъ невозможно вооружить потому, будто бы, что они не способны къ военной службѣ, и что имъ нужны бы были только разбойники, въ тѣсномъ значеніи этого слова. Но это мнѣніе совершенно ошибочно. Одинъ изъ начальниковъ вновь сформированныхъ полковъ изъ неграевъ пишетъ слѣдующее о ихъ способности къ военной службѣ: «Кто не видалъ этихъ людей въ дѣлѣ, тотъ не можетъ оцѣнить ихъ по справедливости; они выказываютъ отличную энергію, и нужно только сохранить строгую дисциплину для укорененія ихъ въ порядкѣ. Главное преимущество солдатъ изъ неграевъ состоитъ въ томъ, что они отлично знаютъ мѣстность; сверхъ того, съ неграми удобнѣе идти на смѣлыя, рискованныя предпріятія. Они способны не только къ должности солдатовъ, но и къ роли начальниковъ: такъ одинъ капралъ, бывшій прежде невольникомъ, руководилъ цѣлою экспедиціей, и ему недостаетъ только знанія грамоты, для того чтобы быть достойнымъ высшихъ военныхъ должностей». Къ сожалѣнію, далеко не всѣ граждане Сѣвера отдаютъ, подобно полковнику Гиггинсонсу, должную справедливость неграмъ (конечно, не только въ отношеніи способности къ веденію войны, но и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ); и мы постоянно читаемъ въ газетахъ, что негры, вооружившіеся для защиты своей свободы и единства Союза, подвергаются оскорбленіямъ со стороны бѣлыхъ солдатъ. Можетъ быть, въ этихъ разсказахъ газетъ есть много и преувеличеннаго; но не подлежитъ сомнѣнію тотъ фактъ, что къ сѣвернымъ штатахъ, какъ со стороны правительствъ, такъ и со стороны гражданъ, существуется замѣтное нерасположеніе къ неграмъ. Это фактъ давно извѣстный, и центральное правительство Союза довольно ясно выказало это свою нерѣшительностію и холодностію въ дѣлѣ эмансипаціи неграовъ. Но еще яснѣе выказали это мѣстныя правительства сѣверныхъ штатовъ. Такъ въ теченіи первыхъ мѣсяцевъ нынѣшняго года пять сѣверныхъ штатовъ: Пенсильванія, Иллинойсъ, Индіана, Висконсинъ и Мичиганъ, издали законы противъ иммиграціи неграовъ на территорію этихъ штатовъ.

. . . . . .

Но всѣ эти признаки недоброжелательности мѣстныхъ правительствъ и слабости центральнаго правительства федеральныхъ штатовъ ничего не значитъ, сравнительно съ тѣмъ фактомъ, который намъ недавно переданъ телеграфомъ, и о которомъ мы еще не имѣемъ подробныхъ свѣдѣній. По извѣстіямъ изъ Нью-Іорка отъ 13 іюля, вашингтонскій кабинетъ разсматривалъ предложеніе о примиреніи съ югомъ,

составленное г. Сьюардомъ; условія этого примиренія слѣдующія: амнистія (изъ которой исключены будутъ только главные виновники сецессіи), уничтоженіе прокламаціи относительно освобожденія негровъ и относительно конфискаціи имущества мятежниковъ; покровительство собственности и правъ гражданъ Юга. Министерство раздѣлилось по вопросу о принятіи или непринятіи этого предложенія: сторону Сьюарда приняли два министра—Бэтсъ и Блэръ, противъ этого предложенія возражали трое—Стантонъ, Чэзъ и Вальсъ; президентъ Линкольнъ еще не высказалъ своего мнѣнія. Вотъ что сообщаетъ намъ телеграфъ о новомъ оборотѣ дѣлъ въ сѣверной Америкѣ. Очень можетъ быть, что Линкольнъ тоже согласится съ предложеніемъ друга своего Сьюарда, и что затѣмъ сѣверные штаты сдѣлаютъ попытку помириться съ южными на счетъ невольниковъ, изъ-за которыхъ-то и началось все дѣло.

Der Mohr hat seine Schuldigkeit gethan,
Der Mohr kann gehen.

скажутъ объ стороны и начнутъ договариваться объ условіяхъ мирнаго договора. Въ подобномъ результатѣ мы не имѣемъ права видѣть ничего инаго, какъ прямое, логическое послѣдствіе того славнаго, боязливаго образа дѣйствія правительства Сѣвера, который однажды только былъ нарушенъ изданіемъ той смѣлой прокламаціи 1 января, объ отмѣненіи которой хлопочутъ теперь Сьюардъ и К°. Ненавистники радикальныхъ мѣръ и приверженцы золотой середины будутъ имѣть передъ глазами поучительное зрѣлище того, какъ г. Сьюардъ и другіе министры Линкольна будутъ умолять плантаторовъ Каролины и Луизіаны, чтобы тѣ согласились на отмѣненіе прокламаціи 1 января и возвратились бы опять къ полному безконтрольному господству надъ нѣсколькими милліонами негровъ.

И плантаторы эти будутъ ломаться и заставятъ вашингтонскихъ министровъ хорошенько попросить себя прежде, нежели снизойдутъ на ихъ просьбы. Да иначе и быть не можетъ: какъ же имъ не презирать правительства, которое само такъ мало уважаетъ себя, и взявшись за защиту хорошаго, праваго дѣла, выказываетъ такую непростительную слабость. Немудрено, что при видѣ подобнаго образа дѣйствія правительства Линкольна, одинъ сепаратистскій журналъ, Richmond Dispatch, отзывается слѣдующимъ образомъ о попыткахъ примиренія сѣвера съ югомъ: «если бы янки захотѣли даже сами сдѣлаться нашими рабами, то мы не хотимъ имѣть ихъ у себя даже въ этомъ качествѣ: они не годятся намъ для того, чтобы попирать ихъ ногами». Немудрено, что при видѣ такихъ жалкихъ представителей республиканской партіи, плантаторы Юга и демократы Сѣвера (напримѣръ вышепомянутый Ал-

лендигомъ) высказываетъ убѣжденіе, «что самое существованіе республиканской партіи есть преступленіе, что конфедераты не должны принимать отъ нихъ никакихъ уступокъ, и что возстановленіе Союза само собою предполагаетъ окончательное истребленіе республиканской партіи». Впрочемъ мы все-таки остаемся при томъ убѣжденіи, которое мы высказали уже прежде, а именно, что настоящая война, не смотря на всѣ старанія Сьюардовъ, М'Клелланов, и проч. не можетъ окончиться иначе, какъ прекращеніемъ невольничества. Съ одной стороны мы надѣемся на то, что упрямство и высокомѣріе Юга, и желаніе его, во что бы то ни стало, отдѣлиться отъ Сѣвера, помѣшаетъ успѣху проектовъ г. Сьюарда и принудитъ федералистовъ продолжать войну для возстановленія Союза; продолжая войну съ этою цѣлью, они, можетъ быть, сами того не желая, достигнутъ освобожденія негровъ; и такимъ образомъ, сотни тысячи людей и сотни милліоновъ долларовъ, до сихъ поръ поглощенные этою войною, не будутъ по крайней мѣрѣ мертво затраченнымъ капиталомъ, каковымъ они были бы, еслибъ настоящій проектъ г. Сьюарда имѣлъ успѣхъ. Съ другой стороны, мы надѣемся, что четыре милліона негровъ, для которыхъ здѣсь вопросъ идетъ о жизни и смерти, не все же время останутся безмолвными свидѣтелями такъ близко касающейся ихъ борьбы, но тоже примутъ въ ней дѣятельное участіе, прежде нежели Сѣверу и Югу удастся помириться цѣною ихъ свободы. Но ежели Югъ явитъ болѣе разсудительности и болѣе уступчивости, нежели сколько мы отъ него ожидаемъ, ежели невольники южныхъ штатовъ окажутъ болѣе тупости и апатіи, нежели сколько можно ожидать даже отъ людей, стоящихъ на самой низкой степени развитія, тогда намъ по неволѣ придется сознаться, что мы ошибались въ своихъ надеждахъ, что мы имѣли о нихъ слишкомъ хорошее понятіе, и затѣмъ намъ не останется ничего инаго, какъ преклониться передъ могуществомъ и мудростью американской политики золотой середины и поздравить приверженцевъ ея съ тѣмъ, что на ихъ глазахъ, благодаря этой политикѣ, сотни тысячъ людей погибли ради одного только ихъ удовольствія, не принеся своею погибелью ни малѣйшей пользы человѣчеству.

А между тѣмъ Сѣверу при нѣсколько большей энергіи его правительства, при нѣкоторомъ желаніи воспользоваться всѣми своими силами и средствами, вовсе не такъ трудно было бы совладать съ Югомъ, который по мѣрѣ продолженія войны приходитъ все болѣе и болѣе въ критическое положеніе. Мы уже прежде упоминали о разстроенномъ состояніи его финансовъ; приведемъ еще нѣсколько цифръ, которыя достаточно краснорѣчиво говорятъ сами за себя. Съ начала отпаденія южныхъ штатовъ до 31 декабря 1862 года расходы сепаратистскихъ

штатовъ простирались до 580 милліоновъ долларовъ; до 1 іюля 1863 года предполагалось надержать еще 358 милліоновъ, итого 938 милліоновъ долларовъ. Изъ этой громадной суммы только 17 милліоновъ получены обыкновеннымъ путемъ, т. е. посредствомъ налоговъ, пошлинъ, и проч., остальные 920 милліоновъ получены отчасти посредствомъ очень невыгодныхъ займовъ (еще не такъ давно сепаратистское правительство заключило во Франціи заемъ по 7%), большею же частію посредствомъ выпуска бумажныхъ денегъ. Какъ видно изъ этихъ цифръ, финансовая перспектива Юга весьма плачевна. Правда, къ 1-му января 1863 года и сѣверные штаты имѣли на 744 милліона долга, т. е. милліономъ на 150 болѣе, нежели южные штаты; но за то и средства ихъ несравненно значительнѣе: населеніе ихъ превышаетъ втрое численность населенія южныхъ штатовъ, торговля и промышленность ихъ пострадали сравнительно очень немного, и они въ одну недѣлю получаютъ круглымъ счетомъ до 4 милліоновъ долларовъ таможенныхъ доходовъ. Далѣе, на Югѣ уже давно чувствуется сильный недостатокъ в многихъ самыхъ необходимыхъ предметахъ; хлѣбъ, говядина, одежда и другія жизненныя потребности достигли тамъ ужасныхъ цѣнъ. Такъ какъ они отовсюду, на сушѣ и на морѣ, окружены непріятелемъ, то имъ нѣ откуда нельзя получить всѣхъ этихъ предметовъ, и имъ приходится довольствоваться исключительно только средствами своей страны, которая, будучи почти исключительно приспособлена къ добыванію хлопка, не можетъ доставить въ надлежащемъ количествѣ разныхъ жизненныхъ потребностей. Граждане Юга выказали и выказываютъ еще замѣчательное терпѣніе при перенесеніи всякихъ бѣдствій войны и лишеній; но и у нихъ терпѣніе начинаетъ истощаться, и въ Ричмондѣ дѣло доходило даже до бунта, который произошелъ между нищими классами населенія вслѣдствіе голода. Одинъ ричмондскій журналъ, Richmond Examiner, который, конечно, трудно заподозрить въ пристрастіи къ Сѣверу и въ предубѣжденіи противъ Юга, рисуетъ намъ слѣдующимъ образомъ положеніе дѣлъ на Югѣ: «намъ нѣ откуда не приходится ждать улучшенія нашего положенія: нѣ чужое вмѣшательство, ни могущество короля—хлопка, ни дружба сѣверо-запада, ни нелѣпые слухи о деморализаціи уніонистской арміи не дадутъ намъ права надѣяться на скорое прекращеніе войны. Мы должны или побѣдить или покориться. Если федералистамъ удастся взять Чарльстонъ, Ричмондъ и Вицсбургъ, то по прошествіи полугода кредитъ ихъ будетъ возстановленъ, и раздоры между партіями ихъ прекратятся. Несомнѣнно то, что мы находимся въ самомъ разгарѣ войны, и что въ теченіе всей весны и лѣта усилія къ веденію войны будутъ съ обѣихъ сторонъ болѣе значительны, нежели когда либо. Янки теперь только что начинаютъ воевать, на

сѣверѣ происходятъ большіе митинги въ пользу возстановленія Союза, и демократы потеряли прежнее свое значеніе и оставили прежній свой угрожающій тонъ. Что касается до насъ, то намъ не только не приходится надѣяться на сѣверо-западъ, но, напротивъ, мы должны опасаться за юго-западъ, который замѣтно утомляется войною, и проч. и проч.». Этому критическому положенію Юга не много помогаютъ даже успѣхи его на полѣ сраженія, потому, во первыхъ, что они ему самому очень дорого стоятъ, а во вторыхъ, потому, что онъ не имѣетъ достаточно средствъ для того, чтобы въ полной мѣрѣ пользоваться ими. Такъ большія побѣды его надъ федералистской арміей въ декабрѣ мѣсяцѣ при Фредериксбургѣ, а въ маѣ мѣсяцѣ при томъ же Фредериксбургѣ или при Ченселлорсвиллѣ принесли ему, собственно говоря, очень мало пользы.

Послѣ послѣдней изъ этихъ побѣдъ арміи Юга пришлось сдѣлать чрезвычайно смѣлый и рискованный шагъ, который свидѣтельствуетъ о томъ, что имъ необходимо нужно придти къ какому нибудь рѣшительному результату: она оставила безъ прикрытія Ричмондъ и собственныя владѣнія Юга и устремилась въ сѣверные штаты. Главнокомандующій южной арміи Ли рѣшился въ началѣ іюня сыграть эту послѣднюю, рѣшительную партію; онъ собралъ всю свою армію—числомъ до 100 тысячъ, и быстрымъ наступательнымъ движеніемъ вторгнулся въ Пенсильванію и Мериленд, угрожая въ одно и то же время Уашингтону, Вальтиморѣ и другимъ важнымъ городамъ Сѣвера. Сначала Сѣверомъ овладѣла настоящая паника; но за тѣмъ онъ съ замѣчательной энергіей сталъ готовиться къ отпору, и тутъ-то, въ минуту серьезной опасности, граждане сѣвера показали въ полной мѣрѣ своему правительству, сколько въ нихъ еще находится силъ и энергіи для продолженія войны. Въ нѣсколько дней вся Пенсильванія и весь Мериленд приведены были въ оборонительное положеніе, и явились готовыми встрѣтить опаснаго врага. Оба главнокомандующіе — Ли и Гукеръ, дѣлали многочисленные марши и контрмарши, стараясь искусными маневрами сбить другъ друга съ толку; наконецъ дѣло кончилось тѣмъ, что главнокомандующій сѣверныхъ войскъ, Гукеръ, подалъ въ отставку и былъ замѣщенъ человѣкомъ доселѣ совершенно неизвѣстнымъ, генераломъ Мидомъ. Нѣсколько дней спустя послѣ этой перемѣны, дѣло дошло до генеральнаго сраженія между сѣверными и южными войсками. Благопріятныя Югу газеты французскія и англійскія увѣряютъ, что трехъ-дневное сраженіе—1-го, 2-го и 3-го іюля, кончилось очень неудачно для федералистовъ. Но можно, кажется, сказать съ достовѣрностью, что не смотря на не совсѣмъ удачный для федералистовъ исходъ сраженія въ первый изъ этихъ дней, не смотря на огромныя потери съ обѣихъ сторонъ (какъ говорятъ до

20,000 со стороны федералистовъ и до 30,000 со стороны сепаратистовъ), новому главнокомандующему сѣверныхъ войскъ удалось одержать немаловажный успѣхъ надъ своимъ противникомъ, который немедленно началъ отступать. А между тѣмъ для южныхъ войскъ не только полное пораженіе, но и неполная побѣда можетъ имѣть весьма важныя послѣдствія—при отдаленности ихъ отъ своихъ владѣній, при открытіи пути въ южные штаты, и поэтому мы имѣемъ нѣкоторое основаніе полагать, что рискованная партія сепаратистовъ на половину уже проиграна. Наконецъ въ послѣднее время федералисты одержали еще очень важный успѣхъ на полѣ военныхъ дѣйствій: 4-го іюля, въ тотъ самый день, когда во всѣхъ федералистскихъ штатахъ праздновалась годовщина учрежденія американскаго союза, когда въ Нью-Іоркѣ праздновались недавніе успѣхи генерала Мида, важная крѣпость Виксбургъ сдалась федералистамъ послѣ долговременной, трудной и часто неудачной для нихъ осады; черезъ это федералистамъ открывалось все теченіе рѣки Миссисипи. Мы противъ обыкновенія нашего нарочно упомянули здѣсь о послѣднихъ военныхъ событіяхъ въ Америкѣ, чтобы показать, что и на этомъ полѣ, на которомъ федералисты такъ часто терпѣли неудачи, успѣхъ какъ будто началъ клониться на ихъ сторону, и что тѣмъ непонятнѣе то миролюбивое настроеніе и та склонность къ уступкамъ, которая вдругъ овладѣла Сьюардомъ и другими вашингтонскими министрами.

4-го Іюля, какъ мы сказали выше, была годовщина американскаго союза: 80 лѣтъ тому назадъ, основатель его, Георгъ Вашингтонъ и первые граждане его приносили въ этотъ день присягу на вѣрность имъ созданной конституціи, имъ основанному Союзу. Но они приносили присягу на вѣрность Союзу, который узаконялъ невольничество въ видѣ «*домашняго учрежденія*»; они праздновали вступленіе въ область живыхъ организмовъ такого организма, который уже заключалъ въ себѣ зачатки страшной, разъѣдающей болѣзни, извѣстной подъ именемъ *невольничества*. Правда, ихъ нельзя слишкомъ винить въ этомъ, потому что при нихъ эта болѣзнь, которая впослѣдствіи приняла такіе ужасные размѣры, была едва едва замѣтна, и они легко могли не обратить на нее особеннаго вниманія, въ то время какъ они радовались созданію новаго, и по видимому сѣтаго организма. Но частью по нерадѣнію однихъ, частью по злоумышленности другихъ, эта болѣзнь все болѣе и болѣе развивалась въ молодомъ организмѣ, и наконецъ, по прошествіи 80 лѣтъ наступилъ страшный кризисъ: надъ зараженнымъ организмомъ пришлось дѣлать трудную операцію. Операція эта еще неокончена; и мы имѣемъ нѣкоторыя причины опасаться, что тѣ, которые взялись за эту операцію, не обладаютъ достаточною твердостью и достаточнымъ искусствомъ, для того чтобы

успѣшно окончить ее. Не изъ того, что Сѣверо-Американскіе Штаты находятся въ настоящее время въ состояніи тяжелаго кризиса, еще нисколько не слѣдуетъ, чтобы намъ не слѣдовало чтить созданія Вашингтона и радоваться основанію имъ американскаго союза: пройдетъ настоящій кризисъ, избавится твореніе Вашингтона отъ разъѣдающей его тяжелой болѣзни (а мы не потеряли еще надежды, что такъ именно и случится) — и тогда американскій союзъ, или пожалуй *два американскіе союза* оживутъ новою жизнью, и тогда намъ по всей справедливости можно будетъ вспоминать съ радостью о днѣ 4-го іюля, *о днѣ основанія* Сѣверо-американскаго Союза. Поэтому мы находимъ въ высшей степени неумѣстными выходки Times, Evening-Mail и другихъ англійскихъ газетъ, которыя всѣ помѣстили 4-го іюля на столбцахъ своихъ передовыя статьи, въ которыхъ сравниваютъ положеніе американскихъ штатовъ за 80 лѣтъ тому назадъ съ теперешнимъ ихъ положеніемъ, глумятся надъ тѣми чудаками американцами, которые въ 1863 году празднуютъ основаніе американскаго союза, и съ высоты своего величія говорятъ о настоящемъ печальномъ положеніи штатовъ, о неуваженіи къ личной свободѣ гражданъ, объ угрожающемъ имъ военномъ деспотизмѣ и пр. Гораздо болѣе основательнымъ, хотя отчасти преувеличеннымъ въ хорошую сторону, кажется намъ сужденіе англійской газеты Daily-News, которая въ передовой статьѣ своей отъ 4-го іюля говоритъ между прочимъ слѣдующія слова, не напоминающія собою рѣчи разбогатѣвшаго лавочника, а отзывающіяся даже нѣсколько юношескою теплотою и нѣкоторою склонностью къ увлеченію: «Американскій патріотъ, говоритъ эта газета, можетъ праздновать въ настоящемъ году 4-е іюля съ большею гордостью, нежели когда-либо. До сихъ поръ величіе Союза состояло въ расширеніи его территоріи и въ духѣ предпріимчивости его; настоящее же величіе его имѣетъ болѣе нравственный характеръ, и его слѣдуетъ искать въ томъ геройскомъ духѣ, который составляетъ жизненный нервъ каждой національности. Конечно въ немъ еще много зла, и ему приходится исправлять еще многія политическія и нравственныя недостатки и слабости; но нѣтъ ничего такого, за что Сѣверу пришлось бы стыдиться передъ другими государствами земнаго шара. То, что нѣкоторые называютъ упрямствомъ, есть въ сущности не что иное, какъ терпѣливое мужество, любовь къ отечеству и къ политикѣ, завѣщанной предками. Потоки крови, которые пролиты до сихъ поръ, являются въ глазахъ ихъ ничѣмъ инымъ, какъ жертвою, которую слѣдуетъ принести ради спасенія республики. Тѣ люди, которые въ состояніи такъ мыслить и чувствовать, имѣютъ полное право праздновать сегодняшній день съ такою же гордостью и ра-

достью, какъ прежде. Противники ихъ конечно не понимаютъ этого. Они удивляются радости, хвастливой веселости, безпечности и роскоши, которыя замѣтны во всѣхъ американскихъ городахъ. Причина тому кроется вовсе не въ томъ, что вслѣдствіе войны приняли въ обращеніе большія денежныя суммы, какъ то утверждали нѣкоторые противники Сѣвера. Сѣверо-американская нація стряхнула съ себя великій грѣхъ, смыла съ себя великій позоръ и свалила съ плечъ своихъ тяжелую заботу (*), и вотъ причина, почему она радуется и наслаждается жизнью. Если вспомнить, что въ теченіе послѣдняго года эмансипація негровъ обнародована и осуществлена до такой значительной степени (къ сожалѣнію, не въ очень значительной степени), что расѣ, считавшейся доселѣ презрѣнной, довѣряютъ защиту республики и даютъ ей права гражданъ, то надобно будетъ сознаться въ томъ, что всякій американскій патріотъ имѣетъ право приступить съ радостью и гордостью къ празднованію годовщины своей независимости».

Къ сожалѣнію, подобные безпристрастные голоса, какъ голосъ этой газеты, которая даже нѣсколько увлеклась и увидала американскія событія въ слишкомъ розовомъ свѣтѣ, раздаются не слишкомъ часто въ англійской прессѣ, въ англійскихъ палатахъ, въ англійскихъ митингахъ, вообще въ англійскомъ обществѣ. Мы уже имѣли случай замѣтить, какъ враждебно относятся къ Сѣверу высшія сословія Англіи, кровная, денежная и литературная аристократія, а равно и лица стоящія во главѣ англійскаго правительства, и мы скажемъ объ этомъ еще нѣсколько словъ ниже. Теперь же упомянемъ объ одномъ человѣкѣ, котораго честный и безпристрастный голосъ неумолкаемо раздается въ Англіи въ пользу правого дѣла, который, и не смотря на насмѣшки и глумленія газетъ, членовъ палаты, банкировъ и пр., не перестаетъ возвышать своего голоса въ интересахъ человѣколюбія, справедливости и свободы. Человѣкъ этотъ—Джонъ Брайтъ, нещадно поднимаемый на смѣхъ разными торійскими и другими органами. Брайтъ съ самаго начала американскаго кризиса не переставалъ возвышать голоса своего на митингахъ, и въ палатѣ, и вездѣ, гдѣ только его хотѣли слушать, въ пользу сѣверныхъ штатовъ, въ пользу того, что имъ не только не слѣдуетъ мѣшать въ предпринятомъ ими великомъ дѣлѣ, но напротивъ, скорѣе помогать. На низшіе, невспорченные классы англійскаго народа рѣчи его произвели сильное впечатлѣніе, и рабочіе Лондона, Бирмингама, Манчестера и другихъ го-

(*) Хорошо бы, когда бы такъ; въ томъ-то и дѣло, что правительство, а отчасти и граждане сѣверныхъ штатовъ, какъ бы боятся смыть съ себя этотъ позоръ и свалить съ себя эту тягость.

родовъ частью по собственному побужденію; частью же наэлектризованные его энергическими рѣчами, неоднократно высказывали свое сочувствіе къ освобожденію негровъ, къ предпринятой сѣверными штатами войнѣ; и неодобреніе свое «британской прессѣ и во главѣ ея корыстной «Times», надменной аристократіи и части зажиточныхъ классовъ», которые не скрываютъ своихъ антипатій къ сѣверу. Но эти-то самые надменные аристократы и зажиточные классы, равно какъ и органы ихъ, не могутъ простить честному Брайту его симпатій къ Сѣверу, и каждая новая рѣчь его, въ палатѣ или на митингѣ, служитъ имъ новымъ предлогомъ для глумленія надъ нимъ. Какъ основательны ихъ нападки на него, читатели могутъ видѣть изъ того, что газета «Evening Mail» напр. преостроумно смѣется надъ непослѣдовательностью Брайта. Въ чемъ же проявляется эта непослѣдовательность? А въ томъ, что Брайтъ прежде хвалилъ Наполеона III, за заключеніе англо-французскаго торговаго договора, а теперь порицаетъ его за желаніе помочь Югу и помѣшать Сѣверу; что онъ является врагомъ войнъ вообще, въ особенности войнъ, предпринятыхъ для удовлетворенія чьего-либо честолюбія, и въ то же время не желаетъ, чтобы настоящая американская война была прервана прежде нежели она достигнетъ благотворныхъ результатовъ, которыхъ отъ нея можно ожидать. Вотъ въ чемъ по мнѣнію мудрыхъ англійскихъ газетъ заключается непослѣдовательность сэра Джона Брайта.

Хотя нынѣшнее наше обозрѣніе заключаетъ въ себѣ и безъ того довольно много выписокъ изъ газетъ, однако мы еще разъ обращаемся къ англійскимъ газетамъ, для того, чтобы заимствовать изъ нихъ часть рѣчи Брайта, произнесенной имъ 26 марта въ Лондонѣ на большомъ митинги, имѣвшемъ цѣлью одобрить политику сѣверныхъ штатовъ и высказаться въ пользу освобожденія негровъ. Изъ этихъ словъ Брайта читатели наши увидятъ, какое огромное значеніе этотъ честный англичанинъ придаетъ настоящимъ событіямъ въ сѣверной Америкѣ, и чего онъ ожидаетъ отъ настоящей американской войны:

«Никто изъ тѣхъ, кто возьметъ на себя трудъ прослѣдить исторію Соединенныхъ Штатовъ отъ колыбели ихъ до настоящаго времени, не можетъ не прійти къ тому убѣжденію, что они уже при самомъ рожденіи своемъ носили въ себѣ зачатки если не разложенія, то по крайней мѣрѣ великой опасности. Для того чтобы противиться Англіи, штаты должны были оставаться соединенными; они должны были терпѣть невольничество. Любовь къ своей родинѣ побудила американскій народъ сдѣлать уступки невольничеству. Но эти уступки, какъ всегда бываетъ со всѣми уступками, которыя дѣлаются неправому дѣлу, все-таки не достигли своей цѣли и не воспрепятствовали распаде-

нію союза, въ немъ сошлись два принципа, которые никогда нельзя было согласовать, которые рано или поздно, но неминуемо должны были повести къ разрѣшенію. Разрѣшеніе это совершилось. Но о чемъ теперь идетъ дѣло? Нѣкоторые изъ нашихъ соотечественниковъ, нѣкоторые писатели и журналисты, стараются доказать, что во всемъ этомъ дѣлѣ нѣтъ никакого серьезнаго основанія. Но я утверждаю, что здѣсь дѣло идетъ о судьбѣ цѣлой части свѣта. Здѣсь вопросъ идетъ не о границахъ, не о пошлинахъ, не о власти, даже не о томъ, какова должно быть положеніе четырехъ милліоновъ негровъ. Болѣе того: здѣсь дѣло идетъ о цѣлой части свѣта съ ея громаднымъ и постоянно увеличивающимся населеніемъ, съ ея настоящимъ и будущимъ. Для этой части свѣта вопросъ идетъ о томъ, должны ли въ ней господствовать свобода или невольничество, цивилизація или невѣжество, свѣтъ или мракъ, христіанскій, благотворный образъ мыслей или преступленіе и насиліе, съ ихъ растлѣвающимъ вліяніемъ. У насъ очень почтенные люди высказывали неоднократно мнѣніе, что Англія не вызывала войны, и что Англіи поэтому нечего заботиться о войнѣ. Конечно эта война затѣяна не нами, и мы также не имѣемъ возможности прекратить ее; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы мы не должны были принимать къ сердцу важныхъ послѣдствій этой войны. Вы, ремесленники и работники, имѣете ли вы причины интересоваться этою борьбою. Привилегированные классы наши считаютъ своею обязанностію сильно ею интересоваться: каждое утро раздается ихъ голосъ и бранитъ американскую республику. Привилегированные классы наши въ теченіи многихъ лѣтъ боязливо смотрѣли на эту республику; они видѣли передъ собою счастливый, богатый народъ, который не имѣлъ ни большихъ армій и флотовъ, ни значительныхъ долговъ и обременительныхъ налоговъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ дверь была открыта для всякаго, и милліоны вошли въ эту дверь, и нашли спокойствіе и счастіе. Теперь обратимъ вниманіе на обѣ борющіяся стороны. У одной стороны трудъ высоко почитается, тамъ всякій пользуется полной независимостью и промышленною свободой. У другой стороны трудъ не только не уважается, но онъ напротивъ считается чѣмъ-то унижающимъ; тамъ работникъ есть рабочій скотъ, онъ, жена и дѣти его стоятъ не болѣе лошади, которая запрягается въ телѣгу. Югъ постоянно былъ врагомъ Англіи, потому что Англія была врагомъ невольничества; и тогда только возставшіе штаты вполнѣ ободрились, когда они увидали, что Англія не желаетъ мужественно переносить лишеній, налагаемыхъ на нее американскою войною. Да и въ числѣ вашихъ законодателей сидятъ люди, которые не постыдились бы построить разбойничьи корабли для нанесенія вреда торговлѣ дружественнаго государства, которые топчутъ въ

грязь законы и честь своей родины, которые ради выгодъ, приносимыхъ иногда преступленіемъ, не отступаютъ отъ самаго повернаго дѣла. Я конечно не обращаю своей рѣчи къ этимъ людямъ; но я обращаюсь къ вамъ, работники и ремесленники Лондона; представители милліоновъ вашихъ собратій, которые не могутъ слышать моего голоса. Вы желаете и требуете для себя свободы; но не задумайте подять руку дружбы и товарищества самымъ заклятымъ врагамъ свободы, которые когда-либо существовали на свѣтѣ. Я полагаюсь на васъ. Со временемъ исторія разскажетъ потомкамъ вашимъ, что въ то время, когда государственные люди ваши были враждебны или по крайней мѣрѣ холодны и равнодушны къ правому дѣлу, когда богачи ваши были деморализированы, когда пресса ваша изо всѣхъ силъ хлопотала о томъ, чтобы обмануть васъ и ввести васъ въ заблужденіе на счетъ вашихъ братьевъ за океаномъ,—что въ то время вы твердо стояли за дѣло свободы; и будьте увѣрены, что еще настанетъ то время, когда эта свобода будетъ достояніемъ всѣхъ людей».

Наконецъ намъ приходится сказать еще нѣсколько словъ объ отношеніи европейскихъ правительствъ, европейской прессы и европейскаго общественнаго мнѣнія къ настоящей американской распрѣ; мы впрочемъ много не будемъ распространяться объ этомъ, такъ какъ мы говорили объ этомъ довольно подробно въ первой книжкѣ «Современника», и такъ какъ съ тѣхъ поръ отношенія эти мало измѣнились. Значительная часть англійской прессы по прежнему остается очень враждебной Сѣверу, и довольно интересно видѣть, съ какою искреннею и ни мало не скрываемою радостью относятся эти газеты ко всякой неудачѣ Сѣвера. Придетъ ли извѣстіе объ отбитіи приступа отъ Чарльстона, о пораженіи федералистовъ при Фредериксбургѣ, о побѣдѣ демократической партіи на выборахъ въ какомъ нибудь штатѣ, о неудачѣ вашингтонскаго правительства въ заключеніи какого нибудь займа, большая часть англійскихъ газетъ — о французскихъ и нѣмецкихъ газетахъ мы не говоримъ: онѣ еще менѣе выражаютъ собою общественное мнѣніе, нежели англійскія—не упускаютъ случая для того, чтобы излить свою желчь не противъ слабаго и нерѣшительнаго президента, не противъ неспособныхъ министровъ его—нѣтъ, противъ всего дѣла Сѣвера. Англійское правительство сочувствуетъ Сѣверу ничуть не болѣе англійской прессы, и тоже при всякомъ удобномъ случаѣ заявляетъ объ этомъ. Мы говорили уже о томъ, какъ недвусмысленно высказало это англійское правительство во время послѣдняго англо-американскаго столкновенія, произошедшаго по поводу захвата англійскихъ судовъ «Петергофа» и «Дельфина». Весьма любопытно также въ этомъ отношеніи преніе, происшедшее какъ-то нынѣшнею весною въ англійской нижней палатѣ по

поводу постройки и снаряженія въ Англіи извѣстнаго корсара «Элебема», который нанесъ столько вреда сѣверо-американской торговлѣ, и который въ нѣсколько мѣсяцевъ захватилъ около 40 судовъ, принадлежащихъ сѣвернымъ штатамъ. Уашингтонское правительство жаловалось англійскому на то, что оно позволяло снаряжать въ своихъ владѣніяхъ крейсеровъ подобно «Элебемѣ» и «Флоридѣ». По этому случаю въ палатѣ произошли пренія объ этомъ вопросѣ. Два члена англійскаго правительства, самъ лордъ Пальмерстонъ и генералъ-солиситоръ, сэръ Пальмеръ, говорили по этому поводу съ замѣчательной симпатіей къ Югу; они доказывали, что въ снаряженіи крейсеровъ англичанами нѣтъ никакого нарушенія нейтралитета, они увѣряли своихъ слушателей, что, напротивъ, сѣверо-американское правительство позволяетъ себѣ безпрестанныя нарушенія нейтралитета, и вообще не щадили упрековъ для Сѣвера. Англійскія газеты хоромъ поддакивали имъ, и только безпристрастная «Daily-News» замѣтила, что сѣверо-американцы никогда не нарушали нейтралитета своего ко вреду Англіи, и что во время восточной войны они даже прекратили постройку на своихъ заводахъ военныхъ судовъ, заказанныхъ Россіей еще до войны, и что постройка судовъ этихъ была окончена уже послѣ заключенія парижскаго мира. Однако, не смотря на явное свое недоброжелательство къ Сѣверу, общественное мнѣніе и правительство Англіи не желаютъ, чтобы слова ихъ перешли въ дѣло, и чтобы недоброжелательство это выразилось въ войнѣ съ американцами. Они знаютъ, къ чему повела бы подобная война, какъ гибельна была бы она для Англіи, и поэтому и министры, и журналисты, и капиталисты ихъ довольствуются тѣмъ, что на словахъ бранятъ американцевъ Сѣвера, желаютъ имъ всевозможныхъ золъ, не отказываются отъ всякаго предложенія вмѣшаться въ дѣла Америки и довести дѣло до открытой войны: англійское правительство придерживалось такой осторожной политики и въ прежніе періоды войны, и какъ мы увидимъ, также и въ послѣднее время. Но того же нельзя сказать о французскомъ правительствѣ. Ему, вслѣдствіе причинъ, которыя мы объяснили прежде (желаніе ослабить американскій союзъ посредствомъ раздвоенія и лишить его возможности вмѣшаться въ мехиканскую политику Франціи), смерть какъ хочется помочь Югу и по возможности ослабить Сѣверъ. Но оно боится впутаться одно въ это дѣло, и все хочетъ подвигнуть на это англійское правительство, а то постоянно отказывается отъ вмѣшательства. Подобныя попытки не разъ уже были дѣлаемы и ни къ чему не повели, какъ только къ тому, что американскій конгрессъ объявилъ рѣшительно, что не потерпитъ никакого вмѣшательства въ свои дѣла. Послѣ подобнаго постановленія конгресса и рѣшительнаго отвѣта Сьюарда — въ началѣ нынѣшняго

года французское правительство успокоилось было, но не надолго. После пораженія федеральныхъ войскъ при Чансельорсвилѣ въ маѣ мѣсяцѣ, французское правительство стало опять думать о попыткѣ вмѣшательства. Въ концѣ мая, г. Мазонъ, повѣренный по дѣламъ Юга въ Лондонѣ, явился въ Парижъ, вмѣстѣ съ своимъ парижскимъ товарищемъ Слиделлемъ, видѣлся съ Друэнъ де Люи, съ императоромъ Наполеономъ, и дѣло зашло очевидно о новой попыткѣ вмѣшательства. Тогда распространился было слухъ, что Мазонъ привезъ въ Парижъ проектъ, по которому Югъ обязывается постепенно освободить своихъ рабовъ подъ тѣмъ условіемъ, чтобы европейскія державы признали его независимость. Еслибъ дѣйствительно южные штаты взяли на себя подобное обязательство и дали бы достаточныя гарантіи въ томъ, что оно будетъ исполнено, то признаніе Юга имѣло бы смыслъ; главная цѣль войны была бы достигнута, и ни одинъ благоразумный человѣкъ въ Европѣ не могъ бы ничего возразить противъ раздѣленія американскаго Союза на двѣ части; отчего бы въ самомъ дѣлѣ не существовать двумъ американскимъ союзамъ вмѣсто одного, если оба будутъ имѣть одинаково хорошія учрежденія? Но приверженцы Юга сами поторопились разочаровать Европу въ возможности отдѣльнаго существованія Юга безъ невольничества. Когда одинъ изъ аболиціонистовъ, до котораго дошелъ вышеприведенный слухъ, написалъ г. Мазону, что если Югъ захочетъ освободить своихъ невольниковъ, то аболиціонисты Сѣвера употребятъ всѣ свои усилія для заключенія мира и для признанія самостоятельности южныхъ штатовъ; на это г. Мазонъ отвѣтилъ, что онъ и не хочетъ толковать о подобныхъ вещахъ, и затѣмъ онъ обнародовалъ эту корреспонденцію и съ торжествомъ заявилъ всему міру о великомъ преступленіи Сѣвера—о томъ, что онъ (или, вѣрнѣе, нѣкоторые граждане его) заявили свои аболиціонистскія стремленія. Это торжественное заявленіе нераздѣльности самостоятельности Юга съ невольничествомъ не помѣшало однако французскому правительству продолжать свои хлопоты о томъ, какъ бы быть полезнымъ Югу, и толки объ этомъ не прекращались въ высшихъ правительственныхъ сферахъ Франціи. Тогда два члена англійскаго парламента, отличающіеся сильною любовью къ южнымъ штатамъ, гг. Ребакъ и Линдсей отправились въ Парижъ, имѣли аудіенцію у Наполеона и переговорили съ нимъ о томъ, что не худо бы Франціи и Англіи признать независимость южныхъ штатовъ. Наполеонъ заявилъ имъ, что онъ не прочь отъ этого признанія, но что все дѣло стало за согласіемъ Англіи; а между тѣмъ французскому посланнику въ Лондонѣ поручено было навѣдаться неофиціальнымъ образомъ у британскихъ министровъ, не согласятся ли они сдѣлать теперь тотъ шагъ, отъ котораго они отказались недавно

тому назадъ. Слухи о новыхъ намѣреніяхъ французскаго правительства, о поѣздкѣ Ребена и Линдсея въ Парижъ и о свиданіи ихъ съ императоромъ и проч., до того убѣдили приверженцевъ Юга въ неизбѣжности вмѣшательства двухъ европейскихъ державъ въ американскую войну, что они даже уже задавали въ Парижѣ банкеты въ честь утвержденія независимости ихъ государства. Но оказалось, что радость ихъ была преждевременна. Когда въ концѣ іюня мѣсяца Ребенъ и Линдсей внесли въ палату предложеніе о признаніи Юга, то они встрѣтили противорѣчіе въ большинствѣ палаты, не потому, чтобы это большинство подобно г. Брайту сочувствовало цѣли, для которой сѣверные штаты ведутъ настоящую войну, а потому, что оно вѣроятно раздѣляло убѣжденіе г. Гладстона (одного изъ министровъ, менѣе всего симпатизирующихъ Сѣверу), который полагалъ, что война въ Америкѣ кончится, вѣроятно, гораздо скорѣе безъ европейскаго вмѣшательства, и что вмѣшательство это, вѣроятно, только ожесточитъ Сѣверъ и продлитъ войну. Но сколько ни энергическія рѣчи друзей Юга, въ палатѣ преобладало мнѣніе о томъ, что слѣдуетъ Сѣверу предоставить самому истощиться въ борьбѣ, и гг. Ребенъ и Линдсей, надѣлавшіе кромѣ того еще не мало скандала своими разсказами о свиданіяхъ и бесѣдахъ съ Наполеономъ, должны были взять назадъ свое предложеніе. Такимъ образомъ, вслѣдствіе осторожности англійскихъ министровъ, попытка французскаго правительства вмѣшаться въ дѣла Америки въ интересахъ Юга въ третій разъ остается тщетными. Но вѣроятно, оно все-таки не отступится отъ любимой своей идеи: говорятъ, что теперь Франція и Испанія ведутъ переговоры о признаніи Юга; распространялся было даже слухъ, что маршалу Форе приказано послѣ взятія Мексики идти съ своей арміей прямо на помощь южнымъ штатамъ. Хотя этотъ слухъ самъ по себѣ довольно неправдоподобенъ; но онъ довольно ясно свидѣтельствуетъ о томъ, какую роль приписываютъ Франціи въ американской войнѣ.

Говоря о политикѣ Франціи въ борьбѣ между сѣверными и южными штатами, нельзя не упомянуть также о послѣднихъ событіяхъ въ Мексикѣ, съ которыми она политика тѣсно связана. Тамъ дѣла значительно подвинулись впередъ, съ тѣхъ поръ, какъ мы въ послѣдній разъ заговорили о нихъ. До генваря мѣсяца генералъ Форе все еще былъ въ Оризабѣ и почти дѣйствовалъ больше пропагандою въ мексиканскому народу. Наконецъ, въ февралѣ онъ двинулся впередъ, и 17-го марта прибылъ къ Пуэблѣ, гдѣ французы потерпѣли въ прошедшемъ году чувствительное пораженіе. Генералъ Ортега, командовавшій мексиканскою арміей, приготовился къ упорной оборонѣ. Уже 2-го апрѣля французы начали нападеніе на Пуэблу, но лишь по про-

шествіи полутора мѣсяца, въ теченіи которыхъ ищъ пришлось брать городъ шагъ за шагомъ, Пуэбла была въ ихъ рукахъ. Сначала они разбили вспомогательное войско генерала Комонфорта, спѣшившаго на выручку осажденнымъ, и девять дней спустя, 17-го мая, голодъ заставилъ генерала Ортегу прекратить оборону и сдаться французамъ съ 1200 офицеровъ и 13,000 солдатъ. Радость во Франціи при извѣстіи о взятіи Пуэблы была неописанная; сначала многіе не хотѣли вѣрить этому извѣстію, потому что неоднократно уже подобные слухи распространялись и послѣ не оправдывались; но на этотъ разъ извѣстіе это оказалось вѣрнымъ, и радость французовъ не знала предѣловъ: очень ужь они опасались за судьбу мексиканской экспедиціи. Взятіе Пуэблы было самымъ труднымъ шагомъ, который французамъ приходилось дѣлать въ Мексикѣ. Сначала полагали, что Хуаресъ будетъ энергически защищать свою столицу, и дѣйствительно были слухи, что онъ готовится къ отчаянной оборонѣ, къ тому же другой мексиканскій генералъ, Ортега, ушелъ изъ плѣна со многими офицерами и возвратился въ Мексику. Но оказалось, что уже двѣ недѣли послѣ паденія Пуэблы Хуаресъ покинулъ свою столицу для того, чтобы удалиться во внутреннія области, и черезъ нѣсколько дней послѣ его удаленія, 5-го іюня, французы заняли Мехико. До сихъ поръ еще ничего не слышать о томъ, чтобы они принялись за преслѣдованіе Хуареса во внутреннихъ областяхъ его государства. Вотъ въ немногихъ словахъ ходъ дѣлъ въ Мексикѣ въ послѣдніе шесть мѣсяцевъ. Все это очень не трудно было предвидѣть; легко было предсказать, что не смотря на всѣ усилія мексиканцевъ, не смотря на истинно геройскую ихъ защиту (какую показали въ Пуэблѣ), солдаты, принадлежащіе къ одному изъ первыхъ въ мірѣ войскъ, одолѣютъ ихъ, возьмутъ Пуэблу, а тамъ и Мехико, иначе не могло и быть. Ну, а дальше что? Что же французы будутъ дѣлать теперь въ Мексикѣ? Вотъ вопросъ, который интересуетъ теперь всю Францію, и отчасти всю Европу и Америку. Мы въ первой книжкѣ «Современника» за нынѣшній годъ старались объяснить, какъ мы понимаемъ настоящую мексиканскую экспедицію: мы видѣли въ ней стремленіе Франціи колонизироваться въ другихъ частяхъ свѣта, и именно тамъ, гдѣ Англія еще не успѣла предупредить ее, и гдѣ американцы по теперешнимъ обстоятельствамъ не могутъ помѣшать ей. Поэтому мы постоянно полагали весьма ошибочными мнѣнія тѣхъ, которые полагали, что французское правительство удовольствуется возстановленіемъ чести французскаго оружія, значительной контрибуціей или безкорыстнымъ улучшеніемъ системы правленія въ Мексикѣ, и что за тѣмъ оно поторопится убраться оттуда. Конечно, теперь никто не можетъ сказать навѣрное, что Наполеонъ сдѣлаетъ въ Мексикѣ: мы сомнѣваемся даже въ томъ, извѣстно ли это

ему самому. Соорудитъ ли онъ тамъ (или по крайней мѣрѣ въ завоеванной уже части Мехики) какое нибудь туземное правительство подъ французскимъ протекторатомъ; возведетъ ли онъ на мексиканскій престолъ какого нибудь европейскаго принца, присоединитъ ли онъ ее просто къ французской имперіи, или сдѣлаетъ это посаженіи тамъ королемъ своего кузена, придумаетъ ли онъ наконецъ еще какую нибудь особенную комбинацію, ничего этого нельзя предсказать; да оно и не особенно интересно знать, въ какой формѣ выразится въ Мехикѣ французское вліяніе и французскій протекторатъ: важно только то, что французское правительство будетъ стараться сдѣлать изъ Мехики подъ той или другой формой французскую колонію. Множество мѣръ, предпринятыхъ въ послѣднее время французскимъ правительствомъ, показываетъ, что оно намѣрено весьма прочно утвердить въ ней свое вліяніе. Еще до взятія Пуэблы оно стало отправлять туда разныхъ чиновниковъ, въ особенности по части финансоваго и почтоваго управленія, а также и по административной части; кромѣ того инженеровъ, механиковъ и проч., всего до 130 человѣкъ. Вскорѣ послѣ взятія Пуэблы Форе издалъ распоряженіе о томъ, что въ гаванихъ, занятыхъ французами, пошлины убавляются на половину; начаты также постройки желѣзныхъ дорогъ, проведеніе телеграфовъ и проч. Программа французскаго правительства значитъ довольно ясна: пріостановить пока военныя дѣйствія, познакомить мехиканцевъ со всѣми благами французской цивилизаціи, забрать постепенно всю страну въ руки и пріучить жителей къ тому, чтобы у нихъ хозяйничали другіе, а затѣмъ дать имъ правительство, которое со временемъ окажется сподручнѣе, продолжая въ то же время эксплоатировать страну въ свою пользу: вотъ какъ мы понимаемъ планъ французскаго правительства. Исполненіе или неисполненіе этого плана зависитъ конечно отъ того, явятся ли мехиканцы апатичными и покорными, или у нихъ окажется довольно энергіи для того, чтобы противиться чужому вліянію, хотя бы даже это было вліяніе націи, которая по мнѣнію ея правительства призвана всѣмъ благодѣтельствовать и всѣхъ цивилизовать, — великой французской націи.

ВЪ КОНТОРѢ РЕДАКЦІИ «СОВРЕМЕННИКА» ИМѢЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ, ИЗДАННЫЯ ЕЮ, КНИГИ:

ИСТОРІЯ ЕВРОПЫ, Шлоссера, обнимающая въ себѣ, въ переводѣ съ исправленнаго изданія, исторію XVIII столѣтія и XIX до паденія французской имперіи, съ особенно подробнымъ изложеніемъ хода литературы. Соч. Шлоссера. Это изданіе состоитъ изъ 8 томовъ, до 30 печатныхъ листовъ въ каждомъ. Цѣна за всѣ 8 томовъ 10 руб. сер. безъ пересылки, а съ пересылкою 12 руб. Отдѣльно послѣдніе четыре (5, 6, 7 и 8) тома (исторія конца XVIII столѣтія, съ 1788 года, и начало XIX до паденія французской имперіи) продаются за 5 руб., съ пересылкою 6 руб.

РАЗСКАЗЫ Н. В. УСПЕНСКАГО. Спб. Цѣна 75 коп., съ пересылкою 1 руб.

ГРОЗА, драма А. Островскаго. Спб. Цѣна 30 коп., съ пересылкою 50 коп.

ВОСПИТАННИЦА, комедія А. Островскаго. Спб. Цѣна 30 коп., съ пересылкою 50 коп.

ОЧЕРКИ ИЗЪ ПЕТЕРБУРГСКОЙ ЖИЗНИ НОВАГО ПОЭТА, И. И. Панаева. Спб. Цѣна за 2 тома 1 руб., съ пересылкою 1 руб. 50 коп.

ОЧЕРКИ ДОМАШНЕЙ ЖИЗНИ И НРАВОВЪ ВЕЛИКОРУССКАГО НАРОДА ВЪ XVI и XVII СТОЛѢТІЯХЪ, Н. И. Костомарова. Спб. Цѣна 1 руб. 25 коп., съ пересылкою 1 руб. 50 коп.

Книги эти по вышеозначеннымъ цѣнамъ можно получать въ С.-Петербургской и Московской конторахъ «Современника».

Въ конторѣ редакціи «Современника» осталось нѣкоторое количество экземпляровъ пяти выданныхъ номеровъ «Современника» 1862 г. Желающіе имѣть эти пять номеровъ, могутъ получать или выписывать ихъ изъ С.-Петербургской конторы «Современника», уплачивая по 5 р. с. за экземпляръ (*изъ пяти номеровъ*) безъ пересылки, и по 6 р. с. съ пересылкою.

ВЫШЛИ ИЗЪ ПЕЧАТИ:

НОВОЕ (ТРЕТЬЕ) ДЕШЕВОЕ ИЗДАНІЕ

СТИХОТВОРЕНІЙ

Н. НЕКРАСОВА.

Со втораго изданія, содержащаго въ себѣ 500 стран., въ 12 долю, съ нѣкоторыми исправленіями и дополненіями. Цѣна за двѣ части въ Петербургѣ и Москвѣ 1 руб. сер., съ перес. 1 руб. 50 коп. Желающіе получить книгу могутъ высылать требованія въ Конторы «Современника», Петербургскую или Московскую.

ПОДВОДНЫЙ КАМЕНЬ.

РОМАНЪ

М. В. АВДѢЕВА.

1 томъ. Изданіе книгопродавца Кожанчикова. Цѣна 1 руб. 50 коп., съ пересылкой 2 руб.

САТИРЫ ВЪ ПРОЗѢ.

СОЧИНЕНІЕ

М. ЩЕДРИНА.

1 томъ, заключающій въ себѣ до 500 страницъ. Изданіе книжнаго магазина Серно-Соловьевича. Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкой 2 руб.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 25 іюня 1863 года.

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ

ВЪ МАГАЗИНѢ

М. БЕРНАРДА,

въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ, противъ Малой Морской, № 10.

ЦѢНЫ ОЗНАЧЕНЫ НА СЕРЕБРО.

ДЛЯ ФОРТЕПІАНО.

ARDITI. La Stella. Nouvelle valse favorite (75 к.). Il bacio. Célèbre valse (75 к.). La même facilitée (60 к.). La même à quatre mains (60 к.).

BENDEL. La clochette. Morceau caractéristique (60 к.). Mozart. Andante (60 к.). Nocturne (60 к.).

BERNARD. Marche Zouave (60 к.). Крошка. Romance favorite de Boulahoff transcrite (60 к.). Альбомъ самыхъ любимыхъ русскихъ романсовъ Булахова, Варламова, Гр. Вielьгорскаго, Глинки, Гурилева, Даргомыжскаго, Дерсельта, Дюбюка, Кн. Кочубей и др., переложенныхъ для одного фортепіано. Тетр. 1, 2 и 3 (каждая 1 р.). Тетр. 4 и 5 выйдутъ въ непродолжительномъ времени изъ печати.

BEYER. Bouquets de mélodies des opéras: Un Ballo in maschera, Stradella, Martha, Traviata, il Trovatore, I Puritani, le barbier de Séville (каждый 1 р.).

BLUMENTHAL. Un petit cadeau. Bluette (60 к.).

CAPSON. La gracieuse. Impromptu (50 к.). Barcarolle (55 к.).

DOEHLER. Romance sans paroles (60 к.).

EGGHARD. Ma petite voisine. Morceau élégant (60 к.). La Galleguita. Danse espagnole (60 к.). Chanson du chaudronnier. Morceau de Salon (75 к.). Echo du coeur. Improvisation (60 к.).

JUNGMANN. Harmonies éoliques (75 к.). Fleur des Alpes. Mélodie variée (60 к.). Loin d'elle. Romance (40 к.). Près d'elle. Romance (40 к.). Le mal du pays. Mélodie (40 к.). La même facilitée (40 к.). Sérénade espagnole (60 к.).

KONTSKI. La bavarde. Caprice-étude (75 к.). Souvenir de St.-Petersbourg: № 1. Larmes d'une jeune fille. Méditation. № 2. Mazurka di bravura (85 к.). Souvenir de Petrowsky. Duo sans paroles (60 к.). Чародѣйка. Любимый вальсъ (85 к.).

KETTERER. La Gaëtana. Mazurka de Salon (75 к.).

KULLAK. Le lac «Attersee». Idylle (50 к.). La violette. Idylle (50 к.).

LISZT. L'étoile du soir. Célèbre romance du Tannhaüser de Wagner (60 к.).

MAYER. L'étoile du soir. Romance (60 к.). Rayons et ombres. Nocturne (60 к.). Mélodie gracieuse (40 к.).

MENDELSSOHN-BARTHOLDY. Lieder ohne Worte. Знаменитыя пѣсни безъ словъ. Новое красивое изданіе. 7 тетрадей (каждая 1 р. 30 к.). Всѣ семь тетрадей въ одной книгѣ съ портретомъ автора (5 р.).

MOZART. Fantaisie et sonate. Nouvelle edition (1 p. 50 к.).
MANSOUR. Une fête au hameau. Scène villageoise (75 к.).
MAGNUS. La Tarabouka. Caprice mauresque (1 p.).
NAGEL. Les adieux, Mélodie (40 к.).
OESTEN. Luna. Nocturne (50 к.).
PACHER. Echo. Bluette (40 к.). La source. Bluette (50 к.). Tendresse. Morceau mélodieux (60 к.), Serenade du troubadour (60 к.).
RICHARDS. Marie. Nocturne favori (60 к.).
SCHUMANN. Vogel als Prophet (40 к.). Nachtstück (30 к.). Traumerei (30 к.). Warum? (30 к.). Abends (30 к.). 8 pièces de piano. 2 тетр. (каждая 60 к.).
SPINDLER. Chansons populaires de Bohême. op. 125. 3 тетр. (каждая 75 к.). Souvenir de Vénise. Sérénade (60 к.). Le carillon. Pièce de salon (60 к.). Célèbre marche de l'opéra Tannhäuser de Wagner (75 к.). Harmonies tyroliennes (60 к.).
THALBERG. «L'art du chant appliqué au piano». Six transcriptions des célèbres oeuvres des grands maîtres. op. 70. Serie III № 1. Sérénade du Barbier de Séville. № 2. Duo de la flûte enchantée. № 3. Barcarolle di Gianni di Calais. № 4. Trio et duettino du Don Juan. № 5. Sérénade de l'amant jaloux. № 6. Romance d'Otello (каждый № по 1 р.).
VOSS. Mi manca la voce de l'opéra Moïse (60 к.). Das Lied vom Herzen. Air populaire (60 к.). Obitt' euch liebe Vögelein. Célèbre chanson allemande (60 к.). Le Pardon de Ploërmel. Grand. fantaisie (1 р. 15 к.).

Выписывающіе нотъ на сумму не менѣе трехъ руб. сер. получаютъ двадцать пять процентовъ уступки, а выписывающіе на десять руб. сер., кромѣ того, ничего не прилагаютъ на пересылку. Выгодою этой пользуются только тѣ, которые обратятся съ требованіями непосредственно въ магазинъ М. Бернарда. На тѣхъ же условіяхъ можно выписывать черезъ него всѣ музыкальныя сочиненія, какъ бы они ни были изданы и объявлены.

Въ этомъ же магазинѣ вышла 1-го іюня 7-я тетрадь музыкальнаго журнала «Нувеллистъ» (годъ XXIV), содержащая въ себѣ 7 пьесъ: *Тальберга, Фумагалли, Мадера, Зелинга, Эгарди* и др., 2 танца, 2 русскіе романса, пьеса въ четыре руки и литературное прибавленіе въ видѣ музыкальной газеты. (Годовая цѣна подписки 10 р., съ перес. 11 р. 50 к.).

Желающіе подписаться на Нувеллистъ, на 1863 г., получаютъ сполна всѣ тетради этого журнала, вышедшія съ начала нынѣшняго года.

Вновь получены: ИНОСТРАННЫЯ РОЯЛИ и ПІАНИНО, СКРИПКИ, АЛЬТЫ, ВІОЛОНЧЕЛИ, СМЫЧКИ, ФЛЕЙТЫ, ГАРМОНИ-ФЛЕЙТЫ, ГИТАРЫ, МЕТРОНОМЫ, КАММЕРТОНЫ и проч. по умѣреннымъ цѣнамъ.

ДЕПО ЛУЧШИХЪ ИТАЛЬЯНСКИХЪ СТРУНЪ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 8 іюня 1863 года.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ЗАМѢТКИ О БѢГЛЫХЪ И БРОДЯГАХЪ (*)

ВЪ РОССІИ И СИБИРИ.

Посѣщая постоянно около пяти лѣтъ, прежде по званію врача, а потомъ директора тобольскаго тюремнаго комитета, мѣстный острогъ, этотъ главный пунктъ, куда стекаются пересыльные арестанты со всѣхъ концовъ Россійской Имперіи, а также арестантскую роту, по званію попечителя, и не придерживаясь въ обращеніи съ ними натянутыхъ оффиціальныхъ пріемовъ, никогда не вызывающихъ людей несчастія на откровенныя, задушевныя повѣствованія о своихъ похожденіяхъ, мы успѣли собрать отъ нихъ множество разсказовъ объ особенномъ классѣ острожнаго населенія—бродягахъ, о которыхъ рѣшаемся передать свои замѣтки. Думаемъ, что онѣ не будутъ лишними, когда наша литература и правительство занимаются разработкою вопроса объ улучшеніи быта арестантовъ въ тюрьмахъ и другихъ мѣстахъ заключенія.

Бродяжество составляетъ весьма замѣчательное явленіе въ русской народной жизни. Основное качество бродяжества — неимѣніе узако-

---

(*) Бродяги на ихъ собственномъ языкѣ называются *горбачами*. Это ихъ лозунгъ, по которому они узнаютъ другъ друга. Они ничего не имѣютъ общаго съ бѣгунами сопѣлковскаго или аѳанасьевскаго толка.

ненныхъ письменныхъ удостовѣреній о личности, которое на канцелярскомъ языкѣ, способномъ изобрѣтать слова въ родѣ: убитіе, умертвіе, вынутіе и т. п., извѣстно подъ названіемъ безписьменности. Другая сторона понятія о бродяжествѣ, необходимое послѣдствіе безписьменности, заключается въ скрытіи происхожденія. По совокупности этихъ двухъ сторонъ русское законодательство отличаетъ собственно бродягъ отъ бѣглыхъ. Бродягами по уставу о паспортахъ буквально признаются люди, жительствующіе, переходящіе и переѣзжающіе изъ мѣста въ мѣсто не только безъ вѣдома полицейскихъ начальствъ, но и безъ всякихъ средствъ показать настоящее свое состояніе, званіе, или же упорно отъ того отказывающіеся. Сюда принадлежатъ: непомнящіе родства, ложно о себѣ показывающіе и имѣющіе фальшивые виды. Бѣглыми же считаются всѣ тѣ лица, которыя отлучились отъ своихъ командъ, обществъ или помѣщиковъ безъ надлежащаго дозволенія далѣе срока и мѣста, опредѣленнаго для временныхъ отлучекъ закономъ, и далѣе мѣста, означеннаго въ выданныхъ имъ видахъ (*). Бѣглыхъ и бродягъ можно раздѣлить на три класса: по состояніямъ и званіямъ, исключительному положенію въ обществѣ и образу жизни. Къ первому господствующему классу преимущественно относятся бѣглые и бродяги изъ податныхъ сословій и люди военнаго званія или военные дезертиры; ко второму,—ссыльно-каторжные и ссыльно-поселенцы, и наконецъ, къ третьему—нищіе кочевые. Бѣглые и бродяги разсѣяны на всемъ пространствѣ Имперіи. Они встрѣчаются въ самыхъ отдаленныхъ мѣстностяхъ Россіи и Сибири, такъ напримѣръ, въ Новороссіи, за Байкаломъ. Бѣглые и бродяги проживаютъ даже въ обѣихъ нашихъ столицахъ. Въ Петербургѣ, въ мартѣ 1862 года, было арестовано полиціею въ домѣ князя Вяземскаго бродягъ и разнаго званія людей, не прописанныхъ по дому, въ одинъ разъ 103 человѣка (**). Въ Сибири есть и захожіе изъ Россіи бѣглые и бродяги, есть и туземные странники, между которыми обращаютъ на себя особенное вниманіе по численности ссыльно-каторжные и ссыльно-поссленцы. Большинство изъ служащихъ у *генерала Кукушкина* (***), не имѣя и фальшивыхъ свидѣтельствъ о своей личности, скрываютъ свое происхожденіе подъ обыкновенными фамиліями Ивановыхъ, Петровыхъ, Михайловыхъ, и т. п., ими самими

(*) Ст. 582 XIV тома Уст. о пасп. и бѣгл. (изданія 1857 г.)

(**) № 83 «Сѣв. Пчел.» за 1862 годъ.

(***) Такъ въ насмѣшку называютъ въ Россіи бродягъ, которые дѣлаютъ побѣги изъ тюремъ и другихъ мѣстъ содержанія въ началѣ весны, когда закукуетъ въ лѣсу кукушка. Въ Сибири бродягъ-каторжныхъ и ссыльно-поселенцевъ называютъ вѣстовыми генерала Кукушкина.

придуманными или позаимствованными. Извѣстно, что арестанты во время своего заключенія, нерѣдко изъ-за денегъ, для облегченія участи, ожидающей кого нибудь изъ товарищей за сдѣланное преступленіе, мѣняются между собой прозваніями. У бродягъ есть довольно забавныя фамиліи, вымышленныя ими подъ открытымъ небомъ, на свободѣ, а чаще всего отъ бездѣлья въ тюрьмахъ, напримѣръ: Иванъ Шугай, Григорій Савельевъ Журенко (онъ же и Махненко), Иванъ Гученковъ (онъ же Гроченковъ), Василій Мухоѣдовъ (онъ же Клинъ и Яковъ Войтенко). Иные бродяги, изъ желанія скрыть свое происхожденіе, просто забавляются при допросахъ, придавая себѣ юмористическія названія, характеризующія бродячую жизнь, напримѣръ, *Махнидрало*, *А я за нимъ*, *Точи не зѣвай*, *Шатачивай небось* (*). Въ числѣ бродягъ, какъ на уродливое уклоненіе отъ законовъ естественнаго здраваго смысла, нужно указать на «непомнящихъ родства». Подъ этимъ новымъ видомъ безпаспортнаго странничества, неизвѣстнаго нигдѣ кромѣ Россіи, разумѣется бродяжество, соединенное съ нимымъ забвеніемъ родственныхъ связей, которое изобрѣтено бродягами для избѣжанія наказанія за болѣе важныя преступленія. У насъ задавали себѣ вопросъ, что при такомъ мотивѣ гражданскаго существованія «непомнящихъ родства», не слѣдовало бы законодательству и допускать этотъ родъ бродяжества; между тѣмъ, оно не только терпитъ бродягъ непомнящихъ, но и придаетъ значеніе ихъ показаніямъ, повѣряя эти показанія оффиціальными справками. Подобный фактъ, по мнѣнію Р. Игнатьева (*), объясняется увѣренностью законодательства въ возможности открыть пристанодержателей этихъ бродягъ и пособниковъ ихъ въ преступленіяхъ, на которыхъ часто ссылаются непомнящіе родства; однакожъ по большей части показанія такихъ бродягъ не подтверждаются. Непомнящіе родства всегда указываютъ на личности вовсе неизвѣстныя имъ, даже небывалыя, для того, чтобы затѣять дѣло, запутать его, а потомъ, при благопріятномъ случаѣ, бѣжать изъ тюрьмы. Бродяжество подъ формою забвенія родства пользуется у насъ давнишнимъ авторитетомъ. Эти бродяги скитаются поодиночкѣ и семействами съ молодыми и старыми представителями своей среды, давая себѣ вмѣсто фамилій титулы *непомнящихъ*, *неизвѣстныхъ*, *безъ прозванія*, *безъ отечества*, а нѣкоторые изъ нихъ, носятъ по прихоти скромныя имена: *Иванъ*, *Михайло*, *Адамъ*, *Евва* и т. п.

Подъ категорію бродягъ, непомнящихъ родства, въ томъ смыслѣ,

(*) Записки изъ Мертваго Дома Ѳ. Достоевскаго.

(**) № 60 «Русскаго Міра» за 1861 годъ «Вопросъ о бродягахъ, непомнящихъ родства».

какъ обыкновенно понимаютъ ихъ, нельзя подвести тѣхъ безпаспортныхъ, которые по исключительнымъ обстоятельствамъ своей жизни въ самомъ дѣлѣ не знаютъ своего происхожденія. Такіе безпаспортные хотя и рѣдко, но встрѣчаются въ нашей дѣйствительности. Напримѣръ, въ 1858 году, въ селѣ Тростянецъ, Харьковской губерніи, взятъ былъ за безписьменность и преданъ суду проживавшій въ томъ селѣ у разныхъ лицъ какой-то Игнатъ Непомнящій, котораго въ 1828 году, 8 лѣтъ отъ роду, нищіе привели съ собою въ село Тростянецъ и отдали крестьянину Слобоженцкому. Эти личности не признаются по русскому законодательству бродягами, и потому сохраняютъ за собою права свободныхъ сословій (*). По нашему мнѣнію, сюда можно также отнести и такихъ безпаспортныхъ, которые, происходя по рожденію отъ бродягъ и покинутые ими въ малолѣтствѣ на произволъ судьбы, не въ состояніи объяснить свою генеалогію. Мы знали двухъ такихъ арестантовъ въ тобольскомъ острогѣ, которыхъ осудили какъ бродягъ, не открывшихъ своего происхожденія.

Бытъ бродягъ представляетъ много любопытнаго для изслѣдователя. Жизнь бродягъ исполнена обманутыхъ надеждъ на лучшее будущее, различныхъ, часто преступныхъ похожденій, холода, голода и всевозможныхъ лишеній. Вотъ въ краткомъ очеркѣ эта незавидная жизнь: бродяги вообще боятся людскаго глаза, въ особенности избѣгаютъ столкновеній съ полиціею, обходя даже города со строгими полиціймейстерами и городничими, а въ Сибири — татарскія селенія, ибо татары стрѣляютъ въ нихъ изъ ружей и бьютъ нагайкой. Они живутъ лѣтомъ въ лѣсу, рѣдко нуждаясь въ какихъ бы то ни было пристанищахъ, зимою въ крестьянскихъ баняхъ, овинахъ и полевыхъ избушкахъ; питаются и прикрываютъ свою наготу на счетъ мірскихъ подаяній. Въ крайности, когда бродяги не безопасны отъ преслѣдованій крестьянъ, слѣдовательно не могутъ разсчитывать на подаяніе, добываютъ себѣ пищу и одежду воровствомъ. Болѣе смѣлые изъ бродягъ, при матеріальныхъ недостаткахъ, пускаются на выдумки: ходятъ по деревнямъ, ворожатъ на картахъ, бобахъ, показываютъ фокусы, дѣлаютъ для крестьянскихъ бабъ присушки или привороты (**). Бродяги, имѣющіе фальшивые паспорты, поступаютъ въ услуженіе къ частнымъ лицамъ, работаютъ иногда на фабрикахъ и заводахъ, нанимаются на

(*) Циркуляръ г. управляющаго министерствомъ юстиціи къ оберъ-прокурорамъ правительствующаго сената о бродягахъ. (См. «Жур. Мин. Юстиціи» за ноябрь 1861 года).

(**) Такъ называютъ способъ сближенія двухъ половъ, состоящій въ заговорахъ на пищѣ, водѣ, винѣ, травахъ, человѣческомъ слѣдѣ, съ таинственною помощью нечистой силы.

суда, берутъ задатки, оставляя у судохозяевъ свои фальшивые виды, и скрываются; запасшись новыми подобными же документами, повторяютъ эту продѣлку съ другими лицами до тѣхъ поръ, пока не попадутся въ полицейскія руки. Относительно фальшивыхъ паспортовъ должно замѣтить, что фабрикаціей ихъ занимаются у насъ нѣкоторые отставные чиновники, выгнанные изъ службы, военные, волостные и сельскіе писаря, которыхъ на службѣ держатъ только потому, что они проглотили всю канцелярскую мудрость; иногда же въ поддѣлкѣ паспортовъ упражняются отставные солдаты. Цѣна фальшивыхъ паспортовъ не велика. Разсказываютъ, напримѣръ, что будто въ Москвѣ, гдѣ фальшивые паспорты продаютъ у Иверскихъ воротъ, можно навязать себѣ другое имя и фамилію не болѣе, какъ за плату отъ 5 до 10 р. с.; въ Петербургѣ въ кабакахъ и пивныхъ лавкахъ цѣна ихъ почти та же. Грамотные люди заготовляютъ фальшивые паспорты для себя сами, или заново, или же, воспользовавшись чужимъ, вытравляютъ въ немъ прежнее имя и фамилію и вставляютъ новыя. Бываетъ и такъ, что у бродягъ находятся въ рукахъ и дѣйствительные паспорты, только не принадлежащіе имъ, а украденные у кого нибудь, или пріобрѣтенные ими за деньги. У военныхъ дезертировъ, по ихъ выраженію, часто шинель замѣняетъ паспортъ. Бѣглый солдатикъ, безъ письменнаго вида, до поры до времени бредетъ себѣ подъ видомъ благочестія, куда несутъ ноги, облачившись въ солдатскую шинель, по которой встрѣчаютъ и провожаютъ его, думая, что онъ безсрочноотпускной, и потому не спрашиваютъ у него паспорта. Между бродягами можно встрѣтить и торгашей, разъѣзжающихъ по селамъ. Они продаютъ кое-какія мелочи обывателямъ, но не изъ барыша, а затѣмъ, чтобы выглядѣть у нихъ пожитки и потомъ обокрасть. Въ Новороссіи бродяги цѣлыми партіями работаютъ по году и болѣе на поляхъ у колонистовъ и помѣщиковъ за вознагражденіе, незначительное сравнительно съ рабочими, у которыхъ есть настоящіе паспорты. Если эти получаютъ за работу по 50 к. с. въ сутки, то бродягѣ даютъ 50 к. ассиг. Конечно, пребываніе бродягъ у колонистовъ и помѣщиковъ не обходится безъ убытковъ для самихъ благодѣтелей. Полиція въ лицѣ исправника или становаго, проѣдавши, что у какого нибудь колониста или помѣщика проживаютъ бродяги, мигомъ налетаетъ на свою жертву; бродяги бросаются въ разсыпную, а помѣщикъ или колонистъ раздѣлывается съ полицейскими чиновниками за пристанодержательство; когда же они послѣ кормленія отправятся во свояси, старые порядки возобновляются. Бродяги выползаютъ изъ засады и начинаютъ собираться въ прежнее гнѣздо. Въ Новороссійскомъ краѣ случается, что бродяги находятъ себѣ пріютъ у корчмарей-евреевъ, для которыхъ они служатъ

доходною статьею. Еврей, по природѣ жадный до грошей, беретъ въ три-дорога и за содержаніе бродяги, и за водку, выпитую имъ, да сверхъ того получаетъ условленный процентъ за трудъ сбыть хапаное, то есть вещи, украденныя бродягами, или доставшіяся имъ посредствомъ грабежа. Партіи бродягъ обыкновенно направляются въ Россію или въ Сибирь. Изъ Сибири бродяги идутъ въ Россію, потому что въ Россіи легче судятъ за бродяжничество, чѣмъ въ Сибири, а изъ Россіи въ Сибирь, потому что тамъ можно причислиться на вольное поселеніе (*). Въ Сибири бродяжество развито между ссыльно-каторжными и ссыльно-поселенцами. Каторжные и поселенцы бѣгутъ съ заводовъ, а послѣдніе также съ частныхъ промысловъ и изъ мѣстъ причисленія. Они уходятъ съ заводовъ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы, если удастся благополучно миновать Восточную Сибирь, показаться бѣглыми или бродягами въ Западной и поступить на тѣ заводы, гдѣ работы сноснѣе, или же идутъ въ Россію. Задумавшіе бѣжать съ завода запасаются на дорогу сухарями, кремнями, огнивомъ, трутомъ, котомкою, иглою, нитками, шиломъ, ножами, табакомъ и прочими необходимыми вещами. Эти бѣглые вообще люди неимущіе, оборванные. Между ними однакожь попадаются и порядочно одѣтые, у которыхъ есть неистасканный зипунъ, рубаха безъ прорѣхъ, прочные сапоги и хорошій полушубокъ; у другихъ можно найти и золото, унесенное съ пріисковъ, и ассигнаціи, аккуратно зашитыя въ порты или воротъ рубахи. Каторжные и поселенцы, въ первый разъ давшіе тягу изъ заводовъ и съ частныхъ промысловъ и потому незнакомые еще съ дорогою, опасаются развѣдывать о ней у крестьянъ, ограничиваясь скудными свѣдѣніями отъ деревенскихъ женщинъ и дѣтей; подробнѣе они узнаютъ о направленіи пути отъ своихъ же собратовъ по несчастію, изучившихъ *немшоную* Сибирь (**) вдоль и поперегъ не по картамъ и руководствамъ, изданнымъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, а въ натурѣ во время своихъ частыхъ и продолжительныхъ путешествій. Эти знатоки сибирской географіи, присоединяясь къ новичкамъ, дѣлаются для нихъ попутчиками и вожаками. Странствованія въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Восточной и Западной Сибири сопряжены съ огромными, почти невѣроятными трудностями. Они проходятъ верстъ по 300 по безплоднымъ дремучимъ тайгамъ, питаясь кореньями, грибами и кормовыми травами. Голод-

---

(*) Арестантское выраженіе. Имъ, дѣйствительно, иногда удается приписаться тамъ вмѣсто какого нибудь умершаго, разумѣется, заплативши порядочныя деньги писарю.

(**) Такъ въ сердцахъ называютъ Сибирь сосланные изъ Россіи, придавая ей тѣмъ значеніе холодной пустыни, на которой разгуливаютъ вѣтры и мятели.

ные бѣглые оживаютъ только тамъ, гдѣ есть крестьянское жилье. По общему отзыву бѣглыхъ, сибирскіе крестьяне не трогаютъ ихъ и не заставляютъ умирать съ голоду. Благодѣянія для бѣглыхъ сибирскіе крестьяне дѣлаютъ на сторонѣ, и если иногда пускаютъ ихъ въ свои дома на ночлегъ, то не держатъ болѣе сутокъ, изъ боязни быть обвиненными въ пристанодержательствѣ. Точно такъ же крестьяне въ Сибири рѣдко нанимаютъ бѣглыхъ на полевыя работы, рѣдко пользуются другими услугами ихъ, разумѣется за дешевую плату, и дозволяютъ имъ жить въ волостяхъ только съ разрѣшенія волостнаго начальства, не всегда отличающагося въ Сибири безкорыстіемъ, и при томъ тогда, когда бѣглые хорошо ведутъ себя. Для бѣглыхъ сибирскіе крестьяне кладутъ на окно въ избѣ или на полку, устроенную снаружи дома вдоль стѣны, ломти ржанаго хлѣба, ставятъ кринку молока и ковшъ квасу. Это гостепріимство соблюдается, если бѣглые не пошаливаютъ. Впрочемъ, крестьянинъ кормитъ бѣглыхъ и не ловитъ ихъ не столько по состраданію къ угнетенному человѣчеству, сколько изъ страха, что иначе бѣглый отплатитъ ему зломъ — убьетъ его, обокрадетъ, подпалитъ домъ, или выкажетъ пристанодержательство, всегда доставляющее земской полиціи обильную поживу. Но не вездѣ въ Сибири оставляютъ бѣглыхъ въ покоѣ. Есть мѣстности, въ которыхъ крестьяне ловятъ ихъ или бьютъ изъ винтовокъ, напримѣръ, въ Нижнеудинскомъ округѣ Иркутской губерніи, въ 50 верстахъ отъ города. Заклятые враги бѣглыхъ въ Восточной Сибири — это буряты. Они преслѣдуютъ бѣглыхъ верхами, вооруженные винтовками, захватываютъ ихъ и представляютъ связанныхъ своимъ тайшамъ, а тѣ отсылаютъ къ начальству. Бываетъ, что такія преслѣдованія оканчиваются ожесточенными стычками, въ которыхъ, для подкрѣпленія нападающихъ, принимаютъ участіе даже бурятскія жены. Обыкновенно же буряты наѣзжаютъ на бѣглыхъ не затѣмъ, чтобъ ловить ихъ, а чтобы поживиться отъ нихъ золотомъ, утаеннымъ съ промысловъ (*), или просто обобрать бѣглаго на чистую и потомъ пустить его на всѣ четыре стороны. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Западной Сибири бѣглые также подвергаются преслѣдованіямъ со стороны жителей (**), преимущественно

(*) У каторжныхъ и поселенцевъ, бѣжавшихъ съ заводовъ и съ частныхъ пріисковъ, рѣдко находится золото; по большей части они имѣютъ при себѣ колчеданъ съ золотистымъ блескомъ, для расплаты съ бурятами за пищу и перевозъ черезъ рѣки въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ буряты дружелюбно обходятся съ бѣглыми.

(**) См. разсказъ о знаменитомъ истребителѣ бродягъ, крестьянинѣ Томской губерніи, Парамонычѣ, кончившемъ жизнь отъ руки одного бѣглокаторжнаго въ ужасныхъ мученіяхъ съ вырѣзаннымъ языкомъ и съ котломъ на головѣ, раскаленнымъ до красна («Русскій Міръ» 1860, № 97).

же инородцевъ-татаръ, которые клеймятъ ихъ позорнымъ прозвищемъ — варнакъ (*), собака, и наповалъ кладутъ подъ винтовочные выстрѣлы. Кромѣ подаяній, бѣглые въ Сибири поддерживаютъ свое насущное существованіе и другими способами, запрещенными закономъ. Напримѣръ въ деревнѣ Рыбиной, Енисейскаго округа, они грабятъ и воруютъ деньги и вещи у прикащиковъ, которые въ сентябрѣ мѣсяцѣ съѣзжаются въ эту деревню съ пріисковъ и кутятъ тамъ до безобразія въ своихъ квартирахъ, не пренебрегая даже заведеніями всероссійскаго откупщика Ивана Елкина.

Теперь нѣсколько словъ о бродяжьемъ трактѣ. Бродяги изъ восточной Сибири идутъ въ Томскую губернію. Здѣсь прибываютъ къ нимъ новые товарищи, и такимъ образомъ собираются цѣлыя ватаги бѣглыхъ. Они бредутъ изъ Барабинской степи Томской губерніи вдѣво, проселками между Омскомъ и Тарою, прямо на Курганскій округъ, откуда разсыпаются по Тобольской губерніи, иные же тащутся въ Оренбургскую; но вожделѣнный предметъ стремленій бродягъ—Пермская губернія, съ завѣтною для нихъ рѣкою Чусовою, изъ которой бродяги плывутъ въ Каму, изъ Камы въ Волгу, а тамъ уже и поминай какъ звали! Въ Тобольской губерніи, кромѣ Курганскаго округа, бродяги находятъ себѣ притонъ въ округахъ Омскомъ, Тарскомъ, Ялуторовскомъ и Ишимскомъ. Изъ разсказовъ бродягъ извѣстно, что въ Ялуторовскомъ округѣ всего больше ихъ бываетъ въ волостяхъ Камышевской, прежде бывшей Терсютской, близъ деревень Степановой и Коршуновой, Красногорской и Рафаиловской, гдѣ бродяги живутъ въ лѣсу въ землянкахъ, нарочно устроенныхъ ими для своего убѣжища, дѣлаютъ гребни, вальки, пестери или плетушки (**) изъ березовой коры и вымѣниваютъ свои издѣлья у крестьянъ на пищу.

Что касается до ссыльныхъ, бѣжавшихъ съ частныхъ промысловъ и съ поселенія, то они или шляются по Сибири и иногда по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ нежданно-негаданно приходятъ въ волости, къ которымъ приписаны, или же пробираются изъ Сибири въ Россію.

(*) Этимъ словомъ называютъ въ Сибири какъ русскіе, такъ и инородцы всѣхъ преступниковъ, сосланныхъ изъ Россіи. По мнѣнію нѣкоторыхъ, оно есть сокращенное татарское слово *барднмакъ* (видъ глагола *бармакъ*) идти, или, по болѣе мягкому выговору татарскихъ нарѣчій, *варымакъ*, что означаетъ собою пассивное состояніе лица, путешествіе *по принужденію*. Этому соотвѣтствуетъ на русскомъ языкѣ прозвище *канатный*, которое даютъ въ Сибири ссыльнымъ, потому что въ пути, для предупрежденія побѣговъ, они по два въ рядъ прикомандаются съ обѣихъ сторонъ къ желѣзному пруту, проходящему во всю партію.

(**) Плетушки изъ березовой коры зовутъ въ Сибири пестерями; они плетутся на половину изъ старой почернѣвшей и молодой бѣлой коры, такъ что кажутся на видъ пестрыми.

Бытъ этихъ бродягъ во многомъ сходенъ съ бытомъ описанныхъ нами выше бродягъ ссыльно-каторжныхъ и ссыльно-поселенцевъ, но положеніе ихъ все-таки нѣсколько отраднѣе; эти бродяги въ своихъ дѣйствіяхъ независимѣе каторжныхъ и поселенцовъ, бѣжавшихъ съ заводовъ, которыхъ по поимкѣ ожидаетъ тяжкое наказаніе, каторга и долговременное ограниченіе въ правахъ, совершенно сглаживающее личность человѣка. О поселенцахъ вообще должно замѣтить, что они представляютъ собою непосѣдное племя, странствующее безъ билетовъ. Поселенцы живутъ въ Сибири безъ билетовъ и по волостямъ, и въ городахъ, занимаясь незначительными ремеслами, мелочною торговлею, или чѣмъ нибудь заработывая копѣйку на хлѣбъ; большинство же изъ нихъ, неспособные по старости и болѣзнямъ работать, питаются крохами съ мірскаго стола: они ходятъ по міру порознь и въ компаніи съ другими поселенцами по деревнямъ, волостямъ, городамъ. При продолжительныхъ отсутствіяхъ поселенцевъ изъ своей волости, случается, что волостные писаря за деньги зачисляютъ вмѣсто нихъ бѣглыхъ, лишь бы только примѣты этихъ бѣглыхъ были нѣсколько сходны съ примѣтами убылыхъ поселенцевъ.

Отдѣльный классъ бѣглыхъ и бродягъ составляютъ *нищіе кочевые*, которые безъ паспортовъ переходятъ за подаяніями изъ волости въ волость, изъ уѣзда въ уѣздъ; вереницами тянутся по всей губерніи съ ярмарки на ярмарку, или сопровождаютъ въ духовныхъ процессіяхъ чудотворныя иконы, обносимыя во время мѣстныхъ праздниковъ по губерніи. Новички изъ этихъ нищихъ на первыхъ порахъ своего поприща поступаютъ подъ протекцію извѣстныхъ нищихъ, которые уже пріобрѣли себѣ эту репутацію по окончаніи полнаго курса нищенства. Эти нищіе-аристократы позволяютъ себѣ изрѣдка посибаритничать, сами остаются дома, а своихъ кліентовъ посылаютъ на промыселъ и употребляютъ для домашнихъ услугъ. Къ нищимъ-кочевымъ принадлежатъ странники-богомольцы, которые, не имѣя осѣдлости, всю жизнь скитаются по святымъ мѣстамъ и часто пользуются усердымъ гостепріимствомъ въ купеческихъ и господскихъ домахъ. Число ихъ поражаетъ громадностію цифры. По извѣстіямъ «Современной Лѣтописи» въ теченіи 1859 года богомольцевъ было въ Сергіевской лаврѣ до 230,000, въ Кіево-печерской до 136,000 слишкомъ, въ Воронежѣ до 20,000 и въ Соловецкомъ монастырѣ до 11,000 человѣкъ; итого 397,000 (*). Между этими-то странниками-богомольцами встрѣчается множество безпаспортныхъ и съ фальшивыми видами, удачно скрывающихъ свое происхожденіе до перваго нечаяннаго знакомства съ полицейскою властью.

(*) «Современная Лѣтопись» № 10, 1862.

Причины бродяжества можно раздѣлить на общія или историческія, особенныя или мѣстныя, моральныя и случайныя. Общія причины лежатъ въ основѣ нашего законодательства. Къ нимъ относятся: несовершенство паспортной системы, крѣпостное право до изданія положенія о крестьянахъ, строгая, продолжительная въ прежнее время военная служба и вообще трудность быта солдатъ, существовавшая до послѣднихъ преобразованій по военному вѣдомству. Несовершенство паспортной системы заключается въ томъ, что паспортъ имѣетъ у насъ не только значеніе документа, подтверждающаго личность предъявителя въ мѣстѣ его пребыванія, но и служитъ финансовымъ знакомъ, выражающимъ зависимость податнаго лица отъ своего общества по отправленію податей и отбыванію повинностей. Каждый членъ податнаго общества, чтобы получить отъ него паспортъ, предварительно долженъ внести подати и повинности за все время предполагаемой имъ отлучки. Эта зависимость податныхъ лицъ отъ своихъ обществъ объясняется взаимною отвѣтственностью общниковъ предъ правительствомъ по уплатѣ податей и отправленію повинностей. Правительство требуетъ полнаго взноса и исправнаго отбыванія ихъ отъ цѣлой массы городскаго и сельскаго населенія, по числу окладныхъ душъ, приписанныхъ къ обществамъ по ревизіи, а не отъ податныхъ единицъ, взятыхъ въ отдѣльности. Понятно, что при такомъ значеніи паспорта лицо, отлучившееся по паспорту на опредѣленный срокъ, при возобновленіи его, принуждено безропотно покоряться произволу своего общества. Общество можетъ наложить на своего члена излишнее количество податей, можетъ замедлить присылкою ему новаго паспорта, или наконецъ подвергнуть другимъ непріятностямъ, влекущимъ за собою разстройство въ дѣлахъ. Еще болѣе невыгоды паспортовъ отражаются на тѣхъ, которые состоятъ на рекрутской очереди или подлежатъ отправленію рекрутства по жребію. Общество обыкновенно снабжаетъ этихъ лицъ видами на короткіе сроки, поставляя въ необходимость часто перемѣнять ихъ, и при объявленіи набора оффиціально выписываетъ своихъ отсутствующихъ членовъ, не стѣсняясь никакими пространствами, иногда только за тѣмъ, чтобы они, издержавшись въ дорогѣ и потерявши заработки, съ понуренною головою узнали о временномъ избавленіи отъ сдачи въ рекруты по недошедшей до нихъ очереди. Разумѣется, человѣкъ, въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, всегда старается найти для себя исходъ, и вотъ прежній гражданинъ, постоянно платившій подати, чтобы избавиться отъ тяготѣющаго надъ нимъ общественнаго ярма, перестаетъ брать паспорты отъ своего общества и по неволѣ начинаетъ прятаться и отъ людей, и отъ полицейскаго глаза, передвигается съ мѣста на мѣсто, впадаетъ въ преступленія и,

перешедши всѣ фазы кочевой жизни, превращается въ совершеннаго бродягу.

Крѣпостное право, съ другой стороны, постоянно было одною изъ главныхъ причинъ бродяжества. Оно измѣнило конечно свой суровый характеръ съ нѣкоторымъ распространеніемъ просвѣщенія; но просвѣщеніе прошло только полосою, коснулось людей избранныхъ, и при такой обстановкѣ этого права многіе крестьяне и дворовые люди бѣжали отъ помѣщиковъ. Есть надежда, что теперь съ изданіемъ Положенія 19 февраля бродяжество между ними уменьшится, особенно послѣ разрѣшенія бѣглымъ приписываться къ обществамъ по взаимному согласію. Побѣги изъ военной службы происходили до 1856 года отъ положенія солдатъ вообще, хорошо извѣстнаго каждому, изучавшему солдатскій бытъ, — положенія, заставлявшаго родныхъ провожать рекрута на службу плачемъ и воемъ съ причитаньями. Но послѣ ряда благодѣтельныхъ реформъ по военному министерству, навѣрно можно ожидать не только значительнаго уменьшенія числа дезертировъ, но и совершеннаго прекращенія побѣговъ. Первое сдѣлалось замѣтнымъ уже въ послѣдніе годы, какъ видно изъ отчетовъ г. военнаго министра. Второе же окажется въ близкомъ будущемъ.

Къ особеннымъ или мѣстнымъ причинамъ относятся: тяжелая жизнь на заводахъ западной и восточной Сибири сосланныхъ туда за преступленія, стѣсненное положеніе рабочихъ на казенныхъ горныхъ заводахъ Томской губерніи и частныхъ сибирскихъ пріискахъ и такое же положеніе ссыльныхъ, въ мѣстахъ ихъ причисленія. Пользуясь для своихъ замѣтокъ показаніями бродягъ, бывшихъ на этихъ заводахъ, и впослѣдствіи содержавшихся въ г. Тобольскѣ, мы извлекли изъ нихъ свѣдѣнія о заводахъ Тобольской губерніи (винокуренныхъ), Успенскомъ и Екатерининскомъ, и о заводахъ восточной Сибири: Троицкомъ — соловаренномъ, Александровскомъ — винокуренномъ, рудокопныхъ: Кора, Акатуевскомъ и Шехтаманскомъ, желѣзныхъ: Петровскомъ и Николаевскомъ. Изъ этихъ заводовъ, Успенскій лежитъ въ 50 верстахъ отъ г. Тюмени, а Екатерининскій въ 12 верстахъ отъ г. Тары. Троицкій заводъ находится Енисейской губерніи въ Канскомъ округѣ, и Александровскій въ Иркутскомъ, въ 70 верстахъ отъ Иркутска. Заводы: Кора, Акатуевскій и Шехтаманскій принадлежатъ къ системѣ нерчинскихъ рудниковъ. Изъ нихъ Кора и Шехтаманскій золотые, а Акатуевскій серебряный рудникъ. Петровскій заводъ расположенъ въ Верхнеудинскомъ, Николаевскій въ Нижнеудинскомъ округѣ. Пребываніе на этихъ заводахъ каторжныхъ и поселенцевъ, при очень скудномъ содержаніи, соединено съ тяжелыми работами, наказаніями за каждый неисполненный урокъ и вообще дурнымъ обращеніемъ. Работа тяжела на всѣхъ заводахъ,

исключая Успенскаго, Екатерининскаго и Александровскаго, изъ которыхъ въ первыхъ двухъ, въ часы, не занятые заводскими работами, не запрещается работать и на себя. На прочихъ заводахъ работа производится слѣдующимъ образомъ: арестанты работаютъ подъ землею, въ душной атмосферѣ, отъ восхода солнца до заката. Уроки назначаютъ большіе: на каждаго человѣка полагается въ сутки выкопать и вывезти 40 пудъ руды, или разработать 200 пуд. золотаго песку, безпрестанно борясь съ трудностями, представляемыми глинистымъ грунтомъ земли, какъ напримѣръ на Шехтаманскомъ пріискѣ. По прошествіи рабочаго дня, нарядчикъ повѣряетъ заданный арестанту урокъ, и если арестантъ не успѣлъ окончить его, то его наказываютъ. По показаніямъ бродягъ, въ управленіе двумя заводами однимъ господиномъ, теперь уже покойникомъ, кромѣ розогъ, неисправные работники наказывались палками, плетьми отъ 15 до 40 ударовъ. Бывало онъ придумывалъ и другаго рода наказаніе: если наказанный наканунѣ не могъ окончить на завтра своей работы, то у такого рабочаго убавлялась порція провіанта. Разумѣется отъ убавки пищи истощались силы рабочаго, и на слѣдующій за тѣмъ день онъ еще меньше отработывалъ. Работа на заводахъ никогда не перемежается: ничто не можетъ освободить отъ нея арестанта, развѣ только болѣзнь (*). Уклоняться отъ работы на время могутъ лишь тѣ, у которыхъ есть въ запасѣ деньги. Заплативши выговоренную дань нарядчику и фельдшеру, они поступаютъ въ заводскую больницу для отдыха. Въ одномъ заводѣ, гдѣ человѣкъ принужденъ съ утра до вечера ворочать на огнѣ кусокъ желѣза, каторжные не избавляются отъ работы и въ праздники, за исключеніемъ воскресенья и понедѣльника пасхи и Рождества. Что касается до содержанія, то въ Успенскомъ и Екатерининскомъ заводахъ оно разнится, смотря по различію двухъ разрядовъ заводскихъ рабочихъ—казенныхъ и контрагентскихъ. Казенные живутъ въ казенномъ зданіи, и изъ нихъ порочные нижніе чины, слѣдовавшіе на Амуръ, но распредѣленные на заводы за преступленія и проступки, содержатся въ ножныхъ кандалахъ, а прочіе безъ оковъ. Контрагентскіе же помѣщаются на вольныхъ квартирахъ, свободно располагая своими дѣйствіями, кромѣ заводскихъ работъ. Для казенныхъ работниковъ ежедневно приготовляются посредственныя щи, отпускается по $^1/_4$ фун. мяса, отъ $3^1/_2$ до 4 фун. хлѣба на человѣка, и $85^3/_4$ коп. въ мѣсяцъ на одежду и обувь. Контрагентскіе получаютъ два пайка хлѣба въ сутки, и на одежду и обувь по 1 руб. 20 коп. въ

(*) Въ заводскія больницы Восточной Сибири принимали прежде только арестантовъ, одержимыхъ опасными болѣзнями, но лечили и содержали очень плохо.

мѣсяцъ. Въ заводахъ Восточной Сибири каждому рабочему, въ добавокъ къ 4 фун. хлѣба на человѣка, ежемѣсячно назначаются на содержаніе деньги въ слѣдующемъ размѣрѣ: Троицкомъ — 90 коп., Александровскомъ—88½ коп., заводѣ Кора—1 руб. 25 к., Петровскомъ—75 к. и Николаевскомъ—88½ к. Изъ этихъ денегъ вычитаютъ на приварокъ, въ Троицкомъ заводѣ — 60 к., Александровскомъ—30 к., заводѣ Кора — 15 к., Петровскомъ и Николаевскомъ — 30 коп. Затѣмъ самые незначительные остатки вручаются арестантамъ на одежду и обувь. Приварокъ обыкновенно состоитъ изъ нѣсколькихъ горстей ячныхъ крупъ, сваренныхъ въ водѣ, въ которой, какъ говорится, крупинка гоняется за крупинкой. Продовольствіе рабочихъ на Акатуевскомъ рудникѣ заключается въ 3 фун. хлѣба. Сверхъ того положено по ¼ фун. говядины на арестанта, но это назначеніе существуетъ на бумагѣ, на самомъ же дѣлѣ не отпускаютъ арестантамъ мяса, замѣняя его тощимъ приваркомъ изъ ячныхъ крупъ. Точно такъ же, хотя и расписуется по 2 руб. сер. въ мѣсяцъ на одежду и обувь, однакожъ денегъ не выдаютъ рабочимъ, снабжая ихъ въ теченіи года двумя суконными рубахами, шароварами, зипуномъ и двумя парами чирокъ. На Шехтаманскомъ пріискѣ содержаніе каторжныхъ ограничивается 4 фун. хлѣба въ день и 2 руб. 11 коп., выдаваемыми ежемѣсячно на приварокъ, одежду и обувь. Многіе изъ арестантовъ большими партіями бѣжали съ заводовъ, не пробывши въ работѣ и мѣсяца. Но всѣхъ описанныхъ выше фактовъ недостаточно, чтобы вполнѣ обрисовать жизнь заводскихъ арестантовъ. Кромѣ тяжкихъ работъ и наказаній за неисполненіе своихъ уроковъ, они, при первой возможности, подвергаются взысканіямъ отъ управляющихъ. Иногда и мелочной проступокъ навлекаетъ наказаніе на арестанта. Тѣ же порядки относительно обращенія съ арестантами соблюдаются будто бы и въ нѣкоторыхъ заводахъ Восточной Сибири. Къ сказаннымъ причинамъ побѣговъ съ заводовъ слѣдуетъ присоединить очень продолжительные сроки работъ на заводахъ, увеличивающіеся съ каждымъ новымъ побѣгомъ рабочаго, какъ будетъ показано ниже, и неисполнившее желаніе бродягъ, выключенныхъ изъ арестантскихъ ротъ за неспособностію къ работамъ, итти далѣе въ Сибирь на поселеніе. Они, въ случаѣ годности къ заводскимъ работамъ, распредѣляются по закону на заводы и обязаны дослужить тамъ положенный срокъ въ разрядѣ временныхъ рабочихъ.

Мы видѣли нѣсколько амурцевъ, содержавшихся въ тобольскомъ острогѣ подъ именемъ бродягъ, которые по полученіи указа о передачѣ ихъ въ военное вѣдомство, тотчасъ объявляли свое званіе. Теперь посмотримъ, какъ отзываются бродяги о прежнемъ бытѣ рабочихъ Алтайскихъ заводовъ — Томской губерніи. Для этого мо-

жетъ служить разсказъ бродяги, осужденнаго на 10 лѣтъ въ Тобольскую арестантскую роту. «Происходилъ я, разсказываетъ бро-«дяга, изъ заводскихъ людей, вѣдомства Алтайскаго горнаго управ-«ленія. Заводскіе, какъ рядовые, обязывались служить въ рудни-«кахъ 25 лѣтъ. До 18 лѣтъ я былъ на Салаирскомъ рудникѣ, «гдѣ и родился, а потомъ вступилъ въ число настоящихъ рабочихъ и «состоялъ на желѣзныхъ и золотыхъ пріискахъ, около Барнаула. На «мою долю досталось разбивать молотомъ руду. Работы назначались «всѣмъ урочныя, каждый долженъ былъ въ продолженіи дня разбить «три (кубическія) сажени руды, а другіе столько же вытаскать и вы-«везти. Приставъ нашъ былъ злой и взыскательный: кто не кончилъ «своего урока къ опредѣленному сроку, тотъ наказывался за вся-«кій, неочищенный работою, вершокъ; да кромѣ того обязывал-«ся выполнить работу въ праздники, или льготное время. У насъ «рабочіе раздѣлялись на *потяжныхъ* и *трехсмѣнныхъ*. Потяжнымъ «было гораздо труднѣе: они работали каждодневно, безъ смѣны, вы-«ключая праздниковъ. Этотъ разрядъ по большей части составлялся «изъ бѣглыхъ съ заводовъ. Трехсмѣнные поочередно работали на «казну сряду двѣ недѣли, а третью на себя, по волѣ; за то они не «знали праздниковъ, хотя бы рабочія недѣли пришлись въ Свѣтлый «праздникъ.

«Трудное житье наше было на заводѣ: жалованья шло всего шесть «рублей ассигнаціями; на эти деньги приводилось одѣться и обуться, «между тѣмъ, все дорого, да и платье, и обувь скоро носятся на рабо-«тахъ, потому что кругомъ галька и кремень. На заводѣ я, такимъ «образомъ, былъ годовъ четырнадцать, наконецъ, не вытерпѣлъ и «бѣжалъ оттуда съ товарищемъ» (*).

Далеко неблагоденствуютъ и рабочіе на частныхъ сибирскихъ промыслахъ. Промышленники мало знакомы съ технической и хозяйственной частью пріисковаго производства; имъ кажется достаточно явиться метеоромъ на пріиски, напоить рабочихъ водкою, задать великолѣпное пиршество сосѣднимъ владѣльцамъ и управляющимъ, а потомъ, съ чувствомъ магнатскаго достоинства, ѣхать домой. Въ дѣйствительности же наемные люди на частныхъ пріискахъ (преимущественно изъ ссыльныхъ) бѣдствуютъ: они должны работать отъ трехъ часовъ утра до 11-ти часовъ ночи, испытывая при этой отяготительной работѣ притѣсненія отъ хозяевъ-промышленниковъ и управляющихъ. Промышленники и управляющіе, ссужая рабочихъ задатками, выдаютъ имъ заработанныя деньги не иначе, какъ при окончатель-

(*) Въ послѣднее время состоялось высочайше утвержденное положеніе о новомъ ихъ устройствѣ. Но разсказчикъ нашъ бѣжалъ лѣтъ за 18 предъ этимъ.

номъ разсчетѣ, и при этомъ часто безсовѣстно обсчитываютъ ихъ; заставляютъ брать изъ пріисковой конторы разныя вещи, и платить за нихъ тройную цѣну, вмѣняя въ обязанность контрактами не брать вещей помимо конторы. Положеніе рабочихъ дѣлается еще хуже по условію, включаемому въ договоры, заплатить или отработать то, что рабочій останется должнымъ по минованіи срока найма, слѣдовательно онъ принужденъ работать и послѣ срока, который по уставу о горно-заводской промышленности не можетъ быть болѣе года. Въ довершеніе всего, свобода дѣйствій рабочихъ на частныхъ промыслахъ ограничивается еще и тѣмъ, что волостныя правленія очень часто не даютъ билетовъ на отлучки для заработковъ въ другія мѣста, кромѣ пріисковъ. Съ этою цѣлію промышленники ублажаютъ ближайшія къ пріискамъ волости и платятъ писарямъ акцизъ за нарушеніе ихъ обязанностей. Пріисковые рабочіе, подобно заводскимъ, подвергаются на нѣкоторыхъ пріискахъ тѣлеснымъ наказаніямъ за побѣги, но они не упускаютъ случая пожаловаться начальству на жестокость промышленниковъ и управляющихъ.

Между поселенцами, приписанными къ волостямъ, причины бродяжества кроются въ нравственной испорченности ихъ, пріобрѣтаемой ссыльными съ избыткомъ въ острогахъ, арестантскихъ ротахъ и иныхъ школахъ преступленій, а также въ партіяхъ, во время слѣдованія въ Сибирь. Эта испорченность имѣетъ своимъ гибельнымъ результатомъ лѣнь, привычку—безъ труда, нерѣдко предосудительными способами, снискивать себѣ средства къ существованію. Многіе изъ ссыльныхъ, еще крѣпкихъ силами, до такой степени облѣниваются, что не хотятъ воздѣлывать отведенные имъ участки земли, отзываясь неумѣніемъ обращаться съ земледѣльческими орудіями, употребляемыми въ Сибири, и отдаютъ эти участки въ наемъ крестьянамъ-старожиламъ съ тѣмъ, чтобы крестьяне вносили за нихъ подати и повинности. Безъ сомнѣнія, при этой деморализаціи, поселенцы становятся безполезными звѣньями въ общественной цѣпи, и, сознавая свою оторванность отъ общества, предпочитаютъ осѣдлой жизни бродяжество. Безнравственность ссыльныхъ удачно изображаютъ сибирскіе крестьяне наивною поговоркою: «*поселенецъ все одно, что младенецъ: на что взглянетъ, то къ себѣ и тянетъ*». Впрочемъ, нельзя подвести всѣхъ ссыльныхъ подъ одинъ уровень. Иные поселенцы и желали бы жить дворомъ, какъ слѣдуетъ, но путь къ этому заграждается волостнымъ начальствомъ. Оно надѣляетъ поселенцевъ участками земли, лежащими другъ отъ друга въ разстояніи нѣсколькихъ верстъ и при томъ негодными для хлѣбопашества, на которыхъ, по выраженію ссыльныхъ, *и грачи не садятся*. Жалобы эти очень часто приходилось намъ самимъ выслушивать отъ нихъ. Въ Сибири вообще

крестьяне смотрятъ непривѣтливо на поселенцевъ, потому что обязаны дѣлиться съ ними землей, и общество никогда не промѣняетъ крестьянина на ссыльнаго. Крестьяне, въ особенности богатые, издавна занимаютъ лучшія земли, переходящія въ семьѣ по наслѣдству, остальная же земля въ волости, по своему свойству недоброкачественная, раздѣляется между поселенцами. Конечно, получивъ неудобную землю, поселенецъ вовсе не занимается хлѣбопашествомъ, а если и обработываетъ доставшійся ему участокъ, то собираетъ съ него незначительное количество хлѣба, котораго едва достаетъ на годъ семейному поселенцу. Въ нѣкоторыхъ сельскихъ обществахъ Тобольской губерніи, по ошибочному толкованію закона, крестьяне до второй половины 1860 года надѣляли полнымъ участкомъ земляныхъ угодій только тѣхъ поселенцевъ, которые поступили въ полный окладъ податей, выдѣляя платящимъ половинный окладъ половину участка, а состоящимъ на трехъ-лѣтней льготѣ вовсе не давали земли. Со второй же половины 1860 года такое извращеніе смысла закона, по журнальному постановленію губернскаго правленія, было прекращено, съ тѣмъ, чтобы ссыльные надѣлялись землею безъ всякаго раздробленія участковъ.

Къ причинамъ бродяжества между ссыльными слѣдуетъ еще отнести а) *неспособность ихъ къ работамъ и безпріютность, допускавшуюся мѣстнымъ начальствомъ.* Приходя въ волости изнуреннными и утомленными до крайности въ дальнемъ партіонномъ путешествіи изъ Россіи въ Сибирь, какъ изложено выше, они не въ состояніи были кормиться своими трудами и по неволѣ должны были нищенствовать, дѣлаясь впослѣдствіи бродягами. Начальство же не обращало надлежащаго вниманія на неспособныхъ поселенцевъ. Въ Тобольской губерніи была единственная успенская богадѣльня для призрѣнія дряхлыхъ и больныхъ ссыльныхъ, находящаяся въ Успенской волости Тюменскаго округа и содержимая на счетъ экономическаго поселенческаго капитала, но она не удовлетворяла своему назначенію, какъ по весьма ограниченному комплекту призрѣваемыхъ, такъ и по условіямъ призрѣнія. б) *Неправильное причисленіе поселенцевъ губернскимъ начальствомъ къ податнымъ состояніямъ.* На основаніи закона, водворяемые рабочіе, по пробытіи опредѣленнаго срока въ вѣдѣніи экспедиціи о ссыльныхъ, могутъ приписываться къ тѣмъ сословіямъ, къ которымъ принадлежали до ссылки въ Сибирь, т. е., мѣщане къ городскимъ, а крестьяне къ сельскимъ. Между тѣмъ бывало, что губернское начальство причисляло мѣщанъ въ волости, а крестьянъ въ города, и изъ-за этого выходило, что водворяемый рабочій изъ мѣщанъ, поступившій въ крестьяне, непривычный къ сельскимъ работамъ, и на оборотъ ссыльный изъ

крестьянъ, записанный въ мѣщане, незнакомый съ занятіями горожанъ, не могли найти никакихъ средствъ для своего существованія. в) *Неправильное распредѣленіе поселенцевъ по волостямъ.* Случалось, что ссыльные изъ инородцевъ поселялись на жительство въ русскихъ волостяхъ, а во время оно было, что и русскихъ приписывали въ инородческія деревни; и г) *Прижимки поселенцамъ отъ волостныхъ начальниковъ, а главное отъ писарей при полученіи билетовъ на отлучки.* При этой счастливой оказіи, волостные писаря накладываютъ на ссыльныхъ лишнія подати и вымогаютъ послѣднюю копѣйку за выдачу билета. Послѣ того немудрено, что поселенцы въ Сибири бродяжутъ, и что названіе поселенецъ сдѣлалось эгидою для другихъ бродягъ, которою они прикрываютъ свое происхожденіе, именуясь поселенцами разныхъ волостей. Бытъ ссыльныхъ несравненно болѣе упроченъ въ тѣхъ мѣстахъ Сибири, гдѣ они живутъ самостоятельно, въ колоніяхъ.

Заканчивая этими строками отдѣлъ о мѣстныхъ причинахъ бродяжества, мы переходимъ къ моральнымъ. Эти причины до того разнообразны, что ихъ нельзя и изчислить. Изъ собранныхъ нами біографій бродягъ, которыя современемъ постараемся напечатать, видно, что къ моральнымъ причинамъ принадлежатъ: *насильственные браки, дурное обращеніе мужей съ женами, любовь, готовая на всевозможныя пожертвованія, стремленіе возвратиться къ прежней, широкой разгульной жизни, страхъ наказанія за преступленія, или простаго взысканія за проступки и тоска поселенцевъ по родинѣ.* Подъ случайными причинами бродяжества разумѣются внѣшнія, посторонія обстоятельства. Чтобы пояснить это примѣромъ, мы приведемъ довольно занимательный разсказъ одного бродяги о разореніи раскольническаго скита. «Въ нижегородской губерніи, говоритъ бродя-«га, — верстахъ въ двадцати отъ уѣзднаго города Семенова, въ глу-«хомъ лѣсу, лѣтъ восемь тому назадъ, стоялъ раскольничій скитъ, «по названію Богомоловскій. Въ этомъ скиту спасались отшельницы «подъ началомъ игуменьи. Всего въ скиту было до тридцати доми-«ковъ. Поступали сюда по доброй волѣ нѣкоторыя даже изъ бога-«тыхъ московскихъ семействъ; замужнія только не допускались, все «были пожилыя дѣвушки да вдовицы убогія. Мужчинъ тоже туда не «принимали, только жило для домашняго обихода человѣкъ шесть «старцевъ изъ воспитанниковъ скита. Они справляли всѣ черныя ра-«боты по скиту. Въ числѣ этихъ скитскихъ работниковъ былъ и я. «Происхожденія своего не знаю; подкидышъ ли чей, или дѣвичьяго «урожденія, только помнить себя я началъ въ скиту. Воспитанъ я «стариками въ старопечатной вѣрѣ. Положеніе наше было славное, «строгое. Баловства никогда не было; женатые близко скиту не допу-«скались. За всякое праздное слово полагалось взысканіе, произнесъ

«ли его старецъ одинъ, или при келейницахъ. Бывало игуменья по«ставитъ на поклоны на цѣлую ночь, иногда по вишѣ глядя, колѣна«ми на горохъ, либо ячмень; для того такія нарочито корытцы были «понадѣланы: насыпаютъ въ нихъ гороху и велятъ туда вложить ко«лѣна и стоять пока не отобьешь поклоновъ, сколько уставлено. Сто«ишь себѣ да отсчитываешь по лѣстовкѣ поклоны. Скитъ нашъ «имѣлъ не большое хозяйство у себя, больше содержался приноше«ніями и сборами съ окрестныхъ селеній. Для сборовъ, разъ въ го«ду, игуменья наряжала двухъ келейницъ съ кружками. Эти келейни«цы отправлялись и на ярмарку и тутъ много получали отъ благоче«стивыхъ жертвователей. Сбора этого всегда доставало на годовое «содержаніе скита. Кромѣ того, вчастую поступали пожертвованія «отъ богатыхъ людей старой вѣры, посѣщавшихъ нашъ скитъ. Чрезъ «эти пожертвованія украсилась у насъ моленная. На многихъ ико«нахъ ризы были серебряныя, подъ золотомъ. Службу отправляла «сама игуменья, по своимъ старымъ церковнымъ книжкамъ. Хорошо «и покойно мы жили, пока не стало притѣснять насъ начальство. «Прежде, бывало, какъ посылать за сборомъ, игуменья пошлетъ де«негъ исправнику, или тамъ становому, и насъ не трогаютъ, и сбору «не препятствуютъ. Да прежде и больше было усердствующихъ къ «скиту, безъ прошеній, сами дѣлали пожертвованія, и начальство бы«ло снисходительнѣе. Вотъ съ 1853 года времена пришли плохія: на«чали къ намъ привязываться и отбирать кружки. На другой-то годъ «уже совсѣмъ уничтожили скитъ: наѣхалъ исправникъ, отобралъ «наши книги и запечаталъ моленную. Нашихъ старицъ-келейницъ «всѣхъ развезли: кого въ женскіе монастыри, кого въ смирительные «дома, кого и невѣсть куда; а на слѣдующій годъ и скитскіе дома про«дали съ аукціона. Мы мужчины, вшестеромъ, какъ только была за«печатана наша моленная, ушли бродить по бѣлому свѣту! (*)»

Что касается до числа бѣглыхъ и бродягъ въ Россійской Имперіи за прежнія времена, оно весьма значительно, какъ это доказывается статистическими данными. Такъ въ 1857 году было взято по Имперіи бѣглыхъ и бродягъ, въ томъ числѣ задержанныхъ полиціею съ просроченными паспортами 30,478 человѣкъ (**). По извѣстіямъ журналовъ министерства юстиціи и министерства внутреннихъ дѣлъ за 1860 г., въ 1858 году, кромѣ лицъ казачьяго и горнозаводскаго вѣдомства, содержалось въ тюрьмахъ подсудимыхъ бродягъ 3,975 человѣкъ и взятыхъ за безписьменность 21,367. Въ военномъ вѣдомствѣ, съ раз-

(*) Въ это время дѣйствительно происходило закрытіе скитовъ въ восточной полосѣ Россіи.

(**) Всеподданнѣйшій отчетъ г. министра внутреннихъ дѣлъ за 1857 годъ.

витіемъ въ послѣднее девятилѣтіе мѣръ, клонившихся къ улучшенію быта солдатъ, цифра бѣжавшихъ уменьшилась болѣе, чѣмъ вдвое. Прежде она относилась къ среднему списочному состоянію, какъ 1:148, а въ продолженіи 9-ти-лѣтія съ 1853 по 1862 г. какъ 1: 318, слѣдовательно, если за нормальное число арміи принять 1,000,000, то на это число съ 1853 по 1862 г. приходилось бѣглыхъ слишкомъ 3,000 человѣкъ, между тѣмъ какъ до 1853 г. оно превышало 6-ть тысячъ. Все это бродяги, оглашенные передъ правительствомъ, а сколько неоглашенныхъ!

Въ вѣдѣніе тобольскаго приказа о ссыльныхъ, въ теченіи 5 лѣтъ съ 1856 по 1861 годъ, бродягъ поступило: осужденныхъ на поселеніе мужчинъ 4,962, женщинъ 246, среднимъ числомъ въ годъ мужчинъ 992, и женщинъ 49; назначенныхъ въ разрядъ водворяемыхъ рабочихъ мужчинъ 6,753, женщинъ 1,328, среднимъ числомъ мужчинъ 1,350 и женщинъ 265.

Чтобы показать число бродягъ, пойманныхъ въ тобольской губерніи и бѣжавшихъ съ заводовъ успенскаго и екатерининскаго, мы прилагаемъ сравнительныя таблицы за нѣсколько лѣтъ.

	Заклеймено буквами. Б.	С.И.	С.К.
Въ 1859 году	107	95	125
» 1860 »	147	163	199
» 1861 »	106	189	226
Итого .	360	447	550
Среднимъ числомъ въ продолженіе трехъ лѣтъ.	120	149	183

Въ успенскій заводъ.	Поступило. м.	ж.	Бѣжало. м.	ж.
Въ 1856 году	127	6	8	»
» 1857 »	144	4	51	»
» 1858 »	63	»	47	»
» 1859 »	273	6	11	»
» 1860 »	587	5	207	»
» 1861 »	77	»	156	»
Итого .	1,271	21	480	»
По среднему выводу съ 1856 по 1862 г. . .	211	3	80	»

Въ екатерининскій заводъ.	Поступило. м.	ж.	Бѣжало. м.	ж.
Въ 1843 году	247	1	122	»
» 1844 »	8	»	2	»
» 1845 »	»	1	»	»

	Поступило.		Бѣжало.	
Въ екатеринбургскій заводъ.	м.	ж.	м.	ж.
» 1846 »	34	1	13	»
» 1847 »	2	»	22	»
» 1848 »	6	»	1	»
» 1849 »	9	»	4	»
» 1850 »	19	»	16	»
» 1851 »	53	»	20	»
» 1852 »	45	1	15	»
» 1853 »	28	»	14	»
» 1854 »	37	»	14	»
» 1855 »	86	6	16	»
» 1856 »	126	»	34	»
» 1857 »	286	39	20	»
» 1858 »	139	»	72	»
» 1859 »	209	2	51	»
» 1860 »	168	1	97	»
» 1861 »	229	»	174	»
Итого .	1,758	52	707	»
Въ продолженіе шестилѣтія съ 1856 по 1862 г.	1,157	42	448	»
По среднему выводу съ 1843 по 1862 годъ . .	92	2	37	»
съ 1856 по 1862 годъ . .	192	7	74	»

Отсюда видно, что бродяжество на обоихъ заводахъ возрастало съ 1856 по 1862 годъ.

Въ отношеніи бродяжничества должно замѣтить, что отъ него проистекаетъ для государства двойной вредъ, нравственный и финансовый. Бродяжничество вредно по своей инициативѣ, потому что оно укореняетъ страсть къ кочевой, неосѣдлой жизни, тунеядству и бываетъ нерѣдко побудительною причиною преступныхъ дѣйствій, но становится еще опаснѣе, когда переходитъ въ маскированное праздношатательство, т. е. злостное бродяжничество, которое силится закрыть свое преступное прошедшее, какъ непроницаемою завѣсою, указаніемъ на личности, неизвѣстныя ему, не признанныя дѣйствительностію, или даже немыслимыя здравымъ разсудкомъ. Мы говоримъ о бѣглыхъ, скрывающихъ свое происхожденіе и непомнящихъ родства. Они представляютъ собою корпорацію, распространяющую между арестантами въ тюремныхъ и другихъ мѣстахъ заключенія губительную нравственную заразу. Пройдя воды и мѣдныя трубы, коротко познакомившись на практикѣ съ уголовными законами и примѣненіемъ ихъ, они дѣлаются для своихъ товарищей-новичковъ учителями въ преступленіяхъ, изумляющими своею опытностію и изобрѣтательностію, подобно тому кантонисту, который предъ глазами удивлен-

ихъ судей превращался изъ гренадера въ іеромонаха Аѳонскаго монастыря, изъ іеромонаха въ члена святѣйшаго синода и настоятеля лавры (такую именно мелѣпость показалъ онъ при допросѣ), потомъ сына князя Урусова и наконецъ въ природнаго китайца и туркестанскаго подданнаго (*). Финансовый вредъ бродяжничества отражается и на отдѣльныхъ обществахъ, и на цѣломъ государствѣ. Онъ состоитъ въ томъ, что бродяги, принадлежа когда-то къ сословной средѣ, съ утратою своей осѣдлости, перестаютъ платить за себя подати и отбывать повинности. По закону эту неисправленную обязанность должно отправлять за нихъ до слѣдующей ревизіи общество, оказывая тѣмъ же лицамъ помощь въ видѣ недоимокъ. Для государства финансовый вредъ бродяжничества проявляется въ томъ, что отъ него страдаетъ исчисленіе народонаселенія, и потому казна неминуемо лишается дохода. Кромѣ того, независимо отъ издержекъ на содержаніе бродягъ въ мѣстахъ заключенія и ссылку ихъ по осужденію въ Сибирь, казна производитъ расходы на препровожденіе бродягъ изъ одной губерніи въ другую, часто за нѣсколько тысячъ верстъ, для признанія ихъ жителями, при чемъ почти всегда обнаруживается фальшивость показаній бродягъ. Къ этимъ расходамъ присоединяются еще издержки на припечатаніе объявленій о бродягахъ въ вѣдомостяхъ, предписываемое закономъ для раскрытія происхожденія бродягъ. Эти издержки, хотя и лежатъ на отвѣтственности обществъ и владѣльцевъ, въ случаѣ, если послѣдуетъ отъ нихъ требованіе на возвращеніе бродяги, но такъ какъ подобный фактъ очень рѣдко встрѣчается въ дѣйствительности, то онѣ постоянно падаютъ на счетъ казны (**). Ясно, что при огромномъ числѣ сысковыхъ статей о бродягахъ, присылаемыхъ въ сенатскую типографію и губернскія правленія, ежегодные расходы на припечатаніе ихъ простираются до десятковъ тысячъ рублей серебромъ.

Обращаясь къ исторіи, мы видимъ, что бродяжничество стало развиваться у насъ съ введеніемъ поземельныхъ отношеній дворянства и духовенства къ сельскимъ обывателямъ. Съ раздачею участковъ помѣстнымъ владѣльцамъ и духовенству, крестьяне мало по малу лишались права поземельной собственности, обязываясь за пользованіе землею платежемъ различныхъ оброковъ и отправленіемъ повинностей въ пользу владѣльцевъ, но еще удерживали личную свободу, могли оставлять участки, служившіе для нихъ мѣстами водворенія,

---

(*) Похожденія бѣглаго кантониста, статья Ѳ. Ливанова, помѣщенная въ № 82 газ. «Вѣкъ» за 1861 годъ.

(**) 620, 621 и 622 ст. XIV т. уст. о паспорт. и бѣглыхъ (изданія 1857 года).

и селиться тамъ, гдѣ находили для себя болѣе выгодъ. Отсюда произошли переходы крестьянъ, положившіе основаніе и бродяжничеству. Со временемъ крестьянскіе переходы, которымъ благопріятствовало, во первыхъ, уничтоженіе удѣловъ, во вторыхъ, стараніе крупныхъ землевладѣльцевъ и монастырей останавливать крестьянъ всѣми мѣрами на своихъ земляхъ и перезывать ихъ къ себѣ льготами отъ мелкихъ землевладѣльцевъ до такой степени усилились, что въ XVI столѣтіи правительство вынуждено было опредѣлить для этихъ переходовъ срокъ, именно недѣлю до Юрьева осенняго дня (послѣ уборки хлѣба), и дать монастырямъ право неувольнять крестьянъ изъ нѣкоторыхъ селъ. Наконецъ, для окончательнаго прекращенія крестьянскихъ выходовъ, въ 1597 г. изданъ указъ о прикрѣпленіи крестьянъ къ тѣмъ землямъ, на которыхъ они жили. Однакожъ это указаніе не вдругъ достигло своей цѣли, и въ дѣйствительности переходы крестьянъ еще долго существовали. Переходамъ много способствовалъ юридическій смыслъ самого прикрѣпленія. На первыхъ порахъ оно допускало изъятія: въ извѣстныхъ случаяхъ не возбранялся крестьянамъ переходъ (напримѣръ отъ мелкопомѣстнаго владѣльца къ мелкопомѣстному). Сверхъ того былъ установленъ срокъ, по прошествіи котораго землевладѣлецъ невозвратно терялъ право разыскивать своихъ крестьянъ и поселять ихъ на собственныхъ земляхъ. Сначала для этого срока назначалась пятилѣтняя давность, а потомъ при Михаилѣ Ѳедоровичѣ десятилѣтняя; по соборному уложенію Алексѣя Михайловича срокъ былъ отмѣненъ и крестьяне потомственно сдѣлались крѣпкими той землѣ, за которою значились записанными по писцовымъ книгамъ 1626 года.

Со второй половины XVII столѣтія крѣпостные начали уже терять и личную свободу, получая значеніе господскаго имущества. Они подлежали продажѣ и могли быть отдаваемы въ приданое, безъ земли, а въ исходѣ этого вѣка почти походили на рабовъ. Конечно новость такого положенія, и самоуправство владѣльцевъ заставляли крестьянъ многочисленными толпами бѣжать къ казакамъ на Донъ или Днѣпръ, въ Запорожскую Сѣчь, либо прятаться въ лѣсахъ и составлять разбойничьи шайки. Къ бѣглымъ крестьянамъ часто приставали холопы (обѣльные), образовавшіеся у насъ изъ военныхъ плѣнниковъ, несостоятельныхъ должниковъ, также посредствомъ продажи во время голода мужьями и отцами своихъ женъ и дѣтей. Въ Польшѣ дворянство закрѣпило за собою крестьянъ по смерти Сигизмунда II Августа, такъ что къ концу XVI столѣтія наступило полное порабощеніе крестьянъ въ холоповъ. Изъ Польши это рабство проникло и въ западно-русскія области. Состояніе польскихъ рабовъ точно такъ же не представляло ничего утѣшительнаго: на нихъ отзывались и непомѣрные расходы польскихъ

пановъ, ѣздившихъ мотать крестьянскія деньги за границу и въ главные города королевства, или жившихъ съ изысканною роскошью въ своихъ помѣстьяхъ, среди толпы челядинцевъ и шляхтичей, и корыстолюбіе евреевъ арендаторовъ помѣщичьихъ имѣній, которые разорили крестьянъ до тла. При появленіи уніи евреи не преминули воспользоваться религіознымъ броженіемъ и начали брать на откупъ церкви, взимая пошлины съ богослуженія и церковныхъ требъ. Кромѣ того крестьяне терпѣли притѣсненія отъ жолнеровъ (наемныхъ польскихъ войскъ), которые размѣщались по областямъ и продовольствовались иждивеніемъ жителей. Эти-то обстоятельства доводили крѣпостныхъ до того, что они бѣжали цѣлыми селеніями иные въ тогдашнюю Московію, а другіе подъ защиту казаковъ; изъ нихъ нерѣдко выходили смѣлые, отважные предводители буйныхъ сборищъ, которые своими возстаніями безпокоили Россію.

Во времена Алексѣя Михайловича и его преемника, бродяжничество не ограничилось однакожь крѣпостными крестьянами; оно развивалось также между раскольниками, которые убѣгали отъ преслѣдованій правительства въ отдаленныя мѣстности государства и строили тамъ скиты. Числу бѣглыхъ раскольниковъ въ особенности увеличилось при Софьѣ Алексѣевнѣ. При Петрѣ I, распространенію бродяжничества содѣйствовала подушная (поголовная) подать, налоги и мѣры по взысканію ихъ, обязанности земства и чрезвычайно строгая служба. Подушная подать при Петрѣ I замѣнила прежнюю поземельную и въ 1719 году подала мысль о первой переписи податнаго сословія, окончательно поставившей крѣпостныхъ крестьянъ въ зависимость отъ помѣщиковъ, потому что крѣпостные были показаны въ этой ревизіи вмѣстѣ съ холопами и сравнены относительно платежа податей и отправленія рекрутской повинности, за исправность которыхъ предъ правительствомъ отвѣчали помѣщики.

Въ царствованіе Анны Іоанновны бродяжничество получило крайнее развитіе вслѣдствіе деспотическаго управленія Бирона. Чтобы уяснить себѣ причины бродяжничества въ эту грустную эпоху отечественной исторіи, стоитъ только припомнить грозное «слово и дѣло», раздававшееся тогда во всѣхъ концахъ русскаго царства, тѣ ужасныя пытки и казни, которыя сопровождали его, и наконецъ жестокости военныхъ командъ, разставленныхъ по областямъ для сбора съ крестьянъ податныхъ недоимокъ за старые годы.

Послѣ этого нельзя удивляться, что въ теченіе XVII и XVIII вѣка правительство должно было бороться съ бѣглыми, посылать для поимки бѣглецовъ отряды сыщиковъ, возвращать ихъ въ прежнее жительство, а разбойниковъ безъ слѣдствія и суда предавать смертной

казни. Замѣчательно, что въ XVII и XVIII столѣтіи не одни бѣглые, но и нищіе подвергались тѣлеснымъ наказаніямъ. Въ указѣ 30 ноября 1691 года о нищихъ сказано: «Великіе Государи указали — извѣстно «имъ великимъ государямъ, что на Москвѣ гуляющіе люди, подвязавъ «руки, такожь и ноги, а иные глаза завѣся и зажмуря, будто слѣпые «и хромые, притворнымъ лукавствомъ просятъ на Христово имя «милостыни, а по осмотру всѣ они здоровы, и тѣхъ людей имать и «распрашивать, и буде которые скажутся изъ городовъ и посадовъ, «посадскіе люди, а иные скажутся дворцовые и помѣщиковы крестья- «не, и тѣхъ по распроснымъ рѣчамъ ссылать — посадскихъ людей «въ тѣжь города и посады, изъ которыхъ они пришли, а дворцовыхъ «крестьянъ въ дворцовыя волости, а помѣщиковыхъ и вотчиннико- «выхъ отдавать помѣщикомъ и вотчинникомъ; а буде тѣ люди съ «сего великихъ государей указу впредь объявятся въ Москвѣ, въ томъ «же нищенскомъ образѣ и притворномъ лукавствѣ, и тѣмъ за то про- «тивное лукавство учинить жестокое наказаніе, бить кнутомъ и ссы- «лать въ ссылку въ дальніе Сибирскіе городы».

Указомъ 21 января 1712 года разборъ нищихъ, относившійся по указу 14 марта 1694 года къ обязанности Стрѣлецкаго приказа, отно- сительно же лицъ духовнаго званія—приказа патріаршаго, былъ воз- ложенъ на монастырскій приказъ. Въ этомъ указѣ между прочимъ говорится: «и смотрѣть изъ монастырскаго приказа накрѣпко, буде «гдѣ по улицамъ и по мостамъ для прошенія милостыни нищіе имат- «ся, тѣхъ ловить и приводить въ монастырскій приказъ, а въ мона- «стырскомъ приказѣ, чиня наказаніе, отсылать въ богадѣльни и въ «монастыри, а которыя по міружъ будутъ ходить, а въ богадѣльняхъ «они нигдѣ не записаны, и тѣхъ ловя, по томужъ въ монастырскомъ «приказѣ учиня жестокое наказаніе отсылать въ прежнія мѣста, от- «куда кто пришелъ».

Въ указѣ 20 іюня 1718 года о нищихъ постановлено: «и ежели «который впервые будетъ пойманъ, такихъ бить нещадно батожьемъ «и отдавать, оли отсылать, по прежнему указу, въ прежнія ихъ мѣ- «ста. А буде такіе въ другой или третій пойманы будутъ, и такихъ, «бивъ на площади кнутомъ, посылать въ каторжную работу, а бабъ «въ шпингаузъ, а ребятъ, бивъ батоги, посылать на суконный дворъ «и къ прочимъ мануфактурамъ, а на помѣщикахъ, на хозяевахъ и «властяхъ, также на старостахъ и прикащикахъ брать штрафу, за «каждаго человѣка, за неусмотрѣніе по пяти рублей».

Распоряженіе о преслѣдованіи нищенства мѣрами кроткими въ первый разъ встрѣчается въ указѣ 1809 года іюля 20. «Всѣхъ ни- «щихъ забирать безъ всякаго имъ впрочемъ притѣсненія или страха,

«но и самаго огорченія» (*). Прослѣдивши въ краткомъ очеркѣ исторію бродяжества, мы переходимъ къ системѣ нашихъ наказаній за бродяжество.

По нынѣ дѣйствующему законодательству, въ случаѣ поимки бродяги, собираются справки объ его происхожденіи и прежнемъ мѣстѣ жительства, и если показаніе бродяги окажется справедливымъ, то онъ подвергается наказанію, опредѣленному ст. 1221 улож. о наказ. за проживательство и отлучку безъ установленныхъ видовъ, т. е. денежному штрафу, а за бродяжество болѣе трехъ разъ аресту отъ 3 до 7 дней, и потомъ отсылается по принадлежности въ то мѣсто, откуда себя показалъ (625 ст. XIV том. уст. о пас. и бѣгл. изданія 1857 г.).

Но если справка не откроетъ мѣста жительства, вѣдомства или сословія, къ которому бродяга принадлежитъ, то онъ присуждался въ исправительныя арестантскія роты гражданскаго вѣдомства на время отъ 10 до 12 лѣтъ, и потомъ, а равно и при негодности къ работамъ въ арестантскихъ ротахъ, водворялся за Кавказомъ, или же въ сибирскихъ и другихъ отдаленныхъ губерніяхъ, по усмотрѣнію министерства внутреннихъ дѣлъ. Женщины отдавались въ рабочіе домы на основаніи 85 ст. уложенія, а потомъ отправлялись на водореніе въ Сибирь. Сверхъ того за ложное показаніе подвергались наказанію розгами отъ 30 до 40 ударовъ (ст. 626 уст. о бѣгл.). Это узаконеніе о наказаніи бродягъ, пойманныхъ собственно въ Россіи, было измѣнено въ 1853 году временными правилами, по которымъ судьи должны были постановлять,—подвергнувъ ихъ наказанію розгами въ мѣрѣ ст. 1,218 улож. опредѣленной, помѣщать въ арестантскія роты, или въ рабочій домъ, или въ тюрьму на 1 годъ, а потомъ ссылать для водворенія въ Восточную Сибирь. Въ іюлѣ 1859 года (по указу правит. сената) состоялось объ нихъ новое положеніе, по которому бродяги, какъ поселенцы, то есть лишенные правъ состоянія, по прибытіи въ Тобольскъ, приказомъ о ссыльныхъ назначались на Екатерининскій и Успенскій винокуренные заводы для работъ на четыре года, и по окончаніи этого срока отправлялись уже въ Восточную Сибирь окончательно на поселеніе. На основаніи же указа, даннаго правительствующему сенату 17 апрѣля сего года (по 6 и 9 ст.), слѣдуетъ назначать бродягъ въ арестантскія роты только на четыре года, подвергнувши предварительно наказанію розгами за ложное показаніе, а потомъ отправлять въ Восточную Сибирь на поселеніе. Этимъ указомъ уничтожено различіе въ назначеніи сроковъ работъ въ арестантскихъ ротахъ: будетъ ли бродяга пойманъ въ Сибири или въ Россіи. Но по окончаніи четырехъ-лѣтняго срока они должны по-

(*) 258 ст. XIV т. уст. о пред. и прес. преступ. (изданія 1857 года).

ступить въ разрядъ поселенцевъ, а поселенцы, по прибытіи въ Тобольскъ, назначаются на заводы, какъ сказано выше; поэтому естественно рождается вопросъ — нужно ли будетъ назначать на работу въ заводы, послѣ указа 17 апрѣля. Имъ кажется, съ окончаніемъ 4 лѣтняго срока въ арестантскихъ ротахъ должно считать оконченнымъ ихъ наказаніе и ссылать на поселеніе въ Восточную Сибирь, какъ дѣлалось въ Сибири съ тѣми, которые пробыли тамъ въ ротахъ 10 лѣтъ. Уничтоженіе выше сказаннаго различія весьма важно, какъ читатели увидятъ изъ двухъ слѣдующихъ случаевъ: въ 1862 году содержались двое бродягъ, родомъ изъ Тюменскаго округа, изъ которыхъ одинъ былъ пойманъ въ Шадринскомъ уѣздѣ, Пермской губерніи, не далеко отъ Тюменскаго округа, а другой въ Ялуторовскомъ округѣ, по сосѣдству съ Тюменскимъ. Первый бѣжалъ отъ нелюбимой жены, которая ему опротивѣла, а женился на ней по приказанію отца, что, по собраннымъ нами справкамъ, подтвердилось вполнѣ. Его наказали ротами, выдержали годъ въ пермской арестантской ротѣ и отправили на поселеніе. Онъ очень жалѣлъ, что сдѣлалъ такую глупость, и готовъ былъ возвратиться къ постылой женѣ. И мы, по его просьбѣ, начали формальную переписку о возвращеніи на родину, но не дождались конца, такъ какъ вскорѣ выѣхали изъ Тобольска. Другой же, послѣ тѣлеснаго наказанія, былъ присужденъ въ арестантскую роту на 10 лѣтъ. Онъ бѣжалъ отъ хозяина, къ которому отецъ отдалъ его въ работники, и изъ боязни отцовскихъ побоевъ, скрылъ свое происхожденіе, не сдѣлавши никакого преступленія, что такъ же собранными справками подтвердилось. Спустя два или три мѣсяца, со времени поступленія въ роту, намъ удалось возвратить его отцу, который самъ пришелъ за нимъ въ Тобольскъ, будучи извѣщенъ нами чрезъ волостное правленіе.

Далѣе, въ указѣ отъ 17 апр. ничего не упомянуто о тѣхъ бродягахъ, которые осуждены прежде и содержались въ сибирскихъ арестантскихъ ротахъ болѣе 4 и на заводахъ болѣе 3 лѣтъ; а такихъ есть не мало. Неужели первые должны оставаться въ ротахъ до 10, а въ заводахъ до 4 лѣтъ? Вѣроятно благодѣтельное правительство обратитъ вниманіе на нихъ и позволитъ имъ воспользоваться монаршею милостію, дарованною бродягамъ, увольняя отъ работъ.

Наконецъ, такъ какъ въ указѣ 17 апрѣля ничего не сказано о бродягахъ, имѣющихъ знаки торговой казни и клейма или слѣды послѣднихъ, то будетъ ли къ нимъ примѣняться прежнее наказаніе по уставу о ссыльныхъ (XIV т. св. гр. зак.), состоящее въ увеличеніи срока работъ, содержанія въ отрадѣ испытуемыхъ отъ 3 до 20 лѣтъ, не исключая плетей? Ибо въ 1 ст. указа сказано: «во всѣхъ случаяхъ, когда виновные въ преступленіяхъ и про-

«ягунакъ подлежатъ, на основаніи дѣйствующихъ нынѣ по граждан-«скому вѣдомству законовъ, лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссыл-«кѣ въ каторжныя работы или на поселеніе, или потерѣ всѣхъ осо-«бенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преиму-«ществъ, отдачѣ въ исправительныя арестантскія роты гражданскаго «вѣдомства, или же иному наказанію или взысканію, а сверхъ того и «показанію тѣлесному, — приговаривать впредь ихъ къ слѣдующимъ «по закону наказаніямъ и взысканіямъ, но *кромѣ тѣлесныхъ*». Въ статьѣ этой не упоминается о бродягахъ клейменыхъ и имѣющихъ знаки торговой казни. А такіе бродяги переведутся еще не скоро. Послѣдній законъ прямо касается только тѣхъ бродягъ, у которыхъ не окажется никакихъ знаковъ, которые бѣжали въ первый разъ. Число такихъ незначительно въ сравненіи съ первыми, и они съ каждымъ годомъ уменьшаются. Но вотъ что бываетъ иногда: попадаются бродяги, дѣйствительно въ первый разъ бѣжавшіе, а между тѣмъ имѣютъ знаки какъ будто отъ плетей. При поимкѣ иногда ихъ бьютъ жестоко ремнями, веревкой и погайкой. Мы видѣли такихъ въ тобольскомъ острогѣ, изъ котораго они бѣжали и на третій день были пойманы. Вѣдь ихъ при вторичномъ побѣгѣ будутъ судить наравнѣ съ каторжными и ссыльно-поселенцами. Распространяется ли также милостивый законъ на всѣхъ бродягъ, скрывающихъ свое происхожденіе?

Бѣглецы изъ солдатъ, какъ въ Россіи, такъ и въ Сибири, по удостовѣреніи чрезъ справки, что они дѣйствительно военные дезертиры, отсылаются въ тѣ полки, изъ которыхъ сдѣлали побѣгъ, если полки находятся въ недальнемъ разстояніи отъ мѣста поимки бѣжавшаго; въ противномъ же случаѣ препровождаются по роду войскъ, въ коихъ служили до побѣга, или же къ ближайшему начальству внутренней стражи. По прибытіи въ военное вѣдомство, дезертиры наказываются по военнымъ законамъ. Тѣхъ изъ нижнихъ воинскихъ чиновъ, которые, бѣжавъ изъ службы, сироютъ по поимкѣ свое званіе и будутъ причислены къ бродягамъ, не помнящимъ родства, а послѣ того окажутся дезертирами, возвращать въ военное вѣдомство, подвергая ихъ тамъ военному суду и установленному по воинскимъ законамъ наказанію какъ за побѣгъ изъ службы, такъ и за скрытіе воинскаго званія и другія преступленія, сдѣланныя ими при побѣгѣ (ст. 616, 636 и 693 XIV т. уст. о наси. и бѣгл.). Такъ ихъ прежде наказывали шпицрутенами, а теперь будутъ наказывать розгами, впредь до устройства военныхъ тюремъ и исправительныхъ учрежденій. Мы помнимъ одно время, когда узнали арестанты, находившіеся въ тобольской арестантской ротѣ, объ уменьшеніи числа шпицрутенами, они тотчасъ же стали объявлять о своемъ воинскомъ званіи. Это было въ началѣ

1862 года. Но какъ скоро узнаютъ о совершенномъ уничтоженіи шпицрутеновъ, то навѣрно ни одинъ не захочетъ оставаться въ арестантскихъ ротахъ, если, кромѣ побѣга, не совершилъ другаго преступленія.

Для сужденія бѣглыхъ изъ разряда каторжныхъ и ссыльныхъ поселенцевъ существуютъ вотъ какія правила: ссыльные за побѣги съ мѣста водворенія или работъ, или же съ дороги, во время препровожденія ихъ въ ссылку, судятся въ томъ мѣстѣ, гдѣ они задержаны, и подвергаются наказаніямъ въ слѣдующей постепенности (ст. 116, 808 и 849 XIV т. уст. о ссыл.):

ЗА ПОБѢГИ ВЪ СИБИРИ.		ЗА ПОБѢГИ ВНѢ СИБИРИ.
1) Каторжные перваго разряда безсрочные:		
За 1-й плетьми отъ 60 до 80 ударовъ, съ содержаніемъ въ отрядѣ испытуемыхъ отъ 10 до 12 лѣтъ.	За первый и второй.	Какъ за третій въ Сибири.
За 2-й плетьми отъ 80 до 100 ударовъ, съ содержаніемъ въ отрядѣ испытуемыхъ отъ 12 до 15 лѣтъ.		
За 3-й наказанію шпицрутенами отъ 2 до 3 тысячъ ударовъ, съ прикованіемъ къ телѣжкѣ на время отъ 1 до 3-хъ лѣтъ и содержаніемъ въ отрядѣ испытуемыхъ отъ 15 до 20 лѣтъ.	За третій и послѣдующіе.	Какъ за четвертый въ Сибири.
За 4-й и послѣдующіе высшей мѣрѣ наказанія, опредѣленнаго за 3-й побѣгъ.		
2) Каторжные перваго разряда срочные.		
За 1-й плетьми отъ 50 до 60 ударовъ, съ продолженіемъ работъ отъ 10 до 15 лѣтъ.	За первый плетьми отъ 60 до 80 ударовъ, съ продолженіемъ работъ отъ 15 до 20 лѣтъ.	
За 2-й плетьми отъ 60 до 80 ударовъ, съ продолженіемъ работъ отъ 15 до 20 лѣтъ.	За второй, какъ за третій въ Сибири.	
За 3-й плетьми отъ 80 до 100 ударовъ, съ продолженіемъ работъ безъ срока.	За третій высшей мѣрѣ наказанія, слѣдующаго за второй побѣгъ.	

3) Каторжные третьяго разряда.

За 1-й плетьми отъ 40 до 50 ударовъ и переводу въ рудники, съ продолженіемъ срока работъ отъ 4 до 6 лѣтъ.	За первый плетьми отъ 50 до 60 ударовъ, съ переводомъ въ рудники и продолженіемъ срока работъ отъ 6 до 8 лѣтъ.

4) Ссыльно-поселенцы.

За 1-й плетьми отъ 20 до 30 ударовъ.	За первый и второй плетьми отъ 40 до 50 ударовъ, съ переводомъ въ каторжныя работы на заводы на время отъ трехъ до четырехъ лѣтъ.
За 2-й плетьми отъ 30 до 40 ударовъ, съ отдачею въ арестантскую роту или во временную работу на заводъ отъ 9 мѣсяцевъ до 1 года, или же съ содержаніемъ въ тюрьмѣ отъ 1 года до 2 лѣтъ, или съ переселеніемъ навсегда въ отдаленный округъ.	
За 3-й плетьми отъ 40 до 50 ударовъ, съ переводомъ въ каторжныя работы на заводы отъ 3 до 4 лѣтъ.	За третій плетьми отъ 50 до 60 ударовъ, съ переводомъ въ каторжныя работы на заводы отъ четырехъ до шести лѣтъ.
За 4-й и послѣдующіе плетьми отъ 50 до 60 ударовъ, съ обращеніемъ въ каторжныя работы на заводы отъ 4 до 6 лѣтъ.	За четвертый и послѣдующіе высшей мѣрѣ наказанія, опредѣленнаго за 4-й и послѣдующіе побѣги въ Сибири.

Побѣгомъ, подлежащимъ наказанію, признается: 1) для ссыльно-поселенца отлучка безъ дозволенія изъ мѣста жительства долѣе семи дней, если отлучившійся, по истеченіи этого срока, будетъ пойманъ, или если онъ самъ возвратится въ то мѣсто, откуда бѣжалъ, не прежде, какъ черезъ 14 дней со времени отлучки. Равнымъ образомъ считается побѣгомъ и просрочка отпуска, если ссыльно-поселенецъ, безъ уважительныхъ причинъ, не явится въ мѣсто жительства чрезъ семь дней по окончаніи отпуска, менѣе, чѣмъ на мѣсяцъ даннаго, или черезъ четырнадцать сутокъ, если отлучка была дозволена ему на мѣсяцъ или болѣе; 2) для ссыльно-каторжнаго — самовольная отлучка изъ мѣста работъ или находящагося при немъ селенія, долѣе трехъ сутокъ, если отлучившійся послѣ этого срока будетъ пойманъ, или если онъ самъ возвратится не прежде, какъ чрезъ семь дней со времени отлучки (тамъ же стат. 809. — Для ссыльно-поселенцевъ, нахо-

дящихся во временной работѣ на заводахъ за срокъ отлучки, считаемой побѣгомъ, принимается тотъ, который установленъ для каторжныхъ).

Всѣ бѣглые ссыльно-поселенцы и каторжные, въ предѣлахъ Сибири или внѣ ея пойманные, независимо отъ тѣлеснаго наказанія за побѣгъ, подлежали клейменію въ томъ мѣстѣ, гдѣ они задержаны, по опредѣленіямъ тѣхъ судебныхъ или полицейскихъ инстанцій, кои приговаривали ихъ къ наказаніямъ. Клейма ставились у бѣглыхъ ссыльно-поселенцевъ и каторжныхъ, пойманныхъ въ предѣлахъ Сибири, на лѣвой, а у пойманныхъ внѣ Сибири на правой рукѣ, ниже локтя, и на лопаткѣ, съ буквами С. П. или С. К. За каждый новый побѣгъ прибавляли новыя клейма, опускаясь ниже по рукѣ и лопаткѣ (тамъ же 815 и 850).

Теперь, когда клейма уже окончательно уничтожены, не мѣшаетъ прослѣдить, какимъ подвергались они измѣненіямъ во время своего почти 200 лѣтняго существованія. Клеймо служило знакомъ или примѣтой, по которой отличался преступникъ отъ человѣка, не сдѣлавшаго никакого преступленія. Клеймо Б означало бѣглеца, клеймо С. П. ссыльно-поселенца, бѣжавшаго съ мѣста причисленія, клеймо К. означало каторжнаго и наконецъ клеймо С. К. каторжнаго бѣжавшаго съ работъ. Эти клейма налагались въ отвращеніе повторенія побѣговъ, для судей, чтобы облегчить имъ распознаваніе разряда бродягъ и произнесеніе вѣрнаго приговора, когда пойманный скрываетъ свое происхожденіе и мѣсто ссылки. Подобное значеніе клеймъ, изстари употреблявшихся на Руси въ видѣ различныхъ способовъ шельмованія преступниковъ, доказывается прежними уголовными законами. Такъ въ указѣ 3-го мая 1691 года мы читаемъ: «которые «люди по приводнымъ и посыскнымъ дѣламъ, по ихъ государскому «указу и по соборному уложенію и по новымъ статьямъ, по градскимъ «законамъ и въ сыскномъ приказѣ довелись смертныя казни, а той «казни имъ неучинено: и тѣхъ воровъ указали они, великіе государи, «вмѣсто смертныя казни пятнать и ссылать, а ушей не рѣзать, и пальцевъ имъ не сѣчь; и учинить въ сыскномъ приказѣ пятно, выковать «желѣзное азбучное слово В, для того, буде впредь изъ тѣхъ воровъ «кто изъ ссылки бѣжитъ и объявится въ Москвѣ, было въ почему «познать. А которые приводные жъ люди по дѣламъ объявятся въ «какихъ воровствахъ, а смертныхъ винъ они не дошли, а довелись по «уложенію жъ и по новымъ статьямъ только наказанья и казни, рѣзать уши: и тѣмъ указъ чинить по прежнему своему великихъ государей указу и уложенью, ссылать съ наказаніемъ, рѣзать уши, и не «пятнать». Впослѣдствіи, при Елизаветѣ Петровнѣ, появился другой способъ клейменія преступниковъ—рваніе ноздрей. Объ немъ въ ука-

зѣ 1754 года сентября 30, о замѣнѣ смертной казни политическою между прочимъ сказано, что тѣмъ преступникамъ, «которые натуральной и политической смерти, по государственнымъ правамъ и указамъ совершенно надлежатъ, таковымъ по прежнимъ ея императорскаго величества указамъ, той смертной экзекуціи до разсмотрѣнія и точнаго объ нихъ указа не чинить, а дабы оные за долговременнымъ присылаемыхъ объ нихъ экстрактовъ разсмотрѣніемъ наказанія не избывали, и изъ ссылки побѣговъ не могли чинить, и за непоставленіемъ у нихъ знаковъ, укрываясь, въ такія жъ воровства вступать не дерзали, при посылкѣ ихъ въ тяжкую работу въ Рогервикъ, и въ прочія опредѣленныя, по изъ посланнымъ правительствующаго сената, іюня отъ 18 дня 1753 года указамъ мѣста до разсмотрѣнія чинить наказанія, подлежащимъ къ натуральной смертной казни, чиня жестокое кнутомъ, и вырѣзавъ ноздри, ставить палбу В, а на щекахъ на одной О, а на другой Р; а которые осуждены будутъ на политическую смерть, такимъ чинить наказаніе кнутомъ, съ вырѣзаніемъ ноздрей. И по учиненіи имъ того наказанія, заклеймя въ каналы ссылать до указа въ тяжкую работу въ Рогервикъ и въ прочія мѣста, по прежденосланнымъ указамъ; а въ правительствующій сенатъ, съ показаніемъ ихъ винъ и рѣшительныхъ въ силѣ указовъ приговоровъ, присылать краткіе экстракты, а которые явятся въ воровствахъ и разбояхъ, и по государственнымъ правамъ и указамъ, за тѣ ихъ воровства надлежать будутъ наказанію, бить кнутомъ и съ вырѣзаніемъ ноздрей сосланы имѣютъ быть въ ссылку вѣчно, то такія наказанія почитать за наказаніе, а не за политическую смерть». Изъ этихъ двухъ родовъ клейменія, кромѣ отрѣзанія языка, употреблявшагося въ нѣкоторыхъ случаяхъ при Аннѣ и Елисаветѣ, вырѣзываніе ноздрей существовало у насъ болѣе 60 лѣтъ, именно до 1817 года декабря 25, когда по высочайшему указу было запрещено вырѣзывать ноздри при наложеніи штемпельныхъ знаковъ, а наложеніе на преступниковъ клеймъ съ литерами В. О. Р. (*) продолжалось до 15 августа 1845 года, т. е. до изданія уложенія о наказаніяхъ. По этому уложенію клеймо В. О. Р. замѣнено клеймомъ К. А. Т., существовавшимъ до 17 апрѣля сего года. Клейма эти не всегда достигали предположенной цѣли: преступники довольно часто уничтожали ихъ, сначала высасываніемъ, а потомъ приложеніемъ щелочной мушки, коры волчьяго лыка, или разведенною известью, или просто кипяткомъ. Образовавшееся на мѣстѣ клейма искуственное нагноеніе оставляетъ послѣ

(*) Каторжные, когда накладывались на нихъ клейма съ буквами В. О. Р. въ шутку составили изъ этихъ трехъ буквъ цѣлую рѣчь: буква О значила у нихъ онъ (т. е. преступникъ) В—*вельми* и Р—*радуемъ*.

себя одинъ только шрамъ, не имѣющій никакого признака поставленнаго прежде клейма. Одно лишь мѣсто шрама заставляло подозрѣвать о бывшихъ клеймахъ. Въ теченіе 5½ лѣтъ, намъ только разъ случилось встрѣтить человѣка, у котораго лит. К. на лицѣ сохранилась очень явственно, не смотря на то, что онъ пробылъ назначенный судомъ, кажется, 12-тилѣтній срокъ, а потомъ жилъ еще нѣсколько лѣтъ въ одной изъ подгородныхъ волостей Тобольской губерніи. Но онъ не былъ преступникъ, потому что сенатъ, признавъ его невиннымъ, предписалъ возвратить на родину, обязавъ предварительно уничтожить клейма. Съ этой цѣлію онъ былъ помѣщенъ въ городскую больницу. Продолжительная каторга однакожь не осталась безъ вліянія на его здоровье. Одновременно съ лѣченіемъ кожныхъ болѣзней, пріобрѣтенныхъ имъ въ каторжной работѣ, начали выводить и клейма, но все оказалось безуспѣшнымъ. Спустя три мѣсяца послѣ вступленія въ больницу, онъ умеръ отъ поноса.

Выше было сказано, что бѣгло-каторжные и ссыльно-поселенцы долго еще будутъ носить на себѣ знаки прежней торговой казни и слѣды бывшихъ клеймъ, что они, если на нихъ не распространяется милостивый законъ, и за новыя преступленія не освобождаются отъ наказанія плетьми и шпицрутенами, поэтому всѣ бродяги задерживаемые въ Сибири, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и внѣ ея, которые при допросахъ дадутъ о себѣ ложныя показанія, или же назовутъ себя непомнящими родства, и настоящее званіе коихъ не будетъ открыто, должны будутъ подлежать наказанію съ соблюденіемъ слѣдующихъ правилъ:

1) Если бродяга, въ Сибири пойманный, оказывался съ знакомъ клейма буквою Б, или съ явственными знаками плетей, то онъ подвергался наказанію, на точномъ основаніи статей 808 и 815 Уст. о наси. и бѣгл., какъ каторжный третьяго разряда, виновный въ первомъ побѣгѣ, и обращается въ рудники всегда на шестилѣтній срокъ.

2) Если же пойманный въ Сибири или внѣ предѣловъ ея бродяга неизвѣстнаго происхожденія имѣлъ на себѣ знаки клеймъ, установленныхъ для бѣглыхъ ссыльно-поселенцевъ (буквами С. Н. или С. Б.), то онъ подвергается наказанію, какъ каторжный перваго разряда срочный, бѣжавшій въ первый разъ, съ обращеніемъ въ рудники, когда онъ пойманъ въ Сибири—на десять, а когда пойманъ внѣ ея—на пятнадцать лѣтъ.

3) Наконецъ, если бродяга, въ Сибири или внѣ ея захваченный и скрывающій свое происхожденіе, оказывался съ знаками кнута, шпицрутеновъ, или же клеймъ буквами К. А. Т. или В. О. Р. (по прежнимъ уголовнымъ законамъ), то онъ считается каторжнымъ безсрочнымъ перваго разряда, бѣжавшимъ въ первый разъ, сообразно чему

подвергается опредѣленному въ законѣ наказанію (ст. 808 и 815) и обращается въ работу. Если же на немъ будутъ знаки клейма С. К., то, смотря по числу этихъ знаковъ, ему назначается наказаніе, какъ каторжному безсрочному за второй или третій побѣгъ въ Сибири или внѣ Сибири (ст. 816 Уст. о ссыльн.).

Что же касается до особаго разряда людей безпаспортныхъ нищихъ-кочевыхъ, о которыхъ было упомянуто въ началѣ статьи, то они, если просятъ милостыни не по несчастію, повергнувшему ихъ въ совершенную бѣдность, а по лѣни, привычкѣ къ праздности, или даже въ видѣ ремесла, приговариваются за это къ аресту и работамъ при полиціи отъ семи дней до трехъ недѣль и потомъ отсылаются къ своимъ обществамъ на основаніи Устава о пред. и пресѣч. преступ. (ст. 1219). Если же нищіе-кочевые скрыли свое происхожденіе, то наказываются какъ бродяги по новому закону 17 апрѣля.

И такъ, самое тяжкое наказаніе несутъ у насъ бродяги и бѣглые изъ каторжныхъ и ссыльно-поселенцевъ, и послѣдніе не пользуются даже снисхожденіемъ и тогда, когда отлучились съ поселенія въ первый разъ и не скрыли своего званія. И въ этомъ случаѣ они подлежатъ, по полицейскимъ постановленіямъ, наказанію плетьми съ тою только разницею, что вмѣсто отдачи въ арестантскую роту или во временныя работы на заводы, водворяются въ мѣстахъ своего проживанія. Конечно, законодатель, опредѣливъ тяжкое наказаніе за побѣги и бродяжество, имѣлъ въ виду ту цѣль, чтобы устрашить народъ; но изъ судебной практики извѣстно, что страхъ наказаній нисколько не дѣйствуетъ на массу и не помогаетъ въ дѣлѣ нравственнаго исправленія преступниковъ. Да и самое позорное тѣлесное наказаніе, унижающее человѣка въ глазахъ публики, не только не исправляло его, но еще болѣе ожесточало, озлобляло противъ начальства и заставляло преступниковъ дѣлать новыя преступленія. Поэтому предположенная цѣль устрашенія остается недостигнутою, что̀ подтверждается статистическими свѣдѣніями о бродягахъ, которые путешествуютъ по имперіи десятками тысячъ. Все это бродячее населеніе пробавляется на чужой счетъ подаяніями, мошенничествами, воровствомъ, а иногда и грабежами. Между тѣмъ какъ при другихъ условіяхъ и они могли бы жить собственными трудами и приносить пользу государству оплачиваніемъ податей, да и общество избавилось бы отъ вредныхъ дармоѣдовъ.

Послѣднимъ закономъ значительно облегчено наказаніе бродягъ, не имѣющихъ знаковъ клеймъ и прежней торговой казни, особенно пойманныхъ въ Сибири, потому что въ Россіи назначались на годъ въ арестантскую роту и на 4 въ заводъ, а въ Сибири отъ 10 до 12 лѣтъ въ арестантскую роту, но подлежатъ ли ему бродяги изъ разря-

да каторжныхъ и ссыльно-поселенцевъ, — а они-то и составляютъ въ Сибири большинство. 10-ти, 12-ти и 20-ти лѣтняя каторга при лишеніяхъ разнаго рода заставляетъ ихъ бѣжать съ заводовъ. Не будь этихъ причинъ, можетъ быть, не было бы и побѣговъ.

Такъ какъ главная цѣль нашей статьи заключается въ уменьшеніи бродяжества между послѣдними, то, по нашему мнѣнію, достигнуть этого можно двоякимъ образомъ:

1) Оказать имъ однажды милость, подобно тому, какъ сдѣлано въ прошедшемъ столѣтіи, позволивши избрать себѣ мѣсто жительства въ Сибири, въ Новороссійскомъ краѣ, на Кавказѣ и въ Оренбургской губерніи,—однимъ словомъ тамъ, гдѣ земли много, а производителей мало. Если сообразить состояніе преступника, которое онъ испытывалъ до каторги, начиная съ перваго заключенія въ острогъ по подозрѣнію, до прибытія на заводъ, что продолжалось прежде не менѣе 2-хъ лѣтъ, а весьма часто и болѣе, если представить себѣ тѣ нравственныя пытки, которымъ онъ подвергался въ острогахъ, этапахъ, во время препровожденія въ Сибирь (*), на пространствѣ нѣсколькихъ тысячъ верстъ, и физическія страданія отъ смотрителей, ихъ помощниковъ, надзирателей, конвойныхъ и караульныхъ, кромѣ торговой казни по прежнему закону, то можно сказать, положа руку на сердце, что каждый бродяга, бѣжавшій съ заводовъ и мѣста поселенія, понесъ уже тяжкое наказаніе за свое преступленіе. Законъ вполнѣ удовлетворенъ. Бродяга изъ бывшихъ преступниковъ давно уже раскаялся и далъ слово жить честно, если удастся ему имѣть гдѣ нибудь осѣдлость, о чемъ они только и мечтаютъ. И дѣйствительно, мы встрѣчали ихъ въ сибирскихъ селеніяхъ, въ которыхъ они приписывались прежде довольно легко вмѣсто умершихъ, видѣли ихъ и въ Бессарабіи; вездѣ по большей части они ведутъ жизнь трудолюбивую, честную, стараясь заслужить доброе имя отъ своихъ сосѣдей, чтобы поскорѣе забыли о дурномъ ихъ прошедшемъ. Кому изъ читателей неизвѣстенъ способъ заселенія Новороссійскаго края; вѣдь туда съ 1820 года стекались бѣглые преступники и бродяги со всѣхъ концовъ Россіи; но, видѣвши теперь этихъ мирныхъ жителей городовъ, мѣстечекъ и селеній, можно ли замѣтить въ нихъ какое нибудь отличіе отъ людей, не принадлежавшихъ къ разряду преступниковъ? Рѣшительно нѣтъ. Только по скрытности ихъ, по любви къ уединенію, по нѣкоторой недовѣрчивости къ людямъ, можно иногда догадываться о прежнемъ состояніи ихъ, да и то при внимательномъ наблюденіи. Мы указываемъ на эти обстоятельства тѣмъ, которымъ съ перваго раза пока-

(*) См. нашу статью «Отъ Петербурга до Тобольска» (разсказъ арестанта) въ №№ 49, 50 и слѣд. «Зрителя» за 1862 годъ.

жется страннымъ наше предположеніе о дозволеніи бродягамъ селиться на окраинахъ, гдѣ съ незапамятныхъ временъ они имѣли пристанище. Тамъ они и теперь могутъ увеличить народонаселеніе, дать краю новыя производительныя силы, а государству доставить честныхъ гражданъ. Само собой разумѣется, что эта милость должна быть ограничена не очень продолжительнымъ срокомъ, а иначе можетъ сдѣлаться причиною зла. Этою милостію навѣрно воспользуется большая часть бродягъ и бѣглыхъ, странствующихъ теперь по Сибири и въ восточныхъ губерніяхъ Россіи. Такимъ образомъ въ самое короткое время число ихъ можетъ уменьшиться. Быть можетъ многіе возразятъ намъ, что сибирскіе бродяги, привыкшіе къ безотчетной свободѣ, неспособны къ осѣдлой жизни, но мы разговаривали съ сотнями изъ нихъ въ острогахъ и арестантскихъ ротахъ и всегда слышали задушевную ихъ мысль—какъ бы пристроиться и завестись хозяйствомъ. И это не было притворствомъ. Въ самомъ дѣлѣ, что за жизнь сибирскаго бродяги, исполненная ежечаснаго страха быть пойманнымъ, убитымъ бурятами или татарами, исполненная невообразимыхъ лишеній. Въ другомъ мѣстѣ мы познакомимъ читателей съ ихъ похожденіями. А теперь перейдемъ къ другой мѣрѣ, могущей способствовать уменьшенію бродяжества въ Сибири.

2) Мѣрой этой на будущее время можетъ служить удаленіе тѣхъ причинъ, которыя производятъ и поддерживаютъ побѣги съ заводовъ, рудниковъ и золотыхъ пріисковъ. Ablata causa, tollitur effectus, это всѣмъ извѣстно. Мы указали на нѣкоторыя изъ нихъ, но далеки отъ того, чтобы могли похвалиться совершеннымъ знаніемъ ихъ. Для этого нужно собрать точныя свѣдѣнія на мѣстахъ самыхъ работъ. Слышали однакожь отъ всѣхъ бѣжавшихъ, что главной причиной побѣговъ служитъ продолжительный 12 и 20 лѣтній срокъ работъ. Это можетъ подтвердиться цифрами арестантовъ, оканчивающихъ назначенные по первоначальному суду и по полицейскимъ постановленіямъ сроки. Впрочемъ, заявленное правительствомъ предположеніе объ измѣненіи системы наказаній за уголовныя преступленія заставляетъ надѣяться и на уменьшеніе сроковъ. Слѣдовательно эта причина побѣговъ будетъ удалена. Остаются другія, о которыхъ упомянуто въ началѣ статьи. Но въ этомъ случаѣ, едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что правительство и на нихъ обратитъ вниманіе. Если оно показало уже свою заботливость къ арестантамъ, отправляемымъ въ Сибирь, замѣнивши прежнюю пѣшеходную систему препровожденія отправленіемъ по желѣзной дорогѣ отъ Петербурга до Нижняго, потомъ — на пароходахъ до Перми, далѣе, кажется, на подводахъ до Тюмени и опять на пароходахъ до Томска; если оно показало также свою заботливость къ арестантамъ, содержащимся въ тюрьмахъ, по-

всемѣстнымъ учрежденіемъ тюремныхъ комитетовъ, которымъ вмѣнено въ обязанность принимать мѣры къ улучшенію ихъ быта въ нравственномъ и физическомъ отношеніяхъ; если наконецъ заявлю намѣреніе улучшить всѣ исправительныя заведенія, то есть арестантскія роты, рабочія и смирительныя домы,—то неужели лишить отеческой заботливости и тѣхъ же самыхъ арестантовъ, которые несутъ послѣднее свое наказаніе? Неужели и имъ не доставить возможность исправиться, для того, чтобъ они, по окончаніи срока работъ, начали новую жизнь, полезную для себя и безвредную для общества? А цѣль его заботливости именно такова.

X....

НОВЫЯ КНИГИ.

Украинські Оповіданія, *Олекси Стороженка.* **2 части. С.-Петербургъ. 1863 г.**

Мысль поэта, что «и ненавидимъ мы, и любимъ мы случайно», чрезвычайно вѣрно опредѣляетъ характеръ чувствованій и симпатій современнаго русскаго люда, по отношенію къ дѣламъ, выходящимъ изъ ряда его обыденныхъ дѣлишекъ. Вслѣдствіе этого является необходимость къ старому дѣленію чувствъ на преступныя и непреступныя прибавить новую категорію чувствъ случайныхъ. Сердца большей части людей полнятся этими случайными чувствами, этими напускными, ни на чемъ не основанными, и ни изъ чего не вытекающими симпатіями и антипатіями.

Появленіемъ своимъ на свѣтъ чувства эти обязаны тому, что человѣкъ сытый и прежде любилъ слегка «пофилософствовать, помыслить»; а въ наше время дѣлается необходимымъ почти на каждомъ шагу сочувствовать чему нибудь, приходить въ благородное негодованіе по поводу какихъ либо явленій, или умиляться при взглядѣ на что нибудь. Таковъ ужь духъ времени. Представьте же себѣ, что господинъ, отроду не имѣвшій никакихъ мыслей и сочувствій, вдругъ замѣчаетъ этотъ духъ, видитъ, что вездѣ принято имѣть убѣжденія и относиться къ чему нибудь съ сочувствіемъ или негодованіемъ. Послѣ этого и ему самому придетъ охота запастись убѣжденіями и сочув-

ствіями; а гдѣ ихъ взять? Вотъ онъ и бросается на то, что первое попадетъ подъ руку — и у него готово и убѣжденіе, и сочувствіе. Въ сущности подобнымъ господамъ все равно, что бы ни дѣлалось на свѣтѣ; они имѣютъ способность относиться къ совершающимся явленіямъ съ какою-то невозмутимою, *олимпійскою* объективностію: дерутся ли люди въ какомъ нибудь уголкѣ земнаго шара или не дерутся, воюютъ или не воюютъ, это для нихъ все равно, и если они отчасти не сочувствуютъ войнѣ, то *только* потому, что въ этомъ случаѣ сахаръ можетъ сдѣлаться нѣсколькими копѣйками дороже, и ихъ ежегодный бюджетъ долженъ подняться на нѣсколько копѣекъ... Мелкая натурешка этихъ господъ не способна къ дѣйствительному сочувствію совершенно чуждымъ имъ общечеловѣческимъ интересамъ: они привыкли негодовать только тогда, когда имъ не везетъ во время игры въ карты, и умиляться при взглядѣ на собственную особу... Если же они теперь негодуютъ и умиляются, то *потому*, что теперь всѣ негодуютъ и умиляются отъ хижины кроткихъ пейзанъ до палатъ вельможъ.

Логика говоритъ, что процессъ человѣческаго мышленія совершается по закону достаточнаго основанія: то же самое условіе необходимо и для дѣйствительности чувства. Чувство только тогда дѣйствительно, когда оно является въ силу извѣстнаго, дѣйствительнаго основанія. Чувство безъ основанія есть напускное чувство, возможное только у господъ, о которыхъ мы говоримъ.

— Что это вы такъ горячитесь? спросите вы подобнаго господина.

— Какъ же не горячиться, помилуйте, какъ же не горячиться? Войска Наполеона взяли Пуэблу — это изъ рукъ вонъ, это ужъ чортъ знаетъ, что такое... Притомъ Нена-Саибъ схваченъ англичанами— дѣло вонъ куда пошло! Ужасно! Какъ же можно не негодовать? Какъ можно?...

И какъ бы ни силился онъ, ни за что не представитъ другаго основанія своему негодованію, потому что ни на чемъ не основано это негодованіе, потому что и негодуетъ-то онъ по наслышкѣ: услышалъ гдѣ-то, что-то, «да не посмотрѣвши въ святцы—бухъ въ колоколъ»... Отъ того, вслѣдствіе отсутствія основанія, и проявленіе случайныхъ чувствъ, напускнаго негодованія и напускной любви, такъ комично и такъ безплодно.

Подобные господа имѣютъ способность опошлить самое разумное и честное дѣло, къ которому они вздумаютъ отнестись съ своимъ сочувствіемъ. Нѣкоторые изъ такихъ господъ прикидываются патріотами, любителями народности великороссійской, другіе избираютъ предметомъ сочувствія народность малороссійскую. И тѣ и другіе

окружаютъ предметъ своего поддѣльнаго сочувствія всевозможными нравственными и тѣлесными достоинствами; они взваливаютъ на великороссовъ и малороссовъ столько сантиментальныхъ, сладенькихъ добродѣтелей, что просто дѣлается тошно: такъ ужъ оно черезчуръ добродѣтельно выходитъ. Отнестись сочувственно къ дѣйствительнымъ добрымъ качествамъ россовъ они не могутъ, по той простой причинѣ, что сами ихъ не знаютъ, да и считаютъ для себя такое знаніе дѣломъ десятымъ.

Очевидно, что тутъ не можетъ быть и рѣчи о тѣхъ немногихъ, которые сочувствуютъ разумнымъ и честнымъ національнымъ стремленіямъ малороссовъ, которые подвергаются за это безчестнымъ нападкамъ со стороны любителей великорусской національности, которые знаютъ тѣхъ, кому сочувствуютъ, и слѣдовательно сочувствіе ихъ искренне. Безъ этого, безъ знанія, чувство искреннимъ быть не можетъ, а потому мы такъ мало вѣримъ чувствамъ многихъ малороссофиловъ. Истинно любящій малороссовъ не станетъ навязывать имъ чуждыхъ добродѣтелей и потомъ восхищаться сочиненнымъ для собственнаго удовольствія типомъ, не станетъ доказывать свою любовь пустѣйшими и вредящими дѣлу панегириками тому, что далеко не почтенно: онъ докажетъ свое честное сочувствіе честнымъ дѣломъ, не рисуясь и не сантиментальничая. Ариѳметику какую нибудь издастъ да по три копѣйки будетъ продавать землякамъ, или иное дѣло сдѣлаетъ. Подобныхъ людей понимаетъ народъ и любитъ, хотя они не заискиваютъ, не лакействуютъ, не придираются къ каждому случаю, чтобы наговорить народу сладостей и пряностей, превознося до небесъ его добродѣтели, какъ дѣлаютъ это его фальшивые любители.

Съ такого рода напускнымъ, заказнымъ увлеченіемъ малороссійскою національностію написаны «Украинскіе Разсказы» г. Стороженко: автору хотѣлось доказать, что малороссы такой идеально прекрасный народъ, какого не было да и не можетъ быть на свѣтѣ. Но не говоря уже о томъ, что понятія г. Стороженко о дѣйствительныхъ нравственныхъ достоинствахъ такъ узки, что малороссамъ не поздоровится отъ его похвалъ, онъ, вслѣдствіе заданной себѣ задачи, рисуетъ Малороссію какою-то сказочною страною, гдѣ люди живутъ во всей своей властной волѣ, не зная ни горя, ни труда, живутъ себѣ, кушаютъ арбузы, пьютъ наливки, собираютъ карбованцы, поютъ пѣсенки да кохаются съ чернобровыми красотками. Счастливые обитатели Малороссіи не испытываютъ ни глада, ни труса, ни потопа, ни нашествія иноплеменниковъ. «Чудная природа, согрѣтая полуденнымъ солнцемъ, навѣваетъ на душу сѣмена поэзіи и чаръ» (?) «тихенькій вѣтерокъ щекочетъ... лѣса обнимаютъ прохладою... горлица

наполняетъ сердцу что-то такое, что заставляетъ сердце млѣть и трепетать»... стр. 88. (Всѣ выдержки мы будемъ приводить въ переводѣ).

Очевидно, что обитатели такой чудной мѣстности не должны быть похожи на обыкновенныхъ смертныхъ, они чужды мелочныхъ, житейскихъ заботъ, они только любятъ да ѣдятъ арбузы и сало, и веселятся такъ, что даже «горе смѣется». Самъ Богъ невидимо посылаетъ имъ и хлѣбъ, и сало за ихъ добродѣтели... Обитательницы Малороссіи всѣ безъ исключенія красавицы, чернооки, чернобровыя, ихъ «нѣжныя, полныя и бѣлыя, *какъ пшеничное тѣсто, руки*» (стр. 207) не способны къ грязной работѣ, онѣ созданы для однихъ объятій, «длинныя, черныя косы обвиваютъ тонкій станъ и достигаютъ до *полныхъ* икръ» (стр. 101) «сквозь тонкое полотно сорочки сквозитъ *«нашне стегно»* (т. е. ляжки). Стр. 205.

Молодые малороссы также созданы для одной любви: всѣ они красавцы, нѣжные, добрые, влюбчивые, постоянные. Дураковъ между ними нѣтъ, а если случайно и окажется таковой, то это нисколько не помѣшаетъ ему быть умнѣе умниковъ. Даже старики не теряютъ юношескаго жара, хотя этотъ сердечный жаръ, эта теплота души въ лѣтахъ преклонныхъ сосредоточиваются на привязанности къ роднымъ наливкамъ, крѣпкимъ запеканкамъ и «спотыкачамъ». За тоже и мастера пить: авторъ съ восторгомъ описываетъ, какъ они «кругляютъ горилку, ажь луна округи иде» стр. 88. Это обстоятельство, конечно, нисколько не мѣшаетъ старичкамъ украшаться различными пріятными нравственными добродѣтелями: они правдивы, благочестивы, кротки, послушны, любятъ, правда, иногда поболтать; но за то, какъ болтаютъ? Вотъ, напримѣръ, какъ разговариваетъ старый, престарый дѣдъ:

«Если бы ты зналъ, сынокъ, какъ мнѣ весело, какъ мнѣ легко во время темной ночи, въ степи одному мечтать на могилѣ... Такъ темно, что глазъ не видитъ рукава своей рубахи, а тихо такъ, что ухо не слышитъ шелеста травы: а сердце видитъ Божьи чудеса, душа слышитъ Его глаголы... Хоть тѣло мое приникаетъ къ землѣ, а думы летятъ на небо и *играютъ тамъ съ звѣздочками, какъ дѣти съ кумушками*. Сидишь, сидишь и не услышишь, какъ заснешь, а разбудитъ тебя солнышко! Проснешься: кругомъ тебя *овечки щиплютъ травку, окропленную росою, а пастушокъ играетъ на свирѣли*...» Стр. 142—143.

Не правда ли, какъ милъ этотъ сладенькій юноша-дѣдъ, восхищающійся, какъ овечки травку щиплютъ, а пастушокъ играетъ на свирѣли? Эта свирѣль тутъ особенно безнодобна. Или вотъ какъ тотъ же самый дѣдъ описываетъ казацкую слезу:

«Послѣ умянской тризны кто бы узналъ наше горе, посмотрѣвши, какъ мы пировали не день, не недѣлю? То гуляло наше безумное несчастье: то вспыхнетъ оно пламенемъ и сожжетъ нѣсколько городовъ, селъ, мѣстечекъ, то хлынетъ кровавою волною и затопитъ тысячи людей, то растелется по краю адскимъ дымомъ и черезъ десятки лѣтъ не опомнится народъ отъ этого дьявольскаго курева... Откуда же берется это пламя, эта кровь, этотъ адскій дымъ?.. *Изъ казацкой слезы!...*» Стр. 148.

Не правда ли, читатель, какъ милъ этотъ реторически-страстный, этотъ трескуче-горячій монологъ въ устахъ дряхлаго старика? Хорошо, очень хорошо!

Да, хорошіе старикашки живутъ въ Малороссіи. Послѣ этого вы нисколько не усумнитесь въ свидѣтельствѣ г. Стороженко, что такихъ старичковъ даже въ адъ не принимаютъ, а прямо впускаютъ въ царство небесное.

Такое комическое расхваливаніе г-мъ Стороженко малороссовъ отъ малаго ребенка до столѣтняго старца включительно, можно, по крайней мѣрѣ, объяснить желаніемъ угодить своимъ землякамъ, заискать въ нихъ, понравиться, хотя путь къ этому и выбранъ неудачный. Но къ чему авторъ разсказовъ адресуется съ подобнымъ же заискиваніемъ къ малороссійской природѣ и разукрашиваетъ ее такъ, какъ разукрашиваютъ виды Венеціи и итальянскихъ ночей наши художники, — это положительно непонятно. Въ этомъ случаѣ г. Стороженко дѣлаетъ самыя страшныя натяжки: напримѣръ небольшой, жиденькій лѣсокъ по ту сторону Харькова онъ называетъ «тѣмъ великимъ боромъ, высокія сосны котораго *подпираютъ тучи*» (!) (стр. 88).

«Тотчасъ за Харьковомъ», говоритъ г. Стороженко, «начинается тотъ великій боръ, высокія сосны котораго подпираютъ тучи. Это Основа, гдѣ отецъ нашъ Квитка построилъ себѣ изъ своихъ повѣстей такой крѣпкій челнокъ, *на которомъ до скончанія вѣка будетъ плавать по плюшевой* (?) *рѣчкѣ Лѣтѣ*... Тутъ и вольная продажа водки, куда собирается по праздникамъ народъ потанцовать, попѣть и повеселиться такъ, что даже горе смѣется, *аже луна округи иде*... Ѣдешь бывало, смотришь, смотришь и не утерпишь, выдѣзешь изъ тарантаса и подойдешь *къ веселымъ товарищамъ* (гмъ!). Куда ни посмотри — все тебя чаруетъ, все манитъ (т. е. вольная продажа водки?), все улыбается. Кажется, какъ будто родная Украйна вышла тебѣ на встрѣчу: то взглянетъ она на тебя горячимъ солнцемъ, то обниметъ пахучею прохладою изъ темнаго лѣса, то заговоритъ пѣснею, то отзовется соловьемъ, жаворонкомъ, какъ будто играетъ съ тобою, нашептываетъ въ ухо горлицею, щекочетъ тихенькимъ вѣтеркомъ... Такъ тебѣ весело, такъ легко, какъ въ раю! Душа мѣетъ (!), сердце трепещетъ, какъ будто разго-

варивает съ тобою: *не разберешь, что оно говорит, а слушать — не наслушаешься...*» (стр. 88—89).

Переводя эту лирическую выходку со всевозможными напеваніями, млѣніями и трепетаніями на языкъ обыкновенныхъ смертныхъ, мы получимъ слѣдующее безхитростное, но за то правдивое описаніе. По ту сторону Харькова находится Основа, гдѣ жилъ когда-то Квитка и писалъ недурные разсказцы на малороссійскомъ языкѣ, что нисколько не помѣшало этимъ, предназначеннымъ для чтенія народа, разсказцамъ, утонуть въ Летѣ: народъ не читалъ ихъ по той простой причинѣ, что читать не умѣетъ. За Основою на нѣсколько верстъ тянется жиденькій сосновый лѣсъ: въ этомъ лѣсу стоитъ кабачокъ, который сильно чаруетъ преимущественно ремесленный и мастеровой классъ Харькова и *манитъ къ себѣ* огромныя толпы народа тѣмъ, что водка здѣсь продается нѣсколькими копѣйками дешевле, чѣмъ въ городѣ... Сюда-то по праздникамъ собираются отпѣтые пьяницы, мастеровые и солдаты съ извѣстнаго сорта женщинами, чтобы въ одинъ день пропить недѣльный заработокъ; часто къ недѣльному заработку прибавляется шапка, сапоги, армякъ, такъ что веселящійся субъектъ на другой день возвращается домой въ томъ, въ чемъ мать родила на свѣтъ... А между тѣмъ дома, гдѣ нибудь въ сырой конурѣ, жена сидитъ за безустанной, безплодной работой, а золотушныя дѣти плачутъ отъ холода и голода... Проѣзжать по этому мѣсту въ праздничные дни, особенно во время масляницы, не совсѣмъ-то безопасно; тѣмъ опаснѣе конечно подходить къ пьянымъ *веселымъ товарищамъ*. Сохранилось много разсказовъ о случаяхъ самаго дерзкаго грабежа, совершаемаго въ этомъ мѣстѣ веселыми товарищами.

Такъ похожа сочиненная и разукрашенная г-мъ Стороженко мѣстность на дѣйствительную, а потому только при подобнаго рода переводѣ и комментаріяхъ пресловутые его разсказы могутъ имѣть хотя нѣкоторый смыслъ. Но очевидно, что это уже будетъ не переводъ, а пересочиненіе. Самое содержаніе разсказовъ, кромѣ бѣдности и безцвѣтности, заключаетъ въ себѣ множество мотивовъ самаго подозрительнаго и грязнаго свойства. Приводимъ содержаніе нѣкоторыхъ разсказовъ.

У одного богатаго мужика была очень лѣнивая дочка, которую онъ выдалъ замужъ въ сосѣднюю деревню, взявши съ свекра обѣщаніе, что онъ не будетъ бить его дочь за лѣность. Свекоръ дѣйствительно не билъ ее, а пріучилъ ее къ работѣ тѣмъ, что не давалъ ей ничего ѣсть, если она ничего не дѣлала. Выводится нравоученіе: *учи лѣнивого не молотомъ, а голодомъ*.

Отецъ и мать такъ избаловали свою единственную дочь, что она

вышла замужъ за дурака для того, чтобы водить его за носъ и безпрепятственно дѣлать то, что вздумается. У дурака всякое дѣло изъ рукъ валится такъ, что они наконецъ совершенно обѣднѣли. Нравоученіе: *лучше злой, чѣмъ дуракъ!...*

У богатыхъ родителей былъ одинъ сынъ Павелъ. Родители не только не пріучали его ни къ какой работѣ, но даже не позволяли гулять, такъ что когда они умерли, сынъ ихъ былъ болваномъ и лѣнтяемъ первой руки. Хотя на основаніи предъидущаго разсказа авторъ вывелъ заключеніе, что лучше злой, чѣмъ дуракъ; но это нисколько не помѣшало ему въ настоящемъ разсказѣ доказать, что быть дуракомъ тоже имѣетъ свою пріятность. Дураку дѣйствительно сама судьба покровительствовала, и въ то время, какъ хозяйство другихъ терпѣло страшный ущербъ отъ неурожаевъ и падежей скота, хозяйство болвана процвѣтало. Однажды умные товарищи пригласили болвана, какъ счастливца, отправиться съ ними въ ночь подъ Ивановъ день искать кладъ; болванъ по лѣности отказался. Умные товарищи прогуляли всю ночь, клада не нашли, и когда возвращались домой, то, желая пошутить съ болваномъ, взяли на дорогѣ дохлую собаку и бросили ее къ нему въ избу. Эта дохлая собака оказалась кладомъ и когда ее бросили къ болвану въ окно, она разсыпалась по полу цѣлковыми. Выводъ: *если Богъ дастъ, то и въ окно подастъ.*

Запорожецъ, ночуя въ степи, увидѣлъ ночью въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя красиваго казака вмѣстѣ съ очаровательною пейзанкою. Изъ подслушаннаго разговора запорожецъ узналъ, что прекрасная пейзанка не кто иная, какъ вѣдьма, въ чемъ онъ окончательно убѣдился, когда очаровательная пейзанка начала раздѣваться и сняла съ себя даже рубашку. Моментъ этотъ описанъ г-мъ Стороженко мастерски:

«Когда взглянулъ на нее (голую пейзанку) запорожецъ, то даже жилки у него затряслись такъ, что когда потомъ бывало онъ начиналъ разсказывать объ этомъ, то даже причмокивалъ, даже «*очи ёму рогомъ лизли*» (шалунъ запорожецъ!). Мѣсяцъ какъ серебромъ окатилъ ея бѣлое тѣло, она стояла какъ выточенная. и чорная, какъ змѣя, коса обвивала ея чудный, тонкій станъ и достигала до *полныхъ* икръ. Повернулась спиною — еще красивѣе; только разсмотрѣлъ внимательно запорожецъ и увидѣлъ хвостикъ, «*невеличкій, та матери ёго бись-хвостикъ!*» (Шалунъ и г. Стороженко!).

Вообще г. Стороженко съ особенною любовію останавливается на подобныхъ скоромныхъ картинкахъ. Прекрасный казакъ оказывается также не казакомъ, а чортомъ, влюбленнымъ въ вѣдьму самою страстною любовью. Начинаетъ чортъ изъясняться въ любви, и хотя онъ не

болѣе какъ чортъ, но такъ какъ онъ говоритъ по малороссійски и слѣдовательно до нѣкоторой степени малороссъ, то объясняется онъ необыкновенно галантерейно, какъ будто отъ доски до доски изучилъ изданную въ Москвѣ книжонку: «Учтивыя привѣтствія и комплименты на разные случаи свѣтской жизни». Такъ въ поименованной книжонкѣ говорится, что учтивые, свѣтскіе кавалеры должны высказывать барышнямъ свою любовь въ такой формѣ: «съ той минуты, какъ я имѣлъ честь войти въ кругъ вашего знакомства, я сдѣлался истиннымъ почитателемъ вашихъ тѣлесныхъ, такъ равнымъ образомъ не менѣе того и душевныхъ преимуществъ. Я не могу говорить много: говоря съ вами, я забываю весь міръ... Могу ли я, обожаемая, назвать васъ своею въ полномъ смыслѣ этого слова?» и т. д. (стр. 51—52).

Почти подобнымъ же галантерейнымъ образомъ объясняется влюбленный чортъ-малороссъ у г. Стороженко.

— Зачѣмъ ты меня звалъ? спрашиваетъ вѣдьма.

— И ты спрашиваешь — зачѣмъ? проговорилъ чортъ.—Развѣ ты не знаешь, какъ я тебя люблю? безъ тебя мнѣ самый адъ не милъ...

— Вотъ зачѣмъ! Я давно это знала.

— Ахъ нѣтъ, не за тѣмъ... когда я увижу тебя, я не знаю, что говорю... Послушай, Дарья, милая Дарья... скажи мнѣ, хочешь ли ты быть моею?... Если бы ты любила меня въ тысячу разъ меньше, чѣмъ я тебя люблю, то... и т. д.

Однимъ словомъ, чортъ предлагаетъ прекрасной пейзанкѣ съ хвостикомъ, чтобы она принадлежала ему хоть въ теченіе десяти лѣтъ: она соглашается съ тѣмъ условіемъ, чтобы чортъ не препятствовалъ ей спасти свою душу. Чортъ соглашается и призываетъ запорожца быть свидѣтелемъ. Запорожецъ, на котораго пейзанка съ хвостикомъ произвела сильное впечатлѣніе, рѣшился выручить ее и надуть чорта. Онъ требуетъ, чтобы чортъ предварительно исполнилъ данное имъ вѣдьмѣ обѣщаніе, то есть помогъ ей спастись, и для этого предлагаетъ отвезти ее къ пустыннику въ Святыя Горы. Какъ ни виллялъ чортъ, но запорожецъ, какъ и слѣдовало ожидать, блистательно разбилъ чортовы аргументы, и они вмѣстѣ, то есть запорожецъ, чортъ и прекрасная пейзанка съ хвостикомъ, отправляются къ пустыннику въ Святыя Горы. По поводу названія Святыхъ Горъ, г. Стороженко дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: «святыми горами они называются потому, что тамъ съ древнѣйшихъ временъ христіанства спасались въ пещерахъ пустынники. Недавно госпожа Потемкина обновила одну церковь, высѣченную въ скалѣ, и монастырь. Пусть милосердный Богъ воздастъ ей за сіе то, что она желаетъ добрымъ людямъ. Для другой мало прибыли отъ такого желанія, а для нея достаточно!» (стр. 118).

Святогорскій пустынникъ съ особеннымъ удовольствіемъ принялъ къ себѣ прекрасную пейзанку съ хвостикомъ, назначилъ для спасенія ея пятилѣтній срокъ, а чорта превратилъ въ коня, на которомъ запорожецъ и уѣхалъ въ Сѣчь. Пять лѣтъ сражался запорожецъ съ татарами, постоянно побѣждалъ ихъ, а разъ поспорилъ, что въ Бахчисараѣ онъ плюнетъ въ глаза самому крымскому хану и, дѣйствительно, плюнулъ, сказавши при этомъ: «ты, ханъ, покойнаго чорта племянникъ, бусурманскій, анаѳемскій сынъ, триста тебѣ чертей въ животъ!» (стр. 124). По прошествіи пяти лѣтъ, запорожецъ отправился къ пустыннику и женился на спасенной имъ прекрасной пейзанкѣ, у которой при этомъ хвостикъ пропалъ, такъ что, говоритъ г. Стороженко, «какъ *внимательно ни присматривался* запорожецъ, но не нашелъ даже и мѣста, гдѣ прежде росъ хвостикъ!...»

И вотъ г. Стороженко, записавши подобный пошлый вздоръ, будто бы разсказанный ему старымъ дѣдомъ, прибавляетъ отъ себя съ уморительнѣйшимъ пафосомъ: «чтобы не развѣялся по свѣту этотъ фантастическій разсказъ дѣда, я записалъ его для монхъ земляковъ. Наша чудная украинская природа, нагрѣтая горячимъ полуденнымъ солнцемъ, навѣваетъ на душу сѣмена поэзіи и чаръ. Какъ сѣмя зрѣетъ на нивѣ и складывается въ копны и стоги, такъ и оно, это сѣмя, запавши въ сердце и думу, зрѣетъ словеснымъ колосомъ и слагается въ народные разсказы и легенды!...» Напрасно; а было бы гораздо лучше, если бы «развѣялся по свѣту этотъ *фантастическій* разсказъ дѣда» и всѣ подобныя ему «оповиданья».

Спрашивается: для кого сочинилъ и напечаталъ свои «Украинскіе разсказы» г. Стороженко? Для русскихъ они не имѣютъ никакого смысла уже потому, что въ нихъ нѣтъ ни одной характеристической черты, которая бы могла познакомить русскихъ съ незатѣйливымъ, но по своему сложившимся бытомъ малороссовъ, потому что въ нихъ рисуются не дѣйствительные малороссы, а выдуманные г. Стороженко, *сочиненные* имъ. А у насъ достаточно нашего самодѣльнаго вздора, написаннаго на родномъ языкѣ, которымъ желающіе и могутъ услаждаться всласть...

Замѣтимъ при этомъ, что г. Стороженко прекрасно владѣетъ малороссійскимъ языкомъ, и въ этомъ отношеніи ему принадлежитъ едва ли не первое мѣсто въ ряду нашихъ малороссійскихъ писателей. Онъ усвоилъ себѣ ту образность, пластичность языка, которая придаетъ такой оригинальный колоритъ рѣчи малоросса и дѣлаетъ ее собственно малороссійскою рѣчью, а не русскою, въ которой русскія слова замѣнены только малороссійскими. Но и въ этомъ отношеніи г. Стороженко часто черезчуръ манерничаетъ...

«Украинскіе разсказы» авторъ посвящаетъ милымъ землякамъ. Но не хорошо милымъ землякамъ, имѣющимъ нужду въ самыхъ элементарныхъ знаніяхъ и желающимъ вычитать это на родномъ языкѣ, предлагать пошлыя побасенки и картинки самаго двусмысленнаго свойства. Это значитъ подрывать пробуждающуюся въ малороссахъ охоту къ чтенію и рѣшительно противодѣйствовать тѣмъ замѣтнымъ результатамъ, къ какимъ привели дешевыя изданія поэтическихъ пѣсней и думокъ «батьки-Тараса», Марка Вовчка и т. п. Мы утѣшаемъ себя только тѣмъ, что по причинѣ дороговизны «Украинскихъ разсказовъ» (они стоятъ 1 р. 50 к.), немногіе изъ земляковъ г. Стороженко прочтутъ ихъ.

На этомъ мы можемъ покончить съ «Украинскими разсказами». Мы остановились на нихъ долѣе, чѣмъ сколько они заслуживаютъ по своему ничтожеству, и сдѣлали это потому, что уважаемъ то честное дѣло, которое такъ профанируетъ и которому такъ вредитъ г. Стороженко своимъ назойливымъ сочувствіемъ.

Курсъ международнаго права, профессора г. Каченовскаго, книга 1. Харьковъ. 1863.

Книга г. Каченовскаго появляется какъ нельзя болѣе кстати. Въ то время, когда деруться въ Америкѣ, Европѣ и Азіи, конечно, самое удобное доказывать пользу, приносимую международнымъ правовѣдѣніемъ для водворенія мира между государствами; у каждаго подъ рукой готовые факты, которыми можно повѣрить заслуги науки и убѣдиться, что польза была въ самомъ дѣлѣ значительная.

Такое замѣчаніе дѣлаемъ мы не безъ нѣкоторыхъ особыхъ основаній. Еще за два вѣка до нашего времени, одинъ голландскій юристъ жаловался, что въ юриспруденціи завелись ученые кондотьери, благодаря которымъ, знаніе одинаково почтенное и полезное сдѣлалось предметомъ общаго посмѣянія. Г. Каченовскій, подобно голландскому ученому, жаловался недавно на такое же пѣздничество и въ нашей литературѣ, высказывая необходимость поддержать довѣріе къ юриспруденціи. Вотъ почему намъ показалось, что почтенный профессоръ не совсѣмъ удачно выбралъ, во первыхъ, международное право, какъ предметъ для защиты ученаго достоинства юриспруденціи, и во вторыхъ, самое время доказывать пользу этого отдѣла науки. Во всякомъ случаѣ цѣль у г. Каченовскаго была весьма похвальная; остается разузнать только, какъ онъ ее понялъ, и что сдѣлалъ для ея выполненія.

Что касается недовольства г. Каченовскаго нѣкоторыми писате-

лиши и вообще тѣмъ слабымъ почетомъ, которымъ пользуются юристы въ русскомъ обществѣ, то оно, я думаю, извѣстно читателю уже изъ другихъ недавнихъ трудовъ почтеннаго профессора. Не довольствуясь однако тѣмъ, что этому предмету было имъ посвящено цѣлое особое сочиненіе, выходящее отдѣльными выпусками, подъ заглавіемъ: «Взглядъ на состояніе политическихъ наукъ», авторъ посвящаетъ тому же предмету и цѣлое вступленіе въ настоящемъ трудѣ, да кромѣ того безпрестанно вспоминаетъ о недоброжелателяхъ юриспруденціи и въ самомъ изложеніи курса, такъ что если выкинуть изъ книги эту постороннюю примѣсь, то содержаніе ея окажется очень невелико. Не смотря на то, его будетъ все-таки слишкомъ достаточно для того, чтобы получить понятіе о томъ, какъ понимаетъ г. Каченовскій свою роль ученаго защитника науки.

Мы, конечно, постараемся обратить вниманіе лишь на эту малую чисто научную сторону книги; но какъ въ самой книгѣ читатель не можетъ добраться до этого содержанія сразу, а долженъ пробиваться до него черезъ цѣлый лабиринтъ литературнаго краснорѣчія, состоящій изъ длиннаго вступленія двухъ лекцій, прочтенныхъ въ харьковскомъ университетѣ на тему *«я ѣздилъ за границу съ цѣлью политическаго образованія»*, то мы не можемъ все-таки не сказать о немъ нашего мнѣнія, хотя въ общихъ чертахъ, потому что оно дастъ несомнѣнно понятіе о писателѣ. Да не подумаетъ г. Каченовскій, что мы хотимъ ставить ему все это въ укоръ. Нѣтъ, намъ въ немъ положительно нравится смѣлый походъ противъ отрицателей, нравится, какъ онъ самъ убѣдится, гораздо болѣе тѣхъ мѣстъ, гдѣ онъ является просто какъ ученый и начинаетъ рѣшать вопросы чисто-научнаго свойства. Нравится онъ намъ потому, что мы видимъ тутъ явный избытокъ слѣпаго довѣрія и безотчетной привязанности къ наукѣ надъ холодной силой критики, видимъ, словомъ, любовь къ искусству. А всякій знаетъ, что это-то и есть настоящее отношеніе къ наукѣ, когда человѣкъ относится къ ней не разсудкомъ, а другой какой нибудь частью тѣла. Если же мы не останавливаемся подробнѣе на его іереміадахъ о научной проституціи, то только потому, что довѣріе къ наукѣ, какъ намъ кажется, не можетъ быть возстановлено іереміадами, а только указаніемъ въ ней положительнаго и полезнаго содержанія.

Въ этихъ видахъ мы и станемъ прямо искать у г. Каченовскаго этого содержанія. Укоряя съ первыхъ страницъ русское общество въ невѣжествѣ по части международнаго правовѣдѣнія, г. Каченовскій упрекаетъ нашихъ ученыхъ въ плутовствѣ, выражаясь вотъ какъ: «есть способъ быстро двигать науку впередъ, очень питательный для самолюбія и ослѣпительный для невѣжества. Искусство пробавляться

чужими трудами и выдавать ихъ за собственные давно достигло въ Россіи высокаго совершенства».

«Литературное похищеніе, crimen plagii (латинскій терминъ вставленъ видимо потому, что иначе русскій читатель не понялъ бы, въ чемъ дѣло), у насъ не считается предосудительнымъ. На западѣ пишутъ много хорошихъ книгъ (?): этимъ матеріаломъ наши ученые и неученые мужи безпощадно пользуются, съ невинной цѣлью составить себѣ имя и значеніе. Инымъ это совершенно удается». Ну, а инымъ конечно нѣтъ. Вотъ самъ г. Каченовскій безпощадно преподаетъ Моля въ русскомъ переводѣ, въ своемъ «Взглядѣ на состояніе политическихъ наукъ», но удается ли ему это, не знаемъ. «Къ сожалѣнію, продолжаетъ авторъ, книги, издаваемыя европейскими юристами не совсѣмъ приноровлены къ нашимъ потребностямъ и понятіямъ. Наука международнаго права излагается въ нихъ строго и сухо, въ формѣ непривлекательной для русскаго читателя. Что дѣлать! гдѣ юриспруденція развита, тамъ она похожа на математику, и получаетъ вкусъ безъ приправы».

Послѣ такого вступленія, мы ждемъ двухъ вещей: что г. Каченовскій, презирая crimen plagii, оставитъ въ сторонѣ чужихъ ученыхъ и выскажетъ самостоятельный, ни у кого не заимствованный взглядъ на науку, это первое, и второе, что онъ изложитъ дѣло въ сухой, но математически ясной формѣ.

Но что касается формы, то у почтеннаго профессора сейчасъ же оказывается путаница.

Едва высказавъ свое предпочтеніе къ математической формѣ, онъ начинаетъ объяснять, что наука должна излагаться общепонятнымъ языкомъ, и возмущается противъ педантовъ, которые пишутъ юридическія книги темнымъ математическимъ языкомъ.

«Авторъ всегда думалъ, говоритъ онъ, что закрывать науку отъ «общества есть смѣшное и вредное стремленіе; ничто такъ не губитъ «науки, какъ педантизмъ, напрасно закрываетъ онъ себя мракомъ «техническихъ фразъ и недоступной мудрости. Къ счастію, у насъ на «Руси не имѣютъ успѣха темныя книги. Каждый просвѣщенный че«ловѣкъ считаетъ себя вправѣ интересоваться тѣмъ, что читается и «пишется въ университетахъ. Дай Богъ, чтобы такъ было всегда. Мы «будемъ, по крайней мѣрѣ, спасены отъ владычества педантовъ». А вслѣдъ за тѣмъ вотъ что:

«Но нужно согласиться, что современная публика имѣетъ противъ «серьезныхъ книгъ странныя предубѣжденія. Она считаетъ всякій «систематическій трудъ за сухой и безплодный, ей хочется, чтобъ «наука потрясала нервы и т. д.; поддерживать такой взглядъ, зна«читъ профанировать науку».

Опять, стало быть, то слава Богу, что всякій просвѣщенный человѣкъ считаетъ себя вправѣ интересоваться тѣмъ, что читается въ университетахъ, то вкусы публики таковы, что удовлетворить имъ нельзя, не профанируя науки. Что же наконецъ, нужна общедоступность изложенія, или нужна математика безъ приправъ? Пока, г. Каченовскій отвѣчаетъ въ перемежку: нужна, нѣтъ, а потомъ опять нужна, и опять нѣтъ.

Наконецъ г. Каченовскій объясняетъ, что курсъ будетъ изложенъ общепонятно.

Ну, слава Богу; и мы должны быть вполнѣ довольны обѣщаніемъ Каченовскаго: съ одной стороны онъ презираетъ заимствованія и, стало быть, изложитъ взглядъ на дѣло, ни у кого не заимствованный, съ другой, изложитъ его въ общедоступной формѣ.

Посмотримъ же, въ чемъ состоитъ самостоятельность и общепонятность въ наукѣ, по мнѣнію г. Каченовскаго.

Что касается сухой математической манеры, то мы ее знаемъ. Эта манера схоластическая, исчезнувшая изъ всѣхъ другихъ отдѣловъ знанія, потому что всѣ другія науки выработали болѣе или менѣе запасъ положительныхъ свѣдѣній, и уцѣлѣвшая въ юриспруденціи, потому что послѣдняя не выработала ни одной новой истины со временъ Наполеона, а съ чѣмъ была, съ тѣмъ и осталась. Положительное содержаніе науки составляетъ здѣсь обыкновенно изложеніе дѣйствующихъ законовъ; затѣмъ къ такому изложенію прибавляется вступительный отдѣлъ подъ названіемъ общей части,—тутъ-то преимущественно и свирѣпствуетъ схоластика.

Дѣло обыкновенно начинается съ опредѣленія науки на подобіе слѣдующаго: «право есть нравственный порядокъ живыхъ существъ», или: «государство есть идея добра, достигшая до сознанія самой себя». Затѣмъ идутъ отдѣлы: *субъекты права*, — ну, это обыкновенно лица, физическія и юридическія X; *объекты права*, — это вещи, лица и дѣйствія; *источники права*, — законъ написанный въ сердцѣ, обычай и законъ, написанный въ кодексѣ. Отвѣтивъ на такія темы, т. е. придумавъ опредѣленія и особливо отыскавъ источники, юристъ и считаетъ обыкновенно, что возвелъ свой предметъ въ науку. Само собой разумѣется, что такимъ способомъ можно въ одинъ присѣстъ создать науку для чего угодно, ибо вѣдь и сапожное мастерство есть порядокъ живыхъ существъ, сапоги добро, надѣтое на ноги, субъекты сапожнаго мастерства суть ноги, объекты — сапоги, источники — кожа.

Достоинства этой математико-юридической системы очевидны: это — ясность изложенія и богатство новыхъ свѣдѣній, сообщаемыхъ учащемуся. Очевидно также, чѣмъ отличается понятіе о наукѣ, по мнѣнію юристовъ, отъ общепринятаго. По общему мнѣнію, наука выяс-

нѣтъ общіе законы, по которымъ строятся явленія; наука юристовъ только приводитъ въ систему эмпирическій матеріалъ, она представляетъ только сборъ фактовъ, или частныхъ случаевъ, которые тѣмъ не менѣе выдаетъ за общіе раціональные принципы. Поэтому-то все ученое затрудненіе юриспруденціи состоитъ въ томъ, чтобы отыскать источники; разъ есть источникъ, т. е. кодексъ, и наука въ силѣ. Вотъ другое дѣло, когда трудно отыскать источники или тѣ, которые отыскиваютъ, ненадежны, какъ, напримѣръ, въ международномъ правѣ: тутъ уже сами юристы начинаютъ спорить о существованіи науки. Отсюда, что касается въ частности международнаго права, здѣсь присоединяется еще одна особенность, не касающаяся другихъ отдѣловъ права. Это расколъ въ самомъ станѣ юристовъ относительно взглядовъ на международное право, какъ на науку. Если никто изъ юристовъ не отвергаетъ существованія гражданскаго или государственнаго права, какъ науки, то существованіе науки международнаго права положительно отвергается весьма громкими юридическими авторитетами, и прежде всего, напримѣръ, Савинья. Вотъ приблизительно то, что мы встрѣчаемъ въ чужихъ хорошихъ книгахъ, которыхъ пишется много на западѣ, и чего не должны встрѣтить у г. Каченовскаго, хотя онъ и называетъ эти книги хорошими.

Независимость г. Каченовскаго отъ указанной схоластической манеры и ясность изложенія дѣйствительно чувствуются съ самаго начала, т. е. съ опредѣленія предмета; опредѣленіе это вотъ какого сорта: «Международное право, говоритъ профессоръ, есть законъ мира и гармоніи, а не безплодное ученіе космополитовъ; конечная цѣль его въ томъ, чтобы оградить подъ знаменемъ разума и справедливости союзъ государствъ, обезпечить свободу и спокойствіе человѣчества отъ посягательствъ и устроить на прочныхъ основаніяхъ всемірно-гражданскій оборотъ. Оно не вторгается во внутреннюю жизнь государствъ, не вредитъ ихъ автономіи, не мѣшаетъ общественной власти исполнять ея обязанности, не трогаетъ отношеній правительства къ подданнымъ. Оно только учитъ уважать всемірный порядокъ, потому что провозглашаетъ законъ солидарности или взаимной зависимости и отвѣтственности государствъ; кто находитъ это ученіе вреднымъ, пусть броситъ камень въ науку; кто считаетъ его мечтою, пусть позволитъ другимъ думать иначе.»

Ну, а не бросая камня въ науку, нельзя не спросить г. Каченовскаго объяснить, чѣмъ же отличается въ такомъ случаѣ международное право отъ ученія космополитовъ? Вѣдь и послѣднее также законъ міра и гармоніи, а не безплодное ученіе некосмополитовъ; конечная цѣль его въ томъ, чтобы оградить подъ знаменемъ разума и справедливости всемірно-гражданскій оборотъ; оно также учитъ уважать всемірный

порядокъ, потому провозглашаетъ законъ солидарности государствъ. Чѣмъ отличается международное право отъ философіи или матафизики права? потому что и послѣдняя также есть законъ мира и гармоніи, и конечная цѣль ея также въ томъ, чтобы подъ знаменемъ разума и справедливости обезпечить всемірный оборотъ, она также провозглашаетъ солидарность государствъ и не мѣшается въ ихъ автономію. Что же пишетъ г. Каченовскій — международное право, ученіе космополитовъ или метафизику; почему думаетъ онъ, что опредѣлилъ именно международное право?

Послѣ такого блистательнаго начала, которое знакомитъ уже отчасти съ самостоятельностью г. Каченовскаго, профессоръ доказываетъ существованіе науки международнаго права: этимъ собственно занята вся вышедшая часть. Доказательство это происходитъ въ десяти отдѣльныхъ параграфахъ, исполненныхъ безконечными повтореніями и порядочнымъ наборомъ словъ.

Сущность пріема, которымъ профессоръ старается возвести международное право въ науку, заключается именно въ томъ, чтобы доказать, что у него могутъ быть субъекты, источники и потому санкція,—пріемъ, какъ видите, совершенно новый.

Изъ первыхъ параграфовъ мы узнаемъ, что на свѣтѣ есть отдѣльныя политическія единицы, называемыя государствами. Это конечно очень важно, но что же отсюда? А вотъ что: эти-то единицы, открываетъ авторъ, и суть субъекты международнаго права; далѣе, такими же субъектами бываютъ иногда посольства и даже иногда и частныя лица; вотъ, стало быть, международное право и имѣетъ уже одинъ аттрибутъ для того, чтобы назваться наукой.

Недостаетъ только другаго, т. е. источниковъ и санкціи. Тутъ-то вотъ юристы и спорятъ. Одни утверждаютъ, что международное право можетъ имѣть одинъ только источникъ—это произволъ, а потому нечего объ немъ много и разговаривать. Г. Каченовскій говоритъ: нѣтъ, оно имѣетъ источники положительные: во первыхъ, трактаты, — но это еще не важный источникъ,—во вторыхъ, обычаи, но и это не главное, а главный источникъ вотъ какого рода:

«Есть начала, соблюдаемыя всѣми государствами, принадлежащими къ международному союзу, безспорно и неизмѣнно. *Они могутъ быть выражены юридическими аксіомами и дѣйствуютъ какъ высшій не писанный, а сознанный законъ совмѣстной жизни человѣчества.* Авторитетъ этихъ началъ опирается на разумъ и опытъ: отречься отъ нихъ, значитъ отказаться отъ общества или вступить въ борьбу съ цѣлымъ міромъ». «Они называются у Гроція jus ab ipsa natura». Хорошо. Какъ они тамъ называются у Гроція или у другихъ, это намъ все равно; намъ нужно знать, чтожъ это именно за аксіомы; вы бы ихъ указали, г.

Каченовскій, тогда бы каждый убѣдился, что ваша наука строится на положительныхъ истинахъ, и никто не сталъ бы съ вами болѣе спорить о существованіи международнаго права. Но г. Каченовскій думаетъ иначе, онъ думаетъ: «будетъ и того съ васъ, а я лучше стану разговаривать прямо съ государствами и пристращаю ихъ своимъ jus ab ipsa natura, конечно въ предѣлахъ благонамѣренности».

«Теперь уже трудно указать государство, объясняетъ онъ, которое бы строило свое благосостояніе на систематическихъ преступленіяхъ противъ другихъ независимыхъ обществъ; еще труднѣе найти правительство, которое бы рѣшилось давать обѣщанія и подписывать трактаты съ явнымъ злобнымъ намѣреніемъ ихъ нарушить». Сказалъ это, прибавляетъ Каченовскій, одинъ извѣстный дипломатъ. «Но если бы даже государства и правительства жили исключительно подъ владычествомъ своекорыстія, они не въ силахъ бы ли бы остановить и совершенно поколебать убѣжденій и законовъ, на основаніи которыхъ развивается общежитіе. Между народное правоимѣетъ свои независимыя, такъ сказать, естественныя опоры. *Означертано природою въ совѣсти человѣчества,* проявляется само собою при сношеніяхъ и вырабатывается больше всего силою обстоятельствъ, по мѣрѣ успѣховъ гражданственности. Общественныя свойства и наклонности людей до того крѣпки, что всякая попытка истребить ихъ встрѣчаетъ отпоръ и не проходитъ безнаказанно. Въ новыхъ началахъ международнаго порядка обнаруживается дѣйствіе *того нравственнаго закона, которому подчиняются всѣ союзы и учрежденія, который невидимо торжествуетъ надъ произволомъ.* Сильные земли могутъ презирать этотъ законъ, но не имѣютъ надъ нимъ господства. Онъ стираетъ съ лица земли даже цѣлые народы».

Такимъ образомъ ваше любопытство растетъ: что это за законъ, спрашиваете вы, который стираетъ съ лица земли цѣлые народы, мстя за международное право; вы думаете, что Каченовскій такъ вотъ сей-часъ и скажетъ.

«Кто хочетъ убѣдится въ этомъ, говоритъ Каченовскій, пусть прочтетъ внимательно исторію завоеваній и разрушительныхъ замысловъ противъ человѣчества и международнаго права».

Конечно, можно было бы замѣтить, что это уже было дѣло самого г. Каченовскаго—прочесть изъ исторіи, что онъ находилъ нужнымъ, и что отсылать къ ней читателя не есть вовсе способъ доказательства, потому что вѣдь не всякій читатель можетъ вычитать изъ исторіи то, чего, можетъ быть, хочется г. Каченовскому. Мы вотъ читаемъ внимательно всю исторію и не находимъ ни одного государства, основаннаго и развивавшагося помимо разрушительныхъ замысловъ и нарушенія международнаго мира; видимъ, что всякая новая полити-

ческая сила развивается на развалинахъ старой, и потому намъ кажется не много странно, что въ то время, когда мы окружены кругомъ войной на двухъ полушаріяхъ, г. Каченовскій предлагаетъ намъ искать среди историческихъ фактовъ какого-то закона, который стираетъ съ лица земли народы, дерзающіе нарушать миръ. Не смотря на то, послѣ такого приглашенія читателя обратиться къ исторіи, г. Каченовскій считаетъ себя вправѣ уже прямо объявить истину «*горькую для самовластія и утѣшительную для человѣчества*».

«Высшая санкція международнаго права, говоритъ онъ, не есть война, или произволъ; право это въ послѣдней инстанціи охраняется самою *природою, которая создала на землѣ разныя поколѣнія для самостоятельнаго развитія и свободнаго общенія между собою* (!)».

Что хотѣлъ сказать г. Каченовскій этими послѣдними словами и какимъ образомъ санкція, по просту объясненіе международнаго права, можетъ заключаться въ томъ, что природа создала различныя поколѣнія,—постичь этого нѣтъ уже никакой возможности; здѣсь просто нѣтъ грамматическаго смысла. Чего добраго, можетъ быть, оно такъ и нужно для популярнаго изложенія.

Такъ мы и не узнаемъ, на какомъ положительномъ основаніи зиждется международное право; г. Каченовскій повторяетъ намъ одно, что право это охраняется самой природою. Мало ли что, г. профессоръ, охраняется самой природою; вотъ и законъ физіологической жизни также охраняется самой природою, однако же вы не станете увѣрять, что можно создать науку физіологіи на одномъ такомъ остроумномъ предположеніи; и алхимія также увѣряла, что секретъ дѣлать золото написанъ въ природѣ. Чтожь, это была наука по вашему?

Однако же читателю нужно знать хотя приблизительно, что это за источникъ, въ которомъ профессоръ находитъ *санкцію* международнаго права, ибо въ этомъ весь вопросъ, вопросъ жизни или смерти для науки международнаго права, и такой же вопросъ для книжки г. Каченовскаго. Что же это за источникъ?

Въ одномъ мѣстѣ г. Каченовскій какъ будто приподымаетъ край таинственной завѣсы, указывая, что сами римляне предугадывали этотъ источникъ, разумѣя подъ нимъ jus gentium. Подъ этимъ названіемъ римляне дѣйствительно разумѣли право общечеловѣческое, т. е. признаваемое у всѣхъ народовъ, и такъ, казалось бы, вотъ въ чемъ и весь секретъ; но опять на г. Каченовскаго нельзя такъ легко полагаться. То, что онъ сказалъ на одной страницѣ, онъ готовъ тутъ же опровергнуть, и въ настоящемъ случаѣ оно такъ и есть.

«Ошибочныя понятія, говоритъ онъ, о правѣ международномъ происходятъ еще отъ неправильнаго толкованія и примѣненія къ на-

шему времени римскаго jus gentium. Нѣкоторые публицисты употребляли это слово для обозначенія права международнаго, не замѣчая того, что римское и европейское jus gentium имѣютъ мало общаго. Въ наше время смѣшеніе это устранено; и jus gentium sensu moderno строго отличается отъ jus gentium sensu antiquo». Опять латинскія выраженія! Г. Каченовскій лучше бы писалъ уже всю книгу по латыни: можетъ быть, она тогда была бы понятнѣе.

И такъ, стало быть, источникъ, котораго мы ищемъ, не есть jus gentium. Положимъ на этомъ, тѣмъ болѣе, что подъ рукой есть еще одинъ источникъ, весьма подходящій къ тому, о которомъ говоритъ г. Каченовскій. Была, какъ извѣстно, въ Европѣ наука, называемая схоластикой, и былъ писатель, называвшійся Ѳомой Аквинатомъ; источникомъ всего права и верховной санкціей его служило по этой наукѣ и у названнаго писателя предположеніе о законѣ, написанномъ самой природой въ сердцѣ человѣка. До грѣхопаденія, законъ этотъ былъ написанъ совершенно ясно, и человѣкъ слѣдовалъ ему неизмѣнно, но послѣ того онъ потемнился и явились правонарушенія, почему люди и стали нуждаться въ писанномъ откровеніи. Во всякомъ случаѣ этотъ законъ, написанный въ сердцѣ, хотя и въ потемнѣвшемъ видѣ, остался для человѣка верховнымъ источникомъ права. Вотъ въ этомъ-то законѣ, если хотите знать правду, находитъ и г. Каченовскій свой верховный источникъ и санкцію международнаго права. Перечтя еще разъ со вниманіемъ то, что говоритъ г. Каченовскій объ этомъ источникѣ, вы уже не усумнитесь въ этомъ, ибо авторъ говоритъ прямо, что его источникъ «*дѣйствуетъ какъ высшій не писанный, а созданный законъ совмѣстной жизни человѣчества*» а въ другомъ мѣстѣ, «*что законъ этотъ начертанъ природою въ совѣсти людей*» т. е. слово въ слово такъ, какъ у схоластиковъ. Отсюда, г. Каченовскій послѣдователь Ѳомы Аквината, и его crimen plagii относится къ хорошей книгѣ, написанной съ математической ясностью, безъ всякихъ приправъ, чуть ли не во время переселенія народовъ. Ну, а какимъ образомъ къ сердечной санкціи примѣшалось здѣсь то обстоятельство, что природа создала различныя поколѣнія, этого конечно мы уже не разберемъ.

Во всякомъ случаѣ вы видите, что наука международнаго права утверждена теперь г. Каченовскимъ на прочномъ и совершенно новомъ, а главное, удобопонятномъ основаніи.

Затѣмъ остается спросить еще у г. Каченовскаго, какимъ ближайшимъ порядкомъ этотъ законъ, написанный въ сердцѣ, осуществитъ себя на землѣ прочнымъ миромъ?

Конечно, и тутъ профессоръ, по своему обыкновенію, скажетъ на

одной страницѣ одно, а на другой другое, но мы довольны и тѣмъ уже, что онъ попробуетъ сказать, ибо согласитесь, что рѣшать подобный вопросъ, отправляясь отъ Ѳомы Аквината, дѣло вовсе не легкое. Средневѣковая школа, къ которой принадлежитъ г. Каченовскій, отвѣчала на этотъ вопросъ, какъ извѣстно: что война есть наказаніе за грѣхопаденіе, и потому должна длиться вѣчно.

Серьезные ученые, замѣняющіе эту школу въ нашемъ обществѣ, поставили вопросъ немного иначе и, какъ извѣстно, недавно рѣшили, что балансъ Европы едва ли не можетъ утвердиться на національномъ началѣ. Такъ точно говоритъ и г. Каченовскій (на страницѣ LIX): «Государства обширныя будутъ построены на началѣ равноправія народности. Это начало, какъ естественный законъ, торжествуетъ надъ искусственными и временными политическими сочетаніями. Оно не можетъ быть подорвано никакими теоріями; сопротивляться ему безполезно». А на страницѣ 112 г. Каченовскій предложитъ самъ теорію для опроверженія этого начала, и самъ станетъ ему сопротивляться.

«Опытъ показываетъ, скажетъ онъ, что начало народности не есть исключительное начало: на практикѣ нельзя часто ему слѣдовать со всей строгостью. Во времена невѣжества, разноплеменныя искусственныя государства были обыкновеннымъ явленіемъ; они даже принесли пользу человѣчеству, потому что сгладили слѣды глубокой ненависти между народами и познакомили ихъ между собою. И съ распространеніемъ образованія далеко не вездѣ достигается естественное устройство государствъ»...

Въ подобныхъ обстоятельствахъ федерація есть одно изъ вѣрныхъ средствъ достигнуть порядка.

«Нужно только, чтобы народы были достаточно развиты и приготовлены къ этой формѣ общежитія...»

«Кромѣ федераціи есть другіе способы соединенія народностей на безобидныхъ и выгодныхъ условіяхъ. Онѣ могутъ составить сложное государство, т. е. признать одно правительство съ сохраненіемъ отдѣльнаго политическаго и гражданскаго устройства. Даже война не всегда влечетъ за собой полное порабощеніе завоеванныхъ племенъ. Благодаря этимъ условіямъ, національныя различія уцѣлѣли во многихъ государствахъ. Вообще, сліяніе народностей на западѣ зависѣло болѣе отъ экономическихъ и *политическихъ* (?) интересовъ, чѣмъ отъ грубаго насилія (?)».

«Наконецъ (это «наконецъ» и есть главное), мы видимъ въ исторіи, что энергическіе и многочисленные народы имѣютъ свойство поглощать и ассимилировать мелкія сосѣднія племена, дѣйствуя на

нихъ, такъ сказать, нравственною (!) силою или вліяніемъ своей гражданственности (! замѣтьте это: такъ сказать). Если эти племена лишены политической оригинальности (!), невѣжественны или склонны къ апатіи, подобное вліяніе для нихъ благодѣтельно и полезно. Никто напримѣръ не будетъ отрицать, что жители княжества Уэльскаго и горные шотландцы выиграли отъ соединенія съ англичанами, а бретоны и провансальцы отъ соединенія съ французами. (Ну, а американскіе индѣйцы выиграли отъ покоренія ихъ европейцами!)»

Теперь по крайней мѣрѣ ясно, какимъ практическимъ порядкомъ имѣетъ осуществиться, согласно г. Каченовскому, верховный источникъ международнаго мира. Ясно, что законъ совѣсти осуществляется ближайшимъ путемъ, хотя и не всегда, но все-таки осуществляется черезъ ассимилированіе, а затѣмъ, стало быть, и санкціей международнаго права у самаго г. Каченовскаго должно оказаться не что другое, какъ война. Въ суммѣ стало быть и здѣсь выходитъ у автора два мнѣнія: то международное право охраняется какимъ-то верховнымъ закономъ и, слѣд., оно есть, то настоящія международныя отношенія устроиваются войной, и, слѣд., международнаго права нѣтъ.

Какъ же это такъ, г. Каченовскій? Тутъ кишатъ событія, нужно рѣшать разные вопросы, мы думали узнать отъ васъ, что скажетъ объ нихъ наука; на васъ была вся надежда, вы ѣздили за границу «съ цѣлью политическаго образованія», какъ вы выражаетесь; и вы отвѣчаете: можно такъ и такъ, можно ассимилировать, можно федерировать, да еще ссылаетесь на то, *что природа создала различныя поколѣнія*. Помилуйте, какія поколѣнія станутъ уважать такую науку?

Показавъ безспорно, что онъ любитъ науку, авторъ наконецъ доводитъ свою самостоятельность до того, что рѣшается полемизировать съ Прудономъ. Эта полемика прелестна, мы ее и приводимъ почти цѣликомъ.

«Вопросъ о мирѣ и войнѣ снова былъ поднятъ недавно Прудономъ, пишетъ авторъ. Сочиненіе знаменитаго софиста объ этомъ предметѣ стоитъ далеко ниже прежнихъ его сочиненій. Остроумный наблюдатель экономическихъ законовъ высказываетъ здѣсь почти на каждомъ шагу слабость и шаткость своихъ парадоксовъ. Международная жизнь ему мало знакома (ну, конечно гдѣ же ему до васъ!). Онъ смотритъ на нее, какъ односторонній человѣкъ. Говоря безпристрастно, сочиненіе Прудона даже не заслуживаетъ серьезнаго разбора. Въ первомъ томѣ онъ старается доказать, что война есть религія народовъ, что всякое стремленіе публицистовъ обуздать эту естественную наклонность ни къ чему не ведетъ; во второмъ, что война есть порожденіе пауперизма, и съ нимъ должна исчезнуть.

«Право силы или, выражаясь яснѣе, право насилія Прудонъ считаетъ законнымъ и подводитъ подъ одну категорію съ правомъ любви (?), ума (?) и труда (?). Всѣ эти выраженія не имѣютъ опредѣленнаго юридическаго смысла (ну, а вашъ всемірный оборотъ, или всемірная гармонія имѣютъ опредѣленный смыслъ?). Человѣчество смотритъ на войну, какъ на средство самозащищенія; война была признана за религіозную догму только магометанами и полудикими племенами.

«Не понятно также, какое право имѣетъ сила, и гдѣ границы этого права. Прудонъ увѣряетъ, будто бы на немъ исключительно основано семейство, потому что мужчина сильнѣе женщины, а отецъ сильнѣе дѣтей (а вы думаете, что нѣтъ?). Если такъ, то съ Прудономъ напрасно спорить. Противъ него говоритъ не только общее убѣжденіе, но и опытъ (особенно опытъ)».

«Мы не можемъ также согласиться, что война есть порожденіе пауперизма; скорѣе справедливо то, что пауперизмъ есть порожденіе войны (да вы полно понимаете ли, о какой войнѣ говоритъ Прудонъ?). Мы часто видимъ напр., что богатые народы не теряютъ способности къ военнымъ предпріятіямъ; но не видимъ теперь ни одного общества, которое было бы обязано своимъ богатствомъ войнѣ. Вообще, война не хорошее средство нажиться (ого!), добыча не замѣняетъ труда, не даетъ людямъ довольства; захваченная въ руки насильственно или случайно, она такъ же легко можетъ быть взята назадъ (попробуйте). Далѣе Прудонъ думаетъ, что война будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока существуетъ неравенство въ имуществахъ. Отсюда, по видимому, слѣдуетъ, что миръ — недостижимая мечта» (Отчего же это слѣдуетъ? послѣдняго мы никакъ не понимаемъ).

Ну, а что, если международный вопросъ можетъ найти свое разрѣшеніе только въ имущественномъ? Мы бы вамъ посовѣтовали, вмѣсто того, чѣмъ дергать цитаты у Гроція, признаться этимъ послѣднимъ вопросомъ, хотя бы для того, чтобы хорошенько разсказать Прудона, а то — стыдно сказать — вѣдь всякій изъ вашихъ слушателей пойметъ, что у Прудона вовсе не то написано, что вы изъ него вычитали.

Въ суммѣ, г. Каченовскій доказалъ своей книгой одно, что онъ любитъ науку. Такъ и слѣдуетъ—любите науку, г. Каченовскій, и развивайте такую же любовь въ вашихъ слушателяхъ; а въ доказательство того, какъ это полезно въ практическомъ отношеніи, прочтите слѣдующій разсчетъ.

Въ Россіи существуетъ десять юридическихъ факультетовъ; по числу учащихся, эти факультеты самые многочисленные.

Въ каждомъ изъ нихъ имѣется столько-то профессоровъ и чиновниковъ. Какъ студенты, такъ и профессора и чиновники исключительно занимаются служеніемъ наукѣ; стало быть, сколько профессоровъ и студентовъ, столько рукъ, отнятыхъ у труда. Каждый изъ нихъ проживаетъ при этомъ извѣстную сумму денегъ, сосчитайте теперь общую сумму, которая проживается ради юридической науки, и поймите, что мало еще утѣшенія въ томъ, что вы будете любить науку, а нужно, чтобы ваше дѣло приносило нѣчто болѣе путное; иначе изъ какого же разсчета хотите вы жить на чужой счетъ? Вотъ что преимущественно памятуйте, любя науку...

ПОЛИТИКА.

СОБЫТІЯ ВЪ ГРЕЦІИ СЪ НАЧАЛА РЕВОЛЮЦІИ (ОКТЯБРЬ 1862) ДО НАСТОЯЩАГО ВРЕМЕНИ. — ЧЕМУ СЛѢДУЕТЪ ПРИПИСАТЬ НЕУСПѢХЪ ПОСЛѢДНЕЙ ГРЕЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦІИ. — СОБЫТІЯ ВЪ ГЕРМАНІИ: ФРАНКФУРТСКІЙ СЪѢЗДЪ ГОСУДАРЕЙ, ЦѢЛЬ И ЗНАЧЕНІЕ ЕГО.

До сихъ поръ мы въ нашихъ политическихъ обозрѣніяхъ не касались греческой революціи и послѣдствій этого событія, которое сначала такъ заинтересовало всю Европу, но дальнѣйшее развитіе котораго навело на всѣхъ такую тоску, что всѣ чуть не зажимали ушей при одномъ упоминаніи о греческомъ вопросѣ. Если мы прежде не занимались этимъ вопросомъ, когда онъ былъ еще на очереди, и когда извѣстія изъ Греціи занимали не послѣднее мѣсто на газетныхъ столбцахъ, то можетъ показаться нѣсколько страннымъ, что мы стали говорить о событіяхъ въ Греціи теперь, когда уже ни одинъ порядочный человѣкъ о нихъ не говоритъ, когда есть другіе важные, животрепещущіе политическіе вопросы. Но прежде мы не говорили о событіяхъ въ Греціи потому, что ждали, чтобы теченіе событій, которое шло по извѣстному направленію, къ извѣстнымъ результатамъ, достигло дѣйствительно этихъ результатовъ, и чтобы эти результаты стали очевидны и осязательны для всякаго; а теперь мы обращаемся къ этому вопросу, не смотря на устарѣлость его для того, чтобы показать, что и въ дан-

номъ случаѣ движеніе, начатое народомъ, привело къ тѣмъ же жалкимъ результатамъ, какъ и другія подобныя движенія, предпринятыя въ послѣднее время, и что этотъ неуспѣхъ произошелъ отъ тѣхъ же самыхъ причинъ, отъ которыхъ дѣло погибало и въ другихъ случаяхъ, между прочимъ отъ врученія народнаго дѣла людямъ недостойнымъ и неискуснымъ, и наконецъ, отъ вмѣшательства въ народное дѣло постороннихъ благодѣтелей — въ настоящемъ случаѣ европейскихъ, и въ особенности англійскихъ дипломатовъ.

Въ Греціи уже давно составленъ былъ обширный заговоръ, съ цѣлью низвергнуть существовавшее въ Греціи правительство и замѣнить его новымъ; заговорщики находились даже въ числѣ самыхъ близкихъ къ королю лицъ. Но рѣшено было произвести переворотъ по возможности безъ всякаго кровопролитія. Поэтому, когда главные руководители заговора убѣдились въ томъ, что число сторонниковъ ихъ огромно, и что даже большая часть арміи готова при случаѣ принять ихъ сторону, они рѣшились удалить короля изъ столицы, полагая, что удаленіе его будетъ не мало способствовать совершенію мирнаго переворота. Съ этою цѣлью участники заговора, стоявшіе близко къ королю, стали уговаривать его предпринять путешествіе для обзора провинцій. Тогдашній первый министръ зналъ о существованіи какого-то заговора и поэтому совѣтовалъ королю не слушаться подаваемыхъ ему совѣтовъ и не удаляться въ подобное время изъ своей столицы: но тотъ считалъ опасенія своего министра преувеличенными, и не захотѣлъ отказаться отъ поѣздки своей потому только, что существуетъ заговоръ; онъ полагалъ, что достаточно будетъ принять обыкновенныя мѣры осторожности, и передъ отъѣздомъ своимъ велѣлъ произвести нѣсколько арестовъ и увеличить въ столицѣ число войска и число полицейскихъ агентовъ. Затѣмъ онъ уѣхалъ вмѣстѣ съ королевой для обзора провинцій. Очень можетъ быть, что если бы правительство не стало производить арестовъ и обнаруживать инымъ образомъ свое безпокойство, возстаніе не вспыхнуло бы такъ скоро, потому что оказалось бы, какъ всегда бываетъ, много людей нерѣшительныхъ и медлительныхъ, которыхъ теперь страхъ быть арестованными заставлялъ отказываться отъ своей медлительности; очень можетъ быть также, что ожиданія перваго министра не исполнились бы, и что присутствіе короля въ столицѣ не остановило бы революціи, а сдѣлало бы ее только болѣе кровопролитною. Но теперь все устроилось, какъ нельзя лучше, для заговорщиковъ и способствовало успѣху ихъ: король уѣхалъ, нерѣшительные перестали колебаться, и дѣло быстро подвинулось впередъ. Прежде всего возстаніе началось въ Коринѳѣ, гдѣ генералъ Гривасъ, принимавшій участіе еще въ войнѣ за независимость Греціи, сталъ

во главѣ движенія; почти одновременно подобныя явленія повторились и въ другихъ мѣстахъ Греціи, а въ Аѳинахъ король Оттонъ, и вообще баварская династія, объявлены были сверженными съ престола, и вслѣдъ за тѣмъ образовалось временное правительство изъ трехъ членовъ. Приверженцы прежняго правительства сначала думали остановить силою совершающіяся событія, и послали въ нѣкоторыя изъ возставшихъ пунктовъ войска; но такъ какъ солдаты по большей части симпатизировали новому порядку, то дѣло обыкновенно оканчивалось тѣмъ, что они присоединялись къ возставшимъ, а тѣ изъ офицеровъ, которые оставались вѣрными королю Оттону, были арестуемы. Такимъ образомъ случилось, что во все время возстанія въ Аѳинахъ убиты были только два человѣка — комендантъ Пирея и еще какой-то майоръ; въ другихъ мѣстахъ вовсе не было убійствъ, и только нѣсколько человѣкъ, враждебныхъ движенію, были арестованы; другіе бѣжали изъ Греціи, и новое правительство не только не препятствовало, но даже способствовало удаленію изъ Греціи подобныхъ лицъ. Что касается до самого короля Оттона, то онъ не мало удивился, услыхавъ о томъ, что случилось въ Аѳинахъ и въ другихъ мѣстахъ; онъ сначала не хотѣлъ вѣрить, чтобы все было потеряно, и намѣревался возвратиться въ Аѳины; но къ нему отправлена была депутація, которая должна была извѣстить его о томъ, что онъ свергнутъ съ престола, и король, убѣдившись, что онъ имѣетъ противъ себя всю націю, а за себя только нѣсколько десятковъ приверженцевъ, долженъ былъ покориться своей участи, отказаться отъ надежды возвратиться въ Аѳины, и отправиться въ Тріестъ, а оттуда въ свою родину—Баварію. Временное правительство объявило, что въ самомъ непродолжительномъ времени созвано будетъ національное собраніе, которое опредѣлитъ, какую форму правленія слѣдуетъ дать Греціи. Такимъ образомъ, переворотъ въ Греціи совершенъ былъ въ нѣсколько дней, почти безъ всякихъ потрясеній. Составилось новое правительство, которое назначило новыхъ министровъ, новыхъ префектовъ и подпрефектовъ, новаго главнокомандующаго арміей (вышеупомянутаго генерала Гриваса, отъявленнаго республиканца, который, впрочемъ, въ скоромъ времени умеръ). Иностранныя державы тоже объявили черезъ своихъ представителей въ Аѳинахъ, что онѣ не намѣрены вмѣшиваться въ дѣла греческаго народа, и что онѣ готовы признать совершившійся фактъ съ тѣмъ условіемъ, чтобы не были нарушены существующія постановленія трактатовъ, относительно Греціи (вѣроятно подъ этимъ разумѣлось, что державы непремѣнно желали видѣть въ Греціи монархію, а не республику), чтобы анархія не восторжествовала надъ правильнымъ правительствомъ, и чтобы со стороны грековъ не были дѣлаемы покушенія присоединить къ гре-

ческому королевству другія европейскія и азіятскія провинціи, населенныя греками. Энергія, рѣшительность и въ то же время умѣренность и благоразуміе, выказанныя народомъ и арміей и новымъ временнымъ правительствомъ, позволяли надѣяться для Греціи хорошихъ результатовъ отъ недавно совершеннаго переворота. Но подобный порядокъ вещей продолжался недолго. Уже съ самыхъ первыхъ дней революціи въ разныхъ мѣстахъ Европы начали являться кандидаты на греческій престолъ, и дѣло дошло, наконецъ, до того, что число кандидатовъ, какъ туземныхъ, такъ и иностранныхъ, простиралось, кажется, до 25 или 30 человѣкъ. Понятно, что при подобныхъ обстоятельствахъ, нельзя было ожидать сохраненія единодушія между руководителями греческаго народа, и въ скоромъ времени въ Греціи стали образовываться партіи республиканская и монархическая, партія національная, англійская, французская, русская, и проч.; народъ, подчиняясь вліянію своихъ руководителей, тоже сталъ обнаруживать различныя стремленія и желанія, и въ скоромъ времени вся страна раздѣлилась на множество партій и лагерей, отчасти враждебныхъ другъ другу и подкапывавшихся другъ подъ друга.

Изъ всѣхъ этихъ партій сильнѣе всего была партія англійская. Причину тому найти не трудно, и ея никакъ не слѣдуетъ искать въ особенныхъ симпатіяхъ грековъ къ англійской націи, а въ самомъ обыкновенномъ стремленіи къ соблюденію своихъ выгодъ. Съ самаго начала возстанія въ Греціи неизвѣстно откуда распространился слухъ, что въ случаѣ, если королемъ Греціи будетъ избранъ принцъ Альфредъ (одинъ изъ 25 кандидатовъ), то англійское правительство согласится на присоединеніе къ Греціи Іоническихъ острововъ, которые, какъ извѣстно, всегда тяготѣли къ Греціи, къ великому удивленію и даже негодованію англичанъ, которые не могли понять неблагодарности іонійцевъ, предпочитавшихъ существованіе подъ національнымъ греческимъ правительствомъ всѣмъ благодѣяніямъ, которыми осыпали ихъ англичане. Слухъ, наполнившій такою радостью грековъ, и въ особенности іонійцевъ, въ скоромъ времени подтвердился: англійское правительство вдругъ рѣшилось отказаться отъ прежней своей политики, состоявшей въ насильственномъ благодѣтельствованіи іонійцамъ, и поступить сообразно съ ихъ давнишними, задушевными желаніями. Въ началѣ декабря стало извѣстно оффиціальнымъ образомъ, что англійское правительство готово отказаться отъ протектората надъ Іоническими островами и согласиться на присоединеніе ихъ къ греческой монархіи, если сами жители острововъ этого пожелаютъ; а такъ какъ это послѣднее обстоятельство было несомнѣнно, то значитъ дѣло можно было считать оконченнымъ. Ахнула вся Европа, увидавши вдругъ такое великодушіе эгоистиче-

ской и далеко не сантиментальной Англіи. Что это значитъ? Какъ это объяснить? Что скрывается за этимъ великодушіемъ? Какое новое коварство замышляетъ хитрый Пальмерстонъ? Вотъ вопросы, которые задавали себѣ и другимъ мудрые европейскіе политики. И не мало ломали они голову надъ разрѣшеніемъ ихъ, а между тѣмъ ларчикъ открывался весьма просто. Хотя англійское правительство и не объявило прямо, что оно уступаетъ Греціи Іоническіе острова съ условіемъ выбора въ короли принца Альфреда; однако оно дало понять, что уступка эта дѣлается только съ тѣмъ, чтобы на греческомъ престолѣ сидѣлъ король, пріятный для Англіи, король подходящій (agréable); все равно было, будетъ ли этотъ король называться Альфредъ, или иначе, но только онъ долженъ быть agréable для Англіи. Протекторатъ Англіи надъ Іоническими островами былъ для нея важенъ въ томъ отношеніи, что давалъ ей необыкновенно крѣпкую позицію въ Средиземномъ морѣ, что особенно важно теперь, при ожидаемомъ прорытіи суэзскаго перешейка. Но государственные люди Англіи сообразили, что гораздо лучше пользоваться хотя неоффиціальнымъ, но тѣмъ не менѣе весьма дѣйствительнымъ протекторатомъ надъ цѣлой Греціей вмѣстѣ съ Іоническими островами, нежели надъ одними послѣдними, если имъ удастся дать грекамъ пріятнаго для себя короля (а это постановлено было необходимымъ условіемъ присоединенія къ Греціи острововъ), что Англія возьметъ на буксиръ все новое греческое королевство,—значитъ, она съ этой стороны ничего не теряетъ, а еще выигрываетъ. Кромѣ того, она выигрывала еще то, что вмѣсто непріятныхъ отношеній къ іонійцамъ, которыя были слѣдствіемъ оффиціальнаго протектората надъ ними, она будетъ находиться въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ къ облагодѣтельствованнымъ ею грекамъ при существованіи неоффиціальнаго протектората надъ всей Греціей. Наконецъ, она выигрывала еще то, что въ глазахъ удивленной Европы являла примѣръ почти небывалаго въ исторіи великодушія; а отчего же не явить подобнаго великодушія, когда оно, кромѣ выгодъ, ничего не приноситъ. Разсчетъ весьма простой и ясный. И дальнѣйшія событія въ Греціи вполнѣ оправдывали этотъ разсчетъ къ выгодѣ Англіи, но отнюдь не къ выгодѣ грековъ. Съ этихъ поръ временное правительство немедленно начало дѣйствовать въ этомъ смыслѣ. Мы замѣтили выше, что въ самомъ началѣ революціи объявлено было, что въ ноябрѣ мѣсяцѣ народъ выберетъ депутатовъ въ національное собраніе, которое должно будетъ заняться устройствомъ государства, опредѣленіемъ формы правленія, выборомъ короля, и проч. Собраніе это должно было собраться не ранѣе конца декабря. Но теперь нетерпѣніе выразить свое сочувствіе англійской политикѣ и пріобрѣсти Іоническіе острова, пока англійское прави-

тельство не раздумало и не отказалось отъ первоначальнаго своего рѣшенія, заставило временное правительство измѣнить прежній планъ свой и объявить, что король Греціи будетъ избранъ немедленно, до созванія національнаго собранія, всеобщей подачей голосовъ, и за тѣмъ въ декабрѣ во всей Греціи начали производиться выборы короля посредствомъ всеобщаго голосованія (выборъ въ члены національнаго собранія продолжался своимъ чередомъ). За эту мѣру никому не придетъ въ голову обвинять временное греческое правительство, и еще болѣе похвалы заслуживаетъ оно за то, что оно рѣшилось тщательно избѣгать всего, что могло бы имѣть хотя нѣкоторый видъ стѣсненія свободы выбора гражданъ: хотя въ Греціи нельзя было ожидать, чтобы центральное правительство нашло возможность сильно вліять на выборы, потому что матеріальная сила его, то есть войско, которымъ оно могло при этомъ располагать, была очень ничтожна; однако оно рѣшилось идти еще далѣе въ уваженіи къ свободѣ выбора, и опредѣлило увозить передъ выборами всѣхъ префектовъ, съ тѣмъ, чтобы назначить новыхъ только по окончаніи выборовъ. При такихъ обстоятельствахъ, мы имѣемъ право считать принятое народомъ рѣшеніе истиннымъ выраженіемъ его желаній. Во то время въ немъ преобладало одно желаніе — получить Іоническіе острова; ему все равно, какое лицо будетъ занимать греческій престолъ, лишь бы это лицо дало грекамъ Іоническіе острова. Тотъ фактъ, что греки почти и не спрашивали, кто изъ многихъ кандидатовъ достойнѣе всѣхъ, а имѣли въ виду выбрать короля какого бы то ни было, лишь бы добиться присоединенія Іоническихъ острововъ къ Греціи, можетъ показаться нѣсколько страннымъ. Но тѣмъ не менѣе фактъ этотъ несомнѣненъ: между тѣмъ какъ голоса, поданные въ пользу республики и различныхъ кандидатовъ въ короли, считались тысячами, сотнями, даже десятками и единицами, въ пользу принца Альфреда, съ именемъ котораго соединялось представленіе объ Іоническихъ островахъ, подано было не менѣе 220 тысячъ голосовъ (огромное число при едва милліонномъ населеніи страны). Англійское правительство, знавшее конечно о господствовавшемъ между греками настроеніи, не думало объявлять заранѣе о своемъ несогласіи на выборъ принца, а напротивъ, черезъ своихъ посланниковъ, обыкновеннаго, Скарлетта, и чрезвычайнаго, Эліота, внушало грекамъ увѣренность, что оно охотно согласится на этотъ выборъ. Между тѣмъ, когда выборъ Альфреда сталъ фактомъ совершившимся, оно объявило, что англійскій принцъ не можетъ сдѣлаться королемъ Греціи въ силу трактатовъ 1830 года, по которымъ ни одинъ членъ, принадлежащій къ царствующимъ династіямъ трехъ покровительствующихъ Греціи державъ — Франціи, Англіи и Россіи,

не можетъ быть возведенъ на престолъ Греціи. Опять новый поводъ къ удивленію; къ чему же англійское правительство разъигрывало комедію, къ чему же оно обнадеживало грековъ, когда заранѣе знало, что принцъ Альфредъ не можетъ быть королемъ Греціи? Опять дѣло объясняется очень просто: ему нужно было, чтобы греки выбрали принца Альфреда, и при томъ такимъ огромнымъ большинствомъ, для того, чтобы получить право взять въ послѣдствіи на себя обязанность выбрать для грековъ короля, или, какъ очень деликатно выразился объ этомъ въ одномъ изъ засѣданій верхней палаты графъ Россель, для того, «чтобы оплатить грекамъ довѣріемъ за довѣріе и въ благодарность за избраніе принца Альфреда, способствовать благосостоянію греческаго народа». Теперь оно имѣло возможность объявить грекамъ, что «вотъ, молъ; къ великому нашему сожалѣнію, мы не имѣемъ возможности согласиться на ваше желаніе, потому что этому мѣшаютъ трактаты; но не безпокойтесь, положитесь на насъ, мы сыщемъ для васъ прекраснаго короля; останетесь довольны». Греки, имѣя все-таки въ виду полученіе Іоническихъ острововъ, отдавались въ опеку къ англичанамъ, а этого-то и нужно было послѣднимъ. Между тѣмъ все это могло не случиться, если бы съ самаго начала англійское правительство объявило, что Альфредъ не можетъ быть королемъ, и чтобы греки повтому не трудились выбирать его.

Теперь дѣло перешло изъ рукъ греческаго народа въ руки европейскихъ или собственно англійскихъ дипломатовъ и министровъ. Національное собраніе, которое тѣмъ временемъ собралось, стало ожидать выбора англійскихъ министровъ, для того, чтобы утвердить этотъ выборъ; временное правительство, въ ожиданіи выбора, продолжало по прежнему управлять страною, а между тѣмъ въ Европѣ началось знаменитое исканіе греческаго короля. Сначала обратили вниманіе на Фердинанда португальскаго, отца нынѣшняго короля; но онъ самъ отказался отъ чести быть королемъ Греціи. Затѣмъ выступила на сцену кандидатура герцога Эрнста кобургскаго; сначала какъ будто бы дѣло и уладилось, но потомъ пошли съ его стороны разныя условія, сомнѣнія — и дѣло опять кончилось ничѣмъ. Выступали на сцену разныя князья лейнингенскіе, принцы нассаускіе, даже опять баварскіе, все безуспѣшно. Наконецъ сами англичане, сами члены верхней и нижней палаты замѣтили, что Англія играетъ въ этомъ дѣлѣ очень глупую роль, и стали энергически высказываться въ палатахъ противъ политики англійскаго правительства въ греческомъ вопросѣ. Многіе ораторы замѣчали весьма справедливо, что правительство прибѣгало въ этомъ вопросѣ къ интригамъ, недостойнымъ великой націи, что оно мистифировало грековъ, которые не

должны были позволять дипломатіи сдѣлать изъ себя игрушку, и пр. Органы англійскаго правительства конечно защищали свои дѣйствія, не стыдились даже взваливать на грековъ всю вину въ настоящихъ затрудненіяхъ, а органъ лорда Пальмерстона, газета Morning-Post, взялась дать грекамъ очень полезные совѣты. «Греки узнаютъ по опыту, говоритъ она, какъ трудно пріобрѣсти вновь короля. При такомъ положеніи дѣлъ остается только совѣтовать грекамъ, чтобы они покамѣстъ продолжали ждать терпѣливо и доказывать своимъ мирнымъ поведеніемъ въ трудное время испытанія, что они вполнѣ достойны того участія и уваженія, какое питаютъ къ нимъ великія державы».

Не подлежитъ сомнѣнію, что тѣ, которые давали этотъ едва ли исполнимый совѣтъ, самымъ серьезнымъ образомъ убѣждены были въ томъ, что высказываютъ великую истину и даютъ нетерпѣливымъ грекамъ отличный совѣтъ. Но народъ, съ которымъ шутили такую недостойную шутку, и которому въ то же время какъ бы въ насмѣшку давали подобные совѣты, не могъ, конечно, разсуждать такъ, какъ разсуждали самозванные благодѣтели его, и началъ выходить изъ терпѣнія. Конечно, онъ ни мало не былъ виноватъ, и никому не придетъ въ голову обвинять его (развѣ только за излишнюю его мягкость и довѣрчивость къ дипломатіи; но малочисленному народу въ милліонъ душъ трудно было поступать иначе). Онъ полагалъ, что теперь положеніе его улучшится и у него устроятся хорошіе порядки. А между тѣмъ онъ видитъ, что порядки все тѣ же, и даже отчасти хуже, потому что все осталось по прежнему, а денегъ съ него берутъ болѣе прежняго. Онъ выбралъ себѣ короля — воля его не исполняется, и выбраннаго короля ему не даютъ; взялись облагодѣтельствовать его чужіе—и не благодѣтельствуютъ, а тянутъ дѣло невыносимымъ образомъ, и подаютъ только разные хорошіе совѣты. Національное собраніе вмѣсто того, чтобы заниматься дѣломъ, проводило время въ томъ, что вело мелкую и большею частью личную борьбу съ временнымъ правительствомъ. Правительство это, въ началѣ бывшее довольно энергическимъ, оказалось впослѣдствіи правительствомъ неспособнымъ, которое вскорѣ потеряло всякое уваженіе въ народѣ. Его стали обвинять въ безразсудной и непроизводительной тратѣ денегъ, сравнивали его съ правительствомъ Оттона, говорили, что оно правительство самозванное, потому что никто не назначалъ его, а оно само себя назначило въ началѣ революціи. Немудрено, что вслѣдствіе всего этого народъ терялъ терпѣніе, и что тотъ самый народъ, который такъ единодушно произвелъ революцію, не проливши при этомъ почти ни одной капли кро-

ви, сталъ теперь проявлять весьма дурные инстинкты, которые компрометировали его въ глазахъ Европы и давали оружіе противъ народныхъ движеній вообще. Въ разныхъ мѣстахъ греческаго королевства стали происходить безпорядки и разбои, которые происходили отъ тѣхъ же самыхъ причинъ, какъ и въ неаполитанскомъ королевствѣ; приверженцы павшей династіи старались воспользоваться неудовольствіемъ народа и возбуждали къ ниспроверженію новаго порядка и къ возстановленію стараго; но возбужденіе это не могло имѣть серьезнаго значенія и не шло далѣе отдѣльныхъ случаевъ насилія и разбоевъ. Наконецъ, неудовольствіе временнымъ правительствомъ дошло до того, что при помощи національной гвардіи оно было низвергнуто. Національное собраніе присвоило себѣ также и исполнительную власть и назначило министровъ. Сначала дѣла пошли немного лучше послѣ этой перемѣны. Новое правительство произвело значительныя экономіи, уволило до $^1/_3$ чиновниковъ, оказавшихся совершенно лишними, уничтожило въ видахъ экономіи всѣ заграничныя посольства, кромѣ константинопольскаго, и приняло нѣсколько другихъ, довольно полезныхъ мѣръ. Но происки баварской династіи все усиливались, и во многихъ городахъ происходили демонстраціи въ пользу короля Оттона, которыя вызвали даже вмѣшательство вооруженной силы. Ко всему этому, прибавилось еще одно печальное для Греціи обстоятельство — постоянно увеличивающаяся деморализація въ греческой арміи и слабость національной гвардіи. Эта деморализація стала обнаруживаться еще при прежнемъ правительствѣ. Еще въ то время нѣкто поручикъ Леоцакосъ, сторонникъ Булгариса, одного изъ членовъ временнаго правительства, самъ присвоилъ себѣ командованіе батальономъ въ 1,200 человѣкъ (при незначительности военныхъ силъ Греціи весьма сильный отрядъ). Послѣ сверженія своего покровителя, Булгариса, онъ роздалъ прочія мѣста въ батальонѣ кому хотѣлъ, и отказался повиноваться, кому бы то ни было. Ему даютъ приказаніе идти куда нибудь для прекращенія безпорядковъ—онъ отказывается; въ батальонъ назначаютъ новыхъ начальниковъ — онъ не впускаетъ ихъ въ казармы и запрещаетъ батальону принимать ихъ, ему велятъ уменьшить численность батальона и распустить часть своихъ людей — онъ отказывается. Подобный фактъ отлично характеризуетъ тогдашнее состояніе Греціи.

Между тѣмъ англійское правительство продолжало искать для грековъ короля и остановилось наконецъ на датскомъ принцѣ Вильгельмѣ, братѣ принцессы уэльской. Въ Европѣ никто (кромѣ нѣмецкихъ патріотовъ) ничего не имѣлъ противъ этого выбора: Франція, напротивъ, была очень довольна тѣмъ, что выбранъ датскій, а не

какой либо другой принцъ, Россія также не противилась этому выбору. Что же касается до грековъ, то они съ величайшею радостію ухватились за этотъ выборъ, надѣясь безъ сомнѣнія выйти изъ страннаго своего положенія. Только что въ Аѳинахъ узнали о новомъ кандидатѣ, національное собраніе, не дожидаясь извѣстія о согласіи этого кандидата, поспѣшило провозгласить его королемъ подъ именемъ Георга I. Народъ въ Аѳинахъ и почти во всей Греціи выражалъ свою радость при извѣстіи объ этомъ избраніи, и въ настоящемъ случаѣ эту радость можно считать неподдѣльною. Въ благодарность за эту торопливость грековъ признать короля, выбраннаго для нихъ англичанами, англійскія газеты объявили, что Греція можетъ разсчитывать на поддержку Англіи при политической реорганизаціи Греціи и при поправленіи ея финансовъ; этого послѣдняго Англія достигнетъ посредствомъ поднятія ея кредита и посредствомъ измѣненія въ ней системы налоговъ. Но терпѣніе грековъ должно было подвергнуться еще многоразличнымъ испытаніямъ. Родственники вновь выбраннаго короля никакъ не хотѣли сразу согласиться на принятіе престола принцемъ Вильгельмомъ, и пошли длинные переговоры о разныхъ условіяхъ, необходимыхъ для принятія короны. Сначала замѣчено было, что онъ еще очень молодъ и что нужно будетъ регентство, и хотѣли опредѣлить, кому въ такомъ случаѣ быть регентомъ; но для избѣжанія неудобствъ, сопряженныхъ съ регентствомъ, рѣшено было, что принцъ будетъ объявленъ совершеннолѣтнимъ раньше узаконенныхъ лѣтъ, и будетъ управлять страною безъ регента. Далѣе подняты были разные вопросы — о необходимости предварительнаго отреченія баварской династіи, о вѣроисповѣданіи короля и его наслѣдниковъ, о денежномъ положеніи двора новаго короля и пр. Нужно было не мало времени, чтобы уладить всѣ эти затрудненія, и только въ концѣ мая отъ датскаго короля и отъ отца принца Вильгельма получено было окончательное согласіе на принятіе принцемъ предложенной ему короны. Вскорѣ послѣ того вопросъ этотъ былъ рѣшенъ и дипломатически. Въ началѣ іюня въ Лондонѣ между представителями трехъ покровительствующихъ Греціи державъ происходили конференціи по этому предмету. Сначала баварскую династію пригласили отказаться отъ своихъ правъ на греческій престолъ, и когда полученъ былъ отказъ Баваріи, то греческій престолъ все-таки объявленъ былъ вакантнымъ; затѣмъ со стороны трехъ державъ признано было избраніе Вильгельма Датскаго въ короли Греціи и изъявлено согласіе этихъ державъ на присоединеніе къ Греціи Іоническихъ острововъ, въ случаѣ если сами жители острововъ этого пожелаютъ. Постановлено было также, что въ Греціи не будетъ регентства, что новый ко-

роль самъ останется при прежнемъ своемъ вѣроисповѣданіи, но что наслѣдники его будутъ вѣроисповѣданія православнаго, что въ Греціи не будетъ никакихъ иностранныхъ войскъ, и разныя другія условія. Въ Копенгагенѣ уже давно жила греческая депутація, которая отправилась изъ Аѳинъ немедленно послѣ провозглашенія королемъ Георга I, и все никакъ не могла дождаться принятія датскимъ принцемъ греческой короны. Теперь этой депутаціи объявлено было согласіе принца Вильгельма и его родственниковъ; но сначала новый король долженъ былъ окончить въ Копенгагенѣ свое воспитаніе, затѣмъ жениться на третьей дочери королевы Викторіи, и затѣмъ уже въ будущемъ 1864 году отправиться въ Грецію, гдѣ до тѣхъ поръ должно было управлять страною особенно назначенное временное правительство. Но впослѣдствіи положеніе дѣлъ въ Греціи побудило англійскихъ министровъ хлопотать объ ускореніи отъѣзда молодаго короля.

Возвращеніе въ Грецію депутаціи и объявленіе ею радостнаго извѣстія, что король наконецъ найденъ, не могло успокоить страны, вышедшей однажды изъ своей колеи и сдѣлавшейся игрушкой партій и дипломатіи. Въ Навпліи обнаружилось открытое неповиновеніе правительству, Мессенія, Лаконія и другія провинціи были сильно взволнованы; въ особенности же тревожило правительство продолжавшаяся деморализація и отсутствіе дисциплины въ арміи. Военный министръ Боцарисъ хотѣлъ помочь этому злу, но онъ не нашелъ достаточной поддержки со стороны національнаго собранія, и наконецъ дѣло дошло до печальныхъ аѳинскихъ событій первыхъ чиселъ іюля. Боцарисъ велѣлъ арестовать главнаго виновника безпорядковъ Леоцакоса. Тотъ поднялъ весь свой батальонъ, къ нему присоединились артиллеристы, жандармы и разбойники изъ провинцій: всѣ они хотѣли произвести реакцію въ пользу Булгариса. Сторону правительства и національнаго собранія приняла другая часть войскъ и національная гвардія, и на улицахъ Аѳинъ произошла кровопролитная, междоусобная борьба, продолжавшаяся нѣсколько дней. Нѣсколько сотъ людей были убиты и ранены; множество зданій, въ томъ числѣ королевскій дворецъ, банкъ и другія зданія сильно пострадали. Наконецъ въ дѣло вмѣшались посольства трехъ державъ, высадили съ кораблей войска, заняли ими банкъ и предложили сражающимся сторонамъ прекратить кровопролитіе. Войска обѣихъ сторонъ вышли изъ города, составлено было смѣшанное правительство изъ приверженцевъ той и другой стороны, и порядокъ кое-какъ возстановленъ. Послѣ этого правительству удалось, хотя не безъ нѣкоторыхъ затрудненій, удалить непокорныя войска въ Пелопоннезъ. Тамъ продолжается не-

повиновеніе ихъ и стремленіе разныхъ лицъ, въ родѣ Леоцакоса, произвести революцію въ своемъ духѣ. До сихъ поръ эти попытки неудавались; но хотя правительство и сильно хлопочетъ о возстановленіи въ войскахъ дисциплины, однако при слабости центральнаго правительства и потерѣ народомъ довѣрія къ улучшенію своей будущности, нельзя ручаться за то, чтобъ этѣ попытки не представляли никакой опасности.

Сначала всѣ эти событія произвели сильное впечатлѣніе на датское королевское семейство. Говорили, что оно вовсе не хочетъ отпустить принца, или соглашается отпустить его не иначе, какъ съ тѣмъ условіемъ, чтобы Аѳины заняты были иностранными войсками. Но этотъ слухъ оказался невѣрнымъ. Король долженъ отправиться изъ Копенгагена въ сентябрѣ мѣсяцѣ, и при немъ не будетъ не только иностраннаго войска, но не будетъ даже датскаго двора, и только одинъ совѣтникъ изъ датчанъ сопровождаетъ его. Дѣло объ Іоническихъ островахъ тоже подвигается впередъ, хотя еще не окончено: населенію острововъ объявлено оффиціально о прекращеніи надъ ними англійскаго протектората, парламентъ острововъ распущенъ и въ скоромъ времени долженъ собраться новый для произнесенія своего рѣшенія объ этомъ дѣлѣ. Смыслъ этого рѣшенія не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію.

Но что же изо всего этого выходитъ? Выходитъ то, что если даже теперь безпорядки вовсе не будутъ повторяться въ Греціи (что еще очень сомнительно), если въ сентябрѣ или въ октябрѣ къ Греціи присоединены будутъ Іонические острова, и въ Аѳинахъ воцарится новый король, то Грецiя въ октябрѣ 1863 года будетъ находиться почти въ такомъ же положеніи, какъ и въ октябрѣ 1862 года. Правда, новый король ея изъ иноземцевъ будетъ, можетъ быть, пользоваться большею привязанностію народа, нежели прежній; правда, населеніе ея увеличится двумя или тремя стами тысячь народа—но этимъ, кажется, и ограничатся произведенныя въ ней перемѣны. За эти перемѣны она заплатила годомъ дурнаго управленія и распространеніемъ англійскаго протектората съ Іоническихъ острововъ на всю Грецію; другими словами, ничтожные результаты куплены очень дорогою цѣною. На комъ же лежитъ вина этой неудачи? Какъ мы уже сказали выше, на неспособныхъ людяхъ, взявшихся руководить народнымъ движеніемъ, и на черезчуръ способныхъ дипломатахъ, взявшихся, по своему обыкновенію, благодѣтельствовать тѣмъ, которые ихъ вовсе не просятъ объ этомъ.

Въ послѣднее время вниманіе всей Европы устремлено на страну,

политическая жизнь которой обыкновенно не представляетъ ничего замѣчательнаго и не обращаетъ на себя ничьего вниманія—именно на Германію. Собраніе почти всѣхъ нѣмецкихъ государей во Франкфуртѣ, преобразованіе Германіи, предпринятое Австріей, отношеніе къ этой попыткѣ народа или народныхъ представителей—вотъ вопросы, которые въ теченіи мѣсяца занимаютъ не только германцевъ, но и остальную Европу. Посмотримъ, каково значеніе всѣхъ этихъ вопросовъ, и чего можно ожидать для Германіи отъ разрѣшенія ихъ въ томъ или другомъ смыслѣ.

Здѣсь, какъ всякому извѣстно, дѣло идетъ о единствѣ Германіи. Это слово стало теперь модньмъ словомъ во всей Германіи, и всякій нѣмецъ, начиная отъ австрійскаго императора, до послѣдняго труженика, говоритъ о единствѣ Германіи. Но любопытно остановиться на томъ, что вообще разумѣется подъ словомъ *единство*, и для чего большая часть нѣмцевъ желаютъ единой Германіи. Если прислушаться къ тому, что говорится и пишется объ этомъ предметѣ, то, кажется, надобно будетъ придти къ тому заключенію, что по большей части съ представленіемъ о единой Германіи соединяется понятіе о Германіи централизованной, способной выставить столько-то сотъ тысячъ штыковъ, готовой во всякую данную минуту поддержать порядокъ внутри и защитить честь націи извнѣ. По всему видно, что большая часть нѣмцевъ, желающихъ единой Германіи, желаютъ единой и сильной центральной власти, единой дипломатіи — вообще такого единства, которое позволяло бы Германіи играть роль великой и сильной державы въ европейской политикѣ. Но что-то не видать, чтобы многіе изъ ревнителей единства Германіи разумѣли подъ этимъ словомъ распространеніе на всю Германію, на всѣ остальныя германскія государства политической и гражданской свободы, которая доселѣ изгоняется изъ большей части отдѣльныхъ государствъ; въ отношеніи предоставленія или стѣсненія этой свободы, отдѣльные германскіе владѣтели не должны подвергаться ни малѣйшему стѣсненію. Однимъ словомъ, подъ именемъ единой Германіи большая часть нѣмцевъ разумѣетъ, какъ намъ кажется, не единую политически-свободную, а единую централизованную, военную и грозную для сосѣдей Германію. Къ достиженію перваго рода единства стремилось и стремится самое незамѣтное меньшинство германскихъ людей; да и у тѣхъ эти стремленія являются какъ-то сбивчиво и сопровождаются странными противорѣчіями. Вообще же подъ словомъ единство разумѣется второго рода единство; такъ понимаетъ его огромное большинство нѣмецкихъ патріотовъ, такъ понимаютъ его конечно и тѣ изъ нѣмецкихъ государей, которые хлопочутъ о преобразованіи политическаго устрой-

ства Германіи въ смыслѣ приданія ему большаго единства. На сколько полезно для блага Германіи и для успѣховъ цивилизаціи человѣчества подобнаго рода полицейское и военное единство Германіи,—объ этомъ предоставляемъ судить нашимъ читателямъ. Но мы считали необходимымъ сказать нѣсколько словъ о настоящемъ характерѣ германскихъ стремленій, чтобы показать, что отъ пресловутаго единства Германіи, въ томъ смыслѣ, какъ оно понимается большинствомъ, даже въ случаѣ, если бы оно состоялось вполнѣ, не слѣдуетъ ожидать никакой существенной перемѣны къ лучшему въ судьбахъ германскаго народа. Это уже значительно уменьшаетъ значеніе всѣхъ толковъ о созданіи единой Германіи. Но значеніе ихъ еще болѣе уменьшится, если мы взглянемъ, какое вѣроятіе на успѣхъ имѣютъ всѣ попытки къ созданію даже такого рода единства, о которомъ мечтаетъ большинство. Для этого мы возвратимся нѣсколько назадъ и посмотримъ, въ какомъ положеніи находился въ послѣднее время вопросъ о реформахъ въ политическомъ устройствѣ Германіи и объ объединеніи Германіи.

Уже цѣлое полустолѣтіе нѣмецкіе патріоты недовольны той жалкой политической ролью, которую отечество ихъ играетъ въ Европѣ, и ропщутъ на тѣхъ, которые создали для него такое положеніе. Но до 1848 года не сдѣлано было никакой сколько нибудь замѣчательной попытки вывести ее изъ этого положенія. Въ 1848 году, когда во многихъ мѣстахъ Германіи происходили столкновенія между народомъ и правительствами, вопросъ о политическомъ единствѣ Германіи пробудился съ большею противъ прежняго силою, и народъ прислалъ своихъ представителей, непосредственно имъ самимъ выбранныхъ, во Франкфуртъ, для того чтобы изыскать средства къ созданію единой и свободной Германіи. Члены франкфуртскаго собранія 1848 года думали не о военно-полицейскомъ единствѣ Германіи, но о единствѣ въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Поэтому они создали довольно хорошую конституцію, которая, будучи приведена въ исполненіе, могла бы произвести нѣкоторое улучшеніе въ судьбѣ германскаго народа. Но эта конституція осталась простымъ листомъ бумаги, и надежды на то, что изъ движенія 1848 года выйдетъ единая Германія, разбились въ прахъ. Вмѣсто того, въ теченіе всѣхъ 50-хъ годовъ во всей Германіи господствовала такая сильная реакція, что всякая мысль не только о настоящемъ, но даже и о военно-полицейскомъ единствѣ Германіи строго преслѣдовалась, и германскіе патріоты не смѣли и заикнуться о своемъ желаніи видѣть Германію преобразованною. Но начиная съ 1859 года, вопросъ о реорганизаціи политическаго устройства Германіи опять выступилъ на сцену. Отчасти это происходило отъ того,

что, по мнѣнію многихъ нѣмцевъ, Пруссія искренне обратилась на путь конституціонализма, и это внушало имъ желаніе, чтобы и остальной Германіи предоставлена была возможность пользоваться тою же степенью свободы, какою пользовались прусскіе подданные. Но преимущественно нѣмцевъ поразила та роль, которую союзной Германіи пришлось разыграть во время итальянской войны 1859 года. Австрійцевъ били, нѣмцы отъ души желали помочь имъ — и между тѣмъ, благодаря своему хитрому политическому устройству, они должны были остаться при одномъ желаніи: Виллафранкскій миръ былъ заключенъ прежде, нежели нѣмецкій союзъ рѣшился взяться за защиту Австріи противъ Франціи. Вотъ тогда-то съ особенною силою выразилось желаніе создать въ центрѣ Европы такую сильную Германію, чтобы передъ нею трепетали всѣ государства и народы Европы, а въ особенности ненавистная для нѣмецкихъ патріотовъ Франція. Но какъ только пробудилось это желаніе, и какъ только правительства позволили говорить объ этомъ, вся Германія распалась на множество лагерей. Одни полагали, что желаемое единство будетъ достигнуто, когда Австрія будетъ удалена изъ германскаго союза, и когда вся остальная Германія тѣсно сгруппируется вокругъ либеральной Пруссіи; чѣмъ тѣснѣе будетъ сліяніе съ Пруссіей, полагали они, тѣмъ лучше. Это такъ называемая готская, мало-германская партія, которая въ началѣ была довольно сильна въ Германіи, но сила которой постоянно уменьшалась, по мѣрѣ того какъ Германія охлаждалась къ Пруссіи. Другіе полагали, что обновленіе и объединеніе Германіи должно быть произведено посредствомъ включенія въ предѣлы Союза новыхъ земель; съ этою цѣлью они предлагали признать принадлежащими къ Союзу всѣ безъ исключенія провинціи австрійской имперіи, и не только сохранить, но еще усилить преобладаніе въ Союзѣ Австріи. Это вюрцбургская или велико-германская партія, значеніе которой увеличивалось по мѣрѣ того, какъ въ Германіи уменьшался авторитетъ Пруссіи. Эти партіи много спорили, кричали, волновались; назначаемы были съѣзды сторонниковъ той и другой партіи, мало-германская партія образовала особенное національное общество (Nationalverein), которое имѣло назначеніемъ способствовать всѣми зависящими отъ него мѣрами развитію германскаго единства. Въ 1862 году, стараніями этого общества въ Веймарѣ устроенъ былъ съѣздъ депутатовъ различныхъ германскихъ палатъ, которые должны были заняться обсужденіемъ мѣръ, полезныхъ для всей Германіи, и подобный же съѣздъ долженъ былъ повториться въ августѣ нынѣшняго года во Франкфуртѣ. Но не говоря уже о томъ, что всѣ эти партіи, такъ много хлопотавшія объ общей своей родинѣ, имѣли по большей части очень дикое понятіе о

назначенія единой Германіи, всѣ ихъ старанія и хлопоты ни къ чему не вели и должны были ограничиваться одною только безполезною болтовнею, по той весьма простой причинѣ, что они, подобно франкфуртскому парламенту 1848 года, не имѣли въ своихъ рукахъ матеріальной силы, необходимой для приведенія въ исполненіе всѣхъ ихъ проэктовъ и плановъ; какія бы прекрасныя рѣшенія они ни придумывали, всѣ эти рѣшенія оставались словами, которыя никому не приносили ни малѣйшей пользы.

Вотъ иное дѣло, если за что либо принимается тотъ, кто имѣетъ возможность и силу привести въ исполненіе то, чего онъ желаетъ. Вотъ еслибы германскія правительства принялись за преобразованіе Германіи, тогда бы это имѣло смыслъ. Въ какомъ бы смыслѣ они ни произвели этого преобразованія—въ худую, или хорошую сторону — во всякомъ случаѣ они имѣли возможность это сдѣлать. Но долгое время ни одно изъ германскихъ правительствъ, не исключая Австріи и Пруссіи, и не думало объ этомъ. Правда, и та и другая изъ великихъ германскихъ державъ не прочь были бы достигнуть единства Германіи въ смыслѣ прибранія всей Германіи къ своимъ рукамъ. Но такъ какъ каждая изъ нихъ понимала, что достиженіе этого желанія невозможно, потому что другая держава никогда не позволитъ этого, то онѣ обѣ долгое время избѣгали вопроса о реорганизаціи Германіи, и предпочитали, чтобы все оставалось по старому. Что касается до прочихъ германскихъ владѣтелей, то они были очень довольны тѣмъ положеніемъ, которое создалъ имъ вѣнскій конгрессъ 1815 года. Каждый изъ нихъ былъ самостоятельнымъ государемъ, каждый изъ нихъ имѣлъ свою резиденцію, свой дворъ, свое войско, однимъ словомъ, каждый чувствовалъ себя гораздо болѣе самостоятельнымъ, нежели во времена существованія германской имперіи. Потому въ 1848 и 1849 году всѣ германскіе князья, наперерывъ одинъ передъ другимъ, спѣшили отмѣнять и уничтожать то, что произвела революція 1848 года, и возвратиться къ порядку 1815 года.

Но въ послѣдніе годы и правительства Германіи стали что-то думать о преобразованіяхъ. Пруссія, увидѣвши сочувствіе, возбужденное въ Германіи ея поворотомъ къ либеральному направленію, стала подумывать о томъ, нельзя ли воспользоваться этимъ расположеніемъ Германіи для того, чтобы восторжествовать надъ Австріей, произведя преобразованіе Германіи въ quasi-либеральномъ и благопріятномъ для Пруссіи смыслѣ; поэтому до образованія министерства Бисмарка, прусское правительство само неоднократно поднимало вопросъ о реорганизаціи Германіи. Съ своей стороны, Австрія убѣдилась въ 1859 году, что, при настоящемъ устройствѣ Германіи, ей нечего ожи-

дать содѣйствія Союза въ случаѣ внѣшней войны, а между тѣмъ ей сильно хотѣлось обезпечить себѣ это содѣйствіе: поэтому не подлежитъ сомнѣнію, что австрійское правительство тогда же рѣшило произвести реформу въ устройствѣ Союза, именно въ этомъ смыслѣ; но покамѣстъ ей пришлось еще повременить, во первыхъ для того, чтобы выждать, пока въ Германіи поуменьшится энтузіазмъ къ Пруссіи, и во вторыхъ, чтобы убѣдить германцевъ (т. е. конечно народъ, а не правительства), что она не менѣе, если еще не болѣе, либеральна, нежели Пруссія. Поэтому обѣ великія державы, рѣшившись произвести германскую реформу въ благопріятномъ для себя смыслѣ, все еще ждали, потому что не находили къ тому удобнаго случая.

Между тѣмъ нѣкоторыя изъ второстепенныхъ и третьестепенныхъ германскихъ правительствъ, видя, что вопросъ о реорганизаціи Германіи выдвигается все сильнѣе и сильнѣе на первый планъ, и что даже старшіе ихъ братья оффиціально заговорили объ этомъ, рѣшили, что видно безъ реформъ не отдѣлаться, и что поэтому лучше уже взять инициативу этого дѣла на себя. Но такъ какъ мы уже замѣтили выше, что всѣ эти правительства были очень довольны своимъ теперешнимъ положеніемъ, то конечно всѣ ихъ усилія должны были стремиться къ тому, чтобы произвести такую реформу, при которой это положеніе подвергалось-бы какъ можно меньшимъ измѣненіямъ, чтобы произвести кажущуюся реформу, которая отнимала бы у безпокойныхъ новаторовъ предлогъ требовать перемѣнъ, а въ сущности не измѣняла бы дѣла. Образчикомъ подобнаго рода реформъ можетъ служить проэктъ, предложенный въ концѣ 1861 года саксонскимъ министромъ Бейстомъ. Бейстъ съ того и начинаетъ, что сравниваетъ положеніе Германіи въ 19-мъ столѣтіи съ прежнимъ ея положеніемъ, и выводитъ изъ этого сравненія чрезвычайно выгодное заключеніе о настоящемъ порядкѣ вещей: теперь, говоритъ онъ, мы не видимъ ни междоусобій, ни уменьшенія германской территоріи — слѣдовательно въ главныхъ основаніяхъ устройство Германіи очень хорошо. Но онъ полагаетъ, что нѣкоторыя подробности въ этомъ устройствѣ можно измѣнить — для достиженія болѣе единообразныхъ учрежденій во всѣхъ германскихъ владѣніяхъ и для удовлетворенія національному чувству германцевъ: съ этою цѣлью и составленъ его проэктъ реформы. Бейстъ и слышать не хочетъ о нѣмецкомъ парламентѣ, который по его мнѣнію нарушалъ бы верховную власть различныхъ нѣмецкихъ государей, и который онъ называетъ «дитя революціи». Но онъ желаетъ, чтобъ союзный сеймъ (изъ 17 членовъ) не засѣдалъ постоянно во Франкфуртѣ, а переѣзжалъ бы каждые полгода то въ сѣверную, то въ южную Германію; предсѣдательство въ

нимъ должно тоже поочередно принадлежать Пруссіи и Австріи; исполнительная власть должна была принадлежать австрійскому императору, прусскому королю и еще третьему члену, который назначается прочими владѣтелями или по выбору, или по очереди: это по его мнѣнію придастъ германскимъ дѣламъ рѣшительность и скорость. Бейстъ идетъ такъ далеко, что допускаетъ собраніе народныхъ представителей числомъ до 120 человѣкъ, которые избираются изъ мѣстныхъ палатъ, собираются и распускаются по призыву Сейма, и занимаются по программѣ, предложенной имъ Сеймомъ. Вотъ реформы, которыя по мнѣнію одного изъ правительствъ, необходимы и полезны для Германіи. Тутъ все есть: и медленное теченіе дѣлъ, и зависимость депутатовъ отъ правительствъ и Сейма, и обширное поле для антагонизма Австріи съ Пруссіей и для несогласій другихъ князей. Но за то этотъ проэктъ и былъ встрѣченъ очень недружелюбно и общественнымъ мнѣніемъ, и публицистикой, и правительствами: онъ, какъ водится со всѣми подобными попытками, никому не угодилъ, и почти всѣ германскія правительства отвергли его по разнымъ причинамъ. Тогдашній прусскій министръ иностранныхъ дѣлъ, Бернсторфъ, разобралъ его пунктъ за пунктомъ, и отвергъ каждый изъ этихъ пунктовъ. Прусское министерство, равно какъ и прусская оффиціальная журналистика не отвергали необходимости реформъ, но во всѣхъ ихъ рѣчахъ проглядываетъ тайное желаніе, чтобы реформа эта повела къ исключенію изъ Союза Австріи. Съ своей стороны Рехбергъ въ своемъ отвѣтѣ Бейсту говорилъ, что Австрія можетъ согласиться на поочередное предсѣдательство въ Сеймѣ съ тѣмъ только условіемъ, чтобы германскій Союзъ поручился Австріи за всѣ ея негерманскія владѣнія, т. е. другими словами, принялъ бы въ составъ Союза всѣ эти владѣнія.

Кромѣ проэкта Бейста являлись еще разные проэкты — баденскій, аугсбургской газеты и др. Кто предлагалъ учредить директорію изъ двухъ членовъ, кто изъ трехъ, кто придумывалъ еще какую нибудь хитрую комбинацію — а толку никакого не выходило. Наконецъ въ концѣ прошлаго года австрійское правительство и семь другихъ правительствъ австрійской партіи предложили проэктъ о созваніи уполномоченныхъ (делегатовъ) отъ всѣхъ германскихъ палатъ. Этотъ проэктъ состоялъ въ томъ, что во Франкфуртѣ въ извѣстные сроки должны были собираться депутаты, выбранные изъ членовъ мѣстныхъ палатъ различныхъ германскихъ государствъ, для обсужденія различныхъ спеціальныхъ законодательныхъ вопросовъ; но собраніе это было только совѣщательное, а законодательная власть по прежнему оставалась въ рукахъ союзнаго сейма. Этотъ проэктъ также возбудилъ всеобщее неудовольствіе, хотя опять таки по весьма различнымъ

причинамъ. Нѣкоторыя правительства, считающіяся либеральными (баденское, кобургское), отвѣтили на это предложеніе нотами, въ которыхъ они замѣчали, что это предложеніе не имѣетъ смысла, что лучше ничего не дѣлать для германскаго единства, нежели учреждать подобное собраніе, съ такимъ ограниченнымъ кругомъ дѣйствій, съ однимъ только совѣщательнымъ значеніемъ, съ такими отношеніями къ сейму; что нужна единая центральная власть и единый парламентъ, вышедшій изъ непосредственныхъ выборовъ народа, а что всякая иная реформа не имѣетъ никакого значенія. Пруссія противилась этому проекту просто отъ того, что онъ исходилъ отъ Австріи; она не прочь была отъ какой нибудь реформы, не только отъ такой реформы, отъ которой она выигрывала бы сама — а отъ настоящаго предложенія она ничего не выигрывала. Голландія и Данія отвергли этотъ проэктъ потому, что они вовсе не желали германскаго единства, и потому, что интересы ихъ требовали того, чтобы они отвергали все, что хотя сколько нибудь можетъ способствовать этому единству. Но многія правительства отвергли этотъ проэктъ потому, что онъ казался имъ слишкомъ либеральнымъ и опаснымъ для спокойствія Германіи. Курфюретъ Гессенъ-Кассельскій напр. отвѣтилъ, что ему и съ собственной палатою достаточно хлопотъ, а тутъ еще отъ него требуютъ, чтобы онъ способствовалъ учрежденію федеральной палаты; а мекленбургское правительство отвѣтило, что сила Германіи зависитъ отъ неприкосновенности власти отдѣльныхъ государей, и что поэтому лучшее средство для доставленія ей подобной силы состояло бы въ томъ, чтобы «избавить всѣ отдѣльныя правительства отъ всѣхъ стѣснительныхъ для нихъ нововведеній, отъ ограниченій, налагаемыхъ на нихъ народнымъ представительствомъ» (замѣтимъ, что мекленбургское правительство дѣйствительно всегда поступало согласно съ проповѣдуемой имъ теперь теоріей). Всѣ эти разнородные элементы, либеральные, эгоистически-завистливые, реакціонерные и феодальные соединились противъ австрійскаго проэкта. Хотя австрійское и другія правительства, желая спасти свой проэктъ и объявили, что проэктъ этотъ заключаетъ minimum предполагаемыхъ реформъ, что его можно значительно расширить (можно представить себѣ ужасъ гессенъ-кассельскаго и мекленбургскаго правительствъ при чтеніи этихъ увѣреній), что въ этихъ предложеніяхъ заключается только конституціонный задатокъ — однако оппозиціонные элементы были слишкомъ сильны, и сеймъ отвергъ предложеніе о созваніи делегатовъ большинствомъ 9 голосовъ противъ 7. Прусское правительство и прусская оффиціальная журналистика торжествовали свою побѣду надъ Австріей. Но чтобы мотивировать отказъ Пруссіи приступить къ этому проекту (на

истинную причину этого отказа мы указывали выше), они стали увѣрять, что Пруссія желаетъ сдѣлать гораздо болѣе для единства Германіи, что она желаетъ создать нѣмецкій парламентъ изъ непосредственныхъ народныхъ выборовъ и сильную исполнительную власть. Австрійскія газеты ухватились за эти увѣренія и стали приглашать г. Бисмарка исполнить широкія свои обѣщанія; вслѣдствіе этого завязалась очень скучная полемика между австрійской и прусской оффиціальной и полуоффиціальной журналистикою, а между тѣмъ дѣло ни мало ни подвигалось впередъ. Люди, интересовавшіеся дѣломъ германской реформы, обратили вниманіе на то, что въ началѣ іюня нынѣшняго года глава партіи національнаго общества, герцогъ Эрнстъ-Саксенъ-Кобургъ-Готскій пріѣхалъ въ Вѣну, и былъ очень хорошо принятъ австрійскимъ правительствомъ. Люди эти говорили, что онъ совершилъ эту поѣздку съ согласія своихъ политическихъ друзей, съ цѣлью искать сближенія съ Австріей и достиженія черезъ это цѣлей Національнаго общества. Онъ и его партія, говорили они, долго преслѣдовали политику мало-германскую, и надѣялись достигнуть единства Германіи посредствомъ созданія германской Имперіи подъ властью Гогенцоллернскаго дома. Но въ послѣднее время они отклонились отъ Пруссіи и рѣшились предложить союзъ Австріи. Герцогъ будто бы обѣщалъ Австріи сочувствіе національной мало-германской партіи, если только Австрія серьезно возьметъ въ руки дѣло реформы; но при этомъ онъ замѣтилъ, что для приданія этому дѣлу характера серьезности недостаточно учредить какое нибудь собраніе делегатовъ, а слѣдуетъ идти далѣе. Неизвѣстно, согласился ли онъ съ австрійскимъ правительствомъ на счетъ того, что слѣдуетъ разумѣть подъ словомъ *далѣе*, или нѣтъ; но только что-то не слышно было, чтобъ онъ остался доволенъ этой своей поѣздкой, да и послѣ этой поѣздки нѣсколько мѣсяцевъ не было слышно ничего особеннаго на счетъ какихъ нибудь попытокъ къ переформированію германскаго Союза.

Вдругъ въ началѣ августа вся Европа была удивлена неожиданнымъ шагомъ австрійскаго императора, прямо относящимся къ этому вопросу. Послѣ того, какъ императоръ имѣлъ свиданіе съ королемъ прусскимъ 2 и 3 августа, въ вѣнскихъ газетахъ отъ 6 августа обнародовано было приглашеніе императора австрійскаго ко всѣмъ германскимъ государямъ (приглашеніе это было разослано за нѣсколько дней въ видѣ собственноручныхъ писемъ императора), собраться къ 16 августа во Франкфуртъ на Майнѣ для совокупныхъ разсужденій о реформахъ, которыя слѣдуетъ произвести въ федеральномъ устройствѣ Германіи. Это приглашеніе произвело не малое удивленіе въ Гер-

маніи и въ остальной Европѣ: удивлялись и необычайности пріема, къ которому австрійскій императоръ прибѣгнулъ для рѣшенія вопроса о реформѣ, удивлялись и той торопливости, которую обнаружилъ императоръ при назначеніи такого краткаго срока для собранія франкфуртскаго конгресса, терялись также въ догадкахъ на счетъ того, какого рода предложенія сдѣлаетъ Австрія на этомъ конгрессѣ, однимъ словомъ, эффектъ, произведенный этой неожиданной выходкой Австріи, былъ чрезвычайный. Однако при нѣкоторомъ размышленіи не трудно было объяснить себѣ и цѣль, которую Австрія имѣла въ виду при созваніи этого конгресса, и причину, по которой она рѣшилась дѣйствовать съ такой несвойственной ей быстротой. Мы замѣтили выше, что вѣроятно уже съ 1859 года у австрійскаго правительства созрѣла мысль произвести въ устройствѣ Германіи реформу, которая обезпечивала бы ей быструю помощь со стороны Германіи въ случаѣ новаго нападенія на ея негерманскія владѣнія, но что она выжидала пока уничтожится обаяніе, производимое на Германію мнимо-либеральной Пруссіей, и пока укрѣпится въ Германіи вѣра въ либерализмъ и конституціонализмъ обновленной Австріи. Наконецъ эти ожиданія ея сбылись, и въ Германіи возрасло довѣріе къ искренности австрійскаго либерализма. Пора было приступить къ дѣлу. Но императоръ Францъ-Іосифъ понималъ (и онъ очень ясно выразилъ это во вступительной рѣчи своей), что если повести это дѣло обыкновеннымъ, канцелярскимъ путемъ, то австрійскому проэкту никогда не дождаться осуществленія: пойдутъ переписки, отписки, ноты, контр-проэкты, дѣло усложнится и запутается, и его придется опять бросить неконченнымъ. Онъ понималъ, что если возможно побѣдить сопротивленіе германскихъ владѣтелей всякому проэкту реформъ, то этого можно бы достигнуть только посредствомъ личнаго своего на нихъ вліянія и изъятія ихъ изъ-подъ вліянія разныхъ ихъ совѣтниковъ. Что касается до быстроты, съ которою императоръ принялся за осуществленіе этого дѣла, то она объясняется боязнью, чтобы Пруссія не предупредила его какимъ нибудь своимъ проэктомъ, желаніемъ предупредить нѣмецкихъ депутатовъ, которые должны были собраться въ августѣ во Франкфуртѣ же, и не допустить ихъ взять инициативу этого дѣла въ свои руки.

Но изъ одного исчисленія причинъ созванія конгресса видно, что если осуществленіе этого дѣла было пріятно для Австріи, то оно вовсе не было согласно съ видами Пруссіи; поэтому не трудно было предвидѣть, что Пруссія не захочетъ содѣйствовать осуществленію австрійскихъ проэктовъ. Дѣйствительно, между тѣмъ какъ почти всѣ германскіе государи приняли приглашеніе Австріи и обѣщали пріі-

ѣхать во Франкфуртъ къ назначенному сроку (король Датскій, вовсе не желавшій видѣть Германію единою и сильною, отказался отъ приглашенія), король прусскій не захотѣлъ участвовать въ конгрессѣ. Отказъ этотъ былъ мотивированъ тѣмъ, что хотя Пруссія и желаетъ реформы, однако она не можетъ согласиться на такой необычайный способъ обсужденія предмета: прусское правительство полагало, что сначала этотъ вопросъ долженъ быть разсмотрѣнъ и обсужденъ спеціалистами, министрами, совѣтниками государей, а потомъ уже перейти на разсмотрѣніе и окончательное утвержденіе самихъ государей; на этотъ путь обсужденія вопроса оно согласно, но отнюдь не на другой. Прусскія оффиціальныя газеты были также чрезвычайно скандализированы тѣмъ, что сначала государи должны заниматься разсмотрѣніемъ этого вопроса, а что потомъ ихъ рѣшенія должны быть обсуждаемы, и пожалуй осуждаемы и отвергаемы депутатами и народомъ. Когда государи собрались, императоръ австрійскій во вступительной рѣчи своей выразилъ глубокое сожалѣніе о томъ, что Пруссія отказалась принять участіе въ ихъ работахъ, замѣтилъ, что безъ участія ея нельзя ожидать успѣшнаго окончанія дѣла, и поэтому рѣшено было послать еще разъ къ королю прусскому совокупное приглашеніе всѣхъ собравшихся государей пріѣхать во Франкфуртъ и принять участіе въ ихъ работахъ. На это вторичное приглашеніе прусскій король отвѣтилъ новымъ отказомъ, приводя въ основаніе этого отказа тѣ же самыя причины, которыя онъ приводилъ и прежде. Но конечно эти причины были только подставными причинами, предлогами для отказа; истинныя же причины, какъ всякій легко пойметъ, заключаются въ томъ, что Пруссіи не хотѣлось принимать участія въ обсужденіи такихъ мѣръ, которыя имѣли исключительно въ виду интересы одной Австріи, и которыя должны были отодвинуть Пруссію на второй планъ. Эти настоящія причины высказываются отчасти въ рѣчахъ прусской оффиціальной и полуоффиціальной прессы, отчасти же въ оффиціальныхъ депешахъ самаго г. Бисмарка къ прусскимъ посланникамъ во Франкфуртѣ и въ Вѣнѣ. Но и въ томъ и въ другомъ случаѣ очень любопытно видѣть, какъ прусскіе журналисты и государственные люди противорѣчатъ самимъ себѣ и впадаютъ въ крайнія непослѣдовательности. Вообще всѣ они очень недовольны австрійскимъ проэктомъ и безпощадно его порицаютъ. При этомъ они иногда очень ядовито выставляютъ его недостаточность, и увѣряютъ, что Пруссія сдѣлала бы гораздо болѣе для Германіи, нежели Австрія, что она учредила бы въ Германіи настоящій національный парламентъ, основанный на непосредственныхъ народныхъ выборахъ, о чемъ Австрія и слышать не хочетъ, и т. д. Но съ другой стороны

«Крестовая газета», очень близко выражающая мнѣнія г. Бисмарка, жалуется на то, что австрійскій проэктъ слишкомъ радикаленъ. Другія правительственныя газеты говорятъ, что Австрія вступила на путь рискованной политики, приличной только искателямъ приключеній; онѣ упрекаютъ австрійское правительство въ томъ, что оно становится теперь во главѣ германскаго движенія изъ любви къ Австріи, между тѣмъ какъ Пруссія постоянно отказывалась стать во главѣ движенія изъ любви къ Германіи (значитъ Германіи нужна неподвижность?). Г. Бисмаркъ, замѣтивши тоже въ своихъ депешахъ, что Пруссія желаетъ реформы, дѣйствительно благодѣтельной для Германіи, говоритъ потомъ дальше, что онъ не ожидалъ такой обширной реформы, какъ та, которую предлагаетъ Австрія, и которая уничтожаетъ совершенно федеральную конституцію и касается самымъ чувствительнымъ образомъ верховной власти и международныхъ правъ государей. Далѣе онъ весьма откровенно говоритъ, что австрійскія предложенія не соотвѣтствуютъ интересамъ Пруссіи, потому что очевидно имѣютъ цѣлью уменьшить ея вліяніе въ Германіи. Кромѣ того они вовсе не соотвѣтствуютъ интересамъ Германіи, потому что могутъ очень легко впутать Германію въ войну, имѣющую цѣлью защиту негерманскихъ владѣній Австріи. Читая всѣ эти сбивчивыя и разнорѣчивыя возраженія и полуобѣщанія прусскихъ министровъ и журналистовъ, нѣмцы съ недоумѣніемъ спрашивали другъ у друга, что же станетъ теперь дѣлать Пруссія? Будетъ ли она протестовать противъ осуществленія австрійскихъ предложеній, или не протестовавши выйдетъ изъ союза и оставитъ поле сраженія за своимъ противникомъ, или она поспѣшитъ представить свой проэктъ, который былъ бы шире и либеральнѣе австрійскаго, вотъ вопросы, которые задаютъ себѣ недоумѣвающіе нѣмцы.

Австрійскій проэктъ реформы, вызвавшій такое негодованіе со стороны прусскаго правительства, не представляетъ разумѣется никакихъ данныхъ, по которымъ можно бы видѣть въ немъ желаніе произвести въ Германіи настоящую реформу въ либеральномъ смыслѣ: онъ имѣетъ въ виду учредить такого рода порядокъ, при которомъ внѣшнее значеніе Германіи усилилось бы (и то только въ смыслѣ благопріятномъ для Австріи), при которомъ Германія пріобрѣла бы то военно-полицейское единство, о которомъ мы говорили выше. Сначала долгое время ничего не было извѣстно относительно проэкта, и открывалось весьма обширное поле для всевозможныхъ догадокъ и предположеній, чѣмъ конечно и пользовались журналисты. Наконецъ послѣ перваго засѣданія конгресса обнародованъ былъ самый проэктъ реформы, обширный документъ, заключающій въ себѣ великое

множество параграфовъ. Конечно мы не станемъ останавливаться долго на этомъ проэктѣ, а упомянемъ только о главныхъ основаніяхъ его, съ тѣмъ, чтобы показать, какого рода единства Австрія желаетъ для Германіи. Исполнительная власть должна быть болѣе централизована и усилена: съ этою цѣлью учреждается директорія; долго спорили о томъ, сколько членовъ должно быть въ директоріи — 7, 5, или 3; этотъ важный для блага Германіи вопросъ рѣшенъ кажется тѣмъ, что будетъ 6 членовъ. При директоріи будетъ союзный совѣтъ. Нѣтъ сомнѣнія, что черезъ учрежденіе подобной директоріи исполнительная власть усилится; но такъ какъ она можетъ почти совершенно свободно рѣшать вопросы о войнѣ и мирѣ, такъ какъ она не является отвѣтственною ни передъ отдѣльными членами федераціи, ни передъ народными представителями, то понятно, что и во внѣшней, и во внутренней политикѣ подобное усиленіе центральной власти будетъ скорѣе вредно, нежели полезно для Германіи. Нужно сочинить также какой нибудь парламентъ, подумали составители проэкта; но конечно, они при этомъ же рѣшили, что парламентъ долженъ быть самый безвредный. И вотъ опредѣляется, что законодательная власть должна принадлежать палатамъ верхней и нижней. Верхняя палата должна составляться изъ всѣхъ нѣмецкихъ государей, которые будутъ съѣзжаться вмѣстѣ каждые три года, и изъ нѣкоторыхъ медіатизованныхъ князей. Мысль о подобномъ парламентѣ изъ владѣтельныхъ князей очень оригинальна, тѣмъ болѣе, что весьма сомнительно, чтобы большая часть изъ нихъ обладала ораторскимъ талантомъ; но кромѣ того трудно представить себѣ, чтобы эти члены верхней палаты согласились стать на одну доску съ народными представителями въ рѣшеніи законодательныхъ вопросовъ. Коли есть верхняя палата, должна быть и нижняя палата; и вотъ австрійскій проэктъ возвращается къ идеѣ о собраніи делегатовъ, отвергнутой нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, и предлагаетъ учредить союзную нижнюю палату, которая будетъ собираться каждые три года, и будетъ состоять изъ 300 членовъ: 100 членовъ въ нее назначатся отъ мѣстныхъ верхнихъ палатъ, а 200 отъ мѣстныхъ же нижнихъ палатъ. Защитники австрійскихъ предложеній увѣряютъ, что система делегацій имѣетъ ту огромную выгоду передъ системою прямыхъ народныхъ выборовъ въ парламентъ, что при этой системѣ не можетъ быть столкновенія между германскимъ парламентомъ и мѣстными палатами, какъ это случилось въ 1848 году, что палата изъ делегатовъ можетъ гораздо лучше понимать расположенія, желанія, намѣренія мѣстныхъ палатъ, и пр. Можетъ быть, они и правы, но за то трудно

представить себѣ, чтобы подобное собраніе, состоящее на одну треть изъ членовъ верхнихъ палатъ, большинство членовъ котораго стало бы выбираться, конечно, не безъ сильнаго вліянія исполнительныхъ властей, много способствовало развитію политической свободы въ Германіи. Наконецъ, предполагается учрежденіе союзнаго трибунала, составъ и устройство котораго предоставляется совершенно на произволъ правительствъ. Слѣдовательно весь этотъ пресловутый проэктъ реформы предполагаетъ все такія мѣры, отъ которыхъ настоящее положеніе дѣлъ или вовсе не измѣнится, или измѣнится развѣ только къ худшему. Но въ немъ заключается еще одна статья, которую можно считать за самую важную статью во всемъ проэктѣ, для которой Австрія безъ сомнѣнія и предложила весь остальной проэктъ. Въ этой статьѣ говорится: «если война вспыхнула или угрожаетъ вспыхнуть между однимъ изъ государствъ союза, имѣющихъ владѣнія внѣ предѣловъ союза, и другой державой, то директорія должна спросить мнѣнія союзнаго совѣта касательно того, слѣдуетъ ли Союзу принять участіе въ этой войнѣ или нѣтъ; союзный совѣтъ постановляетъ свое рѣшеніе простымъ большинствомъ голосовъ» (за простое большинство голосовъ Австрія можетъ поручиться, но она не могла бы поручиться за большинство двухъ третей, требуемое во всѣхъ другихъ случаяхъ). Конечно, это постановленіе не имѣетъ въ виду обезпечить Даніи и Голландіи помощь союза въ случаѣ войны съ другой державой, оно не можетъ также имѣть въ виду оградить интересы Пруссіи, въ случаѣ, напримѣръ, нападенія на Познань, потому что Пруссія не имѣетъ въ совѣтѣ большинства голосовъ: здѣсь очевидно имѣлись въ виду исключительно только интересы Австріи. Замѣчательно, что такой важный вопросъ, какъ вопросъ о войнѣ союза съ иностранною державою изъ-за негерманскихъ владѣній одного изъ его членовъ, рѣшается, по предложенію Австріи, не парламентомъ, хотя бы составленнымъ изъ самыхъ покорныхъ и смирныхъ делегатовъ, а союзнымъ совѣтомъ: здѣсь дѣло вѣрное, а тамъ Богъ знаетъ парламентъ, какъ онъ рѣшитъ дѣло.

Итакъ, проэктъ, какъ видно, немудреный, очень выгодный для австрійскаго императора и для его единомышленниковъ, довольно безобидный для прочихъ германскихъ государей, не совсѣмъ выгодный для прусскаго короля и очень невыгодный для всего нѣмецкаго народа. Это однако не помѣшало австрійскимъ и нѣкоторымъ другимъ нѣмецкимъ газетамъ придти въ восторгъ отъ иниціативы, взятой на себя австрійскимъ императоромъ. Они не замѣчаютъ при этомъ, что Рехбергъ и Шмерлингъ недалеко ушли отъ Меттерниха, и съ умиленіемъ толкуютъ о великости предпріятія, затѣяннаго австрійскимъ

императоромъ, о томъ, что теперь не будетъ болѣе *великой* и *малой* Германіи, а будетъ только *единая* Германія, передъ которой будетъ трепетать вся Европа, и пр. По словамъ Вѣнской газеты Presse недостатокъ попытки 1848 и 1849 г. заключался именно въ томъ, что германскій парламентъ выработалъ проэктъ реформъ, который правительства отвергли; теперь же германскій народъ можетъ отвергнуть предложенный ему проэктъ реформы въ случаѣ, если бы онъ не понравился ему. Чтобы выразить всю полноту своей радости и своей благодарности императору, вѣнскія начальства рѣшили приготовить для него великолѣпную встрѣчу при возвращеніи его въ Вѣну, и съ этою цѣлью для нихъ открытъ изъ городской кассы неограниченный кредитъ. Но нѣмецкій народъ, вообще потерявшій въ послѣднее время нѣкоторую долю своей наивности въ политическихъ дѣлахъ, посмотрѣлъ на дѣло съ нѣсколько меньшимъ энтузіазмомъ, чѣмъ вѣнскія газеты и вѣнское городское начальство. Не смотря на сладкія обѣщанія, которыя сыпались къ нему со всѣхъ сторонъ, онъ понялъ, что Австрія хлопочетъ очень много о себѣ и очень мало о Германіи; онъ понялъ, что если даже проэктъ Австріи осуществится вполнѣ (что само по себѣ еще очень сомнительно, какъ мы увидимъ ниже), то его положеніе отъ этого нисколько не улучшится, а развѣ только для него представится возможность быть впутаннымъ не нынче, завтра, въ совершенно чуждую для него войну. Этимъ объясняется между прочимъ та недовѣрчивость, съ которою народъ во всей Германіи встрѣтилъ мысль о конгрессѣ и объ австрійской реформѣ; этимъ объясняется та холодность, то равнодушіе, то отсутствіе восторга, съ которымъ народъ во Франкфуртѣ встрѣчалъ нѣмецкихъ государей, пріѣхавшихъ съ цѣлью дать ему новое политическое устройство. По свидѣтельству корреспондента газеты Indépendance Belge, народъ во Франкфуртѣ интересовался болѣе всего лошадьми и экипажами князей, а не мнѣніями и намѣреніями ихъ. Франкфуртцы желали, чтобы высокимъ гостямъ оказана была приличная встрѣча, съ этою цѣлью они ассигновали на этотъ предметъ много денегъ; но сами они не находили нужнымъ способствовать своимъ восторгомъ большему торжеству собранія государей. Точно такъ же недовѣрчиво отнеслось къ попыткѣ австрійскаго правительства и собраніе депутатовъ различныхъ нѣмецкихъ палатъ, собравшееся во Франкфуртѣ 5 дней спустя послѣ пріѣзда государей, 21 августа. Правда, когда въ этомъ собраніи зашла рѣчь о томъ, слѣдуетъ ли совсѣмъ обойти молчаніемъ австрійскій проэктъ, какъ не стоющій никакого вниманія, или принять его за основаніе своихъ разсужденій, большинство членовъ, по какой-то странной непослѣдовательности, высказалось въ пользу послѣдняго

мнѣнія, и рѣшено было выразить удовольствіе собранія, что Австрія и германскіе государи приняли на себя дѣло реформы. Но непослѣдовательность ихъ заключалась именно въ томъ, что когда пришлось выразить свое мнѣніе объ этомъ проэктѣ, собраніе единогласно объявило его неудовлетворительнымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Докладчикъ коммиссіи, назначенной для разсмотрѣнія этого проэкта, равно какъ и другіе ораторы, дѣлали весьма дѣльныя замѣчанія касательно значенія исполнительной власти, верхней и нижней палаты, судебнаго трибунала, и все это было найдено несоотвѣтствующимъ интересамъ германскаго народа. За тѣмъ собраніе рѣшило, что дѣйствительной и полезной реформы для Германіи можно ожидать только въ томъ случаѣ, если Германія преобразована будетъ въ союзное государство (Bundesstaat), если нѣмецкій парламентъ произойдетъ изъ непосредственныхъ народныхъ выборовъ, если между двумя великими германскими державами соблюдено будетъ полное равенство, если приняты будутъ въ Союзъ всѣ прусскія земли, не входившія доселѣ въ составъ союза, и если дѣло реформы не будетъ предоставлено одному только рѣшенію государей, но если рѣшенія эти будутъ представляемы на разсмотрѣніе и утвержденіе нѣмецкаго учредительнаго собранія. Значитъ фразу объ удовольствіи, которое испытали депутаты при видѣ преобразовательной инициативы государей и при чтеніи австрійскаго проэкта реформы, можно принять за простую фразу вѣжливости, которая составляетъ прямую противуположность съ тѣмъ, что авторы этой фразы думаютъ на самомъ дѣлѣ.

Мы видимъ, что и самъ народъ, и представители народа въ различныхъ палатахъ, ожидаютъ очень мало истинной пользы для Германіи отъ австрійскаго проэкта реформы, въ случаѣ если бы онъ осуществился именно въ томъ видѣ, въ какомъ при такой торжественной обстановкѣ предлагаетъ его Австрія; и мы совершенно раздѣляемъ этотъ ихъ взглядъ на настоящую реформу. Но при подобномъ сужденіи о немъ дѣлается предположеніе, что проэктъ этотъ осуществится вполнѣ сообразно съ желаніями Австріи. А между тѣмъ это само по себѣ вещь еще весьма сомнительная. Во первыхъ, самый германскій народъ, не смотря на всѣ его стремленія къ единству, кажется, не слишкомъ способенъ слиться въ одно, въ особенности если принять во вниманіе тѣ посторонніе примѣси, которыя хотятъ непремѣнно слить съ нѣмецкимъ народомъ. Намъ кажутся не лишенными основанія слѣдующія замѣчанія, которыя англійская газета Economist дѣлаетъ по поводу австрійскаго проэкта: «намъ не нужно, говоритъ эта газета, входить въ разсмотрѣніе специфическаго плана, предложеннаго Францомъ-Іосифомъ на франкфуртскомъ конгрессѣ. Намъ доста-

точно будетъ только исчислить тѣ народные и государственные элементы, которые онъ намѣревается слить въ одну политическую единицу: 1) Австрія съ 35 мил. жителей, изъ которыхъ нѣтъ и 7 мил. нѣмцевъ по происхожденію и по симпатіямъ, съ населеніемъ католическимъ и склоннымъ къ ханжеству, съ натянутыми своими отношеніями къ Венгріи и къ Венеціи, и съ разными другими негерманскими дѣлами; 2) Пруссія, центръ свободной мысли, съ 18 мил. населенія, по преимуществу протестантскаго, съ хроническою ссорою съ Даніею; 3) Баварія, съ 5 мил. неразвитымъ, невѣжественнымъ, католическимъ населеніемъ; 4) Ганноверъ, съ 2 мил. жителей, протестантовъ по преимуществу; 5) Саксонія съ 2 мил. протестантскаго населенія, съ государемъ-католикомъ, съ либеральными учрежденіями; 6) Виртембергъ съ 2 мил. населенія, большею частью протестантскаго; 7) Баденъ съ $1^1/_2$ мил. населеніемъ, большею частью католическимъ; 8) около двадцати герцогствъ и княжествъ съ различными вѣроисповѣданіями и различными политическими учрежденіями, начиная съ истиннаго либерализма до крайнихъ предѣловъ ханжества и деспотизма. Какимъ образомъ императоръ, король большаго королевства, четыре короля маленькихъ королевствъ, и великое множество князей съ различными вѣрованіями, политическими учрежденіями, интересами, съ различными и часто противуположными другъ другу внѣшними отношеніями, какимъ образомъ они могутъ слиться въ одинъ сильный союзъ по какому бы то ни было плану или при помощи какого бы то ни было средства?»

Если въ самомъ населеніи Германіи мало задатковъ къ единству, то еще менѣе таковыхъ задатковъ въ нѣмецкихъ государяхъ. Австрійскій проэктъ могъ удовлетворить только Австрію и очень немногихъ друзей ея, преимущественно баварское правительство, для котораго новый проэктъ былъ очень благопріятенъ. Между остальными князьями нашлось нѣсколько такихъ, которые, подобно нѣмецкимъ демократамъ, нашли проэктъ Австріи недостаточно либеральнымъ и желали парламента, вышедшаго изъ непосредственныхъ народныхъ выборовъ и пр; къ числу этихъ князей принадлежали герцоги баденскій, саксенъ-веймарскій и кобургскій. Но большая часть князей, которые, какъ мы замѣтили выше, были очень довольны положеніемъ, созданнымъ для нихъ трактатами 1815-го года, вовсе не желали выходить изъ этого положенія и, подобно Крестовой газетѣ, находятъ предложенія Австріи слишкомъ радикальными. Дѣйствительно мы узнаемъ, что герцоги мейнингенскіе, альтенбурскіе, брауншвейгскіе выразились въ такомъ смыслѣ о различныхъ предложеніяхъ Австріи; къ нимъ присоединились вѣроятно герцоги мекленбургскіе

и курфирстъ гессенскій, съ убѣжденіями которыхъ мы уже отчасти познакомились, когда рѣчь шла о проэктѣ созванія делегатовъ. Впрочемъ сторонники австрійскаго проэкта надѣятся, что можетъ быть личное вліяніе австрійскаго императора сломитъ сопротивленіе этихъ монарховъ. Можетъ быть, это и будетъ, но не знаемъ, много ли выиграетъ отъ этого нѣмецкое единство. Но если ко всѣмъ вышеупомянутымъ затрудненіямъ прибавить еще личную зависть и недоброжелательство, если вспомнить, что король ганноверскій напр. завидуетъ излишнимъ привилегіямъ короля баварскаго, а герцогъ брауншвейгскій завидуетъ принцу нассаускому, и т. д., то не трудно представить себѣ, съ какими великими препятствіями придется бороться австрійскому императору, чтобы убѣдить всѣхъ собравшихся государей принять его проэктъ. Франкфуртскій телеграфъ работаетъ безъ устали: то онъ сообщаетъ, что такая-то статья принята окончательно, то опять опровергаетъ это извѣстіе, то онъ извѣщаетъ, что такой-то протестовалъ въ такомъ смыслѣ, то такой-то въ иномъ смыслѣ, и такъ далѣе безъ конца. А тамъ можно еще навѣрное сказать, что если князья и примутъ даже австрійскій проэктъ, то послѣ, по возвращеніи ихъ домой, найдутъ оговорки, увертки и пр. Хлопотливое дѣло заставить 35 различныхъ умовъ мыслить одинаковымъ образомъ! Однако нѣкоторые друзья австрійскаго проэкта видятъ ручательство успѣха въ томъ, что австрійскій императоръ зашелъ уже слишкомъ далеко въ этомъ дѣлѣ, и что ему поэтому теперь нельзя уже возвратиться назадъ; что не захочетъ же онъ допустить, чтобы послѣ такого торжественнаго съѣзда государей, они опять разъѣхались, ничего почти не достигнувши, чтобы, однимъ словомъ, гора родила мышь, и что слѣдовательно съѣхавшіеся государи непремѣнно уже устроятъ дѣло такъ, что изъ него выйдетъ что нибудь хорошее. Другіе, потерявши надежду на успѣхъ дѣла, предпринятаго Австріей, утѣшаютъ себя тѣмъ, что если дѣло реформы и не состоится, то все-таки ему данъ толчекъ, что сдѣланъ большой шагъ къ сближенію государей между собою и государей съ народами своими, что изо всего этого для Германіи непремѣнно должны выйти благотворные результаты, и т. д.

Что касается до впечатлѣнія, произведеннаго франкфуртскимъ конгрессомъ на другія европейскія державы, то можно замѣтить, что Франція видимо смотритъ на это дѣло нѣсколько косо. Французское правительство понимаетъ значеніе попытокъ германскихъ правительствъ къ созданію единой Германіи; оно понимаетъ, что въ этихъ стремленіяхъ имѣется только въ виду сдѣлать Германію сильною и могущественною на случай нападенія извнѣ, а нападенія этого гер-

манцы ожидаютъ преимущественно со стороны Франціи. Очень понятно послѣ этого, что настоящіе толки ихъ о реформѣ въ союзномъ устройствѣ Германіи имѣютъ нѣкоторый видъ угрозы относительно Франціи — вотъ, дескать, смѣй только подумать о рейнской границѣ. Французскія газеты очень недовольны этой косвенной угрозой; оффиціальная и полу-оффиціальная часть французской прессы, обыкновенно очень довѣрчивая относительно всякой иниціативы, принятой на себя какимъ бы то ни было правительствомъ, относится очень скептически къ прожэту австрійскаго императора, и не вѣритъ въ возможность успѣха его. Англійскія газеты, сочувствующія въ особенности Пруссіи, потому что видятъ въ ней самую надежную противницу Франціи, очень сожалѣютъ о томъ, что Пруссія потеряла свое значеніе и уступила его Австріи; они очень настоятельно совѣтуютъ прусскому правительству постараться опять привлечь на свою сторону симпатіи Германіи.

ВЪ ДЕРЕВНѢ.

ЛѢТНІЙ ФЕЛЬЕТОНЪ.

Давнымъ давно извѣстно, что самая благодатная вещь на свѣтѣ—это лѣто въ деревнѣ. Въ самомъ словѣ «деревня» звучитъ что-то невинное; какъ-то переносишься мыслію въ тѣ пріятныя и злачныя мѣста, въ которыхъ гуляли наши прародители, пока не вкусили отъ древа познанія добра и зла. Конечно, имъ было ловчѣе нашего, потому что они ходили совсѣмъ безъ одеждъ, кушали самые сочные фрукты, и вообще жили на всемъ на готовомъ; но и намъ, ихъ потомкамъ, не дурно: не даромъ же съ словомъ «деревня», кромѣ понятія о невинности, соединяется еще понятіе о просторной одеждѣ и о прекрасной ѣдѣ.

Иногда я думаю: какъ это, право, досадно, что наши прародители преслушались! Еслибъ они не преслушались, мы и сейчасъ гуляли бы себѣ безпечно по садамъ, кушали бы прекрасные фрукты, ходили бы безъ одеждъ, не пахали бы, не сѣяли... Но, стало быть, красивъ же былъ тотъ плодъ, который росъ на древѣ познанія добра и зла, если одного вида его достаточно было, чтобы возбудить со стороны человѣка такое ужасное дѣйствіе, какъ ослушаніе! Да, много горя и бѣдъ надѣлали намъ прародители изъ одного любопытства! Но если ужь надѣлали, то, стало быть, и говорить объ этомъ нечего.

По понятіямъ простолюдиновъ, мало вникающихъ въ существо вещей, житье самое близкое къ прародительскому есть житье нашего русскаго землевладѣльца лѣтомъ, въ деревнѣ. Въ самомъ дѣлѣ, если судить поверхностно, тутъ есть своя доля правды. По видимому, землевладѣлецъ только и дѣлаетъ, что гуляетъ, кушаетъ фрукты и ходитъ въ просторной одеждѣ, который умѣетъ сочинять стихи, сочиняетъ стихи, который обученъ на скрипкѣ или віолончели, выводитъ смычкомъ серенаду Шуберта. Но повторяю: сужденія эти поверхностны, ибо простолюдину, конечно, не понятно, какія заботы и соображенія обуреваютъ въ это время землевладѣльца. Можетъ быть, онъ изобрѣтаетъ уже изобрѣтенный Ньютономъ биномъ? можетъ быть, онъ измышляетъ законы вѣчнаго движенія? Можетъ быть, онъ доходитъ собственнымъ умомъ до разрѣшенія вопроса о томъ, что такое комета, и отчего у ней хвостъ? Какъ придѣланъ этотъ хвостъ, и зачѣмъ онъ надобенъ? Все это въ его рукахъ, потому что у него имѣется достаточно досуга, да притомъ онъ съѣлъ, по крайней мѣрѣ, девять десятыхъ того яблока, которое росло на древѣ познанія добра и зла, простолюдину же оставилъ только съ капельку. А потому, онъ все это знаетъ, а простолюдинъ ничего не знаетъ.

Нынѣшнее лѣто было особенно отрадно въ деревнѣ. Не потому, чтобы оно было само по себѣ хорошо — нѣтъ, нынѣшнее наемурное и дождливое лѣто было усладительно развѣ для однихъ лягушекъ и грибовъ — а потому просто, что можно было убѣжать въ деревню и забыть городъ. Вотъ, напримѣръ, я сижу въ настоящее время въ двадцати пяти верстахъ отъ Москвы, и знаю, что тамъ въ Москвѣ, какъ въ котлѣ, кипитъ, и ни до чего-то мнѣ дѣла нѣтъ. Въ деревнѣ я бодръ, здоровъ и веселъ; въ деревнѣ мною обладаетъ рѣшительная словобоязнь. Я вижу, что вокругъ меня все работаетъ, все занято дѣломъ, а не переливаньемъ изъ пустаго въ порожнее, и ненависть къ словоизверженію до того охватываетъ всѣмъ моимъ существомъ, что день полученія газетъ становится днемъ тошноты. Господи! думаешь, да неужтожь есть на свѣтѣ такая обязанность, чтобъ каждый Божій день приниматься все за ту же сутолоку, каждый Божій день заниматься тѣмъ, чтобъ изъ вчерашняго существительнаго дѣлать сегодняшнее прилагательное и на оборотъ?

Да, есть такія занятія; они существуютъ въ той пыльной и душной сферѣ, гдѣ съ одной стороны безпокойно рѣютъ надъ

жизнью жадное до падали литературное воронье и надрывающимъ душу голосомъ выпрашиваетъ жертвъ для своей плотоядности, а съ другой—ключемъ кипятъ кисленькіе споры о различіи между Русляндіей и Русью, гдѣ съ одной стороны тупоуміе и хвастовство признаются за единственную руководящую истину жизни, а съ другой — неудержимымъ потокомъ вырываются изъ самыхъ человѣческихъ внутренностей метафоры о форрейторѣ, оторвавшемся съ выносными лошадьми отъ экипажа (фигуральное изображеніе Русляндіи). Это міръ почти фантастическій, міръ, гдѣ все обусловливается или подачкой, или вдохновеніемъ, которое, какъ извѣстно, не признаетъ никакихъ условій. Прямое назначеніе людей этого міра—сочинять мадригалы и конфектные билетики, но судьба странно играетъ смертными и изъ урожденнаго сочинителя тріолетовъ дѣлаетъ плохаго и невразумительнаго публициста. Говорятъ, будто бы и между дѣятелями этой категоріи слѣдуетъ различать «искренность», то есть занимающихся политическими и экономическими «рондо» по внушенію невиннаго и слишкомъ горячаго сердца, отъ тѣхъ, которые пишутъ таковые безъ всякаго сердечнаго влеченія, но, признаюсь, я не хорошо понимаю, въ чемъ собственно заключается преимущество первыхъ надъ послѣдними. Результатъ въ обоихъ случаяхъ одинаковъ, но въ первомъ онъ достается даромъ, во второмъ — съ помощью нѣкотораго труда—стало быть, разница не въ сущности дѣла, а въ личныхъ качествахъ дѣйствующаго лица, которыя до публики ни мало не касаются. Вдохновенные глупцы едва ли даже не вреднѣе, нежели плуты, промышляющіе ложью съ сознаніемъ. Отъ послѣднихъ еще можно освободиться, отъ первыхъ — ни пестомъ, ни крестомъ... Какъ бы то ни было, но убѣжать хоть на время отъ этого міра—сущее наслажденіе.

Городской житель, который говоритъ себѣ предъ наступленіемъ весны: вотъ я уѣду на лѣто въ деревню и тамъ займусь, тамъ окончу такой-то трудъ, жестоко ошибется въ своихъ разсчетахъ. Для насъ, людей, прикованныхъ ремесломъ къ городамъ и лишь временно счастливящихъ деревню своимъ посѣщеніемъ, трудъ возможенъ только въ городѣ и притомъ зимою, когда все прилажено такъ, чтобы держать человѣка скованнымъ; деревня намъ дается единственно для того, чтобъ лѣниться. Въ городахъ мы привыкли мѣрять большою мѣрою; въ деревнѣ, напротивъ того, все группируется около грошей и копѣекъ, вся жизнь расходится по мелочамъ; поэтому истинно-деревенское

дѣло представляется ничтожнымъ. Ущербы и уроны, случающіеся на каждомъ шагу, важны лишь въ своей совокупности; будучи взяты каждый отдѣльно, они кажутся столь мизерными, что городской житель невольнымъ образомъ пропускаетъ ихъ мимо глазъ. Всѣ эти вопросы о потравахъ, порубкахъ и проч. сводятся въ большей части случаевъ къ вопросамъ о двугривенныхъ, полтинникахъ и цѣлковыхъ, на которые городской житель, даже съ довольно ограниченными средствами, привыкъ смотрѣть болѣе или менѣе легко; слѣдовательно, поднимать изъза этого Богъ вѣсть какую возню, уличать, подозрѣвать, ловить— рѣшительно не стоитъ. Да еслибъ, наконецъ, человѣкъ и рѣшился предпринять подобный трудъ, то скоро онъ убѣдится, что трудъ этотъ отвлекъ его отъ другаго, болѣе производительнаго, и что въ концѣ концовъ, такъ или иначе, но усилія его все-таки останутся напрасными. Слѣдовательно, вамъ остается покориться своей участи и сквозь пальцы смотрѣть, какъ въ вашемъ хозяйствѣ пошаливаютъ. Вотъ первая причина, по которой городской житель является неспособнымъ къ деревенскому дѣлу. Вторая причина заключается въ томъ, что городской житель и въ это дѣло вноситъ тотъ гуманный и снисходительный взглядъ, къ которому рѣшительно неспособенъ коренной обыватель деревни. Зрѣлище труда тяжкаго и изнурительнаго, какимъ вообще представляется всякій трудъ деревенскій, совсѣмъ не такого свойства, чтобы производить умиляющее впечатлѣніе; напротивъ того, оно заставляетъ страдать даже и посторонняго человѣка, не принимающаго въ трудѣ непосредственнаго участія; здѣсь тяжесть слишкомъ наглядна, чтобъ дать мѣсто какимъ бы то ни было фантазіямъ, а потому на городскаго жителя, удосужившагося и самый трудъ свой поставить въ условія нѣкоторой комфортабельности, подобная египетская работа дѣйствуетъ раздражительно. Недодѣлки, недосмотры и лукавыя уклоненія со стороны рабочаго народа представляются до такой степени естественными, что и на нихъ, точно такъ же, какъ и на тѣ вселенскіе вопросы о потравахъ и проч., о которыхъ говорено выше, приходится смотрѣть сквозь пальцы. А между тѣмъ, судя по сказаніямъ свѣдущихъ людей, въ этихъ-то недодѣлкахъ и уклоненіяхъ и заключается именно вся сила деревенскаго дѣла. Огрѣхъ въ пашнѣ, неравномѣрный посѣвъ, несвоевременная и небрежная уборка сельскихъ произведеній не только производятъ чувствительный ущербъ временный, но подрываютъ сельское хозяйство

въ его будущемъ. А потому коренной обыватель деревни смотритъ на это дѣло совсѣмъ другимъ окомъ. Отъ того ли, что право собственности, какъ осязательное, доступнѣе его пониманію, нежели всякое другое право иной, высшей сферы, или отъ того, что ежедневное столкновеніе съ извѣстными формами жизни дѣлаетъ человѣка менѣе чувствительнымъ къ тѣмъ шероховатостямъ, которыя въ нихъ кроются,—какъ бы то ни было, но, въ смыслѣ техническаго выполненія труда, сельскій человѣкъ точенъ до неумолимости и требователенъ до жестокосердія. Никто не съумѣетъ такъ заставить работать, какъ мужикъ мужика. Только развѣ особое какое нибудь соображеніе вынудитъ его на минуту отступить отъ своей аккуратности, но чувство снисхожденія все-таки не приметъ въ этомъ случаѣ никакого участія. Наконецъ, третья причина, дѣлающая усилія городскаго жителя войти въ деревенское дѣло ничтожными, заключается въ томъ, что дѣло это обширно и въ то же время разбросанно. Лично принять участіе во всѣхъ разнообразныхъ и крайнѣ мелочныхъ его операціяхъ, лично за всѣмъ присмотрѣть—нѣтъ никакой возможности, да еслибъ таковая и оказалась, то здѣсь трудъ по своей утомительности и крайне невиднымъ его послѣдствіямъ, самому стоитъ дороже; если же нанимать такихъ людей, которыхъ присмотръ, хотя не вполнѣ, замѣнялъ бы хозяйскій, то это будетъ стоить такъ дорого, что результатъ никогда не вознаградитъ издержекъ. Да и никогда (за самыми развѣ рѣдкими исключеніями) отъ подобныхъ надзоровъ никакихъ улучшеній въ деревенскомъ дѣлѣ не бываетъ, потому что не натурально заставить наемнаго человѣка смотрѣть на чужое дѣло, какъ на свое собственное; и какъ бы вы ни заинтересовывали его въ вашемъ предпріятіи, участіемъ ли въ прибыляхъ, прекраснымъ ли обхожденіемъ, все-таки не найдется такого математика, который бы съумѣлъ доказать, что два равно единицѣ, или что единица больше двухъ. А повѣрять дѣйствія такого надзирателя, слѣдить за нимъ шагъ за шагомъ просто не хватаетъ духа. Во первыхъ, измучишься въ этомъ безплодномъ трудѣ точно такъ же, какъ будто и дѣйствительно что нибудь работалъ; во вторыхъ, на каждомъ шагу встрѣчаешься съ вопросомъ: да не ужтожь вы мнѣ не довѣряете? вопросомъ, дѣлаемымъ иногда съ едва скрываемою иронією. И напрасно вы будете увѣрять и самого себя, и вашего довѣреннаго, что учетъ этотъ заводится вами совсѣмъ не изъ недовѣрія, а въ видахъ повѣрки собственныхъ вашихъ

средствъ; внутри васъ все-таки шевельнется что-то въ родѣ сомнѣнія: «а вѣдь я и въ самомъ дѣлѣ ему недовѣряю»; въ немъ же хотя и не шевельнется никакого подобнаго вопроса (онъ положительно увѣренъ, что недовѣріе есть, и, въ сущности, считаетъ его законнымъ), но отъ зоркаго его взгляда не укроются ни ваше смущеніе, ни ваши извороты—и вотъ тутъ-то настоящій источникъ той иронiи, которую онъ не старается даже скрыть. Нелѣпѣе и даже безнравственнѣе такихъ отношеній ничего не можетъ быть. Вся штука, стало быть, въ томъ, что городской житель, вовлекающійся въ деревенское дѣло, увлекается въ этомъ случаѣ такимъ занятіемъ, которое ему не сродно, за которое онъ не имѣетъ ни охоты, ни умѣнья, ни наконецъ выгоды взяться, какъ слѣдуетъ. А отсюда прямое слѣдствіе то, что деревенское дѣло выгодно и занятно только для того, кто принимаетъ въ немъ участіе непосредственнымъ своимъ трудомъ. Да, не командованіемъ только, не «нечалованіемъ», а именно личнымъ, тяжелымъ трудомъ.

Приведу одинъ, очень маленькій примѣръ — содержаніе домашней птицы. Утверждаютъ люди свѣдущіе, что крестьянину это содержаніе ничего не стоитъ, да этому можно и повѣрить. Тутъ всякая крошка идетъ въ дѣло; все, что хотя и не годно для непосредственнаго употребленія крестьянской семьи, въ общемъ оборотѣ хозяйства представляетъ статью далеко не безполезную. Напротивъ того, въ помѣщичьемъ хозяйствѣ (по упраздненіи крѣпостнаго права) вырастить птицу дома стоитъ гораздо дороже, нежели купить такую же на базарѣ, если не лучше. Теперь не такое время, когда птицамъ и другимъ домашнимъ животнымъ полагалось питаться остатками отъ скудной трапезы дворовыхъ людей; теперь этихъ остатковъ не полагается; поэтому птица, хотя бы это была даже курица, освобождается отъ обязанности крохоборствовать (своего рода эманципація), а требуетъ особой и притомъ опредѣленной дачи корма. «Такъ вотъ ты и увидишь, батюшка, во что оно тебѣ вскочитъ!» говорила мнѣ по этому случаю добрая моя знакомая, г-жа Падейкова. Да, и увидѣлъ; и вскочило.

Все замѣченное выше приводитъ къ тому, что самый рьяный и востренькій горожанинъ, на первыхъ порахъ хоть и потопчется—потопчется на мѣстѣ, хоть и возьмется за дѣло съ бойкостью истинно изумительною, но изумитъ міръ не столько очевидными результатами этой бойкости, сколько неумѣлостью и

происходящими отсюда утомленіемъ и раздраженіемъ. Вездѣ-то онъ увидитъ себя одинокимъ, ни къ какому-то дѣлу не найдетъ себя пріурочить—ну, и отойдетъ потихоньку прочь.

Такимъ образомъ изъ всего деревенскаго дѣла горожанину остается одна только отрасль — собираніе грибовъ. О вы, которые смотрите высоко на это невинное занятіе, будьте снисходительны къ нему именно во уваженіе его невинности! Вспомните, что человѣкъ, предающійся ему, никого не убиваетъ, не подрываетъ ни чьей репутаціи, ни на кого не клевещетъ. Безпечно бродя съ лукошкомъ по лѣсу, онъ можетъ обдумывать, что ему угодно, можетъ воображать себя гражданиномъ вселенной, можетъ возвыситься даже до мысли о безсмертіи души... покуда не блеснетъ ему изо мха ярко-оранжевая головка осинника или не заставитъ взыграть въ немъ сердца изсиза-палевая шапка бѣлаго гриба! Не даромъ же замѣчено, что люди, у которыхъ охота къ собиранію грибовъ доведена до страсти, бываютъ наклонны къ мыслямъ о безконечномъ, и притомъ самые пламенные консерваторы. Постоянно находясь на лонѣ природы, взявши на себя роль присяжныхъ свидѣтелей ея творчества, они находятся въ непрерывномъ умиленіи, и до того отождествляются съ наблюдаемымъ ими грибнымъ строемъ, что переносятъ его и на весь остальной міръ. Ясно, что изъ этого ничего, кромѣ хорошаго, произойти не можетъ; ясно также, что если помѣщики русскіе захотятъ послушаться моего совѣта, то оставятъ всякія заботы о недоступномъ для нихъ сельскомъ хозяйствѣ, и примутся за собираніе грибовъ. Они поймутъ, что, при извѣстныхъ условіяхъ, это занятіе самое настоящее, и что когда человѣкъ не расположенъ, не можетъ или не умѣетъ найти себѣ дѣло не столь невинное, то ничто такъ не помогаетъ убивать время, какъ бесѣда съ грибами. А въ чемъ же и вопросъ, какъ не въ томъ, чтобъ убить время? Конечно, тогда грибы сдѣлаются ни почемъ, но вѣдь не возить же на базаръ продавать результаты трудовъ своихъ... фуй!

Поэтому, каждый землевладѣлецъ-горожанинъ долженъ убѣдиться, что въ этомъ смыслѣ онъ не безъ пользы можетъ направить всю свою дѣятельность. Не надо думать однакожь, что такая дѣятельность не можетъ быть плодотворною; напротивъ того, и въ этой сферѣ возможны открытія весьма полезныя, хотя и скромныя.

Грибовъ бываетъ множество сортовъ; самыми лучшими счи-

таются: бѣлые, подосинники (въ иныхъ мѣстахъ ихъ называютъ боровиками) и черные березовики; отваренные въ уксусѣ или зажаренные въ сметанѣ, грибы эти составляютъ равно лакомое кушанье и для вельможи и, для поселянина; худшіе сорты грибовъ, волнушки и многочисленные сорты сыроѣжекъ наконецъ, никуда негодные: валуи, мухоморы и поганки. На счетъ мухомора существуютъ однако же мнѣнія весьма противорѣчивыя: нѣкоторые признаютъ ихъ совершенно негодными къ употребленію, другіе, напротивъ, видятъ въ нихъ завидное лакомство. Въ записной книжкѣ одного моего знакомаго я встрѣтилъ: «не знаю, отчего грибъ мухоморъ пользуется такою дурною репутаціей между охотниками до грибовъ, — что до меня, то я всегда любилъ собирать эти красивые, большіе грибы, и потомъ, обжаривъ ихъ въ сметанѣ и посыпавъ перцемъ, кушалъ не только безъ всякаго вреда, но и съ большимъ удовольствіемъ».

Но исканіе грибовъ, какъ и все на свѣтѣ, сопряжено съ своего рода тревогами и столкновеніями, и сопровождается хитростями, компромиссами и уступками. Это и понятно, потому что кто же когда нибудь мечталъ о томъ, чтобы найти розу безъ шиповъ? Первый и заклятый врагъ гриба есть русская баба, которая чутьемъ слышитъ грибъ и истребляетъ его почти въ утробѣ земли матери, начиная благороднымъ бѣлымъ грибомъ и кончая тощею и невзрачною сыроѣжкою. Естественно, что она же должна явиться страшною соперницею землевладѣльца и на этомъ поприщѣ. Землевладѣлецъ-горожанинъ просыпается поздно, баба встаетъ съ восходомъ солнца, обшариваетъ всѣ кусты, и, какъ ни въ чемъ не бывало, уже занимается обычной работой въ то время, какъ землевладѣлецъ, потягиваясь въ постелѣ, мечтаетъ о томъ, какъ онъ будетъ, подъ сѣнію деревъ широковѣтвистыхъ, срывать грибы наслажденія. Отъ этого соперничества не упасутъ его ни канавы, ни убѣжденія; нѣтъ той канавы, черезъ которую не перелѣзла бы русская баба, нѣтъ того увѣщанія, котораго бы она послушалась, когда дѣло идетъ объ интересахъ ея ненасытной утробы!

Другой, еще болѣе жестокій врагъ грибовъ — это сухое, бездождное лѣто, ибо тайнобрачные любятъ нѣжиться въ мягкомъ и влажномъ ложѣ. Отцы наши умѣли однакожь устранять и этотъ недостатокъ, окружая себя людьми, которые имѣли способность находить грибы даже въ такую сухмень, когда и отъ болотъ несло гарью. Я очень хорошо помню въ нашемъ домѣ

одного двороваго человѣка, Палладія, который именно разыгрывалъ относительно грибовъ роль благодѣтельнаго дождя. Бывало, маменька, какъ истинная хозяйка, даже закручинится, что вотъ нѣтъ да и нѣтъ грибовъ.

— Да чтожь ты, душенька, Палладку въ лѣсъ не пошлешь! молвитъ ей папенька.

И всѣ лица оживаютъ, всѣ сердца разцвѣтаютъ. Призываютъ Палладія, вооружаютъ его обширнымъ лукошкомъ... и къ вечеру онъ является съ полнымъ кузовомъ самыхъ отборныхъ бѣлыхъ грибковъ. Изъ этого факта я имѣю право заключать, что кто желаетъ съ успѣхомъ охотиться за грибами, тотъ долженъ искать ихъ не столько по лѣсамъ и рощамъ, сколько въ собственномъ сердцѣ своемъ.

Охотники до грибовъ сказываютъ, что существуютъ даже извѣстныя заклинанія, очень много помогающія при собираніи ихъ. Обращаются въ этихъ заклинаніяхъ къ одному изъ многочисленной семьи лѣшихъ, Шикалѣ-грибодавцу. Вотъ одинъ образчикъ подобнаго заклинанія: «Шикалу-ликалу! царь бородавокъ! сила грибная! Иду я рабъ (имя рекъ) по твоему темному царству, заплутанному государству; вижу я три гриба: вижу гриба ала, гриба свѣтла, гриба изумрудна» и т. д. Говорятъ, что при этихъ словахъ грибы выростаютъ, какъ грибы; но говорятъ также, что человѣкъ, который прибѣгаетъ къ подобнымъ заклинаніямъ, погубляетъ свою душу... изъ-за грибовъ! Поэтому мой совѣтъ таковъ: лучше совсѣмъ откажись отъ грибовъ, но душу свою соблюди!

Господи! про какіе это онъ, однакожь, пустяки говоритъ! навѣрное скажетъ читатель, пробѣжавъ предыдущія строки. Но позвольте, читатель; объ чемъ же, какъ не о грибахъ, прикажете говорить въ такое мочливое, грибное время, каково нынѣшнее? Да притомъ, развѣ я говорилъ о грибахъ для грибовъ только? Нѣтъ, я указалъ на роль, которую они должны играть въ будущемъ значеніи землевладѣльцевъ съ городскими наклонностями и ярко поставилъ цѣль, къ которой эти послѣдніе должны стремиться. Кажется, это заслуга не малая. Сверхъ того, сюжетъ этотъ мнѣ по душѣ и по тому одному, что я знаю, что онъ ни подъ какимъ видомъ не можетъ встревожить сердце моего милаго цензора. Или и онъ можетъ встревожить? Не найдетъ ли здѣсь цензоръ какихъ нибудь намековъ. Не заподозритъ ли онъ, что я подъ «тайнобрачными» разумѣю нѣкоторыхъ газетчиковъ? Не

увидитъ ли онъ въ Палладкѣ намека на неискусныхъ администраторовъ, которые и въ неблагопріятное для грибовъ время умѣютъ отыскать и съѣсть грибъ? А мнѣ что за дѣло, если онъ даже все сіе увидитъ и заподозритъ? вѣдь ничего этого нѣтъ, слѣдовательно и совѣсть моя должна оставаться спокойною.

И такъ, если нѣтъ грибовъ, если воздухъ сухъ и душенъ, что остается дѣлать въ деревнѣ землевладѣльцу? Ему представляется отличный случай наблюдать за нравами простолюдиновъ, пріобщаться къ ихъ играмъ и забавамъ и вообще затѣять въ обширныхъ размѣрахъ игру въ сближеніе сословій. Это дѣло отмѣнно хорошее, но не могу скрыть, что и здѣсь встрѣчается на пути множество препятствій, которыя преодолѣть довольно трудно. Первое препятствіе со стороны самаго простолюдина, который дикъ, застѣнчивъ и мало любитъ, чтобъ за нимъ подглядывали. Сверхъ того, онъ убѣжденъ, что для землевладѣльца его простолюдинскія игры слишкомъ мало изысканны, что онѣ оскорбляютъ его изящное чувство; и потому какъ только подходитъ къ нему землевладѣлецъ, онъ исчезаетъ въ подворотню. Второе препятствіе заключается въ стыдливости самого землевладѣльца, и это я совсѣмъ не шутя говорю. Надобно имѣть совершенно чугунный лобъ, чтобъ лѣзть туда, гдѣ васъ не спрашиваютъ, чтобы напоминать объ вашемъ существованіи людямъ, которые объ немъ если еще не забыли, то во всякомъ случаѣ, вспоминать не любятъ. Положимъ, что вы приходите туда, гдѣ шумитъ простолюдинское веселье; веселье это самое искреннее, и потому оно рѣзво, и нельзя сказать чтобъ очень чинно; но съ вашимъ приходомъ вы видите, что вдругъ все измѣняется; пѣсня спускается тономъ, двумя ниже, смѣхъ умолкаетъ; праздникъ, бывшій въ полномъ разгарѣ, внезапно заминается. Точно тѣнь какая-то набѣжала на всѣ лица, точно укоръ какой стремится къ вамъ отовсюду за то, что вы смутили общую радость. И если въ васъ осталась хоть капля совѣстливости, вы повертите, повертите тросточкой и уйдете, поджавши хвостъ, домой. Отсюда правило: не затѣвай игру въ сближеніи сословій, ибо такая попытка поведетъ лишь къ безплодной тратѣ времени, конфузу и позднему раскаянію.

Такимъ образомъ, изъ рукъ землевладѣльца ускользаетъ не только живое сельское дѣло, но и непосредственное наблюденіе надъ нимъ. Самые грибы находятся въ заговорѣ и слѣдуютъ общему настроенію умовъ. Остается, стало быть, устроиться въ

деревнѣ по городскому, т. е. перенести съ собой ту же душную, политико-административно-сплетническую атмосферу, которая, словно свинцовый туманъ, тяготѣетъ надъ городами. Большею частію такъ оно и дѣлается... въ намѣреніи; но здѣсь оппонентомъ землевладѣльцу является сама природа. Скажите на милость, есть ли какая нибудь возможность запереться на глухо въ душной комнатѣ въ такое время, когда все зоветъ и манитъ на воздухъ? Есть ли возможность предаться какому нибудь кабинетному занятію, когда вся природа говоритъ о теплѣ, свободѣ и наслажденіи? Въ комнатѣ положительно не сидится; даже тотъ, у кого нѣтъ никакого дѣла, вызывающаго его изъ дома, и тотъ бѣжитъ на волю, чтобъ побродить, послоняться безъ всякой цѣли. Днемъ его манятъ тѣнистыя аллеи парка своими прохладами; ночью — манитъ сама ночь своими безчисленными звѣздами, своимъ фантастическимъ луннымъ освѣщеніемъ, своею торжественною, глубокою тишиною. Все располагаетъ къ кроткому бездѣлью и тихой мечтательности. Мысли и образы пробѣгаютъ по душѣ, не останавливаясь и не цѣпляясь за тѣ слишкомъ живыя струны сердца, которыхъ сотрясеніе болѣе или менѣе болѣзненно дѣйствуетъ на весь организмъ человѣка. Блаженная, безмятежная радость чувствуется во всемъ существѣ; думается много, но ни о чемъ въ особенности; воспоминанія прошлаго, представленія настоящаго, предвидѣнія будущаго — все это сливается въ одну массу, все это проходитъ безъ ясныхъ, опредѣленныхъ очертаній, проходитъ за тѣмъ только, чтобы утонуть въ какихъ-то сумеркахъ, совершенно подобныхъ тѣмъ, которые царствуютъ въ тѣнистыхъ аллеяхъ, по которымъ гуляетъ безпечный, нигдѣ не находящій себѣ мѣста землевладѣлецъ. Вновь спрашиваю: возможно ли при такомъ положеніи вещей какое либо другое занятіе, кромѣ занятія собственной лѣностью?

Правда, прежде было еще занятіе у русскихъ землевладѣльцевъ — это занятіе либеральничаньемъ, но нынѣшнимъ лѣтомъ оно прекратилось, ибо за симъ строго наблюдали «Московскія Вѣдомости» и «День».

Извѣстно, что изъ млекопитающихъ всевозможныхъ породъ самымъ либеральнымъ всегда былъ и будетъ русскій землевладѣлецъ. Въ области свободномыслія и свободныхъ художествъ это просто ненасытъ какой-то. Послушать ихъ, то всѣ эти реформы, которыя отчасти осуществились, а отчасти имѣютъ осуществиться, ко благу нашей родины, уже давнымъ давно бро-

дили въ ихъ головахъ, и если не вышли оттуда во всеоружіи, то единственно потому, что общество, для котораго они измышляли свои проекты, еще не созрѣло, а созрѣло оно тогда, когда захотѣло того правительство. И въ доказательство указываютъ вамъ на такого-то А., который, еще при существованіи крѣпостнаго права, устроилъ *у себя* чуть-чуть не конституцію, или на такого-то Б., который, еще гораздо прежде отмѣны тѣлесныхъ наказаній, уже написалъ проектъ о замѣнѣ рылобитія устностью. Либерализмъ очевидный и тѣмъ болѣе похвальный, что самъ сознавалъ свою слабость, и потому заявлялъ себя съ полною скромностью.

Чтобы показать, до чего могъ доходить русскій землевладѣльческій либерализмъ, я приведу здѣсь случай, бывшій со мной самимъ.

Каюсь: въ бывалыя времена (т. е. до отмѣны крѣпостнаго права) я былъ знакомъ съ однимъ такимъ землевладѣльцемъ, который былъ до того либераленъ, что даже наводилъ на меня трепетъ своимъ свободномысліемъ. Не смотря, однакожь, на этотъ трепетъ, мнѣ было до крайности лестно считаться въ числѣ друзей «опаснаго» человѣка; но что касается прочихъ сосѣдей, то они положительно избѣгали его. Во первыхъ, съ этакимъ проказникомъ, чего добраго, какъ разъ въ бѣду попадешь; а во вторыхъ, онъ хоть и безъ толку, но все же болтаетъ о какой-то эмансипаціи: того гляди, еще смуту въ умахъ дворовыхъ людей поселитъ. Звали моего друга Николаемъ Петровичемъ Многоболтаевымъ.

Однажды я былъ у него въ гостяхъ, и по обыкновенію, мы занимались либеральничаньемъ.

— У меня, mon cher, говорилъ онъ: — не то, что у другихъ сиволапыхъ патріарховъ! у меня все это они сами... Всѣ эти права записаны, утверждены и выставлены подъ стекломъ на стѣнѣ! Mais venez, je vais vous tout montrer! Алеша (каммердинеръ либеральнаго моего друга)! сходи въ контору и скажи, что мы сейчасъ будемъ!.. У меня, mon cher, даже судъ и все такое... все это въ порядкѣ: вотъ увидите!

И онъ привелъ меня въ контору, на которой красовалась вывѣска «домъ общественнаго управленія села Многоболтаева съ деревнями». Мы вошли въ просторную и довольно опрятную комнату, среди которой стоялъ столъ, а за столомъ сидѣли: на президентскомъ мѣстѣ рослый и нѣсколько рыхлый мужикъ съ ло-

снящимся лицомъ и жиденькою бѣлокурою бородкою, котораго самъ баринъ, въ знакъ уваженія, называлъ Иваномъ Парамонычемъ, по бокамъ два мужичка видомъ пожиже и помизернѣе. При появленіи нашемъ, присутствующіе встали съ своихъ мѣстъ, причемъ предсѣдательствующій остался у стола, а засѣдатели отошли къ стѣнѣ.

— Вотъ это мой президентъ! обратился ко мнѣ либеральный мой другъ, трепля предсѣдателя по плечу:—онъ одинъ только и представляетъ здѣсь мои интересы... и эти вотъ (онъ указалъ на стушевавшихся мужичковъ)—отъ *нихъ*!

Президентъ осклабился и произнесъ нѣчто въ родѣ: рады стараться вашему здоровью! Мужички обдернулись.

— Ну что, какъ у васъ тутъ? продолжалъ либеральный мой другъ:—бываютъ споры... столкновенія? (Онъ хотѣлъ моргнуть въ мою сторону однимъ глазомъ, какъ будто хотѣлъ мнѣ сказать: vous verrez, nous allons rire!).

Предсѣдатель и мужички осклабились, какъ бы выражая полную готовность.

— Ну-ну-ну! трудитесь! трудитесь! сказалъ мой пріятель, при чемъ полегоньку вздохнулъ и, обращаясь ко мнѣ, прибавилъ:—а вотъ и условія наши!

На стѣнѣ висѣли двѣ золоченныя рамки, въ которыхъ подъ стекломъ красовалось изложеніе правъ и обязанностей крестьянъ села Многоболтаева съ деревнями. Изложеніе было сдѣлано правильнымъ и весьма пріятнымъ слогомъ, и переписано самымъ отличнымъ почеркомъ. Тутъ на первомъ планѣ значились всякаго рода свободы: во первыхъ, свобода отлучекъ для заработковъ, что, какъ извѣстно, въ крестьянскомъ нашемъ быту составляетъ статью первой важности, во вторыхъ, свободу семейныхъ раздѣловъ, на что крестьяне наши хотя и посматриваютъ нѣсколько косо, но что тѣмъ не менѣе составляетъ предметъ самой настоятельной потребности, въ третьихъ, свободу раскладки повинностей по усмотрѣнію общества и проч. и проч. Обязанностей на крестьянахъ лежало собственно двѣ: платить исправно оброкъ и быть благонравными.

— Эге! да у васъ тутъ... тово! сказалъ я, прочитавъ условія и тутъ же припомнивъ тѣ клеветы, которыя во время оно взводились на землевладѣльцевъ.

Пріятель мой былъ такъ тронутъ, что даже застыдился.

— И хорошо это у васъ идетъ? продолжалъ я, обращаясь на этотъ разъ къ предсѣдателю.

— Обстоитъ благополучно-съ! отвѣчалъ предсѣдатель, пощипывая себя за жиденькую бородку.

— Гм... такъ идетъ хорошо? обратился я къ мужичкамъ.

— Что такое идетъ? что такое идетъ? залотошилъ одинъ изъ нихъ испуганнымъ голосомъ, и озираясь по сторонамъ.

— Mais laissez, mais laissez donc! вступился мой пріятель:— ce sont des enfans de la nature... est-ce-qu'ils savent, est-ce-qu'ils comprennent ces choses lá!

И дѣйствительно, проживъ у пріятеля моего болѣе мѣсяца, я имѣлъ случай убѣдиться, что «дѣти природы» положительно ничего не понимаютъ, и что многоболтаевскія условія исполняются самымъ оригинальнымъ образомъ. Нѣсколько разъ обращался я къ многоболтаевскимъ крестьянамъ съ вопросомъ, знаютъ ли они, что у нихъ есть права, и всюду встрѣчалъ непроходимѣйшее на этотъ счетъ невѣжество.

— Какія такія права? спрашивали меня крестьяне съ нѣкоторымъ остолбенѣніемъ.

— Ну, хоть бы, напримѣръ, на счетъ отлучекъ? имѣете ли вы право во всякое время отлучиться для заработковъ?

— Да коли взнесъ впередъ оброкъ, можно!

— Ну, а еще когда?

— А еще, коли ты не пьяница!

— Ну, а еще?

— А еще, коли ты ни въ чемъ не замѣченъ!

— Какъ ни въ чемъ не замѣченъ!

— Такъ, не замѣчепъ, да и все тутъ! а коли замѣченъ, такъ и вида на отлучку ни въ жизнь не дадутъ!

Признаюсь, этотъ послѣдній отвѣтъ нѣсколько смутилъ меня и охладилъ мой энтузіазмъ къ многоболтавскому либерализму. Что такое значитъ «ни въ чемъ не замѣченъ»? долго ломалъ я себѣ голову и, конечно, едва ли пришелъ бы когда нибудь къ удовлетворительному разрѣшенію этого вопроса, еслибъ въ одно прекрасное утро меня сама собой не осѣнила счастливая мысль, что «ни въ чемъ не замѣченъ» просто означаетъ «ни въ чемъ не замѣченъ»—и больше ничего.

Въ самомъ дѣлѣ, кто можетъ исчерпать всю глубину иронін, заключающейся въ этихъ словахъ? кто можетъ провидѣть все разнообразіе случайностей, которое въ нихъ скрывается? Ты от-

ставилъ впередъ ногу—замѣченъ («гдѣ у тебя ноги? гдѣ у тебя ноги?»); ты тряхнулъ кудрями—замѣченъ («что ты, стоять что ли спокойно не можешь!»); ты заявилъ въ голосѣ нѣкоторую крамольную хрипоту — замѣченъ; («ишь ты! вѣдь и голосъ-то у *нихъ*... словно вотъ змѣя шипитъ... словно вотъ такъ пронизать и хочетъ!»); ты походкой изобразилъ нѣкоторое волненіе чувствъ —замѣченъ («куда, куда ты такъ бѣжишь! затылкомъ что ли нагрубить хочешь!»). Ясно, что при такихъ условіяхъ, всякія вольности могли процвѣтать во всей безопасности. Мало того, процвѣтать: онѣ могли даже не процвѣтать вовсе, и никто бы этого не замѣтилъ...

Однажды, изъ окна барской усадьбы, я увидѣлъ передъ домомъ «многоболтаевскаго общественнаго управленія» огромную толпу. Спрашиваю, что это такое? отвѣчаютъ: многоболтаевская сходка—ну, какъ же не взглянуть!

— У меня все это, mon cher, въ порядкѣ, сказалъ мнѣ при этомъ мой либеральный другъ, вмѣстѣ со мной любовавшійся видомъ размахивавшей руками толпы: — у меня ничего по имѣнію, ничего безъ *нихъ* не дѣлается! обо всѣмъ *они* должны свое слово сказать! У меня, mon cher, по старинному.... вотъ какъ!

Мучимый любознательностію, я осторожно подошелъ къ толпѣ, чтобы не спугнуть ея своимъ появленіемъ и не мѣшать выборнымъ людямъ многоболтаевской земли свободно выражать ихъ мысли и чувства. Но увы! сходка уже подходила къ концу, и я могъ слышать только заключительныя слова рѣчи, которую произносилъ Иванъ Парамонычъ:

— Рожна что ли вамъ надобно! черти вы! право, прости Господи, черти!

Выборные молчали; только по мѣстамъ слышались какіе-то глубокіе, сосредоточенные вздохи.

— Что ты вздыхаешь! что ты вздыхаешь! утробу что ли до свѣту набилъ, обращался Иванъ Парамонычъ, проворливо подмѣчая, изъ чьей груди вылеталъ карбонарскій вздохъ: — вотъ я те набью!

— Что набивать-то! чѣмъ набивать-то! слышалось въ отвѣтъ.

— То-то «набивать!» Васъ милуютъ, такъ вы и тово... на дыбы сейчасъ! Пошли вонъ, подлецы!

Сходка начала медленно расходиться, но за то черезъ два часа передъ пріятелемъ моимъ стоялъ Иванъ Парамонычъ и докла-

дывалъ ему слѣдующій приговоръ: лѣта 18.. г. маія « » дня, я, помѣщикъ и коллежскій ассессоръ Николай Петровъ Многоболтаевъ приказалъ, а выборные положили: имѣвъ разсужденіе, что для пополненія запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ собирается ежегодно со всѣхъ многоболтаевскихъ мірскихъ людей хлѣбная пропорція, и что *сіе не удобно*, заблагоразсудили ввести у себя общественную запашку отнынѣ навсегда, для чего опредѣляетъ и т. д. и т. д.

— Однако, вѣдь они, mon cher, совсѣмъ не желаютъ этого! возразилъ я, все еще питая нѣкоторую вѣру въ многоболтаевскія вольности.

— Mais laissez donc, laissez donc, mon cher! развѣ они понимаютъ! сказалъ мнѣ мой либеральный другъ, смотря на меня уже съ нѣкоторымъ негодованіемъ.

— Нѣшто они что разумѣютъ! поддакнулъ съ своей стороны Иванъ Парамонычъ.

И приговоръ былъ подписанъ, но я все-таки не могъ успокоиться. Не смотря на происшествіе съ приговоромъ, я все чего-то доискивался, все еще продолжалъ дѣлать наблюденія.

Увы! я долженъ сказать правду, что мало утѣшительнаго вынесъ изъ этихъ наблюденій. Во первыхъ, я убѣдился, что выборные многоболтаевцы, занимавшіе должности въ общественномъ управленіи, проводили время собственно въ томъ, что топили печи въ домѣ общественнаго управленія и по очереди въ немъ ночевали, совокупляя такимъ образомъ въ себѣ и должности сторожей. Во вторыхъ, я узналъ, что они не только не гордились честью участвовать въ многоболтаевскихъ дѣлахъ, но даже положительно тяготились ею.

— И для чего только насъ держутъ! сказалъ мнѣ одинъ изъ нихъ, внезапно обнаруживая какую-то тоскливую довѣрчивость.

— Какъ же для чего, мой другъ (защитникамъ многоболтаевскихъ интересовъ я всегда говорилъ не иначе, какъ «мой другъ» или «голубчикъ»)! Вѣдь вотъ теперь вамъ далъ Николай Петровичъ права...

— Права-то?

— Ну да, права... какъ же ты, голубчикъ, не понимаешь этого?

Засѣдатель отъ земли смотрѣлъ на меня, выпучивъ глаза.

— Ну? сказалъ онъ.

— Ну да, права, повторилъ я.

— А Иванъ Парамонычъ-то что? спросилъ засѣдатель.

Я смѣшался еще болѣе.

«Однако, вы-таки бестіи!» подумалъ я, и на первый разъ такъ на этомъ и порѣшилъ, все еще надѣясь, что когда нибудь, со временемъ, «бестіи» все-таки придутъ въ себя.

Но мнѣ не пришлось этого дождаться. Черезъ полгода я встрѣтилъ Николая Петровича въ Петербургѣ и, натурально, сейчасъ же обратился къ нему съ вопросомъ.

— Ну что, какъ ваши деревенскія дѣла?

Николай Петровичъ махнулъ рукой.

— Гм... сдѣлалъ я.

— Бросилъ! отвѣчалъ мой пріятель.

Признаюсь, я готовъ былъ обвинить моего друга въ ретроградствѣ, въ недостаткѣ энергіи, въ совершенномъ отсутствіи инициативы... Я почти готовъ былъ задушить его!

— Mon cher! не обвиняйте меня! сказалъ онъ кротко.

— Да нѣтъ, Николай Петровичъ! это была ваша обязанность! вы должны были переверировать!

— Нельзя! возразилъ онъ мнѣ самымъ рѣшительнымъ тономъ: — они ничего не понимаютъ!

И вслѣдъ за тѣмъ онъ разсказалъ мнѣ трогательную исторію своихъ усилій и *ихъ* непониманій.

— Бестіи! произнесъ я рѣшительно.

— C'est le mot!

— Что жь вы сдѣлали?

— Велѣлъ Ивану Парамонычу дѣйствовать рѣшительно.

. . . . . .

Такъ вотъ каковъ былъ нашъ земледѣльческій либерализмъ. Мудрено ли, что онъ и поприскучилъ, наконецъ! — Тѣмъ болѣе прискучилъ, что-то, что составляло предметъ его, уже осуществилось, а новаго предмета для переливанья изъ пустаго въ порожнее мы еще не выдумали, да врядъ ли и выдумаемъ когда нибудь.

Но, возвращаясь вновь къ землевладѣльцу, добровольно заключившему себя на лѣто въ деревню, я все-таки нахожу, что положеніе его очень затруднительно. Сельскимъ дѣломъ онъ заниматься не можетъ, потому что это не его дѣло; грибы брать не можетъ, потому что на этомъ поприщѣ его обижаютъ русскія бабы; кабинетнымъ дѣломъ заняться не можетъ, потому что лѣтомъ дома не сидится, да и не естественно; либеральничать не

можетъ... Стало быть, остается лѣниться и гулять, что землевладѣльцы и исполняютъ, что исполнялъ и я, въ теченіе всего минувшаго лѣта.

Въ чемъ же, однако, состоитъ это «сельское дѣло», къ которому никакъ не можетъ пристроиться землевладѣлецъ, и что за люди, которые имъ занимаются? Я могу отчасти отвѣчать на эти вопросы, потому что и гуляя все-таки успѣлъ кой-что замѣтить.

«Сельское дѣло» — не веселое дѣло, читатель! Все оно вертится около земли и заключается въ разнообразномъ уходѣ за нею. Если вы видите человѣка, идущаго за сохою или бороною, возящаго навозъ, копающаго канаву, разработывающаго торфъ и т. д. и т. д., то можете съ увѣренностью сказать себѣ: это человѣкъ, который занимается сельскимъ дѣломъ! Картина простолюдиновъ и простолюдинокъ, собравшихся для исполненія своихъ обязанностей, всегда бываетъ довольно привлекательна. Вотъ напримѣръ, мужички разсыпались группами по пашнѣ; рубашечки на нихъ бѣлыя, порточки синія; вѣтеръ играетъ ихъ волосами; ходятъ они; ходятъ-себѣ по пашенкѣ... ну, вотъ такъ и кажется, что гуляютъ! Или вотъ вамъ жнитво; опять живописныя группы поселянокъ въ длинныхъ бѣлыхъ рубашкахъ, быстрые и дружные взмахи серповъ, золотые колосья ржи... Господи! да никакъ и онѣ гуляютъ! Даже когда поселяне длинной вереницей тянутся на пашню съ навозомъ, даже и тогда можно скомпоновать очень миленькую картинку, потому что навозъ вѣдь на картинкѣ не пахнетъ, да и пейзажъ-то ужь кстати изображается въ миніатюрѣ, а не въ натуральную величину (въ натуральную-то величину принято изображать баталіи, а не сельскіе виды, за что я и похваляю живописцевъ потому, что они въ этомъ случаѣ слѣдуютъ прямымъ указаніямъ эстетическаго чувства).

Но пускай зритель не слишкомъ увлекается очаровательною картиной, пускай онъ разъ навсегда убѣдитъ себя, что глаза его лгутъ, что художникъ, срисовавшій картину, тоже дѣлаетъ дѣло неправедное, и что въ сельской жизни нѣтъ ни прелестныхъ пейзажей, ни восхитительныхъ tableaux de genre, а есть тяжелый и невзрачный трудъ.

Дабы читатель вполнѣ могъ освоиться съ этою мыслью, опишу здѣсь нѣкоторыя изъ поселянскихъ занятій.

Сѣнокосъ. Когда поселянинъ приступаетъ къ сѣнокосу, то у

него послѣ перваго же опыта до такой степени начинаетъ болѣть правое плечо, что онъ нѣсколько дней чувствуетъ его какъ бы вывихнутымъ. По видимому, находясь въ такомъ положеніи, онъ не можетъ продолжать свою работу, однако онъ ее продолжаетъ и впослѣдствіи даже перестаетъ ощущать боль, изъ чего остроумный медикъ можетъ вывести заключеніе, что самое лучшее средство отъ вывиха есть постоянное повтореніе того же вывиха. Кромѣ этого неудобства есть еще другое: чтобы косить успѣшно, необходимо съ каждымъ взмахомъ косы употреблять извѣстное усиліе, равняющееся, по крайней мѣрѣ, тому, которое употребляетъ человѣкъ при поднятіи пудовой тяжести. Такимъ образомъ предположивъ, что простолюдинъ коситъ въ день шесть часовъ (работа эта производится обыкновенно раннимъ утромъ, покуда роса не обсохла), и что онъ въ теченіе каждаго часа, съ прохладой и разговорцемъ, сдѣлаетъ только сто взмаховъ косой, то изъ этого слѣдуетъ, что онъ въ какіе нибудь шесть часовъ времени: а) вывихнетъ себѣ плечи, и б) сдѣлаетъ усиліе, равняющееся поднятію шестисотъ пудовъ тяжести. Цѣна: тридцать копѣекъ серебромъ (цѣна красная, потому что за круглый день работы поденщикъ получаетъ не болѣе 75 к. сер., а постоянный работникъ и того не получаетъ). Слѣдовательно, если глазъ въ это время намъ показываетъ, что эти люди гуляютъ, то онъ самымъ постыднымъ образомъ вретъ: эти люди не гуляютъ, а предаются самому тяжкому мученію для того, чтобы, послѣ двухъ часовъ отдыха, предаться другому, еще болѣе тяжелому.

Сушка сѣна. Производится въ теченіе цѣлаго дня, начиная съ девяти часовъ утра, т. е. съ той минуты, когда обсохнетъ роса и часовъ до осьми вечера, когда воздухъ вновь начинаетъ дѣлаться влажнымъ.

Вся работа, за исключеніемъ отдыховъ, продолжается часовъ восемь. Бабы, убравшись дома (встаютъ онѣ, неугомонныя, часовъ съ трехъ, и успѣваютъ до девяти, и въ лѣсъ за грибами, и за ягодами сбѣгать, и коровъ подоить, и пищу для всей семьи приготовить), и вооружившись граблями, выходятъ на скошенный лугъ и начинаютъ сушить сѣно. Когда время бываетъ хорошее (и это случается именно тогда, когда солнце палитъ во всю мочь), то бабы бываютъ мокры и изнурены отъ жара и усилій, дѣлаемыхъ ими при безпрерывномъ взбрасываніи ключьевъ сыраго сѣна. Предположивъ, что каждый взмахъ грабель равносиленъ усилію, дѣлаемому при поднираніи 10 фунтовъ (самыя

грабли вѣсятъ не менѣе), и что подобныхъ взмаховъ, при быстротѣ работы, баба дѣлаетъ до 180 въ часъ, окажется, что въ теченіи восьми часовъ работы, она подниметъ тяжести до трехъ сотъ шестидесяти пудовъ. Согласитесь, что для особы прекраснаго пола, набѣгавшейся при этомъ цѣлое утро по домашнему хозяйству, это цифра весьма почтенная, въ особенности если принять въ соображеніе, что во время полдневнаго жара, и гулять-то тяжеленько. Тѣмъ не менѣе, когда бабы возвращаются вечеромъ съ сѣнокоса домой, то всегда дерябятъ пѣсни. Это я приписываю ихъ простосердечію.

Разработка торфа. Во время этой операціи, простолюдины, въ ней дѣйствующіе, находятся попоясъ въ густой и клейкой массѣ, которую и утаптываютъ ногами. Находясь постоянно въ сырости и вдыхая болотныя испаренія, эти люди, къ концу лѣта, почти теряютъ человѣческій образъ. Операція эта до того отвратительна, что наши москвичи положительно ею гнушаются и предоставляютъ ее дикарямъ—калужанамъ и рязанцамъ.

Рубка лѣса и дровъ. Присутствующій при этой работѣ явственно слышитъ, какъ одновременно съ каждымъ ударомъ топора раздается какой-то особенный звукъ, не имѣющій себѣ подобнаго въ мірѣ звуковъ. Это охаетъ сама утроба работающаго, это стонетъ его нутро отъ натуги и напряженія.

И т. д. И т. д.

Нѣтъ сомнѣнія, что я долго не кончилъ бы, еслибъ вздумалъ перечислять одно за другимъ всѣ обычныя тѣлесныя упражненія, которымъ предается простолюдинъ вообще, и русскій въ особенности, но думаю, что и приведенныхъ выше примѣровъ весьма достаточно, чтобъ убѣдить читателя, что здѣсь дѣло идетъ совсѣмъ не объ гуляньи.

Гораздо болѣе интереснымъ представляется вопросъ: какъ принимаетъ простолюдинъ всѣ эти упражненія? ропщетъ ли на судьбу свою? Но признаюсь откровенно, я имѣю слишкомъ мало фактовъ, чтобъ отвѣчать на эти вопросы вполнѣ положительно. Однако же, судя по тому, что бабы возвращаясь съ работъ, дерябятъ, а мужики горланятъ, я полагаю, что для нихъ это положеніе кажется не вовсе горькимъ. Это хорошо. Во первыхъ, звуки пѣсни разнообразятъ деревенскую обстановку и услаждаютъ слухъ; во вторыхъ, несравненно пріятнѣе, если крестьяне простосердечны, разговорчивы и веселы, нежели тогда, когда они смотрятъ изподлобья и угрюмо помалчиваютъ, да еще,

сохрани Богъ, грубятъ. Почти совершенное отсутствіе грамотности, думаю я, служитъ въ этомъ случаѣ прекраснѣйшимъ подспорьемъ для приданія простолюдину бодрости и содержанія его постоянно въ хорошемъ расположеніи духа. Ибо извѣстно, что какъ только простолюдинъ начинаетъ понимать буки-азъ-ба, то онъ въ то же время незамѣтно и постепенно наполняется ядомъ, такъ что когда дѣло дойдетъ до ужицы, то изъ прежняго кроткаго и довѣрчиваго весельчака образуетъ фіалъ, наполненный ехиднѣйшимъ ядомъ. Это не я первый говорю; это еще прежде меня выразилъ извѣстный знатокъ русской народности, г. Даль.

Итакъ, должно заботиться о томъ, чтобъ простолюдины постоянно сохраняли добрый и безпечный видъ. А для того, чтобъ достигнуть этого, самое лучшее средство — это внушать простолюдинамъ, что праздность есть мать всѣхъ пороковъ. Они на счетъ этого народъ толковый — поймутъ сразу; тѣмъ скорѣе поймутъ, что вѣдь за нихъ, ихней работы никто не сработаетъ. Такъ имъ и можно это объяснить: «послушай, милый Иванъ! вотъ ты третьяго дня гулялъ — кто же за тебя пашню-то вспашетъ?»

Нѣкоторые думаютъ, что хорошо также по временамъ доставлять простолюдинамъ нѣкоторыя недорогія удовольствія. Указываютъ въ особенности на вино, какъ на такое средство, которое ближе другихъ достигаетъ цѣли. Я самъ думаю, что это хорошо, да и мужички, кажется, согласны со мной, потому что каждый разъ, какъ я проѣзжаю мимо любаго питейнаго дома, вижу на крылечкѣ толпу простолюдиновъ, до того разрумяненныхъ Вакхомъ, что издали, кажется, будто бы лица ихъ обожжены молніей. Въ этомъ положеніи, простолюдинъ любезенъ и привѣтливъ, но въ то же время не совсѣмъ твердо стоитъ на ногахъ. Разумѣется, однако, что въ виду главной цѣли, на это послѣднее обстоятельство не слѣдуетъ обращать никакого вниманія. Главное, чтобъ простолюдинъ былъ привѣтливъ и не кручинился, а какъ это въ немъ происходитъ, и шатается ли онъ или не шатается—до этого, конечно, дѣла нѣтъ.

Надо сказать правду: нашъ мужичекъ не чувствуетъ никакого отвращенія къ вину. Съ тѣхъ поръ какъ объявлена ему воля, онъ часто празднуетъ, и, по своему простосердечію, праздники эти ознаменовываетъ преимущественно употребленіемъ вина. По этой-то, быть можетъ, причинѣ въ настоящее время почти нѣтъ деревни, сколько нибудь похожей на деревню, въ которой бы не

бросилась въ глаза вывѣска: *на выкосъ и со растпленъ*. По крайней мѣрѣ, такъ оно ведется у насъ Московской губерніи, и нѣтъ сомнѣнія, что заведется со временемъ и въ другихъ, такъ какъ Москва вообще даетъ тонъ въ дѣлахъ этого рода, и сверхъ того пріючаетъ у себя на лѣто сотни тысячъ захожихъ мужиковъ изъ Калужской, Тульской, Рязанской, Тверской и Владимірской губерній, которые сначала являются совершенно необтуренными, но потомъ мало по малу присматриваются, и по врожденной русскому человѣку перемчивости, возвращаются домой совершенно вышлифованными.

Когда существовало крѣпостное право, мужички наши совсѣмъ не знали праздниковъ. Барщина и различныя другія требованія дѣлали то, что свободнаго времени оставалось у нихъ чрезвычайно мало, и потому работать въ праздникъ грѣхомъ не считалось. Понятно, что какъ скоро получилась возможность управляться дома съ большею свободою, то и праздникъ сталъ соблюдаться строже. Сверхъ того, мужички наши, когда были крѣпостными, совсѣмъ ни объ чемъ ни думали, а думалъ за нихъ помѣщикъ; теперь же завелись у нихъ свои мужицкія дѣла, которыя и рѣшаются преимущественно въ праздникъ. Рѣшаются они по большей части такимъ образомъ: соберутся мужички на сходку (обыкновенно поближе къ вывѣскѣ, если таковая есть, или къ какому-нибудь отставному солдатику, который держитъ вино про себя, но съ удовольствіемъ ссужаетъ имъ за деньги и своихъ односельцевъ), и ждутъ, не провинится ли кто нибудь. Заведутъ этакъ тонкимъ манеромъ рѣчь объ запасной магазеѣ, и ожидаютъ, не обзоветъ ли кто нибудь хлѣбнаго смотрителя воромъ. Разумѣется, на міру не безъ желчныхъ людей: сейчасъ же выищется такой, который не вытерпитъ и скажетъ: «да вѣдь Егоръ Антиньевъ извѣстный воръ!» Не успѣетъ онъ это вымолвить, какъ его тутъ же сграбастаютъ и въ питейный домъ: ставь четверку или полведра, тогда простимъ, а не поставишь — засудимъ! И ставитъ желчный человѣкъ, и благо ему, если онъ самъ тутъ же не напьется, ибо въ противномъ случаѣ онъ непремѣнно обругаетъ міръ чертями, жидами и кровопивцами — ну, тогда и онятъ ставь четверку или полведра. Не знаю, правда ли, но сказывали мнѣ, что бываютъ такіе бѣдные макары, которые почти каждый праздникъ подобной операціи подвергаются, и что въ то же время выискиваются такіе смышленые люди, которые рта не разожмутъ на сходкѣ, и все поджидаютъ, все поджидаютъ,

не провинится ли кто нибудь. И бываютъ эти смышленые люди каждый праздникъ отлично пьяны на чужой счетъ, и потомъ цѣлый день слоняются по деревнѣ и все ругаются: и ворами, и чертями, и кровопивцами—это ничего, это мирно, потому что не на сходѣ.

Случалось мнѣ иногда говорить мужичкамъ: ужь если у васъ, мои милые, такое пристрастіе къ штрафамъ, такъ не лучше ли штрафовать деньгами въ пользу школы или другаго общеполезнаго устройства? Не всегда на мои увѣщанія встрѣчалъ одинаковый, лаконическій отвѣтъ: «дерьма-то!»

Когда не бываетъ провинившихся, то представляется и другое средство для выпивки — это помочь. Работать въ праздникъ грѣхъ, но помогать ближнему — дѣлое благое, особливо, если впереди предстоитъ за это выпивка. Здѣсь вполнѣ выразился любвеобильный славянскій характеръ, и разумѣется, не я буду порицателемъ этой любвеобильности. Преимущественно дѣлаютъ помочи помѣщики, потому что есть такія хозяйственныя работы, которыхъ съ помощію ограниченнаго числа своихъ вольнонаемныхъ рабочихъ ни подъ какимъ видомъ не выполнишь. Таковы напримѣръ ношеніе и уборка сѣна, гдѣ, для успѣха дѣла, требуется одновременное участіе нѣсколькихъ десятковъ рукъ. Помочи обходятся довольно дешево и притомъ въ настоящее цивилизованное время не представляютъ никакихъ хлопотъ. Прежде нужно было, въ подобныхъ случаяхъ, посылать за нѣсколько верстъ за виномъ, печь пироги, варить щи; нынче все это упрощено: кабакъ всегда подъ рукою и мужички приглашаются прямо туда; тамъ разлюбезный цѣловальникъ поднесетъ имъ вина и подастъ закуску въ видѣ черствыхъ французскихъ булокъ; бабы получаютъ или пиво или чай, что стоитъ никакъ не дороже 7 копѣекъ на человѣка. Изъ этого слѣдуетъ, что наши землевладѣльцы и донынѣ еще вынуждаются прибѣгать къ пособію сосѣдей, и что поэтому дѣйствительный расчетъ въ нашихъ хозяйствахъ составляетъ еще весьма большую рѣдкость.

Теперешніе питейные дома совсѣмъ не то, что прежніе. Это просто харчевни или постоялые дворы, въ которыхъ совсѣмъ нѣтъ казеннаго характера, и въ которыхъ мужички собираются побесѣдовать по душѣ. Это почти что клубы, но, разумѣется, обстановка ихъ не такъ великолѣпна, какъ въ московскомъ англійскомъ. Прежній цѣловальникъ былъ почти что чиновникъ, нынѣшній — не больше, какъ пріятный собесѣдникъ. Отъ этого,

въ клубахъ царствуетъ совершенная непринужденность. Кромѣ вина, имѣется чай, пиво и закуска, заключающаяся въ неизмѣнной селедкѣ. Только такой селедки не приведи Богъ никому ѣсть. Я убѣжденъ, что селедки эти родятся исключительно имѣя въ виду русскаго простолюдина, и что только этотъ послѣдній можетъ оказывать имъ вниманіе. Какія цѣны беретъ съ простолюдиновъ любезный цѣловальникъ — объ этомъ даже сказать не пристойно. Вино, напримѣръ, онъ покупаетъ въ Москвѣ по 3 р. 5 к. за ведро, а съ провозомъ до мѣста оно обходится ему до 3 руб. 14 к.; продажная цѣна: на вынось 3 р. 80 к., съ распитіемъ — 5 р., а такъ какъ больше всего продается вино съ распитіемъ, то барышъ оказывается почти неслыханный. Селедка обходится содержателю въ покупкѣ не больше 2 к. с., а въ продажу пускается по 5 к.; фунтъ чаю стоитъ 90 к. (отъ этого чаю вяжетъ во рту, какъ отъ черемухи), а три фунта сахару 75 к., но раздѣленіи же на *пары*, этотъ матеріалъ продается, по крайней мѣрѣ, за 5 р. Въ одной деревнѣ, гдѣ прежде не было питейнаго дома, и откуда слѣдовательно мужичекъ, желавшій напиться, долженъ былъ дожидаться базарнаго дня и ѣхать въ Москву, съ апрѣля мѣсяца нынѣшняго года открыто заведеніе и въ немъ продано вина, въ теченіе какихъ нибудь 5-ти мѣсяцевъ, слишкомъ 8 бочекъ. На одномъ этомъ предметѣ, содержатель получилъ, стало быть, барыша около 350 р., а между тѣмъ патентъ стоитъ 10 р., а арендная плата за помѣщеніе 100 р. въ годъ; слѣдовательно, за свой трудъ, содержатель съ женой имѣютъ полное право расчитывать на годовое вознагражденіе до 600 р. на одномъ только винѣ. А въ этой деревнѣ нѣтъ ни фабрикъ, ни заводовъ, ни многочисленнаго пришлаго народа. Кто же выпилъ такое огромное количество вина? — А все свои мужички, по милости Божіей, выпили-съ, отвѣчаютъ вамъ. А своихъ мужичковъ и всего-то наберется не больше полутораста душъ, да въ сосѣднихъ деревняхъ около того же количества — вотъ и думайте тутъ! Для того, чтобъ привлечь къ себѣ мужичковъ изъ сосѣднихъ деревень, содержатели питейныхъ домовъ употребляютъ хитрость: жертвуютъ на деревню отъ полуведра до ведра вина и такимъ образомъ на цѣлый годъ пріобрѣтаютъ себѣ обязательную практику, и получаютъ возможность продавать вино по той цѣнѣ, какую Богъ на душу положитъ. Мужички, пропившіе этимъ порядкомъ свою деревню, свято соблюдаютъ обязательство и строго надсматриваютъ другъ за другомъ: чуть у кого

прочуютъ посудку вина, купленную не въ завѣтномъ кабакѣ, сейчасъ тому судъ и расправа, и волокутъ его, раба лукаваго, въ тотъ же кабакъ, и идетъ у нихъ тутъ пиръ горой до поздней ночи.

Собираясь въ своихъ клубахъ, мужички занимаются оживленною бесѣдой, но обыкновенно бесѣдуютъ отрывисто и маловразумительно.

— Говорю тебѣ, любезный другъ, сказываетъ одинъ: — ужь я коли что сказалъ, такъ ты этому слову вѣрь! Ужь коли я тебѣ, то есть одно слово, такъ ты супротивъ него не моги... ну!

— Это такъ точно.

— Потому, коли я теперича тебѣ одно слово, а ты мнѣ десять, ну и я значитъ на оборотку тебѣ двадцать... ну!

— Это правильно.

Такой пріятный разговоръ продолжается нерѣдко по нѣскольку часовъ сряду, и замѣчательно, что бесѣдующіе, если не всегда понимаютъ другъ друга, то во всякомъ случаѣ всегда удовлетворены.

Но довольно о пьянствѣ; поговоримъ о забавахъ и увеселеніяхъ. Имъ предается преимущественно женскій полъ, потому что мужчины, даже и молодые, праздники проводятъ или въ Москвѣ на базарѣ, или въ мѣстномъ питейномъ домѣ. А потому въ деревняхъ, гдѣ населеніе не очень большое, увеселенія имѣютъ характеръ до того мизерный, что въ нихъ принимаютъ участіе даже десятилѣтнія дѣвочки. Самое видное мѣсто въ этихъ забавахъ занимаетъ хороводъ, но пѣсня уже поется не та, какая пѣвалась въ бывалыя времена. Нѣтъ ни «веселой бесѣдушки, гдѣ батюшка поетъ», ни «Дуная», ни «за моремъ за синіимъ»; мѣсто ихъ заступили: «ты, Настасья, ты Настасья!», «онъ меня разлюбилъ!», «ты не повѣришь!» и прочая чепуха въ этомъ родѣ. Очевидно, что галиматья эта занесена въ деревни фабричными молодцами, которые не одинъ разъ на своемъ вѣку наслаждались пѣніемъ московскихъ цыганъ. Поются эти романсы отвратительно, и со всевозможными коверканіями. Такъ, напримѣръ, въ извѣстномъ романсѣ «ты не повѣришь», кѣмъ-то присочиненъ безсмысленный припѣвъ:

Я очень вѣрю, я очень вѣрю!
Я васъ люблю!

Эта безсмыслица принимается самымъ серьёзнымъ образомъ, и даже въ сію минуту, когда я пишу эти строки, до меня долетаютъ безобразные звуки хора, отхватывающаго «Настасью».

Странная судьба всего русскаго: даже для того, чтобы прослушать русскую пѣсню, надобно нанимать цыганъ...

На этомъ, покамѣстъ, кончу. Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ надѣюсь встрѣтиться съ читателемъ — въ городѣ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ДЕВЯНОСТО СЕДЬМАГО ТОМА.

СЛОВЕСНОСТЬ, НАУКИ и ХУДОЖЕСТВА.

Стр.

Посидѣнокъ и свадьба. Разсказъ *Е. Южакова*. 5
Письма о тосканской Маремнѣ. *Леона Бранди*. 49
Конфетка. Повѣсть *Е. Дріянскаго*. 73
Пушкинъ въ лицеѣ и лицейскія его стихотворенія. — I и II. — *В. П. Гаевскаго*. . . . . 129 и 348
Къ нѣмецкой свободѣ. Стихотв. *П. И. Вейнберга*. 178
Питомка. Разсказъ *В. А. Слѣпцова*. 179
Бѣгуны и спасенные бурсы. Очеркъ четвертый. *Н. Г. Помяловскаго*. 195
Особая грамматика. Стихотв. *Н. В. Берга*. 248
Обитатели села Лыкова. Разсказъ *Комоневскаго*. 249
Благодѣтельница. Повѣсть *П. И.* 267
Изъ Гейне. Стихотв. *П. И. Вейнберга*. 400
Беппо. Венеціанская повѣсть. *Д. Д. Минаева*. 401
Туча. Стихотв. *А. Н. Плещеева*. 439
Вопросъ объ улучшеніи быта рабочихъ въ Германіи. — I. — *Э. Ватсона*. 441
Три поколѣнія. Повѣсть. Часть первая. *Неизвѣстнаго*. 491
Какъ кому угодно. Разсказы, сцены, размышленія и афоризмы. *П. Щедрина*. 567

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ІЮЛЬ.

Стр.

Русская литература. — Старыя недоразумѣнія. (Исторія русской словесности древней и новой. Сочиненіе А. Галахова. Томъ I. Исторія древней русской словесности. — Исторія новой до Карамзина). 1

Новыя книги: Казаки. Кавказская повѣсть графа Л. Н. Толстаго. «Русскій Вѣстникъ» № 1 (37). — Изслѣдованіе крестьянской грамотности по деревнямъ, преимущественно Тверской губерніи и частію Московской. В. Золотова. (Изъ «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія»). 54

Политика. (Происшествія [illegible] Сѣверной Америки. — Мексиканскія дѣла). 63

АВГУСТЪ.

Замѣтки о бѣглыхъ и бродягахъ въ Россіи и Сибири. Х.... . . . 85

Новыя книги: Украинські Оповідання. Олекси Стороженка. 2 части (121). — Курсъ международнаго права, профессора Каченовскаго, книга I. 130

Политика. (Событія въ Греціи съ начала революціи (октябрь 1862) до настоящаго времени.—Чему слѣдуетъ приписать неуспѣхъ послѣдней греческой революціи.—Событія въ Германіи: франкфуртскій съѣздъ государей, цѣль и значеніе его). 143

Въ деревнѣ. Лѣтній фельетонъ. 173

ПРИЛОЖЕНІЯ:

Оллинтонскій Малый Домъ. Романъ. *Ант. Троллопа.* (Переводъ съ англійскаго). Стр. (96—288).

Дозволено цензурою. С Петербургъ, 7 сентября 1863 года.

ВЪ КОНТОРѢ РЕДАКЦІИ «СОВРЕМЕННИКА» ИМѢЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ, ИЗДАННЫЯ ЕЮ, КНИГИ:

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА, заключающая въ себѣ, въ переводѣ съ исправленнаго изданія, исторію XVIII столѣтія и XIX до паденія французской имперіи, съ особенно подробнымъ изложеніемъ хода литературы. Соч. Шлоссера. Это изданіе состоитъ изъ 8 томовъ, до 30 печатныхъ листовъ въ каждомъ. Цѣна за всѣ 8 томовъ 10 руб. сер. безъ пересылки, а съ пересылкою 12 руб. Отдѣльно послѣдніе четыре (5, 6, 7 и 8) тома (исторія конца XVIII столѣтія, съ 1788 года, и начало XIX до паденія французской имперіи) продаются за 5 руб., съ пересылкою 6 руб.

РАЗСКАЗЫ Н. В. УСПЕНСКАГО. Спб. Цѣна 75 коп., съ пересылкою 1 руб.

ГРОЗА, драма А. Островскаго. Спб. Цѣна 30 коп., съ пересылкою 50 коп.

ВОСПИТАННИЦА, комедія А. Островскаго. Спб. Цѣна 30 коп., съ пересылкою 50 коп.

ОЧЕРКИ ИЗЪ ПЕТЕРБУРГСКОЙ ЖИЗНИ НОВАГО ПОЭТА, И. И. Панаева. Спб. Цѣна за 2 тома 1 руб., съ пересылкою 1 руб. 50 коп.

ОЧЕРКИ ДОМАШНЕЙ ЖИЗНИ И НРАВОВЪ ВЕЛИКОРУССКАГО НАРОДА ВЪ XVI и XVII СТОЛѢТІЯХЪ, Н. И. Костомарова. Спб. Цѣна 1 руб. 25 коп., съ пересылкою 1 руб. 50 коп.

Книги эти по вышеозначеннымъ цѣнамъ можно получать въ С.-Петербургской и Московской конторахъ «Современника».

Въ конторѣ редакціи «Современника» осталось нѣкоторое количество экземпляровъ пяти выданныхъ номеровъ «Современника» 1862 г. Желающіе имѣть эти пять номеровъ, могутъ получать или выписывать ихъ изъ С.-Петербургской конторы «Современника», уплачивая по 5 р. с. за экземпляръ (*изъ пяти номеровъ*) безъ пересылки, и по 6 р. с. съ пересылкою.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 7 сентября 1862 года.

ВЪ МАГАЗИНѢ РУССКИХЪ И ИНОСТРАННЫХЪ КНИГЪ

КОММИССІОНЕРА ИМПЕРАТОРСКИХЪ УНИВЕРСИТЕТОВЪ; СВ. ВЛАДИМІРА, ДЕРПТСКАГО И ХАРЬКОВСКАГО, АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОММИССІИ И АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА,

Д. Е. КОЖАНЧИКОВА,

въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ Проспектѣ, противъ Публичной Библіотеки, въ домѣ Демидова.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ:

УЧЕНІЕ О ПИЩѢ, общепонятно изложенное Я. Молешоттомъ. Спб. 1863 г. ц. 1 р. пересылка за 1 фунтъ.

РАЗМЫШЛЕНІЕ О ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОМЪ ПРАВЛЕНІИ, Дж. Ст. Милля (выпускъ 1-й) Спб. 1863 г. ц. 60 к. пересылка за 1 фунтъ.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ МАКОЛЕЯ, Т. 5-й Спб. 1863 г. ц. 1 р. 50 к. пересылка за 1 фунта, Т. 1-й ц. 2 р. Т. 2, 3, 4, 5, 6, 7, и 8; ц. каждому по 1 р. 50 к. пересылка за каждый томъ за 2 фунта.

ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ ДРЕВНЯГО И НОВАГО МІРА, составленная подъ редакціей А. Милюкова, Т. 2-й вып. 1-й и 2-й Спб. 1863 г.

ИСТОРІЯ ИТАЛЬЯНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ, ц. 2 р. 25 к. пересылка за 3 фунта, Т. 1-й ц. 1 р. 50 к. пересылка за 2 фунта.

ИСТОРІЯ ВСЕОБЩЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVIII вѣка, Г. Геттнера Спб. 1863 г. Т. 1-й ц. 2 р. пересылка за 2 фунта.

НАРОДНЫЯ РУССКІЯ СКАЗКИ, А. Аѳанасьева выпускъ VII, ц. 1 р. перес. за 2 фунта, вып. 3 и 4 ц. 1 р. 20 к. 5 вып. ц. 1 р. 6-й вып. ц. 1 р. 25 к.

НАЧАЛО РОССІИ, разсказъ о первыхъ временахъ Русской исторіи Ѳ. Воронова, М. 1863 г.

ЮРИДИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДІЯ Д-РА Г. АРЕНСА, М. 1863 г. ц. 4 р. 50 к. перес. за 3 фунта.

СТИХОТВОРЕНІЯ А. ФЕТА (новое изданіе) М. 1862 г. 2 части ц. 2 р. перес. за 2 фунта.

СѢВЕРНОРУССКІЯ НАРОДОПРАВСТВА во времена удѣльно-вѣчеваго уклада: *Новгородъ, Псковъ, Вятка.* Соч. Н. И. Костомарова, изд. Д. Е. Кожанчикова. Два тома. Спб. 1863. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р. 50 к.

ГРАФЫ НИКИТА и ПЕТРЪ ПАНИНЫ. Опытъ разработки новѣйшей русской исторіи по неизданнымъ источникамъ. Соч. П. С. Лебедева. Изд. Д. Е. Кожанчикова. Спб. 1863. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

ЧТЕНІЯ ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ (съ исхода XVI вѣка). И. Щебальскаго. Выпускъ IV (царствованіе Екатерины I.—Петра II.—Анны Іоанновны.—Іоанна III и Елизаветы Петровны). Спб. 1862. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

ДОМАШНІЙ БЫТЪ РУССКИХЪ ЦАРЕЙ. Томъ I, съ портретомъ великаго князя Василія Іоанновича и IX видами и планами дворца въ селѣ Коломенскомъ и Сольвычегодскихъ старинныхъ хоромъ Строгановыхъ. Москва. 1862 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 75 коп.

ДѢЛО ПАТРІАРХА НИКОНА. Историческое изслѣдованіе по поводу IX т. исторіи Россіи Соловьева, съ приложеніемъ актовъ и бумагъ, относящихся къ этому дѣлу. Н. Субботина. М. 1862 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

ЗЕМСТВО и РАСКОЛЪ. Соч. А. Щапова; изд. Д. Е. Кожанчикова. Выпускъ I. Спб. 1862 г. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

МАРКИЗЪ ДЕ-ЛА-ШЕТАРДИ ВЪ РОССІИ (1740—1842 годовъ). Переводъ рукописныхъ депешъ французскаго посольства въ Петербургѣ, съ примѣчаніями и дополненіями П. Пекарскаго. Томъ въ 600 стр. Спб. 1862 г. Ц. 1 р. 75 коп., съ перес. 2 р. 50 коп.

НАУКА и ЛИТЕРАТУРА ВЪ РОССІИ при Петрѣ Великомъ. Изслѣдованія П. Пекарскаго. Два большіе тома (оба продаются). Спб. 1863 г. Ц. 7 р., съ пер. 8 р. 50 к.

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ русской народной словесности и искусства. Соч. Ѳ. И. Буслаева; изд. Д. Е. Кожанчикова. Два большіе тома. Великолѣпное изданіе на веленевой глазированной бумагѣ, съ 212 рисунками съ древнихъ рукописей. Спб. 1861 г. Ц. за оба тома 7 р., съ пер. 8 р. 50 к.

ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ живаго великорусскаго языка В. Даля. Выпускъ V. М. 1862 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 50 к. Тоже первые четыре выпуска. Ц. по 1 р. за выпускъ, съ пер. по 1 р. 50 к.

ИСТОРІЯ ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ Юліана Шмидта. Два тома болѣе 50 печатныхъ листовъ. Она будетъ издана въ 5 выпускахъ (1-й выдается). Спб. 1863 г. Ц. за оба тома 4 р., съ пер. 5 р.

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ І. Шера, перев. А. Пыпина. Она будетъ издана въ 3 выпускахъ около 50 печатныхъ листовъ (1 выпускъ выдается). Спб. 1863 г. Ц. за полное изданіе 3 р., съ пер. 3 р. 75 к.

ОБЗОРЪ СОВРЕМЕННЫХЪ КОНСТИТУЦІЙ. Часть I, сост. А. Лохвицкій. Спб. 1862. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 50 к. Часть II. Ц. 60 к., съ пер. 90 к.

ИСТОРІЯ ВОЙНЫ 1813 ГОДА за независимость Германіи, по достовѣрнымъ источникамъ; сост. по Высочайшему повелѣнію М. Богдановичемъ. Два большіе тома съ картами и планами. Спб. 1863. Ц. за оба тома 7 р. 50 к., съ пер. 10 р.

ИСТОРІЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА. Сост. М. Богдановичемъ, 4 большіе тома, съ картанами и планами. Спб. 1861. Ц. 10 р., съ пер. 13 р.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 7 сентября 1863 года.

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ

ВЪ МАГАЗИНѢ

М. БЕРНАРДА,

въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ, противъ Малой Морской, № 10.

ЦѢНЫ ОЗНАЧЕНЫ НА СЕРЕБРО.

ДЛЯ ПѢНІЯ.

ПѢСНИ РУССКАГО НАРОДА, собранныя и арранжированныя для одного голоса съ аккомп. фортепіано М. Бернардомъ. Новое передѣланное и умноженное изданіе. Съ красивымъ заглавнымъ листомъ (6 руб.).

БУЛАХОВЪ. Въ полѣ широкомъ желѣзнымъ копытомъ (85 к.). Со кручинушки шатаюсь (60 к.). О, приди ко мнѣ скорѣе (60 к.). Ужъ я съ вечера сидѣла (60 к.).

ГЛИНКА. Сирота (50 к.). Ты знаешь край? (50 к.). О, если тамъ за небесами (50 к.).

ДЕРФЕЛЬДТЪ. Вальсъ-забвенье (60 к.). Послѣдній разговоръ (60 к.). Не для меня твоя любовь (40 к.).

АФАНАСЬЕВЪ. Небо въ часъ дозора (60 к.). Не скажу никому (60 к.).

ГОЛИЦЫНЪ (Князь Л. Г.). Какъ ты мила (40 к.). Нѣтъ, не тебя такъ пылко я люблю (40 к.). Ее здѣсь нѣтъ (40 к.).

ШУБЕРТЪ и ШУМАНЪ. 26 любимѣйшихъ романсовъ съ русскимъ и нѣмецкимъ текстами, изданныхъ подъ редакціею Н. Г. Рубинштейна. 1-я коллекція (3 р., съ перссылкою 3 р. 50 к.) 2-я коллекція выйдетъ изъ печати къ 1-му Октября (подписная цѣна 2 р. 50 к. съ пересылкою 3 р.).

ДЛЯ ФЛЕЙТЫ.

BOEHM. 24 études pour la flûte avec piano. 4. тетр. (каждая 1 р. 70 к.) Эти же этюды для одной флейты (2 р. 30 к.).

BRICCIALDI. Il disimpegno. Album de six fantaisies avec piano. № 1 Ernani. № 2 I Puritani. № 3 I Capuletti. № 4 La Traviata. № 5 Luisa Miller. № 6 Marino Falliero (каждая 1 р. 45 к.).

DENEUX. Le carnaval de Venise avec piano (1 р. 70 к.).

DIABELLI. La Traviata. Deux potpourris avec piano. 2 тетр. (каждая 1 р. 70 к.), Il Trovatore. 3 potpouri (2 р. 60 к.).

DOPPLER. Berceuse, Mazurka et Nocturne pour la flûte avec piano. 3 тетр. (каждая 85 к.).

FURSTENAU. Adelaide de Beethoven et Elegie d'Ernst avec piano (каждая 85 к.).

GARIBOLDI. 6 concerto de Beriot pour la flûte avec piano (2 р. 30 к.).

HEINEMEYER. Fantaisie sur une mélodie de Mendelssohn avec piano (2 р.).

КИНДИНГЕРЪ. Музыкальные вечера. Собраніе фантазій на любимые русскіе романсы и пѣсни для флейты съ акомп. фортепіано. 9 тетр. (каждая 75 к.). Эти же фантазіи для одной флейты. 9 тетр. (каждая 40 к.).

KUMMER. Trois fantaisies élégantes sur des chansons favorites avec piano. 3 тетр. (каждая 1 р.) Fantaisies élégantes pour la flûte avec piano: il Trovatore (1 p. 15). Rigoletto (1. p. 15 к.). La Traviata. Ernani, La Sonnambula, Norma (каждая 1 р. 60 к.). J Puritani, Robert le diable, Les Hugenots, Le Pardon de Ploërmel. La fille du régiment, Lucia Lucrezia (каждая 1 р. 45 к.).

ЧІАРДИ. Новѣйшая школа для флейты, составленная для музыкальныхъ классовъ при Придворной Пѣвческой Капеллѣ и Театральномъ училищѣ (3 р.).

125 избранныхъ русскихъ и цыганскихъ пѣсенъ переложенныхъ для одной флейты (3 р.).

STECKMEST. Fantaisies brillantes avec piano op. 11. № 1 Il Trovatore. № 2 Rigoletto. № 3 La Traviata (каждая 1 р. 45 к.). Le carnaval de Venise avec piano (1 p.).

KUFFNER. Repos de l'étude. Collection de morceaux faciles pour la flûte seule sur des motifs d'opéras favoris. 22 тетр. (каждая 45 к.).

KUMMER. Répertoire de l'opéra italien. Potpourris faciles sur des motifs d'opéras favoris pour la flûte scule. 20 тетр. (каждая 45 к.).

LES DÉLASSEMENTS DE L'ÉTUDES. 100 mélodies et airs favoris arr. pour flûte seule. 4 тетр. (каждая 1 р. 45 к.).

Выписывающіе нотъ на сумму не менѣе трехъ руб. сер. получаютъ двадцать пять процентовъ уступки, а выписывающіе на десять руб. сер., кромѣ того, ничего не прилагаютъ на пересылку. Выгодою этой пользуются только тѣ, которые обратятся съ требованіями непосредственно въ магазинъ М. Бернарда. На тѣхъ же условіяхъ можно выписывать черезъ него всѣ музыкальныя сочиненія, кѣмъ бы они ни были изданы и объявлены.

Въ этомъ же магазинѣ вышла 1-го августа 8-я тетрадь музыкальнаго журнала «Нувеллистъ» (годъ XXIV), содержащая въ себѣ пьесы: *Спиндлера, Пахера, Бера, Рихардса, Бондаржевской* и др., 2 танца, 1 романсъ, піеса въ четыре руки и литературное прибавленіе въ видѣ музыкальной газеты (Годовая цѣна подписки 10 р., съ перес. 11 р. 50 к.).

Желающіе подписаться на Нувеллистъ, на 1863 г., получаютъ сполна всѣ тетради этого журнала, вышедшія съ начала нынѣшняго года.

Вновь получены: ИНОСТРАННЫЯ РОЯЛИ и ПІАНИНО, СКРИПКИ, СМЫЧКИ, ФЛЕЙТЫ, ГАРМОНИФЛЕЙТЫ, ГИТАРЫ, МЕТРОНОМЫ, КАММЕРТОНЫ, КАНИФОЛЬ и проч. по умѣреннымъ цѣнамъ.

ДЕПО ЛУЧШИХЪ ИТАЛЬЯНСКИХЪ СТРУНЪ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 8 іюня 1863 года.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

КОММИССІОНЕРА МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦІИ,

АЛЕКСѢЯ ИВАНОВА ДАВЫДОВА,

въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ Проспектѣ, противъ Арсенала Николаевскаго дворца, въ домѣ Лихачева, № 58.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ:

ХРИСТІАНСКІЙ ПАМЯТНИКЪ, содержащій въ себѣ: Изчисленіе праздниковъ и святыхъ, прославляемыхъ православною грекороссійскою церковію, Краткія жизнеописанія святыхъ, Духовныя стихотворенія, Благочестивыя размышленія, Пасхалію на 100 лѣтъ, съ описаніемъ монастырей и соборовъ. Хронологію, доведенную отъ сотворенія міра до 1861 года, съ приносокупленіемъ хозяйственныхъ замѣчаній, врачебныхъ наставленій и другихъ общеполезныхъ свѣдѣній и съ картинами. М. 1863. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р. 50 к.

ПОЛНЫЙ КУРСЪ ЭЛЕМЕНТАРНОЙ МАТЕМАТИКИ. Состав. под. Христіани. Спб. 1863. Ц. 3 р., съ пер. 4 р.

ЭЛЕМЕНТАРНЫЙ КУРСЪ ЕСТЕСТВЕННОЙ ИСТОРІИ, ЗООЛОГІЯ. В. Григорьева. Съ политипажами. М. 1863. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

ВЪ ЗАЩИТУ рускаго православнаго духовенства отъ современныхъ обвиненій и нареканій: три статьи профессора Андрея Предтеченскаго. Спб. 1863. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 30 к.

ДЛЯ ЧТЕНІЯ и разсказа. Хрестоматія для употребленія при первоначальномъ преподаваніи русскаго языка. Состав. П. Басистовъ М. 1863. Ц. 75 к., съ пер. 1 р. 25 к.

ЭЛЕКТРИЧЕСТВО ВЪ ОБЛАСТИ ФИЗІОЛОГІИ И ТЕРАПІИ. Состав. В. Шебякинъ. Спб. 1863. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 30 к.

ИСТОРІЯ ЦИВИЛИЗАЦІИ ВЪ АНГЛІИ. Бокля. пер. А. Буйницкаго и Ѳ. Ненарокомова. В. 5-й. Спб. 1863. Ц. 60 к., съ пер. 1 р.

НАЧАЛЬНЫЙ КУРСЪ ГЕОГРАФІИ, по американской методѣ, Корнеля, съ политипажами и картами. Спб. 1863. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 55 к.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ МАКОЛЕЯ. Т. 5. Спб. 1863. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

ГИГІЕНИЧЕСКІЯ СОВѢТЫ МАТЕРЯМЪ. Руководство къ здоровому воспитанію дѣтей. Соч. д-ра Гертлинга, пер. съ нѣмец. Н. Свѣнтицкій. Спб. 1863. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 30 к.

МІРЪ РАСТЕНІЙ. Опытъ космической ботаники. Соч. К. Миллера. Съ политипажами. Спб. 1863. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р. 50 к.

ПОѢЗДКА НА ВОСТОКЪ. М. Дохтурова. Спб. 1863. Ц. 1 р. съ пер. 1 р. 30 к.

ПАМЯТНИКИ отреченной русской литературы; изд. Н. Тихонравовъ. 2 т. М. 1863. Ц. 7 р., съ пер. 8 р.

КРАТКІЙ УЧЕБНИКЪ ГЕОГРАФІИ ФОГТА, пер. Съ нѣмец. П. Алибьевъ. В. 1 М. 1863. Ц. 50 к., съ пер. 75 к.

ГЕОЛОГИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ, Соч. Г. Бурмейстера. Перев. съ нѣмец. Н. Михайловъ. 2 ч. Спб. 1863. Ц. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р. 25 к.

ЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРІЯ МІРОЗДАНІЯ, съ нѣмецкаго перевода Карла Фогта. Перев. А. Пальховскій. М. 1863. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 75 к.

ЮРИДИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДІЯ, или органическое изложеніе Науки о правѣ и государствѣ, на основаніи принциповъ этической философіи права. Д-ра г. Аренса. Перев. Съ нѣмец. М. 1863. Ц. 4 р. 50 к., съ пер. 5 р. 50 к.

ВСЕЛЕННАЯ. Разсказы изъ физической, математической и политической географіи, съ картинками и картами. Спб. 1863. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р. 25 к.

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ СИЛЪ И БОГАТСТВА ЕВРОПЕЙСКИХЪ ГОСУДАРСТВЪ. Сочиненіе М. Блока. Съ атласомъ. Спб. 1863. Ц. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р. 75 к.

ИСТОРІЯ РУССКОЙ ЦЕРКВИ, Филарета архіепископа черниговскаго. 5 частей. Черниговъ 1863. Ц. 3 р., съ пер. 4 р.

ЗООЛОГІЯ и зоологическая хрестоматія въ объемѣ среднихъ заведеній. Съ атласомъ изображеній. М. 1862. Ц. 1 р. 10 к., съ пер. 1 р. 40 к.

ИСТОРІЯ СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ. Т. Вальтера. Спб. 1863. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

ТОРЖЕСТВО ТАБАКУ. Физіологія табаку, трубки, сигаръ, папиросъ, пахитосъ и табакерки. Перев. Съ франц. Съ картинками. Спб. 1863. Ц. 50 к., съ пер. 80 к.

НЕВИННЫЕ РАЗСКАЗЫ. Н. Щедрина. Спб. 1863. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

ИСТОРІЯ польскаго возстанія и войны 1830 и 1831 годовъ. Соч. Смита Перев. съ нѣмец. В. Квентицкій. 3 тома. Спб. 1863. Ц. 6 р., съ пер. 8 р. (на 2 и 3 томы выдается билетъ).

УЧЕНІЕ о пищѣ, общепонятно-изложенное Я. Молешоттомъ. Перев. съ нѣмец. Спб. 1863. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 30 к.

РУССКАЯ стенографія, д-ра Цейбика и барона Торнау. Спб. 1863. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 30 к.

Гг. Иногородные благоволятъ адресоваться на имя А. И. Давыдова, въ Спб.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 27 августа 1863 года.

ПРОГРАММА

ИЛЛЮСТРИРОВАННАГО

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНАГО ЖУРНАЛА,

САМООБРАЗОВАНІЕ.

Журналъ этотъ выходитъ *тремя книжками однажды въ мѣсяцъ*, начиная съ 1-го мая 1863 года.

Подписная цѣна: За 4 мѣсяца, отъ 1 мая по 1 сентября 1863 г., 1 р. 75 к., съ пересылкою и доставкою на домъ 2 р. с. За 8 мѣсяцевъ, отъ 1 мая 1863 г. по 1 января 1864 г., 3 р. 50 к., съ пересылкою и доставкою на домъ 4 р. с. За 12 мѣсяцевъ, отъ 1 мая 1863 г. по 1 мая 1864 г. 5 р. 25 к., съ пересылкою и доставкою на домъ 6 р. с.

Желающіе могутъ выслать за разъ 10 р. с. за всѣ номера настоящаго и будущаго года, т. е. отъ 1 мая 1863 г. по 1 января 1865 г. (за $1^1/_2$ года).

Въ вышедшихъ *пяти* номерахъ, за май, іюнь, іюль, августъ и сентябрь заключаются, *въ книжкахъ о Племенахъ:* теорія происхожденія породъ, китайцы, тибетцы, индокитайскіе народы, монголы или татары, кореяне, японцы, тунгузы, самоѣды, финны, курильцы, камчадалы, юкагиры, коряки, чукчи, эскимосы и американцы, — *въ книжкахъ Легкаго чтенія.* Цѣль оправдываетъ средства (повѣсть), Джонъ Буль въ Японіи, Новый управитель (разсказъ), Нѣкоторыя черты для характеристики трехъ знаменитыхъ французскихъ авторовъ (біографія Бальзака, Дюма и Сю), Мароко и его жители (нравоописаніе), Донъ Карлосъ (историческая біографія), Везувій (его новая дѣятельность), Жизнь нервовъ, Секта Ансаури, Біографія Маргариты анжуйской; — *въ книжкахъ смѣси помѣщены разныя статьи. Рисунковъ во всѣхъ этихъ книжкахъ всего 70.* — Въ слѣдующихъ выпускахъ о *Племенахъ* будутъ описанія малайскихъ и кавказскихъ народовъ, а въ отдѣлахъ *Легкаго чтенія* многія интересныя поучительныя статьи. — № 6 «Самообразованія» выйдетъ къ 1-му октября.

Считая лишнимъ распространяться о пользѣ этого изданія, такъ какъ

самое названіе журнала указываетъ ясно на его цѣль, мы ограничимся краткимъ объясненіемъ началъ, на которыхъ оно основывается:

Образованіе, на сколько оно нужно въ общежитіи, пріобрѣтается слѣдующими путями:

1) Развитіемъ мыслей, бесѣдами и преимущественно чтеніемъ литературныхъ произведеній; 2) изученіемъ, по крайней мѣрѣ въ общихъ очеркахъ, тѣхъ областей естественныхъ и другихъ наукъ, которыя болѣе примѣнимы въ общежитіи; 3) большимъ или меньшимъ знакомствомъ съ движеніемъ общественной жизни (искуствомъ, науками, открытіями, изобрѣтеніями и другими улучшеніями быта).

На этихъ соображеніяхъ мы избрали для настоящаго изданія слѣдующую программу:

Первый отдѣлъ. — Литература или легкое чтеніе.

Въ этомъ отдѣлѣ будутъ помѣщены, ежемѣсячно на 5—6 листахъ убористой печати: a) отрывки изъ жизни замѣчательныхъ людей и историческихъ лицъ, со многими политипажами; b) нравоописательные разсказы, повѣсти и мелкіе романы, и c) классическія произведенія древней и новой литературы въ извлеченіяхъ. — Каждое *четырехмѣсячное* изданіе этого отдѣла (т. е. 20—24 листа) составитъ особую книгу съ подробнымъ оглавленіемъ (Первые четыре номера уже можно переплесть въ отдѣльный томъ).

Второй отдѣлъ. — Общепонятные очерки по разнымъ областямъ естественныхъ и другихъ наукъ, болѣе интересныхъ въ общежитіи (популярныя руководства).

Этотъ отдѣлъ будетъ заключать отъ 5 до 6 листовъ разныхъ статей изъ области естествознанія, изложенныхъ *удобопонятно для всѣхъ*, но въ извѣстной послѣдовательности, по отдѣльнымъ отраслямъ знанія и въ правильной системѣ, такъ что онѣ составятъ довольно полныя *популярно-научныя руководства:*—очерки животнаго царства, физическихъ явленій, свойствъ обитаемой нами земли (описаніе происходящихъ въ ней переворотовъ: волканическія явленія, землетрясенія и пр.); очерки выводовъ химіи, примѣнимыхъ къ домашнему быту, популярной астрономіи, физіологіи, общественной гигіены (народное здравіе), экономіи (народное богатство) и финансовыхъ теорій — Очерки эти будутъ изложены такъ, чтобы каждое *четырехмѣсячное изданіе* (т. е. 20 или 24 листа) этого отдѣла также составляло особое связное цѣлое, съ особымъ означеніемъ страницъ и оглавленіемъ. Въ текущемъ году этотъ отдѣлъ будетъ содержать подробное описаніе племенъ земнаго шара съ 150 изящными рисунками, во главѣ котораго изложена теорія происхожденія породъ. Затѣмъ въ этотъ отдѣлъ будутъ помѣщены выдержки изъ

описанія животнаго царства, *со многими изящными политипажами*, словомъ, популярное руководство къ зоологіи, въ которомъ главные виды животныхъ будутъ разсмотрѣны съ болѣе интересной, *физіологической* стороны ихъ жизни, и изложены въ общихъ чертахъ, такъ что и этотъ отдѣлъ составитъ нѣчто въ родѣ легкаго чтенія, не обременяющаго памяти. (Первые четыре номера уже можно переплесть въ отдѣльный томъ).

Эти два отдѣла, напечатанные на хорошей веленевой бумагѣ, со временемъ составятъ красивую домашнюю библіотеку для чтенія изъ отдѣльныхъ томовъ и послужатъ удобными и полезными источниками образованія, тѣмъ болѣе, что въ нихъ разобраны будутъ практическіе (необходимые въ жизни) вопросы, нерѣдко упускаемые въ учебникахъ.

Третій отдѣлъ. — Библіографическіе очерки, частныя объявленія, мелкія статьи и уроки.

Въ убѣжденіи, что обнародованіе и сообщеніе читателямъ о выходящихъ сочиненіяхъ и другихъ улучшеніяхъ общественнаго быта значительно способствуютъ развитію образованія, мы помѣстимъ, кромѣ мелкихъ статей *(смѣсь)*, библіографическія извѣстія съ критическимъ разборомъ выходящихъ отечественныхъ и иностранныхъ книгъ (иногда и цѣлые каталоги), *уроки для изученія иностранныхъ языковъ*, равно и объявленія всякаго рода по всѣмъ отраслямъ промышленности. Въ концѣ года къ этому отдѣлу будетъ приложенъ подробный алфавитный указатель. Объемъ этого отдѣла будетъ различный, смотря по обстоятельствамъ.

Всѣ эти три отдѣла, какъ видно изъ программы, заключаютъ отъ 10 до 12 и болѣе листовъ въ мѣсяцъ. Каждый отдѣлъ имѣетъ особую обертку, и такимъ образомъ каждый мѣсячный выпускъ состоитъ изъ *трехъ отдѣльныхъ книжекъ*.

Относительно дешевизны журнала замѣтимъ, что стоимость однихъ рисунковъ, если ихъ купить отдѣльно, почти равняется подписной цѣнѣ всего журнала.

Всѣ требованія на это изданіе редакція покорнѣйше проситъ адресовать:

Въ контору типографіи доктора М. Хана,
въ С.-Петербургѣ, въ Графскомъ переулкѣ, д. № 5.

Редакторъ и издатель М. ХАНЪ.

ВЪ КОНТОРѢ ТИПОГРАФІИ Д-РА М. ХАНА,

въ Графскомъ переулкѣ, д. № 5, можно получать слѣдующія книги (изданныя докторомъ М. Ханомъ).

ДРЕВНІЯ ИСТОРІЯ ВЕЛЬТЕРА, 28 листовъ убористой печати, переводъ съ 19-го нѣмецкаго изданія. 1 р. 25 к., съ пересылкою за 2 фунта *(принята во многихъ учебныхъ заведеніяхъ)*.

ИСТОРІЯ СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ ВЕЛЬТЕРА, 27 листовъ, переводъ съ 19-го нѣмецкаго изданія. 1 р. 25 к., съ перес. за 2 ф. *(принята во многихъ учебныхъ заведеніяхъ)*.

АНГЛІЙСКАЯ ГРАММАТИКА НУРОКА, по новѣйшимъ способамъ. 1 р. 50 к., съ перес. за 2 ф. *(Одобрена ученымъ комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, какъ руководство въ учебныхъ заведеніяхъ)*.

ОЧЕРКЪ ФИЗИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФІИ ГОДЕНІУСА. 75 к., съ пер. за 2 ф.

ПОСЛѢДНІЕ ДНИ САМОУБІЙЦЪ, 28½ л., 60 к., съ пер. 75 к.

О МИНЕРАЛЬНЫХЪ ВОДАХЪ, 34¼ л., 75 к., съ пер. 1 р. с.

О МЕДИЦИНСКОМЪ ЭЛЕКТРИЧЕСТВѢ Гольсбека, 45 л., 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

ПОПУЛЯРНАЯ АНАТОМІЯ. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

ПОПУЛЯРНАЯ ФИЗІОЛОГІЯ. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

ПОПУЛЯРНАЯ МЕДИЦИНА за 1860 г. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

— — за 1861 — 1 — 50 — — 2 —

— — за 1862 — 75 — — 1 —

ГИГІЕНА И МЕДИЦИНСКАЯ ПОЛИЦІЯ, въ двухъ томахъ, 260½ л., для врачей, чиновниковъ и всѣхъ образованныхъ людей. 7 р. 50 к., съ пер. 9 р.

СУДЕБНАЯ МЕДИЦИНА БРІАНА, для врачей, юристовъ и всѣхъ образованныхъ людей, 76 листовъ, 5 р. с., съ пер. 6 р. с.

УЧЕБНИКЪ СРАВНИТЕЛЬНОЙ ГЕОГРАФІИ ПЮТЦА, переводъ и изданіе М. Вульмеринга, 3 выпуска: *Азія* 50 к., *Африка* и *Новый свѣтъ* 50 к. *Европа* 60 к., *безъ пересылки*. За пересылку каждаго выпуска *отдѣльно* прибавляется за 2 фунта; за всѣ три выпуска *вмѣстѣ* за 4 фунта *(Принятъ во многихъ учебныхъ заведеніяхъ)*.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 4 сентября 1863 года.

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine of five cents a day is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

DUE MAY 28 48

AUG 21 '64 H

342-052